БИБЛИОТЕКА ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

ИСТОРИЯ ДИПЛОМАТИИ

ТОМ ТРЕТИЙ

ОГИЗ · ГОСПОЛИТИЗДАТ · 1945

Лучни

СОДЕРЖАНИЕ

ДИПЛОМАТИЯ В ПЕРИОД ПОДГОТОВКИ ВТОРОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

(1919—1939 гг.)

Глава одиннадцатая

ГОД ПРИЗНАНИЙ СССР (1924 г.)

(проф. *Панкратова А. М.*)

Глава двенадцатая

ЛОКАРНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ (1925 г.)

(проф. *Панкратова А. М.*)

Глава тринадцатая

НЕУДАЧА ПОЛИТИКИ «ЗАМИРЕНИЯ» ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ЛОКАРНО (1926 г.)

(проф. *Панкратова А. М.*)

Глава четырнадцатая

ПРОВАЛ ПОПЫТОК ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОГО ФРОНТА ПРОТИВ СССР (1925—1927 гг.)

(проф. *Панкратова А. М.*)

ВВЕДЕНИЕ

Конец первой мировой войны и победа в России Октябрьской социалистической революции знаменовали начало новейшего периода в истории дипломатии. Основное содержание этого периода характеризуется двумя моментами: во-первых, сосуществованием, взаимодействием и борьбой двух противоположных систем — капитализма и социализма; во-вторых, чрезвычайным обострением всех капиталистических противоречий, которое и привело человечество ко второй мировой войне.

В истории дипломатии с 1919 по 1939 г., между первой и второй мировыми войнами, достаточно отчётливо обозначаются три этапа.

Первый этап (1919—1923 гг.) характеризуется усиленной дипломатической деятельностью стран-победительниц, направленной, во-первых, на создание и укрепление версальско-вашингтонской системы послевоенных международных отношений; во-вторых, на изоляцию Советской страны в целях её скорейшего подчинения или разгрома путём вооружённой интервенции.

Второй этап (1923—1929 гг.) ознаменован был, во-первых, обострением внутренних противоречий версальско-вашингтонской системы; во-вторых, постепенным расшатыванием этой системы усилиями враждебных ей государств; в-третьих, вступлением капиталистических стран на путь дипломатического признания непрерывно крепнущей Страны Советов, которая мощью Красной Армии и искусными действиями своей дипломатии опрокинула все попытки империалистов подвергнуть её военному разгрому или окружить кордоном политической изоляции.

Третий этап (1929—1939 гг.), открывающийся наступлением экономического кризиса, связан с крушением версальско-вашингтонской системы, которая распадается под напором внутренних противоречий и под ударами агрессивных стран — Германии, Италии, Японии, объединяющихся в блок поджигателей войны. Стараясь отвести от себя угрозу столк-

новения с этим блоком, правящие реакционные круги держав-победительниц, вместо коллективного противодействия агрессорам, настойчиво предлагаемого Страною Советов, стремятся при помощи своей дипломатии разъединить их блок, привлечь на свою сторону отдельных его участников, чтобы в конце концов направить их наступление в сторону Советского государства. Эта политика «умиротворения» агрессоров, попустительства, уступок, сговора с ними и, наконец, прямого их поощрения приводит к открытому развязыванию войны, местные очаги которой — на Дальнем Востоке, в Африке, Испании, Центральной Европе — сливаются постепенно в мировой пожар.

В период 1919—1923 гг. державы Антанты, опираясь на Версальский договор, стремились закрепить свою победу над австро-германским блоком путём территориального, военного и экономического ослабления Германии и её союзников. Однако внутреннее соперничество между странами-победительницами мешало осуществлению этой задачи. Правительство Англии опасалось чрезмерного усиления своего французского союзника. Поэтому оно и не добивалось так упорно, как французы, ни точного выполнения немцами репарационных обязательств, ни действительного разоружения Германии. На этой почве развивалась дипломатическая борьба между Францией и Англией по вопросам об оккупации Рура, о Рейнской области, о выплате немцами репараций. Соединённые штаты Америки заинтересованы были в получении военных долгов со своих европейских союзников и в целости своих капиталов, размещённых в Германии. В силу этого американская дипломатия стремилась стабилизировать положение в Европе, умеряя натиск французов на Германию, грозивший новыми международными потрясениями. Со своей стороны германская дипломатия не упускала возможности использовать противоречия между державами-победительницами: она систематически уклонялась от выполнения обязательств Версальского договора, тайком сохраняла и увеличивала свои вооружённые силы, затягивала требуемые с неё платежи по репарациям. В результате страны-победительницы, которых Германия запугивала перспективой своего банкротства и угрозой якобы неизбежной большевистской революции в Европе, шли на уступки домогательствам немцев. Планом Дауэса была предусмотрена финансовая помощь Германии в форме американских и европейских кредитов, которые должны были поддержать курс германской валюты и содействовать восстановлению платёжеспособности Германии. Тот же план, ограждая торговлю держав-победительниц от немецкой конкуренции, являлся попыткой направить германский экспорт на завоевание советского рынка.

Версальский договор и связанные с ним дополнительные международные соглашения закрепляли результаты победы Ан-

танты в Европе. Новый передел мира надлежало завершить и на Дальнем Востоке. Вашингтонская конференция 1921—1922 гг. явилась попыткой установить соотношение империалистических сил на Тихом океане. Соглашения, подписанные в Вашингтоне в 1921—1922 гг., определяли размеры морских вооружений великих держав и права последних на тихоокеанские островные владения. Морскому первенству Великобритании Соединёнными штатами Америки наносился чувствительный удар. Обогатившиеся и усилившиеся в итоге первой мировой войны, США выдвигались в качестве главного соперника Англии на обоих океанах и Дальнем Востоке. Англо-американские противоречия осложнялись значительным усилением позиций империалистической Японии.

«После первой империалистической войны, — отмечал товарищ Сталин, — государства-победители, главным образом Англия, Франция и США, создали новый режим отношений между странами, послевоенный режим мира. Главными основами этого режима были на Дальнем Востоке — договор девяти держав, а в Европе — версальский и целый ряд других договоров»[1].

Ставя своей задачей охрану и закрепление версальско-вашингтонского режима, дипломатия правящих реакционных групп держав-победительниц стремилась создать такую систему международных отношений, которая предохранила бы послевоенный режим от опасных потрясений. Однако империалистическая дипломатия руководилась при этом узко понимаемыми классовыми интересами. Главную опасность она усматривала не в империалистической Германии, упорно готовившейся к реваншу; своего основного врага она видела в лице Советской страны, которая в действительности помышляла только о мире и все силы направляла на восстановление своего хозяйства на основе социализма.

На международных конференциях в Генуе и Гааге (апрель — май, июнь — июль 1922 г.) империалистическая дипломатия пыталась создать объединённый фронт против Советской страны. Но дипломатия Ленина ясно видела борьбу, происходящую в стане империалистов; учитывая эти международные противоречия, она сумела расколоть антисоветский фронт и расстроить агрессивные замыслы врагов Советской России. Рознь и неустойчивость в стане капиталистических держав вскрылись в факте заключения советско-германского соглашения в Рапалло (16 апреля 1922 г.). Встревоженная дипломатия реакционных кругов Антанты направила свои усилия на скорейшую ликвидацию рапалльского прорыва. Отсюда возникли её попытки развить наступательные действия против страны социализма.

---

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 568.

В период 1923—1929 гг., убедившись в силе и прочности Советского Союза и не будучи в состоянии без его участия восстановить нормальную хозяйственную жизнь и упрочить международные отношения, правительства капиталистических стран, одно за другим, начали вступать на путь признания СССР. К этому вынуждало их и давление общественного мнения широких демократических масс, заинтересованных в предупреждении новых войн и в восстановлении мирного международного сотрудничества. 1924 год явился годом таких признаний СССР.

Советская дипломатия не уклонялась от соглашений и сотрудничества с капиталистическими странами. В отношении буржуазных государств она проводила последовательную и твёрдую политику, ставя задачей сохранение мира и укрепление своих деловых международных связей.

«Наша внешняя политика ясна, — заявлял товарищ Сталин на XVII съезде ВКП(б). — Она есть политика сохранения мира и усиления торговых отношений со всеми странами... Кто хочет мира и добивается деловых связей с нами, тот всегда найдёт у нас поддержку» [1].

Дальнейшей попыткой закрепить послевоенный режим в Европе явились Локарнские соглашения 16 октября 1925 г. Германия вынуждена была признать неизменность своих границ, подтвердить военные статьи Версальского договора и, вместе с Францией и Бельгией, принять на себя взаимные обязательства ненападения. Однако дипломатия союзников пошла на существенные уступки в пользу Германии. Во-первых, немцы были признаны равноправными участниками Локарнских соглашений; во-вторых, союзники отказались от распространения гарантийных обязательств Локарнского договора на восточные границы Германии. Гарантами договора между Германией, Францией и Бельгией стали Англия с Италией. Таким образом, Франция, наравне с Германией, подчинялась англо-итальянскому контролю. Это было тяжёлым поражением французской дипломатии. Напротив, для английской дипломатии Локарнские соглашения явились крупной политической победой.

Самой серьёзной уступкой Германии со стороны союзников являлось то, что Локарнские соглашения предоставляли немцам свободу рук на Востоке. В этом заключалось антисоветское остриё Локарнского договора. Так с полной очевидностью вскрывалось стремление реакционных кругов держав-победительниц направить против Советской страны наступление империализма Германии.

Дипломатия реакционных кругов стран Антанты тщательно прикрывала антисоветскую сущность Локарнских соглашений.

---

[1] *Сталин,* Вопросы ленинизма, стр. 438.

Она представляла этот акт международному общественному мнению как крупнейшее достижение политики «замирения Европы». В действительности в стане держав, подписавших Локарнский пакт, неудержимо продолжали углубляться империалистические противоречия. Наперерыв друг перед другом французы и англичане стремились договориться с Германией; старались они вовлечь и Италию в орбиту своего влияния. Пользуясь этим, немцы и итальянцы всё повышали свои империалистические притязания; готовясь к насильственному переделу мира, они лихорадочно увеличивали свои вооружения. Немецкая дипломатия ставила своей ближайшей задачей скорейшую ликвидацию Версальского договора и окончательную отмену репарационных платежей. Этих целей Германия надеялась достигнуть, между прочим, своим вхождением в Лигу наций, которое и состоялось 8 сентября 1926 г. Стремясь «умиротворить» Германию, реакционные правительства стран-победительниц шли навстречу её домогательствам. Недальновидность, непонимание действительных гарантий мира в Европе, готовность приносить в жертву узко понимаемым классовым интересам правящей олигархии благо своих народов сказывались в этой гибельной политике.

12 декабря 1926 г. под воздействием английской и французской дипломатии Лига наций постановила снять с Германии военный контроль и удалить из пределов Германии международную контрольную комиссию. Отныне ничто уже не мешало германскому империализму готовиться к новой войне в целях реванша.

Чтобы усыпить тревогу народных масс и отвлечь их внимание от подготовки империалистических правительств к новым войнам, дипломатия этих правительств прибегала к методу пацифистской маскировки. Создавая нарочитую шумиху вокруг вопросов о разоружении или ограничении вооружений, а также о запрещении войны как орудия национальной политики, империалисты рассчитывали прикрыть этой демагогической агитацией свои военные приготовления. Советская дипломатия неустанно разоблачала эту маскировку. Со своей стороны она выдвигала планы действительного и всеобщего разоружения.

Эта смелая и решительная борьба советского правительства за мир содействовала неуклонному росту международного авторитета Советского Союза и укрепляла симпатии к нему со стороны широких народных масс. Однако советские проекты неизменно отклонялись дипломатией империалистических стран.

С наступлением экономического кризиса, разразившегося в конце 1929 г. и продолжавшегося до 1933 г., открывается третий этап послевоенной истории дипломатии, характеризующийся катастрофическим обострением международной обстановки. В поисках выхода из кризиса правящие реакционные круги империалистических держав усиливают деятельность, напра-

вленную против СССР, в надежде сломить страну социализма и насильственно включить её в мировой экономический оборот.

Французский план пан-Европы и клеветническая кампания против советского «демпинга» и «принудительного труда» вполне определённо ставили перед собой такую задачу. Советское правительство энергично и успешно противодействовало этой агитации. Не ограничиваясь мерами экономической самообороны, в дополнение к системе политических договоров о ненападении, заключённых им с целым рядом соседних стран, оно выдвинуло новый проект — обеспечения мирного сотрудничества государств, независимо от их внутреннего режима, путём заключения международного пакта об экономическом ненападении (20 июня 1933 г.). Но миролюбивые предложения советского правительства упорно отклонялись дипломатией империалистических государств. Между тем международный кризис приобретал всё большую остроту. Австро-германская попытка заключения таможенного союза в 1931 г. вызвала чрезвычайное напряжение политической обстановки в Европе. Под давлением стран-победительниц Германия и Австрия отказались от своего намерения. Однако вскоре же Германия постаралась взять реванш: она добилась признания со стороны международных экспертов невозможности для неё выполнения репарационных обязательств. Лозаннская конференция в июне 1932 г. фактически ликвидировала немецкие репарации. Это было серьёзным ударом, нанесённым версальской системе.

Вместо организованного противодействия Германии дипломатия союзных держав продолжала проводить политику попустительства немецким агрессивным стремлениям. О ревизии Версальского договора уже открыто ставила вопрос американская общественность. Того же угрожающе требовала и фашистская Италия. Между тем примеру европейских агрессоров следовала и Япония на Дальнем Востоке. В сентябре 1931 г. она оккупировала своими вооружёнными силами Манчжурию, открыто вступив на путь нарушения версальско-вашингтонского послевоенного режима. В конце концов японское правительство решило развязать себе руки, чтобы действовать без помехи. Оно достигло этого своим демонстративным выходом из Лиги наций 27 марта 1933 г. То было открытым разрывом со всей совокупностью международных обязательств версальско-вашингтонской системы. Вскоре на Дальнем Востоке запылал первый очаг будущей второй мировой войны.

Безнаказанность японской агрессии окрылила германских империалистов. Отбрасывая последние стеснения, они стремились к открытому низвержению версальской системы. Наиболее ярко выраженный характер эта политика Германии приобрела после захвата власти в стране фашистами в январе 1933 г. Ещё до этого Германия демонстративно покидает конферен-

цию по разоружению, заявляя, что не может примириться со своим неравноправным положением. 19 октября 1933 г. Германия, по примеру Японии, выходит из Лиги наций. Опираясь на магнатов промышленности и банков, увлекая за собой малосознательные массы фашистской демагогией, националистической агитацией и яростной проповедью военного реванша, Гитлер с упорством маньяка вёл Германию к новой войне. Для внешнего мира эта подготовка маскировалась бесстыдными заверениями немецких фашистов в их миролюбии. Стремясь углубить рознь между своими противниками, они всеми мерами противодействовали созданию единого антифашистского фронта. Для этого дипломатия Гитлера вовлекала в сепаратные переговоры о соглашениях то французов, то англичан, то Польшу и Чехословакию. Наиболее реакционные круги европейской общественности Гитлер соблазнял проповедью «крестового похода» против большевиков, изображая самого себя вождём и организатором этого движения. Опасность, которая угрожала миру со стороны фашистской Германии, была слишком очевидной. Перед этой угрозой советская дипломатия неустанно призывала к объединению миролюбивых стран в целях обеспечения коллективной безопасности.

Для подготовки такого международного сотрудничества советскими дипломатами разработано и формулировано было точное понятие агрессора, внесшее ясность в важнейший вопрос об определении нападающей стороны. Это советское определение положено было затем в основу соответствующей конвенции, предложенной и подписанной Советским Союзом со всеми сопредельными странами, а также с Чехословакией и Югославией.

Рост международного значения СССР как фактора мира и активная политика советского правительства, направленная на разоблачение лицемерного буржуазного пацифизма, на борьбу против поджигателей войны, естественно, склоняли на путь сближения с Советской страной правительства тех государств, которым внушало тревогу соседство агрессивной Германии. В этом плане намечалось сотрудничество советской дипломатии с французской. Чувствуя ослабление своих связей с Малой Антантой и с Польшей, стоя лицом к лицу с такими соседями, как гитлеровская Германия и Италия Муссолини, Франция, естественно, искала опоры. Французская дипломатия вступила в переговоры с Советским Союзом о заключении политического пакта. Так возник франко-советский проект Восточноевропейского пакта о взаимной помощи. Германия отказалась от участия в таком договоре. Немецко-фашистский агрессор не желал связывать себе руки. Угрожающая позиция Германии вынуждала сторонников мира искать сближения с Советским Союзом, чтобы заручиться его мощной поддержкой для

предупреждения новой европейской войны. Этим вызвано было решение Лиги наций 18 сентября 1934 г. о принятии СССР в состав её членов. Советское правительство не уклонилось от вхождения в Лигу наций. Оно считало, что это международное учреждение, при всех его несовершенствах, может быть использовано в качестве одного из средств борьбы за мир. Но фашистские поджигатели войны всячески старались помешать установлению такого сотрудничества миролюбивых стран. Злодейское убийство французского министра иностранных дел Барту явилось актом террора, направленного фашистами против организаторов дела коллективной безопасности.

После гибели Барту французская дипломатия, руководимая предателем Лавалем, вступает на путь прямого сговора с поджигателями войны — Гитлером и Муссолини. В том же направлении вела свою политику и дипломатия реакционных правящих групп Англии. Естественно, что это лишь поощряло агрессоров к дальнейшему наступлению. 13 марта 1935 г. правительство Германии заявило, что считает себя свободным от обязательств, запрещающих ему иметь военную авиацию. Спустя три дня в Германии был обнародован декрет о введении в стране всеобщей воинской повинности. Вслед за тем и Муссолини приступил к осуществлению своего плана захвата Абиссинии как первого шага к созданию фашистской «империи».

Угрожающий рост агрессивных стремлений Германии и Италии, а также давление демократических кругов Франции вынудили французскую дипломатию решительнее пойти на сближение с Советским Союзом. 2 мая 1935 г. в Париже был подписан франко-советский договор о взаимопомощи. 16 мая 1935 г., по примеру Франции, заключила договор о взаимопомощи с Советским Союзом и Чехословацкая республика. Заключение франко-советского договора о взаимной помощи вызвало беспокойство и раздражение в реакционных кругах английской общественности. В Англии заговорили об усилении в Европе большевистского влияния. В противовес этому влиянию требовали скорейшего сближения с Германией. 18 июня 1935 г. состоялось англо-германское морское соглашение, предоставлявшее Германии право довести мощь своего флота до 35% совокупной морской мощи Британской империи. Так капитулировала перед германским агрессором дипломатия той самой страны, которая в первую мировую войну вступила именно для того, чтобы разгромить своего опаснейшего соперника на морях — Германскую империю. Ту же позицию заняли реакционные правительства Англии и Франции и перед открытым захватом Абиссинии фашистской Италией. Лишь советская дипломатия твёрдо и смело выступила на защиту свободы и независимости Абиссинии как члена Лиги наций.

Ободряемые своей безнаказанностью, фашистские агрессоры от декларативных выступлений, аннулирующих их международные обязательства, переходили к методу прямого насилия. Так действовала Япония на Дальнем Востоке, Италия в Абиссинии, Германия в Рейнской области, Италия и Германия в Испании.

Фашистская агрессия развивалась неудержимо, идя от успеха к успеху. Это могло создать впечатление якобы неодолимой её мощи или особой одарённости её вдохновителей. На самом деле сила фашистских поджигателей войны заключалась в слабости их противников. К тому же и методы фашистской дипломатии ошеломляющим образом действовали на руководящие круги демократических стран. По существу, эти методы являлись не чем иным, как применением в международной практике приёмов самого наглого обмана, шантажа, насилия, террора. Политике международных гангстеров правительства буржуазно-демократических стран могли бы противопоставить сокрушительный отпор своих объединённых сил, на стороне которых было явное превосходство. Но империалистическое соперничество, влияние реакционных профашистских групп, нежелание или боязнь сближения с Советским Союзом в целях организации единого фронта демократических стран против поджигателей войны создавали рознь и разброд в лагере западных демократий. Политика буржуазного пацифизма, систематических уступок агрессору, невмешательства, попустительства и даже пособничества развязывала руки международным разбойникам и неминуемо вела народы к новой мировой войне.

Перед лицом розни, нерешительности, а порой и поощрения поджигателей войны со стороны англо-французских кругов Германия, Япония и Италия пришли к открытому оформлению своей коалиции. Это осуществлено было заключением так называемого антикоминтерновского пакта между Германией и Японией 25 ноября 1936 г.; 6 ноября 1937 г. к нему примкнула и фашистская Италия. Свои истинные цели поджигатели войны старались прикрыть лозунгом борьбы против коммунизма. На самом деле они рассчитывали такой маскировкой обмануть бдительность буржуазных демократий, дабы скорее развязать вторую мировую войну.

Попытки политического окружения Франции, вовлечения слабейших стран Европы в орбиту своего влияния, разрушения Малой Антанты были ближайшими этапами на этом пути фашистских агрессоров. Дальнейшими шагами в том же направлении явились: захват Австрии Германией (март 1938 г.), присоединение к Германии судетских районов Чехословакии (октябрь 1938 г.) с последующим расчленением Чехословацкой республики и, наконец, оккупация всей её территории войсками Гитлера (март 1939 г.). На фоне этих событий правящие

реакционные группы Англии и Франции особенно наглядно проявили своё малодушие, забвение действительных интересов своих народов и мира в Европе, готовность бросить в жертву фашистскому разбойнику слабейшие страны в расчёте задобрить насильника и направить его удары вместо запада на восток, против Страны Советов.

В противоположность капитулянтской позиции реакционеров Англии и Франции, изменивших своим договорным обязательствам в отношении Чехословакии и предавших её на растерзание Гитлеру, советское правительство открыто выступало против агрессивных действий фашистской Германии. Ещё до захвата немцами Чехословакии оно официально заявляло о своей готовности выполнить все обязательства советско-чехословацкого пакта о взаимной помощи против агрессора. После оккупации Чехословакии войсками Гитлера советское правительство отказалось признать законным включение Чехии в состав Германской империи. Столь смелая и независимая позиция советской дипломатии содействовала чрезвычайному укреплению политического авторитета Советского Союза и огромному росту его влияния в кругах международной общественности. Так подготовлялась почва для организации вокруг Советского Союза будущего блока свободолюбивых народов, борющегося против фашистских агрессоров.

Перед явной угрозой со стороны тройственного блока поджигателей войны реакционные правительства Англии и Франции вынуждены были, наконец, подумать о мерах самозащиты. Сперва англо-французская дипломатия попыталась добиться от советского правительства односторонних гарантий в пользу слабейших государств, которым раньше других могла угрожать германская агрессия. После неудачи этих попыток возникли переговоры англичан и французов с СССР о заключении договора против агрессора. Эти переговоры также не дали положительного результата. Виноваты в этом были реакционные группы английской и французской общественности, которые пытались всё получить от Советского Союза, не давая ему взамен ничего. Советское правительство, естественно, не могло согласиться на односторонний и неравноправный договор. Достаточно подозрительным в его глазах было уклонение англо-французской дипломатии от распространения договорных гарантий на прибалтийские страны, которые могли послужить удобнейшим плацдармом для нападения немецких фашистов на Советский Союз. Наконец, ни англичане, ни французы не соглашались на требования советского правительства обеспечить друг другу взаимную помощь в случае косвенной агрессии и одновременно с договором подписать англо-франко-советскую военную конвенцию. Естественно, возникало подозрение, что англо-французские реакционеры стараются затянуть пере-

говоры, столкнуть Советский Союз с фашистской Германией, а для Англии и Франции сохранить позицию «третьего радующегося», остающегося в стороне от советско-германского вооружённого конфликта.

В конце концов советское правительство вынуждено было прервать явно несерьёзные дипломатические переговоры с представителями Англии и Франции. С другой стороны, верное своей политике мира и делового сотрудничества со всеми государствами, оно положительно встретило предложение германского правительства о заключении соглашения о торговых кредитах, а затем и договора о ненападении.

Сорвав политические переговоры с СССР, Англия и Франция нанесли тяжкий удар делу организации единого демократического фронта против агрессоров и развязали руки немецко-фашистским разбойникам. Гитлер перешёл в открытое дипломатическое наступление против Польской республики, явно провоцируя её на вооружённый конфликт. 1 сентября 1939 г. немецко-фашистские войска уже маршировали по польской территории. Однако Гитлер ошибся в своих расчётах. Он не ожидал, что давление демократического общественного мнения и элементарный инстинкт самосохранения заставят правительства Англии и Франции вступиться за Польшу и объявить себя в состоянии войны с Германией. Не предвидел Гитлер и того, что в процессе борьбы против немецко-фашистского агрессора демократические народы Запада неминуемо придут к объединению своих сил с таким мощным оплотом мира и демократии, как Советский Союз. Сеявший ветер пожал бурю. Фашистская Германия оказалась лицом к лицу с объединённым фронтом демократических народов.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ВЕРСАЛЬСКИЙ МИР (1919 г.)

1. НАКАНУНЕ МИРНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Германский шантаж перед заключением мира

Перемирие между Антантой и германским блоком было заключено на 36 дней. Пять раз в течение этого времени Германия просила о заключении хотя бы прелиминарного мира. Антанта не соглашалась. «Ждём Вильсона», — гласил её неофициальный ответ. Дело, однако, было не в Вильсоне, — он сам не торопился и прибыл в Париж только 13 декабря 1918 г. Суть была в том, что победители не успели ещё договориться об условиях мира. Во всех больших и малых столицах 27 стран, участвовавших в борьбе против Германии, в том числе и созданных после её поражения, шла подготовительная работа. Добывали справочники по отдельным вопросам, составляли докладные записки, поручали историкам и экономистам рыться в старых договорах и других дипломатических документах в поисках обоснования того или иного притязания. Румыния пыталась установить единую линию поведения с Чехословакией, Югославией и Грецией. Париж и Лондон непрерывно совещались. Между обеими столицами сновали дипломатические курьеры. В Лондон съехались премьеры и министры иностранных дел Франции и Италии. Многие пункты предстоящего мирного договора вызывали серьёзные разногласия. Всплывали наружу секретные соглашения, изменявшие сложившуюся обстановку, а это в свою очередь требовало внесения поправок в предполагаемый договор.

Больше других волновал Англию и Францию вопрос о наследстве Турции, поделённом соглашением Сайкс — Пико в мае 1916 г. Как известно, Италия, узнав о секретном соглашении, всполошилась и в течение года настойчиво требовала допустить её к этому дележу. В апреле 1917 г. Ллойд Джордж, нуждаясь в помощи итальянцев на Ближнем Востоке, предложил уступить им Смирну и часть других турецких территорий. В Сен-Жан-де-Мориенн англичане и французы согласились на передачу Смирны итальянцам. Тем, однако, это показалось недо-

статочным. Они претендовали на дополнительные территории, населённые греками и турками. Переговоры снова затянулись до августа 1917 г. Наконец, условились, что договор получит силу только с согласия России. Но Временное правительство было свергнуто в октябре 1917 г. Возник вопрос о том, обязательно ли обещание, данное итальянцам. Переговоры затянулись ещё на год и возобновились после поражения Германии. В декабре 1918 г. Клемансо приехал в Лондон, чтобы добиться отмены соглашения, заключённого в Сен-Жан-де-Мориенн, и настоять на предоставлении Франции Киликии и Сирии, занятой войсками Англии. Ллойд Джордж пошёл навстречу Клемансо, но в свою очередь потребовал для Англии в качестве компенсации Мосул, а также Палестину. Секретные переговоры шли 2 и 3 декабря. Франция колебалась. Италия требовала обещанную Смирну. Положение всё осложнялось.

Союз между странами-победительницами был заключён по принципу: «вместе бить, врозь итти». После войны пути союзников расходились всё дальше и дальше. Этим прежде всего пользовалась Германия.

Долгое время историки дипломатии, загипнотизированные торжеством Антанты, неправильно оценивали поведение послевоенной Германии. Об этом позаботились и сами немцы, изображавшие Германию как несчастную жертву версальского «диктата». Постарались и те сторонники Антанты, которые не согласны были с условиями мира. Так или иначе, но империалистическую Германию изображали чуть ли не кроткой овечкой, безропотно подставлявшей шею под нож. На деле то был раненый хищник, с рычанием зализывавший раны и зорко следивший за своими врагами, выжидая, нельзя ли снова ринуться в бой. В декабре 1918 г. верховному командованию Германии удалось отвести всю армию за Рейн. Ни одна её часть не попала в плен. Правящие круги в Германии вздохнули с облегчением: план сохранения армии казался выполненным. Правда, армия была уже не прежней: она быстро поддавалась влиянию революции. Но пока можно ещё было пугать победителей тем, что армия сохранена и, в случае нужды, сумеет продолжать сопротивление. Часть войск стояла под Берлином, где поднимались волны революции. Правительство требовало разоружения армии прежде, чем она войдёт в Берлин, но верховное командование настаивало на разоружении рабочих. С ведома, а чаще и по прямому указанию верховного командования Германия покрылась сетью различных добровольческих формирований, из которых вышли впоследствии кадры фашистской партии. Тут были отряды добровольцев Росбаха, Лютцова, Эппа, бригада Эрхардта, «Балтийская оборона» и т. д. Все эти формирования готовились для подавления революции в Германии. Тайно и наверняка подготовляя разгром народного движения,

германские империалисты в то же время спекулировали революцией, угрожая странам Антанты, что движение может переброситься и к ним. Пользуясь этим шантажем и зная о разногласиях в среде Антанты, германские империалисты начали саботировать выполнение условий Компьенского перемирия. Они задерживали отправку французских пленных, не возвращали награбленных ценностей, всячески тормозили сдачу подводных лодок и бронированных крейсеров. Мало того, Германия продолжала закладывать новые подводные лодки, хотя по условиям перемирия должна была сдать весь свой подводный флот. Всего на немецких верфях строилось 64 лодки. Германия срывала план поставки локомотивов и вагонов, а в числе сданных ею паровозов было много неисправных.

«Я думаю, — признавался Гофман, — что пока Антанта не имеет никакого представления, что́ делается у нас, иначе она давно потребовала бы, чтобы мы прекратили плутовать. Антанта всё ещё полагает, что у нас сохранилась крепкая армия и что мы играем с ними комедию»[1].

Продление перемирия

Между тем срок перемирия истекал. От Антанты пришло требование прислать уполномоченных для продления перемирия. Нота была направлена в адрес верховного командования Германии. Немецкая военщина воспользовалась этим, чтобы злорадно подчеркнуть, что Антанта не считается с берлинским правительством. На предварительном совещании с германской делегацией Гинденбург предлагал при продлении перемирия добиваться следующих условий: предмостные укрепления и нейтральная зона на правом берегу Рейна уничтожаются; граница проходит по Рейну, причём между Германией и оккупированными областями сохраняется свобода сообщений; оккупационная армия должна быть сокращена и блокада снята.

12 и 13 декабря в Трире германская делегация вела переговоры с Фошем. На протесты маршала по поводу затягивания выполнения условий перемирия Эрцбергер заявил, что срок был дан слишком короткий, что и сами союзники со своей стороны не выполнили обещания дать Германии продовольствие. Фош пропустил это возражение мимо ушей. Тогда Эрцбергер указал на опасность революции: армия и страна находятся в состоянии опасного брожения, возможен переворот. Это Фош принял к сведению. Трирским соглашением перемирие было продлено ещё на один месяц, до 13 января 1919 г. В качестве новой гарантии союзники оставляли за собой право занять нейтральную зону на правом берегу Рейна, к северу от кёльнского предмостного укрепления и до голландской границы. Об оккупации должно последовать уведомление за шесть дней.

---

[1] *Гофман*, Записки и дневники, перев. с нем., Л. 1929, стр. 262.

Тут же союзники выговорили себе свободный проход через Данциг и Вислу. В Данциг предполагалось выслать польскую армию под командованием генерала Галлера, которая формировалась во Франции. Союзники подготовляли плацдарм для борьбы поляков с большевиками, но немцы хотели взять это на себя; тайно от союзников они сами вели переговоры с поляками. Вот что писал Гофман о планах германских империалистов: «У нас были очень интересные переговоры с поляками. Они предлагают удержать Вильно против большевиков, если мы разрешим им провести войска из Варшавы в Вильно. Я всецело за это, так как наши войска не желают больше сражаться. Как решит правительство, я ещё не знаю» [1].

Месячного продления перемирия оказалось опять недостаточно; и к этому сроку союзники не закончили предварительных переговоров. К тому же Франция и не спешила, ибо заключение мира вынудило бы Фоша демобилизовать армию, а перемирие позволяло держать солдат под ружьём. Понадобилось новое продление, тем более что в Германии ширилось революционное движение; Эрцбергеру в Берлине пришлось ехать на вокзал окольным путём, так как в районе станции шли уличные бои. 14 января 1919 г. в Касселе правительственная делегация встретилась с германским верховным командованием. Обсуждали линию поведения. Решили предложить союзникам общий фронт против большевиков в обмен за уступки на Западе. Немцы готовы были впустить войска Антанты в Берлин, если там победит пролетарская революция. «Если они, вопреки всему, — писал Гофман о спартаковцах, — захватят власть, Берлин займёт Антанта. Такие перспективы не очень отрадны, но всё же это некоторая страховка» [2].

Отдать Берлин национальным врагам, только не своему народу, — такова была позиция господствующих кругов Германии.

Во время переговоров о продлении перемирия Фош потребовал в качестве штрафа за недоставленные локомотивы и вагоны присылки 58 тысяч сельскохозяйственных машин. Кроме того, маршал настаивал на подчинении русских военнопленных, находящихся в Германии, комиссии союзников, немедленном возвращении всего увезённого Германией из Северной Франции и Бельгии имущества и предоставлении немецкого торгового флота в распоряжение союзников для подвоза продовольствия Германии и другим странам Европы. На ответ немцам дано было 24 часа.

Эрцбергер просил увеличить срок; он возражал против всех пунктов. Маршал оставался неумолим. Эрцбергер снова

---

[1] *Гофман*, Записки и дневники, стр. 262.
[2] Там же.

воспользовался уже испытанным средством: германские уполномоченные пробовали пугать союзников угрозой революции и настойчиво предлагали свои услуги для борьбы с большевизмом. Из Германии тем временем поступили сведения, что армия вошла в Берлин и приступила к разоружению рабочих. Началась расправа. Как только Эрцбергер получил сообщение об умерщвлении Карла Либкнехта и Розы Люксембург, он поспешил к маршалу Фошу. «Я отправился в 11 часов к маршалу Фошу на вокзал, — рассказывает Эрцбергер в своих мемуарах, — где сообщил противникам только что полученное известие об убийстве Либкнехта и Розы Люксембург. Это сообщение произвело на всех присутствующих глубокое впечатление. Я тотчас заявил, что выдача сельскохозяйственного материала до 1 марта 1919 г. невыполнима: она разрушила бы немецкое сельское хозяйство и сделала бы невозможной будущую жатву» [1].

Фош, настаивавший первоначально на том, чтобы 50% машин было доставлено немедленно, сбавил две трети этого количества и согласился назначить конечным сроком выдачи 1 мая, и то лишь «в принципе». Так германская дипломатия обменяла кровь Либкнехта на машины.

16 января перемирие было продлено опять на один месяц, до 17 февраля 1919 г. Требования Фоша были приняты: немцы согласились предоставить весь свой торговый флот в распоряжение союзников для обеспечения Германии продовольствием. При этом германская делегация согласилась на смену немецкого экипажа — «постановление, принятое в защиту от большевизма», как признавался Эрцбергер.

Программа держав на мирной конференции

Условия перемирия в известной мере предопределяли и условия мира. Эти условия в основном были подготовлены давно. Они подвергались только постоянным изменениям в связи с новым соотношением сил. Французские империалисты мечтали о расчленении Германии. Им очень хотелось отбросить Германию назад, к тому положению, какое она занимала до Франкфуртского мира. Недаром сам Клемансо в речах и репликах постоянно возвращался к Франкфуртскому миру, не без злорадства напоминая, что он в своё время отказался его подписать. Но наиболее агрессивные элементы во Франции требовали Германии, перекроенной по образцу Вестфальского мира 1648 г.

Каковы были истинные намерения Франции, можно судить по тайному соглашению, заключённому Францией с царской Россией в феврале 1917 г., буквально накануне свержения

[1] *Эрцбергер,* Германия и Антанта. Мемуары, перев. с нем., Гиз, М.—Л. 1923, стр. 325.

царизма. Россия соглашалась на французский план установления границ с Германией при условии, если Франция удовлетворит стремление царской России получить Константинополь и проливы и признает за Россией полную свободу в установлении её западных границ. По этому тайному соглашению Франция получала Эльзас-Лотарингию и весь углепромышленный бассейн долины реки Саар. Граница Германии проходила по Рейну. Германские территории, расположенные по левому берегу Рейна, отделялись от Германии и составляли автономные и нейтральные государства. Франция занимала эти государства своими войсками до тех пор, пока Германия окончательно не удовлетворит всех условий и гарантий, которые включены будут в мирный договор. В завуалированной форме это была едва ли не вечная оккупация, ибо всегда можно было найти доказательство, что Германия «не окончательно» удовлетворила все условия.

В своё время опубликование большевиками этого секретного соглашения вызвало переполох во всём мире. Английский министр иностранных дел Бальфур 19 декабря 1917 г. заявил официально в Палате общин: «Мы никогда не давали своего согласия на это дело... Никогда мы не желали этого, никогда не покровительствовали этой идее» [1].

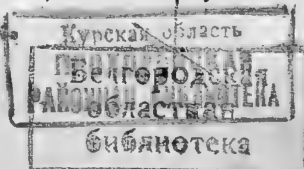
Французская пресса с возмущением писала, что всё это выдумки. Но граница по Рейну всегда в том или ином виде оставалась требованием французских империалистов. На ней настаивали прежде всего французские генералы. Всю Англию обошло интервью маршала Фоша, данное им корреспонденту «Times» 19 апреля 1919 г. Ударяя карандашом по карте французско-германской границы, маршал Фош говорил: «Здесь нет никаких естественных преград вдоль всей границы. Неужели здесь мы должны будем удерживать немцев, если они снова нападут на нас? Нет! Здесь! Здесь! Здесь!» [2].

И маршал несколько раз прочертил карандашом по Рейну.

Граница по Рейну сама по себе ещё не определяла всей программы Франции. Насчитывая всего 40 миллионов населения, притом почти не увеличивавшегося, Франция боялась даже обезоруженной Германии с её 70 миллионами непрерывно умножающегося населения. Французские стратеги хотели создать по ту сторону Германии блок стран, которые заменили бы прежнего союзника — царскую Россию. Восстановленные Польша и Чехословакия, усиленные Румыния и Югославия должны были составить цепь союзников Франции по ту сторону Германии и вместе с тем барьер между Германией и Советской Россией.

[1] *Бекер*, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, перев. с англ., М. 1923, стр. 91.

[2] *Ллойд Джордж*, Европейский хаос, перев. с англ., М.—Л. 1924, стр. 35.



С помощью огромной контрибуции, лишь ради приличия названной репарациями, французские империалисты надеялись подорвать экономическую мощь Германии. Колонии Франции расширялись за счёт Германии в Африке и за счёт Турции в Малой Азии.

Выполнение этого плана, — т. е. господство над Центральной и известной частью Восточной Европы, проникновение на Балканы, твёрдые позиции в Африке и на Ближнем Востоке, — делало Францию гегемоном Европы. Это предстояло закрепить на мирной конференции. «...Этот мирный договор, как и все другие, является и не может не быть лишь продолжением войны» [1], — недаром писал Клемансо в предисловии к книге Тардье, своего ближайшего советника и члена французской делегации на Парижской конференции.

Выполнение программы Франции выпало на долю беспощадного человека, который как-то сказал, что «20 миллионов немцев являются излишними». За долгие годы политической борьбы Клемансо приобрёл огромный опыт. «Сокрушитель министерств», «тигр» — таковы были клички Клемансо, которому удалось ловкими маневрами опрокинуть несколько министерских кабинетов.

Позиция французской дипломатии на конференции была довольно сильной: за её спиной стояла огромная континентальная армия; маршал Фош диктовал Германии условия перемирия и многого уже добился.

Но даже и такому опытному и непреклонному политику, как Клемансо, было трудно проводить на конференции свою программу. Приходилось лавировать, отступать, выдвигать туманные формулировки, сталкивать лбами своих соперников. Мир превращался не столько в «продолжение войны» с Германией, сколько в борьбу недавних союзников.

Англия, интересы которой представлял Ллойд Джордж, добившись сокрушения Германии, хотела на конференции закрепить мирным договором то, что было добыто силой оружия. Морское превосходство Англии определяло её позицию на конференции. Германия как морская держава перестала существовать. Правда, флот её не был разбит в бою, но значительная его часть стояла в английской гавани Скапа-Флоу. Колонии Германии в большей части перешли к Англии. В её же руках находились Месопотамия, Аравия и Палестина, отнятые английской армией у Турции. Превосходство Англии подкреплялось союзом с Японией. Опираясь на Японию, Англия могла противостоять США. С другой стороны, для борьбы с непомерно возросшими претензиями Франции в Европе ей можно было опираться на те же США, которые также возражали против расчле-

---

[1] *André Tardieu*, La paix, Paris 1921, p. XIX.

нения Германии по примеру Вестфальского мира. Проникновение Франции на Балканы Англия могла нейтрализовать, поддержав против Франции Италию и, с другой стороны, организовав балканские страны против той же Франции.

Слабым местом в плане Ллойд Джорджа было отношение к Германии. Возражая против расчленения Германии, Ллойд Джордж думал в то время использовать её против Советской страны. А это требовало сохранения Германии как военной державы, создавая тем самым возможность для Германии, собравшись с силами, вновь выступить против той же Англии.

Положение Америки в кругу мировых держав резко изменилось в конце войны. Из страны-должника США превратились в страну-кредитора, которой Европа задолжала около 10 миллиардов долларов. Обеспечить получение долгов нельзя было, не вмешиваясь в европейские дела. Приходилось окончательно отказаться от прежней позиции невмешательства — и президент США впервые в истории страны покинул пределы родины, отбыв на старый континент, в Европу.

Тогдашних руководителей Америки пугало морское могущество Англии. «Уничтожение германского военного флота, — признаёт Бекер, написавший книгу о Вильсоне, — давало британцам беспримерный в истории перевес над всеми державами... Морское могущество Англии увеличилось ещё в большей степени благодаря союзу между Британией и Японией, третьей великой державой мира» [1].

Считая возможность конфликта между Великобританией и США маловероятной — «правда, не вследствие чувства взаимной симпатии», а потому, что обе державы обладали избытком территории на земном шаре, — Бекер заключает: «Тем не менее морское превосходство Англии было важным моментом, определившим её поведение на мирной конференции» [2].

Сам Вильсон поддерживал положение, что американский флот должен быть таким, чтобы он мог поспорить с любым флотом мира. «Ни одному флоту в мире, — говорил Вильсон 3 февраля 1916 г. в Сен-Луи, — не приходится защищать так далеко растянувшуюся область, как американскому флоту; поэтому он должен, по моему мнению, превосходить все прочие флоты мира своей активностью» [3].

В целях ослабления Англии и Японии США добивались расторжения англо-японского союза. С другой стороны, можно было затруднить положение Англии в Европе, не допустив полного разгрома Германии. В этом вопросе США и Англия играли одной и той же картой. Но Ллойд Джордж

[1] *Бекер*, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 396.
[2] Там же.
[3] Там же, стр. 401.

ставил её против Франции и России, а Вильсон — против Англии и Советской страны.

В позиции США также были свои сильные стороны. Формально мирный договор строился на основе 14 пунктов Вильсона, — по крайней мере обе враждующие коалиции официально об этом заявили. Взоры всего мира прикованы были к Вильсону. Все видели в нём спасителя. В Европе Вильсону устраивали головокружительные встречи. В Париже его принимали восторженнее, чем Фоша, превознесённого как национального героя. Вся пацифистская пресса мира поддерживала веру в спасительную миссию президента. «Вильсон, не сдавайся!» — с таким лозунгом во всю страницу выходила лейбористская газета, противопоставляя поборников «новой дипломатии» дипломатам старой школы.

Вильсон в общем умело и настойчиво использовал сильные позиции США и добился на конференции ряда серьёзных успехов, несмотря на то, что встретил в лице Клемансо и Ллойд Джорджа весьма опытных дипломатических соперников. Они не могли простить ему свои неудачи; поэтому в отместку они и характеризовали его как деятеля, совершенно не искушённого в вопросах дипломатии и к тому же наивно вообразившего, что он действительно призван спасти мир. «Я думаю, — так писал о Вильсоне Ллойд Джордж, — что идеалистически настроенный президент действительно смотрел на себя, как на миссионера, призванием которого было спасение бедных европейских язычников... Особенно поразителен был взрыв его чувств, когда, говоря о Лиге наций, он стал объяснять неудачи христианства в достижении высоких идеалов. „Почему, — спрашивал он, — Иисус Христос не добился того, чтобы мир уверовал в его учение? Потому что он проповедывал лишь идеалы, а не указывал практического пути для их достижения. Я же предлагаю практическую схему, чтобы довести до конца стремления Христа". Клемансо молча раскрыл широко свои тёмные глаза и оглядел присутствующих»[1].

К числу дипломатических успехов Вильсона следует отнести, в первую очередь, заключение перемирия на основе 14 пунктов, внесение устава Лиги наций в мирный договор, отказ Италии в её притязаниях. Но у дипломатии президента были и свои слабые стороны. Прежде всего Вильсон не имел большинства в Конгрессе: на последних президентских выборах в ноябре 1918 г. демократическая партия, лидером которой он был, потерпела поражение, поэтому ему приходилось всё время оглядываться на оппозицию. Во-вторых, уязвимой сто-

[1] *David Lloyd George*, The Truth about the Peace Treaties, v. I, p. 223—225.

роной Вильсона было его стремление не допустить полного разгрома Германии, что фактически означало сохранение для неё экономических и политических возможностей готовиться к новой войне. Наконец, крайне слабым местом дипломатии Вильсона было отношение к Советской России. В пункте 6 своих 14 условий мира Вильсон настаивал на таком разрешении вопросов, касавшихся России, которое гарантировало бы ей «полную и беспрепятственную возможность принять независимое решение относительно её собственного политического развития и её национальной политики». Но когда от этой пышной декламации Вильсон перешёл к практическим вопросам, то этот пункт превратился в программу расчленения России. В официальном американском комментарии к 14 пунктам, составленном полковником Хаузом (членом делегации США на Парижской конференции и личным другом Вильсона), а затем утверждённом президентом, 6-й пункт расшифровывался следующим образом:

«Основной вопрос заключается в том, следует ли считать русскую территорию равнозначащей территории, принадлежавшей ранее Российской империи. Ясно, что это не так, потому что пункт 13-й предполагает создание независимой Польши, — условие, которое исключает восстановление территории империи. То, что признано правильным для поляков, разумеется, должно быть так же признано и для финнов, литовцев, латышей, а, возможно, также для украинцев».

На этом расчленение России не заканчивается. Американская дипломатия предлагала рассматривать Кавказ «как часть проблемы Турецкой империи». Туркестанские республики рекомендовалось передать в качестве подмандатной территории какой-нибудь великой державе. Вильсон позаботился даже о Великороссии и Сибири. «Мирная конференция, — говорилось в официальном комментарии Хауза, — может потребовать создания правительства, достаточно правомочного, чтобы говорить от имени этих территорий» [1].

Хотя Италия на мирной конференции и числилась в группе великих держав, но после поражения у Капоретто с ней никто не считался. Верная своему характеру международного «шакала», Италия вертелась вокруг стола великих держав, выжидая куска добычи, который наметила себе в награду за измену Тройственному союзу. Поддерживая требования то одной, то другой великой державы, Италия переходила от угодливости к угрозам; она даже покинула было мирную конференцию, чего, кстати, и не заметили, как не обратили внимания и на её конфузливое возвращение в зал заседаний. Лишь в одном вопросе её представители — премьер-министр Орландо

[1] «The Intimate Papers of colonel House», v. IV, p. 202—204.

и министр иностранных дел Соннино — не меняли своей позиции и до того, как, уходя, хлопнули дверью, и после того, как украдкой прошмыгнули обратно в ту же дверь: Италия всё время настаивала на интервенции против Советской России.

Япония была представлена Сайондзи, Макино и другими делегатами, которых прозвали «молчаливыми партнёрами», — так редко приходилось им выступать. В спорных вопросах, касавшихся Европы и Африки, они не выдвигали своих претензий, а систематически поддерживали Англию и США, надеясь на соответствующие компенсации в вопросах тихоокеанских. В этих случаях их молчаливость сменялась неудержимым многословием. Оставаясь в стороне в американско-европейском конфликте и, тем не менее, всячески его углубляя, японские дипломаты под шум общей перепалки добивались захвата азиатского материка.

Что касается остальных стран, участвовавших на мирной конференции, то они самостоятельной роли не играли, а если и выступали, то лишь в роли свиты или клиентов великих держав.

Противоречия между странами не могли не прорваться на мирной конференции. Это было ясно для всех. Не случайно Бальфур перед Парижской конференцией обронил: «Повидимому, мирная конференция превратится в несколько беспокойное и бурное предприятие»[1].

2. ПАРИЖСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ (18 января — 28 июня 1919 г.)

Организация конференции

Всего на конференцию съехалось более тысячи делегатов. Их сопровождало огромное число сотрудников: учёные эксперты — историки, юристы, статистики, экономисты, геологи, географы и т. п., — переводчики, секретари, стенографистки, машинистки и даже солдаты. Вильсон привёз с собой охрану из Америки, так же как и Ллойд Джордж из Лондона. Число сотрудников, обслуживавших делегацию, у американцев достигало 1 300. Содержание американской миссии обошлось в 1,5 миллиона долларов. Одних журналистов, официально зарегистрированных на конференции, было более 150, не считая бесконечного количества репортёров и интервьюеров, кружившихся вокруг отелей, занятых делегациями.

Кроме официальных делегатов, на мирную конференцию в Париж прибыли представители ряда колониальных стран, малых держав, вновь созданных государств, общественных организаций. Шумный Париж, достаточно привыкший к большому

[1] *Бекер,* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 122.

наплыву приезжих, и тот жил несколько месяцев интересами мирной конференции.

12 января на Кэ д'Орсэ состоялось первое деловое совещание премьер-министров, министров иностранных дел и полномочных делегатов пяти главных держав. Председательствующий французский министр иностранных дел Пишон предложил присутствующим обсудить порядок работ конференции.

Сразу возник вопрос о языке конференции, протоколов и будущих текстов мирного договора. Клемансо заявил, что до сих пор все дипломаты пользовались французским языком; нет никаких оснований менять этот обычай, особенно если вспомнить, «что́ пережила Франция». Ллойд Джордж предложил пользоваться также и английским языком, потому что полмира говорит на этом языке; надо принять к тому же во внимание, что США выступают в Европе впервые на дипломатическом поприще. Итальянский министр иностранных дел Соннино, кстати безукоризненно владевший французским языком, заявил, что французское предложение наносит оскорбление Италии. Раз принимается во внимание, что́ пережила Франция, то не следует забывать, что Италия выставила на фронт от 4 до 5 миллионов солдат, говорил Соннино, настаивая на допущении итальянского языка. «Плохое начало для будущего союза наций», — сердито проворчал Клемансо. В конце концов признали стандартными языками английский и французский.

Уладив вопрос о языке, приступили к обсуждению регламента конференции. Это представляло большие трудности, ибо все 27 наций настаивали на своём участии в прениях, совещаниях и решениях. Искали прецедентов в истории, вспоминали про организацию Венского конгресса, обсуждали, нельзя ли принять за образец его «комиссию четырёх» или «восьми» и т. д.

Клемансо настаивал на том, чтобы в первую очередь во внимание принимались мнения великих держав.

«Я до сих пор постоянно держался того мнения, что между нами существует соглашение, — говорил Клемансо, — в силу которого пять великих держав сами разрешают важные вопросы прежде, чем входят в зал заседаний конференции.

В случае новой войны Германия бросит все свои армии не на Кубу или Гондурас, а на Францию; Франция будет снова отвечать. Поэтому я требую, чтобы мы держались принятого предложения; оно сводится к тому, чтобы происходили совещания представителей пяти названных великих держав и, таким образом, достигалось разрешение важных вопросов. Обсуждение второстепенных вопросов должно быть до заседания конференции предоставлено комиссиям и комитетам» [1].

[1] *Бекер*, Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 204—205.

С другой стороны, английские доминионы требовали, чтобы их рассматривали как самостоятельные государства. «Мы имеем такое же значение, как Португалия», — говорили делегаты Канады. Вильсон возражал против обсуждения вопросов в тесном кругу. Англия не выступала против предложения Клемансо, но настаивала на предоставлении возможности и малым нациям принять участие в работах конференции.

После продолжительного обсуждения приняли французский проект, составленный Бертело. Все представленные на конференции страны были поделены на четыре категории. В первую входили воюющие державы, «имеющие интересы общего характера», — США, Британская империя, Франция, Италия и Япония. Эти страны будут участвовать во всех собраниях и комиссиях. Вторая категория — воюющие державы, «имеющие интересы частного характера», — Бельгия, Бразилия, британские доминионы и Индия, Греция, Гватемала, Гаити, Геджас, Гондурас, Китай, Куба, Либерия, Никарагуа, Панама, Польша, Португалия, Румыния, Сербия, Сиам, Чехословацкая республика. Они будут участвовать в тех заседаниях, на которых обсуждаются вопросы, их касающиеся. В третью категорию входят державы, находящиеся в состоянии разрыва дипломатических отношений с германским блоком, — Эквадор, Перу, Боливия и Уругвай. Их делегации участвуют в заседаниях, если будут обсуждаться вопросы, их касающиеся. Наконец, четвёртую категорию составляют нейтральные державы и государства, находящиеся в процессе образования. Они могут выступать или устно, или письменно, в тех случаях, когда будут приглашаться одной из пяти главных держав, имеющих интересы общего характера, и только на заседания, посвящённые специально рассмотрению вопросов, прямо их касающихся. Притом, подчёркивал регламент, «лишь постольку, поскольку эти вопросы затронуты». Ни Германия, ни её союзники в регламенте не упоминались.

Представительство между странами было распределено следующим образом: США, Британская империя, Франция, Италия и Япония послали на мирную конференцию по 5 полномочных делегатов; Бельгия, Бразилия и Сербия — по 3; Китай, Греция, Геджас, Польша, Португалия, Румыния, Сиам и Чехословацкая республика — по 2; британские доминионы (Австралия, Канада, Южная Африка) и Индию представляли по 2 делегата, Новую Зеландию — один делегат. Все остальные страны получили право послать по одному делегату. Особо было оговорено, что «условия представительства России будут установлены конференцией, когда будут рассмотрены дела, касающиеся России».

По регламенту мирную конференцию должен был открыть президент Французской республики. Вслед за тем временно

должен был председательствовать глава французского Совета министров. Для редактирования протоколов был создан секретариат — по одному представителю от каждой из пяти главных стран. Далее, было тщательно предусмотрено ведение протоколов, хранение документов, кто и как имеет право представлять петиции. Но впоследствии вся эта тщательная регламентация оказалась нарушенной. Одно совещание следовало за другим. Скоро все запутались в том, какое совещание является официальным, а где — частная встреча. Вряд ли можно назвать в истории дипломатии ещё одну такую беспорядочную конференцию, как Парижская: важнейшие её совещания остались совершенно без протоколов и даже без секретарских записей. Когда занятому по горло в этих бесконечных совещаниях Клемансо сказали об этом, он пробормотал: «К чорту протоколы...».

В сущности, деление стран на категории и распределение мандатов между странами уже предопределяли характер работы конференции. Первоначально всё было сконцентрировано в Совете десяти, состоявшем из премьер-министров и министров иностранных дел пяти великих держав. То были: от США — президент Вильсон и статс-секретарь Лансинг, от Франции — премьер-министр Клемансо и министр иностранных дел Пишон, от Англии — премьер-министр Ллойд Джордж и министр иностранных дел Бальфур, от Италии — премьер-министр Орландо и министр иностранных дел барон Соннино, от Японии — барон Макино и виконт Шинда. Остальные полномочные делегаты конференции присутствовали лишь на пленарных заседаниях конференции, которых почти за полгода её работы было всего семь.

Регламент был утверждён. Собирались уже закрыть собрание, как вдруг слова потребовал маршал Фош. Не считаясь с тем, что совещание было довольно многочисленным, Фош открыто предложил организовать поход против большевиков. В руках маршала было сообщение Падеревского о занятии большевиками Вильно. Маршал настаивал на переброске войск в район Данциг — Торн: этим и объясняется, почему Фош, обсуждая продление перемирия с Германией, потребовал пропуска войск через Данциг. Ядром войск, предназначенных для экспедиции, должны были являться армии США. «Они обнаруживают ещё величайшую бодрость», — объяснял своё предложение Фош. Предложение маршала преследовало тройкую цель: оно оказывало помощь французскому союзнику — Польше, с другой стороны, связывало США с интересами Франции и, наконец, уводило американские войска из Франции.

Вильсон непрочь был реализовать свой план борьбы с большевиками, но в таком виде предложение маршала его не устраивало. Президент высказался против идеи маршала. Ллойд Джордж также отказался обсуждать это предложение. При таких условиях Клемансо ничего не оставалось, как отказаться

от плана маршала, а Пишон даже внёс предложение, «чтобы собрания продолжались без участия военных, которые должны удалиться» [1].

Открытие конференции

Конференция, которой предстояло предъявить мирный договор Германии, открылась в тот же самый день, 18 января, и в том же зеркальном зале Версаля, где 48 лет тому назад было провозглашено создание Германской империи. В большой речи при открытии собрания президент Пуанкаре потребовал санкций против виновников войны и гарантий против новой агрессии. Напомнив, что в зале заседания в своё время была провозглашена Германская империя, захватившая при этом две французские провинции, Пуанкаре говорил:

«По вине своих основателей она была порочна в самом своём происхождении. Она хранила в себе зародыш смерти. Рождённая в несправедливости, она закончила своё существование в бесчестии» [2].

Атака была направлена, можно сказать, прямо в лоб: Франция в лице Пуанкаре сразу выдвинула программу расчленения Германии. Но другие делегаты больших стран не поддержали французской позиции: у них имелись свои планы. Вильсон рекомендовал рассмотреть сначала вопрос о Лиге наций. Он внёс своё предложение ещё после заседания Совета десяти от 12 января. Несколько раз потом Вильсон возвращался к Лиге наций. Остальные участники Совета десяти колебались. Они боялись, что принятие устава Лиги наций может затруднить последующее решение территориальных и финансовых проблем. Так до пленума и не решили вопроса о Лиге наций.

Пленум мирной конференции утвердил регламент работ, избрал Клемансо президентом, а Лансинга, Ллойд Джорджа, Орландо и Сайондзи — вице-президентами конференции.

Четыре дня после пленума шли длительные дискуссии в Совете десяти. Вильсон настаивал на том, что устав Лиги наций и мирный договор должны составлять единое и неразрывное целое, обязательное для всех. Ллойд Джордж соглашался лишь на включение устава Лиги наций в мирный договор. Французы предлагали не связывать Лигу наций с мирным договором. В английском предложении в замаскированной форме, а во французском более явно Лига наций так или иначе отделялась от мирного договора. Наконец, решили передать вопрос о Лиге наций особой комиссии. Передачей вопроса о Лиге наций в комиссию дипломаты Франции и Англии надеялись надолго снять его с повестки дня. Мало того, комиссию постарались сделать как можно более громоздкой, чтобы затянуть

---

[1] *Новак,* Версаль, стр. 40.
[2] «Le Monde Diplomatique et Economique», Juin, 1919, № 2, p. 6.

её работу. Французы и англичане предложили включить в состав комиссии представителей малых наций. Напрасно Вильсон настаивал на создании небольшой комиссии. В ответ Ллойд Джордж твердил: раз Лига наций должна стать щитом малых народов, надо допустить их в комиссию. Клемансо уверял, что великие державы докажут свою готовность сотрудничать с малыми нациями, если откроют им двери комиссии. Так настойчиво включали в комиссию представителей малых народов, которых столь пренебрежительно не допускали к действительной работе мирной конференции.

Вильсон понимал, что работу комиссии хотят всячески затруднить, и со своей стороны сделал дипломатический ход. Президент заявил, что берёт на себя председательствование в комиссии. Она была названа «Комиссией отеля Крийон».

25 января на пленарном заседании конференции Вильсон изложил свой тезис: Лига наций должна быть интегральной частью всего мирного договора. Мирная конференция приняла предложение Вильсона. Президент с головой ушёл в работу «Комиссии отеля Крийон».

Отделавшись на время от вопроса о Лиге наций, участники конференции решили перейти к другим проблемам. «Восточный и колониальный вопросы менее сложны», — уверял Ллойд Джордж, предлагая обсудить судьбу колоний, отнятых у Германии, а одновременно с ними и турецких владений.

Это поддержали прежде всего британские доминионы, которые всё время требовали немедленного дележа колоний. Представитель Новой Зеландии прямо заявил, что является восторженным поклонником Лиги наций. Однако, опасаясь её «переобременить», он рекомендовал сначала поделить колонии, а потом уже предоставить полную возможность распоряжаться Лиге наций. Япония ещё накануне, в предварительных переговорах, также выразила согласие на постановку вопроса о колониях. Итальянский премьер Орландо не возражал. Ллойд Джордж мог, таким образом, надеяться на принятие своего предложения. Он, однако, ошибся: колониальный вопрос оказался вовсе не лёгким. Все соглашались с тем, что колонии не должны быть возвращены Германии. Вильсон отметил это единодушие, заявив: «Все против возвращения германских колоний». Но что с ними делать? Этот вопрос вызвал разногласия. Каждая из крупных стран немедленно предъявила свои давно обдуманные претензии. Франция требовала раздела Того и Камеруна. Япония надеялась закрепить за собой Шаньдунский полуостров и германские острова в Тихом океане. Италия также заговорила о своих колониальных интересах. Французы намекнули, что договоры, заключённые во время войны, уже разрешили ряд вопросов. Все поняли, что между странами существуют тайные договоры. Прорвалось наружу то, что скрывалось так тщательно.

При таком обороте дела Лига наций уже оставалась в стороне. Между тем для Вильсона вопрос о Лиге наций был прежде всего делом личной его чести. Хотя самому президенту, по признанию его историографа Бекера, не принадлежала ни одна идея — все были позаимствованы у других, — но всё же президент много поработал над созданием устава, и весь мир связывал Лигу наций с именем Вильсона. Народные массы устали от войны. Они и слышать не хотели о новых военных тяготах. Мира требовали во всех странах, во всех слоях населения. Пацифистская волна захлестнула народы. О Лиге наций были написаны целые библиотеки. Пацифистские элементы сеяли мирные иллюзии в среде широких масс. В Лиге наций видели единственную гарантию мира. Когда Вильсон сошёл с корабля в Бресте, он увидел огромный транспарант, где было написано: «Слава Вильсону Справедливому!». Обойти Лигу наций при таком настроении умов было крайне трудно. Уступить в вопросе о Лиге наций означало для Вильсона потерять весь свой ореол. Но, разумеется, дело было не столько в личном престиже Вильсона. Лига наций должна была стать инструментом, с помощью которого Америке можно будет получить миллиарды, которые она ссудила Европе. Лига наций могла стать рычагом влияния Америки в Европе. Поэтому Вильсон вновь заставил конференцию обратиться к вопросу о Лиге наций. «Мир скажет, что великие державы сперва поделили беззащитные части света, а потом создали союз народов» [1], — говорил Вильсон.

Президент настаивал на том, чтобы вопрос о германских колониях и занятой союзниками турецкой территории был разрешён в рамках Лиги наций. Он предложил поручить опеку над этими территориями передовым нациям, желающим и способным по своему опыту и географическому положению взять на себя такую ответственность; осуществлять эту опеку Вильсон предлагал на основе мандатов Лиги наций. Все участники Совета десяти выступили против принципа мандатов. Ллойд Джордж выдвинул требование английских доминионов — считать территории, занятые ими во время войны, завоёванными и входящими в состав соответствующих доминионов. Вильсон возражал. Тогда премьер-министр Англии пригласил на заседания Совета десяти самих представителей доминионов, чтобы продемонстрировать их претензии. Но и этот маневр не оказал на Вильсона никакого впечатления.

Убедившись в непреклонности президента, англичане и французы потребовали, в случае принятия принципа мандатов, немедленно распределить их между странами. Вильсон не уступил и в этом вопросе. Он настаивал на том, что сперва надо разработать и утвердить устав Лиги наций.

---

[1] *Бекер,* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 288.

Начались переговоры между отдельными участниками Совета десяти. Заседания Совета проходили в напряжённой атмосфере. Между Вильсоном и другими членами Совета возникали непрерывные пререкания. Кто-то огласил в печати то, что тайно говорилось на заседании Совета десяти; кто-то рассказал о схватках Вильсона с другими делегатами. Появились иронические статьи об идеализме Вильсона: доказывалось, что сам президент не знает, как претворить свои идеи в действительность. Раздражённый президент потребовал прекратить газетную шумиху; если она будет продолжаться, то он будет вынужден выступить с исчерпывающим публичным изложением своих взглядов. «Казалось, — записал Хауз в своём дневнике 30 января 1919 г., — что всё пошло прахом... Президент был зол, Ллойд Джордж был зол, и Клемансо был зол. Впервые президент утратил самообладание при переговорах с ними...» [1]

Пошли слухи, что Вильсон покидает конференцию.

Конференция только началась — и уже дала трещину. Угроза отъезда Вильсона встревожила всех. Совещание, казалось, зашло в тупик, но тут Ллойд Джордж нашёлся: он доказывал, что Лига наций признана интегральной частью мирного договора; выработка отдельных положений устава не изменит этого факта; значит можно, не ожидая окончательной выработки устава, немедленно приступить к распределению мандатов. Но Вильсон возражал: раз колонии будут поделены, то Лига наций останется формальным институтом; надо предварительно утвердить устав Лиги наций.

— Никто не может знать, когда закончится эта сложная процедура выработки устава Лиги наций,—возражал Ллойд Джордж.

На это Вильсон ответил, что на окончание работы комиссии потребуется всего десять дней.

— Но справитесь ли вы в десять дней? — спросил Ллойд Джордж.

— Да, — подтвердил Вильсон.

— Ну, раз так, можно подождать, — и Ллойд Джордж обратился к Клемансо с вопросом, не найдёт ли он нужным что-либо сказать.

На арену выступил Клемансо, до сих пор молчаливо наблюдавший борьбу.

Третье продление перемирия

Клемансо решил добиться своей цели другим путём. 17 февраля заканчивался срок перемирия с Германией. Ведение переговоров находилось в руках маршала Фоша. Можно было внести в условия перемирия многое из того, что хотелось бы видеть в мирном договоре, — так, кстати, до сих пор и действовала Франция.

---

[1] Архив полковника Хауза, т. IV, Госполитиздат, 1944, стр. 233.

Но когда премьер-министр Франции в Совете десяти заявил о продлении перемирия и заикнулся о том, что условия его будут ещё раз пересмотрены, Вильсон высказался против. Клемансо с жаром настаивал на своём. Началось единоборство французского премьера с Вильсоном. В конце концов и в этом вопросе Вильсону удалось взять верх. Решено было продлить перемирие, оставив в основном прежние условия. Единственно, в чём уступил Вильсон, был вопрос о разоружении Германии: президент не возражал против ускорения разоружения.

Маршал Фош выехал в Трир. 14 февраля там в третий раз начались переговоры о продлении перемирия. Фош потребовал у немцев выполнения старых условий, указав, что́ не было выполнено, и попутно выдвинув дополнительные требования. Маршал настаивал на прекращении Германией наступления против поляков в Познани, в Восточной Пруссии и в Верхней Силезии и на очищении от германских войск Познани, значительной части Средней Силезии и всей Верхней Силезии.

На первый взгляд в этом требовании не было нарушения указания Вильсона: оно как будто являлось лишь уточнением прежних переговоров о Данциге. На самом же деле это было новое, самостоятельное требование. Очищение Познани и Силезии предрешало вопрос о судьбе этих областей: ясно было, что Франция собирается предоставить их полякам.

Председатель немецкой делегации Эрцбергер запротестовал. Он говорил, что Германия почти закончила демобилизацию, что под ружьём осталось всего 200 тысяч человек. Эрцбергер восставал против дальнейшего разоружения Германии. Он требовал вернуть германских военнопленных. Он настаивал на присылке продовольствия в Германию, напомнив Фошу, что в 1871 г. Бисмарк, по просьбе французского правительства, доставил хлеб голодающему населению Парижа. «Отчаяние — мать большевизма, — угрожал Эрцбергер, — большевизм — это телесное и душевное заболевание на почве голода. Лучшее лекарство — хлеб и право...»[1]

В Берлине новые требования Фоша вызвали тревогу. Там хотели сначала категорически отказаться от очищения Познани и Верхней Силезии. Министр иностранных дел Брокдорф-Рантцау подал даже заявление об отставке. Но в Берлине находились неофициальные представители США. С ними встретились доверенные лица германского правительства. Немцам, видимо, сообщили, что вопрос о Верхней Силезии ещё не решён на мирной конференции и вряд ли будет решён в польском духе. Германское правительство решило подписать тре-

[1] *Эрцбергер,* Германия и Антанта, стр. 331.

бование Фоша, надеясь, что его не придётся выполнять. Брокдорф остался на своём посту.

Перемирие было заключено на короткий неопределённый срок с условием предупреждения за три дня в случае разрыва. Что касается вопроса о Польше, то победа формально осталась за Францией; немцы должны были отказаться от всяких наступательных операций против поляков в Познани и во всех других районах. Решено было назначить подкомиссию для установления польской демаркационной линии и для выполнения договора об очищении указанных областей. На деле немцы саботировали выполнение договора; они так и не очистили ни одной части Силезии. Сам Вильсон позже следующим образом характеризовал в Сенате тактику Германии: «принимать принципиально и отклонять фактически». Кстати, и сама подкомиссия была впоследствии отозвана без всяких протестов со стороны Антанты, занятой Парижской конференцией.

Принятие статута Лиги наций

В «Комиссии отеля Крийон» тем временем шла лихорадочная работа. Вильсон спешил к сроку закончить устав Лиги наций. Это было нелегко: каждый пункт вызывал разногласия. Назначенная пленумом комиссия по выработке устава работала с 3 по 13 февраля; всего она имела десять заседаний. До официального открытия комиссии, а затем и в процессе её работы шли частные совещания. Американцы вели переговоры то с англичанами, то с итальянцами, то с теми и другими вместе. Длительную дискуссию вызвал вопрос, чей проект устава положить в основу обсуждения. Вильсон настаивал на американском проекте; англичане выдвигали свой. После долгих колебаний президент предложил принять за основу объединённый англо-американский проект, согласованный на ряде частных совещаний.

С большим трудом добился Вильсон принятия принципа мандатов. Лансинг позже объяснил, какой довод сыграл при этом решающую роль. Доказывалось, что если бы германские колонии были аннексированы, то немцы потребовали бы включения их стоимости в счёт погашения контрибуции; мандатный же принцип позволял отобрать у Германии колонии без всякой компенсации.

Французский делегат Леон Буржуа потребовал создания международной армии, которая действовала бы под оперативным контролем Лиги наций. Без этого, — утверждали французы, — Лига потеряет всякое практическое значение, и устав её может превратиться в теоретический трактат.

Французское предложение отнюдь не имело в виду сделать Лигу наций инструментом коллективной борьбы с агрессией. Его цель сводилась к тому, чтобы закрепить военное преобладание Франции над Германией и таким образом установить

французскую гегемонию на европейском континенте. Такое стремление подтверждалось тем, что делегаты Франции возражали против вступления Германии в Лигу наций; очевидно они замышляли превратить Лигу в антигерманский союз. Этого не хотели ни Англия, ни США. Прения затянулись. Встретившись с объединённым блоком всех партнёров, французы предложили создать хотя бы международный штаб при Лиге наций. Однако и этот проект не нашёл благоприятного отклика. Французы отступили.

Резкое столкновение вызвало предложение японцев внести в 21 статью устава, которая гласила о равенстве религий, также и тезис о равенстве рас. Японская дипломатия лицемерила. Сама она проникнута была духом расизма. В данном случае ей нужно было только добиться отмены тех ограничений против иммиграции японцев, которые были установлены в США и в доминионах Англии. Американцам очень хотелось бы поддержать Японию, чтобы иметь её на своей стороне против Англии. Однако расовое равенство означало и равенство чёрного с белым; конечно, такая декларация затруднила бы и без того сомнительную ратификацию устава Лиги наций американским Сенатом.

День за днём стучались японцы то к американцам, то к англичанам, добиваясь принятия их поправки. Выход, наконец, нашли в том, чтобы опустить всю статью 21, гласившую о религиозном равенстве. Таким образом, японцев заставили на некоторое время снять своё предложение.

13 февраля 1919 г. был, наконец, готов проект устава.

14 февраля, в тот день, когда маршал Фош начал переговоры о продлении перемирия, Вильсон в торжественной обстановке доложил мирной конференции статут Лиги наций. «Пелена недоверия и интриг спала, — закончил свою речь президент, — люди смотрят друг другу в лицо и говорят: мы — братья, и у нас общая цель. Мы раньше не сознавали этого, но сейчас мы отдали себе в этом отчёт. И вот — наш договор братства и дружбы»[1].

Один за другим выступали представители разных стран. Все поздравляли человечество с созданием «инструмента мира». Правда, Леон Буржуа, проект которого был отвергнут, говорил, что устав Лиги наций должен подвергнуться изменениям и дополнениям. Представитель Геджаса также заявил, что в уставе есть «не совсем понятные» выражения. Чтó понимать под словом «мандат», спрашивал он. Ему никто не ответил. Пленарное заседание мирной конференции утвердило проект президента. На следующий день Вильсон, провожаемый пушечным салютом, покинул Европу.

[1] *Новак,* Версаль, стр. 59.

Обсуждение условий мира

С утверждением устава Лиги наций отпадал мотив, тормозивший обсуждение условий мирного договора. Совет десяти приступил к работе. Состав его несколько изменился. Ллойд Джордж уехал в Лондон. Орландо направился с отчётом в Рим. Клемансо был прикован к постели выстрелом анархиста. Может быть не случайно главы правительств покинули Париж: их замещали министры иностранных дел, и это подчёркивало деловой характер конференции. Представитель Англии лорд Бальфур предложил обсудить основные вопросы мира — о границах Германии, о возмещении ею убытков и т. п. Закончить обсуждение надо было бы не позже середины марта. Барон Макино спросил, входит ли вопрос о колониях в понятие «границы Германии». Ему ответили утвердительно. На столе появились различные пункты мирных условий. Заинтересованные страны отстаивали свои проекты. Страсти разгорались.

До чего накалилась атмосфера, можно судить по требованиям персидской делегации. Персия не участвовала в войне, но числилась в списке держав, приглашаемых в состав Лиги наций. Делегация Персии прибыла в Париж и представила конференции меморандум, подписанный министром иностранных дел Мошавер-эль-Мемалеком. Ссылаясь на «исторические права», восходящие якобы к XVI—XVIII столетиям, персидское правительство требовало предоставить Персии не более не менее как почти половину Кавказа, включая весь Азербайджан с городом Баку, русскую Армению, Нахичевань, Нагорный Карабах и даже часть Дагестана с городом Дербентом, а также огромную территорию за Каспием, простирающуюся к северу до Аральского моря, а к востоку до Аму-Дарьи с городами Мервом, Ашхабадом, Красноводском, Хивой и др. В общей сложности все эти области составляли свыше 578 тысяч квадратных километров. Кроме того, персидское правительство претендовало ещё и на значительные турецкие территории. Трудно предположить, что такие претензии являлись плодом вожделений одних лишь персидских политиков. Повидимому, за спиной Персии стояла некая крупная держава. Во всяком случае требования Персии дают представление о той атмосфере, какая создалась на Парижской конференции.

Не было вопроса, вокруг которого не кипела бы дипломатическая борьба. Япония требовала Шаньдун, против чего резко выступал Китай. Раз мы объявили войну Германии, то все захваченные ею области должны быть возвращены нам, твердили делегаты Китая. Англичане склонны были поддержать Японию, но американцы вступились за Китай.

Французы требовали поскорее кончать с Германией, чтобы потом заняться русским вопросом. Маршал Фош твердил, что союзники могут проиграть войну, если не решат русской про-

блемы: это может произойти тогда, когда Германия в своих интересах урегулирует отношения с Россией или же сама станет жертвой большевизма. По свидетельству Хауза, маршал, в целях борьбы с большевистской Россией, был «готов пойти на сотрудничество с Германией, после подписания прелиминарного договора о мире, считая, что такое сотрудничество может оказаться весьма ценным» [1].

Клемансо требовал отодвинуть французскую границу до Рейна, а из прирейнских провинций создать самостоятельную республику, лишённую вооружённой силы и права воссоединения с Германией. Вильсон, находившийся в США, ответил категорическим отказом. Французы соглашались пойти на уступку: они предлагали создать Рейнскую республику только на ограниченное время, по истечении которого можно будет разрешить населению определить самому свою судьбу. Вильсон не принял этого предложения.

Разумеется, к середине марта обсуждения условий мира так и не закончили. К этому времени из Америки вернулся Вильсон. Его забросали просьбами и заявлениями. Италия, Югославия, Греция, Албания передали ему свои меморандумы с требованием удовлетворить их запросы. Не предупредив ни Англию, ни Францию, Вильсон дал интервью о неразрывности устава Лиги наций и мирного договора. Он добьётся этой неразрывности, решительно добавил Вильсон.

Однако сам Вильсон вернулся из Америки отнюдь не триумфатором. Целый ряд сенаторов выступил против участия США в Лиге, опасаясь вовлечения Америки в европейские дела. Всё чаще в печати раздавались голоса, что Вильсон нарушил доктрину Монро. Для превращения устава Лиги наций в закон требовалось утверждение американского Сената большинством по крайней мере в две трети голосов; а между тем оппозиция в Сенате всё усиливалась. По возвращении в Париж Вильсон стал получать тревожные телеграммы об агитации своих противников. Они требовали включения доктрины Монро в устав Лиги наций.

В Европе знали об этих затруднениях Вильсона. «Идеи президента завоевали Европу, — писал один видный историк.— Надо ждать... завоюют ли идеи Вильсона Америку!» [2] Поэтому окрик Вильсона не подействовал на конференцию. Досадливо отмахиваясь от надоевшего вопроса, делегаты крупных стран продолжали настаивать на выполнении своих программ. Клемансо требовал стратегической границы по Рейну и создания из германских провинций на левом берегу Рейна самостоятельного государства, в крайнем случае под протекторатом

---

[1] Архив полковника Хауза, т. IV, стр. 259.

[2] *Temperley*, A history of the Peace Conference of Paris, London 1923—1924, v. I, p. 204.

Лиги наций. Французские империалисты носились с планом соединения лотарингской руды с рурским углём. Маршал Фош говорил об опасности большевизма, угрожающей Польше. Он требовал создания «великой Польши» с передачей ей Познани и Данцига. Французов при этом вовсе не трогали интересы Польши. Они и не собирались отстаивать её нужды. Французским империалистам хотелось создать противовес Германии и Советской России. В разгар прений Клемансо прямо заявил: «Когда был поднят вопрос об образовании польского государства, имелось в виду не только загладить одно из величайших преступлений истории, но и создать барьер между Германией и Россией...» [1].

Вильсон это понимал, — достаточно посмотреть страницы книги его историографа Бекера. Но создание Польши по французскому образцу означало усиление Франции в Европе. Ни Америка, ни Англия не соглашались на это. «Не надо создавать новую Эльзас-Лотарингию», — говорил Ллойд Джордж. Клемансо настаивал на своём, угрожая покинуть конференцию.

Однако при защите своих требований Клемансо допустил ошибку. Оправдывая свою программу, он твердил, что этого требует безопасность Франции. Отказав ему в границе по Рейну, Ллойд Джордж и Вильсон предложили взамен гарантировать французские границы, обязываясь оказать Франции немедленную помощь, если на неё нападёт Германия. Клемансо знал, что в Америке требуют включения доктрины Монро в устав Лиги наций. В этом случае гарантии Америки не имели бы реального значения, ибо доктрина Монро запрещала использовать американские войска за пределами Америки. Клемансо попытался исправить свою оплошность. 17 марта он отправил Вильсону и Ллойд Джорджу ноту, в которой выразил согласие принять гарантированную помощь со стороны обеих стран. Что касается Рейнских провинций, то Клемансо предлагал отделить в политическом и экономическом смысле левый берег Рейна от Германии и установить оккупацию левобережных провинций междусоюзными вооружёнными силами на 30 лет. При этом Клемансо ставил условием, что левый берег и пятидесятикилометровая зона на правом берегу Рейна будут полностью демилитаризованы.

В качестве компенсации за свою уступку в рейнском вопросе Клемансо требовал передачи Франции Саарского бассейна. Если это не произойдёт, — доказывал он, — Германия, владея углём, будет фактически контролировать всю французскую металлургию.

В ответ на новое требование Клемансо Вильсон заявил с раздражением, что до сих пор никогда не слышал про Саар.

[1] *Бекер,* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир, стр. 414.

В запальчивости Клемансо обозвал Вильсона германофилом. Он резко заявил, что ни один французский премьер-министр не подпишет такого договора, которым не будет обусловлено возвращение Саара Франции.

«Значит, если Франция не получит того, что она желает, — ледяным тоном заметил президент, — она откажется действовать совместно с нами. В таком случае не желаете ли вы, чтобы я вернулся домой?»

«Я не желаю, чтобы вы возвращались домой, — ответил Клемансо, — я намерен сделать это сам».

С этими словами Клемансо стремительно вышел из кабинета президента.

Кризис в отношениях между Францией и США дополнился резким обострением противоречий между США и Англией, а также между Францией и Англией по вопросу о разделе Турции. 20 марта на квартире Ллойд Джорджа собрались премьер-министры и министры иностранных дел Франции, Англии, США и Италии. На стене кабинета Ллойд Джорджа висела большая карта Азиатской Турции; на ней различными красками были изображены территории, отходящие к странам-победительницам. Французский министр иностранных дел изложил всю историю раздела Турции, настаивая на французских требованиях. Затем выступил Ллойд Джордж. Он заявил, что Англия выставила против Турции до миллиона солдат, и настаивал на своём проекте. Вильсон, по его собственному признанию, впервые слышал о договоре Сайкс — Пико. «Это звучит как новая чайная фирма: Сайкс — Пико», — говорил с оттенком пренебрежения американский президент. Он предлагал послать специальную комиссию в составе французских, британских, итальянских и американских представителей, чтобы выяснить, каково желание самих сирийцев. Клемансо не возражал против обследования, но предлагал, чтобы были обследованы также Палестина, Месопотамия и другие территории, упоминаемые в английских требованиях.

Итоги обсуждения достаточно метко определил Вильсон. На вопрос Хауза, как прошло совещание с Клемансо и Ллойд Джорджем, президент ответил: «Блестяще, — мы разошлись по всем вопросам»[1].

Кстати, уехали в Сирию только американцы, так и не дождавшись английских и французских экспертов. Вернувшись, американские эксперты доложили, что сирийцы хотят быть самостоятельными. Клемансо поднял невообразимый шум, протестуя против такого предложения. Так вопрос о Сирии и не получил разрешения на мирной конференции.

Слухи о разногласиях между державами проникли в кулуа-

[1] Архив полковника Хауза, т. IV, стр. 305.

ры. Три дня спустя газеты сообщили о спорах между Францией и Англией, подробно изображая столкновение премьеров. На этот раз Ллойд Джордж потребовал прекращения газетного шантажа: «Если так будет продолжаться, я уйду. При таких условиях я не могу работать» [1], — пригрозил он. По настоянию Ллойд Джорджа все дальнейшие переговоры велись в Совете четырёх. С этого момента Совет десяти фактически уступил место так называемой «большой четвёрке», состоявшей из Ллойд Джорджа, Вильсона, Клемансо, Орландо. Япония в неё не входила, ибо не была представлена главой правительства. Впрочем, «большая четвёрка» часто сокращалась до «тройки» — Ллойд Джордж, Вильсон и Клемансо. Конференция снова зашла в тупик.

«Документ из Фонтенбло»

25 марта 1919 г. Ллойд Джордж прислал Клемансо и Вильсону с дачи, где обычно проводил конец недели, меморандум, озаглавленный «Некоторые замечания для мирной конференции до составления окончательного проекта мирных условий». Меморандум этот известен под названием «Документа из Фонтенбло». В нём изложена была английская программа и вместе с тем дана критика французских требований. Прежде всего Ллойд Джордж выступил против расчленения Германии. «Вы можете лишить Германию её колоний, — писал Ллойд Джордж, — довести её армию до размеров полицейской силы и её флот до уровня флота державы пятого ранга. В конечном итоге это безразлично: если она сочтёт мирный договор 1919 г. несправедливым, она найдёт средства отомстить победителям... По этим соображениям я решительно возражаю против отторжения от Германии немецкого населения в пользу других наций в бо́льших пределах, чем это необходимо» [2].

Ллойд Джордж высказывался против требования польской комиссии передать под власть Польши 2 100 тысяч немцев, точно так же как и против уступки другим государствам территорий, населённых венграми. Дальше выдвигались следующие предложения. Рейнская область остаётся за Германией, но демилитаризируется. Германия возвращает Франции Эльзас-Лотарингию. Германия уступает Франции границу 1814 г. или же, для того чтобы возместить Франции разрушенные угольные копи, нынешнюю границу Эльзас-Лотарингии, а также право эксплоатации угольных копей Саарского бассейна на десять лет. К Бельгии отходят Мальмеди и Моренэ, а к Дании — определённые части территории Шлезвига. Германия отказывается от всех своих прав на бывшие германские колонии и на арендованную область Киао-Чао.

---

[1] *Новак;* Версаль, стр. 86.
[2] *David Lloyd George,* The Truth about the Peace Treaties, v. I, p. 405.

Что касается восточных границ Германии, то Польша получает Данцигский коридор, однако с таким расчётом, чтобы он охватил как можно меньше территорий с немецким населением.

Покончив с территориальными претензиями Франции, английский премьер высказался против чрезмерных требований и в вопросе о репарациях. «Я настаивал на том, — писал Ллойд Джордж, — чтобы репарационными платежами было отягчено только то поколение, которое участвовало в войне». Германия уплачивает ежегодно в течение известного числа лет определённую сумму, которая устанавливается державами-победительницами; однако размер репараций должен сообразоваться с платёжеспособностью Германии. Полученные от Германии суммы распределяются в следующей пропорции: 50% — Франции, 30% — Великобритании и 20% — остальным державам.

Наконец, чтобы ограничить военную мощь Франции, Ллойд Джордж предложил обсудить вопрос о разоружении. Правда, это касалось в первую очередь Германии и малых стран: пятёрка победителей сохраняла свои вооружённые силы, пока Германия и Россия не докажут своего миролюбия. В обмен за согласие приступить к переговорам о разоружении Ллойд Джордж предлагал Франции совместные гарантии Англии и США против возможного нападения Германии.

«Документ из Фонтенбло» вызвал буквально припадок бешенства у французского премьера. Клемансо поручил составление ответа своему ближайшему сотруднику Тардье, но остался недоволен его проектом и сам принялся сочинять ноту Ллойд Джорджу. Французский премьер язвительно отметил, что английский премьер предлагает поставить Германии умеренные территориальные требования, но ничего не говорит об уступках, связанных с военно-морским положением Германии. «Если представляется необходимость, — отвечал Клемансо, — проявить по отношению к Германии особое снисхождение, следовало бы предложить ей колониальные, морские компенсации, а также расширение сферы её торгового влияния»[1].

В заключение Клемансо отметил, что от плана Ллойд Джорджа выиграют морские и колониальные державы, т. е. Англия в первую очередь, ибо колонии у Германии отняты, флот разоружён, торговые корабли выданы, а континентальные державы останутся неудовлетворёнными. Клемансо, таким образом, отказывался от всяких уступок и послаблений.

Английский премьер не остался в долгу. «Если судить на основании меморандума, — писал в ответ Ллойд Джордж, — Франция, повидимому, не придаёт никакого значения богатым германским колониям в Африке, которыми она овладела. Она не придаёт также никакого значения ни Сирии, ни

[1] *Новак,* Версаль, стр. 101.

возмещениям, ни компенсациям, несмотря на то, что в вопросе о компенсациях ей неоднократно предоставляется приоритет... Она не придаёт значения и тому, что приобретает германские суда вместо французских судов, потопленных немецкими подводными лодками, а также получает часть германского военного флота...»[1]

«В действительности Франция озабочена только тем, чтобы отнять Данциг у немцев и передать его полякам»[2], — писал Ллойд Джордж. Раз Франция считает, что английские предложения приемлемы только для морских держав, то Ллойд Джордж берёт их назад.

«Я находился под властью иллюзии, — продолжал английский премьер, — что Франция придаёт значение колониям, кораблям, компенсациям, разоружению, Сирии и британской гарантии помочь Франции всеми силами, в случае если она подвергнется нападению. Я сожалею о своей ошибке и позабочусь о том, чтобы она не повторилась»[3]. В заключение Ллойд Джордж заявил, что снимает своё предложение о предоставлении Франции угольных копей Саара.

Переписка премьеров была вручена Вильсону. Снова начались заседания Совета четырёх. Вильсон поддержал Ллойд Джорджа по вопросу о Сааре. Встретившись с единым фронтом обеих держав, Клемансо решил изменить своё требование: он предложил передать Саарскую область Лиге наций, которая в свою очередь предоставит Франции мандат на неё на 15 лет. По истечении этого срока в области произведён будет плебисцит, который и решит вопрос о дальнейшей судьбе Саара. Но и это предложение Клемансо было отклонено. Вильсон соглашался только на посылку в Саар экспертов для выяснения, как можно было бы предоставить Франции эксплоатацию рудников без политического господства в Сааре.

Вильсон высказался также против отделения от Германии Рейнской области, даже против длительной её оккупации французами. Зато он обещал вместе с Англией гарантировать границы Франции и оказать ей помощь в случае нападения Германии.

Проблема контрибуций

С такой же запальчивостью обсуждался и вопрос о репарациях. Сколько можно взять с Германии, — над этим ломали голову эксперты. Английская комиссия под председательством австралийского премьера Юза наметила цифру в 24 миллиарда фунтов стерлингов, почти 480 миллиардов золотых марок. Ллойд Джордж назвал эту цифру «дикой и фантастической химерой», хотя сам на

[1] *David Lloyd George,* The Truth about the Peace Treaties, v. I, p. 420—421.
[2] Ibidem.
[3] Ibidem.

предвыборных собраниях в Англии обещал «вывернуть карманы немцам». Французы требовали на одно восстановление северо-восточных департаментов 3 миллиарда фунтов (60 миллиардов золотых марок), в то время как по статистическим данным народное достояние всей Франции в 1917 г. составляло всего 2,4 миллиарда фунтов.

Американцы опасались, что Клемансо и Ллойд Джордж убьют курицу, несущую золотые яйца. Ведь получить долги с Англии и Франции США могли лишь в том случае, если Германия будет платёжеспособной. Американский эксперт Дэвис считал возможным потребовать с немцев только 25 миллиардов долларов.

Такие же споры вызвал и вопрос о распределении репараций между победителями. Ллойд Джордж предлагал 50% всей суммы дать Франции, Англии — 30% и остальным странам — 20%. Франция настаивала на 58% для себя и 25% для Англии. После долгих споров Клемансо объявил, что последнее слово французов — это 56% для Франции и 25% для Англии. Вильсон предлагал 56 и 28%.

В конце концов американские эксперты предложили не фиксировать цифры контрибуции, а поручить это особой репарационной комиссии, которая должна будет не позднее 1 мая 1921 г. предъявить германскому правительству окончательные требования. Французы ухватились за это предложение, предполагая в будущем через комиссию добиться выполнения своего плана. В остальных вопросах к соглашению так и не пришли. Клемансо снова стал угрожать уходом, что могло вызвать правительственный кризис и отставку премьера. Вильсон со своей стороны вызвал себе из Америки пароход «Георг Вашингтон». Мирная конференция висела на волоске. Спасти её можно было только пойдя на взаимные уступки.

14 апреля Клемансо сообщил через Хауза президенту, ещё не оправившемуся после болезни, что согласен на включение доктрины Монро в устав Лиги наций. За это американцы должны, в свою очередь, пойти на уступки: передать Франции мандат на Саарскую область, разрешить англо-французским войскам оккупировать левый берег Рейна на 15 лет в качестве гарантии выполнения Германией условий мирного договора, демилитаризировать Рейнские провинции, так же, как и зону шириной в 50 километров на правом берегу Рейна.

Вильсон, переживавший сильную тревогу в связи с агитацией своих политических противников в Америке, обрадовался предложению Клемансо. Он заявил, что готов пересмотреть своё категорическое «нет» по саарскому и рейнскому вопросам. Полковник Хауз сообщил Клемансо об ответе Вильсона. Клемансо пришёл в восторг: он заключил полковника в объятия. Хауз тут же попросил Клемансо прекратить нападки

французских газет на Вильсона. Сейчас же «тигром» отдано было нужное распоряжение. Утром 16 апреля парижские газеты полны были славословий по адресу Вильсона.

Соглашение как будто было достигнуто. Насколько оно было неожиданным, можно судить по тому, что в комиссии, где обсуждался устав Лиги наций, французские эксперты всё ещё высказывались против включения в устав доктрины Монро; они ещё не знали о сделке Клемансо — Вильсона.

Оставалось убедить англичан присоединиться к уступкам Вильсона. С англичанами американская делегация вела параллельные переговоры. Они добивались отказа США от соперничества в морских вооружениях. В конце концов, им даны были соответствующие устные заверения. Тогда англичане решили поддержать Вильсона. 22 апреля Ллойд Джордж заявил, что присоединяется к позиции президента по рейнскому и саарскому вопросам.

Учреждение Лиги наций

Обрадованный Вильсон получил, наконец, возможность доложить окончательный устав Лиги наций на пленарном заседании конференции 28 апреля. Леон Буржуа предложил создать военный орган при Лиге наций; Гиманс, бельгийский делегат, начал было выражать сожаления по поводу того, что Брюссель не избран местом заседаний Лиги наций. Вдруг Клемансо оборвал прения: он заявил, что предложение президента США ввиду отсутствия возражений принимается единогласно. Клемансо говорил по-французски; говорил он быстро; переводчики молчали. Большинство присутствующих его не поняло, а многие и не расслышали. Только после того, как Клемансо перешёл к следующему пункту повестки дня, конференция с недоумением узнала, что «приняла единогласно» устав Лиги наций.

Спорный вопрос о доктрине Монро, так тревоживший Вильсона, был сформулирован следующим образом:

«Статья 21. Международные обязательства, такие как договоры о третейском разбирательстве, и ограниченные пределами известных районов соглашения, как доктрина Монро, которые обеспечивают сохранение мира, не рассматриваются как несовместимые с каким-либо из постановлений настоящего статута»[1].

По статуту Лиги наций, учредителями её являлись государства, участвовавшие в войне против Германии, а также вновь образовавшиеся государства (Геджас, Польша, Чехословакия).

Вторую группу государств составляли страны, приглашённые к немедленному вступлению в Лигу наций: Аргентина, Венецуэла, Дания, Испания, Колумбия, Нидерланды, Норвегия, Парагвай, Персия, Сальвадор, Чили, Швейцария, Швеция. В ноябре — декабре 1920 г. все они вступили в Лигу наций.

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 2, стр. 263.

Швейцария при вступлении сделала оговорку о сохранении ею постоянного нейтралитета, ввиду чего Советом Лиги наций было признано её «исключительное положение» и указано, что в военных выступлениях Лиги Швейцария участвует лишь экономической помощью.

К третьей категории относились все остальные государства мира. Для принятия их в состав членов Лиги наций необходимо было согласие двух третей голосов Собрания Лиги наций и единогласное постановление Совета.

Основными органами Лиги наций являлись Собрание всех представителей членов Лиги и Совет, при которых состоял постоянный Секретариат. Каждый член Лиги имел в общем собрании Лиги один голос: таким образом, Британская империя имела с доминионами 6 голосов, а с 1923 г. — вместе с Ирландией — 7 голосов. Совет Лиги наций по первоначальному статуту состоял из 9 членов: 5 постоянных (Великобритания, Италия, США, Франция, Япония) и 4 временных, сменяющихся ежегодно. В первом составе временных членов Совета Лиги наций были Греция, Испания, Бельгия, Бразилия. Так как США не вступили в Лигу наций, ибо сенат не утвердил Версальского мирного договора, в Совете было фактически 8 членов.

Лига наций признавала, что всякая война «интересует Лигу в целом» и последняя должна принять все меры для сохранения мира. По требованию любого члена Лиги немедленно созывается Совет. В случае возникновения конфликта между членами Лиги наций они подвергают его разбирательству либо третейского суда, либо Совета и не прибегают к войне до истечения трёхмесячного срока после решения суда или доклада Совета.

Если член Лиги прибегает к войне вопреки принятым на себя обязательствам, то остальные члены обязуются немедленно порвать с ним всякие торговые и финансовые отношения, а Совет должен предложить различным заинтересованным правительствам выставить тот или другой контингент войск, «предназначенных для поддержания уважения к обязательствам Лиги». Впрочем, обязательства Лиги наций по обузданию агрессоров были очерчены так неопределённо, что, по существу, сводились к нулю.

С такой же неопределённостью была сформулирована и статья о разоружении. Лига наций признала необходимым «ограничение национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых общим действием». Совету предлагалось, учитывая «географическое положение и особые условия каждого государства», подготовить планы ограничения вооружений и внести их на рассмотрение заинтересованных прави-

тельств. И только. Заинтересованные правительства могли и не считаться с такой рекомендацией.

Что касается мандатов, то они делились на три категории. В первую входили те турецкие области, которые «достигли такой степени развития, что их существование в качестве независимых наций может быть временно признано». Державы, получившие мандат над этой категорией областей, будут управлять ими до того момента, когда подмандатные страны окажутся способными сами руководить собой. Разумеется, срок и условия наступления такого момента не были определены.

Во вторую категорию входили области Центральной Африки, которые управляются обладателями мандатов на условиях запрещения торговли рабами, оружием, алкоголем, сохранения свободы совести и религии подвластного населения.

В третью категорию отнесены были колонии в Юго-Западной Африке и некоторые острова южной части Тихого океана, которые управляются по законам государства, обладающего мандатом, как составная часть его территории.

Самое распределение мандатов не было предусмотрено уставом Лиги наций; этим должна была заняться мирная конференция.

Наконец, при Лиге наций было организовано Международное бюро труда. Страны, не приглашённые в Лигу наций, могли входить в бюро труда, которое, таким образом, превращалось в своего рода испытательную комиссию для желающих быть принятыми в Лигу.

Претензии Италии и Японии

Итак, соглашение было достигнуто. Устав Лиги наций был принят. Осталось закончить обсуждение условий мирного договора. Все 58 комиссий Парижской конференции спешно заканчивали работу. Снова не раз вспыхивали споры по тому или иному вопросу. Так, англичане и американцы требовали уничтожения подводных лодок. «Их следует объявить вне закона», — говорил Вильсон. Но французы настаивали на разделе германских подводных лодок между союзниками. В заключение Германия была лишена своих подводных лодок: они пошли на вооружение победителей.

Такие же разногласия вызвал вопрос о запрещении применять отравляющие газы. Германия обязывалась сообщить союзникам способ изготовления газов. Но требование организовать надзор над химической промышленностью Германии было снято под тем предлогом, что производство газов тесно связано со всей химической промышленностью, следовательно раскрытие военных тайн немыслимо без оглашения коммерческих и технических тайн. Таким образом, остановившись перед неприкосновенностью частной собственности германских владельцев химической промышленности, в которой были заин-

тересованы и некоторые американцы, мирная конференция оставила в руках немцев сильнейшее и опаснейшее оружие войны.

С грехом пополам урегулировали основные вопросы. Можно было уже пригласить немцев, чтобы познакомить их с предварительными условиями договора. Но тут плохо сколоченное здание мирной конференции снова зашаталось: итальянский премьер Орландо резко выступил против приглашения Германии. Он всё ждал, когда займутся притязаниями Италии. Он поддерживал великие державы по принципу «do ut des» — «даю, чтобы ты дал». Но про Италию забыли. Теперь Орландо заговорил. Он настаивал не только на выполнении обещаний, данных секретным Лондонским договором в апреле 1915 г. Он пошёл дальше и потребовал города Фиуме, который никогда не предназначался Италии. Остальные великие державы и слышать не хотели о выполнении Лондонского договора. Фиуме же намечалось передать Югославии.

Итальянские дипломаты, как обычно, повели двойную игру. Орландо убеждал Ллойд Джорджа и Клемансо, что Лондонский договор должен остаться в силе. Таким образом, Орландо как будто соглашался и с тем пунктом Лондонского договора, по которому Фиуме не предназначался Италии. В то же время Орландо говорил Вильсону, что Лондонское соглашение для США не обязательно и что Фиуме дóлжно передать Италии. Скоро двойная игра итальянцев раскрылась. Вильсон упорствовал. Орландо заявил, что без Фиуме не может вернуться домой: итальянцы поднимут возмущение. На это президент ему бросил: «Я знаю итальянцев лучше, чем вы!». 23 апреля Вильсон обратился с воззванием к итальянскому народу, требуя от него великодушия. В Совете четырёх Вильсон предложил превратить Фиуме в самостоятельное государство под контролем Лиги наций. На следующий день Орландо покинул мирную конференцию. Но выехав из Парижа, он всё же оставил там своего эксперта. В Риме была инсценирована буря возмущения против Вильсона. Газеты забыли о том, что писали несколько времени тому назад о Вильсоне Справедливом. Сейчас они называли его виновником всех несчастий Италии.

В день отъезда Орландо, 24 апреля, вдруг выступили японцы. Они потребовали урегулировать Шаньдунский вопрос «с минимальной задержкой»; если это требование не будет удовлетворено, они не подпишут договора. Японцы весьма удачно выбрали момент для своего выступления. Уход Италии с конференции уже нанёс ей некоторый удар. Было очевидно, что если ещё и Япония последует за Орландо, конференция может потерпеть крушение. Как известно, Вильсон уже однажды провалил японское требование о признании равенства рас; выступить против японцев ещё раз президенту представлялось слишком очевидным дипломатическим неудобством.

Вильсон колебался. Но Англия приняла сторону Японии. Ллойд Джордж советовал президенту уступить. Японцы в свою очередь объявили о своём намерении в будущем вернуть Шаньдун Китаю. В конце концов Вильсон сдался: вопреки своим неоднократным обещаниям оказать помощь Китаю он согласился передать Шаньдун Японии.

Уступив Японии, союзные дипломаты отыгрались на Италии. Воспользовавшись уходом Орландо, Совет трёх разрешил грекам занять Смирну, которая по тайному договору предназначалась Италии. С другой стороны, Италия, стоявшая накануне финансового краха, продолжала вести переговоры с Америкой о займе. Опасаясь, что конференция подпишет с немцами мир без Италии, Орландо — уже без всякого шума — вернулся в Париж.

Германская делегация и мирная конференция

Германские делегаты были приглашены в Версаль на 25 апреля. В телеграмме подчёркивалось, что германские делегаты вызываются для получения текста прелиминарного мира. Немецкий министр иностранных дел граф Брокдорф-Рантцау ответил, что высылает делегатов, которые будут снабжены полномочиями для принятия проекта договора и передачи его германскому правительству. С целью оттенить оскорбительный тон ответа, Брокдорф назвал несколько имён делегатов и в том числе двух канцелярских служащих. Клемансо спохватился, что зашёл слишком далеко: в новой телеграмме он просил выслать делегацию, облечённую полномочиями обсуждать все вопросы, связанные с миром. 28 апреля специальный поезд с германской делегацией во главе с Брокдорф-Рантцау отправился из Берлина.

В Германии знали о разногласиях в лагере Антанты. Генерал-квартирмейстер Гренер пытался установить связь с Англией и Америкой, действуя через подставных лиц. Людендорф через своих агентов предлагал Клемансо создать специальную германскую армию для борьбы с Советской Россией. Эрцбергер также вёл сношения с французами, которым развивал план восстановления Бельгии и Северной Франции руками германских рабочих. Заказы должны были быть поделены между французскими и германскими промышленниками, а вся работа вестись под наблюдением и по указаниям французской контрольной комиссии.

Министр иностранных дел Германии в свою очередь старался установить связи с представителями Англии и особенно Америки. Словом, Германия пыталась возможно шире использовать противоречия в лагере своих противников.

В ожидании приглашения Германия создала несколько комиссий для подготовки своего контрпроекта. Там изучали прения на мирной конференции, знакомились с настроениями

правительств. Германские агенты выведывали у представителей малых стран подробности переговоров в Совете четырёх. Поэтому знали, что речь шла об Эльзас-Лотарингии, о Шлезвиге, Данциге.

Шли частые заседания германского правительства. Генерал Гренер настаивал на том, чтобы во что бы то ни стало сохранить армию. Перед самым отъездом Брокдорфа Гренер в сопровождении трёх генералов и штабных офицеров явился к нему по поручению Гинденбурга. Гренер предупреждал против капитуляции. Он протестовал против признания Германии виновницей войны, ибо такое признание влекло бы за собой выдачу генералов, а армию надо было сохранить при всех и всяких условиях.

Противники Германии со своей стороны отдельно друг от друга вели переговоры с Германией. В дороге германскую делегацию посетил представитель Вильсона. Он советовал Брокдорфу подписать мирный договор. Брокдорф ответил, что не подпишет ничего выходящего за пределы 14 пунктов Вильсона.

Делегация прибыла в Париж 30 апреля. Быстро разместились в отеле, водрузили антенну. Создали аппарат, готовясь приступить к переговорам, но конференция не подавала признаков жизни. Брокдорф-Рантцау днём и ночью обсуждал линию своего будущего поведения. Намечались различные планы в зависимости от того, как сложится обстановка.

Только 7 мая 1919 г. германская делегация была вызвана в Версаль. Клемансо открыл заседание конференции краткой речью. «Час расплаты настал, — заявил он. — Вы просили нас о мире. Мы согласны предоставить его вам. Мы передаём вам книгу мира» [1]. При этом Клемансо подчеркнул, что победители приняли торжественное решение «применить все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы полностью добиться следуемого им законного удовлетворения» [2]. Германским делегатам до этого заявили, что никакие устные дискуссии не могут быть допущены и что немецкие замечания должны быть представлены в письменном виде. Немцам был предоставлен срок в 15 дней, в течение которого они могли обращаться за разъяснениями. После этого Верховный совет решит, в какой срок должен последовать окончательный ответ германского правительства.

Пока переводилась речь Клемансо, секретарь мирной конференции француз Дютаста с толстой белой книгой в руках подошёл к столу, где сидела германская делегация, и вручил условия мира Брокдорф-Рантцау.

У германского министра были заготовлены два варианта ответа на речь Клемансо: один — на тот случай, если речь Кле-

[1] *Новак,* Версаль, стр. 153.
[2] Там же.

мансо будет корректной, и второй — если она будет агрессивной. Брокдорф-Рантцау выбрал второй вариант. «От нас требуют, чтобы мы признали себя единственными виновниками войны, — говорил Брокдорф. — Подобное признание в моих устах было бы ложью» [1].

Германия признаёт несправедливость, совершённую ею по отношению к Бельгии. Но и только. Не одна Германия совершила ошибку, говорил Брокдорф. Он подчеркнул, что Германия, как и все другие державы, принимает 14 пунктов Вильсона. Таким образом, они являются обязательными для обоих враждующих лагерей. Он поэтому против чрезмерных репараций. «Разорение и гибель Германии, — угрожал Брокдорф, — лишили бы государства, имеющие право на компенсацию, тех выгод, на которые они претендуют, и повлекли бы за собой невообразимый хаос во всей экономической жизни Европы. И победители и побеждённые должны быть на-чеку, чтобы предотвратить эту грозную опасность с её необозримыми последствиями» [2]. Речью Брокдорфа закончилась вся процедура.

Больше двух дней изучали немцы условия мира. Под первым впечатлением один из делегатов предложил немедленно покинуть Париж. В Берлине была организована демонстрация протеста. 12 мая 1919 г. президент Эберт и министр Шейдеман произнесли речи с балкона перед толпой, собравшейся на улице. Шейдеман кричал: «Пусть отсохнут руки прежде, чем они подпишут такой мирный договор». Но Брокдорфу приказали остаться в Париже. Он пытался вступить в личные переговоры с руководителями конференции, надеясь добиться пересмотра некоторых пунктов договора. Германская делегация посылала ноту за нотой, настаивая на смягчении отдельных условий. Но Клемансо неизменно отвечал отказом. Немцы и здесь использовали свой излюбленный приём, пытаясь запугать противников революцией. Брокдорф-Рантцау предложил созвать в Версале международный рабочий конгресс для обсуждения вопросов рабочего законодательства. Разумеется, дело было не в защите рабочих интересов. Немцы хотели использовать рабочее движение, чтобы с его помощью повлиять на мирную конференцию. Но Клемансо понял этот план. Он отказался вести какие бы то ни было переговоры о конгрессе.

Из Берлина летели одна телеграмма за другой с протестами против признания Германии ответственной за войну. Германская делегация заявляла в ноте, что не признаёт только одну свою страну виновницей этого бедствия. Ведь недаром мирная конференция имеет «комиссию для расследования ответственности зачинщиков войны».

---

[1] *Новак,* Версаль, стр. 156.

[2] Там же, стр. 158.

Такая комиссия действительно была создана. Немцы, узнав о её существовании, потребовали сообщить им результаты её работы.

Клемансо язвительно ответил немцам, что непрерывное стремление Германии свалить с себя вину может быть понято только в том случае, если она действительно чувствует её за собой. Ведь сама же Германия в ноябре 1918 г. заявила, что она согласна возместить все убытки, происшедшие в результате её нападения на суше, на воде и с воздуха.

В ответ на довод, что новая Германия не может отвечать за действия старого правительства, Клемансо напомнил 1871 год, когда Германия не спрашивала у Французской республики, желает ли она отвечать за грехи Французской монархии. Точно так же и в Бресте Германия заставила новую Россию признать обязательства царского правительства.

20 мая граф Брокдорф попросил продлить срок представления ответа. Он не терял надежды сыграть на противоречиях среди союзников и поэтому настаивал на отсрочке. Ему дали 8 дней. Германский посол выехал в Спа. Туда же прибыли представители германского правительства. 29 мая Брокдорф-Рантцау вручил Клемансо ответную ноту Германии. «Прочитав в указанном документе об условиях мира, — писал Брокдорф, — те требования, которые нам предъявила победоносная сила противника, мы ужаснулись» [1]. Германия протестовала против всех пунктов мирных условий и выдвигала свои контрпредложения. Немцы соглашались на 100-тысячную армию, но настаивали на принятии Германии в Лигу наций. Они отказывались в пользу Франции от Эльзас-Лотарингии, требуя, однако, провести там плебисцит. Они выражали готовность уступить полякам значительную часть Познанской провинции и предоставить Польше доступ к открытому морю. Они принимали передачу своих колоний Лиге наций при условии признания также и за Германией права на получение мандата. В качестве репараций Германия соглашалась уплатить 100 миллиардов золотых марок, из них 20 миллиардов до 1 мая 1926 г. Она уступала часть своего флота. Что касается виновности в войне, то Германия настаивала на создании беспристрастной комиссии, которая расследовала бы этот вопрос.

Пока Совет четырёх знакомился с германскими контрпредложениями, Брокдорфа посещали неофициальные представители воюющих держав. Были у него и французы и англичане. У немцев складывалось представление, что противник готов пойти на уступки. Из каких-то источников немцы узнали о разногласиях по вопросу о разоружении. Впрочем, когда 23 мая на Совете четырёх обсуждался доклад военных экспертов Верхов-

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 2, стр. 251.

ного совета об ограничении вооружений малых государств, там присутствовало свыше тридцати человек. При таком числе мудрено было сохранить тайну!

Незадолго перед этим совещанием военные эксперты получили указание определить численность войск малых наций пропорционально армии, оставленной Германии и составлявшей 100 тысяч человек. Это означало, что Австрия должна иметь армию в 15 тысяч, Венгрия — 18 тысяч, Болгария — 10 тысяч, Чехословакия — 22 тысячи, Югославия — 20 тысяч, Румыния — 28 тысяч, Польша — 44 тысячи и Греция — 12 тысяч.

Союзники Германии не были представлены на конференции, хотя Австрия уже получила приглашение. Они не могли открыто выразить свой протест, но остальные страны и слышать не хотели о таком составе их армий. Американский генерал Блисс, делавший доклад, полагал, что 100 тысяч человек недостаточно для Германии, нужно увеличить армию и соответственно увеличить численность войск малых наций. Но против пересмотра этого вопроса резко выступил Клемансо. 5 июня представители Польши, Чехословакии, Румынии, Югославии и Греции были приглашены на заседание Совета в квартире Вильсона. На предварительном совещании, после продолжительной дискуссии, они выработали единую линию поведения — отказаться от сокращения армий. Заседание у президента происходило в крайне накалённой атмосфере. Делегаты приглашённых стран категорически настаивали на сохранении своих армий. Напрасно их убеждали Вильсон и Ллойд Джордж. Клемансо не выступал. Делегаты чувствовали его молчаливую поддержку. Соглашение так и не было достигнуто. Делегаты малых стран покинули заседание.

Германия знала об этих разногласиях и надеялась, что они помогут ей добиться уступок. Но ожидания её не оправдались. 16 июня Брокдорфу вручили новый экземпляр мирного договора. Это была та же толстая книга, в которую теперь от руки были вписаны красными чернилами некоторые изменения. Франция отказывалась от своего суверенитета в Саарской области в пользу Лиги наций. Для управления областью назначались пять комиссаров. В Верхней Силезии предназначено было провести плебисцит. В сопроводительной ноте Клемансо подчеркнул, что договор «должен быть принят или отвергнут в том виде, в каком он изложен сегодня». На ответ давалось пять дней. В случае неполучения ответа державы объявят, что перемирие кончилось, и примут те меры, которые сочтут необходимыми, «для того чтобы силой провести и выполнить эти условия». Единственная уступка состояла в том, что немцам по их настойчивой просьбе прибавили ещё 48 часов к этим пяти дням.

Немецкая делегация отбыла в Берлин.

Начались заседания германского правительства. Одни министры, в том числе и Брокдорф-Рантцау, предлагали не подписывать мирного договора, надеясь, что разногласия в лагере победителей позволят добиться более мягких условий. Другие настаивали на подписании мирного договора, опасаясь распада империи. Но и те, которые требовали подписания, открыто говорили, что выполнять условий не следует. Запросили мнение Гинденбурга. Он ответил, что армия неспособна сопротивляться и будет разбита; надо сохранить во что бы то ни стало армию и её верховный штаб. Тайно вели переговоры с французами. Те дали понять, что кайзера и генералов не тронут.

21 июня германское правительство сообщило, что готово подписать мирный договор, не признавая, однако, что германский народ является ответственным за войну. На следующий день Клемансо ответил, что союзные страны не пойдут ни на какие изменения в договоре и ни на какие оговорки и требуют либо подписать мир, либо отказаться от подписания. 23 июня Национальное собрание Германии приняло решение подписать мир без всяких оговорок. Настроение было чрезвычайно напряжённое. Боялись, что Антанта может начать наступление. Какой-то депутат, по свидетельству Эрцбергера, волнуясь по поводу затянувшихся прений, истерически кричал: «Где мой автомобиль? Я должен сейчас же ехать! Сегодня ночью появятся французские лётчики!»[1].

28 июня 1919 г. новый министр иностранных дел Германии Герман Мюллер и министр юстиции Белл подписали Версальский мир.

Условия Версальского мира

По Версальскому мирному договору Германия обязывалась вернуть Франции Эльзас-Лотарингию в границах 1870 г. со всеми мостами через Рейн. Угольные копи Саарского бассейна переходили в собственность Франции, а управление областью было передано Лиге наций на 15 лет, по истечении которых плебисцит должен был окончательно решить вопрос о принадлежности Саара. Левый берег Рейна оккупировался Антантой на 15 лет. Территория на 50 километров к востоку от Рейна полностью демилитаризировалась. В округах Эйпен и Мальмеди предусмотрен был плебисцит; в результате его они отошли к Бельгии. То же самое относилось и к районам Шлезвиг-Гольштейна: они перешли к Дании. Германия признавала независимость Чехословакии и Польши и отказывалась в пользу первой от Гульчинского района на юге Верхней Силезии, а в пользу Польши — от некоторых районов Померании, от Познани, большей части Западной Пруссии и части Восточной Прус-

[1] *Эрцбергер,* Германия и Антанта, стр. 356.

сии. Вопрос о Верхней Силезии разрешался плебисцитом. Данциг с областью переходил к Лиге наций, которая обязалась сделать из него вольный город. Он включался в польскую таможенную систему. Польша получала право контроля над железнодорожными и речными путями Данцигского коридора. Германская территория была разделена Польским коридором. В общем от Германии отошла одна восьмая часть территории и одна двенадцатая часть населения. Союзники заняли все германские колонии. Англия и Франция поделили между собой Камерун и Того. Немецкие колонии в Юго-Западной Африке отошли к Южно-Африканскому союзу; Австралия получила Новую Гвинею, а Новая Зеландия — острова Самоа. Значительная часть немецких колоний в Восточной Африке была передана Великобритании, часть — Бельгии, треугольник Кионга — Португалии. Острова на Тихом океане севернее экватора, принадлежавшие Германии, область Киао-Чао и германские концессии в Шаньдуне стали владениями Японии.

Всеобщая воинская повинность в Германии отменялась. Армия, состоявшая из добровольцев, не должна была превышать 100 тысяч человек, включая контингент офицеров, не превышающий 4 тысяч человек. Генеральный штаб распускался. Срок найма унтер-офицеров и солдат определялся в 12 лет, а для вновь назначаемых офицеров — 25 лет. Все укрепления Германии уничтожались, за исключением южных и восточных. Военный флот был сведён к 6 броненосцам, 6 лёгким крейсерам, 12 контрминоносцам и 12 миноносцам. Иметь подводный флот Германии запрещалось. Остальные германские военные суда подлежали передаче союзникам или разрушению. Германии запрещалось иметь военную и морскую авиацию и какие бы то ни было дирижабли. Однако Германия освобождалась от оккупации. Для наблюдения за выполнением военных условий договора создавались три международные контрольные комиссии.

Экономические условия договора сводились к следующему. Особая репарационная комиссия должна была определить к 1 мая 1921 г. сумму контрибуции, которую Германия обязана была покрыть в течение 30 лет. До 1 мая 1921 г. Германия обязывалась выплатить союзникам 20 миллиардов марок золотом, товарами, судами и ценными бумагами. В обмен за потопленные суда Германия должна была предоставить все свои торговые суда водоизмещением свыше 1 600 тонн, половину судов свыше 1 тысячи тонн, одну четверть рыболовных судов и одну пятую часть всего своего речного флота и в течение пяти лет строить для союзников торговые суда по 200 тысяч тонн в год. В течение 10 лет Германия обязывалась поставлять Франции до 140 миллионов тонн угля, Бельгии — 80 миллионов, Италии — 77 миллионов. Германия должна была передать союзным державам половину всего запаса красящих веществ и химических

продуктов и одну четвёртую часть из будущей выработки до 1925 г. Германия отказывалась от своих прав и преимуществ в Китае, Сиаме, Либерии, Марокко, Египте и соглашалась на протекторат Франции над Марокко и Великобритании над Египтом. Германия должна была признать договоры, которые будут заключены с Турцией и Болгарией. Она обязывалась отказаться от Брест-Литовского, как и от Бухарестского, мира и признать и уважать независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 г. Статья 116 мирного договора признавала за Россией право получения у Германии соответствующей части репараций. Германия оставляла свои войска в прибалтийских республиках и в Литве впредь до особого распоряжения союзников. Этим самым Германия становилась соучастницей интервенции в Советской России.

3. ПРОТИВОРЕЧИЯ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ

Договоры, подписанные в Сен-Жермене, Нейи и Трианоне

Покончив с Германией, победители приступили к переговорам с её союзниками. 10 сентября 1919 г. в Сен-Жерменском дворце был подписан договор с Австрией. Она обязывалась передать Италии часть провинций Крайны и Каринтии, Кюстенланд и Южный Тироль. Югославия получила большую часть Крайны, Далмацию, южную Штирию и юго-восточную Каринтию. В Клагенфурте было постановлено провести плебисцит: он закончился в своё время в пользу Австрии. Чтобы вбить клин между Венгрией и Австрией, от первой был отнят Бургенланд и передан второй. Буковину отдали Румынии. В состав Чехословакии вошли Богемия, Моравия, две общины нижней Австрии и часть Силезии. Австрии запрещалось объединение с Германией. Австрия получала право содержать армию в 30 тысяч солдат. Свой военный и торговый флот Австрия передала победителям. Империя Габсбургов перестала существовать.

27 ноября 1919 г., после продолжительных переговоров, в течение которых болгарская делегация доказывала, что война была вызвана политикой царя Фердинанда, в Нейи был подписан договор с Болгарией. Добруджа была закреплена за Румынией. Болгария передала часть своей территории Югославии. Фракия осталась в руках победителей, позже передавших её Греции. Это отрезало Болгарию от Эгейского моря. Болгария обязалась выдать победителям весь флот и уплатить контрибуцию в 2,5 миллиарда золотых франков. Вооружённые силы Болгарии определялись в 20 тысяч человек.

Позже других был заключён мир с Венгрией, переживавшей революцию. Только 4 июня 1920 г. в Версале, в Большом Трианонском дворце, был подписан с ней договор. Словакия и При-

карпатская Русь включены были в состав Чехословакии, к Югославии отошли Хорватия и Словения. Румыния получила Трансильванию и Банат, за исключением части, переданной Югославии. Контингент венгерской армии не должен был превышать 30 тысяч человек. Венгрия осталась без выхода к морю. Над Дунаем устанавливался контроль победителей. От Венгрии отошли около 70% территории и почти половина населения.

Так сложилась послевоенная версальская система.

Итоги Версальского мира

Историки дипломатии сравнивали иногда Версальскую конференцию с Венским конгрессом. Действительно, между обеими конференциями много внешнего сходства. Версальская конференция длилась так же долго, как и Венский конгресс. Так же, как в Вене, в Версале много танцовали и туго подвигались вперёд. Заседания конференции часто прерывались сведениями о революционных вспышках в Европе. Самые задачи Лиги наций сближались с целями Священного союза: они сводились к охране новой системы международных отношений от революции.

Но по существу Версальский мир более всего напоминал мир Франкфуртский. К Версалю вполне подходят слова, сказанные Марксом по поводу Франкфурта: «Это — вернейший способ превратить... войну в *европейскую институцию*... Это — безошибочный способ превратить будущий мир в простое перемирие...» [1].

В самом деле, Версальский мир надолго закрепил противоречия между победителями и побеждёнными. Он вызвал огромную передвижку населения, перед которой бледнеют великие переселения народов. Румыния выселила более 300 тысяч человек из Бессарабии. Из Македонии и Добруджи двинулись с места почти 500 тысяч человек. Немцы уходили из Верхней Силезии. Сотни тысяч венгров были переселены из территорий, перешедших к Румынии, Югославии, Чехословакии. Семь с половиной миллионов украинцев были поделены между Польшей, Румынией и Чехословакией.

В результате Версальского мира славянские народы были разъединены глубокой пропастью. Польша, как форпост Франции на востоке, должна была служить плацдармом для нападения на Россию. Последующее расширение границ Польши за счёт украинских и белорусских земель было заложено в основе Версальского мира, вся система которого была направлена к тому, чтобы сталкивать славянские народы между собой. Закарпатская Украина была придана Чехословакии, несмотря на решение народа, принятое ещё 18 декабря 1918 г., воссоединиться с остальной Украиной. Буковина, вопреки решению «Народного веча» 3 ноября 1918 г. о присоединении

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Соч., т. XXVI, стр. 68.

к Советской Украине, была отдана Румынии. Между Польшей и Чехословакией также были посеяны семена вражды. Югославия, объединившая славянские племена на юге срединной Европы, не получила некоторых частей Словении, отданных Италии или оставленных Австрии после плебисцита. Кроме того, Югославия опекунами версальской системы на долгие годы была поставлена во враждебные отношения к России. Таковы были последствия Версальского мира для славянских народов.

Антанта сплотила против себя побеждённых и вызвала их ненависть. С другой стороны, разногласия внутри самой Антанты не позволили ей создать прочные гарантии против немецкого реванша. Каждый из победителей вёл переговоры с Германией без ведома партнёров и натравливал её против союзников. Не подлежит сомнению, что условия Версальского мира были тяжелы. Но вся тяжесть его была возложена не на германских империалистов, а на немецкий народ. Германские империалисты сохранили всю свою промышленность и легко могли восстановить в полном объёме её производственную мощь. Никто ещё не забыл, с какой баснословной быстротой Франция после своего поражения выплатила немцам 5-миллиардную контрибуцию; а ведь за полвека, отделяющие Версаль от Франкфурта, техника далеко шагнула вперёд.

Армия Германии не была окончательно сокрушена. Кадровый её состав уцелел. Антанта сама помогла его сохранить. Рассчитывая на столкновение Германии с Советской Россией, Антанта сквозь пальцы смотрела на создание немцами сотен военных и спортивных организаций, где под видом инструкторов и охотников скрывались многие десятки тысяч офицеров. К тому же Германия избавлена была от оккупации.

Империалистическая Германия со своей стороны широко пользовалась распрями в среде своих противников. Ведя переговоры то с одним, то с другим, обманывая всех, германские империалисты копили силы для нового наступления. Поистине пророчеством были слова Ленина: Версальский мир «является величайшим ударом, который только могли нанести себе капиталисты и империалисты... победивших стран» [1].

В результате войны и Версаля противоречия между союзниками ещё более углубились. Обострилась борьба между Англией и Францией, США и Англией, США и Японией, наконец, между Италией и ведущими державами Антанты. Ко всему этому присоединялись коренные противоречия двух систем — капитализма и социализма. Версальский мир должен был покончить с войной. В действительности же он превратил её в постоянную угрозу, висящую над всем миром.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXIV, стр. 545.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ИНОСТРАННАЯ ВООРУЖЁННАЯ ИНТЕРВЕНЦИЯ В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (1918—1920 гг.)

1. ПОПЫТКА ИНТЕРВЕНТОВ СОБСТВЕННЫМИ СИЛАМИ СПРАВИТЬСЯ С СОВЕТСКОЙ РОССИЕЙ

Мирные предложения советского правительства

В то время как в Версале разрабатывали условия мира, в Советской России разгоралась война: сотни тысяч вооружённых интервентов заливали страну потоками крови. Дипломаты реакционных правительств не только потворствовали злодеяниям интервентов. Некоторые из них сами принимали участие в грабеже страны и в терроре, вступая в связь с контрреволюционными элементами, боровшимися против советской власти.

Советское правительство и в новой международной обстановке продолжало настойчивую борьбу за мир. Оно пользовалось всяким поводом, чтобы обратиться к европейским правительствам с предложением прекратить войну. Оно соглашалось даже признать, на определённых условиях, иностранные долги, лишь бы прекратить интервенцию. 1 августа 1918 г. советское правительство обратилось к трудящимся массам Англии, Франции, Италии, США и Японии с призывом выступить против интервенции. 5 августа Наркоминдел в письме к американскому генеральному консулу в Москве Пулю заявил решительный протест против англо-французской интервенции. 24 октября Наркоминдел в ноте президенту Вильсону протестовал против интервенции и настойчиво требовал сообщить, из-за чего, собственно, проливают кровь солдаты Антанты в Советской России. 3 ноября Наркоминдел через представителей нейтральных стран обратился ко всем правительствам Антанты с предложением мира.

6 ноября VI Чрезвычайный съезд Советов принял резолюцию, которая предлагала правительствам Англии, Франции, США, Японии прекратить интервенцию и начать мирные переговоры. 23 декабря 1918 г. представитель Наркоминдела, находясь в Стокгольме, по поручению правительства предложил посланникам стран Антанты вступить в переговоры о мире. В течение января 1919 г. советское правительство дважды,

12 и 17-го, выступало с мирными предложениями. Реакционные круги, вдохновлявшие интервенцию, не отвечали; их армии продолжали разбойничью войну.

Тогда народы Советской страны поднялись на оборону отечества против иностранных захватчиков.

Красная Армия отбила первый натиск интервентов и перешла в наступление. Началось освобождение оккупированных районов на западе. 20 ноября возобновило свою деятельность советское правительство Украины. К январю 1919 г. значительная часть Украины стала советской. 1 января 1919 г. Белоруссия была объявлена советской социалистической республикой. Эстонские рабочие вместе с отрядами Красной Армии освободили Эстонию, где образовалось советское правительство. 8 декабря 1918 г. Совнарком признал национальную независимость Эстонской республики. В декабре были освобождены Литва и Латвия. 22 декабря 1918 г. Совнарком признал национальную независимость Литовской и Латвийской советских республик. 23 декабря 1918 г., по докладу народного комиссара по делам национальностей товарища Сталина, ВЦИК подтвердил декрет Совнаркома о признании независимости советских республик Эстонии, Литвы и Латвии.

Советская власть триумфальным шествием распространялась на запад. Части Красной Армии на востоке били чехословаков и колчаковские войска. На юге России советские войска нанесли интервентам ряд поражений.

Принцевы острова

Отпор, данный интервентам народными массами Советской страны, показал всему миру, насколько легкомысленно было утверждение реакционных кругов Антанты, что советская власть продержится только несколько дней. Более дальновидные политические деятели убеждались, что политика интервенции в корне ошибочна. Но реакционеры не хотели сдаваться. Опасаясь открыто настаивать на интервенции, они продолжали её под предлогом оказания помощи Польше против большевиков. Несколько раз в Париже возвращались к этому вопросу. Представитель Польши Падеревский обратился к Вильсону через полковника Хауза с мольбой о срочной помощи против Красной Армии.

16 января в кабинете министра иностранных дел Франции Пишона состоялось заседание Совета десяти, на котором Ллойд Джордж поставил вопрос об отношении к Советской России.

Ллойд Джордж предложил три возможных способа разрешения русского вопроса: военную интервенцию, блокаду или попытку соглашения. Открытую военную интервенцию Ллойд Джордж признал гибельной. «Если бы, — говорил Ллойд Джордж, — тотчас предложить послать для этой цели в Россию

английские войска, в армии поднялся бы мятеж. То же относится и к американским частям в Сибири, и к канадским, и к французским войскам. Мысль подавить большевизм военной силой — чистое безумие»[1]. По поводу Деникина, Колчака и чехословаков Ллойд Джордж заявил, что «надеяться на них — значит строить на сыпучем песке».

Английский премьер-министр высказался и против организации длительной блокады. По мнению Ллойд Джорджа, оставалось одно: пригласить русских представителей в Париж, подобно тому как некогда Римская империя созывала вождей отдалённых областей, подчинённых Риму, с тем чтобы те дали ей отчёт о своих действиях.

Приводя своё сравнение из истории античного мира, Ллойд Джордж упустил лишь одно незначительное обстоятельство: Россия не входила в состав Британской империи.

Вильсон поддерживал доводы Ллойд Джорджа. Он подтвердил, что американские войска не пойдут против большевиков, и предложил поговорить с советскими представителями, но при непременном условии: они должны «очистить Литву и Польшу»[2].

Против предложения Ллойд Джорджа высказалась Франция. Не придя к соглашению, Совет десяти решил перенести обсуждение русского вопроса на 21 января. Пишон и Соннино предложили заслушать на этом заседании «специалистов» по русскому вопросу — только что прибывшего из Советской России французского посла Нуланса и бывшего датского посланника в Петербурге Скавениуса.

Нуланс, имевший в кармане удостоверение о концессии, полученное им от белого правительства Северной области, без зазрения совести клеветал на заседании Совета десяти на Советскую Россию. Скавениус же заявил, что «ядро Красной Армии составляют иностранцы — латыши, венгры, немцы, китайцы». В конце речи, видимо приличия ради, Скавениус добавил: «Конечно, некоторое количество русских собрано вокруг этого ядра»[3]. Фантастическая картина, нарисованная дипломатами, показалась мало правдоподобной Ллойд Джорджу. Он заметил, что Нуланс «проявляет склонность к помпезности, что он сентенциозен и плохо информирован, повторяет сплетни и слухи парижских журналистов крайнего правого направления об ужасах большевизма»[4].

---

[1] Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee of Foreign Relations. Sixty sixth congress, Washington 1919, p. 1236. Частично опубликовано в книге, составленной *С. А. Алексеевым*, Гражданская война в Сибири и Северной области, Гиз, М.—Л. 1927, стр. 409—410.

[2] Ibid., p. 1237.

[3] *David Lloyd George*, The Truth about the Peace Treaties, v. I, p. 339.

[4] Ibid., p. 338.

Совет десяти не принял никаких решений. Вечером британская делегация заседала одна. Представитель Канады Роберт Борден и Австралии Юз категорически отрицали возможность посылки канадских и австралийских войск в Россию. Ллойд Джордж выступил с предложением начать переговоры с большевиками ввиду явной невозможности сбросить их силой. Было принято решение — также предложенное Ллойд Джорджем — организовать «защиту некоторых независимых государств от вторжения» [1].

Речь шла о Польше, Литве, Эстонии, Латвии и Финляндии.

В тот же вечер — 21 января — снова состоялось заседание Совета десяти. К этому заседанию Вильсон получил новые материалы. В начале января атташе американского посольства в Лондоне Буклер был направлен в Стокгольм для переговоров с уполномоченными советского правительства. Буклер телеграфировал Вильсону в Париж о результатах своей миссии. На утреннем заседании Совета десяти Вильсон огласил информацию Буклера, а также письмо главы польского государства Падеревского о помощи. На вечернем заседании Вильсон внёс поправку в предложение Ллойд Джорджа: он высказался за то, чтобы пригласить русских в Салоники или на остров Лемнос. Начались бурные прения. Барон Соннино категорически возражал против переговоров с большевиками. Он признал, что Италия, а также Франция находятся под непосредственной угрозой большевизма; приглашение большевиков на конференцию лишь укрепит их положение. Надеяться на то, что большевики не примут приглашения и что их отказ можно будет использовать против них, не приходится. Соннино предложил организовать против большевиков армию из волонтёров, а на конференцию пригласить лишь представителей антибольшевистских правительств.

Японский делегат Макино присоединился к Ллойд Джорджу и Вильсону. Он отметил, что «условия в Сибири, к востоку от Байкала, существенно изменились; обстоятельства, вызвавшие необходимость посылки частей в этот район, устранены» [2].

Клемансо был против приглашения советских представителей. Однако каждый день приносил новые сообщения о продвижении Красной Армии. Нужно было хоть на время задержать наступление большевиков, пока белогвардейцам будет оказана помощь. Поэтому Франция в конце концов уступила доводам Ллойд Джорджа и Вильсона. «Большевистская опасность в настоящий момент очень велика, — пугал Клемансо. — Большевизм расширяется. Он захватит балтийские области и Польшу, и как раз сегодня получены дурные известия о его

---

[1] *David Lloyd George,* The Truth about the Peace Treaties, v. I, p. 352.

[2] Treaty of Peace with Germany. Hearings before the Committee of Foreign Relations. Sixty sixth congress, Washington 1919, p. 1243.

успехах в Будапеште и Вене. Италия также в опасности. Там опасность, повидимому, больше, чем во Франции. Если большевизм, распространившись в Германии, перебросится через Австрию и Венгрию и достигнет Италии, то Европа окажется перед лицом огромной опасности»[1]. Слушая документ, оглашённый президентом Вильсоном, Клемансо, по его словам, поражён ловкостью, с какой большевики пробуют поймать союзников в ловушку. Если бы Клемансо был один, он выждал бы и воздвиг бы барьер, чтобы предупредить распространение большевизма. Но он вынужден итти на уступки своим коллегам. Важно избежать даже видимости разногласий между ними.

Совет десяти поручил Вильсону обратиться ко всем воюющим в России группам с приглашением прибыть на совещание по вопросу о восстановлении мира в России. Предварительным условием участия на конференции было прекращение военных действий. 22 января 1919 г. в печати появилось обращение Вильсона. Представителей враждующих лагерей в России приглашали не в Париж и не в Салоники, а на Принцевы острова.

Обращение Вильсона было безличным. Советское правительство не получило его непосредственно от Совета десяти. Оно дошло до Москвы в виде радиосообщения из Парижа. Наркоминдел немедленно поручил полномочному представителю Советской республики в Стокгольме собрать дополнительные сведения, связанные с обращением союзников. Наркоминдел указывал, что советское правительство не получило официального приглашения на конференцию; поэтому оно вынуждено пока отнестись к информации о ней, как к слуху, требующему подтверждения. Самое приглашение на изолированные острова внушает мысль, что конференция будет окружена непроницаемой тайной или же что ей не будет обеспечена полная гласность. Наркоминдел поручал полномочному представителю проверить все данные и сообщить своё мнение, не имеют ли державы Согласия тайных намерений добиться аннексии Архангельска, Баку, Сибири или Туркестана.

Копия радиотелеграммы, адресованной в Стокгольм, была послана также в Париж, в адрес редакции газеты «Populaire», с просьбой ответить на поставленные вопросы.

Одновременно советская станция перехватила английскую радиотелеграмму, в которой сообщалось, будто бы Вильсон уже обратился к существующим в России контрреволюционным правительствам с приглашением прибыть на Принцевы острова.

28 января советское правительство послало радиотелеграмму в Париж президенту Вильсону, уведомляя, что приглашение на конференцию Москвой не получено. Советское прави-

---

[1] *С. А. Алексеев,* Гражданская война в Сибири и Северной области, стр. 415.

тельство обращает внимание Вильсона на это обстоятельство, с тем чтобы в результате возможного недоразумения не была ложно истолкована позиция советского правительства.

Дошли ли советские радиотелеграммы до адресатов, неизвестно. Во всяком случае, 29 января бывший русский посол в Париже Маклаков в интервью с представителями американской печати заявил, что «Чичерин в ответ на приглашение на мирную конференцию потребовал гарантий и более точных разъяснений» [1].

По этому поводу Наркоминдел отправил 31 января радиотелеграмму Пишону, министру иностранных дел Франции, с указанием, что кроме телеграммы полномочному представителю, посланной в копии в редакцию «Populaire», никаких других заявлений советское правительство не делало. Оно не может поэтому ни выставлять требования, ни отвечать на приглашение, раз оно такового не получало.

Иностранная пресса превозносила миролюбие союзников. Журналисты на все лады доказывали, что предложение союзников имеет-де целью оказание помощи России. С другой стороны, та же печать стала поговаривать о непримиримости большевиков, от которых якобы не поступило никакого ответа на предложение союзников. Всё яснее становилось, что некоторые круги стран Антанты хотят выставить себя в роли миротворцев, учитывая общие пацифистские настроения масс, а на деле вовсе не собираются созывать конференцию и лишь пытаются свалить на Советскую Россию ответственность за мнимую неудачу их посредничества.

Советская страна была крайне заинтересована в мире. Поэтому 4 февраля советское правительство обратилось по радио к Великобритании, Франции, Италии, Японии и США. Наркоминдел сообщал, что хотя советское правительство и не получило прямого приглашения, но в предупреждение неправильного толкования его образа действий оно считает необходимым дать свой ответ. Советское правительство заявляет, что, несмотря на непрерывно улучшающееся военное положение, оно готово пойти на жертвы, чтобы добиться мира для русского народа. Единственная оговорка, которую советское правительство считает необходимым выдвинуть, заключается в том, что оно согласно на уступки лишь до известного предела, а именно: ничто не должно мешать советскому народу устраивать свою жизнь на социалистических началах. Советское правительство соглашается признать долги старого правительства; оно готово приступить немедленно к выплате процентов по старым займам и предоставить ряд концессий государствам

[1] «Известия» № 25 от 4 февраля 1919 г. От Наркоминдела, «Россия и союзники».

или капиталистам. Далее, советское правительство предлагает включить в договор, на основе взаимности, и обязательство воздержания от пропаганды. Оно соглашается даже, несмотря на свои военные успехи, говорить и о территориальных уступках. Выражая согласие немедленно начать переговоры на Принцевых островах или в любом другом месте, со всеми державами совместно, или же с отдельными государствами, либо с отдельными политическими группировками, советское правительство просит сообщить, куда направить своих представителей.

Таким образом, предложение советского правительства содержало согласие «*немедленно начать*» переговоры о пожеланиях империалистических правительств. Но это отнюдь не означало готовности *удовлетворить* эти пожелания. Советское предложение имело целью разоблачить истинные цели империалистических кругов, сорвать с них маску примирителей. Дипломатия Антанты была припёрта к стене: ей приходилось либо отречься от приписываемых ей целей, либо выдать свои аннексионистские замыслы.

Дипломатический маневр советского правительства достиг своей цели. По получении советского радио Вильсон заметил: «Большевики согласились (пойти на конференцию. — *Ред.*), но согласились обдуманно-оскорбительным образом».

Неудовольствие Вильсона было настолько велико, что, выступая в Белом доме на закрытом заседании национального комитета демократической партии, он сердито обозвал большевиков «величайшими плутами в мире» и требовал поддержки Лиги наций как противовеса коммунизму.

Антанта оставила радиотелеграмму Наркоминдела без ответа. В феврале ею были получены сведения о подготовляемом контрнаступлении Колчака. Отпадала, таким образом, необходимость задуманного дипломатического заговора. С другой стороны, Франция подняла борьбу против меморандума Вильсона. 27 января, по указке французского правительства, бывший русский посол в Париже Маклаков предложил всем контрреволюционным правительствам, организовавшимся на территории России, прислать свой ответ на американский меморандум, предоставив Маклакову право использовать эти отклики в нужный момент. Маклаков сообщал при этом, что Франция выступает против предложения созвать конференцию на Принцевых островах. 16 февраля 1919 г. все контрреволюционные правительства одновременно сообщили о своём отказе встретиться с большевиками.

Миссия Буллита

Тем временем победоносное наступление Красной Армии продолжалось на всех фронтах. По предложению Вильсона, в Советскую Россию было решено послать одного из участников американской мирной делегации, Вильяма Буллита, впоследствии посла США

в СССР. От имени Англии и Америки Буллиту было поручено узнать, на каких условиях большевики согласны начать переговоры. При этом Ллойд Джордж сообщал условия, на которых страны Антанты считали бы возможным их вести. Эти условия сводились к следующему:

«1. Прекращение военных действий на всех фронтах.

2. Все существующие де факто правительства остаются на занимаемых ими территориях.

3. Железные дороги и порты, необходимые для сообщения Советской России с морем, должны быть подчинены тем же правилам, которые действуют на международных железных дорогах и в портах остальной Европы.

4. Подданным союзных держав должны быть обеспечены право свободного въезда в Советскую Россию и полная безопасность, чтобы они могли вести там свои дела при условии невмешательства в политику.

5. Амнистия всем политическим заключённым с обеих сторон и полная свобода всем русским, сражавшимся на стороне союзников.

6. Торговые отношения между Советской Россией и внешним миром должны быть восстановлены при условии, чтобы при надлежащем уважении к суверенитету Советской России было гарантировано равномерное распределение помощи, присылаемой союзниками, среди всех классов русского народа.

7. Все другие вопросы, связанные с русскими долгами союзникам и т. д., должны быть рассмотрены самостоятельно после установления мира.

8. Все союзные войска должны быть уведены из России, коль скоро будет демобилизована русская армия свыше количества, имеющего быть установленным; лишнее оружие будет выдано или уничтожено».

Характерно, что свой план Англия и Америка скрыли от французов.

В конце февраля Буллит уехал в Советскую Россию. Он посетил Наркоминдел, был у Ленина, от которого и получил ответ на предложения Англии и Америки. Ленин принял в основном предложение Антанты, но внёс со своей стороны ряд уточнений. Ленин требовал, чтобы долги равномерно были распределены между странами бывшей России, а золото, захваченное чехами, было зачтено в уплату долга. Точно так же в уплату долга Ленин требовал отнести и то золото, которое советское правительство уплатило по Брестскому миру Германии, откуда оно попало в руки союзников. В одном из пунктов Ленин писал:

«Все войска союзных и ассоциированных правительств и других нерусских правительств должны быть удалены из России, и оказание военной помощи противо-советским правитель-

ствам, образованным на территории бывшей Российской империи, должно быть прекращено немедленно по подписании настоящего соглашения.

Как Советские правительства, так и противо-советские правительства, образовавшиеся на территории бывшей Российской империи и Финляндии, начинают одновременно и в одинаковой степени сокращение своих армий до мирного положения немедленно по подписании настоящего соглашения.

Конференция должна установить самую действительную и справедливую форму инспекции и контроля этой одновременной демобилизации, а также удаления войск и прекращения военной поддержки противо-советским правительствам»[1].

Приведённый пункт вскрывал мотивы, в силу которых советское правительство шло на предложения Антанты. Ясно было, что контрреволюция держалась только помощью интервентов. С уходом интервентов народные массы легко опрокинули бы Колчака, Деникина и прочих контрреволюционеров.

Дипломатический ход советского правительства был повторением тактики эпохи Брестского мира. Тогда дело шло о том, чтобы вырваться из войны и добиться передышки; сейчас — о срыве интервенции и переходе к мирному строительству. Выступая на митинге 13 марта, Ленин сравнивал политику, связанную с принятием англо-американского предложения, с Брестским миром.

«Вот почему та политика, которую нам пришлось вести в течение Брестского мира, самого зверского, насильнического, унизительного, оказалась политикой единственно правильной,— говорил Ленин. — И я думаю, что *не бесполезно вспомнить об этой политике ещё раз теперь, когда похожим становится положение по отношению к странам Согласия, когда они всё так же полны бешеного желания* свалить на Россию свои долги, нищету, разорение, ограбить, задавить Россию, чтобы отвлечь от себя растущее возмущение своих трудящихся масс»[2].

Буллит привёз предложения Ленина в Париж. Он передал письмо Вильсону и Лансингу, встретился с Ллойд Джорджем в присутствии Керра, Смэтса и Мориса Хенки. Ознакомившись с меморандумом, Ллойд Джордж передал его Смэтсу со словами:

«Генерал, это важный документ. Вы должны его срочно прочитать».

Ллойд Джордж стал вслух перебирать, кого можно было бы послать в Советскую Россию. Хорошо бы кого-нибудь, «кто был бы известен миру как убеждённый консерватор». Ллойд Джордж называл кандидатуры Ленсдауна, Сесиля и, наконец, остановился на маркизе Солсбери. Премьер-министр настаивал

---

[1] «Правда» № 110 от 23 мая 1919 г.

[2] *Ленин*, Соч., т. XXIV, стр. 59. Курсив наш. — *Ред.*

на том, чтобы Буллит опубликовал свой меморандум. Президент Вильсон также собирался принять Буллита.

Но положение вдруг резко изменилось. Вильсон сказался больным и не принял Буллита, а Ллойд Джордж, выступая в Парламенте, заявил, что он с большевиками вообще никаких переговоров не вёл.

2. РОЛЬ АНТАНТЫ В ОРГАНИЗАЦИИ ПОХОДОВ КОЛЧАКА И ДЕНИКИНА (1919 г.)

Наступление Колчака и Деникина

Поворот Ллойд Джорджа объяснялся новым изменением военного положения Советской России. В начале 1919 г., когда Ллойд Джордж и Вильсон выступили в Совете десяти с предложениями о переговорах с большевиками, в странах-победительницах, в тылу и в войсковых частях нарастало революционное движение. Солдаты оккупационных армий отказывались сражаться против Красной Армии. В Германии подъём революционной волны был особенно высок как раз в эти дни — в январе 1919 г. Ллойд Джордж более всего боялся соглашения между Германией и Советской Россией. Приходилось действовать крайне скрытно и осторожно, чтобы, с одной стороны, не вызывать возмущения рабочих масс в Англии и Америке, а с другой — не оказать невольной услуги делу германо-советского сближения. Помощь русской контрреволюции не прекращалась ни на минуту. Видные генералы Антанты, в том числе Нокс от Англии и Жанен от Франции, с большим количеством сотрудников были направлены в Сибирь. 16 января 1919 г. союзники заключили с Колчаком соглашение. Генерал Жанен был назначен главнокомандующим союзными войсками, действующими на Дальнем Востоке и в Сибири, к востоку от Байкала. Одновременно чехословацкое правительство назначило его командующим чехословацкими войсками в Сибири.

Пункт 2 соглашения с Колчаком гласил:

«В интересах обеспечения единства действий на всём фронте русское верховное командование будет согласовывать свою оперативную тактику с общими директивами, сообщёнными генералом Жаненом, представителем междусоюзнического верховного командования» [1].

Общие планы и приказы русского командования представлялись генералу Жанену. При нём создавался штаб, который должен был сотрудничать с колчаковским штабом.

«В целях обеспечения действительного сотрудничества между русскими и союзными войсками, — гласил тот же документ, — и правильной ориентации в требованиях пополнений,

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», изд. НКИД, М. 1922, стр. 146.

направляемых союзным правительством, а также относительно употребления материалов генерал Жанен будет иметь право осуществлять общий контроль на фронте и в тылу.

Генерал сможет, по соглашению с русским главнокомандующим, иметь своих офицеров в штабах, частях и учреждениях.

Указанные офицеры смогут при случае давать технические советы» [1].

Генерал Нокс был назначен начальником снабжения, а также организатором формирующихся частей. Все заявки на помощь должны были рассматриваться совместно генералом Жаненом и генералом Ноксом, с одной стороны, и военным министром колчаковского правительства — с другой. Колчак обязывался посвящать генералов Жанена и Нокса во все свои планы относительно организации армии и её развития.

Помощь Антанты позволила Колчаку сформировать 300-тысячную армию. К весне 1919 г. положение интервентов улучшилось. Колчак в марте перешёл в стремительное наступление и занял Бугульму. На юге начал наступление Деникин. На западе Красная Армия оставила Вильно. В Прибалтике свергнута была советская власть. Для подкрепления своих сил Антанта обратилась за помощью к Германии. В Латвии сражалась немецкая дивизия под командованием фон-дер-Гольца, которая, действуя совместно с белыми латышскими отрядами, потеснила части Красной Армии. Готовился к активным действиям под Петроградом генерал Юденич. Усиливалось давление со стороны генерала Миллера на севере.

Изменилось положение и в Центральной Европе. В Германии к власти пришли не спартаковцы, которых боялся Ллойд Джордж, а социал-демократы большинства в блоке с демократами и центром. Советская революция в Баварии была подавлена. Мюнхен занят был войсками контрреволюции. Удушение венгерской революции было поручено румынской армии. Опасность соглашения между Советской Россией и Германией как будто окончательно рассеялась.

Переговоры Антанты с большевиками были прерваны. Свои надежды реакционные круги Антанты возложили на разгром большевиков силами Колчака. Ему посылали огромное количество пушек, пулемётов, обмундирования. Иностранные войска охраняли Великий сибирский путь, чтобы не допустить срыва этого снабжения. В кругах Антанты стали поговаривать о признании Колчака. Мало того, его собирались пригласить на Парижскую конференцию. Осведомлённые журналисты сообщали:

«19 мая дипломатическая цензура пропускает сообщение о признании союзниками правительства Колчака, но запрещает

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 147.

говорить о том (из осторожности), что последний представит Россию в день подписания мирного договора»[1].

26 мая 1919 г. Англия, Франция, США и Италия особой нотой сообщили Колчаку, что готовы его признать. От официального признания контрреволюционных правительств Антанта воздерживалась полтора года.

От Колчака потребовали, однако, выполнения некоторых условий. Эти условия были следующие: созыв Учредительного собрания после занятия Москвы; признание независимости Польши и Финляндии; при невозможности урегулировать вопрос о независимости Эстонии, Латвии, Литвы, кавказских и закаспийских образований с их правительствами передать этот вопрос в Лигу наций; до этого — признание этих областей автономными.

Колчак снёсся с Деникиным, наступавшим на юге, с Миллером — на севере, и ответил на условия Антанты весьма уклончиво. Он соглашался признать де факто правительство Финляндии, но окончательное решение откладывал до Учредительного собрания. Что касается Эстонии, Латвии и других, то Колчак обещал только подготовить «решение вопроса об этих национальных группах», как выразился он в своей ноте.

12 июня 1919 г. Англия, Франция, США и Италия признали ответ Колчака удовлетворительным и обещали ему помощь.

Помощь реакционных кругов Антанты, однако, запоздала: когда Колчак получил ноту о признании, его разбитые войска уже отступали в глубь Сибири. На второй день после отправки Колчаку ноты о признании, 27 мая, журналисты получили распоряжение «не давать информаций об отступлении белых русских перед контрнаступлением большевиков».

Признание не задержало падения Колчака. Красная Армия освободила Урал и стремительно двигалась в Сибирь.

Не успела Красная Армия разгромить Колчака, как против неё выдвинута была новая сила — генерал Деникин. Не менее 250 тысяч ружей, 200 пушек, 30 танков и громадные запасы оружия и снарядов были посланы через Дарданеллы и Чёрное море в Новороссийск.

Прибалтийские страны в интервенции

В целях оказания помощи Деникину реакционные круги Антанты пытались поддержать его силами малых национальных государств, образовавшихся на территории бывшей царской России.

Прибалтийские страны — Эстония, Латвия, Литва, Финляндия, — так же как и Польша, играли большую роль в этих

[1] *M. Berger* et *P. Allard,* Les dessous du traité de Versailles, Paris 1933, p. 211.

расчётах Антанты. В случае успеха большевиков прибалтийские страны могли служить барьером между Советской Россией и другими странами, как это было в конце 1918 и начале 1919 г., когда Красная Армия успешно продвигалась вперёд. Некоторые деятели Антанты носились с идеей создания «санитарного кордона», который, при поддержке Антанты, задержал бы распространение революции на запад.

«Большевизм — это заразительная болезнь, — писал в своём дневнике лорд Берти, английский посол в Париже с 1905 по 1919 г., — которая, как можно думать, распространится на Германию и Австрию. Но Антанте придётся установить карантин старого образца, чтобы уберечься от заразы» [1]. Лорд Берти в данном случае повторил выражение Клемансо, который считал необходимым создание «санитарного кордона вокруг Советской страны путём снабжения деньгами и оружием Польши, прибалтийских стран, Румынии и Чехословакии». В том же дневнике 6 декабря 1918 г. лорд Берти расшифровал, какого рода карантин желателен Антанте. Сообщая о планах расчленения России, лорд Берти писал:

«Нет больше России! Она распалась, исчез идол в лице императора и религии, который связывал разные нации православной веры. Если только нам удастся добиться независимости буферных государств, граничащих с Германией на востоке, т. е. Финляндии, Польши, Эстонии, Украины и т. д., и сколько бы их ни удалось сфабриковать, то, по-моему, остальное может убираться к чорту и вариться в собственном соку» [2].

Если бы интервентам удалось потеснить Красную Армию, прибалтийские страны могли бы стать плацдармом для дальнейшего развития борьбы против Советской России. «Times» дал 17 апреля 1919 г. весьма характерную оценку стратегического значения Финляндии. По существу, соображения, развитые газетой, относились и ко всем остальным странам Прибалтики.

«Если мы посмотрим, — писал «Times», — на карту, то увидим, что лучшим подступом к Петрограду является Балтийское море и что кратчайший и самый лёгкий путь лежит через Финляндию. Финляндия является ключом к Петрограду, а Петроград — ключом к Москве».

Неудивительно, что на Парижской конференции так часто упоминались прибалтийские страны: они неизбежно выступали на сцену всякий раз, как ставился русский вопрос. При этом

---

[1] Лорд *Берти*, За кулисами Антанты, перев. с англ., М. — Л. 1927 стр. 172.

[2] Там же, стр. 191.

между Англией и Францией и по прибалтийской проблеме вскрывались серьёзные противоречия. Англия настаивала на признании независимости прибалтийских стран; представители Франции высказывались за автономию Эстонии и Латвии в пределах единой капиталистической России. По этому вопросу за время Парижской конференции союзники так и не пришли к соглашению.

С наступлением Деникина усилилось давление на прибалтийские страны, целиком находившиеся в зависимости от Антанты. Союзные посланники распоряжались в этих странах, как в колониях. В Эстонию, Латвию, Финляндию посылались пушки, аэропланы, боевые припасы и снаряжение. Английский флот вошёл в Финский залив. Боевые корабли двигались из Ревеля в Гельсингфорс, своим угрожающим видом подкрепляя нажим дипломатов. Английский генерал Гофф, сообщая Юденичу об оказываемой ему помощи, писал 4 августа 1919 г.:

«С имеющимися у вас силами, подкреплёнными нашими аэропланами, нашими снарядами и нашими танками, вы будете в состоянии взять Петроград» [1].

Выступлению прибалтийских стран мешала недоговорённость между ними и белыми деятелями. Большинство белогвардейцев поддерживало реставрационный лозунг Колчака и Деникина — «единая, неделимая Россия» — конечно, царская. Белые деятели, по указанию Колчака, и слышать не хотели о независимости прибалтийских стран, тем более, что белые войска опять успешно продвигались вперёд. Тогда английский генерал Марч, помощник генерала Гоффа, созвал 10 августа в Ревеле в помещении английской военной миссии ряд представителей русской контрреволюции. Это была кучка провинциальных деятелей не выше уровня гласных городской думы, наспех собранных нефтепромышленником Лианозовым. Им было сообщено следующее:

«Генерал Марч предлагает собравшимся образовать в своём составе правительство Северо-Западной области и принять на себя обязанности немедленного разрешения русских вопросов. Если это не будет сделано, то он от имени Англии заявляет, что Англия и все союзники немедленно прекращают всяческое снабжение русской северо-западной армии».

Затем генерал Марч заявил, что он удаляется, чтобы дать возможность собравшимся обсудить его предложение, и просит, не уходя из комнаты, к 7 часам (т. е. через 40 минут)

---

[1] Было приведено в меморандуме советского правительства 20 апреля 1922 г. на Генуэзской конференции. См. «Материалы Генуэзской конференции», стр. 145.

образовать правительство. При этом он вручил список распределяемых портфелей на английском языке и сообщил, что лиц, указанных в списке, союзники хотели бы видеть в составе правительства.

Белогвардейцы подчинились. Было создано так называемое северо-западное правительство с Лианозовым во главе. В тот же день был подготовлен договор с эстонским правительством. Однако оно отказалось его подписать, не доверяя белому правительству.

Тогда генерал Марч пригласил к себе северо-западное правительство и предложил ему созвать в Пскове либо в Юрьеве съезд депутатов северо-запада, на котором принять декларацию. Вынув из кармана заранее заготовленный текст, он показал его Лианозову. «Эта бумага никуда не пойдёт, — заявил он, — она останется в нашем кармане...»

Основываясь на этом разговоре Марча и на подготовленной им же, но не опубликованной декларации, глава английской дипломатической миссии в балтийских странах Пирр-Гордон обратился с воззванием к жителям Пскова, в котором сообщал о близком созыве в Юрьеве съезда народных представителей. Пирр-Гордон писал в своём воззвании, что северо-западное правительство «пользуется советами и материальной помощью союзников России, которые ныне выгрузили запасы продовольствия, оружия, одежды и снаряжения, чтобы дать возможность вновь образованному правительству освободить как можно более русских из-под тирании большевиков».

Чтобы усилить позиции белогвардейцев, Англия и Франция пошли на компромисс в вопросе признания независимости прибалтийских стран. 20 августа 1919 г. была опубликована декларация союзных держав о признании независимости прибалтийских стран, с оговоркой, что этот вопрос может быть решён окончательно лишь после урегулирования всех взаимоотношений с Россией или после третейского решения Лиги наций. Признание, таким образом, было условным. Американское правительство отказалось присоединиться к союзной декларации.

Казалось, Антанте удалось, наконец, добиться вовлечения лимитрофов в борьбу против Советской России. Эстонские части поддерживали наступление Юденича на Петроград. Финские белогвардейцы и карельское кулачество организовали банды, нападавшие на трудовое население Карелии. Финляндия мобилизовала несколько тысяч финских белогвардейцев для участия в осеннем наступлении Юденича. Под руководством английских и французских инструкторов финская армия была реорганизована, вооружена пушками и пулемётами, танками и самолётами.

Советская дипломатия в борьбе за нейтрализацию прибалтийских стран

Буржуазия прибалтийских государств оказалась в двойственном положении. Классовые интересы и зависимость от Антанты толкали её вместе с Деникиным против Советской страны. Но в тылу усиливалось революционное движение. В самих буржуазных кругах росло сознание, что, помогая Деникину, буржуазия прибалтийских стран отказывается от борьбы за национальную независимость и теряет господствующее положение в собственных странах. Это заставляло правительства прибалтийских государств колебаться в своей поддержке наступления белых.

Советская дипломатия широко использовала эти колебания и ещё усилила их своей активной политикой. 31 августа, через 10 дней после декларации Антанты о признании «условной» независимости мелких стран, советское правительство предложило мир Эстонии, подтверждая её *безусловную* национальную независимость. 11 сентября такое же предложение было сделано Латвии, Литве и Финляндии. Эстония, колебавшаяся между Антантой и Советской Россией, предпочла пойти на соглашение: в разгар наступления Деникина, в сентябре 1919 г., в Пскове начались переговоры о мире между Эстонией и РСФСР.

Но реакционеры Антанты заставили Эстонию прервать переговоры. Началась яростная дипломатическая борьба за привлечение прибалтийских стран на сторону интервентов. С целью прекратить колебания малых государств и усилить интервенцию Клемансо обратился 10 октября 1919 г. с нотой к правительствам Швеции, Дании, Норвегии, Голландии, Финляндии, Испании, Швейцарии, Мексики, Чили, Аргентины, Колумбии и Венецуэлы. Франция призывала указанные страны присоединиться к блокаде Советской страны. Клемансо предлагал им воздерживаться от посылки кораблей в советские порты, запретить банкам совершать операции с большевистской Россией, отказывать своим гражданам в разрешении сноситься с ней по почте, телеграфу и радиотелеграфу. Нота угрожающе добавляла, что французские и британские суда в Финском заливе будут принуждать менять курс те корабли, бумаги которых выписаны на порты большевистской России.

Такая же нота была послана и Германии с предложением присоединиться к блокаде. Одновременно усилился нажим на правительства прибалтийских государств. От них требовали наступления против большевиков.

Советское правительство приняло свои контрмеры. Получив сведения о ноте Клемансо, оно сообщило 20 октября 1919 г. Германии, что будет считать невызванным враждебным актом её присоединение к блокаде и предпримет надлежащие ответные

шаги. Такая же нота была послана Швеции, Норвегии, Дании, Голландии и Швейцарии.

Решительное выступление советской дипломатии произвело ожидаемое действие. Германия непрочь была принять участие в интервенции. Германские генералы не раз предлагали свои услуги Антанте и даже формировали вооружённые части для нападения на Россию. Но правительство Германии боялось полной изоляции, в случае разрыва с Советской страной: Германия нуждалась в русских рынках. Получив предупреждение советской дипломатии, Германия ответила Франции, что сомневается в успехе организуемой Антантой блокады: намечаемые меры будут только способствовать росту большевизма. Другие страны промолчали. В конце концов ни помощь союзников Деникину, ни их блокада не сломили сопротивления Советской страны. Красная Армия, поддержанная всем народом, перешла в контрнаступление против белых армий.

Мир с Эстонией — окно в Европу

В то же время советская власть возобновила свои мирные предложения правительствам прибалтийских стран. Первой приняла предложение Эстония. Это было крупной победой советской дипломатии.

Анализируя этот успех и подчёркивая международное значение политики большевиков в отношении малых стран, Ленин говорил:

«Если бы все эти маленькие государства пошли против нас, — а им были даны сотни миллионов долларов, были даны лучшие пушки, вооружение, у них были английские инструктора, проделавшие опыт войны, — если бы они пошли против нас, нет ни малейшего сомнения, что мы потерпели бы поражение. Это прекрасно каждый понимает. Но они не пошли, потому что признали, что большевики более добросовестны. Когда большевики говорят, что признают независимость любого народа, что царская Россия была построена на угнетении других народов, и что большевики за эту политику никогда не стояли, не стоят и не будут стоять, что войну из-за того, чтобы угнетать, большевики никогда не предпримут, — когда они говорят это, им верят. Об этом мы знаем не от большевиков латышских или польских, а от буржуазии польской, латышской, украинской и т. д.

В этом сказалось международное значение большевистской политики. Это была проверка не на русской почве, а на международной. Это была проверка огнём и мечом, а не словами. Это была проверка в последней решительной борьбе. Империалисты понимали, что у них солдат своих нет, что задушить большевизм можно, только собрав международные силы, и вот все международные силы были побиты» [1].

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 54.

5 декабря 1919 г. в Юрьеве (Тарту) снова начались переговоры с Эстонией.

Учитывая, что дипломаты Франции и Англии попрежнему будут продолжать своё давление на эстонское правительство и всячески тормозить мирные переговоры, Ленин решил обратиться непосредственно к самим державам Антанты. В тот же день, когда начались переговоры с Эстонией, VII Всероссийский съезд Советов, заседавший в Москве, принял резолюцию, предложенную Лениным. Перечислив неоднократные попытки советского правительства в течение двух лет добиться мира и одобрив все эти шаги, съезд снова подтвердил своё неуклонное стремление к миру и ещё раз предложил Англии, Франции, США, Италии и Японии — всем вместе или порознь начать немедленно переговоры о мире. 10 декабря уполномоченный Наркоминдела в Дании т. Литвинов передал мирную резолюцию съезда представителям держав Антанты в Копенгагене, добавив, что он уполномочен вступить в предварительные переговоры о мире. 11 декабря посланники Англии, Франции и Италии вернули Литвинову ноту, сообщив, что не уполномочены на принятие от него каких-либо заявлений. На следующий день в интервью сотруднику агентства Рейтер т. Литвинов заявил, что если посланники держав Антанты откажутся и на сей раз передать мирные предложения своим правительствам, то всему миру станет ясным лицемерие министров Антанты, утверждавших, будто Советская Россия не выступала с формальным предложением мира. Интервью советского представителя нашло отклик в общественном мнении стран Антанты. В частности Лондонский конгресс тред-юнионов потребовал немедленного рассмотрения правительством советского предложения. Поставленные в затруднительное положение, посланники Антанты выступили в печати с официальным заявлением: они, де, возвратили ноту Литвинову потому, что он допущен датским правительством только для переговоров с представителем Англии О'Греди об обмене пленными; это будто бы не означает отклонения предложения.

Переговоры с Эстонией тем временем продолжались. Они подвигались вперёд медленно: Антанта — правда не так откровенно, как раньше, — попрежнему прилагала все усилия, чтобы сорвать их и на этот раз. С этой целью Франция выдвинула идею создания Балтийского блока государств — Эстонии, Латвии, Литвы, Финляндии и Польши, — направленного против Советской России. В январе 1920 г. в Гельсингфорсе удалось собрать конференцию пяти стран. По основному вопросу об отношении лимитрофов к Советской России конференция приняла резолюцию «сообразоваться в своих действиях с указаниями держав Антанты». Блок балтийских государств, однако, в этот период организовать не удалось. Позиция Литвы оказа-

лась весьма сдержанной вследствие её территориальных споров с Польшей. Эстония также отнеслась отрицательно к проекту блока, так как к этому времени уже прекратила военные действия против Советской России и боялась срыва переговоров о заключении мирного договора. Советская дипломатия успешно преодолевала французские интриги. Длительные переговоры с Эстонией закончились 2 февраля 1920 г. подписанием мира. Ленин так оценивал значение этого акта:

«Это окно, пробитое русскими рабочими в Западную Европу, это неслыханная победа над всемирным империализмом, знаменующая собой перелом в русской пролетарской революции в сторону сосредоточения всех сил на внутреннем строительстве страны» [1].

Вооружённая интервенция империалистов в Советскую Россию потерпела крушение. Сорвались и попытки их дипломатии натравить Германию и прибалтийские страны на Советскую страну. Сокрушительный разгром Деникина с его белогвардейскими головорезами завершил эти неудачи врагов Советской России.

Сношения Советской России с капиталистическими странами в годы интервенции

В обстановке вооружённого окружения не могли существовать нормальные дипломатические сношения между Советской Россией и иностранными державами. Взамен дипломатических переговоров советскому правительству приходилось апеллировать непосредственно к трудящимся массам Европы и всего мира. Так, 18 апреля 1919 г. Наркоминдел обратился с воззванием к пролетариату держав Антанты, призывая его к решительной борьбе с интервенцией. 17 июля того же года Наркоминдел призывал пролетариат Франции, Англии и Италии принудить свои правительства к прекращению дальнейшего вмешательства в русские дела. 30 октября 1919 г. Наркоминдел обратился к трудящимся Франции, Англии и Эстонии с протестом против участия эстонских войск в нападении на Петроград.

Наряду с подобными обращениями Наркоминдела к народам советское правительство прибегало и к протестам, адресованным правительствам капиталистических стран. Например, Наркоминдел протестовал 21 января 1919 г. против задержания русских военнопленных в Германии. По радио же Наркоминдел протестовал и против наступления польских легионеров на русские территории. В ряде радиопротестов советское правительство выразило своё возмущение по поводу расстрела бакинских комиссаров в Средней Азии. 20 ноября Наркоминдел выступил по радио с протестом против выдачи французским правительством белогвардейским генералам русских солдат, находившихся во Франции.

[1] *Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 23.

Новые отношения с Англией

Победы Красной Армии, рост симпатий к советской власти во всём мире, послевоенная экономическая и политическая разруха в Европе побудили более осторожные и дальновидные круги Антанты искать путей к «восстановлению» Европы и к укреплению своего положения хотя бы ценой компромисса с Советской Россией. Особенно настаивали на этом некоторые из английских капиталистов, нуждавшихся в русском рынке. Между английским представителем и советским уполномоченным в Копенгагене, как уже указывалось, начались переговоры. 11 января 1920 г. они закончились подписанием соглашения об обмене военнопленными. Англия обязалась содействовать возвращению на родину всех русских военнопленных, в том числе и тех, которые находились в других странах. Советскому правительству удалось закупить в Англии и отправить в Россию медикаменты, продовольствие и семена. Это был первый прорыв блокады. 16 января 1920 г. Верховный совет Антанты разрешил обмен товарами на основе взаимности между Россией и союзными и нейтральными странами. Правда, Верховный совет оговорил, что эта резолюция не означает перемены в политике союзных правительств по отношению к Советской России. На деле, однако, это означало фактическое снятие блокады. Кооперативным организациям разрешено было ввозить в Россию одежду, лекарства, сельскохозяйственные машины в обмен на лес, зерно и другие сырьевые ресурсы. В феврале 1920 г. делегация советских кооперативов (Центросоюза) приступила к переговорам о восстановлении торговых отношений с некоторыми фирмами Западной Европы и США.

Соглашение с Англией об обмене военнопленными ускорило заключение таких же соглашений с Германией, Бельгией, Италией и Венгрией (19, 20 и 27 апреля и 22 июня 1920 г.).

В то же время продолжались дипломатические переговоры о заключении мира с Литвой, Латвией и Финляндией, которая потерпела поражение в своих планах захвата Петрограда. Этот провал вынужден был признать и бывший финляндский премьер-министр Венола. «Осуществление финской национальной политики при помощи оружия оказалось безрезультатным, — писал он, — проекты Маннергейма о завоевании Петрограда остались лишь на бумаге. Вооружённые мероприятия, которые предпринимались в Северной Карелии и в районе Олонца, потерпели неудачу. Наученная этим опытом, Финляндия возвратилась на путь мирной политики».

Ход событий скоро показал, однако, что снятие блокады не означало прекращения интервенции.

Советское правительство понимало, что́ прикрывают собой переговоры о снятии блокады. Знало оно также, что, снимая блокаду, Антанта в то же время признала контрреволюционные

правительства Грузии, Азербайджана и Армении. По предложению Антанты признал их и генерал Деникин. Тем самым Антанта создавала дипломатические предпосылки для оказания помощи этим контрреволюционным правительствам против Советской России. Такая же подготовка шла и в отношении Польши. Ленин писал в эти дни: «Хотя снятие блокады и даёт нам некоторое облегчение, всё же буржуазия Запада, наверное, попытается с нами ещё бороться. Уже теперь, сняв блокаду, она натравливает на нас польских белогвардейцев, поэтому ещё раз необходимо быть начеку, готовиться к новым нападениям и воспользоваться уроками двухлетней борьбы, воспользоваться теми средствами, которыми мы до сих пор побеждали»[1].

3. СОВЕТСКО-ПОЛЬСКАЯ ВОЙНА (1920 г.)

Мирные предложения Советской России

Предвидение Ленина сбылось: Антанта бросила Польшу против Советской страны. Советское правительство принимало все меры, чтобы избавить страну от новой войны. В 1919 г. оно не раз обращалось к странам Антанты и в особенности к Польше с предложением мира.

Поляки не отвечали. Мало того, когда демократические партии и организации Польши стали выражать серьёзное недовольство внешней политикой своего правительства, представитель польского министерства иностранных дел в ответ на запрос в польском сейме 28 ноября 1919 г. развязно заявил, что Советская республика не предлагала мира Польше. Как только в Москве стало известно об этом ответе, Наркоминдел послал 22 декабря 1919 г. телеграмму в министерство иностранных дел Польши. Отмечая, что советское правительство с большим изумлением узнало о заявлении в сейме представителя польского министерства, и напомнив, когда и кому уже предлагалось начать переговоры о мире между Польшей и Россией, Наркоминдел обратился ещё раз с формальным предложением немедленно начать эти переговоры. «Нам небезызвестно, — отмечалось в ноте, — что существуют некоторые препятствия, могущие создать затруднения для Польского правительства на пути соглашения с Россией, точно так же, как подобные же препятствия затрудняют другие соседние правительства на том же пути. Но эти затруднения проистекают не из интересов или склонностей польского народа, а из иностранных источников, расходящихся в данном случае с его действительными интересами»[2].

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXV, стр. 13.

[2] «Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях с 1918 по 1920 г.», Госиздат, М. 1920, стр. 82.

Советское правительство выразило надежду, что мирные стремления подавляющего большинства польского народа преодолеют препятствия и приведут к прекращению «военных действий, служащих лишь иностранным интересам».

Телеграмма Наркоминдела осталась без ответа. Месяц спустя, 28 января 1920 г., советское правительство снова обратилось к правительству Польши и польскому народу с нотой, в которой отметило, что признаёт и всегда признавало независимость и суверенность Польской республики. Поддерживая своё мирное предложение от 22 декабря 1919 г., Совнарком заявлял, что красные войска не переступят линии Белорусского фронта, проходившей тогда вблизи Дриссы — Дисны — Полоцка — Борисова — ст. Птичь — ст. Белокоровичи. Совнарком добавлял, что советские части не будут вести военных действий и на Украине западнее занимаемой ими линии, проходившей тогда вблизи м. Чуднова, м. Пилявы, м. Деражни и г. Бар.

В заключение Совнарком подчёркивал, что между обеими странами нет ни одного спорного вопроса, который нельзя было бы решить мирно.

Одновременно того же 28 января Наркоминдел обратился к трудящимся стран Антанты с призывом протестовать против попытки столкнуть Польшу с Советской страной. Наркоминдел напоминал, что VII съезд уже предложил начать мирные переговоры; однако правительства Антанты не довели этого до сведения своих народов. Подтверждая, что советское правительство ничем не угрожает Польше и готово немедленно прекратить военные действия, Наркоминдел добавлял: «Единственная помеха наступлению мира и прекращению неисчислимых бедствий, от которых страдают трудящиеся массы России и соседних народов, а также и всей Европы, есть реакционная империалистическая политика правительств Антанты» [1].

Правительство Польши оставило и это предложение Советской республики без ответа.

Советское правительство соглашалось на серьёзные уступки Польше. Линия границы, предложенная им, проходила на 50, а кое-где и на 80 километров дальше к востоку от территории, полученной Польшей по окончании войны. Но польская реакционная буржуазия рассматривала советские предложения как маневр или как признак слабости и лишь усиливала свою военную подготовку. Ленин по этому поводу писал:

«Когда мы в январе предложили Польше мир, для неё чрезвычайно выгодный, для нас очень невыгодный, — дипломаты всех стран поняли это по-своему: „большевики непомерно

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 4.

много уступают, — значит, они непомерно слабы". Лишний раз подтвердилась истина, что буржуазная дипломатия неспособна понять приёмов нашей новой дипломатии открытых прямых заявлений. Поэтому наши предложения вызвали лишь взрыв бешеного шовинизма в Польше, Франции и прочих странах...»[1].

В день окончательного подписания мира с Эстонией, 2 февраля 1920 г., Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет обратился к польскому народу с предложением прекратить войну и отдать все силы борьбе с голодом и разрухой. Разоблачая попытки врагов польского и русского народов столкнуть их друг с другом, обращение гласило: «Те же капиталисты Англии и Франции, которые сто лет безучастно смотрели на то, как царизм истязал польский народ, которые во время войны до последнего момента поддерживали и прикрывали лживую политику царизма по отношению к Польше, теперь выступают в качестве защитников Польши... Но преступления русского царизма и русской буржуазии против Польши не могут быть поставлены в счёт новому Советскому государству России. Русские рабочие и крестьяне признали независимость Польши не в последнюю минуту, не как временную дипломатическую комбинацию, не под давлением обстоятельств момента, — русские рабочие поспешили первыми признать независимость польского народа, признали её безоговорочно и раз навсегда сделали это в сознании того, что независимость Польши соответствует интересам не только вашим, но и нашим»[2].

4 февраля польское правительство обещало, наконец, дать ответ на предложение советского правительства от 28 января. Однако проходил день за днём, а из Варшавы не поступало никаких предложений.

22 февраля советское правительство Украины со своей стороны направило польскому министру иностранных дел и председателю сейма радиограмму с формальным предложением начать мирные переговоры. Но реакционные руководители Польши скрыли от народа это обращение; мало того, они начали наступательные действия на Украинском фронте.

Наконец, 6 марта советское правительство в третий раз с начала 1920 г. предложило Польше мир. Наркоминдел отметил в ноте, что советское правительство вынуждено отказаться от своего обещания держаться на линии, указанной в заявлении от 28 января, поскольку сами поляки предприняли наступательную операцию; но и при этих условиях советские войска перейдут указанную линию лишь в целях обороны.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXV, стр. 377.

[2] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 9.

Наступление поляков

Поляки продолжали концентрировать свои войска. Только 27 марта, накопив достаточно сил и оружия, Польша согласилась вступить в переговоры и начать с 10 апреля совещание с русскими уполномоченными. Впрочем, согласие это было обставлено такими условиями, что сразу вскрывался обман: поляки предлагали начать переговоры в городе Борисове, но прекратить боевые действия не на всём фронте, а лишь на Борисовском участке. 28 марта радиотелеграммой на имя польского министра иностранных дел Патека Наркоминдел выразил удовлетворение по поводу согласия Польши начать переговоры. Вместе с тем Наркоминдел не скрыл удивления по поводу того, что Польша будет продолжать боевые действия, прекратив их лишь в районе перехода границы русскими делегатами. Наркоминдел настаивал на полном прекращении боевых действий и на перенесении самих переговоров в какое-либо нейтральное государство, например в один из городов Эстонии.

Из Варшавы последовал 1 апреля категорический отказ. Видимо, готовясь к наступлению на Белорусском фронте, поляки хотели обеспечить свой фланг, ослабить наши позиции в Борисове, добившись там прекращения боевых действий, а следовательно, и приостановки подвоза советских подкреплений. Наркоминдел продолжал настаивать на полном прекращении боевых действий. «...Предложение заключить чисто местное перемирие на Борисовском участке на всё время мирных переговоров, — гласила советская нота, — между тем как война продолжалась бы на всей остальной линии фронта, настолько странно, что Российскому Советскому Правительству приходится подозревать существование у польского правительства задней мысли стратегического характера»[1].

Признавая Борисов, как прифронтовой город, неудобным для совещания, Наркоминдел рекомендовал перенести переговоры в Петроград, Москву или Варшаву. Поляки ответили в прежнем заносчивом тоне, что считают бесцельным дальнейший обмен нотами по вопросу о перемирии и о месте встречи: переговоры могут состояться только в Борисове.

Ультимативный характер последнего польского сообщения означал фактически крушение переговоров. Это и констатировал Наркоминдел в своей ноте от 8 апреля. Одновременно Наркоминдел послал сообщение Франции, Великобритании, Италии и Соединённым штатам Америки с изложением всех подробностей неудавшихся переговоров.

Правительства Антанты не раз принимали решения по вопросу о соседях России, гласила нота, считая своё влияние

[1] «Красная книга. Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях с 1918 по 1920 г.», стр. 98.

решающим; если переговоры с Польшей сорвутся из-за такого малозначащего вопроса, как место встречи, то Антанта никак не сможет снять с себя ответственность за неудачу, ибо её влияние могло бы склонить Польшу занять менее непримиримую позицию.

Сорвав переговоры, реакционные круги Польши 25 апреля 1920 г. бросили свою армию против Советской страны. В то же время из Крыма под командованием генерала Врангеля начали наступление остатки белых войск, спасённые Антантой от полного разгрома.

Уже после польского нападения советское правительство не раз пыталось прекратить войну. Так, 19 мая 1920 г. правительства России и Украины обратились с совместной нотой к Великобритании, Франции, Италии и Соединённым штатам Америки, напоминая им, что Польша является участницей Антанты и членом Лиги наций. Воздействие этих двух международных объединений на одного из своих членов не может не быть решающим, тем более что сама Польша по условиям своей военно-технической подготовки не в состоянии вести войну без посторонней военной и финансовой помощи.

Страны Антанты не ответили на советский протест. Они продолжали помогать польскому агрессору. Лига наций, созданная якобы как инструмент мира, бездействовала.

Контрнаступление Красной Армии. Вмешательство Антанты

Окрылённая победами над Колчаком и Деникиным, Красная Армия отбила нападение поляков и начала свой стремительный марш к Варшаве. Вся Европа с затаённым дыханием следила за мощным натиском Красной Армии. В тылу у поляков, во всей Центральной и Западной Европе, усилилось революционное брожение. В Англии, во Франции, в Италии ширилось движение солидарности рабочих. «Руки прочь от Советской России!» — таков был лозунг масс. В странах, обездоленных Версальским миром, смотрели на Красную Армию, как на избавительницу от его оков.

Польская авантюра явно проваливалась. Чувствуя это, польское правительство обратилось к союзникам с просьбой о вмешательстве. Руководители Антанты находились в это время на конференции в городе Спа (5—16 июля) [1]. Туда прибыли польский премьер Грабский и министр иностранных дел Патек. Поляки настаивали на военной интервенции. Однако было решено, что Верховный совет Антанты предпримет шаги для установления перемирия.

12 июля английский министр иностранных дел Керзон прислал в Москву телеграмму с предложением Советской России заключить перемирие с Польшей. Керзон требовал оста-

[1] См. главу III, стр. 92.

новить наступающую Красную Армию в 50 километрах к востоку от линии Гродно — Яловка — Немиров — Брест-Литовск — Дорогуск — Устилуг, восточнее Грубешова, через Крылов и далее западнее Равы Русской, восточнее Перемышля до Карпат. Линия эта, как известно, была определена специальной комиссией по польским делам, созданной Парижской мирной конференцией в 1919 г. В основу этого решения было положено указание делегаций США, Англии, Франции, Италии и Японии, считавших необходимым при создании польского государства включить в него только этнографически польские земли. Верховный совет Антанты утвердил эту линию как восточную границу Польши особой декларацией, опубликованной 8 декабря 1919 г. за подписью Клемансо. В июле 1920 г. конференция союзников в Спа подтвердила снова это решение, а Керзон сообщил об этом Советской России. С тех пор эта линия известна была под именем линии Керзона. Керзон предлагал после прекращения боевых действий созвать в Лондоне конференцию из представителей Советской России, Польши, Латвии, Литвы и Финляндии для окончательного установления мира. Он милостиво разрешал советскому правительству прислать в Англию любых представителей, обещая не чинить им затруднений.

Вместе с тем британское правительство предложило установить перемирие между Советской страной и Врангелем, при условии немедленного отступления войск Врангеля в Крым. После этого Врангель прибудет в Лондон для обсуждения дальнейшей судьбы своих войск и беженцев.

Керзон угрожал, что британское правительство и его союзники, согласно договору Лиги наций, помогут Польше всеми средствами, имеющимися в их распоряжении, если Советская Россия не примет их условий.

Предложение Керзона явно имело целью выиграть время, пока Антанта укрепит положение польской армии.

17 июля 1920 г. советское правительство ответило Керзону, что с удовлетворением принимает заявление британского правительства о желательности установить мир в Восточной Европе; оно сожалеет лишь, что в своё время Великобритания не выразила желания оказать содействие России для разрешения её конфликта с Польшей мирным путём. Тем не менее, несмотря на ничем не оправданное нападение Польши, советское правительство готово установить с ней мирные отношения: для этого Польша должна лишь непосредственно обратиться к Советской России с просьбой о перемирии и заключении мира. Советское правительство изъявляло готовность согласиться и на более выгодную для польского народа территориальную границу, чем линия Керзона. Наркоминдел отмечал, что эта линия была установлена в известной части под давлением контрреволюционных русских элементов. Это сказалось,

например, на решении вопроса о Холмской области: Верховный совет союзников пошёл в этом случае по пути антипольской политики царизма и империалистской великорусской буржуазии. «Советская Россия, — гласила нота, — готова вообще в отношении условий мира в тем большей степени итти навстречу интересам и желаниям польского народа, чем дальше в своей внутренней жизни польский народ пойдёт по такому пути, который создаст прочную основу для действительных братских отношений трудящихся масс Польши, России и Украины, Белоруссии и Литвы и создаст гарантию, что Польша перестанет быть орудием нападений и интриг против рабочих и крестьян Советской России и других наций» [1].

По поводу предложения Керзона назначить конференцию в Лондоне для установления окончательного мира России с соседями Наркоминдел сообщал, что советское правительство уже достигло без всякого постороннего участия полного примирения с Литвой и Эстонией. С таким же успехом путём непосредственных переговоров может быть осуществлено и соглашение с Польшей.

Отказываясь от посредничества Англии, Наркоминдел отметил, что советское правительство считает ещё менее допустимым вмешательство Лиги наций в дело его примирения с Польшей. Прежде всего это учреждение даже не уведомило Россию о своём возникновении. Со своей стороны и советское правительство не принимало решения о признании или непризнании Лиги наций. Что касается вопроса о Врангеле, то советское правительство, идя навстречу Великобритании, готово гарантировать личную безопасность мятежному генералу и входящим в его армию лицам. Однако оно ставит условием их немедленную капитуляцию и сдачу советским властям всей занятой врангелевцами территории и всего их военного имущества.

В ответ на советскую ноту Керзон сообщил 20 июля по радио, что Англия не настаивает на своём участии в переговорах между Россией и Польшей; напротив, союзники рекомендуют польскому правительству немедленно начать самому переговоры с Россией. Керзон добавлял, что, если по получении от Польши просьбы о мире советские войска будут продолжать наступление, союзники окажут Польше поддержку. Для подкрепления своей угрозы Керзон заявил, что Англия воздерживается от торговых переговоров с Россией; в Ревель уже послана телеграмма об отсрочке намеченного приезда в Лондон советского представителя.

Вслед за английской радиограммой советское правительство получило просьбу Польши начать переговоры о перемирии и мире. В ответ полякам предложили выслать парламентёров к 30 июля.

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 35.

Маневры Керзона вновь подтверждали то, что уже давно было ясно для советского правительства: Антанта стремилась сорвать наступление советских войск и выиграть время для оказания помощи Польше.

В самом деле, 20 июля, когда вся буржуазная пресса славословила «миролюбие» Антанты, Мильеран заявил в парламенте, что Франция готова признать Врангеля правителем юга России. 10 августа последовало официальное заявление французского правительства об этом признании.

В Польшу была назначена особая англо-французская миссия для оказания ей «моральной и технической помощи». Английским представителем в состав миссии был назначен лорд д'Абернон, сопровождаемый генералом Редклиффом; французскими представителями были Жюссеран и начальник штаба маршала Фоша генерал Вейган. 22 июля эта миссия приехала в Прагу, где имела свидание с президентом Чехословакии Массариком, который обещал сохранять полный нейтралитет. 25 июля англо-французская миссия прибыла в Варшаву и приняла активное участие в руководстве операциями польской армии. Генералу Вейгану была предоставлена руководящая роль в операциях по защите Варшавы.

29 июля 1920 г. Керзон обратился к советскому правительству с радиограммой, в которой сообщил, что союзники предлагают созвать конференцию в Лондоне. Имеется в виду пригласить на неё Советскую Россию, Польшу и те окраинные страны, которые ещё не установили мирных отношений с Россией. Конференция решит вопрос о мире между Польшей и Россией на условиях, гарантирующих независимость Польши и законные интересы обеих стран. После этого будут урегулированы все спорные вопросы между Россией и другими окраинными государствами, ещё не подписавшими мира. Наконец, сулил Керзон, конференция займётся восстановлением нормальных отношений между Советской Россией и странами Антанты.

Между тем, опираясь на поддержку Антанты, поляки, сами запросившие мира, пытались затянуть начало переговоров. 1 августа польская делегация прибыла в Барановичи; но тут же она заявила, что имеет полномочия на ведение переговоров только о перемирии. Делегация должна вернуться в Варшаву для получения от своего правительства новых инструкций. Советские представители посоветовали полякам обратиться к правительству по радио. Но поляки прервали переговоры и вернулись в Варшаву.

Советские войска продолжали своё наступление. 3 августа лорд Керзон отправил советскому правительству по радио новую ноту. Он заявлял, что Лондонская конференция не будет созвана, если советское правительство будет настаивать на заключении мира с Польшей без участия других держав. В той же ноте Керзон вновь предупреждал, что Англия начнёт

интервенцию, если советские войска будут наступать дальше за линию Керзона.

На следующий день, 4 августа, Ллойд Джордж и Бонар-Лоу пригласили к себе советского представителя Красина, прибывшего в Лондон, и потребовали немедленно прекратить наступление в Польше. Через три дня английский флот будет готов к выходу в море, блокада Советской страны возобновится и в Данциге начнётся выгрузка боеприпасов для Польши, если в течение этих трёх дней советское правительство не даст удовлетворяющего Англию ответа.

Ультиматум английского правительства был поддержан демонстративным выходом флота в море. 5 августа советское правительство ответило на английский ультиматум. Наркоминдел напомнил, что само же английское правительство в своей ноте от 20 июля не настаивало на участии других держав в переговорах между Россией и Польшей. Советское правительство продолжает держаться того мнения, что непосредственные переговоры лучше всего обеспечат интересы обеих стран. Правительство Советской России неизменно стоит на почве признания свободы и независимости Польши и попрежнему готово предоставить Польше более выгодную позицию в отношении восточной границы, чем предложение Верховного Совета Антанты. Что касается наступления, то оно является чисто военной операцией, которая не причинит ущерба будущему мирному договору и не посягает на независимость и неприкосновенность польского государства в его этнографических границах.

Мирные переговоры с Польшей

Лишь 7 августа польское правительство сообщило радиограммой, что готово принять советские предложения об отправке делегатов в Минск для выработки предварительных условий перемирия и мира. Польскому правительству ответили: ждём ваших делегатов на шоссе Седлец — Межиречье — Брест-Литовск 9 августа в 20 часов, с тем чтобы начать переговоры в Минске 11 августа.

Антанта снова попыталась вмешаться. Того же 7 августа английское правительство предложило установить десятидневный перерыв военных действий с обоюдным обязательством сторон не производить перегруппировки войск и подвоза боеприпасов. Антанта со своей стороны обязывалась не посылать войск и боеприпасов Польше. Она выражала согласие предоставить советским представителям право контролировать в Данциге или в иных пунктах, действительно ли прекратится ввоз военного материала.

Английскому правительству ответили, что переговоры о мире не начались только по вине поляков; начнутся они 11 августа; путём непосредственных переговоров будет достигнуто быстрое прекращение военных действий и установление мирных отношений между Россией и Польшей.

9 августа в намеченный срок представитель советского командования ждал польскую делегацию на шоссе между Седлецом и Межиречьем. Прождав полтора часа, советский командир собирался вернуться, но подоспевший польский офицер предложил съездить в Седлец, чтобы установить местопребывание польской делегации. Проискав добрых четыре часа, офицер якобы никого не нашёл. Утром 10 августа по направлению в Седлец была послана машина навстречу польской делегации; и на сей раз она не дождалась никого. В тот же день город был взят советскими войсками. Среди пленных были обнаружены члены польской делегации. Они заявили, что не уполномочены вести переговоры; им поручено будто бы выяснить лишь день, час и место встречи полномочных делегаций.

Только завершив с помощью англо-французской миссии перегруппировку войск и перейдя в контрнаступление, Польша 17 августа начала в Минске переговоры. Советская делегация выдвинула следующие основные положения мирного договора,— они были предварительно доведены до сведения английского правительства и не встретили с его стороны никаких возражений:

1. Советская Россия и Украина признают независимость и самостоятельность Польской республики, торжественно подтверждая право польского народа установить по своему усмотрению форму государственной власти.

2. Россия и Украина отказываются от каких-либо контрибуций.

3. Окончательная граница Польской республики в основном проходит по линии, намеченной в ноте Керзона от 12 июля, с отклонением в пользу Польши на восток в районе Белостока и Холма.

4. Польская республика обязуется ограничить свои вооружённые силы численностью не свыше 50 тысяч человек. Это количество дополняется организуемой из рабочих милицией, предназначенной для поддержания внутреннего порядка и охраны населения.

5. Польша сохраняет только то вооружение и военное снаряжение, которое необходимо её вооружённым силам, указанным в пункте 4.

6. Польша прекращает производство предметов вооружения и снаряжения.

7. Польша обязуется не пропускать на свою территорию и не получать от иностранных государств, организаций и групп помощи людьми и лошадьми, вооружением и военным снаряжением и не допускать на своей территории враждебных России, Украине и союзным с ними государствам организаций.

Контрнаступление польских войск развивалось успешно. Ободрённое этой удачей, реакционное правительство Польши решило использовать свой временный успех. Поляки не только

отвергли все советские предложения; они отказались принять пограничную линию Керзона; мало того — они захотели навязать Советской России явно грабительский мир. Франция поддержала захватнические замыслы Польши; её дипломатия рекомендовала полякам порвать переговоры и решать спор силой оружия. Англия также выступила на стороне польских реакционеров. 24 августа английское правительство совместно с итальянским опубликовало официальное сообщение, полное резких обвинений против Советской России. Предлогом к такому выступлению явился пункт советского требования об образовании в Польше рабочей милиции. Советское правительство в ответной ноте протестовало против «необычайного тона сообщения».

«Мы можем указать, — гласила нота, — что польские рабочие в течение долгого времени были той силой, которая постоянно сопротивлялась агрессивной политике польского правительства и в бесчисленных резолюциях требовала мира с Россией» [1].

Однако желание мира со стороны России настолько велико, заявляла нота, что, несмотря на справедливое негодование, вызванное англо-итальянским сообщением, советское правительство решило не настаивать на указанном пункте договора. Нота добавляла, что советское правительство никогда не считало своих условий ультимативными и теперь, как и раньше, готово обсудить их с польским правительством.

Подстрекаемая Антантой, Польша упорно отказывалась от мира. Война продолжалась. Она грозила перейти в зимнюю кампанию. Не желая подвергать народ дальнейшим тяготам, Всероссийский Центральный Исполнительный Комитет 25 сентября обратился к Польше со следующим заявлением:

1. Советское правительство принимает к сведению заявление польской делегации о неприемлемости для неё первоначальных условий о сокращении численности польской армии, демобилизации промышленности, выдаче оружия, отказывается от этих условий и готово предложить то же самое союзной Украинской республике.

2. Советская Россия готова немедленно подписать перемирие и предварительные условия мира на основе признания границей между Польшей и Россией линии, проходящей значительно восточнее линии Керзона.

Подчёркивая, что Советская страна сделала всё возможное и необходимое для достижения мира и избавления русских, польских, украинских, белорусских трудящихся масс от новой зимней кампании, верховный советский орган заявлял, что его предложение сохраняет силу десять дней. Если и 5 октября предварительные условия мира не будут подписаны, Совнарком вправе будет изменить свои предложения.

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 51.

Подписание предварительных условий мира

Польское правительство понимало, что Советская Россия потерпела лишь временную военную неудачу. Страна отнюдь не исчерпала своих резервов; она сможет подтянуть их, чтобы снова обрушиться на Польшу. Поэтому, несмотря на давление Антанты и особенно Франции, Польша ответила согласием подписать мир. К 5 октября были урегулированы территориальные вопросы; 12 октября в Риге был подписан «Договор о перемирии и прелиминарных условиях мира между РСФСР и УССР с одной стороны и Польшей — с другой».

В статье 1 обе договаривающиеся стороны признавали независимость Украины и Белоруссии, но при поддержке Франции, Англии, Италии реакционные круги Польши добились отторжения от Советской Украины и Советской Белоруссии их западных областей. Правительства Англии и Франции поддержали грабительские притязания польской реакции: они отказались от своего решения от 8 декабря 1919 г., которое при определении восточных границ Польши исходило из принципа создания польского государства из польских земель.

Статья 2 договора подтверждала полное уважение к государственному суверенитету каждой из договаривающихся сторон и обязывала их обоюдно воздерживаться от поддержки враждебных действий против любой из них.

Статья 4 обязывала обе стороны обеспечить свободное развитие культуры и языка для белоруссов и украинцев в пределах Польши и для поляков в пределах БССР и УССР.

Согласно статье 5 обе стороны отказывались от требования о возмещении военных расходов.

Статья 10 подчёркивала, что из прежней принадлежности части польских земель Российской империи не вытекает для Польши никаких обязательств.

Исходя из интересов польского народа, Советская страна соглашалась вернуть Польше культурные ценности, вывезенные из Польши царским правительством.

Одновременно был подписан договор о перемирии, по которому обе стороны обязались прекратить военные действия 18 октября 1920 г.

Французское правительство было явно недовольно заключением перемирия и подписанием предварительных условий мира. Газета «Temps» откровенно писала, что «польское правительство заключило мир вопреки советам Франции».

Румыния и Германия во время советско-польской войны

Французское правительство не только принимало меры к тому, чтобы удержать Польшу от мира; оно старалось организовать помощь ей со стороны окружающих стран. Когда крах Польши казался неминуемым, начались по внушению Франции переговоры между Чехословакией и Юго-

славией. 14 августа 1920 г. эти страны заключили договор об оборонительном союзе; остриём своим он был направлен против Советской России. В случае поражения Польши обе страны, как надеялась французская дипломатия, могли бы занять место этого сателлита Франции в защите версальской системы. Так было положено начало будущей Малой Антанте.

В помощь Польше Антанта пыталась двинуть Румынию. Для этого за Румынией обещано было закрепить Бессарабию, захваченную румынами ещё в 1918 г. В Париже 28 октября 1920 г. был подписан договор между Британской империей, Францией, Италией и Японией с одной стороны и Румынией с другой о признании аннексии Бессарабии. Статья 9 этого договора гласила: «Высокие договаривающиеся стороны пригласят Россию присоединиться к настоящему договору, как только будет существовать признанное ими русское правительство»[1].

Наркоминдел в ряде своих нот решительно опротестовал парижское соглашение о Бессарабии, принятое без ведома и согласия как самого населения Бессарабии, так и Советского государства. Советское правительство требовало решения бессарабского вопроса путём опроса населения области. Румыния, поддержанная Антантой, торжествовала. Однако от вступления в войну с Советской Россией на стороне Польши она воздержалась.

Германия во время советско-польской войны объявила о своём нейтралитете. Немецкие империалисты считали выгодным для себя поражение Польши: в силу Версальского договора в части Западной и Восточной Пруссии и в Верхней Силезии происходил плебисцит, который должен был определить, останутся ли эти области за Германией или отойдут к Польше. Военные неудачи поляков отвлекали их внимание от плебисцита. Германское правительство несколько раз заверяло советское правительство, что разоружит польские отряды, если они перейдут границу и вступят в области, подлежащие плебисциту. Однако во время конференции в Спа те же немцы вели частные переговоры с французским командованием о выступлении против большевиков. Французы весьма непрочь были бы использовать Германию: как раз в этот период Красная Армия шла на Варшаву. Но Фош боялся, что немцы, получив возможность сохранить свою армию, пожелают свести счёты с Польшей, а затем выступят и против Версальского договора. Поэтому переговоры в Спа об участии Германии в советско-польской войне не пошли дальше предварительного зондирования почвы. Но Германия и после этого не оставила своих попыток включиться в общий антисоветский фронт. Когда часть советских войск вынуждена была отойти в Восточную Пруссию, немцы

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 2, стр. 69.

их разоружили и интернировали. Так полагалось по международному праву поступить нейтральной стране. Однако в руках советских властей оказались сведения, что, в явное нарушение своего нейтралитета, немцы допустили к участию в разоружении представителей «междусоюзнической комиссии», т. е. той же Антанты, которая помогала Польше. В ответ на советский протест немцы сообщили, что органы правительств Антанты не принимали участия в разоружении и интернировании русских войск, перешедших границу Восточной Пруссии. Однако, согласно Версальскому договору, добавляли немцы, представители Антанты могут потребовать своего контроля над тем, где и как хранится вооружение, отобранное у русских. Так лицемерно прикрывались немцы тем самым Версальским договором, выполнение которого они же всячески старались сорвать. Было очевидно, что они готовы дать представителям Антанты возможность ознакомиться с вооружением и материальным состоянием русских войск. Естественно, что советское правительство выразило категорический протест против такого предательства.

Заключение мира с прибалтийскими странами. Конец интервенции

Несмотря на противодействие правительств Антанты, советское правительство добилось успешного окончания переговоров с прибалтийскими странами. 12 июля 1920 г. был подписан мирный договор с Литвой, 11 августа — с Латвией и 14 октября — с Финляндией. Мир с финнами, заключённый в Юрьеве, вступал в силу с 1 января 1921 г. По этому договору Советская республика уступала Финляндии Печенгу с условием свободного транзита через этот район в Норвегию и обратно. Что касается карельского вопроса, то Съезд Советов в Карелии, собравшийся ещё 1 июня 1920 г., принял постановление о желании карельского народа оставаться в Советской федерации.

Заключив мир с Польшей, советская власть бросила Красную Армию на разгром последнего ставленника империалистической интервенции — генерала Врангеля. Штурмом Перекопа в ночь с 7 на 8 ноября 1920 г. закончилась гражданская война. На Дальнем Востоке ещё оставалась японская армия; но в основном большая война закончилась. Советская страна оружием Красной Армии и искусством своей дипломатии отстояла своё существование и независимость.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ПЕРВЫЕ ТРЕЩИНЫ В СИСТЕМЕ ВЕРСАЛЯ (1920—1921 гг.)

Конференция в Сан-Ремо (апрель 1920 г.)

Родившись под знаком противоречий, версальская система сразу подверглась давлению центробежных сил, разрывавших её на части. Версальский договор фактически ликвидировал все союзные соглашения, заключённые на время войны. Возникал естественный вопрос: чем обеспечивается устойчивость нового порядка международных отношений, кто должен следить за проведением в жизнь Версальского договора? Лига наций? Но ей этого не поручали. Прежние союзники? Но их уже не связывали союзные обязательства.

Для наблюдения за осуществлением договора, вступившего в силу 10 января 1920 г., был создан ряд организаций: комиссии по репарациям и по контролю за разоружением Германии; междусоюзническая комиссия по оккупированным в Германии областям; четыре плебисцитные комиссии, следившие за проведением народного голосования в ряде областей; комиссия по навигации на Рейне, Дунае, Эльбе, Одере; комиссии Данцигская, Мемельская и др.

Обилие этих комиссий, несомненно, затрудняло проведение в жизнь Версальского договора. Возникали вопросы, требовавшие немедленного разрешения. Нужно было создать какой-либо постоянный орган, который мог бы регулярно заниматься рассмотрением всех этих вопросов. С этой целью была организована периодически собиравшаяся конференция послов. В состав её входили английский, итальянский и японский послы во Франции под председательством француза. Американский посол присутствовал только с информационными целями. Решения конференции послов должны были приниматься единогласно. При малейшем разногласии посол обращался к своему правительству.

Сложность положения усугублялась тем, что Парижская конференция оставила неразрешённым целый ряд вопросов: не были распределены мандаты на оккупированные территории и колонии побеждённых стран; остался невыясненным

репарационный вопрос. Эти проблемы приходилось решать уже после Версаля. Обстановка была такова, что небольшие разногласия зачастую перерастали в серьёзные конфликты. Этим пользовалась Германия. Значительная часть её господствующих кругов саботировала Версальский договор с первых же дней. Реакционеры демагогически уверяли народные массы, что борются якобы против национального угнетения Германии. Дело было отнюдь не в этом. Прежде всего германские империалисты старались сохранить кадры рейхсвера. Германская военщина усиленно продолжала насаждать добровольческие военные организации. Они терроризировали трудящихся, убивали из-за угла деятелей левого движения. Когда под давлением общественного мнения и той части господствующих кругов, которая стояла за выполнение условий мира, правительство пыталось призвать смутьянов к порядку, военно-фашистские организации перекочёвывали в Баварию или другие области, где становились под покровительство местных законов и властей. Немедленно в этих областях начиналось мятежное движение против берлинского правительства.

Со своей стороны в целях ослабления Германии и Франция поощряла сепаратизм Рейнских провинций и Баварии. Франция имела даже своего дипломатического представителя в Мюнхене. Она мешала центральному германскому правительству подавить местных сепаратистов; тем самым укреплялись позиции фашистов, которые впоследствии заплатили Франции же разгромом. 13 марта 1920 г. обнаглевшие германские реакционеры организовали так называемый путч Каппа. Утром 13 марта морская бригада Эрхардта вошла в Берлин. У Бранденбургских ворот её встретили Людендорф, Траугот фон Ягов и другие чиновники, «случайно», как они рассказывали, оказавшиеся в 6 часов утра в этом районе. Все они были включены в состав нового правительства, за исключением Людендорфа, предусмотрительно воздержавшегося от этого шага. На второй же день, 14 марта, произошёл переворот и в Баварии. Во главе баварского правительства оказался Кар, ставленник рейхсвера.

Правительство Эберта в панике бежало из Берлина, не оказав военщине никакого сопротивления. Однако против путчистов поднялись рабочие. Всеобщая стачка смела правительство Каппа. Сам он 17 марта улетел на аэроплане. Вернувшись к власти, правительство Эберта немедленно принялось за тех, с помощью кого оно снова водворилось в Берлине: против рабочих были брошены капповские головорезы. Под предлогом борьбы с анархией германские заправилы вооружали многочисленные военные отряды; так они срывали выполнение военных условий Версальского договора. Мало того, 19 марта 1920 г., ссылаясь на коммунистическую опасность, германское правительство потребовало от союзников разрешения послать регу-

лярные войска в Рурскую область. Франция категорически высказалась против. Англия склонялась к тому, чтобы уступить; однако она рекомендовала некоторые меры предосторожности против концентрации регулярных германских войск в Рурской области. Разногласия между союзниками стали известны германскому правительству; оно решило не ждать разрешения. 3 апреля 1920 г. 20 тысяч немецких солдат были введены в Рур. В ответ на этот шаг французские войска заняли Франкфурт и Дармштадт. Англия заявила протест против самостоятельных действий Франции, но та заверила англичан, что оккупация германских городов будет прекращена, как только немцы покинут нейтральную зону. В будущем Франция обещала не предпринимать самостоятельных шагов в отношении Германии.

Так начали обнаруживаться между победителями противоречия, плохо прикрытые Версальским договором. Возникли трудности и на Ближнем Востоке. В Турции Кемаль-паша поднял освободительную борьбу против иностранной интервенции. Мандаты на турецкую территорию ещё не были поделены. Борьба турок грозила ликвидировать самую систему мандатов. 12 марта лорд Керзон от имени Верховного совета предложил Лиге наций передать США мандат на Армению, чтобы заинтересовать Америку в ближневосточных делах. Но американский Сенат отказался утвердить Версальский договор. 19 марта 1920 г. при вторичном голосовании он отклонил его ратификацию. Тем самым снят был и вопрос о гарантийном договоре между Францией, с одной стороны, и Англией и США — с другой. Отпал и проект предоставления Америке мандата на Армению.

На Ближнем Востоке Англия, встретившись с турецким восстанием, нуждалась в помощи Франции. В Европе Франция, столкнувшись с немецким саботажем, заинтересована была в помощи Англии. Обе страны решили договориться. Для этого использована была конференция в Сан-Ремо.

На конференции, заседавшей с 19 по 26 апреля, присутствовали: от Франции — Мильеран, от Англии — Ллойд Джордж, от Италии — Нитти, от Японии — Мацуи. Американский представитель явился только как наблюдатель; греческий и бельгийский делегаты принимали участие в обсуждении лишь тех вопросов, которые затрагивали интересы их стран. Конференция утвердила мандат Англии на Месопотамию и Палестину. В спорном вопросе о Сирии Англия согласилась на оккупацию внутренней Сирии Францией. На конференции был выработан и предварительный проект договора с Турцией.

24 апреля генеральный секретарь французского Министерства иностранных дел Бертело и англичанин Кедман, глава Имперской нефтяной компании, подписали соглашение о нефти, которое было на следующий же день утверждено Ллойд Джорджем и Мильераном. Соглашение разрешало нефтяную

проблему на Ближнем Востоке, в Румынии, во французских и английских колониях. По соглашению в Сан-Ремо Англия удерживала за собой Мосул, но гарантировала Франции 25% будущей добычи мосульской нефти. Франция со своей стороны обещала обеспечить вывоз английской нефти через Сирию к Средиземному морю.

Добившись уступок от Франции в ближневосточном вопросе, Англия пошла навстречу Франции в европейских делах. 20 апреля 1920 г. германский военный министр обратился с нотой к Верховному совету, заседавшему в Сан-Ремо, с просьбой увеличить вдвое контингент германской армии, которая по Версальскому договору состояла из 100 тысяч солдат и офицеров. В последний день заседания Верховный совет направил Германии декларацию, в которой отклонял её просьбу, обвиняя немцев в затягивании выполнения военных и репарационных условий Версальского договора. Вместе с тем союзники заявляли, что отнюдь не имеют намерения аннексировать германскую территорию, и сообщали, что приглашают руководителей германского правительства для непосредственных переговоров.

Саботаж Германией выполнения условий мира. Конференция в Спа (июль 1920 г.)

Конференция, на которой предполагалось решить вопросы о разоружении Германии и репарациях, была созвана в городе Спа с 5 по 16 июля 1920 г. Повидимому, не случайно местом конференции был избран этот город. Здесь в период первой мировой войны находилась верховная ставка германского командования. Так союзниками лишний раз подчёркивалась разница между былым военным могуществом и нынешним бессилием Германии. Тем не менее представители Германии — военный министр Гейслер и командующий рейхсвером генерал Сект — демонстративно явились на конференцию в полной военной форме.

Немцы знали о разногласиях между союзниками. «Надо учитывать тактику противников, — говорил германский министр иностранных дел Симонс. — Одни из них хотят доить корову, другие — её зарезать. Те, которые хотят доить, должны войти с нами в соглашение».

«Выполнять» или «не выполнять» Версальский договор? Вот вопрос, который шумно дебатировался по всей Германии. Правые партии, военные организации, фашистские демагоги, за спиной которых стоял рейхсвер и которые стремились в глазах народных масс присвоить себе роль защитников интересов нации, требовали сопротивления. Важнейшим пунктом фашистской программы был лозунг «долой Версальский мир». Однако германское правительство боялось прямого отказа от выполнения условий мира.

От немцев требовали ответа, почему Германия не выполняет условий Версальского договора. Выяснилось, что в Германии

имеется не менее 2 миллионов винтовок, ещё не сданных союзникам; вместо дозволенных договором 2 тысяч пулемётов немцы сохранили 6 тысяч; пушек немцы оставили себе в шесть раз больше, чем было условлено; наконец, германская армия не была реорганизована, и под ружьём оставалось свыше 200 тысяч солдат.

Немцы ссылались на то, что революция мешает им выполнить условия договора. Ещё до конференции в Спа Германия не раз жаловалась, что у неё нехватает вооружённых сил для борьбы с революционным движением. К этому доводу союзники всегда прислушивались со вниманием. Так, в июне 1920 г., за три недели до конференции в Спа, они разрешили Германии, вопреки условиям Версаля, увеличить число полицейских с 80 тысяч до 150 тысяч, а число жандармов, вооружённых винтовками, саблями и револьверами, с 11 тысяч до 17 тысяч.

Немцы и в Спа выдвинули тот же аргумент — угрозу революции. Германские представители потребовали отсрочить выполнение военных пунктов договора на 15 месяцев, до 1 октября 1921 г.

В частных разговорах немцы снова намекали на возможность участия Германии в борьбе с большевиками.

В ответ на жалобы Германии союзники предложили немцам немедленно разоружить добровольческие организации, изъять оружие у частных лиц, перевести армию на добровольческий принцип, сдать все излишки военного имущества и выполнить прочие условия договора. Если немцы примут эти условия, союзники согласны оставить в рейхсвере 150 тысяч солдат до 1 октября 1920 г., но к 1 января 1921 г. армия должна быть доведена до 100 тысяч. В случае несвоевременного или неточного выполнения этих условий союзники угрожали оккупировать новые территории Германии, в том числе, если понадобится, и Рурский бассейн.

Немцы согласились принять условия союзников. 9 июля 1920 г. они подписали соответствующий протокол.

Следующим вопросом, который обсуждался на конференции, был вопрос репарационный. Союзники потребовали объяснений, почему Германия не выплачивает репараций; до сих пор поступило всего 8 миллиардов марок вместо обусловленных по договору 20 миллиардов. В частности союзники требовали ответа на вопрос, чем вызвано сокращение поставок германского угля; репарационная комиссия настаивала на ежемесячной выдаче 2,4 миллиона тонн. Началась дискуссия. Германская делегация доказывала невозможность выполнения поставок угля. 10 июля на конференции неожиданно выступил с дерзкой речью германский «король угля и стали» Гуго Стиннес. «Мы, реальные политики, — заявил он, — учитываем трудность, почти невозможность убедить вас, что нами приняты реши-

тельно все меры. Мы предвидим, что ввиду этого вы выдвинете угрозы насилия, оккупации Рурской области или чего-нибудь подобного. И даже если бы этот акт насилия был выполнен цветными войсками, появление которых в качестве носителей общественной власти возбудило бы гнев в сердце каждого белого и каждого немца, даже и в этом случае ни Франция, ни Европа не получили бы никакой выгоды»[1].

Речь Стиннеса вызвала волнение на конференции. Председатель призвал оратора к порядку. Однако, нисколько этим не смущаясь, Стиннес продолжал доказывать, что Германия не даст ни угля для поставок, ни денег, ни товаров для выполнения репараций.

Речь Стиннеса отнюдь не была выражением его личной запальчивости, как пытались представить в Германии. То была обдуманная провокация. Всем было известно, что Германия не доставляла угля союзникам, между тем сотни тысяч тонн его продавались немцами на сторону. Стиннес, представлявший интересы тяжёлой индустрии Германии, боялся, что лотарингская сталелитейная промышленность, получив немецкий уголь и кокс, явится опасным конкурентом для германских промышленников. Чтобы помешать этому, он готов был пойти на риск оккупации Рура; он не колебался нанести огромный ущерб всему германскому народному хозяйству, лишь бы отстоять интересы своей группы.

Стиннес формально не согласовал своей речи с германским правительством; но он был приглашён в состав немецкой делегации в качестве официального эксперта. Его доводы и цифры легли в основу возражений германской делегации.

11 июля германский министр иностранных дел Симонс представил конференции свой меморандум. Он уверял, что требуемые с Германии 20 миллиардов марок репараций до 1 мая 1921 г. фактически уже уплачены. Он настаивал на том, что союзники должны принять во внимание финансовое и экономическое положение Германии; в противном случае быстрый рост задолженности и инфляция сведут к нулю способность Германии выплачивать репарации.

Союзники отказались обсуждать возражения Германии. По существу, конференция закончилась. К столу делегаций были приглашены маршал Фош, английский фельдмаршал Генри Вильсон и генерал Дегутт. Им предстояло обсудить вопрос о военных мерах против Германии. В печати союзников послышались угрозы против Германии. «Если конференция в Спа, — писала «Daily Chronicle», — не приведёт к положительным результатам, то этим мы будем обязаны Стиннесу, влияние которого на слабое германское правительство чрезмерно усилилось.

[1] *Гейер*, Предатели Германии, изд. «Прибой», Л. 1925, стр. 55.

Если теперь над Германией разразится какая-нибудь новая беда, то надо указать немцам, кому они этим обязаны».

В ход был пущен и дипломатический нажим: английский посол в Берлине лорд д'Абернон, имевший связи с крупными финансистами Германии, советовал немцам уступить.

Германское правительство, убедившись, что дальнейшее сопротивление не только бесполезно, но и опасно, пошло на капитуляцию. 16 июля 1920 г. германская делегация подписала протокол, предложенный союзниками. Поставки немецкого угля были определены в 2 миллиона тонн ежемесячно.

Конференция не определила общей суммы репараций, но окончательно установила долю каждого из союзников: Франции — 52%, Великобритании — 22, Италии — 10, Японии — 0,75, Бельгии — 8, Португалии — 0,75, Греции, Румынии и Югославии, странам, не представленным на конференции, — 6,5%. Для США было сохранено право получения своей доли репараций, хотя американский Сенат и не утвердил Версальского договора.

Севрский договор (10 августа 1920 г.)

Уступки, сделанные Франции в Европе, помогли английской дипломатии на время урегулировать в своих интересах ближневосточный вопрос. 10 августа 1920 г. в городе Севре был подписан договор между Великобританией, Францией, Италией, Японией, Арменией, Бельгией, Грецией, Геджасом, Польшей, Португалией, Румынией, Югославией, Чехословакией, с одной стороны, и Турцией — с другой. По этому договору территория Турции сокращалась на четыре пятых. Турецкий султан сохранял свою столицу в Константинополе. Однако на случай, если бы Турция уклонилась от лойяльного соблюдения условий договора, союзники оставляли за собой право пересмотреть это решение. Судоходство в проливах объявлялось открытым в мирное и военное время для всех торговых или военных кораблей без различия флага. Для наблюдения за таким порядком создавалась Комиссия проливов. В неё вводилось по одному представителю, располагающему двумя голосами, от США, когда они того пожелают, Великобритании, Франции, Италии, Японии и России, когда она станет членом Лиги наций, и по одному представителю с одним голосом от Греции, Румынии, Болгарии и Турции, когда два последних государства станут членами Лиги наций. Комиссия проливов сохраняла полную независимость от местной власти, имела свой флаг и свою полицию. Турция обязывалась выдать победителям свой флот за исключением 6 миноносцев и 7 шлюпов. Режим капитуляций оставлялся в неприкосновенности. Договор запрещал Турции сдавать концессии без разрешения особой финансовой комиссии союзников. Военные силы Турции ограничивались 50 тысячами человек, включая штабы и офицеров. Численность жандармерии сводилась к 35 тысячам человек; в состав её допускались

иностранные офицеры в количестве не свыше 15% турецкого офицерского состава. Укрепления в зоне проливов и островов подлежали срытию. Остальные турецкие укрепления разрешалось сохранить лишь при условии разоружения. Наконец, Турция обязывалась признать самостоятельность армянского государства, предоставив ему выход к морю.

Город Смирна и территория, прилегающая к нему, формально оставались под турецким суверенитетом; однако Турция обязывалась передать Греции осуществление своих прав над этими территориями.

Одновременно между союзными и присоединившимися к ним странами того же 10 августа было заключено в Севре несколько договоров — о передаче некоторых турецких территорий отдельным государствам, о разделе сфер влияния в Анатолии между Великобританией, Францией и Италией и о совместной эксплоатации всех железных дорог бывшей Оттоманской империи.

Кабальный Севрский договор, фактически упразднявший независимость Турции, был заключён с константинопольским правительством, которое в действительности утратило свою власть. Образованное в Анкаре новое правительство, возглавляемое Великим национальным собранием, провозгласило освободительную борьбу против империалистов, поделивших Турцию между собой. Оно требовало восстановления независимости Турции, сохранения в составе национального государства турецких территорий и отмены режима капитуляций. Новое правительство настаивало на передаче вопроса о проливах конференции черноморских держав и на упразднении всяких сфер иностранного влияния в Анатолии. Со своей стороны правительство Кемаль-паши обещало признать за национальными меньшинствами в Турции все права, предоставляемые им в европейских странах с наиболее свободным строем.

В поисках внешней поддержки Мустафа-Кемаль отправил в Москву своего уполномоченного с письмом к советскому правительству. Кемаль сообщал, что новая Турция желает бороться рука об руку с Советской Россией против иноземных захватчиков и ожидает от неё материальной и моральной помощи. В результате Советская Россия и кемалистская Турция обменялись представителями.

Соглашение между обеими странами резко изменяло соотношение сил на Ближнем Востоке. Опасаясь дальнейшего усиления новой Турции, французская дипломатия поставила перед собой задачу оторвать кемалистов от Москвы и вовлечь их в антисоветский блок. Успех этого дипломатического маневра позволил бы Франции использовать кемалистскую Турцию и против Англии. По указанию правительства французская печать стала подготовлять общественное мнение к такому повороту. Член парламентской комиссии по иностранным делам извест-

ный юрист и реакционер Жозеф Бартелеми писал: «Нам следовало бы опираться на Турцию как на оплот против большевизма. Ошибочная политика нашей дипломатии привела к тому, что Турция сама превратилась в источник заразы».

Французская пресса требовала скорее закончить войну с кемалистами и заключить с ними союз. Де Бургонь, два года командовавший оккупационным корпусом в Константинополе, предлагал вернуть Кемалю Смирну и Фракию, чтобы вернее привлечь новую Турцию на свою сторону.

«Я думаю, — писал де Бургонь, — что это явилось бы не слишком дорогой платой за содействие единственной армии в мире, которая могла бы теперь выступить против большевиков»[1].

Вся эта шумиха была поднята не только из-за ближневосточных, но и из-за европейских дел. Франция осталась недовольна недавними соглашениями с Германией. Премьер Бриан, сменивший Мильерана, избранного в сентябре 1920 г. президентом, добивался нового нажима на Германию.

Маневры германского империализма

К тому же немцы отнюдь не собирались выполнять условия, принятые ими на конференции в Спа. Крупнейшие промышленники Германии, сами вызвавшие войну, теперь, после поражения, не хотели нести бремя репараций. Тяжёлая промышленность всячески уклонялась от репарационных платежей. Её представитель Стиннес вёл бешеную агитацию против выполнения условий мирного договора. Германский союз промышленников протестовал против угольного соглашения в Спа. Он требовал от правительства его пересмотра, доказывая, что реквизиция угля, производимая Антантой, оставляет Германию без лучших сортов кокса и угля. В то же время германские промышленники в широком масштабе заключали частные сделки на продажу угля иностранным покупателям.

Уклоняясь от репараций, германский империализм предлагал за то свои услуги для борьбы с большевизмом. В январе 1921 г. известный публицист и промышленник Арнольд Рехберг по поручению Людендорфа представил докладную записку руководящим деятелям Антанты с предложением организовать вооружённую интервенцию в Советскую Россию. Такую же позицию занимала и национал-социалистская партия Гитлера, состоявшая на содержании у рейхсвера. В новогоднем номере «Völkischer Beobachter» появилась статья балтийского немца Альфреда Розенберга с призывом организовать поход против Советского Союза. «Главное — это нанести русской армии второе поражение под Танненбергом и погнать её обратно в Россию, — говорилось в статье. — Это исключительно дело немцев, это и

---

[1] «Echo de Paris», 12. I. 1921.

будет, собственно, началом нашего возрождения. Армия, хлынувшая назад в страну, будет самым лютым врагом советского правительства»[1].

Так как в марте должен был состояться плебисцит в Верхней Силезии, германское правительство заблаговременно начало принимать меры, чтобы заставить местное население высказаться за оставление области в пределах Германии. В Верхнюю Силезию были направлены фашистские отряды. Они терроризировали население. Участились убийства политических деятелей из-за угла. Преступники, попадавшиеся с поличным, присуждались германским правительством к смехотворным наказаниям.

Одновременно германская дипломатия за границей вела усиленную обработку общественного мнения. На всякого рода совещаниях и в комитетах германские представители выступали с докладными записками о тяжёлом финансовом и экономическом положении Германии. Большие надежды возлагали германские империалисты на Парижскую конференцию: на предварительной конференции экспертов в Брюсселе в конце 1920 г. немцы добились некоторых уступок и надеялись, что Парижская конференция их закрепит. На Парижской конференции (24—30 января 1921 г.) союзники представили свою схему уплаты репараций. Германия должна была платить ежегодные взносы: первые два года — по 2 миллиарда, три года — по 3 миллиарда, затем ещё три года — по 4 миллиарда, следующие три года — по 5 миллиардов и в оставшиеся 31 год — по 6 миллиардов золотых марок. Всего, таким образом, Германия должна была уплатить 226 миллиардов золотых марок. Всё имущество Германии, в частности выручка германских таможен, было объявлено гарантией выполнения репараций. В случае уклонения Германии от своих обязательств репарационная комиссия могла изъять поступления из таможен и даже взять в свои руки управление ими.

Решения Парижской конференции вызвали крайнее раздражение в Германии. Министр иностранных дел Симонс заявил английскому послу протест. Он снова грозил революцией в Германии. В ответ Германии было разрешено представить свои контрпретензии. Симонс немедленно заготовил предложения. Номинально он исходил из цифр Парижского соглашения, но при этом произвёл над ними ряд операций. Прежде всего он снова исключил из всей суммы репараций 20 миллиардов, якобы уже полностью уплаченных. Рядом чисто финансовых комбинаций Симонс свёл всю сумму репараций к 30 миллиардам золотых марок. При этом Симонс подчеркнул, что сумма эта может быть

---

[1] *К. Гейден,* История германского фашизма, Соцэкгиз, М.—Л. 1935, стр. 37.

оплачена только в том случае, если Верхняя Силезия останется за Германской империей, а Германия получит возможность восстановить свою международную торговлю.

Лондонская конференция (февраль — март 1921 г.)

Некоторое время Симонс не решался опубликовать свои контрпредложения. Союзникам он вручил их только 1 марта, спустя неделю после того, как началась новая Лондонская конференция (21 февраля — 14 марта 1921 г.), на которой выявились разногласия между Францией и Англией по ближневосточному вопросу. Репарации и ближневосточный вопрос оказались тесно связанными. Судьба одной проблемы в известной мере зависела от другой.

На Лондонской конференции представлены были Англия, Франция, Италия, Япония, Германия, Греция и две турецкие делегации — одна от анкарского правительства во главе с Бекир-Сами-беем и другая от константинопольского — с великим визирем Тевфик-пашой. Последний, однако, никакой роли не играл; выдвигался он только для того, чтобы оказать влияние на анкарское представительство.

На Лондонской конференции французский генерал Гуро, докладывая о военном положении в Турции, отметил, что турецкие войска сильнее греческих. Но греческие представители, выступившие на конференции, заявили, что будут продолжать войну до конца и что они решительно возражают против пересмотра Севрского договора. Обе турецкие делегации 25 февраля 1921 г. выступили с согласованными декларациями. Они требовали: 1) восстановить Турцию в границах 1913 г.; 2) очистить Смирну от греческих войск и вернуть её туркам; 3) гарантировать безопасность и суверенитет Турции при установлении свободы проливов; 4) уничтожить режим капитуляций; 5) предоставить Турции право иметь военно-морские силы, достаточные для защиты её берегов и территории.

Началась длительная дискуссия. Итальянские делегаты поддерживали пересмотр Севрского договора и настаивали на соглашении с кемалистами. Бриан занимал более умеренную позицию, но и он высказывался за частичное изменение Севрского договора. За кулисами Бриан довольно недвусмысленно давал понять кемалистам, что стоит за полное соглашение с Анкарой. Было очевидно, что французская дипломатия ведёт интригу против Англии и одновременно силится отдалить кемалистов от Советской России.

Английская дипломатия в свою очередь пыталась в частных переговорах договориться с Турцией. Турок явно хотели толкнуть против Советской страны. Ллойд Джордж имел беседу с главой турецкой делегации Бекир-Сами-беем, который недавно побывал в Москве. Задав ему несколько вопросов о положении в Советской России, Ллойд Джордж в конце беседы сделал

турку прямое предложение взять под протекторат Турции Закавказье вместе с бакинскими нефтяными источниками. По позднейшему свидетельству Мустафа-Кемаль-паши, об этих переговорах не знали прочие участники турецкой делегации. Но беседа Ллойд Джорджа была застенографирована. Копия стенограммы среди других бумаг была послана Бекир-Сами-бею, который имел обыкновение просматривать почту вместе с членами делегации. Увидев английский текст стенограммы, Бекир-Сами-бей решил, что имеет дело с обычными материалами конференции, поэтому он приказал переводчику тут же перевести документ на турецкий язык. Переводчик в присутствии других членов делегации стал читать документ вслух. В результате сведения о переговорах Ллойд Джорджа с Бекир-Сами-беем проникли в печать. Позже турецкое правительство объявило, что Бекир-Сами-бей вёл разговоры с английским министром по частной инициативе.

Одновременно турки вели за кулисами конференции переговоры и с Италией и Францией; с ними заключены были соглашения о прекращении военных действий и урегулировании экономических вопросов.

Убедившись, что соглашение с турками не состоится, Англия добилась от Франции поддержки своей позиции, обещая со своей стороны поддержать французов в репарационном вопросе. Французы отказались от своих обещаний туркам. 11 марта Бриан и глава итальянской делегации Сфорца сообщили туркам, а Ллойд Джордж и Керзон грекам, что союзники предлагают принять следующие решения: 1) эвакуацию союзных войск из Константинополя; 2) участие турок в союзническом финансово-контрольном комитете в Турции; 3) сохранение турецкого суверенитета в Смирне, но оставление в городе греческого гарнизона; 4) независимость Армении.

Ни турок, ни греков не удовлетворили эти предложения. Лондонская конференция кончилась провалом. Греция продолжала войну, а Турция вступила в переговоры с Советским правительством, которые закончились подписанием договора 16 марта 1921 г.

Лондонский ультиматум Германии

Наметившееся франко-английское сотрудничество на Ближнем Востоке позволяло обеим странам выступить с единой точкой зрения и по вопросу о репарациях. Контрпретензии Симонса конференция отказалась обсуждать. 3 марта 1921 г. союзники вручили Германии свой меморандум. Союзники указывали, что в течение двух лет после подписания Версальского договора германское правительство не один раз его нарушало. Оно отказалось выдать преступников, нарушавших законы войны; оно не выполнило условий разоружения и не

уплатило 20 миллиардов золотых марок деньгами или в натуре, как того требовали договор и обязательства, принятые в Спа; наконец, оно организовало военные формирования по всей стране, снабжая их тем оружием, которое должно было быть сдано союзникам.

«Союзники, — говорилось в меморандуме, — которые всегда были готовы выслушивать все разумные представления, основывающиеся на затруднениях Германии, теперь не хотят более допускать этих постоянных уклонений от выполнения договора»[1]. Если до 7 марта Германия не признает парижского решения, то союзники: 1) займут города Дюисбург, Рурорт и Дюссельдорф на правом берегу Рейна; 2) установят таможенные пункты на Рейне и на крайних границах предмостных укреплений, занятых союзниками.

К указанному сроку от Германии согласия не последовало. 8 марта войска союзников оккупировали указанные выше рейнские города, приступив также и к применению экономических санкций.

Ссылаясь на устав Лиги наций, германское правительство заявило протест против оккупации. Протест оказался безрезультатным. Тогда 20 апреля 1921 г. Германия официально обратилась к Соединённым штатам Америки с просьбой о посредничестве. 22 апреля Соединённые штаты Америки отклонили посредничество, но порекомендовали Германии составить новую схему репараций, чтобы переговоры могли быть возобновлены. Через лорда д'Абернона германское правительство узнало, что Англия непрочь пойти на новые переговоры. Ободрённое поддержкой, германское правительство представило 24 апреля 1921 г. новые предложения. Германия выражала готовность принять на себя обязательство репарационных платежей на общую сумму 50 миллиардов золотых марок по современной их стоимости. Германия предлагала немедленно выпустить международный заём и выручку от него передать в распоряжение союзников. Вместе с тем, явно спекулируя своим мнимым миролюбием, Германия заявляла о желании содействовать восстановлению опустошённых областей. Германское правительство поясняло, что «рассматривает это восстановление как наиболее срочную часть репараций, способную наиболее непосредственным образом смягчить бедствия войны и ненависть среди народов»[2].

Германское правительство соглашалось принять также на себя долговые обязательства союзников в отношении Соединённых штатов Америки. Этот пункт свидетельствовал о надежде Германии привлечь на свою сторону Соединённые штаты

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 2, стр. 82.

[2] Там же, стр. 86.

Америки, играя на их заинтересованности в получении долгов с Европы.

Германские предложения были подвергнуты обсуждению на второй Лондонской конференции, заседавшей с 29 апреля по 5 мая 1921 г. На конференции было рассмотрено решение репарационной комиссии о размере германских репараций. Общая сумма репараций была установлена в 132 миллиарда золотых марок. Одновременно репарационная комиссия представила схему уплаты репараций. 5 мая союзники вручили Германии ультиматум с требованием принять предложения репарационной комиссии и выполнить все остальные условия Версальского мира о разоружении и выдаче виновников войны. В случае отказа принять эти обязательства союзники угрожали занять Рур. На ответ давалось шесть дней. Ультиматум союзников вызвал политический кризис в Германии. Незадолго до окончания срока ультиматума, истекавшего 11 мая, в английское посольство в Берлине явился Штреземан. Он сообщил, что лидеры правительственных партий высказываются за принятие условий союзников, если только будут устранены некоторые неясные пункты ультиматума. Никаких уступок не последовало. Кабинет Ференбаха ушёл в отставку. Президент Эберт с большим трудом уговорил лидера католического центра доктора Вирта образовать новый кабинет, который опирался на коалицию из социал-демократов, центра и демократов. 11 мая 1921 г., за два часа до истечения срока ультиматума, правительство Вирта уведомило союзников, что германское правительство принимает все условия ультиматума.

Однако, приняв ультиматум союзников, германское правительство продолжало разжигать гражданскую войну в Верхней Силезии. Германия добивалась сохранения за собой всей этой области, зная, что против Франции её поддержат в этом вопросе Англия и Соединённые штаты Америки.

Межсоюзная комиссия предложила генералу Геферу, командующему германскими силами, прекратить столкновения с поляками и отозвать свои войска. Она пригрозила в противном случае вывести союзные войска из охраняемых ими промышленных районов Силезии.

Благодаря нажиму британской дипломатии между поляками и немцами было заключено перемирие. Однако достигнуть соглашения Германии с Польшей по вопросу о разделе Верхней Силезии не удалось. Поэтому решено было передать спор на рассмотрение Верховного совета союзников. Заседание Совета состоялось 8 августа 1921 г. в Париже. По предложению итальянских делегатов, Верховный совет постановил перенести верхнесилезский конфликт в Совет Лиги наций. Последний со своей стороны передал этот вопрос на рассмотрение подкомиссии в составе четырёх непостоянных своих членов: Бельгии, Испа-

нии, Бразилии и Китая. Комиссия в таком составе решила судьбу Верхней Силезии, разделив её между Германией и Польшей. 17 октября 1921 г. это решение было утверждено правительствами стран Антанты.

Анкарский договор (20 октября 1921 г.)

Франция постаралась не остаться в долгу перед Англией за поддержку, оказываемую Германии английской дипломатией. Тайно от Англии французы начали переговоры с Турцией о заключении нового мирного договора. Переговоры вёл в Анкаре председатель французской сенатской комиссии по иностранным делам Франклен-Буйон. Когда англичане узнали о его поездке, они запросили объяснений в Париже. Бриан ответил, что Франклен-Буйон поехал в Анкару в качестве частного лица по торговым делам. В июле Бриан заверял англичан, что Франция не примет никаких обязательств в отношении Турции без согласования с британским правительством. В сентябре, когда переговоры в Анкаре были в полном разгаре, французское правительство вновь успокаивало Англию: на сей раз оно заявляло, что Франклен-Буйон приехал в Турцию со специальной комиссией, касающейся вопроса о военнопленных; ему-де предписано не затрагивать вопроса о мире.

После поражения греков при Сакарии, где трёхнедельная битва завершилась их полным разгромом и стремительным отступлением, Франклен-Буйон подписал 20 октября 1921 г. договор с Турцией. Договор предусматривал прекращение военных действий, эвакуацию французских войск из Киликии, предоставление французам железнодорожной концессии в Турции и т. д. Буйон не жалел ни золота, ни лести, чтобы добиться от турок желаемых уступок. Он хотел разрыва кемалистской Турции с Советской Россией, дружба с которой якобы несовместима с новым франко-турецким договором. Советовал он Турции также усилить агитацию против Англии в Ираке, уверяя, что осложнения в этой стране могут сделать англичан более уступчивыми.

Анкарский договор вызвал серьёзное недовольство в Англии. Керзон упрекал французов в том, что односторонним соглашением они нарушили ранее подписанные ими союзные обязательства и отдали Турции земли, завоёванные английскими войсками. Французская дипломатия заверяла, что Анкарский договор не направлен против Англии: он касается лишь частных вопросов франко-турецких отношений.

В версальской системе явно обозначались первые трещины.

Результатом Версальского, Сен-Жерменского, Трианонского, Нейиского, Севрского договоров явилась такая перестройка Европы, которая создала ряд государств, образованных без всякого учёта интересов и воли населявших их национально-

стей. Общая численность национальных меньшинств, получивших после войны чужое государственное подданство, достигала только в Европе 16 815 тысяч человек. Сам Ллойд Джордж, один из творцов версальской системы, признавал, что по установлении новых границ вместо одного эльзас-лотарингского вопроса в Европе возникли десятки таких же проблем. Многонациональная чересполосица, созданная Версалем, чревата была неизбежными конфликтами: они возникали из противоречий и трений между вновь созданными государствами и старыми державами, которые были расчленены после войны.

В центре Европы напряжённые отношения складывались между Германией, Чехословакией, Австрией. Обострены были взаимоотношения чехов с венграми и поляками. Борьба шла между балканскими странами. Развивалось соперничество Англии и Франции из-за гегемонии в Европе, на Балканах, на Ближнем Востоке. Углублялась вражда между Францией и Германией, Италией и Францией. Все эти противоречия подтачивали и расшатывали версальскую систему. В целях её укрепления возникла мысль об объединении тех государств Центральной и Юго-восточной Европы, которые были особенно заинтересованы в сохранении послеверсальского status quo. Руководящую роль в этом деле взяла на себя французская дипломатия. Ещё 14 августа 1920 г., как уже упоминалось, между Чехословакией и Югославией был подписан в Белграде сроком на два года договор об оборонительном союзе. 23 апреля 1921 г. Румыния заключила союзный договор с чехословаками, направленный против Венгрии. 7 июня 1921 г. был заключён договор между Румынией и Югославией. Наконец, 31 августа 1922 г. был подписан договор между Чехословакией и Югославией, по которому действие союзного соглашения от 14 августа 1920 г. было продлено на пять лет. Так сложилась Малая Антанта из Румынии, Чехословакии и Югославии — французский страж Версаля на юго-востоке Европы. Ни Польша, ни Греция к Малой Антанте не примкнули, хотя 3 марта 1921 г. и был подписан договор о румыно-польском союзе.

Все эти противоречия подготовляли будущий кризис версальской системы.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В БОРЬБЕ ЗА ДЛИТЕЛЬНУЮ МИРНУЮ ПЕРЕДЫШКУ (1921 г.)

Балтийские конференции

Интервенция Антанты потерпела крушение: силой оружия русский вопрос разрешить не удалось. Тем не менее руководители Антанты отнюдь не намеревались прекращать борьбу против советской власти. Приходилось, однако, изменить методы своих действий. К этому вынуждали не только военные победы Советской республики, но и напряжённое внутреннее положение в самих западноевропейских государствах.

В 1920 г. разразился послевоенный мировой экономический кризис, затронувший прежде всего Японию и США. Затем кризис перекинулся и на остальные страны капиталистического мира. К апрелю 1921 г. в них насчитывалось 10 миллионов безработных и почти 30 миллионов полубезработных. Кризис усилил революционное движение масс во Франции, в Италии, Англии, Германии и в ряде других государств. Трудящиеся всех стран обращали свои взгляды к Советскому государству, где рабочие и крестьяне взяли власть в свои руки и, отразив нападение врагов, приступили к мирному хозяйственному строительству.

Рост революционного движения в странах капитализма усиливал враждебность капиталистических правительств к Советской России. Не одолев силой Советской страны, реакционные круги Антанты перешли к попыткам изолировать её от внешнего мира и взорвать изнутри.

В ход было пущено уже однажды испытанное средство: вновь усилия Антанты были направлены на прибалтийские страны. Роль опекуна этих лимитрофов приняла на себя Франция.

Французская дипломатия попыталась сколотить антисоветский балтийско-польский блок. С этой целью она содействовала организации регулярных балтийских конференций. Такие конференции созывались каждые 6 месяцев по очереди в столицах Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии.

Официально конференции собирались якобы для урегулирования вопросов экономического и культурного сотрудничества

между прибалтийскими странами; на самом деле, по плану французской дипломатии, они должны были подготовить военно-политическое объединение балтийских стран и Польши.

Малые страны, зависимые от крупных капиталистических держав, легко попадались в дипломатические тенёта Франции. Несмотря на заключение мирных договоров с Советской Россией, отношения с ней прибалтийских государств принимали зачастую напряжённый характер. 31 октября 1920 г. Наркоминдел заявил решительный протест против нарушений латвийским правительством мирного договора в связи с тем, что через Ригу в Крым, к Врангелю, пропущены были 200 белых офицеров. Министр иностранных дел Латвии Мейеровиц вынужден был признать, что на территории Латвии находятся организации, вербующие солдат и офицеров для белых армий. Этот инцидент принял настолько широкую огласку, что рассмотрением его занялось латвийское Учредительное собрание. На заседании его вскрылось, что в деле вербовки белогвардейцев замешаны были видные руководители латвийской армии.

Эстония, первая заключившая мирный договор с Советской Россией, также мало-помалу превращалась в орудие Антанты. Эстонская буржуазия мечтала об особой роли, которую она якобы может играть в качестве посредницы в деле распространения «западной цивилизации» на востоке Европы. На конференции послов в Сан-Ремо в феврале 1920 г. представители Эстонии Пуста и Пийп пресерьёзно обосновывали следующими доводами свою просьбу о признании Эстонии странами Антанты: 1) признание Эстонии обеспечит совместную работу союзных держав и Эстонии в деле хозяйственного восстановления России; 2) Эстония при её географическом положении может служить каналом для распространения западной цивилизации на восток. Так понимая свою международную миссию, Эстония принимала деятельное участие в балтийских конференциях и во всех антисоветских замыслах Латвии, Финляндии и Польши.

Саботаж Польшей условий мира. Виленский конфликт

Особое внимание уделяла Франция Польше. Подписав договор о прелиминарном мире и перемирии, Польша не прекратила враждебных действий против Советской Украины и Советской Белоруссии. На южном участке Украинского фронта поляки оставили контрреволюционные банды Петлюры, которые продолжали борьбу против советских войск. После неоднократных протестов России и Украины польское командование заявило, что петлюровцы якобы не подчиняются его приказаниям. На той территории, которая по договору отошла к Польше, появились вооружённые отряды генерала Желиговского и контрреволюционеров Булак-Балаховича и Савинкова. Последние вторглись из Польши в Бело-

руссию, а Желиговский двинулся на Вильно. На повторный протест советского правительства против нарушения договора поляки ответили, что отряды Желиговского вышли из повиновения.

Всячески затягивало польское правительство и переговоры об окончательном заключении мира. То запаздывали главные члены делегации, то прибывшая в Ригу делегация оказывалась без полномочий, то, наконец, поляки назначали заседания комиссий так редко, что работа мирной конференции фактически замирала. Попрежнему Польша опиралась при этом на поддержку Франции, которая старалась помешать заключению мира между Польшей и Советскими республиками.

27 октября 1920 г., т. е. через 2 недели после подписания прелиминарного мира, советское правительство нотой на имя председателя совета министров и министра иностранных дел Франции заявило протест против этой политики подстрекательства Польши к новой войне против Советской России.

29 октября председатель российско-украинской мирной делегации нотой довёл до сведения польской мирной делегации, что ответственность за всякий ущерб, причинённый нападениями банд Украине, России и Белоруссии, возлагается на польское командование и польское правительство. Новая нота председателя советской мирной делегации от 30 октября требовала разоружения и интернирования банд Булак-Балаховича. Решительный тон дипломатических выступлений советского правительства не мог не возыметь своего действия на поляков. Но самое отрезвляющее впечатление произвёл на них сокрушительный разгром Красной Армией союзника Польши — белогвардейца Врангеля на юге России. Событие это вызвало переполох в стане покровителей Польши, держав Антанты. Попыткой дипломатического реванша явилось их вмешательство в конфликт Польши с Литвой из-за Вильно. По мирному договору, заключённому между РСФСР и Литвой в 1920 г., Вильно, освобождённое Красной Армией, передавалось литовскому государству. Это решение не вызвало протестов со стороны Англии и Франции. Мало того, когда Верховный совет Антанты намечал так называемую линию Керзона, границу, на которой советскому правительству предлагалось остановить Красную Армию, наступавшую на Польшу в 1920 г., по английскому предложению Вильно с прилегающей областью оставалось за Литвой. Несмотря на это, через 3 месяца после заключения советско-литовского мирного договора, 9 октября 1920 г., польский генерал Желиговский, опираясь на поддержку Франции, занял город Вильно. Между Литвой и Польшей было объявлено состояние войны. Советское правительство решительно протестовало против захвата Вильно Польшей. В дело вмешалась Антанта. В Лиге наций в 1921 г. возник

так называемый проект Гиманса. Сущность его сводилась к тому, что Виленский округ объявлялся автономным, но вся Литва объединялась с Польшей. Проект объединения Литвы и Польши, шедший вразрез с национальными стремлениями литовского народа, имел в виду создание нового фронта против Советской России. Поддерживаемая Россией Литва отвергла проект Гиманса, как и другие компромиссные решения Лиги наций по виленскому вопросу. Однако благодаря настойчивой поддержке французской дипломатии Совет Лиги решил виленский вопрос в пользу Польши.

Сколачивая польско-балтийский блок, Франция стремилась укрепить его привлечением Румынии. 3 марта 1921 г. Румыния заключила военную конвенцию с Польшей: обе стороны обязывались помогать друг другу в борьбе за неприкосновенность своих границ. Польско-румынский союз, заключённый при активном содействии французской дипломатии, явно имел своей целью подготовить плацдарм для нападения на Советскую республику.

Восстание в Кронштадте

Осуществляя свои замыслы в Прибалтике, Польше и Румынии, агенты империалистов Антанты одновременно подготовляли контрреволюционное восстание в самой Советской России. В марте вспыхнул бунт в Кронштадте; нити его вели за пределы страны. Захват Кронштадта должен был передать в руки врагов Советской страны ключ к Петрограду. Почти за месяц до восстания иностранная пресса уже злорадно трубила о нём, как о совершившемся факте. Империалисты помогали восставшим в Кронштадте через Эстонию.

Самый срок восстания был избран не случайно. В Москву прибыла турецкая делегация для заключения договора между РСФСР и Турцией. Находился в Москве и представитель Персии. В Риге заканчивались переговоры о подписании мирного договора с Польшей. Империалистам нужно было во что бы то ни стало сорвать подготовляемые соглашения Советской страны с ближайшими соседями. Попытка эта потерпела крушение.

Восстание в Кронштадте было подавлено 18 марта 1921 г. Как раз в этот день был подписан в Риге мир с Польшей. Не удалось империалистам помешать и переговорам советского правительства со странами Востока.

Советско-персидский договор (26 февраля 1921 г.)

Первым из соглашений Советской России со странами Востока был подписан договор с Персией. В правящих кругах Персии шла острая борьба двух ориентаций — национально-персидской, державшей курс на дружбу с Советской Россией, и английской. В октябре 1920 г. у власти в Персии стал национальный кабинет. Советское

правительство предложило Персии заключить договор. Это предложение произвело на персов огромное впечатление.

«Среди мрака, окутавшего наш политический горизонт, — писала персидская газета «Rechnema», — вдруг со стороны севера и Советской России сверкнули ослепительные молнии. Они... дали нам возможность лучше осмотреться в обстановке, избрать для себя твёрдый и более уверенный курс».

В конце 1920 г. в Москву приехал чрезвычайный персидский посол. Со своей стороны и советское правительство отправило в Персию своего полномочного представителя. 26 февраля 1921 г. состоялось подписание советско-персидского договора в Москве. Советское правительство торжественно заявляло об отказе в отношении Персии от всех неравноправных договоров, а также от соглашений, заключённых во вред Персии царским правительством с великими державами. Персии возвращались все концессии и имущества, полученные царским правительством на её территории. Объявлялись аннулированными долги, числившиеся за Персией в отношении царской России. Советское правительство соглашалось признать право Персии иметь собственный флот на Каспийском море. Обоюдно отказываясь от вмешательства во внутренние дела другой стороны, советское и персидское правительства обязывались не допускать образования или пребывания на своей территории организаций или групп, имеющих целью борьбу против России или Персии. Наконец, персидское правительство давало обязательство заключить с советским правительством соглашение о предоставлении РСФСР права эксплоатации рыбных промыслов на южном побережье Каспийского моря.

Оценивая успехи советской политики в Персии, английский журнал «Nation» писал:

«Россия пожинает теперь в Персии плоды своей политики самопожертвования: она отказалась от всего — от концессий, дорог, телеграфов, банков, не прося ни пенса вознаграждения за убытки... В результате мы имеем безусловный рост русского влияния, которое опирается на добрую волю самого персидского населения» [1].

Советско-афганский договор (28 февраля 1921 г.)

Следующим соглашением, заключённым Советской Россией на Востоке, был советско-афганский договор. События в России оказали глубокое влияние на развитие национально-освободительных движений на Востоке и в частности в Афганистане. Эмир Хабибулла-хан, поставивший всю внутреннюю и внешнюю политику Афганистана под контроль Великобритании, был убит. Новым эмиром стал молодой и энергичный Аманулла-хан. Он являлся представи-

[1] «Nation», 3. VI. 1921.

телем прогрессивных элементов Афганистана и был сторонником внутренних реформ в своей стране. Советское правительство ещё в декларации от 27 мая 1919 г. безоговорочно признало суверенные права Афганистана. В ответ на эту декларацию в Москву в ноябре 1919 г. прибыло специальное афганское посольство для заключения договора с Советской республикой. Посольство намеревалось ехать и в Европу, чтобы известить все иностранные правительства о независимости Афганистана; но правительства Антанты не пустили его ни в одну из столиц. Таким образом, Афганистан заключил соглашение только с Советской Россией. К концу 1919 г. в Кабул прибыл представитель советского правительства. 13 сентября 1920 г. в Кабуле был составлен предварительный советско-афганский договор.

28 февраля 1921 г. в Москве состоялось окончательное подписание договора. Каждая из договаривающихся сторон заявляла о признании государственной независимости другой стороны. Советская Россия обеспечивала свободный и беспошлинный транзит через свою территорию грузов, закупленных Афганистаном, и обязывалась оказывать этой стране материальную и культурную помощь. 13 августа 1921 г. советско-афганский договор был ратифицирован. После этого Афганистану удалось урегулировать свои отношения и с Великобританией. 22 ноября 1921 г. был подписан англо-афганский договор. Англия признавала независимость Афганистана и отказывалась от контроля над его внешними сношениями. Лондон и Кабул взаимно обменивались дипломатическими представительствами. Обе стороны давали согласие на заключение торгового договора. Таким образом, благодаря экономической и политической поддержке Советской республики Афганистан добился своей национальной независимости.

Договор с Турцией (16 марта 1921 г.)

16 марта 1921 г. был заключён договор «О дружбе и братстве» между Советской Россией и кемалистской Турцией. Соглашение это ликвидировало все старые царские договоры, навязанные Турции. Советское правительство отказалось от режима капитуляций. Соответствующий пункт договора гласил:

«Обе договаривающиеся стороны, констатируя соприкосновение между национальным освободительным движением народов Востока и борьбой трудящихся России за новый социальный строй, торжественно признают за этими народами право на свободу и независимость, а равным образом их право на избрание формы правления согласно их желаниям. Правительство РСФСР, считая режим капитуляций несовместимым со свободным национальным развитием всякой страны, считает потерявшими силу и отменёнными всякого рода дей-

ствия и права, имеющие какое-либо отношение к этому режиму» [1].

Долги, которые Турция выплачивала царскому правительству, объявлялись аннулированными. Наконец, в договоре было предусмотрено, что вопрос о режиме проливов будет передан на обсуждение стран Черноморского побережья.

Договор с Монголией (5 ноября 1921 г.)

На Дальнем Востоке Советская республика прежде всего установила дипломатические отношения с Монголией. До 1911 г. Монголия являлась провинцией Китая, который превратил её в забитую, отсталую страну. После китайской революции монгольские князья провозгласили независимость своей страны.

В 1915 г. Монголия подписала в Кяхте договор с Россией и Китаем. По этому договору Монголия, признанная частью Китая, получала широкую автономию с правом вести самостоятельную внешнюю политику. Русское и китайское правительства обязывались не содержать на территории Монголии своих войск. До 1918 г. русское правительство сохраняло в Монголии преобладающее влияние. При монгольском правительстве состоял русский финансовый советник, контролировавший народное хозяйство страны.

Японское правительство всячески стремилось ослабить русское влияние в Монголии и укрепить в ней свои собственные позиции. Японские агенты ссорили между собой местных князей, вели шпионскую работу и постепенно прибирали Монголию к своим рукам. Все эти захватнические стремления японские империалисты прикрывали лозунгом слияния всех монгольских племён в единое государство — Великую Монголию — под эгидой Японии.

В 1917 г., опасаясь освободительного влияния Великой Октябрьской социалистической революции, японцы выдвинули белогвардейского атамана Семёнова в качестве своего агента в Монголии. Ему дали денег, снабдили оружием и поручили подчинить Монголию Японии. Монгольский народ начал революционную борьбу против японских империалистов. В 1920 г. была создана народная революционная партия; она объявила национальную войну за освобождение Монголии. Руководителем этой партии был рабочий-наборщик Сухэ-Батор, а его ближайшим помощником — Чойбалсан.

После разгрома Колчака Красной Армией атаман Семёнов бежал из Монголии. Вместо него японцы выдвинули другого белогвардейца, барона Унгерна. В начале 1921 г. Унгерн вступил в Монголию; 4 февраля он захватил столицу страны Ургу,

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 94—95.

ныне Улан-Батор. Однако и Унгерну, несмотря на помощь Японии, не удалось закрепиться в Монголии. Трудящиеся Монголии создали народную армию для борьбы с наёмником Японии. 13 марта 1921 г. было организовано народное правительство Монголии. Оно обратилось за помощью к Советской стране. На борьбу с Унгерном за освобождение Монголии выступили части Красной Армии. Унгерн и его японские пособники были разбиты; барон был взят в плен, предан суду и, по требованию народных масс, расстрелян 15 сентября 1921 г.

Монгольская народная армия и советские войска освободили столицу Монголии от белых банд.

12 июля 1921 г. народное правительство Монголии обратилось к Советской республике с просьбой впредь до полного укрепления народной республики не выводить своих войск из Монголии, а также взять на себя посредничество в деле установления отношений между Монголией и Китаем. Между монгольским правительством и Советской Россией установилось дружественное сотрудничество. В Москву в октябре 1921 г. прибыла чрезвычайная монгольская миссия. Советско-монгольские переговоры завершились подписанием договора 5 ноября 1921 г. В нём стороны заявляли о взаимном признании и обязывались проводить принцип наибольшего благоприятствования в области своих политических и экономических взаимоотношений.

Переговоры с Китаем

Попытка установить отношения Советской России с Китаем имела место ещё в середине 1919 г.

26 июля 1919 г., разгромив Колчака, советское правительство обратилось к Китаю со следующей нотой:

«Советское правительство отказалось от завоеваний, которые сделало царское правительство, отобрав от Китая Манчжурию и другие области. Пусть народы, обитающие в этих областях, сами решат, в границах какого государства они желают быть у себя дома. Советское правительство отказывается от получения с Китая контрибуции за боксёрское восстание 1900 г...

Советское правительство уничтожает все особые привилегии, все фактории русских купцов на китайской земле. Ни один русский чиновник, поп и миссионер не смеют вмешиваться в китайские дела, а если он совершит преступление, то должен судиться по справедливости местным судом. В Китае не должно быть иной власти, иного суда, как власть и суд китайского народа.

Кроме этих главных пунктов советское правительство готово договориться с китайским народом в лице его уполномоченного по всем другим вопросам и навсегда ликвидировать все акты насилия и несправедливости, совершённые в отношении Китая прежними российскими правительствами совместно с Японией и союзниками».

Советская Россия предлагала Китаю вступить в переговоры, чтобы навсегда отменить все неравноправные договоры. Однако китайское правительство не решилось пойти на переговоры с Советской страной. Только в сентябре 1920 г., когда вся Сибирь была освобождена, в Москву прибыла из Китая специальная военно-дипломатическая миссия. 12 октября Китай назначил в Россию постоянным представителем главу военной дипломатической миссии генерала Чжан Сы-лина; однако вскоре он был отозван под нажимом извне. Но соглашение так и не состоялось. 27 октября Наркоминдел передал этой миссии меморандум, где были намечены основные принципы желательного соглашения между Россией и Китаем. Вместо договора с Советской Россией — единственной страной, предлагавшей равноправные отношения, — Китай подписал соглашение с Русско-Азиатским банком, который фактически находился в руках Франции. Соглашение предоставляло этому банку право эксплоатации Китайско-Восточной железной дороги. По проискам реакционных кругов Антанты, китайские уполномоченные всячески уклонялись от переговоров с Советской Россией.

Осенью 1921 г. советское правительство сделало новый шаг по пути сближения с Китаем. В Пекин, с согласия Китая, была направлена торговая делегация Советской России, уполномоченная начать переговоры об условиях передачи Китаю Китайско-Восточной железной дороги. Китайское правительство вновь стало лавировать, затягивая переговоры. Оно обещало назначить делегата для ведения переговоров, но не посылало никого, предлагало всё новые места для встречи сторон и не останавливалось ни на одном. В конце концов китайское правительство заявило, что считает необходимым отложить обсуждение вопроса о Китайско-Восточной железной дороге до предстоящей Вашингтонской конференции. Наркоминдел протестовал против такого решения телеграммой от 8 декабря, напоминая, что вопрос о КВЖД касается только Китая и России. Было очевидно, что за спиной Китая стоят державы, враждебные Советской России и мешающие восстановлению нормальных дипломатических отношений между Китаем и Советской республикой.

Торговое соглашение с Англией

Добившись мира, советский народ приступил к восстановлению народного хозяйства. Одновременно налаживались деловые отношения Советской России с капиталистическими странами. 16 марта 1921 г. завершились длительные переговоры с английским правительством о заключении экономического и политического соглашения. Существенное содержание договора, подписанного в этот день, заключалось в следующем. Правительства Советской России и Великобритании взаимно обязывались: воздерживаться от всяких враждебных действий и пропаганды друг против друга; подданные того и другого

государства получали право вернуться на родину; между договаривающимися сторонами возобновлялись торгово-политические отношения; в этих целях они взаимно обменивались торговыми представительствами. Правительство Великобритании обязывалось не предпринимать никаких действий для завладения золотом, имуществом и товарами, принадлежащими советскому правительству; со своей стороны правительство Советской России в особой декларации, приложенной к договору, выражало готовность уплатить в будущем соответствующие возмещения тем частным лицам, которые поставили товары или оказали другие услуги России. Впрочем, при этом имелось в виду, что разрешение этих вопросов последует по заключении общего мирного договора.

Торговое соглашение от 16 марта 1921 г. означало, что британское правительство де факто признало Советскую Россию, хотя между обеими странами и оставались открытыми спорные вопросы. 23 марта 1921 г. Ллойд Джордж в Палате общин официально объявил, что англо-советское соглашение означает фактическое признание Советской России. Вскоре деловые отношения между обеими странами подтвердили такое признание.

Ещё в конце 1920 г. глава советской торговой делегации в Лондоне Красин продал лес Джемсу Сагору и К°. Английское лесопромышленное предприятие — общество «Лютер» — оспорило эту сделку, заявив, что проданный лес раньше принадлежал ему и был конфискован советским правительством. Компания «Сагор», не отрицая факта прежней принадлежности леса «Лютеру», со своей стороны заявляла, что советское правительство конфисковало лес на основании своего декрета от 20 июня 1918 г. В декабре 1920 г. судья вынес решение по делу Сагора: так как британское правительство не признало советского правительства, то декреты последнего не имеют силы перед лицом английского закона. Торговая сделка о лесе была признана недействительной. Компания «Сагор» перенесла дело в апелляционный суд. Последний 12 мая 1921 г. отменил первое решение, ссылаясь при этом на разъяснение Министерства иностранных дел, что Англия признала советское правительство фактическим правительством России.

Переговоры между Советской Россией и Англией вызвали серьёзную тревогу в Германии. Всполошились немецкие промышленные круги, опасаясь, что они будут вытеснены с русского рынка. В январе 1921 г. Русско-Германское общество, созданное для развития торговли с Россией, решило послать делегацию в Москву. В Рейхстаге раздавались требования возобновить дипломатические и торговые отношения с Россией. Но германское правительство не торопилось. 22 января 1921 г. в Рейхстаге министр иностранных дел Симонс выступил против установления дипломатических отношений с Советской Россией.

Симонс выдвинул странный аргумент: он доказывал, что дипломатические отношения с Россией не могут быть установлены, пока советское правительство не даст полного удовлетворения за происшедшее в 1918 г. в Москве убийство Мирбаха. Довод был явно надуманным: правительство кайзера назначило Гельфериха преемником графа Мирбаха в качестве посла в Москве, — тем самым инцидент представлялся исчерпанным.

Опубликование англо-советского договора от 16 марта 1921 г. заставило германское правительство изменить свою позицию: оно начало со своей стороны переговоры с Советской Россией. 6 мая 1921 г. было заключено временное соглашение о возобновлении торговых отношений между обеими странами. Подписано было также дополнительное соглашение об обмене военнопленными и интернированными. Так, медля с официальным признанием Советского государства, правительство Германии старалось в своей дипломатической игре не выпустить из рук советской карты и в то же время использовать выгоды деловых сношений с Советской Россией.

Попытка империалистов использовать голод в России

Советская страна постепенно восстанавливалась. Но летом 1921 г. республику постигло новое бедствие — неурожай. Больше 20 миллионов человек населения Поволжья, областей Украины и Северного Кавказа, особенно пострадавших от интервенции и гражданской войны, было охвачено голодом. Советская власть немедленно организовала помощь голодающим. Посильную помощь оказал им и международный пролетариат.

Когда в США возникла организация для оказания помощи пострадавшим от голода в России (так называемая Американская администрация помощи — АРА), советское правительство не отклонило её предложений. 20 августа 1921 г. с Американской администрацией помощи было заключено соответствующее соглашение. Неделю спустя однородное соглашение было подписано и с уполномоченным Женевского комитета Лиги наций по оказанию помощи пострадавшим от голода в России — Фритьофом Нансеном.

Франция предложила создать Международную комиссию. Англия выдвинула в её состав министра внешней торговли Ллойд-Гримма, сэра Д. Хюита, специалиста по борьбе с голодом в Индии, и Уордропа, бывшего консула в Москве.

Первое заседание Международной комиссии помощи России состоялось 30 августа в Париже, в Министерстве иностранных дел. Председателем комиссии был избран бывший посол в России Нуланс, один из наиболее ярых организаторов заговоров против советской власти в России. Выступив с речью, Нуланс начал её с напыщенных фраз о помощи голодающим, оказываемой якобы «без всякой задней мысли, с единственной заботой

достойным образом выполнить гуманитарную роль, на нас возложенную».

Но после этих общих фраз Нуланс заявил:

«Наше соглашение, ставящее себе целью исключительно оказание помощи, отнюдь не включает в себе отказа от прошлого. Достаточно для нас того факта, что миллионы людей страдают и умирают, чтобы все разногласия в оценках и политических позициях в отношении Советов перестали служить для нас препятствием к объединению в деле спасения народа, к которому мы к тому же питаем одинаковые симпатии. Но именно по одному тому, что, по мнению наших правительств, оказываемая помощь должна быть одинакова для всех жертв голода и не может разнообразиться в зависимости от их убеждений и социального положения, мы вправе требовать, чтобы распределение продовольствия и помощи производилось с соблюдением полнейшей справедливости. Тут необходим поэтому самый строгий контроль: мы должны будем его установить и неуклонно проводить» [1].

В США во главе комитета стал Гувер, будущий президент. 4 сентября 1921 г. Нуланс по телеграфу предложил советскому правительству принять помощь Международной комиссии. Нуланс потребовал от советской власти, чтобы в Россию была допущена делегация экспертов, уполномоченная ознакомиться с положением на местах. Ясно было, что вся эта затея преследует разведывательные цели. Советское правительство нотой от 7 сентября категорически отказалось разрешить приезд делегации Международной комиссии и тем более допустить какой бы то ни было контроль со стороны иностранных держав за распределением присылаемых продуктов. В ноте указывалось, что «с величайшим изумлением российское советское правительство ознакомилось с содержанием полученной 4 сентября ноты г. Нуланса, показывающей, что возглавляемая этим лицом комиссия, вместо действительной помощи голодающим, предпринимает шаги, заставляющие усомниться в самом желании её помочь бедствующим крестьянам России» [2].

Напоминая о деятельности Нуланса в России в качестве посла Франции, нота Наркоминдела характеризовала его как «одного из самых злостных и коварных врагов» трудящихся России, который всячески старался не допустить соглашения и взаимного понимания между советским правительством и правительствами Антанты. В своё время советское правительство обращалось уже к французскому правительству с заявлением, что «невозможно ни на одну минуту оставлять в России,

---

[1] «Temps», 1. IX. 1921; см. «Бюллетень НКИД» № 96, 12 октября 1921 г., стр. 3.

[2] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 115.

в качестве его представителя, такое лицо, которое толкает к войне между Францией и Россией» [1]. «Оставшийся, несмотря на это заявление, в России, — гласила нота, — г. Нуланс все свои силы отдал подготовке заговоров против безопасности республики и против жизни её руководящих деятелей, подготовке восстаний, вербовке участников всевозможных авантюр, направленных против республики, попыткам устраивать взрывы мостов и железнодорожные крушения и т. д.» [2]. Нуланс «был одним из наиболее активных руководителей той самой системы блокады, которая привела весь русский народ в состояние разорения и нищеты, в значительной мере обусловивших нынешнее неслыханное бедствие голода... Комиссия г. Нуланса, — продолжала нота, — заменила помощь голодающим собиранием сведений о внутреннем состоянии Советской России... Это должно делаться под руководством тех людей, которые уже занимались этим изучением в ничем не прикрытых целях устройства мятежей и облегчения продвижения иностранных армий на территорию Советской республики» [3].

Скоро окончательно раскрылись истинные замыслы организаторов кампании помощи. Агенты империалистов поддерживали контрреволюционную работу, которую развернули в Помголе — так называли общественный комитет помощи голодающим — проникшие туда кадеты: Прокопович, Кускова, Кишкин и др. Преступная деятельность кадетов была разоблачена и ликвидирована. Связи их с иностранными разведками установлены были с полной очевидностью.

В октябре 1921 г. была созвана конференция представителей 20 стран — Бельгии, Великобритании, Франции, Японии, Италии, Германии, Польши, Румынии и др. Официальным мотивом созыва Брюссельской конференции был вопрос о помощи голодающим в России. В резолюции конференции было подчёркнуто, что основным условием организации помощи России должно стать признание долгов. Так, представители иностранных держав открыто показали, что хотят воспользоваться затруднительным положением Советской страны, чтобы поставить её на колени.

В ответ на брюссельскую резолюцию советское правительство обратилось 28 октября 1921 г. с нотой к правительствам Великобритании, Франции, США, Италии, Японии. Напомнив заявление Ллойд Джорджа 16 августа в английском Парламенте, что предложение использовать голод в России с целью заставить её уплатить долги есть «дьявольский замысел», советское правительство писало:

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 115—116.
[2] Там же, стр. 116.
[3] Там же, стр. 117.

«Тем не менее Брюссельская конференция, вполне осведомлённая о том, что ввиду размеров голодного бедствия в России советское правительство не в состоянии собственными силами спасти пострадавшее население от гибели, поставила условием предоставления России кредитов, без которых серьёзная помощь голодающим невозможна, признание советским правительством старых долгов» [1].

Разоблачив замыслы инициаторов Брюссельской конференции перед общественным мнением всех стран, советское правительство решило ещё раз подтвердить своё предложение признать на определённых условиях долги, чтобы выбить козырь из рук тех, кто считает отказ платить долги причиной борьбы против Советской страны. «Российское правительство заявляет, — значилось в советской ноте, — что оно готово признать за собой обязательства перед другими государствами и их гражданами по государственным займам, заключённым царским правительством до 1914 г., при предоставлении ему льготных условий, обеспечивающих ему практическую возможность выполнения этих обязательств. Само собой разумеется, что непременным условием этого признания является одновременное обязательство великих держав безусловно положить конец всяким действиям, угрожающим безопасности советских республик и дружественной Дальневосточной республики, их суверенным правам и неприкосновенности их границ, и, безусловно, соблюдать принципы их полного суверенитета и территориальной неприкосновенности... Для этой цели российское правительство предлагает скорейший созыв международной конференции, которая занялась бы намеченными выше задачами, рассмотрела бы требования других держав к российскому правительству и российского правительства к другим державам и выработала бы между ними окончательный мирный договор» [2].

Понимая, что крупные капиталисты постараются замолчать его предложения, советское правительство попыталось расколоть единый фронт держателей русских ценностей и привлечь на свою сторону мелких держателей, которых насчитывалось много, особенно во Франции. Советское правительство, говоря о своих уступках, писало:

«Оно (российское правительство. — *Ред.*) тем самым идёт также навстречу желаниям многочисленных мелких держателей русских государственных займов, в особенности во Франции, для которых признание им царских долгов представляет существенный интерес» [3].

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 140.

[2] Там же, стр. 141.

[3] Там же.

Ответ французского правительства на советскую ноту последовал 9 ноября 1921 г. Он был адресован не советскому, а британскому правительству. Французское правительство вновь подтверждало, что при настоящих условиях ему кажутся «одновременно тщетными и опасными попытки возобновить контакт, хотя бы экономический, с территориями, подчинёнными диктатуре коммунистических вождей». Французская нота настаивала на безусловном подчинении советского правительства «моральным нормам, принятым всеми цивилизованными народами». Нота требовала признания не только довоенных долгов, но и всех остальных иностранных претензий (военные долги, национализированное имущество и т. п.). Наконец, нота настаивала на прекращении всякой «большевистской пропаганды» [1].

Вооружённые нападения на Советскую страну

Одновременно с попытками использовать в своих целях голод в России империалисты стали формировать вооружённые банды, которые перебрасывались в Советскую республику из соседних государств. Реакционные круги Антанты всячески поддерживали Финляндию и Польшу, укрепляли их военную силу, посылали своих военных инструкторов в их армии. Иностранные инженеры строили укрепления на Карельском перешейке. Польские паны уже мечтали о «великой Польше» от Балтийского до Чёрного моря, от Данцига до Одессы и от Днепра до Одера. По этому плану Украинская республика и Белоруссия должны были превратиться в польские колонии. Антанта поддерживала кампанию и за создание «великой Финляндии». Это государство должно было образоваться путём захвата у Советской республики Карелии с Петрозаводском, Петроградской области с городом Петроградом, Кольского полуострова с незамерзающим портом в Мурманске и всей северной части Советской республики вплоть до Урала.

Мирный договор Советской республики с Финляндией вступил в силу с 1 января 1921 г. Однако он не преодолел антисоветских настроений и замыслов финской буржуазии. Уже в начале 1921 г. между Финляндией и РСФСР возник конфликт в связи с отказом финского правительства принять советскую торговую делегацию. Едва был ликвидирован этот конфликт, как начались новые трения. При переговорах в Юрьеве были отвергнуты необоснованные притязания финнов на Карелию. Финляндия, тем не менее, продолжала толковать Юрьевский договор в том смысле, что ей были даны какие-то обещания относительно Карелии. В июне 1921 г. должна была приступить к работе русско-финская смешанная комиссия. Финское правительство обусловило начало этой работы разрешением «спорного» карельского вопроса. Нотами от 23 и 25 августа

[1] «Temps», 17. XI. 1921.

1921 г. финское правительство дерзко требовало от РСФСР осуществления в Карелии «демократического» буржуазного строя. Всячески затягивая переговоры, Финляндия организовала нападение на Карелию вооружённых белокарельских банд. В Финляндии образовалось так называемое карельское правительство. По всей Финляндии шли сборы помощи белокарельским бандам. Во всех центрах Финляндии открыто работали вербовочные бюро, посылавшие пополнения карельским «повстанцам». Офицеры финляндской армии под видом отпусков отправлялись в Карелию для руководства действиями мятежников. В довершение всего финское правительство приняло делегацию карельских белогвардейцев и обратилось к Лиге наций с предложением рассмотреть карельский вопрос. Эту просьбу Финляндии поддержала и Эстония.

Нотой Наркоминдела от 19 декабря 1921 г. советское правительство энергично протестовало против вмешательства Эстонии во внутренние дела РСФСР. Столь же решительный протест заявляло оно и против денежных сборов и других форм помощи белокарельским бандам со стороны Эстонии. Во всём этом нота усматривала действия, явно противоречащие заключённому с Эстонией мирному договору.

Одновременно с финляндской авантюрой в Карелии и Польша в конце октября и начале ноября 1921 г. перебросила 2 тысячи петлюровцев через украинскую границу. В течение осени через польскую границу в Белоруссию и на Украину перешло около 15 банд разной численности; 3 банды были переброшены на Украину и из Румынии. Все они были рассеяны и ликвидированы советскими войсками.

В тот же период в Средней Азии было организовано антисоветское восстание басмачей. Во главе него стал бывший военный министр Турции авантюрист Энвер-паша. Это восстание было поднято под лозунгом создания «великого среднеазиатского мусульманского государства».

Борьба за Аландские острова

В целях укрепления позиций Финляндии англо-французская дипломатия решила в её пользу возникший спор об Аландских островах. 20 октября 1921 г. Франция, Англия, Германия, Италия, Швеция, Дания, Эстония, Финляндия, Латвия и Польша заключили между собой конвенцию о режиме этих островов. Расположенные в северной части Балтийского моря, они имеют крупное стратегическое значение: ими запирается вход и выход из Финского залива. Ещё в 1809 г. острова Аландского архипелага отошли от Швеции к России; по Парижскому трактату в 1856 г. было постановлено не возводить на них никаких военных укреплений. По договору с Финляндией от 15 октября 1920 г. Советская республика уступила острова Финляндии; при этом было обусловлено, что острова не должны

укрепляться и что Россия сохраняет за собой право участия в решении дальнейших вопросов о судьбе островов.

В борьбе за Аландские острова выступил новый претендент — Швеция. Она обратилась за помощью к Лиге наций. Лига решила передать суверенитет над Аландскими островами Финляндии, с условием, что острова будут демилитаризованы на основе соглашения между великими державами и балтийскими государствами. Такое соглашение было достигнуто на конференции в Мариенгейме летом 1921 г. при участии Англии, Франции, Италии, Германии, Дании, Швеции, Финляндии, Польши, Эстонии и Латвии. Советская Россия не была приглашена на эту конференцию. Наркоминдел в ноте от 22 июля ко всем заинтересованным правительствам требовал участия в ней и России. Соглашение о демилитаризации Аландских островов было подписано в Женеве 20 октября 1921 г. Советское правительство нотой от 14 ноября заявило, что не признаёт решений относительно Аландского архипелага, принятых без его участия; оно предупредило, что сохраняет за собой свободу действий.

Отстранение Советской республики от соглашения об Аландских островах говорило о замысле империалистов закрепить за собой подступы с моря к Петрограду. Сняв формально блокаду с Советской России, империалисты продолжали свою работу над её окружением, создавая в соседних странах плацдармы для нападения на её территории.

Усиливалось и прямое давление на Советскую страну со стороны реакционеров Англии и Франции. Руководитель Форейн офис лорд Керзон, не мирившийся с заключением англо-советского торгового соглашения 16 марта, стремился сорвать только что установившиеся отношения Англии и Советской России. Использовав фальшивки, сфабрикованные белогвардейцами, Керзон обратился к советскому правительству с вызывающей нотой. Утверждая, что советская власть и Коминтерн — одно и то же, Керзон приписывал им антибританскую пропаганду в Индии, Персии, Турции и Афганистане. Лорд Керзон протестовал даже против советско-афганского договора, в котором предусматривалась денежная помощь независимому Афганистану со стороны Советской России. Нота Керзона получила достойный отпор в ответной ноте Наркоминдела от 27 сентября 1921 г. В ней советское правительство, отвергая обвинения Керзона, констатировало ряд враждебных актов со стороны самой Англии по отношению к Советской России. Таким образом, замысел Керзона потерпел неудачу.

Попытка империалистических групп Англии, Франции, Польши, Японии задержать мирное социалистическое строительство потерпела крушение благодаря героическим победам Красной Армии. Петлюровские, белофинские, польские и басмаческие банды были разгромлены. 22 декабря 1921 г. открылся IX Все-

российский съезд Советов, который принял декларацию по поводу стремления мировой реакции продолжать борьбу с советской властью. В декларации, остановившись на деятельности империалистических правительств Польши, Финляндии, Румынии и Японии, съезд заявлял:

«Съезд предупреждает правительства соседних государств, что если они будут в дальнейшем посягать или поддерживать посягательства на целость советской территории и на безопасность советских республик, в таком случае последние в своей законной и справедливой защите против каждого, покушавшегося на безопасность и благополучие республик, вынуждены будут дать ответ, который может стать роковым для нападающего и его пособников» [1].

Конец 1921 и начало 1922 г. принесли Советской России ряд новых соглашений с капиталистическими странами, — начиная с Италии. Ещё в 1920 г. Италия, как и Англия, установила связь с советскими кооператорами. На установление связей с Россией итальянское правительство шло теперь потому, что было заинтересовано в торговле с Советской страной, которая могла снабжать нефтью, углём, рудой, пшеницей и различными сельскохозяйственными продуктами разорённую войной и лишённую природных богатств Италию.

В 1921 г. в Рим приехал полномочный представитель советского правительства. В крайне сложной обстановке ему удалось заключить торговое соглашение с Италией (26 декабря 1921 г.). Впрочем, самостоятельной линии итальянская дипломатия не выдержала; она не раз примыкала и к противникам Советской России. Так, в результате давления Франции осталось нератифицированным торговое соглашение между Советской Россией и Италией от 29 мая 1922 г.

В том же 1921 г. и до половины 1922 г. советское правительство заключило ещё ряд временных торговых соглашений: с Норвегией (2 ноября 1921 г.), с Австрией (7 декабря 1921 г.), со Швецией (9 мая 1922 г.), с Чехословакией (5 июня 1922 г.).

Борьба Советской страны за длительную мирную передышку начинала давать осязательные результаты.

---

[1] IX Всероссийский съезд Советов РК и КД. Стенографический отчёт, 22—27 декабря 1921 г., изд. ВЦИК, М. 1921, стр. 271.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ВАШИНГТОНСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ И «ДОГОВОР ДЕВЯТИ ДЕРЖАВ»

(ноябрь 1921 г. — февраль 1922 г.)

США после мировой войны

Ни мир, подписанный в Версале, ни последующие договоры не принесли победителям успокоения. Выпадение огромной Советской страны из капиталистического мира и успешная борьба её за экономическую и политическую самостоятельность подрывали основы версальской системы. С другой стороны, и отказ США признать версальский передел мира значительно сократил сферу действия этой системы: ею охватывалась главным образом западная часть старого континента. Между тем передел мира, начатый войной 1914—1918 гг., нельзя было счесть законченным без урегулирования тихоокеанской проблемы. А здесь решающее слово оставалось за страной доллара.

Соединённые штаты Америки вышли из мировой войны могучей державой, которая выиграла от экономического истощения Европы. Из страны, бывшей до войны должником Европы, Америка стала мировым кредитором. Она предоставляла громадные военные займы многим державам Европы. К ноябрю 1922 г. общая задолженность иностранных правительств Соединённым штатам достигла с неоплаченными процентами 11,6 миллиарда долларов. Из них Великобритания задолжала 4,7 миллиарда долларов, Франция — 3,8 миллиарда, Италия—1,9 миллиарда, Бельгия—около 0,5 миллиарда[1]. Вместе с другими видами капиталовложений экономическая поддержка, оказанная США европейским странам, выразилась в сумме почти 20 миллиардов долларов; погашение этого огромного долга хотя бы по 400 миллионов в год должно было растянуться на десятки лет. Таким образом, в результате войны крупнейшие страны Европы оказались данниками Соединённых штатов по крайней мере на два поколения.

---

[1] *Гарольд Маультон* и *Лео Пасвольский*, Военные долги, Соцэкгиз, 1933, стр. 298.

За годы войны в небывалой степени выросла и промышленность США. В 1920 г. Соединённые штаты, имевшие всего 6% мирового населения, сконцентрировали у себя 20% мировой добычи золота, 50% каменного угля, 60% алюминия, 66% нефти, 60% меди, 85% мирового производства автомобилей и т. д. Из страны, импортирующей капитал, США превратились в государство, вывозящее его за границу.

Возросшая экономическая мощь США требовала расширения международно-политического влияния этой державы. Возникал вопрос о новом переделе мира в соответствии с распределением мирового богатства.

Англо-американское соперничество

После войны 1914—1918 гг. только два капиталистических государства оставались державами подлинно мирового значения. То были США и Англия. Другие страны, даже Франция, несмотря на свои колоссальные колонии, уже не могли претендовать на мировое господство. Соперничество между США и Англией стало одним из основных узлов империалистических противоречий. Ближайшим объектом этого соперничества являлись английские доминионы. США стали успешно конкурировать с Англией на рынках Канады, Австралии, Новой Зеландии. Обострились англо-американские противоречия и в государствах Южной и Центральной Америки — Аргентине, Бразилии, Уругвае. При помощи займов и сети своих банков США начали быстро вытеснять Великобританию и из этих стран. Финансовый и политический контроль США был установлен над целым рядом республик Латинской Америки — Перу, Боливией, Панамой, Сальвадором, Никарагуа, Гондурасом.

Англо-американское соперничество после войны обострилось и в Китае. Англия располагала в этой стране крупными базами в виде концессий, сеттльментов и железных дорог; она обладала рядом важных портов, осуществляла контроль над китайскими таможнями, создавала промышленные и банковские предприятия. Англия закрепляла свои позиции в Китае под лозунгом раздела страны на «сферы влияния». Сферой английского преобладания являлись главным образом район реки Ян-Цзы и Южный Китай. В противовес Англии Америка выдвигала лозунг «открытых дверей»: он давал возможность США силой неодолимого экономического давления вытеснять конкурентов и устанавливать в Китае своё руководящее влияние.

После войны интересы США и Англии сталкивались и в борьбе за хлопок, каучук, нефть и другие источники сырья и топлива.

Англо-американское соперничество отражалось в усиленном строительстве флота в обоих государствах. В 1916 г. Америка приняла громадную программу военного судостроения; к 1924 г. её военный флот должен был стать самым крупным в мире.

Как и все противоречия, англо-американское соперничество развивалось отнюдь не прямолинейно. Возникали обстоятельства, требовавшие временного сотрудничества обеих стран: в свою очередь оно сменялось новым обострением противоречий.

Временного сотрудничества требовали прежде всего интересы американской мировой торговли. В своей экспансии во все страны мира американский капитал после войны нуждался в услугах посреднического аппарата лондонских банков и их отделений за границей, пока сам не создал своих опорных пунктов. Временно совпадали интересы Англии и США и в том, чтобы не допустить усиления гегемонии Франции в Европе и, ещё более, не дать Японии утвердить своё господство на Дальнем Востоке.

Японо-американские противоречия

В XX веке особенно обострились противоречия США и Японии. За время войны, отвлекшей внимание крупнейших держав от тихоокеанской проблемы, Япония сильно укрепила свои позиции на Дальнем Востоке. Достаточно вспомнить 21 требование, предъявленные японским правительством Китаю, которые фактически превращали эту страну в японскую колонию. По Версальскому миру к Японии отошли бывшие германские владения в Китае — порт Циндао, Шаньдунский полуостров. В частности передача Шаньдуна Японии была, как известно, одной из основных причин отказа американского Сената ратифицировать Версальский мир. Для прикрытия своего проникновения в Китай и вытеснения оттуда других конкурентов Япония использовала доктрину Монро, давая ей японское истолкование: Азия для азиатов, т. е. для японцев.

За период войны 1914—1918 гг. выросла и японская промышленность. Япония не только вытесняла англо-американских конкурентов с китайского рынка, но и проникала уже на латиноамериканские рынки. Японские товары появились в Мексике, на самом пороге США; соперник начинал угрожать господству доллара в его собственном доме.

Но на стороне Японии стояла Англия, связанная с ней старым договором о союзе, продлённым в 1911 г. ещё на 10 лет. Срок англо-японского союза истекал в 1921 г. Перед американской дипломатией встала задача добиться расторжения союзного договора Японии с Англией.

Затруднения Англии на Дальнем Востоке

Англия обладает на Тихом океане весьма важными экономическими и стратегическими позициями. Здесь находится целый ряд её доминионов и владений — Австралия, Новая Зеландия, Британская Малайя и т. д. Среди них имеются такие опорные пункты, как Гонконг, справедливо называемый британскими воротами в Китай, или Сингапур, запирающий подступы к Индии и в Индийский океан.

Кроме того, Англия заинтересована в Голландской Индии с её богатейшими ресурсами. Здесь Англия владеет огромными плантациями каучука. Нефть Голландской Индии также находится в руках англо-голландского нефтяного треста. Больше трети всего экспорта из Голландской Индии шло в Англию.

О значении, которое приобрели для Англии тихоокеанские интересы, достаточно ясно высказался представитель Южно-Африканского союза Смэтс на имперской конференции в 1921 г.

«Мы до сих пор склонны были рассматривать положение в Европе как проблему первостепенной важности, — заявил Смэтс. — Сейчас это уже не так... Несомненно, что действие перенеслось из Европы на Дальний Восток и Тихий океан. Тихоокеанские вопросы являются, по моему мнению, основными международными проблемами на ближайшие 50 лет или больше»[1].

На Дальнем Востоке в роли конкурента Англии выступали не одни США. Многолетний союзник, в значительной степени обязанный Англии своим возвышением, превращался в серьёзного соперника: японская разновидность доктрины Монро была направлена и против Америки и против Англии. Английские промышленники всё с бóльшим раздражением наблюдали проникновение Японии не только в Северный Китай, но и в сферу собственного влияния Англии — в долину Ян-Цзы и даже Южный Китай.

В самой Британской империи уже раздавались голоса против продления англо-японского союза. Особенно настойчиво высказывались в этом смысле в таких доминионах, как Канада, а также в Австралии и Новой Зеландии. Противники союза указывали на опасность усиления конкуренции Японии; с другой стороны, они предостерегали, что англо-японский союз может привести к вооружённому столкновению между Японией и Америкой, в котором Англия окажется прикованной к Японии. На имперской конференции в июле 1921 г. представитель Канады настолько решительно высказывался за расторжение англо-японского союза, что Ллойд Джордж иронически заметил: «Вы выступаете скорее как гражданин Соединённых штатов, нежели как гражданин Великобритании».

Созыв Вашингтонской конференции

Разногласиями в Британской империи воспользовалась американская дипломатия. Сенатор Бора предложил созвать в Вашингтоне конференцию для обсуждения вопросов об ограничении морских вооружений и для решения тихоокеанской и дальневосточной проблемы. 10 июля 1921 г. государственный секретарь США Юз выступил с публичным заявлением о предстоящем созыве конференции. На конференцию предполагалось пригласить США, Англию, Японию, Францию, Италию,

[1] *Jebb*, The Empire in Eclipse, London 1926, p. 42.

Бельгию, Голландию, Португалию и Китай. Германия, у которой по Версальскому договору отняты были её владения на Тихом океане, приглашена не была. Советское правительство также не получило приглашения в Вашингтон. Правительство Советской России в ноте от 19 июля 1921 г. на имя правительств Великобритании, Франции, США, Японии, Китая заявило официальный протест против исключения его из конференции и против намерения её участников выносить без ведома России решения, касающиеся проблем Тихого океана.

«Российское правительство, — гласила нота Наркоминдела, — протестует против исключения его из конференции, которая непосредственно его касается, равно как и против всякого намерения какой бы то ни было державы принимать решения, касающиеся Тихого океана, без ведома России.

Российское правительство торжественно заявляет, что оно не признает никакого решения, принятого упомянутой конференцией, поскольку это совещание состоится без его участия» [1].

Наркоминдел протестовал против неприглашения на конференцию и Дальневосточной республики (ДВР), организованной в качестве буфера между РСФСР и Японией ещё в апреле 1920 г., когда Красная Армия, занятая войной с белополяками, не могла непосредственно вести военные действия против японских империалистов.

В ответ на эти протесты американское консульство во Владивостоке опубликовало сообщение государственного департамента США от 16 сентября. Этот документ гласил, что ввиду отсутствия единого русского правительства защита интересов России переходит ко всей конференции. «Конференцией, — так гласило сообщение, — будут приняты решения, которые не нарушат прав России. На конференции будут установлены общие принципы международных действий, которые заслужат и встретят поддержку народов Восточной Сибири и всей России вследствие их справедливости и целесообразности и которые имеют целью урегулирование существующих ныне затруднений» [2].

2 ноября 1921 г. Наркоминдел повторил свой протест против неприглашения Советской России на Вашингтонскую конференцию. Что касается попытки держав взять на себя роль опекунов России, то Наркоминдел категорически и резко заявил, что советское правительство не позволит насиловать его волю и обращаться с ним, как с безгласным объектом. Поэтому советское правительство не может признать будущих решений Вашингтонской конференции. При таких условиях они неизбежно

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 107.

[2] «Вашингтонская конференция», М. 1934, стр. 11.

станут «источником новых конфликтов, новых замешательств и новых потрясений».

Когда стало известно о предложении Юза созвать конференцию держав в Вашингтоне, Япония попыталась не допустить обсуждения проблем, затрагивавших её интересы. Она опасалась повторения того, что случилось в 1895 г.: как известно, тогда мощные капиталистические державы лишили её большей доли плодов победы над Китаем. Японская печать рассматривала Вашингтонскую конференцию как попытку привлечь Японию к суду англо-американского трибунала. Но из Америки недвусмысленно дали понять, что конференция будет созвана при всяких условиях. Тогда Япония предложила пересмотреть повестку Вашингтонской конференции, исключив из неё наиболее острые вопросы.

Английское Министерство иностранных дел в свою очередь настаивало на отсрочке конференции по крайней мере до весны 1922 г. Оно мотивировало это необходимостью посоветоваться с доминионами. Америка возражала: она требовала возможно скорейшего созыва конференции.

11 августа 1921 г. США послали державам официальное приглашение на конференцию. Созыв её был назначен на 11 ноября того же года, день третьей годовщины перемирия в Компьенском лесу.

Американская пресса сообщала, что на конференции будет рассматриваться между прочим и вопрос о японской интервенции в Сибири.

Дайренская конференция

Америка с особой подозрительностью следила за действиями Японии в Восточной Сибири. В начале апреля 1920 г. предполагалась эвакуация оттуда всех иностранных войск. Но Япония решила иначе. Едва корабли, увозившие американский десант из Владивостока, скрылись за горизонтом, как в ночь на 5 апреля Япония неожиданно напала на русские гарнизоны в Приморье и снова оккупировала этот край. США не раз протестовали против закрепления Японии в Восточной Сибири. 9 февраля 1921 г. американский консул во Владивостоке опубликовал декларацию правительства США с протестом против нарушения территориальной неприкосновенности России. 31 мая 1921 г. Америка снова направила ноту Японии, категорически предупреждая, что не признает никаких притязаний и прав, являющихся следствием японской оккупации Сибири.

В начале июля 1921 г., почти одновременно с сообщением Юза об организации Вашингтонской конференции, в ДВР направилась американская миссия во главе с атташе посольства Соединённых штатов в Токио Эбботом. Скоро и в Чите появился неофициальный дипломатический представитель Америки, член миссии Смит.

Опасаясь открытого обсуждения своих действий в Восточной Сибири на Вашингтонской конференции, Япония решила опередить своих соперников. Поздно ночью японский посол в Пекине, встревоженный приездом Смита в Читу, явился к представителю ДВР, поднял его с постели и предложил немедленно начать переговоры об установлении нормальных взаимоотношений между обеими странами. При этом японский посол поставил условием переговоров сохранение их в абсолютной тайне.

26 августа 1921 г. открылись переговоры в японской гавани Дайрене. Делегация ДВР потребовала немедленной эвакуации японских войск и безусловного участия представителей РСФСР в переговорах. Японцы предлагали не связывать эвакуации оккупационных войск с переговорами; отклонили они и участие в них представителей советского правительства. Начались длительные дипломатические пререкания. 6 сентября делегация ДВР представила японцам конкретный проект соглашения. В нём японцам предлагалось в течение месяца эвакуировать их войска из Сибири; при этом давалось согласие предоставить Японии концессии и экономические льготы. Японцы ответили, что произведут эвакуацию лишь после ликвидации «николаевского вопроса» и притом в срок, какой сами найдут нужным.

Инцидент в Николаевске-на-Амуре, который в продолжение нескольких лет служил для Японии официальным оправданием интервенции, сводился к следующему. 28 февраля 1920 г. между красным повстанческим отрядом под командованием анархиста Тряпицына, окружившим Николаевск-на-Амуре, и командованием японской части, занимавшей этот город, был заключён договор. Согласно этому договору белогвардейцы в Николаевске подлежали разоружению, а оружие их — сдаче Красной Армии; японские экспедиционные войска обязывались передать все караулы Красной Армии и занять помещения, указанные командованием повстанческого отряда. Последний пункт договора гласил:

«Настоящий договор о мире и дружбе японцев и русских в Николаевске подписывается военными делегатами в трёх экземплярах, и таковой входит в силу 29 февраля 1920 г., являясь обязательным к точному выполнению обеими сторонами впредь до возможных переговоров между центральными правительствами России и Японии» [1]. Договор подписали от имени японского командования поручики Цукамота и Кавомото.

11 марта, в 2 часа ночи, население города Николаевска было встревожено внезапной стрельбой. Японцы неожиданно напали на помещение, где находилась батарея повстанцев, и

---

[1] «Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах», Центрархив, М. 1934, стр. 100.

подожгли его. Пожар быстро распространился по городу. Одновременно японцы налетели на штаб повстанческого отряда, подожгли его и открыли пулемётный огонь по тем, кто пытался выбежать из пламени. Но повстанцы, разбросанные по всему городу, скоро оправились и стали окружать японские части. Часть японцев заперлась в консульстве. Бой продолжался два дня. Все мелкие отряды японцев были перебиты. На третий день повстанцы, получив орудие, открыли огонь по консульству. В огне погибли все засевшие в доме японцы [1]. С подходом вспомогательных японских войск Тряпицын отступил.

Воспользовавшись этим инцидентом, японское правительство объявило, что занимает Северный Сахалин в виде компенсации за «николаевские события».

Дальневосточная делегация в Дайрене отказалась принять японские поправки. Тогда японцы предложили двухнедельный перерыв в переговорах.

В октябре 1921 г. японская делегация предъявила представителям Дальневосточной республики свой проект договора (17 требований и три секретных пункта к ним), принятие которого означало бы полное экономическое и политическое закабаление Дальневосточной республики японским империализмом. Япония требовала срыть, а в необходимых случаях взорвать все крепости и укрепления по всему морскому побережью в районе Владивостока и на границе с Кореей; никогда впредь не держать в водах Тихого океана военного флота и уничтожить существующий; разрешить японским подданным полную свободу торговли и занятия ремёслами, приравняв японцев в этом отношении к гражданам Дальневосточной республики; предоставить Японии свободу плавания по Амуру и ряд других экономических преимуществ; не допускать на «вечные времена» установления в республике «коммунистического режима». Статья 15 требовала передачи Японии на 80 лет в аренду всего Северного Сахалина «как компенсации за понесённые японскими подданными убытки во время николаевских событий» [2].

В секретных пунктах было указано, что японское правительство эвакуирует свои войска из Приморской области по собственному усмотрению и в срок, который найдёт для себя удобным.

Делегаты Дальневосточной республики категорически отвергли эти неслыханные требования. Однако, не желая дать японцам повод заявить в Вашингтоне, что отношения их с Даль-

[1] Подробности этой истории описаны в докладе комиссии по расследованию событий в Николаевске-на-Амуре, состоявшей из буржуазных представителей города. Документ опубликован в книге «Японская интервенция в 1918—1922 гг. в документах», стр. 100—103.

[2] «Японская интервенция в 1918—1922 гг. в документах», стр. 128.

невосточной республикой не удаётся урегулировать по её собственной вине, они продолжали вести переговоры. Когда открылась Вашингтонская конференция, Дайренская конференция ещё продолжалась. Своё дипломатическое вымогательство в Дайрене Япония подкрепила новой попыткой интервенции. Снабдив оружием белогвардейцев, она в конце октября 1921 г. бросила их против Народно-революционной армии.

Противоречия на Вашингтонской конференции

12 ноября 1921 г. торжественно открылась Вашингтонская конференция. Со времени гаагских мирных конференций 1899 и 1907 гг. впервые ставился ею официально вопрос об «ограничении вооружений». Очевидно, организаторы конференции намерены были использовать в своих целях пацифистские настроения, широко распространившиеся после войны. Вашингтонская конференция сопровождалась нарочитой шумихой. Заседания её были объявлены публичными. Выступления делегатов немедленно опубликовывались в газетах; мировая пресса возвещала, что нет больше тайной дипломатии и что весь мир с упованием взирает на конференцию, призванную освободить народы от тяжкого бремени вооружений.

Конференцию открыл президент Гардинг. «Переговоры будут словами народов, уставших от войны, — заявил он. — Мы ни в ком не подозреваем врага. Ничьё самолюбие не должно быть унижено, никакая национальность не должна быть подавлена, мы надеемся установить лучший порядок, который вернёт спокойствие миру» [1].

Представительство США на конференции было поручено делегации, возглавляемой государственным секретарём Юзом. Он же был избран и председателем конференции.

Английская делегация возглавлялась Бальфуром, доминионы и Индия имели самостоятельное представительство; поэтому и считалось, что на конференции присутствует 14 держав. Южно-Африканский союз в качестве своего уполномоченного выдвинул того же Бальфура, который, таким образом, на всех документах подписывался дважды.

Во главе французской делегации находился премьер-министр Бриан. На первом же заседании конференции с ним произошёл неприятный инцидент. Для него почему-то не оказалось места за центральным столом; все места были заняты американцами и англичанами. Бриану пришлось сесть в стороне. Только в конце заседания английский посол был пересажен подальше, чтобы уступить место Бриану. Французские делегаты были потрясены. В небрежности, проявленной по отношению к Бриану, они видели сознательное умаление престижа Франции и попытку её изолировать.

[1] «Вашингтонская конференция», М. 1934, стр. 12.

Первым оратором выступил Юз. От имени американского правительства он внёс предложения: прекратить постройку сверхмощных военных кораблей; исключить из строя определённое число старых судов; принять во внимание существующую силу военного флота держав, представленных на конференции, и установить определённый тоннаж для их линейных судов. Юз предложил в течение 10 лет после подписания соглашения не строить вовсе линейных кораблей, по истечении же этого срока строить линейные суда только для замены выбывающих; установить общий тоннаж крупного флота в 500 тысяч для Англии, столько же — для Америки и 300 тысяч — для Японии. Новые линейные корабли не будут превышать 35 тысяч тонн каждый.

Тоннаж лёгких судов устанавливался для Англии и Америки по 450 тысяч, а для Японии — 270 тысяч. Наконец, тоннаж подводных лодок определялся для Америки и Англии по 90 тысяч и для Японии — в 40 тысяч. Что касается морских вооружений Италии и Франции, то Юз предложил отложить обсуждение этого вопроса, ибо минувшая война внесла в положение обеих стран некоторые изменения.

Основные мотивы американского предложения были достаточно ясны. Америка была заинтересована в том, чтобы временно приостановить строительство своего флота; для него она не имела ещё ни необходимых кадров, ни потребных баз. Кроме того, Америка потому добивалась сокращения количества судов большого водоизмещения, что крупного размера суда не могут проходить через Панамский канал.

По предложению Юза, Англия должна была в течение трёх месяцев по подписании соглашения прекратить постройку линейных кораблей, исключить из строя 19 и оставить 22; Америка — прекратить постройку, исключить из строя 30 кораблей и оставить 18; Япония — отказаться от постройки 8 кораблей, уничтожить 7 новых линкоров, 10 старых судов и свести число крупных кораблей к 10.

Выступление Юза произвело сенсацию. По рассказу одного из свидетелей, когда Юз говорил, что Англия должна прекратить работы по постройке кораблей типа «Король Георг V», английский адмирал Битти вышел из себя. «Лорд Битти, — писал автор книги о конференции, — подался вперёд в своём кресле, напоминая бульдога, дремавшего на солнце у порога и получившего пинок ногой от дерзкого прохожего... То был исторический момент заседания» [1].

О предложениях Юза толков и споров было без конца. Во всяком случае они вызвали переполох. Три крупнейшие морские

[1] *Mark Sullivan*, The great Adventure at Washington. The Story of the Conference, London 1922, p. 27.

державы должны были уничтожить около 2 миллионов тонн судов, построенных или ещё строящихся. Делегаты делились друг с другом своей тревогой. За обедом, данным президентом Гардингом в честь делегатов конференции, кто-то из английских гостей шепнул японскому участнику банкета: «В конце концов мы с вами являемся островными империями; поэтому у нас имеется общая точка зрения на морские вопросы».

На следующем заседании, 15 ноября, предполагалось выступление английского и японского делегатов. Все находились в состоянии напряжённого ожидания. В ночь накануне заседания Юз и Бальфур имели небольшое совещание. На заседании конференции Бальфур заявил, что Англия согласна в принципе с предложениями Юза. В заключение Бальфур огласил телеграмму Ллойд Джорджа, в которой было много комплиментов по адресу Юза.

Нетрудно было понять, почему английское правительство решило поддержать американский проект. За время мировой войны Великобритания построила огромный военный флот, который требовал от государства непомерных расходов. При задолженности Великобритании сокращение как личного, так и судового состава флота представлялось для неё только желательным. Кроме того, Англия стремилась к тому, чтобы в составе её флота были лишь наиболее технически усовершенствованные боевые суда. Таким образом, британское правительство отстаивало на конференции качество своего военно-морского флота за счёт сокращения количества.

В частности английская делегация высказывалась за усиление крейсерского флота ввиду необходимости охраны морских путей Британской империи.

Вслед за Бальфуром выступил японский представитель барон Като. Он также заявил, что Япония принимает в принципе предложение о сокращении морских сил. Представитель Франции Бриан согласился с предложением Юза, но добавил, что Францию особенно интересует вопрос об ограничении вооружения сухопутных армий.

Казалось, между державами, явившимися на Вашингтонскую конференцию, существует единодушие. Но декларации официальных делегатов оказались лишь данью дипломатическому приличию. Как только от принципов перешли к конкретному обсуждению вопроса, вскрылись острые разногласия между державами. Японская делегация вместо пропорции тоннажа крупного флота для США, Англии и Японии 5 : 5 : 3 предложила 10 : 10 : 7. Американцы угрожали, что если Япония будет упорствовать, то они начнут строить по четыре корабля на каждый японский корабль. Тогда японцы изъявили согласие принять американскую пропорцию, при условии, что на Тихом океане Америка не будет строить военно-морских

баз. Юз энергично возразил, что не может дать никаких гарантий на будущее в отношении укреплений Гавайских островов.

Начались длительные переговоры. Вопреки торжественному заявлению о публичности заседаний дела решались главным образом на закрытых совещаниях четырёх держав — США, Англии, Франции и Японии. Франция настаивала для себя на праве построить 10 новых броненосцев тоннажем в 35 тысяч каждый. Италия потребовала для себя такого же тоннажа, как и Франция. Юз предложил для Франции тоннаж в 175 тысяч. После упорной борьбы французская делегация заявила, что, не желая привести конференцию к срыву, принимает предложение Америки. В результате длительного обсуждения первоначальный проект Юза был принят в следующем виде:

США	525	тысяч тонн
Англия	525	» »
Япония	315	» »

Обсуждение вопроса на этом не кончилось. Оно продолжалось как на заседаниях комиссии, так и на секретных совещаниях.

Поспешность, с которой Англия согласилась на предложение Юза, объяснялась кроме указанных уже мотивов опасением англичан, как бы Америка не сговорилась с Францией. Но принятие предложения Юза ослабляло позиции самой Англии. Великобритания вынуждена была признать равенство своих морских сил с флотом США; флот её сокращался, в то время как Франция сохраняла свою огромную сухопутную армию. Поэтому Англия заявила, что приступит к морскому разоружению лишь при условии сокращения Францией её сухопутных вооружённых сил. Этим маневром английская дипломатия искусно сталкивала США и Францию. Америка не хотела бы ограничивать сухопутные вооружения Франции, чтобы не допустить чрезмерного усиления английского влияния в Европе и держать в узде побеждённую Германию. Но вопрос о сокращении сухопутных армий интересовал Америку в другом международном плане: США стремились к ослаблению вооружённых сил Японии.

Франция выступила с резким протестом против предложения Англии. «Для французов это является жестокой и незаслуженной обидой... — патетически восклицал Бриан. — Если есть страна, искренне желающая мира, то это Франция» [1].

Отказываясь сокращать армию, Бриан подчёркивал на заседании 21 ноября, что она нужна для спасения Польши и всей Западной Европы от большевиков; Красная Армия насчитывает 1510 тысяч человек, из которых 600 тысяч полностью вооружены и обмундированы; она готова возобновить наступ-

[1] Conference on the limitation of armaments, Washington, November 12, 1921 — February 6, 1922. Washington 1922, p. 118.

ление против Европы. Бриан доказывал, что и Германия может в любой момент восстановить свою армию в 7 миллионов человек.

Вслед за Брианом против сокращения японской армии выступил адмирал Като. Он требовал для Японии армии такой численности, которая соответствовала бы серьёзному положению на Дальнем Востоке. Представитель Бельгии также высказался против сокращения армии. Наконец, Италия потребовала оставить ей 200 тысяч солдат. Её делегат ссылался на то, что после войны появились новые государства, другие же настолько увеличились в размере, что необходимы меры предосторожности со стороны Италии.

Отвечая Бриану, Юз сказал, что Америка никогда не забудет жертв, принесённых Францией во время войны, и считается с затруднениями, переживаемыми Францией. Тогда Бриан решил пойти на смелый дипломатический маневр. Он заявил, что согласен на сокращение французской армии, при условии, если союзники обеспечат выполнение Германией своих обязательств. Другими словами, Бриан потребовал от англичан и американцев гарантировать Версальский мир.

Ни Америка, ни Англия не захотели принять это условие. Разногласия по вопросу о сокращении сухопутных армий приняли весьма острый характер. Лорд Керзон выступил в Лондоне с резкой речью, прямо направленной против Франции. Он заявил, что Англия не может приносить жертвы в то время, когда другие страны создают новые средства для нападения. Глава английского Министерства иностранных дел подчёркивал, что разоружение на море неосуществимо до тех пор, пока другие государства будут усиливать своё вооружение на суше.

Вопрос о сокращении сухопутных вооружений был передан в особую комиссию. Но и здесь делегациям не удалось прийти к какому-либо соглашению.

Всё же 13 декабря 1921 г. был подписан первый договор на Вашингтонской конференции. То был так называемый трактат четырёх держав — США, Англии, Франции и Японии. Договаривающиеся стороны соглашались уважать права каждого из поименованных государств на островные владения и островные территории в районе Тихого океана. Возникающие споры, при невозможности урегулировать их дипломатическим путём, стороны обязывались разрешать на общих конференциях. Если бы островным владениям какой-либо из четырёх держав грозила опасность со стороны другой державы, то все государства, подписавшие договор, обязывались войти «во взаимный, полный и откровенный обмен мнений, для того чтобы достигнуть соглашения». Договор заключался на 10 лет. Статья 4 его знаменовала победу американской дипломатии; она гласила, что после ратификации договора теряет силу англо-японский союзный

договор, возобновлённый в 1911 г. Правда, английские дипломаты подчёркивали, что договор был не аннулирован, а лишь заменён соглашением четырёх держав, — двусторонний пакт уступил место пакту четырёх держав. Однако японский делегат точнее определил истинный смысл статьи 4. «Во всяком случае, — заявил он английскому представителю на Вашингтонской конференции, — вы устроили союзу (англо-японскому. — *Ред.*) блестящие похороны» [1].

К трактату четырёх держав от 13 декабря 1921 г. была приложена особая декларация. В ней указывалось, что трактат будет применяться «к островам Тихого океана, находящимся в состоянии мандата». При этом подчёркивалось, что подписание трактата не означает согласия США на мандаты и «не исключает необходимости заключения соглашений между США и державами-мандатариями по принадлежности об островах, находящихся в состоянии мандата» [2].

6 февраля 1922 г. был подписан дополнительный договор, разъяснявший один из пунктов трактата четырёх. Он гласил, что «понятие „островные владения и островные территории", употребляемое в названном трактате, включает, что касается Японии, лишь Карафуто (т. е. южную часть острова Сахалина), Формозу, Пескадоры и острова, на которые Япония получила мандат» [3].

Все эти дополнительные соглашения свидетельствовали о том, насколько упорна была дипломатическая борьба между США и Японией из-за позиций на Тихом океане.

4 февраля 1922 г. Англия, США, Франция и Япония сделали нидерландскому правительству, а 6 февраля правительству Португалии «тождественное сообщение». В нём указывалось, что, хотя оба правительства и не подписали Тихоокеанского трактата, четыре державы обязуются уважать права Нидерландов и Португалии, связанные с их островными владениями в бассейне Тихого океана.

Делегация Дальневосточной республики в Вашингтоне

Внезапно непредвиденное обстоятельство нарушило дипломатическое священнодействие четырёх держав: в Вашингтон прибыла специальная делегация ДВР, хотя она и не была официально приглашена на конференцию.

Немедленно по своём прибытии делегация Дальневосточной республики опубликовала меморандум. В нём сообщалось, что целью делегации является установление дипломатических и торговых взаимоотношений с Америкой и защита своего права выступить на Вашингтонской конференции, чтобы добиться эвакуации японских войск.

---

[1] *Toynbee*, A Survey of International Affairs, 1920—1923, p. 490.
[2] «Вашингтонская конференция», стр. 74.
[3] Там же, стр. 75.

США весьма непрочь были бы использовать Дальневосточную республику против Японии. Однако, с другой стороны, американские дипломаты не хотели ставить ДВР в равное положение с другими державами и допустить её на конференцию. 22 декабря делегация ДВР была принята Юзом. Делегаты заявили ему, что державы вместе с Японией занимаются на конференции проблемой сокращения вооружений, между тем на Дальнем Востоке по вине японцев льётся кровь. Делегация потребовала для себя участия в конференции. Юз пообещал оказать помощь в решении сибирского вопроса, но допустить делегацию на конференцию он отказался. Особенно резко выступили против допущения дальневосточной делегации японцы и французы. Японцы спешно организовали во Владивостоке группу белогвардейцев и направили её в Вашингтон в противовес делегации ДВР.

В ответ на японский маневр дальневосточная делегация опубликовала в начале января 1922 г. целый ряд сенсационных документов. Среди этих материалов имелось донесение о секретном соглашении между Японией и Францией касательно создания на Дальнем Востоке государства, целиком подчинённого Японии. Была опубликована и французская нота Японии от 2 сентября 1921 г.; ею подтверждалось существование тайного соглашения между Японией и Францией относительно Вашингтонской конференции и наличие дипломатического блока, направленного против Америки. Был, наконец, предан гласности договор, подписанный 12 марта 1921 г. представителями Японии, Франции и белогвардейцев. Оказывалось, что Франция и Япония обязались перебросить из Европы на Дальний Восток армию Врангеля, снабдить её оружием и помочь ей свергнуть правительство ДВР. Япония в качестве компенсации должна была получить полное господство на Дальнем Востоке; она могла подчинить себе белую армию и расположить в нужных ей местах свои гарнизоны.

Разоблачения, опубликованные делегацией ДВР, вызвали величайший переполох. Крупнейшие газеты Америки перепечатывали эти документы. В Америке настаивали на расследовании приведённых фактов. Япония и Франция были смущены. Бриан к этому времени уже уехал с конференции; его замещал Альберт Сарро. Последний обратился с письмом к Гардингу, где рассказал, как произошла интервенция на Дальнем Востоке. При этом Сарро не без ядовитости напомнил, что интервенция была предпринята при участии самих США. «С тех пор как союзные правительства при сотрудничестве Соединённых штатов, — писал Сарро,—начали проводить в Сибири политику вооружённой интервенции, направленную исключительно против Германии, но отнюдь не имевшую в виду вмешательство во внутренние дела русского народа, Франция не заключала никаких

соглашений с каким-либо правительством и не вела никаких переговоров относительно заключения такого соглашения, касающегося настоящего положения или будущего Сибири» [1].

Франция и Япония пытались было доказывать, что опубликованные документы являются подложными. Однако сенатор Бора без колебаний признал их подлинность. Он добавил, что приведённые в них разоблачения «вполне соответствуют обычным приёмам, с помощью коих вообще проделываются такие вещи».

Американская газета «New York World» уверенно заявляла, что в документах Министерства иностранных дел имеется официальный американский доклад, которым подтверждается существование тайного соглашения между Францией и Японией.

Японский представитель Като ограничился лаконическим заявлением, которое явно противоречило общеизвестным фактам.

«Япония в 1918 г. оказывала вместе с другими союзными державами помощь Семёнову против опасности, угрожающей Сибири со стороны немцев и большевиков, — сообщал японский делегат. — По достижении этой цели японское правительство решило совершенно прекратить всякую поддержку Семёнова и соблюдать строгий нейтралитет по отношению к Сибири. С тех пор Япония не оказывала Семёнову никакой помощи» [2].

Приводя это заявление, американская печать признала его удивительным даже для японской дипломатии. В прессе появились новые разоблачительные документы. Замалчивать далее сибирский вопрос представлялось невозможным. 23 января он был поставлен на заседании дальневосточной комиссии конференции. Первым выступил японский делегат Сидехара. Он утверждал, что дайренские переговоры отнюдь не имеют в виду предоставить Японии какие-либо особые преимущества на Дальнем Востоке. Между тем в руках членов комиссии уже была копия знаменитых 17 условий, представленная дальневосточной делегацией. В длинной речи Сидехара распространялся об уважении Японии к территориальной целостности России. Подтвердил он и обязательство Японии эвакуировать свои войска из России. Однако срока для этого японский делегат и на сей раз не указал.

В тот же день дальневосточная делегация опубликовала ответную декларацию, разоблачавшую ложность заявлений Сидехара. Делегация привела 11 случаев за один только 1921 г., когда Япония давала такие обещания и их не выполнила.

На следующий день, 24 января, в дальневосточной комиссии выступил Юз. Приведя данные из истории интервенции в Си-

---

[1] «Правда» от 11 января 1922 г., № 7, стр. 1—2.
[2] Там же.

бири, он огласил ноту США от 31 мая 1921 г., адресованную Японии. Юз подчеркнул, что он и теперь полностью поддерживает её положения. После выступления французского делегата дальневосточная комиссия решила внести в протокол декларации Японии и США и огласить их на пленуме конференции.

Обсуждение сибирского вопроса на этом кончилось. Но дальневосточная делегация своими документами разоблачила интриги империалистических держав на Дальнем Востоке. Тем самым она содействовала ещё большему обострению борьбы, которая велась между этими странами.

Дискуссия о подводных лодках

Дальнейшая работа конференции лишь углубила противоречия между Англией и Францией. Уступив Америке в вопросе о соотношении тоннажа крупных кораблей и отказавшись от принципа своего абсолютного господства на морях, Англия хотела компенсировать себя сокращением строительства подводного флота. В нём она видела главную угрозу своим могучим надводным кораблям, в особенности со стороны Франции. По проекту Юза о подводных лодках на долю Соединённых штатов предоставлялось 90 тысяч, Англии — 90 тысяч, Японии — 40 тысяч тонн. В Америке велась кампания за полное изъятие подводных лодок из флота и запрещение их постройки. При этом многие вспоминали о потоплении «Лузитании».

Дискуссия о подводных лодках продолжалась более недели. Англия заявила, что принимает предложение Юза. Но Франция категорически высказалась не только против уничтожения подводных лодок, но и против сокращения их тоннажа. Её делегация настаивала на предоставлении Франции также 90 тысяч тонн. «Французское правительство, — заявил Сарро, — не может согласиться ни с планом уничтожения подводного флота, ни с общим сокращением тоннажа подводных лодок... ни с ограничением тоннажа отдельной подводной лодки, ибо для Франции подводные лодки являются оружием, которое может обеспечить безопасность её территории. В крайнем случае, — говорил Сарро, — французская делегация может лишь пойти на то, чтобы пользоваться подводными лодками в ограниченном числе» [1].

Итальянцы и японцы выступали менее резко, чем Сарро, но в общем и они высказались в том же смысле. На конференции произошла характерная стычка между Англией и Францией.

«Опыт мировой войны, — говорил Бальфур, — подчеркнул колоссальную угрозу подводного флота для Англии. Англия могла бороться с германским подводным флотом лишь благодаря отсутствию у Германии достаточного числа баз;

---

[1] *Mark Sullivan*, The great Adventure at Washington. The Story of Conference, p. 171.

к тому же район действия подводных лодок был в то время менее велик, чем теперь. Франция, имеющая базы повсюду, может представить, обладая большим подводным флотом, во много раз большую опасность для Англии, чем Германия» [1].

Ответ главы французской делегации был проникнут ядовитым сарказмом:

«Англия хотела бы упразднить подводные лодки, на это мы не согласны. Но если Англия пожелает упразднить линейные корабли, то мы немедленно же согласимся и на упразднение подводного флота... Англия не намерена никогда использовать свои линейные корабли против Франции. Она держит их, по всей вероятности, для ловли сардинок. Пусть же она разрешит и бедной Франции строить подводные лодки... для ботанического исследования морского дна» [2].

Юз принял сторону Англии. Он иронически напомнил, что происходит конференция по сокращению вооружений. Между тем Франция требует себе максимального тоннажа подводных лодок. Юз предложил установить для Франции лимит в 60 тысяч.

Французы ответили, что запросят по телеграфу своё правительство. На следующий день конференция заслушала сообщение Сарро, который заявил, что Франция не может согласиться на лимит ниже 90 тысяч тонн. Было очевидно, что по этому вопросу участники конференции не могут договориться между собой.

6 февраля 1922 г. между США, Британской империей, Японией, Францией и Италией был подписан трактат «об ограничении морских вооружений». Согласно этому договору для поименованных выше стран установлено было соответственно следующее соотношение размеров линейного флота — 5 : 5 : 3 : 1,75 : 1,75.

При обсуждении трактата Япония потребовала сохранить достраивающийся линкор «Mutsy» взамен устаревшего «Settsy». После долгой борьбы Япония добилась согласия на то, чтобы японский флот получил два линкора так называемого послеютландского типа. Само собой разумеется, что и другие державы не пожелали отстать от Японии. США также получили право построить два линкора современного типа, сдав за это на слом два устаревших корабля. Таким образом, в американском флоте должно было насчитываться пять кораблей послеютландского типа. Англия имела всего один корабль такого типа. Поэтому она и добивалась права постройки двух новых линейных кораблей, соглашаясь сдать на слом четыре более устарелых судна.

---

[1] Цитирую по книге «Вашингтонская конференция», стр. 20.

[2] Там же.

После всех этих дополнений Англия должна была иметь 20 линейных кораблей общим тоннажем в 558 950, США — 18 кораблей в 525 850, Япония — 10 кораблей в 301 320, Франция — 10 кораблей в 221 170, Италия — 10 кораблей в 182 800 тонн.

Державы, подписавшие соглашение, обязались не приобретать и не строить линкоров водоизмещением больше 35 тысяч тонн. Ни один линкор не должен был обладать орудиями калибра свыше 16 дюймов. Общий тоннаж линейных судов, могущий подлежать замене, не должен был превышать: для США и Британской империи — 525 тысяч тонн, для Японии — 315 тысяч и по 175 тысяч тонн для Франции и для Италии. Америка, таким образом, добилась отступления Англии от основного принципа британского морского могущества — иметь флот, равный соединённому флоту двух самых сильных в мире морских держав.

Трактат установил общий тоннаж авиаматок для каждой из договаривающихся держав: для США — 135 тысяч, для Британской империи — 135 тысяч, для Японии — 81 тысячу, для Франции и Италии — по 60 тысяч. Ни одна держава не должна была приобретать или строить авиаматки свыше 27 тысяч тонн водоизмещением. Впрочем, договаривающиеся стороны могли строить не больше чем две авиаматки, не свыше 33 тысяч тонн водоизмещением каждая, при условии, что общий тоннаж их авиаматок не будет превышать общей нормы. Ни одна авиаматка не должна была обладать орудиями калибра свыше 8 дюймов.

Трактат запрещал постройку лёгких крейсеров свыше 10 тысяч тонн водоизмещением и снабжение их орудиями калибра более чем 8 дюймов.

Особо был выделен на Вашингтонской конференции вопрос об укреплениях и морских базах. Вашингтонский трактат установил в этом вопросе status quo, — это означало запрещение создавать новые морские базы и отказ от усиления береговой обороны и от увеличения военно-морских средств по ремонту и по поддержанию военно-морских сил на Тихом океане. Из этого общего постановления исключались островные владения у побережья США, у Аляски, кроме Алеутских островов, островные владения в зоне Панамского канала и Гавайские острова. Для Британской империи исключение было сделано в отношении островных владений, прилегающих к побережью Канады, Австралии, Новой Зеландии, и для всех островов к западу от меридиана 110° восточной долготы. Сингапур, таким образом, попадал в число пунктов, где не запрещалось возводить укрепления.

Что касается Японии, то status quo к моменту подписания трактата распространялось на следующие её островные территории и владения в Тихом океане: Курильские острова, острова

Бонин, Амами — Опима, острова Лушу, Формоза и Пескадоры, а равно те островные территории и владения в Тихом океане, которые Япония приобретёт в будущем.

Соглашение о status quo предоставляло США возможность укреплять территории, защищающие непосредственные подступы к США. Зато Америка была лишена права укреплять Филиппины и остров Гуам. Такое положение было на-руку Японии. Это обстоятельство должно было в скором времени усилить противоречия между Америкой и Японией. С другой стороны, Англия сохраняла за собой право укреплять Сингапур, — который является воротами с запада в Тихий океан, — что было направлено против интересов Японии. Это обстоятельство сулило обострение противоречий между Японией и Англией.

Трактат пяти держав должен был оставаться в силе до 31 декабря 1936 г. Если бы ни одна из договаривающихся держав за два года до этого срока не заявила о своём намерении прекратить действия трактата, то он должен был бы остаться в силе ещё на два года, до того дня, когда какая-либо из держав уведомит о прекращении его действия.

В общем постановлении было указано, что любая из подписавшихся держав может приостановить действие трактата на время войны. Если в мирное время какая-либо из этих держав признает, что изменившиеся обстоятельства затрагивают интересы её обороны, то все державы должны собраться на конференцию в целях пересмотра трактата. Эта статья фактически сводила к нулю весь трактат, ибо любая страна, вступившая в войну, получала возможность его нарушить.

Трактат пяти держав подлежал ратификации. Обмен ратификациями состоялся 17 августа 1923 г. в городе Вашингтоне. При этом Франция сделала следующую оговорку: «Французское правительство полагает и всегда полагало, что нормирование общего тоннажа линейных судов и авиаматок, признанного за каждой из договаривающихся держав, не отражает значения морских интересов этих держав и не может быть распространено на другие виды военных судов, кроме тех, о которых специально условлено» [1].

Вашингтонское соглашение «о разоружении» на Тихом океане решало по существу лишь вопрос о перераспределении морских сил. На первый план оно выдвинуло Америку, которая добилась права иметь флот не слабее английского и превосходящий морские силы Японии. Но, с другой стороны, и Англия, отказавшись от своего принципа иметь флот сильнее всех других держав, всё же удерживала за собой мировое преобладание: избавившись от лишних расходов на линейные корабли, она сохраняла свои быстроходные крейсеры и такие же торговые суда, легко

---

[1] «Вашингтонская конференция», стр. 64.

превращаемые во время войны в военные корабли. Япония, поступившись численностью флота, добилась status quo в Тихом океане, т. е. уменьшила для себя опасность со стороны США, которым воспрещалось укреплять Филиппины и Гуам. Притом Япония могла вознаградить себя за сделанные уступки количественным увеличением крейсеров и подводного флота.

Таким образом, вашингтонский трактат не устранял противоречий между отдельными странами. Напротив, он создал обстановку, чреватую дальнейшими международными конфликтами.

В тот самый день, когда был подписан трактат, 6 февраля 1922 г., те же пять держав подписали соглашение «для защиты на море во время войны жизни граждан нейтральных и невоюющих стран и для предупреждения использования во время войны вредоносных газов и химических средств» [1].

В этом же документе нашла своё отражение и бесплодная дискуссия о подводных лодках. Новое соглашение устанавливало, что в военное время каждый торговый корабль до захвата его кораблями воюющих сторон должен при встрече с ними получать предупреждение о предстоящем ему осмотре и обыске. Если торговый корабль после предупреждения подчинялся этому требованию и не отказывался направиться туда, куда ему было указано, то нападение на такое торговое судно считалось недопустимым. Правило это объявлялось обязательным и для подводных лодок воюющих государств.

Вся буржуазная пресса пыталась представить приведённое соглашение как запрещение подводным лодкам топить торговые суда. Будущее готовило этим теориям жестокое крушение.

В том же трактате осуждено было употребление удушливых, ядовитых или иных газов и всех аналогичных жидкостей, материалов и составов.

Что касается воздушных сил, то 9 января 1922 г. комитет по ограничению вооружений, созданный на конференции, принял следующую резолюцию: «Комитет держится того мнения, что в настоящее время не является осуществимым наложение каких-либо действительных ограничений на число и технические детали воздушных сил как коммерческих, так и военных» [2].

4 февраля 1922 г. конференция на пленарном заседании приняла резолюцию о создании комиссии из двух членов от каждой державы для изучения законов войны и составления доклада по этому вопросу. Комиссии поручалось ответить:

«а) Покрывают ли удовлетворительным образом существующие правила международного права те новые способы напа-

---

[1] «Вашингтонская конференция», стр. 65.

[2] Там же, стр. 70.

дения или обороны, которые вытекают из возникновения или развития со времён Гаагской конференции 1907 г. новых способов ведения войны.

б) Если нет, то какие изменения должны быть в связи с этим введены в существующие правила в качестве составной части международного права»[1].

Но в тот же день была принята дополнительная резолюция, которая существенно ограничивала права комиссии: ей не разрешалось пересматривать правила и декларации, относящиеся к подводным лодкам или к употреблению газов. В качестве основания приводилась ссылка на то, что конференция якобы уже обсудила этот вопрос.

Большое внимание уделила Вашингтонская конференция китайскому вопросу. Китай не подписал Версальского договора. Он воздержался от этого потому, что бывшие германские владения на китайской территории не были ему возвращены, а отданы были Японии. На Вашингтонской конференции китайская делегация поставила вопрос о возвращении Китаю его владений. Американская дипломатия поддержала это требование. В конце концов Япония вынуждена была отказаться от Циндао и Шаньдунской провинции и вернуть их Китаю. Однако иностранный контроль над китайскими таможнями остался в полной силе.

6 февраля 1922 г. участники Вашингтонской конференции подписали договор о политике в Китае. Этот договор, известный под названием «трактата девяти держав», обязывал уважать суверенитет, независимость и территориальную и административную неприкосновенность Китая и соблюдать принцип «открытых дверей», т. е. «равенство открывающихся в Китае возможностей для торговли и промышленности всех наций». Признание принципа «открытых дверей» нарушало в интересах США английский и японский принцип «сфер влияния». Америка рассчитывала, что, обладая мощной промышленностью, при сохранении равенства прав с Англией и Японией, она легко утвердит своё господство на китайском рынке.

Торжественная декларация держав о целостности и независимости Китая не содержала, однако, для него никаких гарантий. Напротив, конференция приняла специальную резолюцию о сокращении вооружённых сил и военных расходов Китая. Это предложение прикрывалось лицемерным мотивом, будто бы нужно избавить страну от излишней вооружённой силы, созданной отдельными, непрерывно борющимися между собой губернаторами и поглощающей почти половину всех доходов государства. Никто при этом не упомянул, что за грызущимися милитаристами Китая стоят капиталистические державы, на-

[1] «Вашингтонская конференция», стр. 69.

травливающие своих ставленников друг на друга. На самом деле резолюция стремилась лишить Китай возможности оказывать сопротивление иноземцам.

Не были отменены формально и «21 условие». За три-четыре дня до принятия трактата девяти держав — 2 и 3 февраля — на заседании комиссии по тихоокеанским и дальневосточным вопросам имел место обмен мнений по поводу требования Китая отменить эти условия. Барон Сидехара от имени японской делегации заявил, что «21 условие» были «подписаны и скреплены печатями в законном порядке уполномоченными представителями обоих правительств», что они ратифицированы и сохраняют полную силу. Мало того, Сидехара предупреждал державы, что отмена актов 1915 г., заключающих «21 условие», может послужить примером «для отмены актов, подписанных другими странами». «Очевидно, — многозначительно подчёркивал японский делегат, — что ни один народ не может охотно дать согласие на уступку территориальных или иных важных прав. Если будет признано, что права, торжественно предоставленные в силу трактата, могут в любое время быть взяты обратно, на том основании, что они даны вопреки свободной воле того, кто эти права дал, то был бы создан чрезвычайно опасный прецедент, который мог иметь далеко идущие последствия для устойчивости существующих международных отношений в Азии, в Европе и где бы то ни было...» [1]

Впрочем, опасаясь, что Америка и Англия за неуступчивость Японии постараются компенсировать себя в других вопросах, японская дипломатия сочла тактически целесообразным пойти на некоторые уступки. Сидехара соглашался передать «на общее использование международного финансового консорциума, недавно образованного, права опциона, предоставленные исключительно в пользу японского капитала и касающиеся, во-первых, займов на постройку железных дорог в Южной Манчжурии и в восточной части Внутренней Монголии и, во-вторых, займов, обеспеченных собранными в этих районах податями» [2].

Сидехара обещал далее не настаивать на преимущественных правах Японии назначать своих советников и инструкторов по политическим, финансовым, военным или полицейским делам в Южной Манчжурии. Отказалась Япония и от права требовать в будущем земельных участков для своих школ и госпиталей.

От имени американской делегации Юз с удовлетворением принял отказ Японии от ряда пунктов «21 условия». Он напомнил, что США ещё в 1915 г. категорически протестовали против

[1] «Вашингтонская конференция», стр. 102.

[2] Там же, стр. 103.

японских требований. Что касается остальных пунктов «21 условия», то Юз повторил, что Америка попрежнему не будет считать их исключительным правом Японии. Она потребует от Китая и для американских граждан всех преимуществ, вытекающих из соответствующих договоров.

Вашингтонская конференция закончила передел мира. В этом смысле она дополняла Версаль. Но в 1919 г. в Париже английские и французские дипломаты сумели обойти дипломатов Америки. Напротив, в Вашингтоне дипломатия США добилась значительного успеха в дальневосточных вопросах. Англия шла на компромисс в целях борьбы с Японией и Францией; Япония вынуждена была уступить американцам в китайском вопросе и заявить, что уведёт свои войска из Сибири.

Вашингтонская конференция означала, что в мировой политике произошла известная передвижка сил в сторону США.

Срыв дайренских переговоров

Организовав выступления белогвардейских банд против Дальневосточной республики, Япония не объявила о прекращении Дайренской конференции. Японские дипломаты лишь под всяческими предлогами затягивали её работу: они явно выжидали результатов Вашингтонской конференции и, с другой стороны, исхода белогвардейского нападения. 12 февраля, спустя несколько дней по окончании Вашингтонской конференции, Народно-революционная армия нанесла сокрушительный удар белогвардейцам под Волочаевкой. Разбитые отряды контрреволюции в панике отступали в Приморье.

Японская дипломатия поспешила предложить возобновление переговоров в Дайрене. Этого требовали и официальные её заявления на Вашингтонской конференции о предстоящем выводе войск из Сибири.

К концу марта был разработан проект соглашения. Японцы отказались от своих 17 требований. Они обязались не организовывать и не поддерживать враждебных действий против Дальневосточной республики. Делегация ДВР со своей стороны для ускорения переговоров согласилась на ряд уступок: предоставление японским подданным прав арендовать земли на определённый срок, заниматься промышленностью и сельским хозяйством в ДВР и т. п.

Но, достигнув соглашения, японские дипломаты упорно отказывались подписать договор. Спорным оставался всё тот же вопрос об эвакуации. Японская делегация отказывалась установить точный срок полной эвакуации, предлагая вести её по отдельным районам в порядке отдельных соглашений. В то же время в самой Японии развернулась газетная шумиха против «уступчивости Японии в Дайрене». Японская пресса писала, что Франция поддержит её требования; свидетельством этого является визит генерала Жоффра. Военщина настаивала

на том, чтобы выждать результатов новой конференции, созыв которой в Генуе был уже объявлен.

15 апреля в Дайрене японская делегация, ссылаясь на инструкцию, полученную из Токио, отказалась от проекта достигнутого соглашения и по существу снова предъявила свои 17 требований. Делегация ДВР категорически отказалась их обсуждать, настаивая на подписании уже выработанного совместно соглашения. Представитель Японии Мацусима в ответ заявил, что прерывает переговоры. 16 апреля 1922 г. конференция была прервана.

Противоречия вашингтонской системы сказались немедленно после её установления: Япония первая нарушила свои обязательства о выводе войск из Сибири.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ГЕНУЯ (1922 г.)

1. ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ БОРЬБА ВОКРУГ СОЗЫВА ГЕНУЭЗСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ

Новый поворот в английской политике

Вашингтонская конференция ярко продемонстрировала то, что передовым умам капиталистического мира было ясно и раньше: ни урегулирования мирового хозяйства, ни решения вопросов международной политики нельзя было достигнуть без участия Советской России. Выпадение из мирового хозяйства одной шестой части всего мира резко отразилось на торговом обороте ряда стран. Прежде всего это ощутила на себе Англия.

Почти три года прошло со времени окончания войны, а Европа всё ещё билась в тисках разрухи. Промышленность замирала. Население европейских стран изнывало под бременем налогов. Число безработных угрожающе росло, особенно в Англии. То, что удавалось получать в виде репараций с Германии, уходило в Англии на пособия безработным. Разумеется, если бы Советская Россия могла выступить на рынке в качестве покупателя, в Англии не стало бы безработицы — так рассуждали английские промышленники. В конце 1921 г. английская пресса усиленно заговорила об экономическом значении России, о её военной мощи, о влиянии Советской России на Востоке. Всё чаще указывалось на необходимость вернуть Россию в круг мирового хозяйства и привлечь её к участию в его оздоровлении. Само английское правительство иначе, чем французское, отнеслось к ноте советского правительства от 28 октября 1921 г., где советская власть, выражая готовность признать довоенные долги дореволюционного правительства, предлагала созвать международную конференцию, которая рассмотрела бы взаимные требования иностранных держав и России и выработала бы окончательный мирный договор. В то время как французское правительство признавало «тщетными и опасными попытки возобновить контакт, хотя бы экономический», с Советской страной, правительство Англии вступило в дипломатическую переписку с правительством Советской России. Ллойд

Джордж запросил дополнительные данные относительно предложения Советской России. В английской прессе высказывалось убеждение, что британское правительство примет предложение Советской страны о созыве международной конференции.

Маневры германской дипломатии

Примирительная позиция английской прессы в отношении Советской России вызвала беспокойство в Германии. Немцы считали, что советский рынок должен остаться за ними; нельзя допускать туда Англию. Намечающийся поворот английской политики германская дипломатия пыталась использовать в своих интересах. Англия нуждается в рынке; пусть же предоставят Германии кредиты, облегчат условия репараций, — и Германия станет крупнейшим покупателем английских товаров. Об этом говорилось в дипломатических кругах, писалось в немецких газетах. Немецкие банкиры и промышленники твердили это при встречах с английскими предпринимателями. Своим маневром германская дипломатия надеялась убить сразу двух зайцев: с помощью Англии пробить брешь в Версальском договоре и, с другой стороны, помешать сближению той же Англии с Советской Россией. Германский министр иностранных дел Вальтер Ратенау решил посетить Лондон. Опираясь на связи с видными английскими деятелями, он начал там переговоры с Английским банком о кредитах. Немцы соглашались на высокий процент, если сумма кредитов будет достаточно велика. Ратенау был приглашён и к английскому премьеру. После трёхдневных переговоров Английский банк сформулировал свой ответ в письме, составленном сообща с немцами; в этом документе развивалась мысль, что нельзя предоставить кредиты Германии, придавленной репарационными обязательствами. Письмо можно было вручить самому Ратенау, но для соблюдения конспирации англичане выждали, пока Ратенау уехал в Бремен; вслед за ним они направили письмо германскому канцлеру. Тот немедленно предал его гласности. Однако в печать не попал один секретный пункт письма: Английский банк предлагал председателю германского Рейхсбанка ни при каких условиях не выдавать остатка своего золотого запаса, если бы Франция потребовала этого в качестве санкции. Английский банк предлагал даже взять на себя защиту остатка золотого запаса Германии.

Опираясь на письмо Английского банка, германское правительство сообщило репарационной комиссии, что уплата репараций, предстоящая 15 января и 15 февраля 1922 г., остаётся под вопросом. Французы в репарационной комиссии немедленно заявили протест. Они требовали прямого и точного ответа на вопрос, когда будут уплачены задержанные взносы и какие гарантии будут даны немцами, если последует отсрочка платежей.

Ратенау снова связался с лондонскими кругами. Там ему дали понять, что можно не уступать: французов не поддержат.

К этому времени заехал в Лондон на обратном пути из Вашингтона премьер-министр Франции Бриан. Ллойд Джордж познакомил его с планом англичан предоставить возможность Советской России и Германии стать покупателями английских товаров. Ллойд Джордж уже разработал свой проект «умиротворения Европы»: в нём предусматривался созыв европейской конференции с участием Германии и России, чтобы добиться возвращения этих стран в круговорот мирового хозяйства. Чтобы помочь Бриану преодолеть сопротивление кругов, враждебных всякой компромиссной политике в отношении Германии и России, Ллойд Джордж поставил вопрос о заключении англо-французского пакта. Таким пактом Англия гарантировала бы на ближайшие 10 лет безопасность Франции, т. е. осуществила бы данное ещё на Версальской конференции, совместно с Америкой, обещание. При этом, однако, имелась оговорка, сводившая на нет весь эффект английского предложения: гарантия обусловливалась участием в ней США. Оба премьера решили продолжить переговоры в Каннах, где предстояло заседание Верховного совета союзников.

Бриан вернулся в Париж. Там уже знали о переговорах Англии с Германией. Последнее предложение Ллойд Джорджа встречено было более чем сдержанно. Для националистического лагеря тяжёлой индустрии, сторонников Мильерана и Пуанкаре, английских обещаний было мало: они требовали политической изоляции России и Германии, обеспечения безопасности Польши, постоянного объединения деятельности французского и английского генеральных штабов. Впрочем, мало веря в осуществимость своих требований, националисты склонялись к иному — радикальному, по их мнению, — разрешению вопроса. Вернейшим путём им представлялась оккупация Рура впредь до получения репараций.

Когда в Лондоне убедились, что английское предложение вызывает в Париже только раздражение, Ллойд Джордж решил пойти дальше. Он предложил Бриану пакт, гарантирующий Франции на тот же десятилетний срок английскую помощь против нападения Германии, если оно не будет вызвано самой же Францией.

Такое предложение Ллойд Джорджа отняло у французских националистов возможность просто отказаться от участия Франции в конференции. Бриан был отпущен в Канны.

Каннская конференция (январь 1922 г.)

На заседании Верховного совета союзников в Каннах Ллойд Джордж выступил с предложением созыва международной экономической конференции. 6 января 1922 г. Верховный совет в принципе согласился с предложением Ллойд Джорджа; после детального обсуждения Совет утвердил соот-

ветствующую резолюцию. Союзные державы признали, что облегчение страданий всех народов возможно лишь при восстановлении международной торговли и развитии естественных богатств всех стран и что избавление Европы от экономического паралича требует соединённых усилий наиболее мощных стран. Решено было созвать в Генуе в феврале или начале марта экономическо-финансовую конференцию; всем европейским государствам, в том числе Советской России, Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии, имелось в виду предложить прислать на неё своих представителей. При этом Верховный совет наметил шесть условий, признание которых должно было содействовать успеху всего плана.

Первое условие: ни одно государство не может навязывать другому государству систему собственности, внутренней экономической жизни и управления.

Второе: государство, предоставляющее другому кредит, должно быть уверено, что имущество и права его граждан будут ограждены.

Третье условие, особенно детально разработанное, гласило:

«Действительные гарантии безопасности не могут быть восстановлены до тех пор, пока правительства всех государств, желающих воспользоваться иностранным кредитом, не заявят вполне определённо, что они признают все государственные долги и обязательства, заключённые или могущие быть заключёнными или гарантированными государством, муниципалитетами или какими-либо другими общественными организациями, а также обязательство восстановить всё принадлежавшее иностранцам имущество или компенсировать их за убытки, причинённые им конфискацией или секвестром их имущества, и систему законодательства и суда, которая беспристрастно ограждала бы права и обязательства, вытекающие из коммерческих и другого рода договоров, и обеспечивала бы их принудительную силу» [1].

Далее следовало требование организовать финансово-денежное обращение, обеспечивающее ведение торговли. Пункт пятый говорил о воздержании от пропаганды, направленной к низвержению существующего порядка. Шестой пункт призывал все страны принять на себя взаимное обязательство воздерживаться от нападения на своих соседей.

Тот же шестой пункт содержал указания на условия признания Советской России: «Если в целях обеспечения условий, необходимых для развития торговли в России, российское правительство потребует официального признания, то союзные державы будут готовы согласиться на такое признание, но лишь

---

[1] «Правда» № 6 от 10 января 1922 г.

в том случае, если русское правительство согласится с выше приведёнными условиями»[1].

Каннская резолюция предлагала, чтобы в будущей конференции приняли участие премьер-министры приглашаемых стран. Конференцию имелось в виду созвать в Генуе.

На следующий день, 7 января, итальянское правительство по поручению Верховного совета передало в Москву через советскую торговую делегацию в Италии сообщение о принятой резолюции.

«Итальянское правительство согласно с великобританским правительством, — гласил этот документ, — считает, что личное участие в этой конференции Ленина значительно облегчило бы разрешение вопроса об экономическом равновесии Европы. Королевское Министерство иностранных дел просит российскую торговую делегацию самым срочным образом сообщить в Москву о желании королевского правительства, чтобы Ленин не преминул принять участие в конференции.

Необходимо передать ответ в Канны к будущему понедельнику»[2].

8 января советское правительство ответило, что с удовлетворением принимает приглашение на европейскую конференцию, созываемую в марте. Наркоминдел добавлял, что советская делегация будет избрана на чрезвычайной сессии ВЦИК, который снабдит делегацию самыми широкими полномочиями. Что касается Ленина, то советский ответ гласил: «Даже в том случае, если бы председатель СНК Ленин, вследствие перегруженности работой, в особенности в связи с голодом, был лишён возможности покинуть Россию, тем не менее состав делегации, равно как и размеры предоставленных ей полномочий, придадут ей такой же авторитет, какой она имела бы, если бы в ней участвовал гражданин Ленин. Таким образом, ни в коем случае со стороны России не будет каких-либо препятствий к быстрому ходу работ конференции»[3].

В Канны была приглашена и Германия. Немцы решили продолжить свою игру: рвать Версальский договор по кусочкам, используя разногласия между союзниками. Чтобы скрыть истинные намерения своей делегации, германское правительство сквозь пальцы смотрело на травлю Ратенау в фашистской прессе. Там писали, что в Каннах Германию ждёт новый ультиматум. «Я даже благодарен этой прессе за то, что она сообщала подобные вещи», — признавался Ратенау, отчитываясь позже на секретном заседании в Берлине[4].

---

[1] «Правда» № 6 от 10 января 1922 г., стр. 3. «Каннское совещание».

[2] «Правда» № 7 от 11 января 1922 г.

[3] Там же.

[4] *George Bonnamour*, Le rapprochement franco-allemand, Paris, p. 103.

Переговоры с Германией велись в «обнадёживающем тоне», как писал позже Ллойд Джордж [1]. Речь шла о значительном облегчении репарационных платежей. Ратенау говорил, что Англия и Италия обещали совершенно определённо, что вскоре после Генуи будет аннулирована обязательная уплата каждые 10 дней по 31 миллиону марок репараций. «Я прошу вас,— уговаривал Ратенау своих слушателей на секретном совещании в Берлине, — не говорить о Версальском договоре, от которого отпадает кусочек за кусочком. Если мы будем иметь такой вид, что достигли успехов, то самые яростные из наших противников станут цепляться за букву договора... Только когда в договоре будут пробиты большие бреши... мы сможем сказать: „теперь это постыдное деяние также превращено в клочок бумаги“» [2].

Казалось бы, германская дипломатия приближалась к осуществлению своего замысла. Но радость её была преждевременной.

Капиталистическая пресса подняла невообразимый шум вокруг предстоящей Генуэзской конференции. Её называли вторым Парижским конгрессом 1919 г., но в более широком масштабе. Ллойд Джордж заявлял, что это крупнейшая конференция из всех когда-либо имевших место. Скоро, однако, в этом хоре стали звучать и скептические ноты. Всеведущие журналисты чуть-чуть приподняли завесу над Каннами. Рассказывали, что на Каннской конференции премьер-министр Франции Бриан требовал для Франции гарантий против пересмотра каких-либо договоров, хотя и признал, что предложения Ллойд Джорджа в общем его удовлетворяют. Говорили, что в зеркальных залах морского клуба в Каннах между Ллойд Джорджем и Брианом уже достигнуто соглашение о Турции. Поэтому будто бы в списке приглашённых на Генуэзскую конференцию и не было Турции. Во всяком случае в Париже было объявлено о скором созыве конференции по ближневосточному вопросу.

Особенно много толков было о переговорах с Германией. Выяснилось, что в сенатской комиссии в Париже Пуанкаре произнёс резкую речь против Бриана. Пошли тревожные толки, что Бриан слишком во многом уступает Ллойд Джорджу, особенно же в вопросах эвакуации левого берега Рейна и германских репараций. Парижская «Matin» сообщала, будто бы французский президент Мильеран послал Бриану телеграмму, упрекая его за каннскую резолюцию. 12 января «Journal des Débats» писал:

«В Каннах считают безапелляционной принятую 6 января резолюцию относительно Генуэзской конференции. Мы открыто признаём её прискорбной и неприемлемой. Мы снова про-

---

[1] *Ллойд Джордж,* Европейский хаос, Л. — М. 1924, стр. 30.

[2] *George Bonnamour,* Le rapprochement franco-allemand, p. 104.

тестуем против всякого признания советского правительства, прежде чем оно действительно не изменит существующего в России режима».

Парижские газеты заговорили о поражении французской дипломатии. «Итак, Ленин приглашён сидеть рядом с Брианом!» — негодовали журналисты.

В то же время и итальянская делегация в Каннах заявила протест против переговоров о заключении англо-французского пакта без участия Италии. 11 января Ллойд Джордж адресовал итальянцам меморандум, заверявший, что «проектируемый пакт не имеет целью исключить Италию из совещания главных союзников или ослабить их тесное согласие с нею... Исключительная заинтересованность Англии в безопасности восточных границ Франции от германского нападения с неумолимой очевидностью доказана войной. В 1914 г. германское нашествие едва не охватило портов Ламанша и было отражено во Франции и во Фландрии на линии, очень близкой от английских берегов. Залпы германских пушек слышны были в Англии ежедневно в течение четырёх лет. Англия знает очень хорошо, что если бы Германии удалось во время будущей войны установить свою артиллерию на французском побережье, снаряды её достигали бы Лондона».

В заключение Ллойд Джордж напоминал, что 28 июня 1919 г. Англией вместе с США было подписано соглашение, обещавшее Франции их помощь в случае нападения Германии. Меморандум заявлял, что «честь» обязывает Англию превратить это обещание в обязательство [1].

Англо-французский пакт, обеспокоивший не только Италию, но и США, подписан не был. Бриан был внезапно вызван в Париж. Его обвиняли в том, что он шёл в Канны, а попал в Каноссу.

12 января Бриан выступил в Палате с отчётом о конференции в Каннах. Национальный блок Палаты 230 голосами выразил Бриану недоверие. Правительство ушло в отставку. Во главе нового кабинета стал Пуанкаре, прозванный в своё время «Пуанкаре-война».

Французский кризис отозвался по всей Европе. Пал кабинет в Польше. Ушло в отставку министерство Шобера в Австрии; та же судьба постигла и правительство Гунариса в Греции; итальянское правительство Бономи должно было уступить место новому кабинету. Зашатался и кабинет Ллойд Джорджа, против которого начались выступления в Парламенте. Только угроза прихода к власти лейбористов, обозначившаяся на дополнительных выборах, заставила Чемберлена выступить от имени консерваторов в защиту Ллойд Джорджа и за сохранение прежней коалиции.

---

[1] *N. W. Stied,* Mes souvenirs 1914—1922, v. II, p. 354—358.

Маневрирование Франции

Все изощрялись в догадках, какова будет политика нового премьера Франции. Французские газеты открыто писали о провале Генуи или во всяком случае о длительной отсрочке предположенной конференции. Английские газеты, напротив, утверждали, что Пуанкаре окажется перед неизбежностью или вернуться к политике Бриана или изолировать Францию. Неопределённость скоро рассеялась: новый премьер Франции открыто перешёл в наступление. 6 февраля Пуанкаре отправил в Лондон меморандум по поводу Генуэзской конференции. В отношении пакта о безопасности он решительно настаивал на расширении его обязательств в духе программы французского национального блока. Тем самым «западноевропейская часть» каннских проектов обрекалась на затяжные переговоры. «Сделанное Великобританией предложение заключить договор о гарантиях для Франции, — писал Ллойд Джордж, — было отвергнуто с презрением; нам сказали очень грубо, что это бесполезно при отсутствии военной конвенции»[1] (т. е. военного союза. — *Ред.*).

Непосредственную задачу Генуэзской конференции Пуанкаре сводил к дискуссии по русскому вопросу. Если Франция примет участие в конференции, писал Пуанкаре, то до этого необходимо добиться полного соглашения между союзными правительствами о пунктах программы конференции. Хотя Чичерин телеграммой от 8 января и выразил согласие советского правительства с каннской резолюцией, но это согласие не было подтверждено официально. Необходимо на первом же заседании конференции, до всякой дискуссии, занести в протокол, что самым фактом своего присутствия все приглашённые державы заявляют о полном согласии с принципами каннской резолюции. Но этого недостаточно. Союзным правительствам необходимо предварительно сговориться между собой о точном смысле каннских принципов.

Дальше Пуанкаре излагал своё толкование каннской резолюции. Он категорически заявлял, что она не даёт оснований для каких бы то ни было изменений договоров по отношению к Германии и другим странам. «Было бы недопустимо в частности, — говорилось в меморандуме Пуанкаре, — чтобы Генуэзская конференция заменила собой Лигу наций в обязанностях, возложенных на последнюю мирными договорами, — обязанностях, которые только Лига и в состоянии выполнить»[2].

С особой резкостью Пуанкаре настаивал на твёрдой политике в вопросе о репарациях. Пуанкаре требовал внести ясность и в вопрос о невмешательстве во внутренние дела;

---

[1] *Ллойд Джордж*, Европейский хаос, стр. 30.
[2] «Материалы Генуэзской конференции», М. 1922, стр. 28.

необходимо знать, по его мнению, относится ли это к реставрации Гогенцоллернов или другой довоенной монархии. Наконец, заявлял Пуанкаре, надо добиться уважения прав и интересов иностранцев в других странах.

«В самом деле, — писал Пуанкаре, — невозможно представить себе уважения к собственности, когда права собственности не существует. Поэтому следует предположить, что в этих случаях права и имущество иностранцев не будут подчинены местному внутреннему праву, а останутся под управлением законов, действующих в стране, подданным которой является иностранец, и признанных имеющими силу и для стран, о которых идёт речь. Таким образом, представляется возможным установить подлинный режим капитуляций» [1].

Что касается долгов, то все державы, особенно те, которые отвергали их признание — здесь Пуанкаре открыто метил в Советскую Россию, — должны не только безоговорочно признать их, но и приступить к практическому выполнению своих обязательств.

Меморандум заканчивался следующим заявлением:

«Прежде всего необходимо будет удостовериться, намерены ли Советы установить льготы для торговли, законные и юридические гарантии, охрану промышленности, авторской и художественной собственности, ввести консульский устав, разрешить въезд и свободную деятельность иностранцев, без которых торговля возобновиться не может...

Таким образом, различные пункты, которые могут быть включены в последние три параграфа программы, должны быть теперь же определены самым точным образом, дабы полное согласие на этот счёт установилось между союзниками и остальными цивилизованными странами, когда последние станут лицом перед пустыней, созданной Советами» [2].

В заключение французское правительство настаивало на отсрочке Генуэзской конференции на 3 месяца. Полное сохранение всех договоров версальской системы; никаких уступок в вопросе германских репараций; безоговорочное признание Россией всех долгов — такова была программа воинствующего французского национализма.

Для того чтобы усилить нажим на Англию, французская дипломатия одновременно с отправкой меморандума предприняла новый маневр. 7 февраля 1922 г. в газете «Temps» появилась статья, направленная против предполагаемых переговоров между Россией и Англией. Статья намекала на возможность русско-французского соглашения. Вся мировая печать подхватила этот

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 28.
[2] Там же, стр. 31—32.

намёк. С особенной тревогой писала о возможности франко-русского соглашения германская пресса.

В ответ газета «Daily Telegraph», отражавшая официальную точку зрения английского Министерства иностранных дел, подвергла критике меморандум Пуанкаре, который, кстати говоря, ещё не был опубликован в печати. «Инициаторы ангорской политики, — писала газета, намекая на сепаратное франко-турецкое соглашение 1921 г., — не должны мешать усилиям, направленным к достижению соглашения с Москвой».

Тем не менее «Temps» продолжала печатать передовые статьи о франко-русском соглашении. Специальный корреспондент «Matin» Зауэрвейн помчался на машине из Парижа в Берлин,— другого способа сообщения не было, так как в Германии началась всеобщая железнодорожная забастовка. В Берлине французский корреспондент побеседовал с одним из представителей Советской России. Вернувшись в Париж, он опубликовал интервью, в котором доказывалась необходимость освободить Россию из-под английского влияния.

Слухи о франко-русских переговорах, раздуваемые Францией, всё ширились. Английская пресса принимала их всерьёз. «Westminster-Gazette» с грустью писала: «Франция может заключить мир с большевиками прежде, чем мы узнаем о том, что делается в этом направлении».

Английское правительство предложило создать комиссию экспертов для подготовки генуэзских решений. Франция ответила согласием. Но при этом она потребовала приглашения экспертов и от Малой Антанты и притом обязательно в Париж. Таким образом, Франция явно затягивала дело.

В то же время в Париже под председательством бывшего французского посла в России Нуланса состоялась в середине февраля конференция кредиторов России. На конференции были представлены Ассоциация британских кредиторов, Главная комиссия для защиты французских интересов, кредиторы из Бельгии, Дании, Японии, США. Конференция потребовала, чтобы союзнические правительства добились от Советской России признания всех долгов, а также принятия шести каннских условий как предварительной платформы для переговоров. Резолюция сыграла свою роль в маневрах французской дипломатии. Англия убеждалась воочию, что соглашение с Россией встречается с серьёзными затруднениями международно-политического порядка.

Английская печать, настаивавшая до тех пор на невозможности отсрочить Геную, мало-помалу изменяла тон. Кое-где уже стали поговаривать о том, что конференцию, видимо, придётся отложить, если того потребует Италия в связи с министерским кризисом.

В разгар этой газетной кампании советское правительство обратилось в Рим с запросом, верны ли сведения об отсрочке конференции. Итальянцы ответили, что конференция не может открыться 8 марта и что итальянское правительство вступило в сношения с союзными державами для установления другого срока. Дипломатический маневр Пуанкаре начинал давать результаты. Англия пошла на уступки.

Добившись уступок от Англии, французская дипломатия резко изменила свою тактику. 20 февраля газета «Temps» в передовой статье заявила, что французское правительство отнюдь не собирается вести с Советской Россией какие бы то ни было переговоры до созыва Генуэзской конференции и «желает противопоставить Советской России общий фронт» [1].

Дипломатический маневр Пуанкаре вынудил Англию искать соглашения с Францией. Ллойд Джордж предложил Пуанкаре личную встречу. Она состоялась 25 февраля в Булони. Совещание длилось около трёх часов. На следующий день было опубликовано официальное коммюнике. «Оба премьера, — гласил его текст, — пришли к полному соглашению относительно политических гарантий, необходимых для предупреждения всякого посягательства на прерогативы Лиги наций, на подписанные Францией договоры и на права союзников в области репараций. В ближайшие дни в Лондоне состоится съезд экспертов для обсуждения экономических и технических вопросов. Итальянскому правительству будет предложено созвать Генуэзскую конференцию на 10 апреля» [2].

С 20 по 28 марта в Лондоне собрались экономические и финансовые эксперты союзников, которые разработали подробный проект резолюций по основным вопросам предстоящей конференции.

Польско-балтийский блок

Западноевропейская пресса была заполнена сообщениями о переговорах между странами Большой и Малой Антанты. Шла лихорадочная подготовка дипломатического блока против Советской России. Часть газет усилила травлю Советской страны. Участились клеветнические статьи о шатком положении советского правительства, о мнимых восстаниях в республике, измышления «собственных корреспондентов» о том, что Советская Россия вовсе не собирается устанавливать отношения с Западом, а лишь готовится использовать международную трибуну для коммунистической пропаганды.

15 марта Наркоминдел вынужден был обратиться с нотой протеста к правительствам Англии, Италии, Франции. Ссылаясь

---

[1] «Правда» от 23 февраля 1922 г. «Франко-русские отношения».
[2] «Правда» № 48 от 1 марта 1922 г.

на сообщения всей западной прессы о переговорах между правительствами Большой и Малой Антанты, «имеющих целью дать им возможность явиться на конференцию с готовыми решениями относительно России», нота констатировала, что «часть западной прессы, очевидно, инспирированная официальными кругами, вновь начала и с крайним ожесточением ведёт кампанию лжи и клеветы против Советских республик». Мало того, «русское правительство имеет в руках неопровержимые доказательства формирования враждебных банд на территориях соседних государств. Против Советской России заключаются новые военные союзы, и при таких условиях сама конференция может стать точкой отправления новой военной интервенции, открытой или замаскированной, на русской территории» [1].

Накануне созыва Генуэзской конференции с полной ясностью раскрылось стремление французской дипломатии создать антисоветский фронт прибалтийских стран.

13 марта 1922 г. по приглашению польского Министерства иностранных дел в Варшаве собрались представители Польши, Латвии, Эстонии и Финляндии. Литва не была приглашена. 17 марта Варшавская конференция заключила политическое соглашение, известное под названием Варшавского договора. Польша, Финляндия, Эстония и Латвия обязывались не заключать никаких договоров, прямо или косвенно направленных против какого-либо из подписавших этот документ государств, и впредь сообщать друг другу тексты соглашений, заключаемых между ними и с другими государствами. Представленные на Варшавской конференции правительства должны были начать в ближайшем будущем переговоры для заключения торговых договоров, конвенций о выдаче преступников и т. д. В центре Варшавского договора находился, однако, седьмой пункт, гласивший: «Представленные на Варшавской конференции государства обязуются, в случае если одно из них без провокации с его стороны подвергнется нападению другого государства, соблюдать благосклонную позицию по отношению к атакованному государству и заключить немедленное соглашение о необходимых мерах» [2].

Соглашение было заключено на пять лет.

Варшавский договор являлся осуществлением давнего плана французской дипломатии создать блок прибалтийских государств под фактическим руководством Польши. Даже финские газеты, оценивая политические итоги Варшавской конференции, отмечали, что она устанавливала формальный контроль Польши над внешней политикой балтийских лимитрофов. Блок четырёх государств был направлен в первую очередь против

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 39—40.
[2] Там же, стр. 49.

Советской страны. Однако он имел и другое остриё. Под руководством Франции польско-балтийский блок мог помешать Англии вступить в соглашение с Германией и Советской Россией.

В балтийских странах Варшавский договор вызвал недовольство некоторых политических кругов. Так, в Латвии даже социал-демократы расценивали его как начало антисоветской военной авантюры. Ввиду этого они и протестовали против его ратификации. Однако латвийский Парламент утвердил Варшавский договор. То же сделал и Парламент Эстонии.

Америка и Генуэзская конференция

Правительство США не сразу ответило на приглашение в Геную, переданное через итальянского посла в Вашингтоне. Часть американской прессы сочувственно отнеслась к идее конференции. Сторонники её в США рассчитывали, что решения Генуэзской конференции помогут восстановлению Европы и тем самым расширят возможность использования американских капиталов. Но крайняя настойчивость, проявленная Англией в деле подготовки Генуи, возбудила тревогу, нет ли попытки со стороны британской дипломатии взять реванш за Вашингтон и объединить Европу против Америки. Скоро появились сигналы, что в Генуе будет поднят вопрос о списании военных долгов. 19 января в парижской газете «Matin» опубликована была статья о финансах Франции. Автор статьи доказывал, что тяжёлое положение Франции вызывается отнюдь не военными расходами: на армию Франция тратит 2 миллиарда франков, т. е. одну двенадцатую часть всего бюджета; между тем на уплату процентов по займам, заключённым для ведения войны, уходит 13 миллиардов. «Вот что убивает нас!» — восклицал автор. Итак, заключал он, «из расходного бюджета в 25 миллиардов мы должны платить 13 миллиардов за то, что нам навязали войну, и ещё 2 миллиарда за то, чтобы нам не навязали её опять».

Разговоры о долгах заставили США насторожиться. 3 февраля 1922 г. американский Сенат принял билль, внесённый сенатором Мак-Кормиком, о погашении союзниками в течение 25 лет 10-миллиардного долга вместе с причитающимися процентами.

8 марта государственный секретарь США Чарльз Юз ответил итальянскому послу на приглашение принять участие в Генуэзской конференции. Заверив, что правительство США с глубочайшим интересом относится к конференции и признаёт, что без восстановления Европы не может быть и речи об улучшении условий жизни всего мира, Юз, однако, сообщал об отказе США принять участие в конференции. Мотивом отказа являлось то, что конференция будет иметь не экономический, а главным образом политический характер.

Юз добавлял, что США следят «с интересом и симпатией» за возрождением экономических условий, при которых Россия восстановит свои производительные силы. «Однако американское правительство, — писал Юз, — придерживается того мнения, что эти условия не могут создаться до тех пор, пока теми, на кого главным образом падает ответственность за постигшую Россию экономическую разруху, не будут приняты соответствующие меры» [1].

В качестве основы для экономических связей с Россией Юз выдвигал ту же политику «открытых дверей», которую американский империализм проводил по отношению к Китаю: «Не должно быть предпринято ничего, что имело бы целью извлечь из России экономические выгоды в ущерб справедливым правам других... должна быть установлена справедливая и равная для всех возможность участия в экономической жизни этой страны».

Неприязнь к России, сказавшаяся в ноте Юза, объяснялась главным образом позицией советского правительства в вопросе о долгах. Финансовые круги США вели кампанию против Советской страны, отказавшейся признать долги и тем якобы подавшей соблазнительный пример другим государствам. К тому же некоторые круги капиталистов боялись, что возрождённая Россия станет крупным конкурентом США, особенно на нефтяном и сырьевом рынках.

Отказавшись участвовать в Генуэзской конференции, правительство США поручило своему послу в Италии Чайльду присутствовать в Генуе в качестве «наблюдателя».

Советская республика и Генуэзская конференция

Готовилась к Генуэзской конференции и Советская республика. Правительство её, конечно, не разделяло тех надежд, которые лицемерно возлагала мировая пресса на конференцию, как на спасительницу Европы и организатора всеобщего мира. Но на Генуэзской конференции можно было добиться признания советской власти. Правда, это не спасало России от интервенции. Ясно было, что в случае войны и Франция и Англия, несмотря на признание Советской республики, помогли бы Финляндии и другим своим вассалам. Но признание всё же несколько осложняло интервенцию.

Советская власть мало надеялась и на получение займов. Западная Европа не имела свободных капиталов: в разговорах о международном консорциуме для финансовой помощи России называлась весьма незначительная сумма — всего 20 миллионов фунтов стерлингов. Но признание советской власти облегчило бы переговоры о частных кредитах и о концессиях с крупными предпринимателями.

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 26.

«Мы с самого начала, — говорил Ленин, — заявляли, что *Геную приветствуем и на неё идём;* мы прекрасно понимали и нисколько не скрывали, что идём на неё как купцы, потому что нам торговля с капиталистическими странами... безусловно необходима, и что мы идём туда для того, чтобы наиболее правильно и наиболее выгодно обсудить политически подходящие условия этой торговли, и только»[1].

Общему фронту капиталистических стран необходимо было противопоставить единение всех советских республик. 17 января председатель ВЦИК т. Калинин обратился к ним с телеграммой. «Настоящий момент, — гласила она, — требует создания единого фронта для дипломатической борьбы с капиталистическими правительствами на европейской конференции. Российское правительство считает невозможным участие на конференции без союзных советских республик и Дальневосточной народной республики».

27 января была созвана чрезвычайная сессия ВЦИК. Сессия утвердила состав делегации на конференцию во главе с Лениным в качестве председателя; заместителем его сессия назначила народного комиссара по иностранным делам Чичерина. Резолюция ВЦИК содержала указание, что заместитель председателя имеет все права председателя «на тот случай, если обстановка исключит возможность поездки т. Ленина на конференцию».

Советский народ не пожелал послать Ленина за границу: в обстановке, накалённой злобной антисоветской кампанией, не исключена была возможность вражеского покушения на главу советского правительства, как это случилось годом позже с т. Воровским. Во ВЦИК, в Совнарком, в редакции центральных и местных газет сыпались десятки тысяч резолюций и писем с протестом против поездки Ленина. «Берегите Ленина, не пускайте его!» — требовали красноармейцы, рабочие, крестьяне.

22 февраля 1922 г. в Москве было созвано совещание представителей Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, Азербайджанской ССР, Армянской ССР, Белорусской ССР, Бухарской Народной Советской Республики, Грузинской ССР, Дальневосточной Республики (ДВР), Украинской ССР и Хорезмской Советской Республики. Представители восьми республик подписали протокол о передаче РСФСР защиты интересов всех республик; ей они поручили заключить и подписать на Генуэзской конференции от их имени все договоры и соглашения как с государствами, представленными на конференции, так и со всякими другими странами.

---

[1] *Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 169.

Но противопоставить капиталистическому фронту единение советских республик было недостаточно. Второй задачей Советской страны было расколоть фронт капиталистов. Судя по прессе, в капиталистическом лагере наметились к тому времени три группы. Одна группа, настроенная более агрессивно, стремилась запугать советскую власть, чтобы навязать ей кабальные условия соглашения. Ленин писал по поводу угроз этой группы: «*По вопросу о Генуэзской конференции нужно строго отличать суть дела от тех газетных уток, которые буржуазия пускает;* ей они кажутся страшными бомбами, но нас они не пугают, так как мы их много видели и они не всегда заслуживают, чтобы на них отвечать даже улыбкой. Всякие попытки навязать нам условия, как побеждённым, есть пустой вздор, на который не стоит отвечать. *Мы, как купцы, завязываем отношения и знаем, что ты должен нам, и что мы тебе, и какая может быть твоя законная и даже повышенная прибыль*»[1].

Была и вторая, более деловая группа капиталистов. Она заинтересована была в успехе конференции и положительном завершении переговоров с Советской республикой. Имелась, наконец, третья группа. Её можно было бы назвать пацифистской. В неё входили некоторые крупные государственные деятели, лидеры II и II$^1/_2$ Интернационала и прочие буржуазно-демократические представители. Они носились с идеей всеобщего примирения, доказывали, что империалистическая война 1914—1918 гг. должна быть последней войной, мечтали о создании такого порядка, при котором войны были бы невозможны.

Отнюдь не разделяя этих буржуазных иллюзий, советское правительство, тем не менее, учитывало влияние пацифистских настроений в широких общественных кругах. Поэтому Ленин предлагал на конференции развернуть пацифистскую программу.

«Всё искусство в том, — писал Ленин 14 марта 1922 г., — чтобы и её, и наши, купцовские предложения сказать ясно и громко *до* разгона (если „они“ поведут к быстрому разгону)...

Всех заинтригуем, сказав: „Мы имеем широчайшую и полную программу“. Если не дадут огласить, *напечатаем* с протестом.

Везде „маленькая оговорка“: „мы-де коммунисты имеем свою коммунистическую программу (III Интернационал), *но* считаем всё же своим долгом, как купцы, *поддержать* (пусть 1/10.000 шансов) *пацифистов в другом*, т. е. буржуазном лагере (считая в нём 2 и 2$^1/_2$ Интернационалы)“.

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 173.

Будет и ядовито, и по „доброму“ и поможет разложению врага.

При такой тактике мы выиграем *и* при неудаче Генуи. На сделку, невыгодную нам, не пойдём».

В первую очередь на конференции должен был встать вопрос о долгах. Необходимо было установить различие между долгами военными, заключёнными царским правительством и Временным правительством, и довоенными займами. По вопросу о военных займах не предвиделось особых разногласий. Во-первых, ни одна из стран Европы фактически не платила своих долгов; во-вторых, параграфом 116 Версальского мира было формально оговорено право Советской России на значительную долю из той контрибуции в 132 миллиарда золотых марок, которую Антанта навязала Германии. Никто, видимо, не захотел бы особенно настаивать на уплате русских военных долгов.

Иное значение имел вопрос о довоенных долгах. Общая сумма их составляла до 4,5 миллиарда рублей золотом, не считая процентов. Заключённые в частных банках, распределявших русские бумаги главным образом среди мелких держателей, эти довоенные займы интересовали миллионы людей, вложивших в них свои сбережения. Отказ советского правительства от оплаты этих обязательств был бы использован врагами республики для яростной агитации против Страны Советов. Поэтому при известных условиях советское правительство считало возможным пойти на переговоры относительно уплаты довоенных долгов.

Однако в качестве противовеса оно имело в виду выдвинуть свои собственные контрпретензии, именно — оплату Антантой того ущерба, который причинён был Советской России во время интервенции.

Достигнуть раскола антисоветского фронта можно было путём соглашения с отдельными европейскими странами. На Францию рассчитывать было нечего. Если бы и было возможным соглашение с ней, оно не сулило практических выгод. Франция больше других стран была непримирима в вопросе о признании долгов. Легче было бы опереться на Италию. Она нуждалась в хлебе, угле, минеральной руде, нефтяных продуктах Советской страны. Ещё в 1919 г. она высказывалась за возобновление отношений с Советской Россией. Но и Италия не была самостоятельна в своей внешней политике. Находясь под давлением великих держав, она согласовывала с ними каждый свой шаг.

Больше других государств в соглашении с Советской страной была заинтересована Англия ввиду мирового характера английских торговых, финансовых и промышленных связей. Наконец, положительные перспективы сулило и соглашение

с Германией. Отсюда и вытекала основная позиция советского правительства накануне Генуэзской конференции. В качестве своего контрагента оно предпочитало иметь дело с такой международной группировкой, где участвовала бы Германия, стремящаяся сбросить иго версальской системы.

В переговорах с частными капиталистами тактика советского правительства представлялась несложной: нужно было предоставлять каждому в отдельности более выгодные условия, чем консорциуму. Противопоставляя одного капиталиста другому, было легче договориться об условиях, более или менее обеспечивающих интересы Советской республики.

Что касается каннской резолюции, советское правительство готово было принять её лишь за основу для переговоров. Советская Россия не могла подчиниться всем условиям, которые пытались навязать ей державы Антанты.

«Нам надо торговать, и им надо торговать, — говорил Ленин. — Нам хочется, чтобы мы торговали в нашу выгоду, а им хочется, чтобы было в их выгоду. Как развернётся борьба, это будет зависеть, хотя и в небольшой степени, от искусства наших дипломатов» [1].

Балтийская конференция (март 1922 г.)

27 марта советская делегация выехала из Москвы. 29 марта она прибыла в Ригу. Ещё в период Варшавской конференции Наркоминдел предложил её участникам организовать совместную конференцию с Советской Россией. Телеграмма прибыла в Варшаву в день заключения соглашения. Из Варшавы сообщили, что советское предложение вручено Польше, но что прочие делегации разъехались.

После этого советское правительство продолжало переговоры с прибалтийскими странами о конференции. В принципе решено было созвать её в Риге. По предложению Москвы, Латвия запросила Финляндию. Оттуда ответили, что конференция желательна, но лёд на Финском заливе непрочен, поэтому приезд финских делегатов в Ригу невозможен. Советские представители предложили финнам ехать в Ригу через Петроград. На это финны ответили советом перенести встречу в Геную. Ясно было, что Финляндия — видимо, не без давления извне — уклоняется от встречи с советской делегацией.

Тем не менее в день приезда советской делегации в Ригу, 29 марта 1922 г., здесь открылась конференция представителей правительств Латвии, Польши, Эстонии, Советской России. Из-за конфликта с Польшей по поводу Вильно литовские представители отказались прибыть в Ригу, финляндские — присутствовали только с информационной целью. Конференция продлилась два дня и рассмотрела три вопроса:

[1] *Ленин,* Соч., т. XXVII, стр. 226.

а) возобновление экономической жизни Восточной Европы,

б) восстановление торговых сношений между представленными государствами и

в) упрочение мира в Восточной Европе.

Конференция признала желательным согласование действий представителей этих государств на Генуэзской конференции по всем трём вопросам. Делегаты правительств, представленных на конференции, подтвердив готовность строго выполнять все свои обязательства, высказались за желательность гарантировать взаимно мирные договоры, заключённые между Россией и Эстонией 2 февраля 1920 г., между Латвией и Россией — 11 августа 1920 г. и между Польшей, Россией, Украиной и Белоруссией — 18 марта 1921 г. Кроме того, делегаты Эстонии, Латвии и Польши выразили мнение, что для восстановления Восточной Европы необходимо юридическое признание советского правительства.

По второму вопросу конференция признала необходимым облегчить железнодорожное сообщение между участвующими в ней странами, установить прямое сообщение для товаров, направляемых на их рынки, приступить к торговым операциям, завязать прямые финансовые отношения через кредитные учреждения их стран.

По третьему вопросу конференция высказалась за необходимость поддерживать принцип ограничения вооружений во всех государствах. Решено было далее, что границы государств должны охраняться только регулярными войсками или пограничной стражей. Кроме того, было признано необходимым установить вдоль границ зоны, куда вооружённые силы допускались бы в ограниченном, равном для соседнего государства, количестве. Делегаты конференции констатировали, что сосредоточение вооружённых банд вблизи границ, так же как и их набеги на территорию соседнего государства, опасны для общего мира, и поэтому каждое правительство несёт ответственность как за формирование этих банд, так и за переход их на чужую территорию.

Таким образом, советской дипломатии удалось несколько поколебать единый фронт прибалтийских государств и притупить антисоветское остриё решений Варшавской конференции.

Советская делегация в Берлине

30 марта 1922 г. советская делегация выехала из Риги. В субботу, 1 апреля, она прибыла в Берлин. Представители Советской страны попытались вступить немедленно в переговоры с берлинским правительством. Но рейхсканцлер Вирт и министр иностранных дел Ратенау не спешили. Они приняли советскую делегацию только в понедельник. Германия вовсе не торопилась заключать соглашение с Советской Россией.

Впрочем, встречены были делегаты весьма любезно; им было сказано немало дружественных слов. Заговорив о проекте международного консорциума, советские представители заявили, что считают его враждебным замыслом, тем более, что в этом плане особая роль отводилась Германии как орудию для эксплоатации России; очевидно, за это Германия должна получить свою премию.

Ратенау в ответ сообщил, что Германия уже связана переговорами о консорциуме и выйти из него не может. Правда, она готова дать письменное обязательство не заключать никаких сделок без предварительного согласия России. За это Ратенау требовал компенсации, но не указал — какой. При второй встрече Ратенау пояснил, что компенсацией могло бы явиться обязательство России при переговорах о концессиях предварительно каждую концессию предлагать Германии. Всё яснее становилось, что немцы хитрят. За каждую пустяковую уступку они немедленно требовали несоразмерной компенсации.

Наконец, за официальным завтраком Вирт и Ратенау приоткрыли свои карты. Немцы предложили зафиксировать официально следующее соглашение: Германия отказывается от возмещения убытков, причинённых ей революцией, исходя из того, что Советская страна не будет платить за такие убытки и другим государствам. Однако в секретном добавлении должно быть сказано, что в случае, если Советская страна даст другой державе денежное вознаграждение за эти убытки, то вопрос должен быть пересмотрен и по отношению к Германии. Советская делегация добивалась полного отказа Германии от возмещения убытков; это могло бы послужить прецедентом для переговоров и с другими государствами в Генуе; но германские представители упорствовали. Мало того, выяснилось, что и этот договор, вместе с секретным добавлением, будет в Берлине не подписан, а только парафирован. Ясно было, что Германия и не думает итти на соглашение с Советской Россией. Переговоры с Советской Россией были только приманкой: Вирт и Ратенау вели ни к чему не обязывающие разговоры, а немецкая пресса намеренно раздувала слухи о якобы предстоящем русско-германском договоре, чтобы припугнуть дипломатию Антанты.

Впоследствии, в 1926 г., заведующий восточными делами Министерства иностранных дел Германии Мальцан, встретившись на одном обеде с английским послом лордом д'Аберноном, признал, что «Ратенау противился подписанию (соглашения. — *Ред.*) ввиду предстоящей Генуэзской конференции. Ратенау фактически был противником восточной ориентации и стоял за более близкую связь с Францией и Англией, в особенности с первой».

Единственно, чего удалось достигнуть в Берлине советским представителям, было взаимное обязательство, что в Генуе обе делегации будут поддерживать тесный контакт.

2. ГЕНУЭЗСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Открытие конференции в Генуе

6 апреля советская делегация прибыла в Геную. Итальянцы встретили её как будто весьма любезно. Однако под предлогом охраны они настолько изолировали советских представителей, что тем пришлось протестовать против столь чрезмерного усердия. В воскресенье, 9 апреля, состоялось первое свидание советских делегатов с премьер-министром Италии Факта и министром иностранных дел Шанцером. Советская делегация поставила вопрос о приглашении на конференцию Турции и Черногории. По поводу последней итальянцы заявили, что Черногория уже участвовала в выборах в югославскую скупщину; таким образом, делегаты Югославии представляют и Черногорию. О Турции было сказано, что конференция является европейской, а Турция — малоазиатская страна.

Итальянский министр иностранных дел сообщил, что конференция предполагает выделить четыре комиссии: политическую, финансовую, экономическую и транспортную. Советская делегация будет допущена только в первую; в остальных комиссиях она будет участвовать лишь после заключения основных соглашений в первой комиссии. Советская делегация заявила решительный протест против такой своей изоляции.

В воскресенье днём, во время предварительного заседания представителей Антанты, советскую делегацию посетил итальянский посол в Лондоне Джанини. Он сообщил, что французы грозят уехать, если не будут иметь удовлетворения по вопросу о каннских резолюциях. Впрочем, французы, быть может, и согласятся на допущение советских делегатов во все комиссии. Но для этого большевики в приветственной речи должны заявить о признании в принципе каннской резолюции. Советская делегация согласилась принять это условие.

10 апреля, в 3 часа пополудни, во дворце Сан-Джорджо открылся пленум конференции. Всего было представлено 29 стран, как доложила мандатная комиссия; если считать доминионы Англии, — 34. То было наиболее широкое собрание представителей европейских держав, когда-либо имевшее место в Европе.

После избрания председателем конференции премьер-министра Италии он произнёс речь об экономической разрухе, охватившей весь мир, где по крайней мере 300 миллионов человек уже не занимаются производительным трудом. Делегаты стран, съехавшиеся в Геную, должны без дальнейших промедлений приступить к излечению Европы. Среди присутствующих, говорил Факта, нет ни друзей, ни врагов, ни победителей, ни побеждённых; здесь собрались только нации, желающие отдать свои силы для достижения намеченной цели.

В заключение своей речи Факта прочитал следующую декларацию:

«Настоящая конференция созвана на основе каннских резолюций; резолюции эти были сообщены всем получившим приглашение державам. Самый факт принятия приглашений уже доказывает, что все, принявшие его, тем самым приняли принципы, содержащиеся в каннских резолюциях» [1].

Эта декларация — явно французского происхождения — свидетельствовала о наличии сговора между капиталистическими державами: она буквально повторяла одно из требований известного меморандума Пуанкаре от 6 февраля 1922 г.

После Факта выступил Ллойд Джордж. Он также подчеркнул, что на конференции все равны, но добавил: равенство это заключается в том, что все приняли равные, а именно каннские, условия. В дальнейшем Ллойд Джордж остановился на экономической разрухе, справиться с которой, по его мнению, можно только совместными усилиями. В связи с этим он выразил сожаление, что США не участвуют на конференции.

Закончил свою речь Ллойд Джордж следующими словами: «Мир будет следить за нашими совещаниями то с надеждой, то со страхом, и если мы потерпим неудачу, то всем миром овладеет чувство отчаяния» [2].

Французский министр иностранных дел Барту поддержал прочих ораторов в вопросе о каннских резолюциях. При этом он категорически заявил, что Франция не допустит обсуждения какого бы то ни было из версальских соглашений. «Генуэзская конференция не является, — говорил Барту, — не может явиться и не явится кассационной инстанцией, ставящей на обсуждение и подвергающей рассмотрению существующие договоры» [3].

Немецкий делегат Вирт пытался убедить депутатов в том, что положение Германии особо тяжёлое. Поэтому германская делегация и сочла возможным отложить урегулирование внутренних затруднений и прибыла в Геную в надежде на международную помощь. Речь Вирта была очень длинна. По этому поводу один из журналистов сострил, что германский делегат решил перенести всю тяжесть германских репараций на своих слушателей.

После Германии выступил представитель советских республик. Чичерин заявил, что советское правительство, всегда поддерживавшее дело мира, с особым удовлетворением присоеди-

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 67.
[2] Там же, стр. 71.
[3] Там же, стр. 72.

няется к заявлениям о необходимости установить мир. Глава советской делегации продолжал:

«Оставаясь на точке зрения принципов коммунизма, российская делегация признаёт, что в нынешнюю историческую эпоху, делающую возможным параллельное существование старого и нарождающегося нового социального строя, экономическое сотрудничество между государствами, представляющими эти две системы собственности, является повелительно необходимым для всеобщего экономического восстановления».

Чичерин подчеркнул далее, что экономическое восстановление России как крупнейшей державы, обладающей неисчислимыми запасами природных богатств, является непременным условием всеобщего экономического восстановления. Идя навстречу потребностям мирового хозяйства, Советская Россия готова предоставить богатейшие концессии — лесные, каменноугольные и рудные; имеет она возможность сдать в концессию и большие пространства сельскохозяйственных угодий. Делая эти предложения, советская делегация принимает к сведению и признаёт в принципе положения каннской резолюции, сохраняя, однако, за собой право внесения в неё как поправок, так и дополнительных пунктов.

Вместе с тем Чичерин отметил, что все попытки восстановления хозяйства будут тщетны, пока над Европой и над всем миром будет висеть угроза войны.

«Российская делегация, — говорил советский представитель, — намерена в течение дальнейших работ конференции предложить всеобщее сокращение вооружений и поддержать всякие предложения, имеющие целью облегчить бремя милитаризма, при условии сокращения армий всех государств и дополнения правил войны полным запрещением её наиболее варварских форм, как ядовитых газов, воздушной вооружённой борьбы и других, в особенности же применения средств разрушения, направленных против мирного населения» [1].

Установление такого всеобщего мира может быть осуществлено, по мнению советской делегации, всемирным конгрессом, созванным на основе полного равенства всех народов и признания за всеми ими права распоряжаться своей собственной судьбой. Всемирный конгресс должен будет назначить несколько комиссий, которые наметят и разработают программу экономического восстановления всего мира. Работа этого конгресса будет плодотворной только при участии в нём рабочих организаций. Российское правительство согласно даже принять за исходную точку прежние соглашения держав, лишь внеся в них необходимые изменения, а также пересмотреть устав

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 80.

Лиги наций, с тем чтобы превратить её в настоящий союз народов, где нет господства одних над другими и где будет уничтожено существующее ныне деление на победителей и побеждённых.

«Считаю нужным, — говорил Чичерин, — подчеркнуть ещё раз, что как коммунисты мы, естественно, не питаем особых иллюзий насчёт возможности действительного устранения причин, порождающих войну и экономические кризисы при нынешнем общем порядке вещей, но, тем не менее, мы готовы со своей стороны принять участие в общей работе в интересах как России, так и всей Европы и в интересах десятков миллионов людей, подверженных непосильным лишениям и страданиям, вытекающим из хозяйственного неустройства, и поддержать все попытки, направленные хотя бы к паллиативному улучшению мирового хозяйства, к устранению угрозы новых войн» [1].

Вся конференция с напряжённым вниманием слушала советского представителя. Тишина прерывалась только шелестом листочков бумаги, на которых подавался делегатам перевод этой речи. Выступление советского делегата сразу нарушило монотонность деклараций единого фронта держав, заранее договорившихся о поведении на конференции.

После Чичерина выступил Барту «с кратким, но самым твёрдым заявлением», как выразился он сам. Он снова повторил декларацию о каннских резолюциях, оглашённую уже в речи Факта. Русская делегация, заявил далее Барту, подняла вопрос о всемирном конгрессе и затронула другие проблемы, которых нет в каннской резолюции. Особенно резко выступил Барту против предложения советской делегации о разоружении. «Вопрос этот, — говорил Барту, — устранён; он не стоит в порядке дня комиссии. Вот почему я говорю просто, но очень решительно, что в тот час, когда, например, русская делегация предложит первой комиссии рассмотреть этот вопрос, она встретит со стороны французской делегации не только сдержанность, не только протест, но точный и категорический, окончательный и решительный отказ» [2].

Барту добавил, что такое же категорическое «нет» будет сказано и в том случае, если советская делегация попытается внести в политическую комиссию свои предложения.

Отвечая Барту, Чичерин заявил, что о французской точке зрения все знают из выступления Бриана в Вашингтоне. Там он признал, что причиной, по которой Франция отказывается от разоружения, является вооружение России. Советская делегация предполагала, что раз Россия согласится на

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 81.
[2] Там же, стр. 83.

разоружение, тем самым будет устранён вопрос, поднятый Брианом.

Нет сомнения, что большинство делегатов предпочло бы обойти молчанием широкую пацифистскую программу советской делегации. Но Барту своим запальчивым выступлением лишь подчеркнул наиболее важные пункты советского предложения. Тем самым он невольно содействовал их популяризации. Ллойд Джордж в своём выступлении пытался рассеять это впечатление; обращая дело в шутку, он заявил, что по старости лет вряд ли доживёт до всемирного конгресса; поэтому он просит Чичерина отказаться от своего предложения.

Выступление Чичерина вызвало первую, пока ещё небольшую трещину в едином фронте союзников. Во всяком случае Франция не могла не почувствовать некоторой своей изолированности.

На этом инциденте закончилось первое пленарное заседание конференции. Решено было создать четыре комиссии и заседание политической комиссии открыть на следующий день, в 10 часов 30 минут утра, в королевском дворце.

Изолированность Франции усилилась на заседании финансовой комиссии, где провалилось ещё одно предложение французов. На Генуэзской конференции был принят такой принцип представительства, по которому во все комиссии входили делегаты каждой из пяти держав — инициаторов Генуэзской конференции, а также Советской России и Германии. Что касается остальных 21 державы, то от всех их вместе в каждую комиссию избиралось несколько делегатов. На первом же заседании финансовой комиссии французы предложили низвести Россию и Германию на положение остальных держав. Предложение это было отвергнуто единогласно. Таким образом, Россия единодушно была признана великой державой. Франция осталась в одиночестве.

11 апреля утром открылось заседание политической комиссии. На этот раз, стараясь сгладить неловкость своего вчерашнего выступления, Барту вёл себя весьма любезно по отношению к советской делегации. Особенно подчёркивал он своё полное согласие с Англией и Италией. На заседании решено было создать политическую подкомиссию для решения некоторых конкретных вопросов. В подкомиссию были избраны, кроме держав Антанты, Советской России и Германии, представители Румынии, Польши, Швеции и Швейцарии. Советская делегация заявила категорический отвод Румынии, продолжающей оккупировать Бессарабию. Одновременно советский делегат сообщил, что он в письменной форме на имя председателя конференции протестовал против участия в подкомиссии Японии, так как она продолжает занимать своими войсками часть дальневосточной территории.

Требования империалистов

11 апреля днём собралась политическая подкомиссия. Ллойд Джордж рекомендовал приступить к обсуждению тех конкретных предложений, которые выдвинуты были совещанием экспертов в Лондоне в конце марта. Передавая этот материал, Ллойд Джордж, а вслед за ним и Барту подчёркивали, что доклад экспертов не является официальным документом, но может служить базой для обсуждения.

Доклад экспертов посвящён был двум основным проблемам: восстановлению России и восстановлению Европы. Эксперты выдвигали такие практические предложения, которые означали полное закабаление трудового населения Советской страны. В семи статьях, имевшихся в первой главе доклада, содержались следующие требования:

1. Советское правительство должно взять на себя все финансовые обязательства своих предшественников, т. е. царского правительства и буржуазного Временного правительства.

2. Советское правительство признаёт финансовые обязательства всех бывших доныне в России властей как областных, так и местных.

3. Советское правительство принимает на себя ответственность за все убытки, если эти убытки произошли от действий или упущения советского или предшествовавших ему правительств или местных властей.

4. Для рассмотрения всех этих вопросов будет создана специальная комиссия русского долга и смешанные третейские суды.

5. Все междуправительственные долги, заключённые с Россией после 1 августа 1914 г., будут считаться погашенными по уплате определённых сумм, имеющих быть установленными с согласия сторон.

6. При подсчёте валовых сумм, согласно статье пятой, будут учтены, однако без ущерба для соответствующих постановлений Версальского договора, все претензии русских граждан за убытки и ущерб, понесённые ими в связи с военными действиями.

7. Все остатки сумм, записанные в кредит одного из прежних российских правительств в банке, находящемся в какой-либо стране, правительство которой давало займы России, зачисляются на счёт данного правительства.

Кроме признания всех долгов и возвращения (реституции) национализированных предприятий, доклад экспертов в дополнительных статьях требовал отмены монополии внешней торговли и установления для иностранных подданных в советских республиках режима, подобного режиму капитуляций в странах Востока.

Наконец, эксперты категорически настаивали на прекращении советской властью коммунистической пропаганды во всех странах.

Империалисты требовали от Советской России уплаты 18 миллиардов рублей. Между тем действительная сумма долгов царского и Временного правительств не превышала 12 с четвертью миллиардов.

Насколько хищническими являлись эти требования, можно судить хотя бы по тому, что царское правительство платило накануне войны по своим долгам почти 13% государственного бюджета, или 3,3% ежегодного национального дохода; если бы советское правительство согласилось платить по этим долгам полностью, ему пришлось бы выплачивать пятую часть ежегодного национального дохода и около 80% всего государственного бюджета России того времени.

Советская делегация потребовала перерыва заседания по меньшей мере на два дня. Своё требование она обосновывала необходимостью ознакомиться с докладом экспертов, впервые вручённым советской делегации. Заседание решено было отложить до четверга, 13 апреля.

Совещание на вилле Альбертис

Советскую делегацию со всех сторон осаждали журналисты. Их было так много, что беседы с ними пришлось перенести в университет. Во время перерыва заседания политической подкомиссии советскую делегацию то и дело посещали представители других держав.

13 апреля один из посетителей передал, что Ллойд Джордж и Барту хотели бы встретиться с советской делегацией до заседания подкомиссии. Рассчитывая на возможность раскола единого фронта империалистов, советская делегация согласилась принять участие в предлагаемом совещании. 14 апреля, в 10 часов утра, на вилле Альбертис состоялась встреча представителей делегаций Великобритании, Франции, Италии, Бельгии и Советской России.

Открывая заседание, Ллойд Джордж спросил, нужно ли присутствие экспертов. Чичерин ответил, что советские делегаты явились без экспертов. Дальнейшее заседание продолжалось без экспертов, но с секретарями.

Ллойд Джордж заявил, что вместе с Барту, Шанцером и министром Бельгии Жаспаром они вчера решили организовать неофициальную беседу с советской делегацией, для того чтобы ориентироваться и прийти к какому-нибудь выводу. Что думает Чичерин о программе лондонских экспертов?

Глава советской делегации ответил, что проект экспертов абсолютно неприемлем; предложение ввести в Советской республике долговую комиссию и третейские суды является покушением на её суверенную власть; сумма процентов, которые должна была бы уплачивать советская власть, равняется всей сумме довоенного экспорта России — без малого полтора мил-

лиарда рублей золотом; категорические возражения вызывает и реституция национализированной собственности.

После предложения Барту обсудить доклады экспертов по пунктам выступил с речью Ллойд Джордж. Он заявил, что общественное мнение Запада признаёт сейчас внутреннее устройство России делом самих русских. Во время французской революции для такого признания потребовалось двадцать два года; сейчас — только три. Общественное мнение требует восстановить торговлю с Россией. Если это не удастся, Англии придётся обратиться к Индии и к странам Ближнего Востока. «Что касается военных долгов, то требуют лишь, — говорил премьер о союзниках, — чтобы Россия заняла ту же самую позицию, что и те государства, которые прежде были её союзниками. Впоследствии вопрос о всех этих долгах может быть обсуждён в целом. Великобритания должна 1 миллиард фунтов стерлингов Америке. Франция и Италия являются одновременно должниками и кредиторами, так же как и Великобритания». Ллойд Джордж надеется, что настанет время, когда все народы соберутся, чтобы ликвидировать свои долги.

По поводу реституции Ллойд Джордж заметил, что, «откровенно говоря, возмещение ни в коем случае не есть то же самое, что возвращение». Можно удовлетворить требования потерпевших, предоставив им в аренду их бывшие предприятия. Что касается советских контрпретензий, то Ллойд Джордж категорически заявил:

«Одно время британское правительство оказывало помощь Деникину и в известной степени Врангелю. Однако то была чисто внутренняя борьба, при которой помощь оказывалась одной стороне. Требовать на этом основании уплаты равносильно тому, чтобы поставить западные государства в положение платящих контрибуцию. Это похоже на то, как будто им говорят, что они — побеждённый народ, который должен платить контрибуцию».

Ллойд Джордж не может стать на такую точку зрения. Если бы на этом настаивали, Великобритания должна была бы сказать: «Нам с вами не по пути».

Но Ллойд Джордж и здесь предлагал выход: при обсуждении военных долгов определить круглую сумму, подлежащую уплате за причинённые России убытки. Другими словами, предложение Ллойд Джорджа сводилось к тому, чтобы претензии частных лиц не противопоставлять государственным контрпретензиям. За советские контрпретензии списать военные долги; согласиться на сдачу промышленных предприятий прежним владельцам в долгосрочную аренду вместо реституции.

Выступивший вслед за Ллойд Джорджем Барту начал с заверений, что на пленуме его неправильно поняли. Он напомнил, что был первым государственным деятелем Франции,

который в 1920 г. предложил начать переговоры с Советской Россией. Барту убеждал советскую делегацию признать долги. «Невозможно разбираться в делах будущего до тех пор, пока не разберутся в делах прошлого, — заявлял он. — Как можно ожидать, чтобы кто-либо вложил новый капитал в России, не будучи уверен в судьбе капитала, вложенного ранее... Весьма важно, чтобы советское правительство признало обязательства своих предшественников как гарантию того, что последующее за ним правительство признает и его обязательства».

Ллойд Джордж предложил устроить небольшой перерыв, для того чтобы посоветоваться с коллегами. Через несколько минут делегаты встретились снова. Было решено сделать перерыв с 12 часов 50 минут до 3 часов, а за это время экспертам подготовить какую-нибудь согласительную формулу.

Так как русской делегации предстояло сделать несколько десятков километров, чтобы добраться до своего отеля, то Ллойд Джордж пригласил делегацию остаться на завтрак. После перерыва число участников совещания пополнилось премьер-министром Бельгии Тёнисом и некоторыми экспертами Англии и Франции.

В 3 часа дня заседание не удалось открыть. Ожидали экспертов с формулой соглашения. Пока их не было, Ллойд Джордж предложил советской делегации сообщить, в чём нуждается Советская Россия. Делегация изложила свои экономические требования. Её засыпали вопросами: кто издаёт в Советской стране законы, как происходят выборы, кому принадлежит исполнительная власть.

Вернулись эксперты. Они всё ещё не пришли к соглашению. Тогда Барту спросил, каковы же контрпредложения Советской России. Представитель советской делегации спокойно ответил, что русская делегация всего два дня изучала предложения экспертов; тем не менее она скоро представит свои контрпредложения.

Барту начал проявлять нетерпение. Нельзя играть в прятки, раздражённо заявил он. Итальянский министр Шанцер разъяснил, что это значит: хотелось бы знать, принимает ли русская делегация ответственность советского правительства за довоенные долги; является ли это правительство ответственным за потери иностранных граждан, вытекающие из его действий; какие контрпретензии оно намеревается предъявить.

Ллойд Джордж предложил экспертам поработать ещё. «Если этот вопрос не будет разрешён, — предупреждал он, — конференция распадётся». Снова был объявлен перерыв до 6 часов. В 7 часов открылось новое совещание. Эксперты представили ничего не значащую формулу. Основной смысл её сводился к тому, что необходимо созвать на следующий день ещё одну небольшую комиссию экспертов. Ллойд Джордж

подчеркнул, что он чрезвычайно заинтересован в продолжении работы конференции. Поэтому он и его друзья соглашаются на созыв комиссии экспертов, чтобы выяснить, не могут ли они договориться с русской делегацией. Было решено 15-го, в 11 часов утра, собрать по два эксперта от каждой страны, а затем продолжить частное совещание. Прежде чем разойтись, Барту предложил не разглашать сведений о переговорах. Решено было издать следующее коммюнике:

«Представители британской, французской, итальянской и бельгийской делегаций собрались под председательством Ллойд Джорджа на полуофициальное совещание, чтобы обсудить вместе с русскими делегатами выводы доклада лондонских экспертов.

Два заседания были посвящены этому техническому обсуждению, которое будет продолжаться завтра при участии экспертов, назначенных каждой делегацией».

Утром следующего дня состоялось совещание экспертов. Там представители советских республик объявили о контрпретензиях советского правительства: они исчислялись в 30 миллиардов золотых рублей. В тот же день, в 4 часа 30 минут, на вилле Альбертис вновь открылось совещание с участием экспертов. Ллойд Джордж сообщил, что советская делегация назвала поражающую сумму своих претензий. Если Россия действительно их предъявляет, то он спрашивает, стоило ли ехать в Геную. Далее Ллойд Джордж подчеркнул, что союзники примут во внимание тяжёлое положение России, когда речь будет итти о военном долге. Однако они не пойдут на уступки в вопросе о долгах частным лицам. Нет смысла говорить о чём-либо ином, пока не решён вопрос о долгах. Если к соглашению прийти не удастся, то союзники «сообщат конференции, что им не удалось договориться и что нет смысла дальше заниматься русским вопросом». В заключение Ллойд Джордж внёс следующее предложение, подготовленное союзниками:

«1. Союзные государства-кредиторы, представленные в Генуе, не могут принять на себя никаких обязательств относительно претензий, заявленных советским правительством.

2. Ввиду, однако, тяжёлого экономического положения России государства-кредиторы склоняются к тому, чтобы сократить военный долг России по отношению к ним в процентном отношении, — размеры которого должны быть определены впоследствии. Нации, представленные в Генуе, склонны принять во внимание не только вопрос об отсрочке платежа текущих процентов, но и дальнейшем продлении срока уплаты части истекших или отсроченных процентов.

3. Тем не менее окончательно должно быть установлено, что для советского правительства не может быть сделано никаких исключений относительно:

а) долгов и финансовых обязательств, принятых в отношении граждан других национальностей;

б) прав этих граждан на восстановление их в правах собственности или на вознаграждение за понесённые ущерб и убытки» [1].

Началась дискуссия. Советская делегация отказывалась принять предложение союзников. Тогда Ллойд Джордж заявил, что хотел бы посоветоваться со своими коллегами.

Совещание возобновилось в 6 часов 45 минут. Уже первое выступление союзников показало, что они, видимо, договорились и намерены выдержать единую линию. Барту, до этого молчавший, выступил с заявлением: «Необходимо прежде всего, чтобы советское правительство признало долги. Если Чичерин ответит на этот вопрос утвердительно, работа будет продолжаться. Если ответ будет отрицательный, придётся работу закончить. Если он не может сказать ни „да“, ни „нет“, работа будет ждать».

Ллойд Джордж поддержал ультимативное требование Барту. Советская делегация отстаивала свои позиции. В заключение она заявила, что ей необходимо связаться с Москвой. Было решено, что итальянское правительство примет меры к организации связи с Москвой через Лондон; до получения ответа постановлено было продолжать работу политической комиссии или подкомиссии.

К концу совещания Барту снова попытался произвести нажим на советских делегатов. Он просил сказать, желают ли они соглашения, что́ их разделяет с союзниками, зачем телеграфировать в Москву? Они говорят только о принципах, а между тем русская делегация уже приняла условия Каннской конференции, которые включают признание долгов. Почему им не повторить то, что они сделали, приняв каннские резолюции? Если они на это пойдут, то будет выиграно 48 часов.

Заседание на этом закончилось. Прессе решено было сообщить, что дискуссия продолжается.

Рапалльский договор (16 апреля 1922 г.)

Все дни, пока шли переговоры на вилле Альбертис, Генуя переживала тревогу. Журналисты терялись в догадках, что́ происходит за стенами виллы. Нервы всех были напряжены. Делегаты беспрерывно сновали из одного отеля в другой, разнося самые противоречивые слухи. Большинство склонялось к выводу, что советская делегация, видимо, добилась соглашения с Антантой против Германии. Немецкая делегация была подавлена. Она уже жалела о холодном приёме, оказанном Чичерину в Берлине. О растерянности немцев знали в кругу советской делегации. Поздно ночью 15 апреля из советской делегации позвонили в отель,

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 167.

где разместились германские представители. Дальнейшие события весьма живо изображает бывший английский посол в Берлине лорд д'Абернон в своей книге «Посол мира». Ему в 1926 г. рассказал о них Мальцан:

«К германской делегации в Генуе стали поступать неофициальные сведения из различных источников — от голландцев, итальянцев и от других, — что Россия пришла к соглашению с Англией и Францией, а Германия оставлена в стороне. Ратенау был в отчаянии. Все его планы рушились. Германская делегация всесторонне обсудила положение и в конечном результате решила, что в настоящий момент ничего нельзя предпринять. Отправились спать. В 2 часа ночи лакей разбудил Мальцана: „Какой-то джентльмен с очень странной фамилией желает говорить с вами по телефону", — сказал он. Это был Чичерин. Мальцан спустился в залу гостиницы в чёрном халате и вёл разговор по телефону, длившийся четверть часа. Разговор сводился к тому, что Чичерин просил немцев прийти к нему в воскресенье и обсудить возможность соглашения между Германией и Россией. Он не сказал о том, что переговоры с западными державами потерпели неудачу, но Мальцан сразу понял, что сообщения о состоявшемся соглашении между Россией и западными державами были ложны. Мальцан вообразил, что русские начнут ухаживать за немцами; поэтому он воздержался от прямого ответа и сказал, что в воскресенье трудно будет встретиться, так как германская делегация организовала пикник, а сам он должен пойти в церковь. Но после того как Чичерин дал обещание предоставить Германии право наибольшего благоприятствования, Мальцан согласился пожертвовать своими религиозными обязанностями и прийти на свидание.

В 2 часа 30 минут ночи Мальцан пришёл к Ратенау. Последний ходил взад и вперёд по комнате в пижаме, с измученным лицом и с воспалёнными глазами. Когда Мальцан вошёл, Ратенау сказал: „Вы, вероятно, принесли мне смертный приговор?" „Нет, известие совершенно противоположного характера", — ответил Мальцан и передал Ратенау всю историю. Последний сказал: „Теперь, когда я знаю истинное положение вещей, я пойду к Ллойд Джорджу, всё объясню ему и приду с ним к соглашению". Мальцан возразил: „Это будет бесчестно. Если вы это сделаете, я немедленно подаю в отставку и уйду от государственных дел". В конце концов Ратенау присоединился к мнению Мальцана и согласился — правда, не совсем охотно — встретиться в воскресенье с русской делегацией. В воскресенье утром состоялось совещание русских с немцами.

Обе стороны были упорны, и дело подвигалось вперёд медленно. Так как немцы были приглашены на завтрак, то в час дня они прервали переговоры и уехали. В это время Ллойд Джордж позвонил по телефону и сказал: „Я очень желал бы

видеть Ратенау возможно скорее; удобно ли было бы ему прийти сегодня на чай или завтра к завтраку?" Это приглашение каким-то образом сразу стало известно русским. Вследствие этого они стали более сговорчивы, и вечером того же дня рапалльское соглашение было подписано без дальнейших отсрочек» [1].

Нет сомнения, что Мальцан кое-что исказил, пытаясь представить позицию германской делегации в наиболее выгодном для неё свете и затушевать её двуличное поведение. Он скрыл, что Ратенау, ведя переговоры с Чичериным, не только поддерживал контакт с англичанами, но тайно сообщал в английскую делегацию обо всём, что говорилось с русскими. Мальцан не рассказал, как извивались немцы, то прекращая переговоры, то с отчаянием вновь бросаясь к Чичерину, который спокойно убеждал их бросить колебания. Он не поведал также и о том, как после звонка Чичерина он поднял всю германскую делегацию. Началось знаменитое «пижамное совещание», которое предшествовало заключению Рапалльского договора. Оно продолжалось до 3 часов утра. Ратенау всё ещё противился сепаратному соглашению с русскими, хотя его оппозиция и становилась всё слабее. Мальцан с энтузиазмом высказывался за переговоры. Вирт соглашался с ним. Было только одно сомнение: что скажет Берлин? Немцы в Генуе знали, что президент Эберт и социал-демократы держались западной ориентации и будут протестовать против соглашения с большевиками (позднее, в тот же день, вопрос о возражениях Эберта был урегулирован в длительной беседе по телефону).

Немцы, с соблюдением всяческих предосторожностей, пытались информировать англичан о своём решении вести переговоры с большевиками.

По Рапалльскому договору, подписанному 16 апреля 1922 г., оба правительства взаимно отказывались от возмещения военных расходов и военных, так же как и невоенных, убытков, причинённых им и их гражданам во время войны. Германия и Советская Россия обоюдно прекращали платежи за содержание военнопленных.

Германское правительство отказывалось от требования возвратить национализированную промышленность бывшим германским собственникам при условии, что Советская Россия не будет удовлетворять аналогичных претензий других государств.

Дипломатические и консульские отношения между Германией и Советской Россией немедленно возобновлялись. Оба правительства согласились применять принцип наибольшего благоприятствования при урегулировании взаимных торговых и хозяйственных отношений и благожелательно итти навстречу

---

[1] *Д'Абернон.* Посол мира. Страницы из дневника, перев. с англ., т. I, М. 1931, стр. 212—213.

обоюдным хозяйственным потребностям. Было обусловлено, что договор не затрагивает отношений договаривающихся сторон с другими государствами.

Рапалльский договор явился бомбой, разорвавшейся совершенно неожиданно на Генуэзской конференции. «Это потрясёт мир! Это сильнейший удар по конференции» [1], — воскликнул американский посол в Италии Чайльд, узнав о советско-германском соглашении.

Договор в Рапалло сорвал попытку Антанты создать единый капиталистический фронт против Советской России. Планы восстановления Европы за счёт побеждённых стран и Советской России рушились. Советская дипломатия одержала победу потому, что следовала прямым указаниям Ленина. «Надо уметь использовать противоречия и противоположности между империалистами, — говорил он. — Если бы мы этого правила не держались, мы давно, к удовольствию капиталистов, висели бы все на разных осинах» [2].

Дипломатия Антанты, надеявшаяся поставить на колени Советскую Россию, изъявшая из обсуждения проблему германских репараций как вопрос решённый, потерпела полное поражение. Напротив, обоим своим участникам Рапалльский договор принёс серьёзные политические выгоды. Договор положил конец спорным вопросам прошлого. Взамен Брест-Литовского договора, основанного на насилии, он создавал новые взаимоотношения, обеспечивавшие обоим государствам полное равенство и возможности мирного экономического сотрудничества. Три основных момента в Рапалльском договоре определили его политическое значение. То было, во-первых, взаимное аннулирование всех претензий; во-вторых, восстановление дипломатических отношений между Германией и Россией (после лимитрофов и восточных государств Германия была первой западноевропейской державой, вступившей с Советской Россией в нормальные дипломатические отношения); наконец, в-третьих, экономическое сближение России и Германии, выходивших из изоляции благодаря Рапалльскому договору. Таким образом, разрывалось кольцо экономической блокады вокруг Советской России. С другой стороны, и Германия получала возможность расширить свою торговлю.

Оценивая Рапалльский договор, ВЦИК отметил в специальном постановлении от 18 мая 1922 г., что он «приветствует русско-германский договор, заключённый в Рапалло, как единственный правильный выход из затруднений, хаоса и опасностей войны, признаёт нормальным для отношений РСФСР с капиталистическими государствами лишь такого рода до-

---

[1] *Richard Child*, A Diplomat Looks at Europe, New York 1925, p. 38.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXV, стр. 498.

говоры, поручает Совету Народных Комиссаров и НКИД вести политику в вышеуказанном духе и предписывает НКИД и СНК допускать отступления от типа Рапалльского договора лишь в тех исключительных случаях, когда эти отступления будут компенсироваться совершенно особыми выгодами для трудящихся масс РСФСР и союзных с нею республик» [1].

Антанта и Германия

Через два дня после заключения Рапалльского договора, 18 апреля 1922 г., правительства стран Антанты, Малой Антанты, а также Польши и Португалии адресовали Германии вызывающую ноту. В ней они обвиняли Германию в нелойяльности по отношению к союзникам, в нарушении каннских резолюций, в том, что немецкие представители «заключили тайно, за спиной своих коллег, договор с Россией». Державы, подписавшие ноту, подчеркнули, что после заключения особого соглашения с Россией Германия не может участвовать в обсуждении общего соглашения между прочими странами и Россией. Таким образом, Антанта фактически исключала Германию из политической комиссии Генуэзской конференции. Пресса подняла невообразимый шум вокруг Рапалльского договора. Репарационная комиссия потребовала немедленной присылки официальной копии этого документа, дабы судить, не наносит ли советско-германский договор ущерба правительствам, создавшим репарационную комиссию. Дипломаты Антанты утверждали, что Рапалльский договор нарушает ряд пунктов Версальского договора.

Напуганные поднявшимся шумом, Вирт и Ратенау посетили 19 апреля советскую делегацию. Немцы умоляли вернуть им договор ввиду протестов со стороны союзников. Немцы были в совершенной панике. Они ежеминутно связывались с Берлином, затем пытались броситься к англичанам, потом возвращались к советской делегации с настойчивым предложением отказаться от договора. Встретив категорический отказ советской делегации, немцы просили её поддержать их протест против исключения представителей Германии из политической комиссии.

21 апреля немцы ответили на ноту Антанты. Германская нота подчёркивала, что Рапалльский договор ни в какой мере не вторгается в отношения третьих держав с Россией. 23 апреля союзники послали новую ноту канцлеру Вирту. В неё, по предложению Барту, была вставлена следующая фраза: «Нижеподписавшиеся оставляют за своими правительствами полное право считать недействительными и несостоявшимися все те постановления русско-германского договора, которые будут признаны противными существующим договорам» [2].

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 190.

[2] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 313.

Новые предложения советской делегации

До сих пор советская делегация в основном отстаивала следующие предложения. Она отказалась обсуждать условия союзников, несовместимые с достоинством Советской страны. Она заявила протест против попытки рассматривать Советскую республику как побеждённую страну. Советская делегация выдвинула свои контрпретензии по возмещению огромных потерь и убытков, причинённых Советской России иностранной интервенцией. «Интервенция и блокада со стороны союзных держав, — заявлял меморандум советской делегации от 20 апреля, — и поддерживаемая ими в течение трёх лет гражданская война причинили России убытки, далеко превосходящие возможные претензии к ней со стороны иностранцев, претерпевших от русской революции».

Советское правительство предлагало полностью аннулировать военные долги. «Русский народ принёс в жертву общесоюзным военным интересам больше жизней, чем все остальные союзники вместе, — напоминал меморандум; — он понёс огромный имущественный ущерб и в результате войны потерял крупные и важные для его государственного развития территории. И после того, как остальные союзники получили по мирным договорам громадные приращения территорий, крупные контрибуции, с русского народа хотят взыскать издержки по операции, принёсшей столь богатые плоды другим державам» [1].

Советская делегация самым категорическим образом высказалась против всякого вмешательства иностранных правительств в судопроизводство или в организацию внешней торговли республики и против какой бы то ни было реституции национализированных предприятий. Желая, однако, найти почву для соглашения и восстановления деловых сношений с иностранным капиталом, советское правительство соглашалось признать за пострадавшими иностранными гражданами право на возмещение убытков. Однако непременным условием оно ставило соблюдение взаимности. Таким образом, убыткам иностранных граждан от действий и распоряжений советской власти был противопоставлен ущерб, причинённый России разорением её союзными и белогвардейскими войсками. Советское правительство не приняло не только реституции, но и обязательной сдачи национализированных предприятий в аренду прежним владельцам. Оно признало, что это нарушило бы суверенитет Российской республики.

Соглашаясь на признание довоенных долгов, советская делегация подчёркивала вместе с тем, что советское правитель-

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 135.

ство в принципе отвергает свою ответственность за обязательства царского правительства и требует отсрочки платежей на тридцать лет, и то при условии предоставления Советской стране займов.

Такова в основном была первоначальная позиция Советской России в Генуе. Но после заключения Рапалльского договора можно было и отступить от этой позиции, ибо он изменил соотношение сил. Рапалльский договор углубил противоречия в лагере империалистов. Положение осложнялось тем, что 31 мая наступал срок платежей Германией по репарациям. Англия колебалась. Ей приходилось выбирать между капитуляцией перед воинствующей Францией или соглашением с Германией и Советской Россией. Но соглашение с Россией упиралось в проблему частных претензий. В этом вопросе банковские круги Сити проявляли сугубую осторожность.

Перед советским правительством стояла задача использовать колебания Англии и попытаться дальше расколоть фронт капиталистических держав.

20 апреля Чичерин вновь вступил в переговоры с английскими представителями. Ллойд Джордж заявил, что без принятия реституции дальнейшие переговоры представляются излишними. В ответ советская делегация предложила следующую формулу по основному спорному вопросу. «Российское правительство было бы готово вступить в переговоры с бывшими владельцами национализированных промышленных предприятий о предоставлении преимущественного права на концессии в виде аренды на вышеуказанную собственность или удовлетворении их справедливых претензий каким-либо путём по взаимному соглашению».

Формула была представлена англичанам. Но те заявили, что она неприемлема. Они настаивали на включении в неё следующего общего заявления: «Россия согласна возвратить собственность там, где это возможно...» Затем должна была следовать вышеприведённая формула. Но советская делегация категорически отказалась дать требуемое заявление. Тогда представитель англичан министр Эвенс предложил вместо слов «возвратить собственность» вставить «возвратить пользование имуществом», оговорившись, что это также вряд ли будет приемлемо для Ллойд Джорджа.

Ллойд Джордж, ознакомившись с новой формулой, обещал уговорить французов и бельгийцев, хотя и признавал это сомнительным.

Чтобы предупредить обвинения в срыве конференции, советская делегация пошла на дальнейшую уступку. В тот же день советская делегация направила Ллойд Джорджу письмо, являвшееся ответом на предложения союзников, выдвинутые

на вилле Альбертис. Российская делегация сообщала, что нынешнее экономическое положение России и обстоятельства, приведшие к нему, дают России право на полное освобождение её от всех обязательств путём принятия её встречных исков. Но советская делегация готова сделать ещё шаг по пути разрешения спора: она согласилась бы принять статьи 1, 2 и 3а упомянутого предложения при условии, что, во-первых, военные долги и все проценты по ним будут аннулированы и, во-вторых, что России будет оказана достаточная финансовая помощь. Далее письмо гласило:

«Что касается статьи 3б, то, с оговоркой вышеуказанных условий, русское правительство было бы расположено вернуть прежним собственникам пользование национализированным имуществом, или же, в случае если бы это оказалось невозможным, удовлетворить законные требования прежних собственников либо путём взаимного соглашения, заключённого непосредственно с ними, либо в силу соглашений, подробности которых будут обсуждены и приняты в продолжение настоящей конференции.

Финансовая помощь со стороны других стран абсолютно необходима для экономического восстановления России; до тех же пор не представится никакой возможности взвалить на свою страну тяжесть долгов, которых она не в состоянии будет уплатить.

Русская делегация желает также ясно указать, хотя это и само собой очевидно, что русское правительство не сможет взять на себя никаких обязательств в отношении долгов своих предшественников, пока оно не будет официально признано де юре заинтересованными державами» [1].

21-го утром, по получении письма советской делегации, состоялось совещание официозного характера. В нём приняли участие все члены политической подкомиссии, за исключением России и Германии. Присутствующие выразили сомнение по поводу некоторых пунктов письма. Тем не менее председателю подкомиссии Шанцеру было поручено передать советской делегации, что её ответ может в общем служить основой для дальнейших переговоров.

Днём 21 апреля состоялось официальное заседание подкомиссии. Сообщив об утреннем совещании по поводу письма советской делегации, Шанцер предложил учредить комитет экспертов в составе одного представителя от каждой из пяти держав — инициаторов Генуэзской конференции, одного — от нейтрального государства, одного — от всех других стран, примыкающих к Антанте, и представителя России для более глубокого изучения письма советской делегации.

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 168.

Комитет экспертов собирался четыре раза. Российскую делегацию расспрашивали главным образом об организации советского судопроизводства. С 24 апреля прекратились всякие заседания.

Сотни чиновников, прибывших со своими делегациями на Генуэзскую конференцию, распространяли самые противоречивые сведения о том, что происходит за её кулисами. В ожидании признания Советской России и восстановления с ней экономических отношений в Геную слетелись представители различных финансовых и промышленных компаний. Особенное возбуждение царило в кругах нефтяных фирм, уже строивших планы захвата и использования бакинской нефти. Оба мировых треста — английский «Ройяль Детч» и американский «Стандарт Ойль» — наперебой подкупали прессу, политических деятелей и дипломатов, ловя информацию о ходе конференции и взвешивая шансы на получение бакинских концессий.

Для противодействия английскому плану овладения кавказской нефтью создался американо-франко-бельгийский нефтяной союз, лихорадочно разрабатывавший в помощь дипломатии свои проекты экономического закабаления Советской России. Во время Генуэзской конференции происходил съезд нефтяных королей всего мира. Он оказывал за кулисами огромное влияние на делегатов конференции. Представители враждующих групп скупали акции бывших русских нефтепромышленных обществ. Чтобы нанести удар своему конкуренту, «Ройяль Детч» огласил в прессе, будто бы «Стандарт Ойль» приобрёл контроль в товариществе братьев Нобель, одном из крупнейших нефтепромышленных предприятий России. Общество «Стандарт Ойль» заставило Эммануила Нобеля выступить с опровержением. Вместе с тем агенты «Стандарт Ойль» поместили в американской газете сообщение о получении председателем общества заверения от статс-секретаря Юза, что «США не потерпят никакого соглашения, которое исключало бы американский капитал от участия в русских нефтяных концессиях» [1].

В Генуе развёртывалось настоящее сражение нефтяных королей.

28 апреля советская делегация запросила, почему не созываются заседания конференции и её комиссий. Если перерыв заседаний и отсутствие ответа на письмо от 20 апреля означают, что державы берут назад своё согласие принять это письмо за базу для переговоров, то и русская делегация более не считает себя связанной письмом и возвращается к своей первоначальной точке зрения.

---

[1] *Карл Гофман,* Нефтяная политика и англо-саксонский империализм, перев. с нем., 1930, стр. 135.

Меморандум союзников

Наконец, 2 мая 1922 г. союзники представили свой меморандум. За это время в Париже Пуанкаре резко повернул вправо. Его посетили депутации от Комите де Форж и других реакционных групп, протестуя против всяких уступок России. В Париж был вызван Барту. Ему предложили занять в Генуе более твёрдую позицию. Французы приготовили свой вариант меморандума, англичане — свой; после долгой закулисной борьбы оба варианта удалось, наконец, согласовать. Препровождая союзнический меморандум советской делегации, Шанцер добавил, что французские делегаты пока воздержались от подписания этого документа. Они ожидают инструкции от своего правительства.

Во введении к меморандуму было указано, что правительства Антанты могли бы создать международный консорциум с капиталом в 20 миллионов фунтов стерлингов для финансовой помощи России. Английское правительство могло бы гарантировать товарный кредит России до 26 миллионов фунтов стерлингов и поощрить частные кредиты. Однако союзники требовали от советского правительства категорического отказа от пропаганды, якобы направленной к ниспровержению порядка и политического строя в других государствах, не обещая со своей стороны воздерживаться от антисоветской пропаганды. Далее меморандум гласил: «Русское советское правительство употребит всё своё влияние на восстановление мира (в Малой Азии. — *Ред.*) и сохранит строгий нейтралитет по отношению к воюющим сторонам». Союзники требовали признания всех долгов, кроме военных, и отказывались принять русские контрпретензии. В случае, если их снимет сама Россия, союзники готовы уменьшить свои требования по долгам.

По основному спорному вопросу о национализированной собственности меморандум требовал: «Возвратить, восстановить или, в случае невозможности, возместить потерпевшим все убытки и ущерб, понесённые вследствие конфискации или реквизиции имущества». Если прежние владельцы не могут быть восстановлены в правах, советское правительство обязано выдать им компенсацию.

Было совершенно очевидно, что меморандум отступает далеко назад от предложений, выдвинутых союзниками на вилле Альбертис. Однако и такого документа Франция не подписала.

Ввиду отказа Франции подписать меморандум заговорили о распаде Антанты.

6 мая, по возвращении из Парижа, Барту выступил с речью на банкете, данном французской печатью в честь английской прессы. Барту говорил о том, что Генуэзская конференция подходит к концу.

Многие поняли выступление Барту как сигнал об уходе Франции с конференции. Такой финал представлялся неже-

лательным для США, которые в последнее время развивали усиленную работу в Генуе, действуя через Францию. Америка решила повлиять на Англию, тем более, что американскому послу Чайльду сообщили, будто английская нефтяная компания «Ройяль Детч» уже заручилась концессией в Советской России.

Возможно, что случайно в том же ресторане, где происходил французский банкет, в тот же день американский посол Чайльд завтракал с Ллойд Джорджем. Американец заявил английскому премьеру, что курс, взятый на конференции, опасен для англо-французских добрых отношений. Между тем их необходимо сохранить. Вопрос о германских репарациях значительно более важен, чем дальнейшие переговоры с русской делегацией. Вопрос этот, не обсуждаемый на конференции, приведёт к кризису, как только для Германии наступит срок уплаты. В конце концов Чайльд заявил, что Америка поддержит линию Франции. Посол советовал отложить конференцию, избрать комиссию для обследования России и не заключать сепаратных соглашений с советским правительством. В кругах делегатов передавали, что Чайльд прямо говорил Ллойд Джорджу об участии Америки в конференции в случае ухода Франции.

8-го утром Ллойд Джордж встретился с русскими делегатами, чтобы поговорить с ними о некоторых пунктах меморандума. Пошли панические слухи, что Англия вступила в соглашение с Россией без участия Франции. Вечером того же дня Ллойд Джордж принял журналистов и заявил, что в случае удовлетворительного ответа со стороны русской делегации переговоры будут продолжаться. Ллойд Джордж добавил: «Когда я вернусь в Англию, два миллиона безработных меня спросят, что́ я для них сделал».

Немедленно после этого и Барту принял представителей прессы и выступил с примирительной речью. Чувствовалось, что он боится, как бы ответственность за срыв конференции не пала на Францию. Барту рассказал, что по приезде из Парижа имел беседу с Ллойд Джорджем. У обоих было грустное настроение. Вспомнили о совместной борьбе в войне 1914—1918 гг. Констатировали глубокие перемены с того времени, однако решили, что о распаде Антанты всё же нельзя говорить. Барту заявил: «Когда я вернусь в Париж, миллионы владельцев русских ценностей меня спросят, что́ я для них сделал». В заключение французский министр подчеркнул, что при удовлетворительном ответе русской делегации Франция не уйдёт с конференции.

11 мая советская делегация сообщила свой ответ на меморандум союзников. Прежде всего делегация протестовала против того, что из каннских условий относительно воздержания всех стран от революционной пропаганды меморандум Антанты делает одностороннее обязательство для России. Особое изу-

мление российская делегация выразила по поводу пункта о мире в Азии; именно Советская Россия и требовала пригласить Турцию на Генуэзскую конференцию, ибо присутствие турок способствовало бы скорейшему восстановлению мира в Малой Азии.

Что касается строгого нейтралитета, на котором настаивает меморандум союзников по отношению к войне в Турции, то нейтралитет этот должен быть таким, какого требуют международные договоры и международное право от всех держав.

Во всех остальных вопросах, в частности о долгах и реституции, Россия оставалась на той позиции, которая изложена была в её письме к Ллойд Джорджу. В заключение советский меморандум добавлял, что для разрешения спорных вопросов можно было бы учредить смешанную комиссию, работа которой началась бы в установленное время и в определённом по общему соглашению месте.

Заключительное заседание конференции в Генуе

Генуэзская конференция явно зашла в тупик. Но, как выразился один журналист, Ллойд Джордж заставил и труп конференции проделать сальтомортале, чтобы вывести её из безысходного положения. Подхватив последние предложения советской делегации, Ллойд Джордж предложил назначить комиссию для рассмотрения неразрешённых разногласий между советским правительством и другими правительствами. Эта комиссия должна встретиться с русской комиссией, имеющей те же полномочия. Таким образом, вместо советского предложения о смешанной комиссии Ллойд Джордж настаивал на создании двух комиссий: русской и нерусской. Предметом обсуждения этих комиссий должны были служить вопросы относительно долгов, частной собственности и кредитов. Членам обеих комиссий предлагалось прибыть в Гаагу к 26 июня 1922 г. Кроме того, чтобы ослабить впечатление от проектов советской делегации о всеобщем сокращении вооружений, Ллойд Джордж внёс предложение на время Гаагской конференции отказаться от агрессивных актов.

Это последнее предложение вызвало бурю протеста. Франция не хотела приостановить свою борьбу против Советской России и Германии. Она выдвинула такое количество оговорок, что отказ от агрессий оказывался лишённым всякого реального значения.

Япония также требовала, чтобы обязательства об отказе от агрессий не относились к территории Дальневосточной республики, где стояла японская армия.

Советская делегация заявила, что отказ от агрессий мог бы иметь серьёзное значение лишь в случае принятия советского проекта разоружения или сокращения вооружений. Английское предложение советская делегация дополнила рядом кон-

кретных требований, направленных против белогвардейских банд, которые формировались на территории Франции, Польши и Румынии. Советская делегация настаивала также, чтобы отказ от агрессий распространялся и на Японию, всё ещё державшую под ударом Дальневосточную республику.

После долгих дискуссий было принято соглашение, по которому договор о воздержании от актов нападения предусматривал соблюдение status quo и должен был оставаться в силе в течение четырёхмесячного периода после окончания работ комиссий.

19 мая состоялось последнее пленарное заседание Генуэзской конференции. Была утверждена резолюция о продолжении её работы уже в Гааге. Закрывая конференцию, Ллойд Джордж произнёс речь, в которой пытался доказать, что конференция всё же достигла некоторых успехов; во всяком случае она подтвердила ценность подобных международных совещаний. Особо остановился Ллойд Джордж на позиции России. «Я говорю о меморандуме от 11 мая, — говорил Ллойд Джордж, — Россия нуждается в помощи. Европа и мир нуждаются в продуктах, которые может дать Россия. Россия нуждается в накопленном богатстве и знании, которые мир может предоставить в её распоряжение для её восстановления. Россия в течение целого поколения не сможет возродиться без этой помощи» [1].

Представители других стран также пытались уверить, что Генуэзская конференция дала какие-то результаты. Барту отметил не без юмора, что все ожидали «речей о разрыве»; к счастью, оказалось возможным произносить «заключительные речи».

Советский представитель откровенно говорил о неудаче конференции. Он подчеркнул, что так называемая русская проблема может быть разрешена только при том условии, если все заинтересованные правительства будут рассматривать Советскую страну с точки зрения равноправия, независимо от различия систем собственности. Чичерин выразил пожелание, чтобы этот принцип был признан всеми теми, кто намерен продолжать дискуссию в Гааге. Заставить русский народ принять противоположную теорию так же мало удастся дипломатам, как не удалось это сделать белогвардейцам.

Представитель советской делегации закончил свою речь следующими словами: «Русский народ глубоко жаждет мира и сотрудничества с другими нациями, но — я вряд ли должен добавить — на основе полного равенства» [2].

---

[1] «Материалы Генуэзской конференции», стр. 445.
[2] Там же, стр. 452.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ГААГА (1922 г.)

Накануне конференции

На последнем пленуме Генуэзской конференции Барту заявил от имени французской делегации, что будет рекомендовать своему правительству утвердить резолюцию о созыве конференции в Гааге. Однако французское правительство официально не подкрепило заявления своего представителя. Никто не знал, пойдёт Франция в Гаагу или нет. Более того, французская дипломатия сделала всё возможное, чтобы помешать созыву Гаагской конференции. 2 июня Пуанкаре препроводил США и всем союзным правительствам меморандум, в котором настаивал на том, чтобы Гаагская конференция носила совещательный характер и состояла не из полномочных представителей государств, а только из экспертов. Помимо этого, французский премьер требовал, чтобы эксперты союзных правительств предварительно выработали программу совместных выступлений. «В программу Гаагской конференции, — гласил меморандум, — необходимо включить самый подробный и ясно составленный план тех условий, которые Россия должна предварительно принять и относительно которых все державы должны сговориться, прежде чем они будут предъявлены русскому правительству» [1].

В других пунктах Пуанкаре настаивал, чтобы Россия отказалась от своего меморандума от 11 мая, являющегося, по его мнению, «в сущности, требованием капитуляции Европы перед советским строем».

С точки зрения французского премьера, конференция должна была бы ограничиться обсуждением только трёх сторон русской проблемы: вопросов о долгах, о частной собственности и кредитах. Советское правительство обязано признать все военные и довоенные долги. Правда, такое признание не будет означать для него немедленной уплаты. Что касается кредитов,

[1] «Правда» № 125 от 8 июня 1922 г.

то они могут быть предоставлены советскому правительству исключительно на восстановление сельского хозяйства. В заключение Пуанкаре настаивал на возвращении бывшим собственникам национализированных иностранных предприятий в России.

Вся пресса оживлённо комментировала новый французский меморандум. Некоторые английские газеты заявляли, что Пуанкаре не имеет права предрешать ход Гаагской конференции. Кое-кто недвусмысленно давал понять, что в крайнем случае совещание это может состояться и без участия Франции. Французские газеты в основном отстаивали точку зрения Пуанкаре.

11 июня Англия ответила на французский меморандум. Английское правительство соглашалось с Пуанкаре, что Гаагская конференция должна быть только совещанием экспертов. Однако предварительное определение единой линии Англия признавала нецелесообразным. Возражало британское правительство и против предложения, чтобы Россия взяла назад свой меморандум от 11 мая. Английский меморандум напоминал, что на заключительном пленарном заседании все делегации приняли предложение о созыве Гаагской конференции; этим решением советский меморандум от 11 мая уже был как бы аннулирован.

По вопросу о частной собственности английское правительство высказалось против точки зрения Пуанкаре, усматривая в ней противоречие первому пункту каннских резолюций. «Вернёт ли российское правительство бывшим собственникам конфискованные имущества или даст ли оно им возмещение, — это вопрос, исключительно подлежащий его ведению. Навязывать российскому правительству какой бы то ни было принцип было бы, по мнению англичан, равносильным нарушению права, на что никогда не согласилось бы никакое суверенное государство»[1].

Далее английский меморандум настаивал на организации совещаний о совместной работе с представителями России, если от Гаагской конференции хотят добиться каких-либо практических результатов. В заключение английское правительство выражало пожелание, чтобы ни одно государство не заключало каких-либо сепаратных соглашений с Россией.

Британская нота немедленно вызвала ответ Франции. Отметив с удовлетворением, что британский кабинет признаёт Гаагскую конференцию совещательным органом, в котором будут участвовать только эксперты, французская дипломатия продолжала настаивать на выработке предварительного соглашения. «В настоящее время, — указывала французская нота, —

[1] «Гаагская конференция». Полный стенографический отчёт, изд. НКИД, М. 1922, стр. 72.

к сожалению, выяснилось, что общего согласия не существует. Генуя обнаружила глубокие разногласия между державами по многим важным вопросам. Благоразумно ли будет с нашей стороны предстать разъединёнными и без определённого плана перед советскими делегатами, которые показали в Генуе такое умение пользоваться малейшими разногласиями между союзниками» [1].

Ответ Франции заканчивался заявлением, что без предварительного соглашения держав Гаагская конференция рискует потерпеть такую же неудачу, какая постигла конференцию в Генуе.

После такого ответа вся французская пресса заговорила, что Франция, видимо, не пошлёт в Гаагу своих представителей; в крайнем случае Франция будет присутствовать на конференции в качестве «наблюдателя».

Вопрос о Гааге повис в воздухе, но не надолго: общее положение в Европе было настолько напряжённым, так много было нерешённых вопросов и в Малой Азии и в Германии, что руководители Антанты вынуждены были пойти на соглашение. 19 июня в Лондоне состоялась встреча Ллойд Джорджа с Пуанкаре на «политическом завтраке», на котором присутствовали Бальфур и Роберт Хорн. На следующий день было опубликовано полуофициальное сообщение о том, что между британскими министрами и Пуанкаре состоялось полное соглашение о сотрудничестве в работах Гаагской конференции. Оба премьера признали, что задача собравшихся в Гааге экспертов заключается в совместном с русскими обсуждении практических способов разрешения таких проблем, как долги, частная собственность и кредиты. Эксперты должны представить своим правительствам доклады о возможности заключить удовлетворительное соглашение с Россией. Однако и после этого правительства оставляют за собой право действовать по собственному усмотрению.

Скоро выяснилось, что «в меню» политического завтрака 19 июня стоял не только русский вопрос. Пресса сообщала, что в беседе были затронуты также вопросы о репарациях, о Танжере и Ближнем Востоке. По вопросу о репарациях было признано, что репарационная комиссия должна определить фактическое положение германских финансов и выяснить, может ли Германия с помощью иностранного займа сбалансировать свой бюджет и восстановить валюту. После этого в Лондоне состоятся дальнейшие переговоры между правительствами. Вопрос о Танжере решено было обсудить на конференции представителей французского, испанского и британского правительств в конце июля в Лондоне. По ближневосточному вопросу было

[1] «Правда» № 131 от 15 июня 1922 г.

постановлено, что правительства должны спешно назначить комиссию для выяснения действительного положения вещей и также обсудить вопрос на июльской конференции в Лондоне.

Русский вопрос был только одной из фигур на шахматной доске английской и французской дипломатии. На сей раз Англия как будто отдавала эту фигуру Франции.

Мирный шаг Советской страны

В разгар этой дипломатической подготовки выступила Советская страна с новым предложением, ведущим к укреплению мира. 12 июня советское правительство обратилось к Латвийской, Польской, Финляндской и Эстонской республикам с нотой, в которой указывало, что Генуэзская конференция уклонилась от обсуждения важнейшего вопроса — всеобщего разоружения. Верное мирной политике, нашедшей своё выражение и в протоколе Рижской конференции от 30 марта, советское правительство «решило обратиться к правительствам Латвийской, Польской, Финляндской и Эстонской республик с предложением делегировать своих полномочных представителей на конференцию для совместного обсуждения с представителями России вопроса о пропорциональном сокращении вооружённых сил представляемых ими стран» [1].

Советское правительство, имея в виду Румынию, заявляло, что готово вступить в переговоры и с теми соседними странами, с которыми у него имеются ещё неурегулированные территориальные и иные вопросы.

Предложение советского правительства о частичном разоружении осталось без ответа. Зависимые от Антанты страны ждали указания от хозяев, — а те послали своих делегатов в Гаагу.

Гаагская конференция (15 июня—20 июля 1922 г.)

Конференция, как это было задумано ещё в Генуе, разделилась на две комиссии — на русскую и нерусскую. Во вторую комиссию входили все делегаты представленных в Генуе стран, но без советских делегатов. Уже это разделение свидетельствовало, что против Советской страны будет создан единый фронт. Это подчёркивалось и тем, что нерусская комиссия собралась в Гааге на 10 дней раньше русской: совещание делегатов нерусской комиссии открылось 15 июня.

Английские и французские дипломаты, повидимому, полагали, что в Генуе, где собрания были открытыми, советские представители произносили свои речи главным образом для широкой публики. В Гааге те же представители усядутся за столом рядом с экспертами, вдали от публики. Союзная дипломатия рассчитывала, что большевики оставят свои декларации и

---

[1] «Правда» № 130 от 14 июня 1922 г.

начнут по-деловому договариваться по каждому вопросу. Совещания делегатов нерусской комиссии были объявлены закрытыми. Пресса на них не допускалась. Делегаты под руководством французских представителей усердно разрабатывали предварительные условия для предъявления Советской стране.

Советская делегация прибыла в Гаагу 26 июня. Немедленно по приезде она была приглашена во Дворец мира, к председателю конференции министру иностранных дел Голландии Патэну. Последний сообщил, что Гаагская конференция будет состоять из трёх подкомиссий: по частной собственности, долгам и кредитам. Патэн предложил советской делегации в свою очередь разделиться на три группы для представительства во всех подкомиссиях. На это последовал ответ, что советская делегация не считает для себя обязательной процедуру, принятую без её участия; поэтому она будет присутствовать во всех комиссиях в полном составе. Чтобы подчеркнуть, что советская делегация ставит всю работу комиссий в зависимость от решения вопроса о кредитах, она предложила созвать третью подкомиссию (о кредитах) в первую очередь. Патэн согласился. В тот же день советская делегация приняла журналистов, которым в продолжение 10 дней все остальные делегации отказывали в какой бы то ни было информации. Журналисты попросили прежде всего осведомить их о состоянии здоровья Ленина, ибо за границей белогвардейцы распространяли фальшивые бюллетени о его болезни.

27 июня советская делегация обратилась к председателю нерусской комиссии с запросом, согласились ли Франция, Бельгия и Норвегия принять резолюцию Генуэзской конференции по созыву Гаагской комиссии и участвуют ли они в нерусской комиссии на основаниях, одинаковых с прочими государствами.

Запрос вызвал замешательство. В течение нескольких дней не было ответа. Делегации, видимо, запрашивали свои правительства. Только 5 июля Патэн сообщил, что Франция, Бельгия и Норвегия принимают участие в комиссиях на совершенно равных с прочими государствами основаниях.

27 июня состоялось первое заседание подкомиссии о кредитах. Председатель подкомиссии заявил, что в Гааге эксперты присутствуют лишь для изучения вопросов, но не для вынесения каких-либо решений. Затем председатель запросил от российской делегации сведения о кредитах, необходимых для реконструкции России. Та же процедура повторилась и во второй подкомиссии — по долгам: председатель подкомиссии сделал ту же оговорку о необязательности решений Гаагской конференции, а затем предложил советской делегации представить сообщение о бюджете и финансовых мероприятиях России. Не отказываясь представить просимую информацию, советская делегация

осведомилась, почему принят такой порядок. Застигнутый врасплох этим вопросом, председатель проговорился: он объяснил, что нельзя говорить о мораториуме, т. е. об отсрочке уплаты долгов, не зная финансового положения России. Советская делегация немедленно воспользовалась этой оплошностью: она тут же предложила включить вопрос о мораториуме в порядок дня. Председатель делегации, поняв, что допустил промах, попытался было исправить ошибку. Но сделано это было весьма неловко: он не нашёл ничего лучшего, как заявить, что вопрос о мораториуме вообще не ставится.

В третьей подкомиссии — о частной собственности — всё повторилось по той же программе: сначала председатель подкомиссии заявил о том, что в Гаагу съехались только эксперты, затем он потребовал сведений о том, какие предприятия советское правительство может сдать в концессию.

Советская делегация считала — таково было и общее мнение Генуэзской конференции, — что Гаага является продолжением Генуи: Гаагская конференция начнёт с того, чем кончила Генуэзская. В Генуе советское правительство, при условии получения кредитов для восстановления расстроенного интервенцией и блокадой народного хозяйства и отказа империалистических стран от требований военных долгов, согласилось:

1) отказаться от контрпретензий за ущерб, причинённый интервенцией и блокадой,

2) признать довоенные долги без процентов,

3) удовлетворить иностранных владельцев национализированных в России предприятий путём предоставления им концессий на их прежние или другие предприятия. Поэтому в Гааге, в ответ на просьбу предоставить информацию, советская делегация сообщила прежде всего, что ей необходим кредит в 3 224 миллиона золотых рублей, точно указав, для каких отраслей промышленности это требуется. На вопрос, какие предприятия предполагается сдать в концессию, советская делегация также представила подробно разработанный список предприятий. Но скоро выяснилось, что эксперты по-своему понимают свою задачу. Они начали с того же, что уже сорвалось на первой конференции: с попытки заставить Советскую Россию признать все долги и полностью вернуть национализированные предприятия прежним владельцам.

Советская делегация подготовила ответы на все вопросы и представила их на следующих заседаниях подкомиссий. Тогда на неё посыпался ряд новых вопросов: какие власти, центральные или местные, ответственны по вопросам транспорта; с кем, в случае соглашения о кредитах, таковое может быть заключено; какие преимущества предполагает советское правительство предоставить иностранным держателям акций и облигаций определённых железнодорожных линий при эксплоатации этих

последних? С удовлетворением приняв заявление русской делегации о восстановлении свободы внутренней торговли, участники подкомиссий просили разъяснений, касающихся внешней торговли. По получении ответов на заданные вопросы члены подкомиссий снова требовали дополнительных данных.

Советская делегация со своей стороны также потребовала информации. В подкомиссии о долгах она просила представить ей статистические данные о русских долгах по отдельным странам и отдельным категориям, в подкомиссии частной собственности — добивалась сведений о сумме иностранных убытков по отдельным странам и т. д. Но в то время как советская делегация представляла свои ответы с аккуратностью и точностью, поражавшими участников конференции, подкомиссии оставляли без ответа большинство вопросов советской делегации. В подкомиссиях заявляли, что советские вопросы преждевременны, что они потребуют много времени на подготовку материалов и т. д. Особый переполох вызвали вопросы советской делегации о социальном положении каждого кредитора и его ежегодном доходе.

Делегаты Гаагской конференции и слышать не хотели о каких-то уступках, которых добилась советская делегация в Генуе. На прямые вопросы советских экспертов, будут ли России даны кредиты, кредитная подкомиссия в конце концов заявила, что никакие правительственные кредиты или правительственные гарантии частных кредитов советскому правительству предоставлены не будут.

Подкомиссия частной собственности в ответ на заявление советской делегации, что вопрос о возмещении потерь иностранцев может быть решён только при получении кредитов, заявила, что кредиты её не касаются, ибо являются компетенцией другой подкомиссии. Что же касается частной собственности, то подкомиссия требовала безусловного признания реституции национализированной собственности или безусловной же реальной компенсации. При этом председатель подкомиссии Ллойд-Гримм разъяснил, что, по мнению подкомиссии, никакой реальной компенсации, кроме реституции, быть не может.

В ответ на заявление Ллойд-Гримма советский представитель процитировал то место из английского меморандума от 11 июня, в котором английское правительство отказывалось навязывать Советской России ту или иную форму компенсации за конфискованное имущество, считая этот вопрос подлежащим исключительно ведению советского правительства.

Цитируя это место из английского меморандума, советский представитель спрашивал присутствующих, может ли кто-нибудь заключить отсюда, что британское правительство настаивает на реституции.

На это Ллойд-Гримм ответил краткой репликой:

«Российскую делегацию просили заявить, в какой форме будет дана компенсация, и она отказалась ответить на этот вопрос. Пусть же факты говорят сами за себя» [1].

Выступление Ллойд-Гримма было неожиданным для самих членов подкомиссии: представитель английской делегации сошёл с точки зрения английского правительства, которое не настаивало на реституции ни в Генуе, ни в своём ответе от 11 июня на меморандум Пуанкаре. Любопытнее всего было то, что сам Ллойд-Гримм был в Генуе; там как представитель английского правительства он подписывал документы, в которых ни единым словом не упоминалась реституция.

Ясно было, что вопросы решались не в подкомиссиях. Они решались за кулисами конференции, в переговорах с бывшими владельцами национализированных предприятий, нахлынувшими в Гаагу. Это подтверждалось и составом представителей. Председателем французской делегации был Альфан, директор департамента государственных имуществ Франции. Он же состоял директором Бюро защиты частной собственности французских граждан в России. В составе французской делегации был Шевилье, крупный владелец фабрик в России, соучастник французского посла Нуланса в деле организации интервенции. В английскую делегацию входил крупный капиталист Лесли Уркварт, бывший директор правления Русско-Азиатского банка и бывший владелец Кыштымских и Ленских рудников. От Бельгии присутствовали Каттье, директор банка, имевший дело с русскими промышленными бумагами, и Витмер, генеральный секретарь Комитета защиты частной собственности бельгийских граждан в России. Польша была представлена Ястржембским, бывшим директором Русско-Азиатского банка. Японию представляли директор банка в Токио, владелец русских бумаг Ямманучи и директор банка в Иокогаме, имевший интересы в сибирских делах, Окубо. От Дании присутствовали председатель Общества защиты датских претензий в России Андерсен и секретарь того же общества Петерсен.

Эти представители всячески извращали позицию советской делегации. С их слов пресса писала, что советское правительство требует больше 3 миллиардов золотых рублей наличными и притом с немедленным переводом в кассу правительства. Тщетно советская делегация разъясняла, что речь идёт не о наличных деньгах, а о кредитах товарами и притом с рассрочкой на три года.

В прессе ссылались на какое-то мифическое заявление Красина, якобы обещавшего Ллойд Джорджу в Генуе сдать в кон-

---

[1] «Гаагская конференция». Полный стенографический отчёт, стр. 73.

цессию почти 90% прежних предприятий. Красин официально опроверг приписываемое ему заявление.

Но особым влиянием на конференции пользовались представители нефтяных компаний. В Гааге их было ещё больше, чем в Генуе. Притом, в отличие от Генуи, в Гаагу прибыли наиболее видные руководители нефтяных обществ. Приехал председатель компании «Ройяль Детч» Генри Детердинг. Явились представители «Стандарт Ойль». Присутствовали в Гааге и вице-президент и секретарь франко-бельгийского синдиката. Это объединение состояло из тех компаний и групп, которые скупили акции кавказских нефтяных промыслов после их национализации советской властью. Синдикат был задуман ещё в Генуе официальным представителем французского правительства Лоран-Эйнаком, который так определил его задачи: 1) защита прав, приобретённых до войны, а равно и прав, приобретённых от бывших собственников вплоть до 1918 г., и 2) совместная эксплоатация нефтяных месторождений, принадлежащих гражданам Франции и Бельгии.

В день открытия Гаагской конференции, 15 июня, в Париже состоялось учредительное собрание франко-бельгийского синдиката. Собрание постановило послать делегатов в Гаагу в качестве советников «по делам советского правительства» при французских и бельгийских экспертах.

В Гааге франко-бельгийский синдикат вступил в переговоры с Генри Детердингом и другими представителями компании «Ройяль Детч Шелл».

«Можно подумать, — писали авторы книги «Нефтяные тресты и англо-американские отношения», — что настоящей Гаагской конференцией было именно это совещание».

Нефтяные дельцы, видимо, договорились выступать единым фронтом. Во всяком случае, когда советская делегация огласила условия, на которых частные капиталисты могут получить концессии, а также самый список этих концессий, в том числе и на некоторое число нефтяных промыслов, англичане, французы, бельгийцы выступили в прессе единодушно против советского предложения. Впрочем, такое единодушие выдержано было недолго: скоро начались частные переговоры. Советская делегация была приглашена к итальянскому представителю Авеццано, а затем к английскому — Ллойд-Гримму. Её посещали и представители малых держав. Пришли поляки и рассказали, между прочим, что Румыния почему-то не получила советской ноты о разоружении. Явился в советскую делегацию с визитом и сам румынский представитель. Ему было передано официальное предложение о разоружении. Посетители рассказывали, что экспертов поразил список сдаваемых в концессию предприятий: там оказалось мало предприятий, принадлежавших иностранцам, особенно французам и бельгийцам.

В частных беседах выяснилось, что никаких кредитов ни одно государство предоставить советскому правительству не желает. Речь могла итти максимум о 25 миллионах фунтов стерлингов, которыми английское правительство располагало в силу уже проведённых законов. Но и в этом случае предстояли серьёзные затруднения.

Советскую делегацию запрашивали, является ли представленный список концессий окончательным и соглашается ли российское правительство вернуть иностранцам их собственность в той или иной форме. Советская делегация ответила, что список концессий может быть расширен, что же касается частной собственности, то ни о каких реституциях речи быть не может. Однако советская делегация готова в каждом конкретном случае обсуждать вопрос о той или иной форме компенсации.

Срыв Гаагской конференции

Вопрос о возвращении частной собственности и явился причиной разрыва. Гаагская конференция зашла, как и Генуэзская, в тупик. Это признал и председатель французской делегации на заседании подкомиссии частной собственности в отсутствии русских делегатов. «Гаагский опыт, — говорил он, — показал невозможность, по вине Советов, прийти к благоприятным результатам. Представители Советов во всех своих выступлениях утверждали принципы и доктрины, несовместимые с принципами, существующими во всём остальном мире. При наличии этих обстоятельств французская делегация просит другие делегации принять во внимание настоящее положение и подтвердить свою солидарность. Продолжение гаагских дебатов является бесполезным. Однако, если некоторые делегации имеют ещё какие-нибудь вопросы к представителям Советов, французская делегация ничего не имеет против того, чтобы состоялась ещё одна встреча с представителями Москвы» [1].

15 июля Патэн сообщил советской делегации письмом, что председатель третьей подкомиссии от имени членов всех трёх подкомиссий признал бесполезным продолжать переговоры. Однако, если советская делегация выдвинет какое-нибудь новое предложение, двери конференции остаются открытыми. Услужливая пресса разъяснила, что таким «новым предложением» должно быть согласие советской делегации обсудить вопрос о компенсации за национализированную частную собственность.

Инициаторы Гааги явно вели дело к срыву, пытаясь при этом вину за неудачу конференции свалить на советскую делегацию. Допустить этого было нельзя. 16 июля советская делегация обратилась с письмом к Патэну, где изъявила готовность пойти на обсуждение конкретных форм компенсации бывших

[1] *Б. Штейн*, Гаагская конференция, Гиз, М. 1922, стр. 31—32.

собственников-иностранцев, если нерусская комиссия одновременно приступит к обсуждению конкретных предложений о предоставлении Советской России кредитов. Советская делегация просила созвать президиум Гаагской конференции совместно с русскими делегатами для обсуждения вопросов дальнейшей работы.

В нерусской комиссии наметился было раскол. Французы отказывались принять участие в переговорах; другие делегаты, в том числе англичане, стояли за их продолжение. Точка зрения французов победила. Патэн ответил советской делегации, что совместное совещание созвано не будет; советская делегация должна явиться в подкомиссию частной собственности, но лишь затем, чтобы говорить о новых уступках и притом вне всякой связи с кредитами.

Советская делегация категорически отказалась принять это предложение. Она настаивала на созыве пленума конференции, который ещё ни разу не собирался. Предложение это было принято. Сообщая о согласии созвать пленум на 19 июля, Патэн подчеркнул, что заседание состоится лишь для того, чтобы заслушать новые советские предложения. Таким образом, отказываясь от всяких уступок, эксперты в Гааге требовали их лишь от советской делегации.

На пленуме конференции, состоявшемся 19 июля, глава советской делегации сформулировал следующее предложение: советское правительство признаёт в принципе свою обязанность уплатить довоенные долги и реально вознаградить тех иностранцев, бывших собственников в России, которые не получат удовлетворения в форме концессий, партиципации (т. е. участия в смешанных предприятиях) и т. д. При этом оно обязуется в течение двухлетнего срока прийти с заинтересованными лицами к соглашению о порядке уплаты долгов и вознаграждения.

Советский представитель подчеркнул, что не вносит никаких новых предложений, а лишь пробует уточнить позиции обеих сторон. Если делегаты конференции, не имея ещё полномочий на предъявление определённых требований, запросят свои правительства об отношении их к его формулировке, то и советская делегация в свою очередь готова запросить указаний советского правительства. Само собой разумеется, что делегация предпримет этот шаг лишь в том случае, если советское правительство будет признано де юре, ибо это обстоятельство облегчит возможность получения кредитов от частных лиц и групп.

Таким образом, советская делегация выражала готовность запросить своё правительство, согласно ли оно продолжать переговоры на новых условиях, а именно — отказавшись от требования немедленного предоставления кредитов.

Председатель английской делегации немедленно заявил, что предложение советской делегации вполне отвечает видам английского правительства. На этом пленум закончился.

В тот же день состоялось заседание нерусской комиссии. После продолжительных прений комиссия вынесла резолюцию, в которой отказывалась заявить о своём согласии с советским предложением и запросить свои правительства. Это означало, что комиссия фактически отказалась продолжать конференцию. Однако, для того чтобы смягчить решение о разрыве, нерусская комиссия отметила, что если советское правительство примет предложение, которое ему будет рекомендовано российской делегацией, то этим будет создана благоприятная обстановка для соглашения.

Неожиданное закрытие Гаагской конференции, несмотря на согласие советской делегации пойти на дальнейшие уступки, объяснялось влиянием закулисных сил, главным же образом нефтяных королей. Генри Детердинг выдвинул идею создания единого консорциума, который целиком взял бы все нефтяные концессии в России. Детердинг предложил франко-бельгийскому синдикату принять участие в этой концессии. У Детердинга при этом был двойной расчёт. Создавая единую англо-франко-бельгийскую компанию, «Ройяль Детч» устранял часть конкурентов в борьбе за концессии на русские нефтяные источники. С другой стороны, вовлекая в единую нефтяную компанию французов и бельгийцев, таскавших в Генуе каштаны из огня для американского нефтяного общества «Стандарт Ойль», Детердинг тем самым ослаблял американского соперника и переманивал к себе его оруженосцев. Однако французы и бельгийцы колебались. Они всё время оглядывались на представителей «Стандарт Ойль».

После длительных переговоров французы из франко-бельгийского синдиката начали сдаваться и решили было пойти на соглашение с Детердингом. Но тут решительно вмешались представители «Стандарт Ойль». Делегат Бельгии на Гаагской конференции Каттье неоднократно посещал американского посла в Гааге. 20 июля Каттье внёс на конференцию следующую резолюцию:

«Конференция обращает внимание всех представленных здесь правительств на желательность того, чтобы все правительства не поддерживали своих подданных в их попытках приобрести в России имущество, ранее принадлежавшее иностранным подданным и конфискованное после 7 ноября 1917 г., без согласия их иностранных владельцев или концессионеров, при условии, чтобы всеми правительствами, принимавшими участие в Гаагской конференции, было на это обращено внимание всех не представленных здесь правительств и чтобы никакое реше-

ние не принималось иначе, как совместно с этими правительствами» [1].

Предлагая свою резолюцию, Каттье добавил, что правительство США, не представленное на конференции, одобряет резолюцию и поручило ему сделать об этом официальное заявление. Резолюция была принята. Таким образом, маневр Детердинга был сорван американской компанией «Стандарт Ойль» с помощью франко-бельгийских делегатов Гаагской конференции.

Из Гаагской конференции империалисты не вынесли никаких положительных результатов: единый противосоветский блок создать не удалось.

И Генуя и Гаага показали, что в капиталистическом мире шла борьба двух течений: одно стремилось создать единый фронт против Советской страны, другое разрывало этот фронт. Чем успешнее шло в Советской стране строительство нового общества, чем сильнее становилось его влияние на остальной мир, тем упорнее стремились капиталистические державы образовать единый антисоветский лагерь. Но тот же рост и укрепление Советского государства усиливали противоречия в капиталистическом лагере. Некоторые из капиталистических государств считали более благоразумным не итти на столкновение с могучей Страной Советов, а искать с ней сближения. Активная политика советской власти усиливала эту тенденцию, раскалывая единый фронт империалистов.

[1] «Гаагская конференция». Полный стенографический отчёт, стр. 200.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

УГЛУБЛЕНИЕ ПРОТИВОРЕЧИЙ ВЕРСАЛЬСКОЙ СИСТЕМЫ. ОТМЕНА СЕВРСКОГО ДОГОВОРА (1921—1923 гг.)

Ликвидация японской интервенции на Дальнем Востоке

Многочисленные конференции и соглашения, дополнявшие отдельные звенья версальско-вашингтонской системы, не обеспечивали её устойчивости. Противоречия между державами-победительницами, между победителями и побеждёнными, между миром капитализма и миром социализма подтачивали её основы. Центробежные силы разрывали оковы, наложенные после войны на слабейшие государства, на народы колоний и зависимых стран. На Ближнем Востоке продолжалась война. Кончились разрывом переговоры в Генуе и Гааге. Рапалльский договор пробил брешь в антисоветском блоке империалистических держав. Разрешить дипломатическим путём в своих интересах русский вопрос им не удавалось.

К осени 1922 г. обострилось положение и на Дальнем Востоке. После Вашингтонской конференции, где Япония заявила о своём уходе из Сибири, она отнюдь не торопилась начинать эвакуацию. Сорвав в апреле 1922 г. Дайренскую конференцию и бросив против Советской России белогвардейских наёмников, японцы, тем не менее, не отказались от попыток дипломатического нажима на Советскую Россию. Вечером 4 сентября 1922 г., в здании японского консульства в маньчжурском городе Чаньчунь, открылись — в третий раз за последний год — переговоры между Японией и ДВР, делегация которой представляла также интересы и РСФСР. Японские представители настаивали на заключении договора только между Японией и ДВР. Встретив решительное сопротивление, они в конце концов согласились заключить договор с обоими государствами, но только по тем вопросам, которые касались Дальневосточной республики. В дальнейшем японцы обещали приступить к обсуждению особых торговых соглашений и с РСФСР. Однако делегация ДВР отклонила такое предложение.

Переговоры тянулись. Япония явно выжидала развития нового наступления белогвардейцев. Но открыто сорвать переговоры она не решалась. На одном из заседаний русские представители, потеряв терпение после безуспешных попыток определить предмет переговоров, поднялись с места и направились было к выходу. Председатель японской делегации Мацудайра поспешил предупредить скандал. Он стал заверять русских делегатов, что эвакуация японских войск из Сибири — вопрос решённый.

Но и после этого японская делегация выискивала всяческие предлоги для того, чтобы тянуть переговоры. После напрасных попыток противопоставить интересы ДВР и РСФСР японцы снова вытащили свой старый проект Дайренского договора: они предложили подписать его без обсуждения. Делегация ДВР возразила, что дайренский проект был уже отвергнут; кроме того, очевидно, что РСФСР не имеет к нему ровно никакого отношения.

Тогда японцы вновь выдвинули на сцену «николаевский инцидент». Они заявили, что пока он не будет урегулирован, Япония, даже эвакуировав свои силы из Приморья, будет продолжать оккупацию Северного Сахалина. Делегация ДВР категорически возражала против попыток связать эти два вопроса. 23 сентября переговоры были временно прерваны. По их возобновлении японцы повторили своё заявление относительно оккупации Северного Сахалина. В ответ на это делегация ДВР предложила обсудить, наконец, «николаевские события» по существу. Японцы попали в затруднительное положение: они прекрасно знали, что при первой же попытке серьёзно расследовать этот вопрос немедленно установлен будет провокационный характер «николаевского инцидента». Мацудайра заявил, что Япония не может входить в детали «николаевских событий»: дело в том, что правительства РСФСР и ДВР не признаны Японией. Русской делегации оставалось только развести руками: ведь отсутствие признания не мешало до сих пор японским представителям обсуждать с ней целый ряд других вопросов. 26 сентября переговоры были прерваны в третий раз.

9 октября Народно-революционная армия нанесла под Спасском сокрушительный удар белогвардейцам. Остатки разбитых банд в панике отступали к Владивостоку. Опасаясь столкновения с Народно-революционной армией, японские войска покинули город. 25 октября 1922 г. революционная армия вступила во Владивосток. Трудящимися Дальнего Востока в ноябре 1922 г. было постановлено влить ДВР в состав Советской республики как её нераздельную часть.

Оценивая дальневосточную победу, Владимир Ильич отметил заслугу советской дипломатии в этом успехе.

«Прежде всего, — говорил Ленин, — необходимо, конечно, направить наше приветствие нашей Красной армии, которая на-днях оказала ещё раз свою доблесть и, взявши Владивосток, очистила всю территорию последней из республик, связанных с советской республикой... Но вместе с тем мы должны также сказать, чтобы сразу же не впасть в тон чрезмерного самохвальства, что здесь сыграли роль не только подвиг Красной армии и сила её, а и международная обстановка и наша дипломатия.

Было время, когда Япония и Соединённые Штаты подписывали соглашения о поддержке Колчака. Это время ушло так далеко, что многие из нас, пожалуй, о нём совсем и забыли. Но оно было. И если мы добились того, что подобное соглашение уже невозможно, что японцы, несмотря на всю их военную силу, объявили о своём уходе и выполнили это обещание, то тут, конечно, есть заслуга и нашей дипломатии» [1].

Ближневосточный кризис

Незадолго до взятия Владивостока советское правительство сделало попытку ослабить напряжённое положение и на Ближнем Востоке. 24 сентября 1922 г. Наркоминдел предложил Англии, Франции, Италии, Югославии, Болгарии, Румынии, Греции и Египту созвать конференцию всех стран, в первую очередь черноморских, заинтересованных в урегулировании ближневосточного кризиса.

Предложение советского правительства не встретило поддержки крупных держав. Они рассчитывали иными путями разрешить в своих интересах ближневосточные вопросы. В частности некоторые влиятельные группы в Англии уже давно стремились к созданию так называемой английской средневосточной империи. Это означало бы соединение всех африканских колоний Англии с Палестиной, Аравией, Сирией, Месопотамией и Индией. Образование такой империи должно было бы чрезвычайно усилить позиции Англии в Средиземном море и в Средней Азии. Разгром Турции в 1918 г. и получение Англией в 1920 г. мандатов на Палестину и Месопотамию, казалось, открывали путь к осуществлению английского замысла. Однако преградой перед ним встала возрождающаяся Турция. Только разгром кемалистского движения мог привести к созданию британской средневосточной империи.

Подавить сопротивление Турции можно было бы с помощью Франции и Италии. Но обе державы, несомненно, потребовали бы за это серьёзных компенсаций; английской дипломатии больше улыбалась мысль о возможности бить Турцию руками греков. Но и здесь возникало опасение, что победа греков может толкнуть турок на сближение с Советской Россией. По-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 317.

этому английскими политиками выдвигался и другой план: путём дипломатического соглашения с Турцией превратить её в сторожа владений, отошедших от неё к Англии, и в барьер против Советской России.

К августу 1922 г. силы греков ещё не были сломлены, несмотря на ряд поражений, нанесённых им турками. Смирна оставалась в руках греческих войск. Турция, не опасаясь за свой тыл, так как на кавказской границе стояли войска Советской России, бросила против греков все свои силы.

Контрнаступление турок подготовлялось с соблюдением полной тайны: войска передвигались по ночам; главнокомандующий войсками Мустафа-Кемаль выехал из Анкары на фронт, приказав распространить слухи, что устраивает приём в своей резиденции. Ничто не предвещало особых перемен на фронте. И вдруг разразилась катастрофа: начав стремительное наступление 26 августа, турки через пять дней разгромили главные силы греков в районе Афьюмкарагиссара и 2 сентября захватили в плен командующего греческими войсками генерала Трикуписа.

9 сентября турки вошли в Смирну. В плен было захвачено 50 тысяч греков. В других районах греки были отброшены к морю и едва успели сесть на суда. Победоносные турецкие войска шли к проливам и к Константинополю.

15 сентября 1922 г. состоялось заседание британского кабинета министров. Было решено разослать телеграмму всем доминионам с извещением о критическом положении и с просьбой о помощи. Кабинет министров сообщал правительствам доминионов, что войска Кемаль-паши, не встречающие сопротивления со стороны деморализованной греческой армии, насчитывают всего-навсего 60—70 тысяч человек.

«Тем не менее, — говорилось в сообщении премьер-министра, — настоятельно необходимы предупредительные меры. Поражение или унизительная эвакуация союзниками Константинополя могли бы привести к серьёзным последствиям в Индии и среди прочих магометанских народов, за которые мы несём ответственность... Я хотел бы знать, согласны ли правительства (различных доминионов) принять участие в наших наступлениях и желают ли они прислать нам определённый контингент... Если станет известно о том, что все доминионы или хотя бы один из них предлагают послать даже незначительный контингент, то это несомненно очень благоприятно отзовётся на общем положении» [1].

Одновременно кабинет министров решил обратиться к Франции, Италии и балканским странам. Правительства этих стран приглашались принять участие в защите

---

[1] *Черчилль*, Мировой кризис, перев. с англ., М. — Л. 1932, стр. 292.

нейтральной зоны; их предупреждали, что появление турок на Балканах гибельно отразится на всём полуострове.

Около полуночи 15 сентября телеграмма в шифрованном виде была отправлена правительствам различных доминионов. Пока там шла её расшифровка, вся пресса уже трубила о её содержании. Министры доминионов узнали о ней раньше, чем получили официальный текст.

Премьер-министр австралийского правительства Юз убеждал парламент помочь метрополии. Он ссылался на интересы империи в Месопотамии, Аравии и Индии, тесно связанные с вопросом о том, в чьих руках находятся Дарданеллы.

С критикой Юза выступили некоторые члены австралийского Парламента. Война, говорил один из них, была всегда делом Англии. Недопустимо, чтобы Австралия вновь втянулась в войну.

Такие же оппозиционные речи раздавались и в Парламенте Новой Зеландии.

Положение Англии осложнилось тем, что по приказу из Парижа французские отряды 19 сентября покинули чанакские позиции. Вслед за французами ушли из Дарданелл и итальянцы.

Английское правительство вынуждено было вступить в переговоры с турками. 23 сентября Англия, Франция и Италия обратились с нотой к турецкому правительству, предлагая послать делегатов на конференцию в Венецию или же в какой-либо другой город. На конференции должны были присутствовать делегаты Турции, Великобритании, Франции, Италии, Японии, Румынии, Югославии и Греции. Союзники обещали после заключения мира вывести войска из Константинополя, возвратить Турции Восточную Фракию, включая Адрианополь, и допустить турок в Лигу наций. Они требовали лишь приостановить турецкое наступление в зоне проливов в течение всего времени переговоров. Союзники обязывались ещё до конца конференции добиться отступления греческой армии за линию, которая будет определена командованием войск Антанты. Для решения этого последнего вопроса предлагалось созвать предварительное военное совещание в Мудании или в Измире.

Турция дала согласие на совещание в Мудании. На ведение переговоров был уполномочен Исмет-паша. Одновременно турки потребовали очистить Фракию до реки Марицы.

Переговоры в Мудании начались 3 октября. Англичане выставили неприемлемые требования. Командующий английскими войсками Гаррингтон говорил Исмету: «Мы уйдём, ваше превосходительство, но мы хотим уйти с честью». Турки упорствовали. Между союзниками не было согласия. Французские делегаты, по утверждению Черчилля[1], внушили туркам,

---

[1] *Черчилль,* Мировой кризис, стр. 300.

что они могут получить от Англии больше, чем она предлагает. Не желая уступать англичанам, турки прервали переговоры и возобновили их только 10 октября. 11 октября было подписано соглашение.

Между турецкими и греческими войсками устанавливалось перемирие. Во Фракии греческие войска уводились за реку Марицу. Правый берег Марицы, включая Карагач, оккупировался союзниками до заключения мира. Административная власть в Восточной Фракии передавалась туркам не позже чем через 30 дней. Турки получали право содержать в Восточной Фракии свою жандармерию числом не более 8 тысяч. Турция обязывалась не перевозить войск, не производить наборов и не содержать военных сил в Восточной Фракии до заключения и ратификации мирного договора. Союзные войска оставались вплоть до решения мирной конференции в тех местах, где были расквартированы. Вдоль проливов на азиатской стороне устанавливалась зона, через границы которой турецким войскам запрещалось переходить.

Разгром греков на анатолийском фронте привёл к государственному перевороту в Греции. Король Константин отрёкся от престола. Пять министров и главнокомандующий были арестованы и казнены. 13 октября 1922 г. Греция присоединилась к Муданийскому перемирию.

Поражение греков вызвало правительственный кризис и в Англии. 19 октября 1922 г. Ллойд Джордж подал в отставку. На новых выборах в Парламент консерваторы получили около 350 мандатов. На смену коалиционному кабинету Ллойд Джорджа 23 октября пришло правительство Бонар Лоу.

В новом консервативном кабинете пост министра иностранных дел занял непримиримый противник Советской России лорд Керзон.

Представитель английской аристократии Керзон прошёл обычную для английских дипломатов школу. В молодости, по окончании Итонского колледжа и Оксфордского университета, он занимался научной работой, уделяя много внимания Индии, которую посетил четыре раза. Вообще Керзон много путешествовал. Он побывал в Персии, Афганистане, в странах Ближнего Востока. Результаты своих наблюдений он изложил в ряде книг. В них он уже бил тревогу по поводу «русской опасности», якобы угрожающей Англии в Индии и на Востоке.

В 1886 г. Керзон был избран в Палату общин от консерваторов. Свою дипломатическую подготовку он проходил в качестве личного секретаря Солсбери в период обострения русско-английских отношений. Заняв пост товарища министра по делам Индии в 1891 г., лорд Керзон накопил большой практический опыт, закреплённый затем его многолетней деятельностью в качестве вице-короля Индии.

Во время первой мировой войны, войдя в коалиционный кабинет Ллойд Джорджа, Керзон стоял на крайних агрессивных позициях.

К началу 1919 г. Керзон стал министром иностранных дел, но самостоятельной политики вести не мог. С падением Ллойд Джорджа в 1922 г. Керзон получил возможность проводить в английской внешней политике свою линию. В историю она вошла под наименованием линии «твердолобых»: всё то, что англичане называют «forward policy» — «наступательной политикой», было характерно для приёмов Керзона.

Этому представителю воинствующего британского империализма и выпала на долю дипломатическая подготовка мирной конференции с Турцией.

Конференция, задуманная Керзоном, намечалась на 13 ноября в Лозанне. Согласие турок на участие в конференции было вызвано прежде всего их истощением после длительных войн. Турция воевала непрерывно с 1911 по 1922 г. Кроме того, турки рассчитывали на поддержку Советской России. Они надеялись, ссылаясь на эту поддержку, выторговать в Лондоне и Париже побольше уступок. Строили турки свои расчёты и на англо-французском антагонизме, углублённом Анкарским соглашением между Турцией и Францией. Наконец, известную роль играли в их поведении и надежды на США, с которыми турки уже вели переговоры о предоставлении концессии.

На Лозаннской конференции лорд Керзон поставил перед собой следующие задачи.

Во-первых, ему нужно было взорвать Московский советско-турецкий договор от 16 марта 1921 г., в части, касающейся проливов, чтобы отдалить турок от России. Во-вторых, Керзон стремился создать постоянную угрозу против Советской России, добившись такого решения вопроса о проливах, при котором в любой момент английский флот мог бы проникнуть в Чёрное море. И то и другое должно было бы оправдать перед английским общественным мнением жертвы, понесённые англичанами при дарданельской операции, и предотвратить повторение блока между Германией и Турцией.

Третьей целью Керзона было преодолеть французское влияние в Турции и заставить турок искать только английского покровительства.

Четвёртой целью было, внедрившись в Турцию, разрешить в пользу Англии мосульский вопрос.

Для выполнения всех этих целей Керзону нужно было прежде всего отстранить Советскую республику от переговоров и таким образом оставить турок с глазу на глаз с Англией. 27 октября 1922 г. временно исполняющий должность британского официального агента в Москве Питерс сообщил Наркоминделу, что Англия, Франция и Италия решили

созвать в Лозанне конференцию для заключения мирного договора с целью положить конец войне на Ближнем Востоке. На конференцию, кроме указанных трёх держав, приглашались также Турция, Япония, Румыния, Югославия и Греция. Советскую Россию допускали к участию «в комиссии по территориальным и военным вопросам», и то лишь на те заседания, которые специально посвящены будут вопросу о режиме проливов. Наркоминдел в ноте от 2 ноября 1922 г. возражал против столь странной системы представительства на конференции. В самом деле, на конференцию приглашалась Япония, не имевшая как будто никаких территориальных интересов на Ближнем Востоке; зато вне конференции оставалась такая черноморская страна, как Болгария. Разумеется, протестовало советское правительство и против попытки отстранить его от участия в работе конференции на равных с другими державами условиях.

Опасаясь, что советская делегация не получит возможности развернуть на конференции свою программу, советское правительство решило заранее открыто изложить свой план урегулирования вопроса о проливах. В день, когда получено было приглашение на конференцию, Ленин дал интервью корреспонденту английских газет «Observer» и «Manchester Guardian» Фарбману. На вопрос корреспондента: «Какова русская программа разрешения вопроса о проливах?», Ленин ответил:

«Наша программа относительно проливов (пока ещё приблизительная, конечно) содержит в себе, между прочим:

Во-первых, удовлетворение национальных стремлений Турции...

Во-вторых, наша программа заключает в себе закрытие проливов для всех военных кораблей в мирное и военное время. Это — непосредственный ближайший торговый интерес всех держав, не только тех, территории которых непосредственно прилегают к проливам, но и всех остальных...

В-третьих, наша программа относительно проливов состоит в полной свободе торгового мореплавания» [1].

Не ответив на протест Советской России, лорд Керзон продолжал дальнейшую подготовку конференции. Он спешил набрать как можно больше козырей. Среди них немалую роль играл Мосул. Хотя Мосул был захвачен англичанами и там стояли британские войска, однако захват этот не был ещё достаточно оформлен. Английская дипломатия решила включить Мосул в состав подмандатного Ирака; таким образом она рассчитывала закрепить за собой нефтеносный район. Но и это мероприятие было трудно оправдать: Мосул населён не арабами, а курдами и турками. Английская дипломатия решила обойти это препятствие. Когда осенью 1922 г. началось нацио-

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 313—314.

нальное движение среди жителей Ирака, Англия попыталась использовать его в своих интересах. В английских газетах появились резолюции, якобы полученные из Ирака: в них требовалось восстановить «тысячелетнее историческое право» населения Ирака и укрепить его господство над «местопребыванием ассирийских царей в Ниневии». Эти исторические экскурсы объяснялись весьма простым фактом: развалины Ниневии находились недалеко от Мосула. В октябре 1922 г. подстрекаемые известными кругами в Англии значительные арабские отряды, во главе которых стояли англо-индийские офицеры, вторглись из Ирака в спорную территорию северной Месопотамии; они шли, чтобы «защитить и освободить своих братьев от жестокого турецкого гнёта» [1]. Таким образом, Керзон мог явиться на Лозаннскую конференцию, уже превратив Мосул с помощью Ирака в «арабский» город.

Вслед за тем перед Керзоном вставала другая дипломатическая задача, — она была нелёгкой: нужно было, чтобы французы, которые раньше поддерживали турок против англичан, стали на сторону Англии и начали действовать против Турции. Керзон прибег к неплохо задуманному маневру. Ссылаясь на необходимость изолировать Турцию и противопоставить ей единый фронт союзников, лорд Керзон предложил отсрочить Лозаннскую конференцию с 13 ноября до 20 ноября, а предварительно организовать совещание премьеров Антанты в Париже для согласования действий. Когда 12-го вечером представитель Турции Исмет-паша прибыл в Лозанну, на вокзале его встретил генеральный консул Франции с приглашением от имени Пуанкаре пересесть в поезд, идущий в Париж. Исмет сухо отказался.

14 ноября Керзон предложил французам образовать единый фронт против турок — вплоть до применения военных санкций, но при условии отказа от Анкарского договора. Пуанкаре, уже решивший вторгнуться в Рур, боялся раздражать Керзона; поэтому он пошёл на соглашение. Во Франции в это время происходила яростная борьба между сторонниками и противниками Анкарского соглашения. Французские держатели Оттоманского долга объявляли Анкарское соглашение «изменой священным традициям»; они предавали проклятию Франклен-Буйона и, грозя скандалом, не допускали внесения договора на утверждение Парламента. Французскую позицию поддерживала керзоновская пресса; она кричала об унижении и ограблении французов, якобы учинённом кемалистами. Напротив, сторонники Анкарского соглашения, главным образом из лагеря радикал-социалистской партии, требовали скорейшего примирения с Турцией. Пуанкаре бросил им подачку:

---

[1] *Anton Mohr*, The oil War, p. 163.

он отозвал французские войска из Чанака в Константинополь и пообещал включить Анкарское соглашение в Лозаннский договор. На самом же деле он, конечно, собирался похоронить это соглашение. Пуанкаре отнюдь не хотел победы Керзона; напротив, он был заинтересован в длительной борьбе между Англией и кемалистами.

Сначала Керзон вёл переговоры в Париже с Пуанкаре; 18 ноября оба они встретились с Муссолини. В печати было опубликовано сообщение о полном единодушии союзников в ближневосточных вопросах. Однако в действительности было трудно примирить их противоречивые интересы.

Американский посол в Италии Чайльд рассказывает, что после встречи союзников он имел беседу с Пуанкаре. Подтвердив сообщение о создании единого фронта, Пуанкаре вслед за этим добавил, что «Франция не послала и не пошлёт дополнительных военных частей, чтобы исправить ситуацию, созданную глупостью и интригами другой нации» [1]. Пуанкаре добавил, намекая на Анкарское соглашение, что «Франция — единственная страна, которая уже заключила соглашение с Турцией» [2]. Что касается Муссолини, то, по свидетельству того же Чайльда, он вообще отрицал существование единого фронта.

Восстанавливая французские финансовые круги и рантьеров против «капитуляции перед анатолийскими варварами», Керзон тем временем сам вступил в переговоры с турками. Он предлагал английское решение вопроса о проливах за уступки в пользу Турции в других вопросах: безоговорочное возвращение Киликии туркам, ликвидацию Севрского договора. Турецкая дипломатия уже склонялась к тому, чтобы поступиться своими интересами: в борьбе с Францией по поводу капитуляций и других экономических вопросов турки хотели опереться на Англию.

С такими козырями явился Керзон в Лозанну.

Лозаннская конференция (20 ноября 1922 г.—24 июля 1923 г.)

20 ноября в казино в Лозанне открылась конференция. На конференции Англия была представлена лордом Керзоном, Франция — Пуанкаре, Италия — Муссолини. На ней присутствовали также делегаты от Японии, Турции, Греции, Югославии, Болгарии и Румынии. Соединённые штаты Америки не принимали участия в конференции; они прислали лишь своих представителей в качестве «наблюдателей».

Тщательно подготовляя конференцию, Керзон заранее обдумал вопросы её организации. Он предложил разбить конференцию на три комиссии: первую — по территориальным и военным вопросам, вторую — о режиме иностранцев и нацменьшинств, третью — по вопросам финансовым и эконо-

[1] *Richard Child*, A Diplomat Looks at Europe, p. 89.
[2] Ibidem.

мическим. Сокращённо эти комиссии назывались: политическая, юридическая и экономическая. Турецкий представитель Исмет-паша настаивал, чтобы председательствование в одной из трёх комиссий, а также пост заместителя секретаря конференции были предоставлены туркам. «С жестом негодующего царственного величия» [1] Керзон отверг все эти предложения.

Председателем первой комиссии был сам лорд Керзон. Он предложил заняться прежде всего вопросом о европейской границе Турции. Турки требовали установления тех границ, которые были указаны в договоре между Болгарией и Турцией в 1913 г.; что касается Западной Фракии, то они настаивали на проведении там плебисцита. Лорд Керзон старался оставить туркам в Европе как можно меньше территории. С целью полной изоляции Турции он поддерживал слух о возможности создания против неё блока балканских стран. В газетах появились сообщения об организации балканского союза. Слух этот продержался, однако, не более одного-двух дней. На самом деле между балканскими странами тут же на конференции вспыхнули разногласия. Болгария, приглашённая для участия только в одной комиссии, настаивала на предоставлении ей выхода в Эгейское море и требовала передачи ей района Дедеагача. Венизелос заявлял, что Греция и без того идёт на крайние уступки; поэтому он категорически высказался против передачи болгарам Дедеагача. Турки со своей стороны старались расколоть фронт балканских государств: они внесли предложение о нейтрализации Дедеагача, поддержав Болгарию против Греции.

Лорд Керзон явно спешил покончить с территориальными вопросами до приезда советской делегации, — её ждали к началу декабря. К тому же англичане подозревали, что французы намеренно затягивают Лозаннскую конференцию, чтобы отвлечь внимание Англии от подготовляемой оккупации Рурской области.

Керзон хотел закончить Лозаннскую конференцию в две-три недели. В Лозанне начались частные совещания. Керзон несколько раз встречался с турками, убеждая их уступить. Наконец, 25 ноября, на заседании комиссии, от имени союзников и всех балканских стран Керзон предложил туркам согласиться на те же условия, которые выдвинуты были в ноте союзников от 23 сентября: демилитаризацию границы вдоль реки Марицы на 30 километров в обе стороны и оставление Западной Фракии за греками. Вместе с тем лорд Керзон выступил против требования турок вернуть им Карагач, составлявший железнодорожную станцию Адрианополя. «Вы хотели получить Адрианополь, — убеждал лорд Керзон турок, — мы его вам оста-

[1] *Richard Child*, A Diplomat Looks at Europe, p. 87.

вляем; Карагач же только пригород, к тому же населённый греками; наконец, Карагач должен быть включён в демилитаризованную зону»; таким образом отпадает военная угроза Адрианополю, чего боятся турки [1].

В заключение Керзон добавил, что все союзники и балканские страны согласились на предлагаемую Турции границу. Турция попросила несколько дней на подготовку ответа.

Мосульский вопрос

С той же настойчивостью и поспешностью лорд Керзон добивался решения и мосульского вопроса. Нефтяной район Мосула принадлежал «цивильному листу» султана, т. е. до 1909 г. считался султанской собственностью. Во время младотурецкой революции Мосул был конфискован. В тот же период начались переговоры с «Тэркиш Ойль Компани», главным акционером которой был Керзон. В 1918 г. Турция, после поражения, боясь потерять Мосул, вернула собственность на него наследникам турецкого султана Абдул-Гамида; наследники же передали свои права американской компании, которая стала выступать против «Тэркиш Ойль». Не случайно лорд Керзон, излагая вопрос о Мосуле, считал необходимым подчеркнуть, что его лично вовсе не интересует, имеется нефть в этой области или нет.

Турки решительно высказались за сохранение Мосула в их руках. Для них Мосул важен был не только как нефтяной район, но и как стратегический пункт: он являлся ключом к Курдистану.

Борьба вокруг Мосула осложнилась вмешательством США. В Лозанну прибыл сенатор Гамильтон-Леви защищать интересы американского нефтяного треста «Стандарт Ойль». В печати сообщали, что американцы добиваются у турок железнодорожной концессии в районе Мосула с правом эксплоатации нефтяных источников на расстоянии 20 километров по обеим сторонам железной дороги.

В разгар закулисной борьбы между нефтяными магнатами выступил американский посол Чайльд. 26 ноября он сделал официальное заявление о позиции США. Чайльд отметил, что все прежние соглашения между Англией, Францией, Италией имели целью раздел сфер влияния между ними. Это не отвечает требованиям экономического равенства, которые отстаивают США; все державы должны признать принцип «открытых дверей».

Выступление американского наблюдателя произвело большое впечатление. Было ясно, что Англии придётся итти на уступки и разделить плоды мосульской победы с американским партнёром.

---

[1] «Lausanne Conference on Near Eastern Affairs 1922—23», London 1923, p. 91—92.

Вопрос о проливах на конференции

К этому времени вопрос о проливах заслонил собой другие спорные проблемы. В конце ноября в Лозанну приехала советская делегация. Немедленно по приезде она потребовала допустить её к решению всех вопросов Лозаннской конференции. Все с нетерпением ждали выступления советских делегатов. По общему признанию европейской прессы, присутствие их поддерживало сопротивление турок. В беседе с корреспондентом американской газеты «Chicago Tribune» 3 декабря представитель турецкой делегации заявил от имени Исмет-паши, что сами турки будут присутствовать на заседании едва ли не в роли наблюдателей: активное наступление по вопросу о проливах поведут русские.

4 декабря на заседании комиссии по проливам выступил глава советской делегации Чичерин. Приветствуя созыв Лозаннской конференции, имеющей целью установление мира на Ближнем Востоке, советский представитель отметил, что делегация России, Украины и Грузии, к сожалению, не была допущена к участию во всех комиссиях конференции. Чичерин заявил, что советская делегация будет стремиться осуществить следующее: «1) равенство положения и прав России и её союзников с положением и правами других держав и 2) сохранение мира и безопасности территорий России и союзных с нею республик, равно как свобода их экономических сношений с другими странами» [1].

Далее глава советской делегации, оставив за собой право подвергнуть рассмотрению все проекты о проливах, изложил основной принцип советской программы: «Постоянная свобода торгового мореплавания и мирных морских сообщений в Босфоре, в Мраморном море и в Дарданеллах должна быть обеспечена абсолютно и без какого-либо ограничения. Сохранение мира на Чёрном море и безопасность его берегов, равно как и сохранение мира на Ближнем Востоке и безопасность Константинополя должны быть прочно гарантированы, а это означает, что Дарданеллы и Босфор как в мирное время, так и в военное должны быть постоянно закрыты для военных и вооружённых судов, а также для военных летательных аппаратов всех стран, за исключением Турции» [2].

Признавая, что Дарданеллы и Босфор принадлежат Турции, советская делегация высказывалась за восстановление и сохранение во всей полноте прав турецкого народа на свои территории и на свои воды. Далее Чичерин объяснил, почему вопрос о проливах представляет жизненный интерес для советских республик. Прежде всего проливы имеют огромное экономическое значение: больше 70 % всего хлебоэкспорта из России

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г. II съезду Советов СССР, 1924, стр. 11.
[2] Там же, стр. 11—12.

до войны шло через порты Чёрного и Азовского морей. Ещё бо́льшую важность имеют проливы с точки зрения обороны. С того момента, как согласно Мудросскому перемирию военные флоты держав получили возможность входить в Чёрное море, безопасность советских республик оказалась под постоянной угрозой. Державы Антанты снабжали армии Деникина и Врангеля; они оккупировали Одессу, Николаев, Херсон, Севастополь, Батум и другие прибрежные города Чёрного моря. В 1921 г. союзническая эскадра вела борьбу против грузинского народа, который взял в свои руки власть.

Глава советской делегации подчёркивал, что открытие проливов для военных кораблей затрагивает интересы не только Советской России и её союзников, но также и турецкого народа. В этом вопросе Чичерин отметил совпадение точек зрения России и Турции. В доказательство Чичерин прочитал статью 4 турецкого «Национального обета»:

«Безопасность Константинополя, столицы империи и местопребывания халифата и оттоманского правительства, — гласил «Обет», — так же как и безопасность Мраморного моря должны быть ограждены от всякого на них посягательства.

Раз этот принцип будет установлен и принят, нижеподписавшиеся готовы примкнуть ко всякому решению, которое будет принято по общему соглашению оттоманским правительством, с одной стороны, и заинтересованными державами, с другой, в целях обеспечения открытия проливов для мировой торговли и международных сообщений»[1].

Советская декларация произвела сильное впечатление. Все ждали ответного выступления Керзона. Но он не взял на себя инициативы борьбы с советской делегацией. Он выдвинул против неё представителей балканских стран. По предварительному сговору, Керзон предполагал открыть бой выступлением двух прибрежных черноморских стран; затем должен был выступить он сам в роли их защитника. Председатель румынской делегации Дука от имени своего правительства изложил по существу антантовскую точку зрения. Румынский делегат требовал пропуска через проливы не только торговых, но и военных судов, без всяких оговорок и ограничений, демилитаризации проливов и контроля над ними международной комиссии, аналогичной дунайской, под руководством Лиги наций.

В заключение Дука заявил, что Румыния постарается заключить с советской федерацией договор о взаимном ненападении и разоружении на Чёрном море. Таким образом, румынский делегат требовал открыть доступ английскому и французскому флотам в Чёрное море и в то же время разоружить советские республики.

---

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г. II съезду Советов СССР, стр. 13.

Делегат от Болгарии также требовал демилитаризации Чёрного моря, контроля над проливами международной комиссии с участием Болгарии и свободного прохода коммерческих кораблей в мирное и военное время.

Председатель турецкой делегации Исмет-паша ограничился повторением общих принципов, провозглашённых в «Национальном обете» Анкарского национального собрания. При этом, возражая против свободы военного воздухоплавания в зоне проливов, Исмет заявил, что проливы должны быть открыты для мировой торговли, но без ущерба для безопасности Константинополя.

Лорд Керзон, несмотря на настояния Чичерина, отказался изложить программу Антанты. Он лишь не преминул ядовито заметить Исмету, что русская делегация говорит как будто бы не только от имени России, Грузии и Украины, но также от имени Турции: очевидно, турки или неспособны или не желают определить свою самостоятельную позицию.

Следующее заседание решено было созвать через 3—4 дня.

Во время перерыва распространились сведения об отсрочке Лозаннской конференции. Перерыв между заседаниями был использован для нажима на турецкую делегацию.

На заседании 6 декабря Керзон выступил с ответной речью, направленной целиком против советской делегации. По мнению Керзона, советские республики стремятся к утверждению своей гегемонии на Чёрном море, хотят исключить все другие державы от участия в контроле над проливами и предоставить этот контроль одной Турции. Ссылаясь на режим в Панамском, Суэцком и Кильском каналах, где будто бы существует свободный режим, лорд Керзон утверждал, что Россия желает превратить Чёрное море в российское озеро и распоряжаться там, как у себя дома, возложив на Турцию роль военного стража у его выходов. Далее лорд Керзон изложил план Антанты. Англия добивалась полной свободы прохода через проливы днём и ночью, каков бы ни был флаг, без всяких формальностей, сборов или пошлин, для военных кораблей, включая вспомогательные суда, для военных транспортов, авиаматок и аэропланов. Предполагалось, что максимум судов, которые любая страна может провести через проливы в направлении Чёрного моря, не должен превышать военно-морских сил самого мощного флота, принадлежащего прибрежному государству в бассейне Чёрного моря. Вместе с тем державы оставляли за собой право посылать в Чёрное море не более трёх судов, из которых только одно могло превышать 10 тысяч тонн. Наконец, Керзон настаивал на демилитаризации проливов и ряда островов, прилегающих к проливам. По его предложению, в демилитаризованной зоне не должно было существовать никаких укреплений, никаких постоянных артиллерийских установок и морских баз.

Для осуществления контроля в демилитаризованных зонах Керзон предлагал создать международную комиссию из представителей Франции, Англии, Японии, Италии, России, Америки, Турции, Греции, Румынии, Югославии и Болгарии под председательством турка.

Речь Керзона была пересыпана любезностями по отношению к Турции, но содержала ряд плохо скрытых угроз против Советской России.

Вслед за Керзоном выступил французский делегат. Он открыто поддерживал английскую позицию. Те же положения — в менее откровенной формулировке — развивал и представитель Италии.

Против Керзона выступил Чичерин. Он высмеял Керзона за попытку взять на себя роль защитника черноморских стран. В Нейи, говорил он, Антанта обезоружила Болгарию и лишила её прав на охрану своей безопасности; здесь же, на конференции, лорд Керзон заботится о безопасности Болгарии открытием Чёрного моря для английских кораблей. А разве Румыния является соседкой России со вчерашнего дня? — спрашивал Чичерин. — Между тем она никогда не возражала против закрытия проливов.

«Слушая г. председателя, — говорил Чичерин, — я получил впечатление, что основной мыслью его экспозе является создание системы, направленной против России. Мы вам предлагаем мир, а вы растягиваете до бесконечности борьбу против нас. Россия находится в начале нового периода, и мы хотим начать этот период, создавая вокруг нас прочные условия мира, между тем как вы хотите поставить нас в условия, понуждающие нас к борьбе. Русская революция сделала из русского народа нацию, вся энергия коей сосредоточена в его правительстве с силой, небывалой в истории; если ему навязать борьбу, он не сдастся. Вы, может быть, беспокоитесь потому, что наши всадники вновь появились на высотах Памира, и потому, что вы не имеете более перед собой царя-полуидиота, который в 1895 г. уступил вам хребет Гинду-Куша. Но мы предлагаем вам не борьбу, а мир, основываясь на принципе средостения между нами и на принципе свободы и суверенитета Турции»[1].

Заседания комиссии о проливах явно превращались в единоборство Советской России с Англией.

Между тем Англия продолжала вести сепаратные переговоры о проливах с турками, обещая им уступить в других вопросах. По распоряжению английских властей британские войска были удалены с набережных Константинополя. В конце концов под непрерывным нажимом англичан турки пошли на уступки.

На третьем заседании, состоявшемся 8 декабря, выступил Исмет-паша. Он доказывал, что Турция всегда выполняла

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г. II съезду Советов СССР, стр. 18.

международный договор о проливах и никогда не нарушала интересов других держав. Исмет-паша соглашался с предложениями проекта союзников о пропуске военных судов, но высказывался за свободу прохода только лёгких военных кораблей, сопровождающих коммерческие суда. Турки соглашались и на демилитаризацию проливов, за исключением Босфора, на свободный проход для коммерческого флота и лишь требовали гарантировать безопасность проливов, Константинополя и Мраморного моря.

Выступление Исмет-паши подтвердило предположение советской делегации, что между Турцией и Англией ещё до Лозаннской конференции было достигнуто соглашение.

В тот же день выступил с речью Чичерин. Прежде всего он отметил необоснованность сравнения, проведённого Керзоном между проливами и Суэцким и Панамским каналами. Оба канала являются важнейшими мировыми путями сообщений и одинаково укреплены. Канал Панамский не подчинён никакому международному контролю; что касается канала Суэцкого, то хотя он и подлежит ведению международной комиссии, но она не созывалась ни разу. Таким образом, требуя свободы укрепления проливов Босфора и Дарданелл, Советская Россия настаивала на применении тех же принципов, которые Америка и Англия осуществляют в отношении Суэцкого и Панамского каналов.

Советское правительство требовало закрытия проливов для военных судов. Такое решение представляло для него известные неудобства, так как не позволяло Советской России посылать свой флот из Чёрного моря в Средиземное и свободно перебрасывать его в Балтийское море или на Дальний Восток. Идеальным разрешением проблемы было бы полное и повсеместное прекращение всякого рода морских вооружений. Но при данных условиях единственно возможным компромиссом являлось закрытие Турцией проливов для военных судов.

Решительное выступление советской делегации произвело сильнейшее впечатление на конференцию и на прессу. Несмотря на это, балканские делегаты заявили о своём согласии с антантовским планом. Лорд Керзон подхватил предложение турок. Он согласился вести переговоры об известном ограничении военно-морских сил, проходящих через проливы. Для обсуждения военно-технических вопросов Керзон предложил создать комиссию экспертов.

Советский делегат немедленно потребовал включить в сообщение, предполагавшееся к опубликованию в прессе, что русская делегация примет, наравне с Турцией, участие в комиссии экспертов. В ответ лорд Керзон заявил, что целый ряд военно-технических вопросов касается одних лишь союзников и Турции. Было ясно, что Англия стремится вести

переговоры с турками в отсутствие советских делегатов. 9 декабря глава советской делегации в ноте на имя лорда Керзона протестовал против недопущения представителей России в комиссию экспертов. 12 декабря советский делегат явился в комиссию экспертов. Оказалось, что там уже несколько дней занимаются согласованием проекта Антанты и турецких предложений. На следующий день советская делегация заявила новый письменный протест.

На 18 декабря было назначено пятое заседание комиссии. Советская делегация внесла свой контрпроект. Настаивая на запрещении доступа в проливы военных судов в мирное время, предложение советских представителей допускало, что в отдельных, совершенно исключительных случаях и для специальных целей турецкое правительство имеет право разрешать проход через проливы лёгким военным судам, за исключением подводных лодок.

Такое же исключение допускалось советским проектом для лёгких военных судов нейтральной принадлежности и во время войны, когда сама Турция остаётся нейтральной. Если же Турция принимает участие в войне, то допуск военных судов других держав обставляется условиями, которые Турция сочтёт необходимыми.

Несмотря на примирительный характер нового советского предложения, конференция его не обсуждала. 19 декабря лорд Керзон предложил его отклонить.

Лозаннская конференция вступила в период обсуждения отдельных деталей, так как в основном вопрос о проливах был уже решён. И эта работа происходила за кулисами конференции. Лорд Керзон несколько раз утверждал, что комиссия экспертов создана только для уточнения некоторых технических вопросов. Но однажды в материалах, разосланных секретарём конференции, указан был специальный орган под наименованием «комиссии экспертов по изучению режима проливов». При этом «участниками» значились представители Англии, Франции и Италии, с одной, и Турции, с другой стороны. Здесь уже официально констатировалось, что невинные «эксперты», существовавшие только для дачи «объяснений», на деле составляли подкомиссию проливной комиссии, на которой державы Антанты представляли и себя и своих вассалов и из которой советские представители были исключены [1].

Керзон явно спешил покончить с вопросом о проливах, чтобы поскорее избавиться от советских делегатов. По существу, он добился намеченной цели, навязав туркам свой проект режима проливов. Теперь ему оставалось лишь наблюдать за ходом борьбы между Францией и Турцией.

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г. II съезду Советов СССР, стр. 25.

Капитуляции

Капитуляции или привилегии европейских держав в Турции были установлены ещё в средние века [1]. В 1535 г. султан Сулейман Великолепный заключил по этому вопросу соглашение с Франциском I. С течением времени возникли и другие соглашения того же рода. Согласно им всякий иностранец, пользующийся режимом капитуляций, находился под защитой консула своей страны. Он освобождался от местных сборов и налогов. Турецкая полиция без консула или его доверенного лица не имела права проникать в квартиру иностранца или производить у него обыск. Споры между иностранцами разрешались консульскими судами. При тяжбах с турками иностранец обязан был обращаться к турецкому суду, но последний не имел права разбирать дело без консула или его доверенного. Совершенно очевидно, что режим капитуляций представлялся несовместимым с суверенитетом Турецкой республики.

Турецкая делегация категорически требовала отмены режима капитуляций. Союзники соглашались прекратить его действие. Однако они настаивали на введении новых гарантий, которые по существу являлись теми же капитуляциями. Союзники соглашались, например, чтобы все конфликты между иностранцами, проживающими в Турции, разрешались турецкими трибуналами; но эти органы должны были формироваться из европейских юристов, которые будут рекомендованы международным Гаагским трибуналом. Чтобы склонить турок к согласию, Керзон предложил сохранить переходный режим на 10 лет. Он угрожал, что в противном случае иностранцы откажутся ввозить свои капиталы в Турцию. Настойчиво убеждал турок пойти на уступки и японский делегат барон Ганши. «Японии, — говорил он, — понадобилось 20 лет для освобождения от капитуляций; поэтому и турки должны примириться с „переходным" режимом».

Турки не уступали. Тогда председатель комиссии выдвинул компромиссное предложение: создать в Турции специальную комиссию в составе пяти членов, назначаемых турецким правительством, с тем, однако, чтобы трое из них приглашались из международного Гаагского трибунала. Этой комиссии предлагалось намечать список кандидатов для турецких судов.

Сделка о Мосуле

Тем временем подвигалось вперёд и разрешение вопроса о Мосуле. В борьбе за этот нефтеносный район стороны пользовались аргументами, опирающимися на национальный состав его населения. Турки утверждали, что из 503 тысяч душ этого населения, не считая кочующих бедуинов, 281 тысячу составляют курды, 146 тысяч — турки, 43 тысячи — арабы, 31 тысячу —

[1] См. «История дипломатии», т. I, стр. 192—194.

не-мусульмане. Считая курдов нацией туранского происхождения, Исмет-паша утверждал, что турецкая часть населения Мосула составляет 85%.

Англичане исчисляли население Мосула в 785 тысяч душ, из них 454 тысячи курдов, 185 тысяч арабов, 65 тысяч турок, 62 тысячи христиан и 16 тысяч евреев. Курдов англичане признавали народом иранского происхождения. Таким образом, по их расчётам, турки составляли лишь одну двенадцатую часть всего населения Мосула.

Исмет-паша требовал народного голосования. Лорд Керзон предлагал передать решение вопроса Лиге наций, от которой исходил мандат на этот район. Борьба вокруг Мосула осложнялась поведением французской делегации. Французы потребовали предоставления им 25% акций нефтяного общества «Тэркиш Петролеум». 4 января лорд Керзон и Исмет-паша на частном свидании вновь обсуждали мосульский вопрос. Печать сообщала, что, видимо, вопрос о Мосуле будет снят с обсуждения конференции и урегулирован непосредственно между Англией и Турцией. Но эти сведения оказались преждевременными: турки занимали непримиримую позицию. 23 января при обсуждении вопроса о Мосуле они категорически отказались передать вопрос в Лигу наций.

Потерпев неудачу в переговорах с турками, лорд Керзон быстро переменил тактику. Он решил вступить в переговоры с представителями США и обещал им дать 25% акций «Тэркиш Петролеум». Этот ход позволил вывести из игры Францию и ещё более изолировать Турцию, лишив её поддержки американцев.

Срыв переговоров

31 января лорд Керзон вручил туркам от имени Англии, Франции и Италии ультимативное предложение подписать выработанный проект соглашения о проливах.

Для ответа на ультиматум туркам был дан пятидневный срок.

Для дополнительного нажима на турок по вопросу о Мосуле лорд Керзон выдвинул на сцену Ирак. В день вручения туркам ультиматума король Гуссейн обратился к Лозаннской конференции с нотой. В ней подчёркивалось, что Ирак до сих пор воздерживался от участия в конференции; теперь, однако, в связи с требованиями турок, король категорически заявляет, что Мосул является неотъемлемой частью арабского государства Ирака.

Лорд Керзон предложил снять вопрос о Мосуле с обсуждения и передать его в Лигу наций.

1 февраля при обсуждении предложения Керзона советская делегация выступила с декларацией, в которой подчеркнула своё резкое несогласие с проектом договора: вопрос о проливах не может быть решён без участия России, Украины и Грузии.

В сущности, Керзон добился своей цели: ему удалось, отстранив Турцию от Советского Союза, навязать ей свой план «нейтрализации» проливов и создать этим угрозу Советской стране. Сумел он добиться некоторого успеха и в деле закрепления за Англией Мосула. Оставалось только поссорить Францию с Турцией. Керзон достиг и этого. Разбив Лозаннскую конференцию на ряд комиссий, он выделил и более или менее урегулировал те вопросы, которые интересовали Англию, — проливы, Мосул; нерешёнными, таким образом, остались финансовый и экономический вопросы, в которых как раз особенно были заинтересованы французы. Франция вложила в Турцию более 1 миллиарда франков, что составляло свыше 50% всех иностранных вложений; ей принадлежало более 60% оттоманского долга. Франция выжидала со своими требованиями. Она надеялась, что турки не примут английских условий, и тогда она сможет выступить в роли примирителя. Когда французские делегаты поняли, что Керзон их обошёл, было уже поздно. Французская печать стала яростно нападать на Керзона; она злорадствовала по поводу того, что в поединке Чичерина и Керзона «рапира Чичерина оказалась длиннее, острее и быстрее». Некоторые газеты открыто заявляли, что Керзон — «злейший враг Турции».

Французы попытались исправить положение. Французский делегат Бомпар вступил в частные переговоры с Исмет-пашой. Он дал ему понять, что единого фронта, от имени которого лорд Керзон предъявил туркам ультимативные требования, на самом деле не существует. Бомпар заверял, что французская делегация стоит за ведение переговоров с турками не языком ультиматумов, а самым дружественным образом [1]. Вслед за этим французская делегация предложила: 1) чтобы процент с турецких долгов уплачивался золотом, 2) чтобы турки предоставили Франции концессии преимущественно в районе Багдадской железной дороги.

На конференции произошло как раз то, что подготовлял Керзон: самым острым разногласием с турками в Лозанне стал французский спор. Турки наотрез отказались удовлетворить требования французов. Исмет-паша спрашивал французов: а вы платите золотом проценты по своим долгам? На это последовал вызывающий ответ, что право Франции вытекает из её победы; оно не может быть сопоставляемо с положением побеждённой Турции.

Сепаратные переговоры Франции с турками срывались. Узнав об этом, лорд Керзон задержал свой отъезд из Лозанны. Тем временем из Парижа прибыл курьер с новым предложением: вопрос об экономических требованиях отложить,

[1] *Anton Mohr,* The oil War, p. 167.

как это сделано по отношению к Мосулу. За это Турция принимает финансовые требования Франции. Турки не согласились.

Отказавшись удовлетворить требования французов, Исмет-паша на том же заседании предложил снять вопрос о Мосуле с повестки дня конференции и в течение года обсудить его между Англией и Турцией. Выступление Исмет-паши подтвердило предположение, что Турция, оставленная ходом Керзона без поддержки американцев, вынуждена пойти на уступки Англии.

Правда, уступая английским требованиям, Турция продолжала отстаивать основные условия, связанные с обеспечением её государственной независимости: отмену Севрского договора, уничтожение режима капитуляций, сохранение основных турецких территорий и т. д. Настойчивость турок в защите этих позиций объяснялась тем, что за собой, несмотря на все свои зигзаги, они чувствовали мощную поддержку Советского государства.

4 февраля истекал срок представления турками ответа на ультиматум. С утра союзники в присутствии большого числа экспертов собрались в комнатах Керзона. К вечеру турки всей делегацией прибыли в отель. По городу распространились слухи, что они приехали подписывать договор. В отель нахлынули корреспонденты газет, фотографы, члены делегаций.

После 7 часов турки покинули отель. Внимание всех было напряжено. Вдруг раздался чей-то резкий голос: «Нет, я только что был там. Турки не подпишут, и Керзон уезжает в 9 часов». Сверху по лестнице стали спускаться из комнат Керзона делегаты конференции.

«Они казались испуганными, подобно людям, оставлявшим место, где происходило убийство, — писал американский посол Чайльд. — В комнате Керзона царил большой беспорядок... Сам Керзон, очень усталый, вышел ко мне навстречу и остановился посредине комнаты.

— Я должен поблагодарить вас за всё, что вы сделали, — сказал он.

— Можем ли мы ещё что-либо предпринять? Можем ли мы ещё раз увидеть Исмета?

— Я думаю, что это бесполезно, — сказал он, — но если вы полагаете, что это не так, то он может приехать на вокзал. Я задержу поезд на полчаса, если вы считаете, что это поможет.

Мы взяли такси. В Палас-отеле Исмет впервые показался нам очень расстроенным. Он говорил о капитуляциях, создающих особенные трудности; мы обсуждали этот вопрос. Бомпар и Монтанья находились в другой комнате. Минуты летели. Исмет

то выбегал из комнаты, то вновь появлялся. Все говорили бессвязно, перебивая друг друга. Царило полнейшее смятение, и ни один человек не мог установить порядка...

Мы сели в такси и поехали на вокзал, но поезд Керзона уже ушёл.

Все были сильно озабочены. Завтра во всём мире люди прочтут, что Лозаннская конференция провалилась, а затем будут продолжать пить свой утренний кофе. Но здесь царит атмосфера безысходности, трагизма и безнадёжности»[1].

4 февраля англичане и французы покинули Лозанну. Внимание всей Европы было приковано к рурскому конфликту. 7 февраля оставила Лозанну и советская делегация. Она предупредила секретариат конференции, что сообщения о месте и дне продолжения конференции следует направлять в Рим советскому представителю т. Воровскому.

Московская конференция по сокращению вооружений

Агрессивная политика Керзона по отношению к Советской России отразилась и на поведении прибалтийских стран, а с ними и Польши. Малые государства несколько месяцев не отвечали на приглашение советского правительства от 12 июня 1922 г. принять участие в конференции по сокращению вооружений. Только 8—9 октября в Ревеле состоялось совещание представителей Польши и прибалтийских стран, за исключением Литвы. Ими решено было принять участие в предлагаемой конференции.

2 декабря в Москве открылась конференция, на которой присутствовали представители Советской России, Польши, Финляндии, Эстонии, Латвии и Литвы. Румынское правительство выразило согласие участвовать в конференции, но только при условии признания Советской республикой присоединения Бессарабии к Румынии. Советское правительство ответило отказом признать этот территориальный захват. Тогда польский представитель заявил, что имеет какие-то полномочия и от Румынии. Однако до конца конференции он их так и не предъявил.

Советская делегация на первом же заседании поставила вопрос о разоружении. Она предложила: 1) в течение полутора-двух лет сократить армии всех присутствующих на конференции государств на 75%, соглашаясь свести численность Красной Армии с 800 тысяч до 200 тысяч. 2) Распустить иррегулярные военные формирования (шюцкор в Финляндии, части особого назначения в России и т. п.). 3) Сократить военные расходы, с тем чтобы ни одно государство не имело права тратить более определённой суммы в год в среднем на одного солдата. 4) Установить на границах нейтральные зоны, где не должна находиться вооружённая сила.

---

[1] *Richard Child*, A Diplomat Looks at Europe, p. 122—123.

На конференции обозначились два резко противоположных лагеря. С одной стороны стояла Советская республика, с другой — блок из Польши, Финляндии, Эстонии и Латвии под руководством Польши. Литва, находившаяся во враждебных отношениях с Польшей из-за Виленской области, не примкнула к польско-балтийскому блоку. Однако отнюдь не всегда она выступала с Советской Россией.

Польско-балтийский блок выдвинул свои контрпредложения. Он потребовал, прежде чем приступить к фактическому разоружению, создать «атмосферу доверия» между советской страной и пограничными государствами путём заключения договора о ненападении.

Советская делегация заявила, что между Россией и пограничными государствами уже заключены мирные договоры о ненападении; стоит ли повторять всё это в новом пакте? Не желая, однако, дать повод для срыва конференции, Советская республика согласилась начать её работу с обсуждения договора о ненападении. Договор был представлен польской делегацией. После долгих обсуждений текст его был согласован. Но советская делегация предупредила, что подпишет его только в том случае, если этот документ явится частью общего договора о разоружении.

Когда приступили к вопросу о численном сокращении армий, польско-балтийский блок предложил к началу 1923 г. сократить их на 25%. Советская республика, заявив, что имеет армию в 800 тысяч человек, соглашалась оставить к началу 1923 г. 600 тысяч. Остальные государства не назвали численности своей армии, но сообщили, сколько они будут иметь вооружённых сил после сокращения на 25%. Оказалось, что у Финляндии будет 28 тысяч, у Эстонии — 16 тысяч, у Латвии — 19 тысяч, а у Польши — 280 тысяч. Из этих данных следовало, что Польша имеет под ружьём 373 тысячи солдат. Между тем само польское правительство в сообщении Лиге наций от 28 июня 1922 г. определило свою армию в 294 тысячи. Ясно было, таким образом, что Польша, как и Эстония, Латвия и Финляндия, называет преувеличенные цифры, для того чтобы избежать фактически какого бы то ни было сокращения. Польша, например, должна была бы по этому соглашению сократить свою армию всего на 14 тысяч человек.

Советская делегация не преминула указать дипломатам польско-балтийского блока на явное несоответствие их данных действительному положению вещей. В ответ на это на заседании 11 декабря объединённая польская, финляндская, эстонская и латвийская делегация огласила общую декларацию. В ней она предлагала немедленно подписать договор о ненападении, а все вопросы о разоружении передать на рассмотрение

комиссии военных экспертов, которая должна была собраться только после ратификации договора о ненападении, т. е. через 3 месяца. Советская делегация возражала. Она предложила продолжать работу по вопросам фактического разоружения на данной конференции. Но польско-балтийский блок упорствовал. Тогда советская делегация предложила устроить открытый заключительный пленум, чтобы подвести итоги работы конференции. Дипломаты польско-балтийского блока категорически отказались и от этого, заявив, что открытый пленум может быть использован Советской республикой для пропаганды.

Лозаннский договор

Переговоры в Лозанне возобновились 9 апреля 1923 г. Об этом т. Воровский узнал из газет. Немедленно он обратился в генеральный секретариат конференции, находившийся тогда в Париже, с запросом, почему советская делегация не получила уведомления о начале работ конференции. 12 апреля секретариат конференции сообщил, что вопрос о проливах обсуждаться не будет, так как турецкая делегация не потребовала никаких изменений. Секретариат конференции осведомлялся, остаётся ли в силе заявление Чичерина об отказе подписать конвенцию. В ответ на это т. Воровский 18 апреля обратился с нотой к итальянскому правительству как к правительству одной из приглашающих держав, протестуя против произвольного устранения советской делегации от участия в конференции до подписания соглашения о проливах. Тов. Воровский при этом подчеркнул, что советская делегация нигде не отказывалась от подписания соглашения и что её заявления были неправильно истолкованы.

Не получив ответа, т. Воровский 27 апреля прибыл в Лозанну. Здесь он узнал, что швейцарская миссия в Берлине отказала в визе советскому дипломатическому курьеру, который направлялся из Москвы в Лозанну. На запрос т. Воровского в швейцарское Министерство иностранных дел был получен совет обратиться к генеральному секретарю конференции. В тот же день т. Воровский направил письмо в генеральный секретариат с просьбой принять необходимые меры для ликвидации инцидента. Оттуда по телефону сообщили, что Воровскому не ответят до тех пор, пока сама Советская Россия не даст ответа на письмо генерального секретариата от 12 апреля. Прождав несколько дней, т. Воровский 30 апреля 1923 г. опубликовал в печати содержание этой переписки, особо остановившись на позиции швейцарского правительства, нарушившего принцип равенства делегатов на конференции.

Тов. Воровский писал по поводу отказа в визе: «Я не могу предположить, что приглашающие державы могли бы прибег-

нуть к полицейским приёмам, чтобы... устранить Россию и её союзников от последней фазы работ проливной комиссии»[1].

Только 2 мая генеральный секретариат Лозаннской конференции сообщил т. Воровскому, что не может признать его письмо от 27 апреля ответом на поставленный ему 12 апреля вопрос. К этому времени т. Воровский получил указание из Москвы покинуть Лозанну.

Переговоры на Лозаннской конференции подвигались медленно. До возобновления переговоров и Англия и Франция пытались использовать внутреннюю борьбу среди кемалистов. Теперь на конференции Англия добивалась всё бо́льших уступок от Турции, выдвигая вперёд в целях нажима на турок балканские страны, особенно греков. Дело едва не дошло до нового разрыва. Греки упорно отказывались принять на себя ответственность за разорения, произведённые в Турции во время войны, и выплатить репарации. Англия намеренно раздувала конфликт. Она рассчитывала сосредоточить внимание конференции на греческих репарациях и отвлечь турок от других вопросов. В конце мая греки стали угрожать, что покинут конференцию, если не получат удовлетворения.

Доведя положение до кризиса, Англия от имени союзников предложила туркам компромисс: Турция отказывается от требования репараций, но взамен получает Карагач и окрестности.

Принятие этого компромисса связывало руки туркам при решении других спорных вопросов, например об эвакуации Константинополя, уплате процентов по долгам, возмещениях иностранным обществам за конфискацию их имущества и т. д. Тем не менее Кемаль-паша из Анкары предложил турецкой делегации принять компромисс, но заявить, что репарации — только один из спорных вопросов, а решению подлежит весь их комплекс. Турецкая делегация сообщила союзникам, что идёт на уступки, будучи уверена, что вопросы, оставшиеся открытыми, будут решены в её пользу.

24 июля 1923 г., после восьмимесячных переговоров, был подписан Лозаннский протокол. Турция сохраняла свои основные территории, но отказывалась от Аравии, Египта, Судана, Триполитании, Месопотамии, Палестины и Сирии, островов Лемноса, Самофракии, Митилены, Хиоса, Самоса, Никарии, а также от островов, расположенных не менее чем в трёх милях от азиатского берега Турции. Турция отказывалась от всяких прав и привилегий в Ливии и от ряда других территорий. Граница во Фракии шла по линии реки Марицы с оставлением Карагача в руках Турции. Вопрос о

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 243.

нефтеносной области — Мосуле — подлежал разрешению в течение 9 месяцев путём непосредственных переговоров между Англией и Турцией. При этом было обусловлено, что, если спорящие стороны не договорятся, вопрос будет передан на решение Лиги наций.

Режим капитуляций был ликвидирован.

Между каждой из союзных держав и Турцией создавался особый смешанный третейский суд в составе трёх членов, причём каждая сторона должна была назначить по одному члену суда, а председатель назначался по соглашению сторон. При разногласии председатель мог быть назначен Постоянной палатой международного суда из числа граждан нейтральных стран.

Однако в вопросе о проливах английская дипломатия добилась значительных уступок со стороны Турции: Лозаннский договор предусматривал свободу прохода через проливы в мирное и военное время коммерческих и военных (морских и воздушных) судов и демилитаризацию Босфора и Дарданелл, т. е. уничтожение береговых укреплений. Максимум судов, которые любая страна могла провести через проливы в Чёрное море, не должен был превышать военно-морских сил, принадлежащих самому большому черноморскому флоту. Вместе с тем державы получали право при всяких обстоятельствах посылать в Чёрное море не более трёх судов, из коих ни одно не должно было превышать 10 тысяч тонн.

В Константинополе учреждалась международная комиссия под наименованием Комиссии проливов, из представителей Франции, Великобритании, Италии, Японии, Болгарии, Греции, Румынии, России, Югославии и Турции. В случае присоединения США к Лозаннскому договору они получали право иметь в комиссии своего представителя.

Таким образом, лорду Керзону удалось создать постоянную серьёзную угрозу Советской стране: военные корабли Англии могли в любой момент появиться перед черноморскими портами Советского государства.

Оттоманский долг распределялся между Турцией и теми державами, в пользу которых была отделена от Оттоманской империи территория в итоге балканских и последующих войн 1912—1923 гг. Совету Оттоманского долга в течение трёх месяцев надлежало определить размер ежегодных платежей, которые приходятся на долю каждого из заинтересованных государств. Вся сумма этих ежегодных платежей должна была погашаться в равных долях в течение 20 лет. Из административного совета Оттоманского публичного долга исключались делегаты германских, австрийских и венгерских держателей. Греция обязывалась возместить «ущерб, причинённый в Анатолии противными законам войны действиями эллинской армии или эллинской администрации». С другой стороны, Турция,

принимая во внимание положение Греции, окончательно отказывалась от всяких притязаний на репарации. Правительство и граждане Турции освобождались от своих обязательств в отношении к правительству и гражданам Германии по вопросу о судах, ставших во время войны из германских турецкими без согласия союзных правительств, а ныне находящихся в руках этих последних.

Имущество германских, австрийских, венгерских и болгарских граждан в Турции, перешедшее к союзникам, оставалось впредь до особого договора в руках союзников. Турки добились отказа Антанты от создания «национального очага» армян. Под видом обмена населения греки выдворялись из Турции, за исключением Константинополя.

Лозаннское соглашение было подписано Великобританией, Францией, Италией, Японией, Грецией, Румынией и Югославией с одной стороны и Турцией — с другой. В день подписания Лозаннского мирного договора к нему присоединились Бельгия и Португалия. За несколько дней до этого, 17 июля, в Москве была получена телеграмма генерального секретаря конференции, который уведомлял, что 24 июля будут подписаны мирный договор с Турцией и проливная конвенция. Генеральный секретарь конференции осведомлялся: «Продолжает ли Россия оставаться на позиции, которую её представители заняли 1 февраля?» Телеграмма заключалась вопросом, готова ли Советская Россия подписать конвенцию в Лозанне одновременно со всеми странами или в Константинополе не позже 14 августа. Советское правительство в ответной телеграмме повторило все свои возражения против соглашения о проливах, протестовало против нарушения прав турецкого народа, но заявляло, что, желая использовать все возможности для содействия миру, готово подписать конвенцию. «Если опыт применения конвенции покажет, что ею недостаточно гарантируются торговые интересы и безопасность советских республик, — добавляла телеграмма, — то они будут вынуждены поднять вопрос о приостановке её действия» [1].

Спустя некоторое время советское правительство предложило перенести подписание конвенции в Рим, где 14 августа и состоялся этот акт.

«Ультиматум Керзона» (8 мая 1923 г.)

В Советской стране к этому времени заканчивалось образование Союза. В декабре 1922 г. состоялся I Всесоюзный съезд Советов. В состав СССР вошли РСФСР, Белоруссия, Украина и Закавказская федерация.

Укрепление Советского Союза и рост его политического влияния вызывали тревогу в английских реакционных кругах.

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г. II съезду Советов СССР, стр. 32.

Они снова готовились перейти в наступление против Страны Советов.

Всюду, где только можно было, все спорные вопросы, имевшие отношение к Советскому Союзу, решались союзными державами помимо и против него. В Мемельском порту союзные державы установили международное управление с участием Польши, но без Советского Союза. Вопрос о Восточной Галиции был разрешён в пользу Польши, захватившей Галицию вопреки воле большинства украинского населения. По внушению тех же держав Финляндия обратилась в Лигу наций с просьбой урегулировать вопрос о Карелии, хотя по Юрьевскому договору от 14 октября 1920 г. эта область была признана нераздельной частью Советской республики.

Наркоминдел энергично протестовал против каждого из этих враждебных актов. В ноте от 13 марта 1923 г. Наркоминдел отмечал, что, оставляя протесты без ответа, «союзные правительства тем самым показали, что они всё ещё не отказались от политики систематической вражды по отношению к России и её союзникам» [1].

Вскоре правительство Англии перешло к прямому вмешательству во внутренние дела Советского Союза. 30 марта 1923 г. британский официальный агент в Москве г. Ходжсон вручил Наркоминделу ноту с протестом против смертного приговора, вынесенного католическому священнику Буткевичу за его контрреволюционную деятельность. Своё вмешательство в это дело британский агент пытался оправдать мотивами гуманности. Ходжсон угрожал применением репрессий, в случае если смертный приговор будет приведён в исполнение.

31 марта заведующим отделом стран Согласия Наркоминдела был дан резкий ответ на вызывающую ноту г. Ходжсона. Наркоминдел писал, что всякая попытка «защитить шпионов и предателей России является актом недружелюбия и возобновления интервенции, которая успешно была отражена русским народом» [2].

Ходжсон отказался принять ноту, если она не будет составлена в других выражениях. В новой ноте 4 апреля 1923 г. Наркоминдел подчеркнул, что нота Ходжсона от 30 марта является совершенно недопустимой попыткой вмешательства во внутренние дела независимой и суверенной Советской республики. Поэтому Наркоминдел отнюдь не может признать выражений своей ответной ноты неуместными. Так как, к сожалению, английский агент не находит возможности передать ноту своему правительству, Наркоминдел будет искать другие пути;

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 237.

[2] Там же, стр. 239.

чтобы довести до сведения великобританского правительства её содержание.

После этого вся переписка была опубликована в печати. 8 мая английский министр иностранных дел прислал Советскому Союзу ультиматум. Керзон требовал уплатить компенсацию за расстрел в 1920 г. английского шпиона Девисона (участника антисоветской диверсионной организации Поля Дюкса) и за арест других шпионов.

На основании фантастических информационных сведений Керзон обвинял советское правительство в антибританской пропаганде в Индии, Персии, Афганистане. Он утверждал, что все суммы, переводимые советским правительством в эти страны, расходуются на работу против Англии. Керзон требовал прекращения этой деятельности. Но глава английского Министерства иностранных дел на этом не остановился. В своей запальчивости он выдвигал неслыханное требование — немедленно отозвать советских полномочных представителей из Афганистана и Персии. В их лице он видел непосредственных виновников тех национальных восстаний, которые волной прокатились по британским колониям и полузависимым странам.

Лорд Керзон открыто брал под свою защиту контрреволюционных церковников. Он пытался доказать, что они понесли кару лишь за свои религиозные убеждения.

«В самой России, однако, — заявлял Керзон, — не делается никакой попытки отрицать, что эти преследования и казни являются частью сознательной кампании, предпринятой советским правительством с определённой целью уничтожения всякой религии в России и замены её безбожием» [1].

Керзон требовал принять все его условия в течение десяти дней и принести извинения английскому правительству. В случае отказа советского правительства подчиниться этим требованиям нота угрожала разрывом отношений.

Ультиматум Керзона, опубликованный в международной прессе, усилил антисоветское движение во всём капиталистическом мире. В Лозанне против советской делегации поднялась бешеная кампания. Швейцарские газеты требовали её немедленной высылки. Посыпались угрозы применить физическую расправу. Результатом этой яростной агитации явилось злодейское убийство в Лозанне белогвардейцем Конради советского представителя В. В. Воровского.

В Советской России ультиматум Керзона вызвал всеобщее возмущение. По всем городам и деревням шли бурные демонстрации. Трудящиеся собирали деньги на построение большого

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 248—249.

воздушного флота. Первая эскадрилья, созданная на эти средства, вошла в состав воздушного флота под названием «Ультиматум».

Советское правительство решительно отвергло фантастические обвинения ноты Керзона. В ответной ноте от 11 мая 1923 г. Наркоминдел заявил, что «путь ультиматумов и угроз не есть путь улажения частных и второстепенных недоразумений между государствами; во всяком случае, установление правильных отношений с советскими республиками на этом пути недостижимо» [1].

Само собой разумеется, советское правительство отказалось удовлетворить требование Керзона об отзыве советских представителей из Кабула и Тегерана. Приведя ряд неопровержимых данных в доказательство антисоветской деятельности английских агентов, Наркоминдел писал:

«Указывая сейчас на эти факты, советское правительство отнюдь не имеет в виду выдвигать их в качестве обвинений против великобританского правительства, а желает лишь показать, что, стремясь к сохранению мирных отношений с Великобританией, а не к провоцированию конфликтов, оно не считает возможным строить свои протесты на донесениях информаторов и перехваченных документах, достоверность которых в таких случаях остаётся всегда под некоторым сомнением. Подобного рода материалы имеются у всех правительств, и если бы последние пользовались ими не для ориентировки, а для создания конфликтов и обеспечения протестов, то вряд ли могли бы существовать мирные отношения между любыми двумя государствами» [2].

С уничтожающей иронией отнеслась нота советского правительства к заявлению Керзона о посылке золота из России на Восток в целях антибританской пропаганды.

«Мнительность великобританского правительства, — гласила нота, — должна быть чрезмерной, чтобы считать, что у советского представителя на Востоке не может быть иного употребления деньгам, как для целей антибританской интриги. Великобританскому правительству больше чем кому-либо другому известно, если оно правильно информировано, что советское правительство добивается и достигает добрых отношений с народами Востока не интригами и золотом, а мерами действительного бескорыстия и доброжелательства к ним» [3].

С особым достоинством советское правительство напоминало Англии, что не позволит разговаривать с собой, как с какой-либо страной, закабалённой Версальским договором.

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 250.

[2] Там же, стр. 251—252.

[3] Там же, стр. 252.

«Российское советское правительство, — писал Наркоминдел, — считает, что одной из главных причин постоянно возникающих недоразумений между ним и великобританским правительством является тот факт, что в связи с положением, создавшимся после Версальского мира, известные круги Антанты не согласны иметь дела с другими странами на началах действительного равенства сторон. Не отрицая того, что очень значительное число стран действительно стало в последние годы в зависимое или полузависимое положение к странам бывшей Антанты, российское правительство считает нужным сказать, что положение советских республик не имеет, не может и не будет иметь ничего общего с состоянием зависимости от воли иностранного правительства. Если бы правящие круги Великобритании усвоили себе этот факт, то тем самым была бы устранена важнейшая помеха к установлению нормальных и спокойных отношений, равно выгодных для обеих стран» [1].

Вместе с тем, чтобы не давать английским реакционерам повода продолжать свои выступления, советское правительство предложило созвать конференцию, где авторитетные и полномочные представители обеих сторон могли бы не только разрешить спорные второстепенные вопросы, но и урегулировать англо-советские отношения во всём их объёме.

Ультиматум Керзона вызвал возмущение не только в Советском Союзе. Трудящиеся Англии понимали, что от разрыва отношений недалеко и до новой интервенции. По всей Англии нарастал протест против политики Керзона. В конце концов сам Керзон вынужден был отступить: он продлил срок выполнения своих требований ещё на 10 дней и даже дал понять советскому представителю, прибывшему в это время в Лондон, что не будет настаивать на буквальном их выполнении.

Чтобы окончательно выбить почву из-под ног Керзона, советское правительство решило вновь проявить своё миролюбие. В ноте от 23 мая оно выразило согласие пойти навстречу некоторым желаниям британского правительства. Во-первых, оно предложило заключить с Англией конвенцию, предоставляющую английским гражданам право рыбной ловли в советских водах вне трёхмильной морской зоны впредь до урегулирования всего вопроса; во-вторых, уплатить за конфискованные английские рыболовные суда; в-третьих, уплатить компенсацию за расстрел и арест английских граждан, с той, однако, оговоркой, что согласие на это отнюдь не означает ошибочности репрессивных мер, применённых в отношении этих шпионов; в-четвёртых, взять обратно два письма, посланные на имя Ходжсона.

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 255.

После дополнительного обмена нотами, в которых были установлены взаимные обязательства невмешательства во внутренние дела и воздержания от враждебных актов, оба правительства признали переписку законченной.

В течение этих переговоров Дания заключила с Советской Россией торговый договор. Возобновила торговые переговоры с советским правительством и Швеция. Из США отправились в Советскую Россию некоторые видные государственные и финансовые деятели. Наконец, и Франция «откликнулась по давно уже заглохшему делу о репатриации наших солдат»[1] телеграммой от имени правительства, уведомив Наркоминдел о согласии принять для этой цели советскую делегацию Красного Креста.

В капиталистическом мире явно обозначились новые тенденции по отношению к Советскому государству. Ультиматум Керзона был безуспешной попыткой воздвигнуть преграду на этом пути.

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г. II съезду Советов СССР, стр. 41.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

РУРСКИЙ КОНФЛИКТ
(1922—1923 гг.)

Конец «политики выполнения»

Наряду с ближневосточными осложнениями для дипломатии стран-победительниц по-прежнему оставалась неурегулированной и репарационная проблема. С конца 1922 г. в развитии репарационного вопроса наступила новая и самая острая фаза.

Выступление германского министра иностранных дел Ратенау в Генуе было последней демонстрацией германской дипломатии в пользу соглашения и сотрудничества с версальскими державами-победительницами. Оно вызвало, однако, взрыв негодования со стороны реакционно-националистических кругов Германии.

В печати началась шумная кампания против Ратенау и рейхсканцлера Вирта, которые обвинялись в «безумном желании проводить политику выполнения». Националисты требовали отказа от репараций; более того, они ставили вопрос об аннулировании Версальского договора. Направлял кампанию против репараций, как и раньше, угольный король Германии Гуго Стиннес вместе с германской «народной партией», представлявшей интересы тяжёлой индустрии.

Приближался очередной срок репарационных платежей, 31 мая 1922 г. Канцлер Вирт метался между Парижем и Лондоном в надежде если не на заём, то на длительный мораториум. В Париж был послан и германский министр финансов с обширной программой экономических и финансовых реформ в Германии. Все эти переговоры оказались бесплодными.

Не дали результатов и хлопоты Вирта о международном займе. Совещание банкиров в Париже, отражая непримиримую позицию империалистов Франции, высказалось против займа.

Французские империалисты жаждали конфликта. Они хотели реализации своих давнишних планов захвата Рура. Они открыто угрожали оккупацией, подготовляя общественное мнение к этому шагу, который мог привести к серьёзным международным осложнениям.

В то же время германские промышленники во главе со Стиннесом продолжали саботировать все мероприятия правительства, направленные к выплате репараций. На собрании предпринимателей Северо-Западной Германии 6 июня 1922 г. Стиннес открыто призывал к сопротивлению и срыву репарационных обязательств. Угрозу оккупации Рура он объявлял несерьёзной. Расширение оккупации, по его словам, только доказало бы французам, что этим путём они ничего добиться не могут.

Общий тон выступлений Стиннеса и его печати становился всё более вызывающим. Газета Стиннеса «Deutsche Allgemeine Zeitung» поместила в номере от 7 июня 1922 г. на первой странице напечатанные жирным шрифтом условия, на которых Германия якобы может согласиться на уплату репараций; то были: очищение от войск союзников всех занятых ими территорий, в том числе Саарского бассейна; отказ от 26-процентного сбора с внешней торговли, установленного в 1921 г. Лондонским меморандумом; предоставление Германии права свободно торговать с Данцигом и через Польский коридор; исправление границ Верхней Силезии в интересах Германии; отказ от предоставления всем союзникам «права наиболее благоприятствуемой нации».

Эта программа под прикрытием патриотических лозунгов явно вела к конфликту с Францией.

При помощи своей печати и широкой агентуры Стиннес разжигал в массах жажду мести и реванша. Он первый стал ссылаться на то, что Германия неплатёжеспособна. Среди промышленников Германии Стиннес пропагандировал мысль, что оккупация Рура может оказаться для них даже выгодной. Она обострит взаимоотношения Англии с Францией, обеспечит англо-германское сближение, приведёт к отмене репараций и даст возможность германским промышленникам усилить нажим на рабочий класс.

Этот план лежал в основе «политики катастроф», на путь которой Стиннес толкал германскую дипломатию ещё со времени конференции в Спа в 1920 г. Однако преградой на пути этой политики стоял такой последовательный сторонник «политики выполнения», как Вальтер Ратенау. Вот почему именно против него и был направлен огонь Стиннеса и его единомышленника Гельфериха, который возглавлял в Рейхстаге «национальную оппозицию».

Немедленно после Генуэзской конференции Гельферих опубликовал демагогическую брошюру с резкими выпадами против экономических мероприятий правительства. Там же он высмеял и поведение Ратенау в Генуе. Ещё более яростную атаку против Ратенау Гельферих открыл в Рейхстаге 23 июня 1922 г. Выступая по саарскому вопросу, Гельферих изображал германского министра иностранных дел как злостного союзника

французских захватчиков. В результате такой политики, говорил Гельферих, саарское население чувствует себя «в подлинном смысле слова преданным и проданным».

Обвиняя Ратенау, Гельферих требовал от правительства отказа от выполнения репарационных обязательств.

«Перед нами откроется путь к спасению лишь тогда, — говорил он на заседании Рейхстага 23 июня 1922 г., — когда окажется, что имеется германское правительство, которое повернётся спиной при предъявлении ему невыполнимых требований. Спасение будет возможно, когда мир поймёт, что в Германии снова — разрешите мне выразить мою мысль одним словом — можно иметь дело с мужчинами».

На другой день после этой провокационной речи, 24 июня 1922 г., когда Ратенау из своей виллы в Грюнвальде направлялся на автомобиле в министерство, его нагнал быстро мчавшийся автомобиль. В нём сидели два германских офицера. Управлял автомобилем студент. Поровнявшись с машиной Ратенау, они произвели несколько выстрелов из револьверов и бросили в Ратенау ручную бомбу. Ратенау был убит наповал. Убийцами оказались три члена реакционно-монархической «Организации С» («Консул»), активные участники капповского путча. За спиной убийц скрывался их подлинный вдохновитель — Стиннес.

«Курс на Рур» Убийство Ратенау, активного сторонника политики выполнения Версальского договора, отвечало интересам не только Стиннеса, но и Пуанкаре, давно уже взявшего «курс на Рур».

Этот курс политики Пуанкаре диктовался двумя основными мотивами. Один заключался в стремлении утвердить в Европе гегемонию французской тяжёлой индустрии, добиться экономического преобладания Франции как условия её политического господства. Другим мотивом была боязнь военного реванша со стороны побеждённой Германии.

Мотивы дипломатии Пуанкаре нашли своё отражение в секретном докладе, составленном по его поручению председателем финансовой комиссии французского Парламента Дариаком.

Доклад начинался с выражения сожаления, что «экономические санкции», состоявшие в контроле над рейнскими таможнями и в установлении таможенного барьера по Рейну, совпадающего с линией французской оккупации, были сняты (1 октября 1921 г.). Автор доклада усиленно подчёркивал исключительное значение Рура для экономической жизни Германии.

«Тяжёлая индустрия Рурской области, — писал Дариак, — находящаяся целиком в руках нескольких человек, сыграет решающую роль в тех событиях, которые должны в будущем разыграться в Германии. В этом плане хозяйственная роль

Стиннеса, Тиссена, Круппа, Ганнеля, Клекнера, Функе, Маннесмана и ещё трёх или четырёх лиц подобна роли Карнеджи, Рокфеллера, Гарримана, Вандербильда и Гольда в Америке. Кроме того, они развивают политическую деятельность, незнакомую американским миллиардерам»[1].

Дариак ставил вопрос о возможности и способах использования Францией богатств Рура. Итти ли на прямой захват этих районов с устранением германских промышленников или сперва попытаться достигнуть с ними соглашения?

«Можно предложить германскому правительству, — рассуждал Дариак, — одну четверть или одну треть акций концернов и использование прибылей под контролем союзной комиссии. Разве Франция не может предложить в обмен на германский кокс французскую руду в целях мирной эксплоатации, при условии действительного взаимного промышленного сотрудничества?»

Дариак напоминал о Висбаденском соглашении 6 октября 1921 г. между Лушером и Ратенау о товарных поставках, которыми в известной мере заменялись платежи наличными. Не повторить ли этого опыта?

В Германии, как и во Франции, представители тяжёлой индустрии кровно заинтересованы в подобном сотрудничестве.

«Германские промышленники, — развивал Дариак своё предложение, — открыто заявляют, что объединение германского кокса и французской руды будет иметь крупные последствия, и, если между обоими народами непосредственно будет заключено репарационное соглашение, прелюдией чему явилось соглашение в Висбадене, все проблемы очень быстро упростятся».

Намечая план экономического использования Рурского бассейна, Дариак ставил также вопрос и о продлении оккупации Рейнской зоны.

«Надо задержать оккупационную армию, — писал он, — дольше чем на 15 лет и дать возможность французским войскам избавить рейнское население от опасности возвращения прусской палки: этим будет обеспечено его будущее».

Дариак настаивал на том, чтобы французская дипломатия разработала и осуществила в отношении Рейнской области тщательно продуманную программу действий с целью создания рейнского государства как буфера между Германией и Францией.

В соответствии с выводами доклада Дариака Пуанкаре выдвинул в середине 1922 г. новую программу — «продуктивных залогов». Вместо финансовых платежей французская дип-

---

[1] Секретный доклад Дариака, впервые опубликован в «Manchester Guardian» 2 сентября 1922 г.

ломатия в репарационном вопросе теперь требовала выплаты репараций поставками натурой. Наиболее конкретное выражение программа «продуктивных залогов» нашла в следующих семи пунктах требований, выдвинутых французской дипломатией на Лондонской конференции по репарационному вопросу (7—14 августа 1922 г.):

1. Контроль над ввозными и вывозными лицензиями, осуществляемый межсоюзной комиссией по ввозу и вывозу в Эмсе.
2. Установление таможенной границы на Рейне со включением Рурской области.
3. Введение особых пошлин на вывоз из Рурской области.
4. Контроль над государственными рудниками и лесами в занятых областях.
5. Предоставление победителям 60% участия в химической промышленности занятых областей.
6. 26-процентная вывозная пошлина в счёт репараций.
7. Передача победителям германских таможенных пошлин.

Эта программа Пуанкаре вызвала на Лондонской конференции решительные возражения большинства делегатов. Особенно резко выступила против неё английская делегация.

Дипломатическая полемика между Англией и Францией в вопросе об оккупации Рура была по существу борьбой за влияние в послевоенной Европе. Британская дипломатия принимала все меры, чтобы не допустить дальнейшего усиления Франции и завоевания ею гегемонии на континенте. Она стремилась сохранить «европейское равновесие» и закрепить за Англией роль арбитра в международных спорах.

Если Франция пыталась осуществить свою политику в отношении Германии методами военного давления, то Англия действовала иным способом. Она добивалась сговора с Германией, стараясь найти с ней общий язык. Британская дипломатия направляла свои усилия в сторону сближения с Германией в противовес Франции и Советской России. Перед лицом общественного мнения эта политика оправдывалась необходимостью помешать германо-советскому соглашению.

Одним из главных проводников курса на англо-германское сближение был британский посол в Берлине лорд д'Абернон. Он стоял в центре всей дипломатической игры. Широко используя пацифистские приёмы, он выступал в качестве «посла мира».

Отношение Англии к оккупации Рура выражено в мемуарах д'Абернона в следующих словах: «Действительно ли оккупация Рура, которая ускорила конечный кризис германских финансов и временно нарушила жизнь наиболее активной части германской промышленности, была таким большим несчастьем, как это в то время считали все в Германии? Если акция Франции ускорила и усилила катастрофу, то не приблизила ли она тем самым момента спасения? Не являлось ли обострение

кризиса необходимым шагом на пути к реставрации? Не длилась ли бы борьба вокруг репараций долгие годы, если бы за этим насильственным расстройством всей индустриальной жизни Германии не последовал полный крах? Опустошение, произведённое оккупацией Рура, и вызванный ею кризис всей финансовой организации Германии, возможно, были необходимы, чтобы отрезвить весь мир» [1].

На Лондонской конференции английская делегация и не пыталась добиться соглашения с Францией. Она противопоставила предложениям Пуанкаре свою собственную программу, состоявшую из 10 пунктов. Главными были: автономия германского государственного банка, ограничение текущего долга Германии и предоставление ей мораториума.

Конференция закончилась полным расхождением недавних союзников. Этот факт не без юмора констатировал Ллойд Джордж, закрывая конференцию. «Согласимся хотя бы с тем, — заявил он, — что мы не можем прийти к соглашению».

Британская дипломатия, внешне оставаясь пассивной наблюдательницей развивающегося конфликта, на самом деле не теряла времени. Она готовила решительный отпор Франции и с этой целью сближалась с США.

Американский капитал также опасался французской гегемонии в Европе. Победа Франции закрыла бы путь проникновению этого капитала в народное хозяйство европейских стран и прежде всего Германии. В отношении к последней политика Англии и США во многом совпадала.

Обострение разногласий между союзниками

Лондонская конференция в августе 1922 г. была последней попыткой разрешить репарационный вопрос коллективными усилиями дипломатии союзников. После этого Пуанкаре начал действовать самостоятельно. Его политика направлялась теми крайними группами из Комите де Форж, которые упорно добивались оккупации Рура.

Подготовка этого захвата шла полным ходом. Комите де Форж играл в ней руководящую роль. Для подкупа нужных ему политических деятелей был создан специальный фонд. Щедро раздавались взятки депутатам, чиновникам, журналистам. На средства Комите де Форж пресса Пуанкаре и телеграфное агентство Гавас развернули кампанию в пользу «продуктивных залогов».

Французская дипломатия усиленно подготовляла благоприятную для планов Пуанкаре международную обстановку. После победы кемалистов над греками в сентябре 1922 г. она удержала турок от наступления на Константинополь. В отплату за эту услугу Пуанкаре добивался от Англии свободы дей-

[1] *Д'Абернон*, Посол мира, т. I, стр. 39.

ствий для французов в Руре. Отставка Ллойд Джорджа в результате ближневосточного кризиса развязала руки Пуанкаре. Новый премьер Бонар Лоу занимал менее стойкую позицию в рурском вопросе.

Благоприятствовала замыслам Пуанкаре и обстановка в Германии. Стиннес продолжал свою политику катастроф. 9 ноября он выступил с резкой речью против выполнения Германией её репарационных обязательств. Правительство Вирта по совету англичан обратилось к репарационной комиссии с нотой от 14 ноября 1922 г., прося моратория на 3—4 года.

Германская нота даже не была рассмотрена комиссией. Усилиями Стиннеса кабинет Вирта был свергнут. Новый кабинет Куно, образовавшийся 16 ноября 1922 г., попытался вести борьбу с Пуанкаре, играя на англо-французских разногласиях. Немецкая пресса начала запугивать англичан конкуренцией французской тяжёлой индустрии. Тогда французский Совет министров 27 ноября 1922 г. вынес постановление — взять на учёт в виде залога все германские промышленные предприятия.

Дело принимало грозный оборот. Правительство Куно вынуждено было умерить тон. Оно вновь выступило с предложениями по вопросу о репарациях, в основном повторявшими ноту от 14 ноября. Открывшаяся в Лондоне конференция союзных премьер-министров 10 декабря отклонила германские предложения. На следующий день, 11 декабря, на первой странице «Deutsche Allgemeine Zeitung» опубликовано было вызывающее заявление Стиннеса.

«После отклонения германских предложений в Лондоне, — гласило оно, — остаётся констатировать следующее: германскую промышленность ни о чём не спрашивали, когда подготовляли предложения, переданные затем Лондонской конференции. Её даже о них не информировали. Мы считаем посланные в Лондон предложения нецелесообразными и экономически невыполнимыми. Если бы они и были приняты противной стороной, хозяйственные и промышленные круги Германии всё же попытались бы найти средства и пути, чтобы добиться при дальнейших переговорах надлежащего и окончательного решения».

Заявление Стиннеса означало, что германская тяжёлая индустрия даже под угрозой оккупации Рура отказывается платить репарации.

События приобретали стремительный ход. Декабрьские дебаты во французской палате по вопросу о долгах и репарациях проходили в накалённой атмосфере. Сторонники Пуанкаре решительно требовали оккупации Рура как гарантии репарационных платежей, а также закрепления Франции на левом берегу Рейна как естественной преграды против возможной германской агрессии.

По вопросу о межсоюзнических долгах Пуанкаре твёрдо заявил, что Франция может платить долги своим союзникам лишь в том случае, если Германия будет аккуратно выполнять свои репарационные обязательства.

26 декабря по требованию Пуанкаре репарационная комиссия поставила вопрос о невыполнении Германией лесных поставок за 1922 г. Пуанкаре настаивал на признании «умышленного невыполнения» и на применении к Германии соответствующей статьи Версальского договора. Английская делегация возражала. С её точки зрения нельзя было говорить о невыполнении Германией договорных обязательств, ибо денежные платежи она производила. Невыполнение же лесных поставок представитель Англии в репарационной комиссии Бредбюри охарактеризовал как «микроскопическое». По его мнению, весь вопрос о невыполнении являлся лишь «военной хитростью» французской дипломатии, чтобы иметь предлог для занятия Рура.

Доводы англичан оказались бессильными перед упорством Пуанкаре. Чтобы отговорить французов от оккупации Рура, английский премьер Бонар Лоу 28 декабря 1922 г. выехал в Париж. Из Лозанны прибыл туда же министр иностранных дел Англии Керзон. На предварительном совещании британских министров было решено предоставить Германии «передышку» и создать для неё такое положение, при котором она была бы в состоянии платить репарации.

Позиция фашистской Италии

Разногласиями союзников по репарационному вопросу пыталась воспользоваться итальянская дипломатия.

К этому времени длительная гражданская война в Италии закончилась победой фашистов. Став 30 октября 1922 г. во главе правительства, Муссолини стремился укрепить свою диктатуру, опиравшуюся на поддержку магнатов итальянской промышленности, банков и сельского хозяйства. Одним из средств этой политики фашистского диктатора должно было явиться обеспечение стальной индустрии Италии французской железной рудой. Муссолини решил поддержать позицию Пуанкаре в рурском вопросе. Проезжая 8 декабря 1922 г. через Париж, по пути на конференцию в Лондон, он заявил в одном из своих интервью журналистам: «Точка зрения Италии на репарационный вопрос та же, что и Франции. Италия не может больше проявлять великодушия. Она согласна с союзниками в том, что Германию следует заставить склонить голову» [1].

На Лондонской конференции в декабре 1922 г. итальянская делегация присоединилась к репарационной программе француз-

[1] *Silvio Trentin*, Le fascisme à Genève, Paris 1932, p. 41.

ского правительства. Пуанкаре ликовал. Выражая своё удовлетворение новой позицией Италии по репарационному вопросу, он заявил не без злорадства, что «весьма счастлив видеть в лице г. Муссолини сторонника того метода действенных гарантий, который всё время отвергался его предшественниками» [1].

Пуанкаре был непрочь использовать Муссолини для давления на Англию и Германию. Однако Италия была слишком слаба, чтобы оказывать сколько-нибудь значительное влияние на ход борьбы за Рур.

Парижская конференция (2—4 января 1923 г.)

На первом же заседании Парижской конференции, 2 января 1923 г., английская делегация выступила с предложением предоставить Германии мораториум без залога и гарантий на 4 года. По истечении этого срока Германия должна уплачивать ежегодно по 2 миллиарда золотых марок, а ещё через 4 года — по 2,5 миллиарда. Общая сумма германского долга должна быть капитализирована, по предложению англичан, в сумме 50 миллиардов золотых марок. С таким разрешением репарационной проблемы английский проект связывал урегулирование межсоюзнических долгов и европейской задолженности Америке.

С критикой проекта Бонар Лоу на конференции выступил Пуанкаре. Он заявил, что Франция никогда не согласится на такой способ разрешения репарационного вопроса, который давал бы Германии возможность восстановить свою экономическую жизнь «за счёт стран, ею разорённых».

«Если принять английский план, — заявил Пуанкаре, — то весь германский долг станет на одну треть меньше, чем долг Франции. Через несколько лет Германия явится единственной страной в Европе, свободной от всяких внешних долгов. Так как народонаселение Германии беспрерывно увеличивается, а промышленность её остаётся почти нетронутой, то в самом скором времени Германия станет полным хозяином положения в Европе. Ведь население Франции вдвое меньше германского, и Франция к тому же вынуждена будет нести на себе всё бремя восстановления разорённых областей».

Французское правительство опубликовало официальное сообщение о том, что английский проект не только не предоставляет Франции никаких гарантий, но нарушает основные положения Версальского договора. В интервью с представителями прессы Пуанкаре указал, что в случае, если союзники не пожелают оказать давление на Германию для выполнения ею французских требований, это автоматически повлечёт за собой следующие меры со стороны французского правительства: 1) оккупацию Эссенского и Бохумского районов и всего Рурского

[1] *Silvio Trentin,* Le fascisme à Genève, p. 42.

бассейна согласно программе, разработанной маршалом Фошем; 2) секвестр таможенных пошлин в оккупированных областях.

На заключительном заседании Парижской конференции Бонар Лоу выступил с заявлением, что английское правительство, ознакомившись с французскими предложениями, находит их неприемлемыми. Они «повлекут за собой серьёзные и даже непоправимые последствия для экономического положения Европы», — предупреждал британский делегат.

В заключительных декларациях обе делегации высказали сожаление по поводу «непримиримых разногласий, обнаружившихся в столь серьёзном вопросе». Однако ими была выражена надежда, что, несмотря на это, обе стороны сохранят взаимные дружественные отношения.

Комментируя эти декларации, французская пресса отмечала, что в итоге Парижской конференции «сердечное согласие (entente cordiale) уступило место сердечному разрыву (rupture cordiale)».

Парижская конференция фактически предоставляла Пуанкаре свободу действий в отношении Рура. Формальное признание этой свободы произошло на заседании репарационной комиссии 9 января 1923 г., обсуждавшей вопрос об угольных поставках Германии.

Германское правительство просило выслушать предварительно двух его экспертов. Председатель комиссии Барту предупредил, чтобы они говорили покороче. Всем было ясно, что исход обсуждения предрешён. После трёхчасового совещания комиссия большинством трёх голосов против одного (английского) постановила считать, что установлено умышленное невыполнение Германией её обязательств по угольным поставкам. Такое невыполнение предоставляло союзникам право применения санкций.

10 января 1923 г. в Берлин была направлена франко-бельгийская нота. Она извещала германское правительство, что вследствие нарушения Германией параграфов 17 и 18 восьмого раздела Версальского договора правительства Франции и Бельгии посылают в Рурскую область комиссию, состоящую из инженеров, для контроля над деятельностью угольного синдиката в части выполнения репарационных обязательств — «Micum» (La Mission Internationale de contrôle des usines et mines).

В ноте подчёркивалось, что французское правительство «не имеет в виду прибегать к военным операциям или к оккупации, носящей политический характер». Войска посылаются лишь в таком количестве, какое необходимо «для охраны комиссии инженеров и для гарантирования её распоряжений».

Оккупация Рура

Истинное содержание этого дипломатического документа стало ясным уже на следующий день. 11 января 1923 г. отряды франко-бельгийских войск в несколько тысяч человек заняли Эссен и его окрестности. В городе было объявлено осадное положение. Германское правительство ответило на эти мероприятия отозванием по телеграфу из Парижа своего посла Майера, а из Брюсселя — посланника Ландсберга. Всем дипломатическим представителям Германии за границей было поручено подробно изложить соответствующим правительствам все обстоятельства дела и заявить протест против «противоречащей международному праву насильственной политики Франции и Бельгии». Воззвание президента Эберта «К германскому народу» от 11 января также возвещало о необходимости протеста «против насилия над правом и мирным договором».

Формальный протест Германии был заявлен 12 января 1923 г. в ответе германского правительства на бельгийскую и французскую ноту. «Французское правительство, — гласила германская нота, — тщетно пытается замаскировать серьёзное нарушение договора, давая мирное объяснение своим действиям. То обстоятельство, что армия переходит границу неоккупированной германской территории в составе и вооружении военного времени, характеризует действия Франции как военное выступление».

«Дело идёт не о репарациях, — заявил в своей речи в Рейхстаге 13 января канцлер Куно. — Дело идёт о старой цели, которая уже больше 400 лет ставится французской политикой... Эту политику наиболее успешным образом вели Людовик XIV и Наполеон I; но не менее явно её придерживались и другие властители Франции до настоящего дня».

Британская дипломатия продолжала внешне оставаться безучастной свидетельницей развивающихся событий. Она заверяла Францию в своей лойяльности.

Но за дипломатическими кулисами Англия подготовляла поражение Франции. Д'Абернон вёл непрерывные переговоры с германским правительством о методах борьбы против оккупации.

Германское правительство получило совет ответить на французскую политику оккупации Рура «пассивным сопротивлением». Последнее должно было выразиться в организации борьбы против использования Францией экономических богатств Рура, а также в саботаже мероприятий оккупационных властей.

Инициатива в проведении этой политики исходила от англо-американских кругов. Сам д'Абернон усиленно приписывает её американскому влиянию. «В послевоенном развитии Германии американское влияние было решающим, — заявляет он. — Устраните действия, предпринятые по американскому совету,

или в предполагаемом согласии с американским мнением, или в предвидении американского одобрения, — и весь курс германской политики был бы совсем иным» [1].

Что касается английской дипломатии, то, как свидетельствуют факты, она не только не имела действительного намерения удержать Пуанкаре от рурской авантюры, но втайне стремилась разжечь франко-германский конфликт. Керзон лишь для видимости предпринимал свои демарши против оккупации Рура; реально он ничего не сделал, чтобы помешать её осуществлению. Более того, как Керзон, так и его агент, английский посол в Берлине лорд д'Абернон, считали, что рурский конфликт мог взаимно ослабить и Францию и Германию. А это привело бы к господству Великобритании на арене европейской политики.

Совершенно самостоятельную позицию в вопросе об оккупации Рура занимало советское правительство.

Открыто осуждая захват Рура, советское правительство предупреждало, что этот акт не только не может привести к стабилизации международного положения, но явно грозит новой европейской войной. Советское правительство понимало, что рурская оккупация была столько же результатом агрессивной политики Пуанкаре, сколько и плодом провокационных действий германской империалистической буржуазии во главе с германской «народной партией» Стиннеса. Предупреждая народы всего мира, что эта опасная игра может закончиться новым военным пожаром, советское правительство в обращении ЦИК от 13 января 1923 г. выражало своё сочувствие германскому пролетариату, который становился первой жертвой провокационной политики катастроф, проводимой германскими империалистами.

Политика «пассивного сопротивления»

Уже накануне оккупации 9 января 1923 г. вся высшая администрация Рейнско-Вестфальского угольного синдиката выехала из Эссена в Гамбург. Этому примеру последовали и другие предприятия. Угольный синдикат прекратил репарационные поставки угля союзникам. Правительство Куно со своей стороны объявило, что не будет вести никаких переговоров с репарационной комиссией, пока Рур не будет освобождён от оккупационных войск.

Политика пассивного сопротивления, провозглашённая Куно 13 января в Рейхстаге, была одобрена большинством 283 голосов против 28. Эту политику самым активным образом поддерживали рурские углепромышленники во главе со Стиннесом.

Однако германские политики и промышленники не представляли себе реальных последствий пассивного сопротивления.

---

[1] *Д'Абернон*, Посол мира, т. I, стр. 29.

Пуанкаре усилил оккупационную армию; он расширил район оккупации, заняв Дюссельдорф, Бохум, Дортмунд и другие богатые промышленные центры Рурской области. Рур постепенно изолировался от Германии и от всего внешнего мира — Голландии, Швейцарии, Италии. Генерал Дегутт, командовавший оккупационными армиями, запретил вывоз угля из Рурской области в Германию. С оккупацией Рура Германия лишилась 88% угля, 48% железа, 70% чугуна. Вся область находилась под властью таможенного комитета, создавшего таможенную стену между Рейнско-Вестфальской оккупированной областью и Германией. Падение немецкой марки приобрело катастрофический характер.

Усилились и репрессии оккупационных властей. Ряд углепромышленников, в том числе Фриц Тиссен, был арестован. Круппу Дегутт пригрозил секвестром его предприятий. Начались аресты германских правительственных чиновников в Рурской и Рейнской областях.

Попытка правительства Куно дипломатическими средствами воздействовать на французское правительство ни к чему не привела. Пуанкаре вернул один из протестов германского правительства со следующей препроводительной нотой: «Министерство иностранных дел имеет честь отправить обратно германскому посольству полученное сегодня отношение. Невозможно принять бумагу, составленную в подобных выражениях».

На протест по поводу арестов в Рурской области Пуанкаре ответил нотой от 22 января 1923 г. В ней заявлялось, что французское правительство подтверждает получение отношения, в котором германское правительство протестует против ареста некоторых лиц в Рурской области. Французское правительство отклоняет этот протест. «Все меры, принимаемые оккупационными властями, совершенно правомерны. Они являются последствием нарушения Версальского договора германским правительством».

Германская дипломатия вновь попыталась добиться вмешательства Англии в рурский конфликт. С неофициальным визитом в Англию поехал член Рейхстага Брейтшейд, считавшийся среди германской социал-демократии выдающимся знатоком международных вопросов и прирождённым дипломатом. Впечатления Брейтшейда были далеко не радужны: дальше сочувствия Германии и осуждения Франции в Англии не шли. Преобладало нежелание втягиваться в конфликт. «Английский народ в своём подавляющем большинстве желает во что бы то ни стало избежать войны, так как нигде отвращение к новой войне не является столь сильным, как в Англии», — таков был основной вывод из визита Брейтшейда в Англию.

Это же доказывал и так называемый кёльнский инцидент. После начала рурской оккупации разнёсся упорный слух об

уходе английских войск из кёльнской зоны. Немецкие газеты с ликованием подхватили этот слух, надеясь, что разногласия союзников приведут к отказу Пуанкаре от рурской оккупации. Но надежды эти не оправдались. 14 февраля 1923 г. министр иностранных дел Великобритании Керзон пояснил мотивы, по которым английское правительство решило оставить свои войска в Рейнской области. «Их присутствие окажет умеряющее и умиротворяющее действие», — заявил министр. Вывод английских войск означал бы, по мнению Керзона, конец Антанты.

Как объяснили Брейтшейду его английские друзья, англичане сначала действительно хотели уйти из своей зоны оккупации; однако они не желали ссориться с французами, особенно после разрыва переговоров с турками в Лозанне (4 февраля 1923 г.).

Английская дипломатия отказалась и от посредничества. «Что касается посредничества, — заявил Керзон, — то о нём не может быть и речи, если только с соответствующей просьбой не обратятся обе стороны».

Таким образом, надежда Германии на помощь английской дипломатии рушилась. Между тем нажим Франции всё усиливался. Дипломатия Пуанкаре опиралась на поддержку Бельгии и Италии. Итальянская дипломатия воскресила старый наполеоновский проект континентального блока против Англии. Ещё во время Парижской конференции она начала секретные переговоры с Францией и Бельгией об организации такого блока. Итальянское официальное агентство даже опубликовало 11 января 1923 г. сообщение, которое гласило, что «итальянское правительство обратило внимание правительств Франции и Бельгии на своевременность образования своего рода континентального синдиката, из которого не была бы исключена a priori и Германия» [1].

Инициативу фашистской Италии подхватила реакционно-националистическая печать во Франции. Она же трубила, что франко-итальянский союз является «первой статьёй новой конституции Европы». 21 февраля 1923 г. французский сенатор и издатель газеты «Matin» Анри де Жувенель писал, что невозможно ставить будущее Европы в зависимость от Великобритании. «У континента имеются свои интересы, — заявлял де Жувенель. — Островные мозги с трудом могут их постигнуть, а если и постигнут, то не захотят им служить. Великобритания добивается в Европе политического равновесия. Даже туннель под каналом вызывает у неё подозрение. Однако Альпы не так отделяют страны друг от друга, как канал».

Жувенель поддерживал идею франко-итальянского союза. Он доказывал, что французское железо найдёт выгодный сбыт

[1] *Silvio Trentin*, Le fascisme à Genève, p. 44.

в Италии. Кроме того, Франция и Италия должны совместно заняться нефтяными промыслами в Румынии, Турции и России. В связи с этим они могут объединить свой торговый флот для перевозки нефти.

Все эти проекты не пошли дальше газетного обсуждения. Однако они усиливали возбуждение как в Англии, так и в Германии.

Новые германские предложения

Экономические последствия рурской оккупации сказывались не только в Германии. Снижение покупательной способности германского населения влекло за собой падение английского экспорта и рост безработицы в Англии.

Лондонское Сити рассчитывало, что оккупация Рура вызовет обесценение франка, отчего выиграет английский фунт. Курс франка действительно быстро падал. Но падение курса франка наряду с экономическим развалом Германии совершенно дезорганизовало европейский рынок.

В Германии резко усиливались националистические и реваншистские настроения. Во всех областях Германии, особенно в Баварии, формировались тайные и явные организации фашистского типа. Они выступали с лозунгами мобилизации сил для восстановления «великой германской армии», её перевооружения и подготовки к новой войне. Рейхсвер приобретал в стране всё большее влияние. Вся левая печать Германии тревожно отмечала близость рейхсвера с фашистскими организациями.

Эта обстановка в Германии вызывала тревогу во Франции. Вопрос о гарантиях безопасности не сходил со страниц французской печати.

Пуанкаре использовал это положение для оправдания своей рурской политики. Выступая в Дюнкерке 15 апреля 1923 г., он вновь доказывал не только экономическую, но и политическую необходимость оккупации Рура.

По словам Пуанкаре, после четырёх вторжений в течение одного века Франция имеет право обеспечить свою безопасность. Она должна «защищать свои границы от новых нарушений и воспрепятствовать тому, чтобы нация, империализм которой, повидимому, неизлечим, лицемерно начинала в тени подготовку вторжения».

На другой день, 16 апреля, в таком же духе выступил и председатель бельгийского Совета министров Тёнис. Он заявил, что занятие Рура должно парализовать захватнические намерения Германии. «Оккупация — это средство, а не цель, — говорил премьер. — Мы хотим, чтобы Германия, признав, что она проиграла опасную ставку на финансовое валютное банкротство... решилась, наконец, на возмещения и сделала нам предложения».

Напряжённая обстановка в Европе и давление общественного мнения заставили, наконец, и английскую дипломатию

приподнять забрало. 21 апреля 1923 г. лорд Керзон выступил в Палате лордов с речью, в которой советовал Германии представить через английского посла д'Абернона новые предложения по репарационному вопросу. «Я могу лишь повторить свой совет, — говорил Керзон, — который однажды я уже давал германскому правительству. Пусть оно само выступит с предложением, которое показало бы Антанте, что Германия по мере возможности готова выполнять свои обязательства. Я знаю, что французское и бельгийское правительства готовы, если такое предложение будет сделано этим двум сторонам или Антанте в целом, приступить к переговорам для серьёзного обсуждения вопроса. Германии, по-моему, остаётся лишь сделать первый шаг, чтобы за этим последовало и разрешение рурского конфликта» [1].

На предложение Керзона Штреземан ответил в публичной речи в Берлине 22 апреля 1923 г. Он заявил, что с известными оговорками и поправками «выводы Керзона о репарационной проблеме могут послужить основой для дальнейшего международного обсуждения. Однако, — продолжал Штреземан, — мы должны высказать со своей стороны некоторые замечания лорду Керзону. Английский министр затрагивает лишь репарационный вопрос. Если мы не ошибаемся, Керзон желал бы, чтобы Лига наций оказывала влияние на управление Рейнской областью. По вопросу о репарациях с Германией договориться можно. Наши жизнь и смерть не зависят от того, уплатим ли мы одним миллиардом больше или меньше. Но Рейн и Рур — это для нас вопросы жизни и смерти... Если Керзон хочет быть честным посредником между Германией и Францией, то пусть он исходит из этой предпосылки — суверенитета Германии над Рейнской областью» [2].

Но французское правительство не желало английского посредничества. 26 апреля Пуанкаре заявил, что никакое германское предложение не будет рассматриваться, если оно не адресовано самой Франции.

В конце концов в расчёте на поддержку Англии германское правительство 2 мая 1923 г. передало Бельгии, Франции, Англии, Италии, США и Японии ноту с предложениями по вопросу о репарациях. Отмечая, что «экономическое оздоровление Европы и мирное сотрудничество могут быть разрешены лишь путём взаимного соглашения», германская нота предупреждала, что пассивное сопротивление Германии будет продолжаться до тех пор, пока не будут эвакуированы оккупированные области. Германское правительство соглашалось установить общую сумму обязательств Германии в 30 миллиардов марок золотом, при-

[1] *Gustav Stresemann,* Vermächtnis, B. I, S. 55.
[2] Ibid., S. 56.

чём вся эта сумма должна быть покрыта при помощи иностранных займов.

Всю репарационную проблему германская нота предлагала передать на решение международной комиссии. При этом нота ссылалась на речь американского статс-секретаря Юза, произнесённую в Американской исторической ассоциации в декабре 1922 г. Для разрешения репарационной проблемы Юз предлагал обратиться к экспертам — «лицам, пользующимся высоким авторитетом в финансовых сферах своей страны, людям такого личного авторитета, опыта и честности, чтобы их решение о размере тех сумм, которые должны быть уплачены, и о финансовом плане выполнения платежей было признано во всём мире как единственно правильное разрешение вопроса».

Вместе с тем германское правительство просило передать на третейское разбирательство все те спорные вопросы, которые не могут быть урегулированы дипломатическим путём.

Германская нота вызвала новую дипломатическую схватку. Ответная нота французского и бельгийского правительств от 6 мая 1923 г. была составлена в резко полемическом тоне. Решительно возражая против того, что оккупация Рура представляет собой нарушение Версальского договора, нота предупреждала, что «переговоры немыслимы до прекращения пассивного сопротивления».

Отклоняя германские предложения, касающиеся создания международной комиссии, французское и бельгийское правительства заявляли, что не намерены что-либо изменять в своих прежних решениях. Они не могут не отметить, что «германская нота производит с начала до конца впечатление лишь слегка завуалированного, но систематического восстания против Версальского договора». Принятие германских предложений «неизбежно повело бы к полной и окончательной ликвидации этого договора и к необходимости составления другого, а также к моральному, экономическому, политическому и военному реваншу Германии».

Ответ английского правительства на германскую ноту был сформулирован более сдержанно. В английской ноте от 13 мая 1923 г. сквозило явное намерение показать, что английская дипломатия не оказывала влияния на позицию Германии и на её предложения от 2 мая 1923 г.

Керзон отмечал в своей ноте, что германские предложения явились для него «большим разочарованием». По форме и по существу они далеки от того, что́ английское правительство могло ожидать, заявлял Керзон, в ответ на «советы, с которыми я во многих случаях позволял себе обращаться к германскому правительству». Керзон предлагал Германии «представить более серьёзные и ясные доказательства своей готовности платить, чем это было до сих пор».

Итальянское правительство ответило немцам весьма уклончивой нотой от 13 мая 1923 г. В ней было подчёркнуто, что при распределении репарационных платежей Италия была поставлена в невыгодное положение. Нота также рекомендовала Германии выступить с новым предложением, которое «могло бы быть принято как итальянским, так и другими союзными правительствами».

Позже других ответила Япония. В короткой ноте от 15 мая она сообщала, что «для японского правительства данный вопрос не имеет такого большого и жизненного значения, как для других союзников». Всё же Япония предлагала германскому правительству принять меры для «скорого миролюбивого разрешения всей репарационной проблемы в целом».

Приём, оказанный германской ноте от 2 мая, заставил правительство Куно пересмотреть свои предложения.

Через 3 недели, 7 июня 1923 г., Куно отправил правительствам Антанты новый меморандум. В нём германское правительство предлагало определить платёжеспособность Германии на «беспристрастной международной конференции».

В качестве гарантии уплаты репараций Куно предлагал облигационные обязательства на сумму 20 миллиардов золотых марок, обеспеченные государственными железными дорогами и другим имуществом.

Но Пуанкаре и на этот раз не спешил с ответом. Предварительным условием для переговоров с Германией он ставил попрежнему прекращение пассивного сопротивления.

В мае 1923 г. в Англии произошла смена кабинета. Отставка Бонар Лоу и назначение премьер-министром Болдуина не означали радикального изменения общего направления английской политики и курса её дипломатии. Но новый премьер, бывший канцлер казначейства, опиравшийся на влиятельные торгово-промышленные круги Англии, принадлежал к тем политикам, которые настойчиво добивались ликвидации рурского конфликта. К этому его побуждали не только интересы этих кругов, но и страх английской буржуазии перед опасностью революционного кризиса в Германии.

Выступая 12 июля 1923 г. в Палате общин по вопросу о рурских осложнениях, Болдуин подчеркнул, что «для Англии как деловой нации ясно, что если от Германии потребовать чрезмерных платежей, то от этого больше всего пострадают сама Англия и её союзники». «Германия, — говорил премьер, — быстро приближается к финансовому хаосу; за ним может последовать промышленный и социальный крах».

Английская буржуазная печать настойчиво доказывала, что нерешённая проблема репараций является «препятствием восстановлению экономического равновесия Европы, а следовательно, и Англии».

Занятие Рура ускоряет катастрофу; предотвратить её можно только быстрейшей ликвидацией рурского конфликта, — этот общий вывод деловых и правительственных кругов Англии определил и направление деятельности английской дипломатии.

20 июля 1923 г. английский кабинет препроводил французскому правительству ноту. В ней лорд Керзон выражал готовность Англии присоединиться к другим союзникам для оказания давления на германское правительство, чтобы заставить его отказаться от пассивного сопротивления в Руре. Однако условием этого коллективного воздействия Керзон ставил новую серьёзную попытку выяснения платёжеспособности Германии и установления комитетом беспристрастных экспертов более реальной суммы репараций.

Ответ французского и бельгийского правительств на британскую ноту последовал 30 июля 1923 г.

Французская нота отвергала предположения британского правительства о разрушительных результатах оккупации Рура: разорение Германии — дело рук самой Германии и её правительства, а не следствие занятия Рура. Пассивное сопротивление немцев должно прекратиться без всяких условий. Новое определение платёжеспособности Германии и общей суммы репараций и бесполезно и опасно.

«В 1871 г., — заключала свои возражения французская нота, — никто на свете не интересовался, считает ли Франция Франкфуртский договор справедливым и осуществимым. Никто не воспрепятствовал тогда Германии занять значительную часть французской территории до полной уплаты возмещения в пять миллиардов, которых потребовала страна-победительница, не подвергавшаяся вторжению, не испытавшая никаких разрушений от войны и, однако, отнявшая у побеждённых две провинции».

Англо-французские противоречия в рурском вопросе всё обострялись. Мировая печать уже заговаривала о серьёзных трещинах в версальской системе и даже о распаде Антанты. Вопрос об англо-французских разногласиях подвергся обсуждению в обеих английских палатах. Давая на заседании Палаты общин 2 августа 1923 г. обзор дипломатической переписки по репарационному вопросу, Болдуин подчеркнул, что добивается ликвидации рурского конфликта как горячий друг Франции. «Так как я хочу, чтобы эта дружба продолжалась, — заявил премьер, — я желаю скорейшего конца смуты, которая в настоящее время причиняет страдания Европе».

Парламентская оппозиция во главе с Ллойд Джорджем не замедлила упрекнуть правительство в нелойяльности по отношению к Франции; ведь английское правительство сначала поощряло, а теперь осуждает рурскую авантюру. Это непоследовательно и нелогично.

«Что это за хаос? — вопрошал Ллойд Джордж 6 августа 1923 г. в статье «По примеру Наполеона». — Франция и Германия, и та и другая, стремятся к соглашению в Руре. Но обе слишком горды, чтобы в этом сознаться. Поэтому борьба продолжается и будет продолжаться во вред обеим сторонам. Англия посылает ворчливые ноты по очереди то Франции, то Германии... Германия должна представить свои расчёты под пулемётами и приводить свои доводы перед дулом французских пушек... Весь мир сошёл с ума» [1].

В новой пространной ноте Англии от 20 августа 1923 г. Пуанкаре перечислял систематические нарушения Германией версальских обязательств. «Репарационная комиссия, — гласила нота, — посвятила двадцать три заседания добросовестному выслушиванию тридцати двух экспертов, назначенных Германией [2]. Лишь после этой долгой работы, 27 апреля 1921 г., она определила репарационный долг Германии. К 1 мая 1921 г. он исчислялся в размере 132 миллиардов золотых марок». Ссылаясь на развал своих финансов и на падение валюты, Германия упорно уклонялась от уплаты репараций. В то же время она «вновь соорудила огромный торговый флот, в настоящий момент конкурирующий в водах Америки с флотом Англии и с нашим флотом; она прорыла каналы, развила телефонную сеть; короче говоря, она предприняла всевозможные работы, которые Франция ныне должна откладывать» [3].

По подсчётам экономиста Маультона [4], Германия внесла к началу 1923 г. всего 25—26 миллиардов золотых марок. Из них 16 млрд. составляла стоимость германской собственности за границей и только 9,5 млрд. были изъяты из национального богатства страны. В эту сумму входили и натуральные поставки стоимостью 1,6 млрд. марок. Наличными деньгами Германия внесла только 1,8 млрд. Умышленное расстройство бюджета, изъятие крупной промышленности из налогового обложения, злостное уклонение от платежей — всё это характеризовало нарушения со стороны Германии репарационных обязательств. Вместе с тем, как отметил и Ллойд Джордж в своей книге «Мир ли это?», Германия сознательно стремилась нанести материальный ущерб союзникам и, в частности, воспрепятствовать восстановлению французской и бельгийской промышленности после войны. Лавируя, маскируясь и обманывая общественное мнение Европы, империалистическая Германия накапливала силы, чтобы вновь стать угрозой миру.

---

[1] *Ллойд Джордж*, Мир ли это? 1924, стр. 104—105.

[2] «Германские репарации и доклад комитета экспертов». Собрание документов, Гиз, 1925, стр. 17.

[3] Там же.

[4] *Маультон Т. Т.*, Платёжеспособность Германии, М.—Л. 1925.

Империалистические притязания фашистской Италии

Угроза миру возникала и со стороны фашистской Италии. Пользуясь рурским конфликтом, она торопилась устроить свои дела в бассейне Средиземного моря. Правительство Муссолини предъявило свои притязания на всё восточное Адриатическое побережье. Итальянский фашизм выдвигал лозунг превращения Адриатического моря в итальянское море (Mare nostro — Наше море).

В апреле 1923 г. фашистский генерал Векки произнёс в Турине речь, направленную против Югославии. Он требовал включения значительной её части в состав Итальянской империи.

«Очертания императорской Италии, — говорил Векки, — нанесённые на герб фашистских корпораций, охватывают своими границами и Югославию. Ведь Югославия есть для нас святая Далмация, преданная закланию на алтаре отечества».

Взаимоотношения между Италией и Югославией ещё более обострились, когда 16 сентября 1923 г. итальянцы произвели в Фиуме политический переворот. Посланные в Фиуме итальянские войска установили там фашистскую власть. Не получив поддержки Франции, занятой рурским конфликтом, Югославия вынуждена была отказаться от своих притязаний на Фиуме в пользу Италии.

Почти в то же время фашистская Италия повела борьбу за Албанию и Корфу. 27 августа 1923 г. вблизи албанской границы на греческой территории произошло нападение неизвестных лиц на итальянских членов комиссии по установлению границ Албании. Италия возложила ответственность за убийство своих представителей на греческое правительство. В Афины был отправлен ультиматум, а 31 августа итальянские войска оккупировали остров Корфу. Греция апеллировала в Совет Лиги наций. Она просила Лигу назначить комиссию для наблюдения за судебным следствием и для определения суммы возмещения в пользу семейств убитых. Однако Муссолини в официальной ноте от 5 сентября заранее отвергал всякое вмешательство Лиги наций.

Совет Лиги наций предложил греческому правительству принести свои извинения посланникам трёх держав, представленных в пограничной комиссии. Италия согласилась, чтобы Греция принесла извинения не Италии, а конференции послов, ибо погибшие делегаты были её уполномоченными. Итальянское правительство, удовлетворившись получением 50 миллионов лир в пользу семейств убитых, эвакуировало Корфу. Между тем военная демонстрация на греческой территории обошлась той же Италии в 288 миллионов лир.

Агрессивные методы международной политики Италии вызвали возмущение европейских держав. К тому же Англия

не могла допустить захвата острова Корфу, который является ключом к Адриатическому морю. На другой день после оккупации острова Англия ультимативно предложила итальянцам его очистить. Опасность изоляции заставила итальянскую дипломатию ретироваться. Италия поспешила заверить встревоженную Европу в своих мирных намерениях и возобновить переговоры с Югославией.

Отказ Германии от пассивного сопротивления

Между тем в Германии нарастал революционный кризис. В августе 1923 г. в Рурской области началась грандиозная забастовка; 400 тысяч рабочих-стачечников требовали ухода оккупантов. Борьба в Руре была поддержана рабочими всей Германии. 12 августа забастовка привела к падению правительства Куно. Однако германские социал-демократы, испугавшиеся размаха революционной борьбы, поспешили с помощью буржуазии и рейхсвера задушить революцию. В результате было создано коалиционное правительство Штреземана — Гильфердинга.

Сын мелкого берлинского торговца Густав Штреземан получил, не без затруднений, университетское образование. В дальнейшем он проявил себя крупным организатором в качестве руководителя шоколадного треста и мало-помалу стал своим человеком в различных капиталистических организациях. Заняв пост секретаря Общества саксонской обрабатывающей промышленности, Штреземан прошёл в Парламент, где стал вождём партии национал-либералов. В 1914—1918 гг. Штреземан принадлежал к самым решительным сторонникам войны до конца. Между прочим он был одним из ярых защитников подводной войны против Англии. Защищая в речах и статьях идею создания «великой Германии», Штреземан отстаивал планы захвата Франции до реки Соммы, Бельгии, Польши и русских земель, в том числе Украины. Штреземан был также сторонником идеи разрушения Британской империи.

После войны в качестве лидера германской «народной партии» Штреземан стал во главе её парламентской фракции. С ней он голосовал против подписания Версальского договора. Однако всё это не помешало гибкому дельцу вскоре превратиться в сторонника Англии и защитника идеи «примирения» с западными державами. Впрочем, и в этом Штреземан был двуличен. В письме к германскому кронпринцу (написанном позже, уже в 1925 г.) он откровенно заявлял: «Вопрос о выборе между Востоком и Западом не ставится на очередь. Выбирать можно, впрочем, лишь тогда, когда имеешь за собой военную мощь. Этого у нас, к сожалению, нет. Мы не можем сделаться континентальной шпагой Англии и точно так же не можем позволить себе германо-русский союз». В выдвижении кандидатуры Штреземана в рейхсканцлеры немалую роль сыграл английский

посол в Берлине лорд д'Абернон. При помощи Штреземана этот дипломат надеялся найти желательный для Англии компромисс, который мог бы положить конец затянувшемуся рурскому конфликту.

Впрочем, опираясь на Англию, Штреземан вёл двойную игру. Он рассчитывал договориться и с Францией.

В своей программной речи в Штутгарте 2 сентября 1923 г. Штреземан заявил, что Германия готова итти на хозяйственное соглашение с Францией. Однако она будет решительно бороться против всяких попыток расчленения Германии. На следующий день, сразу по возвращении Штреземана из Штутгарта, к нему явился французский посол; он сообщил канцлеру, что Франция готова обсудить поставленный им вопрос. Тем не менее посол считает необходимым обратить внимание канцлера на то, что французское правительство ставит предварительным условием отказ населения Рура от пассивного сопротивления.

«Я ему указал, — пишет в своём дневнике Штреземан, — что германское правительство не может добиться прекращения пассивного сопротивления, пока не будет урегулирован рурский конфликт. Во Франции должны понять, что германское правительство, не будучи в состоянии обеспечить спокойствие германского населения, не может предпринимать никаких мер для ликвидации этого сопротивления. Мало того, германское правительство подвергается нападкам именно за то, что не проявляет достаточной энергии в деле усиления этого сопротивления» [1].

В заключение рейхсканцлер поставил перед французским послом несколько конкретных вопросов. Во-первых, не согласится ли Франция на организацию международного железнодорожного общества в Рейнской области? Во-вторых, как представляет она себе нормальные германские поставки кокса и угля? В-третьих, можно ли рассчитывать на более тесное экономическое сотрудничество между Германией и Францией?

Без инструкций своего правительства французский посол не смог ответить на эти вопросы.

Штреземан продолжал свою дипломатическую игру с целью выторговать для Германии наиболее выгодные условия капитуляции. Он поставил в известность английского посла в Берлине д'Абернона о том, что германское правительство соглашается на прекращение пассивного сопротивления, но требует амнистии его участникам.

«Я дал ему понять, — записал в своём дневнике Штреземан, — что если не будет достигнуто соглашение, то мы уже не в состоянии будем терпеть режим оккупации. Тогда

---

[1] *Gustav Stresemann,* Vermächtnis, B. I, S. 102—103.

ответственность за порядок в этих областях падёт на Бельгию и Францию» [1]. В результате этих переговоров германское правительство опубликовало 26 сентября 1923 г. декларацию, в которой предложило населению оккупированных областей прекратить пассивное сопротивление.

На капитуляцию Германия шла по ряду причин. К этому её вынуждали прежде всего общий хозяйственный кризис и нараставшее в стране революционное движение.

Спекулируя на этой опасности, Штреземан рассчитывал сделать более сговорчивыми буржуазные правительства недавних врагов Германии. Штреземан предупреждал их, что его правительство может быть «последним буржуазным правительством Германии».

Осенью 1923 г. Германия действительно стояла перед революционным взрывом. В Саксонии было создано рабочее правительство из левых социал-демократов и коммунистов. Вскоре такое же правительство было образовано и в Тюрингии. Немедленно правительство Штреземана бросило в Саксонию и Тюрингию войска. Рабочие были разгромлены. Узнав о событиях в Саксонии, пролетариат Гамбурга 22 октября 1923 г. начал всеобщую забастовку; она перешла в вооружённое восстание. После трёхдневной борьбы с войсками и это восстание было подавлено. Вследствие измены социал-демократических вождей, поддерживавших буржуазию, революционная борьба германского пролетариата закончилась поражением. Германское буржуазное правительство торжествовало победу. Оно продемонстрировало капиталистическим державам, что нажим на Германию грозит развязать социалистическую революцию. С другой стороны, разгромив рабочее движение, оно облегчало себе задачу возложить на трудящиеся массы Германии всю тяжесть расплаты за империалистическую войну.

---

[1] *Gustav Stresemann,* Vermächtnis, B. I, S. 127.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ПЛАН ДАУЭСА

(1923—1924 гг.)

Провал планов Пуанкаре

Напряжённая восьмимесячная борьба за Рур привела к капитуляции Германии. Мировая печать расценивала эту капитуляцию как вторую войну, проигранную немцами.

Пуанкаре был почти у цели. Казалось, «прыжком в Рур» он не только захватил инициативу в разрешении репарационной проблемы, но и завоевал для Франции господствующую роль в европейской политике.

Пуанкаре надеялся, что отказ Германии от пассивного сопротивления ускорит создание германо-французского угольно-железного синдиката, руководимого французским капиталом. Французская металлургия получит, наконец, уголь и кокс, французская химия — полуфабрикаты и краски, эльзасский текстиль — возможность беспошлинного ввоза в Германию. Материальная база экономической, военной и политической гегемонии Франции на континенте будет, таким образом, обеспечена.

Пуанкаре жестоко ошибся, приняв отказ немцев от политики пассивного сопротивления за чистую монету. На самом деле то было с их стороны шахматным ходом. Политика пассивного сопротивления подорвала силы Германии и создала угрозу революции в стране. Продолжать эту политику было невозможно. Но немцы и не собирались уступать Франции. Они рассчитывали, что их отказ от политики пассивного сопротивления активизирует британскую политику.

Впрочем, сам Пуанкаре не хотел удовлетвориться отказом немцев от пассивного сопротивления. В своих еженедельных воскресных речах, произносимых при открытии памятников погибшим героям войны, он упрямо доказывал союзникам, что и после прекращения пассивного сопротивления Германия не будет выполнять своих репарационных обязательств.

«Германское правительство, — говорил Пуанкаре 30 сентября 1923 г., — громогласно заявило перед всем миром,

что прекращает сопротивление, организованное в Руре. Оно и не могло поступить иначе, будучи не в состоянии больше финансировать это сопротивление; оно знало, что эта тактика грозит оторвать от империи местное население. Но угрюмое заявление о неизбежности перемирия ничего не значит. Всё зависит от выполнения. Мы ждём от Германии дел. Она отказалась ставить нам условия. Это хорошо. Но ей надлежит теперь показать нам, что она действительно готова облегчить нам на занятых территориях выполнение всех её обязательств» [1].

Требовательность французов вызывала неудовольствие английской дипломатии. На имперской конференции британских доминионов 1 октября 1923 г. Болдуин решительно осудил непримиримую позицию Пуанкаре. Ещё более резкой была речь министра иностранных дел Керзона. Он отрицал, что прекращение пассивного сопротивления является победой Пуанкаре. Репарационных платежей Франция всё же не получает. Единственный результат оккупации — хозяйственный развал Германии и дезорганизация Европы.

«Развал Германии, — говорил Керзон, — это исчезновение должника. Франция заверяла нас, что по окончании пассивного сопротивления начнутся переговоры между союзниками. Их нет. Англия поступилась бы частью своих требований, если бы это обеспечило возможность соглашения; но так как соглашение невозможно, то требования Англии остаются в силе».

Перед лицом возможной победы Франции во франко-германском конфликте британская дипломатия приступила к решительным действиям. Она перешла в наступление. Заранее выяснив намерения США и заручившись их поддержкой, британское правительство 12 октября 1923 г. официально обратилось к своему американскому партнёру. Англия предлагала созвать конференцию для урегулирования вопроса о репарациях при непосредственном участии США. Британское правительство отмечало, что «сотрудничество правительства Соединённых штатов является существенным условием для того, чтобы действительно подойти к решению репарационного вопроса». В ноте подчёркивалось, что Америка не может оставаться в стороне от европейских проблем, тем более, что с ними связан и вопрос межсоюзнических долгов. Необходимо, гласила нота, вернуться к декларации государственного секретаря США Юза от декабря 1922 г., в которой предлагалось, чтобы США приняли на себя роль арбитра при решении репарационного вопроса.

Английская нота заканчивалась предложением «оказать великую услугу делу безопасности и умиротворения всего мира»

---

[1] *René Pinon,* La bataille de Ruhr, Paris 1924, p. 290.

и организовать конференцию с участием США для разрешения репарационного вопроса.

В ответ на английскую ноту государственный секретарь Соединённых штатов Юз вручил британскому поверенному в делах меморандум от 15 октября 1923 г.

Выражая сожаление по поводу отсутствия «единства образа мысли у европейских держав», меморандум подтверждал, что декларация Юза остаётся в силе. Правда, меморандум отрицал связь вопроса о платёжеспособности Германии с проблемой межсоюзнических долгов. Всё же правительство США не отказывалось от «разумных соглашений относительно сроков и условий платежей, вполне считаясь с обстоятельствами, в которых находятся союзные должники». Вскоре после этого американский посол в Лондоне Гарвей официально заявил, что США охотно примут участие в экономической конференции, дабы спасти Европу от катастрофы.

Однако Пуанкаре, получивший приглашение на эту конференцию, уклонился от ответа на английское предложение. Поэтому Болдуин выступил на съезде консервативной партии 25 октября 1923 г. с предупреждением, чтобы Пуанкаре «хорошенько подумал», прежде чем отказаться принять это предложение.

Пуанкаре ответил Болдуину в своей очередной речи от 28 октября, произнесённой при освящении памятника в Сампиньи. «Английский премьер сказал, — заявил он, — что Франции следует трижды подумать, прежде чем она отклонит английские предложения... Я больше, чем кто-либо, не хотел бы, чтобы урегулирование репараций затягивалось. Притом, как и английский премьер, мы желаем, чтобы США не держались в стороне от европейской политики».

Всё же Пуанкаре выражал сомнение в том, чтобы Англия и США могли достигнуть благоприятного разрешения репарационного вопроса при помощи новой конференции.

О чём будет сейчас совещаться конференция?—спрашивал Пуанкаре. Каков будет её состав? Каковы должны быть взаимоотношения между ней и правительствами или репарационной комиссией? Какова будет её компетенция?

Пуанкаре напоминал, что предел уступок Франции уже достигнут. Союзники недооценивают ту роль, которую Франция играет, стоя на страже безопасности Европы против неизбежной в будущем агрессии Германии.

«Вот уже четыре года, — говорил Пуанкаре в одном из своих публичных выступлений 4 ноября 1923 г., — как мы несём всю тяжесть льгот, предоставляемых Германии вопреки договору. Довольно! Мы не хотим нести одни почти все затраты на дело, которое является жизненно важным для всех и которое мы выиграли совместно. Мы не хотим также подвергаться опасности новых агрессий на этих восточных окраинах,

которые президент Вильсон назвал однажды очень правильно *границей свободы.* Наши друзья-бельгийцы и мы являемся стражами этой границы. И если бы она оказалась нарушенной, угроза вновь нависла бы над нами и над всеми нашими союзниками».

Пуанкаре не только говорил, но и действовал. Он хотел сорвать нежелательные для него планы англо-американской дипломатии. Ему казались удобнее методы «прямого действия», для применения которых официальная французская дипломатия только подыскивала наиболее благовидные мотивы.

Сепаратистское движение в Рейнской области и в Баварии

Одним из таких методов Пуанкаре являлась поддержка сепаратистского движения на Рейне и в Баварии.

Планы маршала Фоша о создании прирейнского буферного государства, отклонённые союзниками в 1919 г., воскресли вновь с момента оккупации Рура. В 1923 г. в журнале «Revue de la France» сам Фош выступил с доказательствами необходимости захвата Рейна и Рура. «Франция не может довольствоваться разоружением Германии, — писал Фош, — безразлично, будет ли это разоружение произведено добросовестно или нет. Слабость Германии ещё не означает силы Франции. Военная безопасность, построенная на такой зыбкой основе, была бы иллюзией. Для Франции и для Бельгии существует только одна гарантия против германского нападения — постоянное обладание переправами через Рейн. Линию Рейна можно удерживать сравнительно небольшими силами, если рейнская провинция будет освобождена от пруссаков... Если случится война, то победит та сторона, которая раньше завладеет переправами через Рейн».

Идея создания Рейнской республики встречала сочувствие и со стороны промышленников Рейнско-Вестфальской области.

Французский верховный комиссар Рейнской области Тирар в одном из докладов сообщал Пуанкаре: «Промышленники в Аахене просят нашей помощи и явно тяготеют в нашу сторону. Промышленники и торговцы в Майнце, прежде очень сдержанные и даже надменные, обнаруживают определённо франкофильские настроения».

Многие рейнские и вестфальские фирмы были и раньше теснее связаны с Францией, чем с Германией. После оккупации Рура они оказались совсем отрезанными от германского рынка и стремились приспособиться к новым условиям.

На сближение с пуанкаристской Францией рейнских промышленников толкал также страх перед революционным движением в Германии.

В ночь на 21 октября 1923 г. сепаратисты провозгласили «независимую Рейнскую республику». Немедленно после её

образования верховный комиссар Рейнской области получил уведомление о признании Францией временного правительства Рейнской республики.

Почти одновременно усилилось сепаратистское движение и в Баварии. Оно руководилось католической баварской народной партией с Каром во главе. Баварские сепаратисты добивались создания, при содействии Франции, совместно с Австрией и Рейнландом, дунайской конфедерации. Они рассчитывали, что отделение Баварии освободит её от уплаты платежей по Версальскому договору и даст ей возможность получить заём от Антанты, подобно Австрии.

Баварские сепаратисты вели переговоры с офицером французского генерального штаба полковником Ришером. На тайных совещаниях с ним они разработали план полного отделения Баварии от Германии. Ришер обещал им содействие и поддержку со стороны рурской оккупационной армии.

Но замыслы сепаратистов были раскрыты германским правительством. Пуанкаре пришлось отмежеваться от Ришера и его планов. «Я подтверждаю, — заявил Пуанкаре на заседании Парламента 2 октября 1923 г., — что полковник Ришер не получал от французского правительства никаких указаний... Французское правительство впервые узнало об обвинениях, выдвинутых против полковника Ришера, из сообщений печати и из доклада французского представителя в Мюнхене. Правительство организовало расследование и установило, что вышеупомянутый полковник действительно вошёл в сношения с баварскими националистами. Вследствие этого он вызван из Саарбрюкена и переведён в один из внутренних гарнизонов».

В середине октября 1923 г. Бавария фактически отделилась от Германии. Руководство баварской частью рейхсвера было передано генералу Лоссову, который отказался подчиняться имперскому правительству.

Верховный правитель Баварии Кар, опиравшийся на зажиточные слои баварских землевладельцев, не желавших и слышать о войне — *реванше* против Франции, — вступил в непосредственные переговоры с французами.

Английская дипломатия, встревоженная перспективой раздробления Германии и усиления Франции на континенте, сделала по этому поводу представление французскому правительству. Но Пуанкаре стремился показать, что баварские дела его не касаются. Не может же он отвечать за то, что творится внутри Германии!

В очередной воскресной речи, 4 ноября 1923 г., косвенно отвечая на английский запрос о Рейнской республике, Пуанкаре заявил, что французское правительство не считает себя обязанным охранять германскую конституцию и единство Германии. Пуанкаре напомнил о «священном принципе» самоопре-

деления наций, которому он следует, не имея оснований «противодействовать очевидному желанию населения учредить автономное государство».

Гитлеровский путч 8—9 ноября 1923 г.

Осенью 1923 г. в Германии создалось весьма напряжённое внутреннее положение. Рурский конфликт принёс германскому народу катастрофическую инфляцию и общее разорение. Разочарование масс и болезненное обострение национального чувства в стране использовали в своих интересах германские фашисты. Их националистическую демагогию поддерживали представители германской тяжёлой индустрии. Они не жалели миллионов для фашистских боевых союзов и вооружённых банд, готовых на заговоры, политические убийства и массовый террор. Особенно оживилась деятельность фашистских боевых организаций в Баварии, руководимых Людендорфом, Гитлером, Эрхардтом, Росбахом. Отсюда посылались в Рурскую область самые отчаянные головорезы, чтобы превратить пассивное сопротивление в активное. Здесь эти наёмные агенты устраивали взрывы мостов и железнодорожные крушения, нападали на одиночных французских солдат, убивали из-за угла представителей оккупационных властей.

Тайные боевые фашистские организации составляли часть так называемого «чёрного рейхсвера», который возник в Германии после того, как, по требованию Антанты, она должна была сократить свою армию до 100 тысяч. До этого Германия сохраняла 300-тысячную армию. После подписания Версальского договора оставшиеся 200 тысяч не были распущены. Они уцелели в качестве фашистских вооружённых банд, содержавшихся за счёт промышленников. Эти отряды, или, как их называли, «стиннесовские солдаты», представляли собой параллельные рейхсверу формирования; созданные для борьбы с революцией, они не переставали лелеять мысль о мести французам.

Наибольшего размаха достигла организация фашистских боевых союзов в Баварии. Тогда ещё молодой капитан Рем, с 1919 г. носившийся с мыслью о восстановлении германских вооружённых сил, стал создавать при содействии баварского рейхсвера штурмовые отряды. Они получали от магнатов тяжёлой индустрии денежные средства, а от рейхсвера — оружие и военных инструкторов.

Опираясь на эти вооружённые силы, Гитлер и Людендорф произвели в Мюнхене 8 ноября 1923 г. попытку захвата власти с целью превращения бывшего королевства в плацдарм для борьбы за фашистскую Германию. Мюнхенский путч потерпел крах. Оказалось, что Гитлер не имел ещё достаточно вооружённых сил и связей не только во всей Германии, но даже в Баварии. К тому же германские промышленники отказались его поддержать.

В это время Стиннес вёл переговоры с французами о создании германо-французского концерна. Фашистский путч, да ещё организованный под демагогическими лозунгами борьбы против репараций и Версальского договора, мог бы спутать Стиннесу все карты. Вот почему он прекратил финансирование организаций Гитлера и Людендорфа. Германская буржуазия предпочитала на этом этапе военную диктатуру генерала Секта, который под прикрытием республиканской конституции наводил *порядок* в Германии.

Переговоры между германскими и французскими промышленниками закончились 23 ноября 1923 г. заключением договора между рурскими промышленниками и французской комиссией по эксплоатации угольных шахт в оккупированных областях. По этому договору рурские промышленники обязались внести французам «угольный налог» в размере 15 миллионов долларов единовременно, а также поставлять во Францию 18% всего своего производства. Кроме того, они взяли на себя обязательство платить французам в счёт репараций по 10 франков за каждую проданную в Германии или за границей тонну угля.

Этот договор, на первый взгляд казавшийся победой французских промышленников, на деле был коварной махинацией Стиннеса. Угольный король Германии замыслил продемонстрировать несостоятельность расчётов враждебной ему группы французского Комите де Форж, возглавляемой де Ванделем, и добиться её поражения при наступающих выборах во Франции. Провал договора должен был привести к пересмотру вопроса о репарациях и облегчить заключение более выгодного для Стиннеса соглашения с другой группой французской индустрии во главе со Шнейдер-Крезо.

Между тем экономическое положение Франции продолжало ухудшаться. Германия и после прекращения пассивного сопротивления не вносила репарационных платежей и не производила обязательных поставок в условленных размерах.

Это тяжело отражалось на государственном бюджете Франции и на курсе франка. Расходы по оккупации росли. К осени 1923 г. они достигли одного миллиарда франков. Попытка Пуанкаре задержать падение курса франка, увеличив на 20% налоги, результатов не дала. К тому же английские банки выбросили на денежный рынок большое количество французской валюты. Это ещё более снизило курс франка. Пуанкаре ничего более не оставалось, как капитулировать перед финансовым и дипломатическим нажимом со стороны союзников. В связи с этим он поручил французскому послу в Америке сообщить правительству США о том, что Франция не возражает против созыва международного комитета экспертов по вопросу о германских платежах.

Международный комитет экспертов

Согласие Пуанкаре на организацию комитета экспертов было вынужденным. Иначе он не мог избегнуть созыва ещё более нежелательной конференции по репарационному вопросу. Но и теперь Пуанкаре соглашался на создание комитета экспертов лишь для обследования платёжеспособности Германии; при этом он требовал подчинения комитета репарационной комиссии. Это привело к отказу США официально участвовать в комитете экспертов. Отдельные американские эксперты могли быть приглашены, но не в качестве уполномоченных представителей правительства Соединённых штатов.

13 ноября 1923 г. появилось официальное сообщение репарационной комиссии о созыве комитета экспертов. По вопросу о задачах и правах этого комитета между английским и французским представителями на заседании репарационной комиссии произошло столкновение. На предложение председателя репарационной комиссии француза Луи Барту ограничить компетенцию комитета экспертов только вопросами платёжеспособности Германии английский представитель Бредбюри ответил колкостью. «Прежде чем прописать рецепт, осторожный врач заканчивает диагноз болезни,— заявил он. — Должен признаться, однако, что с первого взгляда рецепт французского делегата мне представляется исходящим из того мира, где некий философ изобрёл пилюли от землетрясения».

Бредбюри оказался в меньшинстве. Французское влияние в репарационной комиссии настолько преобладало, что она фактически превратилась в орудие в руках Пуанкаре.

30 ноября 1923 г. репарационная комиссия постановила образовать два комитета экспертов. Первый должен был заняться вопросами стабилизации германской маркп и уравновешения бюджета, второй — найти средства для возвращения эмигрировавших из Германии капиталов. Об этом решении репарационной комиссии Барту уведомил 5 декабря 1923 г. «американского наблюдателя» Логана.

В письме от 12 декабря Логан сообщил, что правительство Соединённых штатов, не имея возможности быть официально представленным в этих комитетах, всё же благожелательно отнесётся к участию в них американских экспертов.

Правительство США проявляло всё большую склонность участвовать в «восстановлении нормальных отношений» на старом континенте. Новый президент Кулидж, сменивший внезапно умершего Гардинга, в послании Конгрессу 6 декабря 1923 г. подчеркнул, что правительство США считает себя обязанным оказать помощь Европе. К этому побуждает правительство США и необходимость обеспечить получение европейских долгов. Текущий долг с процентами, следуемый США с иностранных правительств, выражается в сумме 7 200 миллионов долларов.

Одни проценты с долгов Америке достигают миллиона долларов в день. Вот почему США, заявил Кулидж в послании, предложили европейским государствам «свою помощь указаниями и советами». «Мы снова выразили наше пожелание, — гласило послание, — чтобы Франция получила свои долги, а Германия была восстановлена. Мы предлагали разоружение. Мы серьёзно стремились примирить разногласия и восстановить мир. Мы будем продолжать делать всё, что в наших силах».

Однако французская дипломатия явно саботировала работу комитета экспертов. Перед английской дипломатией встал вопрос о новом выступлении против Франции.

По этому поводу мнения в английском кабинете резко разделились. Одни доказывали необходимость занять более решительную позицию, вплоть до разрыва с Францией. Другие предостерегали против такого шага. Они доказывали, что распад Антанты может оказать пагубное влияние не только на Западную Европу, но и на Марокко, Египет, Турцию и весь Ближний Восток.

Английская дипломатия особенно опасалась за судьбу Танжерской конференции, которая как раз в это время заседала в Париже.

Танжерский конфликт

Незадолго до того состоялась итало-испанская политическая и военная демонстрация, явно направленная против попыток Англии превратить Танжер в интернациональный порт. 18 ноября 1923 г. испанский король Альфонс XIII в сопровождении председателя испанской директории Примо де Ривера, эскортируемый броненосной эскадрой, нанёс визит итальянскому королю Виктору-Эммануилу. Итальянский флот вышел навстречу испанской эскадре. Итальянская и испанская печать, комментируя эту встречу, злорадно заявляла, что Гибралтар, окружённый со всех сторон, при современном вооружении больше не страшен. Ключом к проливу являются Танжер и Риффское побережье, а их Испания никому не уступит.

Против интернационализации Танжера выступила также Франция. Она боялась, что через Танжер будет поступать оружие для марокканских племён, непрерывно восстававших против испанских и французских оккупантов.

Английской дипломатии стоило немалых усилий созвать конференцию по танжерскому вопросу, чтобы добиться компромисса с Францией и Испанией.

Конвенция о статуте танжерской зоны, подписанная 18 декабря 1923 г. Великобританией, Францией и Испанией, определила, наконец, порядок управления Танжером как интернациональной зоной, с «режимом постоянного нейтралитета».

Руководство международной администрацией зоны в течение первого шестилетия возлагалось на представителя Франции.

На такую сделку английская дипломатия пошла взамен уступок со стороны Франции в делах европейской политики, в частности и по вопросу о репарациях.

Разработка плана Дауэса

Теперь только, после долгих проволочек, Пуанкаре согласился на открытие работ международного комитета экспертов. Оно состоялось в Лондоне 14 января 1924 г. Председателем первого комитета экспертов был избран представитель США Чарльз Дауэс. Бывший адвокат, получивший за участие в мировой войне чин генерала, Дауэс был тесно связан с банковской группой Моргана. К этой группе в поисках выхода из финансового кризиса Пуанкаре обратился за кредитом. Морган обещал Франции ссуду в размере 100 миллионов долларов, но при условии урегулирования вопроса о германских репарациях.

В центре внимания комитета стоял, разумеется, репарационный вопрос. Но при обсуждении этого вопроса возник ряд новых проблем. Главное место заняло обсуждение возможности создания в Германии устойчивой валюты. На этом в особенности настаивали представители США. Они видели в разрешении валютной проблемы панацею от всех зол. «Надо, — заявил Дауэс, — найти воду, которая могла бы двигать германскую бюджетную мельницу. Мы построим мельницу, когда найдём воду для её колёс».

Внимание к валютным вопросам было обусловлено насущными интересами США и Англии. Американский капитал в поисках выгодных сфер для крупных капиталовложений проявлял особый интерес к Германии. Но устойчивая валюта — главное предварительное условие всяких инвестиций. Отсюда большой интерес США к валютной проблеме и их настойчивые требования стабилизации курса марки.

Англия поддерживала требования США к германской валюте. Продолжающаяся инфляция облегчала экспорт германских товаров и обостряла борьбу за рынки сбыта. Требование стабилизации валюты было для Англии одной из форм борьбы против германского экспорта.

На заседании комитета были заслушаны сообщения немецких делегатов — директора германского Рейхсбанка Шахта и германского министра финансов Лютера. Переговоры с ними велись по вопросу о создании так называемого Банкнотного банка и о его взаимоотношениях с Рейхсбанком. Для изучения положения германских финансов комиссия Дауэса выехала на несколько недель в Берлин.

Эксперты пришли к заключению, что платёжеспособность Германии может быть восстановлена только при условии экономического и финансового воссоединения оккупированных и неоккупированных областей. Они наметили также и те статьи национального дохода, которые могли бы стать гарантией меж-

дународного займа, если он будет предоставлен Германии для погашения репарационных платежей.

9 апреля 1924 г. Дауэс известил репарационную комиссию об окончании работы и представил текст доклада экспертов.

Доклад экспертов, вошедший в историю под названием плана Дауэса, состоял из трёх частей. Первая часть излагала общие выводы экспертов и точку зрения комитета. В ней подчёркивалось, что эксперты ставили своей целью взыскание долга, а не применение карательных мер. Во второй части доклада характеризовалось общее экономическое и финансовое положение Германии. Третья часть заключала ряд приложений к первым двум частям.

План Дауэса ставил своей задачей реальное обеспечение уплаты репараций Германией путём её хозяйственного восстановления. Для осуществления этой задачи решено было оказать Германии надлежащее содействие со стороны англо-американского капитала, прежде всего в вопросах стабилизации валюты и создания бюджетного равновесия. Для стабилизации германской марки комитет экспертов предлагал предоставить Германии международный заём в сумме 800 миллионов золотых марок. В залог выполнения денежных обязательств Германия должна была передать под контроль «комиссару по налогам» таможенные пошлины, акцизы и наиболее доходные статьи своего государственного бюджета. Все железные дороги должны были на 40 лет перейти к акционерному обществу железных дорог, утверждённому репарационной комиссией. Право эмиссии получал банк, контролируемый союзниками. Всё народное хозяйство Германии ставилось под контроль. Общая сумма репарационных платежей и конечный срок их уплаты не устанавливались и на этот раз. Германия лишь обязывалась уплатить в первый год один миллиард марок репараций. В последующие годы она должна была увеличивать эти взносы и довести их к 1928—1929 гг. до двух с половиной миллиардов марок в год.

План Дауэса решал вопрос и об источниках покрытия репарационных платежей. Первым источником становились доходы тяжёлой индустрии и железных дорог, выплачиваемые в виде процентных сумм на специально выпускаемые облигации. Облигации тяжёлой индустрии исчислялись в сумме 5 миллиардов марок и железных дорог — 11 миллиардов марок. Ежегодный взнос был установлен в 6% с этих сумм, т. е. в 960 миллионов марок.

Другим источником покрытия репарационных платежей становился государственный бюджет. Для мобилизации соответствующих средств были установлены специальные налоги, всей своей тяжестью непосредственно ложившиеся на плечи трудящихся. На этом настояли германские капиталисты. Они

утверждали, что в противном случае уплата репараций отразится на состоянии народного хозяйства Германии. На самом же деле немецкие промышленники и финансисты не поступались своими прибылями даже в той части, в какой репарации должны были выплачиваться за счёт их доходов. И в этой части были найдены пути к возмещению платежей за счёт рабочего класса.

Установление высоких косвенных налогов и связанное с этим повышение цен были использованы германскими империалистами для широкой демагогической, шовинистической пропаганды. Поражение Германии в первой мировой войне выдавалось за причину всех бедствий, переживаемых трудящимися страны. Средством для избавления от этих бедствий должна была явиться новая империалистическая война, которую правящие круги Германии рассчитывали увенчать полной победой над противником.

План Дауэса был, таким образом, внутренне противоречив. Он стремился восстановить в рамках Версальского договора экономически сильную и платёжеспособную Германию; однако посредством контроля над её хозяйственными ресурсами он же ставил задачей не допускать её превращения в опасного для союзников конкурента.

Конкуренция Германии была бы особенно чувствительной для стран-победительниц, если бы товары, производимые немецкими предприятиями, шли на рынки, на которых уже господствовал английский, французский и американский капитал. Возникал вопрос, куда направить поток германских товаров, усиленный сбыт которых немцами должен был явиться одним из главных средств уплаты германских репараций. Авторы плана Дауэса разрешали этот вопрос с чрезвычайной простотой. Они великодушно предоставляли Германии... советские рынки. Их не только привлекала мысль без ущерба для собственной торговли дать Германии возможность широкого сбыта её товаров для уплаты репараций. Отвести экономическое наступление Германии на Восток; подорвать советскую промышленность наводнением рынка СССР немецкими товарами; воспрепятствовать превращению Советской страны в индустриальную державу; превратить Россию в аграрный придаток промышленных стран Европы — таковы были замыслы авторов плана Дауэса. Нельзя было отказать ему в хитроумии. Но в плане имелся один небольшой недостаток. Вопрос о советском рынке и дальнейшем направлении экономического развития Страны Советов решался без хозяина.

«План Дауэса, составленный в Америке, — говорил товарищ Сталин в своём докладе на XIV съезде ВКП(б) 18 декабря 1925 г., — таков: Европа выплачивает государственные долги Америке за счёт Германии, которая обязана Европе выплатить репарации, но так как всю эту сумму Германия не мо-

жет выкачать из пустого места, то Германия должна получить ряд свободных рынков, не занятых ещё другими капиталистическими странами, откуда она могла бы черпать новые силы и новую кровь для выплачивания репарационных платежей. Кроме ряда незначительных рынков, тут Америка имеет в виду наши российские рынки. Они должны быть, по плану Дауэса, предоставлены Германии для того, чтобы она могла кое-что выжать и иметь из чего платить репарационные платежи Европе, которая, в свою очередь, должна выплачивать Америке по линии государственной задолженности».

Касаясь той части плана Дауэса, которая имела в виду выкачивать из СССР средства, необходимые для платежей, товарищ Сталин указал, что это «есть решение без хозяина». «Почему? Потому, что мы вовсе не хотим превратиться в аграрную страну для какой бы то ни было другой страны, хотя бы для Германии. Мы сами будем производить машины и прочие средства производства. Поэтому рассчитывать на то, что мы согласимся превратить нашу страну в аграрную в отношении Германии, рассчитывать на это — значит рассчитывать без хозяина. В этой части план Дауэса стоит на глиняных ногах» [1].

План Дауэса не мог примирить те противоречия, которые обнаружились в связи с вопросом о германских репарациях. Он создавал лишь видимость соглашения между Германией и её победителями. По существу, план Дауэса был победой англо-американского блока над Францией. Он вынуждал французскую дипломатию воздержаться от методов «прямого действия», едва не приведших Европу к новой войне. Всё же — и это было особенно важно для принявших план Дауэса правительств — он предупреждал наступление в Германии экономической катастрофы, которая неизбежно привела бы к дальнейшему обнищанию масс, усилению их эксплоатации и к взрыву революционного движения в центре Европы. Понятно, что буржуазная дипломатия превозносила план Дауэса как плод своей «политики мира». Разумеется, под прикрытием этого пацифизма, лишь усыплявшего международное общественное мнение, соперничество и борьба империалистических правительств продолжали развиваться неудержимо.

Наступление «эры буржуазно-демократического пацифизма»

Эру буржуазно-демократического пацифизма открыла Англия. Затянувшийся хозяйственный и политический кризис Западной Европы, дальнейшее падение покупательной способности европейского населения и оскудение центрально-европейских рынков привели к резкому ухудшению экономического положения Англии. Для облегчения хронической безработицы английский премьер Болдуин решил

---

[1] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, 1926, стр. 13—14.

было прибегнуть к помощи протекционизма. Однако приступить к более или менее значительному пересмотру таможенных тарифов, не апеллируя к мнению страны, он не мог. Пришлось распустить Парламент и назначить новые выборы на 6 декабря 1923 г. Но для борьбы против протекционизма объединились и дружно выступили и либералы, и рабочая партия, и часть консерваторов.

Выборы принесли Болдуину полное поражение. Но они не дали обеспеченного большинства ни одной из партий. Приходилось создавать либо коалицию, либо правительство меньшинства. На коалицию с консерваторами либеральная партия не пошла. Очередь была за рабочей партией. В день открытия Парламента, 8 января 1924 г., Макдональд выступил в Альберт-холле с речью, в которой изложил программу будущего рабочего правительства. Основные пункты программы сводились к следующим требованиям: всеобщий мир, использование Лиги наций для обеспечения международного мира, признание советского правительства, разрешение вопроса о безработице. 22 января 1924 г. Болдуин представил королю отставку кабинета. На другой день Макдональд был вызван к королю и принял предложение образовать новый кабинет.

Это было первое в истории Англии рабочее (лейбористское) правительство. Впрочем, приход рабочей партии к власти отнюдь не означал радикальной перемены политики Англии и нового курса её дипломатии. Руководство внешней политикой Макдональд взял на себя. Товарищем министра иностранных дел был назначен видный дипломат, бывший либерал, пацифист Артур Понсонби.

Перед новым правительством встала прежде всего задача стабилизации положения в Европе. Этого лейбористы надеялись достигнуть при помощи пацифистских методов. Лучшего проводника этого курса внешней политики Англии, чем Макдональд, найти было трудно.

Джемс Рамзей Макдональд, родившийся в 1866 г. в семье бедняка, в маленькой шотландской рыбачьей деревушке, не случайно удостоился чести занять пост первого министра «рабочего» правительства, которому английская буржуазия в конце января 1924 г. вручила судьбы Британской империи.

Биограф Макдональда Агнеса Гамильтон, член Парламента от рабочей партии, рассказывает, как настойчиво и упорно, шаг за шагом, поднимался по ступеням общественной лестницы будущий министр, движимый мечтой выбраться из нищеты и стать наравне с богачами и знатью вершителем судеб Великобритании. С трудом добившись звания учителя, честолюбивый юноша сразу избрал для себя политическую карьеру. После короткого пребывания секретарём одного из либеральных депутатов Парламента он примкнул к независимой рабочей пар-

тип и скоро стал её лидером. В 1906 г. Макдональд был избран в Парламент. В Парламенте и во II Интернационале он проводил политику сотрудничества классов и проповедывал «конструктивный социализм». Во время мировой войны он занимал пацифистскую позицию. Это пацифистское грехопадение Макдональда долго мешало его дальнейшей политической карьере. Только в 1922 г. он был вновь избран в члены Парламента. В политической платформе Макдональда, которую он излагал в своих статьях и книгах до прихода к власти, неустанно доказывалась необходимость сотрудничества с буржуазными партиями. Именно поэтому, когда обе партии — консервативная и либеральная — остались в меньшинстве, английская буржуазия охотно поддержала кандидатуру Макдональда в премьеры. «Макдональд — не фанатик, — отзывался о нём в 1923 г. один из банкиров, — фанатики добиваются своей цели любой ценой, и они люди неприятные. Между тем Макдональд — человек приятный. Он почти всем нравится...» [1]

Макдональд оправдал надежды английских банкиров в области как внутренней, так и внешней политики.

Первой заботой Макдональда было сохранить традиционную английскую политику «равновесия сил», т. е. третейской роли Англии в Европе. «Задача Англии, — писал Макдональд в одной из своих статей в ноябре 1923 г., — состоит в том, чтобы создать в Европе известное равновесие». Эту политику Макдональд надеялся проводить при содействии дипломатии США.

Ещё до прихода к власти Макдональд напечатал в американской газете «New York World» ряд статей, в которых доказывал необходимость союза США с Англией и согласованности их политики в европейских делах. В частности он убеждал американцев в том, что именно лейбористская партия и он сам в качестве главы правительства лучше всего обеспечат проведение плана Дауэса.

«Ни одна партия, — заверял Макдональд, — не будет так ревностно выполнять международные обязательства, как рабочая партия. Наше рабочее движение никогда не имело склонности искать коротких дорог в тысячелетнее царство. Если бы оно даже имело такую склонность, то русский пример вылечил бы нас от неё».

Один из французских биржевиков и дипломатов, Эрбетт, правильно отметил в органе парижской биржи «Information» 10 октября 1924 г., что Британская империя имела мало правительств, которые так соблюдали бы осторожность и традиции в области британской внешней политики, как правитель-

---

[1] «James Ramsey Mac Donald». A biographical Sketch by M. A. Hamilton, p. 93.

ство Макдональда. В частности новый премьер стремился к дальнейшему усилению английской армии и флота и к незыблемости основ Британской колониальной империи.

Ещё до прихода к власти, в период рурского конфликта, Макдональд был сторонником ослабления Франции. Французскую гегемонию в Европе он считал несовместимой с интересами Англии. План Дауэса означал в глазах Макдональда поражение французской дипломатии и гарантию европейского равновесия.

Действительно, влияние Франции в международной жизни Европы явно шло на убыль. Это было закономерным последствием провала её рурской авантюры. Французская система военно-политических союзов с малыми государствами стала давать трещины. Этим воспользовалась английская дипломатия. В начале января 1924 г., выдерживая свою пацифистскую роль, она обратилась к правительствам Югославии, Румынии и Польши с нотой, требуя объяснений по поводу кредитов на вооружение, которые эти государства должны были получить от Франции.

Ответ был самым примирительным и покорным. Происходившая в Белграде 10—12 января 1924 г. конференция министров иностранных дел Малой Антанты заявила, что государства Малой Антанты желают мира со всеми державами и что они готовы выступить посредниками в деле примирения Англии и Франции.

На запрос Англии по поводу займа в сумме 300 миллионов франков, полученного Югославией от Франции, югославское правительство поспешило ответить, что заём отнюдь не направлен против интересов Англии. Румыния, смущённая запросом Англии, решила совсем отказаться от французских кредитов на вооружение. 22 января 1924 г. румынский посланник официально уведомил об этом французское Министерство иностранных дел.

Французской дипломатии удалось добиться заключения военно-оборонительного союза только с Чехословакией. Остриё франко-чехословацкого договора, подписанного 25 января 1924 г., было направлено против Венгрии и Германии. Однако общественное мнение Англии отнеслось к франко-чехословацкому договору с недоверием. В статье, напечатанной в январе 1924 г. в «Daily Chronicle» под заглавием «Франция и Малая Антанта», Ллойд Джордж подчёркивал, что созданные Францией военные союзы таят в себе опасность для европейского мира. «Франция, — писал Ллойд Джордж, — не может платить даже проценты по своим долгам. Она предоставляет плательщикам налогов в Англии и Америке терпеть из-за неё убытки. В то же время она превращает Европу в вооружённый лагерь. Каких выгод ожидает Франция от этой политики? Вместо России, Великобритании, Италии и Соединённых штатов Америки

она в качестве союзников приобрела Чехословакию, Польшу, Югославию и Румынию».

В случае новой войны между Францией и Германией эти союзники, по мнению Ллойд Джорджа, не могут оказать французам реальной помощи. В то же время Франция пренебрегает таким мощным союзником, как Россия, одного слова или даже жеста которой достаточно, чтобы нейтрализовать враждебные действия Германии.

Наряду с Англией всё более активно развивала свою деятельность против Франции и итальянская дипломатия. Конкуренция на внешних рынках, соревнование на Средиземном море, неудовлетворённость Италии своей долей репарационных платежей, неурегулированные интересы в Северной Африке (Тунис, Танжер и др.) — всё это приводило не только к натянутости, но даже к враждебности франко-итальянских отношений. Когда Франция подписала договор с Чехословакией и пыталась заключить такие же договоры со всеми балканскими государствами, итальянская дипломатия форсировала свои переговоры с Югославией. В результате 27 января 1924 г. в Риме был подписан договор о дружбе между Италией и Югославией и соглашение о Фиуме, по которому гавань Фиуме отходила к Италии. Договор, подписанный со стороны Италии Муссолини, а со стороны Югославии Пашичем и Нинчичем, сопровождался протоколом. В нём подтверждалось, что в договоре о дружбе с Италией не содержится ничего, что противоречило бы договорам Югославии с Чехословакией и Румынией.

В беседе с директором французской газеты «Quotidien» 25 января 1924 г. Макдональд изложил свои взгляды на взаимоотношения Англии и Франции. Новый премьер считал занятие Рура главной причиной экономических затруднений Англии и всей Европы. Политика военных союзов и финансовой поддержки, которую Франция оказывает мелким государствам в целях их вооружения, грозит миру новыми войнами. По мнению Макдональда, «лучшей гарантией безопасности Франции была бы не политика вооружений, а мирное сотрудничество держав и Лиги наций». Развивая эти пацифистские идеи, Макдональд изложил их также и в личной переписке с Пуанкаре. Пуанкаре отвечал миролюбиво, но общими фразами и отвлечённо. На путь отказа от рурской политики он становился медленно и с трудом.

Недовольство политикой Пуанкаре возрастало как внутри Франции, так и вне её. Неудачи в Руре и на Рейне, совершенно недостаточный приток репараций даже после прекращения пассивного сопротивления, невозможность получения новых займов, внешнеполитическая изоляция Франции — всё это вызывало острую критику со стороны почти всех французских партий.

Майские выборы 1924 г. принесли Пуанкаре поражение. К власти пришёл так называемый «*левый блок*» — правительство радикалов и радикал-социалистов с Эдуардом Эррио во главе. Президент Французской республики Мильеран также сложил свои полномочия. Новым президентом был избран Гастон Думерг.

Лондонская конференция (16 июля — 16 августа 1924 г.)

Новый французский премьер подобно Макдональду был представителем течения буржуазного пацифизма. Совпадение политических взглядов обоих премьеров ясно сказалось во время свиданий Макдональда с Эррио в Чекерсе и Париже.

Свидание в Чекерсе состоялось 21—22 июня 1924 г. Официальное сообщение английского Министерства иностранных дел констатировало совпадение взглядов руководителей французской и английской политики по вопросу о проведении в жизнь доклада экспертов.

Информируя Палату общин о результатах встречи с Эррио в Чекерсе, Макдональд сообщил о намерении премьеров созвать межсоюзническую конференцию в Лондоне для обсуждения и утверждения плана Дауэса. В свою очередь Эррио доложил французской Палате депутатов 26 июня 1924 г. о результатах свидания в Чекерсе. Не имея прочного большинства в Палате депутатов, новый премьер не мог сразу резко порвать с прежним курсом французской политики. Ему пришлось заверять палату в том, что принятие плана Дауэса будет обусловлено активной поддержкой Англии в случае возможных нарушений репарационных обязательств со стороны Германии. «Макдональд уверил меня, — говорил Эррио, — что в случае, если Германия будет прибегать к каким-нибудь уловкам, Великобритания в качестве стража договора торжественно обязуется поддержать союзников. Далее наше собеседование касалось сотрудничества Англии в деле сохранения мира и обеспечения для Франции гарантий безопасности. Для того чтобы Европа могла жить в мире, Германию нужно разоружить. Простые заявления и обещания Германии для нас недостаточны».

Вскоре в бельгийской печати появилось интервью с Эррио, который сообщил, будто бы он получил в Чекерсе твёрдое обещание поддержки со стороны Англии в случае нападения Германии на Францию и Бельгию. Вся французская и английская пресса заговорила о том, что между обоими премьерами был заключён «моральный пакт» для разрешения общими усилиями основных вопросов международных отношений.

Макдональду, который также не располагал в Парламенте большинством, пришлось давать в английской Палате объяснения по поводу этих сообщений печати. На запрос одного из депутатов по поводу «морального пакта» Макдональд решительным образом опроверг эту версию. Он категорически отрицал,

что в беседе с Эррио давал французам какие бы то ни было обещания о гарантиях или же о создании англо-французского оборонительного военного союза.

Таким образом, во взаимоотношениях Англии и Франции вновь начинала чувствоваться напряжённость. Она ещё усилилась, когда появился английский меморандум с изложением программы работ предстоящей Лондонской конференции. Оказалось, что английское Министерство иностранных дел, не заручившись предварительно согласием французского министерства на этот меморандум, обратилось к правительствам Бельгии, Италии и Соединённых штатов с приглашением на конференцию.

Оппозиция во Франции умело использовала этот дипломатический инцидент. Она выступила с обвинениями Эррио в капитуляции перед Англией и в неумении вести самостоятельную политику. Положение Эррио стало ещё более затруднительным, когда в печати появилось письмо Макдональда к бельгийскому посланнику от 25 июня 1924 г. о мероприятиях, вытекающих из доклада Дауэса. Макдональд упоминал о том, что предложения экспертов возлагают на Германию обязательства, выходящие за пределы Версальского договора, поэтому необходимо иметь новый официальный документ, который был бы подписан всеми державами, в том числе и Германией.

Заявление Макдональда вызвало резкие нападки французской прессы. Она обрушилась на Эррио, обвиняя его в том, что он в ущерб интересам Франции якобы согласился на изменение условий Версальского договора. Положение Эррио настолько пошатнулось, что ему пришлось срочно обратиться за помощью к Макдональду и просить его немедленно приехать в Париж. 7 июля 1924 г. Макдональд выступил в Палате общин с категорическим опровержением сообщений французской и английской печати. По словам Макдональда, в его обращении к правительствам Бельгии, Италии и Соединённых штатов лишь повторялось предусмотренное совместно с Эррио в Чекерсе приглашение указанных правительств на конференцию. Германскому правительству Макдональд никакого сообщения по этому вопросу не посылал. Макдональд заявил, что он не допустит из-за явного недоразумения ухудшения отношений между Францией и Англией. Поэтому он завтра же отправится в Париж для урегулирования возникших недоразумений.

Новое совещание Макдональда с Эррио состоялось в Париже 8 и 9 июля 1924 г. Официальное коммюнике, появившееся в печати в результате этого совещания, сообщало о том, что «оба правительства признают важность экономических и финансовых соображений и в особенности необходимость восстановления режима доверия, который успокоил бы возможных в будущем кредиторов; но они считают, что эта необходимость

вполне совместима с соблюдением постановлений Версальского договора». Вместе с тем англо-французское коммюнике сообщало о созыве конференции в Лондоне для утверждения предложений экспертов.

По возвращении в Лондон Макдональд информировал Палату общин 10 июля о результатах парижского свидания с Эррио. В Париже, по его мнению, создалось угрожающее положение; могло рухнуть всё, что с таким трудом было достигнуто. Общественное мнение Франции никогда не согласилось бы рассматривать план Дауэса как попытку заменить Версальский договор. Необходимо пойти навстречу французскому правительству и успокоить общественное мнение Франции. На случай каких-либо нарушений договорных обязательств со стороны Германии в состав репарационной комиссии следовало бы ввести в качестве представителя международных кредиторов делегата США. Было бы также желательно, чтобы французские эксперты совместно с английскими рассмотрели вопрос о долгах. Далее английское правительство считает необходимым продолжить обсуждение вопроса о гарантиях и в особенности о посредничестве Лиги наций.

Принятые английской дипломатией меры водворили успокоение во Франции и спасли положение Эррио. Правда, в прениях по вопросам внешней политики в Сенате 10 июля Пуанкаре резко критиковал политику Англии в репарационном вопросе и капитулянтскую позицию Эррио. Но и он в конце концов заявил, что не будет создавать помех новому премьеру в осуществлении плана экспертов. В ответ на интерпелляцию Пуанкаре Эррио заявил в Сенате, что будет отстаивать на Лондонской конференции «свободу действий» Франции в таких политических вопросах, как эвакуация Рура, применение санкций и др. Этим заявлением, являвшимся уступкой со стороны Эррио давлению оппозиции, он связал свободу своих собственных действий. На Лондонской конференции, таким образом, Эррио очутился между двух огней — требованиями «национального престижа» Франции и давлением англо-американского блока, добивавшегося окончательной ликвидации политики Пуанкаре.

Лондонская конференция открылась 16 июля 1924 г. приветственной речью Макдональда. Необходимо, говорил английский премьер, создать условия для восстановления экономического и финансового единства Германии; одновременно нужно предложить гарантии кредиторам, которые должны предоставить Германии крупный заём. Проведением в жизнь предложений экспертов будет облегчено разрешение репарационной проблемы, которая до сих пор вызывала серьёзную тревогу у заинтересованных народов и нарастание агрессивных настроений в Европе.

Председательствовал на конференции Макдональд. Английская дипломатия рассматривала Лондонскую конференцию как свою победу и держалась там как руководящая и организующая сила. Но подлинным хозяином положения явилась американская делегация.

Вопреки обычаю американского правительства посылать на все европейские конференции так называемых «наблюдателей», на этот раз в Лондон была назначена официальная делегация США. В состав её вошли: американский посол в Лондоне Келлог, посол в Берлине Хоутон и представитель в репарационной комиссии Логан. Один из экспертов, являвшийся автором важнейших частей репарационного плана, Оуэн Юнг, тоже приехал в Лондон, дабы во время конференции оказывать содействие и помощь американской делегации. Одновременно в Лондон прибыл руководитель внешней политики Соединённых штатов Америки Юз; официально он не входил в делегацию США, но по существу направлял всю её работу.

Работа конференции протекала в комиссиях. 19 июля 1924 г. был представлен доклад первой комиссии, занимавшейся вопросом о возможных нарушениях Германией её обязательств. Спор вызвал вопрос о санкциях и о том, кто должен решать, допустила ли Германия злонамеренное нарушение обязательств. Английская и американская делегации старались добиться от французов формального отказа от самостоятельных действий против Германии. В случае умышленного невыполнения Германией её обязательств за Францией сохранялось *право* на санкции; но *констатация* самого факта нарушений принадлежала репарационной комиссии, решения которой могли быть обжалованы в арбитражную комиссию. Последняя состояла из трёх «беспристрастных и независимых» лиц во главе с председателем-американцем. При такой процедуре применение санкций к Германии оказывалось возможным только с согласия Англии и Америки.

Наиболее трудный вопрос — об эвакуации Рурского бассейна — официально в повестку дня Лондонской конференции внесён не был. Тем не менее фактически этот вопрос стоял в центре всей конференции. Эррио сначала отказывался даже ставить вопрос об эвакуации Рура. Затем, под давлением других делегаций, он предложил максимальный — годичный — срок для окончательного вывода войск из Рура. Перемена позиции французской делегации объяснялась давлением, которое оказал в этом вопросе на Эррио государственный секретарь США Юз. Он использовал свой частный визит в Лондон для дипломатических переговоров со всеми главами делегаций, в том числе с Эррио.

2 августа 1924 г. основные комиссии Лондонской конференции закончили свою работу. Остался для завершения работ

так называемый Совет семи, состоящий из глав всех делегаций. 5 августа происходило заседание Совета семи с участием представителей Германии. Германская делегация передала свои замечания по докладу экспертов. В препроводительном письме, адресованном Макдональду, она предлагала одновременно обсудить и политические вопросы, которыми конференция официально не занималась. В письме, между прочим, говорилось: «Германская делегация придаёт особое значение постановке на обсуждение вопроса о прекращении военной оккупации в тех областях, где таковая не предусмотрена Версальским договором». Эррио решительно возражал против обсуждения этого вопроса на конференции, заявляя вместе с тем, что эвакуация явится одним из последствий вступления в действие плана экспертов и будет проведена постепенно. С 11 августа 1924 г. начались непосредственные переговоры между германской и французской делегациями. Они касались трёх вопросов: заключения будущего торгового договора, обеспечения военного контроля и прекращения военной оккупации Рурской области. Английская пресса враждебно отнеслась к франко-германским торговым переговорам, объявив их «серьёзной угрозой» для английской промышленности. Под давлением этой оппозиции английская дипломатия добилась прекращения переговоров в Лондоне.

16 августа 1924 г. доклад экспертов был утверждён, и конференция закончилась прощальной речью Макдональда, который поздравил её участников с заключением нового договора. «Этот договор, — говорил Макдональд, — можно рассматривать как первый мирный договор, потому что мы его подписываем с таким чувством, словно повернулись спиной к ужасным годам войны и к образу мыслей, господствовавшему во время войны».

Действительно, Лондонская конференция и её решения открывали новую фазу в развитии международных отношений послевоенного времени.

Итоги Лондонской конференции Антанты сводились в основном к следующему.

Во-первых, конференция отвергла метод самостоятельного решения репарационного вопроса со стороны Франции и признала, что конфликтные вопросы должны решаться арбитражной комиссией из представителей Антанты, во главе с представителями Америки.

Во-вторых, конференция отвергла оккупацию Рура и признала необходимой его эвакуацию, хозяйственную — немедленно, военную — в течение одного года.

В-третьих, конференция отвергла военную интервенцию. Она предпочла интервенцию финансово-хозяйственную, признав необходимость создания эмиссионного банка в Германии под контролем иностранного комиссара и перехода в частные руки

государственных железных дорог, управляемых также под контролем специального иностранного комиссара. Все репарационные платежи и поставки натурой должны были с этого времени производиться под контролем союзников.

В-четвёртых, конференция признала за Францией право принудительного получения угля и других промышленных продуктов в продолжение известного периода времени, но оставила за Германией право обращаться в арбитражную комиссию с требованием сокращения или даже прекращения этих принудительных платежей натурой.

В-пятых, конференция утвердила заём Германии в 800 миллионов марок, покрываемый английскими и американскими банкирами.

Постановления Лондонской конференции и принятие плана Дауэса меняли соотношение сил на международной арене. На первый план, в качестве руководящей силы, выдвигался англо-американский блок. Решения Лондонской конференции расценивались в США как начало возрождения Европы под руководством США. «План Дауэса вывел Европу из хаоса на путь мирной реконструкции», — таков был общий тон печати по поводу победы американской дипломатии. Финансовые круги США откровенно признавали, что из провала рурской авантюры Пуанкаре они извлекли для себя некоторые выгоды. Признание это генерал Дауэс сделал ещё во время своей поездки в Париж, перед началом работ комитета экспертов. «Если бы Франция не была в Руре, — заметил он, — то и мы не были бы здесь» (т. е. в Европе. — *Ред.*).

В Лондоне результаты конференции оценивались более пессимистически. Правда, английская дипломатия сумела ликвидировать опасную для Англии политику Пуанкаре и связать самостоятельность Франции. Но ей не удалось стать главным и единственным арбитром в германо-французских отношениях. Вскоре после закрытия Лондонской конференции, 19 августа 1924 г., британский министр финансов Сноуден выступил в «Manchester Guardian» против некоторых лондонских решений. «Французские промышленники, — заявлял Сноуден, — намерены получить экономический контроль над известными отраслями германской индустрии. Существует реальная опасность, что для этой цели будут пущены в ход и политические средства. Я предупреждаю наши деловые круги, в особенности текстильную и металлургическую промышленность, чтобы они были настороже».

План Дауэса имел своей задачей не только укрепление капиталистического хозяйства. Он был призван также облегчить германской буржуазии борьбу с революционным движением и использовать Германию в целях экономического и политического подчинения Советской России. Последняя задача была

достаточно откровенно формулирована несколько позже, в речи Болдуина от 3 октября 1924 г. «Господа, — заявил он, — Западная Европа отстояла цивилизацию (одобрение), и наш долг сделать всё, чтобы защищать её и в дальнейшем (одобрение). Барьер для защиты западноевропейской цивилизации должен быть сделан крепким и прочным, чтобы он мог устоять против всяких разрушительных наступлений, идущих с Востока. Для этой цели нет лучшего и более верного средства, чем осуществление плана Дауэса, которое приведёт германский рынок в соприкосновение с мировыми рынками. Немцы всегда вели самую крупную торговлю с Россией, так как они ближе к ней географически, знают русский язык и понимают методы русской торговли. По моему мнению, самым полезным делом для мировой торговли было бы развить торговлю с Россией при содействии Германии, с тем чтобы Германия излишки своего экспорта и то, что нужно ей для уплаты процентов по нашим долгам Америке, реализовала на русском рынке, вместо того чтобы выбрасывать эти массы экспортного товара в нашу страну или же в наши колонии».

Таким образом, подтверждалось намерение бывших союзников при помощи плана Дауэса превратить Россию в аграрно-сырьевой придаток индустриального Запада. Планы захвата советского рынка при помощи дауэсизированной Германии подробно обосновывались в ряде книг и статей, опубликованных в Европе и Америке.

Надежды на то, что Советский Союз не устоит перед натиском европейского и американского капитала, заставляли некоторые буржуазные правительства занимать непримиримую позицию в вопросе о признании СССР. Другие предъявляли советскому правительству такие условия его признания, которые были несовместимы с достоинством и честью Советского государства.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

ГОД ПРИЗНАНИЙ СССР
(1924 г.)

Международное положение Советской республики к 1924 г.

21 января 1924 г. умер глава советского правительства, руководитель внутренней и внешней политики Советского государства Владимир Ильич Ленин.

В своих последних выступлениях, давая общую характеристику международного положения, Ленин отмечал, что «бесспорно наступило известное равновесие сил, которые вели между собой открытую борьбу, с оружием в руках, за господство того или другого руководящего класса, — равновесие между буржуазным обществом, международной буржуазией в целом, с одной стороны, и Советской Россией — с другой» [1].

Как указывал Ленин, существование Советского государства в капиталистическом окружении первоначально многим казалось немыслимым. Победа в гражданской войне, в обстановке неслыханных трудностей, над неприятелем, во много раз превышавшим силы Советской республики, показала, что это возможно. «Что это возможно в политическом и военном отношении, это доказано, это уже факт» [2].

«Мы стоим на дороге, совершенно ясно и определённо очерченной, — говорил Ленин в речи на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г., — и обеспечили себе успех перед государствами всего мира, хотя некоторые из них до сих пор готовы заявлять, что садиться с нами за один стол не желают. Тем не менее, экономические отношения, а за ними отношения дипломатические налаживаются, должны наладиться, наладятся непременно. Всякое государство, которое этому противодействует, рискует оказаться опоздавшим и, может быть, кое в чём, довольно существенном, рискует оказаться в невыгодном положении» [3].

---

[1] *Ленин*, Соч., т. XXVI, стр. 450.
[2] *Ленин*, Соч., т. XXVII, стр. 120.
[3] Там же, стр. 361.

Ленинское предвидение оправдалось полностью.

Версальский мир не принёс народам ни мира, ни свободы, ни материального благосостояния. Наоборот, выпадение спачала Советской России, а затем и Германии из общей системы мирового хозяйства содействовало хозяйственному развалу всей Западной Европы. Экономический кризис, разразившийся к концу 1920 и началу 1921 г., выразился в глубоком расстройстве хозяйственной жизни, в массовой безработице, в обнищании трудящихся классов во всех странах. Всё это привело к крупнейшим классовым боям в 1923 г., в особенности в Германии.

Буржуазии удалось подавить революционное движение в Западной Европе. Но ей не под силу оказалось сокрушить диктатуру пролетариата в Советской России. Рост сочувствия трудящихся Стране Советов, защита её от дальнейших попыток интервенции, необходимость восстановить деловые отношения с могучей Советской державой вынуждали правящие классы европейских государств искать компромисса с советским правительством. При этом в буржуазном мире продолжалась борьба двух тенденций. Сторонники одной искали возможности договориться с Советским государством и установить с ним отношения, приемлемые для обеих сторон. Приверженцы другой тенденции продолжали оставаться на непримиримой позиции. Они продолжали добиваться сокрушения Советской республики любыми средствами, отстаивали планы новой войны и интервенции. Вторая тенденция длительное время оставалась господствующей во Франции, занимавшей по отношению к Советской России наиболее враждебную позицию.

Со своей стороны и советская дипломатия изъявляла готовность итти на соглашения с буржуазными странами. Она исходила из того принципа, что противоположность двух систем — капитализма и социализма — не исключает возможности их мирного сосуществования. Товарищ Сталин указывал, что «такие соглашения возможны и целесообразны в обстановке мирного развития».

«Экспорт и импорт, — развивал товарищ Сталин свою мысль в беседе с американскими рабочими, — являются наиболее подходящей почвой для таких соглашений. Нам нужны: оборудование, сырьё (например, хлопок), полуфабрикаты (по металлу и пр.), а капиталисты нуждаются в сбыте этих товаров. Вот вам почва для соглашения. Капиталистам нужны: нефть, лес, хлебные продукты, а нам необходимо сбыть эти товары. Вот вам ещё одна почва для соглашения. Нам нужны кредиты, капиталистам нужны хорошие проценты на эти кредиты. Вот вам ещё почва для соглашения уже по линии кредита, при чём известно, что советские органы являются наиболее аккуратными плательщиками по кредитам.

То же самое можно сказать насчёт дипломатической области. Мы ведём политику мира и мы готовы подписать с буржуазными государствами пакты о взаимном ненападении. Мы ведём политику мира и мы готовы итти на соглашение насчёт разоружения, вплоть до полного уничтожения постоянных армий, о чём мы заявляли перед всем миром ещё на Генуэзской конференции. Вот вам почва для соглашения по дипломатической линии» [1].

Новые попытки дипломатической изоляции СССР

Смерть Ленина вызвала оживление в лагере противников признания Советской республики. Чтобы ослабить позиции сторонников этого признания, распространялись слухи о разногласиях в партии большевиков и в советском правительстве, о непрочности Советского государства, о возврате Советской России к «военному коммунизму». Главной целью этой антисоветской агитации был подрыв международного влияния Советского Союза. Враждебная ему дипломатия империалистических государств стремилась воспрепятствовать установлению дипломатических и экономических отношений Советского государства с теми правительствами, которые занимали ещё колеблющуюся позицию в вопросе о его признании.

Объединение советских республик в Союз потребовало перестройки органов советской дипломатии в соответствии со структурой и задачами союзного Советского государства. ЦИК Союза ССР опубликовал 13 июля 1923 г. обращение ко всем народам и правительствам мира. В этом документе излагались причины, вызвавшие необходимость более тесного объединения советских республик. Упомянув о создании ряда общесоюзных комиссариатов, ЦИК сообщал: «Ввиду общности задач и потребностей советских республик перед лицом капиталистических государств создан единый, общесоюзный Народный комиссариат по иностранным делам».

Правительства РСФСР, Украинской ССР (нотой от 16 июля 1923 г.), Белорусской ССР (нотой от 21 июля), ЗСФСР (нотой от 21 июля 1923 г.) уведомили представителей иностранных государств о том, что ведение всех международных сношений советских республик, а также осуществление всех их международных договоров и соглашений передано ими правительству СССР. Вслед за тем, 23 июля 1923 г., правительство Советского Союза со своей стороны направило ноту представителям иностранных государств, сообщая о принятии на себя внешних сношений всех советских республик. В этой же ноте сообщалось, что ввиду объединения советских республик осуществление внешней торговли Союза возложено, на основе государственной монополии, на внутренние и заграничные органы Народного комиссариата внешней торговли СССР.

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 10-е, М. 1935, стр. 187.

В соответствии с этими решениями союзного правительства 12 ноября 1923 г. ЦИК СССР было утверждено «Положение о Народном комиссариате по иностранным делам Союза ССР». В «Положении» определялись структура и функции Народного комиссариата по иностранным делам, а также задачи и полномочия представителей СССР за границей.

Объединение советских республик в Союз потребовало надлежащего оформления взаимоотношений союзного правительства с государствами, уже имевшими договоры с РСФСР и другими советскими республиками.

Но ряд таких государств — Германия, Польша, Латвия, Литва, Эстония, Финляндия — не остался в стороне от антисоветской кампании, которая развивалась в странах, ещё не признавших СССР и стремившихся к его изоляции.

В частности в Германии, где обострялся революционный кризис, осенью 1923 г. пресса принялась усиленно распространять всякие измышления о вмешательстве Советской России во внутренние дела Германии.

25 сентября 1923 г. в газете «Vorwärts», органе германских социал-демократов, входивших тогда в состав правительственной коалиции, появилось сообщение под кричащим заголовком «Русско-коммунистические склады оружия».

Сообщение обвиняло берлинское полпредство СССР в том, что оно якобы причастно к организации складов оружия, подготовляемого для вооружённого переворота в Германии.

Было очевидно, что враги Советского Союза в Германии переходят в наступление. Цели их были ясны. Нужно было представить революционное движение в Германии как результат работы «советских поджигателей». Ставилась задача расправиться с революцией, порвать с Советским Союзом и заработать всем этим благоволение реакционных правительств Европы.

Принимая во внимание неустойчивое положение в Европе, советское правительство сочло необходимым предпринять в начале ноября 1923 г. дипломатический демарш в сопредельных восточноевропейских странах. Представитель Наркоминдела объехал столицы Польши, Литвы, Латвии и Эстонии, предлагая им обеспечить совместный нейтралитет в случае развёртывания германской революции. В связи с этим советская дипломатия предложила Польше заключить соглашение о взаимном нейтралитете по отношению к Германии[1].

Однако польское правительство предпочитало сохранить свободу действий в отношении Германии; поэтому оно отклонило советское предложение. Отклонили его и прибалтийские государства.

[1] Годовой отчёт НКИД за 1923 г.

15 ноября 1923 г. советское правительство опубликовало официальное сообщение, в котором изложило обстоятельства своих переговоров с Польшей и прибалтийскими государствами по вопросу о нейтралитете и невмешательстве во внутренние дела Германии. В сообщении выражалось сожаление по поводу отказа соседей Советской России подписать соглашение, единственная цель которого заключалась в сохранении мира в Восточной Европе.

С осени 1923 г. взаимоотношения СССР с балтийскими государствами и с Финляндией ухудшились. Под влиянием французского посланника в Гельсингфорсе Коппе финляндское правительство с особой настойчивостью начало предъявлять свои притязания на восточную Карелию. В конце концов оно добилось от Совета Лиги наций постановления о передаче карельского вопроса на решение международного Гаагского суда. Однако правительство СССР протестовало против перенесения советско-финляндского спора в непризнанную им инстанцию; оно категорически отказалось участвовать в рассмотрении этого вопроса в Гааге.

23 сентября 1923 г. на финляндской границе были убиты белогвардейцами члены советской делегации в смешанной пограничной комиссии Лавров и Лежнев. Несмотря на неопровержимые данные следствия, финляндское правительство отказалось удовлетворить требования советского правительства о законном возмездии.

Тормозилось установление нормальных дипломатических отношений СССР и с государствами Малой Антанты и Балканского полуострова, находившимися под враждебным СССР влиянием Франции.

Заключённый ещё 5 июня 1922 г. «Временный договор между РСФСР и Чехословацкой республикой об установлении сношений» в течение целого года не был утверждён Парламентом. Советское правительство требовало от правительства Чехословакии ликвидации представительства Врангеля и других белогвардейских организаций, развивавших в Чехословакии и вне её открытую антисоветскую деятельность. Настояния советской дипломатии оставались тщетными. Чехословацкое правительство продолжало поддерживать контрреволюционную русскую эмиграцию.

Не порывала связей с русской контрреволюцией и Югославия. Белогвардейское офицерство с Врангелем во главе оказывало значительное влияние на придворные и военные круги Югославии. Поэтому югославское правительство не только отказалось вернуть СССР захваченное Врангелем советское имущество, но даже решило само приобрести его у Врангеля. В ноте от 27 июля 1923 г. советское правительство протестовало против этого решения Югославии. «Врангель — просто вор, — заяв-

вляла нота, — и советское правительство не понимает, как правительство Югославии может держаться нейтральной позиции между вором и законным владельцем».

Враждебной СССР была и позиция Румынии. Опасаясь за судьбу захваченной ею Бессарабии, а также предвидя свою ответственность за разграбленное имущество Юго-Западного фронта, румынское правительство отказывалось установить с СССР нормальные отношения.

Французское правительство, задержавшее в Бизерте Черноморский флот, уведённый Врангелем, решило продать несколько русских судов Румынии. В ответ на советский протест по этому поводу Пуанкаре выдвинул в ноте от 20 июня 1923 г. своеобразный дипломатический аргумент: советское правительство не имеет права требовать обратно русские корабли, так как оно не признано; не признано же оно потому, что не платит долгов. Но, если бы даже оно и было признано, Франция всё равно имела бы право задержать русские суда в качестве залога за неуплаченные русские долги.

С особенной яркостью сказалась ненависть реакционеров к советскому государству на процессе убийц советского дипломата В. В. Воровского.

Суд по этому делу происходил 5—16 ноября 1923 г. в самом реакционном из кантонов Швейцарии — кантоне Во. В зале казино, набитом русскими белогвардейцами, прокурор и защита состязались в рвении оправдать убийц — Конради и Полунина, превознося их «благородное желание отомстить большевикам».

После 12-дневной судебной комедии убийцы были оправданы. Как суд, так и приговор вызвали глубокое негодование всех честных людей.

«Представим себе, — писал капитан Гренфель в декабрьском номере журнала «Foreign Affairs», — что какой-нибудь русский, другой политической ориентации, чем Конради, убил бы год тому назад лорда Керзона, когда последний являлся представителем Англии на Лозаннской конференции. Можем ли мы себе представить, чтобы прокурор кантона Во при составлении обвинительного акта упомянул в нём в качестве смягчающих вину обстоятельств об ужасах гражданской войны в России и остановился бы на оргиях зверства и жестокости против „красных" пленных со стороны белых офицеров, бесчеловечность которых поддерживалась и одобрялась политикой лорда? Но допустим даже, что прокурор это сделал бы. Неужели суд присяжных кантона Во оправдал бы убийцу? Всё это, конечно, немыслимо».

И всё же самые отчаянные попытки международной реакции исключить Советскую Россию из круга европейских государств оказывались тщетными. Восстановление нормальных экономических и дипломатических отношений с Советским Союзом приоб-

ретало для всех государств Европы характер всё более и более неотложной необходимости.

Признание СССР Англией

Особенно остро к концу 1923 г. стал вопрос о признании СССР перед английским правительством. Неустойчивость международного положения, экономический кризис, сужение европейского рынка, прогрессирующий рост безработицы в Англии явно не могли быть преодолены без экономического и политического сближения с СССР.

Позже, в 1924 г., упрекая английскую дипломатию в затягивании этого насущного для Англии вопроса, Ллойд Джордж говорил, что «Россию нужно было признать немедленно после того, как Франция заняла Рур»[1].

Даже консервативная английская печать — правда, со многими оговорками — высказывалась осенью 1923 г. за восстановление нормальных отношений с СССР. Немедленного признания СССР требовали рабочие массы Англии и общественная организация «Руки прочь от России».

Недовольство антисоветской политикой Керзона было глубоким и всеобщим. Это сказалось во время декабрьских выборов в Палату общин. Все промышленные центры, за исключением Бирмингама, голосовали против консерваторов.

Консервативное правительство пало. С ним сошёл со сцены и Керзон. Он умер в 1925 г., лишь ненадолго пережив свою политическую смерть.

Пришедшее к власти лейбористское правительство во главе с Макдональдом было обязано своим успехом в значительной мере популярности лозунга признания СССР, провозглашённого в качестве одного из первых пунктов предвыборной программы лейбористов.

Доказывая необходимость расширения русско-английской торговли, Макдональд писал в своей книге «Внешняя политика рабочей партии»: «Когда отказ в дипломатическом признании какого-либо народа связан с отказом от торговли с этим народом, то это безумие обходится весьма дорого».

На митинге в Альберт-холле 8 января 1924 г. Макдональд обещал радикально изменить политику Англии в русском вопросе.

Это намерение отнюдь не объяснялось симпатиями самого Макдональда к СССР. Отрицательное отношение лидера лейбористов к «русскому эксперименту» было достаточно известно. Но признания СССР требовали широкие массы и особенно рабочий класс Англии. С другой стороны, деловые, торговые круги Англии всё чаще вспоминали об обширных русских рынках.

[1] Годовой отчёт НКИД за 1924 г., стр. 6.

Сокращение рынков в связи с растущей экономической самостоятельностью английских доминионов и сближением некоторых из них, например Канады и Австралии, с США вызывало в Англии серьёзную тревогу. Эта тревога усилилась, когда Германия установила дипломатические и торговые отношения с Советской Россией. Наконец, опасение англичан вызывало развитие национально-освободительного движения в странах Востока.

В своей речи на митинге в Альберт-холле, касаясь вопроса о взаимоотношениях Афганистана и СССР, Макдональд подчеркнул, что, не установив дипломатических отношений с СССР, он не имеет официальных путей для протеста против «большевистской пропаганды» в странах Востока.

«Я хочу торговли, я хочу переговоров, — заявил Макдональд. — Я хочу спокойствия повсюду — от берегов Японии до берегов Ирландии».

Речь Макдональда в Альберт-холле была сочувственно встречена английской буржуазией. Это было вполне понятно: премьер заверял, что в своей иностранной политике он будет держаться исконных британских традиций.

«Я взываю не только к вашему здравому смыслу, — убеждал Макдональд английскую буржуазию. — Я взываю к нашей истории. Я взываю к обычаям и практике нашего Министерства иностранных дел. В этом смысле мы не будем новым правительством. Мы будем рабочим правительством, применяющим те самые принципы, которые стали историческими в деятельности нашего Министерства иностранных дел».

«Это немного, — заявляла газета «Times» в ответ Макдональду, — но во всяком случае это является удовлетворительным признаком того, что рабочее правительство, базируясь на чисто внутренней программе, не будет упускать из виду и мировых интересов Британской империи» [1].

Ожидания «Times» оправдались. Макдональд не только не изменил направления британской политики в отношении Индии, Египта, Китая и других внеевропейских стран, но и не пошёл сразу на разрыв с прежним антисоветским курсом официальной английской дипломатии. Лейбористское правительство даже не решилось послать СССР ноту о его немедленном признании.

Говоря о причинах, в силу которых признание СССР не произошло так быстро, как ожидали, газета «Daily Telegraph» 28 января 1924 г. сообщила, что «чиновники и эксперты Министерства иностранных дел указали новому правительству на технические затруднения, возникающие при признании советского правительства без предварительных переговоров».

---

[1] «Правда» от 11 января 1924 г. «Англия и СССР».

«Эти работники, — добавляла газета, — разъяснили Макдональду, что вопрос заключается не в том, чтобы Европа признала Советскую Россию, а, наоборот, чтобы Россия признала Европу».

Большое влияние на Министерство иностранных дел оказывала и позиция британских кредиторов России. Правда, считаясь с общественным мнением, они соглашались отложить практическое удовлетворение своих претензий на более поздний срок; тем не менее они требовали немедленного согласия СССР на возмещение якобы нанесённых им убытков.

Всё же 2 февраля 1924 г. британский официальный агент в Москве Ходжсон в ноте на имя народного комиссара иностранных дел известил, что правительство Великобритании «признаёт Союз Советских Социалистических Республик как правительство де юре тех территорий бывшей Российской империи, которые признают его власть».

Английское правительство предлагало советскому правительству прислать в Лондон представителей, снабжённых необходимыми полномочиями, «для выработки предварительной основы окончательного договора, решающего все имеющиеся между обеими странами вопросы».

2 февраля 1924 г. заседавший в это время II съезд Советов СССР заслушал внеочередное сообщение Наркоминдела о признании СССР Англией и принял резолюцию, в которой приветствовал этот акт английского правительства.

Съезд выразил удовлетворение тем, что «результатом соединённых усилий миролюбивой политики советского правительства под руководством В. И. Ленина и громко выраженной упорной воли английского народа явилось, наконец, установление нормальных отношений между двумя странами в форме, достойной великих народов обеих стран и закладывающей фундамент для их дружественного сотрудничества».

Съезд заявил, что «сотрудничество народов Великобритании и СССР неизменно останется одной из первых забот союзного советского правительства»[1].

В соответствии с этой резолюцией Наркоминдел направил министру иностранных дел Великобритании ноту, в которой правительство СССР подтверждало, что «готово обсудить и решить дружественным образом все вопросы, вытекающие прямо или косвенно из акта признания». Правительство СССР сообщало также, что намерено в ближайшем будущем отправить в Лондон представителей, снабжённых необходимыми полномочиями, для урегулирования всех спорных вопросов, в том числе вопросов о долгах и кредитах.

---

[1] «Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях».

Вся европейская прогрессивная печать подчёркивала мировое значение политического признания СССР Англией. Высказывалось общее убеждение, что примеру Англии должны в скором времени последовать и другие государства. Вступление России в европейскую политику должно явиться важнейшим шагом на пути к упрочению европейского равновесия, нарушенного войной и не восстановленного Версальским миром.

Колебания в Англии по вопросу о взаимоотношениях с СССР

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Англией ещё не означало, однако, полного урегулирования взаимоотношений между обеими странами. На основании ноты Ходжсона от 2 февраля 1924 г. спорные вопросы, разделявшие СССР и Англию, должны были подвергнуться обсуждению на специальной англо-советской конференции.

9 апреля 1924 г. прибыла в Лондон советская делегация.

На первом заседании конференции, 14 апреля 1924 г., были заслушаны декларации председателей обеих делегаций. Макдональд обещал отнестись к рассмотрению поставленных вопросов с должным вниманием. Однако тут же, по примеру Керзона, он обрушился «на пропаганду Коминтерна». По вопросу о кредитах Макдональд решительно заявил: «Кредиты у нас находятся не в правительственных банках, а во вкладах частных лиц, и пока мы не удовлетворим массы наших граждан, которые действовали правильно и честно, никакое соглашение не может быть действительным, и мы не можем помочь друг другу».

Выступление Макдональда на англо-советской конференции явилось дипломатической поддержкой требований меморандума британских банкиров, не случайно опубликованного в самый день открытия конференции. Банкиры требовали под флагом «справедливого соглашения о реституции частной собственности» не только согласия советского правительства на признание государственных и частных долгов, аннулированных Октябрьской революцией, но и отмены декрета о национализации промышленности и банков. Эти требования вызвали решительный протест трудящихся в СССР и Англии. «Лондонские банкиры делают попытку, — гласил манифест общества «Руки прочь от России», — осуществить путём экономической интервенции то, что оказалось недостижимым путём вооружённой интервенции. Они хотят продиктовать русскому народу ту форму экономических отношений, которую, по их мнению, должны принять русский народ и его вожди».

Вокруг англо-советской конференции создалась напряжённая атмосфера. В первые месяцы переговоры подвигались чрезвычайно туго. Однако срыв конференции был бы невыгоден и опасен прежде всего для самого правительства Макдональда. Поэтому в конце концов стороны всё же пришли к соглашению

по основным вопросам. 8 августа 1924 г. между Советским Союзом и Великобританией были подписаны два договора — общий и отдельно торговый договор.

Общий договор состоял из четырёх глав. Первая глава была посвящена вопросам отмены старых договоров. Вторая касалась урегулирования рыбной ловли в водах, прилегающих к северным берегам СССР. Третья — наиболее важная — содержала статьи, посвящённые вопросам о претензиях и займе. В четвёртой, последней главе содержалось обязательство сторон жить друг с другом в мире и дружбе и воздерживаться от взаимного вмешательства во внутренние дела.

В третьей главе важное значение имели статьи, устанавливающие, что СССР соглашается компенсировать претензии британских кредиторов в отношении процентных бумаг, «кроме тех бумаг, которые были приобретены путём покупки после 16 марта 1921 г.».

На позднейший срок переносились все вопросы, связанные с взаимными претензиями правительств обеих стран, возникшими за период от 4 августа 1914 г. до 1 февраля 1924 г., равно как вопросы о частных претензиях граждан каждой из сторон в отношении убытков или потерь, вытекающих из операций военного характера. При этом предусматривались как военные претензии английского правительства, так и советские контрпретензии за время войны и интервенции. Правительство Великобритании обязывалось гарантировать проценты и фонд погашения займа, который будет выпущен СССР.

Торговый договор, подписанный представителями Советского Союза и Великобритании 8 августа 1924 г. и заменивший собой англо-советское торговое соглашение от 16 марта 1921 г., устанавливал для обеих сторон режим наибольшего благоприятствования. Статьёй 2 договора правительству СССР предоставлялось право «вести торговые операции либо непосредственно через торгового представителя Союза, либо через какие-либо организации и учреждения, находящиеся под контролем этого (советского) правительства, либо иначе».

Это означало, что английское правительство признаёт монополию советской внешней торговли. Соответственно этому главе торгового представительства и членам последнего в Англии обеспечивались дипломатические привилегии вплоть до экстерриториальности служебных помещений. Для граждан обеих сторон договором гарантировался национальный режим «во всём, что касается владения, неприкосновенности и права распоряжения собственностью». В заключение определялись условия, на которых положения договора могут быть распространены на доминионы, колонии, владения и протектораты Великобритании.

Договору 8 августа 1924 г. не суждено было войти в силу. Против него подняли яростную кампанию реакционеры, которые видели в признании СССР Англией капитуляцию перед демократией.

Некий Грегори, впоследствии осуждённый за мошенничество с ценными бумагами, а в то время возглавлявший русский отдел Форейн офис, представил Макдональду сфабрикованную белогвардейцами фальшивку. Она вошла в историю дипломатии под именем «письма Коминтерна». Макдональд использовал её как подлинный документ. Он обратился с резким письмом к советскому послу в Англии, предъявляя самые тяжёлые обвинения советскому правительству. Но белогвардейская фальшивка оказала весьма плохую услугу самому Макдональду. В процессе избирательной борьбы «письмо Коминтерна» было главным козырем консерваторов против лейбористов. 8 октября 1924 г. правительство Макдональда потерпело поражение. В ноте от 20 ноября 1924 г. новый консервативный кабинет Болдуина — Остина Чемберлена отказался от ратификации англо-советского договора.

Полоса признаний СССР

Вслед за Англией поспешила закончить давно начатые переговоры с СССР и Италия. Ещё по предварительному соглашению между итальянским и советским правительствами от 26 декабря 1921 г. обе стороны условились иметь в Москве и Риме официальных уполномоченных. Несколько позже, 30 ноября 1923 г., Муссолини заявил в палате, что Италия не должна игнорировать роль и значение возрождающейся России и что «для признания Советской России де юре у фашистского правительства нет никаких препятствий».

Заявление Муссолини было продиктовано не только интересами итальянской внешней политики и торговли. Фашистский диктатор стремился использовать симпатии народных масс к СССР для укрепления своих позиций внутри Италии. В докладе об итогах XIII съезда РКП(б) товарищ Сталин говорил: «Обратили ли вы внимание на то, что некоторые правители в Европе стараются строить карьеру на дружбе с Советским Союзом, что даже такие из них, как Муссолини, непрочь иногда „заработать“ на этой „дружбе“. Это прямой показатель того, что советская власть стала действительно популярной в широких массах капиталистических государств» [1].

Муссолини предлагал отбросить все политические предрассудки, мешающие признанию Советской России, и решать русский вопрос только с точки зрения реальных интересов Италии. Эти реальные интересы Муссолини в той же речи сформулировал достаточно определённо. «Для итальянского хозяйства,

---

[1] «Правда» № 136 от 19 июня 1924 г.

для блага итальянского народа выгодно признать Русскую республику де юре, — заявил он. — Я как глава итальянского правительства даю доказательства моей доброй воли и признаю Советы. Этим я вновь ввожу Россию в круг западноевропейской общественной, политической и дипломатической жизни. Но за это и Россия должна кое-что дать. Я требую хорошего торгового договора».

Советское правительство соглашалось дать Италии некоторые преимущества и льготы при заключении с ней торгового договора. Италия особенно нуждалась в русском зерне, нефтепродуктах, угле, железной руде, лесе, пеньке, льне. Однако, хотя Муссолини и обещал провести признание СССР в течение двух недель, переговоры затянулись почти на полгода.

Итальянское правительство переоценило согласие СССР на «премию» и предъявляло всё новые и новые требования. К этому присоединились и происки французской дипломатии, которая стремилась сорвать итало-советские переговоры.

Как сообщала лондонская печать, французский посол в Риме Баррер сделал письменное представление Муссолини по поводу итало-советских переговоров. Посол доказывал, что никакие экономические выгоды, ожидаемые Италией от договора с СССР, не смогут возместить тот политический ущерб, который она нанесёт себе и своим друзьям признанием Советов.

Этот беззастенчивый акт вмешательства правительства Пуанкаре вызвал протест советского правительства. Тем не менее интриги французской дипломатии против СССР продолжались.

С приходом к власти Макдональда началось согласование позиций итальянской и английской дипломатии в русском вопросе. Это ещё более замедлило ход переговоров.

В результате хотя Италия и первая заявила о своей готовности признать СССР, но фактически Англия её опередила.

Лишь 8 февраля 1924 г. итальянский представитель в Москве Патерно посетил заместителя наркома по иностранным делам и сообщил ему о признании советского правительства Италией де юре. Затем Патерно прислал в Наркоминдел ноту Муссолини от 7 февраля 1924 г., сообщавшую о подписании договора о восстановлении дипломатических отношений, торговле и мореплавании.

«Господин народный комиссар! — писал Муссолини. — Вы знаете, что со дня, когда я возглавил правительство, моим желанием было осуществить возобновление политических сношений между двумя странами, считая таковые полезными для их собственных интересов, а также в общих интересах всей Европы. Поэтому я удовлетворён, что сегодня итало-русский торговый договор подписан».

Далее Муссолини напоминал о своём приоритете в признании СССР, так как в соответствии с его речью от 30 ноября 1923 г.

итальянское правительство считало вопрос о признании правительства СССР де юре со стороны Италии разрешённым. Теперь же, когда договор подписан, оно констатировало, что 7 февраля 1924 г. «политические отношения между двумя странами являются окончательно и прочно установленными».

В своей ответной ноте от 11 февраля 1924 г. Народный комиссариат по иностранным делам выразил удовлетворение советского правительства по поводу заключения договора. Хотя признание СССР Италией оказалось не первым, советское правительство признало её номинальный приоритет и не отказалось от предоставления Италии некоторых льгот по торговому договору. Со своей стороны итальянское правительство по договору 7 февраля 1924 г., в основу которого был положен принцип наибольшего благоприятствования для обеих сторон, признало монополию внешней торговли Советского Союза. При этом оно предоставило торговому представительству Советского Союза дипломатические привилегии.

Восстановление нормальных отношений СССР с Англией и Италией повлекло за собой признание СССР и со стороны ряда других государств.

13 февраля 1924 г. представителю СССР в Норвегии была вручена нота норвежского правительства: фактически и юридически единственно законной и суверенной властью признавалось ею правительство СССР.

25 февраля 1924 г. австрийское правительство известило Наркоминдел СССР о своём решении немедленно возобновить с Советским Союзом нормальные отношения и заменить своё представительство в Москве дипломатической миссией.

8 марта 1924 г. последовало признание СССР со стороны Греции. Переговоры с ней также затянулись в связи с борьбой вокруг признания СССР в Англии. Греция была первой из балканских стран, вступившей с СССР в нормальные дипломатические отношения.

К началу 1924 г. из скандинавских стран одна только Швеция не находилась в договорных отношениях с Советским Союзом. Предварительное соглашение от 1 марта 1922 г., весьма выгодное для Швеции, не было ратифицировано шведским Парламентом: этому помешала оппозиция буржуазных партий, требовавших возмещения убытков, понесённых в России в результате национализации промышленности.

Неустойчивость Швеции в ходе переговоров о признании СССР побудила советское правительство отказаться от размещения заказов в Швеции впредь до заключения договора.

Лишь 15 марта 1924 г. шведское правительство заявило о своём признании СССР де юре. В тот же день было подписано и торговое соглашение.

Признание СССР со стороны Норвегии и Швеции не могло не отразиться и на позиции Дании. В начале апреля 1924 г. с ней были начаты официальные переговоры о признании СССР де юре. Вследствие внутренних политических перемен в Дании они затянулись на несколько месяцев. Лишь 18 июня 1924 г. эти переговоры закончились признанием СССР де юре со стороны Дании.

Новым успехом мирной советской политики явилось подписанное 31 мая 1924 г. «Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между Советским Союзом и Китайской республикой».

Ещё в марте 1923 г. пекинское правительство уполномочило доктора Ван Чжэн-тина начать переговоры с советской делегацией в Пекине. Переговоры, однако, затянулись на целый год. Общественные организации Китая и особенно вождь гоминдана (национально-демократической организации Китая) Сун Ят-сен настойчиво требовали скорейшего подписания советско-китайского соглашения. 14 марта 1924 г. соглашение между Ван Чжэн-тином и советской делегацией было, наконец, достигнуто. Однако под влиянием Франции, которая настраивала китайское правительство против заключения договора с СССР, китайское правительство отказалось подписать соглашение с СССР. Этот отказ поднял в Китае волну протеста. В результате 31 мая 1924 г. уполномоченный китайского правительства Веллингтон Ку и советская делегация подписали договор, положивший начало официальным дипломатическим отношениям между СССР и Китаем.

Правительство Советского Союза, верное принципам своей политики, объявило уничтоженными и не имеющими силы все договоры и соглашения, заключённые между царским правительством и другими державами и в какой-либо степени затрагивающие суверенные права или интересы Китая. Советский Союз отказался от русской части возмещения, которое Китай вносил после боксёрского восстания 1900 г. В декларации, приложенной к соглашению, было указано, что русская доля этого возмещения, «от которой правительство Союза ССР отказалось, будет, после удовлетворения всех прежних обязательств, направлена исключительно и полностью на создание фонда улучшения просвещения китайского народа».

Советское правительство отказывалось также от специальных прав и привилегий, приобретённых царским правительством в Китае, в силу прежних неравноправных договоров, конвенций, соглашений и т. д.

Обе договаривающиеся стороны соглашались на ближайшей конференции урегулировать вопрос о Китайско-Восточной железной дороге. При этом предполагалось исходить из следующих принципов: дорога признаётся чисто коммерческим пред-

приятием; вопросы, касающиеся её деловых операций, разрешаются под непосредственным руководством правления КВЖД, все же остальные вопросы — судебные, налоговые, полицейские — находятся в ведении китайских властей; советское правительство соглашается на выкуп КВЖД китайским правительством при посредстве китайского капитала; все вопросы, касающиеся КВЖД, будут рассматриваться сообща СССР и Китайской республикой без участия какой-либо третьей стороны или сторон.

Советско-китайское соглашение от 31 мая 1924 г. было ратифицировано президентом Китая 19 июля 1924 г. С этого времени дипломатические отношения между Китаем и СССР были восстановлены.

Ввиду того, что КВЖД проходит по территории Манчжурии, а правительство Трёх восточных провинций Китая не подчинялось центральному китайскому правительству, возникла необходимость советско-манчжурского соглашения.

Соглашение между СССР и «автономным правительством Трёх восточных провинций Китая» было подписано в Мукдене 20 сентября 1924 г. Содержание этого соглашения не отличалось от той части договора с Китаем, в которой устанавливался порядок эксплоатации КВЖД.

Договором с Китаем не закончилась серия признаний Советского Союза де юре капиталистическими государствами.

Летом 1924 г., после образования в Албании правительства Фан-Ноли, начались переговоры между СССР и Албанией. 6 июля 1924 г. албанское правительство заявило, что будет «весьма счастливо установить дипломатические и дружественные отношения между народами русским и албанским».

В результате состоялся обмен дипломатическими представителями между СССР и Албанией. Однако в Албании начались внутренние волнения в связи с борьбой двух группировок, за которыми соперничали между собой Италия и Югославия. Правительство Фан-Ноли его противники обвиняли в «большевизме».

Иностранные дипломаты в Тиране также выступали против представительства СССР в Албании. Правительство Фан-Ноли, боясь внутренних и международных осложнений, предложило советскому представителю покинуть Албанию.

Всё же правительство Фан-Ноли было свергнуто; новое правительство Ахмед-Зогу ничего не предприняло для восстановления отношений между Албанией и СССР.

В конце июля 1924 г. мексиканский представитель в Берлине сообщил советскому послу о решении правительства Мексики признать СССР де юре и без всяких условий обменяться посланниками.

«Наша страна не занимается вопросами о происхождении правительств, — писал в своей ноте представитель Мексики, —

ибо мы признаём в самых широких размерах за каждой страной право иметь правительство, наиболее для неё подходящее. Таким образом, мы не видим никаких препятствий к возобновлению в желаемый момент официальных сношений с Россией, и в этих видах в ближайший срок обе страны аккредитуют своих представителей».

Предложение правительства Мексики было принято. 1 августа 1924 г. между СССР и Мексикой были установлены дипломатические отношения.

Так же безоговорочно признало СССР и правительство Геджаса; экономические и дипломатические отношения с ним начались 6 августа 1924 г.

5 сентября 1924 г. было подписано соглашение об установлении дипломатических отношений между СССР и Венгрией. Однако правительство Венгрии не ратифицировало договора в срок, и поэтому он в силу не вступил.

После признания СССР Англией и Италией советское правительство заявило, что будет предоставлять права наибольшего благоприятствования в области торговли лишь тем странам, которые признали СССР де юре до 15 февраля 1924 г. Это решение свидетельствовало об укреплении силы и авторитета Советского государства. Теперь оно уже обходилось без послаблений тем капиталистическим странам, которые всё ещё колебались в деле признания советского правительства.

Советско-германский конфликт

В мае 1924 г. произошло внезапное обострение отношений между Германией и Советским Союзом.

Германское правительство решило использовать антисоветские настроения держав, принявших план Дауэса. Немцы рассчитывали на получение внешнего займа в размере 800 миллионов золотых марок и на прекращение политики военного давления на Германию, потерпевшей крушение при оккупации Рура. Германское правительство спешило выслужиться перед своими кредиторами и загладить впечатление, произведённое на капиталистический мир Рапалльским договором Германии с советским правительством. С этой целью немецкие власти в Берлине пустились на весьма рискованную провокацию, подготовленную сторонниками разрыва с Советским Союзом.

3 мая 1924 г. берлинская полиция ворвалась в помещение торгпредства СССР и произвела там обыск. В поисках какого-то Боценгардта, провокатора, якобы скрывшегося в помещении торгпредства, германские власти взламывали шкафы, открывали портфели, задержали и арестовали некоторых сотрудников торгпредства.

Советское правительство решительно выступило против грубого самоуправства берлинских полицейских властей. Оно потребовало от германского правительства официального

удовлетворения и настаивало на соблюдении гарантий экстерриториальности торгпредства. Конфликт затянулся. Полпред СССР в Германии выехал из Берлина в Москву. Аппарат торгового представительства начал свёртываться.

Советское правительство прекратило все сделки с немецкими фирмами. Это нанесло значительный ущерб германской промышленности. Волей-неволей германскому правительству пришлось подумать о скорейшем примирении с СССР. 29 июля 1924 г. в Берлине был подписан протокол о ликвидации советско-германского конфликта. Германское правительство признало действия полицейских властей незаконными. Оно осудило их и выразило своё сожаление по поводу случившегося. Одновременно оно заявило о своей готовности возместить материальный ущерб, причинённый германскими чиновниками в здании торгпредства. Оба правительства согласились считать, что инцидент 3 мая 1924 г. ни в чём не изменил того правового положения торгпредства, которое установлено было существующими договорами.

Признание СССР Францией

Позже других вступила на путь признания Советского Союза Французская республика. Ещё 22 декабря 1923 г. Пуанкаре обратился к советскому правительству с предложением возобновить дипломатические отношения. Но это предложение не могло стать базой для переговоров, ибо Пуанкаре потребовал от советского правительства признания довоенных долгов и компенсации держателей русских ценностей и бывших владельцев национализированных предприятий. Между прочим французская дипломатия намечала создать в России с помощью иностранного капитала концессионные предприятия, прибыль с которых шла бы на возмещение убытков, понесённых иностранцами от национализации.

Прямое содействие бывшим русским собственникам и кредиторам Пуанкаре оказывал и в возникавших судебных процессах. Так, на процессе братьев Бунатьян против общества «Опторг», зафрахтовавшего груз шёлка, который братья Бунатьян объявляли своей собственностью, было оглашено письмо Пуанкаре о том, что французское правительство поддерживает претензии бывших русских собственников. Приговор от 3 декабря 1923 г., вынесенный в пользу братьев Бунатьян, содержал указание, что официальные акты советского правительства не будут действительны для французского суда, пока СССР не будет признан Францией.

Ввиду этой активно враждебной деятельности французских капиталистов Наркоминдел сделал французскому правительству заявление о невозможности дальнейшего развития торговых сношений с Францией. «Во всей Восточной Европе, — заявлял Чичерин в беседе с корреспондентом «Правды», — международные отношения не могут как следует наладиться и не может

наступить безусловно прочный мир в результате враждебной деятельности французской дипломатии против Советской республики» [1]. Это решение встревожило деловые круги Франции. Против политики Пуанкаре в стране росла оппозиция.

Общественное мнение Франции всё решительнее высказывалось в пользу скорейшего урегулирования взаимоотношений между Францией и СССР. Поездки виднейших политических и общественных деятелей Франции — Эррио, Даладье и др. — в Советский Союз приводили к одному результату: все побывавшие в СССР требовали немедленного признания Советской России. С конца 1923 г. активную кампанию в этом направлении в печати и на митингах развернул сенатор де Монзи, посетивший Москву летом 1923 г. На конференции, организованной Лигой защиты прав человека, де Монзи выступил с подробным докладом о своей поездке в Россию. Он настаивал на необходимости возобновления отношений с СССР, подчёркивая особую важность равноправного участия советского правительства в европейских делах.

Без России невозможна никакая политика, немыслим никакой европейский мир — таков был общий вывод де Монзи (впоследствии перешедшего в лагерь Виши). В своей книге «В Россию и обратно» он обвинял французскую дипломатию в заносчивости и медлительности. «В области дипломатии, как и в домашней жизни, дверь не остаётся в течение долгого времени приоткрытой», — писал де Монзи, предостерегая против дальнейшей политики выжидания, а иногда и враждебных действий французской дипломатии против СССР.

В своей книге де Монзи привёл много фактов, свидетельствовавших, по его мнению, об укреплении международных связей и авторитета Советского государства. Советское правительство, писал де Монзи, послало за границу и содержит там двадцать полномочных представителей и поверенных в делах. Германское посольство в Москве с чрезвычайным и полномочным послом графом Брокдорф-Рантцау во главе имеет многочисленный штат. Турция, Персия и Афганистан также имеют в Москве свои посольства. Эстония, Финляндия, Латвия, Литва, а также Польша содержат здесь свои миссии. Послала в Москву своего дипломатического представителя и Австрия. Великобританская торговая миссия в России также весьма активна. Италия, Дания, Чехословакия установили с правительством СССР не только торговые, но и общие, вполне доброжелательные отношения. В гостинице «Савой» живёт делегат Китайской республики; в Токио ведутся переговоры с Японией. Только Франция продолжает держаться в своих взаимоотношениях с СССР той уморительной формулы, которую она применяла, когда пригла-

---

[1] «Правда» от 1 января 1924 г.

шала СССР в Геную и Гаагу: «Я приглашала советское правительство, но я его не знаю. Я звала его, но я его отрицаю».

О своих впечатлениях и выводах де Монзи написал из Москвы письмо Пуанкаре ещё 19 августа 1923 г. Он настаивал на необходимости торопиться с признанием СССР. Но Пуанкаре не внял этим советам. Он продолжал вести свою линию на изоляцию СССР.

С целью осложнить международное положение СССР французская дипломатия не только поддерживала притязания Румынии на Бессарабию, но и стремилась превратить бессарабский вопрос в casus belli между СССР и Румынией.

11 марта 1924 г. проведена была ратификация французским Парламентом Парижского соглашения 1920 г. о Бессарабии. Этим актом правительство Пуанкаре спешило подкрепить позиции Румынии на предстоявшей в конце марта 1924 г. советско-румынской конференции по вопросу о Бессарабии.

На конференции в Вене Румыния отклонила предложение советской делегации о плебисците в Бессарабии. 2 апреля 1924 г. она прервала переговоры с Советским Союзом.

В заключительной декларации советские делегаты заявили, что СССР продолжает считать Бессарабию частью советской территории. Советское правительство не может признать, чтобы «насильственный захват Бессарабии в 1918 г. войсками румынского короля создал какие бы то ни было права на Бессарабию для румынской короны».

Советское правительство предупреждало, что будет рассматривать всякую материальную и моральную поддержку Румынии в бессарабском вопросе со стороны какой-либо державы как враждебный акт по отношению к СССР. «Впредь до плебисцита мы будем считать Бессарабию неотъемлемой частью Украины и Советского Союза...» [1] — так формулировал позицию советского правительства в бессарабском вопросе т. Литвинов в беседе с корреспондентом «Правды».

Ни Франция, ни Румыния не добились изоляции СССР. Наоборот, своими действиями румынская дипломатия изолировала свою собственную страну. Члены Малой Антанты — Чехословакия и Югославия — отказались поддержать антисоветскую позицию Румынии. Италия и Япония также не решились пойти ей навстречу: ратификация бессарабского протокола вновь была ими отложена. Захват Бессарабии Румынией попрежнему оставался неутверждённым державами.

Антисоветская демонстрация Пуанкаре в бессарабском вопросе явилась одним из последних проявлений его ненависти к СССР. Пришедшее ему на смену правительство «левого блока» во главе с Эдуардом Эррио было сторонником признания СССР.

---

[1] «Правда» от 7 апреля 1924 г.

Ещё начиная с 1922/23 г., после своей поездки на Нижегородскую ярмарку, Эррио горячо выступал за признание СССР. Однако и его правительству потребовалось несколько месяцев, прежде чем вопрос о признании СССР стал на практическую почву.

Лишь 28 октября 1924 г. Эррио сообщил телеграммой на имя председателя Совнаркома и народного комиссара иностранных дел, что Франция признаёт де юре советское правительство. «Правительство республики, — гласило сообщение, — верное дружбе, соединяющей русский и французский народы, начиная с настоящего дня признаёт де юре правительство СССР как правительство территорий бывшей Российской империи, где его власть признана населением, и как преемника в этих территориях предшествующих российских правительств. Оно готово поэтому завязать теперь же регулярные дипломатические сношения с правительством Союза путём взаимного обмена послами».

Следует отметить, что телеграмма Эррио об установлении дипломатических отношений с СССР содержала некоторые характерные оговорки. Так, в ней нашла своё отражение ещё тлевшая у французов надежда оторвать от СССР кое-какие территории, в частности Грузию, где в 1924 г. меньшевики попытались поднять мятеж против СССР. Вот почему французское правительство подчёркивало, что признаёт правительство СССР лишь там, «где его власть признана населением».

Эррио предложил советскому правительству прислать в Париж делегацию для переговоров. В тот же день Совнарком ответил согласием.

Приветствуя установление дружественных отношений с демократической Францией, отказавшейся от агрессивных замашек Пуанкаре, сессия ЦИК СССР единогласно признала необходимость возобновления дипломатических отношений с Французской республикой.

Этим актом было положено начало развитию нормальных политических и экономических отношений между Советской Россией и Францией.

Советско-американские отношения

В то время как страны Западной Европы постепенно становились на путь признания советского правительства, влиятельные круги американской буржуазии всё ещё упорствовали, требуя от России обязательства уплатить долги. Однако те капиталисты США, которые имели непосредственные дела с Россией, настаивали на возобновлении с ней нормальных дипломатических отношений. В 1923 г. в Америку приехал представитель Всероссийского текстильного синдиката. Советский Союз предполагал закупить крупную партию американского хлопка. Эта сделка не могла не заинтересовать американцев, тем более, что в связи с только что пережитым кризисом вопрос о расширении рынков стоял для США довольно остро.

Настаивали на признании Советского Союза и американские рабочие. Отвечая на запросы о причинах медлительности правительства в этом деле, государственный секретарь США Юз опубликовал письмо с объяснением, почему государственный департамент пока ещё воздерживается от признания СССР.

«Признание есть не что иное, как приглашение завязать взаимные сношения, — писал Юз. — Оно должно сопровождаться со стороны нового правительства ясно подразумеваемым или определённо выраженным обещанием выполнить обязательства, вытекающие из взаимного общения».

«Обязательства России по отношению к налогоплательщикам Соединённых штатов, — продолжал Юз, — до сего времени не признаны. Большое число американских граждан, прямо или косвенно потерпевших от конфискации их имущества в России, остаются без всякой надежды на возмещение» [1].

Вопрос о признании Советского Союза оживлённо обсуждался в американской прессе. Всё большее число крупных предпринимателей выступало с заявлениями, что отсутствие нормальных отношений между США и СССР неблагоприятно отражается на американской торговле. В ответ на это 6 декабря 1923 г. президент Кулидж обратился с посланием к Конгрессу.

«Наше правительство, — писал Кулидж, — не имеет ничего против заключения американскими гражданами торговых сделок с русскими. Однако наше правительство не намерено вступать в сношения с правительством, отказывающимся от признания международных обязательств». Далее президент потребовал компенсации американским гражданам, которые понесли убытки от национализации предприятий в СССР, и признания долгов, числящихся не за царём, а за «новой Российской республикой» в 1917 г.

Ознакомившись с посланием Кулиджа, советское правительство 16 декабря 1923 г. отправило ему телеграмму с предложением совместно обсудить все вопросы, выдвинутые президентом. В основу переговоров советское правительство предлагало положить принцип обоюдного невмешательства во внутренние дела и начало взаимности при урегулировании денежных претензий.

18 декабря 1923 г. Юз выступил в Сенате с ответной речью, текст которой был переслан в Москву через американского представителя в Ревеле. Государственный секретарь заявил, что позиция США неизменна. Пусть советская власть начнёт с того, что компенсирует американских граждан. Пусть она отменит свои декреты о непризнании долгов и признает свои обязательства. Кроме того, американское правительство не вступит в

[1] *Пазвольский* и *Маультон*, Русский государственный долг и восстановление России (приложение).

переговоры, пока Москва не перестанет быть центром пропаганды против существующего в США строя.

Вызывающее выступление Юза явно имело целью произвести переворот в общественном мнении США и напугать его «красной опасностью». Юз не остановился перед прямыми измышлениями: он ссылался на какие-то «инструкции» Коминтерна о том, как в США лучше устроить революцию. Чтобы разоблачить обман, Наркоминдел предложил третейский суд для разбора обвинений Юза. Но государственный секретарь уклонился от этого предложения.

Выступление Юза встретило решительное осуждение среди широких демократических масс и значительной части промышленных кругов США.

Кампания за признание СССР развернулась с новой силой. Во главе её стали сенаторы Лафолетт и Бора. Последний на заседании Сената 20 декабря 1923 г. заявил: «Советское правительство за последние три года ни прямо, ни косвенно непричастно к каким-либо попыткам ниспровержения американского правительства. Если бы дата документов была известна, то обвинение рассыпалось бы само собой, как дым». Демократическая печать США обвиняла Юза в том, что публикацией сомнительных документов он дискредитирует американскую демократию.

В 1923 г. Москву посетил ряд членов американского Конгресса. Все их отзывы сводились к тому, что СССР — страна величайших возможностей, а положение советского правительства весьма прочно. СССР — огромнейший рынок; Америке надо без проволочек договориться с советским правительством, иначе с ним войдут в соглашение другие.

Однако в 1924 г. выборы президента и особенно нашумевшая «нефтяная панама» отодвинули на время в США вопрос о СССР, как и другие международные проблемы.

«Нефтяная панама», раскрывшая злоупотребления, взяточничество, подкупы виднейших правительственных и должностных лиц, чиновников и министров в связи с получением от государства нефтяных концессий в Калифорнии, серьёзно скомпрометировала и демократов и республиканцев.

Зато значительно возросло влияние третьей, так называемой фермерской, партии, представлявшей интересы американских фермеров и радикальной части мелкой буржуазии. Главой этой партии был Лафолетт, являвшийся активным сторонником признания СССР.

Однако против Лафолетта направили свои атаки обе партии крупного капитала. Они изображали его революционером и разрушителем американской конституции. Им удалось не только запугать сторонников Лафолетта, но и заставить самого Лафолетта резко повернуть вправо.

На выборах одержали победу республиканцы. Переизбранный президентом Кулидж заявил, что внешняя политика США останется неизменной. Таким образом, Соединённые штаты Америки временно остались в стороне от того пути, по которому пошло значительное число капиталистических стран, уже признавших Советский Союз.

Японо-советское соглашение 20 января 1925 г.

Последним международным актом «полосы признаний» было японо-советское соглашение, заключённое в Пекине 20 января 1925 г. Это соглашение устанавливало нормальные дипломатические и экономические отношения между СССР и Японией. Пекинская конвенция исходила из принципа невмешательства во внутренние дела другой страны и предусматривала, что ни одна из сторон не допустит присутствия на её территории организаций или групп, претендующих на звание правительства какой-либо части территории другой страны.

Специальная статья соглашения предусматривала обязательство Японии вывести к 15 мая 1925 г. свои войска из Северного Сахалина. Через пять месяцев после эвакуации Японии могли быть предоставлены советским правительством концессии, в частности на эксплоатацию 50% площади нефтяных месторождений, частично уже находившихся в эксплоатации Японии.

Ко второму пункту советско-японской конвенции, оставлявшему в силе Портсмутский мирный договор, заключённый между Россией и Японией 5 сентября 1905 г., советское правительство сделало следующую оговорку: «Признание действительности Портсмутского договора от 5 сентября 1905 г. никоим образом не означает, что правительство Союза разделяет с бывшим царским правительством политическую ответственность за заключение указанного договора».

Подтверждение Портсмутского мирного договора имело глубокий смысл. Статьи этого договора, отражавшие империалистические устремления Японии и фиксировавшие её приобретения, уже давно были реализованы и практического значения в дальнейшем иметь не могли. Зато в полной мере сохраняли своё значение те статьи договора, которые были направлены к обеспечению мира на Дальнем Востоке. К числу этих статей и пунктов договора принадлежали следующие обязательства сторон:

1. Россия и Япония условились воздерживаться «от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории».

2. Они обязались «эксплоатировать принадлежащие им в Манчжурии железные дороги исключительно в целях коммерческих и промышленных, но никоим образом не в целях стратегических».

3. Согласно статье 9 Портсмутского договора, «Россия и Япония взаимно соглашаются не возводить в своих владениях на острове Сахалине и на прилегающих к нему островах никаких укреплений, ни подобных военных сооружений; равным образом они взаимно обязуются не принимать никаких военных мер, которые могли бы препятствовать свободному плаванию в проливах Лаперузовом и Татарском».

Вопрос о долгах правительству или подданным Японии откладывался до дальнейших переговоров между правительствами Японии и СССР.

Оба правительства соглашались приступить к пересмотру рыболовной конвенции 1907 г., учитывая те перемены, которые имели место с того времени.

Новая рыболовная конвенция, заключённая на срок 8 лет, была подписана после длительных переговоров 23 января 1928 г. В дальнейшем эта конвенция неоднократно продлевалась на срок одного года, причём в её условия вносились некоторые изменения.

Японо-советское соглашение имело большое значение для развития экономических отношений и связей между обеими странами и для укрепления мира на Дальнем Востоке.

На первых порах японское правительство предполагало обменяться лишь поверенными в делах. Но в конце концов оно изъявило согласие на принятие полномочного советского посла.

На XIV съезде ВКП(б) товарищ Сталин, отмечая основные факторы, которые определили некоторое равновесие сил между лагерем социализма и лагерем капитализма, подчеркнул, что «полоса войны сменилась полосой передышки», которая характеризуется возможностью установления сотрудничества СССР с буржуазными странами. Отсюда и та «полоса признаний», которая в 1924/25 г. привела к установлению нормальных дипломатических отношений СССР с 12 капиталистическими странами. Этот факт привёл к серьёзному росту международного влияния Советского Союза, который всё более и более становился решающим фактором мировой политики. Товарищ Сталин указал, что в то время, когда капиталистический мир разъедается целым рядом внутренних противоречий, мир социализма всё более и более сплачивается: «На этой именно почве и родилось то временное равновесие сил, которое положило конец войне против нас, которое дало начало полосе „мирного сожительства“ между государством советским и государствами капиталистическими».

Одновременно товарищ Сталин отметил, что установившаяся полоса «совместного сожительства» не означает, что «мы ликвидировали уже все те, так сказать, недомолвки и все те, как бы сказать, претензии и контр-претензии, которые существовали

и ещё существуют между нашим государством и государствами Запада»[1].

Тем не менее внешняя политика Советского Союза, как говорил товарищ Сталин, должна быть направлена к тому, чтобы «вести работу по линии борьбы против новых войн, затем по линии сохранения мира и обеспечения так называемых нормальных сношений с капиталистическими странами».

«Основу политики нашего правительства, — говорил товарищ Сталин, — политики внешней, составляет идея мира. Борьба за мир, борьба против новых войн, разоблачение всех тех шагов, которые предпринимаются на предмет подготовки новой войны, разоблачение таких шагов, которые прикрывают флагом пацифизма подготовку войны на деле (Локарно!), это — наша задача»[2].

Упоминание товарища Сталина о Локарно находилось в связи с той конференцией победителей и Германии, которая происходила в октябре 1925 г. в Локарно и которая прославлялась как вершина «эры пацифизма».

[1] XIV съезд ВКП(б). Стенографический отчёт, стр. 21—22.
[2] Там же, стр. 26.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЛОКАРНСКИЕ СОГЛАШЕНИЯ (1925 г.)

Женевский протокол

План Дауэса буржуазная печать во всём мире прославляла как первый действительный шаг к умиротворению Европы. Публицисты капиталистических стран трубили, что уступками Германии в репарационном вопросе будет достигнуто примирение между победителями и побеждёнными. Однако возможность экономического и военного усиления Германии в результате осуществления плана Дауэса пугала французов. Тревога французской дипломатии по поводу необеспеченности франко-германских границ всё возрастала.

В 1924 г., в самый разгар так называемой «эры пацифизма», вопрос о гарантиях безопасности не сходил с порядка дня Лиги наций. Среди многих проектов мирного урегулирования международных конфликтов в кругах Лиги родился англо-французский план всеобщего международного договора о взаимных гарантиях. Новый проект вызывался также соображениями внутренней политики. Правительство Макдональда демонстрировало свой пацифизм перед рабочим классом, чтобы обеспечить себе поддержку на новых парламентских выборах. Правительство Эррио стремилось создать хотя бы видимость какого-нибудь успеха во внешней политике, чтобы сгладить впечатление от неудач французской дипломатии на Лондонской конференции 1924 г., утвердившей план Дауэса.

Выработанный Лигой наций проект всеобщего гарантийного соглашения обсуждался на пятой сессии Лиги в сентябре 1924 г. При этом вновь возникли старые споры между англичанами и французами по вопросу о безопасности и разоружении. Эррио утверждал, что сначала должна быть гарантирована безопасность установленных в Версале границ, а затем уже поставлен вопрос о разоружении. Макдональд, наоборот, доказывал, что прежде всего необходимо разоружение, точнее — ограничение вооружений.

Разногласие объяснялось тем, что Англия, уверенная в своём военно-морском превосходстве, не имела оснований возражать против сокращения вооружений на континенте. Между тем Франция, имевшая самую большую армию в Европе, была против её сокращения. Видя в армии главную опору, она добивалась обеспечения безопасности своих границ при помощи военных союзов и установления системы всеобщей гарантии послеверсальского status quo.

Англия была против такой системы гарантий, так как не хотела чрезмерного усиления Франции. Макдональд утверждал, что «военные союзы недостаточны для безопасности государства». «Мы не верим тому, — говорил он в Женеве, — что военные союзы могут обеспечить безопасность. Мы считаем, что военные союзы без договора о безопасности подобны горчичному семени. Основное зерно таких соглашений будет расти, распустится пышным деревом, и мы можем очутиться в таком же положении, в каком были в 1914 г.» [1]

Макдональд доказывал, что безопасность государства может быть обеспечена лишь правильно организованной системой арбитража. «Главное условие мира и безопасности, — заявлял он, — это справедливость и справедливость, не знающая страсти; это и есть то, что я называю арбитражем».

Центр тяжести возражений Эррио сводился к тому, что одного арбитража недостаточно: «Арбитраж необходим, но он недостаточен: он средство, а не цель».

«Арбитраж, безопасность, разоружение, — восклицал патетически французский премьер, — таковы, по нашему мнению, три главные колонны того храма, который вы, мои дорогие коллеги, призваны построить. Нужно, чтобы основания его были солидными, для того чтобы он мог высоко подняться в небо» [2]. Таким «основанием» этого трёхколонного храма мира Эррио считал всеобщий гарантийный договор о безопасности и неприкосновенности версальских границ.

Несмотря на споры, протокол о мирном урегулировании международных споров всё же в конце концов был утверждён на сессии Лиги 2 октября 1924 г.

Во вступительной части протокола указывалось, что цель его — осуществить «сокращение национальных вооружений до минимума, совместимого с национальной безопасностью и с выполнением международных обязательств, налагаемых коллективным выступлением» [3].

В статье 2 державы, подписавшие протокол, заявляли, «что они ни в коем случае не должны прибегать к войне ни между

---

[1] *Alexander*, From Paris to Locarno and after, London 1928, p. 78.

[2] Ibidem.

[3] «Société des Nations», Journal Officiel, Supplément № 23, Actes de la cinquième Assemblée, Genève 1924.

собой, ни против любого государства, которое приняло бы все определённые в протоколе обязательства».

В случае споров между членами Лиги они обязывались прибегать к процедуре арбитража или к решению Совета Лиги наций. Если какое-нибудь государство нарушит это обязательство, против него должны быть приняты меры как против агрессора.

Однако обязательства, которые принимали на себя державы, подписавшие протокол, носили ограниченный и условный характер. Так, по статье 11, посвящённой вопросу о санкциях, каждое подписавшееся государство должно было противодействовать «всяким актам нападения *в той мере, в какой ему это позволяют его географическое положение и особые условия его вооружений* (курсив наш. — *Ред.*)». Ясно, что такая оговорка давала возможность любому государству, подписавшему протокол, уклониться от коллективного выступления против агрессора, если бы это представилось для такого государства невыгодным или связанным с риском.

Тем не менее Макдональд и Эррио объявили Женевский протокол «великой хартией мира», которая обеспечит братское сотрудничество народов.

Франция поспешила первой подписать протокол. Но английское правительство не торопилось. Консервативный кабинет Болдуина — Чемберлена, пришедший на смену правительства Макдональда, отказался подписать протокол. Английские консерваторы были сторонниками «независимой» политики Англии и противниками её участия в коллективных соглашениях. Женевский дипломатический документ остался мёртвой буквой. Произнесённые на сессии Лиги наций пацифистские речи и принятые там декларации относительно обеспечения мира и безопасности, права и справедливости, разоружения и санкций против агрессоров служили для империалистических правительств лишь прикрытием их действительных целей.

«Эра пацифизма» на Востоке. Египетские дела

Пацифистская маскировка понадобилась для дипломатии империализма прежде всего в странах мусульманского Востока.

После поражения национально-освободительных движений на Ближнем и Среднем Востоке в 1919—1921 гг. Англия считала необходимым выступить в роли великодушной победительницы и договориться с вождями этих движений, идя на некоторые уступки их требованиям.

Результатом этой политики задабривания явилось признание в 1922 г. Египта формально независимым королевством. После проведения выборов в египетский Парламент было создано правительство умеренных националистов во главе с Заглул-пашой.

На банкете по случаю образования нового египетского правительства (27 января 1924 г.) Заглул-паша заявил: «Наша главная забота — это полная независимость нашей страны.

К счастью для обеих сторон, в Англии к власти пришёл кабинет, который, как мы знаем, благосклонно к нам относится»[1].

Надеждам египетских националистов не суждено было сбыться. Когда в Судане началось восстание, проходившее под лозунгом создания независимого египетско-суданского государства, Макдональд пригласил Заглул-пашу в Лондон для переговоров. Они продолжались с 25 сентября по 3 октября 1924 г. Заглул-паша требовал эвакуации всех английских войск с египетской территории; упразднения должностей английских советников; полной свободы сношений Египта с иностранными державами; отказа Англии от притязаний на защиту живущих в Египте иностранцев и национальных меньшинств; наконец, признания за Египтом права на Судан.

По поводу последнего требования Заглул-паши Макдональд, как потом передавали, в негодовании воскликнул: «Какой, однако, вы империалист!» Требования заглулистов были отклонены. Тогда правительство Заглул-паши апеллировало к Лиге наций. Но генеральный секретарь Лиги не пожелал дать хода этой апелляции на том формальном основании, что египетский протест «имеет неофициальный характер и не исходит от правительства, которое состоит членом Лиги».

После прихода к власти 6 ноября 1924 г. правительства Болдуина — Чемберлена англо-египетские отношения ещё более осложнились. Консервативный кабинет воспользовался убийством в Судане генерал-губернатора (сирдара) Ли-Стэка и предъявил Заглул-паше ультиматум; по существу он означал, что Египет и Судан остаются в зависимости от Англии.

Английские гарнизоны в Александрии, Каире и Судане были усилены. В Александрию и Порт-Саид прибыло несколько крупных английских военных судов.

Не желая компрометировать себя принятием английского ультиматума, Заглул-паша ушёл в отставку. Его сменило реакционное правительство Зивара-паши; оно арестовало видных заглулистов и послушно выполнило все английские требования. Таким образом, права Египта как независимого государства оказались иллюзией.

Английская политика в Арабистане

Наряду с Египтом важным узлом коммуникаций Британской империи являлись страны Восточного Арабистана. Главная задача английской дипломатии в отношении этих стран заключалась в том, чтобы обеспечить над ними твёрдый контроль, а также ослабить в них французское влияние. Особенно старалась Англия вытеснить французов из Сирии. Соседство Сирии с Ираком и нефтеносным Мосулом французская дипломатия не раз пыталась использовать против Англии.

[1] «Morning Post», 28. I. 1924.

С другой стороны, французская дипломатия не переставала поддерживать выступления арабов против Англии. Так, осенью 1924 г. и в начале 1925 г. Франция оказала поддержку султану Неджда Ибн-Сауду, главе сильной в Центральной Аравии секты вахабитов, против короля Геджаса, Гуссейна, ставленника Англии. Гуссейн обратился за помощью к своей покровительнице Великобритании. Но британская дипломатия помнила своё старое правило, что в Аравии «нельзя ставить все деньги на одну лошадь». Поэтому она сама пошла на переговоры с Ибн-Саудом, предоставив ему свободу действий против Гуссейна.

В центре внимания английской дипломатии на Арабском Востоке стояли задачи обеспечения стратегических позиций Великобритании. По этим соображениям она отказалась превратить подмандатную Палестину в самостоятельное государство.

По тем же мотивам английская дипломатия добивалась такого договора с Ираком, при котором Англия сохранила бы над ним свой мандат. В ночь с 10 на 11 июля 1924 г. Учредительное собрание Ирака утвердило англо-иракский союзный договор, проект которого был подписан обеими сторонами ещё 10 октября 1922 г. Этот договор обеспечивал господствующее влияние Англии в центральной области Среднего Востока, ибо Ирак прикрывал подступы к Индии, к мосульской нефти и Египту.

Предложения гарантийного соглашения

Напряжённость обстановки на Востоке, в частности в Египте, в конце 1924 г. вынуждала английскую дипломатию искать соглашения с Францией по вопросу о гарантиях безопасности.

По этому вопросу в Англии существовали две точки зрения. Одни считали, что островное положение Великобритании и отдалённость её важнейших владений от Европы дают ей возможность не заниматься активно европейскими проблемами. Другие, наоборот, утверждали, что отказ Англии от активного участия в делах Европы может привести к утрате ею всякого влияния на ход мировой политики. Вдобавок, при развитии военной авиации островное положение Англии отнюдь не предохраняет её от опасности нападения.

Противники английской самоизоляции считали обязательным условием безопасности Англии соглашение с Францией и Бельгией. По их мнению, гарантийный пакт с этими странами не позволил бы третьей державе вторгнуться во Францию, захватить её порты и территории и превратить их в базы для воздушных налётов против Англии.

Ещё в 1922 г. в Каннах велись по этому поводу предварительные переговоры между английскими и французскими дипломатами. От имени Франции вёл эти переговоры Бриан.

Он вспомнил о них позже, в декабре 1929 г., когда ему пришлось отбиваться в Палате депутатов от обвинений оппозиции в том, что в Локарно он защищал не французские интересы, а «германскую концепцию».

«Но знаете ли вы, господа, — спрашивал Бриан Палату, — как зародилась идея Локарно? Её надо искать в Каннах, в моих переговорах с британским представителем. Когда я обсуждал с ним этот вопрос, я сказал ему, что дело не в том, чтобы Англия, или США, или оба правительства вместе согласились немедленно прийти на помощь Франции в случае нападения на неё со стороны Германии. Я откровенно сказал английскому представителю: „Прийти на Рейн защищать нашу границу — это вовсе не будет оказанием помощи только Франции. Этим вы, англичане, окажете помощь также и самим себе. Вы защитите вашу и нашу границу".

Вот вам „генезис Локарно"»[1].

Предложения Рейнского пакта выдвигались и со стороны германской дипломатии. Ещё 13 декабря 1922 г. германский посол в Вашингтоне передал американскому государственному секретарю Юзу официальное предложение канцлера Куно о заключении гарантийного договора между державами, «имеющими интересы на Рейне». Этот дипломатический шаг находился в явной связи с угрожавшей Германии оккупацией Рура.

Получив через Юза германское предложение, Пуанкаре отклонил его. Он охарактеризовал германскую ноту как «неуклюжий маневр», имевший целью внести разногласия в среду союзников.

Франция добивалась от США и Великобритании гарантий, обеспеченных их военными, морскими и воздушными силами. Такие гарантии не были даны, и весь вопрос о гарантийном пакте временно был снят с обсуждения.

С приходом к власти лейбористов в Англии и «левого блока» во Франции германская дипломатия вновь выступила с предложениями переговоров относительно гарантийного соглашения.

В сентябре 1924 г., в момент обсуждения Женевского протокола, Штреземан направил представителям десяти держав, заседавшим в Совете Лиги наций, меморандум о желании Германии вступить в Лигу наций. Германия просила при этом «учесть её военное положение» и предоставить ей «особые условия» в отношении обязательств статьи 16 устава Лиги — об участии всех членов Лиги наций в применении военных санкций против нарушителей устава.

Дипломатическое выступление Германии вызвало переполох в правящих кругах Франции. Французская дипломатия

---

[1] *Bennet*, Documents of International Affairs, 1929.

оказала давление на Англию, чтобы заручиться согласием Чемберлена отложить эвакуацию Кёльна, срок которой истекал 10 января 1925 г. Со своей стороны и Чемберлен в это время добивался от Франции отказа от пакта о безопасности, в той форме, в какой французы его требовали. Поэтому он согласился на отсрочку эвакуации Кёльнской зоны.

Однако английская дипломатия сочла необходимым вступить с Германией в переговоры. Предметом их не были ни Женевский протокол, ни вхождение Германии в Лигу наций. Дело шло о новом соглашении, со строго ограниченными задачами и конкретными обязательствами.

Особенную активность проявлял в этом направлении английский посол в Берлине лорд д'Абернон. В своём дневнике он рассказывает, что находился в ежедневном общении с германским министром иностранных дел Штреземаном, с которым достиг полного взаимопонимания. Штреземан также повествует в своих воспоминаниях об откровенных беседах с английским послом, когда обсуждались и согласовывались планы германской и английской дипломатии. Одним из таких планов и был проект Рейнского пакта. В беседе от 29 декабря 1924 г. Штреземан говорил д'Абернону, что «Франция в течение пяти лет заявляла всему миру, что ей угрожает Германия, что в Германии якобы имеются тайные армии и что Франции для обеспечения своей безопасности надо установить сроки разоружения, оккупации и т. д.»[1]. Английский посол выразил Штреземану своё сочувствие по поводу «печального положения Германии» и предложил возобновить переговоры о гарантийном пакте. Штреземан согласился, отметив, что гарантировать необходимо прежде всего рейнские границы, ибо этот вопрос является «камнем преткновения» между Германией и Францией.

«Германское правительство, — заявил Штреземан, — согласно заявить о своём признании послеверсальского status quo на Рейне, независимо от того, что́ означало бы подобное заявление для Германии в моральном отношении».

Проект нового пакта о безопасности был разработан д'Аберноном совместно с германским статс-секретарём Шубертом.

Германский меморандум о Рейнском пакте

Проект нового гарантийного пакта был отправлен из Берлина в Лондон при ноте от 20 января 1925 г., якобы для консультации относительно «наилучшей формы», в какой Германия могла бы предложить этот пакт Франции и другим государствам. Но в Лондоне германское предложение было принято холодно. К этому времени политическая обстановка в Европе вновь осложнилась. В связи с

[1] *Gustav Stresemann*, Vermächtnis, B. II, S. 114—115.

отказом английского правительства подписать Женевский протокол, а также с отсрочкой эвакуации Кёльнской зоны отношения Франции с Германией резко ухудшились. Речь Эррио по германскому вопросу в Палате депутатов 28 января 1925 г. звучала уже далеко не пацифистски.

«Франция не может отказаться от военной оккупации Рейнской области, так как это её единственная гарантия», — говорил Эррио. Англия и Америка отклонили предложение Фоша в Версале о создании укреплённой линии вдоль Рейна. Они обещали заключить с Францией пакт о совместной обороне; теперь Франция вправе требовать выполнения этого обещания. «Дайте нам отвести кинжал, постоянно направленный на нас, пока вы разговариваете о мире!», — закончил свою речь Эррио под бурные рукоплескания Палаты [1].

Одобрение депутатов встретило и заявление Эррио о том, что статья 169 Версальского договора осталась мёртвой буквой и что разоружение Германии — чистая фикция. Германия сохранила гораздо бо́льшие запасы военного снаряжения, чем это нужно для рейхсвера. Рейхсвер, по существу, занимается восстановлением кадров старой армии, её генерального штаба и главного командования. Немецкая армия оснащается новой, самой усовершенствованной техникой. О Франции немцы говорят с ненавистью и втайне готовятся к реваншу... «Берегитесь! — взывал Эррио к союзникам. — Я хочу мира для Европы и для всего света. Но первой гарантией для этого должна быть безопасность моей родины».

Учитывая эти настроения во Франции, английское правительство после долгих дней молчания, наконец, ответило на германскую ноту от 20 января. Оно отказывалось вести переговоры с Германией без ведома своего французского союзника.

Всё же английское правительство не отклонило окончательно германского предложения. Поэтому 9 февраля 1925 г. Штреземан отправил сначала Франции, а затем и остальным союзникам меморандум, в котором правительствам союзных держав предлагалось возобновить переговоры по поводу проекта канцлера Куно, выдвинутого в декабре 1922 г.

«Германия считала бы приемлемым пакт, формально гарантирующий нынешнее территориальное status quo на Рейне, — гласил меморандум. — Такой пакт мог бы заключаться в том, что государства, имеющие интересы на Рейне, взаимно обязались строго соблюдать территориальное status quo на Рейне; они гарантировали бы не только сообща, но и каждое в отдельности соблюдение этого обязательства; наконец, они рас-

[1] «Le Temps», 29. I. 1925.

сматривали бы всякий акт, нарушающий это обязательство, как действие, направленное против них самих»[1].

В беседах с советскими дипломатами германский посол в Москве Брокдорф-Рантцау указывал на то, что германское предложение о гарантиях было непосредственно связано с отказом союзников вывести войска из оккупированной Рейнской зоны. «Германское правительство, — заявлял посол, — предвидело, что ему не удастся побудить французское правительство к выводу войск, если так называемая потребность Франции в гарантиях не будет удовлетворена в той или другой форме».

Именно поэтому якобы германская дипломатия и выступила со своей «мирной инициативой». Истинный смысл её Брокдорф-Рантцау характеризовал следующим образом: «Политическая задача Германии на Западе заключается не в пересмотре Версальского договора, а в вытеснении Франции обратно за границы, закреплённые этим договором, иначе говоря, в обеспечении Рейнской области за Германией».

Делая вид, будто она отказывается от общей ревизии мирного договора, германская дипломатия добивалась закрепления своих позиций в самом для неё важном пункте; оттуда при более благоприятной ситуации она рассчитывала перейти в общее наступление против версальской системы.

Гарантийный пакт и «русская опасность»

Германское предложение о Рейнском гарантийном пакте не включало никаких обязательств, обеспечивающих неприкосновенность восточных границ Германии. Несомненно, что Германия втайне рассчитывала добиться пересмотра этих границ.

Основные задачи германской дипломатии на ближайший период Штреземан изложил в секретном письме к бывшему германскому кронпринцу 7 сентября 1925 г.

«На мой взгляд, — писал Штреземан, — перед германской внешней политикой на ближайший период стоят три большие задачи: благоприятное для Германии разрешение репарационного вопроса и обеспечение мира, как предпосылки для будущего укрепления Германии. Во-вторых, я отношу сюда защиту немцев, живущих за границей, т. е. тех 10—12 миллионов соотечественников, которые в настоящее время живут в чужих странах, под иноземным ярмом. Третья крупная задача — исправление восточных границ, возвращение Германии Данцига и Польского коридора и исправление границ в Верхней Силезии. В перспективе — присоединение немецкой Австрии, хотя я вполне отдаю себе отчёт в том, что это не только принесёт пользу, но и весьма осложнит „проблему Германской империи“»[2].

---

[1] *Karl Strupp*, Das Werk von Locarno, 1926, S. 35—37.
[2] *Gustav Stresemann*, Vermächtnis, B. II, S. 553.

Стремясь использовать соглашение с победителями для своих собственных целей, германская дипломатия не раз спекулировала на «большевистской опасности». Она не переставала запугивать союзников тем, что Германия вынуждена будет броситься в «советские объятия», если не получит «равноправия» в семье европейских народов.

В одной из бесед с д'Абернопом, 5 марта 1925 г., Штреземан заявил английскому послу, что, «если бы Пуанкаре довёл до конца свою политику, Германия образовала бы коалицию с Россией, и вместе они господствовали бы над Европой» [1].

Это было не ново, как не нов был и страх реакционной буржуазии Англии и Франции перед германо-советским блоком, которым запугивала союзников Германия.

Д'Абернон стремился убедить правительства союзников, что их интересы требуют такой политики, которая «обезопасила бы французскую границу, не подвергая Западной Европы риску, связанному с отпадением Германии»: «При союзе Германии с Россией, который был бы направлен прежде всего во вред интересам Англии, распространение большевистской пропаганды в Германии неизбежно. А если Германия будет заражена большевизмом, сможет ли остальная Европа, сможет ли Франция предохранить себя от этой заразы?» [2]

Те же, в сущности, мысли были изложены и в статье некоего Миллера под заглавием «Фронт против Советской России», помещённой в органе Штреземана «Zeit» 3 января 1925 г.

Автор статьи доказывал, что Германия должна выступить «на стороне цивилизованных европейских государств в их борьбе с Азией и с большевизмом». «По отношению к Германии нужно теперь взять другой тон, чтобы заручиться её поддержкой», — таков был основной вывод автора этой полуофициозной статьи.

Англо-французские разногласия по вопросу о гарантийном пакте

В Англии германский демарш был поддержан не сразу. По свидетельству д'Абернона, 20 февраля 1925 г. членам кабинета был роздан меморандум, составленный Остином Чемберленом. Он предлагал трёхсторонний пакт между Великобританией, Францией и Бельгией. В меморандуме Чемберлена международное положение в послевоенной Европе изображалось как крайне неустойчивое. Эта неустойчивость «не в малой степени вызывается исчезновением России в качестве одной из крупнейших держав европейского концерна, — заявлял меморандум. — Завтра, может быть, Россия будет иметь решающее значение в континентальном равновесии. Сегодня же она нависла, как грозовая туча, над вос-

---

[1] «Lord d'Abernon's Diary», v. III, p. 145—146.

[2] *Д'Абернон*, Посол мира, т. I, стр. 32.

точным горизонтом Европы — угрожающая, не поддающаяся учёту и прежде всего обособленная».

Вторым по степени важности «элементом неустойчивости» меморандум Чемберлена признавал франко-германские отношения. Используя их, Германия может перейти в наступление. «Германия, рано или поздно, восстановится, — гласил меморандум. — Она захочет, наверное, отменить постановления, касающиеся Польши. Если же Франция будет изолирована, а Англия будет соблюдать нейтралитет, то Германия, вероятно, предпримет нападение на Францию. Поскольку Франция не обеспечена против этой угрозы, она будет обращаться к таким средствам, которые в конце концов и вызовут со стороны Германии опасную для Франции месть» [1].

Чемберлен высказывался в пользу заключения союза Англии с Францией и Бельгией. Только такой союз, по его мнению, мог бы гарантировать безопасность этих стран от нападения Германии.

Английский кабинет не согласился с практическими предложениями Чемберлена, предпочитая общий гарантийный пакт, касающийся рейнских границ, в котором Англия играла бы роль гаранта. Лорды Бальфур, Керзон, Биркенхед критиковали проект Чемберлена главным образом потому, что он «толкнул бы Германию на сближение с Россией». Чемберлен подал заявление об отставке; однако она не была принята кабинетом. После этого Чемберлен под давлением д'Абернона и Керзона (бывших не только его политическими единомышленниками, но и интимными друзьями) круто изменил свою политику. Он начал отстаивать соглашение с Германией на основе её меморандума от 9 февраля 1925 г.

Это был первый крупный успех Штреземана. Поддавшись на германский шантаж, дав запугать себя перспективой сближения Германии с СССР, английская дипломатия заняла позицию, которая помогла политическому и военному возрождению германского империализма и подготовке его к реваншу.

Опираясь на поддержку английской дипломатии, коварно используя противоречия между союзниками, Штреземан шаг за шагом преодолевал сопротивление своих противников во Франции и Бельгии.

Эррио ответил согласием рассмотреть германский меморандум совместно с другими союзниками. Он предупредил, однако, что Франция не допустит отступлений от Версальского договора. Французская дипломатия требовала гарантий не только для западных, рейнских, но и для восточных, польских,

---

[1] Меморандум впервые был опубликован 6 марта 1925 г. в парижском издании «Chicago Tribune», полностью помещён в «Europäische Gespräche», 1925, № 9.

границ. Бельгийский министр иностранных дел Гиманс отстаивал первоначальный трёхсторонний пакт, предложенный Чемберленом. Муссолини поддерживал французское предложение о заключении пакта пяти держав: Англии, Франции, Бельгии, Италии и Германии.

Министр иностранных дел Польши Скржинский разъезжал по европейским столицам, добиваясь в своих речах и в печати гарантий и для польских границ с Германией. «Договор на Западе без гарантий на Востоке, — писал Скржинский в газете «Temps» 20 марта 1925 г., — был бы подобен дому с прекрасными гобеленами, хозяин которого заботился бы только о них, предоставив все вещи в соседних комнатах опасности пожара».

Германская дипломатия всячески стремилась противодействовать польско-французской агитации. Статс-секретарь Шуберт уверял д'Абернона, что «польский вопрос — больше русский вопрос, чем немецкий». Следовательно, опасность Польше грозит не со стороны Германии, а со стороны СССР. Штреземан в беседах с английским послом также убеждал его, что у Польши не только нет оснований для беспокойства в связи с Рейнским пактом, но что она в нём заинтересована больше всех.

«Канцлер сказал следующее, — записал 10 марта 1925 г. д'Абернон в своём дневнике: — Польша выиграет больше всех от роста безопасности в Европе. Польша — это опасная точка. Если война вообще разразится, она возникнет именно там» [1].

Дипломатия Чехословакии также поддалась обработке Германии. 1 апреля 1925 г. министр иностранных дел Бенеш в сенатской комиссии по иностранным делам заявил, что чехословацкое правительство «согласно в принципе рассматривать немецкие предложения и договоры об арбитраже как известный шаг вперёд во всеобщем движении за мир» [2].

Обе стороны — и Франция и Германия — стремились заручиться поддержкой США. Французское правительство выражало надежду, что американская нация будет участвовать «в деле укрепления всеобщего мира и безопасности». Германское правительство предлагало США стать суперарбитром при практическом применении соглашений, подписанных сторонами. Но правительство США предпочитало сохранять свободу действий. В ответ на германское предложение оно заявило, что вполне сочувствует гарантийному пакту, но принимать в нём участие не считает возможным. Всё же американцы видели в новом пакте известные гарантии для своих капиталовложений и займов в Европе; поэтому они не отказывались поддержать

[1] «Lord d'Abernon's Diary», v. III, p. 147.

[2] Речь Бенеша полностью напечатана в сборнике документов за 1925 г. «International Conciliation» № 212, p. 225—244.

английскую дипломатию в её усилиях осуществить «замирение» Европы.

Однако переговоры о гарантийном пакте затягивались. В дискуссиях и спорах проходили недели и месяцы. Союзная дипломатия всё ещё не могла выработать согласованный ответ на германский меморандум. Между тем в Германии произошли крупные внутренние перемены. 28 февраля 1925 г. умер президент Эберт. Его сменил старый фельдмаршал Гинденбург. Это означало не только усиление реакционно-монархических настроений, но и рост реваншизма в Германии. Программная речь нового президента в Рейхстаге о Данциге, Польском коридоре и Верхней Силезии окрылила германских империалистов. В то же время в связи с продлением оккупации Кёльнской зоны в германских массах разжигались шовинистические настроения.

События в Германии требовали скорейшего ответа на германское предложение. Однако падение правительства Эррио и образование нового кабинета Пенлеве — Бриана снова задержали выработку ответа союзников. Между тем 23 апреля 1925 г. Польша и Чехословакия заключили арбитражный договор, являвшийся как бы ответом на германский меморандум.

Только 12 мая 1925 г. Бриан послал в Лондон проект ответной ноты Германии.

Предложение Бриана сводилось, в сущности, к единому пакту между Германией и её западными и восточными соседями, гарантированному Англией. Но такой гарантийный пакт не отвечал намерениям Англии. Добиваясь соглашения с Германией, английская дипломатия отказывалась гарантировать восточные границы. 19 мая 1925 г. Чемберлен передал французскому послу меморандум с критикой проекта Бриана.

Меморандум доказывал необходимость придать обязательствам пакта двусторонний характер: английская дипломатия высказывалась за то, чтобы гарантии были даны не только союзникам, но и Германии.

Все попытки Бриана включить в пакт гарантию или хотя бы подтверждение неприкосновенности границ всех соседних с Германией государств были решительно отклонены английской дипломатией.

Бриан вынужден был принять английские поправки к своему проекту. Окончательный текст ноты был послан в Берлин 16 июня 1925 г.

Ответ германского правительства последовал 21 июля 1925 г. Выражая удовлетворение тем, что союзники «в принципе расположены упрочить мир совместно с Германией путём соглашения», германская нота выдвигала ряд новых оговорок. Они относились к вопросам режима в оккупированных территориях и к условиям вступления Германии в Лигу наций.

Немцы явно продолжали шантажировать дипломатию союзников. На помощь ей пришли банкиры. В июле 1925 г. Берлин посетили директор Английского банка Монтегю Норман и директор Федерального резервного банка США Бенджамен Стронг. Оба они заявили директору Германского имперского банка Шахту, что кредиты будут даны Германии лишь в том случае, если она подпишет гарантийный пакт. На Францию нажим произвела американская дипломатия. Американский посол в Лондоне Хоутон на обеде в «Клубе пилигримов» недвусмысленно пригрозил закрытием американских кредитов для тех правительств, которые откажутся подписать гарантийный пакт, предложенный Германией и одобренный Англией. «Поскольку гарантийные пакты являются путём к восстановлению Европы, их необходимо так или иначе заключить», — заявил Хоутон. В то же время американское правительство потребовало от стран-должников и в первую очередь от Франции скорейшего урегулирования их долговых обязательств в отношении Америки.

Дипломатические последствия войны в Марокко и Сирии

Итти на уступки Францию побуждала и ухудшившаяся международная обстановка, в особенности политические и финансовые затруднения, связанные с войной в Марокко. Борьба риффских племён в северном Марокко против испанцев принимала затяжной характер. Во главе риффских племён стоял Абд-эль-Керим, выдающийся организатор и талантливый военный вождь. Риффы героически отстаивали свою свободу под лозунгом «Независимость или смерть».

Война с риффами привела к финансовому и политическому кризису в Испании. Диктатор Испании Примо де Ривера обратился за помощью к Франции. Против войск Абд-эль-Керима была двинута 300-тысячная армия французов и испанцев. Испано-французский флот установил блокаду северного побережья Марокко.

В апреле 1925 г. войска Абд-эль-Керима перешли в наступление. Английский финансист Гардинер доставлял контрабандой оружие в лагерь Абд-эль-Керима. Финансовую помощь оказывал риффам и американский банкир Бен, которому Абд-эль-Керим предоставил концессии на железные рудники в Риффе. Итальянские и немецкие агенты в Марокко стремились использовать борьбу Абд-эль-Керима против Испании и Франции в интересах своих стран.

В мае 1925 г. всем иностранным правительствам было представлено официальное коммюнике с изложением точки зрения французского правительства на марокканские события. Прибегая к обычным пацифистским фразам, французское правительство старалось заверить державы, что война в Марокко вызвана отнюдь не желанием Франции расширить своё влияние в Африке или изменить существующее status quo

в Средиземном море. Наоборот, «единственное стремление Франции направлено к созданию в Африке прочного мира и условий, обеспечивающих культурные задачи Европы в Африке» [1].

Чемберлен ответил, что британское правительство не намерено вмешиваться «во внутренние дела Франции». Однако оно опасается перенесения военных операций в Танжер, считая, что «нельзя допустить превращения Танжерской зоны в центр подготовки повстанческого движения».

Только тогда, когда английской дипломатии удалось договориться с Францией по европейским и ближневосточным вопросам, Англия помогла организовать блокаду риффского государства. Однако практические результаты войны в Марокко оказались для Франции ничтожными. Рифф оставался в зоне влияния Испании и под испанским протекторатом. Франция должна была вывести оттуда свои войска. Французская буржуазия была крайне недовольна исходом кампании. «Неужели Франция пожертвовала 15 тысяч солдат и 2 миллиарда франков только в интересах испанского короля?» — с раздражением спрашивали французские буржуазные газеты.

В расцвете «эры пацифизма» Франции пришлось вести войну не только с риффами в Африке, но и с друзами в Сирии.

Недовольство в Сирии французской оккупацией приняло в 1924 г. характер открытого восстания. Арабы отказывались платить французам налоги и принимать французские деньги. Для подавления восстания французское правительство командировало генерала Вейгана. С приходом к власти «левого блока» Вейган был отозван. На его место был послан генерал Сарайль, слывший радикалом. Пытаясь опереться на сирийских националистов, генерал Сарайль разработал избирательный закон для нового «великого ливанского парламента». Но сирийские националисты требовали объединения всей Сирии. В разных районах Сирии вспыхнули новые очаги восстания. Особенно значительным было восстание в небольшой горной местности Джебель-Друз, в 10 километрах к югу от Дамаска.

Не имея достаточных сил для подавления восстаний, французы вынуждены были пойти на переговоры с одним из самых видных вождей друзов, Султаном-эль-Атрашем.

Война в Сирии была использована дипломатией Англии для достижения своих задач на Востоке.

В сентябре 1924 г. представитель Англии в Совете Лиги наций Эмери выступил с заявлением от имени британского кабинета и Парламента Ирака о продлении мандата над Ираком, переданного Англии решением Лиги наций 25 апреля 1920 г. сроком на 4 года.

[1] «Survey of International Affairs», 1925.

Мандат Англии был продлён Лигой наций 27 сентября 1924 г.

В следующем году Совет Лиги наций принял решение о передаче Ираку Мосульского района.

Представитель Турции в Лиге наций выступил с заявлением, что Турция не считает для себя обязательным это решение Лиги наций. Турецкое правительство отказывалось признать за Лигой наций право решать спорный вопрос о Мосуле.

Для выяснения правомочий Лиги Совет Лиги наций перенёс этот вопрос в Гаагский международный трибунал. Турецкое правительство протестовало и отказалось послать в Гаагу своего представителя.

Французская дипломатия воспользовалась этим осложнением. Уклоняясь от поддержки Англии в мосульском вопросе, она давала понять, что англичане могут рассчитывать на содействие Франции лишь в том случае, если поддержат французов в деле обеспечения рейнских границ.

Волей-неволей английской дипломатии приходилось итти на сделку с Францией.

Италия и гарантийный пакт

В англо-французских переговорах о гарантийном пакте Италия участия не принимала. Она первоначально воздержалась даже от официального определения своей позиции. В ответ на ноту Бриана Муссолини заявил, что пакт касается исключительно рейнской границы. Так как она не представляет для Италии непосредственного интереса, итальянское правительство предпочитает оставить за собой свободу действий.

В этот период итальянскую дипломатию беспокоил вопрос о Южном Тироле. В начале 1925 г. он привёл даже к итало-германскому конфликту. Насильственная итальянизация Южного Тироля, где проживало много немцев, вызывала резкие протесты Германии. Италия не оставалась в долгу. 6 февраля 1925 г. Муссолини заявил в Сенате, что не признаёт за тирольскими немцами прав национального меньшинства. В той же речи Муссолини угрожающе подчеркнул, что «Италия не только никогда не уберёт своего знамени с Бреннера, но, если это потребуется, она скорее перенесёт это знамя и за Бреннер».

Речь Муссолини была прямым вызовом Германии. Но немецкой дипломатии приходилось до поры до времени избегать конфликтов. Выступая в Рейхстаге 9 февраля 1925 г., Штреземан пытался напомнить Италии, что «существует не только международное право, но и международная мораль...» Всё же эта реплика Штреземана означала отступление германской дипломатии перед фашистской Италией. Ответная речь Муссолини в Сенате 10 февраля 1925 г. как будто звучала более миролюбиво. Муссолини заявил, что совершил бы величайшее

преступление перед родиной, если бы из-за каких-то 100 тысяч немцев, оказавшихся в Южном Тироле, он поставил под угрозу мир и безопасность 42 миллионов итальянцев.

В заявлении Муссолини скрывался определённый дипломатический расчёт. Германия в это время выступила со своим предложением гарантийного пакта: итальянская дипломатия надеялась добиться согласия немцев гарантировать и границы на Бреннере.

20 мая 1925 г. Муссолини выступил в Сенате с заявлением о необходимости гарантий для итало-австрийских границ, установленных Сен-Жерменским договором. «Нужно гарантировать не только границу на Рейне, но и границу на Бреннере, — доказывал Муссолини, — Италия никогда не допустит такого нарушения мирного договора, каким явилось бы соединение Австрии с Германией».

Пробный шар итальянцев не достиг цели. Германская дипломатия уклонилась от сделки с Муссолини. Она ссылалась на то, что с Бреннером граничит не Германия, а Австрия.

Итальянское правительство не скрывало своего раздражения, вызванного уклончивостью Германии. Французская дипломатия поспешила использовать это недовольство в своих интересах. Через официозную прессу она предложила итальянцам заключить гарантийный пакт для восточных и южных границ Германии. В этом пакте предусматривалось участие Италии, Чехословакии, Польши, Австрии, Германии. Для самой Франции предназначалась роль гаранта.

Но Италия отказалась от такого договора, заявляя, что её не интересуют гарантии границ Польши и Чехословакии. После неудачного обращения к Германии итальянская дипломатия рассчитывала использовать в своих интересах англо-французское соперничество.

В Лондоне учли, что Италия опасается связать себя с Францией, но что она отнюдь не прочь получить более выгодные предложения со стороны английской дипломатии. Тогда Англия предложила Италии стать вместе с ней вторым гарантом Рейнского пакта. Италия приняла это предложение. Французской дипломатии оставалось только констатировать свою неудачу.

Локарнская конференция (5—16 октября 1925 г.)

В конце сентября 1925 г. германские послы в Париже, Брюсселе, Лондоне и Риме вручили правительствам, при которых были аккредитованы, вербальную ноту Германии о её согласии на созыв конференции для обсуждения гарантийного пакта.

Вручению ноты предшествовала острая борьба внутри Германии. Германское правительство находилось в затруднительном положении: националистически-реваншистские элементы противились всякому соглашению, означавшему окончатель-

ную потерю Эльзас-Лотарингии. По настоянию реакционно-националистических групп Штреземан вынужден был сопроводить свою ноту о согласии на конференцию двумя существенными оговорками: 1) касательно ответственности за войну и 2) относительно эвакуации Кёльна.

26 сентября 1925 г., вручая Чемберлену ноту, германский посол сделал устное заявление по существу германских оговорок. Первая оговорка касалась вопроса об ответственности за войну. Германское правительство предлагало заслушать на конференции его декларацию о невозможности для Германии долее терпеть обвинение, будто только Германия и её союзники ответственны за возникновение мировой войны. «Требование германского народа освободить его от бремени этого ложного обвинения вполне справедливо. До тех пор, пока это не сделано и пока один член из содружества народов заклеймён как преступник перед человечеством, настоящее взаимопонимание и примирение народов неосуществимы» [1], — гласила германская декларация.

Эта оговорка Германии не встретила поддержки со стороны английской дипломатии. Ответ англичан гласил, что декларация о виновниках войны не может быть заслушана на предстоящей конференции. Вопрос об ответственности Германии за войну не будет поднят. Переговоры о пакте безопасности не могут ни изменить основ Версальского договора, ни повести к пересмотру суждений подписавших его правительств о событиях прошлого.

Что касается второго вопроса — об эвакуации Кёльнской зоны, то, по мнению английского правительства, срок этой эвакуации зависит лишь от выполнения самой Германией её обязательств по разоружению. В том же духе ответили Германии и все остальные правительства.

Конференция открылась в назначенный день, 5 октября 1925 г., в швейцарском курортном городке Локарно. Перед этим дипломаты в своих интервью и беседах с представителями печати отметили особо важное значение предстоящего международного совещания. «Конференция в Локарно, — заявил Чемберлен, — бесспорно более значительна, чем все конференции, которые созывались с момента заключения Версальского договора». Глава Форейн офис добавил, что «Великобритания искренно желает забыть прошлое и будет вспоминать о нём лишь для того, чтобы избегать старых ошибок».

С такой же миролюбивой декларацией выступил и французский министр иностранных дел Бриан. «Франция прибыла в Локарно с исключительным желанием добиться всеобщего мира», — заявил он.

---

[1] «Survey of International Affairs», 1925.

Со своей стороны и Штреземан подчеркнул стремление к миру, которым якобы проникнута Германия. Общее внимание возбудило его заявление представителям печати, что участие Германии в гарантийном пакте не означает отказа Германии от договора с СССР. Ясно было, что в германской дипломатической игре русская карта всё ещё оставалась предметом торга с державами Антанты; порой она служила и средством самого недвусмысленного немецкого шантажа.

Заседания конференции происходили при закрытых дверях. О ходе работ конференции публиковались лишь краткие официальные сообщения. Редакции газет всех стран и направлений, пославшие в Локарно сотни своих журналистов, требовали от них, чтобы любой ценой они добывали какую-нибудь информацию. Поэтому в газетах ежедневно появлялись самые сенсационные и противоречивые сообщения. Бывали и курьёзы. Один предприимчивый французский журналист добился «интервью» у хозяйки той гостиницы, где германский рейхсканцлер Лютер беседовал с французским министром иностранных дел Брианом. Хозяйка оказалась менее скупой на сообщения, чем дипломаты. Она охотно рассказала, что «один весьма приличный лысый немец долго беседовал с волосатым французом, что эта беседа носила дружеский характер и что они, очевидно, о чём-то договорились» [1].

Председателем конференции был Остин Чемберлен.

В первую очередь на конференции был подвергнут обсуждению Рейнский гарантийный пакт. Главным спорным вопросом на протяжении всей конференции был вопрос о статье 16 устава Лиги наций. Как известно, эта статья обязывала членов Лиги активно участвовать в тех карательных мероприятиях, которые Лига наций могла предпринять против нарушителей её устава. Ввиду предстоявшего вступления Германии в Лигу наций Штреземан заявил, что разоружённая Германия не в состоянии будет оказывать помощь, предусмотренную статьёй 16, тем государствам, которые подвергнутся нападению. Невозможно будет также для Германии в силу её экономического и финансового положения принимать участие и в применении экономических санкций против нарушителей мира.

Бриан выдвинул против заявления Штреземана ряд возражений. Он заметил между прочим, что, очевидно, Германия хочет остаться «вне борьбы». Штреземан поспешил выступить с объяснениями.

«Я выступил после Бриана и заявил, — вспоминает он, — что совершенно неправильно мнение, будто Германия хочет стоять в стороне от борьбы. Если, в случае нападения со

---

[1] «Правда» от 10 октября 1925 г. «Конференция в Локарно».

стороны русских на какую-нибудь западную державу, действия русских будут единогласно признаны в Лиге актом агрессии, то мы, конечно, уже будем этим связаны». Но, продолжал Штреземан, «когда Германия будет находиться в положении государства, участвующего в военной акции, то обнаружится — пусть это Бриан примет к сведению — резкий контраст между вооружённой мощью союзников и беспомощностью Германии» [1].

В качестве решающего аргумента в пользу необходимости вооружения Германии Штреземан ссылался на то, что «немцам в случае наступления русских придётся принять ряд чрезвычайных мер, чтобы сохранить порядок в самой Германии».

В случае войны России против Германии, пугал конференцию Штреземан, «Москва найдёт много помощников в нашей стране. Поэтому сомнительно, достаточно ли сил полиции и рейхсвера для поддержания порядка внутри страны. Если бы господин Бриан при такой ситуации оказался ответственным государственным деятелем в Германии, то он не решился бы послать за пределы её отряд хотя бы в тысячу человек» [2].

Однако аргументация Штреземана не убедила Бриана. Он продолжал требовать вступления Германии в Лигу наций на общих основаниях. Бриан доказывал, что вхождение Германии в Лигу наций явится прочной основой взаимных гарантий и соглашений в Европе. Он заверил далее, что Рейнский пакт постепенно приведёт ко всеобщему разоружению. Таким образом, нет нужды ссылаться на то, что Германия обезоружена.

При вторичном постатейном чтении проекта гарантийного пакта итальянская делегация, занимавшая до этого выжидательную позицию, заявила о своём присоединении к пакту «на основе английского предложения о гарантиях».

С 12 октября начались переговоры германской делегации с представителями Польши и Чехословакии об арбитражных договорах. Как известно, Германия, поддержанная Англией, отказалась заключить с Польшей и Чехословакией отдельные гарантийные соглашения.

«Для восточных государств, которым Англия отказывает в гарантиях безопасности, остаётся один выход — заключение арбитражных договоров, — писала по этому поводу чешская газета «Венков» 24 сентября 1925 г., — но этот выход таит в себе большую опасность. Кто будет назначать арбитра? Лига наций или какая-либо из великих держав? Ведь если на западе будет взят курс на сотрудничество с Германией, это скажется и на всех решениях и спорах Германии с соседями».

В интервью от 4 октября 1925 г. Бенеш рекомендовал в качестве выхода сближение Чехословакии с СССР. «Нам

---

[1] *Gustav Stresemann,* Vermächtnis, B. II, S. 231—232.
[2] Ibid., S. 192.

нужны такие же отношения с Россией, как с Францией», — заявил он.

Близкий Бенешу орган «Лидовы Новины» настойчиво высказывался в том же смысле. «Мы с самого начала переговоров о пакте, — заявляла газета, — доказывали необходимость заключения аналогичного договора с Россией. У Франции имеются все основания не оставлять Россию наедине с Германией. Энергичная московская дипломатия не останется пассивной. Россия не допустит, чтобы её исключили из европейской политики. Мы считаем русское участие в европейской политике необходимым противовесом соглашению с Германией».

К концу конференции важнейшие спорные вопросы были обсуждены и решены в порядке частных переговоров. Как сообщала пресса, «наибольший успех был достигнут в мирной беседе Бриана с Лютером в деревенской гостинице в Асконе 8 октября и во время прогулки по озеру в моторной лодке 10 октября, с участием Чемберлена, Бриана, Лютера и Штреземана вместе с их секретарями и юрисконсультами».

В этих частных беседах германская дипломатия добивалась легализации вооружения Германии и уменьшения размера репараций. Однако осторожности ради она не требовала пока эвакуации второй и третьей Рейнской зоны.

«Мы это делали сознательно... — объяснял Штреземан. — Нам дали понять, что зоны не будут эвакуированы до истечения срока. Но ведь надо знать, что ничто не вечно» [1].

Итоги Локарнской конференции

В итоге работ Локарнской конференции были приняты следующие акты: 1) заключительный акт конференции, 2) Рейнский пакт, т. е. гарантийный договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией, 3) арбитражное соглашение между Германией и Бельгией, 4) арбитражное соглашение между Германией и Францией, 5) арбитражный договор между Германией и Польшей, 6) арбитражный договор между Германией и Чехословакией, 7) соглашение между Францией и Польшей, 8) соглашение между Францией и Чехословакией.

В заключительном акте Локарнской конференции указывалось, что целью Локарнского соглашения является «найти совместными усилиями средство к защите своих народов от бича войны и озаботиться мирным улажением всякого рода конфликтов, которые могли бы возникнуть между некоторыми из них» [2].

Договор между Германией, Бельгией, Францией, Великобританией и Италией содержал обязательства подписавших его

---

[1] *Gustav Stresemann*, Vermächtnis, B. II, S. 231—232.

[2] «Локарнские соглашения», перев. с официального текста, изд. НКИД, М. 1925.

держав соблюдать территориальное status quo, установленное Версальским миром. Статья 1 гласила, что договаривающиеся стороны «гарантируют, каждая за себя и все совокупно... сохранение территориального status quo, вытекающего из границ между Германией и Бельгией и между Германией и Францией, неприкосновенность этих границ, как они установлены в мирном договоре, подписанном в Версале 28 июня 1919 г., или при его выполнении, а также соблюдение постановлений статей 42 и 43 указанного договора относительно демилитаризованной зоны» [1].

В статье 2 Германия и Бельгия, а также Германия и Франция взаимно обязывались не предпринимать никакого нападения или вторжения и не прибегать к войне друг против друга. Исключение составляли только такие случаи, когда дело шло об осуществлении «права законной обороны», или действий, вытекающих из статьи 16 устава Лиги наций, а также из соответствующих решений, принятых общим собранием или Советом Лиги наций.

В случае возникновения спорных вопросов, которые не могли быть разрешены обычным дипломатическим порядком, договор обязывал передавать их согласительной комиссии или третейскому разбирательству. В случае несоблюдения какой-либо из держав принятых сторонами обязательств, прочие участники договора обязывались немедленно предоставить свою помощь той стране, против которой направлен неспровоцированный акт агрессии. В статьях 4 и 5 определялись условия применения санкций к державам, нарушившим соглашения.

В силе оставались все постановления Версальского договора о демилитаризации Рейнской зоны, а также решения Лондонской конференции 1924 г. (план Дауэса).

Локарнская конференция закончилась 16 октября 1925 г. Сообщение о заключении гарантийных и арбитражных договоров было встречено аплодисментами многочисленной публики, ожидавшей на улице окончания конференции. Появившийся перед публикой бельгийский делегат продемонстрировал только что подписанные документы. На радостях были пущены ракеты. Город и лодки на озере были иллюминованы. Чемберлен в беседе с представителями печати заявил, что «Локарно осветит сердца и умы людей». Он счастлив тем, что дружба с Францией укреплена, что решимость Англии защищать неприкосновенность франко-бельгийских границ торжественно заявлена и что произошло примирение с Германией. Редакционной статье о Локарно «Times» дал высокопарное заглавие: «Достигнут мир и соблюдена честь». Консервативная газета «Daily Mail» приветствовала гарантийный пакт как «пакт примирения».

---

[1] «Локарнские соглашения», стр. 17.

В менее бравурном тоне характеризовали итоги Локарнской конференции французские газеты. Официоз Министерства иностранных дел Франции «Temps» меланхолически заявлял: «Мы далеки от мира, предусмотренного Женевским протоколом». Конечно, дело было не в Женевском протоколе. Разочарование французской дипломатии объяснялось проще. Ей не удалось добиться обещанной когда-то англо-американской гарантии. Ей пришлось мириться с тем, что в Локарнском пакте Франция и Германия рассматривались как политически равноправные стороны. Гарантами, блюстителями этого пакта, в некотором роде арбитрами между его участниками становились торжествующая Англия и покровительствуемая ею Италия, так недавно отклонившая сотрудничество с Францией. В довершение всего ни Англия, ни Италия не пожелали распространить свои гарантии на восточные границы Германии; там, в самом тревожном соседстве с ней, оставались союзники Франции Чехословакия и Польша. Естественно, что французская дипломатия не могла отнести Локарнские соглашения к разряду своих побед.

В отличие от Версальского договора Локарнские соглашения были заключены с Германией, как с равноправной стороной. Германия вводилась в Лигу наций. Ей предоставлялось постоянное место в Совете Лиги наций как одной из великих держав.

Отныне перед германской дипломатией открывалась широкая международная арена. Уже Рапалльский договор поднял её авторитет. После него союзники стали искать примирения с Германией, опасаясь её сближения с Советской Россией.

Что касается Англии, то её дипломатическая победа в Локарно была совершенно очевидной. Английская дипломатия в основном направляла переговоры о гарантийном пакте. Она отклонила невыгодные для Англии требования Франции, Германии, Польши и Италии. Она помешала непосредственным переговорам Франции с Германией. Её рукой Германия была отдалена от России и введена в Лигу наций в качестве противовеса Франции и участника того европейского концерта, в котором дирижёрская палочка сохранялась за британской дипломатией. Ей же удалось сыграть роль покровительницы Италии: именно Англия предоставила этому «обиженному» государству почётное положение второго гаранта Рейнского пакта.

1 декабря 1925 г. Локарнские соглашения были окончательно подписаны в Лондоне. Вскоре они были ратифицированы парламентами стран, участвовавших в пакте.

Включение Германии в европейский концерт создавало иллюзию, будто Европа становится на путь умиротворения. Но в том же 1925 г., в докладе на XIV съезде ВКП(б), и затем

через два года, на XV съезде ВКП(б), анализируя всё возраставшие противоречия в мировой политике капитализма, товарищ Сталин подчеркнул, что «система Локарно», или «дух Локарно» и т. д., — что это, как не система подготовки новых войн и расстановки сил для будущих военных столкновений? Товарищ Сталин предупредил, что Локарнские соглашения не внесли по сравнению с Версалем ничего принципиально нового, что устранило бы то «зерно войны», которое, по словам Ленина, таил в себе Версальский мир.

«Что касается Локарно, — говорил товарищ Сталин на XIV съезде, — то оно является лишь продолжением Версаля и оно может иметь своей целью лишь сохранение „статус-кво", как выражаются на дипломатическом языке, т. е. сохранение существующего порядка вещей, в силу которого Германия есть побеждённая страна, а Антанта — победительница». Но с таким положением империалистическая Германия, растущая и идущая вперёд, помириться не могла и не хотела. Наоборот, она смотрела на Локарнские соглашения только как на временную отсрочку тех своих реваншистских планов, которые она не переставала таить и лелеять со времени Версальского мира.

«Локарно чревато новой войной в Европе», — развивал товарищ Сталин свою мысль. «Если раньше, после франко-прусской войны вопрос об Эльзас-Лотарингии, один из узлов существовавших тогда противоречий, послужил одной из серьёзнейших причин империалистической войны, то какая гарантия, что версальский мир и его продолжение — Локарно, узаконяющие и юридически освящающие потерю Германией Силезии, Данцигского коридора и Данцига, потерю Украиной Галиции и Западной Волыни, потерю Белоруссией западной её части, потерю Литвой Вильно и проч. — какая гарантия, что этот договор, искромсавший целый ряд государств и создавший целый ряд узлов противоречий, что этот договор не разделит судьбу старого франко-прусского договора, отторгнувшего после франко-прусской войны Эльзас-Лотарингию от Франции? Такой гарантии нет и не может быть»[1].

Советско-германский договор (24 апреля 1926 г.)

Заключение гарантийного Рейнского пакта дипломатическими кругами Западной Европы расценивалось как поворот Германии в сторону «западной ориентации». Однако германская дипломатия в целях маскировки отрицала этот поворот. В беседе с журналистами во время Локарнской конференции Штреземан заявил: «Неправильно думать, что Германия должна выбирать между западной и восточной ориентациями. Германия хочет сохранить добрые отношения со всеми государствами».

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 5-е, М. 1928, стр. 342.

В ряде дипломатических бесед, в официальной и полуофициальной переписке с советским правительством германское правительство всячески заверяло его в неизменности своей лойяльной и благожелательной к СССР позиции.

Однако план Дауэса и гарантийные переговоры ставили под сомнение верность Германии «политике Рапалло». Рапалльский договор открывал перспективы экономического сотрудничества Германии с Советской Россией. Однако взаимоотношения Германии и СССР резко ухудшились, когда Локарно создало прямую угрозу политической изоляции СССР.

В разгар локарнских переговоров советское правительство воспользовалось поездкой народного комиссара иностранных дел на лечение на германские курорты, для того чтобы в личных беседах с руководителями германской политики выяснить перспективы будущих германо-советских отношений. В этом плане советской дипломатией выдвинуто было предложение закрепить эти отношения новым договором — о дружбе и нейтралитете.

Штреземан сделал всё возможное, чтобы уклониться от советского предложения. Он ссылался на то, что Германия хочет сперва закончить переговоры об экономическом соглашении с Россией, начатые в конце 1924 г. Штреземан предлагал ограничиться тем, чтобы предпослать этому будущему экономическому договору некоторое общее политическое вступление. Он заверял, что на большее Германия не может пойти, поскольку сама ведёт переговоры о западном гарантийном пакте. Наконец, Штреземан ссылался и на то, что договор о нейтралитете якобы несовместим с членством в Лиге наций. Советская дипломатия возражала. Она указывала, что в уставе Лиги наций нет запрета заключать договоры о нейтралитете: члены Лиги наций обязаны лишь доводить до сведения Лиги о всех заключённых ими политических соглашениях.

Со своей стороны советская дипломатия предостерегала Германию против статьи 16 устава Лиги наций. Она доказывала, что принятие этой статьи может вовлечь Германию в блок, направленный против СССР. Германская дипломатия уверяла, что эти опасения не имеют оснований. Во-первых, германское правительство сопровождает принятие статей 16 и 17 оговорками, в которых требует учесть безоружность Германии и особенности её географического положения[1]. Во-вторых, самое применение этих статей может иметь место лишь при единогласном решении участников Лиги. Германское вето всегда может вос-

[1] Статья 17 формулировала обязательства членов Лиги наций при разрешении споров между двумя государствами, из которых лишь одно является членом Лиги. Особый пункт этой статьи гласил: «Если приглашённое государство, отказываясь принять на себя обязанности члена Лиги наций в целях урегулирования спора, прибегает к войне против члена Лиги, то к нему применимы постановления статьи 16».

препятствовать любому выступлению против СССР. Вообще Германия отнюдь не обязывается автоматически принимать участие в санкциях. Поэтому нельзя считать твёрдо установленным, что следствия, вытекающие из статей 16 и 17, могут создать непреодолимые препятствия для поддержания германо-русских взаимоотношений.

Чувствуя, что советская дипломатия разоблачает двойную игру Германии, руководители германской внешней политики начинали проявлять нервозность. Во время прений в Рейхстаге о гарантийном пакте Штреземан с раздражением заявлял, что «надо покончить с истерическими воплями недоверия со стороны России».

Отрицая поворот Германии к антисоветской западной ориентации, Штреземан бросил знаменательную фразу: «В конце концов не мы одни стоим перед вопросом, как нам устроить свою жизнь с Россией. Об этом мы высказывались уже до пресыщения. Но и России со своей стороны надлежало бы дать заверение, что она не нарушит мир в Европе».

Замечание Штреземана, что «нарушителем мира» после Локарно может явиться Советская Россия, было не случайно. Его слова перекликались с антисоветскими выступлениями империалистических кругов не только Германии, но и Англии и Франции. «Локарнский договор, — заявлял Чемберлен, вторя Штреземану, — это мирный пакт. Изображая его как военный договор, Россия ведёт политику, явно направленную к нарушению европейского мира».

Много усилий понадобилось советской дипломатии, чтобы добиться от немцев согласия заключить хотя бы советско-германский экономический договор. Документ этот был подписан 12 октября 1925 г.

В общей части этого договора были изложены основные условия, регулирующие экономические отношения между Германией и СССР. Затем следовало соглашение о пребывании граждан одного государства на территории другого. Далее в договоре содержались соглашения о мореплавании, о железнодорожном сообщении, о налогах, о ветеринарных мероприятиях.

После заключения экономического договора советская дипломатия считала уместным вновь поставить вопрос о политическом пакте между СССР и Германией. Но эта идея попрежнему встречала возражения со стороны германского правительства. Штреземан предлагал не формальный политический договор, а двусторонний протокол. Предложенный им проект такого документа содержал специальную оговорку о позиции Германии в отношении СССР в случае конфликта между СССР и западными державами. «Если бы — чего германское правительство не допускает, — гласил проект протокола, — в рамках Лиги

наций возникли какие-либо попытки, которые, в полном противоречии с основной идеей мира, были бы направлены против России, Германия не только к ним не присоединится, но будет им противодействовать».

Несмотря на все свои заверения, германская дипломатия упорно не соглашалась зафиксировать обязательство о нейтралитете Германии в случае войны европейских держав с Советским Союзом. Штреземан и статс-секретарь Шуберт утверждали, что не могут формально гарантировать нейтралитет Германии, если Лига наций признает СССР «нападающей стороной». При этом Шуберт оставлял за Германией право решать, кто именно является нападающей стороной и представляет ли нападение на СССР со стороны третьей державы «акт неспровоцированной агрессии».

Советская дипломатия отказывалась принять такие формулировки. Она усматривала в них двойную игру Штреземана. Так оно и было в действительности. Как выяснилось впоследствии из неосторожно опубликованного интервью Шуберта в газете «Excelsior» от 7 марта 1927 г., Германия как раз в это время вела переговоры с Францией о том, что в случае войны Польши с Советским Союзом она обещает пропустить на помощь полякам французские войска через германскую территорию [1].

При этих условиях советская дипломатия не могла не настаивать на принятии её поправок к статьям договора, трактующим вопросы нейтралитета, определения нападающей стороны и т. д.

Настойчивость и твёрдость советской дипломатии преодолели все ухищрения немцев. 24 апреля 1926 г. «договор о дружбе и нейтралитете между Германией и СССР» был, наконец, подписан. В тексте договора указывалось, что правительства СССР и Германии, руководимые желанием содействовать сохранению всеобщего мира, согласились на основе полного доверия и сотрудничества закрепить существующие между ними дружественные отношения заключением особого договора, в основе которого остаётся ранее заключённый Рапалльский договор. В статье 2 оговаривалось, что в случае нападения на одну из договаривающихся сторон, несмотря на её миролюбивый образ действия, третьей державы другая сторона должна будет соблюдать нейтралитет. Кроме того, статьёй 3 договора устанавливалось взаимное обязательство сторон не примыкать к коалиции, образованной третьими державами с целью подвергнуть экономическому или финансовому бойкоту одну из договаривающихся сторон.

---

[1] «Известия» от 12 марта 1927 г. «Разоблачение Локарно».

Как статья 2, так и статья 3 вполне определённо имели в виду ограничить действия обязательств статьи 16 устава Лиги наций, которые могли втянуть Германию в коллективное выступление капиталистических держав против Советского Союза.

Заключение германо-советского договора явилось, несомненно, победой советской дипломатии. Им создавался некоторый противовес позиции европейских держав, устранивших Россию от участия в гарантийном Рейнском пакте. Этим значительно притуплялось антисоветское остриё Локарнских соглашений.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

НЕУДАЧА ПОЛИТИКИ «ЗАМИРЕНИЯ» ЕВРОПЫ ПОСЛЕ ЛОКАРНО

(1926 г.)

Обострение империалистических противоречий после Локарно

Локарнские соглашения явились кульминационным моментом той политики «замирения» Европы, которая началась с принятия плана Дауэса, — такова была общая оценка Локарно в буржуазной печати.

Чемберлен называл Локарнский договор «водоразделом между годами войны и годами мира». В передовой статье от 1 декабря 1925 г. английская газета «Morning Post» писала: «Локарнский пакт нужно признать наиболее серьёзным достижением дипломатии в деле замирения и восстановления Европы со времени перемирия».

На митинге «Друзей Лиги наций» в Манчестере 11 ноября 1925 г., в связи с годовщиной перемирия с Германией, бывший министр лорд Грей выразил надежду, что Локарно предотвратит опасность образования новых военных блоков. «Объединив Францию и Германию в одной группе, — заявил Грей, — Локарно устранит угрозу возникновения в Европе двух дипломатических групп, как это было тогда, когда Франция создавала один, а Германия другой блок» [1].

В действительности умиротворение Европы достигнуто не было. В среде самих держав, подписавших Локарнский пакт, продолжали углубляться непримиримые противоречия.

Во взаимоотношениях Англии и США Локарно явилось переломным моментом. Добившись победы над Францией, британская дипломатия не стремилась с прежним рвением к дальнейшему сближению с Америкой. Сказалось и недовольство английских кругов проникновением американского капитала в британские колонии. Временное англо-американское сотрудничество всё более уступало место острым трениям между обеими державами.

[1] «Manchester Guardian», 12. XI. 1925.

Особенно резко обострились после Локарно отношения между Англией и Францией.

В Англии почти демонстративно не считались с французскими требованиями в отношении Германии. Официозная газета «Times» не стесняясь писала, что после Локарно Франция и Германия «находятся в совершенно одинаковом положении». Хотя Остин Чемберлен и оговаривался в своих выступлениях насчёт «неизменности дружбы с Францией», но тем не менее он же заявлял: «Теперь нет больше союзников, этот военный термин следует вычеркнуть из политического лексикона».

Позиция Англии вызывала растущее недовольство во Франции. В противовес британской политике англо-германского сотрудничества французская дипломатия встала на путь сближения с Германией. К этому её толкало также стремление освободиться от английской опеки.

Германская дипломатия со своей стороны спешила использовать эти новые тенденции во французской политике. Она с готовностью шла на сближение с Францией, полагая усыпить этим бдительность своего противника и разрешить в пользу Германии ряд важных экономических и политических проблем.

Прежде всего стало развиваться франко-германское хозяйственное сближение.

Создание мощного объединения, в состав которого вошли бы французские металлопромышленники и немецкие магнаты угля, представлялось наиболее естественным шагом. Ещё летом 1924 г. в Эссен прибыл представитель Комите де Форж, чтобы выяснить возможность непосредственных переговоров с германскими капиталистами. Вскоре развернулись переговоры в Берлине, Брюсселе и Париже; в них включался всё больший круг промышленников и политиков. Результатом переговоров явился ряд таких крупных экономических соглашений, как «стальной пакт» (30 сентября 1926 г.), «железный пакт» (6 ноября 1926 г.) и др.

Французская дипломатия охотно поддерживала попытки соглашения между германскими и французскими промышленниками. Таким путём без применения военной силы разрешалась столь важная проблема, как сочетание хозяйственных ресурсов Франции и Германии. Это могло помешать Англии установить своё экономическое и политическое преобладание в Европе. Наконец, на путь хозяйственного сотрудничества с руководителями германской промышленности и банков толкало французов и финансовое положение их страны.

Новые тенденции французской внешней политики были неприязненно встречены британской дипломатией. Действительное сотрудничество недавних врагов не входило в её расчёты.

Оно лишило бы Англию роли арбитра в европейских делах. Франко-германское сближение было опасным для Англии и с экономической стороны. Оно поставило бы под угрозу её европейские рынки и затруднило бы возможности конкуренции для английской металлургии.

Для того чтобы помешать практической реализации нового курса Франции в отношении Германии, Англия активизировала свою политику сотрудничества с немцами. Она охотно оказывала дипломатическую поддержку Германии, навязывая ей свою дружбу взамен франко-германского сближения. Германская дипломатия получила благодаря этому дополнительные возможности для разрешения в свою пользу ряда международных проблем.

Англо-итальянское сближение после Локарно

Одновременно Англия встала на путь поддержки итальянской политики, поскольку последняя направлена была против Франции. Англо-итальянское сближение явилось серьёзным фактором международной политики уже в Локарно. После Локарно оно стало развиваться значительно быстрее.

Италия охотно шла на сближение с Англией. Локарнский договор ничего осязательного ей не дал. Муссолини пришлось удовлетвориться предложением Англии стать её со-гарантом в Рейнском пакте. Однако за свою поддержку Англии против Франции Муссолини рассчитывал получить более ощутительные выгоды.

В начале декабря 1925 г. состоялось свидание Чемберлена с Муссолини в Рапалло. В результате этой встречи на свет появился ряд дипломатических документов, в которых отразилось содержание переговоров.

14—20 декабря произошёл обмен нотами между британским послом в Риме Грэхемом и Муссолини по абиссинскому вопросу. Ещё в ноябре 1919 г. итальянское правительство обращалось к Англии с просьбой предоставить Италии ряд экономических и политических позиций в Абиссинии. Тогда это ходатайство было отвергнуто. Теперь Англия ввиду отношений «взаимного доверия, установившихся таким счастливым образом между обоими правительствами», соглашалась полностью удовлетворить все пожелания Италии.

Муссолини ответил на этот шаг британской дипломатии выражением своей благодарности. Но англо-итальянской сделке воспротивился абиссинский негус Хайле Селасие I. Он обратился к Лиге наций с протестом, заявляя, что считает недопустимым соглашение третьих держав за счёт Абиссинии.

Твёрдая позиция абиссинского правительства заставила Англию и Италию выступить с заверениями, что они отнюдь не имели в виду раздела Абиссинии.

Протест Абиссинии в Лиге наций дал повод итальянской печати открыть яростную кампанию против «козней» Франции. Особенно резко итальянская печать обвиняла французскую дипломатию в том, что якобы она указала Абиссинии «дорогу в Женеву» и тем создала «опасный прецедент».

Однако Абиссинию поддержали и США. Италии пришлось отступить. Она завязала прямые дипломатические переговоры с Абиссинией.

27 января 1926 г. между Англией и Италией было заключено соглашение по вопросу о военных долгах. Англия предоставила Италии ряд серьёзных льгот по выплате итальянских долгов, образовавшихся в годы первой мировой войны. Это соглашение несколько улучшило финансовое положение Италии.

Английская дипломатия способствовала также заключению «договора о дружбе» между Италией и Испанией, подписанного 16 октября 1926 г. Французская пресса утверждала, что между Италией и Испанией был заключён секретный военный договор, в основе которого лежал проект передела французских колоний в Северной Африке. Испанское правительство якобы обещало Италии предоставить в её распоряжение в случае войны Балеарские острова — важную стратегическую позицию в западной части Средиземного моря.

Дипломатическая поддержка Италии со стороны Англии этим не ограничилась. Летом 1926 г. в югославские порты Адриатического моря под предлогом дружественного визита прибыла сильная английская эскадра. Цель этого визита заключалась в том, чтобы продемонстрировать Югославии — союзнице Франции — морское могущество Англии и повлиять на «выбор ориентации» этим балканским государством.

Противодействуя наступлению Англии и Италии, французская дипломатия прилагала все усилия к тому, чтобы восстановить свои позиции на Балканах и в Средиземном море. С этой целью она вступила в переговоры с рядом балканских стран, а также с Турцией. 30 мая 1926 г. была подписана франко-турецкая конвенция о дружбе. Англия ответила на этот шаг заключением дружественного договора с Турцией от 5 июня того же года.

Через несколько дней был заключён франко-румынский договор о дружбе, а позднее союзный договор Франции с Югославией. Но Италии удалось оторвать Румынию от Малой Антанты и заключить с ней 16 сентября 1926 г. договор о «дружбе и сердечном сотрудничестве».

Одновременно итальянская дипломатия усилила нажим и на Албанию. В результате между Италией и Албанией был подписан 27 ноября 1926 г. так называемый Тиранский пакт «дружбы и безопасности». Этим пактом Италия гарантировала свою «помощь» Албании. Под таким предлогом Италия получала возможность в случае нужды ввести свои войска в Албанию.

Тиранский пакт, таким образом, был по существу договором о протекторате.

Заключение итало-албанского пакта усилило изоляцию Югославии. Её пресса открыла кампанию против Италии и Англии, требуя сближения с СССР. «На Балканах господствуют Англия и Италия. Малая Антанта разрознена. При таких условиях Югославия должна искать дружбы. Путь к этому лежит через восстановление дипломатических отношений с Россией», — писала хорватская газета «Югославский Ллойд».

30 сентября 1926 г. состоялась новая встреча Чемберлена с Муссолини в Ливорно. Она означала дальнейшее укрепление англо-итальянского сотрудничества в вопросах средиземноморской и общеевропейской политики.

Позиции Италии в Юго-Восточной Европе были ещё более укреплены заключением 5 апреля 1927 г. договора о дружбе с Венгрией.

Успехи итальянской внешней политики, достигнутые при содействии Англии, способствовали дальнейшему развитию агрессивности итальянского империализма.

В 1925—1926 гг. Италия достигла значительных результатов в завоевании рынков на Балканах, в Малой Азии и Северной Африке. Доля участия Италии в импорте Болгарии, Греции, Румынии, Югославии, Турции возросла в два-три раза по сравнению с довоенным временем. Но Балканы не разрешали для итальянского империализма ни проблемы рынков сбыта, ни особенно проблемы сырья. Не имея собственных сырьевых ресурсов, Италия вынуждена была ввозить уголь, нефть, руду, хлеб, лес, промышленное сырьё. Колонии Италии не могли удовлетворить её потребностей. Острая потребность в сырье и сбыте толкала итальянский империализм на путь дальнейшей экспансии в бассейне Средиземного моря.

Осуждая пассивность старой итальянской дипломатии, Муссолини противопоставлял ей план решительной активизации внешней политики Италии. Провозгласив содержанием своей внешнеполитической деятельности борьбу за создание «великой Италии», он возвещал «восстановление Римской империи». Версальскую систему, которая отодвинула Италию на второй план, он объявлял «национальным врагом» Италии. Лигу наций как творение Версаля Муссолини демонстративно игнорировал, хотя Италия официально состояла её членом.

Основная цель внешней политики итальянского фашизма заключалась в завоевании господства на Средиземном море. Программа действий итальянской дипломатии в этом направлении была определена в следующих десяти пунктах:

1. Признание центрального положения Италии в Средиземном море.

2. Участие Италии в администрации Танжера.
3. Урегулирование положения итальянцев в Тунисе.
4. Уточнение границ между французскими и итальянскими колониями в Африке.
5. Признание первенствующей роли Италии на Балканах.
6. Предоставление Италии возможностей расселения избыточного населения.
7. Пересмотр мандатов.
8. Признание необходимости для Италии расширения рынков сбыта.
9. Запрещение политической деятельности итальянских эмигрантов во Франции.
10. Охрана национальных интересов итальянцев, живущих во Франции.

Особенно добивалась Италия Туниса. Она ссылалась при этом не только на свои «исторические» права на эту бывшую римскую провинцию (Карфаген), но и на то, что итальянцев в Тунисе больше, чем французов. Крайнее недовольство вызывали в Италии действия французских властей в Тунисе, принуждавших итальянцев выполнять «декрет о натурализации» и отказываться от итальянского подданства.

Агрессивные замыслы итальянской дипломатии направлены были не только на западные секторы Средиземного моря. Они распространялись на Адриатическое и Эгейское моря, на Дунай и на Балканы.

Остров Родос у берегов Малой Азии был превращён Италией в военно-морскую базу и представлял прямую угрозу Турции. Муссолини не раз высказывал намерение захватить Адалию, которую итальянские войска оккупировали в 1920 г., но в том же году под давлением союзников эвакуировали.

В 1926 г. во главе итальянского флота Муссолини отправился в Ливию. В этот момент английский посол в Турции вёл переговоры о Мосуле. Турецкая печать расценивала эту военную прогулку как демонстрацию против Туниса и одновременно против самой Турции, от которой Англия добивалась уступок в мосульском вопросе.

Фашистская печать уже в 1925 г. откровенно высказывалась, что для осуществления своей программы Италия неизбежно должна будет вести войну. Раньше других ей придётся столкнуться с Францией. «Дилемма следующая: либо Франция объявит войну Италии, и тогда французы не смогут получить помощи от своих африканских владений, ибо мы перережем их коммуникации; либо Франция будет воевать на стороне Италии, но тогда мы потребуем определённой компенсации за этот союз: Франция должна будет добровольно отказаться в нашу пользу от доброй половины своих афри-

канских и азиатских владений», — заявляла газета «Impero» 6 февраля 1925 г.

Подготовка к новой войне стала открытой и официальной программой фашистской партии и правительства Италии в 1926 г. «Восемь миллионов итальянцев готовы броситься в бой!», «Война — это огонь очистительный, она исцеляет дух нации», «Наши взоры обращены на Восток!» — такими лозунгами итальянская пресса определяла новый курс внешней политики Италии. В начале 1926 г. Муссолини заявил в Парламенте, что считает итальянскую нацию в состоянии перманентной войны.

Средиземноморская проблема

Муссолини любил повторять, что в Средиземном море Италия может быть либо властительницей, либо пленницей. Эта «воля к господству» на Средиземном море, которую Муссолини декларировал в своих напыщенных выступлениях на фашистских митингах, практически сводилась к четырём проблемам: 1) борьбе с влиянием Франции в Юго-Восточной Европе, 2) подавлению как славянского, так и германского «духа» (т. е. политического и культурного влияния) на этой же территории, 3) овладению всей Северной Африкой и 4) усилению итальянского влияния на Ближнем Востоке. В осуществлении этих задач Италия встречала немало препятствий. Средиземноморская проблема издавна была одной из самых сложных. Она сводилась к борьбе за господство на берегах Средиземного моря и за обладание кратчайшим путём из Европы в Азию. Особенно большое значение это имело для Англии. Охраняя кратчайший путь в Индию, Англия усиленно укрепляла свои важнейшие стратегические позиции на Средиземном море: Гибралтар, Мальту, Кипр, Суэц, Александрию, Хайфу, Аден и другие порты. В начале 1924 г. английское адмиралтейство переместило в Средиземное море из Атлантического океана значительную часть английского флота. Английские морские базы на Средиземном море были укомплектованы усиленными воздушными эскадрами.

Наиболее опасным соперником в Средиземном море после войны англичане считали Францию. Для неё Средиземное море также представляло важнейший путь к её колониальным владениям в Северной и Экваториальной Африке.

Франция стремилась укрепить свои морские базы, расположенные поблизости от английских. Так, против Мальты усиливалась Бизерта, против Порт-Саида — Александретта. Франция увеличивала в Средиземном море свой подводный и воздушный флот, строила новые подводные военные корабли.

Таким образом, оказывая дипломатическую поддержку Италии, Англия вела борьбу против Франции в бассейне Средиземного моря. Это, разумеется, вовсе не означало, что британская дипломатия собиралась поступиться своими интересами в пользу Италии.

Локарнская политика «замирения» обусловила дальнейшую перегруппировку сил на мировой арене. Она вела к созданию блоков и комбинаций, вызывавших новое обострение империалистических противоречий, порождавших новые агрессивные планы, которые могли содействовать приближению войны.

«Относительная стабилизация и так называемое „замирение“ Европы под гегемонией англо-американского капитала, — отмечала резолюция XIV съезда ВКП(б), — привели к целой системе экономических и политических блоков, последним из которых является конференция в Локарно и так называемые „гарантийные договоры“, остриём своим направленные против СССР. Эти блоки и договоры, прикрываемые якобы пацифистской Лигой наций и фальшивой шумихой II Интернационала о разоружении, означают по сути дела не что иное, как расстановку сил для новой войны» [1].

Политика Штреземана после Локарно

Политика «замирения» оказалась несостоятельной прежде всего в отношении Германии. Формально Локарнские соглашения были приняты германскими правящими кругами. Правда, нацисты и другие реакционно-националистические партии разыграли комедию шумной оппозиции против Локарно, но гарантийный пакт был ратифицирован Рейхстагом.

Однако германские правящие круги по-своему понимали значение Локарнских соглашений для политики «возрождения» Германии.

Выступая на заседании Рейхстага 24 ноября 1925 г., Штреземан убеждал германскую буржуазию не требовать немедленного результата его борьбы за «возрождение» Германии, а вооружиться выдержкой и терпением. Он уверял, что так называемый «дух Локарно» означает для Германии новую фазу борьбы против Версальского договора на путях активной международной политики Германии. «Значение духа Локарно в том, — говорил Штреземан, — что отныне уже нет германского вопроса, а есть европейский и международный вопрос. Политика Локарно исключает политику насилия в отношении Германии. Локарно означает возрождение немецкой свободы» [2].

В частной корреспонденции, которую вёл Штреземан в этот период с виднейшими представителями германского империализма, он высказывался гораздо более откровенно относительно использования Локарнского пакта для возрождения экономической и военно-политической мощи Германии. Штреземан сравнивал Локарно с временным перемирием для накопления сил к будущей войне. «Я предвижу в Локарнском пакте полу-

---

[1] «ВКП(б) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. II, стр. 48.

[2] *Gustav Stresemann*, Vermächtnis, B. II, S. 245.

чение Рейнской области и возможность возвращения немецких территорий на Востоке», — писал Штреземан 27 ноября 1925 г. депутату Кеделю, представителю реваншистских кругов Германии.

Замыслы Штреземана понимали и одобряли такие виднейшие представители германского империализма, как, например, князь Бюлов. В письме его к Штреземану от 26 декабря 1925 г. Локарнский пакт изображался как «краеугольный камень мирного восстановления Германии». «Будучи в борьбе с обоими полушариями и окружённые со всех сторон, мы долго не продержимся, — писал Бюлов, — но теперь время за нас. Ненависть, гнев и злые страсти не должны нами руководить. Теперь на базе новых возможностей можно итти вперёд. Но перед нами должны итти осторожность, терпение, выдержка». Французский журналист Жорж Блондель, часто встречавшийся со Штреземаном, рассказал в своей книге «Триумф германизма» о замыслах германской дипломатии в этот период.

«Считая себя, вероятно, первым дипломатом в Европе, — писал Блондель, — Штреземан надеялся достигнуть при помощи дипломатии нужных ему результатов. Он понимал, что новая война была бы сейчас для Германии катастрофой. Он пытался подготовить почву для пересмотра договоров и такой организации Европы, в которой Германия играла бы главную роль». В основе всех планов Штреземана была одна цель — уничтожение Версальского договора.

Штреземан никогда не имел в виду лойяльно соблюдать Локарнские соглашения. Он стремился прежде всего к фактической отмене военного раздела Версальского договора; уничтожение междусоюзнического контроля и эвакуация Рейнской области являлись для него первым шагом в этом направлении. Штреземан надеялся также использовать для этой цели Лигу наций, будучи убеждён, что Германия в любой момент покинет Лигу, если та отвергнет идею мирной ревизии договоров. «Штреземан не питал доверия ни к Лиге наций, ни к Англии, — рассказывает Блондель. — Но он был дипломатом по темпераменту и не желал политики катастроф. „Скажите вашим соотечественникам, — вкрадчиво заявил он мне однажды, — что Франция должна помочь восстановлению Германии. Это выгодно также и для неё. Нужно предать многое забвению. Война есть война. Она всегда приводит к разрушениям“» [1].

«Густав Штреземан был для нас опасным противником, — заключал Блондель, — хотя его политика по внешним признакам и отличалась от гитлеровской, он подготовил путь Гитлеру» [2].

---

[1] *George Blondel*, Le Triomphe de Germanisme, p. 35.
[2] Ibidem.

Советско-германские отношения после Локарно

Наряду с «замирением» буржуазной Европы локарнская политика предусматривала организацию антисоветского блока, в котором видное место должна была занять Германия. Об этом достаточно откровенно заявляли многие политические деятели Англии и Франции. Ормсби Хор говорил, например: «Конференция в Локарно должна была решить вопрос, будет ли Германия считать свою судьбу связанной с судьбой великих держав или же она будет работать вместе с Россией... Значение Локарно огромно... Оно означает, что нынешнее германское правительство отходит от России и связывает свою судьбу с западными державами».

В принципе Германия ничего не имела против участия в антисоветском блоке. Но в условиях, когда её вооружённые силы ещё только восстанавливались, всякого рода военные комбинации могли иметь для неё лишь перспективное значение.

Подчинять же свою политику интересам других стран, играть роль «континентальной шпаги» для кого-либо немцы не хотели. Притом непосредственные экономические интересы Германии вынуждали её придерживаться пока добрососедских отношений с СССР. Наконец, германская дипломатия охотно пользовалась угрозой своего дальнейшего сближения с СССР в целях шантажа и давления на политику западноевропейских держав.

Участвуя в локарнских переговорах, Германия не забывала о задаче упрочить свои экономические связи с СССР. 12 октября 1925 г. в Москве, за 4 дня до подписания Локарнских соглашений, она заключила с СССР экономический договор, регулировавший ряд важных хозяйственных и юридических вопросов. Одновременно германский банк подписал соглашение с советским торгпредством в Берлине о предоставлении СССР краткосрочных кредитов.

Вскоре после Локарнской конференции возник вопрос о вступлении Германии в Лигу наций. Этот вопрос обсуждался уже во время переговоров, происходивших с 9 февраля до 16 октября 1925 г. сначала между Францией и Англией, а затем между этими двумя державами и Германией. Союзники настаивали, чтобы Германия вошла в Лигу наций и безоговорочно приняла на себя соблюдение всех обязательств её устава.

Вступление Германии в Лигу наций могло явиться новым шагом на пути к созданию антисоветского блока. Содержание статьи 16 статута Лиги было таково, что она могла служить орудием стран-победительниц для использования Германии в войне против СССР. Ввиду этого советская дипломатия сочла необходимым принять предупредительные меры.

23 ноября 1925 г. заместитель народного комиссара иностранных дел Литвинов сделал заявление представителям иностранной печати об отношении СССР к Лиге наций.

«От того, что в неё (Лигу. — *Ред.*) вступает сейчас Германия, страна побеждённая и в военном отношении слабая, — гласило заявление, — не изменится характер Лиги, в которой некоторые державы рассчитывают лишь использовать Германию как сотрудницу в осуществлении своих планов вообще и вражеских замыслов против Союза ССР в частности.

Советское правительство больше, чем какое-либо другое правительство, заинтересовано в упрочении мира на основе независимости и самоопределения всех народов. С этой точки зрения оно приветствовало бы создание международной организации, в которой и через которую каждый народ мог бы осуществлять национальные суверенные права, и все народы могли бы улаживать возникающие между ними трения мирным путём. Но советское правительство меньше всего рассматривает существующую Лигу наций как приближение к такой организации. Лига наций до сих пор ни в малейшей степени не оправдала тех ожиданий, тех надежд, которые на неё возлагались сторонниками её...»[1]

Вступление Германии в Лигу наций

Германия вступила в Лигу наций с целью получить одинаковые права с другими державами. Она рассчитывала добиться в Лиге отмены военных статей Версальского мирного договора и легализации своих вооружений. Вопрос о советско-германских отношениях стал предметом торга между Германией и западными державами. Германское правительство рассчитывало добиться этим путём выгодных условий приёма Германии в Лигу наций и осуществления своих домогательств по пересмотру договоров.

Прежде всего Германия требовала, чтобы ей было предоставлено постоянное место в Совете наряду с Англией, Францией, Японией, Италией. Это было ей обещано. Однако оставался открытым вопрос, получат ли одновременно с Германией какие-нибудь другие державы постоянные места в Совете Лиги.

Оказалось, что наряду с Германией на место в Совете Лиги претендуют Польша, Испания, Бразилия. Это сразу осложнило вопрос. Прежде всего Германия выступила очень резко против предоставления места в Совете Польше. Германская дипломатия доказывала, что предоставление Германии постоянного места в Совете вовсе не должно сопровождаться общей реорганизацией Совета. Франция поддерживала Польшу. Шведская делегация была вообще против увеличения мест в Совете Лиги. Английская делегация добивалась приёма Германии в Совет Лиги без дальнейших изменений его состава. Пришлось созывать не только специальную сессию Совета Лиги наций, но и отдельные

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 334.

совещания держав, подписавших Локарнский пакт. Завязались дипломатические переговоры. Лорд д'Абернон пытался убедить Штреземана пойти на уступки, но встречал с его стороны упорное сопротивление. 22 февраля 1926 г. в своём дневнике английский посол записал: «В английском Министерстве иностранных дел считают, что немцы поступают очень глупо, выступая противниками Польши в то время, когда и без них она бы встретила надлежащее сопротивление. Но я сомневаюсь, чтобы при отсутствии столь энергичного протеста со стороны Германии против расширения Совета это предложение встретило эффективное противодействие» [1].

Штреземан решительно заявил английскому послу, что пока за Германией не будет обеспечено постоянное место в Совете Лиги наций, германская делегация в Женеву не поедет.

Мало того, немцы прибегли к обычному для них шантажу. Как сообщает д'Абернон, германская дипломатия (после неудачной попытки в марте месяце получить постоянное место в Совете Лиги) угрожала не только снятием вопроса о вхождении Германии в Лигу наций, но и дальнейшим сближением с Россией. «Было, может быть, неизбежно, — замечает д'Абернон в дневнике от 5 апреля 1926 г., — что серьёзная неудача, испытанная Германией на пороге Лиги, заставила германское общественное мнение и вождей немецкого народа снова обратить свои взгляды на Восток и вернуться к традиционной политике перестраховки».

Штреземан уверял даже, что именно затянувшаяся дискуссия по вопросу о вступлении Германии в Лигу наций способствовала скорейшему заключению весной 1926 г. советско-германского договора.

Перед столь решительным натиском немцев, использовавших свои отношения с СССР для давления на позицию государств-победителей, английская дипломатия пошла на уступки. Она высказалась за предоставление Германии постоянного места в Совете и создание в нём ещё одного непостоянного места, которое должно быть предоставлено другим членам Лиги по усмотрению Совета. Был предрешён также вопрос о снятии с Германии военного контроля.

Таким образом, Германия вошла в Лигу наций наравне с великими державами. 10 сентября 1926 г. появление германской делегации в зале заседаний Лиги наций было встречено овацией. В своей книге «Франция — Германия в 1918—1934 гг.» поклонник и прислужник Германии Фернанд де Бринон, ставший впоследствии прямым агентом Гитлера, восторженно воспевает мастерство дипломатической маскировки Штреземана. «С удивительным искусством, — пишет он, — Штреземан воспользовался моментом в своей приветственной речи, чтобы превозне-

---

[1] «Lord d'Abernon's Diary», v. III, p. 225.

сти Лигу наций и её заслуги в деле упрочения мира. Он говорил об искреннем желании Германии мирно сотрудничать со всеми народами. „Германия, — заявил Штреземан, — готова с настоящего момента помогать Лиге наций осуществлять всё, что есть самого благородного в её программе“».

Свидание в Туари

Во время сессии Лиги наций в сентябре 1926 г. произошло секретное совещание Штреземана с министром иностранных дел Франции Брианом. Многим оно представлялось венцом мирных достижений, в духе Лиги наций. На самом деле эта встреча была не чем иным, как разведкой с обеих сторон с целью выяснения возможных перспектив франко-германского сближения. Инициативу непосредственных объяснений со Штреземаном взял на себя Бриан.

В послевоенный период помимо официальных отношений и дипломатических связей между немецким и французским Министерствами иностранных дел поддерживались и неофициальные сношения при помощи всякого рода тайных агентов. Одним из таких посредников был проживавший в Швейцарии профессор Хагенен, бывший преподаватель французского языка в Берлинском университете. После войны на него была возложена миссия поддерживать связь между французской и немецкой тяжёлой индустрией. После ухода этого агента в отставку Комите де Форж подыскал ему заместителя в лице профессора Энара. Этот профессор и организовал встречу Бриана и Штреземана в местечке Туари, вблизи франко-швейцарской границы.

17 сентября 1926 г., скрывая своё свидание от газетных корреспондентов, Штреземан и Бриан окольными дорогами добрались до Туари. Здесь за завтраком в маленьком деревенском отеле они обсудили отношения между Францией и Германией, сложившиеся в результате Локарнских соглашений.

Положение Франции в связи с продолжающимся падением курса франка было в этот момент весьма напряжённым.

При помощи финансовой сделки со Штреземаном Бриан надеялся добиться стабилизации франка. Возможно также, что на соглашение с Германией толкал Бриана и Комите де Форж, заинтересованный в скорейшем создании европейского Стального картеля.

Как рассказывает в своих записках Штреземан, профессор Энар, явившийся к нему для предварительных переговоров, прямо поставил перед ним вопрос о том, согласна ли Германия прийти на помощь Франции в её экономических затруднениях.

Во время свидания в Туари Бриан начал с заявления, что попытки частичного урегулирования франко-германских отношений бесполезны: они таят в себе новые опасности. Необходимо кардинальное разрешение всех вопросов, касающихся Германии и Франции. Бриан сообщил, что готов обсудить

условия передачи Германии не только Саарской, но и Рейнской области. Французского министра иностранных дел интересовало, может ли Германия со своей стороны пойти навстречу Франции по ряду экономических и финансовых вопросов.

Штреземан ответил, что соглашение возможно лишь в том случае, если эвакуация Рейнской области будет производиться не частично, но полностью и притом возможно быстрее. Он предложил очистить Рейнскую область от оккупационных войск к 30 сентября 1927 г. Бриан выразил на это принципиальное согласие.

«Итак, я могу констатировать, — осведомился Штреземан, — что вопрос идёт не о сокращении сроков эвакуации, а о немедленном очищении всей области?

Бриан: Само собой. Всё должно быть приведено в порядок и как можно скорее.

Штреземан: Что касается Саарской области, то выкуп рудников Саара предусмотрен Версальским договором».

Относительно стоимости Саарских рудников, пишет Штреземан, после некоторых споров удалось договориться: выкупную сумму определили в размере около 300 миллионов золотых марок. Вопросы, связанные с выпуском железнодорожных облигаций для покрытия германского долга, Штреземан предложил передать на рассмотрение экспертов. Со своей стороны Бриан обещал дать инструкции французскому представителю на конференции послов касательно изучения вопроса о возможности отказа союзников от военного контроля. «Препятствия возникают, — заявил Бриан, — со стороны французского военного министерства: оно мне представило целую папку с актами по поводу столкновений с немцами». Тут же Бриан осведомился, что представляет собой организация «Стальной шлем», которая издаёт какие-то инструкции о стрельбе, о военных манёврах и т. п. «Мои военные меня упрекают, — продолжал Бриан, — что я смотрю на Германию глазами политика и потому не знаю, что там в действительности происходит».

Штреземан ответил, что организация «Стального шлема» представляет опасность скорее для внутреннего порядка в Германии, чем военную угрозу для другой страны.

Бриан: «Я, конечно, не придаю этому особого значения, но избавьте меня от того, чтобы мои военные вечно приходили ко мне с такими разговорами».

Затем Штреземан сам поставил вопрос об Эйпен и Мальмеди (о двух провинциях, отошедших по Версальскому договору к Бельгии). Тут же он передал Бриану доклад о переговорах по этому вопросу с Вандервельде, а также с представителем Бельгии в репарационной комиссии Делакруа. Штреземан спросил Бриана, как относится французское правительство к этим переговорам.

Бриан (возбуждённо): «Как бельгийцы нам говорили, они не вели переговоров официально и не обсуждали серьёзно вопроса о возвращении Эйпен и Мальмеди. Всё это очень не во-время».

В конце беседы Штреземан подчеркнул, что не желал бы укрепления правительства Пуанкаре в случае стабилизации франка.

Штреземан: «Думаете ли вы, что он останется, если мы поддержим мероприятия по стабилизации франка?

Бриан: Пуанкаре, по-моему, долго не продержится. Его кабинет — переходный».

Тут же Бриан дал характеристику Пуанкаре. По его словам, этот человек словно не жил среди людей. Всё у него преломляется сквозь призму юридических формул и политических актов. Он помнит каждую точку и абзац своих нот, но не знает чувств французского народа и не понимает требований времени.

Собеседники поговорили ещё о будущей совместной работе в Лиге наций, о положении в английских колониях, о русском вопросе. Бриан заявил, что не верит, чтобы большевистский режим долго продержался: в частности Украина и Грузия хотят быть самостоятельными [1].

Спустя несколько дней после свидания со Штреземаном Бриан уехал в Париж. В прессе появилось французское коммюнике о том, что «Совет министров одобрил доклад министра иностранных дел о позиции французской делегации в Женеве и о его свидании со Штреземаном в Туари».

Итоги Туари

Точное содержание переговоров между министрами в Туари не было опубликовано. Однако вся печать оценивала это свидание как событие, знаменующее крупную перемену в расстановке международных сил в Европе.

Официозный орган французского Министерства иностранных дел «Temps», явно опасаясь чрезмерного политического резонанса свидания в Туари, заявлял, что никаких определённых предложений ни с той, ни с другой стороны там выдвинуто не было. «Говорить, что Бриан дал согласие на эвакуацию Рейнской и Саарской области, — писала газета, — или утверждать, что было предложено оказать Франции денежную помощь для восстановления её финансов путём продажи некоторой части немецких железнодорожных облигаций, — значит не считаться с реальными возможностями данного момента и предвосхищать события» [2]. Газета подчёркивала, что дальнейшее развитие

---

[1] Свидание в Туари и содержание беседы изложены по записям Штреземана, см. *Gustav Stresemann*, Vermächtnis, B. III, S. 15—24.

[2] «Le Temps», 19. IX. 1926.

франко-германских отношений зависит от того, пожелают ли немцы подчиняться тем обязательствам, которые налагаются на них Локарнскими соглашениями и которых требует лояльное сотрудничество с Европой.

По примеру французского Совета министров немецкий кабинет также одобрил переговоры в Туари. Бриан от Франции и Геш от Германии были уполномочены приступить к конкретным переговорам.

Свидание в Туари, переговоры Геша с Брианом и особенно экономическое сближение Франции с Германией вызвали серьёзное беспокойство английских правящих и деловых кругов. Ввиду этого Англия попыталась перехватить инициативу в вопросе экономического сближения с Германией.

8—10 октября 1926 г., по предложению английской дипломатии, в Ромси состоялась конференция английских и германских промышленников. Германия охотно и даже поспешно откликнулась на приглашение англичан. Представители германской индустрии дали им понять, что если металлургическая промышленность Германии вступает в сотрудничество с французской, то химическая готова итти на кооперацию с английской.

Между тем во Франции развернулась целая кампания против «политики Туари» и в частности против обещания Бриана эвакуировать Рейнскую область. Значительная часть прессы обвиняла Бриана «в отступничестве от Версальского договора».

1 ноября 1926 г. французский посол посетил Штреземана и сообщил ему о возникших во Франции препятствиях на пути реализации «политики Туари». Штреземан не счёл нужным скрыть своё раздражение, вызванное этим сообщением. Забывая требования дипломатической вежливости, он спросил посла: «Кем же был Бриан в Туари — статистом, который добивался узнать моё мнение? Или там происходила беседа между двумя министрами?»

В оправдание Бриана французский посол заметил, что вопросы, затронутые в Туари, касаются не только Франции и Германии, — они интересуют и другие страны, подписавшие Локарнские соглашения. Лишь вопрос о рудниках Саара является частным делом Германии и Франции. Но и здесь общественное мнение Франции не подготовлено к тому, чтобы этот вопрос разрешить чисто финансовым путём.

«Я возразил послу, — записал в дневнике Штреземан, — что в Туари не только стоял вопрос о Саарских рудниках, но обсуждался весь комплекс вопросов. Я скрыл от общественного мнения, что в Туари шёл вопрос о далеко идущих планах: о восстановлении России, о тесном сотрудничестве с Францией в деле оздоровления Европы и т. п. Для меня Туари было лишь увертюрой к большой европейской политике».

Очевидно, увертюра была разыграна неудачно. По крайней мере вскоре один из двух партнёров — Бриан — не только отказался от дальнейшей совместной игры с Германией, но и публично отрёкся от своих заявлений в Туари.

29 ноября 1926 г., при обсуждении в палате бюджета, Бриан заявил, что в Туари он и Штреземан не заключали никакого соглашения. Они всего-навсего обменялись мнениями по ряду проблем. На заседании Палаты депутатов 13 января 1927 г. на прямо поставленные Бриану вопросы о переговорах со Штреземаном об эвакуации Рейнской области, разоружении Германии и т. п. Бриан повторил, что он никаких конкретных обещаний Штреземану не давал.

Итак, «политика Туари» потерпела неудачу. Она не привела ни к сближению Франции с Германией, ни к основной цели Штреземана — ревизии договоров. Свидание в Туари явилось просто эпизодом, который, однако, содействовал дальнейшему обострению противоречий в Европе. Тем не менее, первые результаты вступления Германии в Лигу наций начинали сказываться.

12 декабря 1926 г. состоялось решение стран-победительниц о снятии военного контроля с Германии.

Таким образом, следствием Локарно явилась отмена важной статьи Версальского мирного договора — новая серьёзная трещина в послевоенном режиме мира.

«Прибалтийское Локарно»

Столь же неудачной оказалась политика «замирения» в странах, в отношении которых в Локарно не было дано никаких гарантий. В первую очередь это касалось Польши и государств Прибалтики.

В связи с переговорами относительно гарантий западных границ Германии дипломатия стран, смежных с Германией на востоке, стала искать возможности обеспечения и этих границ.

Ещё до Локарно по инициативе Польши была созвана в Гельсингфорсе конференция представителей Латвии, Эстонии, Финляндии и Польши. Официально в программу работ Гельсингфорсской конференции (16—17 января 1925 г.) были включены только те вопросы, которые касались заключения арбитражного соглашения. Не официально предполагалось обсудить также возможность военной конвенции Польши и балтийских государств, имея в виду главным образом борьбу против СССР.

После долгих совещаний и споров была подписана конвенция об арбитраже между четырьмя участниками конференции. Конвенция обязывала их подвергать рассмотрению третейского суда все спорные вопросы, которые не могли быть улажены дипломатическим путём.

Как на самой Гельсингфорсской конференции, так и после неё особенную суетливость проявляла польская дипломатия. Польша стремилась создать польско-балтийский блок и направить патронируемый ею союз и против СССР и против Германии.

После Гельсингфорсской конференции в печати появились официальные интервью польского, латвийского и эстонского министров иностранных дел, которые прославляли Гельсингфорсское соглашение как основу «сотрудничества балтийских государств в целях способствования политике мира». Основными принципами своей политики они провозглашали арбитраж, взаимопомощь, разоружение, лежавшие в основе Женевского протокола.

Однако вопреки миролюбивым декларациям, правительства балтийских государств после конференции стали значительно увеличивать свои военные силы. Под предлогом обсуждения вопросов, связанных с проектом конвенции Лиги наций о международном контроле над торговлей оружием и военными материалами, было созвано совещание балтийских и польских военных экспертов. Действительным предметом этого совещания, организованного 2 марта 1925 г. в Риге, являлось предложение польского генштаба о заключении военного договора между Польшей и балтийскими государствами. Предполагалось, что договор будет гарантирован Англией. Однако Англия отказалась взять на себя роль такого гаранта. Ввиду провала польского плана Эстония взяла на себя инициативу предложения нового проекта соглашения — уже только между Польшей, Эстонией, Латвией. За усердие польское правительство наградило эстонского министра иностранных дел Пуста званием кавалера ордена «Возрождённая Польша».

Стремясь создать польско-балтийский блок, польская дипломатия одновременно искала способов ликвидации польско-литовского конфликта. На этом настаивали и дипломаты Латвии и Финляндии, выдвигая предложение о заключении общебалтийского арбитражного договора. Но литовская дипломатия настаивала на своём старом плане: она добивалась организации «малого балтийского блока» в составе Литвы, Латвии и Эстонии. Естественно, что польская дипломатия всячески противодействовала осуществлению этого тройственного союза.

Для разрешения всех этих спорных вопросов была назначена на август 1925 г. новая конференция представителей Польши и прибалтийских государств, которая должна была обсудить проблему безопасности этих стран в связи с западным гарантийным пактом. Вследствие смерти министра иностранных дел Латвии Мееровица конференция не состоялась. Она была заменена совещанием министров иностранных дел в Женеве во время сентябрьской сессии Лиги наций. Ре-

зультатом совещания явился протокол от 11 сентября 1925 г., устанавливавший, что польские, балтийские и финские делегаты остаются верны Женевскому протоколу.

После Локарно французское влияние в Польше заметно упало. Польская дипломатия стала искать поддержки у Англии. Объяснялось это прежде всего расстройством польских финансов и тяжёлым промышленным кризисом, от которого могли спасти Польшу только крупные иностранные займы.

Правительство Грабского начало переговоры с иностранными державами о срочных займах под обеспечение государственной табачной и спиртной монополий. Оно соглашалось даже на переговоры о сдаче иностранному капиталу железных дорог. Министр иностранных дел Скржинский лично ездил в Соединённые штаты просить о помощи. Однако оттуда он вернулся ни с чем. В ноябре 1925 г. кабинет Грабского вышел в отставку. На смену ему пришло коалиционное правительство во главе со Скржинским. В своей декларации премьер заявил о новой, английской, ориентации польского правительства. «Его (Чемберлена. — *Ред.*) ясная и твёрдая позиция по отношению к нам, — возвещал Скржинский, — укрепляет в нас веру, что мирные стремления будут и впредь осуществляться в том же направлении и в атмосфере взаимного доверия».

В брошюре под заглавием «Локарнские пакты», изданной в 1925 г. польским Министерством иностранных дел, откровенно излагались мотивы новой политической ориентации Польши. «В настоящее время главным арбитром Европы и поставщиком американских капиталов является Англия, — гласил этот документ. — Поэтому рациональная польская политика должна добиться политического и хозяйственного соглашения с Англией, тем более, что союз с Францией потерял всякую ценность».

После принятия Рейнского гарантийного пакта стали возникать в различных комбинациях всевозможные проекты «прибалтийского Локарно». В декабре 1925 г. представитель Финляндии в Лиге наций профессор Эрих выдвинул проект так называемого «северного Локарно». Его план имел в виду заключение договора о ненападении и нейтралитете между балтийскими и скандинавскими государствами и Польшей. Тогда же появился проект «восточного Локарно», восстанавливавший старый план создания польско-балтийского союза.

Переговоры СССР с прибалтийскими государствами о ненападении и нейтралитете

Не подлежало сомнению, что все эти проекты преследовали цели, враждебные Советскому Союзу. Об этом свидетельствовали и новые антисоветские провокации. 5 февраля 1926 г. на территории Латвии было совершено нападение на дипломатических курьеров Союза ССР.

Советское правительство сочло необходимым внести во взаимоотношения СССР с его западными соседями бо́льшую устойчивость. С этой целью было решено обратиться к Польше и к правительствам прибалтийских стран с предложением заключить с СССР договоры о ненападении и взаимном нейтралитете.

В начале 1926 г. советское правительство предложило Польше подписать такого рода соглашение с обоюдным обязательством не вступать ни в какие комбинации, враждебные другой стороне.

На это предложение Скржинский ответил: «Если бы советское правительство было свободно от идеологии, которой руководятся его деятели, вопрос мог бы быть поставлен с гораздо бо́льшим успехом».

Впрочем, ввиду того, что советская дипломатия обратилась к Литве, Латвии, Эстонии и Финляндии с предложением заключить с каждой из них договор о ненападении, польская дипломатия выдвинула предложение подписать один общий гарантийный договор между СССР, с одной стороны, и Польшей, Финляндией, Эстонией и Латвией — с другой. Переговоры о таком пакте предлагалось вести также сообща, «за круглым столом». Для дипломатической работы в этом плане был направлен в столицы прибалтийских государств один из руководящих работников польского Министерства иностранных дел, Яниковский.

В результате 5 мая 1926 г. правительства Латвии, Эстонии и Финляндии в тождественных по содержанию меморандумах дали весьма неопределённый ответ на советское предложение; в то же время они выдвинули ряд явно неприемлемых для СССР требований.

В июле 1926 г. в Ревеле состоялось совещание министров иностранных дел Латвии, Эстонии и Финляндии. Результатом его было новое предъявление советскому правительству идентичных меморандумов с предложением коллективного договора вместо отдельных договоров между СССР и каждым из его соседей.

Очевидно, Яниковский продолжал вести свою агитацию за создание единого блока прибалтийских государств под руководством Польши, чтобы противопоставить его Советскому Союзу. Только после длительных дипломатических усилий со стороны СССР Латвия, Эстония и Финляндия в конце концов пошли на уступки и в этом основном вопросе.

Провалу замыслов польской дипломатии способствовало возраставшее недовольство Польшей со стороны балтийских государств. Не только Литва, но и Латвия выражала сомнение в пользе и целесообразности польско-балтийского сотрудничества, да ещё направленного против СССР.

Советско-литовский пакт (28 сентября 1926 г.)

В мае 1926 г. было создано левое правительство в Литве. Новый министр иностранных дел Литвы Сляжевичиус отправился для переговоров в Москву. Здесь 28 сентября 1926 г. между СССР и Литвой был подписан «договор о дружбе и нейтралитете».

Новый договор подтверждал, что основой взаимоотношений между СССР и Литвой является ранее заключённый между ними мирный договор от 12 июля 1920 г. Обе стороны взаимно обязывались «уважать при всех обстоятельствах суверенитет и территориальную целостность и неприкосновенность друг друга». Давая обязательство воздерживаться от каких бы то ни было агрессивных действий против другой стороны, СССР и Литва обещали друг другу соблюдать нейтралитет и не оказывать поддержки третьим державам в их борьбе против одной из договаривающихся сторон [1].

Обеспокоенная литовско-советским сближением, Польша решила заручиться помощью великих держав в виленском вопросе. 20 октября 1926 г. она поставила виленский вопрос на конференции послов. Конференция подтвердила старое решение от 15 марта 1923 г., объявившее Вильно частью польского государства. Тогда литовское правительство обратилось к великим державам с нотой протеста, отказываясь признать решение конференции послов.

Но польская дипломатия опиралась на решение конференции послов. В ноте советскому правительству от 23 октября 1926 г. она заявила, что новый пакт СССР с Литвой якобы нарушает Рижский договор 1921 г., статья 3 которого обязывала Советскую Россию отказаться от всяких прав и претензий в отношении территорий, спорных между Польшей и Литвой.

В ответной ноте от 19 ноября 1926 г. советское правительство разъяснило, что по духу и точному смыслу статьи 3 Рижского договора вопрос о Виленщине должен быть решён самими Польшей и Литвой и что по статье 2 советское правительство обязывалось признать такое их решение. Но Литва не признаёт постановления конференции послов по этому вопросу; поэтому СССР не может считать его решённым окончательно.

После заключения советско-литовского пакта империалистические круги Англии закрыли Литве кредиты. В декабре 1926 г. в Литве произошёл государственный переворот. У власти стало реакционное правительство Сметоны — Вольдемараса. Такая же попытка реакционно-националистического переворота была произведена и в Латвии. Но военный заговор в Вольмаре

---

[1] Текст договора см. «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 352—353.

был своевременно раскрыт. Несмотря на враждебные интриги реакционеров, 9 марта 1927 г. был парафирован договор о нейтралитете между СССР и Латвией, а 2 июня 1927 г. был подписан и торговый договор.

Советское правительство терпеливо и настойчиво боролось за дело мира и безопасности. Оно продолжало добиваться заключения пакта о ненападении и нейтралитете и с Польшей. Однако польское правительство отказалось от советского предложения. Оно заявило, что останется «верным уставу Лиги наций», и продолжало настаивать на своём проекте «восточного Локарно».

Латвийский министр иностранных дел социал-демократ Целенс выступил в печати с предложением нового проекта «восточного Локарно». Он предлагал подписать гарантийный договор между балтийскими государствами, с одной стороны, и Англией, Францией, Германией и СССР — с другой.

«Балканское Локарно»

Наряду с планами «восточного Локарно» европейские дипломаты пытались создавать гарантийные соглашения и в балканских странах.

Политическая обстановка на Балканах в послелокарнский период была крайне сложной. Между Грецией, Югославией и Болгарией территориальные споры приняли характер острых конфликтов, грозивших вооружёнными столкновениями.

Роль главного арбитра между балканскими странами стремилась присвоить себе английская дипломатия, чрезвычайно усилившая в этот период свою деятельность на Балканах.

Программа английской дипломатии нашла своё отражение в меморандуме от 1 ноября 1925 г., разработанном комитетом иностранных дел британской Ассоциации либеральных и радикальных парламентских депутатов. Меморандум излагал план сближения между Югославией, Грецией и Болгарией.

Для «замирения» балканских государств рекомендовалось их объединение при помощи региональных гарантийных пактов в так называемое «балканское Локарно». «Державой, наиболее способной дать беспристрастный совет Греции, Сербии и Болгарии, является Великобритания, — гласил меморандум. — Греки и сербы, наконец, поняли это. Наша политика должна быть активной, и прежде всего мы должны внушить грекам и сербам сознание необходимости достигнуть разумного урегулирования их разногласий. Мы должны внушить грекам, что Локарнские пакты не могут быть предписываемы Лигой наций. Они могут быть достигнуты только доброй волей сторон в соответствии с уставом Лиги» [1]. Меморандум при этом указывал, что следует также внушить Греции, чтобы она реши-

---

[1] «Международная жизнь», 1926, № 8, стр. 5.

тельно отклоняла всякие попытки вовлечения её в орбиту итальянского влияния.

Осуществление «балканского Локарно» имело также целью противодействовать балканской политике Франции, с которой Югославия была связана союзным договором.

Югославия весьма неохотно шла на заключение «балканского Локарно». Поэтому дипломатам Англии пришлось прибегнуть к двойному воздействию: с одной стороны, пообещать ей большие экономические выгоды от транзита товаров через её территорию; с другой — пригрозить ей изоляцией, если она будет сопротивляться английским планам «замирения» Балкан.

В результате 8 января 1926 г. югославский представитель в Афинах информировал греческое правительство, что его правительство согласно обсудить вопрос о заключении балканского пакта на принципах Локарнского договора.

17 августа 1926 г. был подписан в Афинах «договор дружбы и сотрудничества» между Грецией и Югославией.

Однако в течение всего 1926 г. греко-югославские отношения оставались слишком неустойчивыми, чтобы послужить исходной базой для системы гарантийных договоров на Балканах. К тому же система эта должна была бы включать и Болгарию. Но отношения Болгарии с другими балканскими государствами продолжали оставаться открыто враждебными.

С целью привлечь к «балканскому Локарно» Болгарию специальная комиссия Лиги наций под председательством англичанина Горация Рембольда разрешила один из территориальных споров между Болгарией и её соседями в пользу Болгарии. Греции было предложено пойти с болгарами на мировую. Но и это не улучшило положения на Балканах. Заключить общий балканский пакт на принципах Локарнского договора так и не удалось. Даже греко-югославский договор, который должен был стать его основой, в силу не вошёл. После длительных отсрочек греческий Парламент 25 августа 1927 г. единодушно отказался его ратифицировать.

Разброд в лагере Малой Антанты

Локарнские соглашения, продемонстрировавшие возросшую мощь Англии на европейском континенте, усилили колебания и разброд в лагере Малой Антанты.

Влияние Франции в странах Малой Антанты заметно уменьшалось, особенно по мере того, как стало возрастать экономическое и политическое проникновение Германии в эти страны. В сентябре 1926 г. Германия отправила делегацию немецких парламентариев-промышленников в Белград, Будапешт и Бухарест. Румыния рассчитывала получить от Германии заём для стабилизации падавшей леи. Поэтому румынская пресса открыла кампанию за сближение с Германией.

Связи между отдельными членами Малой Антанты — Чехословакией, Югославией и Румынией — значительно ослабли. Малая Антанта как целое оказалась не в состоянии выступить солидарно даже во время скандального процесса о печатании фальшивых денежных знаков в Венгрии. Как сообщил Леон Блюм в своей речи от 3 марта 1926 г. в Палате депутатов, выяснилось, что венгерское правительство было осведомлено о выпуске фальшивых банкнот, которые предназначались, по показанию подсудимых, на военные расходы, запрещённые Трианонским договором. Было много улик, говоривших об участии в этом деле венгерского правительства во главе с графом Бетленом. Однако суд отверг это обвинение. В своём приговоре он признал, что фальшивомонетчики руководствовались «патриотическими соображениями и не имели корыстных целей». Результаты венгерского процесса были встречены в Чехословакии с негодованием. Чехословацкая дипломатия предложила Белграду и Бухаресту совместные действия против Венгрии. Венгерский вопрос обсуждался на совещании Малой Антанты в Темишоаре 10 февраля 1926 г. Однако никаких решений принято не было. В коммюнике для прессы было только подчёркнуто «твёрдое намерение Малой Антанты продолжать в духе солидарности и сердечности дело умиротворения в интересах государств Малой Антанты».

Что касается венгерского дела о денежных фальшивках, то в нём активность проявляла лишь одна Чехословакия. Совместно с Францией правительство Чехословакии поставило вопрос о венгерских фальшивомонетчиках в Лиге наций. Но здесь этот вопрос рассмотрен был в самой общей форме и затем передан финансовому комитету, где и был похоронен. Члены Малой Антанты не поддержали Чехословакию и в Лиге наций. Югославия начала с Венгрией переговоры о сближении и предоставила ей свои порты. Румыния держалась пассивной позиции.

В это время в печати и дипломатических кругах стал на очередь вопрос о гарантировании границ государств Малой Антанты.

Вопрос о ратификации Бессарабского протокола

Переговоры о гарантийном пакте начались прежде всего между Румынией и Польшей. Последняя, хотя и не состояла членом Малой Антанты, но активно поддерживала в ней антисоветские элементы. В 1926 г. был возобновлён польско-румынский военный союз, заключённый 3 марта 1921 г. и имевший в виду совместное выступление обоих государств в случае войны против Советской России. Из всех членов Малой Антанты Румыния занимала наиболее враждебную антисоветскую позицию. Румыны знали, что Советский Союз никогда не примирится с предательским захватом ими Бессарабии.

Советское правительство не только не признавало этого захвата, но и решительно отклоняло всякие предложения компромисса по бессарабскому вопросу.

Юридической основой для овладения Бессарабией Румыния считала протокол, подписанный в 1920 г. в Париже представителями Антанты. Но Бессарабский протокол был ратифицирован пока только Англией и Францией. Япония и Италия медлили с этим делом. Что касается правительства СССР, за спиной которого совершались эти «ратификации», то оно отнюдь не намерено было признавать за такими актами законную силу.

Румынская дипломатия находилась в вечном страхе за свои границы. Поэтому она просила Францию о их гарантировании. Французское правительство соглашалось заключить с Румынией гарантийный договор, но в вопросе о Бессарабском протоколе Франция обещала лишь свою дипломатическую помощь, чтобы склонить Японию к его скорейшей ратификации.

Почти два месяца тянулись бесплодные дипломатические переговоры. Потеряв надежду на Францию, румынский премьер Авереску выехал в Лондон для консультации с Чемберленом. Одновременно Румыния вступила в переговоры и с Италией. Муссолини обещал Румынии заём; однако взамен он потребовал уступки Плоештской нефтяной зоны итальянской фирме и предоставления Италии преимущественных прав на вывоз нефти из Румынии. Узнав о переговорах Румынии с Италией, французское правительство встрепенулось. В Париже решено было ускорить соглашение с румынским правительством. В конце концов 10 июня 1926 г. французский министр иностранных дел Бриан и румынский посланник в Париже Диаманди подписали франко-румынский договор. Румынская дипломатия поздравляла себя с успехом. Однако она отнюдь не считала, что теперь можно пренебречь соглашением с Италией. Переговоры с Муссолини продолжались. 16 сентября 1926 г. они завершились подписанием итало-румынского договора, официально признавшего Бессарабию за Румынией.

Французское правительство было обеспокоено двойной игрой своего румынского союзника. Вдобавок оно сознавало, что Советский Союз не может отнестись безразлично к новому франко-румынскому договору. Французская пресса спешила заверить, что новый договор не должен нанести ущерб франко-советским отношениям. «Этот договор не должен вызывать никаких опасений даже в Москве, — заявила газета «Temps», — где всегда склонны подозрительно относиться к Румынии из-за Бессарабии, которую советское правительство не желает закреплять за Румынией».

Французский посол в Москве Эрбетт и сам Бриан в беседах и интервью по поводу Румынии старались успокоить

общественное мнение Франции и заверить СССР в полной лойяльности французского правительства. Бриан заявил, что он лишь выполнял обязательства, давно принятые Пуанкаре в отношении Румынии. При этом он будто бы значительно ограничил их объём. Узнав, что Румыния готова подписать договор с Италией, французское правительство не могло не поспешить с таким же соглашением. Бриан, не стесняясь, сетовал на «бестактность Авереску»: ведя переговоры с Францией, он одновременно готовил соглашение и с Муссолини.

Однако никакие старания французской дипломатии не могли замаскировать антисоветский смысл франко-румынского договора, особенно в части, касающейся Бессарабии. Вот почему 2 октября 1926 г. советское правительство обратилось к французскому правительству с нотой протеста. Оно заявило, что рассматривает франко-румынский договор, санкционирующий незаконный и насильственный захват Бессарабии Румынией, как недружелюбный акт французского правительства по отношению к СССР. «Этим договором Франция становится на сторону правительства Румынии, — гласила советская нота, — которое, вопреки самым элементарным принципам международного права и своим же формальным декларациям, а равно и декларациям союзных дипломатических представителей, включая представителя Франции, в Яссах в 1917 г., вопреки повторным декларациям в формальном договоре между генералом Авереску и советским правительством в 1918 г. и, наконец, вопреки желанию, много раз выраженному бессарабским народом, отказывается выполнить свои обязательства и эвакуировать территорию Союза ССР».

Советское правительство предупреждало в своей ноте, что франко-румынский договор от 10 июня 1926 г. «уменьшает шансы мирного решения бессарабского вопроса на базе права народов на самоопределение и усиливает угрозы, направленные против мира в Восточной Европе» [1].

Такой же протест советское правительство представило в ноте 6 октября 1926 г. на имя итальянского премьер-министра Муссолини в связи с подписанием итало-румынского договора от 16 сентября 1926 г.

Итальянское правительство долго не отвечало. Наконец, в ноте от 7 марта 1927 г. оно заявило, что до сих пор откладывало ратификацию Парижского протокола в надежде, что непосредственные переговоры между Россией и Румынией приведут обе стороны к соглашению. Но так как больше нельзя рассчитывать на скорую возможность дружественного урегулирования вопроса о Бессарабии, то и «королевское правительство

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 354.

решило не откладывать дольше ратификации упомянутого договора»[1].

Подтверждая свой протест, правительство СССР в ноте от 17 марта указало, что оно «попрежнему и неизменно считает аннексию Бессарабии Румынией фактом голого насилия». Протокол от 28 октября 1920 г., ныне ратифицированный Италией и заключённый без участия Союза ССР и без опроса населения Бессарабии, не только лишён правового значения, но в корне противоречит принципам мирной политики.

Итак, политика Локарно терпела неудачу. Попытки «замирения» Европы оказывались бессильными. Их крушению содействовало в значительной мере стремление дипломатии крупнейших держав изолировать Советский Союз и решать без его участия важнейшие вопросы международных отношений Европы.

Между тем путь сближения с СССР был единственным выходом для всех стран, действительно заинтересованных в сохранении мира в Европе. Только такой путь мог вывести народы и государства из путаницы послелокарнских противоречий, двусмысленных политических комбинаций и лжепацифистских блоков на широкую дорогу мирного сотрудничества.

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 370.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

ПРОВАЛ ПОПЫТОК ОБРАЗОВАНИЯ ЕДИНОГО ФРОНТА ПРОТИВ СССР (1925—1927 гг.)

Рост международного авторитета СССР

В своих отношениях с другими странами Советский Союз неуклонно проводил твёрдую и последовательную политику мира. Окружённый капиталистическими государствами, Советский Союз был жизненно заинтересован в поддержании и укреплении мира и добрососедских отношений со всеми странами. Перед советским народом и его правительством стояла задача полной экономической, технической и культурной перестройки своей страны.

Однако во многих странах имелись реакционно-империалистические круги, которые стремились не допустить превращения старой, отсталой России в передовую, мощную и независимую социалистическую державу. Зная это, советское правительство усиленно укрепляло обороноспособность СССР и бдительно охраняло его безопасность.

Задачу укрепления мира, безопасности и дружественных, деловых связей СССР со всеми государствами выполняла советская дипломатия.

В результате её усилий в течение 1925—1927 гг. советским правительством были заключены с рядом государств дружественные договоры. С Турцией (17 декабря 1925 г.), Германией (24 апреля 1926 г.) и Литвой (28 сентября 1926 г.) были подписаны договоры о дружбе и нейтралитете, с Афганистаном (31 августа 1926 г.) — о нейтралитете и взаимном ненападении, с Персией (1 октября 1927 г.) — о гарантии и нейтралитете.

Особенно успешной была деятельность советской дипломатии в отношении восточных государств. Советская страна и её правительство пользовались у народов Востока исключительным авторитетом. Договоры, заключённые СССР с этими государствами, являлись примером уважения к независимости и суверенности народов, ещё недавно считавшихся неполноправными.

Договор между СССР и Турцией был подписан в тот момент, когда изолированная Турция вынуждена была признать навя-

занные ей Лигой наций границы с Ираком и пойти на невыгодное соглашение с Англией по мосульскому вопросу. В то же время Турции угрожала Италия. Бросая взгляды на Восток, она мечтала силой оружия завладеть богатыми областями Анатолии, когда-то обещанными ей дипломатами Антанты. Против Турции вели борьбу курдские племена; их восстание в 1924—1925 гг. было организовано иностранными агентами. В такой обстановке для Турции особенно важно было заявление правительства СССР, что оно обязуется воздерживаться от участия в каком бы то ни было союзе или соглашении с третьими державами, направленном против Турции. Аналогичное заявление внесено было в договор и турецкой стороной.

Столь же дружественную политику проводило советское правительство и в отношении Персии (Ирана). Советско-персидский договор 1921 г., создавший прочную основу для развития дружественных отношений между обеими странами, положил начало оживлённому торговому обмену СССР с Персией. В период борьбы Реза-хана с феодальными мятежниками на юге государства советское правительство сохраняло лойяльную позицию по отношению к законному правительству страны. Договор от 1 октября 1927 г. укреплял эти дружественные отношения.

Ту же позицию занимало советское правительство и по отношению к правительству Амануллы-хана. В борьбе за государственную независимость Афганистана и за культурные реформы в этой стране СССР неизменно оказывал ему бескорыстную поддержку. Советско-афганский договор, подписанный 28 февраля 1921 г. и положивший начало дружественным взаимоотношениям СССР с Афганистаном, был заменён новым, Пагманским пактом от 31 августа 1926 г. о нейтралитете и взаимном ненападении.

Популярность СССР в Китае

Росла и крепла также дружба СССР с Китаем. Её плодом был китайско-советский договор, подписанный 31 мая 1924 г. Этот договор явился важным этапом в борьбе Китая за независимость. Впервые на протяжении своей новой истории Китай был признан равноправным и независимым государством. Такое признание со стороны великого соседа национальный Китай принял с глубокой благодарностью. Глава революционно-национального правительства в Кантоне Сун Ят-сен заявлял в одном из писем советскому послу в Китае:

«Истинные интересы наших стран требуют проведения общей политики, которая даст нам возможность жить на условиях равенства с другими державами и освободит нас от политического и экономического рабства, навязанного нам международной системой, опирающейся на силу и действующей методами экономического империализма» [1].

[1] «Международная жизнь», 1925, № 2.

В это время на севере Китая разрасталась борьба между милитаристами. Военщина в Китае являлась той силой, которую использовали в своих целях иностранные империалисты. В Китае создались две крупные военные группировки; за каждой из них стояла определённая иностранная держава. Чжилийская группировка во главе с У Пей-фу поддерживалась английским и американским капиталом; мукденская во главе с Чжан Цзо-лином имела за собой поддержку японского капитала.

Только одно государство неизменно сочувствовало Китаю в его борьбе с империализмом. Это был Советский Союз. В своём обращении «К населению Китая» 11 октября 1924 г. Сун Ят-сен писал: «Не забывайте, что там, в свободной России, раздался призыв: „Руки прочь от Китая". Быть может, европейские капиталисты иронически относятся к этому лозунгу, думая, что он ничего не сделает, ибо Советский Союз далеко от Китая. Но в том-то и дело, что для лозунгов, раздающихся из Москвы, расстояния не существует. Молниеносно они облетают всю землю и находят отклик в сердце каждого труженика. Мы знаем, какую роль играло сочувствие Советов в победе освобождённой Турции над её врагами. Это сочувствие надёжнее пушек... Мы знаем, что Советы никогда не становятся на сторону неправого дела. Если они за нас, значит истина за нас, а истина не может не победить, право не может не восторжествовать над насилием» [1].

Сун Ят-сен умер в ночь на 12 марта 1925 г., не дождавшись окончательной победы китайской революции. Перед смертью он завещал своей партии довести национально-освободительную борьбу за независимость Китая до конца, в тесном единении и дружбе с великим Советским Союзом. За несколько часов до смерти Сун Ят-сен послал свой прощальный привет и последние слова любви и благодарности высшему органу Советского государства — Центральному Исполнительному Комитету СССР.

«Дорогие товарищи! — писал Сун Ят-сен. — В то время как я здесь лежу в недуге, против которого бессильны люди, моя мысль обращена к вам и судьбам моей партии и моей страны. Вы возглавляете союз свободных республик, то наследие, которое оставил угнетённым народам бессмертный Ленин. С помощью этого наследия жертвы империализма неизбежно добьются освобождения от того международного строя, основы которого издревле коренятся в рабовладельчестве, войнах и несправедливости... Я завещал гоминдану продолжать дело национально-революционного движения с тем, чтобы Китай, низведённый империалистами на положение полуколониальной страны, мог стать свободным. С этой целью я поручил

---

[1] «Международная жизнь», 1925, № 2, стр. 114.

партии быть в постоянном контакте с вами. Я твёрдо верю в неизменность поддержки, которую вы до сих пор оказывали моей стране. Прощаясь с вами, дорогие товарищи, я хочу выразить надежду, что скоро настанет день, когда СССР будет приветствовать в могучем, свободном Китае друга и союзника, и в великой борьбе за освобождение угнетённых народов мира оба союзника пойдут к победе рука об руку».

В ответе Президиума ЦИК СССР выражалось глубокое сочувствие китайскому народу. «Преданный своему народу, живя его идеалами, — гласила телеграмма советского правительства, — Сун Ят-сен положил крепкий фундамент для дальнейшего развития начатого им дела, провозгласил принцип равенства китайского народа со всеми другими народами мира и утвердил как незыблемое начало внешней политики своей партии и государства сотрудничество с народами великого Советского Союза» [1].

Советское правительство выражало надежду, что эти принципы политики Сун Ят-сена в отношении СССР будут защищать и поддерживать его ученики и преемники.

Политика держав по отношению к Китаю

Развернувшееся в Китае широкое национально-освободительное движение приняло антиимпериалистический и в частности антибританский характер. Бойкот английских товаров, продолжавшийся 16 месяцев, нанёс чувствительный ущерб английской торговле в Китае.

В передовой статье от 11 июля 1925 г. английский официоз «Times» приписывал антибританское движение в Китае влиянию соперничающих с Англией держав. «Для нас ясно, — заявляла газета, — что наши соперники и наши враги стараются прямо или косвенно направить движение в русло антибританской агитации. Нации, которые в нормальное время дружественно к нам относятся, при наступлении кризиса переходят в антибританский лагерь для того, чтобы обеспечить своё преобладание в Китае».

Сетования «Times» не были лишены основания. Соперничавшие в Китае державы действительно стремились использовать неблагоприятную для Англии обстановку. Правда, японское Министерство иностранных дел официально сообщало, что Япония будет воздерживаться от вмешательства во внутренние дела Китая. На самом же деле японская дипломатия использовала все средства, чтобы вытеснить Англию со всех её экономических и политических позиций в Китае и усилить в нём влияние Японии.

В июле 1925 г. в Кантоне создалось новое национальное правительство. Оно возглавило движение против порядков, навязанных Китаю империалистами.

---

[1] «Известия» от 24 марта 1925 г.

Особенное недовольство вызывала существовавшая в Китае система иностранного контроля над китайскими таможенными доходами. Специальная Таможенная конференция, происходившая с октября 1925 г. по май 1926 г., ничего реального Китаю не принесла. Кантонское правительство стало явочным порядком вводить таможенные реформы.

Британская дипломатия была вынуждена пойти на уступки. 18 декабря 1926 г. британский поверенный в делах в Пекине О'Малли представил на рассмотрение дипломатического корпуса меморандум, в котором развивалась мысль о том, что устарела вся система отношений между Китаем и иностранными державами, установленная в период 1839—1860 гг. Ввиду этого британское правительство предлагало державам издать декларацию об их согласии приступить к пересмотру договоров, как только в Китае будет создано центральное авторитетное правительство. «Державам рекомендуется отказаться от мысли, — гласил английский меморандум, — будто экономическое и политическое развитие Китая возможно только под иностранной опекой. Они должны заявить, что не намерены навязывать Китаю свой контроль» [1].

Бóльшая часть держав отнеслась к английскому меморандуму отрицательно. Японский министр иностранных дел заявил, что Япония отказывается от совместного выступления. Она предпочитает обеспечить свои интересы в Китае путём сепаратных переговоров.

Неодобрительно встретила меморандум Чемберлена и американская дипломатия. США отстаивали лозунг «открытых дверей». Они заявляли, что Америка не имеет концессий в Китае. Выступая перед представителями печати 26 апреля 1927 г., государственный секретарь по иностранным делам Келлог следующим образом изложил позицию США по отношению к Китаю: «США всегда желали, чтобы скорейшим образом были отменены иностранный таможенный контроль и права экстерриториальности иностранцев в Китае. Соединённые штаты Америки готовы разговаривать со всяким китайским правительством или любым его представителем, уполномоченным от имени Китая, о предоставлении Китаю полной таможенной автономии...»

Демонстративно отрицательно отнеслась к английскому выступлению и Франция. Французская пресса указывала, что английская инициатива проявлена чересчур поздно. Несколько лет назад ещё можно было бы, вероятно, предотвратить такой примирительной политикой китайскую революцию. Сейчас в Китае будут рассматривать этот меморандум как признак слабости Англии.

---

[1] «Survey of International Affairs», 1926.

Всё же английский декабрьский меморандум имел немаловажное принципиальное значение.

Британское правительство вынуждено было признать, что договоры держав с Китаем устарели; оно соглашалось на их пересмотр. В дополнение к своему меморандуму Чемберлен в конце января 1927 г. обратился к ханькоускому и пекинскому правительствам с новой декларацией, в которой выражал готовность Англии пойти на дальнейшие уступки китайским национальным требованиям.

Одновременно была опубликована Келлогом и американская декларация. Правительство Соединённых штатов выражало желание вступить в переговоры с Китаем об установлении для него полной тарифной автономии, с условием предоставления США права наибольшего благоприятствования.

Примирительные декларации держав сопровождались, однако, дальнейшей концентрацией иностранных войск в Китае. Давая объяснения по этому поводу, лорд Бальфур заявил, что правительство Великобритании не преследует агрессивных целей в Китае. Но при отсутствии центрального авторитетного китайского правительства и при наличии шести независимых генералов очень трудно установить с Китаем нормальные отношения. «Сложность положения заключается в том, — объяснял Бальфур, — что требуется целая серия дипломатических акций, чтобы внести порядок в создавшийся в Китае хаос. Мы проникнуты желанием договориться с Китаем по вопросу о пересмотре договоров. Однако пока Китай не будет представлять собой единого государственного организма, пока нынешний хаос там не исчезнет, — не будет и возможности осуществить в Китае какие бы то ни было реформы в области внешней торговли и политики».

Напуганная революционным подъёмом масс и нажимом иностранных империалистов, крупная китайская буржуазия расколола единый национальный фронт. 12 апреля 1927 г. произошёл контрреволюционный переворот в Шанхае. Такой же переворот был произведён в Нанкине и Кантоне. К началу 1927 г. в Китае уже существовало три политических центра: революционный центр в Ухане, куда в январе 1927 г. перенесло столицу кантонское национальное правительство, нанкинский центр, руководимый капитулянтской буржуазией, и третий центр — в Пекине, ставший средоточием всех реакционных сил страны с Чжан Цзо-лином во главе.

Провокация военного конфликта Китая с СССР

Зимой 1926 г. Чжан Цзо-лин из всех генералов имел самую большую армию в 150 тысяч штыков.

Крайняя реакционность Чжан Цзо-лина особенно ярко сказывалась в его резко антисоветской политике. Мукденская клика, возглавляемая Чжан Цзолином, систематически нарушала советско-китайские договоры

и соглашения и всячески провоцировала конфликты с СССР, в особенности на Китайско-Восточной железной дороге. Вскоре после передачи этой дороги в совместное советско-китайское управление, в 1924 г., китайские власти стали захватывать отдельные участки дороги, арестовывать советских служащих и чинить всякие другие насилия.

В ноте от 22 января 1926 г. Наркоминдел потребовал прекращения нарушений советско-китайского соглашения о КВЖД. Мукденские круги сразу же ответили на советскую ноту согласием ликвидировать инцидент. 24 января 1926 г. был подписан соответствующий протокол между генеральным консулом СССР в Мукдене и начальником Центрального дипломатического управления Трёх восточных провинций (Манчжурии). Решено было также созвать специальную конференцию для полного разрешения всех возникших вопросов.

Но китайские власти в Манчжурии вновь стали на путь вероломства и антисоветских провокаций. Они захватили флотилию на реке Сунгари и имущество, принадлежавшее КВЖД. Наркоминдел в ноте от 7 сентября 1926 г. с негодованием констатировал «беспримерные действия местных китайских властей, не только грубо нарушающие договорные взаимоотношения Союза ССР и Китайской республики, но и безусловно недопустимые между государствами, находящимися в нормальных дипломатических отношениях».

Пользуясь обострением отношений между СССР и пекинским правительством, империалистическая пресса развернула антисоветскую кампанию, обвиняя СССР во всяческих интригах в Китае. Вся китайская национальная революция изображалась как результат «большевистской пропаганды». Вскоре эта клеветническая кампания дала свои плоды.

6 апреля 1927 г. в здание полпредства в Пекине ворвался отряд китайских солдат, полиции и сыщиков, арестовал сотрудников и подверг помещения полпредства обыску и разгрому. Дипломатический квартал в Пекине пользовался неприкосновенностью; тем не менее на его территории оказались вооружённые китайцы. Это могло произойти только с разрешения дипломатического корпуса. Между тем представителям советского полпредства даже не было дозволено присутствовать при обыске.

В ноте протеста от 9 апреля 1927 г. Наркоминдел заявил, что «подобные насильнические действия являются совершенно беспрецедентными между двумя странами, находящимися в официальных отношениях». Наркоминдел требовал немедленного удаления полиции с территории советского полпредства в Пекине, освобождения сотрудников, возвращения похищенных бумаг, вещей и денег. «Всякое правительство империалистов,—

заключала нота, — по отношению к представителям которого были бы допущены аналогичные насилия, ответило бы актами жесточайших репрессий. Советское правительство, обладающее достаточными техническими ресурсами, чтобы прибегнуть к репрессивным мерам воздействия, тем не менее заявляет, что оно решительно отказывается от таких мер. Советское правительство отдаёт себе ясный отчёт в том, что безответственные круги иностранных империалистов провоцируют Союз ССР на войну»[1].

Советская дипломатия правильно оценивала положение: провокации китайских милитаристов были действительно частью общего плана иностранных империалистов, перешедших в наступление против СССР. Вскоре после налёта пекинское правительство опубликовало сборник документов, якобы захваченных при обыске в советских учреждениях и доказывавших наличие коммунистической пропаганды в Китае. Эти фальшивые документы были немедленно использованы европейскими империалистическими кругами как разоблачение «интриг Москвы». В частности они явились дополнительным предлогом для разрыва дипломатических отношений Англии с Советским Союзом.

Разрыв англо-советских отношений

Революционные события в Китае в 1926—1927 гг., всеобщая забастовка в Англии и героическая борьба английских горняков в 1926 г. способствовали ухудшению англо-советских отношений. Английская реакционная печать без всяких к тому оснований усматривала в этих событиях «руку Москвы» и использовала их, чтобы поднять новую кампанию против СССР.

В связи с материальной помощью, которую советские профсоюзы оказали английским горнякам, британское правительство обратилось 12 июня 1926 г. в Наркоминдел с протестом. Оно заявляло, что «не может обойти молчанием акцию советских властей, заключавшуюся в специальном разрешении перевода в Великобританию фондов, предназначенных для поддержки всеобщей забастовки»[2].

15 июня 1926 г. Наркоминдел ответил, что советское правительство не может лишить граждан СССР права переводить за границу денежные суммы для оказания поддержки профессиональным союзам другой страны.

Тогда английское правительство известило всех коммерсантов, торгующих с Советской Россией, что не считает возможным брать на себя ответственность за их торговые операции с СССР и за кредиты, открываемые ими советским организациям.

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 375.

[2] Там же, стр. 345.

Подготовляя разрыв с СССР, консервативное правительство опубликовало 24 июня 1926 г. «Синюю книгу» — сборник документов, якобы захваченных при обыске помещения английской компартии в октябре 1925 г. В книге не оказалось ровно никаких фактических материалов, которые могли бы сколько-нибудь скомпрометировать деятельность советского правительства.

Тем не менее «Синяя книга» усердно рекламировалась как «вещественное доказательство» «преступной деятельности» советского правительства в отношении Англии.

Всё же правительство консерваторов не решалось ещё уступить давлению крайне реакционных групп в Англии. Было принято компромиссное решение: воздержаться как от разрыва, так и от заключения нового договора с СССР.

Тем временем враждебные СССР группы продолжали свою антисоветскую кампанию. Особенно усилилась она в ноябре 1926 г., когда стал вопрос о назначении в Англию нового советского представителя.

За спиной непримиримых консерваторов стояли настоящие организаторы антисоветской кампании — английские банкиры и крупные промышленники. Наиболее активную деятельность развернули бывшие владельцы национализированных предприятий в СССР, объединившиеся в Ассоциацию британских кредиторов России. В состав правления этой ассоциации входили также крупные нефтепромышленники, имевшие до войны промыслы на юге России. В непосредственной связи с Ассоциацией британских кредиторов находился один из мировых королей нефти, Генри Детердинг, директор-распорядитель общества «Ройяль Детч», бывший владелец крупных нефтепромыслов в Баку и Грозном. Детердинг требовал экономического бойкота СССР и разрыва с ним дипломатических отношений.

Для борьбы против сбыта советских нефтепродуктов на английском рынке объединились руководители группы «Ройяль Детч», Англо-Персидской компании и Англо-Американского общества.

В широко задуманную программу экономической и финансовой борьбы против СССР входил бойкот англо-советского торгового общества «Аркос» в Лондоне.

Почти в то же время выступил со своим меморандумом, обращённым к бывшим собственникам в России, небезызвестный Лесли Уркварт, который до национализации владел заводами и рудниками на Урале и в Сибири. Уркварт ратовал за немедленный и решительный разрыв с СССР.

23 февраля 1927 г. министр иностранных дел Великобритании Остин Чемберлен направил советскому правительству ноту, обвиняющую СССР в ведении «антибританской пропаганды». Нота предупреждала, что продолжение такой политики неиз-

бежно повлечёт «аннулирование торгового соглашения, условия которого так явно нарушались, и даже разрыв обычных дипломатических отношений».

Нота Чемберлена не приводила ни одного факта нарушения советским правительством принятых на себя обязательств. Она ссылалась лишь на речи, произнесённые отдельными политическими деятелями СССР, да на статьи в советских газетах, выражавшие сочувствие Китаю.

Советский ответ, вручённый британскому дипломатическому агенту в Москве 26 февраля 1927 г., был проникнут спокойствием, выдержкой и чувством достоинства. В нём указывалось, что «угрозы в отношении Союза ССР не могут запугать кого бы то ни было в Советском Союзе... Если нынешнее великобританское правительство полагает, что прекращение англо-советских торговых и всяких других отношений вызывается потребностями английского народа и послужит на пользу Британской империи и делу всеобщего мира, то оно, конечно, поступит соответственным образом, приняв на себя полную ответственность за вытекающие отсюда последствия».

Как и предвидело советское правительство, угрожающая нота оказалась только прелюдией.

12 мая 1927 г., по личному распоряжению министра внутренних дел, полиция ворвалась в помещение англо-советского акционерного общества «Аркос». Агенты полиции взломали сейфы и захватили дипломатическую почту торгпреда, неприкосновенность которой была обеспечена соглашением 1921 г. В тот же день поверенный в делах СССР в Лондоне обратился к Чемберлену с нотой протеста. Оставляя за собой право требовать удовлетворения за нанесённое оскорбление и причинённый Советскому Союзу материальный ущерб, советское правительство в новой ноте от 17 мая 1927 г. требовало прямого и твёрдого ответа, «желает ли британское правительство дальнейшего сохранения и развития англо-советских отношений, или оно намерено и впредь этому противодействовать».

24 мая 1927 г. вопрос об обыске в «Аркосе» обсуждался в Палате общин. Сообщение об этом событии сделал Болдуин. По его заявлению, советское правительство через «Аркос» и торгпредство якобы вело разведывательную работу и пропаганду в Великобритании. Выступивший затем Ллойд Джордж заявил, что он не усматривает в доводах правительства никаких доказательств обоснованности предъявленных им обвинений. «Кстати, — добавил язвительно Ллойд Джордж, — следует иметь в виду, что в арсенале дипломатических органов такие методы, как шпионаж, являются общепринятыми».

«Каково первое обвинение, выдвинутое премьер-министром на основании этого документа? — спрашивал Ллойд Джордж. —

Это шпионаж, имеющий целью получение информации о нашей армии и флоте. А сами мы этим не занимаемся? Если наше военное министерство, адмиралтейство, командование воздушными силами не получают всеми способами всевозможной информации о том, что делается в других странах, то они пренебрегают безопасностью своей страны. Что же касается употребления агентов для возбуждения волнений, то это не новый способ давления одного правительства на другое».

Тем не менее, как отметил Ллойд Джордж, нет никаких конкретных доказательств, которые подтверждали бы применение правительством СССР этих обычных в международной политике приёмов.

Против обвинения правительства СССР во враждебных Англии действиях выступили и другие члены Парламента. Однако в заключение дебатов Болдуин заявил, что британское правительство аннулирует торговое соглашение с СССР, требует отозвания торговой делегации и советской миссии из Лондона и отзывает британского посла из Москвы.

26 мая 1927 г. английское правительство выпустило «Белую книгу» из 17 документов, якобы подтверждавших козни СССР в отношении Великобритании. Подлинники собранных документов, однако, правительству СССР предъявлены не были. Обнаружилось только, что одна нота Наркоминдела, опубликованная в «Белой книге», была добыта после налёта на советское посольство в Пекине. Наркоминделу приписывались в качестве нот явные фальшивки. Некоторые документы являлись частными письмами никому не известных авторов к таким же неизвестным адресатам.

В этот день в Палате общин происходили решающие дебаты по русскому вопросу. Английский министр иностранных дел изображал СССР как нарушителя мира и требовал разрыва. Ллойд Джордж доказывал, что было бы неправильно порвать «дипломатические сношения с державой, занимающей огромную часть территории Европы и Азии». Разрыв сношений только усилил бы пропаганду и сократил бы английскую торговлю.

Всё же предложение Болдуина Палатой общин было принято. На другой день, 27 мая 1927 г., Чемберлен послал советскому поверенному в делах ноту с извещением об аннулировании торгового соглашения и о прекращении дипломатических сношений между СССР и Англией. Нота предлагала поверенному в делах, персоналу полпредства, а также торгпредству покинуть Англию в десятидневный срок.

Советское правительство в ноте от 28 мая 1927 г. выразило решительный протест против этого предложения. Оно констатировало, что британское правительство не имело никаких за-

конных оснований ни для нарушения торгового соглашения 1921 г., ни для его расторжения, притом без обусловленного предупреждения. «Для всего мира совершенно явно, — гласила советская нота, — что основной причиной разрыва являются поражение политики консервативного правительства в Китае и попытка прикрыть это поражение диверсией в сторону Советского Союза, а ближайшим поводом — желание британского правительства отвлечь общественное внимание от безуспешности бессмысленного полицейского налёта на „Аркос" и торговую делегацию». Советское правительство указывало на тяжёлые последствия, которые вызовет этот разрыв в Европе, и возлагало на его инициаторов всю ответственность.

Крах попыток создания антисоветского фронта

Разрыв дипломатических отношений Англии с Советским Союзом вызвал во всех странах двоякого рода отклики. С одной стороны, подняли голову все те реакционно-империалистические силы, которые давно лелеяли планы нового «крестового похода» против СССР. С другой стороны, встревоженные этой возможностью широкие массы трудящихся и передовые демократические круги резко осуждали разрыв.

В частности Ллойд Джордж заявил в одном из своих публичных выступлений в середине июня 1927 г.: «Двадцать три или двадцать четыре европейские нации, по примеру Англии, подписали договор с Россией, но ни одна из них не последовала за Англией, когда мы порвали с Москвой». Ллойд Джордж резко осуждал политику Чемберлена, который, даже без рассмотрения этого важнейшего вопроса в Кабинете министров, довёл дело до разрыва с СССР и нанёс этим серьёзный ущерб английской торговле.

Рост оппозиции как внутри Англии, так и в других странах заставил сторонников нового «крестового похода» одуматься и изменить тактику. В Женеве 15 июня 1927 г. состоялась секретная беседа по «русскому вопросу» между Чемберленом, Штреземаном, Брианом, Вандервельде и графом Исии (Япония). Чемберлен обрисовал положение, приведшее к разрыву отношений между Англией и Россией. «В Кабинете министров, — говорил Чемберлен, — в течение трёх месяцев шла острая борьба по вопросу о наших взаимоотношениях с Советской Россией. Я указывал, что наш разрыв с Россией осложнит положение других стран, которые находятся с ней в нормальных отношениях. Тогда один из моих коллег, министр внутренних дел, предложил начать с „Аркоса". Обыск показал, что это учреждение находится в тесной связи с торговой русской делегацией и занимается распространением русских теорий. Ввиду этого я более не возражал против

разрыва сношений между Англией и Россией; однако я не впутывал в это дело никакую другую страну»[1].

Чемберлен спешил заверить собравшихся, что он не намерен объявить «крестовый поход» против России. Он не думает также, чтобы попытки поднять волнение внутри России принесли пользу Европе. «По-моему, — заключил Чемберлен свою речь, — надо добиваться сближения русской экономики с капиталистической системой. Это заставит Россию стать на путь эволюции». Тут же Чемберлен обратился к Штреземану с предложением, чтобы он «использовал своё влияние на русское правительство». «Германия находится в дружественных отношениях с Россией, — говорил Чемберлен. — Пусть же Штреземан возьмёт на себя это коллективное поручение».

Очевидно, в Женеве происходили не только коллективные разговоры: судя по запискам Штреземана, ему приходилось на Женевской сессии вести секретные беседы с руководителями различных делегаций по вопросу о дальнейшей тактике в отношении СССР. Сведения о планах новой антисоветской коалиции проникли и в печать. Именно поэтому Штреземану пришлось заявить на заседании Рейхстага 23 июля, что Германия не намерена участвовать в общем походе. В действительности же в это время в гитлеровской печати развивалась яростная антисоветская пропаганда. С 1927 г. национал-социалисты, щедро субсидируемые Тиссеном, вновь принялись за разработку планов «крестового похода» против СССР. В своей книге «Будущий путь германской внешней политики» Розенберг, продолжая и развивая старый пангерманский план Гофмана, излагал программу завоевания «жизненного пространства» для будущей «великой Германии». Розенберг мечтал об англо-германо-итальянском блоке против Советской России и Франции. Если бы Германии был обеспечен тыл на западе и свободные руки на востоке, рассуждал он, Германия могла бы предложить Англии «защиту Индии на русской границе». Италии она могла бы предоставить компенсации на рынках будущего украинского «самостоятельного» государства. Другими словами, Розенберг предлагал договориться о расчленении Советского Союза.

Германские империалисты, в частности рейхсвер и гитлеровцы, надеялись использовать напряжённую атмосферу в Европе, сложившуюся в результате разрыва сношений между Англией и СССР, с целью ускорить осуществление своих замыслов. Наличие в других странах сторонников антисоветских планов подавало германским фашистам надежду получить со временем «международный мандат» на интервенцию в СССР.

---

[1] *Gustav Stresemann*, Vermächtnis, B. III, S. 150.

Попытки иностранных агентов втянуть СССР в войну

При помощи своих агентов воинствующие империалисты развернули усиленную деятельность с целью втянуть СССР в войну. Как гласило опубликованное летом 1927 г. официальное сообщение правительства СССР, на территории Советского Союза было раскрыто несколько подпольных организаций, которые готовили диверсионные и террористические акты и поставляли кадры убийц и шпионов, имевших целью всякими путями подготовить интервенцию и втянуть СССР в войну.

5 февраля 1926 г. белогвардейскими наймитами было совершено провокационное нападение на советских дипломатических курьеров в Латвии. Один из них, Нетте, был убит, другой, Махмасталь, тяжело ранен. Латвийское правительство принесло свои извинения и обещало принять решительные меры против русских белоэмигрантских организаций в Латвии, «злоупотребляющих правом убежища». Однако фактически эти меры не были приняты. Таково же было положение и в других прибалтийских республиках, а также в Польше. Результатом происходившей во всех странах враждебной кампании против СССР явилось провокационное нападение в Польше на советского посла П. Л. Войкова. Он был убит 7 июня 1927 г. русским белогвардейцем Ковердой.

В тот же день советское правительство выразило по поводу убийства своего посла в Варшаве «решительный, негодующий протест». «Союзное правительство, — гласила советская нота, — ставит это неслыханное злодеяние в связь с целой серией актов, направленных к разрушению дипломатического представительства СССР за границей и создающих прямую угрозу миру. Налёты на пекинское посольство СССР, осада консульства в Шанхае, полицейское нападение на торговую делегацию в Лондоне, провокационный разрыв дипломатических отношений со стороны Англии — весь этот ряд актов развязал деятельность террористических групп реакционеров, в своей бессильной и слепой ненависти к рабочему классу хватающихся за оружие политических убийств» [1].

В своём ответе на советскую ноту протеста польское правительство пыталось снять с себя ответственность и изобразить убийство Войкова как «индивидуальный акт безумца непольской национальности». В связи с этим Наркоминдел обратился к Польше с новой нотой от 11 июня 1927 г. В ней он ещё резче подчёркивал политическое значение убийства советского полпреда, рассматривая этот злодейский акт как «одно из проявлений систематической и планомерной борьбы против Советского Союза со стороны тёмных сил мировой реакции и противников мира».

---

[1] «Международная политика новейшего времени», ч. 3, вып. 1, стр. 385.

Всё же польское правительство не предприняло никаких мер к прекращению бандитской деятельности белогвардейских элементов в Польше. Через 11 месяцев после убийства Войкова белоэмигрант Войцеховский покушался на торгпреда СССР в Варшаве. Ещё до этого, 2 сентября 1927 г., виленский белогвардеец Трайкович проник в здание советского полпредства в Варшаве и пытался совершить покушение на поверенного в делах СССР. Террорист был застрелен на месте сотрудником полпредства.

Как выяснилось впоследствии, многие из совершённых в этот период актов террора, диверсий и вредительств были организованы белогвардейцами по заданию иностранных разведок и при содействии подпольных троцкистско-бухаринских организаций в СССР.

Осенью 1927 г. развернулась и во Франции активная кампания за разрыв отношений с СССР. Реакционная французская печать призывала последовать примеру Англии и порвать с Советским Союзом. В газете «Echo de Paris» печаталась анкета, проводимая среди виднейших политических и общественных деятелей Франции, с провокационным вопросом о желательности разрыва с СССР.

Антисоветскую кампанию во Франции направлял глава англо-голландского нефтяного треста «Ройяль Детч Шелл» Детердинг, прибывший в Париж.

После Локарно самостоятельность внешней политики Франции была значительно ограничена. Франция поддерживала видимость дружественных отношений со своей бывшей союзницей Англией, но в основных вопросах зачастую шла у англичан на поводу, тем более что они имели в своих руках прекрасно организованную банковскую сеть, которая могла легко влиять на курс французского франка. Французская политика и в русском вопросе подвергалась воздействию со стороны антисоветски настроенной дипломатии Чемберлена, стремившейся втянуть Францию в антисоветский блок.

Но интересы Франции и СССР нигде не сталкивались настолько остро, чтобы их нельзя было разрешить к обоюдному удовлетворению. Неурегулированными оставались только такие вопросы финансового и экономического характера, как довоенные долги царского правительства французским гражданам, военный долг царской России французскому казначейству и претензии бывших владельцев национализированных имуществ в СССР.

В феврале 1925 г. в Париже начались франко-советские переговоры по урегулированию этих вопросов. Но с самого начала французское правительство не проявило действительного намерения разрешить их по справедливости. Оно не вернуло СССР незаконно захваченных и интернированных в

Бизерте военных судов Черноморского флота; оно не возвратило и другого имущества, принадлежавшего Советскому государству. Начиная переговоры о долгах, правительство СССР соглашалось производить платежи по довоенным долгам в обмен на предоставление французами кредитов на соответствующие суммы. Но французская делегация на франко-советской конференции заняла непримиримую позицию. Она требовала максимальных ежегодных платежей для погашения довоенных долгов царского правительства, а также для удовлетворения бывших французских собственников национализированных имуществ. Острые разногласия по основным вопросам приводили к частым и продолжительным перерывам франко-советской конференции. Последняя её сессия началась 19 марта 1927 г. в напряжённой международной обстановке, созданной обострением англо-советских отношений. Французские финансовые круги явно спекулировали на англо-советском конфликте.

В результате франко-советские переговоры о частичном признании советским правительством довоенных долгов царской России потерпели неудачу. Тем не менее они сыграли известную положительную роль. Переговоры и торг вокруг суммы долгов и компенсаций оказывали сдерживающее влияние не только на мелкобуржуазные круги французских собственников, но и на французское правительство. В конце концов оно не рискнуло пойти на разрыв с СССР. Таким образом, все усилия чемберленовской дипломатии втянуть Францию в антисоветский «крестовый поход» оказались тщетными.

Миролюбивая политика СССР, его широкая популярность, бдительность советской дипломатии обрекли на провал эти планы. Всё меньше и меньше находилось правительств, которые решались, по примеру Чемберлена, проводить линию агрессивной антисоветской политики. Собственные экономические интересы толкали многие государства на путь укрепления связей с Советским Союзом.

К тому же во всех странах возрастала тревога перед лицом военной опасности. Народные массы боялись войны и стремились сохранить мир. СССР был опорой мира в Европе, и на него массы возлагали все свои надежды. Даже самые ярые поджигатели войны не могли не считаться с этим фактом.

Провал антисоветских провокаций объяснялся также и противоречивыми интересами различных буржуазных государств. По мере того как противоречия в лагере империалистических государств углублялись, всё определённее выяснялось размежевание последних на два лагеря: один из них был заинтересован в сохранении status quo и в поддержании мира в Европе; другой, наоборот, активно содействовал подготовке новой войны за передел мира.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

РОСТ ВОЕННОЙ ОПАСНОСТИ И ПРОБЛЕМА РАЗОРУЖЕНИЯ (1927—1929 гг.)

Обострение борьбы за рынки сбыта и источники сырья

К вооружённой борьбе за «сферы влияния», за новые внешние рынки, за источники сырья, за пути к ним напряжённо готовились прежде всего те государства, которые были недовольны версальским переделом мира, — Германия, Италия, Япония.

Проблема захвата новых рынков сбыта острее всего стояла перед Германией. План Дауэса и Локарнские соглашения позволили ей укрепить и перестроить свою экономику и не только достигнуть довоенного хозяйственного уровня, но и превысить его. Предоставление Германии крупного займа в размере около 800 миллионов долларов, приток иностранных и возвращение германских капиталов, стабилизация марки, заключение выгодных торговых договоров, техническая реорганизация и рационализация промышленности — всё это способствовало быстрому росту германского финансового капитала.

Уже в 1927 г. германский экспорт превысил довоенный уровень. Германский империализм стал открыто требовать колоний и новых рынков. Чувствуя под ногами окрепшую почву, германская дипломатия со всё возрастающей настойчивостью добивалась понижения ежегодных платежей по репарациям, установления твёрдой суммы всего репарационного долга, досрочной эвакуации Рейнской области.

1 января 1928 г., в речи на новогоднем приёме дипломатического корпуса, Гинденбург поднял вопрос об эвакуации Рейнской области союзными войсками. С тем же требованием выступил и Штреземан 30 января 1928 г. в своей речи в Рейхстаге. Он заявил, что укреплению нормальных отношений Германии с Францией и созданию действительных гарантий безопасности мешает оккупация германской территории.

Штреземан уверял, что Германия в принципе готова и дальше выполнять свои финансовые обязательства по плану Дауэса. Но он предупреждал, что делать это будет всё труднее; по его

словам, оккупация Рейнской области вызывает угрожающий рост недовольства в Германии.

2 февраля 1928 г. с ответным заявлением выступил во французском Сенате Бриан. Он напомнил, что оккупация Рейнской области была одним из мероприятий, гарантирующих выполнение Версальского договора. В частности оккупация имела целью обеспечить разоружение Германии и выплату ею репараций. Всем известно, что германское правительство не выполняет своих обязательств. Поэтому и Франция не может пойти на преждевременную эвакуацию Рейнской области, чтобы тем самым не ослабить гарантий своей безопасности.

Со своей стороны и английское правительство заявило в Палате общин 9 февраля 1928 г., что не может эвакуировать свои войска, пока в Рейнской области находятся войска других союзников. Тем не менее оно приветствовало бы достижение общего соглашения по этому вопросу.

Оба вопроса — об эвакуации Рейнской области и о репарациях — переданы были на обсуждение Лиги наций. Здесь было решено подвергнуть их изучению в смешанной комиссии экспертов.

30 октября 1928 г. германские послы в Лондоне, Вашингтоне, Париже, Риме, Брюсселе и Токио обратились к соответствующим правительствам с просьбой ускорить назначение комиссии экспертов для окончательного и полного урегулирования репарационного вопроса.

Германская дипломатия требовала назначения в комиссию «независимых экспертов» и обязательного участия в ней представителя США. Соединённые штаты не находились в числе претендентов на германские репарации. Однако они являлись главным кредитором Германии и разместили в ней значительные капиталы. Непосредственный интерес для США представляло своевременное получение процентов на вложенные в Германии средства. Поэтому германская дипломатия и возлагала некоторые надежды на вмешательство американцев.

США, заинтересованные в укреплении экономического положения своего должника — Германии, соглашались с пересмотром репарационной проблемы. Английское и французское правительства со своей стороны дали согласие на новое обсуждение этого вопроса. Они стремились помешать тем самым сближению Германии и США.

План Юнга (7 июня 1929 г.)

22 декабря 1928 г. правительства Англии, Бельгии, Италии, Франции и Японии опубликовали официальное сообщение об учреждении комитета экспертов по репарационному вопросу. Первое заседание комитета состоялось 11 февраля 1929 г. В состав его вошли 14 экспертов — по два от Франции, Великобри-

тании, Италии, Японии, Бельгии, США и Германии. Председателем комитета был избран американский эксперт Оуэн Юнг, один из авторов плана Дауэса.

12 февраля в комитете выступил представитель Германии Шахт. Он заявил, что Германия не в состоянии платить по 2,5 миллиарда марок ежегодно. Шахт настаивал на снижении размеров и изменении сроков репарационных платежей. Предложение Шахта встретило решительные возражения со стороны экспертов держав-кредиторов. Французский представитель требовал регулярного взноса такой доли германских репарационных платежей, которая дала бы возможность Франции производить уплату её долгов Англии и Америке. Английские эксперты также добивались получения в счёт репараций такой суммы, которая покрывала бы платежи Англии Соединённым штатам.

Эксперты стран Антанты называли цифру, значительно превышающую ту сумму, которая установлена была планом Дауэса. Напротив, германские эксперты настаивали на снижении размера германских платежей. Председатель комитета Юнг выступил в качестве арбитра. Он предложил проект, согласно которому ежегодные взносы Германии в течение первых 37 лет должны были постепенно возрастать, начиная от 1 700 миллионов и до 2 100 миллионов марок в год. В продолжение следующих 22 лет Германия должна была бы вносить суммы, равные годичным обязательствам союзных держав по их военному долгу США.

В общем по сравнению с планом Дауэса схема Юнга означала снижение общего размера репарационных обязательств Германии. Французские и бельгийские эксперты были этим недовольны. Поэтому Юнг предложил новое распределение германских платежей между державами-кредиторами, которое в известной мере компенсировало бы Францию, Бельгию и Италию за счёт Англии. Доля Англии сокращалась с 23 до 19% общей суммы репараций. При этом план Юнга не предоставлял Англии никакой доли германских платежей, не подлежащих отсрочке.

Предложение Юнга вызвало решительные возражения английских экспертов. Они категорически отказывались принять новый план распределения репарационных платежей.

Длительная борьба разгорелась и по вопросу о создании особого Банка международных расчётов. На создании этого банка настаивали США. Они стремились положить конец тому положению, при котором Англия и Франция, пользуясь отсутствием в плане Дауэса точно обусловленного порядка международных расчётов (перевода валюты), могли воздействовать на Германию путём давления или же обещанием тех или иных льгот. Банк международных расчётов должен был занять место репа-

рационной комиссии. На него возлагалось регулирование получения и распределения германских репарационных платежей и осуществление контроля над операциями по переводу иностранной валюты из Германии за границу.

В конце концов план Юнга был в принципе принят экспертами. Но германские представители выдвинули некоторые дополнительные условия: отмену специальных гарантий, установленных для германских платежей планом Дауэса; право Банка международных расчётов производить пересмотр германских ежегодных платежей, если этого потребует финансовое положение Германии; право на отсрочку валютных переводов за границу и т. п.

Окончательное соглашение между экспертами было достигнуто 7 июня 1929 г. Средний размер германских платежей в течение 37 лет устанавливался в сумме 1988 миллионов марок ежегодно. К этой сумме добавлялись ещё платежи по займу, заключённому Германией в 1924 г. в связи с принятием плана Дауэса. В течение следующих 22 лет Германия должна была вносить платежи, равные сумме ежегодных погашений державами-кредиторами их военных долгов. Репарационные платежи разбивались на две части: безусловную, не подлежащую отсрочке (в сумме 660 миллионов марок), и часть, которая могла быть отсрочена в случае экономических затруднений Германии, но не более чем на два года.

Гаагская конференция (6—31 августа 1929 г.)

План Юнга был подвергнут обсуждению на международной конференции, открывшейся в Гааге 6 августа 1929 г. На ней были представлены 12 государств: Франция, Англия, Германия, Бельгия, Италия, Япония, Чехословакия, Югославия, Польша, Румыния, Греция и Португалия.

С декларацией о задачах конференции выступил Бриан. С обычным пафосом он заявлял, что в успехе конференции заинтересованы не только участвующие в ней страны, но и всё человечество. «Повсюду уже убедились в том, — восклицал Бриан, — что война не принесла ничего хорошего даже победителям».

После Бриана лицемерно-пацифистскую декларацию огласил Штреземан. Он выразил надежду, что Гаагская конференция послужит задачам организации всеобщего мира и что «экономические результаты конференции должны повлечь за собой и политические последствия» [1].

Так лирически звучали речи дипломатов. Но вот заговорили «люди дела», и дипломатическая идиллия сменилась суровой прозой.

---

[1] «План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 гг.», стр. 13.

Английский делегат Сноуден резко заявил, что Англия не может нести новые жертвы. Пока репарации и долги получаются и уплачиваются, Англия требует своей доли.

Соглашаясь на пересмотр плана Дауэса, Англия надеялась положить конец уплате ей репараций товарами. От натуральных поставок страдала английская промышленность. Английский делегат министр финансов Сноуден на первом же заседании Гаагской конференции заявил, что Англия не может принять план Юнга в его первоначальной редакции и высказывается против намеченной им схемы германских поставок. Требуя их значительного сокращения, Сноуден настаивал на увеличении доли Англии по ежегодным платежам Германии с 409 миллионов золотых марок до 457 миллионов марок. Непримиримая позиция Сноудена превратила весь дальнейший ход конференции в торг между Англией и её четырьмя партнёрами — Францией, Италией, Бельгией и Японией. Германская делегация в течение этого торга занимала пассивно-выжидательную позицию; она рассчитывала при первой возможности использовать разногласия союзников в свою пользу.

Позицию Франции защищал французский министр финансов Шерон. Он запальчиво доказывал, что Франция понесла бо́льшие жертвы, чем Англия. Тем не менее французская делегация считает возможным поддержать план Юнга. Делегаты Италии и Бельгии присоединились к французам. Напротив, мелкие кредиторы Германии — Румыния, Греция, Югославия — поддержали Великобританию.

Были созданы две комиссии — финансовая и политическая. На заседании финансовой комиссии 8 августа Сноуден опять заявил, что Англия вступила в войну не ради материальных интересов, а «для поддержки договорных прав и защиты безопасности других держав». Сноуден предложил пересмотреть схему распределения платежей, намеченную планом Юнга. 9 августа 1924 г. с критикой предложения Сноудена перед представителями печати выступил Бриан. Он уже прямо обвинял английскую делегацию в срыве дела мира. «Если одна единственная держава, — восклицал Бриан, — расходится в мнениях с пятью другими, а эти пять отказываются пойти на какие-либо уступки, то на эту изолированную державу ложится вся ответственность за кризис».

«Если даже в данном случае действительно выступают пять против одного,— хладнокровно парировал Сноуден,— это вовсе не означает, что пять правы, а один неправ. Гораздо чаще получается так, что правда оказывается на стороне меньшинства...»

Когда Сноудену передали, что французские делегаты считают его упорство «блефом» и ожидают от него уступок, он ответил: «Если они лелеют иллюзии такого рода, то им придётся

подождать... Я лично готов уехать в любое время, если не будет больше смысла оставаться» [1].

Французская пресса обвиняла Сноудена в том, что он хочет «подвести мину под план Юнга». Англо-французский конфликт разгорался. Тогда американский банкир Ламонт (из группы Моргана) посетил британского премьер-министра Макдональда и попросил его рекомендовать Сноудену, чтобы он занял более умеренную позицию. Вместо этого британское правительство отправило Сноудену телеграмму, выражая ему благодарность за твёрдость его позиции. Пришлось волей-неволей отступать Франции. Результатом компромисса с Англией явился меморандум от 16 августа 1929 г. от имени четырёх держав — Франции, Бельгии, Италии и Японии. В нём подтверждались основы плана Юнга, но в то же время давалось обещание предоставить Великобритании некоторую часть репарационных сумм, назначение которых не было определено планом Юнга.

По вопросу о досрочной эвакуации Рейнской области Гаагская конференция легче достигла предварительного соглашения. Согласно Версальскому договору третью зону предстояло эвакуировать только в 1935 г. Но английская делегация — в пику французам — заявила, что намерена закончить эвакуацию Рейнской области к концу 1929 г. Бриан поставлен был этим заявлением в затруднительное положение. Ему пришлось пожертвовать оккупацией ради принятия плана Юнга. В результате торга срок эвакуации Рейнской третьей зоны был отнесён к середине 1930 г.

31 августа 1929 г. участники Гаагской конференции подписали протокол, принципиально одобривший план Юнга. Окончательное его принятие оформлено было на второй Гаагской конференции, 20 января 1930 г.

Больших принципиальных изменений в дело взимания репарационных платежей план Юнга не внёс. В отличие от плана Дауэса он установил общий размер репараций, подлежащих уплате Германией, в 113,9 миллиарда марок. Размер ежегодных платежей подвергся незначительному снижению: он был определён на ближайшие 37 лет в сумме 2 миллиардов марок ежегодно. По истечении этого срока размер платежей мог быть пересмотрен или сохранён в прежнем объёме. Таким образом, страны-победительницы стремились сохранить в своих руках рычаг давления на Германию и её внешнюю политику.

Серьёзным изменениям подвергся порядок взимания репараций. Система облигаций, установленная планом Дауэса, отменялась. Впредь репарации должны были выплачиваться

[1] «План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 гг.», стр. 16.

только за счёт прибылей железных дорог и государственного бюджета. Отчисления из прибылей промышленности отменялись. Отменялся также финансовый контроль и контроль за народным хозяйством Германии. Это было новым ударом по версальской системе. Германский империализм получал возможность тайным образом осуществлять свои военные приготовления.

Рост реваншизма в Германии

План Юнга вызвал тем не менее крайнее недовольство в Германии. Президент Гинденбург счёл необходимым выступить со специальным обращением к германскому народу; принятие плана Юнга он объяснял военной слабостью Германии и угрозой серьёзного экономического кризиса, перед которым якобы стояла страна. Всё же президент доказывал, что план Юнга является для Германии шагом вперёд, ибо открывает перед ней новые возможности борьбы.

«Во время борьбы за принятие или отклонение плана Юнга,— заявлял Гинденбург, — я получал сотни писем от разных общественных организаций, союзов и отдельных лиц, предлагавших отклонить этот план... Несмотря на тяжёлое бремя, которое он возлагает на плечи германского народа, всё же он является по сравнению с планом Дауэса шагом вперёд по пути экономического и политического восстановления Германии» [1].

Усилились в националистических кругах Германии и требования пересмотра послевоенного территориального status quo. Широкую популярность получил старый лозунг: «Что было немецким, то должно снова стать немецким». В первую очередь выдвигалось требование пересмотра восточных границ Германии. Это требование было открыто выдвинуто ещё на съезде германской «народной партии» в марте 1928 г. Заявление съезда, что Германия никогда не примирится с этими границами, вызвало бурное одобрение всей буржуазной немецкой печати. Поднялась кампания в пользу возвращения Германии утраченной части Верхней Силезии и ликвидации Данцигского коридора. Кстати в речи, произнесённой в сентябре 1928 г. в Верхней Силезии, Гинденбург напомнил, что 60% голосов во время плебисцита было подано в пользу Германии.

В январе 1929 г. в английской печати появился сенсационный документ — меморандум германского министра рейхсвера генерала Гренера о постройке немецкого «броненосца А». Гренер обосновывал, между прочим, своё требование тем, что мероприятия Польши в пограничной зоне имеют характер подготовки плацдарма для наступления против Германии. Взаимоотношения между Германией и Польшей становились

[1] *Wheeler-Bennet*, Documents of International Affairs, 1930, № 4.

всё более напряжёнными. В феврале того же года польские власти в Верхней Силезии арестовали по обвинению в государственной измене лидера немецкого меньшинства.

Вопрос о правах немецких меньшинств в Польше был перенесён сторонами в Лигу наций. Но договориться там немцам и полякам не удалось. Обсуждение вопроса в Лиге наций сопровождалось массовыми антипольскими демонстрациями в Германии.

В мае 1929 г. нацисты и члены «Стального шлема» разгромили польскую оперу в городе Оппельне и избили польских артистов и посетителей оперы. В то же время на германо-польской границе в Верхней Силезии участились пограничные инциденты; имели место даже убийства польских таможенных чиновников.

Положение стало особенно острым, когда была закончена эвакуация части Верхней Силезии, оккупированной союзными войсками. Этот момент был немедленно использован немцами для новой кампании за пересмотр польско-германских границ.

10 августа 1930 г. член правительства, ведавший делами «государственной помощи восточнопрусскому юнкерству» («Osthilfe»), Тревиранус произнёс в Берлине речь на тему о «незажившей ране Германии на Восточном фронте». «Польско-германские границы, — заявил он, — делают невозможным мир между Польшей и Германией; они не устоят против воли и прав германского народа». Эта речь встретила самый бурный отклик германской прессы: газеты прославляли откровенность и прямоту представителя правительства по вопросу, якобы «не терпящему отлагательства». Вновь поднялась волна антипольских выступлений в Германии; ответом на них явились антигерманские демонстрации в различных польских городах и энергичный протест министра иностранных дел Залесского.

Одновременно велась ожесточённая кампания за передачу Германии Данцига и Мемеля. Но в официальных сношениях с Польшей германская дипломатия, вынужденная считаться с мировым общественным мнением, старалась выдерживать более или менее умеренную позицию. Вот почему, несмотря на ожесточённое сопротивление юнкерства и нацистов, она довела до конца германо-польские переговоры о торговом договоре, который и был подписан в марте 1930 г.

Положение резко изменилось после победы нацистов на сентябрьских выборах в Рейхстаг в 1930 г. Торговый договор, прошедший два чтения в прежнем Рейхстаге и уже ратифицированный Польшей, не был допущен к третьему чтению в новом Рейхстаге. Частные польско-германские конвенции, срок которым истекал, не возобновлялись. В результате нового курса германской политики возникла настоящая таможенная война, которую германское правительство в интересах прусского юнкерства объявило Польше.

Вооружение Германии

Дело не ограничилось агрессивными выступлениями немецких националистов. Происходило усиленное вооружение Германии.

Несмотря на ограничения Версальского договора, ассигнования на военные цели из общего государственного бюджета страны возрастали из года в год. В 1925 г. расход Германии на армию и флот составлял 490,9 миллиона марок. К 1928—1929 гг. он почти удвоился, достигнув суммы 827 миллионов марок.

Особенно быстро росли расходы на техническое оснащение армии и на строительство новых военных судов. В 1924 г. на сооружение флота было затрачено 5,3 миллиона марок, в 1928 г. 58,9 миллиона, в 11 раз больше. Правда, германский «броненосец А» по водоизмещению не превышал установленных Версальским договором норм; однако по своей технической оснащённости он значительно превосходил броненосцы старого типа.

Для увеличения своих вооружений немцы прибегали ко всяческим обходным путям. Сверх разрешённого Германии стотысячного рейхсвера они успели создать миллионную нелегальную германскую армию, так называемый «чёрный рейхсвер».

По существу рейхсвер представлял собой армию командных кадров: никто не уходил из этой армии рядовым солдатом. Выходившие в резерв офицеры, унтер-офицеры, фельдфебели поступали в организацию «Стального шлема», который занимался их дальнейшим военным и политическим воспитанием. Влиятельным членом «Стального шлема» был Гугенберг, возглавлявший партию националистов, связанную с крайне правыми кругами аграриев и монархической реакции.

Для увеличения вооружённых сил Германии широчайшим образом использовались различные общества. Усиленно укрепляла свою военную организацию партия национал-социалистов. Во время съезда национал-социалистской партии в Нюрнберге 21 августа 1927 г. там демонстрировало около 20 тысяч вооружённых штурмовиков.

Гитлер ставил перед штурмовыми отрядами задачи открыто реваншистского характера. Вручая знамя штурмовикам Рейнской области, он заявил: «Вы сохраните это знамя до того дня, когда немецкий Рейн снова будет немецким». Венского знаменосца Гитлер напутствовал словами: «Вы будете держать это знамя как знак неразрывности нашего движения, пока не будут разорваны Версальский и Сен-Жерменский позорные договоры»[1].

Кроме штурмовых отрядов, руководимых ближайшим сторонником Гитлера капитаном Ремом, в 1925 г. в Германии была создана ещё одна военно-фашистская организация — так называемые охранные отряды (СС). В эту организацию могли вступать лишь отборные, особо проверенные национал-со-

---

[1] *К. Гейден*, История германского фашизма, стр. 197.

циалисты. Они давали присягу «кровавому флагу» — так называлось знамя, которое несли перед собой участники мюнхенского путча 8 ноября 1923 г. Специально подобранные по росту и другим физическим качествам, одетые в чёрную форму, с изображением черепа на головном уборе и на рукавах, эсэсовцы представляли нацистскую лейб-гвардию, являвшуюся послушным орудием в руках Гитлера.

Опираясь на свои штурмовые и охранные вооружённые отряды, гитлеровцы вели бешеную кампанию за отказ от Версальского договора и, в первую очередь, за ликвидацию военных разделов этого договора, требовавших разоружения Германии.

Борьба за пути из Европы в Азию

Опасность военных осложнений в Европе явно возрастала. Одновременно обострялась борьба империалистических интересов вокруг не разрешённых ещё проблем вне Центральной Европы.

На очереди стояли средиземноморская и тихоокеанская проблемы. Борьба за азиатские рынки и за ведущие к ним пути принимала всё более напряжённый характер. В связи с этим перед старыми колониальными державами, в первую очередь перед Великобританией, стала задача укрепления своих военных позиций на путях к важнейшим английским колониям и рынкам сбыта.

Наибольшего внимания английской дипломатии требовали вопросы, связанные с Индией и Египтом.

Торговля с Индией составляла более трети всей внутренней торговли Британской империи. Индия поставляла в Англию пшеницу, джут, чай, кофе, рис, табак, кожи и т. д. Англия сбывала в Индию машины и готовые продукты обрабатывающей промышленности. Ввоз английских товаров в Индию превышал вывоз из неё; обратное положение было в доминионах, где развивалась собственная промышленность.

После мировой войны 1914—1918 гг. процесс самостоятельного экономического развития Индии ускорился. Это создавало затруднения для английской торговли. К тому же усилилась конкуренция и со стороны Японии, которая забрасывала Индию дешёвыми товарами и через свою многообразную агентуру вела среди индусских националистов антибританскую агитацию.

Развернувшееся после войны индийское национально-освободительное движение, шедшее под лозунгом автономии Индии, представляло дополнительные трудности для укрепления английских позиций в Индии. Индийские националисты не были удовлетворены конституцией, утверждённой в 1919 г., ибо она не дала Индии прав доминиона. Они продолжали борьбу за полную автономию Индии.

Движение это всё разрасталось. Опасаясь взрыва, английское правительство сочло необходимым пойти на некоторые уступки индийским националистам. Одной из них явилось

освобождение из тюрьмы вождя национального движения в Индии Ганди.

Сложная внутренняя политика, которую Англии приходилось вести в Индии, отражалась и на состоянии внешней обороны этой колонии. Прежде всего она сказывалась на составе и организации вооружённых сил, охранявших Индию. Регулярная англо-индийская армия комплектовалась из английских и индийских строевых частей: на каждые три туземные части приходилась одна английская. Командный состав составляли только англичане. Туземные регулярные части комплектовались лишь из некоторых избранных племён и каст, получавших за это особые льготы. Эти части состояли из 3—4 племён или каст, нередко враждовавших друг с другом. Всё это ослабляло боеспособность англо-индийской армии.

Попытки «индианизации» регулярной армии, т. е. создания местных территориальных войск, предназначенных для охраны границ Индии, не меняли существенно положения. Проблема обороны Индии оставалась нерешённой. Ясно было, что эту оборону нужно было строить и за пределами Индии. Эта задача возлагалась на британскую дипломатию. Необходимо было распространять и укреплять английское влияние на те государства и земли, которые могли служить прикрытием индийских владений Великобритании.

Усилия британской дипломатии были устремлены на создание системы смежных с Индией буферных государств, которые могли бы служить её прикрытием. В этом направлении действовала английская дипломатия в Иране и в Афганистане.

Борьба за преобладание в Средиземном море

Стремясь сохранить преобладание английского флота в Средиземном море, английская дипломатия добивалась выгодного для Англии размежевания сфер влияния держав на путях в Азию и Африку.

Английская дипломатия продолжала поддерживать Италию против Франции, стремясь занять роль арбитра в отношениях между этими двумя соперниками. Благодаря поддержке Англии Италия смогла завершить переговоры с Абиссинией выгодным для неё соглашением.

2 августа 1928 г. был подписан итало-абиссинский договор о дружбе и торговле. Для Италии он нужен был как средство успокоить тревогу Абиссинии, а тем временем закрепить в ней свои экономические позиции и более планомерно подготовиться к её военному захвату.

Посредничество английской дипломатии потребовалось и при разрешении танжерского вопроса. Английский посол в Риме Грэхем предложил Муссолини привлечь Англию в качестве арбитра для урегулирования спорных вопросов между Францией и Италией и более точного разграничения сфер влия-

ния средиземноморских держав в Северной Африке. Конференция представителей Франции, Англии, Италии и Испании по танжерскому вопросу состоялась в Париже 25 июля 1928 г. Она изменила статут Танжера в пользу Италии, за которой было признано равноправие в деле управления Танжером.

Укрепление итальянских позиций в бассейне Средиземного моря и на Ближнем Востоке вызывало противодействие со стороны британской дипломатии. Особенно её тревожила позиция Италии в отношении стран арабского Востока. Учитывая особую важность арабских стран для стратегических позиций Великобритании, английская дипломатия весьма ревниво относилась ко всяким попыткам соглашений арабских государств с другими державами, в особенности с Италией. Со своей стороны Италия всеми средствами стремилась укрепить своё влияние в странах арабского Востока. С этой целью итальянское правительство заключило в сентябре 1926 г. договор о дружбе и торговле в Йеменом и признало «полную и абсолютную независимость Йемена и его владыки — имама Яхья» [1].

В мае 1927 г. на территорию Йемена прилетели итальянские самолёты. Как отмечала английская печать, этот визит «имел целью произвести впечатление на племена и продемонстрировать перед ними мощь Италии». В печати появились сообщения о наличии некоего секретного дополнения к итало-йеменскому договору 1926 г. Летом 1927 г. Италию посетила дипломатическая миссия Йемена, принятая со всяческими почестями итальянским королём и Муссолини.

Италия пыталась распространить своё экономическое и политическое влияние также в Сирии, Палестине, Ираке и Египте.

В Палестине и Сирии итальянцы действовали при посредстве религиозных орденов, насаждавших итальянскую культуру и благотворительные учреждения. В Палестине итальянская дипломатия устанавливала дружеские связи с сионизмом. Это вызывало серьёзное недовольство английской дипломатии, которая упорно боролась за Палестину, расположенную на её стратегических путях в Индию. Ещё более увеличивали тревогу английской дипломатии попытки Италии внедриться в Египет. Эта страна имела для Англии чрезвычайно важное экономическое и стратегическое значение.

В ответ на происки итальянской дипломатии в Ираке, Сирии, Палестине, Египте английское правительство подготовило и провело ряд покровительственных соглашений с этими странами.

---

[1] «Survey of International Affairs», 1928, p. 313.

Договор между Великобританией и Ираком, заключённый 14 декабря 1927 г., признавал Ирак независимым государством. Английское правительство обещало поддержать кандидатуру Ирака в члены Лиги наций. Со своей стороны король Ирака обязывался соблюдать конвенцию 1920 г. о границах Сирии, нефтяное соглашение, заключённое в Сан-Ремо, Лозаннский договор и другие международные обязательства, имевшие отношение к Ближнему Востоку. По вопросам внешней политики английское правительство брало на себя представительство интересов Ирака «всюду, где король Ирака непосредственно не представлен».

Значительно труднее было достигнуть такого же соглашения с Египтом. Весной 1927 г. один из членов египетского Парламента, Абдурахман-Ассам-бей, в меморандуме, адресованном парламентскому военному комитету, предлагал ввести улучшения в организацию египетской армии и отказаться от финансирования военных мероприятий Англии. Возник серьёзный англо-египетский конфликт; для его разрешения египетский король Фуад и премьер-министр Сарват-паша приглашены были в Лондон. В Лондоне Чемберлен предложил Сарват-паше подготовить проект англо-египетского договора, который ввёл бы в «нормальное русло» англо-египетские отношения. Но проект Сарват-паши не удовлетворил Чемберлена; он противопоставил ему свой собственный контрпроект.

Против английского проекта решительно выступила партия египетских националистов Вафд. Она заявила, что предложенный проект англо-египетского договора несовместим с независимостью и суверенными правами Египта.

Отказ партии Вафд подписать англо-египетский договор вызвал отставку Сарват-паши и образование вафдистского правительства Нахас-паши. Англо-египетский конфликт принял острую форму. Дело дошло до предъявления ультиматума Египту. Поводом к нему послужило обсуждение египетским Парламентом законопроекта о собраниях, который, по мнению английских властей, мог усилить беспорядки. Был дан приказ военным английским судам из Мальты направиться в Египет.

Под этой явной угрозой Парламент отложил рассмотрение законопроекта.

Несмотря на то, что вафдисты пошли на уступки, король Фуад по требованию англичан летом 1928 г. распустил Парламент. Новым премьером был назначен Мухамед-Махмуд-паша, который и подписал выгодное для англичан экономическое соглашение и новый политический договор. Но договор этот вызвал в стране такое недовольство, что специально созванный для его утверждения египетский Парламент не решился его ратифицировать.

Борьба за господство на Тихом океане

Наряду с борьбой за преобладание на средиземноморских путях обострилась и борьба за господство на Тихом океане. Его добивались Япония, США и Англия. Вашингтонская конференция 1921—1922 гг. укрепила дипломатические позиции США и изолировала Японию, добившись расторжения её союза с Великобританией. Договор девяти держав установил принцип «открытых дверей» в отношении Китая. Особым договором четырёх держав — Англии, США, Японии и Франции — гарантировалась неприкосновенность островных владений этих держав на Тихом океане. Все эти договоры и соглашения составляли основу вашингтонской системы, на которой наряду с версальской держался послевоенный status quo.

Но за 10 лет своего существования вашингтонская система расшатывалась столь же упорно, как и версальская. Подрывная работа в этом направлении велась главным образом Японией.

После захвата в 1914 г. тихоокеанских островов, принадлежавших Германии, Япония сильно расширила свои территориальные владения. Она значительно приблизилась к Юго-Восточной Азии, Новой Зеландии и Австралии, поставив этим под угрозу коммуникации Англии и США с их колониями и с Китаем. Но Япония была в этот период сильно ослаблена землетрясением 1923 г. и финансовым кризисом 1927 г. Она нуждалась в займах США и Англии и не решалась ещё вести против них открытую агрессивную политику. Она даже участвовала в морских конференциях в Женеве в 1927 г. и в Лондоне в 1930 г., имевших целью уточнить Вашингтонские соглашения по вопросу о морских вооружениях.

Однако японские империалистические круги не переставали готовить взрыв вашингтонской системы. Они разжигали борьбу китайских милитаристов и препятствовали объединению Китая. Во всём бассейне Тихого океана они насаждали прояпонскую агентуру и вели систематическую шпионскую и подрывную работу. Внутри Японии активизировалась деятельность различных реакционных организаций фашистского типа. В 1925 г. лидер японской военщины генерал Танака стал во главе партии крупного капитала, сейюкай, и оформил блок военщины с наиболее реакционной частью японской буржуазии. Через два года японская военная клика добилась отставки кабинета кэнсэйкай: у власти стал генерал Танака, провозгласивший «позитивный», т. е. открыто агрессивный, курс внешней политики Японии. Этот курс нашёл своё отражение в меморандуме, переданном бароном Танака японскому императору. Меморандум представлял собой тщательно разработанную программу агрессивной внешней политики японского империализма. В нём были сформулированы основные выводы Дальневосточной конференции,

созванной в июне и июле 1927 г. японскими властями с участием военных и гражданских чиновников, связанных с Манчжурией и Монголией.

Как Танака в своём меморандуме, так и множество японских писателей и журналистов систематически пропагандировали идею разрыва с вашингтонскими обязательствами для установления господства японской расы на всём азиатском континенте и на Тихом океане.

Эти притязания Японии на владычество в Тихом океане и во всей Азии не могли не вызывать беспокойства со стороны других претендентов на руководящую роль в тихоокеанском бассейне. Перед лицом японского соперника Соединённые штаты Америки были озабочены укреплением своих стратегических позиций на Тихом океане. Для Соединённых штатов особенное значение имели американские военно-морские базы, расположенные неподалёку от Японии, — Филиппинские острова и Гавайские (Сандвичевы) острова. Являясь источником снабжения пресной водой и углём тихоокеанского торгового и военного транспорта, Гавайи в стратегическом отношении стали как бы «Гибралтаром Тихого океана».

Однако американские военно-морские базы в силу своей отдалённости друг от друга не могли бы обеспечить успех наступательных операций американского флота. В силу этого Соединённые штаты были заинтересованы в том, чтобы в Восточной Азии существовало государство, способное противодействовать японской агрессии на Дальнем Востоке. Рассчитывая направлять политику Китая в соответствии со своими интересами, при помощи могущественного экономического воздействия, США отстаивали на Дальнем Востоке принцип «открытых дверей».

Что касается позиции Англии на Тихом океане, то она определялась всё возрастающим соперничеством Великобритании с другими империалистическими державами на Дальнем Востоке. После подписания Вашингтонского соглашения английское адмиралтейство стало укреплять военно-морскую базу в Сингапуре. Второй важной военно-морской базой, предназначавшейся для охраны северного побережья Австралии и Новой Зеландии, был порт Дарвин. Бывшая германская колония Архипелаг Бисмарка, отошедшая к Англии, также была превращена в военно-морскую базу. Бухта Бланш этого архипелага, по проекту англичан, должна была стать новой «Мальтой» в центре Тихого океана.

Гонка вооружений

Усиление военной опасности приводило во всех странах к гонке вооружений. Военные расходы отдельных государств по сравнению с их бюджетными ассигнованиями накануне первой мировой войны возросли не менее чем в два-три раза.

По данным Лиги наций, в 1928 г. численность войск после войны не только не уменьшилась, но значительно увеличилась.

В меморандуме советской делегации, представленном 30 ноября 1927 г. в Лигу наций, было отмечено, что страны-победительницы и нейтральные государства увеличили после первой мировой войны свои армии на 1180 тысяч человек.

В одном только 1929 г. Европа израсходовала на вооружение 524 миллиона фунтов стерлингов. Стоимость вооружений стран всего мира достигла в этом году 890 миллионов фунтов стерлингов.

Высокий уровень развития производительных сил современного капитализма сказывался и в военном деле. Подготовка новой войны вела к быстрому росту технической оснащённости империалистических армий. Моторизация, механизация и химизация военного дела после первой мировой войны достигли значительных успехов. Возрастали из года в год вложения в военную промышленность. Большинство внешних займов империалистических государств предназначалось для вооружения малых государств. В частности Франция предоставляла займы на вооружение армий Румынии, Польши, Югославии и Чехословакии.

Одним из мотивов увеличения вооружений Франции и её союзников было спешное перевооружение армии в Германии, не желавшей считаться с ограничениями Версальского договора.

Вопрос о разоружении в Лиге наций

Гонка вооружений во всём мире вызывала беспокойство самых широких масс. Стремясь усыпить эту тревогу, дипломатия империалистических стран старалась замаскировать военные мероприятия своих правительств при помощи широковещательных дискуссий о разоружении и демагогической пропаганды пацифизма.

Организующим центром империалистического пацифизма являлась Лига наций с её проповедью «мира», «запрещением» войны, требованием разоружения.

Ещё 6-я сессия Лиги наций 25 сентября 1925 г. вынесла резолюцию о подготовке конференции по сокращению и ограничению вооружений. В течение двух лет различные комиссии и подкомиссии Лиги наций обсуждали этот вопрос. К участию в подготовительной комиссии, а затем и на конференции по разоружению было решено пригласить и не членов Лиги — США и Советский Союз.

Первая сессия подготовительной комиссии открылась в мае 1926 г. Представитель Германии граф Бернсторф выступил с демагогической речью. Он заявил, что разоружение Германии по Версальскому договору рассматривалось как начало общего разоружения. «Принимая во внимание, — говорил Бернс-

торф, — что германский народ ныне полностью разоружён и что состояние его военных сил не гарантирует ему национальной безопасности, предусмотренной статьёй 8 устава Лиги наций, — ясно, что все остальные государства, подписавшие Версальский договор, должны приступить к разоружению». Если же общее разоружение неосуществимо, заключал Бернсторф, то равенство Германии с другими державами должно быть достигнуто на иной основе: она должна получить право вооружаться наравне со всеми.

Французский проект, представленный комиссии, содержал требование создания «в интересах мира» интернациональной армии. Французские правящие круги хотели, чтобы подобная армия могла быть использована против Германии и СССР. Английский проект содержал план сокращения авиации и подводного флота.

Развернувшаяся дискуссия между представителем Англии лордом Сесилем и делегатом Франции Полем Бонкуром коснулась вопросов разоружения и гарантий безопасности, а также так называемого «военного потенциала». Французский делегат требовал учёта не только вооружений, но и всех экономических ресурсов, которые могут быть использованы каждой страной во время войны. Лорд Сесиль возражал, настаивая лишь на ограничении вооружений, а не всех хозяйственных ресурсов страны. В результате дискуссии Поль Бонкур предложил передать все проекты в редакционную комиссию, с тем чтобы она нашла «такую формулу, с которой все могли бы согласиться».

Первые три сессии подготовительной комиссии положительных результатов не дали. Вопрос о конвенции по разоружению должен был разрешаться на 8-й сессии Лиги наций в сентябре 1927 г. За неделю до открытия сессии подал в отставку английский представитель в Лиге, известный сторонник разоружения — лорд Сесиль.

В письме к Болдуину лорд Сесиль мотивировал свою отставку тем, что инструкции, которые он получил, «трудно сочетаются с возможностью действительного успеха работы комиссии». «Мы будем иметь на берегах Женевского озера 9-ю, 10-ю, 12-ю сессии, — писал лорд Сесиль. — Будем совещаться в течение ряда лет, пока война, к несчастью, не прервёт этой работы», — заявлял он.

Проект Международной конвенции по разоружению был разработан подготовительной комиссией и обсуждался лишь в первом чтении. Он состоял из нескольких разделов со множеством статей, параграфов, пунктов и примечаний. Отдельные статьи его были представлены в двух и даже трёх вариантах. В проекте не было никаких конкретных цифр. Каждому государству предоставлялось право определить свой уровень воо-

ружений в зависимости от безопасности страны, от её международных обязательств и географического положения. Всё это давало возможность свести вопрос о разоружении к бесконечным спорам и фактическому саботажу разоружения.

Советская делегация в Женеве

В первых трёх сессиях подготовительной комиссии советская делегация участия не принимала. Заседания комиссии происходили в Швейцарии, с которой после убийства Воровского советское правительство прервало всякие отношения. Лишь после того как швейцарское правительство принесло свои извинения и выразило сожаление по поводу убийства Воровского, советская делегация 30 ноября 1927 г. прибыла в Женеву. На первом же заседании комиссии она огласила декларацию, в которой разоблачала полную бесплодность работы Лиги наций по разоружению. Декларация содержала предложение провести в жизнь программу полного разоружения путём немедленного заключения соответствующей конвенции. Советская делегация предлагала распустить весь личный состав сухопутных, морских и воздушных вооружённых сил, уничтожить боеприпасы и прочие средства вооружения, прекратить сборы для обучения военному делу, отменить законы об обязательной военной службе, закрыть военные заводы, прекратить отпуск средств на военные цели и т. п.

Советская делегация представила также меморандум, содержавший фактический материал по вопросу о размерах бедствий, причинённых войной 1914—1918 гг. и вновь угрожающих миру в связи с «грядущей войной, могущей в огромной мере превзойти по бедствиям, которые она причинит, всё виденное до сих пор многострадальным человечеством в его истории» [1].

Советский проект был передан на следующую сессию. «В порядке вежливости» выступил по поручению президиума французский делегат Поль Бонкур, который не без иронии выразил благодарность советской делегации за её «ценные предложения». «Советская делегация, — ораторствовал этот „якобинец", претендовавший на портретное сходство с Робеспьером, — своим появлением в Женеве даёт образец неоценимого сотрудничества, ибо в её лице мы имеем строгого судью, который не даст нам почить на лаврах». Но сессия не может согласиться с критикой советской делегации, которая ещё не разобралась во всей запутанности и сложности проблемы. Советский проект слишком прост: флот пустить ко дну, аэропланы взорвать, солдат распустить по домам... Лига наций отказывается от столь упрощённого подхода к вопросу.

Однако советское предложение вызвало горячее сочувствие широких масс во всех странах. На имя советской делегации

[1] «СССР в борьбе за разоружение», М. 1928, стр. 40.

поступали отовсюду телеграммы, письма и резолюции с приветствиями, поздравлениями и выражениями благодарности за правильно указанный путь борьбы против войны. Даже буржуазные пацифистские общества выносили резолюции с одобрением советской программы.

Работа 4-й сессии была быстро свёрнута. На сессии был образован комитет безопасности, которому поручалось заняться рассмотрением проблем безопасности и разоружения. Советская делегация ограничилась посылкой в комитет безопасности своего наблюдателя.

Подлинная позиция германской делегации по вопросу о разоружении прикрывалась достаточно грубой маскировкой. Немцы были заранее уверены, что предложение о всеобщем разоружении будет отклонено. Поэтому, используя пацифистские лозунги, они требовали радикальной постановки этого вопроса. Они рассчитывали, что затянувшееся обсуждение этой проблемы даст Германии основание настаивать на свободе действий в области вооружения.

Только советская делегация ставила вопрос о разоружении на принципиальную и практическую почву. Это вызывало крайнее раздражение среди империалистов, которые пытались длинными и бесплодными дискуссиями прикрыть подготовку войны.

На 5-й сессии подготовительной комиссии 15—24 марта 1928 г. представитель империалистических кругов Великобритании лорд Кашендэн в своей речи запальчиво спрашивал, какие «скрытые мотивы» могли внушить советскому правительству мысль выдвинуть — с такой «драматической внезапностью» — предложение всеобщего разоружения. Лорд Кашендэн не постеснялся квалифицировать советское предложение как демагогическую пропаганду. Кашендэн утверждал, что советский проект разоружения рассчитан на «человека улицы». Это дало повод представителю СССР заявить, что советская делегация действительно стремится сделать свои предложения ясными для широких масс. Неуклюжее выступление Кашендэна вызвало неудовольствие даже в части буржуазной печати, которая характеризовала его как «акт саморазоблачения».

Резко нападали на советский проект голландский и бельгийский делегаты. Они утверждали, что «имеется весьма серьёзная опасность внутренних беспорядков, мятежей, восстаний и революций», которые теперь подготовляются «систематически и научно». Поэтому предложение советской делегации о разоружении неприемлемо.

В результате дискуссии советский проект всеобщего разоружения был отклонён на том основании, что подготовительная комиссия уполномочена якобы обсуждать лишь вопрос о частичном и постепенном разоружении. Тогда советская деле-

гация предложила на том же заседании новый проект конвенции — о частичном сокращении вооружений. Этот проект был внесён в повестку дня 6-й сессии подготовительной комиссии. Но одновременно было поставлено второе чтение проекта, разработанного комиссией по разоружению в 1927 г.

Доказывая, что оба проекта посвящены одной и той же проблеме, руководители комиссии пытались совсем снять советский проект с обсуждения. Он был передан на согласование в комиссию и вернулся для обсуждения на сессии лишь спустя 18 месяцев.

Советская делегация была лишена в подготовительной комиссии самых необходимых условий, чтобы своим сотрудничеством помогать делу мира. «Требовалась особая выдержка и терпение советской делегации, а также сознание ею огромного значения, придаваемого её правительством делу разоружения, чтобы она не прекращала своего участия в комиссии под влиянием бестактностей и грубостей председателя комиссии» [1], — заявил в Женеве председатель советской делегации, подводя итоги участия советской делегации в подготовительной комиссии.

Отвергнув советские проекты и создав самую тягостную обстановку работы для делегации СССР, подготовительная комиссия достаточно ясно продемонстрировала своё нежелание содействовать хотя бы частичному разрешению проблемы разоружения.

Пакт Бриана — Келлога (27 августа 1928 г.)

Кульминационным достижением «пацифистской» дипломатии был так называемый пакт Бриана — Келлога об отказе от войны как орудия национальной политики.

Инициатива предложения этого нового пацифистского пакта принадлежала Бриану. 6 апреля 1927 г., в связи с десятой годовщиной вступления США в мировую войну, тысячи американских волонтёров, сражавшихся на Западном фронте, по приглашению французского правительства приехали в Париж. По этому поводу Бриан выступил с заявлением о дружественных чувствах Франции к Соединённым штатам и о готовности французского правительства подписать с США «любое взаимное обязательство, чтобы поставить, по американскому выражению, войну вне закона».

20 июня 1927 г. Бриан передал американскому послу в Париже официальную ноту с проектом франко-американского договора о «вечной дружбе». Заключением такого договора французское правительство рассчитывало обеспечить себе поддержку США для укрепления франка, урегулировать свои долговые обя-

[1] «Сборник документов по международной политике и международному праву», вып. 1, «Разоружение», стр. 87.

зательства перед Америкой и вообще упрочить военно-политическое положение Франции на случай осложнений в Европе. Со своей стороны американская дипломатия старалась использовать идею Бриана в интересах внутренней и внешней политики США. Что касается внешнеполитических мотивов, которые заставляли правительство Соединённых штатов поддержать французское предложение, то они были достаточно понятны. Возросшая после войны экономическая мощь Соединённых штатов внушала правительству заокеанской республики стремление приобрести руководящее влияние в мировой политике. Американцы не забыли, какое дипломатическое поражение они понесли после мировой войны, когда Англия и Франция сумели воспользоваться всеми плодами победы над Германией и превратить детище Вильсона — Лигу наций — в послушное орудие своего собственного господства. Руководитель государственного департамента США Келлог стремился создать Соединённым штатам Америки положение международного арбитра и противопоставить создаваемый им «инструмент мира» женевскому синедриону, где американским представителям приходилось оставаться в роли наблюдателей. В период выборов президента и членов Конгресса предполагаемый пакт изображался как плод мирной инициативы самого американского правительства. 28 декабря 1927 г. Келлог сообщил Бриану, что правительство Соединённых штатов с удовлетворением принимает французское предложение. Однако оно не считает возможным заключить договор о «вечном мире» с одной лишь Францией. Необходимо «достигнуть присоединения всех главных держав к пакту, посредством которого эти державы отказались бы от войны как орудия национальной политики».

Во Франции американский ответ вызвал большое разочарование. Многосторонний договор, предложенный Келлогом, грозил ослабить значение ранее заключённых французской дипломатией договоров и подорвать французскую систему союзов. Кроме того, он наносил урон и престижу Лиги наций, противопоставляя ей новое объединение европейских держав, подписавших пакт.

Последовавшая затем дипломатическая переписка между Францией и США отразила стремление французской дипломатии устранить нежелательные для Франции изменения в первоначальном проекте пакта. Келлогу предлагалось заключение такого договора между Францией и США, который воспрещал бы всякую *наступательную войну*. В дальнейшем к нему могли бы присоединиться и все остальные государства. Во французской ноте имелась характерная оговорка, что новый пакт не упраздняет заключённых ранее союзов и не аннулирует обязательств, содержавшихся в уставе Лиги наций, в Локарнских соглашениях и других международных актах.

Было очевидно, что французская дипломатия стремится оставить за Францией право применения вооружённой силы в целях своей внешней политики. Келлог ответил, что американское правительство стоит за безусловный отказ от войны как средства национальной политики. Потому оно и не может принять французское предложение.

13 апреля 1928 г. послы Соединённых штатов в Англии, Германии, Италии, Японии вручили правительствам этих стран ноты тождественного содержания с запросом по существу франко-американского спора. Ими были представлены также первоначальный проект Бриана, дипломатическая переписка государственного департамента с французским правительством и американский проект договора о запрещении войны.

Первой из запрошенных держав ответила Германия. В ноте от 27 апреля 1928 г. она, разумеется, поспешила высказаться в пользу американского проекта. Германская дипломатия следовала своей обычной тактике: демонстрировать абсолютное миролюбие Германии, усыплять международную бдительность и отвлекать внимание стран-победительниц от усиленного роста германских вооружений.

Британская дипломатия, обеспокоенная активностью США, решила укрепить англо-французские отношения. Нота Чемберлена от 19 мая 1928 г., указывая на «отсутствие существенных противоречий» между обоими проектами, солидаризировалась с французским проектом. Однако британское правительство сохраняло за собой право особого истолкования обязательств пакта в отношении таких стран, где у Великобритании имеются «особые интересы».

Таким образом, Америка оказалась перед объединённым фронтом англо-французской дипломатии. Во избежание провала своего предложения американское правительство решило пойти на уступки. Проект был изменён в соответствии с важнейшими требованиями Франции и Англии, сводившимися к тому, что разрешались войны в интересах обороны государств.

23 июня 1928 г. правительство США разослало текст договора об отказе от войны всем участникам Локарнских соглашений и британским доминионам. Вскоре он был принят всеми государствами, приглашёнными стать участниками пакта: Германией (12 июля), Францией (14 июля), Италией (15 июля), Польшей (17 июля), Бельгией (18 июля), Великобританией (18 июля), Японией (20 июля), Чехословакией (20 июля).

Церемония подписания пакта Келлога была проведена 27 августа 1928 г. в Париже с участием представителей Англии, Бельгии, Германии, Италии, Польши, Франции, Чехословакии и Японии. В первой статье пакта договаривающиеся стороны заявляли, что они «исключают обращение к войне для урегулирования международных споров и отказываются от

таковой в своих взаимных отношениях». Вторая статья гласила, что при урегулировании или разрешении всех могущих возникнуть между сторонами споров или конфликтов должны всегда применяться только мирные средства. Наконец, третья статья устанавливала, что пакт открыт для присоединения всех других государств: сообщения о таком присоединении будут приниматься правительством США [1].

26 сентября 1928 г. Лига наций приняла Генеральный акт по арбитражу для мирного урегулирования конфликтов. Этот договор предусматривал судебную и арбитражную процедуру рассмотрения и урегулирования конфликтов между участниками пакта Келлога.

Отношение СССР к пакту Келлога

5 августа 1928 г. состоялась беседа народного комиссара иностранных дел СССР с представителями печати о позиции советского правительства по отношению к пакту Келлога. В беседе было отмечено, что устранение СССР от переговоров о пакте вскрывает истинный смысл этого международного предприятия. «В намерения инициаторов этого пакта, — заявил народный комиссар, — очевидно, входило и входит стремление сделать из него орудие изоляции и борьбы против СССР. Переговоры по заключению так называемого пакта Келлога, очевидно, являются составной частью политики окружения СССР, стоящей в данный момент в центре международных отношений» [2].

Народный комиссар подчеркнул, что значение пакта обесценено оговорками, внесёнными Францией и Англией, а также тем обстоятельством, что он не подкреплён обязательствами разоружения. Анализ дипломатической деятельности держав, связанной с пактом, приводил Наркоминдел к заключению, что «остриё всей этой дипломатической акции руководящих западных держав направлено против Союза ССР».

Выступление советского правительства, разоблачающее истинные цели империалистических кругов США и Франции, вызвало широкий отклик в иностранной печати, в парламентах и общественных кругах. Правительства США, Англии и Франции вынуждены были заявить, что СССР будет также приглашён подписать пакт Келлога.

По получении такого приглашения Наркоминдел в ноте от 31 августа 1928 г. выразил сожаление, что «инициаторы Парижского пакта не сочли нужным привлечь советское правительство к участию в переговорах, предшествовавших этому пакту», что в пакте отсутствуют какие-либо обязательства в области разоружений, а равным образом, что подписать пакт

---

[1] «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными державами», вып. V, стр. 4—8.

[2] «Международная политика в 1928 г.», изд. НКИД, стр. 23—28.

не были приглашены такие державы, как Китай, Турция и Афганистан. Советская нота отмечала неопределённость и неясность формулировки «воспрещения войны», допускающей различное толкование. По мнению советского правительства, должны быть воспрещены всякие международные войны, в частности войны с целью подавления освободительных народных движений. Должны быть запрещены не только войны, но и такие действия, как интервенция, блокада, военная оккупация чужой территории, чужих портов и т. д., а также применение таких средств, как разрыв дипломатических отношений, поскольку всё это способствует созданию атмосферы, благоприятствующей возникновению войн.

Однако, невзирая на все недостатки пакта Келлога, советское правительство 6 сентября 1928 г. официально заявило о своём согласии подписать его. В ноте указывалось, что этот пакт «объективно налагает известные обязательства на державы перед общественным мнением и даёт советскому правительству новую возможность поставить перед всеми участниками пакта важнейший для дела мира вопрос — вопрос о разоружении, разрешение которого является единственной гарантией предотвращения войны».

Московский протокол (9 февраля 1929 г.)

Пакт Келлога мог вступить в силу лишь после ратификации его всеми без исключения государствами, подписавшими пакт в Париже. Желая ускорить введение пакта в действие, советское правительство решило обратиться к своим соседям, в первую очередь к Польше и к прибалтийским государствам, с предложением считать пакт Келлога обязательным и вступившим в силу даже в том случае, если другие государства его не ратифицируют или замедлят с такой ратификацией.

Нотой от 29 декабря 1928 г. советское правительство предложило Польше и Литве подписать протокол о досрочном введении в действие пакта Келлога.

Одновременно советское правительство предложило подписать этот протокол Латвии и Эстонии, как только они оформят своё присоединение к пакту Келлога. Наконец, с таким же предложением Наркоминдел обратился и к правительству Финляндии.

Но подписание протокола соседями СССР потребовало больших усилий советской дипломатии.

Литовский министр иностранных дел Вольдемарас явно задерживал ответ на предложение советского правительства. В ноте от 10 января 1929 г. он сообщил, что в принципе литовское правительство принимает советское предложение, но должно ещё обдумать и обсудить его. Польское правительство также не давало согласия на немедленное осуществление Парижского договора.

Отношение Латвии, Эстонии и Финляндии к советской мирной инициативе также не было благожелательным. Дипломатия этих государств не торопилась принимать советское предложение. Латвия сообщила о своей готовности присоединиться к протоколу, когда его подпишет Польша. Эстония давала туманные и противоречивые ответы. В то же время между Эстонией, Латвией и Польшей велись оживлённые переговоры о согласовании их позиций.

Финляндское правительство ответило, что оно ещё не оформило своего отношения к пакту Келлога. Только 22 марта 1929 г. финляндский сейм ратифицировал пакт. Однако и после этого правительство Финляндии отказалось присоединиться к Московскому протоколу.

Весной 1929 г. наметилось сближение между прибалтийскими лимитрофами, Финляндией и Швецией. В печати стала обсуждаться идея северобалтийского блока. Так, 20 июня 1929 г. в газете «Chicago Tribune» появилось интервью с так называемым «эстонским Вашингтоном» — юрким генералом Лайдонером, который доказывал необходимость «сближения народов Балтийского моря».

«Всем балтийским государствам важно, — заявил Лайдонер в другом интервью, помещённом в шведской газете «Дагенс Нюхетер» от 2 июня 1929 г., — чтобы Балтийское море оставалось свободным. Это жизненное условие для Эстонии, Латвии, Финляндии и Польши, а также для Швеции и Дании. Здесь у нас у всех одинаковые политические интересы, которые требуют сотрудничества с великими державами, имеющими такие же интересы и пути».

Созданию северобалтийского блока в 1929 г. мешали, однако, те же внутренние противоречия между балтийскими государствами, которые привели к неудаче «прибалтийского Локарно» в 1925—1926 гг.

Организации этого блока не сочувствовала и такая северная держава, как Норвегия, ни экономически, ни политически в нём не заинтересованная. Со времени заключения в 1921 г. торгового договора с Советской Россией Норвегия вела лойяльную политику в отношении СССР и не имела желания включаться в политическую комбинацию, использовать которую стремились авантюристические реакционные элементы прибалтийских стран и их покровители в странах Европы.

Учитывая, что антисоветские интриги и провокации зависят во многом от неурегулированности взаимоотношений СССР и Румынии, захватившей Бессарабию, советская дипломатия предложила и румынскому правительству подписать протокол о досрочном введении в действие пакта Келлога. Несмотря на противодействие враждебных СССР сил, румынское правительство сочло необходимым принять советское предложение.

Советская политика мира и дружественного сотрудничества со всеми странами, независимо от их политического строя, при одном лишь условии взаимности, давала свои плоды. 9 февраля 1929 г. в Москве был подписан протокол о немедленном введении в действие Парижского договора об отказе от войны в качестве орудия национальной политики. Московский протокол подписали СССР, Эстония, Латвия, Польша, Румыния. 1 апреля 1929 г. к нему присоединилась Турция и 5 апреля — Литва.

К этому времени уже 44 государства примкнули к пакту Келлога. 24 июля 1929 г. он вошёл в силу.

Провал антисоветских провокаций и происков поджигателей войны.

Перед лицом назревавшей опасности военных столкновений советское правительство зорко следило за тем, чтобы не дать поджигателям войны возможности втянуть в неё и СССР. Советская дипломатия неуклонно вела борьбу за мир и за деловое сотрудничество со всеми капиталистическими странами. Однако на самые миролюбивые советские предложения капиталистический мир отвечал увеличением своих вооружений, обвинениями Советского Союза в «красном империализме», изображением Красной Армии как главного препятствия к миру.

Французская газета «Temps» 13 января 1926 г. прямо заявляла: «Неизвестно, в какой мере Советский Союз присоединится к решениям о сокращении вооружений. Ведь всякому здравомыслящему человеку ясно, что большая опасность заключалась бы в ослаблении средств обороны Европы, в то время как революционная Россия оставалась бы вооружённой до зубов».

Все советские предложения и проекты, направленные против опасности войны и в пользу мира, брались под подозрение или отклонялись именно потому, что исходили от СССР.

Это подтверждал между прочим и профессор Лондонского университета Тойнби в своём международном обзоре за 1929 г.

Отзываясь весьма положительно о советском проекте разоружения, предложенном в апреле 1929 г., Тойнби вынужден был признать, что он не был принят только потому, что исходил от СССР. Отмечая, что «в русском проекте много конструктивного и ценного», что он выдвинул правильный и полезный «принцип коллективной безопасности и коллективной ответственности», Тойнби заключал: «Может быть, русский проект вызвал бы к себе больше внимания со стороны подготовительной комиссии, если бы он исходил из другого источника» [1].

Советской дипломатии приходилось преодолевать в своей работе трудности, каких не испытывала никакая другая дипломатия.

---

[1] «Survey of International Affairs», 1929, Royal Institute of International Affairs, Oxford, p. 26.

За радикальное изменение такого положения СССР на международной арене советская дипломатия упорно боролась из года в год. В 1929 г. мирная политика СССР успешно завершилась урегулированием взаимоотношений с Англией и ликвидацией конфликта с Китаем.

В Англии снова пришло к власти лейбористское правительство, завоевавшее голоса избирателей в значительной мере своим лозунгом восстановления с СССР нормальных дипломатических отношений. Правда, правительство Макдональда попыталось было, как и в 1924 г., затянуть это дело, пока не будут урегулированы все спорные вопросы между СССР и Англией. Но твёрдая позиция СССР и давление масс заставили Макдональда пойти на подписание протокола от 3 октября 1929 г. о немедленном возобновлении дипломатических отношений в полном объёме, включая и обмен послами.

Конфликт с Китаем был вызван новой антисоветской провокацией, организованной контрреволюционными элементами Китая по прямому заданию империалистических государств. 27 мая 1929 г. китайские милитаристы разгромили советское консульство в Харбине. Такие же погромы, сопровождавшиеся арестами советских сотрудников, последовали в других городах. 10 июля 1929 г. китайские войска попытались захватить КВЖД.

Оставаясь верным своей мирной политике, советское правительство не раз выражало готовность вступить в переговоры с китайским правительством по всем спорным вопросам и урегулировать положение КВЖД. Попытки эти оказались безуспешными. 16 августа 1929 г. произошёл разрыв дипломатических отношений СССР с Китаем. Только в ноябре 1929 г., когда Красная Армия разгромила части китайских милитаристов и русских белогвардейцев в районе Далайнор и Хайлар (Манчжурия), китайское правительство пошло на переговоры с СССР. Закончились они подписанием в городе Никольск-Уссурийске предварительного протокола о ликвидации советско-китайского конфликта. 22 декабря 1929 г. был подписан так называемый Хабаровский протокол о восстановлении прежнего положения на КВЖД.

Прерванные во время конфликта советско-китайские дипломатические отношения были восстановлены 22 декабря 1932 г. Так неуклонно твёрдая и последовательная мирная политика СССР приводила к крушению планов поджигателей войны.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И КРУШЕНИЕ ПЛАНОВ ЭКОНОМИЧЕСКОГО ОЗДОРОВЛЕНИЯ ЕВРОПЫ (1929—1931 гг.)

Обострение противоречий в условиях мирового экономического кризиса

В конце 1929 г. в странах капитализма разразился небывалый по силе экономический кризис. Он продолжался до 1932 г.—дольше, чем все предшествовавшие кризисы.

Кризис перепроизводства промышленных товаров переплёлся с кризисом аграрным. Сопровождался он и финансовым кризисом. Вывоз капитала почти прекратился. Многие сотни и тысячи капиталистических предприятий, концернов и банков прекратили платежи по обязательствам и объявили своё банкротство.

Мировой экономический кризис содействовал росту безработицы и резкому понижению жизненного уровня трудящихся во всех странах. Общее число безработных достигло 30 миллионов человек.

Кризис затронул сначала Польшу, Румынию и Балканы, затем Соединённые штаты, наконец, Японию и Китай. С 1930 г. он обрушился на государства Западной Европы. Всего сильнее поразил кризис главную страну капиталистического мира — Соединённые штаты Америки.

В мае 1930 г. в Вашингтоне состоялась конференция крупнейших банкиров 48 стран, на которой обсуждались меры преодоления кризиса. Общее чувство растерянности, охватившее руководящие круги мировой буржуазии, ярко выразил директор Английского банка Андерсон. «Мы безмерно богаты в отношении нашего материального состояния, — заявил он, — но мы все страдаем. Страдаем мы не потому, что нам нехватает пищи или одежды, не потому, что товары дороги, но потому, что склады наши забиты дешёвыми товарами, которых никто не покупает, наши гавани заполнены кораблями, которых никто не фрахтует, а рабочие наши везде и всюду ходят в поисках работы. Что-то выпало из механизма нашей цивилизованной жизни» [1].

[1] «New York Times», 10. V. 1930.

Развитие кризиса вызвало обострение борьбы за рынки, за сферы влияния, за экспорт капитала, за передел колоний. Обострились противоречия между империалистическими государствами, между странами-победительницами и странами побеждёнными, между империалистическими странами, их колониями и зависимыми странами, наконец, между рабочими и капиталистами, крестьянами и помещиками.

В условиях мирового экономического кризиса международные отношения приобрели напряжённый характер. Версальско-вашингтонская система расползалась по швам. Германия, Австрия, Венгрия, Болгария открыто уклонялись от выполнения репарационных обязательств. Всё настойчивее добивались они права на своё вооружение. Всё определённее обозначалась группа государств, занявших агрессивную позицию в отношении послевоенного status quo. То были Германия, Италия, Япония и те «обиженные» Версалем государства, которые стали их попутчиками.

Поиски выхода из кризиса за счёт СССР

Помимо неизбежно назревавших столкновений в стане империалистических государств мировой экономический кризис вызвал обострение противоречий двух систем — капиталистической и социалистической. Наиболее агрессивные элементы международной буржуазии стали искать выхода из кризиса на путях новой войны против страны социализма.

Что вопрос об интервенции вполне определённо ставился империалистами, показали происходившие в СССР в течение 1929—1932 гг. процессы вредителей, шпионов и диверсантов: шахтинское дело, процесс «промпартии», дело СВУ (петлюровской шпионско-вредительской организации), дело вредителей и шпионов из числа служащих концессионной компании «Лена—Гольдфильдс», процесс меньшевиков и др. Эти процессы установили, что реакционно-империалистические круги некоторых капиталистических стран готовили к весне 1930 г. военную интервенцию против СССР. Затем этот срок был перенесён на 1931 г. В качестве своей наёмной агентуры империалисты использовали не только белогвардейцев-эмигрантов, но и внутренних врагов советского народа, изменников троцкистов и бухаринцев.

Одновременно в ряде капиталистических стран развернулась ожесточённая кампания против советского экспорта. Советское правительство обвинялось в том, что оно якобы по бросовым ценам вывозит товары за границу и тем самым углубляет кризис во всём мире.

В 1930—1931 гг. были организованы одна за другой шумные антисоветские кампании. Политический их смысл заключался в том, чтобы подготовить общественное мнение капиталистического мира к нападению на страну социализма и сорвать

социалистическое строительство в СССР, успешно осуществляемое по плану первой сталинской пятилетки. Наряду с кампанией против «советского демпинга» печать публиковала клеветнические статьи о применении якобы «принудительного труда» в СССР для производства дешёвых экспортных товаров. Эта кампания имела целью организовать экономический бойкот и блокаду СССР. Франция, а по её примеру и некоторые другие страны запретили импорт ряда советских товаров, либо принимали другие меры, ставившие советский экспорт в худшее положение по сравнению с экспортом других государств. Советское правительство приняло необходимые меры к ограждению интересов СССР. 20 октября 1930 г. Совнарком СССР принял постановление «Об экономических взаимоотношениях со странами, устанавливающими особый ограничительный режим для торговли с СССР». Это постановление предусматривало сокращение закупок в таких странах, ограниченное использование их морского тоннажа и другие меры.

В докладе на VI съезде Советов 12 марта 1931 г. председатель Совета Народных Комиссаров СССР В. М. Молотов разоблачил провокационный смысл кампании против «советского демпинга» и «принудительного труда в СССР».

Тов. Молотов показал, что удельный вес СССР в мировом экспорте составляет всего 1,9%, а в балансе отдельных стран ввоз из СССР в 1929 г. составлял всего от 0,5 до 2,6%.

Таким образом, экспорт СССР не мог служить причиной экономических затруднений, которые испытывали эти страны.

VI съезд Советов СССР, заслушав и обсудив доклад т. Молотова, вынес резолюцию, в которой отметил, что клеветнические кампании против СССР свидетельствуют о подготовке империалистических сил к прямой вооружённой интервенции против Советского Союза. Съезд обязал правительство Союза ССР принять твёрдые меры к ограничению импорта из тех стран, которые проводили меры к срыву советского экспорта, прикрываясь легендами о «принудительном труде».

Кампания по поводу «принудительного труда» также полностью провалилась. Многочисленные рабочие делегации, посетившие Советский Союз, опровергли лживые измышления врагов СССР и ознакомили широкие массы западных стран с огромными достижениями Советского Союза.

В обстановке разнузданной клеветнической кампании прессы, вопящей о «красном империализме» СССР, о «советском демпинге», «принудительном труде» и т. п., активизировались и заграничные белогвардейские организации. Центром антисоветских сил был Париж. Здесь 26 января 1930 г. произошло исчезновение одного из виднейших представителей белогвардейской эмиграции, генерала Кутепова. Очевидно, Кутепов исчез в результате внутренних распрей среди русских

белогвардейцев. Но белогвардейская и вся реакционная французская печать усилила антисоветскую кампанию, утверждая, что Кутепова похитили «агенты Коминтерна и ГПУ», и требовали немедленного разрыва отношений с СССР.

В этот же период римский папа Пий XI объявил новый «крестовый поход» против СССР. В послании к генеральному викарию в Риме кардиналу Помпилли 10 февраля 1930 г. папа призывал верующих во всём мире к «молитвенному крестовому походу» против СССР, якобы преследующего религию. В ответ на призыв папы католическая и англиканская церкви в ряде европейских стран организовали антисоветские молебствия, а еврейские раввины в Польше объявили даже антисоветский пост.

Но дело не ограничилось одними молитвами и постом. В своём докладе на VI съезде Советов В. М. Молотов привёл документы, разоблачавшие прямую шпионско-вредительскую антисоветскую работу представителей всех религий и вероисповеданий. Особенно активны были католические патеры, подобранные из людей, способных к разведывательной работе для генеральных штабов.

Один из таких неофициальных агентов Ватикана в Австрии, бывший полковник австрийской армии Видаль, представил римскому папе план созыва международного антибольшевистского конгресса с целью подготовки войны против СССР. «Борьба против большевизма, — откровенно заявлял Видаль, — означает войну, и война непременно произойдёт. Поэтому не время и не место заниматься изучением вопроса, каким образом её избежать, и тратить энергию на безнадёжные мирные утопии».

Самыми ярыми пропагандистами антибольшевистского «крестового похода» в этот период были германские фашисты. Уже в 1923 г. объединились под знаком свастики все наиболее активные вооружённые банды в Германии, состоявшие на содержании юнкерства, банков и тяжёлой индустрии. На службе этого блока находился и Гитлер со своей ещё небольшой так называемой национал-социалистской партией; из членов её он стремился создать руководящие кадры фашистских организаций по всей Германии.

Видную роль в планах антисоветского «крестового похода» играл такой профессиональный организатор «пятых колонн» и террористических групп за границей, как фон Папен. Тесно связанный с юнкерским окружением Гинденбурга и с тиссеновской группой тяжёлой индустрии, фон Папен мечтал о реализации плана создания «срединной Европы», включающей значительную часть территории СССР.

Военной своей опорой германские империалисты считали рейхсвер. Впрочем, генерал Сект, долго стоявший во главе

рейхсвера, не был сторонником немедленного открытия антисоветского похода на Восток. Сект, как и Штреземан, предпочитал тактику маскировки и двойной игры. В своей книге «Германия между Западом и Востоком», написанной в 1932 г., он доказывал необходимость для Германии иметь в случае войны на Западе твёрдо обеспеченный восточный фронт, без чего невозможно достижение германских целей.

«Если судьба Европы, — писал Сект, — зависит от отношений Германии с Францией, то с тем же правом мы можем утверждать, что отношения с Россией решают судьбы Германии».

Само собой разумеется, Сект отнюдь не имел в виду честного и прочного сотрудничества Германии с Советским Союзом. Это доказывает подпольная работа Секта, вскрытая на процессе право-троцкистского блока в марте 1938 г.

На этом процессе было документально установлено, что троцкистские заговорщики с 1923 по 1930 г. получили от рейхсвера около двух миллионов золотых марок. При этом они договорились с германскими империалистами о заключении «соглашения более широкого масштаба» — касательно расчленения СССР и уступки германским империалистам значительной части территории Советского Союза.

Таким образом, штаб рейхсвера имел в отношении СССР свой план действий. План этот не противоречил агрессивным замыслам Гитлера. Рейхсверовские генералы Сект, Фрич, Николаи, Адам и др. были только против преждевременного раскрытия антисоветских позиций Германии. Они призывали гитлеровцев соблюдать осторожность. При недостаточно устойчивом политическом, военном и международном положении Германии в тот период «крестовый поход» против СССР, естественно, мог быть для неё только «музыкой будущего».

План пан-Европы

Антисоветские происки активно осуществлялись и французскими империалистами. Большую роль в новых попытках создания блока европейских государств против СССР играл так называемый проект пан-Европы. Автором этого проекта явился французский министр иностранных дел Аристид Бриан.

17 мая 1930 г. Бриан обратился к 27 странам Европы с предложением «об организации режима европейского федерального союза». Под предлогом экономического сотрудничества и совместной борьбы с кризисом он выдвигал проект создания федерации всех стран буржуазной Европы. Предполагалось, что это «сообщество европейских народов» будет иметь специальный представительный орган в виде европейской конференции и исполнительный орган — европейский комитет.

По поводу этого «плана» французская газета «Temps» писала: «Эта идея является логическим продолжением политики Локарно, Лиги наций и создания европейской

Антанты. Она имеет целью обеспечить европейским странам наиболее благоприятные условия для их экономического развития путём упразднения таможенных перегородок, вследствие которых слишком часто европейские государства противопоставляются друг другу враждебным образом».

Создание пан-Европы должно было укрепить международные позиции Франции. Бриан рассчитывал иметь в лице европейского комитета орган, послушный французскому империализму и служащий целям его политики. Несмотря на то, что пан-Европа мыслилась в рамках Лиги наций, она в известной мере ей противопоставлялась. Таким образом, французский проект был направлен против преобладающего влияния Англии в Лиге наций, равно как и против усиления международной роли Соединённых штатов Америки.

Главная цель Бриана заключалась в противопоставлении объединённой в «федеральный союз» Европы Советскому Союзу и в использовании пан-Европы против СССР. Потому-то Советский Союз и не был первоначально приглашён к участию в реализации проекта Бриана. По этому поводу т. Молотов указывал: «Крупнейшую роль в создании антисоветского фронта играет так называемый „европейский комитет“, возникший по инициативе французского министра иностранных дел Бриана для создания блока европейских государств против Советского Союза. Упорное сопротивление Бриана и представителей зависимых от Франции государств приглашению СССР на майскую конференцию по так называемому „изучению мирового кризиса“ показало, что у руководителей „европейского комитета“ имеется определённое стремление превратить эту организацию в штаб подготовки антисоветского нападения» [1].

План пан-Европы был сочувственно встречен пацифистскими кругами Европы. Естественно, он декларировал мир между Францией и Германией, общую безопасность, уничтожение таможенных барьеров и т. д.

Не возражали против плана Бриана и реакционные круги. Их соблазняла возможность образования широкого блока в Западной и Центральной Европе при изоляции СССР.

В руках французских империалистов такая объединённая Европа должна была служить целям активной антисоветской политики.

Осуществить план пан-Европы не удалось. Английская дипломатия не пожелала поддержать французское предприятие, явно сулившее усиление Франции в Европе. Со своей стороны и германская дипломатия усмотрела в этом плане попытку укрепления версальской системы. Италия также не хотела мириться с упрочением этой системы, пересмотра которой в

[1] *Молотов,* Борьба за социализм и борьба за мир, М. 1931, стр. 32.

пользу итальянского империализма добивался Муссолини. Итальянская дипломатия особенно опасалась включения дунайских и балканских стран во французскую систему военно-политических союзов. Она рассматривала эти страны как зону своих собственных экономических и политических интересов.

Участие СССР в европейской комиссии

План пан-Европы был передан на обсуждение так называемой европейской комиссии Лиги наций. Под давлением общественного мнения, встревоженного новыми антисоветскими планами, на заседание этой комиссии была приглашена и советская делегация. Однако по настоянию Бриана и его сторонников, участие СССР ограничивалось только экономической комиссией.

Принимая приглашение, Наркоминдел в ноте от 6 февраля 1931 г. выразил убеждение, что без обеспечения мира вообще и европейского в частности и без устранения коренных причин, нарушающих мир, нельзя рассчитывать на установление европейской солидарности в экономической или какой-либо другой области.

Советская нота подчёркивала, что предпосылкой сотрудничества народов и государств в экономической области должно являться радикальное улучшение политических отношений между государствами Европы.

В той же ноте Наркоминдел выражал недоумение по поводу того, что вопрос о допущении или недопущении тех или иных групп европейских государств в коллектив, претендующий на наименование пан-Европы, решается не по принципу географической принадлежности к Европе, а по другим соображениям. Очевидно, предполагается создать объединение лишь определённых социально-политических систем. Странным представляется, между прочим, что, например, «Швейцария, занимающая территорию 0,4% всей Европы, или даже Норвегия, занимающая в Европе территорию, составляющую около 3,1%, являются противниками допущения такого государства, как СССР, занимающего в одной Европе территорию, составляющую около 45% всей Европы и превышающую в два раза территории Франции, Бельгии, Румынии, Югославии, Швейцарии, Испании, Голландии, Швеции, Дании, Норвегии, вместе взятых».

Имея сведения, что предполагается пригласить СССР, Турцию и Исландию лишь на отдельные заседания и что советская делегация не допускается к обсуждению организационных вопросов, народный комиссар иностранных дел в письме на имя генерального секретаря Лиги наций заявил решительный протест против такого неполноценного участия СССР в работах европейской комиссии. Протестовал он и против формы приглашения советской делегации. Последняя должна была прибыть в Женеву

лишь к обсуждению третьего пункта порядка дня, причём даже не сообщена была точная дата этого обсуждения.

После этого письма советская делегация получила новое приглашение с более точным указанием срока и порядка работы комиссии.

Советская делегация могла принять участие в заседаниях комиссии лишь 18 мая 1931 г. Разоблачив в своём первом же выступлении несостоятельность и недобросовестность попыток представить экономическую политику Советского государства, в частности советский экспорт, как один из факторов мирового экономического кризиса, она внесла в комиссию предложение заключить международный договор об экономическом ненападении. Предложение это обсуждалось в специальном комитете. 5 ноября 1931 г. им была принята резолюция советской делегации, вносившей следующие предложения:

«1. Комитет одобряет общую идею, которая лежит в основе советского предложения относительно пакта экономического ненападения.

2. Комитет констатирует возможность мирного сосуществования государств, имеющих различную экономическую и социальную структуру.

3. Комитет подчёркивает необходимость, чтобы в своих экономических отношениях государства вдохновлялись только потребностями жизни экономической, не принимая в расчёт соображений, вытекающих исключительно из различий политических и социальных систем».

Впрочем, постановления о заключении пакта об экономическом ненападении комитет не принял; решено было созвать для этой цели новое заседание, которое так и не состоялось. Всё же самый факт принятия советской резолюции был достаточно показателен: он свидетельствовал о неуклонном росте международного авторитета СССР и о крушении антисоветских замыслов, связанных с планом пан-Европы.

Лондонская морская конференция (21 января — 22 апреля 1930 г.)

Экономический кризис обострил империалистическую борьбу за господство на морских путях сообщения. Вашингтонские решения ограничивали строительство линкоров и авианосцев. С тем большей силой разгоралось соперничество в сооружении военно-морских судов всех остальных категорий.

Особенно широкую программу военно-морского строительства осуществляли США. Англия не имела достаточно сил и средств, чтобы угнаться за этим соперником. Она становилась сторонницей дальнейшего ограничения военно-морского строительства. Британская дипломатия начала блокироваться в этих вопросах с Японией. Англия обещала Японии свою поддержку в ряде международных вопросов, при условии, что за это Япо-

ния предоставит ей свою помощь в борьбе за ограничение морского строительства Соединённых штатов Америки.

С целью обсуждения вопроса о возможном регулировании строительства военно-морского флота была созвана конференция заинтересованных держав в Лондоне. Участниками конференции явились те же пять государств, которые участвовали в заключении Вашингтонского военно-морского соглашения, а именно — Англия, США, Япония, Франция, Италия. Разумеется, ни одна из держав не собиралась добиваться ограничения вооружений, хотя все они и декларировали эту цель.

Заседания конференции продолжались с 21 января по 22 апреля 1930 г. Противоречия между участниками конференции выявились в полной мере в процессе её работы. Особенно острым явился франко-итальянский конфликт. Италия категорически настаивала на том, чтобы её флот по всем видам судов не уступал французскому. Франция решительно возражала. Англия пыталась примирить противников. Она была заинтересована в соглашении между ними, так как отказ Франции и Италии ограничить свои морские вооружения мог привести к быстрому их росту, опасному для английских позиций в Средиземном море. Но все усилия англичан оказались тщетными. Итало-французское соглашение не состоялось. Решения конференции были приняты только тремя участниками и относились лишь к Англии, США и Японии.

Лондонская морская конференция дополнила Вашингтонский договор пяти держав. Был установлен для каждой из трёх стран предельный тоннаж её флота в категориях крейсеров, эсминцев и подводных лодок. Размеры предельного тоннажа были утверждены следующие:

Предельный тоннаж военных судов США, Англии и Японии согласно решениям Лондонской морской конференции

Страны	Суммарный тоннаж (в тысячах тонн)		
	крейсеров	эсминцев	подводных лодок
Англия	339	150	52,7
США	323	150	52,7
Япония	209	105	52,7

Решения Вашингтонской конференции не дали Англии существенного выигрыша. Уже в 1922 г. ей пришлось согласиться на равный с США тоннаж линкоров. Но тогда Англия смогла сохранить за собой более сильный крейсерский флот. Согласно Лондонской конференции превосходство Англии в крейсерах по сравнению с США осталось лишь в размере 16 тысяч тонн, т. е. одного крейсера. Флот эсминцев и подводных лодок Англии и США был уравнен.

Зато значительного успеха на Лондонской морской конференции добилась Япония. Она в полной мере использовала поддержку Англии и англо-американские противоречия. По крейсерам была принята «вашингтонская» пропорция 5 : 5 : 3. Норма больших крейсеров была установлена для США — 18, Англии — 15 и Японии — 12. Но по эсминцам Япония сумела отстоять для себя в Лондоне более выгодное соотношение 3,5 : 5. По подводным же лодкам решения Лондонской морской конференции предоставили Японии равные возможности с Англией и США.

Сразу же по окончании морской конференции в Лондоне Япония приняла программу «пополнения флота», расширив масштаб своего военно-морского строительства. С этого момента вооружения Японии на море стали расти самыми ускоренными темпами.

Австро-германский таможенный союз (19 марта 1931 г.)

Между тем экономический кризис продолжал обостряться. Наряду с невиданным падением уровня производства, в состоянии глубокой депрессии находились вся система кредита и государственные финансы капиталистических стран. Банкротства банков и капиталистических фирм учащались. Раньше других не выдержала банковская система Австрии. Приток займов в страну прекратился. Вывоз, особенно в Германию, резко упал.

В Германии в начале 1930 г. кризис охватил все отрасли промышленности. Правительство Брюнинга пробовало искать выхода, перелагая на плечи трудящихся всё бремя громадной иностранной задолженности и репарационных платежей. Это вызывало всё возрастающее недовольство масс. Его спешили использовать национал-социалисты. В стране развивалась яростная реваншистская кампания. Пересмотр Версальского договора стал боевым лозунгом всей Германии.

Правда, германская дипломатия вынуждена была ещё маскировать свои ревизионистские планы. Но их скорейшая реализация стала основной её задачей. В первую очередь она выдвинула требование аншлюсса (присоединения) Австрии к Германии.

Однако страны Антанты, ссылаясь на Сен-Жерменский договор 10 сентября 1919 г., категорически возражали против аншлюсса.

Ещё 4 октября 1922 г. был принят так называемый Женевский протокол, запрещавший аншлюсс даже в форме экономического союза Австрии с Германией.

Тем не менее попытки добиться аншлюсса в той или иной форме продолжались Германией с прежней настойчивостью.

Идея таможенного союза Германии с Австрией пропагандировалась и в литературе пангерманистов, посвящённой плану создания «срединной Европы». В ней доказывалось, что ядром

германского государства, объединяющего всех немцев Европы, должно быть слияние Германии и Австрии.

Вышедший в 1927 г. в Германии сборник «Проблема аншлюсса» заключал в себе карту, озаглавленную «Национальная немецкая земля в прошлом и настоящем». Карта изображала германскую «срединную Европу», включающую Германию, Австрию, бóльшую половину Чехословакии, южную Польшу, Познань, Данцигский коридор, итальянский Тироль, две трети Швейцарии, всю Голландию, почти половину Бельгии, часть южной Венгрии, западной Румынии и Северной Италии.

Пояснение к карте гласило: «История Германии представляет собой борьбу за разрешение вопросов, получивших ныне жгучую остроту. Эти вопросы составляют проблему создания германского государства в Центральной Европе и сведения счётов германского народа со своими восточными соседями... Только твёрдость обеспечит внутреннее единство Центральной Европы против давления народов и государств Запада и Востока... Ибо территория германского заселения распространяется за пределы границ Германии во всей области Центральной Европы».

Так ещё в 1927 г. германский империализм обнаруживал свои вожделения, нашедшие вскоре своё законченное выражение в захватнических планах гитлеризма. Четыре года спустя, пользуясь ослаблением международных позиций Франции, начинающимся разбродом Малой Антанты, ростом агрессивно-ревизионистских настроений фашистской Италии, германская дипломатия сделала новую попытку заложить основы «срединной Европы».

19 марта 1931 г. австрийский вице-канцлер Шобер и германский министр иностранных дел Курциус подписали соглашение о едином таможенном законе, о согласованных тарифах и об уничтожении таможенной границы между обоими государствами [1].

В речи от 30 марта 1931 г. Шобер мотивировал заключение австро-германского таможенного союза безрезультатностью пан-европейской конференции и необходимостью урегулировать европейский хаос путём «региональных соглашений», якобы в соответствии с меморандумом Франции от 17 мая 1930 г.

Шобер и Курциус пытались прикрыться не только французской инициативой. Германская дипломатия попробовала было уверить и Англию, что соглашение 19 марта 1931 г. целиком идёт навстречу её интересам. Ведь Англия менее, чем Франция и Италия, заинтересована в неприкосновенности status quo в Центральной Европе. Ей даже выгодно поддержать Германию против Италии; иначе она может толкнуть Германию на образование германо-итало-русского блока.

---

[1] Текст соглашения см. *Schulthess*, Europäischer Geschichtskalender, 1931, S. 89—90.

Снова германская дипломатия прибегала к излюбленным приёмам — разжиганию международной склоки, запугиванию, шантажу. На этот раз игра её не удалась. Франция выступала решительным противником таможенного союза Австрии с Германией. Англия, добиваясь уступок в вопросе о морских вооружениях, поддержала Францию. Вопрос об австро-германском таможенном союзе был передан сначала в Лигу наций, а затем в Постоянный международный трибунал. Одновременно, 16 мая 1931 г., был опубликован французский меморандум с изложением «конструктивного плана» экономического и финансового оздоровления Австрии.

В этом документе Франция требовала, чтобы Австрия «не отказывалась от своей независимости без одобрения Лиги наций»; европейским государствам она предлагала «помочь Австрии достигнуть экономического процветания» [1].

5 сентября 1931 г. Постоянный международный трибунал вынес 8 голосами против 7 решение, что таможенный союз несовместим с договорными обязательствами Австрии.

За два дня до решения суда, 3 сентября, Шобер и Курциус заявили об отказе их стран от таможенного союза.

Эта капитуляция была ускорена решительным финансовым нажимом со стороны Франции, прекратившей свою помощь австрийским банкам.

Провал замысла немецкой дипломатии озлобил германских реваншистов. Национал-социалисты развернули в стране самую бесшабашную националистическую демагогию.

Общий курс политической жизни Германии сдвинулся резко вправо. Страна быстрыми шагами шла по пути фашизации. Её дипломатия всё настойчивее стремилась добиться взрыва версальской системы и осуществления великодержавного германского реванша.

Меморандум Гувера

Международное положение в Европе осложнялось тем, что Германия находилась накануне экономической катастрофы. Несмотря на чрезвычайные указы Брюнинга о сокращении заработной платы и новых налогах, государственный бюджет Германии имел миллиардный дефицит. Иностранная задолженность в начале 1931 г. достигла 27 миллиардов марок. В стране обострился кризис денежной и кредитной системы. Начался массовый отлив капиталов за границу.

Между тем приближался очередной срок уплаты репараций — 15 июня 1931 г. Европейские кредиторы Германии опасались, что Германия совершенно прекратит репарационные платежи. Они запрашивали, как это отразится на их долговых обязательствах по отношению к США. Но американцы, как всегда, стояли

[1] «Documents of International Affairs», 1931, p. 7.

на той точке зрения, что военные долги и репарации не связаны между собой.

Угроза финансовой катастрофы заставила германского канцлера Брюнинга и министра иностранных дел Курциуса вступить в переговоры с Макдональдом и Гендерсоном по вопросу о моратории. Встреча состоялась 5—9 июня 1931 г. в загородной резиденции английского премьер-министра Чеккерсе. Надежды немцев на мораторий не оправдались. Утечка золота из Германии за границу продолжалась. За время с 10 по 19 июня золотой запас Рейхсбанка уменьшился на миллиард марок.

20 июня 1931 г. Гинденбург послал телеграмму президенту США Гуверу с просьбой о помощи. В это время сам Гувер выступил с предложением о приостановке на один год всех платежей по международным правительственным долгам, репарациям и займам.

«Это мероприятие, — писал Гувер в своей декларации, — ставит себе целью посвятить будущий год задачам экономического восстановления мира... Я предлагаю американскому народу быть в своих собственных интересах мудрым кредитором и хорошим соседом» [1].

Предложение Гувера было встречено в Германии как якорь спасения. Англия и Италия отвечали сдержанно, но также согласились принять гуверовский план. Франция, более других заинтересованная в получении репарационных платежей, обусловила своё согласие целым рядом требований. В ноте от 24 июня 1931 г. французское правительство заявило, что для выхода из кризиса «простая общая приостановка платежей является недостаточным средством».

Необходимо, чтобы Франции была гарантирована уплата той части репараций, которая входила в так называемые «безусловные платежи» и не подлежала отсрочке.

Франция явно затягивала переговоры. Германии угрожал финансовый крах. 8 июля председатель Рейхсбанка Лютер вылетел на аэроплане в Париж и Лондон в надежде выпросить кредиты. Однако Франция отказалась вести какие бы то ни было переговоры о кредитах. Французское правительство требовало от Германии «политических гарантий»: отказа от австро-германского таможенного союза, приостановки работ по сооружению второго «карманного броненосца», прекращения агитации за пересмотр Версальского договора, закрытия «Стального шлема» и других военных организаций и т. п.

Германия отклонила эти условия.

Открывшаяся 20 июля в Лондоне конференция премьеров рекомендовала предоставить Германии долгосрочный заём и

[1] Текст декларации на русском языке см. в сборнике документов «План Юнга и Гаагская конференция», стр. 233.

назначить комиссию экспертов для обследования финансового положения страны.

В это время в Германии произошло банкротство крупнейшего Данатбанка. Стали закрываться и другие банки. Платежи, кредиты и выдача заработной платы германским рабочим и служащим приостановились. Встревоженные судьбой своих инвестиций, американские и британские банки пошли на новые уступки. Банк международных расчётов постановил продлить на три месяца кредит в 100 миллионов долларов, предоставленный Германии центральными банками Англии и США. Комитет экспертов во главе с английским экономистом Лейтоном констатировал невозможность для Германии возобновления репарационных платежей даже после истечения годичного срока моратория Гувера.

Назревание политического кризиса в Европе

Объявление моратория Германии не помогло освобождению «замороженных» в Германии английских и американских капиталов. Кредитный кризис в Европе продолжался. Не будучи в состоянии справиться с возрастающим отливом капиталов и с продолжавшимся сокращением золотых резервов Английского банка, английское правительство 21 сентября 1931 г. решило отменить золотой стандарт. Это было началом урагана, который понёсся на запад через океан.

Падение фунта стерлингов вызвало потрясение финансово-кредитной системы во всех связанных с Англией странах и в США. Вслед за Англией отменили золотой стандарт Швеция, Норвегия, Дания, Финляндия, Португалия, Индия, Канада, Египет, Япония. На место фунта стерлингов во Францию и другие страны хлынул поток американских долларов. За месяц из США утекло до 330 миллионов долларов. По настоянию финансовых кругов США в Вашингтон был приглашён представитель Франции Лаваль. Совещание Гувера и Лаваля должно было обсудить меры для предотвращения дальнейших финансовых бедствий. Результатов этого совещания напряжённо ждали повсюду. Говорили, что оно должно решить судьбу мира. Но гора родила мышь. 25 октября 1931 г. было опубликовано коммюнике, оповещавшее мир, что обе стороны решили не связывать своей свободы взаимными обязательствами. Признавалась лишь необходимость продления действия гуверовского моратория и восстановления доверия и экономической стабильности в потрясённых кризисом странах.

Политическую сторону вопроса о «восстановлении доверия», о котором гласило коммюнике, осветил в своей речи председатель сенатской комиссии по иностранным делам Бора на пресс-конференции 23 октября 1931 г. Он заявил, что восстановить экономические связи, нарушенные войной и после-

военным кризисом, и поддерживать мир при помощи голой силы нельзя. Некоторые положения Версальского договора должны быть пересмотрены; таковы, например, вопросы о Польском коридоре, о Верхней Силезии, о репарациях.

Впечатление от декларации Бора было огромно. Оно ещё усилилось, когда через два дня Муссолини произнёс в Неаполе громовую речь, в которой вопрошал: «Как можно говорить о реконструкции Европы, пока не пересмотрены некоторые статьи известных мирных договоров, которые привели весь мир на грань материального крушения и морального отчаяния?»

Вся пресса заговорила о близкой ревизии Версальского договора либо в порядке мирного соглашения, либо путём «применения силы».

Таким образом, мировая экономическая катастрофа приводила непосредственно к европейскому политическому кризису, явно чреватому войной.

СССР — фактор мира и устойчивости международных отношений

Среди общего хаоса только СССР не переживал кризиса.

Успехи первой пятилетки, экономический подъём и политическое укрепление СССР вызывали крайнее раздражение империалистов.

В докладе народного комиссара иностранных дел на второй сессии ЦИК СССР пятого созыва 4 декабря 1929 г. отмечались усилившиеся проявления вражды к СССР в правящих реакционно-буржуазных кругах империалистических стран.

В этом отношении особенно тревожные симптомы наблюдались в Германии и Японии.

«За последний год, — гласил доклад, — мы имеем новые доказательства того, что в Германии имеются лица, группы, организации и даже партии, которые ставят своей целью радикальное изменение политики Германии в сторону антисоветских махинаций... За подобными попытками необходимо внимательно следить».

Правда, в интересах сохранения добрососедских отношений с Германией советская дипломатия предпринимала шаги, могущие упрочить советско-германское сотрудничество. Так, по инициативе правительства СССР была заключена конвенция о согласительной процедуре 1929 г.; 24 июня 1931 г. подписан был протокол о продлении советско-германского договора 1926 г.

Эти мероприятия советской дипломатии сопровождались актами, направленными к охране мира и укреплению сотрудничества и с другими странами. 17 декабря 1929 г. был подписан протокол о продлении договора 1925 г. с Турцией; 7 марта 1931 г. — дополнительный к нему протокол; 6 мая 1931 г. — протокол о продлении договора 1926 г. с Литвой; 30 октября 1931 г. —

протокол о продлении договора 1925 г. и относящихся к нему протоколов с Турцией.

Пакты о ненападении содержали обязательства сторон не участвовать во враждебных блоках, обязательства об экономическом ненападении, о неучастии в экономическом и финансовом бойкоте и т. п. В договоре с Францией, заключённом в 1932 г., было предусмотрено, помимо того, взаимное обязательство невмешательства во внутренние дела и «недопущения существования на территории одной стороны военных организаций, имеющих целью борьбу против другой стороны, или организаций, присваивающих себе роль правительств или представительств всех или части территорий другой стороны».

Пакты о ненападении предусматривали также отказ от всякого акта насилия, нарушающего целостность и неприкосновенность территории или политическую независимость другой стороны, без различия того, совершаются ли эти акты после объявления или без объявления войны.

Усилия советской дипломатии, направленные к упрочению мира, были тем более своевременны, что давно назревший взрыв версальско-вашингтонской системы фактически начался. Более того, он привёл к возникновению первого очага войны и к «вползанию» всего капиталистического мира во вторую мировую войну.

Этот очаг зажгла на Дальнем Востоке империалистическая Япония, использовав благоприятно для неё сложившуюся международную обстановку.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ОЧАГА ВОЙНЫ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ (1931—1933 гг.)

Влияние мирового кризиса на Японию

Первой на путь ликвидации версальско-вашингтонской системы вооружённой силой стала Япония. В войне японский военно-феодальный империализм искал выхода из экономического кризиса и назревавших внутренних потрясений.

Переплетение капитализма с архаическими феодальными пережитками в стране обусловливало чрезвычайную узость внутреннего рынка Японии. Свыше 30% продукции всей её промышленности вывозилось за границу. От внешнего рынка зависело также снабжение сырьём японской индустрии. Поэтому сокращение внешнего рынка, явившееся результатом мирового кризиса, тяжело отразилось на хозяйстве и экономическом положении трудящихся Японии.

За годы кризиса в Японии образовалась армия безработных почти в два с половиной миллиона человек. Резкое падение цен на сельскохозяйственные продукты вызывало разорение крестьянства.

В городе и деревне нарастала волна социального протеста против правящего буржуазно-помещичьего блока в Японии.

Господствующие классы Японии всячески старались доказать, что только война откроет Японии выход из кризиса: страна приобретёт новые рынки для торговли и получит новые территории для переселения избыточного японского населения. В первую очередь необходимо немедленное завоевание Манчжурии. Без неё, уверяла буржуазная печать всех направлений, Япония потерпит поражение в будущей *«большой войне»* за необъятные рынки Китая.

«Манчжурия — это первая линия государственной обороны Японии», — таков был основной мотив в пропаганде войны с Китаем.

Японская империалистическая экспансия в Манчжурии стала принимать широкие размеры уже после русско-японской войны 1904—1905 гг. При помощи системы таможенного барьера,

финансового контроля и железнодорожных концессий Япония постепенно сосредоточила в своих руках основные экономические ресурсы Южной Манчжурии.

До 1924—1925 гг. Япония беспрепятственно расширяла свои концессионные права в Манчжурии. Но с 1925 г. китайское правительство при поддержке США попыталось противодействовать Японии.

Японская дипломатия, отстаивая «права» Японии на Манчжурию, проявляла чрезвычайную изворотливость. Во время подготовки к войне с Россией в 90-х годах японцы доказывали, что Манчжурия — неотъемлемая часть Китая; теперь они утверждали обратное: Манчжурия — ни исторически, ни этнографически не имеет ничего общего с Китайской империей; она может самостоятельно решать свою судьбу. «Манчжурия и Монголия никогда не были китайской территорией, — провозглашал в 1927 г. знаменитый меморандум Танака, ставший программой японского империализма, — этот факт с полным авторитетом возвещён всему миру императорским университетом. Исследования доктора Яно настолько тщательны, что ни один учёный в Китае их не оспаривает» [1].

Утверждение это не соответствовало действительности. Китайские учёные и общественные деятели единодушно выступали против подобных выводов.

Меморандум Танака

В своём нашумевшем меморандуме Танака доказывал, что Япония не может допустить национального объединения и независимости Китая. «Мы должны страшиться того дня, когда Китай объединится и его промышленность начнёт процветать», — таков был тезис меморандума. Отсюда вытекала «программа действий» японского империализма по разделу Китая и превращению Манчжурии в японскую колонию.

«Для того чтобы завоевать подлинные права в Манчжурии и Монголии, — гласил меморандум, — мы должны использовать эту область как базу и проникнуть в остальной Китай под предлогом развития нашей торговли. Вооружённые обеспеченными уже правами, мы захватим в свои руки ресурсы всей страны. Имея в своих руках все ресурсы Китая, мы перейдём к завоеванию Индии, Архипелага, Малой Азии, Центральной Азии и даже Европы». Так раскрывал меморандум головокружительные планы японского империализма.

Меморандум требовал решительной борьбы против Вашингтонского договора девяти держав; оставить его в силе означало бы для единомышленников Танака «самоубийство» Японии. В отношении Монголии меморандум намечал путь «мирного

---

[1] «Tanaka Memorial». Приложение к книге *K. Craw*, Japan Dream of World Empire, N. Y. 1942.

проникновения» при помощи японских отставных офицеров, которые возьмут в свои руки контроль над монгольскими князьями. Наконец, план Танака предусматривал и войну с СССР. «В программу нашего национального роста входит необходимость вновь скрестить мечи с Россией на полях Монголии в целях овладения богатствами Северной Манчжурии... — вещал меморандум. — Мы будем всемерно наводнять Северную Манчжурию нашими силами. Советская Россия должна будет вмешаться, и это будет для нас предлогом для открытого конфликта».

Меморандум Танака, опубликованный в сентябре 1931 г. в журнале «China Critic», был перепечатан всей мировой прессой.

Японские официальные круги поспешили выступить с опровержением подлинности этого документа. Открытая дискуссия по этому вопросу между представителями Китая и Японии произошла на седьмом заседании 69-й сессии Совета Лиги наций 23 ноября 1932 г. Китайский представитель доктор Веллингтон Ку доказывал подлинность меморандума. В ответ японский представитель Мацуока заявил: «Я хотел бы сказать совершенно откровенно и категорически, что подобного рода документ никогда не составлялся в Японии и никогда не представлялся на рассмотрение императора... Я был довольно близок к покойному генералу Танака, японскому премьер-министру, и хорошо знаю, что я прав. Вы можете верить мне, что подобный документ никогда не был представлен императору».

Мацуока требовал, чтобы китайский представитель предъявил Совету Лиги наций доказательства подлинности меморандума. Веллингтон Ку в ответ указал на то, что вся та «позитивная политика», которую проводила и проводит Япония в отношении Китая и Манчжурии, вполне соответствует принципам, развитым в меморандуме. «Если этот документ поддельный, — говорил Ку, — то он подделан японцем, потому что ни один китаец не мог так хорошо понять и изложить политику, которую так точно, во всех подробностях, осуществляет современная Япония» [1].

Позднейшая американская литература также высказывалась за подлинность документа. Так, Морган Юнг в своей книге «Императорская Япония в 1926—1938 гг.» подтвердил, что хотя дальневосточная конференция в Токио в июле 1927 г. и не опубликовала официального сообщения о принятых ею решениях, но «представляется вероятным, что документ, позднее опубликованный в Китае в качестве меморандума Танака... в действительности представляет решения этой дальневосточной конференции».

Притязания Японии на господство в Китае и на всём Дальнем Востоке идеологи японского империализма обосновывали

[1] *Willoughby*, Japan's Case Examined , N. Y. 1940, p. 151.

так называемой «паназиатской доктриной». Демагогический лозунг этой доктрины гласил: «Азия для азиатов».

В числе многих японских авторов, писавших об этой «доктрине», особенную известность получил японский генерал Дойхара, прозванный «полковником Лоуренсом Азии». В одной из своих статей он формулировал «паназиатскую доктрину» следующим образом:

«То, что должен теперь сделать Северный Китай, — это создать тот же вид цивилизации, который Япония создала для себя. Он состоит в слиянии и объединении восточной и западной цивилизации в одну, целиком азиатскую и особенно пригодную для народов Азии. Весь Китай должен в будущем стать на эту точку зрения; это движение должно быть распространено по всей Азии и может охватить Индо-Китай, Индию и другие страны» [1].

В книге одного из знатоков Дальнего Востока, У. Х. Чемберлена, «Япония во главе Азии», изданной позже, в 1937 г., японская паназиатская доктрина рассматривалась как «одна из тех потенциальных взрывчатых идей, которые благоприятствовали японскому устремлению и экспансии». Эта идея особенно популярна среди высших военных кругов, которые заявляют, что Япония должна начать «расовую войну за эмансипацию цветных народов».

Эта «доктрина» не только пропагандируется всей прессой и другими органами информации и пропаганды в Японии, — она стала даже предметом школьного преподавания и воспитания.

Так, в японских школах очень распространена карта, носящая название «Соседи Японии». В центре карты — Токио. Вокруг него пять концентрических кругов, означающих последовательные стадии экспансии Японии. Первый круг — сама Япония. Второй — острова в Тихом океане, Корея, Манчжурия и часть Монголии. Эти территории названы «сферами влияния». Третий круг — Северный Китай и часть Сибири. Четвёртый круг — весь остальной Китай, Индо-Китай, Гавайские острова, Борнео. Пятый круг — Австралия и западные берега Канады и США.

«Паназиатская доктрина» являлась «принципиальным» обоснованием захвата Манчжурии.

Дипломатическая подготовка захвата Манчжурии Японией

Японская дипломатия рассчитывала, что в условиях мирового экономического кризиса западные государства не могут активно вмешаться в дальневосточные дела. Англия и Соединённые штаты были заняты урегулированием экономических затруднений внутри собственных стран. Банковские крахи, отказ Англии от золотого стандарта, мораторий Гувера, австро-германское соглашение о тамо-

[1] *Willoughby*, Japan's Case Examined, p. 142.

женном союзе — всё это приводило Европу в тревожное состояние. В то же время пацифистские декларации и конференции в Европе создавали атмосферу, которая вместо быстрого и решительного отпора агрессору содействовала политике компромиссов и сомнительных сделок, основанных на уступках агрессору.

С другой стороны, положение в Китае становилось всё более напряжённым. Национально-освободительное движение в Китае продолжало расти, охватив и Манчжурию. Под его воздействием даже Чжан Цзо-лин из агента Японии превратился в её противника. Пытаясь укрепить своё положение в Манчжурии, японские империалисты решили «убрать» Чжан Цзо-лина, который и был убит в июне 1928 г. Место Чжан Цзо-лина занял его сын Чжан Сюэ-лян. Волной национального движения он был увлечён ещё дальше, чем отец. В декабре 1928 г. Чжан Сюэ-лян признал власть нанкинского правительства и поднял над своим дворцом национальный флаг Китайской республики.

Правящие манчжурские верхи, не без содействия США, стремились освободиться от экономического и политического влияния Японии. Широкая китайская общественность требовала от китайского правительства выкупа ЮМЖД, чтобы ликвидировать японское «государство в государстве».

Все эти обстоятельства располагали японскую военщину к «молниеносной» оккупации Манчжурии, чтобы поставить Америку и Англию перед совершившимся фактом.

Со своей стороны и дипломатия Японии усилила работу по созданию своей агентуры из манчжуров и белогвардейцев не только в самой Манчжурии, но и в Бейпине, Нанкине, Шанхае, Кантоне и других важнейших центрах Китая. Дипломатическим прикрытием истинных целей Японии являлась кампания против «красной опасности», т. е. против советских районов Китая, против СССР, якобы угрожавшего подчинить Китай своему влиянию.

Японская пропаганда изображала дело так, что Япония должна занять Манчжурию как плацдарм для обороны «цивилизации» и «порядка» в Китае против большевизма. В январе 1931 г. эта кампания была в полном разгаре. «Существование Китая поставлено на карту»; «через пять лет китайская нация исчезнет с лица земли»; «советская угроза принимает такие размеры, что, если Япония не достигнет соглашения с Мукденом, последствия могут быть ужасны для обеих наций...» Такие устрашающие лозунги бросала японская пресса. Несколько позже ею была опубликована речь представителя военного министерства Японии генерала Койсо, произнесённая на заседании токийского Кабинета министров 7 июля 1931 г. «Русская угроза снова выросла, — заявил Койсо министрам,—

выполнение пятилетки создаёт серьёзную угрозу Японии... Китай тоже пытается умалить японские права и интересы в Манчжурии. Ввиду этого монголо-манчжурская проблема требует быстрого и действенного разрешения» [1].

Японская печать доказывала, что державы должны дать Японии «мандат на восстановление порядка в Китае».

На этот призыв поторопилась ответить прежде всего Франция. Выступая против СССР, французская реакционная печать требовала поддержать «японских солдат цивилизации».

Французская реакция явно стремилась направить японскую агрессию против СССР. Демократическая печать всего мира разоблачала наличие японо-французского антисоветского сговора.

Однако японская дипломатия старалась замаскировать свои намерения заверениями самого миролюбивого свойства. В январе 1931 г. японский министр иностранных дел Сидехара заявил, что он «счастлив отметить» значительный рост торговли между СССР и Японией после восстановления дипломатических отношений.

Государственный секретарь США Генри Стимсон рассказывает в своих воспоминаниях, что 17 сентября 1931 г. его посетил в государственном департаменте японский посол в Вашингтоне Кацудзи Дебуци, который сообщил, что едет в Японию в очередной отпуск. При этом посол выразил уверенность, что до февраля 1932 г., т. е. до его возвращения, не возникнет никаких важных вопросов, для разрешения которых было бы необходимо его присутствие. Оба дипломата обсудили взаимоотношения США и Японии и пришли к выводу, что никогда они не были так безоблачны, как ныне. А через 48 часов с Дальнего Востока уже летели телеграммы с сообщениями о японской агрессии в Манчжурии.

Оккупация Манчжурии Японией

В ночь с 18 на 19 сентября 1931 г. японские войска заняли Мукден и ряд других городов Южной Манчжурии. В течение 12 часов оккупация Южной Манчжурии была завершена. Японские войска быстро продвигались в глубь страны.

Поводом к вторжению послужил инсценированный самими японцами диверсионный акт — взрыв рельсов на японской линии ЮМЖД. Английский военный атташе, находившийся на месте происшествия, сообщил своему правительству, что это был «чистейший вымысел». Японцы сначала доказывали *факт* взрыва предъявлением исковерканного куска железа. Однако выяснилось, что сейчас же после *«взрыва»* по тем же рельсам прошёл экспресс.

---

[1] «Оккупация Манчжурии и борьба империалистов», 1932, стр. 59.

Далее японцами было измышлено «кровопролитное сражение», после которого якобы тысячи китайских солдат бежали через поле, засеянное гаоляном.

Очевидцы же утверждали, что китайские солдаты не оказали даже слабого сопротивления японцам. Никаких следов ни сражения, ни бегства тысяч солдат на поле не было обнаружено.

Наконец, английскому военному атташе были показаны трупы двух китайских солдат, якобы убитых при попытке взорвать железнодорожную линию. Осмотрев их, английский офицер заметил, что может допустить много странностей со стороны китайского командования, однако он не может поверить, чтобы оно послало на подрывную работу пехотинцев, а не сапёров. Через сутки *ошибка* была исправлена. Английский военный атташе был снова приглашён осмотреть те же трупы: на этот раз они уже оказались одетыми в форму китайских сапёров.

Эти донесения британского военного атташе не были доведены до сведения ни английского министра иностранных дел, ни Совета Лиги наций.

По заключению государственного секретаря США Стимсона, оккупация Манчжурии проводилась по заранее обдуманному плану и в соответствии с требованиями меморандума Танака. «Все данные, — писал он, — указывали на заранее обдуманные действия по плану, выработанному высшими японскими властями в Манчжурии, возможно, по указаниям высшего военного командования в Токио» [1].

Японо-китайский конфликт в Лиге наций

Нападение японских войск на Манчжурию произошло в разгар «разоружительной» шумихи в Женеве. В тот самый день, когда представитель Китая доктор Альфред Ши вступал в исполнение своих обязанностей в качестве члена Совета, телеграф принёс сообщение о начале военных действий в Манчжурии. Представитель Китая официально обратился к Лиге наций, требуя немедленного вмешательства для прекращения агрессии против Китайской республики.

Но Совет Лиги наций по просьбе Японии отложил обсуждение вопроса. Все имевшиеся материалы он передал правительству США в порядке информации.

30 сентября Совет Лиги наций по настоянию китайского делегата всё же рассмотрел вопрос о японской агрессии.

Совет просил обе стороны ускорить восстановление нормальных отношений. Для обсуждения дальнейшей ситуации он решил собраться 14 октября 1931 г.

Вскоре стало совершенно очевидным, что все миролюбивые заверения японской дипломатии делались только с целью

[1] *Генри Л. Стимсон*, Дальневосточный кризис, перев. с англ., М. 1938, стр. 20.

отвлечь внимание Лиги наций от продвижения японских войск в Манчжурии. «Я думаю, однако, — писал Стимсон по этому поводу, — что буду вполне точен, если скажу, что никто или почти никто из наблюдателей не ожидал, что японская армия и японское правительство проявят такое полнейшее пренебрежение к вытекающим из договоров обязательствам и к мировому общественному мнению, какое они продемонстрировали за последние несколько месяцев»[1].

В Манчжурию продолжали прибывать всё новые и новые транспорты японских войск; японские самолёты бомбардировали её города. И в то же время японский представитель в Лиге наций не переставал уверять, что Япония не желает никаких территориальных приобретений и что эвакуация японских войск уже началась.

24 октября Совет Лиги вновь принял резолюцию, в которой предложил Японии в трёхнедельный срок вывести свои войска из Манчжурии. Япония голосовала против этой резолюции. Так как резолюция не была принята единогласно, то в соответствии со статутом Лиги председатель Совета Бриан признал её лишённой силы юридической, хотя и «сохраняющей всю свою моральную силу».

26 октября 1931 г. японское правительство опубликовало декларацию, содержавшую изложение основных принципов японской политики в Манчжурии. Декларация провозглашала «взаимный отказ от агрессивной политики и агрессивного поведения»; «полное уничтожение всякого организованного движения, нарушающего свободу торговли и возбуждающего международную ненависть»; «обеспечение действительной охраны во всей Манчжурии мирных занятий японских граждан»; наконец, «уважение договорных прав Японии»[2]. Китайское правительство ответило, что готово во всём пойти навстречу Японии и Лиге наций, если японские войска будут отозваны. Однако военная оккупация Манчжурии продолжалась.

Лига наций оказалась неспособной приостановить японскую агрессию. Это объяснялось не только недостатками устава Лиги. Решающую роль сыграла позиция английской дипломатии. Английское национальное правительство, пришедшее к власти в августе 1931 г. в условиях серьёзного внутреннего кризиса, держалось в вопросе о японском наступлении в Манчжурии не только пассивно, но и явно благожелательно по отношению к Японии. Незадолго до событий в Манчжурии японцы завязали с Англией переговоры: поставлен был на обсуждение вопрос о фактическом разделе Китая на сферы влияния. Лондонские переговоры были прерваны выступлением японской

---

[1] *Генри Л. Стимсон*, Дальневосточный кризис, стр. 33.
[2] Там же, стр. 46.

армии в Манчжурии. Как утверждала оппозиционная английская пресса, оно было предпринято именно потому, что лондонские переговоры создали в Японии уверенность в полном английском невмешательстве.

5 ноября 1931 г. Соединённые штаты отправили Японии резкую ноту, в которой американское правительство высказывалось против непосредственных переговоров между Японией и Китаем впредь до прекращения военной оккупации. В то же время американская дипломатия добивалась в Лондоне и Париже общего дипломатического выступления против Японии. Однако все её усилия оказались безуспешными.

Накануне новой сессии Совета Лиги наций, открывшейся в Париже 16 ноября, английская правительственная пресса категорически заявляла, что консервативное правительство, только что пришедшее к власти, отнюдь «не ввяжется в войну». У нового министра иностранных дел Саймона, утверждала эта печать, уже имеется готовое решение конфликта; может быть, оно не понравится доктринёрам, слепо верующим в Лигу наций, но зато оно трезво учитывает реальную действительность. Далее сообщалось, что между Саймоном и японским послом Мацудайра состоялись исчерпывающие беседы. Установлено, что нарушение Японией устава Лиги наций имеет лишь технический, или формальный, характер. По существу Япония права, претензии её вполне обоснованы, и только избранными Японией средствами можно добиться законного удовлетворения от такого народа, как китайцы.

Как вскоре выяснилось, предложение Саймона сводилось к тому, чтобы Китай, не претендуя ни на какие предварительные гарантии, вступил в непосредственные переговоры с Японией и обязался уважать договорные права Японии в Манчжурии. Япония же уведёт свои войска тогда, когда сочтёт себя вполне удовлетворённой.

Против предложения Англии высказались, однако, Соединённые штаты.

Парижская сессия Лиги наций проходила в крайне напряжённой обстановке. Совет Лиги наций решил, по предложению Японии, послать в Манчжурию комиссию обследования. 10 декабря Совет назначил комиссию из пяти членов, которой было поручено ознакомиться с положением на месте. Правительства Китая и Японии обязывались предоставить комиссии по её требованию все необходимые сведения.

Японо-советский инцидент

Между тем японские войска, продолжая занимать Северную Манчжурию, стали сосредоточиваться на самой границе СССР. В то же время японская печать принялась распространять слухи о том, будто Советский Союз перебрасывает на помощь китайским войскам оружие, самолёты, лётчиков и инструкторов.

Ссылаясь на эти измышления японских газет, японское правительство 28 октября 1931 г. обратилось к правительству СССР с нотой, в которой протестовало против помощи, якобы оказываемой СССР китайским войскам в Манчжурии. Передавая эту ноту, японский посол в Москве подчеркнул, что действиями Японии в Манчжурии не будет нанесено ущерба интересам Советского Союза. В ответ на это заявление народный комиссар иностранных дел 29 октября 1931 г. указал японскому послу, что протест японского правительства не имеет никакой почвы; он основывается на измышлениях и слухах, исходящих от безответственных лиц, заинтересованных в распространении провокационных сообщений. «Правительство Союза держится политики строгого невмешательства не потому, что такая политика может быть угодна или неугодна кому бы то ни было, — заявил народный комиссар иностранных дел Литвинов. — Союзное правительство держится политики невмешательства потому, что оно уважает международные договоры, заключённые Китаем, уважает суверенные права и независимость других государств и считает, что политика военной оккупации, проводимая хотя бы под видом так называемой помощи, несовместима с мирной политикой СССР и с интересами всеобщего мира».

В середине ноября 1931 г. японские войска перерезали КВЖД. Вся мировая печать затрубила о неизбежном столкновении между Японией и СССР.

14 ноября 1931 г. японский посол был приглашён в Наркоминдел. Здесь ему было заявлено, что «союзное правительство с чувством крайнего сожаления вынуждено констатировать, что заинтересованные японские военные круги продолжают заниматься измышлением и распространением через японскую печать и телеграфные агентства лишённых всякой почвы слухов об оказании Союзом ССР помощи тем или иным китайским генералам». Союзное правительство обращает внимание японского правительства на эту недобросовестную антисоветскую кампанию, систематически проводимую некоторыми военными кругами в Манчжурии с целью осложнения отношений между Японией и СССР. Вместе с тем правительство СССР считает своевременным напомнить о заверениях японского посла, что интересам СССР не будет нанесён ущерб событиями в Манчжурии. «Союзное правительство рассчитывает, что заверения, сделанные японским правительством, сохраняют свою силу и не будут нарушены» [1].

В ответ японский посол заявил 19 ноября 1931 г., что японское правительство, соблюдавшее строгий нейтралитет во время советско-китайского конфликта 1929 г., «ожидает ясного заявления о том, что союзное правительство не будет помогать

---

[1] «Известия» от 15 ноября 1931 г.

войскам генерала Ма». Японское правительство «принимает всякие меры к тому, чтобы избежать... нанесения ущерба интересам КВЖД». Если же «произойдёт несчастное событие, то ответственность за это несомненно падает на китайскую сторону».

На японскую ноту последовало ответное заявление Наркоминдела от 20 ноября 1931 г. В нём, между прочим, отмечалась неправильность аналогии между событиями 1929 и 1931 гг.

«Несмотря на совершенно несомненное и очевидное для всех грубое нарушение китайскими властями договорных прав СССР, — гласил советский ответ, — советское правительство не вторгалось и не помышляло вторгаться в Манчжурию. Лишь после повторных нападений китайских и русских белогвардейских отрядов на советскую территорию советские войска перешли манчжурскую границу для отражения нападения, разоружения нападавших и прекращения дальнейших нападений. При этом никакого вопроса о возможности оккупации, хотя бы и временной, советскими войсками китайской территории, о смещении существующих властей и создании новых не возникало. Не было тогда также и отдалённейшей возможности нарушения законных прав и интересов Японии. Как только советские войска выполнили свою ограниченную задачу, они были оттянуты обратно на советскую территорию. Советское правительство не использовало при этом своего военного превосходства и слабости Китая для навязывания последнему каких бы то ни было новых условий или для разрешения проблем, не связанных непосредственно с возникновением конфликта» [1].

Наркоминдел отмечал далее, что, несмотря на заверения японского правительства, военные операции в Манчжурии значительно расширились и вышли далеко за пределы первоначальной их зоны. Это вызывает серьёзное беспокойство правительства СССР. Придавая большое значение добрососедским отношениям с Японией, оно придерживается политики строгого невмешательства в конфликты между различными странами и рассчитывает, что и японское правительство будет стремиться к сохранению существующих взаимоотношений с СССР и во всех своих действиях и распоряжениях будет учитывать интересы СССР.

19 ноября 1931 г. товарищ министра иностранных дел Японии Нагаи сообщил через советского поверенного в делах, что японской армии дан приказ никакого ущерба КВЖД не причинять. Японские войска, — добавил Нагаи, — восстановив порядок, не более как через 4—5 дней уйдут на юг из Цицикара [2].

---

[1] «Известия» от 21 ноября 1931 г.

[2] Цицикар был занят японскими войсками 18 ноября 1931 г.

Однако факты противоречили мнимо миролюбивым заверениям японского правительства. Оккупация Манчжурии сопровождалась антисоветской мобилизацией белых эмигрантов в Манчжурии, переброской на Советский Дальний Восток кулацких и шпионско-бандитских элементов корейской национальности.

Бывший атаман Семёнов собирал новые банды для нападения на Монгольскую Народную Республику. Японская разведка готовила кадры так называемой «российской фашистской партии» во главе с шпионом-диверсантом Родзиевским.

Заняв Харбин, японцы организовали там особые курсы подготовки шпионов специально для посылки в СССР. Курсы выпускали «шофёров», «радистов» и т. п. Курсанты добивались советского подданства и права въезда в СССР, пытаясь устроиться там на военных и промышленных предприятиях, на транспорте и электростанциях с целью вредительства и диверсий.

Антисоветские действия Японии имели целью приобрести союзников среди реакционных кругов Европы и Америки и под предлогом борьбы с большевизмом в Китае беспрепятственно осуществить свои агрессивные планы в Китае.

Агрессия Японии в Китае и позиция держав

10 декабря 1931 г., как указано выше, Совет Лиги наций принял резолюцию о создании комиссии из представителей США, Англии, Франции, Италии и Германии, которая должна была на месте обследовать причины и характер японо-китайского конфликта. Во главе комиссии был поставлен англичанин Литтон.

Правительство минсейто в Токио подало в отставку. 13 декабря образовался новый кабинет военной партии сейюкай. 3 января 1932 г. японские войска заняли Цзиньчжоу, завершив оккупацию Манчжурии.

Отставка кабинета минсейто и назначение сейюкаевского правительства были только конституционной формой фашистского переворота в Японии. Установление диктатуры реакционной военщины, действовавшей по директивам японских магнатов тяжёлой индустрии, сопровождалось волной политического террора в Японии.

Наступление Японии в Манчжурии не вызывало отпора Европы и США. Финансово-промышленный кризис продолжался. Разгорелась валютная война. Торговые обороты сокращались. Банкротства приобретали массовый характер. Безработица всё возрастала.

Япония преодолевала трудности кризиса легче, чем её соперники. Принятая ею с начала кризиса политика инфляции и бросового экспорта помогала японским товарам лучше других находить сбыт на обнищавшем мировом рынке. Военная промышленность поглощала резервы безработных.

Японская дипломатия рассчитывала, что при разногласиях Англии и США применение даже экономических санкций к Японии окажется невозможным.

Между США и Англией не было единства в отношении Японии. 5 января 1932 г. Стимсон конфиденциально обсудил с английским послом проект общей ноты Японии по поводу нарушения ею политики «открытых дверей» в Китае.

После этого, 7 января 1932 г., Стимсон обратился к Японии и Китаю с идентичными нотами, в которых излагалась позиция США в манчжурском вопросе.

«США не намерены,—гласила нота,—признавать положение, договор или соглашение, стоящие в противоречии с условиями и обязательствами Парижского договора от 27 августа 1928 г., который подписан как Китаем и Японией, так и США» [1].

Ссылка на пакт Келлога — Бриана имела целью приобщить к так называемой «доктрине Гувера — Стимсона», сводившейся к непризнанию каких бы то ни было разделов Китая, все страны, подписавшие Парижский договор 1928 г.

Но оказалось, что Англия не поддержала США.

11 января 1932 г. английское правительство опубликовало коммюнике, которое было воспринято всей мировой печатью и прежде всего японским правительством как дипломатический отпор Соединённым штатам.

Коммюнике гласило: «Правительство его величества поддерживает для международной торговли в Манчжурии политику „открытых дверей", гарантированную договором девяти держав в Вашингтоне. Со времени недавних событий в Манчжурии японские представители в Совете Лиги наций в Женеве заявили 13 октября, что Япония является в Манчжурии чемпионом принципа равных возможностей и „открытых дверей" для экономической активности всех наций. Далее 28 октября японский премьер заявил, что Япония примыкает к политике „открытых дверей" и приветствует сотрудничество в торгово-промышленной жизни Манчжурии. Ввиду этих заявлений правительство его величества не сочло необходимым адресовать официальную ноту японскому правительству, подобную ноте американского правительства, а японскому послу в Лондоне было предложено получить от своего правительства подтверждение этих заверений».

Комментируя это решение британского правительства, газета «Times» в передовой статье того же дня прямо высказывалась за поддержку японского правительства. Газета заявляла, что Япония не может считаться с Китаем, который даже не представляет собой «целостного государства».

---

[1] *Bailey,* A Diplomatic history of the American people, 1940, № 1, p. 727.

«Нам кажется также, — заявляла газета, — что защита административной целостности Китая отнюдь не является ближайшей задачей нашего Министерства иностранных дел, пока эта целостность не превратится в нечто большее, чем идеал... Эта целостность не существовала в 1922 г., не существует она и сегодня. Со времени подписания договора девяти держав не было ни одного случая, когда бы центральное правительство Китая проявило действительную административную власть над обширными и разнообразными районами его громадной территории».

22 марта 1932 г. министр иностранных дел Саймон разъяснил в Палате общин, что в отношении Японии правительство Великобритании может действовать только дружелюбно-примирительными методами. Стимсон оценивал эти методы как «победу Сити над Даунингстритом», т. е. торжество материальных выгод Англии над её политическими интересами на Дальнем Востоке.

На самом деле то была победа реакционных элементов консервативной партии в правительстве, в Парламенте и в дипломатии.

В глазах этих деятелей Япония выступала на Дальнем Востоке как чемпион борьбы против «русского коммунизма» и «китайского национализма». Именно это и обеспечивало японской агрессии на Дальнем Востоке поддержку со стороны английских реакционеров.

Несколько позже, 27 февраля 1933 г., Остин Чемберлен, характеризуя свою позицию в манчжурском вопросе в 1931 г., откровенно заявлял в Парламенте: «Когда началась смута в Манчжурии, обстоятельства были неясны ввиду продолжительной и серьёзной провокации, которую Япония терпела со стороны Китая. Мои симпатии были всецело на стороне Японии».

«Признаюсь, — заявил другой член Парламента, Эмери, — я не вижу, почему Англия должна самостоятельно или в союзе с другими странами выступать на деле, на словах или морально против Японии... Если вы учтёте, что Япония нуждается в рынках и... в мире и порядке, то кто из вас решится бросить в неё камень и сказать, что Япония не должна была защищаться против постоянных агрессивных действий со стороны китайского национализма».

Убедившись в безнаказанности своей агрессии в Манчжурии, японский империализм более решительно перешёл к дальнейшему наступлению в Китае. Новый японский министр иностранных дел в своём ответе на ноту США заявил 16 января 1932 г., что «Япония стремится защитить в Манчжурии и в Китае принцип открытых дверей; однако состояние политической неопределённости и смуты в Китае препятствует этому».

Закрепление позиций Японии в Манчжурии

Дело не ограничилось нотами. Через два дня Япония приступила к «установлению порядка» в Центральном Китае, в первую очередь в крупном промышленном и рабочем центре Шанхае. Эта агрессия имела также целью оказать давление на позицию держав, имевших в Шанхае крупные капиталовложения.

18 января 1932 г. у ворот китайской фабрики в Чапее (предместье Шанхая) произошла драка между японцами и китайцами. Японцы подожгли фабрику, убили нескольких китайцев и потребовали от китайского мэра Большого Шанхая удовлетворения.

Мэр Шанхая поспешил удовлетворить все требования японцев. Тем не менее в Шанхай были вызваны два японских крейсера с морской пехотой и 16 истребителей. Поздно вечером 28 января раздалась неожиданная ружейная и пулемётная стрельба японских войск, занявших Чапей. На рассвете бомбардировщики забросали бомбами Чапей, где проживало исключительно гражданское население. Только благодаря энергичному вмешательству американского и английского консулов бомбардировка через несколько часов была прекращена.

Нанкинское правительство обратилось к США с просьбой о содействии. Одновременно оно просило Лигу наций рассмотреть японо-китайский конфликт в порядке применения статьи 15 устава Лиги.

Государственный секретарь США Стимсон предложил Англии план общих действий против японской агрессии в Китае. Нападение японцев на Чапей произвело в Лондоне сильное впечатление. Под его влиянием 29 января английское правительство в очень энергичной форме выразило Японии своё беспокойство по поводу военных действий в Шанхае и даже послало в Шанхай два крейсера. Помимо того, англичане предложили проект создания «генеральной зоны» вокруг международного сеттльмента.

Однако японцы продолжали игнорировать права «неприкосновенной территории» иностранного сеттльмента и высаживали там свои войска. 1 февраля японцы бомбардировали Нанкин. 6 февраля самолёты Японии громили лагерь беженцев, спасавшихся от наводнения. Эти акты грубой агрессии вызвали во всём мире взрыв негодования.

Бомбардировка Шанхая взволновала и общественное мнение США. Многие газеты требовали экономического бойкота Японии. Однако в США были ещё сильны те круги, которые считали реакционно-империалистическую Японию «бастионом порядка» в Китае. Принадлежавший к этим кругам Гувер считал экономические санкции слишком опасным орудием воздействия. Поэтому он ограничился дипломатическим протестом.

Незадолго до этого Стимсон заявил Японии ещё один протест против нарушения договора девяти держав. Англия, однако, не присоединилась к протесту.

Тогда Стимсон решил оказать давление на Англию при помощи общественного мнения.

23 февраля 1932 г. Стимсон написал письмо к сенатору Бора, председателю сенатской комиссии по иностранным делам. В письме подробно излагалась политика США в отношении Китая. Как свидетельствует сам Стимсон, письмо имело в виду «по меньшей мере пять неназванных адресатов». Оно должно было ободрить Китай и служило вежливым напоминанием британскому правительству о совместно принятых обязательствах в соответствии с договором девяти держав. Оно намечало программу действий в манчжурском вопросе для предстоявшей сессии Лиги наций. Письмо апеллировало к общественному мнению США. Наконец, оно напоминало Японии, что против нарушения договора девяти держав могут выступить все подписавшие его державы.

Это письмо, одобренное Гувером и Бора, 24 февраля было передано прессе.

Японская дипломатия решила сманеврировать. Ещё 31 января 1932 г. японский премьер дал понять иностранным послам в Токио, что Япония готова вступить в переговоры о прекращении военных действий. Японцам необходимо было создать условия для подготовки дальнейшего продвижения в Китай и закрепления своих позиций в Манчжурии.

Завладев почти всей Манчжурией, японцы постарались придать этому захвату видимость законности. 18 февраля 1932 г. японские оккупанты, опираясь на подкупленную верхушку манчжурских властей, провозгласили «независимость» Манчжурии от Китая. 9 марта того же года на оккупированной японцами территории было создано марионеточное государство Манчжоу-Го. 15 сентября 1932 г. Япония «признала» Манчжоу-Го и заключила с ним военный союз, который предусматривал право Японии содержать в пределах Манчжоу-Го свои войска «для поддержания государственной безопасности».

Комиссия Литтона

Так как военные действия в Китае продолжались, а обращения Лиги наций к Японии с призывом мирно урегулировать конфликт с Китаем не достигали цели, Совет Лиги наций по предложению правительства США принял 11 марта 1932 г. резолюцию о непризнании японских захватов в Китае.

Между тем комиссия Литтона продолжала обследовать положение в Манчжурии. Осенью 1932 г. комиссия представила Совету Лиги наций доклад, в котором устанавливалось, что японцы «имели точно составленный план поведения на случай возможных военных действий между ними и китайцами». В то же время

комиссия подтверждала, что китайские войска не имели намерения нападать на японцев и не угрожали жизни и имуществу японских подданных. Комиссия Литтона констатировала, что «Манчжурия является китайской страной»; однако Япония осуществляла в ней в течение долгого времени полицейские и административные функции, опираясь на вооружённые силы во всей зоне, соприкасающейся с Южно-Манчжурской железной дорогой. Это и создало то ненормальное положение, которое привело к японо-китайскому конфликту в Манчжурии [1].

Комиссия Литтона рекомендовала Лиге наций воздержаться от признания Манчжоу-Го и созвать конференцию для обсуждения вопроса об интернационализации Манчжурии. Она предлагала превратить Манчжурию в «автономную» область со специальным режимом управления, основанным на сочетании территориальной и административной целостности Китая с предоставлением Манчжурии широкой автономии и с признанием наличия в Манчжурии особых прав и интересов Японии.

В духе двусмысленных предложений комиссии Литтона новая сессия Лиги наций 24 февраля 1933 г. вынесла резолюцию о японо-китайском конфликте. Хотя эта резолюция и признала незаконным захват Манчжурии и объявляла его нарушением Японией «договора девяти держав» от 6 февраля 1922 г., всё же она отмечала «особые права и интересы» Японии в этой китайской провинции.

27 февраля 1933 г. английский министр иностранных дел Саймон выступил в Палате общин с речью, в которой заявил, что английское правительство не намерено предпринимать какие-либо шаги против Японии. Он сообщил также о запрещении Англией вывоза оружия в Китай. Это заявление Джона Саймона было открытым признанием несогласия Англии с решением Лиги наций. Ещё на заседании Лиги после доклада Литтона Саймон произнёс речь в защиту Японии. Вся американская печать расценила это выступление как доказательство того, что английская дипломатия занимает прояпонскую позицию. Сам японский делегат в Лиге наций, выходя из зала после речи английского министра, с восторгом заявил, что «сэр Джон Саймон сумел в полчаса несколькими фразами изложить всё то, что он, Мацуока, в течение последних десяти дней пытался передать на своём ломаном английском языке» [2].

Что касается позиции США, то она нашла своё отражение в декларации Стимсона, опубликованной в прессе 25 февраля.

«В ситуации, — заявлял Стимсон, — которая создалась в связи с распрей между Китаем и Японией, намерения Соеди-

[1] «Report of the Comission of Inquiry» («Litton Report»), «League of Nations», 1932, ch. III, p. 330.

[2] *Генри Л. Стимсон,* Дальневосточный кризис, стр. 149.

нённых штатов в общих чертах совпали с намерениями Лиги наций. Наша общая цель — поддержание мира и ликвидация международных споров мирными средствами...» Стимсон заявлял, что правительство США согласно с выводами комиссии Литтона и присоединяется к общим принципам, рекомендованным Лигой наций для урегулирования японо-китайского конфликта.

Советское правительство было приглашено Лигой наций присоединиться к резолюции. На это предложение Лигой был получен ответ, гласивший, что «советское правительство с самого начала японо-китайского конфликта, желая по мере сил воспрепятствовать дальнейшему расширению военного конфликта и возможному превращению его в источник нового мирового пожара, стало на путь строгого нейтралитета. В соответствии с этим советское правительство, верное своей мирной политике, всегда будет солидарно с действиями и предложениями международных организаций и отдельных правительств, направленными к скорейшему и справедливому разрешению конфликта и обеспечению мира на Дальнем Востоке» [1]. Указывая на эти обстоятельства, правительство СССР сообщало, что оно не находит возможным присоединиться к постановлениям Лиги наций.

В докладе на третьей сессии ЦИК СССР 23 января 1933 г., оценивая роль пактов о ненападении, предложенных советским правительством ряду государств, в том числе и Японии, т. Молотов подчеркнул, что заключение такого рода пактов было крупным достижением советской дипломатии: «Мы считаем, что, с точки зрения интересов всеобщего мира, надо занести в актив советской власти такие факты, как подписание и ратификация пактов о ненападении со стороны Польши, Финляндии, Латвии и Эстонии. Мы считаем, что эти пакты имеют своё значение для дела укрепления мира» [2].

Дальневосточные осложнения попытались использовать против СССР все те антисоветские круги, которые ещё не оставляли мысли об организации интервенции империалистических держав против СССР. Русские белогвардейцы во Франции открыто и систематически вели кампанию за объявление войны против СССР. Не прекращались и провокации с целью вызвать военный конфликт между СССР и европейскими державами.

5 марта 1932 г. русский белогвардеец Штерн покушался на убийство советника германского посольства в Москве Твардовского. Спустя короткое время, 6 мая 1932 г., белогвардеец Горгулов смертельно ранил в Париже президента Французской республики Поля Думера. Убийство президента было организовано Русским общевоинским союзом, во главе которого

---

[1] «Известия» от 8 марта 1933 г.

[2] *Молотов,* В борьбе за социализм, М. 1935, стр. 413.

стоял один из главных организаторов интервенции в СССР, генерал Миллер. Официоз этой белогвардейской организации в Париже «Возрождение» открыто призывал к новой интервенции против СССР. Горгулов сам признался, что убийство президента имело целью спровоцировать войну Франции против СССР.

Антисоветские реакционные круги, организовавшие это убийство, долго препятствовали заключению советско-французского договора о ненападении, а затем его ратификации, которая состоялась только в феврале 1933 г.

В целях подготовки антисоветской интервенции империалистические правительства некоторых стран использовали не только открытых врагов советской власти — белогвардейцев-эмигрантов, но и тех изменников родины в СССР, которые предавали советский народ, находясь иногда на ответственных советских и партийных постах. Как показал впоследствии процесс право-троцкистского центра, троцкистские и бухаринские шпионы, действуя по заданию иностранных разведок, выполняли в СССР диверсионные акты, вели вредительскую работу по подрыву обороны страны, по подготовке поражения Красной Армии и т. п.

В этой обстановке антисоветских провокаций и прямой подготовки новой войны и интервенции Советский Союз проявлял не только бдительность, выдержку и дипломатическое искусство, но и глубокую принципиальность во всех вопросах международной политики.

Отвечая на замечания министра иностранных дел Японии Уцида, что в период маньчжурских событий советское правительство занимало «осторожную позицию», т. Молотов подчеркнул эту сторону советской внешней политики. «Считаю необходимым заметить, — заявил т. Молотов, — что дело не только в том, что политика Советского Союза осторожная. Эта политика не только осторожная, но и продуманная, причём советское правительство исходит и здесь, прежде всего, из интересов дела всеобщего мира и из интересов укрепления мирных отношений с другими странами. Эту политику, политику мира, и впредь правительство СССР будет последовательно и неуклонно проводить в своих взаимоотношениях с другими государствами, как бы её ни расценивали те или иные правительства» [1].

Выход Японии из Лиги наций (27 марта 1933 г.)

Японское правительство решительно отвергло доклад и предложения комиссии Литтона. «Япония будет продолжать свою твёрдо установленную политику в Манчжурии, независимо от выводов комиссии Литтона», — заявил генерал Муто, посол и главнокомандующий в Манчжурии.

---

[1] *Молотов*, В борьбе за социализм, стр. 415.

Такую же вызывающую позицию занял и японский представитель в Женеве.

В ответ на принятие Лигой наций доклада Литтона японское правительство заявило 27 марта 1933 г. о выходе Японии из Лиги наций. Такое решение оно мотивировало глубоким расхождением взглядов Японии и Лиги наций «в области политики мира, в особенности в области основных принципов, коим надлежит следовать для того, чтобы установить прочный мир на Дальнем Востоке».

В связи с выходом Японии из Лиги наций японская военщина открыто ставила вопрос о войне. В воззвании генерала Араки, обращённом к японской армии, подчёркивалась задача дальнейшего завоевания Японией мирового господства. «Сегодня, — писал Араки, — император санкционировал решение о выходе Японии из Лиги наций, принятое правительством, вследствие разногласия с Лигой по вопросу о традиционной политике Японии, направленной на установление и сохранение мира на Дальнем Востоке. Международное положение в будущем не позволит ни малейшего ослабления бдительности с нашей стороны... Все офицеры и солдаты должны понять серьёзность обстановки и подумать о миссии императорской армии, чтобы ещё лучше проводить высокие принципы армии, ещё крепче сплотиться и поднять её престиж внутри страны и за границей».

Выход из Лиги наций был фактическим разрывом Японии со всей совокупностью договоров, составлявших версальско-вашингтонскую систему. Действия Японии на Дальнем Востоке развивались в том же плане, какому следовала в Европе политика Германии и Италии. Так закладывались основы агрессивной коалиции военно-фашистских диктатур.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ ПО РАЗОРУЖЕНИЮ И БОРЬБА СССР ПРОТИВ ДАЛЬНЕЙШИХ ВООРУЖЕНИЙ (1932—1933 гг.)

Крах пацифистской дипломатии

Открытое нарушение Японией версальско-вашингтонской системы не встретило серьёзного противодействия со стороны других держав. Средства «морального давления», которые составляли главное оружие в арсенале пацифистской дипломатии, оказывались бессильными; они не столько способствовали укреплению мира, сколько приводили к прямо противоположным результатам. Громоздкий аппарат пацифистской дипломатии, всяческие конференции — по разоружению, по репарациям, по «восстановлению Европы» и т. д., — сама Лига наций с её сложной системой сессий и комиссий меньше всего могли быть средством воздействия на поджигателей войны. Более того, агрессоры открыто издевались над «женевскими миротворцами».

В такой политической обстановке приближалось открытие Международной конференции по разоружению. Самый созыв конференции в это время не был простым совпадением. В доказательство этого личный секретарь Гендерсона, председателя конференции, Ноэль-Беккер ссылался на достаточно авторитетных свидетелей. «Я знаю людей, занимающих ответственное положение, — заявлял Ноэль-Беккер, — которые считают, что захват манчжурских провинций Китая решён был японским военным руководством после консультации с владельцами европейских военных заводов. Срок этого вторжения был намечен с таким расчётом, чтобы конференция по разоружению, в момент её созыва Лигой наций, была сведена на нет».

Существовала, однако, не только прямая связь между японским агрессором и европейскими поставщиками оружия. Имелась и более сложная взаимная зависимость войны в Китае и событий в Центральной Европе.

Японский опыт безнаказанной агрессии окрылил прежде всего германских империалистов. С этого времени их борьба против мирных договоров вступает в новую фазу. Германия переходит к открытому и повсеместному низвержению версальской системы.

В авангарде этой борьбы шла гитлеровская партия национал-социалистов. Стремясь к захвату власти в Германии, она прибегла к шовинистической демагогии для привлечения на свою сторону мелкобуржуазных масс. Версальский договор гитлеровцы изображали как основную причину всех бедствий германского народа. Против него они разжигали ярость масс. Под лозунгами «национальной революции», «против веймарских банкротов» и «версальского диктата» фашистские демагоги вовлекали в контрреволюцию миллионы разорённых и озлобленных немцев.

Гитлеровцы использовали для своих целей эту демагогию не только внутри страны.

Обращаясь к международному общественному мнению, их дипломатия изображала Версальский договор как главную причину якобы нарастающей революции в Европе.

«Мы убеждены, — говорил Гитлер по радио в конце декабря 1931 г., — что победа коммунизма в Германии была бы началом общей мировой катастрофы. Все надежды на оздоровление мира пришлось бы похоронить в тот момент, когда красный советский флаг был бы перенесён из Москвы в Гамбург и Гейдельберг».

Шесть миллионов коммунистов в Германии, продолжал Гитлер, — это «коммунистическая опасность» для всей Европы. Решающий бой против коммунизма будет дан в Германии. Поэтому как избавительница человечества от «большевистской чумы» она должна получить равноправие и освобождение от версальских оков. Эту мысль Гитлер развивал на все лады с упорством маньяка, с назойливостью отъявленного шантажиста. Гитлер рассчитывал, что поддавшиеся панике, малодушные и своекорыстные буржуазные политики Англии и Америки поддержат национал-социалистов и не будут препятствовать приходу к власти в Германии фашистского правительства.

Гитлер стремился заручиться также содействием итальянских фашистов. Ещё в мае 1931 г. его подручный Геринг использовал свои старые связи с итальянским маршалом авиации Бальбо, чтобы ознакомить Муссолини с деятельностью Гитлера и с его планом установления в Германии фашистской диктатуры.

Муссолини принял Геринга весьма сдержанно. Он ещё не желал себя связывать с Гитлером никакими обещаниями.

Между Германией и Италией стоял неурегулированный тирольский вопрос. Правда, Гитлер ещё в 1930 г. согласился признать итальянский тезис, что «Тироль путём плебисцита сам пришёл к Италии». Но уже в 1931 г. один из нацистских лидеров, доктор Франк, на собрании студентов в Инсбруке заявил, что «будущая Германия, простирающаяся от Южного Тироля до Чёрного моря, освободит германские тер-

ритории, отторгнутые от своей родины». Это заявление вызвало сильнейшее возбуждение в Италии, и Гитлеру пришлось дезавуировать своего единомышленника.

Для обработки общественного мнения Англии в пользу будущего нацистского правительства Гитлер в начале декабря 1931 г. послал в Лондон своего «теоретика» по вопросам внешней политики Розенберга.

Ни Болдуин, ни другие члены английского правительства не приняли гитлеровского эмиссара. Розенбергу удалось только встретиться с некоторыми лидерами консервативной партии и представителями банковских кругов. В частности он имел беседы с директором Английского банка Монтегю Норманом. Розенберг пытался убедить этого финансиста в том, что гитлеровская партия не отказывается от уплаты коммерческих долгов, — она только добивается мирного пересмотра репараций. В то же время Розенберг настаивал на проведении в жизнь той статьи устава Лиги наций, которая имела в виду пересмотр вопроса о вооружениях каждые десять лет. Лига наций была основана в 1919 г., но ещё ни разу не производила этого пересмотра. Тут же, стремясь рассеять опасения насчёт воинственных замыслов Германии, Розенберг пытался убедить англичан в неправильности общего мнения о том, что «нацисты — это партия войны». «Мы не можем сражаться, даже если бы хотели этого, — заявлял эмиссар Гитлера. — Мы не располагаем ни военной программой, ни деньгами, ни вооружением, кроме небольшой армии, разрешённой нам мирными договорами». «Мы не желаем войны, но добиваемся равноправия немцев во всём мире, — вторил этим заявлениям сам Гитлер на приёме нацистских депутатов из Судетской области. — Война между европейскими государствами означала бы открытие дверей для большевизма. С первым пушечным залпом большевистская революция оставила бы свои визитные карточки в столицах европейских государств»[1].

Угрозу миру, утверждал Гитлер, несут не германские национал-социалисты: «Французский милитаризм вместе с русским большевизмом представляет в настоящее время одну из величайших опасностей для спокойного развития человечества».

Заигрывая с англичанами, Гитлер старался уверить их в том, что нацисты никогда не стремились к взрыву Британской империи в Индии или в других местах.

Американцев он пытался убедить в том, что выплата Германией репараций по Версальскому договору могла бы принести Америке и Англии только убытки. Германия вынуждена была бы увеличить свой экспорт до крайних пределов. Это означало

[1] «Deutsche Allgemeine Zeitung», 12. XII. 1931.

бы *демпинг,* опасный для других стран. Германия была бы единственной страной в мире, не знающей безработицы. Всюду сбывались бы дешёвые и хорошие по качеству германские товары. Такова ли цель Версальского договора? Этот договор навязан Германии Францией, желающей господствовать над Европой и даже над всем миром. «Если Франции позволят и дальше проводить её методы финансовых угроз и политических вымогательств, — пугал Гитлер, — то мир в известном смысле слова станет французским, и Франция осуществит, таким образом, свою программу мирового господства».

Эти попытки Гитлера вбить клин между недавними союзниками и использовать противоречия между ними, чтобы добиться отмены репараций и военных ограничений, разоблачались французской печатью.

«Гитлер, раздувающий гражданскую войну, призывающий к крестовому походу против большевизма, — писала французская газета «Temps», — борется в то же время с Версальским договором и с французским „милитаризмом“. Весь этот маневр сводится к тому, чтобы вбить клин между Францией и англосаксонскими странами». Французский журналист не отметил, что Гитлер одновременно вбивал клин между демократическими странами и Советским Союзом. Для Гитлера «восточный клин» был основанием всех его планов.

Международная конференция по разоружению

В обстановке всё более обостряющихся противоречий между империалистическими странами открылась 2 февраля 1932 г. в Женеве Международная конференция по разоружению.

По свидетельству американского государственного секретаря Стимсона, «в мире господствовал дух пораженчества»; в Женеве среди малых наций, напряжённо следивших за малейшими признаками действенности Лиги наций и её статута, «царила унылая атмосфера» [1]. Бессилие Лиги наций и невозможность её средствами разрешить проблемы международных долгов, репараций, разоружения, безопасности были уже очевидны для многих. Пацифистские иллюзии рассеялись.

Французская делегация в Женеве занимала позицию, явно продиктованную страхом перед возрастающей агрессивностью Германии.

Французы вновь выступили с предложением создать «международную армию» при Лиге наций. Они предлагали всем государствам передать для этой цели в распоряжение Лиги наций известную часть гражданской и бомбардировочной авиации, а также часть своих сухопутных и морских вооружённых сил.

[1] *Генри Л. Стимсон,* Дальневосточный кризис, стр. 137.

Французы настаивали также на заключении договоров о дополнительных гарантиях безопасности Франции и о новых военных союзах. Французские представители всеми силами стремились к сохранению военного превосходства Франции над Германией.

Германия на конференции проводила ту же линию, что и на подготовительной комиссии.

Перед самым открытием конференции по разоружению германские буржуазные партии всех оттенков провели сообща кампанию в пользу «равенства Германии в вооружениях».

На самой конференции глава германской делегации Брюнинг заявил: «Германское правительство, как и германский народ, просит, чтобы разоружение стало всеобщим. Германский народ требует равенства прав и равенства безопасности всех народов» [1].

Английская делегация занимала на конференции руководящее положение. Но вступительная речь Гендерсона, открывшего конференцию, как отмечала даже английская пресса, «не содержала ни одного намёка на созидательную или продуманную политику».

Позиция английской делегации на конференции отличалась той же неопределённостью, какая характеризовала отношение к Германии различных политических кругов Англии. Сторонники «восстановления равновесия» в Европе высказывались за германское «равноправие» в вооружениях. Под влиянием гитлеровской демагогии одни стремились вооружить Германию против Франции, другие — против СССР. Некоторые влиятельные журналисты, как, например, Гарвин в «Observer», прямо требовали пересмотра Версальского договора в пользу Германии. 8 февраля 1932 г. министр иностранных дел Англии Джон Саймон огласил на конференции официальный английский проект. Он предлагал уничтожить подводный флот, химические средства войны, отменить всеобщую воинскую повинность, одобрить Вашингтонское и Лондонское соглашения о морских вооружениях и образовать постоянную комиссию по разоружению для дальнейшего контроля и регулирования вооружений.

Французские требования дополнительных гарантий отвергались английской делегацией. Осуществление этих требований могло укрепить международные позиции французского империализма. Поэтому англичане заявляли, что необходимо ограничиться гарантиями, предоставленными в Локарно.

Представитель Соединённых штатов Гибсон выступил с предложением сократить сухопутные силы до уровня, необхо-

[1] *Wheeler-Bennet*, The pipe dream of peace, p. 16—17.

димого для охраны внутреннего порядка. Кроме того, он предлагал сократить тоннаж военно-морского флота в одинаковом проценте к наличным силам каждой страны. Япония возражала против этого предложения и требовала пересмотра решений Вашингтонской и Лондонской морских конференций, подчёркивая своё «особое» положение на Тихом океане.

Италия поддержала на конференции требования «равноправия» Германии в вооружениях. Итальянский фашизм добивался этим ослабления Франции, лелея мысль о территориальных приобретениях за её счёт. Однако противоречия между Италией и Германией из-за Тироля и влияния в Юго-Восточной Европе были достаточно серьёзными. Поэтому итальянцы предлагали годичное «перемирие» в вооружениях. Этот неожиданный пацифизм итальянцев объяснялся также и финансовыми затруднениями, которые Италия испытывала в годы кризиса; при таких условиях ей не приходилось мечтать о том, чтобы самой значительно увеличить свои вооружения.

Зато по вопросу о размерах военно-морского флота итальянская делегация проявляла особую настойчивость, требуя полного равенства с Францией.

Позиция СССР на конференции по разоружению

Советская делегация последовательно проводила на конференции линию, направленную к действительному разоружению. Во вступительной речи, произнесённой на пленуме конференции 11 февраля 1932 г., председатель советской делегации Литвинов отметил, что советское правительство исключает войну как орудие национальной политики. Ещё в подготовительной комиссии по разоружению советская делегация указывала на растущую опасность новых войн. Это предостережение высмеивалось империалистическими кругами и вызывало упрёки в пессимизме. А между тем конференция открылась под грохот пушек...

«Два государства, связанных между собой пактом Лиги наций и Парижским договором 1928 г., — говорил глава советской делегации, — находятся уже пять месяцев в состоянии *войны* де факто, если не де юре. *Война* ещё не зарегистрирована и не засвидетельствована у нотариуса, но огромные территории одного из этих государств оккупированы вооружёнными силами другого государства, а между регулярными войсками обеих стран происходят сражения с участием всех родов оружия, с тысячами убитых и раненых»[1].

Правда, всё это происходит вдали от Европы. Но в настоящее время разъединённых политически и экономически материков не существует; в самой Европе едва ли найдётся двое

[1] «СССР в борьбе за мир». Речи и документы, М. 1935, стр. 75.

соседей, которые не имели бы между собой серьёзных территориальных счётов.

Наиболее верной гарантией против войны, по мнению советской делегации, может быть лишь всеобщее и полное разоружение. Поэтому она предложила заключить конвенцию о всеобщем разоружении, а в случае её отклонения выдвигала проект конвенции о пропорциональном и прогрессивном сокращении вооружений. Советское предложение поддержала только турецкая делегация.

Таким образом, точка зрения советского правительства не встретила ни понимания, ни поддержки большинства делегатов конференции. В частности усилия английской делегации направлены были к тому, чтобы не вызвать чем-нибудь недовольства японской делегации. Саймон всё время пугал делегатов тем, что неосторожное давление на Японию может вызвать её уход с конференции и тем самым привести дело разоружения к срыву.

Такая позиция официальной английской дипломатии объяснялась тем, что влиятельные круги английской буржуазии, как и тогдашнее английское правительство, стремились не к общей безопасности, а лишь к «локализации» войны, дабы предохранить от неё Англию. Поэтому английское правительство и предпочитало не вмешиваться в японо-китайский конфликт. Притом же в развитии военных событий на Дальнем Востоке была непосредственно заинтересована и английская тяжёлая промышленность. На долю английских фабрикантов оружия приходилась почти *треть* его мирового экспорта, шедшего, между прочим, в Японию и Китай.

Борьба Германии за отмену репараций

Дальневосточные события и позиция держав, участвовавших в Международной конференции, ободрили Германию в её борьбе за отмену версальских и позднейших ограничений. Под предлогом экономического кризиса германское правительство отказалось от выполнения даже тех облегчённых обязательств, которые были установлены для неё по плану Юнга.

В последний раз французское правительство добилось от Германии уплаты трёх с половиной миллиардов репараций перед эвакуацией Рейнской зоны, т. е. в середине июня 1930 г. Но уже в сентябре того же года нацисты получили в новом Рейхстаге огромный прирост числа голосов; в результате этого саботаж репараций ещё усилился. Мораторий Гувера окончательно приостановил уплату репараций и вообще германских долгов. Зато иностранные капиталовложения в Германии к этому времени (за период 1924—1930 гг.) возросли до 25 миллиардов марок. Одних только английских долгосрочных инвестиций в Германии имелось на 54 миллиона фунтов стерлингов, в том

числе 24 миллиона фунтов стерлингов по двум репарационным займам (по плану Дауэса и Юнга). Краткосрочные английские займы достигли в Германии 100 миллионов фунтов стерлингов — в два раза большей суммы, чем во всех остальных странах Европы.

Таким образом, якобы для выполнения своих международных обязательств, Германии удалось получить от Англии и США значительную финансовую помощь. Общая сумма полученных Германией иностранных капиталов достигла к этому времени 25 миллиардов марок. Эта сумма в два с половиной раза перекрывала сумму в 10 миллиардов, уплаченных Германией за всё время в счёт репараций.

Тем не менее германское правительство сумело добиться от Базельского банка международных расчётов благоприятного для себя заключения о невозможности ввиду кризиса уплаты репараций.

По опубликовании базельского доклада экспертов английское правительство Макдональда выступило с предложением скорейшего созыва новой репарационной конференции. В речи английского премьера 24 декабря 1931 г. явственно прозвучали нотки паники перед возможностью экономической катастрофы или даже революции в Германии. «Доклад экспертов, — говорил Макдональд, — показал вполне ясно, что правительства должны собраться, не тратя ни единого дня на ненужные отсрочки... Ради бога, встретимся поскорее».

Через несколько дней, 30 декабря 1931 г., английское правительство сделало всем заинтересованным в репарациях правительствам официальное предложение о созыве конференции в Лозанне.

Соглашаясь на конференцию и ссылаясь на базельский доклад, германский канцлер Брюнинг поспешил заявить 9 января 1932 г. через телеграфное агентство Вольфа, что в условиях кризиса план Юнга явно невыполним и что Германия платить репарации не в состоянии.

На другой день Брюнингу от имени французского правительства ответил министр финансов Фланден. Он заявил, что ни один француз не согласится на отказ Германии от плана Юнга и на отмену «священного права Франции на репарации». «Если Лозаннской конференции, — говорил Фланден, — будет предшествовать такое признание в собственной несостоятельности, то бесполезно её и созывать».

Это заявление Фландена ещё туже затягивало узел франко-германских противоречий. Обострение их было в интересах германских фашистских кругов. Оно давало им возможность переложить всю ответственность за международные осложнения на «неуступчивое» французское правительство. С другой стороны, «французский аргумент» пригодился фашистам и во внутрен-

ней политике Германии. Перевыборы президента Гинденбурга 13 марта 1932 г. привели к новому росту влияния гитлеровцев.

Продление президентских полномочий Гинденбурга явилось результатом переговоров с Гитлером, который не возражал против избрания Гинденбурга, при условии назначения его самого рейхсканцлером. Брюнинг пытался убедить Гитлера, что это невозможно, пока не будет достигнута отмена репараций, а эта уступка может быть сделана державами лишь ему, Брюнингу, но не Гитлеру. Однако на пост рейхсканцлера был уже намечен близкий к окружению Гинденбурга Франц фон Папен, один из наиболее характерных представителей будущей фашистской дипломатии.

По происхождению прусский юнкер, Папен начал свою дипломатическую карьеру в качестве военного атташе при германском посольстве в Вашингтоне, где он в 1914 г. фактически был шпионом Германии. Высланный в 1915 г. из Соединённых штатов, он продолжал свою шпионскую деятельность в Палестине и Сирии, будучи в составе штаба турецкой армии. Приспособляясь ко всем режимам, он приобрёл репутацию дипломата исключительной изворотливости. Богатый помещик, фон Папен умел в то же время завязать тесные связи с рейнскими промышленниками благодаря женитьбе на дочери одного из них. Стоя нарочито как бы в стороне от активной политики, он плёл паутину своих интриг за кулисами, особенно через основанный им «Клуб господ».

Национал-социалисты при посредстве Риббентропа попытались в начале 1932 г. перетянуть Папена на свою сторону. Они рассчитывали, что он добьётся у Гинденбурга замены Брюнинга Гитлером. Но Папен сам стремился стать рейхсканцлером, и 30 мая 1932 г. сменил на этом посту Брюнинга. Новый пост открывал ему широкие возможности для политических интриг как во внутренней, так и во внешней политике. Эти свои способности фон Папен проявил, между прочим, и на Лозаннской конференции, открывшейся 16 июня 1932 г.

Лозаннская конференция была последней из международных конференций по репарационному вопросу. К этому времени положение Германии коренным образом изменилось. С немцами уже нельзя было разговаривать языком ультиматумов. Наоборот, французская делегация в Лозанне была фактически изолирована. В результате парламентских выборов в мае 1932 г. во Франции стало у власти левое правительство радикал-социалистов и социалистов с Эррио во главе. Против правительства Эррио организовался блок его внутренних и внешних врагов; французская реакция, побеждённая на майских выборах, была уже связана с германскими фашистами и с

правительством Папена. Против нового французского правительства были и господствующие круги Англии, отказывавшиеся постепенно от версальских принципов. Выступали против Франции и будущие союзники Германии — Италия и Япония.

От лица делегаций пяти держав-кредиторов — Франции, Англии, Италии, Бельгии и Японии — 17 июня 1932 г. была опубликована декларация о репарациях и долгах. В ней заявлялось, что «осуществление платежей, следуемых державам, участвующим в конференции, в отношении репараций и военных долгов, должно быть приостановлено в продолжение периода конференции».

В то же время английский премьер Макдональд и министр торговли Ренсимен начали переговоры с французской делегацией о возможности списания репараций. Французские делегаты протестовали. Они настаивали на сохранении в полной неприкосновенности принципа репараций. В момент крайнего напряжения этой дискуссии фон Папен сделал неожиданный ход. При посредстве одного из будущих радетелей правительства Виши, Жана Лушера, он обратился к французскому правительству Эррио с предложением заключить с Германией за спиной других правительств полюбовную сделку об отмене репараций.

Папен предлагал также заключить между Францией и Германией сепаратное соглашение о замене военного раздела Версальского договора конвенцией о разоружении. Немецкий рейхсканцлер исходил из расчёта, что ему удастся таким путём объединить вокруг Германии все силы Европы для «крестового похода» против СССР.

Папен предполагал, что в случае успеха его предложения Франция лишится доверия и поддержки Англии и США и станет, таким образом, податливее. В случае неуспеха он намеревался дискредитировать французскую дипломатию, сообщив другим правительствам о её секретных переговорах с Германией.

Эррио не поддался дипломатическому шантажу Папена. Он сам сообщил о нём английскому правительству. Результатом немецкой интриги был отказ Англии поддержать требование Германии об аннулировании репараций. Италия также не поддержала этого требования.

Лозаннская конференция закончилась подписанием 9 июля 1932 г. соглашения о выкупе Германией за три миллиарда золотых марок своих репарационных обязательств с погашением выкупных облигаций в течение 15 лет. Лозаннский договор, или, как его называли, «Заключительный пакт», был подписан Германией, Францией, Англией, Бельгией, Италией, Японией, Польшей и британскими доминионами. Он заменил собой все

предыдущие обязательства по плану Юнга. Однако решения Лозаннской конференции не были проведены в жизнь. Этому помешал захват власти Гитлером, следствием чего была фактическая отмена репараций.

Борьба Германии за «равноправие» в вооружениях

В то время как в Лозанне германская дипломатия добивалась отмены репараций, в Женеве она продолжала борьбу за снятие с Германии версальских военных ограничений.

Работа конференции была перенесена в комиссии. Происходили и непосредственные переговоры между отдельными делегациями. В апреле 1932 г. германская делегация вступила в переговоры с представителями Англии и США. Она требовала сокращения срока службы в рейхсвере с 12 до 5 лет, разрешения создать германскую милицию в 100 тысяч человек и отмены запрета для Германии наступательных видов оружия (танков, самолётов, тяжёлой артиллерии и т. д.).

Домогательства германской делегации встретили сопротивление Франции. Американская делегация внесла проект о полном упразднении наступательных видов оружия. До японской агрессии США относились к дискуссиям о европейских вооружениях более или менее безучастно. Только вопрос о соотношении военно-морских сил великих держав серьёзно интересовал американскую дипломатию. Соглашения по этому вопросу в 1922 г. в Вашингтоне и в 1930 г. в Лондоне были выработаны при самом активном участии Соединённых штатов. Но с начала мирового кризиса отношение США к вопросам разоружения изменилось. Освободившись на год от уплаты долгов по мораторию Гувера, европейские державы не только не сократили, а ещё больше увеличили свои военные бюджеты. В связи с этим американское правительство потребовало от всех стран-должников выполнения их обязательств по долгам. В то же время делегация США в Женеве активно выступила за сокращение вооружений.

Американский план был сформулирован в декларации Гувера. В ней предлагалось сократить вооружения сухопутных войск на одну треть, но сохранить морские вооружения в размерах, обеспечивающих интересы морских держав.

Особенно горячая дискуссия развернулась в морской комиссии по вопросу о крупных судах и подводных лодках. Английские и американские делегаты защищали ту точку зрения, что крупные суда не являются средством наступления. Представитель Германии требовал, наоборот, уничтожения всех линкоров и крейсеров; при этом он лицемерно выражал готовность уничтожить и германские «карманные» броненосцы. Япония занимала уклончивую позицию. Но один японский делегат позволил себе насмешливый выпад, задав вопрос: «Когда военный корабль представляет собой средство обороны?» И сам

ответил: «Когда на нём поднят британский или американский флаг».

Подводя итог дискуссии о разоружении, итальянский делегат Гранди на заседании Сената в Риме 3 июня 1932 г. отметил, что морские державы требовали в Женеве разоружения на суше, а сухопутные — разоружения на море.

Первая сессия конференции закончилась 23 июля 1932 г. Предстояло принять резолюцию, формулирующую общие принципы будущей конвенции о разоружении. Проект резолюции снова вызвал разногласия. Франция отказывалась включить в резолюцию упоминание о равноправии Германии в вооружениях. Германия не соглашалась принять резолюцию, пока в ней не будет пункта о равноправии. Английская делегация предлагала принять резолюцию, которая «не задевала бы ничьих интересов и не заключала бы никаких обязательств, противоречащих чьим-либо жизненным убеждениям».

Но германская делегация не пожелала итти на уступки. Она заявила, что не может примириться с действиями конференции, «несовместимыми с чувством национальной гордости и международной справедливости». Так как её требование о «равноправии» в вооружениях не находит удовлетворения, она демонстративно покидает конференцию.

Неудача конференции по разоружению усилила напряжённость международных отношений. В Германии оживилась кампания в пользу отмены явочным порядком версальских военных ограничений. Используя материал прений во французской Палате депутатов по вопросу о военном бюджете, германский военный министр генерал фон Шлейхер произнёс 26 июля 1932 г. речь по радио, полную резких выпадов против Франции и содержавшую открытую угрозу покончить с Версальским договором. Германия, заявил Шлейхер, сама позаботится о своей безопасности, если ей отказывают в равноправии по вопросу о вооружениях.

На другой день германский канцлер фон Папен заявил представителям прессы, что Германия будет настаивать не только на моральном равноправии, но и на фактической возможности иметь современное вооружение. Вызывающие выступления Шлейхера и Папена подняли бурю негодования во Франции. Французская демократическая печать предостерегающе писала, что «германские вожди возбуждают массы идеей войны за реванш» и что «Германия теперь желает делать совершенно открыто то, что она последние 10 лет творила втайне».

Французский посол в Берлине Франсуа Понсэ по поручению своего правительства потребовал от Германии объяснений. Министр иностранных дел фон Нейрат хладнокровно ответил, что генерал фон Шлейхер выразил единодушное мнение германского кабинета и всей страны.

Под непосредственным воздействием шумной шовинистической кампании прошли выборы в германский Рейхстаг 31 июля 1932 г. Они принесли победу национал-социалистам: гитлеровцы получили 230 из 607 мандатов. Вместе с правыми националистическими партиями фашисты располагали отныне в Рейхстаге значительным большинством. Председателем Рейхстага был выбран Геринг. По всей Германии развернулся нацистский террор.

Неудача Международной конференции по разоружению

Используя разногласия между бывшими победителями, Германия стремилась добиться удовлетворения своего основного требования — права равенства в вооружениях. Обострившиеся споры между участниками конференции сделали невозможным своевременный созыв новой сессии Международной конференции по разоружению. Не будучи в состоянии достигнуть соглашения с Францией, требовавшей активных гарантий её безопасности, английское правительство Макдональда решило пойти на уступки Германии. 17 ноября 1932 г. оно опубликовало меморандум, развивавший ту мысль, что практически невозможно сократить вооружения держав настолько, чтобы на деле осуществить равенство вооружений. Поэтому английское правительство поддерживает требование Германии о её довооружении.

Это решение, под давлением английской делегации, было проведено на совещании пяти держав — Великобритании, Франции, Италии, США и Германии, созванном в Женеве в декабре 1932 г. Принятая на совещании резолюция признавала за Германией «право на равенство в вооружениях в рамках системы безопасности, равной для всех». Эта двусмысленная формула заключала в себе одновременно и германский тезис равноправия и французский тезис безопасности. Но по существу победительницей оказалась империалистическая Германия: ей предоставлялась возможность открыто вооружаться. Франция получала в женевской резолюции чисто формальное удовлетворение: её «система безопасности» оставалась лишь отвлечённым принципом, лишённым реального содержания. Неудача конференции по разоружению этим решением была окончательно предопределена. Вопрос о разоружении превратился в вопрос о довооружении агрессивных стран.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

ЗАХВАТ ФАШИСТАМИ ВЛАСТИ В ГЕРМАНИИ И ПОДРЫВНАЯ РАБОТА НЕМЕЦКО-ФАШИСТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ В ЕВРОПЕ (1932—1933 гг.)

Гитлер—рейхсканцлер

Летом и осенью 1932 г. внимание всего мира было приковано к острому политическому кризису в Германии. Разгоревшаяся борьба за власть между Гитлером, фон Папеном и генералом фон Шлейхером была предметом оживлённых дискуссий в мировой печати.

Германия шла быстрыми шагами к установлению фашистской диктатуры. Обманутые националистической и социальной демагогией гитлеровской партии, немецкие мелкобуржуазные группы выражали недовольство всё более обострявшимся экономическим и политическим кризисом в стране. Массовая безработица и возросшая нищета вызывали революционное возбуждение рабочего класса. Германская компартия на новых выборах в Рейхстаг 6 ноября 1932 г. получила 6 миллионов голосов. Национал-социалисты потеряли 2 миллиона. Германская буржуазия стала искать выхода из внутреннего кризиса на путях к открытой террористической диктатуре господствующих классов; в ней германский империализм обретал одно из средств, способствующих быстрой и решительной его подготовке к новой мировой войне.

Вопрос о передаче власти фашистам обсуждался на тайных совещаниях германской империалистической буржуазии. Первое совещание состоялось ещё 10 октября 1931 г. в городе Гарцбурге. Его результатом было создание так называемого «гарцбургского фронта» самых реакционных слоёв германской буржуазии, под руководством магнатов финансового капитала. На этом совещании были намечены практические мероприятия, которые должны были привести к созданию фашистского режима в Германии.

В феврале 1932 г. на съезде в Дюссельдорфском клубе промышленников Гитлер пообещал участникам съезда, если они помогут ему прийти к власти, предоставить им такие военные заказы, каких не знала история. Один из руководителей

съезда, крупнейший рурский промышленник Фриц Тиссен, ответил на это возгласом, полным энтузиазма: «Хайль Гитлер!» Этот Тиссен сыграл крупную роль не только в финансировании национал-социалистской партии, но и в захвате власти Гитлером.

В результате сделки, заключённой между Гитлером и Папеном во время свидания в окрестностях Кёльна 4 января 1933 г., Гитлер получил от Гинденбурга согласие создать кабинет «национальной концентрации». 30 января 1933 г. Адольф Гитлер стал рейхсканцлером. Вице-канцлером у него стал фон Папен. Министерство иностранных дел осталось в руках барона Нейрата. Руководство рейхсвером было передано генералу фон Бломбергу, а руководство хозяйством — Гугенбергу. Все важные посты в кабинете занимали бывшие сотрудники Папена. Национал-социалисты были в кабинете ещё в меньшинстве. Борьба за власть в Германии продолжалась. Это создавало состояние неуверенности и в дипломатических отношениях.

Назначение Гитлера рейхсканцлером было встречено сдержанно в дипломатическом мире. Но общественное мнение в Европе было сильно возбуждено. Английская буржуазная печать, всё ещё соблазняемая антибольшевистскими посулами Гитлера, уверяла, что приход его к власти не окажет большого влияния на международные отношения. «Сохранение в кабинете такого опытного министра иностранных дел, как фон Нейрат, — писала газета «Times», — гарантирует преемственность внешней политики Германии. Папен и Нейрат — люди, только что подписавшие от имени Германии Лозаннское соглашение, — не станут теперь от него отказываться».

Газета «Manchester Guardian» в номере от 31 января 1933 г. выражала надежду, что вице-канцлер фон Папен, якобы известный своей склонностью к французам, может добиться соглашения с Францией. Английская консервативная печать доказывала, что период предвыборной агитации и её неизбежных преувеличений кончился; кабинет Гитлера и сам фюрер должны теперь стать на путь «конструктивной политики». Ведь по существу национал-социалисты в вопросе пересмотра Версальского договора требовали якобы лишь немногим больше, чем конституционные германские партии. Они только кричали «гораздо громче».

Американская буржуазная пресса, отражавшая интересы банков, имевших в Германии большие вложения, также утверждала, что, по мнению вашингтонских дипломатических кругов, канцлерство Гитлера «не возбуждает серьёзных опасений относительно последствий в международных отношениях». Гитлера окружает консервативный кабинет; это является гарантией того, что угрозы нацистов порвать Версальский договор останутся пустым звуком.

Другой тон господствовал в дипломатических и общественных кругах Франции. Парижская пресса единодушно оценивала новый германский кабинет как «инструмент войны».

«С точки зрения международной, — писала газета «Figaro» 31 января 1933 г.,—приход Гитлера представляет серьёзную опасность. Он является искрой, которая может взорвать пороховую бочку».

Ещё более резко и откровенно формулировал эти опасения орган националистов «Ordre» 31 января 1933 г. «Если люди, определяющие судьбы Германии,—говорила газета,—решаются поставить во главе страны правительство, состоящее из типичнейших представителей пруссачества, то это свидетельствует о том, что они мало считаются с Францией и полагают, что пришёл момент показать миру истинное лицо Германии».

Опасение, что с приходом к власти Гитлера в Германии «широко откроется дверь для военных авантюр», высказывали и некоторые дальновидные французские дипломаты. Однако имелись во Франции и такие круги (руководимые финансовой олигархией), которые надеялись на сближение и сотрудничество с Гитлером. В дипломатии эту тенденцию выражал Франсуа Понсэ, тесно связанный с магнатами тяжёлой промышленности из Комите де форж. Назначенный послом в Берлин, он утверждал, что с Гитлером ему легче будет иметь дело, чем с прежними германскими правительствами.

Программа гитлеровской дипломатии

Тревога и опасения, вызванные в европейских странах захватом в Германии власти фашистами, имели под собой серьёзные основания.

Гитлеровская партия боролась за власть, имея уже готовую программу завоевания Европы и установления своего мирового господства. Эта программа была изложена Гитлером ещё в 1924 г. в книге «Моя борьба», получившей заслуженную славу «библии людоедов».

Гитлер критиковал довоенную внешнюю политику Германии. Эта политика стремилась к колониальным захватам. Конечно, рассуждал в своей книге Гитлер, Германия тогда, как и теперь, стояла перед альтернативой: «либо расшириться, либо погибнуть». Без завоевания «жизненного пространства», без расширения территории «большой народ обречён на гибель». Но проблема «жизненного пространства» для Германии должна решаться не на путях прежней колониальной или торговой политики. «Единственная для Германии возможность здоровой территориальной политики заключается в приобретении новых земель в самой Европе». Гитлер доказывал, что новых территорий нужно искать на востоке Европы, «в первую очередь в России и в тех окраинных государствах, которые ей подчинены».

Разумеется, «Drang nach Osten» («натиск на Восток») не исключает похода на Запад. «Нам нужна, — писал Гитлер, — не западная и не восточная ориентация. Нам нужна восточная политика, направленная на завоевание новых земель для немецкого народа». Для этого необходимо прежде всего «уничтожить стремление Франции к гегемонии в Европе». В отношении Франции Германия должна перейти от «пассивной защиты» к окончательному «активному расчёту» с французами. В уничтожении Франции надо видеть «средство обеспечить немецкому народу возможность дальнейшей экспансии».

Эта программа «возврата на путь старых рыцарей» означала войну; завоевание Европы и всего мира Гитлер считал возможным только при помощи «тотальной», всеохватывающей истребительной войны.

В августе 1932 г., когда Гитлер добивался германского канцлерства, им велись долгие беседы с единомышленниками о задачах и методах будущей германской внешней политики. Во время этих бесед Гитлер посвящал слушателей в свои захватнические планы, заранее рассказывая и о методах маскировки, к которым он будет прибегать, прикрывая подготовку «тотальной» войны самыми миролюбивыми декларациями. Об этих беседах рассказал в своей книге «Гитлер говорит» один из тогдашних приближённых фюрера, затем бежавший от него нацист Герман Раушнинг.

«Нам нужна Европа и её колонии, — говорил Гитлер Раушнингу. — Германия — только начало...» Но он не начнёт войны немедленно после взятия власти. Наоборот, он будет сначала даже смягчать конфликты, подписывать любые договоры и соглашения, вести политику «примирения» со всеми недавними врагами. «Я буду двигаться этапами», — пояснял Гитлер.

Тогда же, летом 1932 г., будущий гитлеровский министр земледелия Дарре созвал узкое совещание для обсуждения вопросов «восточной политики жизненного пространства». На совещании выступил Гитлер. Он развивал план создания германской «расовой империи», объединяющей «немецкий избранный народ», «призванный» господствовать над Европой и над всем миром.

«Мы никогда не добьёмся мирового господства, — говорил Гитлер, — если в центре нашего развития не будет создано мощное, твёрдое, как сталь, ядро из 80 или 100 миллионов немцев» [1]. В «ядро» включались, кроме Германии, Австрия, Чехословакия, часть Польши. Это «фундамент великой Германии». Вокруг него — система малых и средних вассальных государств: Прибалтика, Польша, Финляндия, Венгрия, Сербия, Хорватия,

---

[1] *Hermann Rauschning*, Hitler speaks, 1932—1934. Все дальнейшие цитаты из речей Гитлера в этой главе приведены по книге Раушнинга.

Румыния, Украина, ряд южнорусских и кавказских государств. Такова «федеративная Германская империя». Эти территории должны быть заселены немецкими крестьянами. Славяне должны быть частью истреблены, частью выселены; остальные — обезземелены и превращены в батраков или чернорабочих немецкой «расы господ».

После захвата власти Гитлер уже не ограничивался «континентальным» планом завоевания Европы. «Мы создадим новую Германию в Бразилии, — заявлял он. — Аргентина и Боливия легко могут быть «унифицированы» национал-социалистской пропагандой. Голландская Индия и Новая Гвинея должны быть отняты у Англии. Англия — «конченная страна»: её колонии, как и французские (вся Африка!), должны перейти в немецкие руки. Мексика должна стать немецкой. США «агонизируют», они «больше никогда не вмешаются в европейскую войну». «Лишь идеология национал-социализма способна освободить американский народ от клики его угнетателей».

«Эта задача оздоровления США будет осуществлена мною, — заявлял Гитлер, — причём я начну с установления преобладания наших германо-американцев».

«Мой фюрер, — сказал кто-то из слушателей, — я боюсь, как бы наши обширные планы не были разбиты раньше, чем они созреют».

Гитлер вспыхнул. «Поймите раз и навсегда, — резко ответил он, — что наша борьба против Версаля и наша борьба за новый порядок во всём мире — одно и то же, и что мы не можем остановиться на какой-либо черте. Мы осуществим нашу систему во всём мире, навяжем её всем народам».

Весь «континентальный план» Гитлера, как и его конечная цель — завоевание мирового господства, — были списаны с пангерманских планов, существовавших ещё до первой мировой войны и особенно распространённых в 1917 — 1918 гг.

Для осуществления этой пангерманской программы порабощения Европы могло быть только одно средство — *война*. Гитлер призывал национал-социалистов к войне — войне «тотальной», беспощадной, не делающей различия между армиями противника и мирным населением.

«Мне нет надобности быть щепетильным, — говорил Гитлер Раушнингу. — Я выберу оружие, которое мне покажется необходимым».

«Массовые воздушные атаки, внезапные атаки, акты террора, саботаж, покушения, совершаемые изнутри, убийства руководителей, сокрушительные удары по всем слабым местам обороны противника, наносимые, как молотом, одновременно, без раздумывания о резервах и потерях, — такова будущая война. Гигантский молот, который сокрушает всё».

Задачи и методы гитлеровской дипломатии

Раньше чем армии вступят в бой, твердил Гитлер, необходимо, чтобы вражеская нация была деморализована, чтобы она была подготовлена к капитуляции и приведена к пассивности.

«Добьёмся ли мы морального поражения противника перед войной? — спрашивал Гитлер. — Вот вопрос, который меня интересует. Везде, в самой вражеской стране, мы будем иметь друзей, которые нам помогут. Мы сможем их обеспечить. Смятение чувств, конфликты, нерешительность, паника — вот что будет нашим оружием».

Гитлер считал необходимым иметь повсюду своих агентов — «безобидных путешественников», которые будут разжигать везде мятежи и волнения, вызывать конфликты и панику, усыплять бдительность противника при помощи хитрости и обмана. Такова же будет цель договоров и соглашений, которые будут затем превращены в «клочок бумаги». «Наша стратегия, — поучал Гитлер одного из своих приближённых, Форстера, руководителя данцигских нацистов, — будет состоять в том, чтобы разрушить врага изнутри, заставить его разбить самого себя своими руками».

В осуществлении этих задач на помощь военным должны прийти дипломаты. Однако старая дипломатия не только не нужна, но и вредна для «новой Германии».

«Я не буду ждать, пока эти куклы переучатся, — презрительно говорил Гитлер о старых германских дипломатах в беседе с Раушнингом. — Если наши худосочные дипломаты думают, что можно вести политику так, как честный коммерсант ведёт своё дело, уважая традиции и хорошие манеры, — это их дело. Я провожу политику насилия, используя все средства, не заботясь о нравственности и „кодексе чести“... В политике я не признаю никаких законов. Политика — это такая игра, в которой допустимы все хитрости и правила которой меняются в зависимости от искусства игроков».

«Умелый посол, — развивал Гитлер свои идеи, — должен быть мастером этикета. Когда нужно, он не остановится перед подлогом или шулерством. Меньше всего он должен быть корректным чиновником».

Именно таковы были избранные Гитлером дипломаты фон Риббентроп, фон Папен, Абец и другие.

Как писал в своей книге Феликс Гросс, «во всякой другой стране, только не в кайзеровской Германии, тем более не в Германии фашистской, Папен рано закончил бы свою карьеру за железной решёткой»[1].

Проникнув во «дворец дипломатии» с чёрного хода, шпион, разведчик и авантюрист фон Папен даже в политических

---

[1] *Felix Gross*, Hitler's girls, guns and gangsters, p. 108.

кругах гитлеровцев носил кличку «хамелеона». Этот седовласый человек с тощим лицом и тонкими губами, одетый, как манекен с витрины модного магазина, как нельзя лучше подходил для роли международного разведчика и интригана. Он сумел во-время переметнуться на сторону Гитлера и стал одним из незаменимых агентов гитлеровской «дипломатии».

Не менее колоритна фигура другого профессионального дипломата гитлеровской Германии, Иоахима фон Риббентропа. Бывший офицер, а после войны коммивояжёр по сбыту вин, Риббентроп прошёл на практике курс шпионажа и разведки. Его наставником в этой науке был сам фон Папен. Внешность Риббентропа соответствовала его роли торгового и политического агента. Видная фигура, свободные манеры, умение одеваться, знание иностранных языков помогали ему приспособляться к условиям любой среды и приобретать повсюду связи. Риббентропу удалось даже украситься аристократическим титулом при помощи усыновившей его тётки. Большое состояние получил он путём женитьбы на дочери богатого рейнского промышленника.

Гитлер ещё до прихода к власти сумел оценить Риббентропа. Вылощенный коммивояжёр получил назначение на пост начальника департамента внешней политики национал-социалистской партии. Правда, Министерство иностранных дел в тот период приказало своим отделам не допускать никаких сношений с Риббентропом. Но он не растерялся. При своём департаменте он организовал разведывательный отдел, который впоследствии стал известен под наименованием «бюро Риббентропа». Там он собрал своих людей — офицеров в отставке, обедневших дворян, артистов и в особенности артисток, танцовщиц, маникюрш, портних, продавщиц, девушек всяких профессий и без профессий. Обучив их всех ремеслу шпионажа, он спустил эту свору на чиновников Министерства иностранных дел и на виднейших государственных деятелей всех стран. Вскоре к нему потекли всевозможные документы из Министерства и всяческая информация из различных государств.

Гитлер непосредственно руководил работой своих дипломатов. «Я уже сейчас организую свою собственную дипломатическую службу, — рассказывал Гитлер Раушнингу в 1932 г., — это обходится дорого, но я выиграю время... Я приказал составить картотеку на всех влиятельных людей мира, на которых будут получены необходимые данные. Такой-то — принимает ли деньги? Каким иным путём можно его купить? Горд ли он? Какие у него эротические наклонности? Какой тип женщин он предпочитает? Не гомосексуалист ли он? Этой категории надо уделить особое внимание, таких людей можно крепко держать на привязи. Скрывает ли он что-либо из своего прошлого? Под-

даётся ли шантажу?.. Таким путём, — заключал Гитлер, — я провожу настоящую политику, завоёвываю людей, заставляю их работать на себя, обеспечиваю себе проникновение и влияние в каждой стране. Нужные мне политические успехи достигаются путём систематической коррупции руководящих классов... Плоды этой подпольной работы я соберу в будущей войне, ибо никто не может противопоставить мне что-либо подобное».

Однако непосредственно после своего прихода к власти Гитлер поручил руководство официальной дипломатией прежнему министру иностранных дел фон Нейрату. Профессиональный дипломат, юнкер до мозга костей, член бывшего «Клуба господ» и приятель Папена, фон Нейрат не принадлежал к национал-социалистам. Гитлер не имел ещё в это время достаточно компетентных дипломатов для замещения высших дипломатических постов своими людьми. Он оставил Нейрата, хотя и относился к нему с недоверием. С самого начала он стремился по возможности сузить сферу деятельности Нейрата. Департамент печати Министерства иностранных дел был передан Геббельсу. Было прекращено поступление от иностранного ведомства специальных докладов о положении дел в отдельных странах и частях света. Международную информацию поставляло теперь «бюро Риббентропа», а затем «внешнеполитический отдел» партии, возглавляемый Розенбергом. Был создан отдел, ведающий «немцами за границей», под руководством Боле. Свои дипломатические представительства за границей Гитлер постепенно превращал в центры агентуры и нацистской пропаганды. Там, где оставались непартийные дипломаты, они были превращены в марионеток, автоматически действующих по приказу из Берлина. Сам Нейрат был постепенно оттеснён от руководства международными делами. С дипломатическими поручениями в первые годы национал-социалистской власти по европейским столицам разъезжал ближайший помощник Гитлера Геринг.

Гитлеровское правительство под маской «мира и сотрудничества»

Осуществляя свою программу подготовки войны, гитлеровское правительство лицемерно заверяло всех в своём искреннем миролюбии. В первом же воззвании нового кабинета «К германской нации» возвещалось, что новое «национальное правительство» Германии «преисполнено сознанием важности задачи содействовать сохранению и укреплению мира, в котором человечество нуждается теперь больше, чем когда бы то ни было». В этом документе от 1 февраля 1933 г. германское фашистское правительство определяло цели внешней политики Германии в двух крайне туманных пунктах: 1) «утверждение права на жизнь» и 2) «восстановление свободы». Оба эти пункта сводились к общему требованию

«равноправия» Германии, в особенности в вопросе о вооружении. Германское правительство, гласила декларация, считает своим долгом добиваться отмены дискриминации в отношении Германии и «равноправия» как «инструмента мира».

Учитывая реальное соотношение военно-политических сил, гитлеровская дипломатия в своих официальных выступлениях маскировала свои планы подготовки войны пацифистской фразой. Гитлер считал необходимым создать за границей впечатление, что кровожадные откровения его пресловутой книги «Моя борьба» не выражают политических стремлений национал-социалистского правительства. Гитлер изображал себя решительным сторонником европейского мира. Он утверждал, что главная угроза для мира кроется в безоружности и беззащитности Германии перед лицом большевистской опасности.

В новогоднем выступлении в национал-социалистской прессе накануне своего назначения рейхсканцлером Гитлер объявил себя борцом против марксизма и против «исполинской опасности большевизма». Мировая реакция с удовлетворением приняла эту декларацию. Буржуазная английская пресса, поддавшаяся на эту уловку Гитлера, сочувственно отметила, что в первый раз Гитлер объявляет главным врагом Германии не Версальский договор, а марксизм и большевизм.

В интервью, данном корреспонденту газеты «Daily Mail» 7 февраля 1933 г., Гитлер заявлял, что «Версальский договор является несчастьем не только для Германии, но и для других народов». Он надеется, что пересмотра его будут требовать не только немцы, но и весь мир. Главное же, в чём он видит опасность, — это коммунизм. В данном случае новому правительству приходится иметь дело не с иностранным государством, а с явлением распада, которое он оценивает как «основное препятствие для мирного развития и нового расцвета германской нации».

В другом интервью, полученном представителем газеты «Sunday Express», Гитлер заявил о своём желании прийти к соглашению с Францией, если она проявит инициативу и предложит пересмотр договоров. Представителям же английской и американской печати Гитлер сообщил о своём намерении вступить в переговоры с Англией и США об уплате частных иностранных долгов и о полном разоружении.

Вскоре было официально объявлено о создании нового отдела внешней политики национал-социалистской партии под руководством Розенберга. В ряде интервью о задачах и функциях нового отдела Розенберг вслед за Гитлером повторял, что «Германия до конца испробует всякую возможность мирного разрешения внешнеполитических проблем». Германия ни на кого не хочет нападать, даже на Францию. Она хотела бы,

чтобы все страны разоружились, вместо того чтобы тратить свои средства на вооружения. Если же другие державы не поддержат нацистской Германии, «коммунизм распространится от Владивостока до Атлантического океана».

Розенберг указывал далее, что между Германией и западными державами не существует принципиальных, жизненно важных разногласий. Перед германским государством стоит проблема «восточного пространства». «Мы не имеем тщеславного желания превратиться в опасного конкурента американским интересам, — заявил Розенберг. — Наше внимание обращено теперь на восток Европы. Там находятся будущие рынки Германии».

В том же «примирительном тоне» звучала и речь Гитлера в Рейхстаге 23 марта 1933 г. Гитлер заявлял о желании германского правительства установить тесное сотрудничество с Англией. В другой речи в Рейхстаге, от 17 мая 1933 г., Гитлер благодарил Рузвельта за его посредничество при урегулировании экономических затруднений Германии. Он подчёркивал готовность Германии к «мирному сотрудничеству» со всеми державами.

Советский проект конвенции об определении агрессора

Встревоженная Европа с опаской следила за событиями в Германии и с недоверием прислушивалась к «миролюбивым» декларациям Гитлера. Советская дипломатия, ясно видевшая агрессивную природу фашизма, стремилась всеми способами пробудить бдительность демократических стран и организовать антифашистские силы. Советские делегаты на Международной конференции по разоружению добивались конкретных решений по вопросам разоружения и всеобщей безопасности. С целью мобилизовать внимание международной общественности советская делегация внесла 6 февраля 1933 г. предложение об определении агрессора. Предложение это являлось попыткой установить те конкретные случаи и предлоги, которые могут быть использованы нападающей стороной как оправдание агрессии. Советский проект конвенции об определении агрессии содержал перечисление таких действий, которые все государства рассматривали бы как акт агрессии. Статья вторая конвенции давала определение «нападающей стороны в международном конфликте». Нападающей стороной или агрессором предлагалось считать государство, которое совершает одно из следующих действий:

«1. Объявление войны другому государству.

2. Вторжение своих вооружённых сил, хотя бы без объявления войны, на территорию другого государства.

3. Нападение своими сухопутными, морскими или воздушными силами, хотя бы без объявления войны, на территорию, на суда или на воздушные суда другого государства.

4. Морскую блокаду берегов или портов другого государства.

5. Поддержку, оказанную вооружённым бандам, которые, будучи образованы на его территории, вторгнутся на территорию другого государства, или отказ, несмотря на требование государства, подвергшегося вторжению, принять на своей собственной территории все зависящие от него меры для лишения названных банд всякой помощи или покровительства»[1].

Все эти предложения имели в виду единственную цель — воспрепятствовать агрессии и способствовать укреплению мира. Это был первый шаг на пути создания системы коллективной безопасности.

На второй сессии Международной конференции по разоружению, заседавшей с февраля по июль 1933 г., проблемы безопасности занимали центральное место. Но дискуссии по этим проблемам протекали бесплодно. Никаких конкретных решений вынесено не было. Не был принят и ни один из многочисленных проектов конвенции по разоружению. После провала французского проекта Эррио, который не представлял собою ничего нового по сравнению с пактом Бриана—Келлога, глава британской делегации Макдональд представил конференции 16 марта 1933 г. свой проект. План Макдональда о разоружении, как подтверждала и сама английская делегация, был попыткой сочетать противоположные позиции, выявившиеся на конференции. По этому плану Германии предоставлялось право иметь сухопутную армию в 200 тысяч человек; ограничивался личный состав сухопутных армий других стран; устанавливались пределы мощности полевой артиллерии и танков; воспрещалась воздушная бомбардировка. За выполнением этих условий должна была наблюдать постоянная комиссия по разоружению.

Для советских армий проект Макдональда устанавливал контингент личного состава в 500 тысяч человек. Советская делегация заявила, что Советский Союз готов принять даже более низкую цифру; пусть только во всех странах, и в особенности у его соседей, будет осуществлено действительное сокращение вооружений. Советская делегация подвергла уничтожающей критике эклектический план Макдональда. Тем не менее конференция в первом чтении приняла план Макдональда за основу. Различные делегации сопроводили принятие этого плана такими оговорками, которые сводили на нет возможность его осуществления. Для окончательного принятия и проведения проекта Макдональда он должен был ещё раз подвергнуться голосованию при втором чтении.

---

[1] «Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых с иностранными государствами», вып. VIII, стр. 27—31.

Пакт четырёх

Женевская конференция по разоружению была близка к полному краху. Генеральная комиссия конференции по разоружению, занимавшаяся согласованием проектов, прервала свои работы. Перерывом воспользовался Муссолини, выступивший с предложением пакта четырёх держав. Предложение это сводилось к тому, чтобы четыре западные державы — Германия, Франция, Англия и Италия — заключили между собой соглашение о проведении политики сотрудничества и поддержания мира, в согласии с пактом Келлога и другими антивоенными пактами.

Второй пункт проекта, предложенного Муссолини, устанавливал возможность пересмотра мирных договоров «законными путями» согласно статье 19 устава Лиги наций. Третий пункт подтверждал равенство прав Германии в области вооружений. Остальные пункты требовали согласования политики четырёх держав во всех спорных международных вопросах в Европе и вне её.

Для обсуждения итальянского проекта Муссолини пригласил в Рим английского премьера Макдональда и министра иностранных дел Англии Саймона, находившихся в это время в Женеве. Предложение Муссолини встретило их сочувствие. 23 марта 1933 г. Макдональд информировал Палату общин о римских переговорах. Он требовал предоставления Германии равенства в вооружениях и права пересмотра договоров в соответствии со статьёй 19 устава Лиги наций.

Но предложение Макдональда встретило решительные возражения со стороны многих депутатов. Застрельщиком оппозиции в Палате общин выступил Уинстон Черчилль. Он произнёс полную ядовитого сарказма речь по поводу неудачного руководства внешней политикой Англии со стороны премьер-министра Макдональда. Черчилль доказывал, что за четыре года этого руководства Англия лишь приблизилась к войне и стала слабее, беднее и беззащитнее, чем когда-либо. Самое путешествие Макдональда в Рим Черчилль сравнивал с паломничеством Генриха IV в Каноссу. Вероятно, это посещение доставило Муссолини «такое же удовольствие, какое получил 1000 лет тому назад папа от смиренного прихода кающегося императора».

Черчилль язвительно рекомендовал «достопочтенному джентльмену» — Макдональду — заняться неотложными внутренними делами, предоставив руководство иностранными делами более опытным дипломатам. Пока же за неправильную внешнюю политику премьера Англии приходится расплачиваться дороже, чем другим державам. Военные долги не урегулированы. Лондонский морской договор тормозит развитие английского флота. Женевская конференция по разоружению превратилась в длительный фарс, который нанёс тяжкий удар престижу Лиги наций. Давление на Францию в вопросе разоружения

и пособничество перевооружению Германии могут привести не к миру, а к войне.

С особенной силой обрушился Черчилль на план, предоставляющий Германии равенство в вооружениях. Не может быть сомнения, говорил он, что как только Германия достигнет равенства военных сил со своими соседями, надо будет ожидать возобновления всеевропейской войны.

Требовать в такой момент от Франции, чтобы она уменьшила свою армию наполовину, в то время как Германия, наоборот, удваивает свою армию, было бы по меньшей мере несвоевременным. Черчилль предостерегал против дальнейшего сокращения вооружений как во Франции, так и в Англии — именно потому, что это означало бы разоружение перед лицом такого правительства, которое непременно нападёт на своих соседей, как только вооружится.

Саймон выступил с защитой предложенного Муссолини пакта четырёх. Сотрудничество между четырьмя державами, говорил он, не означает господства директории великих держав над Европой, не ведёт к ревизии Версальского договора, — оно означает только пересмотр мирным путём, в соответствии со статьёй 19, отдельных пунктов договора. «Ведь попытка мирным путём изменить тот или иной пункт лучше, чем явное нарушение его», — аргументировал Саймон своё предложение.

Доводы Саймона не успокоили общественного мнения ни в Англии, ни во Франции.

Политическое положение Франции в этот период было особенно неустойчивым. В момент прихода Гитлера к власти Франция переживала очередной правительственный кризис. На смену кабинету Поля Бонкура пришло правительство Эдуарда Даладье. Это была уже третья, после майских выборов 1932 г., парламентская комбинация партии радикал-социалистов. Новый премьер Даладье сохранил за собой портфель военного министра. Как рассказывает в своей книге «Я обвиняю» известный журналист, пишущий под псевдонимом Андрэ Симона, Даладье вызвал к себе генерала Вейгана для консультации о военном положении Франции в связи с приходом Гитлера к власти. Ярый монархист и крайний реакционер Вейган в 1931 г. был назначен заместителем председателя Высшего совета обороны Франции.

Вейган поспешил рассеять опасения нового премьера. Французская армия, доказывал Вейган, насчитывает около 370 тысяч человек. Она хорошо обучена и снабжена. Германия даже при всём своём напряжении не сможет ранее чем через 10 лет создать армию, равную хотя бы кайзеровской. К тому же Франция продолжает вооружаться. На франко-германской границе уже идёт полным ходом строительство линии Мажино, которая будет

закончена в 1934 г. Наконец, Франция связана целой системой военных союзов. Правда, не все союзные армии стоят на высоте. Вейган высоко оценивал только чешскую армию. Польская армия с её устарелым техническим снаряжением и малоквалифицированным командованием не идёт в счёт. Английская армия невелика, но зато Англия имеет мощный флот, который должен сыграть в случае войны решающую роль.

Таким образом, Вейган не видел или не хотел видеть реальной военной опасности для Франции со стороны Германии.

По его мнению, приход национал-социалистов к власти даже представлял для Франции известные политические выгоды: он, несомненно, должен был способствовать ослаблению коммунистического движения во всём мире, а также во Франции. Неизбежное ухудшение отношений Германии с СССР, по мнению Вейгана, также должно явиться для Франции благоприятным политическим фактором.

Под влиянием успокоительных заверений военных руководителей и под давлением французской реакции Даладье старался наладить отношения Франции с национал-социалистской Германией в духе «политики умиротворения». Такая политика диктовалась не только общеизвестными соглашательскими наклонностями самого Даладье, но и финансовыми затруднениями, которые в то время испытывала Франция.

Отношение Польши к пакту четырёх

В марте 1933 г. польский маршал Пилсудский информировал французское правительство о том, что Германия в нарушение Версальского договора усиленно вооружается; немцы мечтают о реванше. Маршал предлагал принять меры против этой опасности, — одни лишь дипломатические представления Берлину не могут достигнуть цели. Пилсудский заявлял, что польские войска готовы в любой момент выступить против немцев, если Франция поддержит Польшу в случае польско-германского военного столкновения.

Французская дипломатия дала Пилсудскому отрицательный ответ. В Варшаве стало известно, что и в Риме начинают проявляться соглашательские настроения в отношении Германии.

В начале 1933 г. в столицу Италии прибыл бывший премьер Польской республики Падеревский. Он был принят Муссолини. В беседе со своим гостем глава фашистской Италии заговорил об опасности, которая угрожает Польше со стороны Германии. Муссолини дружески посоветовал полякам во избежание вооружённого столкновения с немцами вернуть им Польский коридор. Возвратившись от Муссолини в польское посольство, Падеревский обрушился на посла графа Пшездецкого. Он в гневе упрекал его в том, что тот своевременно не информи-

ровал Варшаву о позиции Муссолини в отношении Германии. Взволнованный посол полетел в Варшаву. Несколько дней спустя в Риме было получено известие о скоропостижной смерти Пшездецкого от сердечного припадка.

Имеются сведения, что, сделав в Париже своё воинственное предложение, Пилсудский вступил в секретные переговоры с германским военным атташе в Варшаве генералом Шиндлером. Предложение превентивной войны против Германии было провокацией со стороны Пилсудского в отношении поляков — сторонников союза с Францией: готовя переход к союзу с Германией, Пилсудский доказывал противникам этого союза, что на Францию надеяться нельзя.

Польская дипломатия всегда отличалась великодержавными претензиями. Понятно, она не могла помириться с тем, что инициаторы пакта четырёх не сочли нужным привлечь Польшу к участию в этом международном соглашении. Волновала Польшу и допускаемая пактом ревизия мирных договоров. Беспокойство поляков усугублялось тем, что, по сообщениям из Рима, в правящих итальянских кругах не прекращались разговоры о необходимости исправить восточные границы Германии, вернув ей Польский коридор. На эту тему достаточно развязно разглагольствовал среди дипломатов начальник кабинета Муссолини небезызвестный барон Алоизи. Польский посол в Риме Высоцкий слал в Варшаву тревожные донесения. Но покровительница Польши — Франция бездействовала. Мало того, она сама, без Польши, включалась в пакт четырёх держав, который должен был узаконить и пересмотр мирных договоров и перевооружение Германии. Поляки были возмущены. Наиболее запальчивые из них уже готовы были бряцать оружием. Несмотря на то, что польская дипломатия вела с Германией неофициальные переговоры, официальная «Газета Польска» заявляла, что по вопросу о Поморье Польша может разговаривать только пушками. «Для нас этот вопрос не существует, не существовал и не будет существовать», — писала газета 15 апреля 1933 г. Другие польские газеты подхватили этот тезис; они заявляли, что «никогда, никакое правительство, никаких разговоров, ни в какой форме, ни о какой из польских границ и ни с кем вести не будет».

В апреле 1933 г. польский посол в Париже передал французскому правительству новый меморандум о вооружениях Германии, прямо предлагая обсудить вопрос о превентивной войне, чтобы воспрепятствовать вооружению Германии и силой оружия укрепить пошатнувшуюся версальскую систему.

Даладье отклонял все эти предложения. Кампания воинствующей прессы в Польше и решительные возражения против вооружения Германии в английской Палате общин и во французской Палате депутатов вызвали резкие выступления гер-

манской печати. «Лейпцигская иллюстрированная газета» поместила 11 мая 1933 г. статью германского министра иностранных дел Нейрата. В ней заявлялось о намерении Германии независимо от результатов конференции по разоружению обеспечить себя военными и морскими самолётами, тяжёлой артиллерией и наземным войском.

В тот же день во время обсуждения в Палате лордов вопросов внешней политики английский военный министр лорд Хейльшем заявил, что всякая попытка со стороны Германии вооружаться, в нарушение Версальского договора, «приведёт в действие предусмотренные этим договором санкции».

Положение ещё более обострил ответ германского вице-канцлера фон Папена. 12 мая 1933 г. в своей речи в Мюнстере он охарактеризовал выступление английского министра как «лицемерие». Папен угрожающе заявил, что Германия с 30 января 1933 г. «вычеркнула слово пацифизм из своего словаря».

Решение Германии вооружиться любой ценой, угроза санкциями со стороны Англии, разброд и растерянность на конференции в Женеве создали исключительно напряжённую атмосферу в Европе.

Послание Рузвельта

Попытку смягчить напряжённость международной обстановки сделала американская дипломатия. 16 мая 1933 г. президент США Рузвельт выступил с посланием к главам всех государств, представленных на конференции по разоружению. В своём послании Рузвельт констатировал неудачу конференции по разоружению и предложил провести сокращение наступательных видов оружия. Президент США предлагал также всем народам заключить между собой договоры о ненападении.

Ответы глав государств на послание Рузвельта носили общий декларативный характер, но в основном с ним солидаризировались. 18 мая 1933 г. отозвался и Гинденбург. Приветствуя инициативу Рузвельта в деле сокращения вооружений, Гинденбург, тем не менее, заявил, что ответом Германии является речь Гитлера, произнесённая накануне в Рейхстаге. Фактически в ней отклонялось всякое ограничение прав Германии на вооружение.

От имени советского правительства с ответом на послание Рузвельта выступил т. Калинин. 19 мая 1933 г. он послал президенту США телеграмму, в которой полностью присоединился к его предложениям.

При обсуждении послания Рузвельта на конференции по разоружению делегат США Норман Дэвис заявил, что США готовы не только сократить свои вооружения, но и участвовать во всех коллективных мероприятиях других государств в случае угрозы миру.

Борьба против пакта четырёх во Франции

Между тем во Франции продолжалась борьба против пакта четырёх. 30 мая 1933 г. Даладье подвергся в Палате депутатов ожесточённым нападкам со стороны правого и левого крыла. Однако в тот же день Совет Малой Антанты, собравшийся в Праге, заявил после длительной дискуссии и под явным давлением дипломатии союзников, что не имеет возражений против пакта четырёх. Это подкрепило позицию Даладье и Муссолини. 7 июня 1933 г. пакт четырёх был предварительно подписан в Риме. Но французскому правительству пришлось выдержать 10 июня новые бурные дебаты в Палате депутатов, куда пакт был представлен для утверждения.

Принятие пакта четырёх означало отступление Франции от её традиционной политики, орудием которой служила Лига наций. Отныне хозяевами Европы должны были стать четыре великие державы, объединяющиеся в «директорию». Тем самым значение Лиги наций сводилось на нет. Пакт четырёх игнорировал и Советский Союз. Это означало, что правительства четырёх крупнейших европейских государств возвращаются к политике изоляции Страны Советов. При таких условиях создание устойчивых международных отношений в Европе представлялось явно невозможным.

Франция и «малые» европейские государства, заинтересованные в сохранении версальской системы, теряли своё прежнее значение. Пакт четырёх обрекал Францию на сотрудничество с тремя государствами, из которых два — Германия и Италия — были ей враждебны, а третье — Англия — строило свою политику на использовании франко-германских и франко-итальянских противоречий. Вот почему пакт продолжал вызывать недовольство в самой Франции, в Польше, в странах Малой Антанты. Фактически, хотя и утверждённый английским Парламентом 15 июля 1933 г., пакт в силу не вступил.

Международная экономическая конференция

В конце мая 1933 г. выяснилось, что проект Макдональда не имеет шансов быть принятым конференцией по разоружению во втором чтении. Поэтому вопрос был передан в так называемую Генеральную комиссию, заменившую конференцию. При этом было решено собрать комиссию только 3 июля 1933 г. Официальным мотивом новой отсрочки был созыв Международной экономической и финансовой конференции, открывавшейся в Лондоне 12 июня 1933 г.

На этой конференции германский министр хозяйства Гугенберг выступил с меморандумом, который содержал перечень мероприятий, якобы необходимых для «преодоления экономического кризиса».

Гугенберг настаивал на урегулировании международной задолженности, на возвращении Германии колоний в Африке и

на предоставлении «лишённому территории» немецкому народу новых земель на Востоке, где «эта энергичная раса могла бы расселиться».

Выступление Гугенберга понято было всей международной прессой как провозглашение «крестового похода» против СССР с целью захвата советских территорий.

22 июня 1933 г. советское правительство обратилось к германскому правительству с нотой протеста. В ней указывалось, что «подобные враждебные заявления стоят в резком противоречии с обязательствами, принятыми на себя германским правительством по договору о дружбе и нейтралитете, заключённому в Берлине 24 апреля 1926 г.». Статс-секретарь Бюлов отклонил советский протест. По его мнению, меморандум не давал оснований советскому правительству заключать, что планы колонизации, о которых говорил Гугенберг, относятся к территории СССР. Тем не менее Гугенберг был отозван с конференции. Вслед за ним уехали и другие члены германской делегации.

Во время Лондонской экономической конференции советская делегация предложила всем государственным деятелям, собравшимся на эту конференцию, подписать соглашение об определении агрессии. Конвенцию об определении агрессора подписали 3 июля 1933 г. Афганистан, Эстония, Латвия, Иран, Польша, Турция и СССР. 4 июля такое же соглашение, но с некоторыми дополнительными статьями, подписали и страны Малой Антанты. 5 июля было подписано соглашение между СССР и Литвой. Финляндия присоединилась к нему впоследствии, но с некоторыми оговорками.

Новая дипломатическая акция советского правительства имела целью создание противовеса пакту четырёх держав. Это выступление советской дипломатии значительно повысило международный вес Советского Союза.

В докладе на VII съезде Советов 28 января 1935 г. т. Молотов отметил большое значение инициативы СССР в вопросе о конвенции, давшей определение нападающей стороны (агрессора). «Большое значение получило предложение СССР об определении агрессора (нападающей стороны), — говорил т. Молотов. — На международных конференциях и в ряде международных договоров можно встретить указания на необходимость особых мер против нападающей стороны, против государства-агрессора, развязывающего войну. Но, несмотря на это, правительства буржуазных стран не проявляли охоты ясно сказать, кого же надо считать нападающей стороной, т. е. страной, ответственной за начало войны. Пришлось за это дело взяться советской дипломатии, особенно заинтересованной в охране мира и в мерах против военных нападений. Советская дипломатия с честью выполнила и эту задачу. Соответствующее предложение нами было внесено на обсуждение международной конференции. Для

того же, чтобы это дело немедленно продвинуть практически вперёд, мы предложили ряду стран подписать соответствующий пакт, т. е. договор об определении нападающей стороны. Как известно, такой пакт подписали все граничащие с нами в Европе государства, также Турция, Персия, Афганистан и, кроме того, Чехословакия и Югославия»[1].

Советско-итальянский пакт (2 сентября 1933 г.)

Французская дипломатия правильно учла новую международную ситуацию. Руководители внешней политики Франции начали недвусмысленно проявлять желание установить с Советским Союзом более тесное политическое сотрудничество. Между Кэ д'Орсэ и советским посольством в Париже начались оживлённые переговоры. Вскоре слухи о них дошли и до Рима. Муссолини был встревожен. Он ещё не забыл о своих планах — в противовес господству в Европе бывших союзников, хозяев Лиги наций, опереться на экономическую мощь и на политическое влияние Страны Советов. Он уже сознавал, какую опасность для южного Тироля, итальянской Адриатики, интересов Италии на Балканском полуострове, в придунайских странах, на Ближнем Востоке может представить всё возрастающая сила агрессивной Германии. Летом 1933 г. через советского посла в Риме Муссолини поставил перед Москвой вопрос о заключении советско-итальянского политического договора. Предложение Муссолини было принято. После непродолжительных переговоров, 2 сентября 1933 г., в Риме был подписан советско-итальянский пакт о дружбе, ненападении и нейтралитете. По существу этот договор ничем не отличался от других пактов о ненападении и нейтралитете, которые уже были заключены советской дипломатией с целым рядом государств. Особенностью пакта 2 сентября 1933 г. было лишь наименование его договором о дружбе. Характерно, что это добавление было внесено в итало-советский договор по специальной просьбе Муссолини. То было лишним доказательством, какое значение в своей дипломатической игре придавал Муссолини советской карте. При помощи её он рассчитывал поднять международный удельный вес Италии. В эти годы ей приходилось оглядываться и на возрастающую мощь гитлеровской Германии, и на западного соседа — Францию, с которой у фашистской Италии происходили острые трения, и на Англию, всегда внушавшую итальянской дипломатии смешанное чувство раболепия, страха и неприязни. Вполне вероятно, что заключением итало-советского пакта о дружбе, ненападении и нейтралитете Муссолини надеялся вызвать неудовольствие французской дипломатии против Советского Союза и помешать франко-советскому сближению.

[1] *Молотов*, Статьи и речи 1935—1936, М. 1937, стр. 12—13.

Уход Германии из Лиги наций (14 октября 1933 г.)

Между тем поведение Германии становилось всё более вызывающим. 15 сентября 1933 г. барон фон Нейрат решительно потребовал, чтобы конференция по разоружению признала равноправие Германии. В противном случае «неизбежен провал идеи разоружения со всеми трагическими последствиями». Однако Франция — за время трёхмесячного перерыва работ конференции — пришла к выводу, что при быстром вооружении Германии вообще нет смысла рассматривать мероприятия по разоружению. Французская делегация предложила утвердить вооружения на достигнутом уровне и отказаться в течение четырёх-пяти лет как от разоружения, так и от довооружения. При этом французы настаивали на принятии системы санкций в отношении нарушителей предлагаемого постановления.

Англия и Италия отказались поддержать французское предложение. Но американский представитель Норман Дэвис энергично выступил на его защиту. Соглашение, наконец, было достигнуто. 24 сентября 1933 г., на собрании Лиги наций, барону фон Нейрату от имени четырёх держав — Англии, Франции, Италии и США — был предложен проект нового договора. Он устанавливал два этапа разоружения: первый — период стабилизации от трёх до четырёх лет, в течение которого Германия должна была заменить свою систему долгосрочной службы — краткосрочной; второй этап — тоже от трёх до четырёх лет, в течение которого должно быть проведено фактическое разоружение.

Германия отказалась принять этот проект. Германский министр внутренних дел Фрик заявил в Берлине, что Германия не желает больше играть роль парии; если ей отказывают в равноправии, она не будет впредь участвовать в международных конференциях. Фашистская печать усилила кампанию за немедленное аннулирование Версальского договора.

6 октября 1933 г. германское правительство обратилось к английскому и итальянскому правительствам с нотой, в которой заявляло, что принятие предложений четырёх держав означало бы дискриминацию, на которую Германия не может согласиться: «Германия желает получить либо полную свободу, либо подвергнуться таким же качественным ограничениям, как и другие страны». Начались новые переговоры. В течение трёх дней, с 9 по 11 октября, представители пяти держав в Женеве напрасно пытались смягчить германскую позицию, выраженную в ноте от 6 октября.

Председатель германской делегации на конференции Надольный продолжал упорствовать. 13 октября Гитлер собрал кабинет, вызвал в Берлин президента Гинденбурга из его резиденции Нейдек и поставил вопрос о выходе Германии из Лиги наций.

14 октября 1933 г. Джон Саймон выступил в Женеве с новым предложением — удлинить период разоружения до восьми

лет; в течение этого срока выполнялась бы программа, обеспечивающая разоружение, безопасность и равноправие всех держав.

Тотчас после совещания председатель конференции получил от германского министра иностранных дел телеграмму следующего содержания: «В свете того направления, какое приняло в последнее время обсуждение державами вопроса о разоружении, ясно, что конференция по разоружению не выполнит своей единственной задачи — общего разоружения... Германское правительство вынуждено поэтому покинуть конференцию по разоружению».

В то же самое время германское правительство заявило о выходе Германии из Лиги наций. В связи с этим Гитлер президентским указом распустил Рейхстаг и обратился к германскому народу с воззванием, в котором лицемерно пытался оправдать этот шаг германского правительства «миролюбием и чувством чести». Он заявил, что «германское правительство увидело (в решениях конференции) несправедливую и унизительную дискриминацию германского народа. Оно не сочло больше возможным поэтому участвовать в работах конференции, где немецкую нацию третировали как бесправную и второразрядную». Выборы нового Рейхстага поставят этот вопрос на суд немецкого народа, который должен вынести своё окончательное суждение.

Американский посол в Берлине Додд в своём дневнике отмечает впечатление, которое произвела эта речь Гитлера, произнесённая по радио вечером 14 октября: «Мы слушали выступление Гитлера по радио, обращённое к Германии, к остальным народам Европы и Соединённым штатам, — пишет посол.— Гитлер заявил о выходе Германии из Лиги наций, об её уходе с конференции по разоружению и о назначении всеобщих выборов на 14 ноября. Его речь была относительно умеренна. Он требовал равных с другими странами прав на вооружение, подчеркнул, что его „революция“ направлена исключительно против коммунизма, и заверял весь мир в своих миролюбивых намерениях».

Через несколько дней, 19 октября 1933 г., германский министр иностранных дел послал генеральному секретарю Лиги наций короткую телеграмму: «От имени германского правительства имею честь настоящим сообщить вам, что Германия заявляет о своём выходе из Лиги наций, согласно пункту 3 статьи 1 устава».

Уход Германии с конференции по разоружению и её заявление о выходе из Лиги наций означали новый этап не только в политике Германии, но и в дальнейшем развитии международных отношений. Период пацифистских конференций, переговоров и соглашений закончился. Фашистская Германия создавала очаг войны в самом центре Европы.

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

ОБРАЗОВАНИЕ ВТОРОГО ОЧАГА ВОЙНЫ В ЕВРОПЕ (1933—1935 гг.)

Блок гитлеровской Германии с Японией и Италией

Выход Германии из Лиги наций явился продолжением той агрессивной внешнеполитической линии, начало которой было положено Японией.

Как признал немецко-фашистский автор Вирзинг в своей книге «Германия в мировой политике», уход Японии из Лиги наций был для Германии «поучительным уроком». «В 1931 г. первая фаза „доброй воли" окончилась, — писал Вирзинг, имея в виду конец «эры пацифизма», — но старые негодные методы медленно отмирали ещё два года, и с внешней стороны ничто не изменилось» [1].

В действиях гитлеровской Германии и Японии сказывалась явная согласованность. Европейская печать давно отмечала тесное общение германских и японских делегатов в Женеве. Некоторые французские наблюдатели указывали, что «между Германией и Японией имеется определённая договорённость о подготовке совместных действий, в которых, возможно, примет участие ещё одна европейская держава». Речь явно шла об Италии.

К старым методам, упомянутым Вирзингом, относилась та пацифистская маскировка, которой гитлеровская дипломатия первоначально прикрывала подготовку взрыва версальских соглашений. Даже выход Германии из Лиги наций Гитлер изображал как «шаг к действительной ликвидации войны». Пресса Гитлера утверждала, что теперь только открылась реальная возможность мира; выход Германии из Лиги наций, покончив с «женевским периодом», «закладывает краеугольный камень нового европейского порядка, основанного на равноправии и сотрудничестве всех держав».

Личина миролюбия была необходима агрессивной Германии не столько для внутреннего, сколько для внешнего упо-

---

[1] *G. Wirsing*, Deutschland in der Weltpolitik, 1933, S. 7.

требления. В основе пацифистской фразеологии гитлеровцев лежало стремление не допустить создания антифашистского фронта демократических держав, усыпить их тревогу, раздробить силы противников.

Своим союзником помимо Японии гитлеровская Германия стремилась сделать и фашистскую Италию. Уже во время Женевской конференции по разоружению иностранная печать отмечала согласованность действий представителей Германии и Италии.

В статьях французской журналистки Женевьевы Табуи в газете «Oeuvre» по поводу разрыва Германии с Лигой наций доказывалось, что германский «театральный жест» подготовлялся в течение двух недель в переговорах между Италией и Германией. Другой французский журналист, Бернюс, в «Journal des Débats», несомненно преувеличивая роль Италии, даже ставил вопрос об ответственности её за германское решение. «За последнее время рука Италии постоянно чувствовалась за всеми германскими выступлениями, — заявлял он. — Уместно задать вопрос, поощряла ли Италия Германию в её последнем выступлении, явилось ли для неё решение Германии неожиданностью?»

Итальянское правительство первым получило уведомление Германии о её готовности «продолжить переговоры о разоружении вне Женевы». Оно согласилось с этим предложением, хотя конференция по разоружению ещё работала. «Самые деликатные проблемы можно урегулировать и вне Лиги наций и помимо конференции по разоружению», — заявлял орган Муссолини «Popolo d'Italia».

Опираясь на Японию и Италию, германская дипломатия строила свою игру на разногласиях между своими противниками. Прежде всего она, как и раньше, рассчитывала оторвать Англию от Франции.

В интервью, данном сотруднику «Daily Mail» 20 октября 1933 г., Гитлер решительно опровергал обвинения Германии в воинственных замыслах. Он призывал Англию поддержать «антикоммунистическую линию» нового германского правительства.

В беседах со своим агентом Куртом Людеке Гитлер ещё до захвата власти излагал ему свою будущую тактику в отношении великих держав. Нацистский режим, говорил Гитлер, будет вначале сильно уязвим. «Экономическая мощь версальских держав настолько велика, что *я не могу* стать по отношению к ним в оппозицию с самого начала... Мне придётся играть в мяч с капитализмом и сдерживать версальские державы при помощи призрака большевизма, заставляя их верить, что Германия — последний оплот против красного потопа. Это единственный способ пережить критический период, разделаться

с Версалем и снова вооружиться. Я могу говорить о мире, а подразумевать войну» [1].

Эту тактику Гитлер применял в первые годы своего пребывания у власти. Фашистская Германия стояла в это время перед угрозой международной изоляции. Выход Германии из Лиги наций произвёл в Америке крайне неблагоприятное впечатление. Государственный секретарь США Хэлл заявил представителям печати, что это решение «приостанавливает движение в пользу разоружения». Американская пресса расценивала разрыв Германии с Лигой наций как непосредственную подготовку войны и даже сравнивала его с сараевским убийством. «Ультиматум Германии отличался той же полной драматизма поспешностью, которая характеризовала некое другое дипломатическое выступление в 1914 г.», — писал женевский корреспондент «Herald Tribune».

Генеральный секретарь Лиги наций Авеноль в письме от 21 октября 1933 г. напомнил германскому правительству о первой статье устава Лиги наций, согласно которой член Лиги наций может выйти из её состава лишь после предварительного за два года предупреждения, при условии, однако, что к этому моменту он выполнил свои международные обязательства, включая и обязательства по уставу Лиги наций.

Комментируя письмо Авеноля, печать отмечала, что Германия остаётся подсудной Совету Лиги наций по всем вопросам, связанным с Локарнским договором. Контролю Лиги наций подлежит она и в области вооружений. Покинув конференцию по разоружению, Германия потеряла право требовать осуществления декларации от 11 декабря 1932 г. относительно равноправия в вооружениях. Пакт четырёх должен также потерять свою силу. Германия снова подпадает под действие режима, предусмотренного пятым разделом Версальского договора, ограничившим вооружение Германии.

Правда, практически Лига наций была уже бессильна осуществить свои права и применить санкции. Гитлеровская дипломатия учитывала, что никто не решится сейчас использовать право Лиги наций произвести обследование германских вооружений.

Но гитлеровцам нужно было большее. Они упорно добивались того, чтобы между противниками агрессивной Германии воцарились взаимное недоверие и рознь. С этой целью гитлеровская дипломатия прибегла к провокационному маневру. Она предложила Франции заключить с Германией сепаратное соглашение о вооружениях.

---

[1] *K. Ludecke*, I knew Hitler, N. Y. 1938, p. 468.

Маневр Гитлера в отношении Франции

Гитлер убеждал французов, что единственное желание «национал-социалистской Германии — навсегда уничтожить вражду между Германией и Францией». В своих публичных выступлениях и особенно в беседах с иностранными корреспондентами Гитлер уверял, что «Германия не имеет никаких территориальных споров с Францией». «Если бы Саарская область была возвращена Германии, исчез бы всякий повод для исправления границ», — заявил фюрер.

Для урегулирования последних спорных вопросов с Францией Гитлер выразил готовность встретиться с Даладье. В своих расчётах гитлеровская дипломатия опиралась прежде всего на сочувствие реакционных кругов в самой Франции. Действительно, правые группировки, связанные с Комите де Форж, были заинтересованы в укреплении экономических и политических связей с германским финансовым капиталом. Но широкие массы и бóльшая часть буржуазии Франции были настроены против соглашения с гитлеровской Германией. Поэтому французское правительство не решилось принять германское предложение о непосредственных переговорах с Гитлером.

На заседании французской Палаты депутатов 17 октября 1933 г. премьер-министр Даладье выступил с большой речью, в которой обосновал этот отказ.

«Мы не глухи к любым словам, — говорил Даладье, — но мы и не закрываем глаза на происходящее. Если искренне хотят договориться, зачем начинать с разрыва? Если хотят соблюдать свои обязательства, почему не проверять, как они соблюдаются? Если имеется готовность уничтожить всё оружие до последней винтовки и пулемёта, зачем противиться принятию и лойяльному исполнению плана, постепенное выполнение которого привело бы к подлинному разоружению?»

Франция в это время переживала очередной финансовый и политический кризис. 23 октября 1933 г. правительство Даладье ушло в отставку. Новый кабинет Сарро столь же мало, как и предыдущий, был способен найти действительный выход из кризиса. Сторонники соглашения с Германией усилили кампанию за немедленные франко-германские переговоры. «Следует ли оттолкнуть протянутую нам руку, устранить возможность прямых переговоров, прибегать к посредникам, проводить в будущем политику бездействия? — вопрошал 18 ноября 1933 г. один из лидеров радикальной партии, Рош, в газете «République». — Отнюдь нет. Придёт время, когда решительные люди должны будут сделать то, на что не решаются дипломаты, скованные предрассудками, и государственные деятели, связанные устаревшими формулами».

Один из сотрудников той же газеты, Бертран де Жувенель, имевший большие связи в Германии, систематически

выступал со статьями и корреспонденциями, агитируя за сближение с Гитлером. К журналистам того же лагеря принадлежал и де Бринон, политический редактор газеты «Information». Он ездил в Германию и имел там неоднократные свидания и беседы с Гитлером. В своей книге «Франция — Германия 1918—1934 гг.» этот агент фашистской Германии в самых идиллических чертах описал встречи с Гитлером. По его словам, Гитлер в это время мечтал об осуществлении своего проекта примирения «путём непосредственного контакта стопроцентных немцев и стопроцентных французов — больше, чем посредством конференций, дипломатов и политиков».

Явно превосходя всякую меру издевательской лжи, Гитлер заявил французскому журналисту о своём намерении воздвигнуть на берегах Рейна огромный памятник в честь павших французов и немцев, примирённых смертью...

В одном из своих интервью Гитлер заверял де Бринона, что осуществить мир и добиться соглашения с Францией он, Гитлер, может скорее и успешнее, чем Штреземан или Брюнинг. Он вновь подчеркнул, что за исключением саарского вопроса между Францией и Германией нет разногласий, — судьбу Эльзас-Лотарингии он считает окончательно решённой. С Польшей соглашение будет достигнуто. Если для умиротворения Европы и Франции нужен дополнительный залог безопасности в форме оборонительного союза Франции с Англией, заявил Гитлер, он не будет возражать против него: «Я нисколько не возражаю против такого союза, так как не намерен нападать на своих соседей». «Никакой спор в Европе не оправдывает войны, которая ничего не разрешила бы и лишь привела бы к уничтожению наших рас, являющихся высшими; Азия водворилась бы на нашем континенте, и большевизм одержал бы свою победу»[1].

Под давлением прогитлеровских кругов французское правительство решило всё же «выслушать германские предложения». В Берлине состоялось свидание Гитлера с французским послом Франсуа Понсэ. Посол дважды посетил Гитлера: 24 ноября и 11 декабря 1933 г. Во время их бесед со стороны Германии были выдвинуты следующие предложения:

1. Немедленная передача Германии Саарской области.

2. Увеличение численного состава германской армии до 300 тысяч человек с годичным сроком службы. Предоставление Германии права иметь вооружение, соответствующее численности этой армии, включая тяжёлую артиллерию, танки, истребительную и бомбардировочную авиацию.

---

[1] *Fernand de Brinon*, France — Allemagne 1918—1934, Paris 1934, p. 221.

3. Установление международного контроля над вооружениями военизированных обществ всех стран на условиях равноправия.

4. Заключение пакта о ненападении со всеми соседями Германии сроком на десять лет.

Германские предложения были незамедлительно сообщены в Париж. Их обсуждение привело к ещё большему обострению внутренней борьбы во Франции.

Заверяя Францию в дружественных чувствах, гитлеровские пропагандисты одновременно усиленно внушали своим штурмовикам «отвращение и ненависть» к французской «расе негроидов».

Миллионы немцев на митингах слушали возбуждающие речи гитлеровцев о необходимости восстановления великой Германии, о том, что надо вести войну, если хочешь яркой жизни, что «мир» должен быть продуктом войны, что немец — «человек высшей расы» — сначала подчинит себе вселенную, а затем установит в ней мир и «новый порядок»...

Где же были дипломаты демократических стран, аккредитованные при правительстве гитлеровской Германии? Как они воспринимали эту неистовую агитацию? Одни делали вид, что ничего не замечают, другие утешали свои правительства тем, что гитлеровцы, выступая перед массами, якобы лишь отдают дань демагогии своей официальной «национал-социалистской программы». На самом же деле и они прекрасно понимают необходимость поддерживать деловое сотрудничество с капиталистическим миром. И «демократические» правительства с серьёзным видом принимали авансы Гитлера.

Связь гитлеровской дипломатии с русско-украинской белогвардейщиной

Добиваясь равноправия в области вооружений, Германия при негласной пока поддержке своих союзников начала укреплять своё стратегическое положение в Восточной Европе.

С этой целью гитлеровская дипломатия стремилась прежде всего пробить брешь в той системе военно-политических союзов, какую создала вокруг себя Франция.

Важнейшим звеном этой системы была Польша. Оторвать её от Франции стало главной задачей гитлеровской дипломатии. Издававшийся в Вене орган отколовшейся от Гитлера национал-социалистской группы Отто Штрассера «Der schwarze Front» сообщал, что Геринг ещё 13 февраля 1933 г. посетил французского посла в Берлине Франсуа Понсэ. Он предложил Франции некоторую сделку по вопросу о Польском коридоре. План Геринга сводился к тому, что Польша должна заключить военный союз с Германией против СССР, вернуть Данцигский коридор и, в случае успеха войны с Советским Союзом, получить взамен часть Украины с выходом к Чёрному морю. Французское

правительство отвергло план военного союза между Францией, Германией и Польшей и сообщило о предложении Геринга советскому правительству.

Гитлеровская дипломатия прилагала все усилия, чтобы добиться сделки и с Италией. В начале марта 1933 г. польское телеграфное агентство получило из Женевы сообщение о происходившем в Локарно совещании представителей Гитлера с итальянскими фашистами. От имени Гитлера на этом совещании выступил Розенберг. Он всячески расписывал заманчивые перспективы германо-итальянского сотрудничества и совместных действий двух фашистских стран против СССР. Наступление на Украину и на Кавказ всецело отвечает интересам Италии, заверял Розенберг. Оно может обеспечить Италии значительную долю в украинском хлебном экспорте. В расчленении Советского Союза заинтересованы «не только Германия и Италия, но и весь цивилизованный мир».

В качестве экспертов на совещании в Локарно присутствовали украинские жовтоблакитники — полковник Коновалец и Полтавец-Остраница. Прибалтийский немец, озлобленный черносотенец, получивший воспитание и образование в царской России, Розенберг сколачивал вокруг Гитлера уцелевшие группы русских и в особенности украинских белогвардейцев во главе с бывшим гетманом Украины Скоропадским. Союз гитлеровской Германии с «национальной Украиной» рекламировался на все лады. Среди украинской эмиграции распространялись открытки с фотоснимками бывшего украинского гетмана в мундире гитлеровского штурмовика. На одной из открыток был изображён вместе с германским кронпринцем сын Скоропадского Данила.

В начале апреля 1933 г. в штаб гитлеровцев — «Коричневый дом» — в Берлине был вызван «полковник» Полтавец-Остраница. Ему было предложено приступить к созданию фашистской украинской организации.

Руководство украинскими фашистско-эмигрантскими организациями взял в свои руки Розенберг, возглавлявший «Украинскую секцию» Коричневого дома. Окружающим его украинским, белорусским и русским белогвардейцам он внушал, что только их верная служба делу создания «великой Германии» приведёт к осуществлению и их собственных «национальных чаяний».

Ещё в 1927 г. в своей книге «Будущий путь германской внешней политики» Розенберг изложил план создания «великой Германской империи», в состав которой должны были войти и Польша и Украина. «Когда мы поймём, — писал Розенберг, — что уничтожение польского государства является первой потребностью Германии, союз между Киевом и

Берлином и создание общей границы станут народной и государственной необходимостью для будущей немецкой политики».

Свой план Розенберг неустанно внушал и Гитлеру. В тех «конструкциях» «великой Германии», которые Гитлер развивал перед своими единомышленниками, Польша должна была целиком войти в «срединноевропейскую империю», очистив для Германии «жизненное пространство» на Висле.

Взаимоотношения между Германией и Польшей в 1933 г. были крайне напряжёнными. В Германии, Верхней Силезии, Познани и особенно в Данциге велась небывалая по размерам нацистская кампания под лозунгом возвращения Германии Польского коридора. На польско-германской границе происходили вооружённые демонстрации штурмовиков. В Данциге прокатилась волна немецко-фашистских выступлений против поляков. Возмущённое общественное мнение в Польше требовало обуздания распоясавшихся нацистских погромщиков.

3 мая 1933 г. польский посол в Берлине Высоцкий заявил Гитлеру официальный протест. Указав на серьёзное беспокойство, которое возбуждают в Польше события в Данциге, он подчеркнул, что никакое польское правительство не может отказаться от жизненно необходимого Польше выхода к морю. Польша должна «сохранить свои права в Данциге», — говорил посол; польское правительство надеется получить «заверение, что с германской стороны не предполагается что-либо изменить в нынешнем положении Данцига».

Гитлер ответил Высоцкому, что не признаёт особых прав Польши на Данциг. Сами поляки не должны были соглашаться на устройство Польского коридора на немецкой земле: «Было бы гораздо умнее искать выхода к морю по другую сторону Восточной Пруссии». Впрочем, Гитлер уверял, что хочет мира с Польшей и будет добиваться своих прав, не нарушая договоров. Эту свою позицию он готов подтвердить и в официальной декларации.

В совместном германо-польском коммюнике было объявлено, что Гитлер «подтвердил намерение германского правительства действовать в строгих рамках существующих договоров».

Этот новый гитлеровский маневр возник в связи с той антисоветской миссией, какую в это время выполнял Розенберг в Англии. Излагая во время пребывания в Лондоне, в начале мая 1933 г., «большой план» Гитлера, Розенберг предложил европейским державам удовлетворить Польшу за счёт СССР.

Об этих предложениях стало известно из беседы Хоутона, корреспондента канадской газеты «Star», с секретарём германского посольства в Лондоне графом Бисмарком.

«Я интервьюировал сегодня, — писал Хоутон в газете «Star» от 13 мая 1933 г., — графа Бисмарка, потомка железного канцлера. Он состоял советником при Розенберге во время пребывания последнего в Англии.

На мой вопрос —

— Будет ли Германия воевать когда-либо с Францией?

— Никогда, — ответил Бисмарк. — Мы не нуждаемся в Эльзас-Лотарингии.

— Неужели вы надеетесь получить обратно Польский коридор без войны?

— Конечно. Польша скоро увидит, что Франция её покинула. Тогда она вынуждена будет отказаться от Польского коридора в обмен на права вольной гавани для Данцига и на возможные территориальные компенсации, — сказал Бисмарк.

— На Украине?

— Что-нибудь в этом роде, — ответил Бисмарк.

— Но СССР не допустит этого.

— Мы парализуем СССР, сосредоточив против него ненависть и силы всего мира, — ответил Бисмарк».

Предложения Розенберга не остались без отклика в Англии. Часть влиятельной консервативной печати одобрила план «компенсации» Польши за счёт Украины. Издатель газеты «Daily Mail», крайне реакционный консерватор лорд Ротемир, в номере от 28 ноября 1933 г. требовал провести в пользу Германии широкое исправление границ, в первую очередь за счёт СССР. Он одобрял «стремление Германии искать выход к слабо заселённым районам западной России». Польше Германия может «не только предоставить другой путь к морю — через Мемель, но и открыть ей доступ к Одесскому порту».

При поддержке части английских консерваторов в Лондоне образовалась Лига борьбы за независимость Украины, которая требовала отделения Украины от СССР и установления союза между Украиной, Польшей и Германией.

Роль Польши в антисоветских планах Гитлера

Летом 1934 г. на одном из совещаний Гитлера с его единомышленниками обсуждался вопрос о подготовке войны против СССР и роли Польши, с которой гитлеровская Германия уже имела официальный «договор о дружбе», как рекламировали в Польше и Германии соглашение между ними, подписанное 26 января 1934 г.

Гитлер говорил в беседе с Раушнингом, что Германия ещё не в состоянии вести войну с целью пересмотра границ, но она должна к этому готовиться.

«— Я сделаю все уступки, чтобы иметь свободные руки для продолжения моей политики, — заявлял Гитлер. — Я гарантирую все границы, я заключу всякие пакты о ненападении и

дружбе, которых от меня потребуют. Было бы с моей стороны ребячеством не воспользоваться этими средствами на том основании, что я когда-нибудь должен буду нарушить свои обязательства, хотя бы и самые торжественные...

— Рассчитываете ли вы вступить в союз с Польшей для того, чтобы напасть на Россию? — спросил Раушнинг фюрера.

— Может быть... — ответил Гитлер и, помолчав, добавил:

— Советская Россия — большой кусок. Им можно и подавиться. Не с неё я буду начинать.

Раушнинг заметил, что поляки могут уступить западные территории Германии лишь в том случае, если получат выход к Балтийскому и Чёрному морям.

Гитлер резко выступил против „великодержавных" планов Польши. Он не может отдать Польше Украину, Белоруссию и Литву и всё пространство от Балтийского до Чёрного моря.

— Я не допущу создания никакой военной силы на наших границах, — говорил Гитлер. — Я не могу иметь соседом большую империалистическую Польшу. Какой мне тогда интерес воевать с Россией?

— В таком случае, вряд ли Польша уступит нам свои территории на Западе, — заметил Раушнинг.

— Уступит! — уверенно заявил Гитлер. — Уступит добровольно или под угрозой... Я ни одного мгновения серьёзно не думаю о соглашении с Польшей... Польша нужна лишь до тех пор, пока мне могут угрожать на Западе.

— Имеете ли вы серьёзное намерение выступить против Запада? — спросил Раушнинг.

— А зачем же мы вооружаемся?

Раушнинг тогда заметил, что это приведёт к коалиции, к войне на два фронта, к поражению Германии.

— В том и состоит моя задача, — возразил Гитлер, — чтобы помешать образованию такой коалиции и двигаться вперёд последовательно, — так, чтобы нас никто не задержал.

Гитлер был твёрдо убеждён, что Германия не встретит серьёзных противников. Англия не способна вторично воевать против Германии; Францию же очень легко взорвать изнутри. Гитлер питал надежду, что не только Италия, но и сама Англия окажется на стороне Германии. В крайнем случае он не отступит и перед войной против Англии.

— То, что не удалось Наполеону, удастся мне, — хвастливо заявлял Гитлер. — Теперь не существует недоступных островов. Я высажусь в Англии. Даже с континента я уничтожу её города. Англия ещё не знает, до какой степени она уязвима в настоящее время.

— Но если против нас будет союз Англии, Франции и России? — спросил Раушнинг.

— Ничего подобного не будет, пока я жив! — воскликнул Гитлер. — Но если мы не сумеем победить, мы вовлечём в бездну вместе с нами половину мира, и некому будет радоваться победе над Германией. 1918 год не повторится никогда. Мы не сдадимся».

Переходя к вопросу о планах в отношении СССР, Гитлер сказал:

«Если я когда-либо и решусь сделать ставку на Россию, то ничто не помешает мне совершить ещё один резкий поворот и напасть на неё, когда мои цели на Западе будут достигнуты... Ничто не может предотвратить решительную борьбу между германским и панславянским духом... Победа откроет нам путь к мировому господству».

Далее Гитлер изложил свою программу создания германской мировой империи. «На Востоке мы должны распространить наше господство до Кавказа или до Ирана, — заявил он. — На Западе нам нужны французские берега, Фландрия и Голландия. Сверх того нам нужна Швеция. Мы должны стать колониальной державой... Либо мы будем господствовать над Европой, либо... превратимся в группу мелких государств...»

К своим союзникам — Венгрии и Италии — Гитлер намеревался отнестись в конце концов также «как к врагам», ибо «время второстепенных государств миновало». Кроме того, заметил Гитлер, «итальянский народ неспособен стать воинственной нацией». Союз с Италией — лишь временный: «Германия пала бы слишком низко, если бы в решительный момент положилась на содействие такой страны, как Италия». Великие империи создаются не союзами, а *оружием*.

Приведённая откровенная беседа Гитлера с Раушнингом раскрывает истинные цели его дипломатического маневра и в отношении Польши. Гитлер собирался начать пересмотр Версальского договора, увлёкши Польшу на путь завоевательной политики на Востоке.

Ещё 15 ноября 1933 г., пригласив к себе польского посла Липского, Гитлер предложил заключить польско-германское соглашение об «исправлении» Версальского договора в части, касающейся границ с Германией.

После этого свидания было опубликовано сообщение о том, что обе страны приступают к непосредственным переговорам по всем германо-польским проблемам «для консолидации мира в Европе» и что они отказываются «от применения силы в своих взаимных отношениях».

С таким же предложением обратился Гитлер в эти дни и к Чехословакии. Однако Бенеш отказался от сепаратных переговоров без согласия своей союзницы — Франции. Напротив, Пилсудский и польский министр иностранных дел полковник Бек быстро восприняли идею немецко-фашистской дипломатии.

Результатом явилось соглашение между Германией и Польшей от 26 января 1934 г., заключённое на 10-летний срок. В декларации за подписями Нейрата и Липского заявлялось об установлении прочной дружбы между Польшей и Германией и об отказе их от применения силы для разрешения спорных вопросов.

Германская нацистская печать, комментируя договор, трубила о «новой фазе польско-германских отношений». При этом выражалась твёрдая надежда, что Польша, связанная новым пактом, откажет в помощи Франции, если та выступит против Германии.

Ухудшение советско-германских отношений

В беседах между немцами и поляками предусматривался план вторжения на советскую территорию в случае, если происходивший в то время советско-японский конфликт перерастёт в войну.

Итальянская антифашистская газета «Volonta d'Italia» от 8 марта 1934 г. отмечала, что Германия подстрекала Японию к войне с СССР. Если бы эта провокация увенчалась успехом, Германия рассчитывала занять Украину, а Польша — оккупировать Белоруссию и Литву, уступив Германии Польский коридор. Японии была обещана полная поддержка и в первую очередь признание Манчжоу-Го.

Та же итальянская газета сообщала, что уже несколько месяцев в окрестностях Берлина сосредоточиваются и обучаются в специально созданных лагерях отряды украинских «добровольцев».

Резкое обострение отношений гитлеровской Германии с Советским Союзом стало для всех очевидным фактом ещё с начала 1933 г. С особой наглядностью вскрылось оно в связи с провокационным поджогом Рейхстага фашистами 27 февраля 1933 г. Это событие было использовано правительством Гитлера для самой яростной агитации против Советского Союза.

Документы, устные показания и все материалы, представленные в Международную следственную комиссию, неопровержимо устанавливали, что Рейхстаг был подожжён злоумышленниками по прямому поручению Геринга и других руководящих представителей национал-социалистской партии. Все попытки припутать к этому преступлению Советский Союз позорно провалились: нелепое обвинение было разбито вдребезги мужественными выступлениями Георгия Димитрова на суде в Лейпциге.

С неотразимой силой Димитров раскрыл истинную цель поджога и доказал прикосновенность к этому провокационному делу главарей немецко-фашистского правительства.

В страхе перед гласностью и разоблачениями национал-социалистские власти прибегли к репрессиям против антифа-

шистской печати и особенно против советской прессы. Советские журналисты, направившиеся в Лейпциг, не были допущены на процесс и подверглись аресту. Квартиры советских корреспондентов обыскивались и предавались разгрому.

Посольство СССР в Берлине заявляло неоднократные протесты против этих действий. В конце концов советские органы печати отозвали своих представителей из Германии. В свою очередь и советское правительство решило выслать из СССР немецко-фашистских журналистов.

Отвечая на протест по этому поводу поверенного в делах Германии Твардовского, Наркоминдел в ноте от 26 сентября 1933 г. подчеркнул, что мероприятия советских властей «навязаны нам действиями органов германского правительства, на которое ложится ответственность за создавшееся положение» [1].

В своей речи на четвёртой сессии ЦИК СССР 29 декабря 1933 г. народный комиссар по иностранным делам СССР вынужден был отметить, что наши прежние отношения с Германией стали неузнаваемыми.

Некоторые фашистские политики пытались объяснить это ухудшение советско-германских отношений тем, что Советский Союз якобы изменил свою ориентацию и стал сторонником Франции и защитником Версальского договора. Полную несостоятельность этого объяснения вскрыл в своём докладе на XVII съезде партии товарищ Сталин.

«Не нам, — говорил товарищ Сталин, — испытавшим позор Брестского мира, воспевать Версальский договор. Мы не согласны только с тем, чтобы из-за этого договора мир был ввергнут в пучину новой войны. То же самое надо сказать о мнимой переориентации СССР. У нас не было ориентации на Германию, так же как у нас нет ориентации на Польшу и Францию. Мы ориентировались в прошлом и ориентируемся в настоящем на СССР и только на СССР. И если интересы СССР требуют сближения с теми или иными странами, не заинтересованными в нарушении мира, мы идём на это дело без колебаний» [2].

Образование «оси» Берлин—Рим

Мотивируя необходимость захвата власти, Муссолини и Гитлер провозглашали, что создание фашистского государства поможет «преобразовать ещё раз карту Европы». В «Моей борьбе» Гитлер писал, что задачей его внутренней политики является «выковать меч»; внешняя политика должна подыскать «товарищей по оружию».

Завербовать Муссолини в «товарищи по оружию» Гитлер пытался задолго до своего прихода к власти. Ближайший соратник Людендорфа и Гитлера Людеке специально съездил в августе

---

[1] Ноты приведены в «Известиях» от 27 сентября 1933 г.

[2] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 436.

1928 г. в Рим, чтобы договориться с Муссолини о фашистском перевороте в Германии. «Вырвите у Муссолини всё, что сможете», — напутствовал Гитлер своего посланца.

На пути в Рим Людеке виделся с венгерскими фашистами. Они обещали взяться за оружие одновременно с гитлеровцами, чтобы таким образом связать Чехословакию и Румынию, а также побудить Италию к нападению на Югославию. В эти планы входила и военно-фашистская генеральская диктатура Примо де-Ривера в Испании: она должна была «сдерживающим образом» воздействовать на Францию. «Не страшно, если Англия возражает против великой Германии», — говорил Гитлер Людеке. «Я думаю, что Муссолини заинтересован в таком усилении Германии, чтобы мы вместе могли поставить на колени Джона Буля» [1] (т. е. Англию).

Гитлер ставил себе целью образовать «синдикат недовольных держав» для ревизии мирных договоров.

Ещё 5 июня 1928 г. Муссолини выступил с заявлением о том, что «договоры не вечны». «Всякая дипломатическая договорённость, — провозглашал он, — действительна лишь до того момента, пока какая-либо из договаривающихся сторон не будет достаточно *сильна*, чтобы настоять на изменении договора».

В ноябре 1930 г. орган Муссолини «Popolo d'Italia» поместил резкую статью против Франции, якобы лишённой «чувства реальности» и не понимающей «новой ситуации в Германии». «Пусть перечитает она „Венецианского купца", тогда она увидит, что и контракт Шейлока был безупречен с юридической точки зрения, — писала газета. — Пусть она поостережётся, как бы ей не очутиться на острие „Стального шлема"».

Летом 1930 г. германская эскадра встретила восторженный приём в итальянских портах, а делегация «Стального шлема» была радушно принята Муссолини. Руководитель германской делегации выразил надежду, что Италия и Германия отныне будут жить в нерушимой дружбе. «Страны, стиснутые на пространстве Средней Европы, — заявил он, — имеют одинаковую участь и в будущем должны выступать совместно» [2].

Ещё более решительным было заявление Геббельса сотруднику итальянской газеты «Messagero» (после выборов 14 сентября 1930 г.). «Лицо современной Европы изменится, — пророчествовал Геббельс, — вследствие политики союза Германии с противниками Франции, в особенности с Италией, с которой связана судьба германского народа».

Полной гармонии будущих союзников мешали, однако, конкретные препятствия: вопросы о Южном Тироле, судьбе Триеста

[1] *K. Ludecke*, I knew Hitler.
[2] *Silvio Trentin*, Le fascisme à Genève, chap. VIII.

и об аншлюссе Австрии приобретали для Италии чрезвычайную остроту.

Недостаточно утешительным для неё оказывалось и идеологическое сродство с фашистской Германией. Упоённый своими политическими успехами, Гитлер уже стал забывать о том, что Муссолини раньше него совершил в своём государстве фашистский переворот. Первенство за Италией он признавал теперь только в семье латинских наций; первое же место среди народов мира отводилось германской расе.

Надежды Гитлера на безусловную поддержку итальянской дипломатии не оправдывались. Поездка Геринга в Рим и переговоры Папена с Ватиканом в апреле 1933 г. успехом не увенчались. Более того, выяснились расхождения между итальянской и германской позициями по вопросу о ревизии договоров. Наиболее острой оказывалась проблема аншлюсса. На ней легче всего могла сломиться будущая «ось» Берлин — Рим.

Австрийский вопрос во взаимоотношениях Италии и Германии

В апреле 1933 г. одновременно прибыли в Рим фон Папен и Геринг из Германии и канцлер Дольфус из Австрии.

Идея аншлюсса подверглась атаке со стороны Муссолини, Дольфуса и римского папы. Последний опасался растворения католической Австрии в протестантской Германии. Муссолини боялся приближения Германии к итальянскому Тиролю, Адриатике, балканским странам. К тому же он носился с планом создания Дунайской конфедерации под главенством Италии. Дольфус вернулся в Вену, окрылённый надеждой, что в Риме «Австрия имеет друга, на которого может рассчитывать». Вскоре он запретил в Австрии национал-социалистские организации и изгнал из Вены нацистских главарей. Они нашли убежище в Мюнхене. Оттуда при помощи радио и печати они повели яростную агитацию, требуя свержения правительства Дольфуса и присоединения Австрии к Германии.

Дипломатия Франции и Англии внимательно следила за назреванием австро-германского конфликта. Но ни в Париже, ни ещё более в Лондоне не было охотников начинать бой с Гитлером из-за Дольфуса. Роль защитника австрийского канцлера англо-французская дипломатия не без удовольствия предоставляла фашистской Италии.

С согласия Лондона и Парижа Муссолини обратился к Гитлеру, указывая на остроту создавшегося для Австрии положения. Германское правительство ответило самыми успокоительными заверениями. Но уже 7 августа 1933 г. в официальных беседах с французским послом и английским поверенным в делах статс-секретарь Бюлов резко заявил, что германское правительство не может допустить иностранного вмешательства в австро-германский спор. Муссолини был вне себя. Ещё

бы, ведь он сам взялся уладить это дело. Австрийский вопрос он рассчитывал сделать предметом торга или сделки исключительно между Римом и Берлином. Итальянская фашистская печать немедленно подхватила возмущение своего дуче. Она стала кричать, что дипломаты Англии и Франции всё испортили своим неуместным выступлением в Берлине.

19 августа 1933 г. Дольфус отправился в Риччионе на поклон к Муссолини. В опубликованном по этому поводу коммюнике сообщалось о «полном согласии обеих сторон в вопросе о независимости Австрии».

Но 3 октября 1933 г. на Дольфуса было совершено покушение нацистами. Канцлер был легко ранен. В Австрии было объявлено военное положение. На австрийско-германской границе участились инциденты.

В ответ на мирные предложения Дольфуса Гитлер ультимативно предъявил ему требование «унификации» Австрии. Дольфус решил обратиться за защитой в Лигу наций. Но в Лондоне ему «не советовали» прибегать к этому средству, в Риме же решительно возражали против такого обращения. Муссолини продолжал разыгрывать роль покровителя Австрии и личного друга Дольфуса. Он предложил взять на себя инициативу обращения к Германии от имени Англии, Франции и Италии.

Декларация трёх держав от 17 февраля 1934 г. ничего не добавила к прежним договорным гарантиям австрийской независимости. В Лондоне считали такую декларацию излишней, но ничего не предложили взамен. Для Муссолини же это дипломатическое выступление было нужно, чтобы предупредить обращение Австрии в Лигу наций. Во-первых, последнее умалило бы его личную роль посредника между Берлином и Веной. Во-вторых, им ослаблена была бы позиция демонстративного пренебрежения самого Муссолини к «женевскому институту». Наконец, оно привело бы к широкой огласке тех заговорщических приёмов работы гитлеровцев в Австрии, характеристике которых было посвящено обширное документальное досье, составленное венским кабинетом. Муссолини не хотел допустить этих скандальных разоблачений, дабы не раздражать Гитлера.

Балканский пакт (9 февраля 1934 г.)

Перед опасностью соединения Германии с Австрией и дальнейшего немецкого наступления страны Малой Антанты, а также не входившие в неё балканские государства стали думать об объединении своих сил. Конференции Малой Антанты следовали одна за другой. Все они решительно высказывались против пересмотра мирных договоров. Пользуясь благоприятным моментом, французская дипломатия, озабоченная вопросом об укреплении своих пошатнувшихся позиций

на юго-востоке Европы, выдвинула проект так называемой Балканской Антанты. Английская дипломатия поддержала французскую инициативу.

9 февраля 1934 г. в Афинах было подписано соглашение между четырьмя балканскими странами — Грецией, Румынией, Турцией и Югославией. Балканский пакт обязывал подписавшие его страны совместно защищать их внутрибалканские границы и согласовывать свою внешнюю политику.

Из балканских стран пакта не подписали, под влиянием Германии и Италии, Болгария и Албания. По этому поводу европейская печать выражала сомнения в том, что новый договор будет способствовать общему умиротворению. Опасения эти оправдались. Итальянская дипломатия решила использовать момент, чтобы самой перейти в наступление.

В начале 1934 г. по всей Австрии начался разгром рабочих организаций и рабочих кварталов под предлогом раскрытия «большевистско-марксистского заговора». Разгром был организован хеймвером; так именовался вооружённый легион, получавший субсидии от итальянских фашистов и бывший орудием итальянской политики в Австрии. Хеймвер требовал от Дольфуса фашизации Австрии по итальянскому образцу. Муссолини, как сообщалось в антифашистской прессе, ставил условием своей помощи Австрии очищение её от социал-демократов и коммунистов. В середине февраля 1934 г. итальянские войска были сконцентрированы на границе Австрии на случай поражения правительства Дольфуса в предстоящей гражданской войне. В Вене началась всеобщая стачка. Правительственные войска и фашистские организации присоединились к хеймверовцам. К вечеру 15 февраля 1934 г. исход борьбы был решён: «красная столица» перестала существовать.

Гитлеровцы объявили по радио, что на время гражданской войны в Австрии они прекращают враждебные действия против австрийского правительства. Перемирие между палачами австрийского пролетариата продолжалось до мая 1934 г.

Во время этого перемирия, 17 марта 1934 г., был подписан итало-австро-венгерский пакт. Им устанавливался принцип контакта и консультаций между подписавшими договор сторонами по общим для них проблемам с целью «осуществления согласованной политики, направленной на проведение эффективного сотрудничества».

«Консультационный» пакт 17 марта превращал австрийского канцлера в марионетку в руках Муссолини. Австрия и Венгрия становились подголосками фашистской Италии. Однако дипломатический успех Италии внушал самому Муссолини некоторую тревогу. Римский диктатор чувствовал необходимость успокоить и задобрить своего германского партнёра. На другой день после подписания итало-австро-венгерского

пакта, 18 марта 1934 г., Муссолини произнёс речь, в которой его двойственная позиция сказалась с полной наглядностью. Муссолини требовал разоружения «вооружённых наций» и равенства прав Германии на вооружение. В той же речи он заверял, что «исторические задачи» Италии влекут её в Азию и Африку. Но и здесь «Италия, — спешил он оговориться, — имеет в виду не территориальные завоевания, а всего лишь духовную и экономическую экспансию».

Более чем сомнительно, чтобы угодливые заверения Муссолини были всерьёз приняты в Берлине. На Востоке же ближайшим результатом декларации Муссолини было то, что Турция поспешила укрепить свои связи с Балканской и Малой Антантой и приняла семилетний план усиления своей национальной обороны.

Упоминание Муссолини о необходимости для итальянского фашизма завоевания путей в Азию и в Африку вызвало тревогу в Абиссинии, хотя она и была связана с 1928 г. с Италией договором о дружбе, неприменении силы в спорах и об арбитраже.

Борьба СССР за организацию международного сотрудничества для укрепления мира

Победа фашизма в Германии, попытки объединения фашистских сил на юго-востоке Европы, успехи идеи реванша и ревизии договоров крайне обострили международную обстановку в Европе.

В этой напряжённой атмосфере советская дипломатия продолжала твёрдо проводить свою линию, разоблачая тех, кто подготовлял войну, поддерживая страны, которые стремились к сохранению мира.

Советская дипломатия предложила всем своим соседям пакты о ненападении. Она добилась подписания целым рядом государств конвенции об определении агрессора. Она стремилась к укреплению делового сотрудничества с теми странами, с которыми СССР имел уже официальные отношения, и к возобновлению отношений с теми государствами, которые их ещё не восстановили.

Весьма важное значение для укрепления дела мира имело установление дипломатических отношений между Советским Союзом и Соединёнными штатами Америки.

Несмотря на отсутствие официального признания, торговые связи между СССР и США развивались успешно. Укрепление делового сотрудничества способствовало устранению тех искусственных преград, которые долго мешали установлению нормальных взаимоотношений между двумя крупнейшими государствами мира.

10 октября 1933 г. новый президент США Рузвельт обратился к председателю ЦИК СССР М. И. Калинину с посланием, в котором предлагал начать переговоры о восстановлении нор-

мальных отношений. В ответной телеграмме от 17 октября т. Калинин сообщил, что правительство Советского Союза охотно принимает предложение президента США. Результатом переговоров было установление 16 ноября 1933 г. нормальных дипломатических отношений между США и СССР.

Напряжённость политической обстановки в Европе, угроза территориальной неприкосновенности и независимости государств Малой Антанты со стороны агрессивной Германии, нерешительная политика и порой прямое попустительство по отношению к Гитлеру со стороны Англии и Франции заставляли и Малую Антанту искать сближения с Советским Союзом. Конференция стран Малой Антанты, состоявшаяся в Загребе 22—23 января 1934 г., предложила своим участникам установить нормальные дипломатические отношения с СССР. Вскоре произошёл обмен нотами об установлении дипломатических отношений между СССР и Румынией и между СССР и Чехословакией. Что касается Югославии, то под давлением русских белогвардейцев она ещё воздерживалась от восстановления нормальных дипломатических связей с Советским Союзом.

Укреплялись отношения Советского Союза и с Францией. Подписание правительством Эррио 29 ноября 1932 г. советско-французского договора о ненападении послужило основой для дальнейшего развития дружественного сотрудничества между обеими странами.

Одним из важных этапов на пути франко-советского сближения было временное торговое соглашение между Францией и СССР, подписанное 11 января 1934 г. При его подписании французский министр иностранных дел Поль Бонкур отметил его значение «не только для коммерческих интересов», но также и «для общего политического курса». Начало этому курсу было положено ещё Эдуардом Эррио. Вполне определился он во время дебатов во французском Парламенте 15 февраля 1933 г. по поводу ратификации франко-советского пакта о ненападении.

Горячим сторонником сближения Франции с СССР был новый министр иностранных дел Франции Барту. Его вхождению в правительство предшествовали серьёзные события внутри Франции. Вечером 6 февраля 1934 г. на улицах Парижа произошло выступление французских фашистов, руководимых полковником де ла Роком и поддержанных начальником парижской полиции Кьяппом.

Организованность и единство французских левых партий и рабочих организаций обрекли выступление французских фашистов на полную неудачу. 12 февраля в Париже была назначена всеобщая стачка и проведена грандиозная демонстрация пролетарской солидарности. Она послужила толчком к развитию

широкого демократического движения во всей стране, завершившегося в дальнейшем созданием народного фронта.

Все эти события привели к созданию нового кабинета, явившегося результатом компромисса между правыми партиями и центром.

9 февраля 1934 г. новое правительство возглавил бывший президент Французской республики престарелый Думерг. В его кабинет в качестве министра финансов вошёл Фланден, сочувствовавший фашистам. Единственным последовательным и активным противником фашизма в правительстве оказался новый министр иностранных дел Барту.

Луи Барту был выразителем той национальной французской внешней политики, которая диктовалась, с одной стороны, трезвым учётом промышленной и военной мощи Германии, а с другой — патриотическими интересами Франции. Барту считал, что Франция должна быть самой сильной державой в Европе. По мнению Барту, защита Франции против германской опасности должна была опираться на систему союзов, заключённых с Польшей, Чехословакией, Румынией и Югославией. Старался Барту сохранить и франко-английское сотрудничество. Однако, будучи убеждённым проводником самостоятельной национальной политики, он опасался, как бы Франция в этом сотрудничестве, по выражению Клемансо, не оказалась в роли лошади, а Англия — в роли наездника.

Первые результаты перевооружения Германии

После выхода Германии из Лиги наций работа конференции по разоружению, несмотря на усилия Англии и Франции продолжать её в прежнем направлении, фактически замерла.

Между тем правительство Гитлера, сорвав конференцию по разоружению, упорно отстаивало свою программу равноправия в вооружениях, сформулированную в меморандуме, переданном Франции 18 декабря 1933 г. Оно требовало увеличения рейхсвера до 300 тысяч человек, с годичным сроком службы; оно настаивало на праве Германии иметь все те виды вооружений, которыми располагали другие страны. В особенности добивалось оно освобождения гражданской авиации от всякого контроля и ограничений; на контроль всех видов военной авиации и другого вооружения немцы соглашались на одинаковых основаниях с другими государствами.

Германия требовала также отмены тех условий Версальского договора, которые запрещали ей держать войска в демилитаризованной Рейнской зоне. Что касается Саарского бассейна, то она добивалась его получения, не ожидая плебисцита 1935 г.

В качестве «гарантий» гитлеровская Германия предлагала десятилетний договор о ненападении с Францией, Польшей и другими своими соседями.

Франция отказалась от заключения подобного договора с Германией. Французское правительство считало, что двусторонний договор о ненападении меньше связал бы Германию, чем её обязательства по Локарнскому соглашению и пакту Келлога. Не соглашалось французское правительство и на пересмотр предварительно принятого английского проекта разоружений, предложенного Макдональдом. Франция настаивала на международном контроле гражданской авиации, а также на распространении контроля на такие полувоенные германские организации, как «Стальной шлем», отряды СС и СА. Вопрос о Сааре она признавала подлежащим решению Лиги наций согласно Версальскому договору.

Британское правительство ответило на меморандум Германии лишь после предварительных переговоров между Саймоном и Муссолини в Риме 29 января 1934 г. Правительство Великобритании выразило согласие по ряду вопросов пойти навстречу германским требованиям. Италия настаивала на полном удовлетворении германских притязаний на довооружение. Одновременно в Италии возобновилась кампания в пользу создания директории четырёх европейских держав и реформирования Лиги наций.

Единый фронт союзников, который французская дипломатия пыталась создать против угрозы германского вооружения, явно оказывался неосуществимым. Зато возрастал напор фашистской дипломатии и усиливалась активность правительства Гитлера в деле перевооружения Германии.

19 февраля 1934 г. германский министр авиации Геринг заявил корреспонденту «Daily Mail», что Германия должна иметь свой «оборонительный воздушный флот» в размере от 30 до 40% общей воздушной силы своих четырёх соседей — Франции, Бельгии, Чехословакии и Польши.

29 марта 1934 г. был опубликован военный бюджет Германии на 1934—1935 гг. Это был последний обнародованный немцами бюджет. Он предусматривал увеличение расходов на военно-воздушный флот, запрещённый Версальским договором, с 78 миллионов марок до 210 миллионов марок; расходы на рейхсвер возрастали с 344,9 миллиона марок до 574,5 миллиона.

Британское правительство в дипломатическом порядке обратило внимание германского правительства на допускаемое им нарушение Версальского договора. Ответ немцев носил явно издевательский характер. Он гласил, что Версальский договор ограничивает германское вооружение, а не германские расходы на вооружение.

Англия была встревожена. Лорд хранитель печати Иден получил задание выяснить во французской, германской и итальянской столицах возможность сохранения Лиги наций и возобновления работы конференции по разоружению. 16 февраля

1934 г. он направился в Париж. Барту потребовал решительных мер и применения санкций в отношении Германии. Из Парижа Иден направился в Берлин. Гитлер занимал непримиримую позицию. Он категорически отказался вернуться в Лигу наций до подписания соглашения, приемлемого для фашистской Германии.

Характерным показателем разброда в лагере противников войны явилась позиция, занятая Бельгией. 6 марта 1934 г. в бельгийском Сенате выступил бельгийский премьер-министр граф де Броквиль. «Для предупреждения перевооружения Германии, — заявил он, — нет иных способов, кроме немедленного объявления войны. Я отказываюсь ввергнуть мою страну в такую авантюру». Это был прямой отказ Бельгии от союза с Францией.

Выступление бельгийского премьер-министра вызвало в Париже переполох.

Деятельность Барту

17 апреля 1934 г. французское правительство направило Великобритании ноту, в которой заявило о необходимости вновь поставить вопрос о безопасности Франции, которую оно не отделяет от безопасности других европейских держав. «Фактически, — гласила нота, — германское правительство, не ожидая результатов переговоров, пожелало поставить нас перед своим решением продолжать перевооружение во всех видах и в том объёме, который оно определяет по собственному усмотрению, пренебрегая постановлениями Версальского договора».

Выступая 9 мая в комиссии по иностранным делам Палаты депутатов, Барту заявил, что Франция не может ни при каких обстоятельствах санкционировать перевооружение Германии.

Вот что рассказывает о своей беседе с Барту в эти дни журналист Андрэ Симон:

«Я пошёл к нему потому, что по всему Парижу носились слухи, будто Германия потребовала для себя права создания регулярной армии в 300 тысяч человек. Утверждали, что кабинет Думерга под давлением Великобритании готов согласиться на это... Руководители национал-социалистских организаций бывших фронтовиков толкались по Парижу, уверяя всех и каждого, что Гитлер собирается выкинуть все оскорбительные для Франции места из книги „Моя борьба“ и что новое, очищенное издание уже готовится к печати.

Барту утверждал, что он единственный французский министр, прочитавший в оригинале книгу Гитлера „Моя борьба“. Он убеждён, что Гитлер не отказался ни от одной запятой в этой книге.

Французский министр иностранных дел изложил своё мнение по вопросу о соглашении с Германией. „Если мы сде-

лаем этот роковой шаг, — воскликнул он, — нам предъявят в скором времени новые, более обширные требования. В один прекрасный день мы должны будем, наконец, остановиться. Лучше сделать это сейчас, пока козыри ещё в наших руках“»[1].

Барту считал необходимым немедленно приняться за реорганизацию и укрепление системы внешних договоров Франции. Идеей Барту было расширить Локарнский пакт, дополнив его «восточным Локарно», которое охватывало бы Германию, Советский Союз, Польшу, Чехословакию и прибалтийские государства.

Участники Восточного регионального пакта должны были, по идее Барту, оказывать друг другу всякую помощь, в том числе и военную, в случае нападения какого-либо агрессора на одного из них. Обязательства взаимной помощи и гарантии границ европейских государств должны были дать и те государства, которые не принадлежали к восточноевропейским странам, — Англия, Франция, Италия и Бельгия. Таким образом Барту стремился создать единый союз европейских стран против агрессоров.

Стремясь заручиться поддержкой Англии, Барту посетил Лондон. «Однако в Лондоне нас ожидал холодный душ, — рассказывает о приёме Барту в Лондоне Женевьева Табуи. — Французский посол в Лондоне поспешил предупредить Барту о том, что последний не в фаворе у англичан».

Впрочем, по мере того как Барту выяснял подробности своего плана, отношение к нему менялось. Один из наиболее активных противников Восточного пакта, Ванситтарт, усмотрел даже в проекте Барту серьёзную «дипломатическую победу над русскими». «Но ведь это же замечательно! — восклицал Ванситтарт. — Это просто кажется невозможным. Что за победа коллективной безопасности! И какая дипломатическая победа над русскими! Вот где оправдание Локарно!»

Британское министерство иностранных дел послало своим послам в Берлине и в Варшаве директиву следующего содержания: «Великобритания полностью одобряет новый пакт, и её дипломатам даны инструкции уведомить об этом соответственно по месту своего поста».

Окрылённый Барту решил лично объехать столицы Польши, Румынии, Югославии и Чехословакии, чтобы договориться о новом пакте с правительствами этих стран. Особенно беспокоила Барту позиция Польши. Поэтому 21 апреля 1934 г. он и выехал прежде всего в Варшаву. Сопровождавшая Барту

---

[1] *А. Симон,* Я обвиняю! Сборник «О тех, кто предал Францию», М. 1941, стр. 53—54.

в его поездке Табуи рассказывает, что Барту решил принять приглашение маршала Пилсудского в ответ на имевший место год тому назад визит полковника Бека, чтобы выяснить, «как Варшава примет решение вступить в союз со своим злейшим врагом — Россией».

«Дела между Польшей и Францией обстояли не слишком хорошо, — пишет Ж. Табуи. — Полковник Бек ратовал за польско-германскую дружбу на всём протяжении времени со дня подписания 26 января германо-польского договора.

— Я боюсь, что господа в Варшаве любят немцев больше, чем русских, — сказал мне Барту почти сразу же, как только наш поезд вышел с Северного вокзала. — Я буду резок с маршалом Пилсудским по вопросу о Восточном Локарно. Всё-таки я обеспокоен их отношением к нему. Что вы думаете, мадам Табуи?

— Я также обеспокоена, господин министр, — сказала я».

Журналистка рассказала Барту о настроениях польской дипломатии, рассчитывавшей на дружбу с Германией после подписания германо-польского пакта. «Отныне Польша не нуждается во Франции, — сказал в Берлине в беседе с Табуи граф Липский. — Она также сожалеет о том, что в своё время согласилась принять французскую помощь, ввиду цены, которую будет вынуждена платить за неё».

Липский заявил, что о «Восточном Локарно сейчас не может быть и речи». «Это было бы признанием слабости по отношению к Москве, — сказал он. — Германская экспансия пойдёт в другом направлении, и мы в безопасности. Теперь, когда мы уверены в планах Германии, судьбы Австрии и Богемии не касаются Польши».

По поводу этих надежд Польши спастись от гитлеровской агрессии, направив её на СССР, французская журналистка заметила Липскому: «Как мало вы знаете Германию!».

Выслушав рассказ Табуи, Барту тревожно покачал головой. Тревога его не была лишена оснований. Встреча Барту с маршалом Пилсудским 21 апреля положительных результатов не дала. Пилсудский был расположен поддерживать добрые отношения с Гитлером в соответствии с недавно подписанным договором. Расставаясь с Пилсудским, Барту был явно встревожен. «Я не мог его переубедить», — с огорчением говорил он.

26 апреля 1934 г. Барту прибыл в Прагу. Здесь вместе с министром иностранных дел Бенешем и с престарелым президентом Чехословакии Массариком он обсудил международные проблемы, в которых были заинтересованы обе страны. По вопросу о разоружении стороны сошлись на признании невозможности поддерживать политику, которая под прикрытием равноправия привела бы к усилению вооружения Германии.

Переговоры о восточно-европейском пакте

29 мая 1934 г. на открытии новой сессии генеральной комиссии конференции по разоружению состоялась встреча Барту с главой советской делегации Литвиновым. При этом был подвергнут обсуждению вопрос о заключении восточноевропейского пакта взаимной помощи. Такой пакт должен был объединить СССР, Германию, Польшу, прибалтийские страны и Чехословакию.

Все перечисленные государства должны были в случае войны оказывать друг другу военную помощь. Французское правительство принимало на себя обязательство гарантировать этот пакт. Со своей стороны правительство СССР обязывалось взять на себя гарантии выполнения Локарнского пакта, из которого должны быть устранены всякие антисоветские тенденции.

Советское правительство охотно приняло предложение Барту. Ещё до этого, 28 марта 1934 г., оно предложило Германии в целях укрепления мира в восточной части Европы, а также для улучшения взаимоотношений между Германией и СССР подписать протокол, которым оба правительства обязались бы воздерживаться от каких бы то ни было действий, могущих нанести прямой или косвенный ущерб независимости или неприкосновенности пограничных с ними прибалтийских стран.

Фашистское правительство Германии отклонило советское предложение. Отказалось оно и от присоединения к общему Восточному пакту. В объяснении оно хладнокровно заявило, что, «поскольку германское правительство не преследует никаких агрессивных целей, оно и не нуждается в оборонительных пактах».

Польский министр иностранных дел Бек на предложение присоединиться к Восточному пакту дал уклончивый ответ, явно внушённый из Берлина. Он заявил, что Польша согласится участвовать в Восточном пакте лишь в том случае, если в нём примет участие Германия. Кроме того, Польша отказывается принять на себя какие бы то ни было обязательства в отношении Литвы. Наконец, она не может гарантировать и границ Чехословакии до тех пор, пока Венгрия не будет участником общего пакта.

Поездка Барту по столицам Восточной Европы успехом не увенчалась. Английская дипломатия, одобрив идею Восточного пакта, соблюдала осторожность в отношении планов Барту. Выступая в Палате общин 13 июля 1934 г., Джон Саймон заявил, что английское правительство не будет участвовать ни в какой попытке «окружения» Германии. Он спешил заверить германское правительство, что впредь всякое соглашение европейских стран будет исходить из формулы, принятой в решении пяти держав от 11 декабря 1932 г. о равноправии Германии в пределах системы безопасности для всех народов.

Между тем конференция по разоружению уже находилась в агонии. Предложение советской делегации превратить конференцию в постоянный орган, который мог бы заботиться об охране всеобщего мира и обеспечении безопасности всех государств, было отклонено. Английская делегация заняла враждебную позицию по отношению к советскому проекту. Саймон открыто принимал под свою защиту немецких нарушителей Версальского договора. Английская дипломатия не только не хотела ссориться с Германией, но и явно заигрывала с ней, рассчитывая использовать эту опасную силу для острастки Франции и для «обуздания большевиков». Саймон прямо ставил делегатов конференции перед альтернативой: либо согласие на вооружение Германии, либо конец конференции.

Барту резко выступал против английской позиции. Он обвинял Англию в том, что в интересах Германии она отказывается от системы коллективной безопасности.

Капитулянтской позиции англичан Барту противопоставлял последовательность советских делегатов, которые упорно и неуклонно отстаивали идею коллективной безопасности.

Резолюция, принятая генеральной комиссией 8 июня 1934 г., предлагала приложить все усилия к скорейшему возвращению Германии на конференцию по разоружению. Для изучения опыта и результатов заключённых ранее пактов о ненападении и безопасности постановлено было создать специальный комитет по выработке общего пакта о безопасности.

Убийство Дольфуса

Между тем политическая обстановка в Австрии становилась всё более и более напряжённой. Подготовляя захват Австрии, гитлеровская агентура в этой стране с начала 1934 г. всё шире стала применять методы запугивания и провокаций. Сам Дольфус не раз получал угрожающие предупреждения гитлеровских агентов в Австрии. Во внешней политике Дольфус ориентировался на итальянский фашизм, надеясь с помощью Муссолини сохранить Австрию от захвата её Германией. Однако правительство Дольфуса не имело прочной основы. Жестокая расправа, учинённая им в феврале 1934 г. над австрийскими рабочими, единственными последовательными противниками фашизма, лишила Дольфуса надёжнейшей внутренней опоры в борьбе за независимость Австрии. Этим не преминули воспользоваться гитлеровцы. В Австрии была создана группа «национал-социалистов», которая повела усиленную подготовку к захвату власти в Австрии.

Обеспокоенный успехами дипломатии Барту, сторонника коллективной безопасности в Европе, Гитлер усилил нажим на Италию.

С этой целью Гитлер решил встретиться с Муссолини. Свидание состоялось в Венеции 14—15 июня 1934 г. В официальном сообщении было отмечено, что все итало-герман-

ские проблемы были обсуждены в Венеции «в духе сердечного сотрудничества». Неофициально добавлялось, что Муссолини убедил Гитлера в необходимости теснейшего итало-германского контакта для скорейшего восстановления «нормального» положения в Австрии.

После встречи Гитлера с Муссолини в Венеции террористическая деятельность австрийских гитлеровцев ещё более усилилась и велась уже почти открыто. Доставка взрывчатых веществ из Германии в Австрию приняла такие размеры, что австрийское правительство 12 июля издало декрет, грозивший смертной казнью за хранение этих материалов. 20 июля 1934 г. был назначен суд в Вене над семью нацистскими террористами, подпавшими под действие этого закона. Накануне суда мюнхенское радио в передаче на Австрию предупреждало, что за судьбу этих семи нацистов ответят головами Дольфус и его правительство. 23 июля то же радио сообщало, что «день суда над Дольфусом» приближается.

Встревоженный усилившимися угрозами Дольфус отправил семью в Риччионе к Муссолини, куда сам должен был прибыть в ближайшие дни. После кровавой ночи «длинных ножей» 30 июня 1934 г., когда Гитлер расправился в Германии со своими противниками, Дольфус не чувствовал себя в безопасности в Австрии и надеялся лишь на помощь и вмешательство своего «личного друга». Но уехать Дольфус не успел.

25 июля 1934 г. отряд нацистов ворвался в здание австрийской радиовещательной станции и под угрозой расстрела заставил диктора объявить об отставке правительства Дольфуса и об образовании фашистского правительства Ринтелена. В то же время другая банда нацистов ворвалась в кабинет Дольфуса и нанесла канцлеру смертельные ранения.

Однако попытка захвата власти австрийскими гитлеровцами была в течение двух-трёх дней повсеместно ликвидирована. Муссолини, выражая негодование по адресу убийц Дольфуса, заявил, что Италия будет «ещё энергичнее» защищать независимость Австрии. Вечером 25 июля он отдал приказ об отправке четырёх дивизий на Бреннер и на границу Каринтии. Послы Англии и Франции одновременно выступили в Берлине с энергичными представлениями, напоминая правительству Гитлера о международных гарантиях независимости Австрии. Гитлер вынужден был бить отбой. От своего имени и от имени Гинденбурга он послал в Вену телеграмму с выражением соболезнования по поводу убийства Дольфуса. Германский посол Рит был отозван из Вены. В Вену был назначен чрезвычайным послом фон Папен. В письме, адресованном ему, Гитлер поручал «ввести отношения с германо-австрийским государством в нормальные и дружественные рамки». Папен освобождался от обязанностей члена германского правительства и напра-

влялся в Вену в качестве личного эмиссара Гитлера, которому он непосредственно и подчинялся. Назначение Папена состоялось без предварительного согласования с австрийским правительством. 15 августа 1934 г. Папен явился в Вену, вручил свои верительные грамоты президенту Микласу и тотчас же отбыл «в отпуск» в Берлин, чтобы выждать, пока рассеется тяжёлое впечатление после убийства Дольфуса.

На заседании Лиги наций 12 сентября 1934 г. новый австрийский канцлер Шушниг заявил о твёрдой решимости Австрии защищать свою свободу. С другой стороны, Барту добился подписания 27 сентября 1934 г. англо-франко-итальянской декларации о необходимости сохранения независимости и целостности Австрии. Дальше этих словесных манифестаций дело не пошло. Фашистской Германии в Центральной и Западной Европе никто не осмеливался противопоставить действительные преграды. Взоры сторонников коллективной безопасности, естественно, обращались при этих условиях к Советскому Союзу.

Вступление СССР в Лигу наций

15 сентября 1934 г. по инициативе французской дипломатии правительства 30 государств — членов Лиги наций — обратились к советскому правительству с телеграммой, в которой указывалось, что «задача поддержания и организации мира, являющаяся основной целью Лиги наций, требует сотрудничества всех государств. Ввиду этого нижеподписавшиеся приглашают Союз ССР вступить в Лигу наций и принести своё ценное сотрудничество».

Советское правительство приняло обращённое к нему приглашение 30 государств. Сообщая об этом председателю 15-й Ассамблеи, Наркоминдел писал в своём ответе на приглашение:

«Советское правительство, которое поставило главной задачей своей внешней политики организацию и укрепление мира, никогда не оставалось глухим к предложениям международного сотрудничества в интересах мира. Оно расценивает приглашение как действительное желание мира со стороны Лиги наций и признание необходимости сотрудничества с Союзом ССР».

18 сентября 1934 г. общее собрание Лиги постановило принять СССР в Лигу и включить его представителя в Совет Лиги в качестве постоянного члена. Только три государства — Голландия, Португалия и Швейцария — голосовали против этого решения.

Оценивая международно-политическое значение вступления СССР в Лигу наций, т. Молотов в отчётном докладе о работе правительства VII съезду Советов СССР 28 января 1935 г. дал объяснение этому событию в свете борьбы за укрепление всеобщего мира и за коллективную безопасность. «Советский

Союз, — заявил глава правительства СССР, — не мог не признать целесообразным сотрудничество с Лигой наций в этом деле, хотя нам и не свойственна переоценка роли подобных организаций. Нечего уже говорить о том, что приглашение СССР в Лигу наций 30 государствами отнюдь не умаляет международного авторитета Советского Союза, а говорит об обратном. Мы записываем этот факт в свой актив»[1].

Вступая в Лигу наций, советское правительство предупредило, что не принимает на себя ответственности за её предшествующие решения и за договоры, заключённые без участия СССР. Всё же французская дипломатия рассчитывала, что вхождение Советского Союза в Лигу наций откроет путь деятельному дипломатическому сотрудничеству обеих стран. Однако враги мира решили помешать осуществлению этих планов.

Убийство Барту

Злодейские планы Гитлера, включавшего террористические акты в систему своей дипломатии, были с полной очевидностью раскрыты в отношении Барту значительно позже. Но ещё при жизни Барту было достаточно сигналов, свидетельствовавших, что он намечен как очередная жертва гитлеровских убийц.

В своих воспоминаниях французская журналистка Женевьева Табуи приводит любопытную беседу с германским послом в Париже Кестнером, который не принадлежал к национал-социалистам и не одобрял методов гитлеровской «дипломатии».

Эта беседа происходила в тот вечер, когда Табуи узнала, что румынский премьер-министр, защитник идеи коллективной безопасности, Дука убит своими политическими противниками. Взволнованная Табуи приехала к Кестнеру прямо из редакции. Во время обмена впечатлениями по поводу убийства Дука Кестнер сказал, намекая на причастность к убийству фашистской агентуры:

«— Если бы вы только знали, о чём *они* говорят в Германии. Ещё несколько таких убийств, как это, и Германия будет в состоянии разрешить свои проблемы и достичь своей цели, не прибегая к войне в Европе.

— Действительно, мне кажется, господин посол, что убийство — не новшество в жизни Веймарской республики.

— Да. Но результатов того, о чём я говорю, ожидают от убийств в других странах Европы, а не в нашей собственной. *Они* утверждают, что Германия обойдётся без войны с помощью шести рассчитанных политических убийств.

— Шесть убийств! — воскликнула я. — Вы шутите!

— Прежде всего есть Дольфус. По мнению Берлина, он единственный австриец, находящийся в серьёзной оппозиции

[1] *Молотов*, Статьи и речи 1935—1936, стр. 14.

к аншлюссу. Берлин, верящий, что количество сторонников аншлюсса растёт, надеется на своих соотечественников, чтобы убрать Дольфуса. После него идёт король Югославии. Берлин верит, что когда его уберут с дороги, перспективы альянса между Югославией и Францией будут сведены на нет. Затем они хотят разделаться с Румынией и особенно с Титулеску, который пользуется расположением Парижа и Лондона.

Здесь я прервала его.

— Думаете ли вы, что они имеют какое-либо отношение к убийству Дука? — спросила я прямо.

Фон Кестнер, не поморщившись, ответил:

— Возможно. Я действительно этого не знаю.

— Затем, — продолжал он, — они хотят ликвидировать Бенеша. Они надеются, что, как только это будет сделано, германские меньшинства в Чехословакии сами побегут в объятия Веймарской республики.

— Так! — заметила я. — Но это только четыре?

— Да, — сказал он, — другие два? Имеется ещё бельгийский король Альберт — традиционный враг в глазах большинства немцев. На Вильгельмштрассе думают, что, пока Альберт жив, Бельгия никогда не войдёт в германскую систему.

Когда фон Кестнер замолчал, я сказала:

— Ясно, что должны быть и такие французские деятели, которых Вильгельмштрассе желало бы видеть устранёнными с дороги?

Фон Кестнер, откинувшись в своём кресле, разразился искренним смехом:

— Да, есть несколько, и среди них особенно Эррио. *Они* хотели бы, чтобы и с ним что-нибудь случилось, потому что это человек, которого они в настоящий момент боятся больше всего, несмотря на то, что он дал им „равенство в правах“...».

«Будущее не замедлило самым зловещим образом подтвердить это мрачное интервью, — добавляет в своей книге Женевьева Табуи. — Было убийство Дольфуса, было убийство Александра Югославского. И было убийство бедного Барту, который стал министром иностранных дел, когда Эррио отказался принять этот пост из-за вопроса об американском долге» [1].

Убийство Дольфуса тяжело поразило Барту. Когда 26 июня из Вены пришла телеграмма с сообщением об убийстве канцлера, он вспомнил, что Дольфус прибыл на венский вокзал, чтобы лично приветствовать французского министра, когда он возвращался из поездки по восточноевропейским столицам. Дольфус был доволен успехами дипломатической миссии Барту и говорил, что они упрочат положение в Европе.

---

[1] *Geneviève Tabouis*, They called me Cassandra, N. Y. 1942, p. 144—146.

«Мы все ответственны за Австрию», — говорил Барту 26 июня. Он добавил, что теперь у него мало надежд на сохранение мира.

Фашистские гангстеры несколько раз покушались на жизнь Барту. Но покушения были неудачны вплоть до рокового воскресенья 9 октября 1934 г., когда он и Александр, король югославский, были умерщвлены в Марселе.

На свидание с югославским королём Барту возлагал большие надежды.

— Теперь я действительно сделаю что-нибудь для моей страны, — говорил он в беседе с Табуи и предложил ей поехать с ним в Марсель встречать Александра.

«Когда я ответила, что предпочту ожидать его в Париже, он улыбнулся:

— А, так вы боитесь, что будет покушение?

— Нет, — ответила я, смеясь. — Это не причина. Но что заставляет вас думать, что покушение будет?

— Кажется, — ответил он рассеянно, — что они раскрыли в Марселе заговор каких-то анархистов с целью покушения» [1].

Об этом заговоре сообщалось в ранних воскресных изданиях газет «Paris Midi» и «Paris Soir», — их более поздние издания сообщали уже об убийстве Александра и Барту. Весть о злодейском убийстве мгновенно облетела весь мир. Заговорили о новом Сараеве...

В Берлине, Риме и особенно в Будапеште царило подозрительное оживление. Итальянские радиостанции сразу же закричали о распаде Югославии, возвещая её предстоящий делёж. Протест югославского посланника был встречен издевательски грубо в итальянском Министерстве иностранных дел. Однако через день радиостанции были призваны к порядку. Югославский посланник снова был принят в итальянском Министерстве иностранных дел. На этот раз приём был уже предупредителен и любезен.

В Белград на похороны короля прибыл из Берлина Геринг. Одновременно из Будапешта поехал Гембеш. По пути он остановился в Вене для консультации с фон Папеном.

Эта дипломатическая суета фашистских правительств на юго-востоке Европы была не случайна. Следы марсельского убийства вели в Берлин, Рим и Будапешт. Убийцы оказались членами хорватской террористической организации усташей, руководимой бывшими офицерами австрийской армии. Во главе её стоял капитан австрийской службы Анте Павелич.

Уже вскоре после прихода Гитлера к власти между национал-социалистами и хорватскими головорезами установились теснейшие связи. Павелич со своим аппаратом поселился в

---

[1] *Geneviève Tabouis*, They called me Cassandra.

Берлине. Здесь же выходили три газеты хорватских террористов. Денежные средства обильно текли из гитлеровской кассы. Газеты усташей вели бешеную кампанию против Югославии, яростно нападали на Барту и превозносили Гитлера. Усташи требовали не только полной независимости Хорватии, но и отделения от Югославии Словении, Далмации и Боснии. Это означало бы полное разрушение югославского государства — опоры Франции на Балканах, опаснейшего соседа фашистской Италии, влиятельного члена Малой Антанты, ненавистной Берлину, Риму и Будапешту.

Приезд Барту на Балканы и его переговоры о создании широкой сети соглашений с целью коллективной взаимопомощи против германской агрессии побудили хорватских террористов, по прямому заданию Гитлера, организовать убийство ненавистного фашистам французского дипломата.

Несмотря на то, что соучастие нацистов в марсельском преступлении было очевидно, реакционные круги во Франции приняли все меры, чтобы затушить дело об убийстве Барту и Александра. С этой целью расследование убийства было поручено правительством Думерга сенатору Андрэ Лемери, активному члену фашистской организации «Боевые кресты». Оно тянулось два года и, естественно, не дало никаких результатов.

Таким образом, вследствие агрессивной политики гитлеровской Германии и попустительства правительств буржуазно-демократических стран возник второй очаг войны. Этот очаг был расположен в центре Европы, и его наличие свидетельствовало о назревании войны общеевропейской.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

ВОЗНИКНОВЕНИЕ ТРЕТЬЕГО ОЧАГА ВОЙНЫ И ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ (1935—1936 гг.)

Финал марсельского дела

Убийство Барту развязывало руки фашистским поджигателям войны и их пособникам. Одним из таких пособников стал новый французский министр иностранных дел Пьер Лаваль.

Лаваль во многом представлял прямую противоположность своему предшественнику. Луи Барту являлся одним из образованнейших людей Франции. Член Французской академии, блестящий оратор и публицист, автор широко известных работ о Мирабо и Ламартине, Гюго, Вагнере и Бодлере, страстный любитель книги, Барту привлекал симпатии людей своей высокой культурой. Четырнадцать раз он был министром. Накануне первой мировой войны, в 1913 г., он стоял во главе правительства. На посту премьера, невзирая на недовольство средней и мелкой буржуазии и особенно зажиточного крестьянства, этот гуманист и эстет твёрдой рукой провёл закон о трёхлетней военной службе, сыгравший важную роль в деле подготовки Франции к вооружённой борьбе с империалистической Германией.

Барту ненавидел Германию как подлинный французский патриот. Сын лавочника из Олорен-Сент-Мари, затем провинциальный адвокат, далее депутат, министр в составе ряда кабинетов, наконец, глава правительства, Жан-Луи Барту оставался неизменно верен заветам великодержавной французской политики. Франция — оплот буржуазного порядка в Европе; сильнейшее государство континента, призванное вместе с союзниками охранять Версальский мир; могущественная держава, уже отплатившая милитаристической Германии за позор франко-прусской войны, буржуазно-демократическая республика, выросшая в мировую колониальную империю, — таковы были основы внешнеполитической программы Луи Барту. Нужно отдать должное этому государственному деятелю. Широкий исторический кругозор, верное чувство действительности, ясное сознание национальных интересов Франции

помогали ему разбираться в международной обстановке и находить в ней правильный путь. На конференции в Генуе в 1922 г. Луи Барту выступал ещё против Советской России как убеждённый враг социализма, как противник разоружения, как сторонник дальнейшего прямого нажима на побеждённую Германию. Но проходит несколько лет. Действительность убедила того же Барту, что Советский Союз представляет силу мирового значения и что только в сотрудничестве с ним может быть обеспечена международная безопасность в Европе. И вот в Женеве, перед вступлением Советского Союза в Лигу наций, Барту в замечательной речи доказывает необходимость такого сотрудничества со страной социализма. Разумеется, сам он не отрекается от своей принадлежности к классу буржуазии. Барту был лишь выразителем интересов наиболее передовой части этого класса, которая в лице Советского Союза видела надёжнейший оплот борьбы против войны, грозившей буржуазной Франции не только возможностью поражения, но и глубочайшими социальными потрясениями. И вот со всей решительностью Луи Барту вступает на путь борьбы с поджигателями войны; он развивает необычайную для своего возраста энергию, ратуя за организацию союза сторонников мира против агрессора. Фашисты знали, кого они убивали в Марселе. В лице Барту они устраняли своего опаснейшего противника, пламенного французского патриота, одного из лучших представителей дипломатии большого стиля, каких знала буржуазная Франция.

Пьер Лаваль

Сын трактирщика из Оверни, бедствующий гимназист, впоследствии неимущий студент Парижского университета, мелкий адвокат, довольствующийся гонораром в 25 франков за любое дело, далее мэр парижского предместья Обервилль, с 1914 г. — депутат палаты, один из самых левых членов социалистической партии — таковы начальные этапы личной и общественной биографии Пьера Лаваля. Совершенно иной представляется его дальнейшая карьера. В 1930 г. Лаваль — уже богач, наживший аферами миллионы, хозяин нескольких провинциальных газет, собственник доходнейшего поместья «Ла Корбьер» в Нормандии, обладатель увесистого пакета акций минеральных вод Виши, обитатель аристократической виллы «Сайд» в одном из наиболее изысканных районов Парижа. Лаваль уже ушёл из социалистической партии. В парламентских кулуарах ему приятельски пожимают руку правые депутаты. С ним ведёт интимные застольные беседы Андрэ Тардье, начавший свою политическую карьеру с попыток продаться немцам, ради власти готовый предать любого из своих друзей и покровителей, как он и сделал со своим «патроном» Клемансо, и до конца дней своих мечтавший о том «решающем часе», который сделает его, Тардье, диктатором

Франции. Лаваль шепчется и с продажным агентом Германии де Бриноном; он приближает к себе грязного провокатора Дорио, которого ценит за горластую демагогию, звериную ненависть к коммунистам и умение сколачивать банды фашистских погромщиков. Сочувственно присматривается он и к полковнику де ла Року, бывшему контрразведчику, а затем вожаку «Боевых крестов» — военизированной контрреволюционной организации, французского издания германского «Стального шлема».

Лаваль нашёл себя; он обрёл и свою стихию. Выходец из среды мелкой буржуазии, стяжатель, спекулянт и честолюбец, он отдаёт себя на службу тем, в ком видит истинных хозяев Франции: за Лавалем стоит монополистический капитал, отбрасывающий такие демократические предрассудки, как парламентские методы управления страной, подбирающий себе на службу пролаз, авантюристов, людей без чести и совести, мечтающий укротить рабочий класс при помощи террористической диктатуры, видящий в фашистской Германии и Италии не врагов французского народа, а сродную себе классовую силу.

Пока Лаваль ещё не проявил с полной очевидностью своей вражды к «левым» и тяготения к фашизму, наружность его служила благодарным предметом для карикатуристов Гитлера. Впоследствии, когда Лаваль стал лакеем Гитлера, эти издевательства над «типом французского негроида» разом прекратились: по приказу Геббельса, внешность предателя Франции неожиданно приобрела в немецко-фашистских иллюстрациях черты почти «арийской правильности». Но и сами соотечественники Лаваля далеко не всегда беззлобно подсмеивались над его наружностью. Приземистая фигура овернца, его оливковое лицо, толстые губы, щербатый рот, густая и неопрятная шевелюра являлись предметом весьма нелестных острот. Одни называли Лаваля продавцом фиг, другие — цыганом и лошадиным барышником, третьи по поводу общеизвестного пристрастия Лаваля к белому галстуку саркастически замечали, что этот галстук — единственное светлое пятно на тёмной фигуре министра. Смеялись и над анекдотическим невежеством Лаваля, в особенности в области истории и географии. Вспоминали, между прочим, как в ответственнейшем разговоре с руководителями внешней политики одной из великих держав этот министр иностранных дел Франции с бесподобным апломбом относил Персию к прибрежным черноморским странам. Вскоре после этого конфузного случая на стене роскошного министерского кабинета, на Кэ д'Орсэ, услужливой рукой одного из ближайших сотрудников Лаваля была повешена новенькая географическая карта.

Став министром иностранных дел Франции, Пьер Лаваль прежде всего постарался мирно покончить с делом о марсельском убийстве. Рассмотрение этого вопроса состоялось в Совете Лиги наций 7—10 декабря 1934 г. в связи с заявлением Юго-

славии о соучастии венгерского правительства в марсельском преступлении. Лаваль произнёс в Совете самую двусмысленную речь. Он начал с патетического заявления, что «в этот серьёзный час Франция стоит плечом к плечу с Югославией»; закончил же он своё выступление угодливым пожеланием, чтобы Венгрия сама нашла у себя виновных и положила конец их деятельности. В таком же духе, в результате закулисных переговоров и под нажимом французской дипломатии, была составлена и принята резолюция Совета Лиги наций по делу о марсельском злодеянии.

Лаваль торжествовал. Он знал, что им довольны и в Берлине, и в Будапеште, и в Риме. Действительно, вскоре Лаваль получил любезное приглашение Муссолини посетить Рим для переговоров.

Римский сговор (7 января 1935 г.)

Лаваль выехал из Парижа в Рим как «вестник мира». Он был весьма приветливо принят Муссолини, с которым имел четыре долгих совещания, из них три в присутствии советников и одно в секретнейшем tête-à-tête. После первых двух совещаний было опубликовано достигнутое соглашение по австрийскому вопросу. После третьего, секретного, собеседования Лаваль объявил, что соглашение достигнуто по всем пунктам.

Общая декларация в результате римского совещания 7 января 1935 г. была опубликована 11 января. В ней сообщалось, что оба правительства намерены «развивать традиционную дружбу, соединяющую обе нации, и сотрудничать в духе взаимного доверия в деле сохранения общего мира».

Только позднее, 15 апреля 1935 г., было опубликовано соглашение Лаваля с Муссолини об исправлении франко-итальянской границы в Африке. Сам Муссолини, говоря об этих приобретениях Италии, карикатурно преуменьшал их значение: «Я получил недавно от французов 110 тысяч квадратных миль Сахарской пустыни... — иронизировал он. — Знаете, сколько жителей имеется на этой бесплодной территории? 62... Их пришлось искать, как иголку в стоге сена. Они нашлись в конце концов в затерянной в песках долине, где, однако, не оказалось достаточного количества воды для её обработки»[1].

Муссолини напрасно прикидывался простаком. Ценность полученных им территориальных приобретений заключалась в 22 километрах береговой линии против Баб-эль-Мандебского пролива. С точки зрения завоевательных планов Муссолини в Африке этот береговой участок имел весьма существенное стратегическое значение. Недаром взволновались англичане, обеспокоенные за Красное море и за свой Аден. Возмущены были и французские военные круги, прекрасно понимавшие неудобство

---

[1] «Survey of International Affairs», 1935, v. I, p. 104—105.

беспокойного итальянского соседства для французской колонии Сомали.

Вдобавок Италии передавался остров Думейра и предоставлялись 20% акций железной дороги, соединяющей французский порт Джибути со столицей Абиссинии Аддис-Абебой.

Со своей стороны Муссолини частично удовлетворил претензии французского правительства относительно подданства итальянских поселенцев в Тунисе. Стороны договорились о том, что итальянскую национальность сохранят дети итальянских родителей в Тунисе, которые родятся до 1945 г. После 1965 г. итальянцы-поселенцы Туниса лишатся права принимать итальянское гражданство.

Соглашение 7 января предусматривало заключение Дунайского пакта. Признавая независимость Австрии необходимым условием сохранения мира в Европе, Лаваль и Муссолини намечали открыть переговоры о гарантиях неприкосновенности австрийских границ. В этом соглашении в первую очередь должны были принять участие Италия, Франция, Польша, Румыния, а за ними и другие государства.

22 марта 1935 г. все соглашения, подписанные Лавалем и Муссолини в Риме, были ратифицированы французской Палатой депутатов.

Докладывая французской Палате, а затем и Сенату о римских соглашениях, Лаваль заверял, что он достиг в Риме всего, о чём мог только мечтать Барту: ослаблена связь между Гитлером и Муссолини; Италия склоняется на сторону Франции; обеспечена независимость Австрии; укреплены основы европейского мира.

Но Лаваль благоразумно умалчивал, о чём с глазу на глаз он дополнительно договорился с Муссолини. Впоследствии стало уже точно известно, что во время приёма во французском посольстве в Риме, в палаццо Фарнезе, два ренегата социалистических партий, удалившись в уединённый покой, решили между собой судьбу абиссинского народа. Муссолини открыл Лавалю свой план захвата Абиссинии (Эфиопии). Лаваль не возражал. Больше того, он вполне определённо дал понять Муссолини, что французское правительство не будет препятствовать осуществлению его замысла. Руки Муссолини были развязаны. Нападение на мирное африканское государство становилось для него теперь лишь вопросом времени. Был доволен собой и Лаваль. Кстати, ему дана была аудиенция у римского папы. Глава католической церкви отечески ласково принял раскаявшегося социалиста и бывшего безбожника. Папа не мог не знать, что Лаваль прибыл в Рим с оливковой ветвью мира. В груди святейшего отца билось итальянское сердце: ему приятно было убедиться, что Франция идёт навстречу великодержавным стремлениям Италии и что она не препятствует

осуществлению мечтаний Рима о господстве над миром. Вместе с папским благословением Лаваль возведён был в звание графа римской курии. Легко представить себе, как льстил этот новый титул тщеславию вульгарного честолюбца из Оверни.

Позднее в откровенных беседах Лавалю ставился вопрос, зачем он поощрял Муссолини к нападению на Абиссинию. Ухмыляясь и подмигивая, «торговец фигами» выбалтывал по этому поводу свои дипломатические расчёты. Италия, видите ли, перенаселена. Её собственные ресурсы ничтожны. Она стремится выйти из своих границ, чтобы получить новые территории, рынки, запасы сырья. Было бы бедой для всей Европы, если бы итальянская экспансия прорвалась на Балканы, в дунайские области или на Ближний Восток. Это неизбежно повело бы к общеевропейской войне. Не лучше ли поэтому отвести в сторону, «канализировать» эту беспокойную итальянскую стихию? Пусть она направится в африканские пустыни. Там она разольётся и, быть может, успокоится. Тогда и Франция со своими друзьями и союзниками в Европе будет ограждена от итальянского напора.

Не успел Лаваль покинуть Рим, как фашистский «большой совет» объявил, что на случай возможных событий правительством принимаются необходимые военные меры. Девять месяцев спустя, в октябре 1935 г., итальянские войска ворвутся в Абиссинию. Третий очаг войны запылает на кратчайших путях из Европы в Азию.

Подготовка Италией войны против Эфиопии (Абиссинии)

Фашистская Италия упорно стремилась осуществить свою империалистическую программу путём увеличения своих колониальных владений за счёт захвата плохо лежащих чужих земель. Восточная Африка являлась ближайшим предметом этих вожделений. В итальянском Министерстве колоний, во главе которого с января 1935 г. стал сам Муссолини, возник план объединения Эритреи и Сомали в обширную колониальную территорию с включением в неё Абиссинии. Бывший министр колоний, специалист по абиссинскому вопросу, маршал де Боно был назначен верховным комиссаром итальянских колоний Восточной Африки. Уже с 1934 г. началась отправка итальянских войск и военных материалов в Эритрею. Той же осенью на границах Абиссинии с итальянскими колониями возник ряд инцидентов. Особенно серьёзное столкновение произошло 5 декабря 1934 г. возле колодца Уал-Уал, в юго-восточной области Абиссинии, пограничной с Итальянским Сомали. Вторгшись на территорию Абиссинии, итальянские войска пустили в ход танки, артиллерию и самолёты.

Абиссинское правительство заявило Италии протест. Однако столкновения не прекращались. Через Суэцкий канал

в Эритрею продолжали прибывать всё новые транспорты с итальянскими войсками. В начале января 1935 г. Абиссиния обратилась к Лиге наций, требуя её вмешательства. Но к этому времени Лаваль уже успел договориться с Муссолини и «подарил ему Эфиопию». Что касается Англии, то позиция её дипломатии в абиссинском вопросе была по меньшей мере недальновидной: она не учитывала, что удар по Абиссинии направлен также и против Англии, против её путей из Европы в Индию, в Азию. В секретном докладе так называемой комиссии Джона Мэффи доказывалась незаинтересованность Англии в судьбе Эфиопии.

«В Эфиопии или по соседству с ней, — гласил этот документ, — у Англии нет таких жизненных интересов, которые требовали бы противодействия со стороны правительства его величества покорению Эфиопии Италией. Итальянский контроль над Эфиопией был бы с некоторых точек зрения даже выгоден для Англии». Для Англии достаточно защитить интересы Египта на водах озера Тан. В отношении Эфиопии она вполне может довольствоваться принципом открытых дверей. Впрочем, Англия, пожалуй, была бы непрочь пойти и на раздел Абиссинии, если бы только удалось выгодно договориться с Италией. «Было бы хорошо воспользоваться случаем, чтобы добиться, если возможно, исправления границ Британского Сомали, Кении и Судана», — многозначительно отмечал доклад Мэффи [1].

О том, что английское правительство было не безгрешно в отношении Абиссинии, поведал сам Муссолини в одном из своих позднейших интервью. По его словам, в январе 1935 г. через итальянского посла в Лондоне он передал английскому Министерству иностранных дел предложение «рассмотреть специальное соглашение в целях гармонического развития итальянских и английских интересов в Эфиопии». Английское министерство дало уклончивый ответ; всё же оно занялось изучением предложений Муссолини. Но тот уже решил не ждать. Сговор с Лавалем придал ему смелости. К тому же и внутреннее положение в стране с расстроенными финансами, с угрожающим падением жизненного уровня населения, с ростом общего недовольства толкало фашистское правительство на путь завоевательных авантюр.

Саарский плебисцит (13 января 1935 г.)

Римский сговор Муссолини с Лавалем ободрил и германских империалистов. Немецко-фашистская печать торжествовала. Она заявляла, что римский пакт означает «коренную перемену в политическом механизме Европы»: он устанавливает «новый курс французской политики в отношении Германии». «Теперь имеется перспектива, — гласила передовая статья «Berliner Tageblatt» от 10 января 1935 г., —

[1] *Schuman*, Europe on the Eve, 1933—1939, p. 174.

что Италия и Франция, приноравливаясь друг к другу, пожелают совместно выступить в дискуссии о вооружениях... Мы не сомневаемся, — заключала газета, — что в отношении Германии будет проявлена максимальная тактичность».

Правительство Гитлера решило воспользоваться благоприятной обстановкой, чтобы заняться подготовкой плебисцита по саарскому вопросу.

Как в Саарской области, так и во Франции агентура Гитлера развернула бешеную кампанию за присоединение Саара к Германии. Ещё в 1934 г. «бюро», руководимое Риббентропом, поставило во главе своей французской секции одного из активнейших эмиссаров Гитлера, Отто Абеца. Задачей этого агента было организовать германскую «пятую колонну» во Франции. Женатый на француженке, вхожий в круги крупных французских промышленников и финансовой знати, Абец энергично принялся за свою работу. Большую поддержку оказал ему граф де Полиньяк, директор той самой фирмы шампанских вин, представителем которой в Германии был когда-то Риббентроп. В кругу своих французских покровителей Абец играл роль вестника мира, явившегося из Германии. Он доказывал, что Германия — единственный защитник Европы против большевизма. «Красную опасность» он изображал в самом устрашающем виде. Скоро у Абеца установились связи с «Боевыми крестами» и с теми организациями, в которых преобладало фашистское влияние, — Союзом бывших фронтовиков, Лигой налогоплательщиков и др. Представителю французского Союза бывших фронтовиков, депутату Жану Гуа, он даже вручил личное приглашение Гитлера приехать в Берлин. Польщённый такой честью, Жан Гуа отправился в германскую столицу вместе с членом парижского муниципалитета Мунье; там они были весьма приветливо приняты Гитлером. В конце ноября 1934 г. с ответным визитом прибыл в Париж сам Риббентроп. Разумеется, Лаваль оказал ему самый предупредительный приём.

Плодом свидания Риббентропа с Лавалем явилось соглашение по вопросу о плебисците в Саарской области. В частности Риббентроп добился от Лаваля обещания отказаться от требования дополнительного плебисцита в Сааре через 10 лет, если первым туром вопрос о принадлежности этой области будет решён в пользу Германии. Со своей стороны Риббентроп заверил французское правительство, что после проведения плебисцита Германия не будет иметь к Франции никаких территориальных претензий.

Лаваль делал всё, чтобы угодить Берлину. За два дня до плебисцита он заявил, что «Франция не заинтересована в его исходе». Нетрудно представить, какое впечатление произвело это заявление французского министра иностранных дел на те группы населения Саарской области, которые вели борьбу за её присоединение к территории Франции.

Плебисцит состоялся 13 января 1935 г. Из 539 тысяч голосовавших 477 тысяч высказались за присоединение Саара к Германии; свыше 46 тысяч подали голос за сохранение прежнего управления области под контролем Лиги наций; только 2 тысячи голосовали за её присоединение к Франции. Немцы имели полное основание быть довольными Лавалем. Он сделал всё, что требовалось. Впрочем, благоприятный для Германии исход голосования обеспечен был прежде всего работой её агентуры; он достигнут был огромными денежными затратами, широко развёрнутой пропагандой и применением террора против непокорных элементов.

На исход плебисцита оказала влияние и позиция Англии и Италии. Английская дипломатия решительно возражала против сохранения в Сааре управления Лиги наций; по её мнению, оно являлось обременением Лиги слишком ответственными обязательствами. Что касается итальянской дипломатии, то она заняла в саарском вопросе лукавую позицию стороннего наблюдателя. В Риме заявляли, что саарский вопрос не имеет общеевропейского значения: он-де касается только Франции и Германии.

Лиге наций оставалось подтвердить то, что произошло. Согласно её решению, с 1 марта 1935 г. Саарская область переходила к Германии. Французский генеральный штаб потребовал было после плебисцита распространения режима демилитаризации на Саарскую область. Предложение это было уже внесено на рассмотрение Лиги наций. Но правительство Фландена и Лаваля не поддержало позиции своего высшего командования. Проект генерального штаба был снят с обсуждения.

Успех плебисцита в Саарской области окрылил немецких фашистов. Печать Гитлера открыла шумную кампанию за возвращение Германии всех «немецких областей», отнятых у неё по Версальскому договору.

«Теперь мы отобрали Саарскую область; мы отберём и Эльзас-Лотарингию, и Данцигский коридор, и Мемельскую область, и немецкую Чехию», — грозилась газета «Münchener Zeitung».

«После саарского голосования начинается борьба за северный Шлезвиг», — вторила газета «Nord-Schleswigsche Zeitung».

Центральный орган национал-социалистской партии «Völkischer Beobachter» требовал народного голосования в «восточном Сааре», именуя так Мемельскую область.

Итоги саарского плебисцита обсуждались на совещании Гитлера с его ближайшими сотрудниками. Общее мнение было таково, что теперь можно пойти на риск открытых нарушений Версальского договора и прежде всего в вопросе вооружения Германии.

Перевооружение Германии

14 января 1935 г., на другой день после плебисцита, автор «Берлинского дневника» американский журналист Ширер с удовлетворением отметил в своём «Дневнике»:

«Итак! По крайней мере одна из причин напряжённого положения в Европе исчезает. Гитлер сказал и повторил вчера по радио, что Саар был последней территорией, о которой шёл спор с Францией»[1].

Однако миролюбивым декларациям Гитлера противоречили факты. Германия лихорадочно вооружалась. Хотя бюджет германского военного министерства уже не публиковался, ни для кого не составляли секрета огромные ассигнования на военные нужды Германии. Оборонные заводы в стране работали с полной нагрузкой. Военным обучением было охвачено всё население Германии.

Ещё летом 1934 г. Германию посетил американский журналист Гамильтон Фиш Армстронг. Он пришёл к выводу, что Германия «вновь вступила на путь Вильгельма II и стремится установить свою гегемонию в Европе». В своих статьях в журнале «Foreign Affairs» Армстронг сообщал, что в демилитаризованной зоне немцами строятся аэродромы. Лондон получил достоверную информацию о массовом производстве в Германии новых бомбовозов, могущих в кратчайший срок перелетать Ламанш. Заводы Круппа ассигновали 24 миллиона марок па расширение и улучшение своего производства; число рабочих на этих предприятиях увеличилось на 7 тысяч человек.

Явочным порядком создавалась германская военная авиация. Чтобы найти какой-либо предлог для оправдания этого нарушения Версальского мира, Министерство пропаганды Геббельса прибегло к дерзкой мистификации. 24 июня 1933 г. во всех немецких газетах было напечатано крупным шрифтом на первой странице следующее сенсационное сообщение:

«Красная зараза над Берлином. Иностранные самолёты неизвестного типа. Им удалось уйти неопознанными. Германия беззащитна. Завтра могут быть пущены газы либо сброшены зажигательные бомбы».

Тут же были сообщены следующие подробности:

«Берлин, 23 июня 1933 г. Сегодня днём иностранные самолёты неизвестного в Германии типа появились над Берлином и сбросили над районом правительственных учреждений и в восточных кварталах столицы листовки, в которых всячески поносилось германское правительство. Немедленно уведомлена была воздушная полиция. Но она не имеет собственных машин, а спортивные самолёты, находящиеся на аэродроме, не могли

---

[1] *William L. Shirer,* Berlin Diary, «The Journal of a Foreign Correspondent», 1934—1941, New York 1941, p. 26.

равняться в скорости с иностранными самолётами. Поэтому последним удалось скрыться, не будучи опознанными».

«Всякой птице дано защищать себя, если нападают на её гнездо, — плаксиво сетовало сообщение. — Одной лишь Германии приходится беспомощно наблюдать, как высматривается её гнездо, которое может в скором времени подвергнуться разрушению. Крылья Германии подрезаны, и когти её подстрижены».

Сообщение заканчивалось требованием немедленного принятия мер «для прекращения беззащитного состояния Германии в воздухе» [1].

По поводу вышеприведённого сообщения представители всех иностранных держав в Берлине произвели тщательное расследование. Оказалось, что никакие иностранные самолёты над Германией не появлялись: никто не видел ни этих самолётов, ни листовок, которые будто бы были сброшены над Берлином; не было замечено никаких самолётов неизвестного типа и за пределами Берлина.

Тем не менее после «налёта» таинственных воздушных машин, напугавших Министерство пропаганды Геббельса, в Германии начали строить так называемые полицейские самолёты, которые явились родоначальниками германского военно-воздушного флота. Главным организатором военной авиации в гитлеровской Германии стал Геринг. После прихода Гитлера к власти на первом же заседании нового кабинета Геринг потребовал «содействия лётному спорту и возвращения всех испытанных военных пилотов к практическому воздухоплаванию».

Газета «Angriff» дала к речи Геринга о воздушном флоте вызывающий комментарий: «Либо все державы разоружатся и уничтожат свои военные самолёты, либо Германия приступит к созданию своего собственного воздушного флота».

Вскоре развернулась деятельность так называемых невоенных организаций воздушного сообщения в Германии. В короткий срок страна покрылась сетью лётных клубов, аэродромов, планёрных школ. 1 марта 1935 г. в Германии уже имелась первая немецкая бомбардировочная эскадрилья.

Одновременно расширялась и германская военная индустрия. Пущена в ход была крылатая формула Геринга: «Пушки вместо масла». Население Германии было посажено на голодный продовольственный паёк. Зато восстанавливались, расширялись и заново строились мощные военные предприятия.

По условиям Версальского договора [2], в самой Германии могло работать лишь несколько крупных заводских цехов или

---

[1] *Oswald Dutch*, Hitler's 12 Apostles, New York 1940, p. 72 ss.

[2] Статья 168 Версальского договора гласила: «Изготовление оружия, снаряжения и всякого рода военного материала может производиться

небольших военных заводов, местонахождение и число которых было строго обусловлено союзными державами. Однако все легальные военные заводы значительно расширили своё производство. Ряд заводов производил вооружение нелегально: детали изготовлялись в Германии, а сборка переносилась за границу, в отделения немецких фирм. Такое отделение имело в Швеции авиационное предприятие Юнкерса. Там же было организовано и отделение общества Ауэра, которое специализировалось на производстве противогазов.

Ассортимент военной промышленности на предприятиях Германии расширялся. Фирма Полтера стала производить пушки калибра 77. Бохум-Вестфальская компания начала вырабатывать гранаты. Предприятия «Рейнметалл» в Дюссельдорфе превратились в базу производства артиллерии [1].

Для финансирования вооружений правительство Гитлера сокращало расходы на социальные нужды, увеличивало налоги, выпускало внутренние займы. Одновременно оно прекращало платежи по заграничным обязательствам.

Так, например, Германия оплачивала золотом военные материалы, покупаемые у крупной английской фирмы «Виккерс-Армстронг». В то же время она отказывалась платить за закупленную ланкастерскую пряжу.

Борьба за воздушный флот в Англии

Вооружения Германии, особенно в области авиации, вызывали тревогу в Англии. В ответ английский премьер Болдуин огласил 19 июля 1934 г. программу воздушных вооружений Британии.

30 июля 1934 г. Болдуин выступил с речью по этому вопросу в Палате общин. «С того времени, — заявил он, — как авиация начала играть свою роль, старые границы более не существуют. Если вы помышляете об обороне Англии, то не думайте больше о меловых скалах Дувра; думайте о Рейне, — там находятся наши границы».

О военной угрозе Англии со стороны Германии настойчиво предупреждал общественное мнение своей страны Уинстон Черчилль.

«Я очень сожалел бы, — заявлял он ещё в 1932 г. на одном из заседаний Палаты общин, — если бы увидел, что военные силы Франции и Германии уравновешиваются... Я хочу сказать тем, кто желал бы такого уравнения: „Вы, значит, стоите за войну?“ Что касается меня, то я хотел бы, чтобы такое уравне-

---

лишь на тех заводах или фабриках, местонахождение которых будет доведено до сведения и представлено на одобрение правительств главных союзных и объединившихся держав и число которых эти последние оставляют за собой право ограничить».

[1] Подробные сведения см., например, *Дороти Вудман,* Германия вооружается и *Klotz,* Secret armaments of Germany.

ние между этими двумя странами не произошло ни при моей жизни, ни при жизни моих детей».

После захвата Гитлером власти в Германии Черчилль самым решительным образом стал выступать против всяких проектов разоружения. Он настаивал на том, чтобы Англия и Франция, напротив, усилили свои вооружения, особенно военную авиацию. «Факт первостепенной важности, — подчёркивал в своих статьях и речах Черчилль, — что Германия стала снова вооружаться. Мы читаем о необыкновенных размерах импорта чугуна, никеля и других необходимых для войны материалов. Мы читаем о психозе войны, овладевшем страной. Мы видим, как в умы германской молодёжи внедряется философия жажды крови, неслыханная со времён варварства»... «Лига разоружённых наций будет столь же беспомощна, как и любая из этих наций» [1].

28 ноября 1934 г., по настоянию Черчилля, Болдуин огласил в Палате общин имевшиеся в его распоряжении данные о германских воздушных силах. По его сообщению, Германия располагала в это время военными самолётами в количестве от 600 до 1 000 единиц.

Накануне, 27 ноября 1934 г., английское правительство представило германскому Министерству иностранных дел меморандум с предупреждением о недопустимости недозволенных Германии вооружений, в частности в области авиации.

Английский посол в Берлине сэр Эрик Фиппс рассказал американскому послу в Германии Додду, как встречено было Гитлером это представление британского правительства.

«Меня попросили к рейхсканцлеру в тот же день, в 5 часов, — записывает рассказ посла Додд. — Я прочитал ему некоторые выдержки из английского меморандума. Он вскочил с места, забегал по комнате и, размахивая руками, заявил: „Все окружающие нас страны вооружаются. Сами они имеют 10 тысяч самолётов и всё-таки жалуются на то, что мы, немцы, имеем тысячу“. Он продолжал кричать и суетиться. Фон Нейрат присоединился к нему. Я ушёл с чувством отвращения».

«Гитлер был бы очень рад начать войну, если бы он имел для этого достаточно сил, — говорил Фиппс Додду. — Теперь вся Европа должна денно и нощно следить за Германией и объединиться против неё».

Додд согласился с выводами Фиппса. «Я тоже считаю это необходимым, — записал он 31 августа 1934 г., — иначе Европа когда-нибудь рухнет под ударами тысяч самолётов, сбрасывающих бомбы и отравляющие газы» [2].

---

[1] *Winston Churchill,* While England slept, p. 13, 128.

[2] *Dodd William* and *Martha Dodd,* Ambassador Dodd's Diary, 1933—1936, New York 1941, p. 197.

Лондонская программа (3 февраля 1935 г.)

Далеко не все представители руководящих политических кругов Англии и Франции разделяли опасения послов Великобритании и Соединённых штатов.

11 января 1935 г. принц Уэльский одобрил решение английского союза фронтовиков — Британского легиона — послать делегацию в Германию. С официальным визитом к Гитлеру приехал представитель английских профашистских кругов лорд Аллен Гартвуд. Гитлер принял его с подчёркнутым радушием. Он заверил своего гостя, что Германия стремится к дружбе с Англией и к миру со всей Европой. «Германия нуждается, — заявил Гитлер, — в 40—50 годах неомрачённого мира. Нынешнее поколение Германии не ставит своей задачей подготовку новой войны; напротив, оно стремится ликвидировать последствия мировой войны» [1].

Гитлер всячески стремился убедить лорда Гартвуда, что притязания Германии вполне закономерны и притом достаточно скромны. «Германия претендует лишь на равноправие и на безопасность своих границ», — твердил он.

«Если Германия добивается отмены военных статей Версальского договора, то лишь потому, что они унижают её национальное достоинство».

Лорд Аллен Гартвуд был вполне удовлетворён заверениями главы национал-социалистской Германии. Со своей стороны он обещал Гитлеру, что будет всячески содействовать соглашению между Англией и Германией. По возвращении в Англию он действительно стал играть роль поручителя за миролюбие Гитлера в отношении Англии.

1—3 февраля 1935 г. в Лондоне состоялось совещание главы французского правительства Фландена, министра иностранных дел Франции Лаваля и английского премьера и министра иностранных дел Саймона. 3 февраля было опубликовано официальное коммюнике от имени обоих правительств. Оно подчёркивало необходимость тесного сотрудничества европейских наций и устранения всяких поводов для новой гонки вооружений.

В качестве «предпосылки для организации дела безопасности Европы» англо-французская декларация выдвигала требования «непосредственного и эффективного сотрудничества с Германией».

Лондонская декларация предлагала:

1) заключение воздушной конвенции между западными державами (Англией, Францией, Бельгией, Италией и Германией),

---

[1] «Deutschland — England», 1933—1939. Die Dokumente des deutschen Friedens, S. 50.

2) заключение Дунайского пакта, гарантирующего независимость Австрии,

3) заключение Восточного пакта о взаимопомощи,

4) возвращение Германии в Лигу наций.

За исключением Восточного пакта, все остальные предложения шли навстречу Германии. Тем не менее немецко-фашистская дипломатия отвергла все, за исключением пункта о воздушной конвенции. Впрочем, и здесь она попыталась разъединить Францию и Англию. Она сообщила, что Гитлер готов предварительно обсудить все предложения отдельно с Англией. На этом германская дипломатия не остановилась. Через свою прессу она принялась усиленно внушать англичанам и французам, что главным препятствием для заключения каких бы то ни было общих соглашений между западными державами является Советский Союз. Соответствующей обработке подверглись в Берлине представители влиятельных английских газет. Корреспондент «Times» сообщил, что в Берлине его внимание было обращено на чрезвычайно быстрый рост промышленной и военной мощи Советского Союза. За этим скрывается будто бы «на заднем плане доктрина мировой революции». Это рассматривается в Германии как серьёзная опасность, с которой вскоре придётся стать лицом к лицу. Поэтому Германия и требует «известной эластичности, которая позволила бы ей в случае необходимости привести свою воздушную оборону в соответствие с положением на Востоке».

Берлинский корреспондент другой английской газеты, «Observer», подтверждал, что для Германии совершенно неприемлемым является «восточное Локарно»: «Гитлер предпочёл бы, чтобы СССР был вовсе устранён от влияния на европейскую дипломатию».

14 февраля 1935 г. опубликован был ответный меморандум германского Министерства иностранных дел на Лондонскую декларацию от 3 февраля. Он был вежливым и миролюбивым по форме. Германское правительство соглашалось «подвергнуть исчерпывающему пересмотру весь предложенный ему комплекс европейских вопросов, руководствуясь желанием мира и безопасности Германской империи, находящейся в сердце Европы».

Но германское правительство вновь возвращалось к своей первоначальной позиции: оно предлагало двусторонние переговоры с Англией и заключение воздушной конвенции. В дипломатическом порядке из Берлина сообщалось, что там желали бы приезда сэра Саймона для личных переговоров с Гитлером.

В английских реакционных кругах германские предложения были встречены одобрительно. Учитывая сигналы из Берлина насчёт отрицательного отношения германского правительства к «восточному Локарно», английская дипломатия занялась

вопросом о замене Восточного пакта взаимопомощи серией пактов о ненападении, которые затем легли бы в основу общего «консультационного пакта».

Тщетно своей нотой от 20 февраля 1935 г. советское правительство предостерегало Лондон и Париж против отказа от принципа коллективной безопасности. Напрасно разъясняло оно, что замена пакта о взаимопомощи местными, «региональными», соглашениями о ненападении приведёт не к укреплению мира, а к его срыву. Безуспешно обращалось в Лондон и французское правительство, протестуя против двусторонних англо-германских переговоров и предлагая английскому Министерству иностранных дел сообща ответить на немецкий меморандум...

21 февраля 1935 г. английское правительство официально уведомило Берлин, что оно согласно на двусторонние переговоры и направляет для этого в Германию специальную миссию.

Отказ Германии от военных статей Версальского договора (16 марта 1935 г.)

Правительство Гитлера торжествовало. Прибытие в Берлин английской миссии было в его глазах свидетельством готовности Англии к двустороннему соглашению. Однако вскоре в Берлине наступило разочарование. Там узнали, что английское правительство внесло в Палату общин проект военного бюджета на 1935 г., где предусмотрено было увеличение расходов против прошлого года на 4 миллиона фунтов стерлингов.

4 марта 1935 г. в Лондоне опубликована была очередная «Белая книга». В ней английское правительство обосновывало увеличение своих военных расходов ссылкой на то, что Германия в нарушение военных статей Версальского договора вступила на путь усиленных вооружений.

Гитлер решил дать почувствовать англичанам своё неудовольствие. Нейрат сообщил английскому послу, что фюрер простудился и не может в ближайшее время принять Саймона. «Небольшая разведка на Вильгельмштрассе выяснила, что это дипломатическая простуда», — записал 5 марта Ширер в своём «Берлинском дневнике» [1].

В Лондоне встревожились. Английский посол в Берлине Фиппс по поручению Форейн офис поспешил сгладить впечатление от «Белой книги» и успокоить немцев. В некоторых английских газетах опубликованы были явно инспирированные статьи, в которых по адресу Германии высказывались самые примирительные суждения.

Немецко-фашистская печать со своей стороны снова приняла вежливый тон в отношении Англии. Зато она усилила кампанию против Франции.

---

[1] *William L. Shirer*, Berlin Diary, «The Journal of a Foreign Correspondent», p. 27.

Как раз в это время французское правительство внесло в Палату депутатов законопроект об увеличении срока военной службы до двух лет. 1935 год был первым годом пятилетнего периода так называемых «années creuses», т. е. «оскудевших призывов», связанных с резким снижением уровня рождаемости в 1915—1919 гг.[1] Французский законопроект от 11 марта 1935 г. снижал призывной возраст с 21 года до 20 лет, а также предусматривал задержание в армии контингентов, подлежавших призыву, начиная с апреля 1935 по 1939 г. включительно.

Немецко-фашистская печать подняла неистовый шум по поводу законопроекта французского правительства. 13 марта 1935 г. последовало полуофициальное заявление правительства Германии, что отныне оно считает себя свободным от обязательств, запрещавших ему создание военной авиации. Такая декларация не вызвала немедленного отпора держав. Это придало ещё больше смелости правительству Гитлера. Спустя 3 дня, 16 марта 1935 г., с большой помпой опубликован был декрет о введении в Германии всеобщей воинской повинности. В тот же день Гитлер обратился с воззванием к германскому народу: введение всеобщей воинской повинности он обосновывал требованиями национальной безопасности Германии в ответ на решение французского правительства об увеличении срока военной службы. Впрочем, приличия ради, Гитлер торжественно обязывался «перед германским народом и всем миром» не превращать национального перевооружения Германии в «орудие военной агрессии», а использовать его исключительно как «орудие обороны и сохранения мира». Военная мощь Германии продемонстрирована была в тот же день на грандиозном военном параде, на котором присутствовал Гитлер.

Английские военные специалисты подсчитали, что закон о всеобщей повинности должен был дать Германии 550—600 тысяч солдат. Между тем контингент французской армии исчислялся всего в 300 тысяч. Нетрудно себе представить, какое впечатление произвело во Франции вызывающее мероприятие Гитлера.

Правительства Франции и Англии заявили протест против открытого нарушения Германией условий Версальского договора. Гитлер отклонил эти протесты. Очевидно, он был убеждён, что дело не пойдёт дальше дипломатических представлений.

[1] Ввиду слабой рождаемости в годы 1915—1919 резко снизилось число рекрутов: в 1935 г. юношей в возрасте 21 года военнообязанных было не более 180 тыс., а в последующие 1936—1939 гг. их могло быть лишь 120 тыс. В Германии этой убыли не было в результате специальных мер, принимавшихся с 1915 г. (главным образом отпуска, помощь беременным матерям и т. п.).

Протест заявила и итальянская дипломатия. Но она тут же провокационно подчеркнула, что Италия всегда стояла за пересмотр пятого раздела Версальского договора.

Английское дипломатическое представление сформулировано было в самом сдержанном тоне. Это было должным образом оценено германским правительством. Немецкие газеты с удовлетворением отмечали, что английское правительство проявило «должное понимание обстановки». В прямой связи с этим с топорной прямотой сообщалось, что теперь сэр Джон Саймон будет принят в Берлине в намеченный срок.

В Соединённых штатах Америки новый германский закон был воспринят как тревожный симптом приближения военной опасности. Государственный департамент запросил по телеграфу своего посла в Берлине, «неизбежна ли война в Европе?» Тот ответил, что несомненно одно: Гитлер стремится к войне. Момент, когда он нанесёт удар, будет зависеть от готовности Германии и от наличия соответствующего повода. Ещё более определённое заключение Додд сообщил Хэллу по телеграфу 5 апреля 1935 г. «Правительство держит себя агрессивно, — сигнализировал он. — Ответственное или, вернее, безответственное трио в составе Гитлера, Геринга и Геббельса, так плохо знающее историю, может пойти на дикую выходку. Все они обладают психологией убийц» [1]. Додд имел ряд бесед с министром иностранных дел Нейратом. Американский посол обратил внимание своего собеседника на то, что миролюбивые заявления германского правительства находятся в явном противоречии с усиленной милитаризацией страны. Все немцы проникнуты военным духом. Повсеместно проводятся парады в полном боевом снаряжении. Широко пропагандируются военные планы Германии. Например, распространяются карты, на которых изображается «великая Германия» со включением в неё Голландии, Австрии, Польши и других территорий. Нейрат пробовал было сослаться на то, что подобные карты издаются «безответственными лицами». «Однако на них значится имя Геринга, — возразил Додд. — Их можно видеть в отелях, на железнодорожных станциях...» Тогда Нейрат быстро сменил свою позицию. Он начал заверять американского посла, что деятельность Министерства пропаганды ни в какой степени не влияет на направление политики Министерства иностранных дел Германии.

И всё же находились дипломаты, которые оправдывали действия германского правительства и даже превозносили его руководителей. В консервативных кругах Англии высказывалось мнение, что именно такие деятели нужны для Германии, чтобы

---

[1] *Dodd William* and *Martha Dodd*, Ambassador Dodd's Diary, p. 231.

«дисциплинировать страну, поражённую язвой революции — анархией».

Что скрывалось за этими похвалами сторонников «дисциплины» и противников «анархии», вполне понятно. «Одна старая задняя мысль продолжает оказывать на Англию своё влияние, — писала «Правда» от 20 марта 1935 г., — нельзя ли опасность германской агрессии направить по каким-либо каналам, идущим подальше от Лондона».

Берлинские переговоры Саймона с Гитлером

Встреча Саймона с Гитлером состоялась в Берлине 24—26 марта 1935 г. Саймон прибыл в Берлин в сопровождении лорда хранителя печати Антони Идена. В беседах с Гитлером участвовал с английской стороны и британский посол Эрик Фиппс. При Гитлере находились барон Нейрат и Риббентроп. Официальное совместное коммюнике от 26 марта гласило, что «англо-германская беседа велась в духе полной откровенности и дружественности и имела результатом окончательное выяснение соответственных точек зрения». Вопреки этому успокоительному заверению, иностранная печать сообщала о весьма дерзком и вызывающем поведении Гитлера во время «откровенных и дружественных бесед» с английскими гостями.

По возвращении в Лондон, на заседании Палаты общин 9 апреля 1935 г., Саймон доложил членам Парламента о своих берлинских переговорах.

«Господин Гитлер, — рассказывал английский министр, — решительно заявил, что Германия не желает участвовать в пакте, который обязывал бы её к взаимопомощи. В частности Германия не расположена участвовать в пакте взаимной помощи с Россией. Вместе с тем господин Гитлер заявил о трудности определения того, какую страну можно признать агрессором. На вопрос, как он отнёсся бы к тому, чтобы другие правительства заключили между собой пакт взаимопомощи, господин Гитлер заметил, что это опасная идея» [1]. Возражал Гитлер и против заключения центральноевропейского пакта, гарантирующего независимость Австрии. По его мнению, слишком трудно определить, что означает «невмешательство» в отношении этой страны. Германский канцлер соглашался начать переговоры с Англией об ограничении военно-морского строительства. Однако он заранее ставил условием, что германский флот составит не менее 35% английского. Что касается военных самолётов, то Гитлер требовал для Германии равенства с Англией и Францией, но снова с оговоркой: «если увеличение советских воздушных сил не вызовет пересмотра этой нормы». Наконец, в отношении Лиги наций Гитлер

---

[1] «Times», 10. IV. 1935.

заявил, что Германия не вернётся в состав её членов, пока находится «в неравноправном положении в вопросе о колониях».

Таким образом, Саймону оставалось лишь признать наличие «серьёзных разногласий» в позициях германского и английского правительств.

«Введение всеобщей воинской повинности в Германии, — писал английский публицист Гарвин в газете «Observer», — с совершенной убедительностью показало, что третья империя значительно сильнее, чем это предполагалось в Англии. Она считает возможным действовать безнаказанно, пренебрегая мнением всей остальной Европы. Мы должны смотреть в лицо этим фактам».

«Смотреть в лицо фактам» означало для соглашательского лагеря английского общественного мнения капитулировать перед ними. В самом деле, нельзя же требовать от Германии соблюдения status quo без каких-либо компенсаций? Германия стремится не только к увеличению своей военной мощи: она добивается и территориальных приобретений. Отказаться от признания этих фактов — значит предаваться самообману. Таков был вывод «реальных политиков», определявших линию английской дипломатии в германском вопросе.

Поездка Идена в Москву

Совершенно иную позицию по отношению к фактам возрастающей военной угрозы занимала советская дипломатия. Когда правительство СССР узнало об отказе Германии от военных ограничений, оно пригласило лорда хранителя печати Антони Идена посетить Москву для обсуждения складывающейся международной обстановки.

Представитель группы так называемых «молодых консерваторов», состоящей преимущественно из родовитой и чиновной молодёжи различных министерств, Антони Иден начал свою политическую карьеру в 1926 г. в качестве личного секретаря Остина Чемберлена. Вскоре молодой Иден стал выдвигаться в первые ряды служебной аристократии. В 1931 г., имея всего 34 года от роду, он уже был назначен заместителем министра иностранных дел; в 1934 г. стал лордом хранителем печати; в 1935 г. Иден вошёл в состав кабинета в качестве министра без портфеля по делам Лиги наций; вслед за тем до 1 февраля 1938 г. он занимал пост министра иностранных дел Англии. Среди деятелей своего круга Иден выделялся широкой образованностью, прекрасным знанием иностранных языков, не исключая восточных, отличной осведомлённостью в области международных отношений, политическим тактом и притом независимостью характера, внушавшей уважение даже его политическим противникам. Популярности Идена значительно содействовало его участие в первой мировой войне в качестве офицера английской армии.

Политическая позиция Идена всегда оставалась верна принципам консервативной партии, защищавшей интересы крупных землевладельцев, промышленников и банкиров. Во внешней политике Иден последовательно проводил линию британского империализма. Но раньше и лучше многих других деятелей своего политического лагеря Иден как трезвый наблюдатель международных отношений понял ту опасность, которую представляли для Великобритании и демократических государств всего мира Германия Гитлера, Италия Муссолини и милитаристическая Япония. В отличие от большинства деятелей консервативной партии Англии Антони Иден стал сторонником сотрудничества демократических стран для обуздания поджигателей войны, проводником принципов коллективной безопасности, защитником устава Лиги наций.

28 марта 1935 г. Иден прибыл в Москву в сопровождении советского посла в Лондоне. Он имел длительную беседу со Сталиным, Молотовым и народным комиссаром иностранных дел. В сообщении ТАСС от 1 апреля 1935 г. были изложены итоги этой встречи. Обе стороны сошлись на признании, что «в нынешнем международном положении более чем когда-либо необходимо продолжать усилия в направлении создания системы коллективной безопасности в Европе, как это предусмотрено англо-французским коммюнике от 3 февраля 1935 г. и в согласии с принципами Лиги наций».

В сообщении подчёркивалось, что организация безопасности в Восточной Европе и намечаемый пакт взаимопомощи имеют целью «не изоляцию или окружение какого-либо из государств, а создание гарантий равной безопасности для всех участников пакта, и что участие в пакте Германии и Польши приветствовалось бы как наилучшее решение вопроса».

«Дружественное сотрудничество обеих стран, — заключало англо-советское коммюнике, — в общем деле коллективной организации мира и безопасности представляет первостепенную важность для дальнейшей активизации международных усилий в этом направлении».

Из Москвы Иден направился в Варшаву. Очевидно, английская дипломатия не желала придать своим переговорам с Москвой только двусторонний характер. Она опасалась вызвать раздражение не только в Берлине, но и в Париже. В Варшаве английский дипломат пробыл с 1 по 3 апреля 1935 г. Он был принят президентом Мосьцицким, маршалом Пилсудским и министром иностранных дел полковником Беком. Иден попытался выяснить отношение руководителей польской внешней политики к проекту Восточного пакта. Но старый маршал Пилсудский не пожелал распространяться на эту тему. Он ворчливо посоветовал англичанам «заниматься лучше своими колониями,

а не европейскими делами». Так по крайней мере сообщала злорадно гитлеровская печать.

Полковник Бек оказался более словоохотливым, чем маршал Пилсудский. С холодной любезностью и не без высокомерия он разъяснил Идену, что польское правительство намерено проводить самостоятельную внешнюю политику. Договорами о ненападении с СССР, с одной стороны, и с Германией, с другой — оно надеется обеспечить спокойствие и на восточной и на западной своей границе. Восточный пакт неприемлем для Польши. Он ставит её перед неизвестностью. Ведь никто не может предсказать, улучшит ли он или испортит те хорошие отношения, которые установились у Польши с её соседями.

Было очевидно, что польское правительство остаётся на почве берлинского соглашения Гитлера — Липского от 26 января 1934 г.

Иден решил посетить и другую страну, которая уже достаточно явственно ощущала всю опасность непосредственного соседства с милитаристической Германией. Из Варшавы английский дипломат проехал в Прагу. Там идея Восточного пакта была встречена с полным сочувствием. Иден вернулся в Лондон с двумя основными выводами, которые дала ему поездка в три столицы Восточной Европы. Во-первых, он убедился, что европейский мир может быть обеспечен лишь путём организации коллективной безопасности. Во-вторых, для него стала очевидной несостоятельность вымыслов и толков о «красном империализме» Советского государства.

«Впервые я посетил страну, которая поглощена строительством, — заявлял Иден в одной из своих речей по радио. — Россия отделена географически от Германии такой большой страной, как Польша. Было бы абсурдом предполагать, что Россия совершит агрессию против Польши».

«Фронт Стрезы»

Вызывающая позиция, занятая Германией в вопросе о вооружениях, внушала Франции серьёзную тревогу. Демократические элементы французской общественности единодушно высказывались за скорейшее сближение с Советской Россией и заключение с ней пакта о взаимопомощи. Под давлением общественного мнения Лавалю приходилось волей-неволей примириться с мыслью о неизбежности поездки в Москву. Одновременно французское правительство добивалось немедленного созыва Совета Лиги наций. До открытия сессии оно предложило организовать тройственную дипломатическую конференцию с участием Франции, Англии и Италии. Предложение это было принято. Местом конференции была избрана Стреза, в Северной Италии.

Французская дипломатия возлагала на предстоящую конференцию большие надежды. Она рассчитывала установить

единый фронт трёх держав, могущий совместными усилиями оградить мир в Европе. Однако 11 апреля 1935 г., в самый день открытия конференции, со стороны Италии последовал сигнал, вызвавший большое волнение в дипломатических кругах Европы. В органе Муссолини «Popolo d'Italia» была опубликована зловещая статья. Анонимный автор предостерегал итальянцев против «легкомысленного и неосновательного оптимизма» в отношении новой конференции. Результатом Стрезы, гласила статья, будет лишь новое коммюнике трёх держав. Оно будет носить самый общий характер или же выдвинет план консультации трёх держав. Но ведь всякому известно, что «консультация есть последнее прибежище безволия перед лицом действительности». В статье развивался план самостоятельных действий Италии «вне Стрезы»: пока горизонт не прояснится, держать под ружьём армию в 600 тысяч человек, снабдить её новейшим оружием и ускорить создание мощного воздушного и морского флотов.

«Мы считаем, — иронически заключал автор статьи, — что этот „план" — наиболее существенный и необходимый вклад в дело европейского мира и в особенности *нашего мира*».

Статья «Popolo d'Italia» привлекала к себе тем большее внимание, что автором её, как все догадывались, был не кто иной, как Муссолини. Вдобавок дипломатам Франции и Англии было известно, что итальянский «план» уже осуществлялся. Италия лихорадочно вооружалась. 250 тысяч итальянских солдат на границах Абиссинии, в Эритрее и Сомали ожидали только сигнала для выступления.

Но в палаццо Борромео, в Стрезе, где заседала конференция, делали вид, что война в Африке не имеет никакого отношения к проблеме обеспечения мира в Европе.

На конференцию в Стрезе прибыли премьеры всех трёх стран, принявших участие в этом международном совещании. Представителями Италии были Муссолини, товарищ министра иностранных дел Сувич и начальник кабинета главы правительства барон Алоизи; Францию представляли председатель Совета министров Фланден, министр иностранных дел Лаваль и генеральный секретарь Министерства иностранных дел Алексис Леже; из Англии приехали Макдональд и Саймон.

Все участники Стрезы знали о протесте, заявленном Абиссинией против итальянской агрессии. Однако, очевидно из вежливости по отношению к хозяину, ни французские, ни английские дипломаты об этом не вспоминали. Впрочем, такую же деликатность проявляли участники конференции и в отношении Германии. Правда, они заслушали французский меморандум, содержавший протест перед Лигой наций против нарушения Германией пятой части Версальского договора. Однако конфе-

ренция ограничилась самой примирительной резолюцией: три державы выражали сожаление по поводу нарушения Германией Версальского договора и высказывали надежду, что Гитлер согласится на ограничение вооружений.

Был поставлен вопрос, следует ли принять какое-либо решение о санкциях против Германии в случае дальнейших нарушений ею Версальского договора.

Англичане высказывались против санкций. Как сообщала газета «Times» от 15 апреля 1935 г., они выражали опасение, как бы санкции против нарушителя договора не оказались бумерангом, бьющим по тем самым державам, которые решатся применить санкции. Сверх того финансовые и экономические санкции могут оказаться недействительными; тогда встанет вопрос о санкциях военных. Такая перспектива внушала страх английской дипломатии. Нет, любой ценой договориться с агрессором и таким путём предотвратить войну на Западе — такова была руководящая идея английской дипломатии, определившая её позиции и в Стрезе и на дальнейшее время.

12 апреля 1935 г. участники конференции в Стрезе обсуждали вопрос об отношении их правительств к предполагаемым пактам о взаимопомощи — восточному и центральноевропейскому. Саймон передал мнение Гитлера о нежелательности и даже опасности такого рода пактов. Лаваль осведомился, не согласится ли Германия заключить многосторонний договор о ненападении, если его участники заключат между собой отдельные договоры о взаимопомощи.

Саймон этого не знал. Тогда из Стрезы в Берлин через английского посла Фиппса был послан телеграфный запрос. Ответ не заставил себя ждать. Правительство Гитлера не возражало против таких договоров, хотя и считало их внутренне противоречивыми: ведь тот, кто не доверяет обязательствам ненападения, тем более не должен полагаться на обязательства взаимопомощи...

Лаваль был удовлетворён ответом Берлина. «Из него ясно, — заявил он конференции, — что Франция может заключить пакт о взаимопомощи с Россией, не создавая тем помехи заключению многостороннего договора о ненападении» [1].

Заключительная декларация конференции гласила, что три державы — Англия, Франция и Италия — будут противодействовать «всеми возможными средствами всякому одностороннему отказу от договоров, который может поставить мир под угрозу».

«Возможные средства» означали, конечно, всё, кроме военных санкций. Мир в Европе фиктивно обеспечивался за счёт Африки. Таким образом, Муссолини мог быть спокоен.

---

[1] *Fr. Schuman,* Europe on the Eve, N. Y. 1940, p. 135.

Автор статьи в «Popolo d'Italia» оказывался прав. Результатом Стрезы явилось лишь коммюнике самого общего характера. И всё же дипломаты Франции и Англии делали вид, что достигли своей цели. Англо-французская печать затрубила, что агрессорам отныне противопоставлен «фронт Стрезы».

15 апреля 1935 г. открылась чрезвычайная сессия Совета Лиги наций. В тот же день подтвердились иронические предсказания «Popolo d'Italia» о «безволии» держав, заседавших в Стрезе.

По обычаю, работа Совета Лиги началась «частным заседанием». Там заслушано было обращение Абиссинии, которая просила оградить её от Италии, угрожающей ей войной. Совет решил не рассматривать на текущей сессии итало-абиссинского конфликта: вопрос был отложен до майской сессии. Отклонено было и ходатайство абиссинского делегата обязать Италию приостановить военные приготовления на время рассмотрения в Лиге итало-абиссинского конфликта. Совет Лиги не пожелал дать отпор явной агрессии, развёртывающейся на глазах у всех. Такая позиция встретила резкую критику со стороны советской делегации. Её представитель настаивал на том, что участники Лиги наций должны соблюдать свои международные обязательства и требования устава Лиги. Что касается мира, то Лига обязана охранять его не только в Европе, но и вне её, ибо «мир неделим». Предложение советской делегации принять резолюцию, которая расширила бы границы мира, охраняемого Лигой, встретило раздражённые возражения со стороны Саймона. Английский министр «с некоторой горячностью», как отметил «Times» 18 апреля 1935 г., просил Совет «остаться на почве практических вопросов». На поддержку Саймона выступил Лаваль. Само собой разумеется, ту же позицию занял и итальянский делегат барон Алоизи. Не упустила случая сделать свой выпад против принципов защиты мира и польская дипломатия, почти открыто стоявшая на стороне фашистских агрессоров.

17 апреля 1935 г. сессия Совета приняла резолюцию, в которой проведение германским правительством военного закона от 16 марта 1935 г. было признано нарушением Версальского договора. Считая, что одностороннее расторжение международных обязательств может создать опасность для дела сохранения мира, Совет Лиги постановил поручить особому комитету разработать предложения по уточнению экономических и финансовых мероприятий, которые должны быть применены в дальнейшем в случае нарушения какой-либо державой своих международных обязательств.

20 апреля 1935 г. правительство Гитлера уведомило правительства государств, представленных в Совете Лиги наций, что оно не признаёт их права выступать судьями Германии и потому решительно отвергает их резолюцию.

Вызывающее выступление германского правительства придало смелости и Муссолини. Убедившись в действительном «безволии» правительств, занимающих в Лиге господствующее положение, он решил проявить свою собственную волю. После Стрезы и Женевы ничто не мешало ему дать приказ своим войскам перейти в наступление против Абиссинии.

Между Берлином и Римом шла оживлённая перекличка. «Ось» Берлин — Рим завертелась, не встречая противодействия ни Англии, ни Франции.

Правда, в демократических кругах английской общественности пассивность и попустительство правительства в отношении нарушителей мира вызывали недовольство и протесты. В течение целого года оппозиция в английской Палате общин добивалась от правительства объяснения, почему в Стрезе не был поставлен перед Муссолини вопрос об Эфиопии. Сам Муссолини теперь издевательски заявлял, что он больше всех удивлялся, почему в Стрезе ничего не было сказано об Эфиопии. Все молчали, и он понял это молчание как одобрение его позиции.

Значительно позже, 22 октября 1935 г., новый министр иностранных дел Великобритании Сэмюэль Хор неожиданно заявил в Палате общин: «Неверно, что вопрос об Абиссинии не затрагивался в Стрезе. Правда, он формально не рассматривался на самой конференции, однако он подвергнут был обсуждению между членами двух делегаций». Очевидно, речь шла об англичанах и итальянцах. Внести эту поправку Хор был вынужден потому, что оппозиция всё время донимала министров вопросом: для чего же в Стрезу брали экспертов по абиссинским делам, если там не предполагалось подвергнуть эти вопросы обсуждению.

Пришлось и Идену давать в Палате общин объяснение, какова была позиция Англии в Стрезе по абиссинскому вопросу. Иден заявил, что конференция в Стрезе созвана была для рассмотрения европейских вопросов. Поэтому в порядок дня и не внесены были абиссинские дела.

По европейским проблемам представители трёх государств пришли в Стрезе к соглашению. «После этого,—заявлял Иден,— трудно было предположить, что одна из трёх держав, только что объявивших целью своей согласованной политики коллективную защиту мира при помощи Лиги наций, предпримет действия на другом континенте, ставящие под угрозу эту организацию».

В связи с выступлением Идена в Палате общин возник любопытный диалог между ним и Ллойд Джорджем.

«*Ллойд Джордж:* Надо ли понимать, что в Стрезе не было обсуждения „абиссинского вопроса“ между нашим премьер-министром и синьором Муссолини?

Иден: Никакого официального обсуждения там не было.

Ллойд Джордж: Было ли там вообще какое-либо обсуждение этого вопроса?

Иден: Не между главами делегаций» [1].

Политика «умиротворения агрессора», проводимая Макдональдом и Саймоном в Женеве, подверглась критике со стороны представителей парламентской оппозиции.

«Это было наиболее крупной из грубых ошибок, совершённых английской дипломатией за эти несчастные годы», — говорил лейбористский депутат Эттли в Палате общин спустя месяц после того, как Эфиопия была разгромлена Италией и негус покинул свою столицу. «Можно ли порицать Муссолини за то, что после того, как была упущена возможность прямых переговоров с ним об Эфиопии, он считал, что британское правительство не очень серьёзно интересуется его планами относительно Абиссинии?» [2]

Столь же резко осуждал деятельность английской дипломатии и Уинстон Черчилль.

«Совершенно очевидно, — говорил он в своей речи в Палате общин 11 июля 1935 г., — что мы своими действиями ослабили Лигу наций и нанесли ущерб идее коллективной безопасности. В результате этой политики нарушение договоров Германией не только оправдано, но даже одобрено, а „фронт Стрезы“ поколеблен, если не распался...»

Франко-советский пакт о взаимопомощи (2 мая 1935 г.)

После Стрезы и чрезвычайной апрельской сессии Совета Лиги наций оживились переговоры о заключении франко-советского пакта. Демократические круги Франции всё настойчивее высказывались за скорейшее заключение договора. Это вынуждало Лаваля проявить бо́льшую активность в переговорах с Москвой. Разумеется, у него были и свои скрытые соображения. Лаваль считал, что успешно договорился с Муссолини. С другой стороны, и Гитлер как будто не возражал против заключения двусторонних пактов между будущими участниками общего договора о ненападении. Более того, по расчётам Лаваля, заключение франко-советского пакта должно было повысить международный удельный вес Франции и побудить Германию договариваться с ней на более выгодных для французской дипломатии условиях. А к соглашению с Германией Лаваль стремился упорно и последовательно. Де Бринон непрерывно сновал между Парижем и Берлином. В кругах, близких к французскому министру иностранных дел, уже во второй половине апреля 1935 г. проговаривались, что Лаваль заручился согласием Гитлера на «тур вальса с СССР».

[1] «Правда» от 30 октября 1935 г.
[2] «Times», 6. IV. 1936.

Дипломатические сотрудники Лаваля, которые вели переговоры с советским посольством в Париже, всячески старались придать будущему франко-советскому пакту чисто формальный характер; для этого они стремились устранить из него всё то, что могло сообщить ему силу действенного инструмента мира. В частности порядок решения вопроса об оказании помощи стороне, подвергшейся нападению агрессора, юристы Кэ д'Орсэ во что бы то ни стало хотели подчинить сложной процедуре согласования с Советом Лиги наций. Советская дипломатия отнюдь не помышляла противопоставлять франко-советский пакт уставу Лиги наций. В основу пакта она стремилась положить те статьи устава, которые предусматривали незамедлительное оказание взаимной помощи в случае акта агрессии, направленного против одной из договаривающихся сторон. В конце концов советской дипломатии удалось склонить французов к принятию соответствующих формулировок договора. Статья 3 договора гласила: «Принимая во внимание, что согласно статье 16 устава Лиги наций каждый член Лиги, прибегающий к войне вопреки обязательствам, принятым в статьях 12, 13 или 15 устава, тем самым рассматривается как совершивший акт войны против всех других членов Лиги, СССР и Франция взаимно обязуются, в случае если одна из них явится в этих условиях и несмотря на искренние мирные намерения обеих стран предметом невызванного нападения со стороны какого-либо европейского государства, оказать друг другу немедленно помощь и поддержку, действуя применительно к статье 16 устава».

Точный смысл приведённой статьи 3 договора разъяснялся в протоколе подписания договора 2 мая 1935 г. Пункт 1 этого протокола гласил:

«Условлено, что следствием статьи 3 является обязательство каждой договаривающейся стороны оказать немедленно помощь другой, сообразуясь безотлагательно с рекомендациями Совета Лиги наций, как только они будут вынесены в силу статьи 16 устава. Условлено также, что обе договаривающиеся стороны будут действовать согласно, дабы достичь того, чтобы Совет вынес свои рекомендации со всей скоростью, которой потребуют обстоятельства, и что если, несмотря на это, Совет не вынесет по той или иной причине никакой рекомендации или если он не достигнет единогласия, то обязательство помощи, тем не менее, будет выполнено».

Приведённые формулировки статьи 3 франко-советского договора и пункта 1 протокола его подписания оценивались передовыми представителями международной дипломатии как крупный успех советских дипломатов. Указывалось, между прочим, что франко-советский договор и приложенный к нему

протокол подписания устанавливают важный международный прецедент: отныне отсутствие рекомендаций Совета Лиги по вопросу о действиях против агрессора не должно будет служить препятствием для выполнения сторонами обязательств взаимной помощи.

Всё же французская дипломатия постаралась внести в договор с Советским Союзом некоторые оговорки ограничительного характера.

Статья 1 франко-советского договора подчёркивала, что действие пакта о взаимопомощи между СССР и Францией распространяется лишь на те случаи, когда одна из договаривающихся сторон явится «предметом угроз или опасности нападения со стороны какого-нибудь европейского государства». Формулировкой этой статьи французская дипломатия стремилась предупредить возможность вовлечения Франции в вооружённые конфликты, которые могли бы возникнуть, например, между Советским Союзом и Японией на Дальнем Востоке. Чтобы ещё более обеспечить Францию от каких-либо осложнений, могущих произойти в результате франко-советского договора о взаимопомощи, французская дипломатия настояла на внесении в § 2 протокола дополнительной оговорки. Оговорка эта гласила, что обязательства, предусмотренные договором, «не могут иметь такого применения, которое, будучи несовместимым с договорными обязательствами, принятыми одной из договаривающихся сторон, подвергло бы эту последнюю санкциям международного характера».

Советская дипломатия не возражала против таких оговорок, хотя они и свидетельствовали о преувеличенной осторожности, чтобы не сказать боязливости, французского правительства. Со своей стороны, отнюдь не желая закрывать путь к мирному соглашению с агрессивными государствами, если бы они отказались от агрессии, советская дипломатия поддержала внесение в протокол соответствующей формулировки. Параграф 4 протокола гласил, что «переговоры, результатом которых явилось подписание настоящего договора, были начаты первоначально в целях дополнения соглашения о безопасности, охватывающего страны северо-востока Европы, а именно СССР, Германию, Чехословакию, Польшу и соседние с СССР балтийские государства». Поэтому наряду с данным договором «должен был быть заключён договор о помощи между СССР, Францией и Германией, в котором каждое из этих трёх государств должно было обязаться к оказанию поддержки тому из них, которое явилось бы предметом нападения со стороны одного из этих трёх государств».

При всей нерешительности французского правительства, сказавшейся в приведённых выше ограничительных формули-

ровках франко-советского пакта, этот договор между СССР и Францией мог получить в дальнейшем весьма серьёзное международное значение. Так и оценивало этот дипломатический акт общественное мнение всего мира.

Всем было известно, что заключению франко-советского пакта оказали некоторое содействие и представители стран Малой Антанты. Бенеш со стороны Чехословакии, Титулеску — Румынии видели в договоре между Францией и Советским Союзом одну из самых действительных гарантий безопасности для их собственных государств. Поэтому оба эти дипломата настойчиво убеждали французское правительство в необходимости скорейшего завершения переговоров с советским правительством.

2 мая 1935 г. в Париже был подписан договор о взаимопомощи между Советским Союзом и Францией. Вскоре после этого Лаваль решился, наконец, и на поездку в Москву. Однако перед самым отъездом он принял германского посла в Париже. Его он постарался заверить, что франко-советский договор отнюдь не исключает возможности франко-германского сближения. Более того, в любой момент можно будет пожертвовать договором с Советским Союзом, если это понадобится для полного и окончательного соглашения с Германией. Французский посол в Берлине Франсуа Понсэ получил от Лаваля директиву явиться к Гитлеру и подробно ознакомить его с вышеизложенной позицией Лаваля.

Визит Лаваля в Москву состоялся 13—15 мая 1935 г. Французский министр иностранных дел был принят товарищами Сталиным и Молотовым. В результате обмена мнений было опубликовано франко-советское коммюнике. В нём подтверждалось, что дипломатические усилия обеих стран «с полной очевидностью направляются к одной существенной цели — к поддержанию мира путём организации коллективной безопасности». Особо было отмечено, что «товарищ Сталин высказал полное понимание и одобрение политики государственной обороны, проводимой Францией в целях поддержания своих вооружённых сил на уровне, соответствующем нуждам её безопасности».

«Представители обоих государств, — гласило советско-французское коммюнике, — установили, что заключение договора о взаимной помощи между СССР и Францией отнюдь не уменьшило значения безотлагательного осуществления регионального восточноевропейского пакта в составе ранее намечавшихся государств и содержащего обязательства ненападения, консультации и неоказания помощи агрессору. Оба правительства решили продолжать свои совместные усилия по изысканию наиболее соответствующих этой цели дипломатических путей».

Советско-чехословацкий договор (16 мая 1935 г.)

После Франции договор о взаимной помощи с СССР подписала 16 мая 1935 г. Чехословакия. Текст этого документа воспроизводил по существу соответствующие статьи франко-советского договора от 2 мая 1935 г. Однако весьма важное значение имела оговорка, внесённая в пункт 2 протокола подписания советско-чехословацкого договора.

«Одновременно оба правительства признают, — гласила эта оговорка, — что обязательства взаимной помощи будут действовать между ними лишь поскольку, при наличии условий, предусмотренных в настоящем договоре, помощь стороне — жертве нападения — будет оказана со стороны Франции».

Вышеприведённой формулировкой двусторонним договорам между СССР и Францией, СССР и Чехословакией придавался фактически характер тройственного соглашения. Вместе с тем своей оговоркой советская дипломатия предусмотрительно лишала французское правительство возможности — в случае нападения Германии на Чехословакию, — самому уклонившись от выполнения обязательств франко-чехословацкого союзного договора, переложить на Советский Союз всю тяжесть оказания помощи жертве агрессии. После подписания договора Бенеш посетил Москву. В беседах, происходивших между ним и представителями советского правительства, было подчёркнуто, что Советский Союз и Чехословакия придают исключительное значение «действительному осуществлению всеобъемлющей коллективной организации безопасности на основе неделимости мира».

Советско-чехословацкий договор был немедленно ратифицирован обеими сторонами. Обмен ратификациями был произведён 8 июня 1935 г., во время пребывания Бенеша в Москве. Совершенно иной оказалась позиция Лаваля в вопросе о ратификации франко-советского пакта. В сущности, согласно французской конституции, этот договор подлежал простому утверждению президента республики. Однако Лаваль явно затягивал ратификацию: он настаивал на том, чтобы к ней была применена сложная парламентская процедура. Для этого надлежало передать договор на рассмотрение парламентской комиссии по иностранным делам, а затем подвергнуть его обсуждению депутатов Палаты и Сената. Своё намерение затянуть ратификацию франко-советского договора Лаваль прикрывал ссылками на то, что хочет сообщить этому акту особо торжественный характер. На самом же деле становилось всё более очевидным, что этому документу Лаваль придавал значение простого клочка бумаги, который он сможет использовать лишь при своих переговорах с Германией, чтобы набить себе цену. В Москве было условлено, что в ближайшее время должны начаться переговоры между французским и советским генеральными штабами. Лаваль всеми силами противился выполнению этого

обязательства. Ясно было, что он не хочет такого сотрудничества и избегает всего, что могло бы вызвать неудовольствие Гитлера.

Возвращаясь из Москвы в Париж, Лаваль посетил Варшаву. Как рассказывает американский историк Ф. Шуман, Лаваль условился с полковником Беком о том, что, если бы Красная Армия была когда-либо призвана для оказания помощи Чехословакии или Франции, то ей не нужно будет итти через Польшу [1]. В связи с этим Лаваль проговорился, что, в сущности, франко-советский пакт нужен ему не столько для обеспечения франко-советской взаимной помощи, сколько для предупреждения сближения между Германией и Советским Союзом. Тяготение самого Лаваля к Германии становилось всё более и более очевидным. 18 мая 1935 г. он присутствовал в качестве представителя французского правительства на похоронах маршала Пилсудского в Кракове. Здесь произошла его встреча с командующим германским воздушным флотом Герингом. В течение двух часов в строгом уединении между ними шла доверительная беседа. После неё Лаваль прибыл в Париж ещё более самодовольным и самоуверенным, чем когда бы то ни было. Ему казалось, что его дипломатия увенчалась полным успехом. В Риме, Берлине, Варшаве фонды его окрепли. Что касается Москвы, то Лаваль был доволен тем, что подписанием франко-советского пакта и поездкой в СССР он вырвал оружие из рук демократической оппозиции, а сговором с Беком и Герингом обезвредил наиболее обязывающие условия договора о взаимопомощи, заключённого им со Страной Советов.

Английская дипломатия подозрительно следила за укреплением французских связей с Советским Союзом. Ещё до отъезда Лаваля в Москву английское Министерство иностранных дел настойчиво добивалось подробной информации о договоре между Францией и СССР. 26 апреля 1935 г. Саймон телеграфировал английскому послу в Париже Клерку: «Желательно откровенно сказать Лавалю, что Англия обеспокоена, как бы Франция не подписала соглашения, которое может обязать её вступить в войну с Германией при обстоятельствах, недозволенных статьёй 2 Локарнского договора». На другой день Клерк ответил Саймону следующей телеграммой: «Лаваля видеть нельзя. Вместо него говорил с Леже (генеральным секретарём Министерства иностранных дел. — *Ред.*), и тот сказал, что Англия может быть спокойна, так как французское правительство поставило непременным условием, чтобы соглашение соответствовало всем положениям договоров Лиги наций и Локарно».

В это время во Франции демократические круги объединялись в антифашистский народный фронт. Коммунисты,

[1] *Fr. Schuman*, Europe on the Eve, p. 140 ss.

социалисты и радикал-социалисты видели в заключении договора о взаимопомощи с Советским Союзом единственную возможность противодействия германским и итальянским агрессивным замыслам. Действительно, перед лицом всё возрастающей опасности со стороны гитлеровской Германии и Италии Муссолини только Советский Союз являлся той международной силой, которая открыто выступала с программой мероприятий, могущих предотвратить новую мировую войну. Авторитет Советского Союза всё возрастал. На позиции упрямого и закоснелого отчуждения от Страны Советов оставались в Европе лишь такие мелкие государства, как Швейцария, Голландия, Португалия. Крупнейшие страны вне Европы уже поддерживали нормальные дипломатические отношения с СССР. Смелая, прямая и последовательная политика советского правительства в вопросах мира и коллективной безопасности и его неутомимая деятельность по разоблачению агрессоров и поджигателей войны привлекали к СССР симпатии передового человечества во всём мире.

Превращение дипломатического аппарата Германии в орудие шпионажа

Заключение франко-советского договора о взаимопомощи вызвало большое возбуждение в реакционных кругах английской общественности. Возобновились толки о том, что в Европе усиливается «большевистское влияние». По адресу правительства направлялись упрёки, что Англия рискует остаться изолированной. Раздавались требования немедленного соглашения с Германией. В начале мая 1935 г. бывший секретарь Ллойд Джорджа во время первой мировой войны лорд Лотиан, он же Ф. Керр, в письме к американскому послу в Берлине Додду доказывал, что соглашение держав с Германией могло бы разрешить все трудности. «Необходимо, — писал он, — найти для Японии и Германии более прочное место в международной политике, на которое они имеют право претендовать в силу своей мощи и традиций» [1].

В это же время гитлеровская агентура развернула самую напряжённую работу в столицах больших и малых европейских государств.

Как рассказывает Курт Рисс в своей книге «Тотальный шпионаж», система шпионажа, начавшего действовать в конце 1934 г., объединяла к этому времени следующие составные части:

1. Разведку военного министерства, вначале неофициально, а затем официально руководимую полковником Николаи.

2. Организацию немцев, живущих за границей, руководимую Боле.

---

[1] *Dodd William* and *Martha Dodd*, Ambassador Dodd's Diary, p. 241.

3. Иностранный отдел гестапо, руководимый Гиммлером и Гейдрихом.

4. Внешнеполитический отдел гитлеровской партии во главе с Альфредом Розенбергом.

5. Специальную службу министерства иностранных дел, возглавляемую Риббентропом и его ближайшим помощником Канарисом.

6. Иностранный отдел министерства пропаганды, во главе с Геббельсом и Эссером.

7. Иностранный отдел министерства экономики, во главе которого продолжал фактически оставаться Шахт, даже после его официального ухода в отставку.

8. Имперское колониальное управление во главе с генералом фон Эппом.

Все эти органы были подчинены Объединённому штабу связи, который издавал основные директивы и был центром всей системы шпионажа [1]. Старая дипломатия, официально представлявшая Германию, оттеснялась на задний план. В мае 1935 г., вскоре после подписания договоров о взаимопомощи между СССР, Францией и Чехословакией, Геринг пустился в большое «свадебное» путешествие на Балканы и в Венгрию; одновременно Гесс предпринял поездку в скандинавские страны — Швецию, Норвегию и Данию. Цель этих дипломатических экскурсий была вполне ясна: агенты Гитлера стремились помешать расширению системы пактов о взаимопомощи, якобы угрожавших Германии «окружением».

11 июня 1935 г. либеральной английской газетой «Manchester Guardian» опубликованы были секретные инструкции Геббельса германской заграничной прессе. «Задача германской политики, — гласил этот документ, — создавать впечатление миролюбия Германии и готовности её участвовать в международных договорах. Германия изолирована, и ей угрожает окружение. Германия должна иметь полнейшую свободу вооружений. Вооружённая Германия станет притягательной силой для других стран. Для достижения этой цели весьма удобно использовать идею крестового похода против большевизма».

Более трёхсот немецких газет получали директивы Геббельса и вели за границей нацистскую пропаганду. Во главе заграничной агентуры Германии поставлен был прославленный организатор немецкого шпионажа Николаи. Германская тайная полиция, руководимая Гиммлером и Гейдрихом, также развернула за границей свою работу. Свыше 25 тысяч агентов изо дня в день по заданию гестапо собирали политическую, военную и экономическую информацию. Эта разведка подготовляла материал, необходимый для будущей войны.

---

[1] *Курт Рисс*, Тотальный шпионаж, Воениздат, 1945, стр. 84.

Под руководством Боле развернулась деятельность легальных организаций национал-социалистов за пределами Германии. Около 400 крупных германских землячеств, тысячи всякого рода ферейнов, немецких школ и курсов были, по выражению Боле, «миссионерами идей фюрера» за рубежом.

В конце июня 1935 г. состоялся в Кёнигсберге слёт зарубежных немцев. В нём приняли участие и германские посланники из Латвии и Литвы. На слёте распространялись открытки и карты, включавшие в границы «великой Германии» обширные соседние территории, в том числе и балтийские государства. Особенно усилилась работа нацистов в Соединённых штатах Северной Америки. На службу этой агентуре были поставлены радио и бюро путешествий. Одним из первых организаторов гитлеровской пропаганды в США был Курт Людеке, корреспондент центрального органа национал-социалистской партии «Völkischer Beobachter». Бюро национал-социалистской организации в США «Друзья новой Германии» помещалось в одном доме с германским генеральным консульством. Под видом туристов, коммерсантов, врачей, парикмахеров, маникюрш на пароходах «Северогерманского Ллойда» и «Гапага» в Америку непрерывным потоком направлялись немецко-фашистские шпионы и диверсанты.

В сферу германского шпионажа входили не только страны Европы, но и всего мира. Созданное в Мюнхене Имперское колониальное управление под руководством генерала фон Эппа первоначально сосредоточивало свою деятельность в бывших африканских колониях Германии. В конце 1934 г. фон Эпп и Министерство иностранных дел стали посылать своих агентов в качестве коммерсантов и техников на постоянное жительство в Испанское Марокко и в Танжер. После назначения министром иностранных дел Риббентропа его заместитель Канарис сразу же приступил к созданию консульств не только во всех бывших германских колониях, но также и во французских владениях в Африке. В то же время германское Министерство иностранных дел занялось организацией германского шпионажа на Ближнем Востоке и в Азии. В Иран направлялись многочисленные делегации коммерсантов и учёных. Квалифицированные шпионы, прошедшие специальные школы, назначались консулами и вице-консулами. Начальником Ближневосточного отдела при Министерстве иностранных дел был назначен известный археолог Макс Оппенгейм. Он направлял всю работу по организации шпионажа на Ближнем Востоке. Особое внимание Оппенгейм обращал на арабские страны. Нередко гитлеровцы посылали в подарок мятежным арабским вождям, известным своими антибританскими взглядами и настроениями, аэропланы с пулемётами и радиоустановками.

Для арабских стран ряд радиостанций Германии организовал передачи на арабском языке. При ближайшем сотрудничестве немецких агентов издавались и направлялись во все арабские страны книги и газеты, предназначенные для арабского населения.

Особенные надежды в планах завоевания мирового господства гитлеровцы возлагали на страны Южной Америки. Однажды Гитлер сказал Раушнингу: «Мы дадим Южной Америке не только наши деньги и нашу инициативу; мы перевоспитаем её в духе нашего мировоззрения».

Под контролем Германии в странах Южной Америки находилось большое количество промышленных предприятий, торговых учреждений и банков.

В Аргентину и Перу направлялись германские офицеры в качестве инструкторов для обучения армий этих стран. Риббентроп отдал распоряжение укомплектовать все германские посольства и консульства в Южной Америке особо подобранным штатом «дипломатов». Созданный в Гамбурге Иберо-американский институт, находившийся в ведомстве Розенберга, регулярно посылал в Южную Америку инженеров, архитекторов, врачей, учёных, устраивал во всех южноамериканских странах художественные выставки, библиотеки, концерты. В крупнейших городах Южной Америки — Рио де Жанейро, Монтевидео, Буэнос-Айресе, Ла-Пасе, Богота и других находились штабквартиры шпионской организации Боле, агенты которой были обычно прикомандированы к посольствам и консульствам и пользовались дипломатической неприкосновенностью. Только в одной Аргентине под непосредственным контролем гитлеровцев издавалось в 1935 г. двенадцать крупных ежедневных газет, заполнявшихся фашистским агитационным материалом. В позднейшие годы число фашистских изданий с каждым годом увеличивалось.

В то время как немецко-фашистская агентура вела усиленную работу по подготовке Германии к будущей войне, сам Гитлер в целях маскировки продолжал демонстрировать своё «миролюбие». 21 мая 1935 г. он выступил с изложением 13 пунктов «программы мира», якобы долженствующей урегулировать взаимоотношения Германии с другими государствами. Гитлер заявил о своей готовности заключить двусторонние договоры о ненападении со всеми соседями, кроме Литвы; от пактов о взаимопомощи он отказывался категорически. Предлагая великим державам «моральное разоружение», Гитлер яростно восставал против «военного союза» СССР с Францией. Характерно, что незадолго до провозглашения своих «13 пунктов мира» Гитлер отдал приказ о сборке двенадцати подводных лодок по 250 тонн, запрещённых Версальским договором.

Англо-германское морское соглашение (18 июня 1935 г.)

Конечно, это не осталось тайной для иностранных разведок. Тем не менее пацифистская декларация Гитлера встретила в реакционных кругах Англии сочувственный отклик. «Непредубеждённый человек, — заявляла 22 мая 1935 г. газета «Times», — не может сомневаться в том, что пункты, изложенные Гитлером, являются основой для полнейшего урегулирования отношений с Германией». Для закрепления дружественных связей Германии с Англией в Лондон в качестве главы германской морской делегации был послан Риббентроп. Незадолго до этого он получил звание «чрезвычайного и полномочного посла Германии». После двух поездок Риббентропа к Гитлеру было подписано 18 июня 1935 г. англо-германское морское соглашение. Английское правительство удовлетворило требования Гитлера, чтобы «мощь германского флота составляла 35% в отношении к совокупной морской мощи Британской империи». В случае чрезвычайного строительства флота в других странах такое соотношение могло быть и пересмотрено.

Англия располагала в тот момент военно-морским флотом общим тоннажем в 1 201,7 тысячи. Следовательно, Германии было предоставлено право довести свой флот до 420,6 тысячи тонн. Имелось же у неё налицо, без учёта устаревших судов, лишь 78,6 тысячи тонн. Таким образом, английское правительство разрешило Германии увеличить тоннаж её флота на 342 тысячи.

Версальским договором запрещалось Германии иметь подводные лодки. Этот вопрос также подвергся пересмотру в англо-германском военно-морском соглашении. Германия получила право строить подводные лодки в размере до 45% тоннажа подводного флота Великобритании. Соглашение устанавливало, что в случае, если Германия пожелает превысить данный предел, она должна информировать о своём решении британское правительство. Таким образом, подводный флот Германии ничем не ограничивался.

Англо-германское военно-морское соглашение явилось двусторонним нарушением Версальского мирного договора. Его заключение вызвало взрыв возмущения во Франции: на этот раз договор был нарушен не только гитлеровской Германией, но и самой Великобританией.

Англо-германское морское соглашение являлось не чем иным, как капитуляцией английской дипломатии перед гитлеровской Германией по самому важному для Англии морскому разделу послевоенных мирных соглашений. Характерно, что Министерство иностранных дел даже не подумало о согласовании своей позиции с другими державами.

На заседании Палаты лордов 26 июня 1935 г. английский министр воздухоплавания маркиз Лондондерри выступил с

обоснованием необходимости англо-германского соглашения. «Мы практический народ, — заявил министр, — и должны считаться с реальными фактами. Мы полагаем, что наилучший метод для достижения того общего урегулирования, о котором гласило лондонское коммюнике, заключается не в том, чтобы вступить в дальнейшее соревнование в морском строительстве, а в том, чтобы попытаться путём соглашения с Германией обезвредить результаты объявленного ею решения... Мы считаем, что оказали большую услугу другим державам». Таким образом, вопреки положениям Версальского договора в Лондоне узаконялось создание германского военного флота, почти равного французскому, но гораздо более современного, оснащённого по последнему слову техники.

Соглашательская политика английской и французской дипломатии развязывала руки агрессорам и поджигателям войны. Первой на путь открытого нарушения международного мира вступила фашистская Италия.

Итало-абиссинская война

Вопрос об угрозе итало-абиссинской войны обсуждался в английской Палате общин 7 июня 1935 г. Депутат лейборист Эттли настаивал на немедленном вмешательстве правительства в этот конфликт.

В это время в составе английского кабинета произошли частичные изменения. Джон Саймон ушёл из Министерства иностранных дел и стал лидером Палаты общин. Иден, которого считали слишком молодым, чтобы заменить Саймона, был назначен министром без портфеля по делам Лиги наций. В качестве преемника Саймона Болдуин выдвинул на пост министра иностранных дел своего давнего друга Сэмюэля Хора, который занимал соглашательскую позицию во всех острых международных вопросах. В частности он склонен был пойти и на компромисс с Италией.

В конце июня 1935 г. по поручению правительства Иден выехал в Рим, чтобы попробовать договориться с Муссолини и склонить его воздержаться от войны. Идену был оказан в Риме ледяной приём. Попытки найти какой-нибудь компромисс потерпели неудачу. Когда Иден покидал Италию, фашистская пресса развернула бешеную кампанию против Англии и её эмиссара. Иден сделал остановку в Париже в надежде найти поддержку со стороны Франции. Но Лаваль имел свои собственные виды на Муссолини. Поэтому он не дал Идену никаких обещаний. С 7 июня 1935 г. Лаваль уже занимал пост премьер-министра. Связи его с Муссолини всё крепли. Париж и Рим обменялись военно-морскими и военно-воздушными миссиями. В июле начальник французского генерального штаба Гамелен посетил итальянского маршала Бадольо. Последний отдал Гамелену ответный визит

и, повидимому, ознакомил его с предстоящими военными операциями против Абиссинии. Правая французская печать вела активную проитальянскую кампанию. Разумеется, это стоило Муссолини немалых денежных затрат. «Один из высших чиновников Кэ д'Орсэ говорил мне, — свидетельствует Андрэ Симон, — что во время абиссинского конфликта агенты Муссолини роздали французским газетам и различным фашистским организациям более 135 миллионов франков»[1].

Абиссинское правительство тщетно взывало к Лиге, добиваясь защиты и помощи. На сентябрьской сессии 1935 г. делегат Абиссинии просил Совет Лиги немедленно применить статью 15 устава Лиги и принять все меры для предотвращения угрожающей Абиссинии войны. Совет Лиги наций выделил Комитет пяти; ему было дано поручение найти способы мирного разрешения итало-абиссинского конфликта.

Комитет пяти вооружился материалами, представленными ему в Париже, Лондоне и Риме. Исходя из них, он выработал предложения, по существу означавшие уступки в пользу Италии за счёт Абиссинии.

Переговоры Лаваля—Хора

Между тем Хор и Лаваль уже договорились об общей линии поведения в отношении Италии. Обе стороны сошлись на том, что следует воздержаться от всяких мероприятий, могущих раздражить Муссолини и помешать осуществлению его планов в Абиссинии. Впрочем, для видимости Хор предложил признать необходимость санкций против Италии. В этом вопросе министр иностранных дел Англии руководился соображениями внутренней политики; приближалась новая избирательная кампания, и правительству нужно было продемонстрировать, что оно охраняет мир и готово применить финансовые и экономические санкции по отношению к итальянскому агрессору.

Лаваль соглашался. Однако он настаивал на том, что санкции не должны причинить Италии сколько-нибудь чувствительный ущерб. В конце концов было решено не применять к Италии военных санкций, воздержаться от морской блокады и не закрывать Суэцкого канала.

Конечно, Рим дружески был предупреждён французской дипломатией о соглашении Лаваля — Хора.

Хотя предполагаемые санкции и не грозили Италии никаким существенным ущербом и должны были сохранить чисто демонстративный характер, Муссолини затаил озлобление.

[1] *А. Симон,* Я обвиняю! стр. 82.

Впрочем, ни он, ни Гитлер ещё не хотели открытой ссоры с Францией и Англией. 2 октября 1935 г. английское Министерство иностранных дел информировало Лаваля, что Гитлер заверил сэра Эрика Фиппса о своём намерении соблюдать строгий нейтралитет в итало-абиссинском конфликте. Со своей стороны итальянский посол в Париже Черутти сообщил Лавалю, что Италия не ответит войной на экономические и финансовые санкции и останется на «позиции обороны». Эти заявления значительно облегчили задачу Лаваля и Хора. Теперь они могли провозгласить применение санкций к агрессору, в действительности ничем не мешая Муссолини в осуществлении его захватнических планов.

4 октября 1935 г. итальянские войска вторглись в Абиссинию.

Факт ничем не вызванной агрессии был очевиден для всех. Общественное мнение демократических стран требовало немедленного применения к Италии санкций, предусмотренных уставом Лиги. Британское правительство обратилось к Франции с вопросом, может ли Англия рассчитывать на помощь французского правительства в применении к Италии статьи 16 устава Лиги. Ответ был дан 5 октября 1935 г. французским послом в Лондоне Корбеном. Французское правительство сообщало, что предпочитает занять позицию нейтрального наблюдателя, предоставляя осуществление санкций той державе, которая считает их необходимыми. Британское правительство ответило, что при такой позиции Франции Англия не сможет выполнять свои обязательства по Локарнскому договору. Угроза подействовала. 18 октября Корбен обещал поддержку Франции в вопросе о применении к Италии статьи 16 устава Лиги. Этот формальный ответ был вызван также и тем, что 7 октября Совет Лиги наций признал Италию агрессором и декларировал необходимость применить к ней финансовые и экономические санкции. Через два дня это предложение Совета внесено было на общее собрание Лиги наций. Здесь оно было подтверждено.

Общее собрание избрало комитет по координации. Он постановил, что все государства, входящие в Лигу наций, должны:

1) прекратить вывоз оружия в Италию,

2) закрыть ввоз товаров из Италии,

3) запретить экспорт в Италию некоторых второстепенных видов сырья,

4) воздержаться от предоставления Италии банковских займов и коммерческих кредитов.

Санкции не касались наиболее важных для Италии видов сырья: нефти, руды, угля. О военных санкциях не было и речи. Суэцкий канал продолжал обслуживать итальянскую экспедиционную армию.

Позиция СССР в итало-абиссинском конфликте

В ноте от 11 ноября 1935 г. итальянское правительство заявило Лиге наций протест против применения к Италии экономических и финансовых санкций. Оно утверждало, что решение Совета и общего собрания Лиги наций необоснованно и несправедливо.

Ответные ноты французского и английского правительств звучали примирительно. Они заявляли, что санкции представляются вынужденным актом; при этом выражалось пожелание, чтобы «ныне происходящий, достойный сожаления конфликт» был возможно скорее урегулирован.

Советское правительство 22 ноября 1935 г. ответило, что СССР не может уклониться от обязательств, возлагаемых на него, как и на всех членов Лиги, её уставом. «Советское правительство, — гласила нота, — считает неправильным положение о том, что Абиссиния должна составлять исключение и не пользоваться всеми теми правами, которые предоставлены Лигой наций другим её членам. С точки зрения советского правительства, все члены Лиги наций должны пользоваться полным равноправием в случае нападения, независимо от расовых и других признаков».

Строгую принципиальность советской позиции в вопросе об отношении к итало-абиссинской войне раскрыл т. Молотов в своём выступлении на второй сессии ЦИК СССР 10 января 1936 г. «Только Советский Союз, — заявил глава правительства СССР, — занял в итало-абиссинской войне особую принципиальную позицию, чуждую всякому империализму, чуждую всякой политике колониальных захватов. Только Советский Союз заявил о том, что он исходит из принципа равноправия и независимости Абиссинии, являющейся к тому же членом Лиги наций, и что он не может поддержать никаких действий Лиги наций или отдельных капиталистических государств, направленных к нарушению этой независимости и равноправия»[1].

Соглашение Лаваля—Хора (9 декабря 1935 г.)

Тем временем итальянские войска продолжали своё наступление на Абиссинию. Плохо вооружённая абиссинская армия под натиском превосходящих итальянских сил отступала в глубь страны. В широких массах населения демократических стран неравная борьба абиссинского народа за независимость вызывала искреннее сочувствие. Дипломатии великих держав приходилось волей-неволей считаться с этими настроениями. В конце концов в Лиге наций был поставлен вопрос о применении нефтяных санкций. К 12 декабря десять государств: Аргентина, Голландия, Ирак, Индия, Ново-Зеландия, Румыния, Сиам (Таи), Чехословакия, Финляндия и

[1] *Молотов,* Статьи и речи, 1935—1936, стр. 176.

СССР, которые поставляли в Италию 74,5% всего её нефтяного импорта, заявили о своём согласии на нефтяные санкции. Муссолини убедился, что вопрос о санкциях неожиданно принимает опасный для него оборот. Он обратился за поддержкой к Гитлеру и Лавалю. Германскому послу в Париже было поручено добиваться от Лаваля воздействия на английскую дипломатию. По предложению Лаваля в Париже состоялось его новое совещание с Хором. Лаваль запугивал английского министра тем, что, если новые санкции будут приняты, неизбежно начнётся война в Европе. Италия нападёт на английский флот в Средиземном море. Там Франция не будет в состоянии поддержать Англию своими морскими силами. Французские порты и доки в Средиземном море недостаточно вместительны, чтобы принять крупные английские корабли. Этого довода было достаточно. Хор присоединился к позиции Лаваля. Впрочем, как рассказывает Табуи, британский министр иностранных дел Сэмюэль Хор ещё во время сессии Совета Лиги наций в октябре 1935 г. начал зондировать почву о соглашении с Италией. При личной встрече с итальянским министром Гранди он заявил ему: «Великобритания не имеет никаких намерений ни нападать на фашизм, ни создавать блокаду. Она, само собой разумеется, и мыслей не имела о военных санкциях». Хор дал понять Гранди, что Англия готова прийти к соглашению с Италией.

В результате совещания Лаваля — Хора возник новый план «умиротворения». Англия и Франция должны были предложить негусу уступить Италии всю провинцию Огаден, восточную часть провинций Тигре и Харар. В обмен Абиссинии предлагалось получить от Италии узкую полосу территории южной Эритреи с выходом к морю в Ассабе. Так как за Францией сохранялись монопольные права на железную дорогу Джибути — Аддис-Абеба, то эта полоса, по выражению газеты «Times», была бы просто «коридором для верблюдов». В дополнение к этим территориальным соглашениям негус должен был принять к себе на службу итальянских советников и предоставить Италии исключительные экономические льготы.

Соглашение Лаваля — Хора было подписано 9 декабря 1935 г. Скоро его содержание стало известно заинтересованным кругам, хотя текст документа и не был ещё опубликован. Сговор двух министров вызвал глубокое возмущение в Англии, во Франции и в Соединённых штатах. 16 декабря 1935 г. абиссинский негус заявил протест против соглашения, которое сулило премию агрессору за открытое нарушение международных обязательств.

Хор был вынужден подать в отставку. Его друг Болдуин пожертвовал им, чтобы успокоить оппозицию. Сам премьер ссылался на то, что в воскресный день не мог связаться с Хором, который в это время вёл в Париже переговоры с Лавалем.

Однако, как свидетельствует английская «Белая книга» об Абиссинии, 10 декабря 1935 г. дипломатические представители Англии в Риме и Аддис-Абебе получили из Лондона предписание добиваться там согласия на предложения Лаваля — Хора. Конечно, без ведома Болдуина английское Министерство иностранных дел не могло дать такие указания.

Соглашение Лаваля — Хора вызвало во французской Палате депутатов резкую критику. Но Лаваль не смущался. Он увёртывался от объяснений и всячески затягивал применение санкций против Италии. Подкупленные им газеты запугивали французов тем, что санкции «означают войну». Всякий раз, когда поднимался вопрос о нефтяных санкциях, итальянский посол в Париже Черутти наносил Лавалю продолжительный визит. И журналисты, ловившие посла в приёмной Кэ д'Орсэ, неизменно уведомляли читателей своих газет, что г. Черутти, уходя из кабинета министра, имел вполне удовлетворённый вид...

План Лаваля — Хора предполагалось опубликовать лишь после того, как он будет принят Италией и Абиссинией. Но дипломатический расчёт Лаваля был сорван. Два парижских журналиста — Пертинакс в «Echo de Paris» и Женевьева Табуи в «Oeuvre» — сумели раздобыть текст соглашения Лаваля — Хора и опубликовали его в печати. Скандальный документ вызвал во Франции бурный взрыв негодования. В Палате депутатов Лавалю пришлось поставить вопрос о доверии правительству. Кабинет получил большинство всего в 20 голосов. Между тем силы народного фронта во Франции всё более крепли. Было ясно, что кабинет потерял всякую опору; действительно, в январе 1936 г. правительство Лаваля вынуждено было подать в отставку. Но в кабинете положение мало изменилось. На смену Лавалю пришёл Альбер Сарро; он сформировал центристский кабинет из весьма посредственных деятелей. Министром иностранных дел был назначен Фланден. Он начал с того, что заявил о своей солидарности с Лавалем в абиссинском вопросе. Фланден не был одинок в правительстве: к нему примыкали и другие члены кабинета, которые были сторонниками соглашательской политики «умиротворения» агрессоров.

Политическим результатом этой политики попустительства было дальнейшее укрепление «оси» Рим — Берлин. Зато отношения между Францией и Англией становились всё холоднее. Международная обстановка складывалась вполне благоприятно для поджигателей войны.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

ПОЛИТИКА «НЕВМЕШАТЕЛЬСТВА» ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ПРАВИТЕЛЬСТВ ЕВРОПЫ (1935—1937 гг.)

Политика «изоляционизма» и нейтралитета

Большую услугу поджигателям войны оказывали не только «умиротворители», но и «изоляционисты», стремившиеся уклониться от вмешательства в конфликты, возникавшие между другими странами. Английские изоляционисты заявляли, что Англия — страна не европейская и что она не имеет общих интересов с государствами континента. Провозвестник этой доктрины Эмери доказывал, что «англичанин не может стать европейским патриотом, какими являются и французы и немцы; он не может себя посвятить европейской идее». «Политика, которой мы должны следовать по отношению к Европе, — писал Эмери, — может быть резюмирована следующим образом: обособление от европейских дел. Нужна лишь одна оговорка... а именно, что мы не можем пассивно отнестись к агрессивным операциям, которые происходили бы на близком расстоянии по воздуху от Дувра». Рост воздушной опасности, пояснял Эмери, заставляет англичан принимать меры обороны; однако это не означает, что Англия «должна ввязываться в каждую ссору. А между тем это является практическим выводом из так называемого принципа коллективной защиты мира».

Такую же позицию отстаивали сторонники изоляционизма и в Соединённых штатах Америки. Приверженцы этой доктрины преобладали в американских политических кругах. Лишь немногие государственные деятели, как президент США Рузвельт, понимали всю опасность фашистской агрессии для свободолюбивых народов мира. В 1935 г. в США был принят «закон о нейтралитете». Этим законом воспрещался экспорт оружия, боеприпасов или военного снаряжения для воюющих стран или даже для нейтральных государств, которые могли бы передать это вооружение воюющим сторонам. Президенту предоставлялось право решать, не находится ли та или другая сторона в «состоянии войны», если

даже война официально ею и не объявлена. Рузвельту пришлось поставить этот вопрос в отношении Италии и Абиссинии. Он признал их находящимися «в состоянии войны» и предложил применить закон о нейтралитете. Впрочем, насколько было возможно, Рузвельт использовал новый закон против Италии. В частности он официально предостерегал американских граждан против путешествий на судах воюющих стран. Фактически это означало — на судах Италии, ибо Абиссиния никакого флота не имела.

В феврале 1936 г., наперекор Рузвельту, американский Конгресс внёс в закон о нейтралитете некоторые существенные поправки и продлил срок его действия. Запрещение продажи военного снаряжения воюющим сторонам было вновь подтверждено. Запрещалась перевозка военных грузов на американских судах во время войны. Американским гражданам не разрешалось совершать путешествия на кораблях воюющих стран. Однако, исходя из доктрины Монро «Америка для американцев», Конгресс постановил, что закон о нейтралитете не применяется к американским республикам в случае их войны с неамериканскими государствами.

Шесть лет спустя, оценивая результаты политики нейтралитета, официальный представитель правительства Соединённых штатов Америки, заместитель государственного секретаря Уэллес, вынужден был признать её ошибочной и вредной. «После прошлой мировой войны, — говорил Уэллес, — народу США была предоставлена возможность взять на себя долю ответственности за сохранение всеобщего мира путём участия в международной организации, созданной с целью предотвратить и не допустить возникновения войны. Народ США отказался от такой возможности... Мы были слепы к тому, что составляло наш собственный бесспорный интерес. Поэтому мы и не подумали, что, принимая на себя некоторую долю ответственности за сохранение мирового порядка с непосредственными обязательствами, какие, возможно, требовались, мы обеспечили бы нашему народу сохранение демократических идеалов и избавили бы наших детей и внуков от тех же самых жертв, какие вынуждены были принести их отцы... Наши лидеры и огромное большинство нашего народа в годы после первой мировой войны намеренно вернулись к провинциальной политике, характерной для прежних времён, полагая, что, поскольку такая политика была хороша в прошлом, она может сослужить свою службу и в новом, изменившемся мире. В настоящее время... мы пожинаем горькие плоды нашей собственной близорукости...» [1]

---

[1] «Известия» от 2 июня 1942 г.

Подготовка отказа Германии от Локарнских соглашений

Не встречая противодействия со стороны сильнейших держав Западной Европы, пользуясь благоприятно сложившейся обстановкой невмешательства и нейтралитета, поджигатели войны спешили устранить последние препятствия, мешавшие осуществлению их замыслов. Одним из таких препятствий являлись для Германии Локарнские соглашения; их условия не допускали вооружения её западных границ, необходимого для осуществления захватнических планов Гитлера на Востоке. Имея за собой неукреплённую и демилитаризованную долину Рейна, германские армии не могли бы беспрепятственно двинуться против Австрии, Чехословакии, Польши или СССР. Очередной задачей гитлеровской дипломатии явилось поэтому создание военного барьера на Рейне как средства обеспечить германский тыл. Конечно, это прямое нарушение локарнских обязательств создавало непосредственную угрозу безопасности Франции. Всё же правительство Гитлера было убеждено, что ни Болдуин, ни Сарро с Фланденом, ни тем более Муссолини не окажут серьёзного противодействия осуществлению германского плана. Между прочим в Берлине учитывалось и несочувствие англичан франко-советскому пакту. Тем удобнее было избрать для маскировки замышляемого нарушения локарнских обязательств тот предлог, что франко-советский пакт якобы с ними несовместим. 21 февраля 1936 г., принимая французского журналиста де Жувенеля, Гитлер заверял своего собеседника, что Германия готова пойти на сближение с Францией. Однако этому препятствует франко-советский договор. «Этот достойный сожаления пакт, — говорил Гитлер, — создаёт новое положение. Понимаете ли вы, французы, что вы делаете? Вы даёте себя вовлечь в дипломатическую игру такого государства, которое ничего иного не хочет, как столкнуть друг с другом крупные европейские народы, чтобы извлечь из этого пользу для себя одного»[1].

В действительности, как видно из бесед американского посла Додда с немецкими дипломатами, представители германского правительства не придавали франко-советскому пакту серьёзного значения. 29 февраля 1936 г. в разговоре с Нейратом Додд затронул вопрос о возможности возвращения Германии в Лигу наций. Нейрат заявил, что Германия может вернуться в Лигу, но лишь при условии, что западные державы возвратят ей колонии, не будут возражать против занятия германскими войсками демилитаризованной Рейнской области и пойдут на некоторые уступки в отношении паритета военно-морских сил. «Он решительно настаивал на возвращении колоний, — записывает Додд, — и заявил, что по вопросу о

---

[1] *F. Berber Essen,* Locarno. Dokumentensammlung, 1936, S. 187.

Рейнской зоне можно начать дипломатические переговоры, что франко-русский пакт не имеет серьёзного значения и что Англия получила согласие Германии участвовать в переговорах о морском договоре, которые должны начаться в Лондоне».

Рассчитывало правительство Гитлера и на поддержку со стороны английских профашистских кругов. С 30 января по 4 февраля 1936 г. один из влиятельных сторонников сближения с Германией, маркиз Лондондерри, посетил Геринга и Гитлера. Принимая этого гостя в своём охотничьем замке, Геринг доказывал ему неизбежность германской экспансии на Восток и необходимость немедленного укрепления Рейнской области. В свою очередь и Гитлер убеждал Лондондерри, что «Москву нужно подвергнуть карантину». По возвращении в Лондон Лондондерри послал через Риббентропа письмо с выражением благодарности за радушный приём. При этом он намекал, что информация о пожеланиях германского правительства встречена благоприятно английским общественным мнением, хотя при наличии противоречивых взглядов «бывает трудно правильно определить истинное общественное мнение» [1].

Гитлер знал, что и во Франции его готовы поддержать профашистские круги. Ему было известно, что в заседании Совета министров был поставлен вопрос о намерении Германии оккупировать Рейнскую область и порвать с Локарнским пактом. По этому поводу «неосоциалист» Деа, один из активнейших фашистов в Парламенте, а затем в кабинете Сарро, заявил, что вопрос о ремилитаризации Рейнской области не стоит крови хотя бы одного французского солдата, тем более, что эта область в конце концов принадлежит Германии.

Осенью и зимой 1935 г. фашистский агент Отто Абец беседовал в Париже с рядом французских политических деятелей и с представителями промышленного и финансового мира. Его заверяли, что правительство не окажет противодействия ремилитаризации Рейнской области. Такую позицию занимал и французский посол в Берлине Франсуа Понсэ. По свидетельству Андрэ Симона, «некий французский дипломат на завтраке во французском посольстве, в присутствии высоких особ с Вильгельмштрассе, заявил, что война не популярна во Франции и что нынешнее правительство не сможет поднять общественное мнение Франции против ремилитаризации Рейнской области» [2].

6 марта 1936 г. на заседании германского кабинета подвергнут был обсуждению вопрос об отказе от Локарнских соглашений. Нейрат, Шахт и Бломберг выступили с возраже-

---

[1] *Fr. Schuman,* Europe on the Eve, p. 210.
[2] *А. Симон,* Я обвиняю! стр. 95.

ниями против оккупации Рейнской области: по соображениям дипломатическим, финансовым и стратегическим это мероприятие представлялось им рискованным. Военный министр Бломберг откровенно предупреждал, что немецкая армия ещё не готова для оказания сопротивления французам, если их войска вступят в Рейнскую область. Но Гитлер заявил, что нужно рискнуть. Между прочим его обнадёживали обстоятельства, при которых произошла ратификация франко-советского договора французской Палатой депутатов 27 февраля 1936 г. Против ратификации голосовали 164 депутата; 100 депутатов воздержались от голосования; за ратификацию подали голос 353 депутата. Это означало, что около половины членов Палаты отказывалось от договора о взаимопомощи не только с СССР, но и с Чехословакией, защиту которой против германского агрессора невозможно было обеспечить без участия Советского Союза. Это означало также, что значительная часть Палаты высказывается за фактический разрыв Франции с её друзьями, за ликвидацию старой системы военных союзов, т. е. за сдачу всех тех позиций международной обороны Франции, которые после войны старалась укрепить французская дипломатия.

7 марта 1936 г. в германское Министерство иностранных дел были приглашены послы Англии, Франции, Бельгии и Италии. Здесь Нейрат передал им меморандум германского правительства, который гласил: «В интересах естественного права народа защищать свои границы и сохранять свои средства обороны германское правительство восстановило с сегодняшнего дня полную и неограниченную суверенность империи в демилитаризованной зоне Рейнской области». Ознакомив послов с содержанием меморандума германского правительства, Нейрат сообщил им об отказе от Локарнских соглашений и о занятии Рейнской зоны германскими войсками.

Оккупация германскими войсками Рейнской зоны (7 марта 1936 г.)

В тот же день, 7 марта, германские войска вступили в Рейнскую область. Одновременно опубликован был меморандум германского правительства, где доказывалось, что первой нарушила локарнские обязательства Франция, заключив договор с Советским Союзом. Отсюда делался вывод, что локарнско-рейнский пакт «практически прекратил своё существование». Поэтому германское правительство и решило восстановить свой полный и неограниченный суверенитет в демилитаризованной зоне Рейнской области.

Меморандум заявлял, что германское правительство готово заключить пакт о ненападении между Францией, Бельгией и Германией сроком на 25 лет; согласно оно и на заключение с западными державами воздушного пакта. Германия может даже вернуться в Лигу наций, «если вопросы о коло-

ниальном равенстве и об отделении пакта Лиги наций от Версальского договора станут предметом дружественных переговоров» [1].

В этот же день состоялось торжественное заседание Рейхстага. Здесь Гитлер заявил о занятии Рейнской области германскими войсками, повторив те же объяснения, которые изложены были в правительственном меморандуме.

«Всё было обставлено, как великое событие, — записал Додд 7 марта. — Гитлер обратился по радио ко всей Германии и ко всему миру. Речь его продолжалась полтора часа. Мне казалось совершенно непоследовательным говорить о всеобщем мире и 14 пунктах Вильсона, а затем в течение 15 минут поносить франко-русский пакт, основная цель которого — оборона против агрессии. Такие же выпады делались и по адресу Чехословакии. Между тем всякому ясно, что эта маленькая страна, которая насчитывает всего 14 миллионов населения, никогда не нападёт на Германию... Мне казалось, — добавляет Додд, — что Германия и Италия действуют совместно. Если моё предположение правильно, то это доставит Франции много неприятностей» [2].

Вступление германских войск в Рейнскую зону и речь Гитлера вызвали переполох в дипломатических кругах. Казалось, война неминуема. Больше всего споров вызывал в кругах иностранных дипломатов вопрос о том, решатся ли Англия и Франция применить санкции против Германии.

В один из таких напряжённых дней, 14 марта 1936 г., Додд записал: «Мне сообщили, что Гитлер целый день совещался с членами кабинета и другими руководителями. Сэр Эрик Фиппс встретился с Нейратом и сообщил ему мнение Англии о том, что́ нужно сделать Германии, чтобы избежать возможной войны... После этого фон Нейрат долго советовался с фюрером. Чувствуется большая напряжённость».

Утром 7 марта собрался и французский кабинет. После заседания Фланден принял послов Англии, Италии и Бельгии. Вечером кабинет снова собрался на совещание вместе с генеральным штабом. На заседании Жорж Мандель выступил с требованием немедленной мобилизации. Деа, Фланден и большинство министров возражали против этого предложения. Было решено потребовать созыва чрезвычайной сессии Совета Лиги наций и совещания держав, гарантировавших Локарнские соглашения.

Отрядам, вступившим в Рейнскую зону, немецкое командование приказало: если здесь появятся французские войска, боя не принимать и немедленно отступить на свою территорию.

---

[1] *F. Berber Essen*, Locarno. Dokumentensammlung.
[2] *Dodd William* and *Martha Dodd*, Ambassador Dodd's Diary.

Намерения Гитлера занять Рейнскую зону встречали возражения среди части германской военщины. Об этом рассказывал Женевьеве Табуи один из хорошо осведомлённых дипломатов, аккредитованных в Берлине: «Гитлер имел ужасную стычку со своими генералами. Германские войска плохо вооружены, и у них есть приказ отступить при первом признаке сопротивления со стороны Франции. Гитлер уверен, что Франция не будет действовать. Он поставил всё на карту. Если Франция окажет сопротивление, это будет означать его личный крах и конец нацизма».

Расчёт Гитлера оказался верен: правительство Сарро—Фландена бездействовало. «Париж был охвачен паникой, — вспоминает Женевьева Табуи. — Каждый спрашивал: „Будет ли мобилизация?“ И этот вопрос часто повторялся в течение следующих трёх дней, — дней, тянувшихся, как годы, дней, полных агонии и сомнений по поводу того, какую позицию займёт наше правительство по отношению к Германии» [1].

Выступая по радио от имени французского правительства, премьер-министр Сарро заявил, что «Франция не может допустить, чтобы Страсбург был под угрозой германских пушек». «Нет больше мира в Европе! — патетически восклицал Сарро. — Нет международных отношений, если такой образ действий входит в практику!.. Французское правительство твёрдо решило не вступать в переговоры под угрозой насилия. Я заявляю от имени французского правительства, что мы намерены отстаивать основные гарантии французской и бельгийской безопасности, данные английским и итальянским правительствами (т. е. Локарнский договор), через Совет Лиги наций».

Коммюнике о заседании французского Совета министров сообщало, что германский меморандум признан неприемлемым и что создавшееся положение будет обсуждено Советом Лиги наций и совещанием держав, подписавших Локарнские соглашения. Министры военный, морской и авиации получили полномочия принять «требуемые обстоятельствами меры».

Отозвалась на оккупацию Рейнской области и английская Палата общин.

Болдуин и Иден выступили с осуждением одностороннего отказа Германии от обязательств Локарнского пакта. Однако, по мнению английского правительства, шаг, совершённый Германией, не представляет по существу военных действий и не грозит вызвать вооружённый конфликт. Сама Германия заявляет, что «неизменно стремится к подлинному умиротворению Европы и готова заключить пакт о ненападении с Францией и Бельгией». Нужно было бы лишь предварительно договориться

---

[1] *Geneviève Tabouis,* They called me Cassandra, p. 273.

с другими участниками Локарнского соглашения. Что касается франко-советского пакта, то, если бы германское правительство обратилось по этому поводу к соответствующим правительствам, весь вопрос можно было бы урегулировать путём дипломатических переговоров.

Представитель профашистских кругов лорд Астор предостерегал английское правительство от действий, «равносильных превентивной борьбе против Германии». Ссылаясь на письмо, якобы полученное им от Гитлера, Астор настаивал на необходимости помочь главе национал-социалистского правительства «спасти Германию и Европу от коммунистической революции». Другой сторонник Гитлера, лорд Лотиан, выступил с резкой критикой франко-советского пакта; по его мнению, такие пакты о взаимопомощи являются не чем иным, как окружением Германии.

Против этого утверждения решительно выступил Черчилль. «Говорят об окружении Германии, — возмущённо заявил он, — но это окружение не Германии, а потенциального агрессора. Если агрессором будем мы, то пусть это окружение будет направлено против нас. Если агрессором будет Франция, то она будет окружена таким же образом. Первое, что нам нужно, — это пакты о взаимной помощи»[1].

Дискуссия вокруг нарушения Локарнского пакта

10 марта 1936 г. представители Англии Иден и Галифакс, Бельгии — Ван-Зееланд и Италии—Черутти встретились в Париже с Сарро и Фланденом. Французское правительство требовало немедленного вывода германских войск из Рейнской зоны. В случае отказа Германии оно предлагало применить к ней санкции. Но Иден и Галифакс имели указание добиваться предварительных переговоров с Германией. 11 марта 1936 г. Иден официально предложил германскому правительству, поскольку ремилитаризацию Рейнской зоны оно считает вопросом германского престижа, оставить там только «символическое количество» войск, дав обязательство не увеличивать этого контингента и не возводить в зоне никаких укреплений. На следующий день Иден получил ответ германского Министерства иностранных дел. Никаких дискуссий на тему о кратковременном или длительном ограничении германского суверенитета в Рейнской зоне, гласил он, фюрер не принимает; он может только обещать на время переговоров не увеличивать количества войск в зоне и не продвигать их дальше к границам Франции и Бельгии. По телефону Иден снёсся с Болдуином. Тот дал ему директиву предложить созыв Совета Лиги наций в Лондоне и пригласить туда представителей Германии. Сарро и Фланден приняли это предложение.

[1] *W. Churchill,* While England slept, p. 255.

Заседание Совета Лиги наций открылось в Лондоне 14 марта. Фланден просил Совет констатировать факт нарушения Германией статьи 43 Версальского договора. Одновременно он предлагал передать на рассмотрение Гаагского международного трибунала поднятый Германией вопрос о несовместимости франко-советского пакта с обязательствами Локарнского соглашения. Предложение Фландена было поддержано бельгийским премьером Ван-Зееландом.

17 марта 1936 г. в Совете выступил народный комиссар иностранных дел СССР Литвинов. Он напомнил членам Лиги, что защита международных договоров является обязанностью Лиги наций. Нельзя сохранить Лигу, если она не будет выполнять своих собственных постановлений; тем самым она приучит агрессоров не считаться с её предостережениями. Советский представитель подверг резкой критике выдвинутое германской дипломатией утверждение о несовместимости франко-советского договора с Локарнским пактом. Всему миру известно, что ни Советский Союз, ни Франция не имеют никаких претензий на германские земли и не стремятся к изменению границ Германии. Если Германия не совершит нападения ни на Францию, ни на Советский Союз, пакт о взаимопомощи, заключённый между этими двумя странами, никогда не будет приведён в действие.

Однако сама Германия явно преследует захватнические цели. Ради них германские войска заняли и Рейнскую зону. Совершенно очевидно, что Германия готовится к нападению на СССР. «Весь смысл выступлений господина Гитлера и его предложений в области международной политики, — говорил представитель СССР, — сводится к организации похода против народов представляемого мною государства, к объединению против них всей Европы, всего мира. Пусть его агрессия фактически метит на ближайшее время в другие страны, пусть его атаки на Советский Союз являются лишь дымовой завесой для подготовки агрессии против других государств, но уже то обстоятельство, что он выбирает для этой цели мишенью своих беспрестанных атак Советский Союз и что он это сделал опять в связи с нарушением Локарнского договора, даёт мне право открыто и с особой силой говорить о сущности агрессивной внешней политики господина Гитлера» [1].

18 марта в Совете выступил Иден. Он заявил, что вторжение немецких войск в Рейнскую зону представляет собой нарушение Версальского договора. Однако оно не является угрозой миру и «не вызывает той непосредственности акции, которая предусмотрена при известных условиях Локарнским догово-

---

[1] *М. Литвинов,* Внешняя политика СССР, Огиз, 1937, стр. 146.

ром»[1]. С некоторыми оговорками Иден поддержал предложение Франции и Бельгии.

Как и следовало ожидать, итальянский делегат Гранди занял двусмысленную позицию. Он признал, что формально имеет место нарушение Локарнского договора Германией. Но тут же с явным злорадством посол подчеркнул, что «локарнская система», основанная на солидарности держав, подписавших этот договор, давно уже уничтожена враждой в их среде, т. е. санкциями против Италии в связи с абиссинской войной. Слишком очевидно противоречие в положении Италии как гаранта Локарнского договора и как объекта санкций. Италии приходится одновременно выступать судьёй и быть в роли подсудимого.

19 марта состоялось выступление представителя Германии Риббентропа. Он начал с того, что «немецкое правительство приняло приглашение Совета Лиги наций, желая оказать помощь осуществлению дела мира». Наступает «поворотный пункт» в истории Европы: никогда ещё в Совете Лиги наций не защищалось более справедливое народное дело. Лига наций должна оценить по достоинству мудрость немецкого правительства, которое 7 марта 1936 г. совершило акт благодеяния, уничтожив остатки Версальского договора, подрывавшего европейский мир[2].

Наглое выступление Риббентропа не встретило должного отпора со стороны заинтересованных держав. Совет Лиги наций принял резолюцию, которая ограничилась признанием факта нарушения Германией статьи 43 Версальского договора и Локарнского соглашения.

В тот же день состоялось совещание представителей государств, подписавших Локарнский договор. Германия отсутствовала. Совещание также подтвердило нарушение Германией локарнских обязательств. Тем не менее было постановлено, если Германия примет предложение четырёх держав о приостановке ремилитаризации Рейнской зоны, вступить в переговоры о пересмотре в дипломатическом порядке статуса этой области.

Германия снова оставалась безнаказанной. Естественно, правительство Гитлера торжествовало.

«Всё идёт прекрасно, — говорили Додду Нейрат и Шахт: — Германия получила обратно Рейнскую область; скоро она вернёт себе колонии и затем, возможно, вернётся в Лигу наций и восстановит мир во всём мире»[3].

В таком же победном тоне выступал в эти дни и Гитлер. 21 марта он заявил в Гамбурге, что «дух Версальского договора уничтожен». На следующий день он провозгласил в Бреславле,

---

[1] «Survey of International Affairs», p. 301.
[2] Ibid., p. 303.
[3] *Dodd William* and *Martha Dodd*, Ambassador Dodd's Diary.

что «в Европе должен возникнуть новый порядок». В последующие дни в Людвигсгафене, Эссене и Кёльне Гитлер вопил в исступлении: «Нет в мире лучшей гарантии безопасности, чем рука, которая объемлет 67 миллионов немцев!»[1]

И всё же английская дипломатия не теряла надежды договориться с Гитлером. Эрику Фиппсу было поручено получить от Гитлера ответ на ряд вопросов, дабы иметь базу для дальнейших переговоров. Основной вопрос сводился к следующему: признаёт ли германское правительство существующий территориальный и политический порядок в Европе и намерено ли оно его соблюдать.

Гитлер ничего не ответил англичанам. Только нота Нейрата, уведомлявшая о ремилитаризации Рейнской зоны, заверяла, что ввод германских войск в эту зону является не более как «символическим действием».

Дальнейшее вооружение Германии

Ремилитаризация Рейнской зоны свела на нет последние военные ограничения Версальского договора. Вооружение Германии пошло вперёд стремительными темпами. С лихорадочной поспешностью немцами сооружались военные укрепления, мосты и автострады, ведущие к границам Франции, Бельгии и Голландии. 24 августа 1936 г. опубликован был закон о продлении срока службы в германской армии с одного года до двух лет.

К концу 1936 г. в Германии насчитывалось 14 армейских корпусов и одна кавалерийская бригада. Регулярная германская армия достигла численности 700—800 тысяч человек. Эта вооружённая сила была прекрасно оснащена. На каждого солдата пехотной дивизии приходилось в 4 раза больше технических средств, чем до 1914 г. В 1936 г. Германия имела уже не менее 1 500 танков. Германская промышленность выпускала более 100 танков в месяц. Громадные средства затрачивались и на создание военной авиации. В 1936 г. германский военно-воздушный флот насчитывал 4 500 самолётов, из них 1 900 первой линии. По всей Германии была развёрнута широкая сеть аэродромов, число которых превышало 400.

Спешно осуществлялась и программа военно-морского строительства, якобы в соответствии с англо-германским морским соглашением 18 июня 1935 г.

Специальный военный журнал «Deutsche Wehr» из номера в номер освещал проблему «тотальной войны». Той же проблеме была посвящена обширная литература, которая изучалась не только в специальных военных училищах, но и во всех университетах. О «тотальной войне» твердили и в германских школах. Такая война опрокидывала все ограничения, устано-

---

[1] «Die Reden des Führers nach der Machtübernahme», Berlin 1939.

вленные международным правом и предусмотренные заключёнными в мирное время договорами. Страны, ведущие «тотальную войну», должны были отбросить все условности морали, все традиции культуры. Предпосылкой для такой войны являлось подчинение всей хозяйственной, социальной и политической жизни требованиям военной подготовки.

Борьба за перевооружение капиталистических стран

Стремительное перевооружение Германии и открытая подготовка ею новой войны требовали от всех европейских государств увеличения своих собственных вооружений. Однако под влиянием соглашательских, пацифистских и профашистских течений в ряде стран усиление национальной обороны проводилось темпами, явно не соответствовавшими требованиям необходимости.

В Англии Уинстон Черчилль, Иден и другие сторонники системы коллективной безопасности не раз отмечали в своих выступлениях, что Англия остаётся, в сущности, безоружной перед лицом агрессора. В особенности настойчиво призывал к созданию мощной обороны страны Уинстон Черчилль. Выступая в Палате общин по поводу занятия Рейнской области германскими войсками, Черчилль доказывал, что действенная сила договоров о взаимопомощи определяется военной мощью государств, подписывающих такого рода соглашения. В ряде статей, опубликованных после отказа Германии от обязательств Локарно, Черчилль предупреждал, что английский народ слишком погружён в будничную жизнь, увлекается спортом, кино и другими развлечениями. Между тем «Германия усердно вооружается, опираясь на широкую научную базу, вооружается так, как ни один народ этого не делал до настоящего времени» [1]. Весь народный доход Германии поглощается военной подготовкой. Немцы воспитываются в духе расовой ненависти и обособленности; всё молодое поколение Германии представляет собой фанатиков или покорное пушечное мясо.

Так предостерегал свою страну Черчилль против излишнего благодушия и близорукой самоуверенности. С ещё бо́льшим основанием такой упрёк можно было направить Франции.

В ноябре 1935 г. при обсуждении военного бюджета во французской Палате депутатов докладчик привёл следующие цифры. Французская армия насчитывает 654 тысячи солдат; из них на континенте находится не более 400 тысяч. Между тем в германской армии к этому времени было уже 800 тысяч человек. Правительство не делало из этих данных должного практического вывода. Семь лет спустя об этом свидетельствовали участники риомского процесса, организованного правительством Виши после поражения Франции.

[1] *W. Churchill*, Step by step, p. 7, 13.

На заседании суда 20 февраля 1942 г. Даладье заявил, что в решающем, по его выражению, 1934 г. военное министерство Франции использовало лишь незначительную часть отпущенных ему кредитов. Между прочим маршал Петэн возражал против укрепления Седана, ссылаясь на то, что этот район достаточно защищён «широким лесным массивом». Тот же Петэн выступил в Высшем военном совете против предложения продолжить линию Мажино до моря. Он требовал огромных сумм лишь для дополнительного укрепления существующей линии Мажино в ущерб прочим статьям военного бюджета. Следствием такой политики явился недостаток во французской армии танков, самолётов, орудий и боеприпасов к моменту наступления Германии.

В связи с риомским процессом бывший французский министр авиации Пьер Кот сообщил сотруднику одной из американских газет, что в 1936 г. он дважды представлял программу удвоения французских воздушных сил. Оба раза генеральный штаб отверг его предложение.

На судебном заседании 3 марта 1942 г. Даладье разоблачил изменническую позицию крупнейших французских промышленников, производивших вооружение. В частности трест «Шнейдер-Крезо», объединявший основные предприятия французской военной промышленности, находился в постоянной связи с германскими военными фирмами и являлся их поставщиком. Своему собственному правительству он отказывал в принятии важнейших военных заказов. Когда правительство Леона Блюма наметило план частичной национализации французских оборонных предприятий, владельцы заводов «Шнейдер-Крезо» дерзко поставили ультиматум не касаться ни одного предприятия фирмы: в противном случае фирма не примет важнейших правительственных заказов или пойдёт на организацию «итальянской» забастовки.

Другие крупные заводчики Франции следовали этому примеру. Владельцы авиационных заводов сокращали производство, увольняя рабочих; в то же время, ссылаясь на недостаток рабочих рук, они затягивали выполнение военных заказов правительства. В глазах магнатов французского капитала Гитлер был спасителем Европы от социальной революции и опасности коммунизма. Их приводил в ярость подъём рабочего движения во Франции; образование народного фронта казалось им началом революции. Чтобы спасти своё классовое господство, эти «хозяева Франции» шли на измену народу, отказываясь работать на оборону своей страны против немецкого фашизма.

На путь отказа от международных соглашений стала, в целях открытого перевооружения, и Япония.

В конце 1936 г. истекал срок обязательств Вашингтонского договора 1922 г., денонсированного Японией в декабре 1934 г., и Лондонского морского соглашения 1930 г. об ограничении морских вооружений.

Заключение англо-германского соглашения от 18 июня 1935 г. дало Германии возможность увеличить свой военный флот более чем в 5 раз.

Япония воспользовалась этим. Она усиленно стала добиваться равенства своего флота с морскими силами Великобритании и Соединённых штатов Америки.

На Лондонской морской конференции 15 января 1936 г. это требование Японии было отклонено. Тогда Япония покинула конференцию. С этого момента она вступила на путь ничем не ограниченного военно-морского строительства.

После ухода представителей Японии с Лондонской конференции оказалось невозможным устанавливать какие бы то ни было количественные ограничения морских вооружений. 25 марта 1936 г. между Англией, Соединёнными штатами Америки и Францией было подписано новое соглашение, заменившее Вашингтонский и Лондонский морские договоры. Державы, подписавшие это соглашение, обязывались лишь взаимно осведомлять друг друга о своём военном судостроении.

Пересмотр Лозаннской конвенции о проливах

После провала Лондонской конференции 1936 г. морское вооружение во всех странах стало быстро возрастать. Было очевидно, что перед лицом надвигающейся войны державы спешат заблаговременно укрепить свои позиции на море. В связи с этим вновь выдвинулся на сцену один из крупнейших вопросов международной политики, издавна привлекавший внимание дипломатов. То был вопрос о проливах. На сей раз его подняло турецкое правительство.

Режим демилитаризации проливов, установленный Лозаннской конвенцией от 24 июля 1923 г., противоречил не только интересам государственной обороны Турции, но и её суверенитету. Не раз на различных международных конференциях — в Лиге наций, на конференции по разоружению — турецкие делегаты заявляли о необходимости пересмотра Лозаннской конвенции. Представители Советского государства неизменно поддерживали эти турецкие требования. Советско-турецкая дружба, бывшая могучим фактором усиления Турции, позволила её правительству поставить в порядок дня вопрос о пересмотре Лозаннского договора. К тому же и обстановка в Европе изменилась в благоприятную для Турции сторону.

С конца 1935 г., в связи с итало-абиссинской войной, английская дипломатия стала искать сближения с Турцией. Возможность англо-итальянского вооружённого столкновения становилась всё более вероятной. «Ось» Берлин — Рим укреплялась. В случае войны на Средиземном море Италия могла бы рассчитывать на поддержку со стороны Германии: тогда главные силы Франции были бы прикованы к германской границе. В такой обстановке Турция с её стратегическими позициями в

восточной части Средиземного моря, в проливах, с её военно-морскими базами, с её влиянием в Балканской Антанте приобретала для Англии большой интерес. Со своей стороны и турецкое правительство стремилось заручиться британской поддержкой против возрастающей угрозы итальянского нападения. Муссолини недаром предупреждал, что его «взоры обращены на Восток». Италия лихорадочно вооружалась. На островах Додеканеза, особенно на острове Лерос, а также на Родосе, в непосредственной близости от турецких берегов, возникла мощная военно-морская и авиационная итальянская база. Итало-турецкие отношения обострились. Участие Турции в экономических санкциях против Италии внесло в них ещё бо́льшую напряжённость. В декабре 1935 г. английская дипломатия сделала решительный шаг в сторону сближения с Турцией. Она заключила с ней, а также с Грецией и Югославией «джентльменское» соглашение о взаимной помощи на Средиземном море в случае итальянской агрессии.

Используя благоприятную международную обстановку и опираясь на помощь СССР, турецкое правительство решило вновь поставить вопрос о пересмотре Лозаннской конвенции. 10 апреля 1936 г. оно обратилось к державам, участвовавшим в лозаннских переговорах, с формальным предложением произвести указанный пересмотр.

Турецкая нота предлагала правительствам СССР, Великобритании, Франции, Италии, Румынии, Греции, Югославии, Болгарии и Японии вступить в переговоры с целью достигнуть в краткий срок заключения соглашений, предназначенных урегулировать режим проливов, с соблюдением условий, охраняющих неприкосновенность турецкой территории и наиболее благоприятных для развития торгового мореплавания между Средиземным и Чёрным морями.

Нотой от 16 апреля 1936 г. советское правительство ответило согласием на турецкое предложение. При этом оно отметило, что разделяет опасения турецкого правительства насчёт необеспеченности всеобщего мира. Поэтому оно считает естественным стремление Турции укрепить свою безопасность путём соответственного изменения режима проливов.

Вскоре Турция получила и от остальных заинтересованных держав согласие на открытие переговоров о пересмотре Лозаннской конвенции.

Конференция в Монтрё (22 июня—20 июля 1936 г.)

Конференция по пересмотру режима проливов открылась 22 июня 1936 г. в Монтрё, в Швейцарии. На ней присутствовали делегаты от девяти государств, участвовавших в лозаннских переговорах 1922—1923 гг. Только Италия отказалась прислать своих представителей. В момент открытия конференции итальянское правительство

довело об этом до сведения делегатов, ссылаясь на то, что участниками конференции проводятся против Италии экономические санкции. Когда же эти санкции были отменены, итальянское правительство выдвинуло тот аргумент, что в силе остаются ещё направленные против Италии средиземноморские соглашения о взаимопомощи между Англией, Турцией, Грецией и Югославией. Конечно, объяснения, приводимые итальянской дипломатией, обходили молчанием главный мотив её отказа: вступив на путь сближения с гитлеровской Германией, подавшей пример одностороннего нарушения международных договоров, Италия не желала участвовать в легальном пересмотре Лозаннской конвенции в порядке дипломатических переговоров.

Вопрос о ремилитаризации проливов не вызвал на конференции в Монтрё никаких возражений. Его, собственно, и нечего было обсуждать: самый факт согласия держав на созыв конференции означал, что они в принципе признают основательность турецких предложений. Главные споры на конференции возникли по двум вопросам — о проходе военных кораблей черноморских держав через проливы и о допущении в Чёрное море военных флотов других государств.

Оба вопроса имели жизненное значение для всех черноморских государств. Защитником их интересов выступило советское правительство. Не настаивая на полном запрещении входа военных флотов нечерноморских стран в Чёрное море, оно лишь требовало для входа таких кораблей необходимых ограничений. Вместе с тем советская делегация добивалась того, чтобы черноморские страны, для которых проливы являются единственным путём сообщения со Средиземным морем и океанами, поставлены были в особое положение и могли проводить через проливы любые свои корабли.

Английская делегация занимала иную позицию. На первых же заседаниях конференции выяснилось, что Англия готова удовлетворить требования Турции о ремилитаризации проливов; однако её дипломатия явно не намерена была считаться с особыми интересами черноморских стран и в частности Советского Союза. Английская делегация настаивала на признании Чёрного моря открытым международным морем. Поэтому она возражала против каких бы то ни было стеснений входа в это море военных кораблей нечерноморских держав. Правда, она признавала, что следует установить определённые условия для прохода через проливы военных кораблей. Однако, по мнению англичан, эти условия должны быть одинаковы для нечерноморских держав и для государств Чёрного моря.

Позиция британской делегации была весьма шаткой. Никто никогда не признавал Чёрного моря открытым меж-

дународным морем. Для обоснования своего требования свободного входа военных кораблей в Чёрное море англичанам пришлось придумывать явно несерьёзные объяснения: необходимость посылать в Чёрное море военные корабли для полицейского розыска британских рыболовов, якобы самовольно меняющих место своего промысла; просто надобность «показать там свой флаг»... Так же слабо обосновывался и второй тезис английской делегации — об одинаковых условиях прохода через проливы для черноморских и для нечерноморских военных кораблей. Единственное, на что ссылались англичане, была общая полезность «принципа взаимности».

Тем не менее позиция англичан в вопросе равенства нечерноморских и черноморских держав была настойчиво поддержана японской делегацией. Японцы пошли даже дальше: они заявили, что готовы принять любые, самые жёсткие ограничения для прохода через проливы иностранных военных кораблей, лишь бы черноморские страны подчинены были таким же условиям и не имели бы права ни на какие изъятия.

Спор между советской и британской делегациями осложнился поведением турок на конференции в Монтрё. Хотя Турция сама является черноморской державой, она не проявила стремления оградить особые интересы стран Чёрного моря. Больше того, турецкая делегация в Монтрё, повидимому, хотела воспользоваться пересмотром конвенции, чтобы попытаться создать препятствия для развития и свободы передвижения советского Черноморского военного флота. Создавалось впечатление, что турки жертвуют своими черноморскими интересами и дружбой с СССР ради своей средиземноморской политики и сближения с Англией. В течение всей конференции между турецкой и английской делегациями велись оживлённые закулисные переговоры. В результате председатель турецкой делегации, министр иностранных дел доктор Арас неожиданно отказался от собственного проекта конвенции и заявил, что за основу обсуждения принимает британский проект, предусматривавший ещё менее приемлемые для СССР условия.

Положение советской делегации было не из лёгких. И всё же благодаря своей твёрдости она добилась своего. В критический момент переговоров советские представители предупредили конференцию, что не дадут своего согласия на неприемлемые для них предложения. Для всех было ясно, что без подписи советского правительства любая конвенция о проливах останется фикцией. Британская делегация немедленно снеслась со своим правительством; от Идена последовало указание принять основные советские требования. Английское правительство не хотело допустить срыва конференции: это было бы торжеством Германии и Италии, поведение которых становилось

всё более вызывающим. Турецкая делегация в свою очередь получила нужные инструкции из Анкары и сняла все возражения против советских предложений.

20 июля 1936 г. конференция в Монтрё завершилась подписанием новой конвенции о проливах.

Требование Турции о восстановлении её прав в зоне проливов было полностью удовлетворено. Международная комиссия проливов распускалась. Наблюдение и контроль за проходом судов через проливы возлагались на Турцию. Она получила право содержать свои вооружённые силы в зоне проливов и укреплять её.

Конвенция подтвердила лозаннское решение о полной свободе прохода через проливы коммерческих судов всех стран. В отношении же военных судов было проведено различие между черноморскими и нечерноморскими державами. Военным судам черноморских государств предоставлялось право прохода через проливы, при условии соблюдения ряда требований, без серьёзных ограничений. Для военного же флота нечерноморских держав были установлены строгие ограничения. Этим державам было разрешено проводить в Чёрное море только лёгкие надводные корабли, малые боевые и вспомогательные суда. Максимальный тоннаж судов, одновременно проходящих через проливы, был ограничен 15 тысячами, а их численность — девятью единицами. Общий же тоннаж находящихся в Чёрном море военных судов всех нечерноморских держав не должен был превышать 30 тысяч, а судов одной из держав — 20 тысяч. Предельная продолжительность пребывания военных судов нечерноморских стран в Чёрном море ограничивалась 21 днём. На время войны, если Турция не участвует в таковой, воспрещался проход через проливы военных кораблей любой воюющей державы. В случае участия Турции в войне проход через проливы подчинялся усмотрению турецкого правительства; последнее имело право ввести это положение в действие также и в том случае, если Турция окажется под непосредственной угрозой войны.

Несмотря на ряд недостатков конвенции, её принятие имело большое положительное значение и явилось крупной победой советской дипломатии.

Италия и Германия с явной враждебностью отнеслись к новой конвенции. Около двух лет, несмотря на все старания турецкой дипломатии, Италия отказывалась присоединиться к новому соглашению о проливах. Только в 1938 г., добившись от турок уступок по некоторым вопросам балканской политики, Италия согласилась подписать эту конвенцию.

Что касается Германии, то она ни формально, ни по существу не должна была бы вмешиваться в вопрос о проливах, ибо не участвовала в Лозаннской конвенции. Тем не менее в начале

1937 г. германское правительство сочло уместным представить турецкому правительству свои «оговорки» по поводу конвенции, подписанной в Монтрё. Турция отклонила эти оговорки.

Конец независимости Эфиопии

В то время как Германия беспрепятственно развивала своё наступление в Европе, итальянская армия безнаказанно расправлялась с Абиссинией. Маленькая и плохо вооружённая страна отчаянно боролась за свою независимость.

Абиссинские войска оказывали итальянцам упорное сопротивление. В январе 1936 г. они даже нанесли итальянцам поражения на севере и на юге Абиссинии. Взбешённые фашисты ответили на это свирепой бомбардировкой абиссинских госпиталей и учреждений Красного Креста. В марте и апреле итальянские самолёты применили против беззащитных селений и городов Абиссинии ядовитые газы.

20 апреля 1936 г собрался, наконец, Совет Лиги наций. На запрос об отравляющих газах итальянский делегат барон Алоизи вызывающе ответил, что конвенция от 17 июня 1925 г., воспрещающая применение этого средства, не относится к «осуществлению права репрессий против жестокостей».

Представитель Великобритании Иден выразил сочувствие Абиссинии. «Если конвенция, подобная этой, может быть разорвана, — заключил он свою речь, — то как мы можем верить, что наш собственный народ, несмотря на все торжественно подписанные протоколы, не будет подвергаться сожжению, ослеплению и в муках встречать смерть?»

Французский представитель в Лиге наций, бывший правый социалист Поль Бонкур, выступил с примиренческими предложениями. Он всё ещё рассчитывал договориться с Италией. «Мы нуждаемся в урегулировании отношений этой большой страны с Лигой наций, — патетически восклицал Поль Бонкур, — для того чтобы Италия могла участвовать в деле созидания Европы... Я с удовольствием отмечаю, — галантно заключил оратор, — что представитель Италии любезно выразил такое же желание его собственной страны». Советский представитель иронически отметил по этому поводу «тенденцию относиться к агрессору с терпимостью и даже со снисходительностью, которые фактически возрастают в той же мере, в какой увеличиваются дерзость и упорство агрессора».

29 апреля 1936 г. негус Эфиопии обратился к западным державам с призывом о помощи. «Неужели народы всего мира не понимают, — гласило его воззвание, — что, борясь до горестного конца, я не только выполняю свой священный долг перед моим народом, но и стою на страже последней цитадели коллективной безопасности? Неужели они настолько слепы, что не видят, что я несу ответственность перед всем человечеством?..

Если они не придут, то я скажу пророчески и без чувства горечи: Запад погибнет...»[1]

Мольба негуса осталась без ответа. Лига наций бездействовала. Во Франции и Англии раздавались голоса, доказывавшие, что санкции против Италии бесполезны и даже опасны. Война в Абиссинии продолжается. Дальнейшие санкции вызовут войну и в Европе. Можно ли рисковать жизнью многих тысяч европейцев из-за независимости Абиссинии? 18 июня 1936 г. Иден выступил в Палате общин с заявлением, что санкции не дали того результата, какого от них ожидали в качестве способа воздействия на Италию.

Одно государство за другим отказывалось от применения санкций к Италии и возобновляло с ней нормальные отношения. Лиге наций оставалось лишь подтвердить общую капитуляцию. 30 июня 1936 г. она собралась на чрезвычайную сессию. В Женеву прибыл и абиссинский негус. Вновь и вновь взывал он к представителям 50 стран, которые всего 8 месяцев назад обещали ему помощь и поддержку. Выступавшие затем представители Англии и Франции заявили, что после занятия Аддис-Абебы итальянскими войсками приостановить дальнейшее наступление Италии могли бы только военные санкции. Но в настоящее время нельзя итти на риск европейской войны. «Надо смотреть прямо в лицо фактам, — говорил Иден, — надо считаться с действительностью... продолжение санкций в нынешней форме не принесёт никакой пользы».

4 июля 1936 г. Лига наций постановила отказаться от дальнейшего применения санкций. Так Абиссиния была принесена в жертву итальянскому агрессору.

Австро-германское соглашение 11 июля 1936 г.

Пока фашистская Италия вооружённой рукой захватывала Абиссинию, дипломатия Гитлера подготовляла поглощение Австрии национал-социалистской Германией.

После неудачного фашистского путча в Вене в 1934 г. туда был направлен в качестве личного представителя Гитлера фон Папен. Он имел широкие связи в венских влиятельных кругах. Спекулируя своим католицизмом, он рассчитывал заманить в свои сети влиятельных австрийских клерикалов.

Осенью 1935 г. состоялась встреча австрийского канцлера Курта фон Шушнига с новым германским послом. Автор книги о Папене, озаглавленной «Сатана в цилиндре», Тибор Кэвеш утверждает, что в конечном итоге это свидание «оказалось первым шагом по пути к трагедии Австрии». В беседе с Шушнигом Папен заявил, что пришло время восстановить мир и доверие между обеими родственными странами: старые разногласия и обиды должны быть забыты; нужно создать основу для

[1] *Fr. Schuman,* Europe on the Eve, p. 228.

взаимного доверия и дружественного сотрудничества... «Не является ли действительно достойной целью достижение гармонии, если она будет обеспечена доброй волей и честным сотрудничеством обеих сторон?» — вопрошал Папен своего собеседника.

«Основным условием всякого сближения должна быть независимость Австрии», — заявил в ответ Шушниг.

«Само собой разумеется, дорогой канцлер! — воскликнул Папен. — Я имею в виду своего рода взаимный мирный пакт. Мы наложили запрет на наши газеты, наших артистов, лекторов. Германские туристы не могут посещать Австрию, и наши торговые отношения ненормальны. Я уверен, что мы можем найти выход из этого тупика...» [1]

Шушниг согласился. Он был доволен тем, что инициатива сближения исходила от германского посла. По приказу Гитлера Папен начал официальные переговоры о «дружбе» с Австрией. Результатом явилось австро-германское соглашение от 11 июля 1936 г.

Официально новый договор подтверждал суверенитет Австрии и обоюдное невмешательство во внутренние дела. Однако в том же документе имелся весьма многозначительный параграф. «Правительство австрийского федерального государства,—гласил он,—будет постоянно руководствоваться в своей общей политике и в частности в своей политике по отношению к Германии тем принципом, что Австрия признает себя германским государством».

Подписывая этот параграф соглашения, австрийское правительство собственной рукой ликвидировало независимость своей страны. Понимал ли это канцлер Шушниг? В день подписания соглашения он телеграфировал Муссолини:

«Я счастлив сообщить вашему превосходительству, что мной только что подписано совместно с полномочным послом Германской империи... соглашение, которое имеет целью возобновить нормальные и дружественные отношения между Австрией и Германией».

Не подлежит сомнению, что для Муссолини был ясен истинный смысл австро-германского соглашения 11 июля 1936 г. Муссолини не мог не помнить о первой встрече своей с Гитлером в Венеции, о запальчивых спорах по вопросу о правительстве Дольфуса, о злодейском убийстве канцлера, о демонстративном направлении итальянских войск к Бреннеру на итало-австрийскую границу... Однако за два года слишком многое изменилось. Муссолини был уже прикован к «оси» Рим — Берлин. Волей-неволей ему приходилось повиноваться указке своего партнёра, который направлял движение этой «оси» из Германии.

---

[1] *T. Koeves*, Satan in top hat. The biography of Franz von Papen, N. Y. 1941, p. 246.

Что оставалось Муссолини? Делая, по французскому выражению, «хорошую мину при плохой игре», он ответил Шушнигу поздравительной телеграммой. Он приветствовал соглашение, как «новый вклад в дело мира», знаменующий «значительный шаг вперёд по пути реконструкции Европы и дунайских стран».

На основании австро-германского соглашения в состав венского правительства введены были два фашиста; все фашистские шпионы, диверсанты и террористы в Австрии были амнистированы; германским фашистам было разрешено открыто носить в Австрии значок с изображением свастики.

Очень скоро агенты Гитлера почувствовали себя полными хозяевами в Вене. Уже 29 июля они устроили в городе уличную демонстрацию. Она вызвала в столице общее недовольство; под влиянием этого Шушниг решился произвести аресты гитлеровцев. Тогда гитлеровская пресса открыла бешеную кампанию против венского правительства. Продолжала действовать и старая система террора. Ещё до подписания соглашения произошла загадочная катастрофа с автомобилем жены канцлера, имевшей при себе портфель Шушнига с компрометирующими Гитлера документами. Агентам Гитлера было приказано во что бы то ни стало захватить эти документы. Жена Шушнига и шофёр были убиты. Кровавые следы вели в Германию. Канцлеру было дано зловещее предупреждение. Недаром после подписания австро-германского соглашения фон Папен чуть ли не каждую неделю являлся к нему с протестами и угрозами по поводу якобы нарушаемого договора и с требованием всё новых и новых уступок.

Ещё до фашистского выступления в Вене итальянское правительство сожгло последний мост, соединявший его с участниками Локарнских соглашений. В ответ на предложение англо-французской дипломатии принять вместе с Германией участие в совещании с целью нового объединения локарнских держав итальянское Министерство иностранных дел опубликовало коммюнике об отказе Италии от предполагаемого совещания. Там же объявлялось и о том, что Италия более не считает себя связанной Локарнскими соглашениями.

Истинный смысл вызывающего заявления Италии раскрылся спустя несколько дней. 25 июля германские, а за ними итальянские военные суда прибыли в испанские воды для поддержки фашистского мятежа против республиканского правительства Испании.

Подготовка фашистского мятежа в Испании

Подготовка военно-фашистского мятежа в Испании началась с момента установления республики в апреле 1931 г. Коалиционное правительство, пришедшее на смену свергнутой монархии, оставило во главе армии генералов-монархистов. Под покровом республики эта военщина, опираясь на помещиков, духовенство и финансовый капитал, вела усиленную работу

для объединения контрреволюционных элементов. Осенью 1933 г. эти группы одержали победу на выборах в испанский Парламент. Победа эта была добыта подкупами, обманом и террором.

К власти пришло реакционное правительство Леруса. Предав республику, этот бывший радикал с помощью фашиста Хиля Роблеса превратил Испанию в кровавый застенок. Всеобщая забастовка в Барселоне была подавлена. Астурийские горняки, сражавшиеся за демократию, были разгромлены марокканскими войсками. Но к концу 1935 г. все антифашистские и демократические партии объединили свои силы против реакции, создав мощный народный фронт. 16 февраля 1936 г. он одержал блестящую победу на выборах в Кортесы. Было создано новое республиканское правительство Асаньи, который стал впоследствии президентом Испанской республики. Фашистские генералы Франко и Годед, стоявшие во главе генерального штаба, попытались поднять мятеж против правительства среди частей мадридского гарнизона.

По всей Испании создана была сеть контрреволюционных организаций. В казармах и старых крепостных зданиях устраивались склады оружия и боеприпасов. Кандидат в военные диктаторы генерал Санхурхо отправился в Берлин для получения указаний. Крупный миллионер и контрабандист Хуан Марч финансировал организаторов мятежа. Незадолго до восстания он также совершил поездку в Германию и Италию. Финансовую помощь оказывал мятежникам и английский нефтяной король Генри Детердинг, руководитель мирового треста «Ройяль Детч Шелл». Он получил от мятежников обещание в случае успеха их замыслов предоставить его тресту монополию на продажу нефтяных продуктов на территории Испании.

Подготовкой мятежа занимались генеральные штабы в Германии и Италии. Дипломатические представительства и консульства этих стран в Испании поддерживали самую тесную связь с организаторами восстания.

В первые дни июля 1936 г. в маленьких тавернах Мадрида шла бойкая торговля картофелем. Случайно обнаружилось, что торговлю эту производили лейтенант Мигуэль в ресторане «Эль Агиля» и бывший офицер в Барселоне Хуан Гунц, представлявший немецкую фирму «Теуберта», которая строила в Испании ветряные мельницы [1].

Было установлено далее, что эти «торговцы картофелем» являются представителями главного штаба германской военно-шпионской службы в Испании. Под видом продажи картофеля в тавернах тайно распределялось контрабандное оружие. Хуан Гунц имел повсюду своих агентов. Для Гунца работал

[1] См. подробные документы в книге «The Nazi conspiracy in Spain» by E. Burns. L. 1937.

бывший германский лётчик Генрих Родац, представитель воздушной компании «Юнкерс» в Мадриде. Он имел доступ на все испанские аэродромы и снабжал мятежников самолётами «Юнкерс». В первые же дни восстания испанские фашисты под руководством немецких инструкторов начали сбрасывать бомбы на Мадрид и другие города Испании. Один из агентов Гунца, отставной прапорщик германской службы Вильгельм Киндлер, был представителем судоходной компании. Он завёл связи во флотских кругах и стал информатором Германии по морским вопросам. Немецкие судоходные линии в Испании кишели шпионами.

В испанском Военном министерстве подвизался немецкий фашист, офицер Малибран. Он получал важные военные сведения и передавал их немцам. В частности он имел подробные данные о всех контрактах и военных заказах, какие давались иностранным фирмам Военным министерством Испании.

Подробные указания о подготовке мятежа и захвате власти в Испании шли от иностранного отдела национал-социалистской партии Германии. Для агитаторов и инструкторов испанской «фаланги» организовывались специальные курсы и доклады. Особое внимание уделяли агитаторы Розенберга острову Майорка, который и превратился в центр военно-фашистского восстания в Испании. Ещё в 1935 г. испанское Военное министерство заключило контракт с германскими фирмами на строительство укреплений на Майорке. Среди специалистов, которым было поручено возводить эти укрепления, было множество немецко-фашистских шпионов.

Мятеж против испанского правительства начался 17—18 июля 1936 г. в Испанском Марокко, на Канарских и Балеарских островах. 18 июля 1936 г. радиостанция Сеуты передала условную фразу — сигнал к началу мятежа: «По всей Испании безоблачное небо». В тот же день под руководством генерала Мола началось выступление мятежников на севере Испании, в Наварре, Старой Кастилии. Мятежники выступили также в Барселоне, Севилье, Сарагоссе и других городах. Через два дня, 19 июля, завязались их бои с мадридской рабочей милицией и войсками, оставшимися верными правительству. Для поддержки республиканского правительства в Мадрид прибыл вооружённый отряд астурийских горняков.

В это время марокканские мятежники высадили десант на территории Испании, в Кадиксе. 19 июля 1936 г. они заняли Севилью. Во главе мятежа стал правительственный комиссар в Марокко генерал Франко, который заменил Санхурхо, разбившегося при аварии самолёта. Он сообщил корреспондентам иностранных газет: «Наша борьба представляет собой не только испанскую, но и международную проблему. Я убеждён, что Германия и Италия сочувствуют нашим целям».

Интервенция в Испании

Под предлогом охраны жизни и собственности германских граждан правительство Гитлера немедленно отправило к берегам Испании две военные эскадры. 30 июля 1936 г. в Тетуан, Испанское Марокко, прибыли 20 германских самолётов «Юнкерс» и 20 итальянских машин «Капрони», предназначенных для переброски в Испанию марокканских частей, выступавших против республиканского правительства. 31 июля английская газета «Daily Herald» сообщала об отправке из Гамбурга в Испанию 28 самолётов с грузом бомб, снарядов и других боеприпасов.

Так началась открытая военная интервенция Германии и Италии в Испании. Целью интервенции было захватить в свои руки пути сообщения, связывающие Атлантический океан с бассейном Средиземного моря, и закрепить за собой испанский плацдарм на случай войны с Англией и Францией.

Мятеж генерала Франко и поддержка его военными силами Италии и Германии представляли серьёзную опасность для Англии и Франции. В ближайшие планы Муссолини входило укрепиться в стратегическом треугольнике: Балеарские острова, Картахена, Сеута. Итальянские военно-морские силы оккупировали важнейший из Балеарских островов — Майорку.

Захват Балеарских островов перерезал пути сообщения Франции с Марокко. Что касается Германии, то она стремилась укрепиться на путях, связывающих Англию и Францию с их африканскими колониями.

Несмотря на прямую угрозу со стороны фашистской Испании интересам Франции и Англии, правительства обеих демократических держав не оказали противодействия мятежникам. Наоборот, они всячески стремились ликвидировать «красную опасность» в Испании.

Под флагом борьбы за мир была провозглашена политика «невмешательства» в испанские дела. На деле она вскоре превратилась в прямое попустительство и пособничество германо-итальянским интервентам.

25 июля 1936 г. французское правительство Леона Блюма приняло решение о политике строгого нейтралитета и запрещении вывоза оружия в Испанию. Оно предложило и другим державам дать такое же обязательство. Английское правительство ответило согласием. Германия и Италия медлили с ответом. Правительство СССР приняло предложение, но настаивало на непременном привлечении к общему соглашению о невмешательстве также и Португалии, через территорию которой мятежники беспрепятственно снабжались оружием, и на немедленном прекращении помощи, оказываемой мятежникам Италией и Германией.

Испанское правительство протестовало против решения французского кабинета прекратить отправку оружия и самолётов в Испанию. Оно ссылалось на то, что заказы эти были сделаны задолго до соглашения о нейтралитете и невмешательстве. В беседе с представителями печати глава испанского правительства Хираль заявил: «Мы не требуем, чтобы нам помогали, мы требуем, чтобы нас не карали за то, что против нас поднят мятеж. Почему наши заказы во Франции, сданные ещё до 18 июля, не должны выполняться лишь в силу того, что заговорщики напали на нас? Разве можно считать преступлением, если законное правительство стремится восстановить в стране порядок?»

Протесты и требования республиканской Испании оставались без ответа. Повторялось то же самое, что происходило с Абиссинией, раздавленной фашистским сапогом.

Во Франции существовало правительство, опирающееся на народный фронт. Во главе этого правительства стоял руководитель французской социалистической партии Леон Блюм. В сформированный им кабинет входили социалисты и радикал-социалисты. Леон Блюм не решился занять ту позицию, которая была провозглашена программой народного фронта. Новых министров пугали выдвинутые этой программой требования — разоружить фашистские организации, установить во Франции демократический режим и организовать тесное сотрудничество государств, входящих в Лигу наций, для борьбы с фашистскими агрессорами. Министром иностранных дел стал бывший профессор литературы и журналист Ивон Дельбос. Это был типичный представитель буржуазной интеллигенции. Хотя он и заявлял себя сторонником коллективной безопасности, но на самом деле был во власти постоянных сомнений и колебаний. Вместо того чтобы взять новый курс в международной политике Франции, Дельбос фактически пошёл по пути Лаваля. Выступая в первый раз в Парламенте в качестве министра иностранных дел, Дельбос заявил: «Франция была бы рада, если бы усилия Италии можно было привести в гармонию с нашими собственными стремлениями». Говоря о Гитлере, Дельбос признался, что не видит основания сомневаться в словах человека, который в течение четырёх лет сам переживал ужасы войны. Друзья Дельбоса считали его идеалистом. В действительности его прекраснодушие являлось не чем иным, как близоруким оппортунизмом и чистейшим соглашательством.

Национальные интересы Франции, её военная безопасность и программа народного фронта требовали оказания немедленной помощи демократическому правительству Испании против мятежников и интервентов. Но Леон Блюм считал основой своей международной политики сохранение англо-французского сотрудничества. Он не смел действовать без

согласования своей позиции с руководителями английской политики. Поэтому он спешно выехал в Лондон.

Сперва Блюм встретил со стороны руководителей английской политики холодный и недоверчивый приём. В их глазах он был эмиссаром народного фронта, проводником политики «большевизации» Франции, едва ли не поджигателем гражданской войны. Но после нескольких бесед отношение английских хозяев к французскому гостю изменилось. Их подкупили мягкость, уступчивость, гибкость этого лидера французских социалистов; их успокоили его объяснения, что он сам — противник коммунизма, сторонник классового мира, что он не против соглашения с Германией и Италией и менее всего расположен оказывать помощь народному фронту в Испании. Англичане вспомнили, что вождь французской социалистической партии родился в богатой семье еврейских банкиров и сам является одним из крупных капиталистов. Блюм был питомцем аристократического лицея имени Генриха IV и знаменитой Высшей нормальной школы, которая открывала путь к широкой административной и политической карьере. Журналист с изящным пером, излюбленный оратор парижских салонов, ловкий адвокат, наживший капиталы защитой сомнительной клиентуры, совладелец одного из крупнейших универсальных магазинов Парижа, Леон Блюм был по достоинству ценим буржуазными хозяевами Франции. Недаром его газета «Populaire» получала финансовую поддержку от крупнейшего французского банка, «Лионского кредита», а также от одной известной ликёрной фирмы. Французская буржуазия знала, что, став в 1919 г. депутатом и членом социалистической фракции Парламента, Блюм уже на ближайшем конгрессе социалистической партии в Туре в 1920 г. ратовал за разрыв социалистов с коммунистами. После раскола партии он стал признанным вождём французских социалистов. Когда в 1924 г. на парламентских выборах победил левый картель, Леон Блюм, оставаясь за кулисами, оказывал большое влияние на политику кабинета Эррио. Англичанам нетрудно было понять, что в лице Леона Блюма перед ними стоит французское издание Макдональда. Общий язык был, таким образом, найден. Плодом дружественных переговоров в Лондоне и явилась пресловутая англо-французская политика «невмешательства».

Не встречая противодействия извне, итало-германская интервенция в Испании развёртывалась всё шире. 15 августа 1936 г. в Бургосе сформировалось «национальное правительство», которое требовало установления в стране военной диктатуры. На поддержку бургосскому правительству была направлена новая германская эскадра. «В обмен на свою помощь,— записал Додд в своём дневнике,— Германия и Италия стремятся поделить между собой испанские колониальные владения и

заключить соглашение, в результате которого три диктатора установили бы свою власть над Европой» [1].

Чтобы скрыть свою помощь бургосскому контрреволюционному правительству, Германия и Италия объявили, что присоединяются к соглашению о запрещении ввоза оружия в Испанию.

Опираясь на поддержку интервентов, Франко перебросил в течение августа из Марокко в Испанию 15 тысяч человек, столько же — в первых числах сентября. Получая через Португалию оружие и боеприпасы, он начал общее наступление против республиканской Испании. Народ испанский мужественно защищал свою свободу. 4 сентября 1936 г. было сформировано правительство народного фронта во главе с Ларго Кабальеро, человеком неустойчивым, недальновидным и нерешительным. Но народ был полон непоколебимой решимости сохранить любой ценой национальную независимость республиканской Испании.

Комитет по невмешательству

Надежды испанского демократического правительства на помощь со стороны других стран Европы не оправдались. 9 сентября в английском Министерстве иностранных дел начал свою работу Международный комитет по вопросам невмешательства в дела Испании.

В комитет вошли и представители обоих фашистских государств. На просьбу доложить комитету о мероприятиях по невмешательству, осуществляемых их правительствами, немецкий представитель Отто фон Бисмарк и итальянский посол в Лондоне Гранди, естественно, не могли сообщить ровно ничего. Поэтому комитет отложил своё заседание до 14 сентября. На этой второй сессии он утвердил постановление о порядке рассмотрения жалоб на нарушения принципа невмешательства.

В начале октября республиканское правительство Испании опубликовало «Белую книгу» об интервенции иностранных государств в Испании и о помощи, оказываемой этими государствами испанским мятежникам. Представитель СССР в Комитете по невмешательству вручил 7 октября 1936 г. председателю заявление о фактах нарушения нейтралитета со стороны Германии, Италии и Португалии. В связи с этим от имени правительства СССР советский делегат внёс предложение установить контроль над португальскими портами. Это предложение было отклонено председателем комитета лордом Плимутом; он заявил, что не считает целесообразным на данном этапе созывать комитет для обсуждения вопроса о действиях Португалии.

Между тем португальское правительство оказывало широкое содействие итало-германским интервентам. Из Испании

[1] *Dodd William* and *Martha Dodd*, Ambassador Dodd's Diary.

бежало в Португалию около 50 тысяч испанских помещиков, офицеров и духовных лиц, которые открыто поддерживали военно-фашистскую диктатуру. В Лиссабоне, в отеле «Авис», поместился главный штаб испанских мятежников. Здесь происходила открытая вербовка добровольцев, поступавших в войска генерала Франко. Оружие и снаряжение для армии мятежников поступали из Германии и Италии через Португалию. Германские и итальянские пароходы, прибывавшие в порты Португалии, были освобождены от таможенного досмотра и фрахтовых сборов. Португальские аэродромы и самолёты обслуживали войска мятежников. Португальские банки снабжали их средствами.

И всё же, несмотря на эти всем известные и точно установленные факты, Комитет по невмешательству не предпринимал никаких мер, чтобы воздействовать на Португалию.

22 октября 1936 г. советский посол в Лондоне направил английскому Министерству иностранных дел ноту, в которой предлагалось признать и восстановить право испанского правительства на закупку вооружения. Нота предупреждала, что в противном случае советское правительство не будет считать себя связанным соглашением о невмешательстве в большей мере, чем другие участники соглашения. Дня два спустя английское Министерство иностранных дел опубликовало свою ноту, где перечислены были случаи нарушения обязательства о невмешательстве, заслуживающие расследования; три таких нарушения были якобы совершены Советским Союзом и только одно — Италией. Что касается Португалии, то в ответ на представленные советским делегатом материалы её правительство стало угрожать отозванием своего представителя из Комитета по невмешательству. 28 октября 1936 г. комитет всеми голосами против делегата СССР признал необоснованными обвинения, выдвинутые против Португалии и Италии.

Оформление «оси» Берлин—Рим (25 октября 1936 г.)

Отказ от санкций против Италии, безнаказанность Германии, открыто нарушившей условия Версальского мира, военные успехи интервентов в Испании и позиция невмешательства, занятая европейскими державами, придавали всё больше смелости поджигателям новой войны. В октябре 1936 г. итальянский министр иностранных дел Чиано посетил Германию; здесь с Гитлером и Риббентропом им были подвергнуты обсуждению все вопросы, касавшиеся Абиссинии, Испании и дальнейшего итало-германского сотрудничества. Переговоры закончились заключением официального соглашения между Италией и Германией 25 октября 1936 г. Подписанный Риббентропом и Чиано протокол состоял из пяти пунктов. Германия формально признавала аннексию Абиссинии Италией. Устанавливалась общая линия поведения немцев и

итальянцев в лондонском Комитете по невмешательству. Закреплено было соглашение о признании правительства Франко; в связи с этим намечены были способы дальнейшей военной помощи испанским мятежникам. Стороны договорились также о разграничении сфер экономической деятельности Италии и Германии на Балканах и в Дунайском бассейне.

Республиканское правительство Испании продолжало разоблачать вооружённое вмешательство Германии и Италии в гражданскую войну на Пиренейском полуострове. 27 ноября 1936 г. испанский министр иностранных дел Альварес дель Вайо обратился к Лиге наций с требованием в кратчайший срок рассмотреть факты нарушения Германией и Италией их международных обязательств и оказать испанскому народу помощь в его борьбе за независимость. Обращение Испании как члена Лиги наций в Совет Лиги являлось её неотъемлемым правом. Однако Совет Лиги наций явно не склонен был отозваться на обращённый к нему призыв. Своё уклонение он оправдывал ссылкой на то, что уже существует Международный комитет по невмешательству, который и занимается вопросами, поставленными республиканским правительством Испании. На поддержку Альвареса дель Вайо выступил на чрезвычайном заседании Совета Лиги наций 11 декабря 1936 г. лишь представитель Советского Союза, посол СССР во Франции.

«Факты, изложенные в прекрасной, полной достоинства речи делегата Испанской республики, — заявил он, — чрезвычайно серьёзны. Они установлены с неотразимой убедительностью... Налицо поддержка, оказываемая извне мятежникам, поднявшим бунт против законного правительства, свободно избранного народом и защищающего дело демократии. Это не что иное, как интервенция в пользу мятежников, осуществляемая иностранными державами».

Советский представитель подчеркнул далее, что после признания Германией и Италией «правительства Франко» вооружённая интервенция в Испании приняла особо опасную форму и чревата серьёзными международными осложнениями. Совет Лиги наций должен предупредить катастрофу, угрожающую делу всеобщего мира.

12 декабря 1936 г. Совет Лиги наций принял чисто академическую резолюцию о необходимости «изучить положение».

Дальнейшее развитие политики «невмешательства»

16 февраля 1937 г. специальная подкомиссия Комитета по невмешательству рассмотрела и приняла советское предложение о запрещении отправки «добровольцев» в Испанию. Однако уже в марте численность войск интервентов в Испании превышала 100 тысяч человек. Представитель СССР вновь выступил в комитете с протестом по этому поводу. 11 апреля английское правительство получило ноту Франко,

уведомлявшую о том, что его командование решило блокировать испанский порт Бильбао и не допускать в Испанию английских пароходов с продовольствием. Английское Министерство иностранных дел не только не дало отпора этому решению мятежного «правительства», но и само отказалось от дальнейшей посылки в Бильбао пароходов на том основании, что порт будто бы блокирован и минирован. На заседании английской Палаты общин 19 апреля это решение правительства вызвало любопытную дискуссию:

«Либерал *Перси Гаррис* (обращаясь к Идену): Верно ли, что вы препятствуете пароходам ходить в Бильбао?

Иден: Это не совсем так.

Лейборист *Джонс* (обращаясь к Сэмюэлю Хору): Известно ли вам, что республиканские власти очистили вход в Бильбао от мин?

Хор: Мы имеем об этом сведения месячной давности.

Синклер: Не может ли министр сказать, сколько пароходов ушло из Бильбао на прошлой неделе?

Ренсимен: Четыре британских и неустановленное число испанских пароходов.

Синклер: А что, с этими пароходами случилось какое-либо несчастье? Они пострадали от мин?

Ответа на этот вопрос не последовало.

Синклер: Если министр не может ответить, то какие он вообще имеет доказательства наличия мин в Бильбао? (Смех в зале)».

Плоды политики невмешательства сказались очень скоро. 29 мая 1937 г. германский броненосец «Дейчланд», находившийся в испанской бухте у острова Ивиса, обстрелял из зенитных орудий республиканские самолёты.

Германские военно-морские суда нарочито становились на пути военного флота республиканской Испании, мешая его действиям. Когда испанские республиканские власти обстреляли суда мятежников, привезшие военное снаряжение, немецкие суда получили приказ «рассчитаться» с мирным населением: они подошли к беззащитному испанскому городку Альмерия и в течение нескольких часов вели артиллерийский обстрел этого города. В результате население города тяжело пострадало.

4 июня 1937 г. испанское правительство обратилось к представителю Великобритании с просьбой передать его ноту в Комитет по невмешательству. В ней оно указывало не только на нарушения немцами суверенитета республиканской Испании, но и на то, что возмутительные акты агрессии проводились ими под предлогом осуществления контроля, установленного лондонским Комитетом по невмешательству. Но комитет продолжал бездействовать. Ту же позицию сохранял и Совет Лиги наций, собравшийся на майскую сессию 1937 г. Резолюция

Совета от 29 мая «с сожалением констатировала, что меры, принятые правительствами в результате рекомендаций Совета Лиги наций, не имели до сих пор желаемого эффекта». Тем не менее резолюция подтверждала, что «международная система контроля находится в действии»; членам Лиги предлагалось «не жалеть никаких усилий в этом направлении». Немецкие агрессоры имели полное основание весело посмеяться. Их «контроль» хорошо «действовал». Во всяком случае они «не жалели никаких усилий» при его осуществлении на Ивисе и в Альмерии.

Нионское соглашение (14 сентября 1937 г.)

После майской резолюции морской контроль интервентов и мятежников у берегов Испании стал проводиться ещё смелее. Участились случаи захвата судов, не только прибывших в Испанию, но и проходящих через Гибралтар. В особенности агрессивно действовали итальянские военные суда против торговых судов СССР. Итальянские подводные лодки потопили советские суда «Тимирязев» и «Благоев». В ноте протеста от 6 сентября 1937 г. советское правительство возложило на итальянское правительство всю полноту политической и материальной ответственности за эти пиратские действия. В конце концов французскому и английскому правительствам также пришлось подумать об охране торговых судов, плавающих в Средиземном море. С этой целью они предложили созвать конференцию средиземноморских и черноморских держав. Отвечая на это предложение, Наркоминдел в ноте от 7 сентября 1937 г. указал, что «правительство СССР готово принять участие в совещании, созываемом по инициативе французского и английского правительств 10 сентября и долженствующем обсудить вопрос о мерах, способных обеспечить безопасность плавания на открытых морских путях, представляющую одну из основ мира». Конференция состоялась с 10 по 14 сентября в Нионе, близ Женевы. На ней были представлены СССР, Англия, Франция, Турция, Египет, Румыния, Болгария, Греция и Югославия. Италия отказалась участвовать в Нионской конференции. Отказалась и Германия, также получившая приглашение, хотя она и не является средиземноморской державой. Зато республиканская Испания, непосредственно заинтересованная в вопросах конференции, приглашения не получила.

Нионская конференция вынесла резолюцию, обязывающую всех участников этого совещания принять решительные меры борьбы против действий пиратов на Средиземном море. Заинтересованные правительства распределили между собой охрану моря по отдельным зонам. На британский и французский флоты возлагалась обязанность обеспечить безопасность мореходства в открытом море вплоть до Дарданелл. Делегация

СССР на Нионской конференции настаивала на том, чтобы охрана распространялась и на торговые суда испанского правительства. Однако это предложение было отклонено конференцией. Отказ был мотивирован доводом, представляющим верх дипломатического лицемерия. Указывалось, что «охрана жизни экипажей испанских судов может быть сочтена за вмешательство в испанский конфликт».

Сторонники невмешательства шли всё дальше. Английская и французская дипломатия уже ставила вопрос, не пора ли признать за правительством Франко право воюющей стороны. Это означало бы легализацию военно-фашистского мятежа в Испании против законного правительства. Разумеется, советское правительство решительно возражало против такого акта.

19 октября 1937 г. представитель СССР в Комитете по невмешательству огласил на заседании подкомиссии заявление, содержавшее резкую оценку деятельности этого учреждения.

«По убеждению советского правительства, — заявил делегат СССР, — так называемая политика невмешательства, проводимая через лондонский комитет, ни в какой мере не достигла своей цели, а именно не только не предотвратила самого активного вмешательства некоторых государств в испанские дела, но, наоборот, создала ширму, под прикрытием которой мятежные генералы получали за время существования комитета в постоянно возрастающем количестве подкрепления людьми, самолётами и амуницией. Лондонский комитет не мог помешать тому, что целые сражения с занятием значительной территории и крупных городов проводились почти исключительно иностранными войсками, сражающимися на стороне Франко. Весь мир убеждён теперь, что лондонскому комитету не удалось принять меры, которые ограничивали бы вмешательство в испанские дела, поскольку это касалось помощи генералу Франко, но что эти же меры создали действительное ограничение для снабжения законного испанского правительства» [1].

Советская делегация заявила, что не может принять на себя «ни в малейшей доле ответственность за такую политику, которая уже в достаточной мере доказала свою несостоятельность».

1 марта 1939 г. Совнарком СССР постановил отозвать своего представителя из состава Комитета по невмешательству.

---

[1] «Известия» от 21 октября 1937 г.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

КОНСОЛИДАЦИЯ БЛОКА ФАШИСТСКИХ АГРЕССОРОВ И ОСЛАБЛЕНИЕ ПОЗИЦИЙ ДЕМОКРАТИЧЕСКИХ ДЕРЖАВ (1936—1937 гг.)

Подготовка наступления Японии на Северный Китай

Политика «невмешательства» давала свои плоды не только в Европе и Африке, но и в Азии, на Дальнем Востоке, где уже с 1931 г. пылал, не затихая, очаг войны. Летом 1934 г. японская агрессия начала распространяться и на северные провинции Китая.

По соглашению в Тангу от 31 мая 1933 г. Японии был предоставлен ряд военных и политических привилегий в этих областях. Весь обширный район к югу от Великой стены, охватывающий северную часть провинции Хэбэй, до самых подступов к Бейпину и Тяньцзину был превращён в «демилитаризованную» зону, куда был закрыт доступ китайским войскам. С этого времени усилия японской дипломатии и военных кругов Японии были направлены к тому, чтобы превратить эту зону в плацдарм для подготовки дальнейшего широкого наступления. Для этого японцами применены были способы весьма незатейливой дипломатической маскировки. 22 января 1935 г. министр иностранных дел Японии Хирота произнёс в Парламенте речь о новом курсе «дружбы с Китаем».

Хирота выдвинул три принципа урегулирования японо-китайских отношений: во-первых, сотрудничество Китая с Японией; во-вторых, признание правительством Нанкина «особого положения» Северного Китая; в-третьих, совместное подавление антияпонского и коммунистического движения в Китае. И в тот же самый день, когда Хирота произносил свою речь о дружбе с Китаем, японо-манчжурские войска начали наступление на Чахар.

Вскоре после этого японская дипломатия развернула в Китае напряжённую работу. Прежде всего для ликвидации «чахарского инцидента» созвана была конференция в Татанас. Под нажимом японцев едва ли не в четверть часа было достигнуто соглашение сторон; оно подтверждало существование «нейтральной зоны», но разрешало китайскому правительству

оставить в ней свою полицию. Манчжоу-Го предоставлялось право беспошлинного ввоза 36 видов товаров через таможенные пункты Великой стены. В доказательство своей «дружбы» японское правительство обещало возвести японского посланника в Китае в ранг посла. Согласно правилам дипломатии, это должно было означать признание гоминдановского Китая великой державой.

Действуя комбинированными методами дипломатического нажима, военных угроз, всяческих посулов и денежных подачек китайским генералам и отдельным китайским политикам, японцы добились от Китая разрешения в «дружественном духе» и других интересующих их вопросов: урегулирования старых японских займов, снижения пошлины на японские товары, признания Манчжоу-Го.

В сентябре 1935 г. японский генерал Тада опубликовал политические тезисы, касающиеся Северного Китая. В них он доказывал, что Китай не может существовать без Японии. Тада утверждал, что Китай должен стать рынком для японских товаров, а также источником снабжения Японии сырьём. Только при этих условиях может быть обеспечено «сосуществование и обоюдное благоденствие» Китая и Японии.

Японское Министерство иностранных дел поспешило заявить, что выступление Тада выражает лишь частное мнение этого генерала. Однако тезисы Тада оказались сигнальной ракетой. Спустя несколько дней в ряде областей Северного Китая началось «восстание». Оно развивалось под лозунгами независимости Северного Китая и объединения азиатских рас для борьбы с коммунизмом.

Миссия Лейт-Росса

Японская дипломатия спешила использовать благоприятную для неё международную обстановку. В конце мая 1935 г. между Германией и Японией установилось полное единство взглядов по вопросам об отношении к итало-абиссинской войне и к японским замыслам в Китае. Одновременно развивалось экономическое и военно-техническое сотрудничество между Германией и Японией.

Что касается Англии, то и её дипломатия не препятствовала Японии развивать наступление на Дальнем Востоке.

Внимание руководителей британской внешней политики было приковано к Германии и Италии. Британская дипломатия надеялась, что дальнейшее развитие японской агрессии будет задержано противодействием Соединённых штатов Америки. Наиболее реакционные элементы Англии рассчитывали и на то, что японская военщина, разгромив национально-революционное движение в Китае, направит своё оружие против «большевиков».

Однако Соединённые штаты Америки, не раз остававшиеся без поддержки Великобритании, отнюдь не обнаруживали желания итти ей теперь на выручку. Достаточно недву-

смысленно давала понять это англичанам американская печать, хорошо осведомлённая о видах своей дипломатии.

22 января 1935 г. в газете «New York Herald Tribune» было опубликовано следующее полуофициальное сообщение: «Американская дипломатия фактически довела до всеобщего сведения, что мы не намерены играть роль главного противника Японии в Азии, ибо роль эта не соответствует нашим национальным интересам... Наши интересы на Дальнем Востоке примерно раз в шесть меньше британских. Интересы, которым угрожает Япония, лишь в малой степени являются нашими интересами... Вопрос о японском империализме является международной проблемой, и вовсе не наше дело изображать себя единственным защитником западных интересов».

В конце концов англичане начали активизировать свою политическую деятельность на Дальнем Востоке. Первым шагом в этом направлении явился выдвинутый английским правительством проект предоставления Китаю международного займа с участием Англии, США, Японии и Франции. Переговоры с Японией английское правительство возложило на своего главного экономического советника Фредерика Лейт-Росса. Однако скоро ему пришлось убедиться в своём бессилии найти какой-либо компромисс с Японией. В Токио Лейт-Россу дали понять, что вопрос о Китае не подлежит обсуждению. Другое дело — договориться о генеральном разделе рынков, на которых сталкиваются интересы Англии и Японии. Не добившись ничего в Токио, Лейт-Росс направился в Нанкин. Там он предложил китайскому правительству помощь Англии в проведении денежной реформы. В это время нанкинское правительство испытывало серьёзные финансовые затруднения в связи с повышением цен на серебро в Соединённых штатах, куда начался отлив серебряных денег из Китая. По совету Лейт-Росса, нанкинское правительство объявило национализацию серебряной монеты и перешло на бумажную валюту. Эта реформа, проведённая при содействии английских банков, вызвала в Японии крайнее недовольство.

Деятельность Лейт-Росса и оживление работы английского посольства в Китае оказали сдерживающее влияние на слишком рьяных проводников японской агрессии. Во всяком случае ими создана была помеха немедленному осуществлению японских планов овладения Северным Китаем.

Позиция СССР перед лицом японского империализма

Оживление деятельности английской дипломатии в Китае заставило японскую военщину временно ослабить свой нажим на Северный Китай. Ещё более умеряющее влияние на японский империализм на Дальнем Востоке оказывала в те годы советская дипломатия.

Рост экономической и военной мощи Советского Союза и упрочение его международного положения вынуждали япон-

скую военщину проявлять больше осторожности в отношении своего могущественного соседа. Тому же содействовала и миролюбивая позиция советского правительства в отношении Японии. Стремясь урегулировать дипломатическим путём спорные вопросы советско-японских взаимоотношений, правительство СССР предложило Японии проект досрочного выкупа Китайско-Восточной железной дороги манчжурскими властями. Это предложение было принято японским правительством. Естественно, оно вынудило его на время умерить провокационные действия японо-манчжурских войск на советской границе. Переговоры о выкупе Китайско-Восточной железной дороги продолжались почти два года. Манчжурская делегация не раз пыталась их сорвать; на самой дороге всё время происходили конфликты. Но твёрдость и выдержка советской дипломатии преодолели все помехи: 23 марта 1935 г. соглашение о выкупе Китайско-Восточной железной дороги было подписано.

Выкупная цена дороги была определена в 140 миллионов иен. Одна треть этой суммы подлежала уплате деньгами, две трети — товарами. Японское правительство приняло на себя гарантию уплаты правительству Манчжоу-Го выкупной суммы и выполнения им остальных условий соглашения.

Однако и после разрешения вопроса о Китайско-Восточной железной дороге провокационные действия на советской границе не прекращались. В ноте от 1 июля 1935 г. советский полпред в Токио отметил многочисленные факты нарушений пограничного режима и попыток местных властей Манчжурии вызвать конфликт между Японией и СССР. «Советское правительство ожидает, — гласила нота, — что японское правительство, неоднократно декларировавшее о своём желании поддержать мирные отношения на границе, примет быстрые и энергичные меры для предотвращения провокационных действий со стороны местных военных японо-манчжурских властей, указав им на всю недопустимость и опасность усвоенного ими образа действий на границе» [1].

В ответ на протесты советского правительства японская дипломатия либо отрицала факты нарушения границ СССР японо-манчжурскими войсками, либо ссылалась на неясность этих границ. Чтобы разрядить напряжённую атмосферу, советское правительство выдвинуло предложение учредить смешанные пограничные комиссии для расследования инцидентов, имевших место на манчжуро-советской границе.

Советское правительство шло ещё дальше. Проводя неуклонно свою политику мира, оно настойчиво и неоднократно предлагало Японии заключить договор о ненападении. Однако япон-

---

[1] «Известия» от 2 июля 1935 г.

ская дипломатия под различными предлогами отклоняла эти предложения. Милитаристы Японии не хотели ничем связывать себе руки. Пример держав «оси», явно готовивших войну в Европе, разжигал воинственный азарт японских агрессоров на Дальнем Востоке.

Антикоминтерновский пакт (25 ноября 1936 г.)

В феврале 1936 г. в Токио произошёл военно-фашистский мятеж. Его следствием было устранение наиболее влиятельных политиков «умеренного направления» и привлечение в правительство представителей военщины. Премьер-министром стал Хирота, пользовавшийся поддержкой со стороны фашистского офицерства. Едва приняв свой портфель, Хирота решил начать переговоры с Германией. Переговоры велись в Токио и Берлине весной 1936 г.; в них участвовала группа офицеров японского генерального штаба и представители немецко-фашистской дипломатии. С немецкой стороны весьма деятельную роль играл Риббентроп; в это время он был германским послом в Лондоне, но летом 1936 г. был вызван в Берлин для переговоров с японцами. Плодом этой работы явился так называемый антикоминтерновский пакт, подписанный 25 ноября 1936 г.

Содержание японо-германского соглашения сводилось к трём основным пунктам. В первом обе стороны взаимно обязывались информировать друг друга о деятельности Коммунистического Интернационала и вести против него борьбу в тесном сотрудничестве. Второй пункт обязывал стороны принимать необходимые меры борьбы и «против тех, кто внутри или вне страны, прямо или косвенно действует в пользу Коммунистического Интернационала». В третьем пункте устанавливался срок действия соглашения — пять лет. Особое значение имел второй пункт соглашения. Он давал возможность договаривающимся сторонам под предлогом борьбы против Коминтерна вмешиваться в дела других государств.

Заключение пакта было ознаменовано в Токио официальными торжествами. Во время этих празднеств 300 немцев, проживавших в Токио, прошли строем по улицам города, неся значки с изображением свастики. В торжестве участвовали министр иностранных дел Японии Арита и немецкий посол в Токио Дирксен. В своей речи японский министр распространялся о «красной опасности»; по его словам, лишь она была причиной гражданской войны в Испании; она же содействовала обострению японо-китайских отношений.

Японо-германская дипломатия явно стремилась к тому, чтобы пакт, заключённый в Берлине 25 ноября 1936 г., был воспринят международным общественным мнением как соглашение, направленное против России. В день подписания пакта все

послы иностранных держав были приглашены в германское Министерство иностранных дел. «Мы ещё не успели сесть, — записывает посол Соединённых штатов Америки Додд в своём дневнике от 25 ноября 1936 г., — как Нейрат вручил мне копию договора между Германией и Японией. Этот договор я предвидел и предсказывал ещё два года тому назад. Я прочитал одну-две статьи и спросил: „Надеюсь, что договор имеет целью предотвратить войну?" „Да, — ответил Нейрат, — в этом его суть, но он направлен против русского Коминтерна". „Вы пытаетесь положить конец пропаганде?" — спросил я. Последовал утвердительный ответ... Через 5 минут мы покинули Нейрата и встретили в дверях других послов. Весь мир будет оповещён сегодня через печать о заключённом между Германией и Японией соглашении, предназначенном для того, чтобы положить конец коммунистической деятельности России и ещё раз припугнуть Англию и Францию» [1].

Дипломат Соединённых штатов ошибался. Япония и Германия никого не хотели пугать. Напротив, угрозами против Коминтерна они рассчитывали усыпить подозрения европейских держав и отвлечь в сторону их внимание. Происходила дипломатическая маскировка истинных целей японо-германского соглашения. Под прикрытием борьбы против Коминтерна Япония готовилась к нападению на Китай, а фашистская Германия собирала свои силы для неизбежного столкновения с Англией и Францией.

Новая интервенция Японии в Китае

Первый боевой сигнал последовал со стороны Японии. В ночь с 7 на 8 июля 1937 г. японские военные части внезапно напали на китайские войска, расквартированные в Люкоуцзяо, в Северном Китае, и пытались захватить старинный мост Марко Поло. Налёт японцев был отбит китайскими войсками. После этого начались переговоры между японскими и китайскими властями об урегулировании инцидента. Однако японцы не успокоились. Подтянув новые силы с артиллерией и танками, они начали наступление на Бейпин. Предательское нападение японцев вызвало подъём национально-освободительного движения в Китае и содействовало централизации власти в руках нанкинского правительства. Глава этого правительства Чан Кай-ши призвал китайский народ к борьбе за независимость. Япония не ожидала такого сопротивления. Японский генеральный штаб рассчитывал на молниеносную войну в Китае. Вскоре стало очевидно, что борьба с китайским народом будет очень трудной и примет затяжной характер. Правда, пользуясь временным превосходством своих сил, Япония успела захватить два крупнейших порта — Тянь-

[1] *Dodd William* and *Martha Dodd*, Ambassador Dodd's Diary, p. 366.

цзин и Шанхай, а также столицу Китая Нанкин. Но китайская армия отнюдь не была уничтожена; наоборот, закаляясь в боях, она росла, крепла и оказывала японским захватчикам всё более упорное сопротивление.

Советско-китайский договор о ненападении (21 августа 1937 г.)

В то время как китайский народ отражал нападение японских интервентов, советское правительство предложило китайскому правительству заключить договор о ненападении между СССР и Китайской республикой. Китайское правительство приветствовало заключение этого договора как важный фактор в борьбе китайского народа за своё национальное существование. Договор был подписан 21 августа 1937 г.

В статье 1 обе стороны подтверждали, что они осуждают обращение к войне для разрешения международных споров и отказываются от войны как орудия национальной политики в их отношениях друг с другом. Как следствие этого обязательства они обязуются воздерживаться от всякого нападения друг на друга как отдельно, так и совместно с одной или несколькими другими державами.

Оценивая советско-китайский договор, передовая «Правды» от 30 августа 1937 г. отмечала, что он является новым выражением дружественных чувств, которые народы СССР питают по отношению к китайскому народу, борющемуся за свою свободу и независимость. «Советско-китайский договор практически подтверждает и закрепляет принцип неделимости мира, необходимость защиты мира как на Западе, так и на Востоке, — писала газета. — Конкретно осуществляя принцип коллективной безопасности, советско-китайский договор даёт наглядный пример практического применения этого принципа в бассейне Тихого океана. Советско-китайский договор показывает всем странам путь борьбы с военной угрозой... Он является новым инструментом мира и коллективной безопасности» [1].

Китайское правительство в коммюнике от 29 августа также отмечало, что советско-китайский договор не только даёт лишнюю гарантию мира между Китаем и СССР, но и является первым примером для тихоокеанских стран. «Хотя этот договор и является первым примером для этих стран, — гласило коммюнике, — он совершенно совпадает с основным стремлением всего мира к сохранению мира... Заключение советско-китайского договора о ненападении явится предвестником поворота к лучшему в общем положении Восточной Азии» [2].

Иностранная печать также отмечала, что Советский Союз является первой державой, которая в момент острого кризиса

---

[1] «Правда» от 30 августа 1937 г.
[2] «Известия» от 3 сентября 1937 г.

на Дальнем Востоке определила с помощью советско-китайского договора свою миролюбивую позицию.

В то же время иностранная пресса сообщала, что Япония добивается от Китая присоединения к антикоминтерновскому пакту. Газета «Times» писала 31 августа 1937 г., что Хирота обещал пойти на уступки Китаю, если последний присоединится к антикоминтерновскому соглашению. Это же подтверждало и китайское правительство. Однако национальный подъём в Китае был настолько велик, что правительство не решалось итти на сделку с японцами.

Брюссельская конференция (3 ноября 1937 г.)

Пришла в движение и дипломатия держав, заинтересованных в делах Дальнего Востока. Китайское правительство обратилось за помощью к Лиге наций. Но Лига, уже проявившая своё бессилие перед лицом итальянского захватчика Абиссинии, предпочла не брать на себя разрешения японо-китайского спора. Она передала его на рассмотрение специальной конференции девяти держав, подписавших Вашингтонский договор 1922 г.

Конференция держав открылась 3 ноября 1937 г. в Брюсселе. Кроме правительств, подписавших Вашингтонский договор, за исключением Японии, в ней приняли участие все государства, заинтересованные в положении дел на Дальнем Востоке. К этому времени определились позиции великих держав в отношении японо-китайской войны. 5 октября 1937 г. президент США выступил в Чикаго с речью, в которой заявил, что интересы Соединённых штатов Америки требуют сохранения мира на Дальнем Востоке. Рузвельт настаивал на необходимости создать против агрессора карантин при содействии миролюбивых держав. По этому поводу он убеждал своих соотечественников отказаться от политики нейтралитета, когда дело идёт о борьбе с фашистскими агрессорами. Президент доказывал, что нейтралитет не может застраховать Америку от войны. «Пусть никто не подумает, — восклицал Рузвельт, — что Америка этого избежит, что она будет избавлена от войны, что западное полушарие не подвергнется нападению, что оно будет спокойно и миролюбиво пользоваться благами цивилизации».

Государственный департамент Соединённых штатов признал Японию нарушителем Вашингтонского договора. Это не означало, однако, что правительство США готово было вместе с другими державами активно выступить против японского агрессора.

Американская дипломатия рассчитывала, что на путь сопротивления Японии могут встать Англия или Советский Союз. Но англичане предпочитали либо с глазу на глаз сговориться с Японией, либо столкнуть её с другой державой. Нетрудно догадаться, о какой державе думали дипломаты Форейн офис. На

Брюссельской конференции советской делегации пришлось выслушивать горячие убеждения английских и американских представителей, что Советский Союз должен первым выступить на защиту Китая против японского агрессора. Однако агитация эта скоро прекратилась. Охотники загребать жар чужими руками убедились, что советское правительство занимает в вопросе о японо-китайском конфликте свою собственную позицию и отнюдь не расположено таскать для других каштаны из огня.

В конце концов, оставив надежду столкнуть Советский Союз с Японией, участники Брюссельской конференции заняли в отношении агрессора примирительную позицию. Японии было предложено принять участие в конференции. Ответом был двукратный высокомерный отказ. Конференции ничего не оставалось, как признать факт нарушения Японией договора девяти держав.

Однако вопрос о применении к агрессору санкций даже не поднимался на Брюссельской конференции. В заключительной резолюции выражалось лишь скромное пожелание, чтобы Япония пересмотрела свою позицию в отношении Китая и нашла способы мирно уладить конфликт.

Присоединение Италии к антикоминтерновскому пакту (6 ноября 1937 г.)

Вызывающее поведение Японии объяснялось, между прочим, дипломатической поддержкой, которую оказывали ей державы «оси». Италия открыто присоединилась к антикоминтерновскому пакту. 6 ноября 1937 г. оформлен был тройственный блок Японии, Италии и Германии. Италия заявила о своей солидарности с политикой Японии на Дальнем Востоке. За это она получила со стороны Японии признание аннексии Абиссинии. Германия и Италия официально признали правительство Манчжоу-Го. С конца 1937 г. Япония начала усиленно снабжаться немецкими самолётами и всеми видами военного снаряжения.

Новый договор держав «оси» даже английской консервативной прессой оценивался как «тяжело вооружённый союз», не имеющий прямого отношения к борьбе против коммунизма. «Три державы отнюдь не объединились просто для борьбы с опасностью коммунизма, — писал в декабре 1937 г. английский журнал «Time and Tide». — Намерены ли они пойти войной на Советский Союз? Не исключено, если бы им представилась такая возможность. Но пакт в основном имеет другие цели... Для Японии война против СССР трудна, завоевание Китая также сопряжено с большими трудностями. Наиболее лёгким направлением для Японии является южное — на Аннам и Голландскую Ост-Индию».

«Всё, что можно сказать, — писал французский журналист Пертинакс в газете «Echo de Paris», — это то, что Советский

Союз, быть может, менее затрагивается итало-германской системой, чем Британская империя. Три договорившиеся страны не могут выступить с прямой атакой против Советского Союза; зато каждая из них может поразить Англию и её владения. Германия может бросить воздушный флот на Лондон, Италия угрожает Египту, Япония — Гонконгу и Сингапуру. Это касается также и Франции».

Истинный смысл нового тройственного блока раскрыл товарищ Сталин на XVIII съезде ВКП(б):

«Военный блок Германии и Италии против интересов Англии и Франции в Европе? Помилуйте, какой же это блок! „У нас" нет никакого военного блока. „У нас" всего-навсего безобидная „ось Берлин — Рим", т. е. некоторая геометрическая формула насчёт оси. (Смех.)

Военный блок Германии, Италии и Японии против интересов США, Англии и Франции на Дальнем Востоке? Ничего подобного! „У нас" нет никакого военного блока. „У нас" всего-навсего безобидный „треугольник Берлин — Рим — Токио", т. е. маленькое увлечение геометрией. (Общий смех.)

Война против интересов Англии, Франции, США? Пустяки! „Мы" ведём войну против Коминтерна, а не против этих государств. Если не верите, читайте „антикоминтерновский пакт", заключённый между Италией, Германией и Японией.

Так думали обработать общественное мнение господа агрессоры, хотя не трудно было понять, что вся эта неуклюжая игра в маскировку шита белыми нитками, ибо смешно искать „очаги" Коминтерна в пустынях Монголии, в горах Абиссинии, в дебрях испанского Марокко. (Смех.)»[1]

Дальнейшая подготовка Германии к войне

На третий день после дипломатического оформления треугольника Берлин — Рим — Токио Гитлер выступил в Мюнхене с речью, в которой дал новому соглашению истолкование, явно рассчитанное на маскировку истинных целей тройственного союза государств-агрессоров. «Соединились три государства, — возглашал Гитлер. — Сначала европейская ось, теперь — великий мировой треугольник. Я убеждён, что попытки нашего старого противника внести смуту в мир будут для него всё более и более затруднительны по мере укрепления сплочённости треугольника. Последний состоит не из трёх слабых призраков, а из держав, готовых и полных решимости осуществить свои права и обеспечить свои жизненные интересы»[2]. Гитлер лишь для отвода глаз заверял международное общественное мнение, что треугольник Берлин — Рим — Токио направлен своим остриём против «старого противника» фашист-

---

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 569.

[2] «Völkischer Beobachter», 10. XI. 1937.

ской Германии, т. е. якобы против Коминтерна. На самом деле Гитлер готовился к борьбе на другом фронте.

Гитлер не ограничивался приготовлениями к войне. Пользуясь позицией невмешательства, сохраняемой его будущими противниками, он, не стесняясь, ликвидировал последние остатки Версальского договора. 14 ноября 1936 г. германское правительство вручило всем державам, представленным в «речных комиссиях», учреждённых по Версальскому договору, ноту с уведомлением, что Германия более не намерена соблюдать установленный этим соглашением режим.

Дальнейшим шагом был отказ гитлеровского правительства от обязательств Версальского договора, относившихся к германским железным дорогам и Рейхсбанку. 30 января 1937 г. Гитлер заявил в Рейхстаге, что отныне железные дороги Германии и Рейхсбанк находятся под полным и безусловным контролем германского правительства. Одновременно Германия снимает свою подпись под той статьёй Версальского договора, которой на неё возлагалась ответственность за первую мировую войну.

Сторонники германского фашизма в Англии и Франции, однако, не желали видеть опасность, грозившую их странам. После ухода в отставку 70-летнего Болдуина, 28 мая 1937 г., его преемник на посту премьера Невиль Чемберлен продолжал ту же политику невмешательства и попустительства агрессорам, которую проводил его предшественник. Этот курс поддерживали многие представители руководящих политических и деловых кругов Англии: лорды Галифакс, Лондондерри и Лотиан, стальной король Бальфур, поставлявший металл для орудийных и оружейных заводов Германии, Монтегю Норман, председатель Английского банка и личный друг Шахта, министр внутренних дел Хор, министр финансов Саймон, британский посол в Берлине Невиль Гендерсон, лорд и лэди Астор, политический салон которых в Клайвдене — загородной резиденции этого знатного семейства — являлся центром прогерманской пропаганды. Органами этого политического лагеря являлись «Observer», принадлежавший лорду Астору, и «Times», редактором которого был его брат Джон Астор.

В июне 1937 г. в журнале «Round Table», издателем которого был лорд Лотиан, появилась статья под заглавием «Германская проблема». Автор её призывал к справедливости в отношении Германии. «Германия, — доказывал он, — стремясь покончить со своим неравным положением, может, по существу, опереться только на помощь Великобритании».

Однако даже такие поклонники Гитлера, как британский посол в Берлине Невиль Гендерсон, порой не могли победить тревоги, которую им начинал внушать угрожающий рост военной мощи Германии. «Воздушные силы Германии, — писал

Гендерсон в январе 1938 г., — продолжают расти с быстротой, внушающей тревогу, и в данный момент не видно конца этому росту. Возможно, что скоро мы будем стоять перед силой 4—5 тысяч воздушных машин первой линии... Даже для морского флота подготовляется личный состав, значительно превышающий действительную потребность. Наконец, мобилизация гражданского населения и промышленности для нужд войны посредством воспитания, пропаганды, обучения и административных мер делает всё дальнейшие шаги вперёд. Военная мощь является идолом, в жертву которому приносится всё... Не только армия, но и вся германская нация готовится к войне»[1].

Окружение Франции

Стремясь ослабить противников Германии, дипломатия Гитлера ставила своей ближайшей задачей окружение Франции.

Ещё до испанского мятежа немецко-фашистские газеты заявляли, что «надо лишить Францию возможности прямо и непосредственно сообщаться с Северной Африкой».

23 февраля 1937 г., выступая в Сенате, депутат Кашен привёл многочисленные факты в доказательство того, что агенты Гитлера стремятся занять важнейшие стратегические пункты в Средиземном море и на Атлантическом океане. По всему побережью Испанского Марокко немцы установили батареи и соорудили авиационные базы. Под охраной подводных лодок германские суда выгружали в Испанском Марокко сотни самолётов и артиллерийских орудий, которые предназначались не только против республиканской Испании, но и против Франции. Испанская колония Ифни, вклинивающаяся во владения Франции в Марокко, кишела германскими агентами. Гитлеровцы распоряжались, как хозяева, на Канарских островах. После захвата Абиссинии Италией главный город Французского Сомали, порт Джибути, находился под контролем итальянцев. Деятельность фашистских агентов развернулась не только в колониях Франции, но и внутри страны.

В октябре — ноябре 1937 г. в Париже был раскрыт заговор так называемых «кагуляров», имевший целью фашистский переворот во Франции. Полиция обнаружила при арестах подробные карты Парижа и важнейших французских городов; на этих картах намечены были очаги будущего вооружённого мятежа. Правительственное сообщение гласило, что в подпольных арсеналах только одного Парижа полиция нашла 50 тяжёлых и 65 лёгких пулемётов, 30 противотанковых и зенитных орудий, большое количество винтовок, взрывчатых веществ и всякого рода боеприпасов. Штаб заговорщиков получал денежную помощь от Гитлера и магнатов французской тяжё-

[1] *N. Henderson*, Failure of a Mission, B. 1937—1939, L. 1940.

лой промышленности. В результате переворота имелось в виду установить во Франции фашистскую директорию в составе маршала Петэна, префекта полиции Кьяппа, генерала Вейгана и организатора погромных фашистских банд ренегата Дорио. Во главе правительственной директории предполагалось поставить Петэна. При обсуждении во французском кабинете всех обстоятельств раскрытого заговора некоторые министры требовали, чтобы страна была поставлена о них в известность. Но премьер Шотан и министр иностранных дел Жорж Боннэ пригрозили отставкой в случае, если «драгоценное для Франции имя Петэна будет скомпрометировано».

Кабинет Шотана, сменивший 23 июня 1937 г. правительство Леона Блюма, занял позицию, открыто враждебную народному фронту. Особенно непримиримо выступал он против коммунистов. В январе 1938 г. кабинет Шотана подал в отставку. В новое правительство, которое опять возглавил Шотан, социалисты уже не вошли. Портфель министра иностранных дел достался Дельбосу, одному из руководителей партии радикал-социалистов, бывшему министру иностранных дел в правительстве Леона Блюма. Подобно Леону Блюму, он был проводником политики невмешательства, являлся сторонником англо-французского сотрудничества и соглашения Франции с Германией и Италией. Как сообщала оппозиционная печать, Дельбос направил в Берлин для тайных переговоров с Геббельсом шефа отдела печати французского Министерства иностранных дел Комера.

Дипломаты Гитлера предлагали Франции «прямые переговоры». Это было грубой уловкой: целью немцев было отделить Францию от её союзников. В дальнейшем фашистская Германия имела в виду окончательно разбить ту систему военно-политических союзов, которую французская дипломатия строила после Версальского мира для его охраны и для обеспечения безопасности Франции и её «друзей».

Дипломатическая борьба вокруг малых стран

Осуществлению замыслов немецко-фашистской дипломатии помогало разочарование малых стран Европы в политике великих держав Запада, занявших позицию попустительства в отношении агрессоров. Осенью 1936 г. бельгийские фашисты (рексисты) повели кампанию за отказ Бельгии от союза с Францией. Гитлер сулил Бельгии «гарантию её неприкосновенности и национальной независимости». 14 октября 1936 г. бельгийский король Леопольд III выступил на заседании Совета министров с заявлением о необходимости коренного пересмотра внешней политики Бельгии ввиду «крушения основ международной безопасности» и «невозможности в нынешних обстоятельствах принять положения устава Лиги наций». Выводом из этой декларации явился отказ Бельгии от Локарнского

договора и вступление её на путь «абсолютного нейтралитета».

Дипломатия Гитлера ликовала, воображая, что одержала победу. Но в Англии переход Бельгии к политике нейтралитета вызвал понятную тревогу. В декабре 1936 г. бельгийский премьер Ван-Зееланд был приглашён в Лондон. Здесь Иден дал ему формальные заверения, что английское правительство придёт на помощь Бельгии, если она окажется жертвой агрессии. Эта английская гарантия обеспечивалась Бельгии при том условии, что её правительство будет сотрудничать с Лигой наций и сохранит верность её уставу. Со своей стороны и французское правительство сделало всё, чтобы не потерять Бельгии: оно обещало ей принять на себя защиту её неприкосновенности и независимости, не требуя от бельгийского правительства взаимных обязательств. Естественно, что Бельгия не возражала против таких предложений.

Усилия германской дипломатии направлялись и на привлечение Голландии. Ей было предложено заключить с Германией договор о нейтралитете; при этом германское правительство соглашалось гарантировать неприкосновенность и независимость Голландии. Сенат Голландии отклонил эти предложения. Голландское правительство заявило, что свобода и неприкосновенность Голландии не могут быть предметом переговоров. Ответом на ухищрения германской дипломатии явилось увеличение вооружённых сил Голландии.

Потерпев неудачу в Бельгии и Голландии, агентура Гитлера развернула усиленную работу в Дании и Швеции. Здесь созданы были организации гитлеровцев, объединённые под наименованием «германской колонии». Отделения германских фирм в Швеции стали очагами гитлеровской пропаганды; они получали из Германии транспорты фашистской литературы, издаваемой на немецком и шведском языках. Такая же пропаганда велась и в Дании. Этим дело не ограничилось: в ближайшем соседстве с датской территорией немцы сооружали казармы, в которых содержались отряды СС.

Дипломатия Гитлера стремилась окончательно вовлечь и Польшу в орбиту германского влияния. В январе 1937 г. Геринг выехал на охоту в Беловежскую пущу. Это было лишь предлогом, чтобы побывать в Варшаве и предупредить вступление Польши в блок нейтральных держав, который в это время пыталась создать английская дипломатия. В этом блоке, руководимом Англией, должны были участвовать Польша, Румыния и прибалтийские государства. Таким образом, английская дипломатия думала создать противовес фашистской Германии на востоке и юго-востоке Европы, одновременно отвлекая соседей Советского Союза от заключения с ним договоров о взаимопомощи.

Но, вопреки усилиям английской дипломатии, германо-польские отношения приобретали всё более тесный характер. Полковник Бек заключил с Германией договор о моральном ненападении, после чего вся польско-германская пресса повела совместную «войну перьев» против СССР. Польская политика в отношении СССР, Чехословакии и Лиги наций определялась указаниями гитлеровской дипломатии. 5 ноября 1937 г. опубликован был германо-польский договор о национальных меньшинствах. В основу его был формально положен принцип «взаимного уважения права национальных меньшинств». В действительности гитлеровская Германия односторонне обеспечивала себе возможность развернуть националистическую пропаганду среди немецкого населения польских областей.

Французская дипломатия убеждалась, что Польша и страны Малой Антанты уходят из-под её влияния. Встревоженный заключением германо-польского договора 5 ноября 1937 г., Дельбос попытался спасти положение. В декабре 1937 г. он решил совершить поездку по маршруту Барту 1934 г. Остановившись в Варшаве, французский министр попробовал было вновь привлечь Польшу на сторону Франции; он обещал польскому правительству новые кредиты на вооружение. За это Дельбос рассчитывал добиться от Польши обязательства сотрудничать с Францией и Лигой наций в деле обеспечения европейского мира. Но в позиции Дельбоса имелось явное противоречие. Суля помощь Польше и соблазняя её кредитами на вооружение, он в то же время заверял польское правительство, что вполне понимает и одобряет его политику «мира и сотрудничества» с Германией. Таким образом, Дельбос пытался соединить несоединимое.

Польское правительство не могло не учесть этой двойственности в позиции французской дипломатии. Не без высокомерия оно заявило, что не может согласиться на вмешательство Лиги во взаимоотношения наций, в частности и в испанский вопрос. 15 декабря 1937 г., после выхода Италии из Лиги наций, польское правительство опубликовало коммюнике. Тоном великой державы оно предупреждало, что «если женевское учреждение проявит тенденцию вмешиваться в борьбу идеологий, то Польше придётся решать вопрос, не противоречит ли это принципам её внешней политики... Она вынуждена будет регулировать свои отношения с Лигой наций в соответствии с результатами этого решения».

Французской дипломатии оставалось только признать неудачу своих попыток вернуть себе прежних друзей. Время было упущено. Франция пожинала плоды своей собственной политики попустительства агрессорам.

Между тем борьба за малые страны всё продолжалась. На юго-востоке Европы она завязалась вокруг Югославии. Белград

стал местом дипломатических визитов чрезвычайной важности. Сперва его посетил итальянский министр иностранных дел Чиано. За ним последовал президент Чехословацкой республики Бенеш. Наконец, столицу Югославии удостоили своим вниманием турецкий премьер Исмет Иненю и министр иностранных дел Турции доктор Рюштю Арас.

Распад Малой Антанты

Обстановка, создавшаяся в Дунайском бассейне и на Балканах после 1934 г., продолжала оставаться напряжённой. После абиссинской войны и вмешательства Италии и Германии в испанские дела Муссолини всё чаще подумывал о возможности «большой войны». При этих условиях нейтралитет Югославии приобретал для итало-фашистской дипломатии особо важное значение. Муссолини решил попытаться смягчить итало-югославские взаимоотношения. Ему нужно было лишить Францию её союзника и вбить клин между странами Малой и Балканской Антанты. Для этого Муссолини поручил Чиано заявить правительству Югославии, что Италия уже не претендует на Далмацию. Вслед за тем Чиано должен был начать переговоры об итало-югославском соглашении. Югославия не могла не чувствовать опасности своего положения между фашистской Италией и гитлеровской Германией. Предложения Чиано встретили в Белграде благоприятный приём. 25 марта 1937 г. переговоры Чиано завершились подписанием «договора о дружбе» между Италией и Югославией [1].

Немецко-фашистская печать встретила итало-югославский договор шумным одобрением. Она видела в нём удар, нанесённый французской системе союзов. «Если Италия стремится к соглашению со своим соседом на Адриатическом море, Югославией, — заявляла передовая статья газеты «Frankfurter Zeitung» от 25 марта 1937 г., — то она делает это, понимая, что такое соглашение не укладывается в рамки французской системы безопасности; больше того, оно содействует тому, что эта система становится ненужной».

Ревностным проводником политики Италии и Германии стал югославский премьер Стоядинович. Он завязал переговоры с Болгарией, которая стояла в оппозиции к Балканской Антанте, и с Венгрией, против которой направлен был договор Малой Антанты. Переговоры эти закончились заключением болгаро-югославского пакта о дружбе. То было новым поражением французской дипломатии.

Крайне обеспокоенное разбродом в стане своих союзников, французское правительство попыталось было оказать дипломатическое воздействие на сессию Постоянного совета Малой Антанты, созванную в Белграде 1—2 апреля 1937 г. На

[1] *Machray*, The Struggle for Danube and the Little Entente, 1929—1938.

сессии предстояло обсуждение проекта чехословацкого правительства о расширении оборонительного союза стран Малой Антанты путём заключения ими пакта о взаимной помощи. Такой пакт имелось в виду противопоставить двусторонним договорам о нейтралитете, которые настойчиво навязывались Германией и Италией. Однако белградская сессия Малой Антанты не оправдала расчётов французской дипломатии. Проект чехословацкого правительства был снят с повестки дня. Разложение Малой Антанты шло неудержимо.

Среди дипломатов Малой Антанты ещё оставались деятели, которые старались предотвратить её распад. Одним из наиболее горячих сторонников дальнейшей борьбы Малой Антанты за коллективную безопасность был министр иностранных дел Румынии Николай Титулеску. При своих встречах с представителями правящих кругов Франции он развивал план расширения Малой Антанты и превращения её в военный союз. Но французское правительство и в этом вопросе проявляло крайнюю нерешительность: оно отклонило план Титулеску. Зато немецко-фашистская дипломатия решила во что бы то ни стало устранить слишком беспокойного министра иностранных дел Румынии. На румынского короля одновременно из Берлина и из Варшавы произведён был сильнейший нажим. Следствием была отставка Титулеску и резкий поворот румынской политики в сторону Германии. В самой Румынии широко развернулась работа гитлеровской агентуры; орудием её стала военно-фашистская организация «Железная гвардия», ставившая своей задачей произвести в стране фашистский переворот.

Отдалению Румынии от Франции и окончательному подчинению её немецко-фашистскому влиянию ревностно помогал министр иностранных дел Польши полковник Бек. По внушению из Берлина он предпринял в апреле 1937 г. поездку в Бухарест. Там он настойчиво убеждал румынское правительство принять участие в блоке нейтральных государств, который должен быть создан под руководством Германии как преграда против «большевизма» и как плацдарм для будущей войны против СССР. Беку удалось добиться сотрудничества генеральных штабов польской и румынской армий. С целью разрушить Малую Антанту и изолировать Чехословакию в июне того же года в Бухарест приехали, по поручению Гитлера, польский президент Мосьцицкий и Бек. Последний заручился заверениями румынского правительства, что оно воздержится от подписания пакта о взаимопомощи как с Чехословакией, так и с Францией. Так немецко-фашистская дипломатия отрывала от Франции её союзников; так подготовлялось окружение Чехословакии; так сама Польша, которая рассчитывала при поддержке Германии захватить прибалтийские, литовские и советские земли, чтобы раскинуться великой державой от моря до

моря, собственными руками рыла могилу своей национальной независимости.

Дольше всех сохраняла верность Франции и своим союзным обязательствам Чехословацкая республика. Однако и в этой стране развивалась подрывная работа гитлеровской агентуры. Её руками создана была в Чехословакии так называемая судетонемецкая партия во главе с Конрадом Генлейном. Гитлеровцы вели бешеную агитацию за автономию судетских немцев или, вернее, за отделение их области от территории Чехословацкой республики. Они же подготовляли террористические акты против нежелательных им политических деятелей. Во время пребывания Дельбоса в Праге в декабре 1937 г. чехословацкая тайная полиция представила ему обширный документальный материал: из него явствовало, что фашистами организуется покушение на самого Дельбоса и что гитлеровцы подготовляют захват Австрии и нападение на Чехословакию. Президент Чехословацкой республики, бывший министр иностранных дел Эдуард Бенеш, с тревогой спрашивал Дельбоса: «После Австрии наступит наша очередь... Что намерена в связи с этим предпринять Франция?» «Вы должны лишить Гитлера всякого предлога для выступления», — посоветовал Дельбос. Такой ответ вполне последовательно вытекал из двусмысленной позиции, которую занимала французская дипломатия и которая на деле сводилась к поощрению агрессоров.

Переговоры об экономическом соглашении с Германией и о колониях

В 1937 г. фашистская Германия переживала тяжёлый экономический и финансовый кризис. Ей всё труднее становилось осуществлять свою громадную военную программу. Казалось бы, дипломатия Франции и Англии должна была воспользоваться затруднительным положением правительства Гитлера, чтобы заставить Германию занять менее агрессивную позицию. Но руководители англо-французской дипломатии оставались верны своей соглашательской политике. Они не переставали проявлять чрезвычайную предупредительность по отношению к правительству Гитлера, всё ещё рассчитывая задобрить его уступками.

Бельгийскому премьеру Ван-Зееланду было предложено выяснить «возможность экономических переговоров о снижении таможенных барьеров». Этой туманной формулой дипломатически прикрывалось намерение бывших союзных держав возобновить с Германией переговоры. Правительство Гитлера не замедлило отозваться на пригласительный жест: в Брюссель командирован был Шахт, главный специалист Германии по экономическим и финансовым вопросам. Шахту было поручено добиваться получения займа и закупки большой партии сырья из колоний Франции, Англии и других демократических держав. В Брюсселе Шахт изложил свой план «экономического уми-

ротворения Европы». Этот проект сводился к двум основным положениям: 1) Германия обещает сохранить status quo в Европе; зато она должна получить доступ к источникам сырья и рынкам сбыта, т. е. колониям. 2) Франция отказывается от попыток организации мира на началах коллективной безопасности и вступает на путь двусторонних договоров с другими европейскими государствами, в том числе и со своими бывшими союзниками.

Представители промышленных и финансовых кругов Англии были непрочь оказать Германии требуемую ею помощь; не исключали они и возможности переговоров с немцами по вопросу о колониях. В своём дневнике посол США в Германии Додд приводит характерную беседу с Шахтом по вопросу о колониальных притязаниях Германии. Беседа эта состоялась 29 декабря 1936 г.

Шахт утверждал, что французское и английское правительства в принципе не возражают против «колониального равноправия Германии». Французы будто бы прямо соглашаются вернуть Германии её колонии. Иного решения Германия и не признаёт. «Всеобщий мир является основным условием действительного процветания, — заявил Шахт Додду. — Гитлер согласится на такой мир, но для этого Германия должна сперва получить свои колонии».

В середине января 1937 г. Рузвельт выдвинул предложение созвать в Вашингтоне международную «конференцию мира». В связи с этим американский посол в Москве Дэвис при встрече с Шахтом в Берлине осведомился у него, на каких условиях Германия согласится участвовать в этой конференции. Дэвис затем рассказал Додду, что Шахт потребовал предварительного соглашения по всем спорным вопросам, разделяющим европейские державы. Раньше всего он настаивал на предоставлении Германии колоний и уступке ей таких районов, куда она могла бы направлять своих эмигрантов, чтобы осуществлять и там свою программу колонизации.

Германская дипломатия всячески старалась внушить руководителям внешней политики Англии и Франции, что перераспределение колоний и мандатных территорий при участии Германии приведёт правительство Гитлера к полному примирению с англичанами и французами.

Некоторая часть английских политиков консервативного лагеря склонялась к удовлетворению требований немецко-фашистской дипломатии. Сторонники такой позиции утверждали, что вполне возможен мирный передел колоний путём превращения их в мандатные территории и выделения для Германии достаточной их доли.

Благожелательную позицию в отношении фашистских правительств Германии и Италии занимал и новый английский премьер Невиль Чемберлен.

Политика Невиля Чемберлена

С именем Невиля Чемберлена связан весь тот период невмешательства и умиротворения агрессоров, который привёл Англию к военной катастрофе.

Младший сын Джозефа Чемберлена, одного из виднейших вождей британского империализма конца XIX века, Невиль Чемберлен был типичным представителем той группы дельцов, которая во имя своих классовых выгод готова принести в жертву общенациональные интересы. Будучи тесно связан с металлургическим и химическим концернами города Бирмингема, Невиль Чемберлен являлся одним из магнатов английского финансового капитала. Армстронг характеризует его как человека, который «мыслил в розницу при сделках оптом». Для людей такого склада европейская война означала прежде всего ущерб для их собственных торговых и банковских операций на континенте. Поэтому Невиль Чемберлен был упрямым сторонником мира во что бы то ни стало. Представитель крайней реакции, Чемберлен уверял, что «организованная» и «дисциплинированная» Германия будет достаточно лойяльна по отношению к Англии, чтобы заключить с ней «честный компромисс». В лице фашистской Германии, якобы утверждающей в своей стране «порядок» и «дисциплину», он видел опору интересов международного капитала. Гораздо более реальной казалась Невилю Чемберлену «красная опасность». В ней он видел прямую угрозу основам капиталистического строя, величию и мощи Британской империи. Гитлер, провозглашающий «крестовый поход» против большевизма, был в глазах Невиля Чемберлена не национальным врагом Англии, а классовым союзником, поборником истинного «порядка».

«Одной из самых сильных карт Гитлера в англо-германской политической игре, — писал Клод Кокборн в статье «Клайвденские круги Британии», — является распространённое в широких кругах британской консервативной партии убеждение, что Гитлер может служить буфером против большевизма в Европе». Один из представителей английской дипломатии, разделявший это мнение, прямо заявил, что «лично предпочёл бы, чтобы Англией управляли немецкие монархисты, нежели англичане-коммунисты» [1].

Невиль Чемберлен был проводником политических идей и стремлений этих реакционных английских кругов. С чрезвычайным упорством он заставлял английскую дипломатию делать всё для «умиротворения» агрессоров и использования их против «красной опасности».

Политику Чемберлена особенно усердно проводили два английских дипломата: английский посол в Риме Перт и посол в Германии Гендерсон. Между Пертом и министром иностран-

---

[1] Статья Клода Кокборна «Клайвденские круги Британии» напечатана в американском журнале «Current History» в феврале 1938 г.

ных дел в Италии Чиано существовала полная договорённость. Это содействовало успешному развитию англо-итальянских переговоров. Такое же дружественное сотрудничество установилось и между английским послом в Берлине Невилем Гендерсоном и германским Министерством иностранных дел. В особенности тесным стало оно, когда на смену Нейрата 4 февраля 1938 г. главой Министерства был назначен Риббентроп.

В среде дипломатического корпуса в Берлине создалось определённое впечатление, что Гендерсон был назначен послом в Германии с прямым заданием задобрить нацистов, недовольных деятельностью его предшественника Эрика Фиппса, который занимал в отношении Гитлера независимую позицию. Поражала та лёгкость, с которой Невиль Гендерсон сводил на нет всё сделанное Фиппсом, подготовляя почву для сговора с Гитлером. Между прочим однажды Гендерсон публично высказал мнение о необходимости присоединения Австрии к Германии. Возмущённый австрийский посланник довёл это заявление Гендерсона до сведения своего правительства. Австрийский канцлер обратился с протестом к британскому правительству. Невиль Гендерсон был вызван в Лондон. Там его пожурили за допущенную бестактность и рекомендовали соблюдать бо́льшую осторожность. Вернувшись в Берлин, посол продолжал держать себя попрежнему.

Сговору между правительством Гитлера и дипломатией Чемберлена старались помочь и представители «клайвденской клики». Один из них, Лондондерри, снова посетил Геринга осенью 1937 г. Геринг пригласил Лондондерри на охоту; при встрече он не без раздражения излил своему гостю обиды германского правительства. Германии, говорил Геринг, приходится искать себе других друзей, ибо англичане явно не хотят поддерживать дружбу с немцами. Между тем такая дружба «великих и родственных держав» могла бы принести большую пользу обеим странам. Германия вполне понимает желание Англии сохранить своё господство на морях. Правительство Гитлера охотно пошло бы навстречу этому желанию, если бы за это Англия предоставила ему свободу действий в Австрии и Чехословакии. Такое соглашение устранило бы последние разногласия между Англией и Германией. С другой стороны, оно создало бы все необходимые гарантии против «опасности большевизма» в Европе.

Идя навстречу внушениям гитлеровской дипломатии, английское Министерство иностранных дел решило установить отношения с правительством Франко в Испании. 17 ноября 1937 г. оно направило в штаб генерала Франко, в Саламанку, своего официального представителя. Это означало фактическое признание фашистского режима в Испании. Одновременно в Лондоне было принято решение послать в Германию для переговоров с Гитлером особую миссию во главе с виконтом Галифаксом, заместителем министра иностранных дел. Сам Иден нахо-

дился в это время на Брюссельской конференции. Он весьма решительно возражал против поездки Галифакса. Однако Чемберлен не внял этим протестам. Галифакс выехал в Берлин, посетил охотничью выставку Геринга и имел продолжительную беседу с Гитлером в Берхтесгадене.

И Гитлер и Геринг настаивали на возвращении Германии её колоний. Однако оба они обещали не поднимать этого вопроса в течение шести лет, если только Англия «учтёт интересы» Германии в Австрии и Чехословакии. Галифакс не только не возражал, но вполне определённо обещал проводить политику «невмешательства» Англии при осуществлении планов Гитлера в Центральной Европе.

Так в ноябре 1937 г. было достигнуто то взаимопонимание, которое постепенно перешло в полную согласованность действий Гитлера и Чемберлена. Английская дипломатия постаралась подчинить этой линии и французскую внешнюю политику. Для этого была созвана англо-французская конференция в Лондоне 28—30 ноября 1937 г. Французское правительство было представлено на ней Шотаном и Дельбосом. Английскую делегацию представлял Чемберлен. Конференция была строго секретной. Важнейшим её результатом явилось англо-французское соглашение о дальнейшем невмешательстве в международные споры и столкновения в Европе. Этим соглашением предрешена была судьба не только Испании, но и Австрии с Чехословакией.

Отношение дипломатии США к политике «невмешательства»

Если дипломатия Англии и Франции всё упорнее воздерживалась от противодействия поджигателям войны, проводя свою политику «невмешательства», то Соединённые штаты Америки не менее стойко выдерживали свою позицию изоляционизма.

Однако к концу 30-х годов в сознание передовых общественных кругов Америки стало проникать убеждение, что действия фашистских агрессоров представляют прямую угрозу для всех демократических государств. Японо-китайская война оказала сильнейшее влияние на такой поворот общественного мнения в Америке. В декабре 1937 г. японцы подвергли бомбардировке американское судно «Пенэй». Правительство США решило проявить твёрдость. Оно обратилось к японскому правительству с нотой резкого протеста. Одновременно было опубликовано письмо президента Рузвельта к государственному секретарю Хэллу. «Пожалуйста, — гласило это послание, — скажите японскому послу, когда вы его увидите в 1 час дня, что, во-первых, президент глубоко возмущён и задет известием о бомбардировке без разбора американских и других не китайских судов на Ян-Цзы; он требует, чтобы об этом было сообщено императору; во-вторых, что все эти факты будут собраны и в ближайшее время представлены японскому правительству; в-третьих,

президент выражает надежду, что тем временем японское правительство обдумает и окончательно определит: а) выражение своего полного сожаления и согласия на возмещение убытков, б) методы, предупреждающие повторение подобного акта в будущем».

Рузвельт не ограничился директивами своему послу в Японии. Он предложил дипломатическим представителям США в европейских странах самым серьёзным образом изучать международную обстановку в Европе и в особенности выяснять замыслы и планы гитлеровской Германии.

Исполнителем заданий Рузвельта в Германии явился американский посол Додд, который занимал этот дипломатический пост с конца 1933 г. Вдумчивый и наблюдательный профессор-историк Додд терпеливо изучал основы гитлеровского режима, цели и приёмы его внутренней и внешней политики, развитие фашистского наступления на Европу. С чрезвычайной тщательностью заносил посол в свой дневник основные факты, знаменовавшие последовательную сдачу европейскими демократическими правительствами своих позиций под грубым натиском фашистской Германии. Задолго до катастрофы, которой завершилась эта политика западных держав, наблюдательный американский дипломат предвидел неизбежность расплаты дипломатии за попустительства. Однако Додд не изменял своей позиции трезвого созерцателя: он ещё не помышлял о необходимости активной политической борьбы против поджигателей войны.

Убеждённый противник фашизма, Додд одним из первых разоблачил профашистскую позицию и антисоветские интриги американского посла в СССР Буллита. Этот авантюрист, ещё в период версальских переговоров пробравшийся на высокие дипломатические посты, в начале 1934 г. был назначен послом в СССР. Как пишет в своём дневнике Додд, Буллит рассчитывал добиться от СССР немедленной уплаты довоенных долгов. Однако, не достигнув успеха, он использовал свой дипломатический пост для активной антисоветской деятельности.

Посетив, по предложению президента Рузвельта, Китай, Буллит стал развивать планы «умиротворения» Японии за счёт советского Дальнего Востока. Возвращаясь из Москвы в Вашингтон, он остановился проездом в Берлине, где 1 декабря 1935 г. дал интервью, в котором открыто высказался против СССР и в пользу империалистических притязаний Японии. Тогда же в беседе с французским послом в Берлине Франсуа Понсэ он высказал своё решительное несочувствие франко-советскому пакту. Узнав о том, что Франция ведёт переговоры о предоставлении СССР займа, Буллит направился к лицу, пользующемуся решающим влиянием во французском правительстве, и убедил его, что Россия никогда не вернёт этого займа. «Таким образом, — заключает Додд, записав 12 февраля 1936 г. свой разговор с Буллитом, — он сорвал переговоры с Россией».

В сентябре 1936 г. Буллит был назначен послом в Париж, где, установив теснейшие связи с самыми реакционными кругами, пытался добиться союза между Францией и фашистской Германией. Письма Додда в государственный департамент немало способствовали разоблачению тёмных махинаций Буллита, в дальнейшем превратившегося в открытого немецко-фашистского агента и восстановившего против себя всех честных граждан Соединённых штатов Америки.

Положительную роль в деле укрепления отношений с СССР сыграл Джозеф Дэвис, занимавший с 1936 г. пост посла Соединённых штатов в Советском Союзе.

Направляя Дэвиса в Москву, президент Рузвельт поручил своему послу приложить все усилия для собирания вполне достоверной информации о достижениях советского режима и для выяснения, «какую политику будет проводить Советский Союз в случае европейской войны» [1]. Перед самым отъездом в СССР Дэвис имел беседу и с президентом компании «Дженерал Электрик Юнион» Оуэном Юнгом. Этот представитель деловых кругов Соединённых штатов дал Дэвису самую лестную характеристику руководителей советских торговых, промышленных и банковских учреждений. Он отзывался с большим уважением о кредитоспособности советского правительства, отмечая исключительную его добросовестность в деле выполнения своих обязательств. Дэвис выехал в Москву весьма ободрённый такими сообщениями. Однако в Берлине, на пути к месту назначения, его поспешили снабдить совершенно иной информацией.

В беседе с Дэвисом начальник русского отдела германского Министерства иностранных дел прежде всего старался убедить американского посла в непрочности советского режима. «По его мнению, — записал Дэвис в своём дневнике от 16 января 1937 г., — все мои сведения неверны: положение Сталина непрочно. По его словам, я, вероятно, обнаружу, что в России развивается революционная активность, которая вскоре может вспыхнуть открыто».

Истинный смысл берлинских предсказаний стал ясен для Дэвиса тогда, когда он присутствовал на процессе предателей — троцкистов и бухаринцев, оказавшихся агентами фашистской разведки в Советском Союзе. При помощи этих изменников гитлеровцы рассчитывали организовать в СССР «пятую колонну», которая своей подрывной работой должна была ослабить советский строй, подготовить победу фашистских интервентов и обеспечить захват ими советских территорий.

---

[1] *Joseph E. Davies*, Mission to Moscow. United States Ambassador to the Soviet Union from 1936 to 1938, New York. Все цитаты приведены из этой же книги.

В своём отчёте о московских процессах государственному секретарю США Дэвис писал: «Рассматривая это дело объективно и основываясь на своём личном опыте ведения процессов и методов проверки достоверности показаний, я вынужден прийти к убеждению, что доказано, по меньшей мере, наличие широко распространённой конспиративной деятельности и широкого заговора против советского правительства». Позднее, во время войны с гитлеровской Германией, Дэвис в ещё более решительной форме подтвердил, что фашистская «пятая колонна» проводила широкую подрывную работу во всех странах, с которыми Гитлер намеревался воевать. Не все правительства сумели раскрыть эту предательскую работу. «Только СССР, — отмечает Дэвис, — понял опасность и во-время ликвидировал попытки создания „пятой колонны“».

Касаясь собственных своих отношений с руководителями советского правительства, Дэвис отмечает, что его общение с ними происходило в атмосфере такой прямоты, какой он не встречал нигде и никогда в дипломатическом мире. «Способные и солидные люди... — писал Дэвис, — они проникнуты честными убеждениями, неподкупны и преданы делу мира». «Советские официальные представители и народ дружелюбно настроены в отношении США, — заносит Дэвис в свой дневник 1 апреля 1938 г., — они чувствуют, что и мы относимся к ним бескорыстно и дружественно... Советские руководители проявляют большое уважение к Рузвельту и, как они говорят, „к его замечательным достижениям“. Весьма высоко оценивают они и усилия государственного секретаря, направленные к обеспечению международного мира...»

За год до этой записи Дэвис докладывал Рузвельту о колоссальном развитии промышленности и подъёме культуры в СССР. Одновременно он раскрыл президенту истинный смысл московских процессов, искажённый антисоветской пропагандой.

На обратном пути в СССР, остановившись в Лондоне, 26 мая 1937 г. Дэвис завтракал у Черчилля. За завтраком он рассказывал о московских процессах. Сообщения американского посла были приняты весьма сдержанно его собеседниками. Было очевидно, что предубеждение их против Советского Союза глубоко и упорно. Только Черчилль подробно расспрашивал Дэвиса о Москве. После рассказа посла он заявил, что получил «совершенно новое представление о положении». Черчилль живо интересовался успехами советской промышленности и состоянием Красной Армии. Дэвис дал весьма высокую оценку вооружённым силам Советского Союза. По его мнению, они могут быть прочной опорой мира в Европе. «Мощь Красной Армии и общеизвестное миролюбие Советского Союза обеспечивают сохранение мира в Европе,—писал Дэвис 28 июня 1937 г. Уэллесу.—Советский Союз мог бы содействовать сохра-

нению равновесия в Европе и укреплению демократического блока». В другом письме к тому же Уэллесу, 10 июля 1937 г., Дэвис вновь подтверждал, что людские ресурсы СССР неисчерпаемы, преданность народа своим идеалам непоколебима и заслуживает восхищения и уважения.

В ноябре 1937 г. Дэвис настоятельно предостерегал против недооценки сил советского правительства, которое, по его словам, самым напряжённым образом готовится ко всяким возможностям. С другой стороны, Дэвис отмечал, что Германия почти открыто ведёт подготовку к войне. Такого же мнения был и Рузвельт. По поручению президента Дэвис несколько раньше посетил Австрию и Чехословакию. Он убедился, что судьба этих стран висит на волоске. 1 сентября 1937 г. Дэвис писал в США из Праги, что единственным защитником мира и безопасности этих стран может быть только Советская Россия. Вот почему во всех странах, пограничных с СССР, гитлеровская агентура ведёт неустанную подрывную работу. «Финляндия, — писал Дэвис, — почти наверняка послужит Германии военной базой для нападения с севера на Ленинград».

В одном из своих докладов государственному секретарю США Дэвис сообщал, что, по мнению руководителей внешней политики СССР, правительства Англии и Франции «прячутся за якобы существующую у них неуверенность относительно позиции Советского Союза». На самом деле, по мнению посла, СССР искренне заинтересован в организации коллективной безопасности и сохранении международного мира. «Советский Союз готов занять самую твёрдую позицию и действенно сотрудничать с Францией, Англией и США», — заявляли Дэвису его официальные собеседники в Москве. Посол весьма серьёзно относился к этим заявлениям. Он сам всё глубже проникался убеждением, что без коллективных усилий демократических стран невозможно предупредить военную катастрофу. «Совершенно ясно, — записал Дэвис в своём дневнике от 8 декабря 1937 г., передавая содержание своей беседы с Рузвельтом, — что мы ничего не можем сделать для обуздания тех сил в Германии, которые под воздействием гитлеровских идей о мировом господстве неизбежно ведут дело к войне».

К тому же выводу приходил и Рузвельт. Для него было очевидно, что официальные отношения с Берлином уже не могут ничего дать для дела обеспечения мира. Пост посла США в Берлине утрачивал политическое значение. Дипломатам США в столице фашистской Германии оставалось лишь выполнять представительские функции и информировать своё правительство о дальнейших этапах подготовки немецких фашистов к мировой войне.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЁРТАЯ

ЗАХВАТ АВСТРИИ И РАСЧЛЕНЕНИЕ ЧЕХОСЛОВАКИИ ФАШИСТСКОЙ ГЕРМАНИЕЙ (1938 г.)

Мобилизация сил фашистских агрессоров в Европе

Уже в начале 1938 г. было ясно, что Европа стоит на пороге войны. Гитлеровская Германия мобилизовала и держала в боевой готовности весь свой военный аппарат. От руководства германской армией были отстранены все лица, которые проявляли нерешительность или несочувствие проводимому Гитлером курсу на войну. Вынужден был уйти в отставку генерал-фельдмаршал фон Бломберг. На его место был назначен генерал Кейтель. Геринг был возведён в звание генерал-фельдмаршала. Сам Гитлер объявил себя верховным главнокомандующим вооружёнными силами Германии.

Из государственного аппарата и дипломатического ведомства были удалены все умеренные элементы. Министр иностранных дел Нейрат вынужден был уступить своё место Риббентропу. В течение 18 месяцев своей работы на посту посла в Лондоне этот пронырливый агент Гитлера сумел сплотить вокруг себя профашистские элементы в Англии и запастись разведывательными данными, необходимыми для дальнейшего развития наступательных действий фашистской Германии. Вернувшись в Берлин, Риббентроп по указанию Гитлера поставил всю германскую дипломатию на службу фашистским поджигателям войны.

На Дальнем Востоке, в США и странах Латинской Америки, в Африке, на Средиземном море, в Испании и в Центральной Европе фашистские агрессоры собирали свои силы, готовя их к предстоящим боям. В январе 1938 г. итальянские и германские самолёты подвергли варварской бомбардировке незащищённые города Испании. На помощь Франко из Германии и Италии открыто посылались многочисленные моторизованные части. Фашисты готовили решительное наступление против республиканской армии. В Средиземном море без стеснений продолжались пиратские нападения подводных лодок фашистских держав.

Перед лицом возрастающего разгула фашистской агрессии в лагере демократических держав Запада усиливались разногласия и разброд.

В Англии Иден требовал организации отпора фашистским агрессорам. Однако Чемберлен отклонил это предложение. Немедленно после этого фашистская печать Италии и Германии открыла кампанию против английского министра. Итальянский посол Гранди дерзко заявил Чемберлену, что пока внешней политикой Англии руководит Иден, нечего и думать о каком бы то ни было англо-итальянском соглашении.

Фашистские поджигатели войны требовали отставки Идена как доказательства миролюбия Англии.

Реакционная печать Англии поддержала выступление фашистов против Идена. 20 февраля 1938 г. Иден подал в отставку. На заседании Палаты общин на следующий день он заявил Парламенту, что коренным образом разошёлся с главой правительства в вопросе о направлении внешней политики Великобритании. «Для меня в последнее время стало ясно, — говорил Иден, — что между мной и премьер-министром имеются серьёзные разногласия во взглядах и методе».

Лидер оппозиции Эттли, осуждая политику Чемберлена, с возмущением доказывал, что она раболепно следует указке фашистских правительств. «Ведь достаточно Муссолини или его дипломатии потребовать: „долой такого-то британского министра“, — негодовал Эттли, — чтобы этот министр сразу же был устранён».

Чемберлен вынужден был дать объяснения. В оправдание своей позиции он ссылался на то, что Великобритании не на кого опереться. Ей остаётся одно: в ограждение своей безопасности итти не только на уступки, но порой и на жертвы.

20 февраля 1938 г. Гитлер произнёс в Рейхстаге угрожающую речь. Он заявил, что «не потерпит дальнейших нападок европейской печати на Германию... Германия не может оставаться безучастной к судьбе 10 миллионов немцев, которые живут в двух соседних странах». Ясно, что речь шла об Австрии и Чехословакии. «Германское правительство будет добиваться объединения всего немецкого народа». Гитлер добавил, что немецкая армия готова и что в ближайшее время она будет ещё усилена.

Захват Австрии Германией (18 марта 1938 г.)

Немецкая фашистская печать снова выдвинула требование присоединения Австрии к Германии. Захват Австрии означал бы первый шаг к осуществлению программы создания «срединной Европы» под главенством гитлеровской Германии. Присоединив Австрию, немцы получили бы стратегический плацдарм для захвата Чехословакии и для дальнейшего наступления в Юго-Восточной Европе и на Балканах.

Подчиняясь давлению немецко-фашистской дипломатии, Италия, изрядно потрёпанная в Абиссинии и Испании, послушно следовала за более сильным партнёром. 12 января 1938 г. итало-австро-венгерская конференция, созванная в Будапеште, приняла декларацию, в которой выражалось одобрение «интимному сотрудничеству, установившемуся между великими дружественными державами — Италией и Германией, и составляющему новую и важную гарантию мира». Конференция приветствовала антикоминтерновский пакт и подтверждала решимость своих участников вести беспощадную борьбу против коммунизма.

В самой Австрии правительство Шушнига проявляло крайнюю слабость в отношении гитлеровской Германии. Это ещё больше разнуздывало гитлеровцев. Так называемый «немецкий клуб» в Вене открыто вёл агитацию за включение Австрии в состав «великой Германии». Внезапно набравшись смелости, правительство Шушнига распустило венскую организацию национал-социалистов и даже арестовало её руководителя, который являлся негласным представителем Гитлера в Австрии.

Эти мероприятия Шушнига вызвали немедленный отпор Гитлера. В Вену был послан фон Нейрат. При его встрече австрийские национал-социалисты организовали шумную демонстрацию. Шушниг решил не остаться в долгу. При отъезде Нейрата устроена была не менее внушительная демонстрация австрийского «отечественного фронта». Храбрость Шушнига объяснялась отчасти его расчётами на поддержку Муссолини. Но встреча главы австрийского правительства с дуче принесла Шушнигу горькое разочарование. Муссолини выразил уверенность, что Гитлер не предпримет никаких «поспешных действий»; он советовал своему гостю пойти на соглашение с Германией.

11 февраля 1938 г. Шушниг был вызван к Гитлеру в Берхтесгаден. Принимая на следующий день австрийского канцлера, Гитлер даже не предложил ему сесть. Он обрушился на Шушнига с угрозами, требуя безоговорочного принятия своих условий. «Вы не должны обсуждать эти условия, — командовал Гитлер. — Вы должны их принять, как я вам указываю. Если вы будете противиться, вы вынудите меня уничтожить всю вашу систему» [1].

Шушниг пытался было прервать поток угрожающих слов Гитлера. Но это привело фюрера в совершенное неистовство. «Вы что, не верите мне? — завопил он, — я вас раздавлю!.. Я величайший вождь, которого когда-либо имели немцы, и на мою долю выпало основать Великую Германскую империю

[1] *Tibor Koeves*, Satan in top hat. The biography of Franz von Papen, p. 281.

с населением в 80 миллионов. Я преодолел уже самые невероятные трудности, а вы думаете остановить меня. Моя армия, мои самолёты, мои танки ждут лишь приказа». Не дав Шушнигу опомниться, Гитлер вызвал генерала Кейтеля и потребовал, чтобы он немедленно доложил о числе моторизованных частей, стоящих на австрийской границе и готовых перейти её по первому приказу.

Секретарь всунул Шушнигу в руки заранее написанные требования Гитлера. Канцлеру было предложено наедине просмотреть этот проект «соглашения». Но прежде чем Шушниг успел закончить чтение, его снова вызвали к Гитлеру. Здесь с новыми угрозами ему было заявлено, чтобы он не рассчитывал на помощь Италии, Франции и Великобритании: пусть он не строит себе никаких иллюзий. После этого австрийский канцлер был отпущен. Вечером того же дня с Шушнигом беседовали Риббентроп и австрийский министр иностранных дел, ставленник гитлеровцев Гвидо Шмидт. Они предложили Шушнигу подписать соглашение, в основу которого были положены следующие требования: 1) полная амнистия всем австрийским национал-социалистам; 2) назначение министром общественного порядка и безопасности ставленника Гитлера Зейсс-Инкварта; 3) предоставление австрийским национал-социалистам права легального существования и свободной деятельности. Шушнигу приказано было дать ответ к 18 часам 15 февраля 1938 г. Но австрийский канцлер уклонился от этого. Он выехал из Берхтесгадена, не подписав соглашения.

Свидание в Берхтесгадене немедленно сделалось достоянием гласности. В демократических кругах оно вызвало взрыв возмущения. Но дипломатия Англии, Франции и Италии безмолвствовала. Напрасно австрийский канцлер ожидал её поддержки. Он оказался в одиночестве. Воочию убедившись в этом, Шушниг капитулировал и подписал требуемое соглашение с Германией.

28 февраля Чемберлену пришлось выступить в Палате общин, чтобы оправдать и в данном случае свою политику попустительства. Объяснения главы британского правительства не могли не дать Гитлеру полного удовлетворения. Чемберлен угодливо заявил, что «мероприятия австрийского правительства, последовавшие за встречей в Берхтесгадене 12 февраля, по мнению правительства его величества, не противоречат обязательствам, принятым на себя Австрией по Сен-Жерменскому договору».

Между тем в Австрии происходили знаменательные события. В дополнение к гитлеровцам — министру общественной безопасности Зейсс-Инкварту и министру иностранных дел Гвидо Шмидту — во главе ведомства печати был поставлен нацист

Вильгельм Вольф. Для усиления работы национал-социалистов в Австрии Гитлером были присланы туда из Германии самые опытные и крепкие организаторы. Во все австрийские провинции были назначены национал-социалистские уполномоченные. По всей стране начались фашистские парады и шумные демонстрации. 20 февраля 1938 г. Гитлер выступил в Рейхстаге с заявлением, что в Австрии «предотвращена великая беда». Между тем в ряде австрийских городов начались кровавые столкновения между сторонниками национальной независимости Австрии и национал-социалистами. Тогда Шушниг решил прибегнуть к последнему средству: он назначил на 13 марта плебисцит по вопросу о независимости Австрии. Но тотчас же австрийскому канцлеру из Берлина предъявлены были два ультимативных требования. Ему предложено было немедленно отменить плебисцит и столь же безотлагательно подать в отставку. Шушниг медлил с ответом. Трижды Берлин повторял своё приказание. Наконец, 11 марта 1938 г. Шушнигу был вручён формальный ультиматум: если германские требования не будут выполнены, в тот же день в 19 часов 30 минут 200 тысяч германских войск перейдут австрийскую границу. Когда срок ультиматума уже истекал, Шушниг выступил по радио и сообщил австрийскому народу о своём уходе. Он заявил, что вынужден уступить насилию во избежание напрасного кровопролития. Немедленно после Шушнига обратился к населению по радио и Зейсс-Инкварт. Он потребовал, чтобы в случае вступления в Австрию германских войск им не было оказано никакого сопротивления. Сам Зейсс-Инкварт был назначен новым канцлером Австрии. В тот же день около 6 часов вечера первые части германских войск вступили на австрийскую территорию. Австрия перестала быть независимой страной.

На другой день, 12 марта 1938 г., в Австрию прибыл сам Гитлер. Он посетил свою родину — Браунау. Во время пребывания Гитлера в Линце произошла его торжественная встреча с новым канцлером Зейсс-Инквартом. В Вене Гитлер принял фашистский парад и объявил, что в Австрии будет проведён плебисцит. В тот же день в Вену прибыли для подготовки и проведения плебисцита три уполномоченных Гитлера: начальник гестапо Гиммлер, его помощник Гейдрих и генерал Далюге. Австрия была наводнена эсэсовцами. Было очевидно, что голосующих за независимость Австрии ожидают меры фашистского террора. 13 марта правительство Зейсс-Инкварта опубликовало официальный закон, объявлявший Австрию «германским государством». Одновременно таким же законодательным актом в Берлине было утверждено включение Австрии в состав Германской империи.

18 марта 1938 г. Гитлер выступил на заседании Рейхстага с заявлением, что плебисцит будет проведён не только в Австрии, но и на всей территории «третьей империи». Расчёт Гитлера был совершенно ясен. Германский фашизм играл на национальном чувстве немцев, удовлетворённом новым шагом к созданию «великой Германии»; вместе с тем он был уверен, что всякая оппозиция подавлена угрозами беспощадной расправы с противниками фюрера.

События в Австрии не могли не вызвать отклика в европейских странах. В Италии Муссолини пришлось скрепя сердце разыграть комедию признания аншлюсса. Прежде всего он поспешил заявить, что «Италия воздерживается от вмешательства во внутренние дела Австрии». Когда же на австро-итальянской границе, в Бреннере, появились немецкие войска, Муссолини постарался истолковать это как... демонстрацию прочности итало-германского союза. Гитлер оценил по заслугам усердие своего партнёра. Он телеграфировал Муссолини: «Я никогда не забуду того, что вы сделали 11 марта». Муссолини пришлось ответить: «Моя позиция основана на дружбе наших обеих стран, воплощённой в оси». Выступая после этого, 16 марта 1938 г., в палате депутатов, Муссолини заявил, что он никогда не обещал поддерживать независимость Австрии «ни прямым, ни косвенным путём, ни письменно, ни устно»[1].

14 марта вопрос о присоединении Австрии к Германии обсуждался в английской Палате общин. Чемберлен информировал Парламент, что английский и французский послы представили германскому правительству протест против насильственных действий в Австрии. Германский министр иностранных дел отказался принять протест; он ответил, что взаимоотношения Германии и Австрии представляют внутреннее дело германского народа и что третьи государства не имеют к этому делу никакого отношения. Чемберлен продемонстрировал перед Парламентом подлинный образец политического ханжества. Он с сокрушённым видом заявил, что действия Германии «заслуживают серьёзного осуждения». Спустя некоторое время, 2 апреля 1938 г., правительство Чемберлена формально признало захват Австрии Германией.

Захват Австрии не встретил надлежащего отпора и во Франции, которая переживала очередной правительственный кризис.

11 марта во Франции снова не было правительства. Созданное через два дня новое правительство Блюма, состоявшее из социалистов, радикал-социалистов и представителей «республиканского союза», объявило себя правительством «национального объединения». Оно претендовало объединить все силы народ-

[1] *Machray*, The Struggle for the Danube and the Little Entente, p. 304.

ного фронта — «от Тореза до Рейно», т. е. от коммунистов до умеренных радикалов. Но коммунисты заявили, что это правительство «не то, которого страна ожидала». Радикалы, связанные с финансовыми кругами, не были заинтересованы в осуществлении программы народного фронта. Правительство Блюма не проявляло инициативы и решительности ни в одном вопросе внутренней и внешней политики. Бессильное изменить международное положение, оно ограничилось заверением, что выполнит свои обязательства по отношению к Чехословакии, если в результате аншлюсса ей будет грозить опасность.

Таким образом, захват Австрии Германией показал, что в 1938 г. демократические державы Запада ещё менее, чем раньше, склонны были оказать отпор фашистской агрессии. Этот зловещий факт отмечен был делегацией СССР на пленуме Лиги наций 21 сентября 1938 г. «Исчезновение австрийского государства прошло незамеченным для Лиги наций», — заявил глава этой делегации. Между тем правительство СССР ясно сознавало, как отразится это событие на судьбах Европы и в первую очередь на Чехословакии. Поэтому оно официально обратилось к другим великим державам с предложением немедленно обсудить возможные последствия захвата Австрии Германией для принятия соответствующих коллективных мер. «К сожалению, это предложение, — отметил в своей речи на пленуме Лиги наций советский представитель, — не было оценено по достоинству».

Англо-итальянское соглашение (16 апреля 1938 г.)

Правительство Чемберлена в Англии упрямо проводило свою политику сговора с фашистскими агрессорами. После фактического признания захвата Австрии Германией английская дипломатия поспешила закончить переговоры и с Италией. В этом было заинтересовано и итальянское правительство, рассчитывавшее на получение от Англии займов, необходимых ему для дальнейших военных авантюр.

В особой ноте были оговорены условия эвакуации итальянских войск из Испании. Итальянское правительство подтверждало своё полное присоединение к формуле правительства Великобритании об эвакуации иностранных добровольцев из Испании. Это соглашение было уступкой английскому общественному мнению. Чемберлен был связан в этом вопросе своим заявлением в Палате общин 22 февраля 1938 г. о том, что предпосылкой соглашения с Италией является согласие Италии на вывод «добровольцев» из Испании. Правда, итальянское правительство заявило о своём согласии лишь на «пропорциональную эвакуацию иностранных добровольцев из Испании». Этим самым оставлялась лазейка для затя-

гивания или неполного выполнения обязательства о выводе «добровольцев».

Вместе с тем было решено, что англо-итальянское соглашение вступит в силу лишь после выполнения Италией её обязательств в отношении Испании. Срок этого выполнения, однако, не был определён. Тем самым Италия фактически получала от Англии санкцию на продление интервенции.

В течение шести недель удалось урегулировать все спорные вопросы. 16 апреля 1938 г. Перт и Чиано подписали в Риме англо-итальянское соглашение. Оно подтверждало все старые декларации и соглашения, достигнутые раньше по различным спорным вопросам: декларацию от 2 января 1937 г. относительно Средиземного моря, соглашение относительно некоторых областей на Среднем Востоке, декларации относительно пропаганды, статута озера Тан, воинской повинности туземцев Итальянской Восточной Африки, режима британских религиозных ассоциаций в Итальянской Восточной Африке, декларацию относительно Суэцкого канала.

По новому соглашению Англия и Италия обязывались установить между собой «добрососедские отношения». Англия признавала захват Абиссинии Италией. Италия обещала сократить итальянские воинские контингенты в Ливии до пределов мирного времени.

Чтобы придать англо-итальянской сделке вид законности, вопрос о признании прав Италии на Абиссинию внесён был в Совет Лиги. 12 мая 1938 г. Галифакс предложил Лиге «считаться с фактами». «Ничего нельзя выиграть и многое можно потерять, если не считаться с фактами, — убеждал Лигу наций английский министр иностранных дел. — Как ни велико значение Лиги наций, цели, для служения которым она существует, ещё более важны, а величайшая из этих целей — мир» [1]. Негус, присутствовавший на данном заседании Совета, попробовал было напомнить Лиге, что существуют различные способы сохранения мира: «Возможно сохранение мира при помощи права, но возможен и мир, купленный любой ценой... Было бы равносильно самоубийству, если бы Лига приняла принцип сохранения мира любой ценой, даже принося в жертву государства, которые являются её членами» [2]. Но участь Абиссинии была предрешена. Так же точно была предрешена и судьба Испании.

Испанское правительство обратилось к Совету Лиги наций с просьбой обсудить вопрос об иностранной интервенции, направленной против республиканского правительства Испании.

---

[1] *Fr. Schuman*, Europe on the Eve, p. 354.

[2] Ibidem.

Оно настаивало на отказе держав от политики невмешательства. Лондонский Комитет по невмешательству фактически предоставил интервентам полную свободу действий. Войскам мятежников удалось, выйдя к Средиземному морю, разрезать территорию республики надвое. Глава испанского правительства Хуан Негрин вылетел в Париж, где обратился к правительству Франции с призывом о помощи. Но второе правительство Блюма, как и первое, боялось ссоры с фашистскими державами и ещё более опасалось расхождения с Англией. Продержавшись всего три недели, оно бесславно пало. 10 апреля 1938 г. к власти пришёл новый кабинет во главе с Эдуардом Даладье. Министром иностранных дел назначен был Жорж Боннэ, тесно связанный с финансовыми кругами Франции и в особенности с банком «Братья Лаза́р». Правительство Даладье — Боннэ шло на поводу у французской финансовой олигархии и реакционных кругов, стремившихся к соглашению с фашистами. В конце апреля Даладье и Боннэ прибыли в Лондон. Результатом их переговоров с Чемберленом и Галифаксом явилось решение принести Испанию в жертву фашистам. Заключительный акт этого предательства произошёл на майской сессии Совета Лиги наций в 1938 г.

От имени Испанской республики на заседании Совета выступил министр иностранных дел Испании Альварес дель Вайо. Он требовал применения статьи 16 устава Лиги наций, где предусматривались коллективные действия членов Лиги против агрессора.

Свидетель этого драматического заседания описывает борьбу, которую в течение трёх дней испанская делегация вела с соглашателями. «Это было зрелище, — пишет он, — исполненное пафоса и трагизма. Наконец резолюция, предложенная Совету сеньором дель Вайо, была поставлена на голосование. „Нет“, произнесённое среди мёртвой тишины лордом Галифаксом и Жоржем Боннэ, прозвучало, как пощёчина. Напряжение в зале становилось невыносимым. Один только советский представитель поддержал республиканскую Испанию. Рядом со мной послышались рыдания корреспондентки одной швейцарской газеты. Сеньор дель Вайо и его спутник вышли с заседания смертельно бледные, но с высоко поднятой головой. У входа в отель явно смущённый Боннэ пытался объяснить обступившим его журналистам, что не мог поступить иначе: „Но Франция не допустит, чтобы Испания сделалась добычей захватчиков!“ Кто-то воскликнул: „Вы умертвили Испанию!“ Побледневший Боннэ поспешно ретировался»[1].

За Абиссинией, Австрией и Испанией наступила очередь Чехословакии.

---

[1] *А. Симон*, Я обвиняю! стр. 142.

Угроза независимости Чехословакии

Вскоре после угрожающей речи Гитлера в Рейхстаге 20 февраля 1938 г., в которой фюрер заявлял о своём намерении объединить «10 миллионов немцев, живущих по ту сторону границы», начальник штаба чехословацкой армии генерал Крейчи опубликовал сообщение о принимаемых чехословацким правительством мерах обороны. «Мы знаем о возможности нападения на нашу республику без формального объявления войны, и наша армия вполне подготовлена к тому, чтобы такая война не захватила нас врасплох», — заявлял генерал. Чехословацкое правительство намеревалось перенести военные заводы Шкода в глубь страны, ввести круглосуточную работу на своих восьми авиационных заводах, завершить планы мобилизации промышленности и продовольственных ресурсов. Чехословакия была полна решимости сопротивляться до конца в борьбе за свою независимость.

Но судьба Чехословакии зависела от Франции, с которой эта республика была связана договором о взаимной помощи. Чехословакия имела для своего союзника огромное военное и политическое значение. Её армия, оснащённая передовой военной техникой, обладающая отличными кадрами, была одной из лучших в Европе. Чехословакия имела мощную военную промышленность, технический уровень которой был поднят на весьма значительную высоту. Само географическое положение республики в непосредственном соседстве с Германией давало французскому союзнику возможность использовать её как мощный кулак для удара в тыл германскому агрессору в случае вооружённого столкновения Франции с немцами.

Однако после лондонских переговоров 28—30 апреля 1938 г. между Даладье — Боннэ и Чемберленом — Галифаксом французское правительство и не помышляло о самостоятельной внешней политике. Оно присоединилось к требованию английской дипломатии во что бы то ни стало избегнуть столкновения с правительством Гитлера и приложить все усилия для мирного урегулирования взаимоотношений Чехословакии с гитлеровской Германией.

Немецко-фашистская печать давно настаивала на удовлетворении требований немцев в Судетской области Чехословакии. Среди этих немцев активную пропаганду в пользу присоединения к Германии вела «судетонемецкая партия», руководимая Генлейном. После захвата Австрии Германией генлейновцы заявили в Парламенте, что и для Чехословакии наступает решительный час. Партия Генлейна требовала «территориальной автономии» для Судетской области. Такой же автономии домогалась для Словакии реакционная словацкая партия Глинки.

Дипломатия гитлеровской Германии неоднократно заверяла, что не имеет никаких притязаний на территорию Чехосло-

вакии. Ещё вечером 11 марта 1938 г., накануне захвата Австрии, Геринг мирно беседовал с чехословацким посланником Мастны, пригласив его в свой дворец. Геринг убеждал Мастны, что «Германия не имеет дурных намерений в отношении Чехословакии» и что поэтому Чехословакии нечего опасаться за свою судьбу. Геринг говорил, что ручается «честным словом» за искренность своих заверений. И всё это завершалось выражением надежды, что сама Чехословакия в случае осложнений между Германией и Австрией сохранит полное спокойствие и воздержится от мобилизации своей армии. В тот же вечер Мастны из своей миссии соединился по телефону с Прагой и сообщил своему правительству о заверениях Геринга. Посланнику было поручено немедленно вернуться к Герингу и передать ему, что Чехословакия отнюдь не собирается производить мобилизацию. На другой день утром Геринг позвонил Мастны по телефону и сообщил ему, что германским войскам приказано остановиться в 15 километрах от чехословацкой границы. Днём уже не Геринг, а Нейрат от имени Гитлера подтвердил Мастны успокоительные заверения национал-социалистского правительства.

Министр иностранных дел Чехословакии Крофта немедленно поставил в известность французского посланника Делакруа о заявлениях германского правительства. Крофта признал, что захват Австрии представляет «крайне серьёзную угрозу для Чехословакии», однако непосредственной опасности для республики будто бы пока нет. К тому же само германское правительство опасается нападением на Чехословакию вызвать общую войну.

12 марта 1938 г. чехословацкий посланник в Лондоне Массарик обратился к лорду Галифаксу с просьбой получить от германского правительства подтверждение всех заверений Геринга. По этому поводу английский посол в Берлине Гендерсон обратился к Герингу с запросом. Тот с величайшей готовностью подтвердил, что германское правительство «проникнуто серьёзнейшим желанием улучшить германо-чешские отношения». Казалось бы, дипломатия демократических стран имела уже достаточно случаев убедиться в том, что гитлеровское правительство обычно маскирует свои агрессивные планы самыми миролюбивыми заверениями. Но она заранее готова была принести в жертву Гитлеру слабейшие страны, чтобы попытаться его задобрить и направить на Восток его дальнейшее наступление.

Попытки изоляции СССР

23 марта 1938 г. Дэвис отметил в своём дневнике, что положение Чехословакии правильно оценивает только советская дипломатия.

Действительно, дипломатия СССР отдавала себе вполне ясный отчёт в смертельной опасности, угрожавшей малым государствам Европы со стороны фашистской Германии. Оставаясь почти в полном одиночестве, Советский Союз отстаивал

международные интересы демократии. В частности его дипломатия приняла на себя защиту устава Лиги наций, который ещё мог быть использован для коллективной борьбы против агрессоров. Между тем Лига наций была фактически покинута её прежними руководителями. Они отступились от неё и составили, как иронически отмечала советская дипломатия, «лигу доброжелателей агрессоров» или «общество поощрения агрессии».

Совет Лиги наций являл печальную картину разброда. Правительство Чили заявило о своём выходе из Лиги наций. Швейцария открыто отказывалась от выполнения обязательств члена Лиги. Испания и Абиссиния были фактически поставлены вне Лиги наций. Пособники фашистских агрессоров настойчиво требовали реформы Лиги, чтобы устранить последние помехи своему сотрудничеству с Гитлером.

В сборнике документов германской внешней политики за 1933—1939 гг. «Deutschland — England» впервые опубликована запись беседы Нейрата с британским послом в Берлине Гендерсоном. Из неё видно, как далеко по линии уступок шла британская дипломатия и насколько непримирима была позиция германской дипломатии. «Английский посол посетил меня сегодня, — записал Нейрат 26 января 1938 г., — и сообщил мне, что правительство вызывает его в Лондон для беседы о тех шагах, которые он должен предпринять на основании разговора с Галифаксом... Гендерсон опять заговорил о возвращении Германии в Лигу наций и хотел получить заверение, что мы, возможно, поставим на обсуждение вопрос о новом вступлении в реформированную Лигу наций. Однако я заявил ему, что вообще не хочу говорить по данному вопросу. Я с достаточной ясностью выразился о нашей позиции в отношении Лиги наций. Впрочем, из нынешних переговоров в Женеве я вижу, что Англия уже не проявляет больше достаточного мужества, чтобы продолжать дискуссию о реформе Лиги наций» [1].

Беседа происходила в то самое время, когда в Женеве шла дискуссия вокруг статьи 16 устава Лиги. Её отмены требовал ряд членов Лиги наций, желавших иметь развязанные руки в возможных международных конфликтах и военных осложнениях. Особенно усердствовали поляки, превратившие Польшу в «пятую колонну» внутри Лиги наций. Внесённые предложения и проекты реформы устава Лиги наций обсуждались на заседании так называемого Комитета 28-ми. 1 февраля 1938 г. в этом комитете выступил представитель СССР. Он указал, что попытки отменить или ослабить статью 16 устава Лиги наций являются результатом давления противников идеи коллективной безопасности. «Бесполезно спорить о смысле статьи 16 с

---

[1] «Deutschland — England», 1933—1939, Essener Verlag, 1940, S. 139—140.

теми, кто уже пришёл к заключению, что коллективная безопасность не существует, что она невозможна, что каждый за себя, а бог за всех», — говорил советский делегат.

Эта твёрдая позиция советской делегации помешала сторонникам соглашения с агрессорами провести в Лиге наций решение об отмене статьи 16.

Не менее твёрдый отпор дала советская дипломатия и попыткам Польши захватить Литву, как то сделала фашистская Германия с Австрией.

Через два дня после присоединения Австрии к Германии в Польше начались антилитовские демонстрации. На польско-литовской границе сосредоточивались польские войска. 17 марта 1938 г. польское правительство через своего дипломатического представителя в Таллине предъявило литовскому правительству ультиматум. Оно требовало заключения конвенции, гарантирующей права «польского меньшинства» в Литве, а также отмены параграфа литовской конституции, провозглашающей Вильно столицей Литвы. Польская военщина грозила в случае отклонения ультиматума в течение 24 часов проделать «марш на Каунас» и оккупировать Литву.

Польско-литовский конфликт угрожал перерасти в войну в Восточной Европе. Дипломатические представители Великобритании и Франции ограничились пожеланиями, чтобы Польша и Литва воздержались от насильственных действий. Только советское правительство оказало активное содействие мирному урегулированию польско-литовского конфликта. Оно довело до сведения польского посла в Москве, что советское правительство рекомендует Польше не посягать на свободу и независимость Литвы. В противном случае оно денонсирует без предупреждения польско-советский пакт о ненападении и в случае вооружённого нападения на Литву оставит за собой свободу действий. Благодаря этому вмешательству советской дипломатии опасность вооружённого конфликта между Польшей и Литвой была предотвращена. Поляки ограничили свои требования к Литве одним пунктом — установлением дипломатических отношений — и отказались от вооружённого вторжения в Литву.

Правительство СССР не ограничилось дипломатической защитой Литвы.

Оно выразило готовность прийти на помощь Чехословакии и Франции, если они того пожелают. Однако «по каким-то причинам или без всяких причин, — писал по этому поводу Дэвис в государственный департамент 23 марта 1938 г., — европейские демократические державы как будто не хотят укрепить своё положение, реалистически использовать для этого силу, которая имеется здесь (в Москве. — *Ред.*), как часть единого фронта против Муссолини и Гитлера. Англия и Франция как

будто намеренно поступают как раз наоборот, действуя тем самым наруку нацистам и фашистам. Они скоро создадут такое положение, что Советский Союз совершенно изолируется или даже займёт враждебную позицию в отношении Англии и позицию безразличную в отношении Франции». Между тем «резервы живой силы здесь колоссальны. Страна обладает такими ресурсами, что неизбежно приобретёт громадное и всё растущее влияние на положение в Европе и во всём мире».

Блок фашистских агрессоров торжествовал, видя, что правительства Англии и Франции сторонятся Советского Союза и стремятся обречь его на одиночество.

Такая политика как нельзя более благоприятствовала замыслам Гитлера и Муссолини. Чтобы действовать с полной уверенностью, фашистам нужно было обеспечить себя с тыла. Для этого всего лучше было отвлечь внимание и силы Советского Союза на Дальний Восток, создав для него угрозу со стороны Японии. Дипломатия Гитлера принялась усердно работать в этом направлении. Японская военщина пошла навстречу замыслам немецкого союзника. Её пресса повела кампанию за войну против СССР. На советско-манчжурской границе участились случаи её нарушения японо-манчжурскими войсками и самолётами. В конце концов летом 1938 г. дело дошло до серьёзного вооружённого столкновения. В боях у озера Хасан Красная Армия дала японским агрессорам сокрушительный отпор. Она показала всему свету, что мирная политика советского правительства подкрепляется грозной мощью вооружённых сил Советского Союза. Получив такой урок, японское правительство вынуждено было прекратить военные налёты на советскую территорию. Между СССР и Японией начались официальные переговоры об уточнении советско-манчжурской границы.

Майский кризис Чехословакии

Полагая, что осложнения на Дальнем Востоке воспрепятствуют вмешательству Советского Союза в европейские дела, фашистская дипломатия спешила осуществить свои замыслы против Чехословакии. 15 мая 1938 г. в газете «New York Herald Tribune» появилось сообщение из Лондона, что ни Франция, ни СССР не станут воевать из-за Чехословакии; тем менее расположена Англия браться за оружие, чтобы защищать славянскую республику. Пусть Чехословакия со всей трезвостью отдаст себе отчёт в своём положении; ей станет очевидным, что единственным выходом для неё должно быть мирное разрешение вопроса о судетских немцах.

Не подлежит сомнению, что предостережение, обращённое к Чехословакии, было продиктовано дипломатией Чемберлена, попрежнему стремившейся договориться с Гитлером. Следует отметить знаменательное совпадение: за два дня до опубликования в американской газете упомянутого лондонского

сообщения в столицу Англии прибыл из Праги агент Гитлера Генлейн. Он провёл в Лондоне два дня, 13 и 14 мая. За это время он успел встретиться с рядом членов британского Парламента и даже с представителями оппозиции. Со всеми этими деятелями Генлейн вёл разговоры о положении в Чехословакии, доказывая, что единственным правильным разрешением вопроса о дальнейшей судьбе этой республики было бы её расчленение. Агитация Генлейна принесла свои плоды. 14 мая 1938 г. в американской газете «New York Times» появилась статья известного английского публициста Авгура. Под этим псевдонимом выступал русский эмигрант Владимир Поляков, сын крупного финансового дельца России Лазаря Полякова, нажившего железнодорожными подрядами и банковскими аферами при Александре III и Николае II огромное состояние и чин тайного советника. Переселившись в Англию, Владимир Поляков приобрёл известность как журналист, отдавший своё небрезгливое перо на службу хозяевам английских финансов и правящим кругам консервативной партии. В статье, напечатанной в указанной газете, Авгур с откровенностью, граничащей с цинизмом, сообщал о том, что Чемберлен непрочь был бы купить у Гитлера мир ценой колониальных уступок и расчленения Чехословакии.

Вскоре английская дипломатия от воздействия на прессу перешла к прямому давлению на правительство Чехословакии. Гендерсон телеграфировал из Берлина в Лондон, что германские войска стягиваются к чехословацкой границе. Вслед за тем пришло сообщение, что правительство Чехословакии ответило на военные мероприятия Гитлера немедленной мобилизацией; она прошла весьма дружно, быстро и организованно. Чехословацкая армия в полной боевой готовности придвинулась к границе, ожидая сигнала, чтобы дать решительный отпор нападению фашистов.

В Лондоне встревожились. В беседах с чехословацким посланником Массариком Галифакс настойчиво убеждал его, что необходимо предупредить войну, дав удовлетворение требованиям судетских немцев. Всё же правительство поручило Гендерсону запросить германское правительство, какую цель преследует передвижение немецких войск к границе Чехословакии. С обычной наглостью Риббентроп ответил английскому послу, что Лондону нечего беспокоиться: происходят обычные «передвижения местного характера».

Тут же Риббентроп, упомянув о гибели двух немцев на чехословацкой границе, разразился угрозами по адресу Чехословакии. «Они (т. е. чехи. — *Ред.*), уверял он меня, будут уничтожены, женщины и дети все вместе, — записывает слова Риббентропа Гендерсон. — Когда я заметил, что смерть двух немцев является, конечно, прискорбным фактом, но что лучше

смерть двоих, чем гибель сотен тысяч на войне, — он ответил, что каждый немец готов умереть за свою родину» [1].

Всё же скрепя сердце британское правительство сочло необходимым предупредить немцев, что дальнейшая концентрация германских войск у границы Чехословакии неминуемо вызовет мобилизацию вооружённых сил Франции. Тогда и Великобритании не удастся более остаться в стороне. Услышав это, Риббентроп окончательно утратил самообладание. Он в ярости ответил Гендерсону, что если произойдёт война, если она примет всеобщий характер, то виновницей этого будет Франция. Что касается Германии, то, как и в 1914 г., она примет вызов [2].

Бешенство Риббентропа не было случайным взрывом. Германскому правительству было известно, что Франция, напуганная военными мероприятиями немцев против Чехословакии, пытается заручиться помощью со стороны Англии на случай вооружённого конфликта между своей союзницей и Германией. Правительство Даладье настроено было панически. С одной стороны, Германия с Италией могли ударить против Франции из Испании, где с их помощью восторжествовал фашизм; с другой — та же Германия грозила обрушиться на восточную границу Франции, в случае если бы последняя выступила на помощь Чехословакии. Дипломатия Даладье старалась сделать всё, чтобы застраховать себя против испанской опасности. Для этого правительство Даладье сочло необходимым окончательно отмежеваться от испанских республиканцев. Ещё 12 апреля 1938 г. Даладье предупреждал их, что «правительство не допустит, чтобы угроза нависла над границами Франции, над её путями сообщения и колониями». По поводу бомбардировки фашистскими самолётами пограничных городов тот же Даладье заявил в Палате депутатов, что «не имеет возможности установить национальность аэропланов, сбросивших бомбы». Французское правительство вновь наглухо закрыло испанскую границу. Свою поддержку фашизма в Испании оно проводило под флагом обеспечения мира и безопасности границы на Пиренеях. Это означало полную блокаду республиканской Испании. Правящие круги Франции во имя сохранения своего классового господства предпочитали иметь соседом фашиста Франко, нежели испанский народный фронт. Недаром заявлял Фланден, вождь республиканской группы «Alliance démocratique», представлявший в Палате интересы крупного капитала: «Политика, направленная против Франко, противоречит французским интересам и диктуется Москвой».

Правительство Чемберлена не могло не оценить стараний Даладье доказать умеренность и благоразумие господ-

---

[1] *N. Henderson*, Failure of a Mission, p. 136.

[2] Ibidem.

ствующих групп французской буржуазии. Английская дипломатия уверенно опиралась на французского классового союзника. Она рассчитывала, что и Гитлер не рискнёт на такую войну, где Германия могла бы оказаться перед лицом англо-французской коалиции, которую поддержали бы ещё Чехословакия и Советский Союз. Действительно, не будучи ещё уверен в своём военном превосходстве, Гитлер не решился открыто напасть на Чехословакию. Он предпочёл пойти другим путём, используя готовность единомышленников Чемберлена купить мир ценой расчленения Чехословакии.

Судетской партии Генлейна дан был соответствующий наказ. 26 мая 1938 г. она возобновила переговоры с чехословацким правительством, приняв за основу предложенный ею «национальный статут» Судетской области. Так выигрывалось время, необходимое Гитлеру для окончательного сговора с англичанами и французами.

Миссия Ренсимена и нажим англо-французской дипломатии на Чехословакию

В середине июля 1938 г. один из видных представителей «клайвденской клики», маркиз Лондондерри, вновь отправился в Берлин для встречи с Гитлером, Герингом и Риббентропом. Плодом этих переговоров явилось «личное послание» Гитлера Чемберлену. Его привёз в Лондон 18 июля и вручил Галифаксу адъютант Гитлера капитан Видеман.

Предложения Гитлера подверглись обсуждению в Париже, куда 19 июля прибыл Галифакс вместе с английской королевской четой. В совещаниях приняли участие Даладье и Боннэ. Англо-французские переговоры происходили под покровом величайшей тайны. Как выяснилось впоследствии, предложения Гитлера были признаны приемлемыми. В Париже были вынесены решения, которые вскоре и были положены в основу злополучного Мюнхенского соглашения.

22 июля 1938 г. Англия потребовала от Чехословакии, чтобы ею были приняты решительные меры для «умиротворения Европы». Чехословацкое правительство ответило, что готово рассмотреть «карлсбадские пункты» Генлейна, т. е. программу территориальной автономии Судетской области, выработанную партией судетских немцев. Но оказалось, что Генлейн и его единомышленники уже не удовлетворяются своими прежними требованиями. 29 июля 1938 г. Генлейн выступил в Бреславле с публичной декларацией, в которой провозгласил принципы гитлеровского пангерманизма: все немцы в любой стране должны подчиняться «только немецкому правительству, немецким законам и голосу немецкой крови».

Английская дипломатия решила произвести самый энергичный нажим на чехословацкое правительство. 3 августа прибыл

в Прагу уполномоченный Чемберлена Ренсимен, один из магнатов лондонского Сити. Ему было поручено стать «беспристрастным посредником» между сторонами и в кратчайший срок привести их к соглашению. В Берлине отлично понимали истинную цель миссии Ренсимена. Чтобы содействовать её успеху, фашистское правительство Германии приняло демонстративно устрашающую позицию. В ряды армии были призваны запасные; на западных границах Германии открыто сооружались новые укрепления; для нужд армии проводились реквизиции; над территорией Чехословакии непрерывно летали германские самолёты; отпуска государственным служащим в Германии были отменены; объявлена была регистрация врачей и сиделок. Недалеко от Данцига и Польского коридора организованы были военные манёвры. На них присутствовал сам Гитлер. 22 августа вместе с регентом Венгрии Хорти, прибывшим в Германию, Гитлер отправился в Киль. Там произведён был смотр нового германского военного флота. Оттуда Гитлер со своим гостем проследовал на Гельголанд, превращённый в грозную морскую крепость. Иностранным военным атташе продемонстрирована была мощь боевого флота гитлеровской Германии. 110 современных военных кораблей, 37 подводных лодок, новый линкор «Гнейзенау» производили манёвры на глазах приглашённых гостей. На суше иностранцам показаны были танки, бронемашины, моторизованная пехота; в воздух поднимались мощные эскадрильи боевой авиации. Всё было рассчитано на то, чтобы создать впечатление несокрушимой силы немецкой военной машины.

Устрашающая демонстрация военной мощи фашистской Германии была использована Ренсименом для того, чтобы напугать чехословацкое правительство и сделать его более сговорчивым. Грозя чехословакам, что в случае войны они будут раздавлены полчищами Гитлера, посланец Чемберлена настойчиво требовал от Бенеша дальнейших уступок.

1 сентября 1938 г. Гитлер вызвал Генлейна в Берхтесгаден, где находились в это время Геринг, Гесс и Геббельс. Здесь Генлейну было приказано отвергнуть все компромиссные предложения Ренсимена и требовать незамедлительной передачи немцам Судетской области.

7 сентября 1938 г. лондонская газета «Times» выступила со статьёй, в которой чехам предлагалось без дальних разговоров передать Германии «Судетскую окраину». Статья вызвала негодование в демократических кругах Англии и Европы. Но она сделала своё дело. Сторонники Гитлера, трусы и соглашатели в Англии и Франции, заговорили открыто, что Чехословакия своим упорством может вызвать всеобщую войну в Европе. Чтобы предупредить эту катастрофу, нужно заставить Чехословакию безоговорочно удовлетворить все требования Германии.

Естественно, что Гитлер немедленно откликнулся на агитацию своих доброхотов. 12 сентября 1938 г. он выступил в Нюрнберге с неистовой речью. «Не для того всемогущий создал 7 миллионов чехов, — вопил фюрер, — чтобы они угнетали три с половиной миллиона судетских немцев!..» В той же речи Гитлер заявил, что 28 мая он отдал приказ всемерно увеличить мощь германской армии и авиации и выстроить «гигантские укрепления» на западной границе Германии.

Напряжённое положение, создавшееся в Европе в эти дни, драматически изобразил Черчилль в своей статье «Европейский кризис». «Германия широко развернула мобилизацию, — писал он, — мобилизован флот, приведены в готовность воздушные силы, две трети армии находятся на военном положении... Наблюдается движение войск из центральной Германии к рейнской границе; вокруг Чехословакии и во вновь захваченных австрийских областях стягиваются громадные вооружённые силы... Недостаёт только какого-либо кровавого инцидента или восстания в установленный Гитлером момент, чтобы последовал сигнал к наступлению» [1].

Можно ли предупредить катастрофу, угрожающую европейскому миру?.. «Если Великобритания, Франция и Россия совместно обратятся к Гитлеру с нотой, — продолжал Черчилль, — давая ему понять, что нападение на Чехословакию повлечёт за собой их немедленное общее выступление; если в то же время и Рузвельт заявит, что эта нота имеет за собой моральную поддержку США... то можно ещё надеяться... что цивилизованный мир не будет вовлечён в катастрофу...» [2]

Но Черчилль напрасно рассчитывал на Францию. Её правительство менее всего было расположено воевать с гитлеровской Германией. 12 сентября 1938 г. французский министр иностранных дел Жорж Боннэ представил на рассмотрение кабинета доклад генерала Гамелена о состоянии вооружённых сил Франции. Из этого доклада вытекало, по мнению Боннэ, что Франция не может итти на риск вооружённого столкновения с Германией.

Это был сознательный обман. О нём впоследствии подробно рассказали в своих воспоминаниях такие осведомлённые французские журналисты, как Пертинакс и Женевьева Табуи.

Последняя, рассказывая о той чудовищной лжи, которой фашисты опутали Францию в период Мюнхена, пишет:

«Превосходящий всё обман имел место 12 сентября, когда Боннэ обратился к министрам по вопросу о мобилизации. Министр иностранных дел ловко извлёк из доклада Гамелена

[1] *W. Churchill*, Step by Step, 1936—1939, N. Y. 1939, p. 245—246.
[2] Ibid., p. 248.

о состоянии армии всё то, что считал полезным для своей политики, и опустил всё остальное. Он сообщил о том факте, что в нашем военном снаряжении имеются пробелы, но не упомянул о более успокоительных разделах доклада, особенно о заключительном параграфе, где говорилось: „Но Чехословакия не должна быть оставлена на произвол судьбы. И если война не может быть предотвращена, Франция ещё раз будет победоносной“».

Пертинакс рассказывает, что сам автор доклада, генерал Гамелен, протестовал в Лондоне и в Париже против извращения его точки зрения в пессимистическом меморандуме Боннэ [1].

Составляя в апреле 1938 г. свою записку для Даладье и Боннэ перед их поездкой в Лондон, Гамелен доказывал, что Чехословакию можно и должно защищать. Он требовал сохранения за Чехословакией её стратегических границ с укреплённой линией и «Моравским коридором». Он учитывал, что в этот момент германская армия была слабее французской и чехословацкой, в особенности по количеству и качеству танков. Генерал Гамелен не примыкал к тем реакционным военным кругам Франции, которые считали, что «лучше мир с Гитлером, чем война против него вместе с Ворошиловым». Наоборот, он активно поддерживал политику Барту, направленную к укреплению франко-советских отношений, а саботаж Лавалем франко-советского договора считал гибельным маневром, чреватым печальными последствиями для безопасности Франции. Гамелен осуждал антисоветскую позицию Польши и приветствовал сближение СССР и Чехословакии. Какое же решение принял кабинет? Вечером того же дня оно было официально сообщено английскому послу во Франции Эрику Фиппсу. Даладье пригласил к себе посла и заявил ему, что Франция лишена возможности выполнить свои союзные обязательства в отношении Чехословакии.

Английское правительство приняло к сведению сообщение французов. Однако, всё ещё рассчитывая повлиять на немцев, оно не возражало против того, чтобы французское правительство провело ряд мероприятий мобилизационного характера. В ряды французской армии были призваны запасные; укреплённая линия Мажино была укомплектована полным составом вооружённых сил; из Африки во Францию прибыли колониальные войска. Со своей стороны английское командование приказало флоту быть в боевой готовности.

Гитлер решил не отступать. Он вновь выступил в Нюрнберге с заявлением, что Германия закончила свои военные приготовления; она готова выдержать самые серьёзные испытания;

---

[1] *Pertinax,* Les fossoyeurs, v. II, N. Y. 1943.

к тому же ею собран богатый урожай, который позволит ей перенести «любую экономическую блокаду».

Итальянский союзник Германии проявил в эти дни значительно меньшую воинственность. В газете «Popolo d'Italia» опубликовано было открытое письмо, автором которого был, очевидно, сам Муссолини. Тон этого письма был скорее примирительным: ясно чувствовалось, что фашистскую Италию смущает перспектива вооружённого столкновения из-за Чехословакии с такими державами, как Англия и Франция. Во всяком случае газета предлагала Ренсимену и Бенешу провести в Чехословакии плебисцит, который и решит вопрос о дальнейшей судьбе этой республики. «Ведь чехословацкая нация не существует», и «время компромиссов миновало», — храбрился орган Муссолини, стараясь всё же не отстать от берлинского запевалы.

Свидание Чемберлена с Гитлером в Берхтесгадене 15 сентября 1938 г.

Но в Лондоне всё ещё надеялись на компромисс. Вечером 14 сентября правительство приняло решение предупредить опасный кризис в Европе, направив премьер-министра в Германию для личной встречи с Гитлером. Это решение было немедленно сообщено в Берлин и Париж. Из Берлина последовал снисходительный ответ, что «фюрер будет рад встретиться с британским премьер-министром...» Правительство Даладье горячо одобрило «смелое» решение Чемберлена.

15 сентября 1938 г. 70-летний премьер Великобритании впервые в жизни рискнул погрузиться в самолёт, чтобы совершить своё паломничество к самому «нереспектабельному» коллеге, попавшему из ефрейторов в правители «третьей империи». В тот же день Чемберлен и его спутники Вильсон и Стрэнг были приняты Гитлером в Берхтесгадене. Здесь состоялась трёхчасовая беседа английских гостей с хозяином. Гитлер потребовал окончательного и полного «самоопределения» судетских немцев. Чемберлен попросил отсрочки для ответа на это требование: он сослался на необходимость вернуться в Лондон, чтобы принять решение, согласованное британским правительством с Францией и Чехословакией. В тот же день состоялась беседа Геринга с английским послом Гендерсоном. Геринг не без наглости заявил представителю Великобритании, что «Германия подождёт ещё этой второй и окончательной встречи (с Чемберленом. — *Ред.*), но что она вообще тянуть больше не намерена... Если же Англия начнёт войну против Германии, то трудно представить исход войны. Одно только ясно, — угрожающе добавил Геринг, — что до конца войны не много чехов останется в живых и мало что уцелеет от Лондона» [1].

[1] *N. Henderson*, Failure of a Mission, p. 152.

По возвращении в Лондон Чемберлен пригласил туда на совещание Даладье и Боннэ. Утром 18 сентября они прибыли в Лондон на самолёте. Огромная толпа ожидала их на аэродроме. Она встретила французов криками: «Никаких уступок Гитлеру! Поддержите чехов!..». Однако сторонников решительных действий против фашистских поджигателей войны ожидало горькое разочарование: как Чемберлен, так и его французские гости уже решили пожертвовать Чехословакией, чтобы договориться с гитлеровской Германией.

К тому же выводу пришёл и уполномоченный Чемберлена Ренсимен, выехавший из Праги 16 сентября. В меморандуме, представленном английскому премьеру, он высказывался за незамедлительную передачу Германии тех пограничных областей Чехословакии, где немецкое население составляло большинство. Одновременно Ренсимен рекомендовал положить конец агитации, которая ведётся в Чехословакии против её соседей, добиться от чехословацкого правительства, чтобы оно дало заверение своим соседям в том, что ни при каких обстоятельствах не нападёт на них и не приступит против них к каким-либо агрессивным действиям, проистекающим из обязательств по отношению к другим государствам, и, наконец, предложить Чехословакии заключить торговый договор с Германией на основе преференций. Совершенно очевидно, что по существу Ренсимен требовал безоговорочного подчинения Чехословакии Германии. Чешские патриоты должны были замолчать; пакты взаимопомощи, заключённые Чехословакией с Францией и СССР, предлагалось аннулировать; Чехословакии навязывался кабальный экономический договор с Германией. Чехословацкое правительство было уведомлено нотой от 19 сентября, что для предупреждения европейской войны оно должно немедленно передать Германии Судетскую область. Англо-французская дипломатия постаралась подсластить чашу горечи, которую предстояло испить Чехословацкой республике: последней была обещана «международная гарантия» границ её урезанной территории. Прага была предупреждена, что Чемберлен должен встретиться с Гитлером 22 сентября; поэтому чехословацкому правительству было предложено дать ответ на англо-французские предложения в кратчайший срок.

Фактически союзники предъявили Чехословакии самый жёсткий ультиматум: от неё требовали самоубийства. Даладье и Боннэ вернулись в Париж. Французский кабинет большинством голосов одобрил их позицию. После заседания правительства Боннэ пригласил к себе посланника Чехословакии Осусского и объявил ему о принятом решении. Выходя из кабинета Боннэ, Осусский сказал обступившим его журналистам: «Моя страна осуждена, не будучи даже выслушанной».

20 сентября в 7 часов 30 минут вечера посланникам Англии и Франции был вручён ответ Чехословакии. Чехословацкое правительство просило пересмотреть решение Англии и Франции и передать вопрос на арбитражное разбирательство в соответствии с германо-чехословацким договором 1925 г. Чемберлен решил заговорить с упрямыми чехословаками другим языком. Вечером того же дня, по поручению Лондона, английский посланник Ньютон сообщил чешскому правительству, что «в случае, если оно будет дальше упорствовать, английское правительство перестанет интересоваться его судьбой». Французский посланник Делакруа не отстал от своего английского коллеги: со своей стороны он поддержал его угрожающее предупреждение.

21 сентября в 2 часа ночи президент Бенеш был поднят с постели приходом обоих посланников. То был уже пятый их визит на протяжении одних суток.

Ночные гости предъявили Бенешу ультиматум, содержание которого было впоследствии оглашено чехословацким министром пропаганды Гуго Вавречка. От имени своих правительств посланники требовали немедленной и безоговорочной капитуляции Чехословакии. Чехословацкое правительство должно понять, заявили они, что «если оно не примет англо-французского плана, то весь мир признает Чехословакию единственной виновницей неизбежной войны». Своим отказом Чехословакия нарушит и англо-французскую солидарность: ведь если даже Франция и придёт на помощь Чехословакии, Англия не вступит в войну.

«Если же чехи объединятся с русскими, — добавили посланники, — война может принять характер крестового похода против большевиков. Тогда правительствам Англии и Франции будет очень трудно остаться в стороне». Бенеш предложил посланникам изложить их требования в письменном виде. Он хотел, чтобы нарушение Францией союзного договора было запечатлено в официальном документе. Повидимому, Бенеш рассчитывал также выиграть время; он ещё надеялся заручиться поддержкой со стороны некоторых членов французского кабинета.

Народ и армия в Чехословакии решительно отвергали капитуляцию. За уступку требованиям Гитлера, поддержанным правительствами Англии и Франции, стояла лишь влиятельная чешская партия аграриев во главе с премьер-министром Годжа. Ультиматум союзников подвергся обсуждению на заседании пражского кабинета. 21 сентября было вынесено решение о капитуляции... «Мы зависели от помощи наших друзей, — гласило официальное сообщение, опубликованное по этому поводу, — но, когда нам начали угрожать силой, стало очевидно, что европейский кризис приобрёл слишком серьёзный характер. Поэтому наши друзья посоветовали нам купить сво-

боду и мир путём жертв, поскольку они сами не могли нам помочь... Президент республики и наше правительство не могли сделать ничего другого, ибо мы оказались в одиночестве». В тот же день министр пропаганды Вавречка выступил по радио с заявлением, что чехословацкое правительство не имело иного выбора. «Наши друзья и союзники принудили нас принять условия, — говорил министр, — которые обычно предлагают побеждённому противнику. Не недостаток мужества заставил нас принять решение, от которого сжимаются наши сердца... Не будем осуждать тех, кто покинул нас в момент катастрофы: свой суд по поводу этих дней произнесёт история» [1].

Чемберлен в Годесберге

Между тем Чемберлен уже снова летел в Германию. Вторая встреча его с Гитлером имела место 22 сентября в Годесберге. Британский премьер сообщил Гитлеру, что вопрос о судетских немцах решён английским и французским правительствами в точном соответствии с пожеланиями Германии.

Чемберлен ожидал, что Гитлер выразит ему своё удовлетворение. Но совершенно неожиданно он услышал нечто совсем другое. «Очень сожалею, — заявил Гитлер, — но теперь это нас не устраивает». Тут же Гитлер пояснил, чего он хочет. Оказалось, он требует, чтобы заодно удовлетворены были территориальные притязания Венгрии и Польши, с которыми Германия связана дружественными отношениями. В большом замешательстве Чемберлен заявил, что новые требования Гитлера должны быть подвергнуты обсуждению. На этом его беседа с Гитлером прервалась. Ночью Чемберлен заявил осаждавшим его корреспондентам: «Я не могу сказать, что положение безнадёжно». Эти слова английского премьера лишь усилили общий переполох. Переговоры, казалось, зашли в тупик. Всё же Чемберлен решил добиваться их продолжения. Он поручил Вильсону и Гендерсону посетить Риббентропа и передать ему, что просит представить германские предложения в письменной форме. Свою просьбу Чемберлен мотивировал тем, что ему необходимо послать в Прагу копию немецких предложений и карту с указанием тех частей чехословацкой территории, которые должны отойти к Германии, Польше и Венгрии. Риббентроп ответил, что германский меморандум будет составлен в течение вечера. 23 сентября в 10 часов 30 минут вечера переговоры возобновились. В германском меморандуме предъявлено было требование, чтобы чехи начали эвакуацию важнейших районов Судетской области в 6 часов утра 26 сентября и закончили её не позднее 28 сентября. Чемберлен указал Гитлеру, что немецкий меморандум по существу представляет не что иное, как ультиматум; однако он предъявлен государству,

[1] *Fr. Schuman*, Europe on the Eve, p. 422—423.

которое добровольно идёт на уступки и не понесло поражения на войне. Завязался длительный спор. В конце концов Гитлер согласился отсрочить эвакуацию до 1 октября.

24 сентября Чемберлен вылетел в Лондон. По прибытии туда он спешно созвал Кабинет министров. Вечером Галифакс передал чехословацкому посланнику меморандум гитлеровского правительства.

Когда содержание германского меморандума стало известно политическим кругам Англии, оно вызвало резкие протесты со стороны представителей оппозиции. Непримиримый противник соглашательской политики Чемберлена Уинстон Черчилль не скрыл своего возмущения в беседе с корреспондентом агентства Рейтер. «Расчленение Чехословакии под англо-французским нажимом, — говорил Черчилль, — означает полное отступление европейской демократии перед угрозой применения силы со стороны фашистской Германии. Эта капитуляция носит характер катастрофы; она отнюдь не содействует укреплению мира и обеспечению безопасности Великобритании и Франции. Наоборот, она неизбежно приведёт обе эти страны к такому состоянию, когда они в конце концов лишены будут всякой возможности сопротивляться». Черчилль пояснил, что согласие Англии и Франции на расчленение Чехословакии освобождает 25 германских дивизий. Теперь они будут угрожать Франции. Черчилль предостерегал против иллюзии, что «безопасность можно обеспечить, отдавая малую страну на съедение волкам» [1].

Чтобы преодолеть оппозицию, правительство Чемберлена решило произвести «психическую атаку» на английское общественное мнение. Нужно было внушить населению, что над страной нависла военная опасность и что мирное течение жизни неминуемо будет нарушено, если правительство не достигнет соглашения с Гитлером по чехословацкому вопросу. 22 сентября в Лондоне открылось 14 пунктов раздачи противогазов. Началась организация противовоздушной обороны. В парках Лондона рылись щели и траншеи. Вокруг общественных зданий укладывались мешки с песком. Распространялся слух о предстоящей эвакуации населения столицы в сельские местности.

Французское правительство, видимо, сговорившись с Лондоном, действовало по его примеру. В армию было призвано полмиллиона человек. На самых людных улицах и площадях появились отряды людей с кирками и лопатами; толпы любопытных парижских обывателей собирались около наскоро вырытых бомбоубежищ и траншей. Во многих местах устанавливались зенитные батареи...

---

[1] «Правда» от 23 сентября 1938 г.

В воскресенье, 25 сентября, чехословацкий посланник Массарик вручил Чемберлену ответ своего правительства на немецкий меморандум. «Фактически, — гласил ответ, — это ультиматум, который обычно предъявляется побеждённому народу... Нас лишают действительной основы нашего национального существования. Мы должны сдать немцам бóльшую часть нашей тщательно подготовленной обороны и впустить германскую армию в глубь нашей страны... Наша национальная и экономическая независимость автоматически исчезнет с принятием плана господина Гитлера». Чехословацкое правительство заявляло, что признаёт немецкий меморандум «абсолютно неприемлемым». Вручая Чемберлену ответ своего правительства, Массарик добавил, что чешский народ «никогда не будет народом рабов». Однако Чемберлен и слышать не хотел о возражениях Чехословакии. Он упрямо продолжал настаивать, чтобы чехословацкое правительство без замедлений согласилось удовлетворить все германские требования. 26 сентября Массарик писал в Прагу о приёме, оказанном в Лондоне ответу чехословацкого правительства. «Чемберлен искренне изумлён тем, — сообщал посланник, — что мы не намерены отзывать наши войска с пограничных укреплений. Я подчеркнул, что лишь вчера эти укрепления были заняты войсками по совету самих же Англии и Франции и что сегодня мы не можем снова их очистить. Этого Чемберлен не может понять. Просто несчастье, что этот глупый, неосведомлённый, ничтожный человек является английским премьером. Но я убеждён, что он останется им недолго»[1].

Между тем в Англии и во Франции всё возрастала паника, усердно раздуваемая правительствами Чемберлена и Даладье. Этот «шантаж войной» нужен был обоим, чтобы подготовить общественное мнение своих стран к сговору с Гитлером и к открытой измене обязательствам, принятым Францией и Англией в отношении Чехословакии. Это предательство Чемберлен и Даладье старались изобразить перед общественным мнением как патриотический подвиг миротворчества. Больше всего усердствовал Чемберлен. 27 сентября он отправил Гитлеру личное письмо. В нём он доказывал, что фюрер может получить «всё существенное без войны и без промедления...». «Я готов, — распинался престарелый британский премьер, — немедленно и лично приехать в Берлин, чтобы обсудить условия передачи Судетской области с вами и с уполномоченным чехословацкого правительства, а также с представителями Франции и Италии, если вы этого пожелаете». Чемберлен заклинал Гитлера не открывать военных действий «из-за нескольких дней промедления в разрешении давно назревшей проблемы»[2].

---

[1] «Deutschland — England».
[2] «Archiv der Gegenwart», 1938—1939.

В тот же день Чемберлен обратился с письмом и к Муссолини. «Я надеюсь, — заискивал он перед главой фашистской Италии, — что ваше превосходительство сообщит германскому канцлеру о том, что вы готовы принять участие в совещании и что вы убедите его согласиться с моим предложением, которое предохранит наши народы от войны. Я уже поручился, — добавлял английский премьер, — что обещания Чехословакии будут выполнены, и я уверен, что полное соглашение может быть достигнуто в течение одной недели».

Правительственный телефон между Парижем, Берлином и Лондоном работал непрерывно. Боннэ слал инструкции в Берлин Франсуа Понсэ и в Лондон Шарлю Корбену. Понсэ получил полномочия представить Гитлеру новые предложения, означавшие безоговорочное принятие всех требований, предъявленных им в Годесберге. Корбену поручалось сообщить англичанам о согласии французского правительства при посредстве Муссолини начать новые переговоры с Гитлером.

Мюнхенское соглашение (29—30 сентября 1938 г.)

По мере того как Гитлер убеждался в полной готовности англичан и французов отдать ему в жертву Чехословакию, он приходил всё в больший азарт. Теперь он уже не считал нужным стесняться. Вечером 26 сентября он выступил в берлинском Спорт-паласе с новыми угрозами против Чехословакии. «Если к 1 октября, — бесновался фюрер, — Судетская область не будет передана Германии, я, Гитлер, сам пойду, как первый солдат, против Чехословакии». Одобрительно упомянув об усердии Чемберлена, якобы стремящегося «сохранить мир», Гитлер повторил заявление, которое делал всякий раз, когда готовился к новому акту агрессии и стремился усыпить международную бдительность. «После того как судетско-германский вопрос будет урегулирован, — провозгласил он, — мы не будем иметь никаких дальнейших территориальных претензий в Европе... Нам чехи не нужны» [1]. Тем не менее спустя несколько минут Гитлер снова обрушился на чехов. Бешеные угрозы перемежались в его речи с воплями о чешских «зверствах» и о притеснениях, якобы чинимых чехами в отношении судетских немцев. Неистовство оратора передалось его слушателям. Когда Гитлер произнёс имя президента Чехословацкой республики Бенеша, огромный зал Спорт-паласа огласился дикими воплями обезумевшей толпы. «Повесить его! Повесить его!» — ревели гитлеровцы.

Разнузданное выступление Гитлера было явно рассчитано на то, чтобы окончательно напугать Европу и подавить последние попытки противодействия его замыслам. Впоследствии стало известно, что рано утром 26 сентября президент США

---

[1] «Archiv der Gegenwart», 1933—1939.

Рузвельт обратился к Гитлеру и Бенешу с призывом мирно разрешить их спор. За 3 часа до открытия собрания в Спорт-паласе и Чемберлен прислал к Гитлеру на самолёте своего представителя Вильсона с письмом, в котором предлагал созвать новую конференцию держав по чехословацкому вопросу. Но Гитлер уже закусил удила. Послание Рузвельта даже не было сообщено германской прессе. Кровожадная речь в Спорт-паласе была ответом на обращение Рузвельта и Чемберлена. На другой день после этой речи Вильсон вторично посетил Гитлера. Но тот заявил, что его позиция неизменна и что германская «акция» начнётся завтра. По улицам Берлина в этот же день мрачно маршировали непрерывные колонны солдат, вооружённых с ног до головы.

27 сентября Гендерсон получил инструкцию из Лондона ещё раз встретиться с Гитлером и уведомить его, что английское и французское правительства потребовали от Чехословакии немедленно приступить к передаче Германии Судетской области. В тот же день Геринг и Нейрат совместно с Гитлером обсуждали предложение Муссолини отложить общую мобилизацию немецких войск на 24 часа. Вечером, вызвав к себе Гендерсона, Гитлер милостиво объявил ему: «По просьбе моего большого друга и союзника сеньора Муссолини я откладываю мобилизацию на сутки».

В этот день итальянский посол в Берлине говорил с Гитлером четыре раза и не менее двадцати раз связывался с Римом по телефону. В четвёртой беседе с Гитлером итальянский посол сообщил ему, что Муссолини дал согласие лично прибыть в Мюнхен.

28 сентября состоялось экстренное заседание английской Палаты общин. С речью выступил Чемберлен. Докладывая Парламенту о переговорах с Гитлером в Берхтесгадене по чехословацкому вопросу, премьер подчеркнул якобы «чрезвычайно серьёзное заверение» главы германского правительства, что после удовлетворения его требований Германия не будет больше иметь никаких территориальных притязаний в Европе.

В этот момент курьер подал лорду Галифаксу, сидевшему в ложе правительства, спешный пакет из Министерства иностранных дел. Галифакс немедленно вскрыл конверт. Пробежав глазами находившийся в нём документ, он показал его Болдуину. Затем, подойдя к трибуне, он передал бумагу самому премьеру. Взглянув на документ, Чемберлен тут же обратился к Палате. «Я сказал ещё не всё, — заявил он, — я должен сделать Палате дополнительное сообщение. Господин Гитлер извещает, что он приглашает меня встретиться с ним завтра утром в Мюнхене». Члены Парламента, мечтавшие о соглашении с Гитлером, встретили заявление премьера шумными аплодисментами.

29 сентября «неутомимый» Чемберлен в третий раз сел в самолёт, чтобы отбыть в Германию. В 12 часов 45 минут в Мюнхене в Коричневом доме открылась конференция полномочных представителей Германии, Великобритании, Франции и Италии. Германия была представлена Гитлером, Англия — Чемберленом, Франция — Даладье, Италия — Муссолини. Переговоры закончились ночью около двух часов. Условия Годесбергского меморандума были приняты полностью. Чехословакии предлагалось передать Германии все пограничные с ней районы. Таким образом, речь шла не только о Судетской области, но и о районах, пограничных с бывшей Австрией. Передаваемые районы Чехословакия должна была очистить в срок с 1 по 10 октября. Все военные сооружения, находившиеся в этих областях, передавались Германии. В соглашении указывалось также на необходимость «урегулировать» вопрос о польском и венгерском национальных меньшинствах в Чехословакии. Таким образом, имелось в виду отторжение от Чехословакии ещё некоторых частей её территории в пользу Польши и Венгрии. После «урегулирования» этого вопроса оставшейся части Чехословакии должны быть предоставлены гарантии Англии, Франции, Германии и Италии против неспровоцированной агрессии.

Судьбы Чехословакии решались в Мюнхене без всякого её участия. Чешский посланник и представитель Министерства иностранных дел Чехословакии прибыли в Мюнхен лишь для того, чтобы «ожидать результатов конференции». Ни тот, ни другой не были допущены в зал совещания.

Перед отъездом из Мюнхена Чемберлен посетил Гитлера и подписал с ним следующую декларацию: «Мы, германский фюрер, имперский канцлер и британский премьер-министр... согласились в том, что вопрос об англо-германских отношениях имеет первостепенную важность для обеих стран и для всей Европы. Мы считаем, что соглашение, подписанное вчера вечером, равно как и англо-германское морское соглашение, символизируют волю обоих наших народов никогда впредь не воевать друг с другом».

В ту же ночь Гендерсон в упоении успехом своей миротворческой деятельности в Берлине восторженно писал Чемберлену: «Миллионы матерей будут благословлять ваше имя за то, что вы спасли их сыновей от ужасов войны».

В свои столицы Чемберлен и Даладье въезжали как триумфаторы. На аэродроме огромная толпа встретила Даладье кликами: «Да здравствует Даладье! Да здравствует мир!»

Первым миротворцем считал себя Боннэ. Действительно, Даладье послушно следовал внушениям пронырливого министра иностранных дел, хотя и был хорошо осведомлён об истинных причинах заинтересованности Боннэ в мире с Германией.

Тайная полиция представила Даладье ряд документов, изобличавших министра иностранных дел как спекулянта на фондовой бирже и участника тёмных махинаций, успех которых зависел от уступки немцам. Некоторые члены французского кабинета знали об этих аферах министра иностранных дел и ставили вопрос о его отставке. Но Даладье и президент республики сознательно закрывали глаза на эту сторону деятельности Боннэ, ценя его усердие как наиболее ловкого проводника политики соглашения с Германией. Между прочим было известно, что Боннэ представил правительству явно неверные данные о превосходстве вооружённых сил Германии. Из этого доклада вытекало, что французская, русская и чехословацкая армии, вместе взятые, не могли бы противостоять военной мощи «третьего рейха». Между тем французский генеральный штаб имел достоверные сведения, что германской армии потребуется ещё не меньше года, чтобы привести свои вооружённые силы в состояние боевой готовности. Но изменникам, подкупленным агентам немцев и спекулянтам, подобным Боннэ, нужно было во что бы то ни стало внушить правительству и общественному мнению уверенность в невозможности борьбы с гитлеровской Германией. Значительная часть французской прессы во главе с агентством Гавас получала от немцев огромные деньги и вела кампанию в пользу Гитлера. Сообщение агентства Рейтер от 28 сентября о германской мобилизации и воинственных замыслах Гитлера было встречено этой частью французской печати как злостное измышление. 29 сентября Леон Дода выступил в фашистской газете «Action Française» против «кровавой сволочи», которая распространяет ложные слухи. Через два дня после речи Чемберлена, который официально объявил о намерении Гитлера мобилизовать германскую армию, во французской печати появились опровержения этого факта. 30 сентября в газете «Liberté» был воспроизведён краткий диалог, якобы имевший место между Даладье и депутатом Марэном по этому поводу:

«*Марэн:* Но сообщение о германской мобилизации?

Даладье: Ложь!

Марэн: А телеграмма Рейтера?

Даладье: Ложь!».

Когда в эти дни во Францию прибыл Уинстон Черчилль, часть французской прессы открыла против него кампанию, объявив этого политического деятеля Англии «поджигателем войны номер первый».

5 октября, выступая в Палате общин, Черчилль дал уничтожающую оценку деятельности англо-французской дипломатии. «Мы испытываем бедствия первостепенного значения, выпавшие на долю Великобритании и Франции, — говорил лидер парламентской оппозиции. — Не будем закрывать на

это глаза. Мы должны ожидать, что в ближайшее время все страны Центральной и Восточной Европы придут к соглашению с торжествующей фашистской властью. Сметён ряд союзов в Центральной Европе, на которые Франция опиралась для обеспечения своей безопасности».

Вернувшись из Мюнхена, Чемберлен заявил в одном из своих публичных выступлений, что «отныне мир обеспечен на целые поколения». Совершенно иначе оценивал Черчилль итоги Мюнхена. «Англия, — говорил он с горечью и негодованием, — должна была выбирать между войной и позором. Её министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну».

Ещё раньше, 24 марта 1937 г., выступая в английском Парламенте, Черчилль пророчил гибельные последствия соглашательской политики правительства Чемберлена. «Если британскую нацию и Британскую империю постигнет смертельная катастрофа, — предупреждал Черчилль, — будущие историки спустя тысячу лет тщетно будут пытаться постигнуть тайны нашей политики. Никогда не смогут они понять, как это случилось, что народ, одержавший победу, имеющий кое-что за душой, унизился до такого падения, пустил по ветру всё, что выиграл в результате безмерных жертв и решительного торжества над противником. Они не поймут, почему победители оказались побеждёнными, а те, которые сложили оружие на поле битвы и молили о перемирии, идут ныне к господству над миром».

Советская дипломатия в деле защиты независимости Чехословакии

При обсуждении в Мюнхене чехословацкого вопроса Гитлер с пеной у рта доказывал Даладье и Чемберлену, что Чехословакия является «форпостом большевизма в Европе». Чехословацкая республика связана с Советским Союзом договором о взаимной помощи. Правительство СССР толкает её на войну с Германией; оно не только стремится нанести удар Гитлеру, но рассчитывает разжечь мировую войну, последствием которой может быть большевистская революция. Поэтому люди, которые требуют защиты Чехословакии, содействуют крушению существующего порядка в Европе...

Из Парижа и Лондона в Прагу шли настоятельные предупреждения: Чехословакия не должна надеяться на Советский Союз; он находится слишком далеко; у него нет с Чехословакией общих границ; наконец, он и не захочет вступать в войну, несмотря на свои договорные обязательства о помощи Чехословакии. Так дипломатия французского и английского правительств старалась ослабить дух чехословацкого народа и опорочить Советский Союз в глазах демократов всего мира.

Сказывался и другой мотив буржуазной дипломатии. Её руководителям не улыбалась мысль о совместных действиях против Гитлера с Советским Союзом. С солдатской откровен-

ностью выразил это настроение в своём разговоре с некоторыми политическими деятелями в Праге бывший глава французской военной миссии в Чехословакии генерал Фоше.

Фоше заявил, что для Франции было бы нежелательно разбить Гитлера при помощи Советского Союза. Прежде всего мировое общественное мнение могло бы отнести честь этой победы за счёт Красной Армии. Это болезненно задело бы национальную честь Франции. Но ещё важнее другое. Разгром Гитлера при содействии большевиков вызвал бы бурный подъём симпатий к Советскому Союзу. Это содействовало бы опасному росту революционного рабочего движения. Такая перспектива отнюдь не улыбается французскому правительству. «Словом, — заключил генерал Фоше, — мы не хотим выступать против Гитлера, имея союзниками большевиков». Клеветническим измышлениям антисоветской дипломатии противоречили всем известные факты. Весь свет знал, что советское правительство считает долгом своей чести выполнять принятые на себя договорные обязательства и что оно неустанно борется за дело коллективной безопасности и взаимной помощи демократических стран против поджигателей войны.

Советский Союз оказался единственным государством, сохранившим верность своим международным обязательствам в отношении Чехословакии.

«Связанный с Чехословакией пактом о взаимной помощи, — заявлял представитель СССР на пленуме Лиги наций 21 сентября 1938 г., — Советский Союз в дальнейшем воздерживался от всякого вмешательства в переговоры чехословацкого правительства с судетонемцами, считая это внутренним делом чехословацкого правительства. Мы воздерживались от всяких советов чехословацкому правительству, считая недопустимым требовать от него уступок немцам в ущерб государственным интересам, ради избавления нас от необходимости выполнения наших обязательств по пакту. Не давали мы советов также и в обратном направлении» [1].

В начале сентября 1938 г. французское правительство обратилось к правительству СССР с запросом, какова будет его позиция, в случае если Чехословакия подвергнется нападению.

Ответ советского правительства был ясен и прям: немедленно созвать представителей СССР, Англии и Франции; опубликовать декларацию от имени этих держав, предупреждающую, что Чехословакии будет оказана помощь в случае невызванного нападения на неё Германии; внести тот же вопрос в Лигу наций для обсуждения способов этой защиты; наконец, организовать техническую консультацию представителей генеральных штабов СССР, Франции и Чехословакии для выработки плана

---

[1] «Правда» от 22 сентября 1938 г.

совместных военных действий. Таковы были предложения советского правительства. При этом было подчёркнуто, что СССР окажет Чехословакии помощь любыми средствами и всеми доступными путями, если, как установлено его договором с Чехословакией, сама Франция выступит на её защиту.

В середине сентября само чехословацкое правительство запросило правительство СССР, готово ли оно в соответствии с чешско-советским пактом оказать немедленную и действенную помощь Чехословакии, если такую же помощь она найдёт и со стороны Франции. На этот запрос советское правительство немедленно ответило согласием. Как известно, в чешско-советском пакте было предусмотрено, что СССР оказывает помощь Чехословакии лишь в том случае, если и Франция делает то же самое. Всякому было понятно, что, вынуждая Чехословакию принять германо-англо-французский ультиматум, Франция фактически нарушает свои обязательства о помощи Чехословакии, предусмотренные чешско-французским пактом.

Тем самым и советское правительство формально освобождалось от обязательства оказать помощь Чехословакии, установленного чешско-советским пактом. Тем не менее правительство Советского Союза не воспользовалось своим правом предоставить Чехословакию её судьбе. Чешско-советский пакт не был объявлен утратившим силу. СССР попрежнему был готов оказать поддержку Чехословакии, если её правительство того пожелает. В критические дни 27—28 сентября, когда президент Соединённых штатов предложил своё посредничество для разрешения германо-чешского конфликта мирными средствами, представителю США в Советском Союзе Керку было сообщено от имени советского правительства, что оно высказывается за созыв международной конференции для оказания коллективной помощи Чехословакии и для принятия практических мер, необходимых для сохранения мира.

Этого мало. Когда в польской прессе опубликовано было сообщение о концентрации войск Польши на чехословацкой границе, в Наркоминдел был приглашён вечером 23 сентября поверенный в делах Польской республики. От имени советского правительства ему было заявлено, что по сведениям, не опровергнутым польским правительством, на чехословацкой границе сосредоточиваются польские войска, которые, повидимому, должны быть двинуты на территорию Чехословакии. Правительство Советского Союза надеется, что эти сообщения будут немедленно опровергнуты Польшей. Если бы этого не случилось и если бы польские войска действительно вторглись на территорию Чехословакии, правительство СССР признало бы это актом невызванной агрессии. На этом основании оно вынуждено было бы денонсировать польско-советский пакт о ненападении от 25 июля 1932 г.

Вечером того же дня последовал ответ польского правительства. Тон его был по обыкновению заносчив. Однако по существу польское правительство оправдывалось: оно объясняло, что проводит некоторые военные мероприятия лишь в целях обороны. Вскоре иностранная печать сообщила, что часть польских войск была отведена от чехословацкой границы. Очевидно, твёрдое предупреждение Советского Союза возымело своё действие.

Между тем реакционная пресса Англии и Франции усиленно распространяла измышления о том, будто бы СССР не намерен выполнять свои договорные обязательства по отношению к Чехословакии.

Махинации клеветников были разоблачены: в Женеве, на Ассамблее Лиги наций, был оглашён ответ советского правительства на запросы Франции и Чехословакии. Так сорван был провокационный замысел реакционеров. Зато СССР предстал перед миром как единственная страна, которая в момент всеобщей паники, дезертирства и предательства сохранила полное спокойствие, доказала свою неизменную верность договорным обязательствам, проявила твёрдую решимость защищать международный мир и демократию против поджигателей войны.

Клеветники прибегли к новому маневру. Пущен был слух, будто при разрешении чехословацкого кризиса правительства Франции и Великобритании совещались с представителями Советского Союза, будто даже мюнхенские решения были предварительно согласованы с правительством СССР. В доказательство ссылались на то, что Боннэ встретился с советским послом в Париже, а Галифакс и Кадоган с представителем СССР в Лондоне. Тогда 4 октября агентство ТАСС выступило с сообщением, что версия эта лишена всяких оснований. В разговорах с послами СССР министры иностранных дел Франции и Англии ограничились всего-навсего передачей им газетной информации. Что касается Мюнхенской конференции и её решений, то правительство СССР никакого касательства к ним не имело и не имеет.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

РАЗВЯЗЫВАНИЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ ВОЙНЫ ПОСЛЕ МЮНХЕНСКОЙ КАПИТУЛЯЦИИ (1938—1939 гг.)

Дальнейшее наступление гитлеровской Германии после Мюнхена

1 октября германские войска вступили в Чехословакию. Они беспрепятственно заняли не только Судетонемецкую область, но и ряд районов и городов, где почти не было немецкого населения.

Вслед за Германией выступили Венгрия и Польша. В речи по радио 1 октября венгерский премьер-министр Имреди заявил, что интересы венгерского меньшинства в Чехословакии «обойдены». Венгрия претендовала на южную часть Словакии и на Карпатскую Украину. Но в самой Словакии уже развивалось сепаратистское движение. Словацкий корпус, созданный при поддержке гитлеровской Германии, требовал образования «независимого словацкого государства». Польша в свою очередь добивалась передачи ей Тешинской области и установления общей границы с Венгрией.

Договорившись с Гитлером, польское правительство 22 сентября экстренно сообщило о денонсировании польско-чехословацкого договора о национальных меньшинствах, а через несколько часов предъявило Чехословакии ультиматум о присоединении к Польше «земель с польским населением». 2 октября 1938 г. польские войска вступили на чехословацкую территорию.

Этим разбойничьим актом правительство Польши наглядно продемонстрировало свои захватнические стремления и завершило свою политику сотрудничества с Германией, основание которому было заложено ещё польско-германским соглашением 26 января 1934 г. Ревностным проводником этой фашистской политики являлся на всём протяжении указанного периода министр иностранных дел Польши полковник Бек.

Следует отметить, впрочем, что служение полковника Бека интересам немецкой политики началось ещё задолго до упомянутого берлинского соглашения. В 1914 г. будущий министр иностранных дел Польши в качестве студента Коммерческой

академии находился в Вене. В 1918 г. Бек уже оказывается на территории Советской Украины в качестве офицера, выполняющего секретную работу по заданиям «Польской военной организации» (ПОВ). Как известно из записок генерала Венявы Длугашевского, эта организация осуществляла диверсионную деятельность, поддерживая контакт с немецкими интервентами. В 1921 г. майор Бек состоит уже на службе во II отделе польского генерального штаба. Имя его упоминается в ноте Чичерина от 10 сентября 1921 г., адресованной польскому представителю в Москве Филипповичу. «Наше утверждение о том, — гласила нота, — что 2-ой отдел польского генерального штаба давал организации Савинкова возможность посылать в Россию яд, основывается, между прочим, на документе за подписью майора генерального штаба Бека»[1].

В 1923 г. французский генеральный штаб установил, что сведения о вооружённых силах Франции, сообщаемые лишь представителям союзных армий, в том числе и польской, известны германскому штабу. А в 1924 г., по требованию маршала Фоша, военный атташе польского посольства в Париже полковник Бек вынужден был покинуть Францию. В начале 1932 г. полковник Бек был намечен польским правительством на пост посла в Париже, но французское министерство иностранных дел отклонило эту кандидатуру.

Пилсудский дал полковнику Беку реванш, демонстративно назначив его министром иностранных дел Польши. На этом посту полковник Бек получил широкую возможность развивать свою политику сговора с фашистской Германией.

Для Гитлера было недостаточно расчленения Чехословакии. Вскоре после Мюнхена германское Министерство пропаганды начало кампанию в пользу включения в состав Германии «всех территорий Европы, населённых немцами». Одним из средств этой агитации явилось издание в Германии «лингвистической карты Европы». Карта снабжена была кратким пояснением. В ней подчёркивалось, что в Европе живёт 88 миллионов немцев, из них в Германии находятся лишь 75 миллионов. В качестве стран с немецким населением на карте были отмечены Польша, Литва, Шлезвиг, Чехословакия, Эльзас-Лотарингия, Венгрия, Эйпен-Мальмеди, Югославия, Швейцария, Италия и др.

Десять дней спустя после Мюнхенского соглашения Гитлер выступил с речью в Саарбрюкене. На этот раз он уже ни одним словом не подтвердил своих прежних заверений, что не имеет в Европе каких-либо притязаний. Зато глава фашистской

---

[1] *В. Гальянов*, Куда идёт Польша, «Большевик» № 8, 1938 г., стр. 65.

Германии громогласно возвестил о предстоящем сооружении новых укреплений в Саарской области и в Аахене. Было слишком ясно, какие цели преследуют эти мероприятия германского командования. Укрепив свои позиции в Сааре, германские войска могли угрожать Эльзасу; возведя укрепления в Аахене, они нависали над пограничной зоной Бельгии. Гражданские власти Германии не отставали от военного командования: ими составлены были списки всех немцев, проживавших в Эльзас-Лотарингии до войны 1914 г. и выехавших из этой области после перемирия. К этим лицам направлялись письма, которыми они приглашались совершить на казённый счёт поездку в Эльзас-Лотарингию и навестить там старых знакомых. Нет нужды пояснять, что эти поездки преследовали разведывательную цель.

Фашистский ежемесячник «Elsass-Lothringen-Heimatstimmen», выходивший в Берлине, в каждом номере публиковал статьи, призывавшие немцев, живущих в Эльзас-Лотарингии, к борьбе за возвращение этой «германской территории отечеству». В Эльзасе возникла «эльзасская национал-социалистская партия». Вместе с другими гитлеровскими организациями — «Трудовой фронт», «Крестьянский союз» — и штурмовыми отрядами молодёжи — «Юнгманншафтен» — она вела открытую агитацию за «воссоединение Эльзас-Лотарингии с германским отечеством».

Та же работа велась гитлеровцами и в бельгийской области Эйпен-Мальмеди. Немецко-фашистские газеты открыто заявляли, что леса, простирающиеся до Аахена, находятся на территории, «отнятой у Германии».

Гитлеровская дипломатия не теряла времени и на востоке. Стремясь возможно скорее присоединить к Германии Данциг и ликвидировать Польский коридор, она уже вела переговоры с Польшей о разделе Литвы. Землями этой республики немцы предлагали вознаградить Польшу за уступку Данцига и Польского коридора.

Так развивала гитлеровская Германия свои наступательные действия после Мюнхена.

Позиция английской дипломатии после Мюнхена

Какую же позицию перед лицом возрастающего напора гитлеровской Германии занимала английская дипломатия?

После опубликования 9 октября 1938 г. совместной декларации Чемберлена и Гитлера о «вечном мире» между Англией и Германией, единомышленники английского премьера развили в британской прессе кампанию в пользу соглашения с Германией на основе дальнейших уступок, в частности и в вопросе о колониях. 23 октября 1938 г. газета «Sunday Times» поместила большую статью видного национал-лейбориста лорда Эльтона. Автор высказывал мнение, что силь-

ная Германия и мощная Англия могут отлично ужиться друг с другом, ибо «в мире имеется достаточно места для обеих стран». Этот намёк на возможность передела мира между Германией и Англией сопровождался враждебными выпадами против Советского Союза.

Ещё яснее замыслы правительства Чемберлена выражались в газете «Times». В передовой статье от 8 февраля 1939 г. газета заявляла, что на западе Англия готова защищать Францию от возможного нападения. Что касается востока, куда могла бы направиться сила Германии, то читателю нетрудно было догадаться, что в этом направлении немцы не встретят помех со стороны Англии.

Германская дипломатия, естественно, спешила использовать благоприятную для неё позицию правительства Чемберлена. Вскоре после Мюнхенского соглашения она предложила Англии заключить воздушный пакт. Как сообщал дипломатический обозреватель газеты «Evening Standard», Риббентроп настаивал на том, чтобы Германии было дано право иметь воздушный флот, силы которого превышали бы в два или даже в три раза мощь английской авиации. Немцами выдвигалось и другое требование. Агенты Гитлера в Лондоне распространяли слухи, что если английское правительство не согласится предоставить Франко права воюющей страны, привлечь Италию к участию в управлении Суэцким каналом и исправить положение в Тунисе, то Гитлер и Муссолини вынуждены будут совместно выступить с новой дипломатической акцией. Наконец, председатель германского Рейхсбанка Шахт обратился к руководителю Английского банка Норману с настойчивым требованием значительных кредитов; в противном случае он дерзко угрожал Англии «внешнеполитическими осложнениями».

В довершение всего германское правительство выступило с заявлением, что намерено создать подводный флот, равный английскому по объёму тоннажа. Такое сообщение вызвало в Лондоне сенсацию. Впрочем, правительство Чемберлена постаралось предупредить его широкую огласку. Газеты получили от Министерства иностранных дел прямое указание «не раздувать» этого вопроса.

Гитлер делал свои выводы из уступчивости английской дипломатии. 30 января 1939 г. он выступил на заседании Рейхстага с речью, в которой выражал Чемберлену и Муссолини благодарность за содействие в разрешении австрийского и чехословацкого вопросов. Отныне в Европе Германия не имеет к Англии и Франции никаких претензий. Остаётся лишь удовлетворить её колониальные требования. «Германия, — заявил Гитлер, — находится в настоящее время в чрезвычайно тяжёлом экономическом положении. Все затруднения происходят из-за того, что Германия не имеет колоний».

Настойчивое напоминание Гитлера о колониях для Германии звучало почти угрозой. Однако и на этот раз правительство Чемберлена постаралось притушить тревогу, вызванную выступлением главы фашистской Германии.

Капитулянтская позиция французского правительства

Ту же политику капитуляции перед возрастающим натиском фашистской Германии проводило после Мюнхена и французское правительство.

27 октября 1938 г. председатель Совета министров Даладье выступил в Марселе на съезде партии радикал-социалистов. Глава французского правительства провозгласил, что Мюнхенское соглашение является «актом разума». Даладье этим не ограничился. Говоря о перспективах внешней политики Франции, он открыто требовал тесного сотрудничества с Германией и улучшения франко-итальянских отношений.

Не отставая от главы кабинета, и министр иностранных дел Франции Жорж Боннэ усиленно ратовал за окончательный сговор с Германией. После Мюнхена им были затрачены огромные суммы из секретных фондов Министерства иностранных дел на прогерманскую пропаганду. Она усиленно велась в руководящих политических кругах, в редакциях наиболее распространённых газет, в светских салонах Парижа. Франко-германский комитет, руководимый Абецом, наводнял страну изданиями, прославлявшими франко-германскую дружбу. Газетные киоски в Париже и других крупных городах Франции забиты были погромными антисемитскими брошюрами. Наёмник Гитлера провокатор Дорио и его агентура усердно распространяли удешевлённое и подчищенное французское издание книги Гитлера «Моя борьба». По указке из Берлина французская профашистская печать ежедневно публиковала сенсационные сообщения о разрушительных замыслах Советской России. Лаваль требовал от сенатской комиссии по иностранным делам денонсирования франко-советского пакта о взаимопомощи. По его же внушению газета «Matin» с энтузиазмом расписывала приготовления Гитлера к «украинскому походу».

Даже публицисты правого лагеря французской прессы, как де Керилис в газете «Epoque», Эмиль Бюре в «Ordre», Пертинакс в «Echo de Paris», выражали возмущение этой профашистской вакханалией. Они понимали, чем она грозит национальным интересам Франции. Они предсказывали, что политика уступок Гитлеру, проводимая правительством Даладье, явится лишь поощрением фашистской Германии к дальнейшим актам агрессии.

Заискивая перед Гитлером, правительство Даладье старалось склонить в свою пользу и фашистскую Италию. Французский посол в Риме Франсуа Понсэ не жалел сил, стремясь стяжать расположение Муссолини. Но вслед за Гитлером и

глава фашистской Италии всё менее считал нужным стесняться с французами.

30 ноября 1938 г. во время речи министра иностранных дел Чиано в итальянском Парламенте произошла бурная антифранцузская демонстрация. Когда Чиано упомянул о «естественных притязаниях Италии», депутаты, вскочив с мест, завопили: «Тунис, Тунис, Тунис...». С трибун Парламента этому хору вторили крики: «Корсика, Ницца, Савойя, Джибути...». Франсуа Понсэ пришлось быть молчаливым свидетелем этой манифестации. На этом не кончились его испытания. Под окнами французского посольства — палаццо Фарнезе — толпы фашистов шумно демонстрировали с теми же антифранцузскими лозунгами.

На другой день Боннэ поспешил созвать к себе корреспондентов парижской прессы. Он умолял их не придавать «чрезмерного значения» событиям, разыгравшимся в Риме. Однако в демократических кругах Парижа и в особенности в рабочих массах дерзкие выступления итальянских фашистов вызвали крайнее возмущение. Рабочие объявили 24-часовую забастовку протеста против капитулянтской политики Даладье. Правительство мобилизовало полицию и войска, расположенные в Париже. Однако возбуждение во Франции было так велико, что Даладье счёл необходимым принять срочные меры для успокоения общественного мнения страны. В Париж экстренно прибыл Риббентроп. 6 декабря 1938 г. подписана была франко-германская декларация. Таким образом правительство Даладье рассчитывало продемонстрировать достижения своей «политики мира» в отношении гитлеровской Германии. Декларация заявляла, что французское и германское правительства признают окончательными существующие границы Франции и Германии. На будущее время оба правительства обязывались разрешать возникающие между ними спорные вопросы в порядке дружественной консультации. По существу франко-германская декларация 6 декабря означала, что французское правительство, якобы обеспечив неприкосновенность своих границ со стороны Германии, фактически развязывает Гитлеру руки в Восточной Европе.

Дипломатия Даладье — Боннэ торжествовала. Ей казалось, что франко-германские отношения вступают на путь умиротворения и, быть может, даже дружественного сотрудничества. При этих условиях можно было попробовать несколько осадить Муссолини. Вскоре Даладье предпринял поездку во Французскую Северную Африку. Путь главы французского правительства пролегал через Корсику, Тунис и Алжир. Расхрабрившись, Даладье произносил широковещательные речи о твёрдой решимости Франции оберегать целостность Французской империи. «Мы дадим отпор, — хвастливо заявлял

Даладье, — любому нападению, прямому или косвенному, произведённому при помощи силы или хитрости. Мы сделаем это с решимостью и энергией, которым ничто в мире не сможет противостоять».

Не подлежит сомнению, что сам Даладье не придавал серьёзного значения своим воинственным декларациям, рассчитанным больше всего на театральный эффект. Более того, одной рукой угрожая Италии, Даладье другой — продолжал делать по её адресу заискивающие жесты.

В это время в Испании уже окончательно истощались силы республиканского фронта. Войска Франко, итальянские легионеры, германские танки и авиация громили силы защитников демократической Испании. Правительство Даладье с опаской оглядывалось на испанскую границу, которая вместе с западной — германской — и южной — итальянской — могла представить для Франции серьёзнейшую военную угрозу. При этих условиях министр иностранных дел Боннэ решил возобновить попытки примирения с Италией. На очередном приёме журналистов на Кэ д'Орсэ он заявил представителям прессы, что после мировой войны Италия не получила достаточной компенсации. Вскоре в прессе появились сообщения о том, на какой основе Франция готова вести переговоры с Италией. Французский план предусматривал: утверждение границ, намеченных итало-французским соглашением от 7 января 1935 г.; исправление границ на юге Туниса; установление франко-итальянского протектората над Тунисом; новый статут для итальянских выходцев, поселившихся на Корсике; участие Италии на равных правах в администрации Суэцкого канала и интернационализацию железной дороги Джибути — Аддис-Абеба.

В разработке этих условий деятельное участие принял Поль Бодуэн, приятель Лаваля, директор крупного банка, глава франко-итальянского треста, имевшего монополию на добычу соли в Итальянской Восточной Африке.

Заискивающие авансы французской дипломатии в отношении Италии не достигли своей цели. Рука, протянутая Италии, повисла в воздухе. Муссолини явно не желал продешевить. События, развёртывавшиеся в Испании, и беспредельная уступчивость англо-французской дипломатии под напором Гитлера окрыляли его самыми смелыми надеждами. 26 января 1939 г. пала Барселона. Спустя две недели войска Франко появились на французской границе. Правительство Даладье — Боннэ сочло необходимым без замедления вступить с Франко в дипломатические переговоры. В Бургос направлен был с этой целью сенатор Берар. Целыми днями, добиваясь приёма у Франко, уполномоченный французского правительства обивал пороги Министерства иностранных дел. Он соблазнял прави-

тельство испанских фашистов обещаниями отдать Франко всё золото, переведённое испанскими республиканцами во Французский банк, выдать республиканский флот, интернированный во французских портах, и передать всё оружие, сложенное ими на французской границе при отступлении. Только после этого Франко удостоил дать согласие на взаимное признание.

28 марта Франко занял Мадрид. Правительство Даладье направило туда маршала Петэна, известного своим сочувствием фашизму. Французское и английское правительства установили дипломатические отношения с фашистской Испанией без каких бы то ни было предварительных условий.

Считая свои позиции в Испании окончательно упроченными, Муссолини действовал всё смелее. Ещё 22 декабря 1938 г. он объявил расторгнутым итало-французский пакт от 7 января 1935 г. Это означало, что Италия отказывается от политики соглашения с Францией и готовится перейти против неё в открытое наступление. Успех Мюнхена кружил голову итальянским фашистам. «Мюнхенский метод может и должен быть вновь применён с неменьшим успехом, — заявляла итальянская печать, — чтобы разрешить одну за другой все оставшиеся неразрешёнными проблемы. Так достигнуто будет более справедливое соотношение между потребностями и ресурсами великих держав, которые спасли мир в Мюнхене».

Колониальные требования Италии, естественно, поддерживала немецко-фашистская печать. 30 января 1939 г. в речи в Рейхстаге Гитлер заявил, что в случае войны против Италии Германия будет на её стороне. 14 апреля 1939 г. Албания, маленькая страна, связанная с Италией союзным договором, была объявлена присоединённой к Итальянской империи.

Захват Чехословакии (14—15 марта 1939 г.)

Сговорчивость англо-французской дипломатии поощряла гитлеровскую Германию к дальнейшему осуществлению её агрессивных замыслов. Относительно направления немецкого наступления между участниками Мюнхенской конференции существовала очевидная договорённость. 16 января 1940 г. американское агентство Ассошиэйтед Пресс предало гласности заявление германского правительства, что после Мюнхена Франция обещала не создавать помех на пути германских интересов в Восточной Европе.

Видное место в планах германской агрессии после Мюнхена занимала Карпатская Украина. Первоначальный замысел немецко-фашистской дипломатии сводился к тому, чтобы под видом «автономии» Украины создать зародыш фашистского «украинского» государства, которое будет использовано для последующего захвата Советской Украины. Фашистский журнал «Ostland» в ряде статей откровенно ставил вопрос о поддержке «независимой» Карпато-Украины, которая должна

будет «объединиться» с Киевом. Единомышленники Розенберга считали, что это «украинское» государство станет «исходным пунктом в борьбе против большевизма».

В отчётном докладе на XVIII съезде партии товарищ Сталин дал уничтожающую оценку сумасшедшим планам «присоединить слона, т. е. Советскую Украину, к козявке, т. е. к так называемой Карпатской Украине».

Скоро и гитлеровская дипломатия отказалась от этого плана. Она понимала, что для продвижения Германии на Восток Карпатская Украина представляет гораздо меньшее удобство, нежели Венгрия или Словакия. Не имея значительных городских центров и своих железных дорог и являясь лишь узким коридором, Карпатская Украина не могла служить Германии достаточным плацдармом при наступлении на Восток.

Первоначально немецко-фашистская дипломатия поддерживала проект образования «независимой» Карпатской Украины в рамках вассальной Чехословакии. Но Польша и Венгрия, стремясь установить непосредственную польско-венгерскую границу, добивались передачи Карпатской Украины Венгрии. По инициативе гитлеровской дипломатии в Вене было принято 2 ноября 1938 г. компромиссное соглашение между Венгрией, Польшей и Чехословакией, по которому признавалась «независимость» Карпатской Украины, а Польша получала компенсацию в районах Тешина. Но уже в декабре немецко-фашистская дипломатия, стремясь к сближению с Венгрией, решила дать согласие на присоединение к ней Карпатской Украины. 5 января 1939 г., принимая в Берхтесгадене полковника Бека, Гитлер объявил ему, что, по его мнению, украинский вопрос не представляет неотложного интереса. С другой стороны, венгерскому министру иностранных дел было дано понять, что в случае захвата Венгрией Карпатской Украины венгерское правительство не встретит сопротивления со стороны Германии. За это Венгрия обещала присоединиться к «антикоминтерновскому пакту», что и сделала в марте 1939 г.

При такой обстановке внимание немецко-фашистской дипломатии, естественно, направлялось на Словакию.

На этот раз словаки должны были сыграть такую же роль, какую в 1938 г. дипломатия Гитлера возложила на судетских немцев. В Словакии начало бурно развиваться сепаратистское движение. Берлин нашёл своих агентов в лице некоторых словацких министров, в особенности Маха и Дурчанского. При содействии немецкой дипломатии в Братиславе был организован сепаратистский путч. Возник конфликт между чехами и словаками. Берлинская пресса усердно его раздувала. Как и в августе 1938 г., она открыла демагогическую кампанию против чехов, якобы «учиняющих зверства» по отношению к германскому и словацкому меньшинствам. Главари словацких сепара-

тистов Тиссо и Дурчанский демонстративно направились к Гитлеру, чтобы просить у него защиты против чешских «притеснителей». 13 марта 1939 г. при посещении Берлина Тиссо получил директиву немедленно созвать чрезвычайное собрание словацкого сейма и объявить независимость Словакии. События в Словакии вызвали немедленный отклик и в Карпатской Украине. Образовавшееся там правительство во главе с Волошиным также провозгласило независимость своей страны. В расчёте на обещания Гитлера Венгрия поспешила послать войска для оккупации и захвата Карпатской Украины. Но Гитлер счёл выступление Венгрии несвоевременным: он приказал ей отозвать свои войска. В ночь на 15 марта 1939 г. германские войска вступили на территорию Чехословакии. Началась военная оккупация республики, за исключением юго-восточных районов, занятых Венгрией. Гитлер потребовал приезда в Берлин чешского президента. В это время Бенеша уже не было в Чехословакии: ещё 5 октября 1938 г. он сложил с себя звание президента Чехословацкой республики и выехал в Англию. Новый президент Гаха вместе с министром иностранных дел Хвалковским поспешно прибыли в Берлин, подчиняясь приказанию Гитлера. Здесь они были встречены Герингом и Риббентропом и приняты самим фюрером. Представителям чешского правительства был вручён готовый документ, определявший дальнейшую судьбу Чехословацкой республики. Фактически дело шло об окончательной ликвидации национальной и государственной независимости Чехословакии. Гитлер грубо заявил Гаха и Хвалковскому, что сейчас не время для разговоров. Он вызвал их лишь для того, чтобы получить их подпись на документе, которым Богемия и Моравия включались в состав Германской империи. «Всякий пытающийся сопротивляться, — заявил Гитлер, — будет растоптан». После этого Гитлер поставил свою подпись на документе и вышел.

В официальном донесении от 17 марта 1939 г., опубликованном в «Жёлтой книге», французский посол в Берлине Кулондр сообщал Боннэ некоторые подробности относительно подписания чешскими представителями акта о ликвидации независимости Чехословакии.

«Между двумя чешскими министрами и тремя немцами, — доносил Кулондр, — произошла трагическая сцена. В течение нескольких часов Гаха и Хвалковский протестовали против учинённого над ними насилия. Они заявляли, что не могут подписать представленный им документ. Они говорили, что если сделают это, то будут навеки прокляты своим народом. Гаха со всей энергией, на которую он был способен, восставал против протектората, который должен был распространиться на чехов. Он заявлял, что никогда люди белой расы не ставились в такие условия. Но германские министры были без-

жалостны. Они буквально не отставали от Гаха и Хвалковского; они бегали за ними вокруг стола, на котором лежали документы; они вновь и вновь клали их перед чехами, они совали им в руки перья; они твердили, что если министры будут сопротивляться, то завтра же половина Праги будет лежать в развалинах от воздушной бомбардировки. Но это будет только начало: сотни бомбардировщиков ожидают лишь приказа ринуться на Чехословакию; этот приказ будет дан в 6 часов утра, если к этому времени чешские представители не поставят своих подписей на документе. Президент Гаха был в состоянии такого изнеможения, что несколько раз ему пришлось прибегать к помощи врачей, которые во всё время переговоров находились тут же, под рукой. Чешские представители заявили, что не могут принять предлагаемого им решения без согласия своего правительства. На это они получили ответ, что имеется прямой телефонный провод, по которому они могут связаться с министрами, заседавшими в это время в Праге: таким образом, они могут немедленно с ними переговорить... В 4 часа 30 минут утра Гаха, находившийся в состоянии полного изнеможения и поддерживаемый только впрыскиваниями, решился, наконец, поставить свою подпись. Уходя из канцелярии, Хвалковский заявил: «Наш народ будет проклинать нас, но мы спасли его существование. Мы предохранили его от страшного истребления».

Впоследствии почти вся европейская пресса утверждала, что впрыскивания, которыми якобы поддерживались силы президента Гаха, на самом деле были наркотическими инъекциями, парализовавшими интеллектуальные и волевые силы злополучного президента.

Отношение держав к захвату Чехословакии

Нотой от 17 марта 1939 г. германское правительство известило иностранные правительства об установлении протектората над Богемией и Моравией. Этот акт обосновывался тем, что «в течение тысячелетия богемо-моравские земли являлись жизненным пространством германского народа».

Такая «искусственная формация», как Чехословакия, являлась, по мнению германского правительства, «источником беспокойства и обнаружила свою внутреннюю нежизнеспособность, поэтому и произошёл фактический распад чехословацкого государства». Исходя, по словам ноты, из требований самосохранения, Германская империя решила «вмешаться в определение дальнейшей судьбы народов Чехословакии с целью восстановления основ разумного порядка в Центральной Европе» и для обеспечения германскому и чешскому народам «жизненного пространства и национального самобытного существования».

В ответной ноте от 18 марта 1939 г. Наркоминдел указывал, что «политико-исторические концепции», приведённые в обоснование и оправдание ликвидации Чехословацкой республики, не могут быть признаны правильными. Советское правительство не видит никаких конституционных оснований, которые давали бы право главе государства без согласия своего народа отменить его самостоятельное государственное существование, как это сделал чехословацкий президент Гаха, подписавший берлинский акт от 15 марта. При отсутствии какого бы то ни было волеизъявления чешского народа оккупация Чехии германскими войсками и превращение Чехословакии в германский протекторат «не могут быть не признаны произвольными, насильственными, агрессивными». Ввиду этого советское правительство отказывается признать включение Чехии в состав Германской империи. Советское правительство считает, что действия германского правительства «не только не устраняют какой-либо опасности всеобщему миру, а, наоборот, создали и усилили такую опасность, нарушили политическую устойчивость в Средней Европе, увеличили элементы ещё ранее созданного в Европе состояния тревоги и нанесли новый удар чувству безопасности народов»[1].

Советская нота добавляла, что изложенные соображения целиком относятся и к изменению статута Словакии.

17 марта английский и французский послы в Берлине явились в Министерство иностранных дел с нотами протеста, в которых заявлялось, что правительства Англии и Франции не признают законности нового положения в Чехословакии, созданного оккупацией республики германскими войсками. Но Риббентроп даже не удостоил лично принять послов. Чиновник Министерства также отказался принять их ноты. Он заявил, что после франко-германской декларации от 6 декабря Франция не имеет права ставить вопрос о Чехословакии. Кулондр возражал. Он доказывал, что декларация 6 декабря предусматривает консультацию Франции и Германии по всем спорным вопросам. Тогда статс-секретарь Вейдзекер заявил, что принимает ноту, но так, как если бы она была прислана по почте. Однако французское правительство может и раскаяться в своём демарше.

Правительство Соединённых штатов Америки также не оставило без протеста захвата немцами Чехословакии. Этот протест был заявлен немецкому правительству специальной нотой.

Любопытные подробности, связанные с ликвидацией Чехословацкой республики, сообщал в январском номере журнала «Foreign Affairs» за 1941 г. небезызвестный французский журналист Пертинакс.

---

[1] «Правда» от 20 марта 1939 г.

«Вечером 14 марта 1939 г., спустя шесть месяцев после Мюнхена, — рассказывает Пертинакс, — я встретил генерала Гамелена на обеде в доме одного иностранного посла в Париже. Германские войска в этот момент уже маршировали по улицам Праги. Никто уже не питал никаких надежд, что этот поток германских войск может быть остановлен дипломатией или компромиссом. Это можно было сделать только силой. Я спросил генерала Гамелена, не думает ли он, что если бы в данный момент союзники прибегли к оружию, то война разразилась бы для нас в значительно менее благоприятных условиях, чем накануне Мюнхена. „Несомненно, — ответил Гамелен и добавил: — В конце концов Мюнхен был ударом, направленным против нас". Затем Гамелен начал объяснять мне, почему он так думает. По словам Гамелена, Германия весной 1939 г. имела 140 дивизий против 100, которыми она располагала в 1938 г. Из этих 100 дивизий 50 дивизий в 1938 г. были ещё недостаточно обучены и не имели опытных офицеров. Вместо трёх бронетанковых дивизий в 1938 г. германская армия располагала к весне 1939 г. пятью дивизиями; вскоре их число было доведено до 10. Вся материальная часть трёх великолепных чехословацких бронетанковых дивизий сделалась достоянием германской армии, предоставив в распоряжение германского командования наиболее совершенные и современные образцы танков. Военно-воздушные силы Германии против 3 500—4 000 самолётов, имевшихся в 1938 г., насчитывали теперь свыше 6 тысяч машин первой линии. Линия Зигфрида, которая в 1938 г. представляла собой лишь усовершенствованные полевые укрепления, оделась теперь в железобетон и сталь. Военная промышленность Германии достигла зенита. Она работала с полной нагрузкой, в то время как французские инженеры всё ещё спорили, каким типам вооружений следует отдать предпочтение. Наконец, вдобавок к укреплениям в руки немцев попали целиком не только всё вооружение и запасы 30 чехословацких дивизий, но и мощная военная промышленность Чехословакии».

Сообщение Пертинакса дополняется соображениями, развитыми генералом Кюньяк в статье, помещённой в газете «France militaire».

«Германский генеральный штаб понимал, — писал Кюньяк, — что война на два фронта — предприятие рискованное, как это показал опыт последней войны. Чехословацкая армия была крепкой, хорошо организованной: в течение двух лет она прошла обучение под руководством французской военной миссии. Кроме того, она была сосредоточена всего в 200 километрах от Берлина. Чтобы противостоять ей, нужно было держать под ружьём значительную часть германской армии. Наступление на Францию не могло быть осуществлено при наличии

двух фронтов против Германии. Война на двух фронтах могла привести Германию к катастрофе. Вот почему германский генеральный штаб расчленил свою задачу на два этапа. Прежде всего ему было необходимо ликвидировать Чехословакию, затем очередь была за Францией».

«Германская дипломатия, — продолжал Кюньяк, — очень искусно пришла на помощь генеральному штабу. Она поставила своей целью отделить друг от друга оба эти акта, с тем чтобы германская армия могла сражаться и в том и в другом случае лишь на одном фронте. Для этого необходимо было добиться нейтралитета Франции, когда германская армия выступит для завоевания Чехословакии. В итоге переговоров, которые Германия вела с большой энергией, Франция и Англия не поддержали Чехословакию. Они пошли ещё дальше: они сами предложили расчленение Чехословакии. Несчастная Чехословакия, покинутая всеми друзьями, окружённая врагами, вынуждена была капитулировать».

Военное соглашение держав «оси»

Напряжённым положением, создавшимся в Европе после захвата Чехословакии, спешила воспользоваться на Дальнем Востоке японская дипломатия.

Несмотря на вполне миролюбивую позицию Советского Союза, предложившего Японии заключить пакт о ненападении, японское правительство не проявляло со своей стороны никакого желания установить добрососедские отношения с СССР.

В своём докладе ещё на третьей сессии ЦИК СССР 23 января 1933 г., коснувшись дальневосточных осложнений и политики СССР на Дальнем Востоке, т. Молотов подробно остановился на значении пакта о ненападении, предложенного советским правительством Японии: «Учитывая сложившуюся на Дальнем Востоке обстановку, — говорил т. Молотов, — советское правительство больше года тому назад сделало Японии предложение о заключении пакта о ненападении. Нельзя не видеть всего политического значения этого предложения в данной международной обстановке. Однако, недавно японское правительство уведомило нас о своём отказе заключить пакт о ненападении в данный момент. Я не буду входить в оценку мотивов отклонения японским правительством нашего предложения о пакте о ненападении. Мы рассчитываем, однако, на то, что этот отказ временный, но не считаться с фактом мы, разумеется, не можем»[1].

В мае 1939 г. японская военщина возобновила провокационные попытки на границе Монгольской Народной Республики, в районе озера Буир-Нур, у реки Халхин-Гол.

[1] *Молотов*, В борьбе за социализм, стр. 414.

Вопреки неопровержимому свидетельству официальных карт, японо-манчжурские власти утверждали, что эта река является границей между Манчжурией и Монгольской Народной Республикой. На самом деле граница пролегала восточнее указанной реки. Тем не менее 11 мая 1939 г. японскими частями было произведено неожиданное нападение на заставы Монгольской Народной Республики, расположенные километрах в двадцати восточнее Халхин-Гола. Вторжение японцев на территорию Монгольской Народной Республики поставило перед правительством СССР вопрос о немедленной помощи монгольскому народу, предусмотренной советско-монгольским договором от 12 марта 1936 г. На поддержку монгольских войск выступили части Красной Армии. Завязались бои на Халхин-Голе; с перерывами они происходили до осени 1939 г. В конце концов японо-манчжурские войска понесли сокрушительный разгром. Японское правительство вынуждено было пойти на мировую. 15 сентября 1939 г. в Москве т. Молотовым и японским послом Того было подписано советско-японское соглашение. В силу его 16 сентября войска обеих сторон прекращали военные действия, оставаясь на позициях, которые занимали 15 сентября. Представители войск обеих сторон обязывались договориться об обмене пленными и выдаче друг другу убитых. В дополнение т. Молотов и японский посол условились, что в целях уточнения границы между Монгольской Народной Республикой и Манчжоу-Го в ближайшее время должна быть организована смешанная комиссия с участием двух представителей от СССР и Монгольской Народной Республики и двух от Манчжоу-Го и Японии.

Таким образом, вновь перед всем миром было продемонстрировано, что советское правительство неуклонно выполняет принятые на себя договорные обязательства и что советская дипломатия поддерживается всей мощью вооружённых сил Советской страны.

Намерение фашистской Германии после захвата Австрии и Чехословакии начать войну в Европе побудило державы треугольника Германия — Италия — Япония подумать о превращении антикоминтерновского блока в военный союз. Ещё 22 мая 1939 г. был подписан договор между Германией и Италией. Стороны обязывались не заключать никаких соглашений, направленных против одной из них, и оказывать друг другу помощь в случае их войны с третьей державой. Япония присоединилась к итало-германскому соглашению значительно позже. Это произошло в разгар второй мировой войны, когда Германия, обрушившая на раздроблённую Европу всю свою военную мощь, казалось, торжествовала полную победу (11 декабря 1940 г.).

Наступление Германии на страны Восточной Европы

Почти одновременно с захватом Чехословакии фашистская Германия начала готовить наступление и на страны Восточной Европы. 24 октября 1938 г. в Берхтесгадене состоялась встреча Риббентропа с польским послом Липским. Ближайшим предметом их дипломатической беседы явился вопрос о Карпатской Украине. Польский посол сообщил, что его правительство крайне обеспокоено «беспорядком» в этой области, которая представляет «подлинный коммунистический центр». Наиболее действительным средством изменить такое положение было бы, по мнению польского правительства, присоединение Карпатской Украины к Венгрии. Установленная таким образом общая польско-венгерская граница служила бы впредь «постоянным барьером против Востока». Но Германия имела свои виды на Карпатскую Украину, сделав её предметом торга с Венгрией. В то же время гитлеровцы заигрывали с националистами Западной Украины, направляя их против Польши. В противовес предложениям польского правительства Риббентроп выдвинул «совершенно доверительный план», который, по его словам, мог бы окончательно урегулировать польско-германские отношения. План Риббентропа сводился к следующему:

1. Свободный город Данциг присоединяется к Германии.
2. Германия строит через Польский коридор экстерриториальные автострады и многоколейную железную дорогу.
3. Автострады и железная дорога передаются Польше, которой обеспечивается сбыт польских товаров в Данцигской области и свободное использование Данцигского порта.
4. Германия и Польша гарантируют друг другу новые границы и территории.
5. Германо-польская декларация 1934 г. должна быть продлена на 25 лет.

Неожиданное предложение немецко-фашистской дипломатии повело к длительным переговорам между Берлином и Варшавой. 5 января 1939 г. в том же Берхтесгадене состоялась личная встреча Бека с Гитлером. 6 января Бек имел свидание в Мюнхене с Риббентропом. Ни то, ни другое свидание не дали определённых результатов. 25 января 1939 г. Риббентроп прибыл в Варшаву, чтобы подтолкнуть затянувшиеся переговоры. Однако он встретился с неожиданным сопротивлением и вернулся в Берлин ни с чем. 26 марта Липский передал Риббентропу меморандум от имени польского правительства. В нём заявлялось, что правительство республики не может согласиться на присоединение Данцига к Германии и на постройку экстерриториальных путей сообщения на польской территории. Меморандум выражал лишь готовность Польши пойти на всяческие облегчения связи между Германией и Восточной Пруссией, но «только в рамках польского сувере-

нитета». Что касается Данцига, то польское правительство предлагало заменить предоставленную вольному городу гарантию Лиги наций германо-польской гарантией с обеспечением в городе польских экономических интересов. Риббентроп пригрозил польскому послу, что германское правительство не пойдёт на уступки в вопросе о Данциге. Посол ответил, что ему дано «неприятное поручение» указать на то, что дальнейшее настояние немцев на своих планах, в особенности на возвращении Данцига Германии, означало бы её войну с Польшей.

После Чехословакии фашистская Германия явно протягивала руку к самой Польше, горя нетерпением её захватить. Немцы успели приобрести новый опорный пункт на Балтийском побережье, в непосредственном и угрожающем соседстве с Польшей. 22 марта 1939 г. в Берлине был подписан германо-литовский договор о передаче Германии Мемельской области с портом Мемель (Клайпеда). В качестве подачки Литве за её капитуляцию перед натиском немецко-фашистской дипломатии литовцам предоставлялась свободная зона в порту Клайпеды. Вместе с тем, по торговому договору, продуктам сельского хозяйства Литвы обеспечивался сбыт на германском рынке. С другой стороны, в половине марта Германия предъявила ультиматум союзнику Польши Румынии, требуя подчинения всего её хозяйства нуждам промышленной Германии. Это превращало Румынию в аграрный придаток Германии. При этом гитлеровское правительство угрожало Румынии отнять у неё Трансильванию в пользу Венгрии, если Румыния будет упорствовать. Напуганное нажимом немцев, правительство Румынии приняло их ультиматум. 23 марта 1939 г. заключён был кабальный германо-румынский хозяйственный договор. Польша чувствовала себя наполовину в клещах. В этот критический момент она встретила неожиданное ободрение со стороны англо-французской дипломатии. Франция опасалась потерять в лице Польши своего последнего союзника в Восточной Европе. Что касается Англии, то её дипломатия хотела предупредить капитуляцию Польши перед требованиями Германии, ибо это грозило чрезвычайным усилением экономических, военных и дипломатических позиций гитлеровской Германии в Европе.

Чемберлен решил действовать. Получив сведения о давлении, которое оказывается немцами на Польшу, он выступил 31 марта в Палате общин с заявлением, явно рассчитанным на широкий резонанс. Он предупредил, что в случае, если Польша подвергнется нападению и сочтёт необходимым оказать сопротивление, Англия выступит ей на помощь. 3 апреля Чемберлен подтвердил и дополнил своё заявление Парламенту. Он сообщил, что на помощь Польше против агрессора вместе с Англией выступит и Франция. В этот день в Лондоне уже находился польский министр иностранных дел Бек. В результате

его переговоров с Чемберленом и Галифаксом английский премьер выступил 6 апреля в Парламенте с новым сообщением. Он заявил, что между Англией и Польшей достигнуто соглашение о взаимной помощи.

Таким образом, польское правительство изменяло курс своей внешней политики. Убедившись в опасности соседства и дружбы с фашистской Германией, оно спешило застраховать себя от немецкой угрозы, включаясь в орбиту англо-французского блока. Польша надеялась на действенную помощь этих союзников. Она забывала о том, как поплатилась Чехословакия за свою доверчивость.

Польша закрывала глаза на возможность обрести ещё другую, наиболее надёжную опору. С 25 июля 1932 г. польское правительство связано было с Советским Союзом пактом о ненападении. 3 июля 1933 г. в числе семи соседних с Советским Союзом государств Польша заключила с ним конвенцию об определении нападающей стороны. Могла ли Польша утверждать при таких условиях, что осталась в одиночестве лицом к лицу с гитлеровской Германией? Имела ли она основание заключать, что единственными её защитниками могли быть только Франция и Англия, тогда как их правительства неизменно шли на все уступки германскому агрессору и в угоду ему совершили акт отступничества в отношении Чехословацкой республики?

Повидимому, в глубине души правительство Польской республики ещё хранило надежду, что Германия не рискнёт напасть на Польшу, заручившуюся поддержкой со стороны Франции и Англии. Не исключено, что, зная о замыслах направить наступление Германии на Восток против Советского Союза, польское правительство рассчитывало, что фашистская Германия пожелает использовать и Польшу как участника в «крестовом походе» против большевиков.

Дипломатическое вмешательство правительства США

Угрожающее положение в Европе, явно приближавшейся к войне, и развитие японской агрессии на Дальнем Востоке, внушавшее правительству Соединённых штатов самые серьёзные опасения за свои интересы в Китае и на Тихом океане, побудили президента Рузвельта выступить с попыткой мирного посредничества.

15 апреля 1939 г. Рузвельт обратился по телеграфу к Гитлеру и Муссолини, призывая их дать обещание воздержаться в течение десяти лет от нападения на перечисляемые в его обращении 30 государств. Президент Соединённых штатов предлагал созвать международную конференцию по вопросам разоружения и для урегулирования спорных экономических проблем. Рузвельт напоминал, что три страны в Европе и одна в Африке уже прекратили своё независимое существование. Обширная

территория независимого Китая также занята вооружёнными силами соседнего государства. «Сообщения, которым мы не можем не верить, — писал Рузвельт, — говорят о том, что подготовляются новые акты агрессии против других, пока ещё независимых государств. Совершенно ясно, что весь мир приближается к такому моменту, когда может разразиться катастрофа, если только события не будут направлены на иной, более разумный путь. Вы неоднократно утверждали, — взывал Рузвельт к Гитлеру и Муссолини, — что вместе с народами Германии и Италии вы не желаете войны. Если это верно, то и не должно быть никакой войны».

Рузвельт предлагал начать политические переговоры, которые должны завершиться установлением необходимых гарантий мира. Президент выражал готовность выступить посредником для созыва конференции держав, заинтересованных в мирном сотрудничестве.

Предложение Рузвельта было немедленно и безоговорочно поддержано правительством Советского Союза. «Господин президент, — гласила телеграмма т. Калинина, адресованная президенту Соединённых штатов. — Считаю приятным долгом выразить вам глубокое сочувствие вместе с сердечными поздравлениями по поводу благородного призыва, с которым вы обратились к правительствам Германии и Италии. Можете быть уверены, что ваша инициатива находит самый горячий отклик в сердцах народов Советского Социалистического Союза, искренне заинтересованных в сохранении всеобщего мира». Согласием на созыв международной конференции ответили также и правительства Англии и Франции. Но Гитлер и Муссолини воздержались от официального ответа на послание Рузвельта. Оба выступили с резкими речами, в которых заявляли, что не допустят вмешательства США во внутренние дела своих стран. 20 апреля, на собрании, посвящённом подготовке Всемирной выставки, открытие которой в Риме намечалось в 1942 г., Муссолини заявил, что «система взаимных десятилетних международных гарантий представляется абсурдом».

«Что касается предполагаемой конференции, на которой Соединённые штаты намерены ограничиться, по существу, ролью отдалённого наблюдателя, — говорил Муссолини, — то в этом отношении мы имеем уже горький опыт. Он убеждает, что чем больше участников конференции, тем менее вероятен её успех». Речь Муссолини была подхвачена итальянской печатью. Фашистские газеты заносчиво заявляли, что в случае необходимости Италия без колебаний пойдёт на войну.

Ещё более вызывающей речью ответил Рузвельту Гитлер. На заседании Рейхстага 28 апреля 1939 г. он по пунктам возражал на послание президента Соединённых штатов. Гитлер заявил, что не верит в реальность предложения Рузвельта

гарантировать мир путём обсуждения спорных проблем на международной конференции. Касаясь причин, побудивших Германию к захвату Австрии, Чехословакии и Клайпеды, Гитлер превозносил эти акты как «необходимый вклад в дело мира».

Коснувшись вопроса о германо-польских отношениях, Гитлер заявил, что Данциг — немецкий город и что данцигская проблема будет соответственно решена Германией, невзирая на давление Соединённых штатов. К этому Гитлер добавил заявление, которое не могло не вызвать сенсации. Он возвестил с явной угрозой, что, раз Польша отказалась удовлетворить немецкие требования о возвращении Данцига и о предоставлении Германии возможности соорудить экстерриториальные автострады и железнодорожные пути через Данцигский коридор, польско-германский договор от 26 января 1934 г. утрачивает свою силу.

Дело не ограничилось выступлениями Муссолини и Гитлера. Немецко-фашистская дипломатия решила прибегнуть к маневру, который должен был свести на нет весь эффект дипломатической интервенции Рузвельта. Через посредство официальных представителей Германии во всех малых странах, перечисленных в послании Рузвельта, правительства этих государств были запрошены, считают ли они, что Германия угрожает их странам. Большинство запрошенных правительств угодливо поспешило дать нужный Германии отрицательный ответ.

Бельгийский министр иностранных дел заявил германскому послу, что Бельгия не считает себя находящейся под угрозой, ибо «доверяет гарантиям, непосредственно данным ей Англией, Францией и Германией».

Литовское правительство в своём ответе сослалось на статью 4 германо-литовского договора от 22 марта 1939 г. о передаче Клайпеды. Статья эта гласила, что Германия никогда не применит силы против Литвы и не окажет поддержки никакой другой силе, направленной против этой страны.

Швейцарское правительство ответило выражением уверенности, что немецкое правительство будет строго соблюдать нейтралитет Швейцарии.

Столь же угодливый ответ дало на запрос Германии и правительство Голландии.

Что касается шведского правительства, то оно заявило на устный запрос германского посланника, что не видит никакой угрозы со стороны Германии.

Несколько более увёртливый ответ на запрос гитлеровской дипломатии ухитрилось дать румынское правительство. Оно заявило, что Румыния не имеет с Германией общей границы. Поэтому ей затруднительно решить, угрожает ли ей Германия. По мнению румынского правительства, лучше всего могла бы ответить на этот вопрос сама Германия.

Круговой опрос германским правительством слабейших и зависимых стран носил явно выраженный характер грубого политического вымогательства и шантажа. Тем не менее с формальной стороны дипломатическая инициатива Рузвельта оказалась дискредитированной. Торжествуя эту победу, немецко-фашистские газеты завопили, что поддержка Германией предложения Рузвельта означала бы для немцев «потерю чести».

Правительство Соединённых штатов было чувствительно задето неудачей своего мирного посредничества и наглостью шантажа, применённого немецко-фашистской дипломатией. В Соединённых штатах усилилось течение в пользу отказа от политики изоляционизма. Рузвельт предложил Конгрессу в спешном порядке пересмотреть закон о нейтралитете. В беседе с представителями печати президент заявил, что этот закон на деле оказывается наруку агрессорам и лишает их жертвы справедливой помощи.

Недовольство политикой Чемберлена в широких общественных кругах Англии

Всё возрастающий напор со стороны Германии и остальных держав фашистского треугольника не мог не внушать тревоги здравомыслящим элементам английской общественности. Даже в среде консервативной партии политика Чемберлена вызывала недовольство. В передовой статье октябрьской книжки 1939 г. консервативного еженедельника «Spectator» отмечалось, что Мюнхенское соглашение имело своим последствием весьма серьёзные перемены в международном положении Европы. Журнал требовал отказа английской дипломатии от дальнейшего поощрения гитлеровской Германии. Обеспечение европейского мира, по мнению журнала, может быть достигнуто совершенно иным путём. Для этого Англии необходимо установить более тесные отношения с Советским Союзом. В течение последних месяцев, заявлял журнал, только СССР проявлял безупречную честность. «Глупо уничтожать те шансы на сотрудничество с СССР, — заключала передовая статья, — которые ещё имеются».

С резкой критикой антисоветских замыслов Чемберлена выступил известный экономист Кейнс. Статья Кейнса была перепечатана в бюллетене лондонских деловых кругов «Public Ledger». Редакция снабдила её комментариями, в которых обращалось внимание на экономическую и военную мощь Советского Союза. Эта страна, по мнению редакции, могла бы оказать Англии неоценимую помощь. Отрезвление наблюдалось и в военных кругах Англии. Крупный специалист в области военной авиации Чарльтон поместил характерную статью в октябрьском номере журнала «Service Review». Он доказывал, что сведения о германской военной подготовке, преподнесённые английскому общественному мнению в дни Мюн-

хена, были явно преувеличены. «Политика Гитлера перегоняет рост его военной мощи», — заключал Чарльтон.

Итогам Мюнхена была посвящена специальная брошюра, изданная членом Парламента консерватором Мак-Милланом. «Никакие дополнительные вооружения Англии и Франции, — писал автор, — не могут компенсировать потерю СССР в качестве силы, выступающей на нашей стороне, и утрату нами малых европейских стран. Наша внешняя политика приводит к тому, что мы становимся всё слабее, вместо того чтобы непрерывно увеличивать свою мощь». Ту же мысль развивал и другой член Парламента, консерватор Будби. Выступая в Кембридже, он заявил, что было бы неразумно пытаться «исключить СССР из европейских дел».

На конгрессе мира и дружбы с СССР, происходившем в октябре 1938 г. в Кембридже, председательствовавший лорд Листоуэлл, член партии лейбористов, приветствовал Советский Союз, политика которого является «примером последовательности и честности». «Эта великая держава, — говорил оратор, — вплоть до последнего момента готова была выполнить свои договорные обязательства; ни на минуту не прекращала она своих усилий, чтобы помешать осуществлению предательства в отношении Чехословакии... Советские граждане могут и сейчас так же высоко держать голову, как и месяц тому назад». Листоуэлл горячо призывал к установлению самого тесного сотрудничества между СССР, Англией, Францией и Соединёнными штатами.

Особенно резкой критике подверглось правительство Чемберлена со стороны Ллойд Джорджа. В речи, произнесённой по радио для Соединённых штатов 12 ноября 1938 г., Ллойд Джордж заявил: «Если руководители наших стран не примут быстрых и решительных мер для установления лучшего взаимного понимания, неизбежно произойдёт катастрофическое столкновение... Необходим созыв конференции всех крупных держав для обсуждения наилучших способов обеспечения мира».

29 ноября 1938 г. на собрании в Лондоне выступил бывший министр иностранных дел Антони Иден. «Вряд ли нам удастся, — предсказывал он, — избежать дальнейших и весьма неприятных ударов по престижу Англии... Мы живём в такое время, когда три державы мира признают только единственный фактор — грубую силу. Человечество живёт под постоянной угрозой катастрофы».

Иден настаивал на необходимости тесного сотрудничества миролюбивых держав. Только таким путём можно, по его мнению, обеспечить должный отпор фашистским агрессорам. Те же мысли развивал в Париже 7 декабря 1938 г. бывший морской министр Англии Дафф Купер. Доклад его был озаглавлен «Единственный путь к миру». Дафф Купер доказывал, что

Гитлер является врагом цивилизованного мира. Оценивая Мюнхенское соглашение, оратор заявил, что «в Мюнхене Англия и Франция потерпели унизительное поражение: это опасно было бы отрицать».

«Я не верю в несокрушимую силу Германии, — говорил Дафф Купер. — Нынешний флот Германии значительно слабее её флота в 1914 г. Правда, Германия располагает значительными воздушными силами, но это отнюдь не означает, что сама Германия неуязвима против нападений с воздуха. Подводные лодки не будут играть в предстоящей войне такой исключительной роли, какая выпала на их долю в войне 1914 г. Если бы Англия и Франция напрягли свои силы, они очень быстро могли бы не только догнать, но и перегнать фашистскую Германию в области вооружений».

Для успешного отпора Гитлеру и сохранения мира в Европе, по мнению Дафф Купера, нельзя обойтись без помощи СССР. «Советский Союз, — заключал бывший морской министр, — остаётся гигантским фактором в деле обеспечения безопасности и спокойствия на европейском горизонте. Он всегда будет стоять на страже демократии».

11 декабря 1938 г. в городе Чингфорде выступил на собрании своих избирателей вождь парламентской оппозиции Уинстон Черчилль. Он предупреждал, что после Мюнхена Гитлер готовится к новым захватам в Европе. «Мы не знаем, куда будет направлена его очередная агрессия, — говорил Черчилль, — ибо со времени Мюнхена и раздела Чехословакии перед Гитлером оказалось так много открытых дверей, что он сам начал проявлять беспокойство. Гитлер сам точно не знает, что́ нужно сделать скорее, начать ли с захвата Мемеля или Данцига, или же возбуждать население Трансильвании против Румынии».

По словам Черчилля, ему за всю его жизнь никогда не приходилось наблюдать такого глубокого недовольства английской общественности курсом внешней политики правительства, как в данный момент. Черчилль подчёркивал, что этот курс прежде всего гибельно сказывается на обороноспособности страны. Необходимо немедленно укрепить английскую оборону, чтобы англичан «не могли больше шантажировать угрозами воздушного нападения на наши города».

«Все силы, способные оказать сопротивление агрессии фашистских диктаторов, — продолжал Черчилль, — должны объединиться... Англия должна вести борьбу за сохранение всеобщего мира. Мы обязаны пойти ещё дальше. Мы не можем ограничиваться только национальным объединением и укреплением своей собственной безопасности. Нужно создать такой высший международный трибунал, который охранял бы международный правовой порядок и мог бы заставить все

государства подчиняться нормам международного права». Черчилль уверенно предсказывал катастрофу, если правительство Чемберлена будет и дальше проводить свой курс умиротворения агрессоров. В своей статье «Всеобщее смятение» он доказывал, что «рукой Чемберлена и его группы вдребезги разбит аппарат доверия и доброй воли», который сооружала Великобритания. Война приближается неотвратимо. Германские войска накопляются на восточной границе. Германская промышленность полностью мобилизована для войны. Захват Германией чехословацких арсеналов, промышленности и армии Чехословацкой республики ещё более усилил Германию. Все восточные страны находятся под угрозой фашистской агрессии. «Устрашённые судьбой Чехословакии, Польша, Румыния, Турция, Греция, Болгария, Югославия начинают принимать меры предосторожности... Позади Румынии стоят Турция и Россия, готовые протянуть ей дружественную руку».

Во всех своих выступлениях Черчилль доказывал, что в борьбе за сохранение мира нельзя не использовать такого фактора, как Советская Россия. «Лойяльное отношение Советов к делу мира и их очевидный интерес в оказании сопротивления нацистам при их продвижении к Чёрному морю, — заявлял Черчилль, — дают уверенность восточным странам, что они получат надлежащую помощь со стороны России против угрожающей им Германии».

Так перед лицом надвигающейся войны в широких кругах английской общественности укреплялось сознание необходимости сближения Англии с СССР. Общественное мнение всё настойчивее требовало установления сотрудничества Англии с Советским Союзом. Под этим давлением правительство Чемберлена и вынуждено было вступить на путь дипломатических переговоров с СССР.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

СССР—ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ФАКТОР МИРА (1939 г.)

Попытки англо-французской дипломатии организовать блок европейских держав

Мюнхенское соглашение на некоторое время преисполнило руководителей внешней политики Англии и Франции чрезвычайным оптимизмом. Англо-германская декларация от 30 сентября 1938 г. и франко-германское коммюнике от 6 декабря 1938 г. расценивались реакционными кругами обеих демократических держав как залог дальнейшего мирного сотрудничества с фашистской Германией. Полагали, что Гитлер действительно отказывается от каких бы то ни было территориальных притязаний в Западной Европе и уже не оспаривает господства Великобритании на морях.

Чемберлен и Даладье утешали себя мыслью, что отныне натиск германской агрессии будет направлен только на Восток. При таких условиях правительства обеих стран начинали проявлять меньшую заинтересованность во взаимной помощи. Отнюдь не случайно 12 декабря 1938 г. Чемберлен заявил в Палате общин, что «ни в одном англо-французском договоре или пакте нет обязательств оказания Англией помощи Франции». Со своей стороны и французское правительство после Мюнхена меньше занято было упрочением англо-французского сотрудничества, нежели переговорами с Италией и установлением дипломатических отношений с фашистским правительством Франко. Вскоре, однако, иллюзиям англичан и французов насчёт умиротворения Германии наступил конец.

15 марта 1939 г. войска фашистской Германии заняли Чехословакию, невзирая на то, что новые границы её после Мюнхена были гарантированы правительствами Англии, Франции, Германии и Италии. Спустя неделю, 22 марта 1939 г., Германия вынудила Литву подписать соглашение о передаче немцам Мемельской области. 23 марта заключено было германо-румынское соглашение, превращавшее Румынию в аграрный при-

даток фашистской Германии. Наконец, в том же марте Германия потребовала от Польши передачи Данцига и предоставления немцам экстерриториальных автострад и железной дороги в Польском коридоре. Было ясно, что немецко-фашистская дипломатия упорно продолжает свою работу по расширению хозяйственных, политических и военных позиций Германии, необходимых ей для предстоящих битв за мировое господство.

Эти события не могли не произвести отрезвляющего воздействия на дипломатов Англии и Франции. Уже 6 февраля 1939 г. Чемберлен поспешил смягчить своё неуклюжее декабрьское заявление о том, будто бы Англия не имеет договорных обязательств об оказании помощи Франции. «Общность интересов, связывающих Францию и нашу страну, такова, — громогласно заявил глава английского правительства, — что всякая угроза жизненным интересам Франции, откуда бы она ни исходила, неизбежно заставила бы нашу страну немедленно прийти на помощь Франции».

Дело на этом не остановилось. 21 марта 1939 г. в Лондон прибыл французский президент Лебрен. На следующий же день, 22 марта, британское и французское правительства обменялись нотами, содержавшими взаимные обязательства об оказании друг другу помощи в случае нападения на одну из стран. Так перед лицом «умиротворённой» Германии Гитлера оформлен был англо-французский союз.

Неизбежность войны с Германией становилась всё более очевидной. Перед этой угрозой дипломатия Англии и Франции напрягала все усилия для скорейшей вербовки союзников. Отсюда возникли и оживлённые дипломатические переговоры правительств обеих стран с такими государствами, как Польша, Румыния, Греция.

Опасность немецко-фашистской агрессии особенно остро ощущалась этими странами. В статье, опубликованной 9 марта 1939 г. в газете «Daily Telegraph and Morning Post», Черчилль писал по этому поводу: «От Балтики и до Чёрного моря развернулось широкое движение за решительное сопротивление агрессивным устремлениям Германии. Теперь страны Восточной Европы, полностью сознавая опасность, которая им грозит со стороны Германии, проявляют готовность встать на защиту своей независимости».

Черчилль указывал, что самым могущественным фактором в борьбе против фашистской агрессии является СССР. «Мы, — писал он в той же статье, — быть может, не в состоянии ещё взвесить и учесть всю силу и мощь Советского Союза; но нет никакого сомнения в том, что СССР — огромное государство, которое неуклонно проводит политику мира».

СССР и дипломатические ухищрения правительства Чемберлена

Дипломатия Чемберлена оставалась глуха к этим сигналам. Она упрямо воздерживалась от сближения с Советским Союзом. Ей нужно было другое: самой оставаясь в стороне, заставить его служить английским целям. О таких попытках дипломатии Чемберлена свидетельствовало, между прочим, сообщение ТАСС, опубликованное в советской печати 22 марта 1939 г. «Заграничная печать, — гласило это сообщение, — распространяет слух, будто советское правительство предлагало Польше и Румынии свою помощь, на случай если они сделаются жертвами агрессии. ТАСС уполномочен заявить, что это не соответствует действительности. Ни Польша, ни Румыния за помощью к советскому правительству не обращались и о какой-либо угрожающей им опасности его не информировали. Верно лишь то, что 18 сего месяца британское правительство, уведомив советское правительство, что имеются серьёзные основания опасаться насилия над Румынией, запрашивало о возможной позиции советского правительства при такой эвентуальности. Советское правительство в ответ на этот вопрос выдвинуло предложение о созыве совещания представителей наиболее заинтересованных государств, а именно Великобритании, Франции, Румынии, Польши, Турции и СССР. Такое совещание, по мнению советского правительства, давало бы наибольшие возможности для выяснения действительного положения и определения позиций всех его участников. Британское правительство нашло, однако, это предложение преждевременным» [1].

Впрочем, со своей стороны англичане 18 марта запросили правительство СССР, согласно ли оно подписать совместную декларацию правительств Англии, Франции, СССР и Польши против агрессии и предусмотреть в ней обязательства консультации между этими странами. Правительство СССР ответило, что «такая декларация не решает вопроса». Тем не менее оно не возражало и против декларации.

Вскоре в Лондоне было официально объявлено, что проект декларации четырёх держав будет обсуждён с польским министром иностранных дел Беком, когда он прибудет в Лондон. Но польское правительство отказалось подписать декларацию. Английская дипломатия ничего не предприняла, чтобы побудить Польшу изменить такую позицию. Обсуждение проекта декларации было отложено. В связи с этим даже консервативная печать в Англии отмечала «комизм положения», когда министр иностранных дел Галифакс 19 марта отказался принять советское предложение о созыве совещания шести миролюбивых держав на том основании, что созыв такой

[1] «Известия» от 22 марта 1939 г.

конференции будет затяжным делом. Между тем через неделю после отказа Бека подписать декларацию тот же Галифакс предложил отложить обсуждение проекта «немедленных и срочных действий» ещё на 10 дней.

Как выяснилось тогда же из бесед Чемберлена и Галифакса с приехавшим в Лондон французским министром иностранных дел Боннэ, последний также не был расположен подписывать общий с Советским Союзом документ. Боннэ уверял Чемберлена, что в интересах безопасности гораздо более необходимо укрепить англо-французский союз, чем заключать какие бы то ни было блоки с СССР. Эти внушения встречали в Форейн офис сочувственный приём. 23 марта 1939 г. в ответ на запрос в Палате общин Чемберлен заявил, что правительство Великобритании не намерено вступать в блоки со странами, имеющими специфический внутренний режим. Заявление Чемберлена означало, что его дипломатия воздерживается от сближения с Советским Союзом якобы из соображений идеологического порядка.

Что касается Польши, Румынии и Греции, то дипломатические переговоры с их правительствами успешно подвигались вперёд. 6 апреля Чемберлен сообщил Парламенту о заключении англо-польского соглашения о взаимной помощи. Спустя неделю, 13 апреля, он заявил о предоставлении британским правительством гарантий Румынии и Греции. В тот же день и Франция подтвердила свою верность франко-польскому союзу и объявила, что принимает в отношении Румынии и Греции те же обязательства, что и Англия.

Спустя ещё два дня через своего посла в Москве Чемберлен запросил советское правительство, согласно ли оно дать односторонние гарантии Польше и Румынии. 17 апреля последовал ответ правительства СССР. Оно выдвигало предложение заключить пакт трёх держав — СССР, Англии и Франции — для защиты стран, которым угрожает фашистская агрессия. Советское правительство добавляло, что предлагаемое им соглашение может быть осуществлено тремя актами: во-первых, договором трёх держав о взаимной помощи, во-вторых, заключением между ними военной конвенции, которая должна придать договору о взаимной помощи действенную силу, и, в-третьих, предоставлением гарантий трёх великих держав всем странам от Балтийского и до Чёрного моря.

Британское правительство медлило ответом на эти предложения. Между тем события в Европе приобретали явно угрожающий характер.

28 апреля 1939 г. германское правительство заявило о расторжении англо-германского морского договора от 18 июня 1935 г. В качестве повода для такого акта указывалось последнее англо-польское соглашение, якобы направленное

против Германии. Одновременно аннулировался германским правительством и германо-польский пакт о ненападении, заключённый 26 января 1934 г.

Английской дипломатии приходилось подумать о самозащите. При таких условиях, хотя и воздерживаясь попрежнему от действительного сотрудничества с Советским Союзом, правительство Чемберлена остерегалось окончательно оттолкнуть от себя правительство СССР. Во-первых, советскую карту в дипломатической игре англичан правительство Чемберлена рассчитывало использовать как для острастки Германии, так и для принуждения её к известным уступкам. Во-вторых, по тактическим соображениям правительству Чемберлена нужно было продемонстрировать Советскому Союзу свою заинтересованность в поддержании с ним деловых отношений. Наконец, в-третьих, английская дипломатия вынуждена была уступить давлению общественного мнения, которое всё настойчивее требовало сближения Англии с Советским Союзом.

Англо-советские переговоры (март—август 1939 г.)

23 марта в Москву прибыл начальник департамента заморской торговли Англии Хадсон. Его сопровождали эксперты. Поездке Хадсона предшествовали сообщения английских газет о том, что его визит имеет целью достигнуть более близкого взаимопонимания между правительствами Англии и Советского Союза.

Осязательных результатов визит Хадсона в Москву не дал. Коммюнике, опубликованное в советской печати, отмечало, что «обе стороны выяснили свои позиции; при этом вскрылся ряд существенных разногласий, которые, надо полагать, сведутся к минимуму в ходе дальнейших переговоров в Лондоне». Тем не менее в том же коммюнике подчёркивалось, что «личный контакт, установленный между полномочным представителем британского правительства и членами советского правительства, несомненно будет содействовать укреплению советско-британских отношений, а также международному сотрудничеству в интересах разрешения проблемы мира» [1].

Дальнейшие переговоры велись в Москве главами английского и французского посольств Сидсом и Наджиаром. В дальнейшем к ним присоединился уполномоченный Форейн офис Стрэнг. Общественное мнение Великобритании проявляло к московским переговорам живейший интерес. 1 мая 1939 г. лидер лейбористов Эттли обратился в Палате общин к Чемберлену с вопросом: «Получены ли какие-нибудь определённые предложения от правительства СССР?». Чемберлен ответил утвердительно; он добавил, что переговоры продолжаются. Эттли осведомился, какова причина столь медленного развития

[1] «Правда» от 28 марта 1939 г. Сообщение ТАСС.

переговоров. «Трудно изложить все подробности переговоров, которые всё ещё ведутся, — ответил Чемберлен, — это не такой простой вопрос. Это вопрос, при решении которого необходимо учесть и позиции других правительств» [1].

2 мая, как свидетельствует отчёт о парламентских дебатах в Палате общин, со стороны ряда депутатов последовали новые запросы к правительству.

«*Эттли:* Известно ли премьеру, что многие обеспокоены слишком медленным ходом переговоров? Чувствуется, что правительство не настолько торопится с ними, как могло бы.

Чемберлен: Я ничего не могу поделать, если создаётся такого рода впечатление. Со стороны правительства его величества нет недостатка в доброй воле.

Веджвуд: Действительно ли намерено правительство заключить это соглашение или же нет?

Чемберлен: Да, конечно. Но правительство должно обсудить, какую наилучшую форму должно принять это соглашение.

Мандер: Известно ли премьеру сообщение «Times» о том, что правительство старается сузить рамки соглашения и предложений, выдвинутых правительством СССР?

Чемберлен: Я считаю, что Палата сделала бы лучше, подождав официальных сообщений по этому вопросу».

10 мая в советской печати было опубликовано сообщение ТАСС о контрпредложениях британского правительства. Дипломатия Чемберлена отклоняла советское предложение о пакте трёх держав. Она лишь считала необходимым, чтобы в случае вовлечения Англии и Франции в войну советское правительство оказало им немедленную помощь. Ни единым словом при этом не упоминалось, на какую же помощь мог бы рассчитывать сам Советский Союз со стороны Франции и Великобритании, если бы он оказался вовлечённым в военные действия, выполняя предлагаемые ему обязательства в отношении государств Восточной Европы.

После опубликования сообщения ТАСС лидер парламентской фракции лейбористов Эттли выступил в Палате общин с новым запросом Чемберлену. «Обратил ли премьер внимание на заявление, опубликованное в Москве, — спрашивал Эттли, — относительно предложений английского правительства, и не сделает ли он в связи с этим заявлением сообщения о характере предложений, выдвинутых правительством СССР, и об ответе на них английского правительства?»

«Заявление, сделанное в Москве, — ответил Чемберлен, — основано на неправильном понимании предложения Англии. Правительство приняло на себя обязательство помощи в отно-

---

[1] «Parliamentary Debates», May 1939, p. 1829—1850 (все последующие цитаты из парламентских отчётов см. там же).

шении некоторых восточноевропейских государств. Оно предложило советскому правительству, чтобы оно от своего имени выступило с декларацией, аналогичной той, которая была опубликована английским правительством. Это означало бы, что если Англия и Франция окажутся вовлечёнными в войну в результате выполнения своих обязательств, то советское правительство выражает готовность оказать им помощь».

Атаки на Чемберлена в Палате общин всё усиливались. 16 мая консерватор Адамс выступил в Палате общин с запросом, «намерено ли английское правительство заключить пакт о взаимопомощи и взаимной гарантии между Англией, Францией и Россией?» Чемберлен уклонился от ответа. Не ответил он и на запрос депутата Нокса: «Обеспечивают ли Англия и Франция совместные гарантии для защиты независимости и целостности Советской России против агрессии?» Когда депутат Будби попробовал добиться разъяснения, почему столь важные переговоры с СССР ведутся дипломатическим путём, а не путём личных встреч между руководителями обеих стран, Чемберлен не промолвил ни слова.

На заседании Палаты общин 19 мая лейборист Дальтон спросил Чемберлена: «Не будет ли целесообразнее для ускорения переговоров, медлительность которых вызывает беспокойство, послать в Москву Галифакса, чтобы он мог непосредственно вести переговоры с Молотовым?»

Вопрос Дальтона приобретал особую остроту, ибо напоминал, что сам Чемберлен, Галифакс и другие представители английского правительства не раз совершали паломничества к Гитлеру. Что касается Москвы, то английское правительство явно предпочитало вести там переговоры через посредство второстепенных уполномоченных.

Под новым градом запросов премьер, наконец, разомкнул свои уста.

«Я должен быть осторожным и не допускать ничего такого, что осложняет положение, — заявил он. — То, что я сказал, обозначает, что нам приходится обращаться не к одному лишь русскому правительству. Мы должны иметь в виду и правительства других стран.

Реплика с места: Италии?

Чемберлен: Больше мне нечего сказать.

Ллойд Джордж: Однако крайне важно знать, какие же намечены пути.

Чемберлен: Это важно для Ллойд Джорджа.

Ллойд Джордж: Это бессмыслица. Это важно для страны, при чём тут Ллойд Джордж?»

«Без России, — доказывал Ллойд Джордж, выступая в тот же день в прениях по внешней политике в Палате общин, — наши гарантии Польше, Румынии и Греции являются безрас-

судными». По мнению оратора, положение Англии при данной обстановке хуже, чем оно было в 1914—1918 гг. Тогда можно было мобилизовать миллион бельгийских солдат для использования их в Египте, Палестине и Месопотамии. Тогда одна Франция могла выставить 500 тысяч солдат из Индо-Китая. Теперь ни Англия, ни Франция не имеют таких ресурсов. «Как мы сможем воевать без России, — вопрошал Ллойд Джордж, — если Япония на этот раз будет против нас? Вы нуждаетесь в СССР, — обращался оратор к скамьям правительства, — но вы не хотите союза с ним».

«Не только должно быть принято полное сотрудничество с Россией, — вторил этим выступлениям Черчилль, — но и прибалтийские страны — Латвия, Эстония и Финляндия — должны присоединиться к пакту. Эти страны с их двадцатью дивизиями могут получить дружественную русскую поддержку оружием и другими видами помощи. Нет иного способа поддержать Восточный фронт, кроме активного содействия России».

Отвечая на возражения оппозиции, Чемберлен с раздражением заявил: «Мы не собираемся покупать мир ценой таких уступок, которые ведут к дальнейшим требованиям».

Чемберлен пояснил, что, заручившись сотрудничеством одной страны, необходимо в то же время не отталкивать от себя и другие страны. Поэтому в деле заключения соглашения с СССР встречаются некоторые трудности.

Представители оппозиции потребовали конкретного разъяснения относительно этих «трудностей». Но Чемберлен отказался что-либо ответить на этот вопрос. Выступивший затем в прениях Уинстон Черчилль заявил, что Чемберлен не переубедил тех, кто с глубоким опасением относится к нынешнему положению. Черчилль высказал убеждение, что если правительство не обеспечит соглашения с СССР, то это приведёт к наихудшим последствиям и правительство «будет лишено доверия своей страны». После Черчилля выступил Иден. «Я убеждён, — сказал он, — что дело мира выиграло бы, если бы было достигнуто соглашение между Англией, Францией и Советским Союзом. Чем быстрее будет заключено это соглашение и чем более полным и далеко идущим оно будет, тем лучше. Я полагаю, что это соглашение принесло бы пользу не только Англии и Советскому Союзу, но и всей Европе, а также делу всеобщего мира».

Ещё более решительно высказался о неотложной необходимости заключения англо-советского военного и политического союза лидер либералов Арчибальд Синклер. «Я не знаю, — заявил он, — сообщил ли генеральный штаб правительству, сможем ли мы выиграть войну при участии на нашей стороне Советского Союза, но во всяком случае ясно, что мы не сможем выиграть войну без помощи Советского Союза».

26 мая 1939 г. Ллойд Джордж выступил во французской газете «Ce Soir» с резкой статьёй, обвиняя Чемберлена и Галифакса в прямом нежелании заключить соглашение с Советским Союзом. «Чемберлен ездил в Рим, — возмущался Ллойд Джордж, — чтобы посетить Муссолини и почтить его официальным признанием захвата Эфиопии, а также чтобы сказать ему, что не станет чинить препятствий итальянской интервенции в Испании. Почему же в Москву послан лишь один чиновник Форейн офис, который представляет Англию в столь могущественной стране, предложившей нам свою помощь? На это может быть дан только один ответ: Невиль Чемберлен, Галифакс и Джон Саймон не желают никакого соглашения с Россией».

Под влиянием всё возраставшей оппозиции англо-французские уполномоченные в Москве получили 27 мая 1939 г. инструкцию форсировать переговоры. К этому вынуждала и всё более обострявшаяся международная обстановка. Она уже не оставляла сомнений в окончательной непримиримости фашистских поджигателей войны. В противовес усилиям англо-французской дипломатии укрепить свои позиции в Европе и противопоставить Германии и Италии руководимый Францией и Англией блок малых стран немцы и итальянцы, как указывалось выше, подписали в Берлине 22 мая 1939 г. договор о военно-политическом союзе. Этот акт знаменовал боевую расстановку сил, готовившихся к схватке на европейском континенте. Лицом к лицу становились два противных лагеря: англо-французский блок, включавший гарантированные страны, и германо-итальянский союз, усиленно подготовлявший себе плацдарм для наступательных действий.

Соперничество англо-французского блока и немецко-фашистской дипломатии из-за соглашения с СССР

Для обоих лагерей исключительное значение приобретал вопрос, на чьей стороне в предстоящем столкновении окажется Советский Союз.

В связи с этим в Германии происходили непрерывные совещания генерального штаба с правительством. Дипломатия Гитлера стремилась во что бы то ни стало помешать заключению англо-франко-советского пакта. Это стремление вызывалось боязнью войны на два фронта. Среди германских военных кругов издавна господствовало убеждение, что такой войны Германия выдержать не может. «Гитлер спрашивал генерала Кейтеля, начальника генерального штаба, и генерала фон Браухича, главнокомандующего, — доносил 1 июня французский посол Кулондр своему министру иностранных дел Боннэ, — может ли окончиться война благоприятно для Германии. Оба ответили, что решающее значение имеет вопрос, останется ли Россия нейтральной или нет. Если Германии придётся сражаться одновременно и против Рос-

сии, у неё мало будет шансов на выигрыш войны. Оба генерала придавали большое значение позиции Турции. Они считали, что Турция может выступить на стороне западных держав, если к ним присоединится Россия... В конце концов решение Гитлера зависело от подписания англо-советского пакта. Полагают, что он рискнёт на войну, если не будет фронта со стороны России. Но если Гитлер будет знать, что ему придётся воевать также и против России, то он скорее „отступит" перед Польшей, чем обречёт свою страну, партию и самого себя на поражение и гибель. Если же англо-русские переговоры затянутся, то не исключён в течение ближайших же недель молниеносный захват Данцига».

Из переписки между французским министром иностранных дел Жоржем Боннэ и Риббентропом, относящейся к лету 1939 г. и опубликованной в 1940 г. во французской «Жёлтой книге», явствует, что гитлеровская дипломатия всячески старалась удержать Францию от заключения военного союза с Советской Россией. 1 июля 1939 г. Боннэ обратился к Гитлеру с нотой, переданной через германского посла в Париже Вельчека. Нота предупреждала, что насильственное изменение status quo в Данциге вызовет вооружённое сопротивление Польши, а это повлечёт за собой применение франко-польского соглашения о взаимной помощи.

Риббентроп ответил на французскую ноту письмом, в котором напоминал о германо-французской декларации от 6 декабря 1938 г. Эта декларация предусматривала «необходимость взаимного уважения жизненных интересов обеих стран». Ссылаясь на свои переговоры с Боннэ в Париже в день опубликования франко-германской декларации, Риббентроп писал: «Я настойчиво указывал на Восточную Европу как на сферу немецких интересов; вы же, в полном противоречии с вашими нынешними утверждениями, подчёркивали тогда со своей стороны, что позиция Франции в отношении восточноевропейских вопросов со времени Мюнхенской конференции существенно изменилась». Риббентроп нагло упрекал Боннэ в прямой «измене». Он заявлял, что Германия решительно отклоняет «вмешательство Франции в сферу немецких жизненных интересов». На этом основании германское правительство не находит возможным обсуждать с французским правительством вопросы немецко-польских отношений. Если же Франция будет поддерживать Польшу в данцигском вопросе, то фюрер преисполнен решимости «защищать немецкие интересы всеми средствами, находящимися в его распоряжении».

Риббентропу ничего не оставалось, как только попытаться припугнуть Францию, чтобы вынудить её к отступлению. Развязный дипломат Гитлера оказывался в критическом положении. Ещё недавно он настойчиво твердил своему фюреру,

что ни Франция, ни Англия не вступятся за Польшу. Теперь Гитлер убеждался, что самоуверенный министр ввёл его в заблуждение. Это грозило Риббентропу серьёзными неприятностями. Об этом сообщил в Париж Кулондр в своём донесении от 11 июня 1939 г. Впрочем, уже через два дня тот же Кулондр уведомлял, что военные приготовления Германии идут ускоренным ходом и что к августу 1939 г. она может начать войну.

В полном соответствии с донесениями Кулондра в Париж и британский посол в Берлине Гендерсон сигнализировал в Лондон об усиленных приготовлениях Германии к войне и о боязни Гитлера и его высшего командования вести одновременную вооружённую борьбу не только с Англией и Францией, но и с Советским Союзом. Английский посол настаивал, чтобы его правительство сделало практические выводы из его донесений. Необходимость активизировать дипломатические переговоры с Москвой представлялась в этих условиях совершенно очевидной. В конце мая 1939 г. английская и французская дипломатия выступила с новыми предложениями Советскому Союзу: в них, в случае прямой агрессии, направленной против той или другой договаривающейся стороны, предусматривались обязательства взаимной помощи между Англией, Францией и СССР. Но эти новые предложения о взаимной помощи сопровождались такими оговорками, которые фактически их обесценивали. Новые предложения предусматривали помощь СССР в отношении пяти стран, которым Англия и Франция уже дали гарантии. Однако они не говорили ничего о помощи со стороны Англии и Франции трём граничащим с СССР балтийским государствам — Латвии, Эстонии, Финляндии. Естественно, возникало опасение, что агрессоры могут беспрепятственно воспользоваться этими малыми странами для нападения на СССР. Поэтому советское правительство в ответ на англо-французские предложения потребовало, во-первых, заключения эффективного пакта о взаимной помощи между Англией, Францией и СССР, во-вторых, оказания помощи как пяти государствам, которым были даны англо-французские гарантии (Польше, Румынии, Турции, Греции, Бельгии), так и трём балтийским государствам (Латвии, Эстонии, Финляндии) против прямой и косвенной агрессии.

Неоспоримую справедливость этих требований признавала и английская парламентская оппозиция. 8 июля 1939 г. в газете «Daily Telegraph and Morning Post» появилась большая статья Черчилля, в которой он требовал немедленного создания тройственного пакта с участием СССР против гитлеровской Германии.

«Дела теперь зашли так далеко, — писал Черчилль, — что трудно себе даже представить, чтобы какое-либо из трёх правительств взяло на себя ответственность за лишение сотен

миллионов трудящихся этой совместной гарантии их жизни и прогресса». Черчилль заявлял, что он не изменил своего отношения к коммунизму. Однако, по его словам, с самого начала он предпочитал советские предложения британским или французским. Они просты, логичны и соответствуют основным интересам миролюбивых государств. Не должно быть никаких серьёзных затруднений в вопросе о гарантиях для балтийских государств и Финляндии. «Требования русских, — писал Черчилль, — чтобы эти государства были включены в тройственную гарантию, хорошо обоснованы. Нет никакого смысла, чтобы кессон мира имел трещину». Черчилль подчёркивал, что если балтийские государства станут жертвами фашистской агрессии, вся Европа будет вовлечена в войну. «Если их независимость или целостность подвергнется угрозе со стороны фашистов, то Польша должна драться, Великобритания и Франция должны драться и СССР должен драться. Почему же в таком случае не согласовать заблаговременно, открыто и смело тех мероприятий, которые могли бы предотвратить необходимость такой борьбы?»

7 июня 1939 г. Чемберлен сообщил Палате общин, что по основным вопросам соглашения с СССР уже достигнута известная договорённость. Однако остаются ещё затруднения, которые придётся преодолеть. Дело в том, что прибалтийские страны — Эстония, Латвия и Финляндия — заявили, что «ввиду их намерения соблюдать строгий нейтралитет, они не желают получить гарантии в результате переговоров, которые ведутся между Англией, Францией и Россией».

Чемберлен мог бы дополнить своё сообщение Парламенту. Ему следовало бы упомянуть и о том, что англо-французская делегация в Москве упорно противилась внесению в текст соглашения с Советским Союзом обязательства об оказании ему помощи в случае как прямой, так и косвенной агрессии. Английский посол Сиидс, французский — Наджиар и уполномоченный Форейн офис Стрэнг делали вид, что не понимают, что́, собственно, означает понятие «косвенная агрессия». Напрасно разъясняли им, что воздержание любого из сопредельных государств от прямого нападения на Советский Союз отнюдь не исключает возможности использования агрессором территории такого государства, при попустительстве или бессилии его правительства, как плацдарма для вторжения в СССР. Само собой разумеется, советское правительство считало необходимыми гарантии и на случай такой косвенной агрессии. Наконец, Чемберлену хорошо было известно, что советское правительство настаивало, чтобы политическое соглашение трёх держав было заключено одновременно с военной конвенцией. Последняя должна была составить неотъемлемую часть общего политического договора. Напротив, англо-французская

дипломатия предлагала не связывать этих двух соглашений. Она лишь обещала, что вслед за заключением договора о взаимной помощи начаты будут переговоры и о военной конвенции. Советское правительство имело все основания не удовлетвориться таким обещанием. Достаточным предостережением являлась хотя бы судьба франко-советского пакта о взаимопомощи, повисшего в воздухе за отсутствием реальной опоры в виде военного соглашения между Францией и Советским Союзом.

В своём докладе о внешней политике Советского Союза на третьей сессии Верховного Совета СССР 31 мая 1939 г. т. Молотов следующим образом изложил ход и состояние переговоров советского правительства с Англией и Францией.

«...Если в самом деле, — говорил т. Молотов, — хотят создать дееспособный фронт миролюбивых стран против наступления агрессии, то для этого необходимы, как минимум, такие условия: заключение между Англией, Францией и СССР эффективного пакта взаимопомощи против агрессии, имеющего исключительно оборонительный характер; гарантирование со стороны Англии, Франции и СССР государств центральной и восточной Европы, включая в их число все без исключения пограничные с СССР европейские страны, от нападения агрессоров; заключение конкретного соглашения между Англией, Францией и СССР о формах и размерах немедленной и эффективной помощи, оказываемой друг другу и гарантируемым государствам в случае нападения агрессоров.

Таково наше мнение, которое мы никому не навязываем, но за которое мы стоим. Мы не требуем принятия нашей точки зрения и никого не просим об этом. Мы считаем, однако, что эта точка зрения действительно отвечает интересам безопасности миролюбивых государств.

Это было бы соглашение исключительно оборонительного характера, действующее против нападения со стороны агрессоров и в корне отличающееся от того военного и наступательного союза, который заключили недавно между собой Германия и Италия.

Понятно, что основой такого соглашения является принцип взаимности и равных обязанностей.

Следует отметить, что в некоторых англо-французских предложениях этот элементарный принцип не нашёл благосклонного к себе отношения. Гарантировав себя от прямого нападения агрессоров пактами взаимопомощи между собой и с Польшей и обеспечивая себе помощь СССР в случае нападения агрессоров на Польшу и Румынию, англичане и французы оставляли открытым вопрос — может ли СССР в свою очередь рассчитывать на помощь с их стороны в случае прямого нападения на него со стороны агрессоров, равно как оставляли открытым другой вопрос — могут ли они принять участие в гарантировании

граничащих с СССР малых государств, прикрывающих северо-западные границы СССР, если они окажутся не в силах отстоять свой нейтралитет от нападения агрессоров.

Получалось, таким образом, неравное положение для СССР» [1].

Говоря о последних англо-французских предложениях, т. Молотов называл их шагом вперёд, но отметил, что он «обставлен такими оговорками — вплоть до оговорки насчёт некоторых пунктов устава Лиги наций, — что он может оказаться фиктивным шагом вперёд» [2].

Наконец, в своём докладе т. Молотов подчеркнул, что, «ведя переговоры с Англией и Францией, мы вовсе не считаем необходимым отказываться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия» [3].

Позиция СССР при переговорах с Англией и Францией, изложенная главой советского правительства, была безупречно пряма, открыта и последовательна. Несмотря на это, англо-французская дипломатия продолжала упорно затягивать переговоры. Такая медлительность, естественно, вызывала тем больше подозрений, что в переговорах с другими странами дипломатия союзников, когда нужно, умела проявлять несомненно бо́льшую оперативность. В частности в кратчайший срок ею достигнуто было соглашение с Турцией.

12 мая 1939 г. опубликована была англо-турецкая декларация о взаимной помощи в случае агрессии в районе Средиземного моря. Декларация гласила, что «в ожидании заключения окончательного соглашения английское и турецкое правительства заявляют, что в случае акта агрессии, могущего привести к войне в районе Средиземного моря, они будут готовы к тому, чтобы эффективно сотрудничать и предоставить взаимно друг другу всестороннюю помощь» [4]. К декларации присоединилась и Франция.

Образ действия англо-французской дипломатии в переговорах с СССР не мог не вызвать соответствующей реакции со стороны общественного мнения Советского Союза. 29 июня 1939 г. в «Правде» помещена была статья т. Жданова, озаглавленная «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР». Статья эта произвела сенсацию в дипломатических кругах и вызвала широкий отклик во всём мире. Автор ставил вопрос: в чём причина затяжки переговоров, завершения которых с нетерпением ожидают все друзья мира? Объяснение автор усматривал в том, что «английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР, т. е. такого

[1] Третья сессия Верховного Совета СССР, 25—31 мая 1939 г., стр. 470—471.

[2] Там же, стр. 471.

[3] Там же, стр. 472.

[4] «Правда» от 14 мая 1939 г.

договора, на который только и может пойти уважающее себя государство, и что именно это обстоятельство является причиной застойного состояния, в которое попали переговоры».

В доказательство статья приводила следующие факты:

1. Англо-советские переговоры продолжаются уже 75 дней, из них 59 дней ушли на проволочки со стороны англичан и французов.

2. Та же самая Англия, когда ей нужно было, заключила пакты взаимной помощи с Турцией и Польшей в кратчайший срок.

3. В ходе переговоров англичане и французы искусственно нагромождают всяческие трудности, чем создают видимость серьёзных разногласий между Англией и Францией, с одной стороны, и СССР — с другой; ссылки англо-французской дипломатии на то, что прибалтийские государства якобы не желают гарантий, явно несостоятельны: они продиктованы только намерением затруднить и сорвать переговоры. Неизвестно, спрашивали ли Литву и Голландию, хотят ли они для себя гарантий со стороны Англии и Польши; сами они этих гарантий не просили; однако это не помешало Англии и Польше заключить договоры о двусторонней взаимопомощи.

4. Англия и Франция требуют от СССР гарантий не только для Польши, Румынии и ещё четырёх других государств, но также для Голландии и Швейцарии, с которыми СССР даже не имеет дипломатических отношений.

«Всё это говорит о том, — заключал автор статьи, — что англичане и французы хотят не такого договора с СССР, который основан на принципе равенства и взаимности, хотя ежедневно приносят клятвы, что они тоже за „равенство“, а такого договора, в котором СССР выступал бы в роли батрака, несущего на своих плечах всю тяжесть обязательств. Но ни одна уважающая себя страна на такой договор не пойдёт, если не хочет быть игрушкой в руках людей, любящих загребать жар чужими руками. Тем более не может пойти на такой договор СССР, сила, мощь и достоинство которого известны всему миру» [1].

Дальнейшие события доказали полную обоснованность выводов статьи т. Жданова. Московские переговоры с англичанами и французами затягивались бесконечно. Лишь 25 июля английское и французское правительства приняли предложение правительства СССР о посылке в Москву военных миссий. Однако миссии не торопились выехать по назначению. Они отбыли лишь спустя 11 дней. Притом они не пожелали воспользоваться воздушным сообщением; члены их отплыли на товаро-пассажирском пароходе, скорость которого не превышала 13 узлов в час.

[1] «Правда» от 29 июня 1939 г.

На путь до Москвы миссиям понадобилось целых 6 дней. К тому же оказалось, что они состоят из второстепенных представителей англо-французского военного командования. Этого мало. Руководители миссий вынуждены были сознаться, что они не снабжены полномочиями для заключения каких бы то ни было договоров и подписания соглашений практического характера. Естественно, что при таких условиях и военные переговоры между сторонами оказались столь же бесплодными, как и политические.

В интервью с сотрудником «Известий» об англо-франко-советских переговорах т. Ворошилов объяснил, почему были прерваны военные переговоры с Англией и Францией.

«*Вопрос:* Чем закончились переговоры с военными миссиями Англии и Франции?

Ответ: Ввиду вскрывшихся серьёзных разногласий переговоры прерваны. Военные миссии выехали из Москвы обратно.

Вопрос: Можно ли знать, в чём заключаются эти разногласия?

Ответ: Советская военная миссия считала, что СССР, не имеющий общей границы с агрессором, может оказать помощь Франции, Англии, Польше лишь при условии пропуска его войск через польскую территорию, ибо не существует других путей для того, чтобы советским войскам войти в соприкосновение с войсками агрессора. Подобно тому как английские и американские войска в прошлой мировой войне не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооружёнными силами Франции, если бы не имели возможности оперировать на территории Франции, так и советские вооружённые силы не могли бы принять участия в военном сотрудничестве с вооружёнными силами Франции и Англии, если они не будут пропущены на территорию Польши.

Несмотря на всю очевидность правильности такой позиции, французская и английская военные миссии не согласились с такой позицией советской миссии, а польское правительство открыто заявило, что оно не нуждается и не примет военной помощи от СССР. Это обстоятельство сделало невозможным военное сотрудничество СССР и этих стран. В этом основа разногласий. На этом и прервались переговоры» [1].

Неудача англо-франко-советских переговоров

Четыре дня спустя после приведённого заявления т. Ворошилова, 31 августа 1939 г., т. Молотов выступил на внеочередной четвёртой сессии Верховного Совета СССР с объяснением причин, обрёкших на неудачу англо-франко-советские переговоры. Глава советского правительства вновь подчеркнул, что уже первые предложения английского и фран-

[1] «Известия» от 27 августа 1939 г.

цузского правительств оказались неприемлемыми для СССР, ибо ими игнорировался принцип взаимности и равных обязательств. Тем не менее советское правительство не сочло возможным отказаться от переговоров.

«Мы считались с тем, — заявил т. Молотов, — что правительствам Англии и Франции трудно было круто поворачивать курс своей политики от недружелюбного отношения к Советскому Союзу, как это было ещё совсем недавно, к серьёзным переговорам с СССР на условиях равных обязательств. Однако последующие переговоры не оправдали себя.

Англо-франко-советские переговоры продолжались в течение четырёх месяцев. Они помогли выяснить ряд вопросов. Они, вместе с тем, показали представителям Англии и Франции, что в международных делах с Советским Союзом нужно серьёзно считаться. Но эти переговоры натолкнулись на непреодолимые препятствия. Дело, разумеется, не в отдельных „формулировках" и не в тех или иных пунктах проекта договора (пакта). Нет, дело заключалось в более существенных вещах...» [1]

«В немногих словах, — продолжал т. Молотов, — дело заключается в следующем. С одной стороны, английское и французское правительства боятся агрессии и ввиду этого хотели бы иметь пакт взаимопомощи с Советским Союзом, поскольку это усиливает их самих, поскольку это усиливает Англию и Францию. Но, с другой стороны, английское и французское правительства имеют опасения, что заключение серьёзного пакта взаимопомощи с СССР может усилить нашу страну, может усилить Советский Союз, что, оказывается, не отвечает их позиции. Приходится признать, что эти опасения у них взяли верх над другими соображениями. Только в этой связи и можно понять позицию Польши, действующей по указаниям Англии и Франции» [2].

Советское правительство имело веские основания усомниться в серьёзности намерения англичан и французов договориться с СССР о взаимной помощи против агрессора. В то время, когда томительно тянулись англо-франко-советские переговоры о заключении договора о взаимопомощи, не прекращались оживлённые дипломатические сношения англичан и с гитлеровской Германией. В своей книге «Провал одной миссии» английский посол в Берлине Гендерсон подтверждает, что он развивал в эти дни усиленную дипломатическую активность.

Сам министр иностранных дел Англии Галифакс открыто выступал с примирительными речами, обращёнными к Германии. 30 июня 1939 г. в речи на банкете в Королевском институте

---

[1] Внеочередная четвёртая сессия Верховного Совета СССР, стр. 196.

[2] Там же, стр. 198.

международных отношений Галифакс выражал готовность договориться с Германией по всем проблемам, «внушающим миру тревогу». «В такой атмосфере, — говорил министр, — мы могли бы обсудить колониальную проблему, вопрос о сырье, о барьере в торговле, о „жизненном пространстве" и все другие вопросы, затрагивающие европейцев».

23 июля 1939 г. в английскую прессу проникли сведения о переговорах, якобы ведущихся между германским уполномоченным Вольтатом и представителем английского правительства Хадсоном. Этого мало. Небезызвестный английский журналист Бартлет выступил в газете «News Chronicle» с сообщением, будто бы правительства Франции и Англии собираются не позже сентября обратиться к немцам с некоторыми серьёзными предложениями, в частности о гарантированном займе в сумме 100 миллионов фунтов стерлингов и совместной эксплоатации африканских колоний. Создавалось впечатление, что дипломатия Чемберлена — Даладье ведёт двойную игру. Это, естественно, вынуждало советское правительство принять свои меры предосторожности.

31 мая 1939 г., выступая на третьей сессии Верховного Совета СССР, т. Молотов напомнил слова товарища Сталина о необходимости бдительности и осторожности, дабы не дать «втянуть в конфликты нашу страну провокаторам войны, привыкшим загребать жар чужими руками» [1].

Советско-германское торговое соглашение (19 августа 1939 г.)

Отметив, что советское правительство отнюдь не считает необходимым отказаться от деловых связей с такими странами, как Германия и Италия, т. Молотов сообщил, что ещё в начале прошлого, 1938, года германское правительство предложило советскому правительству вступить в переговоры о торговом соглашении. Немцы имели в виду предоставить Советскому Союзу новый кредит в 200 миллионов марок. Однако стороны не договорились о конкретных условиях соглашения. Переговоры были прерваны. В конце 1938 г. германское правительство вернулось к своим предложениям. Возобновились переговоры в Москве. Со стороны немцев они были поручены германскому послу Шуленбургу. И на этот раз их пришлось прервать ввиду разногласий.

22 июля 1939 г. советско-германские переговоры возобновились. 19 августа они завершились заключением торгово-кредитного соглашения: Советскому Союзу предоставлялся долгосрочный кредит на выгодных условиях в сумме 200 миллионов марок. Ясно было, что немецко-фашистская дипломатия заинтересована была не только в использовании советского рынка для сбыта продуктов германской промышленности и для получения

[1] Третья сессия Верховного Совета СССР, стр. 469.

в СССР необходимого сырья. Немцы были одержимы страхом перед войной на два фронта. Поэтому они и заискивали перед правительством СССР в надежде помешать его соглашению о взаимной помощи с Англией и Францией.

Германская дипломатия не ограничилась укреплением экономических связей с СССР. Летом того же 1939 г. немцы предложили советскому правительству заключить договор о ненападении.

Правительство СССР приняло немецкое предложение.

Уже во время войны, в речи по радио 3 июля 1941 г., товарищ Сталин объяснил причины, побудившие советское правительство пойти на заключение пакта с фашистской Германией.

«Могут спросить, — говорил товарищ Сталин: — как могло случиться, что Советское Правительство пошло на заключение пакта о ненападении с такими вероломными людьми и извергами, как Гитлер и Риббентроп? Не была ли здесь допущена со стороны Советского Правительства ошибка? Конечно, нет! Пакт о ненападении есть пакт о мире между двумя государствами. Именно такой пакт предложила нам Германия в 1939 году. Могло ли Советское Правительство отказаться от такого предложения? Я думаю, что ни одно миролюбивое государство не может отказаться от мирного соглашения с соседней державой, если во главе этой державы стоят даже такие изверги и людоеды, как Гитлер и Риббентроп. И это, конечно, при одном непременном условии — если мирное соглашение не задевает ни прямо, ни косвенно территориальной целостности, независимости и чести миролюбивого государства. Как известно, пакт о ненападении между Германией и СССР является именно таким пактом.

Что выиграли мы, заключив с Германией пакт о ненападении? Мы обеспечили нашей стране мир в течение полутора годов и возможность подготовки своих сил для отпора, если фашистская Германия рискнула бы напасть на нашу страну вопреки пакту. Это определённый выигрыш для нас и проигрыш для фашистской Германии» [1].

Советско-германский договор о ненападении (23 августа 1939 г.)

23 августа 1939 г. был заключён советско-германский договор о ненападении. С немецкой стороны он был подписан Риббентропом, прибывшим для этой цели в Москву. Основное содержание договора сводилось к следующему:

1. Обе договаривающиеся стороны обязуются воздерживаться от всякого насилия, от всякого агрессивного действия и всякого нападения в отношении друг друга как отдельно, так и совместно с другими державами.

---

[1] *Сталин*, О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 4-е, 1944, стр. 9.

2. В случае, если одна из договаривающихся сторон окажется объектом военных действий со стороны третьей державы, другая договаривающаяся сторона не будет поддерживать ни в какой форме эту державу.

3. Правительства обеих договаривающихся сторон останутся в будущем во взаимном контакте для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

4. Ни одна из договаривающихся сторон не будет участвовать ни в какой группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны.

5. В случае возникновения споров или конфликтов между договаривающимися сторонами по вопросам того или другого рода обе стороны будут разрешать эти споры или конфликты исключительно мирным путём, в порядке дружественного обмена мнениями или, в нужных случаях, путём создания комиссии по урегулированию конфликтов.

Советско-германский договор о ненападении заключался на срок в десять лет. 11 февраля 1940 г. он был дополнен советско-германским торговым договором.

Заключение советско-германского договора от 23 августа опрокидывало замыслы тех реакционных дипломатов Англии и Франции, которые рассчитывали, изолировав Советский Союз и не обеспечив его обязательствами о взаимной помощи, направить против него германскую агрессию. Это явилось крупнейшим дипломатическим достижением правительства СССР. С другой стороны, подписывая договор о ненападении с Советским Союзом, Германия Гитлера тем самым демонстрировала перед всем светом своё признание мощи СССР и боязнь перед возможным участием советской державы в борьбе против Германии на стороне англо-французского блока. Само собой разумеется, что договор с Германией отнюдь не был свидетельством излишнего доверия советского правительства к фашистской Германии. Ни в малейшей степени не ослаблял он бдительности советского правительства и его неустанной заботы об укреплении обороноспособности СССР. «Этот договор, — говорил т. Молотов, — подкреплён твёрдой уверенностью в наших реальных силах, в их полной готовности на случай любой агрессии против СССР» [1].

Заключение договора о ненападении между СССР и Германией вызвало новую бурную кампанию против Советского Союза.

Реакционная печать в Англии и Франции завопила о противоестественном союзе коммунизма и фашизма. Агентство

---

[1] *Молотов*, О ратификации советско-германского договора о ненападении, Воениздат, 1939, стр. 15.

Рейтер по радио сообщило, будто бы советское правительство само официально объяснило разрыв переговоров с Англией и Францией тем, что заключило договор с Германией.

В своём интервью, напечатанном 27 августа в «Известиях», т. Ворошилов решительно опроверг все эти измышления.

«Не потому, — заявил он, — прервались военные переговоры с Англией и Францией, что СССР заключил пакт о ненападении с Германией, а, наоборот, СССР заключил пакт о ненападении с Германией в результате между прочим того обстоятельства, что военные переговоры с Францией и Англией зашли в тупик в силу непреодолимых разногласий».

Усиление нажима немцев на Польшу

После неудачи англо-франко-советских переговоров ничто уже не препятствовало Гитлеру приступить к осуществлению своих замыслов относительно Данцига и самой Польши. Немецко-фашистская печать усилила воинственную кампанию, трубя о непобедимости Германии, якобы вынужденной, как в 1914 г., взяться за оружие для защиты своих прав. В начале августа 1939 г. положение на восточной границе Германии приобрело крайне тревожный характер. Заместитель министра иностранных дел Польши Арцишевский при обсуждении данцигской проблемы с представителем Великобритании Коннардом заявил, что «ситуация может в течение нескольких часов превратиться из политической в военную».

Сенат Данцига потребовал удаления польских таможенных властей. В Данциг прибыл немецкий генерал, принявший командование местным гарнизоном. В Восточной Пруссии в ряды войск были призваны запасные до 58-летнего возраста.

8 августа консервативная польская газета «Час» заявила, что, если сделана будет попытка поставить Польшу перед совершившимся фактом, будет открыт огонь. Ответом на эту угрозу явился яростный вой всей германской печати.

В связи с конфликтом, возникшим в Данциге из-за польских таможенных властей, правительство Польши обратилось с нотой к данцигскому Сенату через посредство верховного комиссара Лиги наций. Нота в примирительном тоне предлагала урегулировать спорный вопрос. Спустя несколько дней польский поверенный в делах в Берлине был предупреждён германским Министерством иностранных дел, что угрозы, адресованные вольному городу Данцигу, могут повести только к ухудшению польско-германских отношений. Ответственность за это падёт исключительно на польское правительство.

«Правительство Польской республики, — гласила ответная польская нота, — крайне удивлено декларацией от 9 августа сего года, сделанной секретарём германского Министерства иностранных дел польскому поверенному в делах по вопросу о взаимоотношениях между Польшей и Данцигом. Польское

правительство не видит никакого юридического основания, которое могло бы оправдать вмешательство Германии в эти отношения». Нота заканчивалась предупреждением, что дальнейшее немецкое вмешательство будет рассматриваться польским правительством «как акт агрессии».

Англо-французские попытки договориться с Гитлером

Под давлением явно нарастающей опасности войны решившись, наконец, направить в Москву военную миссию, английское и французское правительства, с другой стороны, попрежнему пытались договориться с немцами. 15 августа Кулондр посетил германское Министерство иностранных дел. Здесь статс-секретарь Вейдзекер заявил французскому послу с крайним раздражением, что польское правительство не управляет событиями. Очевидно, его провокационное поведение в отношении Данцига продиктовано из Парижа и Лондона. Однако Германия не намерена дальше терпеть подобное поведение поляков. Кулондр попытался было успокоить своего собеседника. Он принялся заверять его, что французское правительство ничего так не желает, как соглашения между Польшей и Германией. Посол старался втолковать статс-секретарю, что конфликт между Польшей и Германией может автоматически вовлечь в него и Францию. А это неминуемо поведёт к дальнейшим осложнениям. Кулондр выражал готовность всемерно содействовать делу мира, ибо, по его мнению, европейская война закончится общим поражением.

В тот же день секретаря Министерства иностранных дел Германии посетил и Гендерсон. Он попытался выяснить, не согласится ли германское правительство повременить с разрешением вопроса о Данциге: пусть сперва разрядится атмосфера. Посол снова дал понять, что английское правительство готово договориться с Германией по колониальному и другим вопросам.

«Я возразил ему, — записывает Вейдзекер, — что он ставит вопрос академически. Отсрочка решения данцигской проблемы поведёт лишь к тому, что Польша ещё более обострит положение, и атмосфера отнюдь не улучшится». Гендерсон ещё раз предупредил, что нынешнее положение значительно серьёзнее и труднее, чем было в прошлом году, «ибо Чемберлен больше не может к вам прилететь».

«Мы ожесточённо дискуссировали по поводу того, кто прав и кто неправ в данном случае, — телеграфировал Галифаксу Гендерсон, — однако мы не могли убедить друг друга». При этом Вейдзекер выразил сомнение в том, что «Великобритания пожелает сражаться при всех обстоятельствах из-за польского сумасбродства». В тот же день, 18 августа, Кулондр предупреждал Боннэ, что удержать Гитлера от нападения на Польшу могло бы только скорейшее завершение переговоров с Россией. По свидетельству посла, никто в Берлине не верит

тому, что Англия захочет воевать из-за какого-то Данцига, после того как она не оказала противодействия захвату Австрии, Судетской области, всей Чехословакии и Мемеля.

21 августа англичанам и французам стало известно, что Риббентроп собирается вылететь в Москву, где должен быть подписан германо-советский договор. Чемберлен на этот раз снова лететь к Гитлеру не решился. Однако уже 22 августа Гендерсон получил письмо премьера для передачи фюреру. Чемберлен заверял, что заключение германо-советского договора не может повлиять на позицию Великобритании в отношении Польши. «Какова бы ни была сущность германо-советского соглашения, — заявлял английский премьер-министр, — оно не в состоянии изменить ту позицию Великобритании в отношении обязательства перед Польшей, которую правительство его величества неоднократно разъясняло публично и которой оно решило придерживаться». Чемберлен доказывал, что споры с Польшей можно уладить без войны. Англия готова принять на себя посредничество в этом деле. Нужна лишь некоторая «пауза» во взаимных обвинениях Германии и Польши. После этого можно будет начать переговоры с ними при помощи нейтрального посредника.

Передавая письмо Чемберлена Гитлеру в Берхтесгадене в тот же день, Гендерсон объяснил, что оно вызвано предстоящим заключением германо-советского пакта. Гитлер держался как победитель. Он угрожал общей мобилизацией своих войск, если Англия и Франция не прекратят военных приготовлений. Во всём виновата сама Англия. Она помешала мирному разрешению всех споров, дав Польше свои гарантии и, таким образом, возбудив её против Германии.

23 августа Гендерсон был вызван к Гитлеру, который вручил ему официальный ответ на письмо Чемберлена. Документ содержал следующие положения: «1) Германия хотела мира и согласования интересов с Англией в Европе. 2) Данциг и Польский коридор должны принадлежать Германии. Это давно признано в самой Англии многими политическими деятелями и учёными. 3) Германия пыталась мирно разрешить вопрос с Польшей; Англия этому помешала. 4) Английские гарантии вызвали со стороны поляков „зверства“ против немцев. 5) Германия предупреждала Польшу, что не может терпеть провокаций и ультиматумов данцигскому Сенату. 6) Гитлер согласен, что война с Англией будет долгой, однако Германия к этому готова. 7) Если Англия и Франция будут продолжать военные приготовления, в Германии будет произведена всеобщая мобилизация. 8) Мир в Европе может быть спасён не Германией, а теми, кто повинен в „преступлениях Версаля“»[1].

---

[1] См. подробно в книге *N. Henderson*, Failure of a Mission, p. 303 ss.

«Я всю жизнь стремился к англо-германской дружбе, — жаловался Гитлер Гендерсону, — но поведение английской дипломатии, по крайней мере до сих пор, убедило меня в бесполезности этих попыток» [1].

Коснувшись советско-германского договора от 23 августа, Гитлер заявил Гендерсону, что Германии не придётся вести войну на два фронта. «Россия и Германия не будут больше воевать друг против друга ни при каких обстоятельствах». Гитлер явно злорадствовал. Тем не менее в конце концов он сам высказался за новое соглашение между Англией и Германией: для этого нужно лишь, чтобы Польша безоговорочно уступила Германии Данциг и Польский коридор. В тот же день Гитлер направил через Кулондра личное письмо Даладье. Он настаивал, чтобы Франция решительно отказалась от поддержки Польши.

В беседе с Кулондром Гитлер и на этот раз пытался заверить его, что является другом Франции, что сам он «окончательно отказался от притязаний на Эльзас-Лотарингию и признал франко-германскую границу». Войны с Францией он не хочет; он желает дружбы с ней. Воевать с Францией из-за Польши было бы для него очень тяжело; однако он больше не может терпеть польских провокаций. «Сейчас в Германии находится более 70 тысяч беженцев из Польши; всё это — жертвы польских зверств. Гражданские самолёты Германии, пролетающие над Польшей, подвергаются обстрелу. В Лодзи и других городах происходят погромы немцев... Я не хочу воевать с Францией, — выкрикивал Гитлер, — но, если она ввяжется в конфликт, я буду воевать до конца... Передайте всё это Даладье».

Кулондр попытался заверить Гитлера, что французское правительство даёт Польше самые миролюбивые советы. «Я верю, — ответил Гитлер, — я даже убеждён в умеренности таких людей, как Бек, но они уже не хозяева положения». По заключению Кулондра, Гитлер вовсе не стремился предотвратить войну. Война была для него делом решённым. Он пробовал лишь разъединить союзников, устроить «второй Мюнхен» против Польши, получить Данциг путём шантажа и угроз, а затем по-своему расправиться и с Польшей.

В те же критические дни папа римский и Рузвельт обратились к Германии и Польше с призывом воздержаться от войны и договориться о мирном разрешении спора. Польское правительство выразило готовность повести переговоры с Германией. Однако правительство Гитлера не внимало ничему. Ему нужно было свести свои счёты с Польшей.

26 августа Гендерсон вылетел в Лондон. Он вёз новые предложения Гитлера, который требовал передела колоний, обмена

[1] «Zweites Weissbuch der Deutschen Regierung», B. II, №456, S. 508—510.

национальными меньшинствами и передачи Германии Данцига. 28 августа посол вернулся в Берлин и вручил Гитлеру ответ английского правительства. Чемберлен заявлял, что правительство Великобритании горячо желает полного и прочного соглашения с Германией. Англия готова приступить к обсуждению условий этого соглашения, лишь бы мирно был разрешён германо-польский спор. Жизненные интересы Польши должны быть ограждены соглашением, обеспеченным международными гарантиями. «Такое мирное решение спора открывает путь ко всеобщему миру, — гласил английский меморандум. — Если же оно не будет достигнуто, возникнет война между Германией и Англией, которая охватит весь мир. Это значит разразится катастрофа, небывалая в истории». Вручая Гитлеру меморандум своего правительства, Гендерсон заметил, что оно не торопит фюрера с ответом. «Но я-то спешу», — бросил ему в ответ Гитлер.

29 августа Гитлер передал Гендерсону письменный ответ на английский меморандум. Германское правительство соглашалось на прямые переговоры с Польшей, — оно требовало лишь, чтобы польский представитель явился в Берлин уже на следующий день с необходимыми полномочиями. Гитлер подтвердил, что настаивает на передаче Германии Данцига, Польского коридора и Верхней Силезии. Тут же он подчеркнул, что после этой операции остаток Польши едва ли можно будет рассматривать как самостоятельное государство. Затем фюрер пустился в изображение перспектив «золотого века» англо-германской дружбы [1].

Польская мобилизация

В тот же день к вечеру было получено сообщение о мобилизации в Польше. 30 августа 1939 г. на границе Германии с Польшей начались акты террора и диверсии, организованные германскими фашистами. На железных дорогах банды диверсантов производили взрывы и покушения. Гендерсон явился к Риббентропу с предложением немедленно прекратить эти провокации. В ответ он получил надменное заявление, что провокации и саботаж идут только со стороны поляков. Германский министр иностранных дел не может разговаривать на эту тему с английским послом.

Того же 30 августа после полуночи Гендерсон попросил нового приёма у Риббентропа. Посол только что получил ответ британского правительства на ноту Гитлера. В ответе сообщалось, что правительство Великобритании согласно с необходимостью повести переговоры в ускоренном порядке; при этом оно выражает пожелание, чтобы во время переговоров не предпринимались никакие военные действия и чтобы до

---

[1] «Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges». Berlin 1939, № 2, S. 428—436.

разрешения спорных вопросов в Данциге сохранялось status quo. Принимая английского посла, Риббентроп держал себя самым вызывающим образом. Дело дошло до того, что даже Гендерсон, остававшийся до конца восторженным поклонником Гитлера, не выдержал. Он заявил министру, что немедленно сообщит своему правительству о его поведении. Риббентроп не моргнул глазом. Открыв письменный стол, он извлёк из него пространный документ, содержавший целых десять статей. Без дальних слов Риббентроп скороговоркой стал читать его вслух Гендерсону. Английский посол выразил желание сам прочитать документ; на это последовал категорический отказ Риббентропа. Германский документ содержал новые предложения по польскому вопросу. Они сводились к тому, что Данциг немедленно возвращается Германии; вопрос о Польском коридоре решается плебисцитом, в котором участвуют немцы, жившие на этой территории до 1 января 1918 г., родившиеся там, а также высланные оттуда. Польские власти, чиновники и полиция должны быть удалены из этой области к моменту плебисцита. Было совершенно очевидно, что немцы вовсе не рассчитывают на возможность принятия их предложений. Немецко-фашистской дипломатии нужно было лишь как-нибудь отмахнуться от англичан, чтобы немедля приступить к расправе с Польшей.

Выйдя от Риббентропа, Гендерсон отправился к польскому послу Липскому, чтобы ознакомить его с новыми немецкими предложениями. В качестве последнего средства предупредить войну Гендерсон предлагал Липскому организовать немедленную встречу Рыдз-Смиглы и Геринга. Липский просил дать ему время, чтобы переговорить по этому поводу с Варшавой. В полдень 31 августа Гендерсон сообщил германскому Министерству иностранных дел, что польское правительство поручает дальнейшие переговоры в Берлине своему послу Липскому. После полудня состоялась встреча Липского с Риббентропом. Но Липский заявил министру, что пришёл к нему не как чрезвычайный уполномоченный, а как посол. В таком качестве он и сообщает, что польское правительство согласно на непосредственные переговоры с правительством Германии. Формальное уведомление в этом смысле будет передано Министерству иностранных дел в самое ближайшее время. На это Риббентроп заявил, что он может вести переговоры только с чрезвычайным уполномоченным и что срок ожидания таких полномочий из Варшавы уже истекает.

Вернувшись в своё посольство, Липский попытался переговорить по телефону с Варшавой. Однако оказалось, что связь с ней уже прервана. На помощь Липскому пришли Гендерсон и Кулондр. Они телефонировали в Париж, чтобы Боннэ немедля связался с Варшавой и ускорил присылку Липскому

полномочий и инструкций. 31 августа, в 12 часов 10 минут, Бонно телефонировал Кулондру, что Липский через несколько минут должен получить директивы. Действительно, в 2 часа Липский уже имел указания из Варшавы и звонил Риббентропу, прося его о приёме. В 7 часов 45 минут вечера посол был принят министром. Риббентроп зловеще подчеркнул, что с получением полномочий дело явно затягивается. Это не может не отразиться вредно на переговорах. Липский поспешил заверить, что полномочия на ведение переговоров будут им скоро получены. Пока же польское правительство вновь подтверждает своё согласие на прямые переговоры.

Как выяснилось потом, давая указания Липскому, Бек предупредил его, что посол не должен принимать от Риббентропа предложений, имеющих характер ультиматума. Тут же Бек сообщал, что сам он не собирается ехать в Берлин. Он не желает подвергнуться пыткам и претерпеть участь чехословацкого президента Гаха.

Провокационное сообщение германского правительства

В 7 часов вечера немцами было опубликовано явно провокационное сообщение. Оно гласило, что германское правительство уже два дня тщетно ожидает польского уполномоченного и что немецкие предложения фактически отклонены. В 9 часов 15 минут Вейдзекер официально передал это сообщение Кулондру и Гендерсону.

Не подлежало сомнению, что немецко-фашистская дипломатия спешила развязать себе руки, чтобы уклониться от переговоров с Польшей. Был у Риббентропа и другой мотив. Немцам нужно было отделаться и от непрошенного вмешательства Муссолини, который в решительный момент оробел перед перспективой войны с двумя великими державами. Через французского посла в Риме Франсуа Понсэ Муссолини предложил созвать при посредничестве Италии конференцию Англии, Франции, Германии и Польши, при условии, что французское и английское правительства согласятся пойти на уступки по тем статьям Версальского договора, которые вызвали «нынешнюю тревогу».

Кроме страха перед войной, дипломатия Муссолини руководилась и расчётом на некоторый шантаж. Используя общий перепуг и смятение, Муссолини пробовал вырвать от англичан и французов те уступки, которых Италия тщетно добивалась ещё в период обсуждения Версальского договора.

Военное наступление немцев на Польшу (1 сентября 1939 г.)

Немцы стремились не допустить вмешательства в их отношения с Польшей. Для этого они постарались представить дело в таком свете, что сами поляки сжигают за собой все мосты. 1 сентября, в 4 часа утра, войска Гитлера двинулись из Данцига в Польский коридор. Германские самолёты начали бомбардировать польский город

Тчев, расположенный к югу от Данцига, а также польские селения на границе Словакии и в Силезии.

В 10 часов утра в Берлине открылось чрезвычайное заседание Рейхстага. Геринг произнёс речь, в которой превозносил миролюбие Гитлера и клеймил Польшу, якобы отклонившую великодушные предложения Германии. Геринг утверждал, что Гитлер принял английские предложения. После этого он будто бы напрасно ждал в течение двух дней польского уполномоченного для прямых переговоров. В это время Польша напала на немцев и на германскую территорию. На том же заседании выступил и сам Гитлер. Он сообщил о ратификации германо-советского договора о ненападении и провозгласил, что отныне война между СССР и Германией исключена. Речь Гитлера вызвала в Рейхстаге неистовые овации. После этого министр внутренних дел Фрик огласил законопроект о присоединении Данцига к Германской империи.

Между тем германские войска уже маршировали по польской территории. Польское правительство официально обратилось за помощью к англичанам и французам. Ответом на это была всеобщая мобилизация в Англии, Франции и Бельгии.

Вечером 1 сентября Гендерсон и Кулондр вручили министру иностранных дел Германии две одинаковые ноты. В них содержалось требование отвода немецких войск с польской территории. В случае отказа правительства Англии и Франции предупреждали, что немедленно приступят к выполнению своих обязательств по отношению к Польше.

2 сентября Гендерсону было поручено вторично потребовать от Гитлера прекращения военных действий. Выступив в тот же день в Палате лордов, Галифакс информировал её об отсутствии ответа от Гитлера и о критическом положении, которое создаётся для Англии и Франции. Войска Гитлера продолжали продвигаться. Германское посольство выехало из Варшавы в Берлин.

Разрыв Франции и Англии с Германией

Только в 10 часов вечера Риббентроп вызвал Кулондра и заявил ему, что не Германия напала на Польшу, а Польша на Германию. 3 сентября утром Кулондр получил от Боннэ директиву потребовать немедленного ответа на французскую ноту от 1 сентября. Если последует отрицательный ответ, затребовать для посольства паспорта. Риббентроп заявил Кулондру, что, по сообщению Муссолини, предполагаемая конференция держав сорвалась «вследствие неуступчивости английского правительства». Если Франция вмешается в польско-германский конфликт, это явится «агрессией с её стороны». Кулондр затребовал паспорта. В 12 часов 40 минут дипломатические отношения между Францией и Германией были прерваны. В 11 часов утра того же 3 сентября Галифакс вызвал

германского поверенного в делах в Лондоне и сообщил ему, что Великобритания находится в состоянии войны с Германией. Австралия и Новая Зеландия присоединились к Англии и объявили, что и они находятся с Германией в состоянии войны. Эйре, Испания, Португалия, Бельгия, Голландия и Иран выступили с заявлениями о своём нейтралитете. В Голландии и Венгрии было объявлено военное положение. Словакия объявила Польше войну.

3 сентября 1939 г. Рузвельт провозгласил нейтралитет США. 5 сентября к его заявлению присоединились Мексика, Чили, Уругвай, Аргентина и Гватемала.

Правительство Италии заявило, что не возьмёт на себя инициативы участия в военных действиях. 7 сентября последовало заявление японского правительства, что оно будет придерживаться политики невмешательства в европейскую войну.

Военный пожар охватил Европу. Фашистские поджигатели добились своей цели. Человечество ввергнуто было во вторую мировую войну.

* * *

История навсегда сохранит мрачную память о преступлениях фашистских поджигателей второй мировой войны, обрёкшей миллионы людей на разорение, порабощение и гибель. Злодейская роль дипломатии Гитлера разоблачена ныне перед лицом свободолюбивого человечества; её вдохновители не уйдут от карающего меча правосудия. Грядущие поколения с ужасом, гневом и отвращением будут вспоминать об этой дипломатии международных гангстеров, в арсенале которой разнузданная демагогия сочеталась с раболепным служением интересам магнатов монополистического капитала, лицемерная пацифистская маскировка — с наглым шантажем, кровавый террор — с коварным разжиганием международной склоки, разбойничье попирание основ морали и права — с бредовой проповедью господства «избранной расы», обращающей в рабство и уничтожающей все прочие народы.

Но история не забудет и о тягчайшей ответственности тех руководителей буржуазно-демократических стран, которые не пожелали или не сумели противопоставить коллективную защиту мира и безопасности необузданному разгулу фашистских поджигателей войны. Не будут оправданы судом человечества те реакционные политики, которые жертвовали интересами своих народов и всеобщего мира ради своих узко понимаемых классовых целей, стремились к изоляции Страны Советов, заигрывали с фашистскими агрессорами, рассчитывая задобрить их политикой уступок, попустительства и прямого поощрения в надежде направить напор фашистской стихии против страны победившего социализма.

С тем большей признательностью и уважением будет хранить человечество память о благородной исторической роли советской дипломатии. Верная принципам Ленина и Сталина, не отступая ни на шаг от ленинской концепции сосуществования двух миров — социалистического и капиталистического,— неуклонно проводя политику мира и делового сотрудничества со всеми народами, независимо от различий их государственного строя, одушевлённая стремлением избавить человечество от ужасов войны путём организации единого фронта свободолюбивых народов против поджигателей новой мировой бойни, советская дипломатия неизменно, твёрдо и смело за всё время своего существования отстаивала свои принципиальные позиции в интересах всего передового человечества.

Ленин определил основы советской внешней политики. Их развивает и углубляет преемник Ленина Сталин, осуществляя гениальное руководство внешней политикой Советской страны. Сталину обязаны народы СССР тем, что свыше 20 лет могли мирно строить своё социалистическое государство, укрепляя его экономическую и военную мощь и обеспечивая Советскому Союзу всё возрастающий международный авторитет. Сталинскому руководству обязана наша родина тем, что в момент предательского нападения на неё гитлеровской Германии Советская страна смогла не только оказать сопротивление немецко-фашистским полчищам, вооружённым совершеннейшей в мире техникой, но и нанести им сокрушительные удары, но и выбросить их за пределы советской земли, но и добить фашистского зверя на его собственной территории, водрузив над Берлином сталинское знамя победы.

Сталинской дипломатии обязаны мы и тем, что в момент напряжённейшей борьбы с врагом Советский Союз не оказался одиноким. Свободолюбивые народы оценили значение Советской страны как самого мощного фактора мира и как основную силу, нанесшую германскому империализму смертельный удар.

Так в огне Великой освободительной войны против немецкого фашизма выкованы были основы боевого союза демократических народов. Его соединёнными усилиями уничтожено отвратительное порождение империализма — фашизм. Его сотрудничеством закладываются основы послевоенного устройства международных отношений, обеспечивающего человечеству мир, свободу и независимость.

ПРИЁМЫ И МЕТОДЫ РАБОТЫ, ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ И ТЕХНИКА СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

О ПРИЁМАХ БУРЖУАЗНОЙ ДИПЛОМАТИИ

Изучение документов, относящихся к истории дипломатии, так же как и наблюдение и анализ фактов текущей международной жизни, приводят к заключению, что существует несколько определённых приёмов, которые, то чередуясь, то выступая комбинированно, пускались и пускаются в ход в непрестанной дипломатической борьбе, предшествующей вооружённым конфликтам, следующей за вооружёнными конфликтами и, в несколько замедленном темпе, не прекращающейся даже и в то время, когда эти военные конфликты происходят.

Знакомясь с историей дипломатии, следует уделить внимание специальному изучению этих приёмов. Ещё в середине XIX века Энгельс говорил, что настала пора, когда политические борцы должны изучать военное искусство: без этого им не обойтись в борьбе за лучшее будущее человечества. И сам Энгельс, один из основоположников научного социализма, до такой степени овладел не только историей, но и техникой, «ремеслом» военного дела, что специалисты с любопытством спрашивали по поводу его неподписанных военных обозрений, какой это генерал пишет такие замечательные статьи.

С наиболее характерными приёмами буржуазной дипломатии советские читатели должны ознакомиться хотя бы в самом общем обзоре. Те же, которые готовятся служить родине на дипломатическом поприще, обязаны, конечно, несравненно детальнее изучить это дело. Они должны помнить, что завет Энгельса относится не только к военному делу, но и к борьбе дипломатической: необходимо знать возможно лучше приёмы и уловки классового противника при встречах с ним не только на поле боя, но и в дипломатических контроверзах. В настоящей главе в самом кратком виде будут отмечены лишь основные категории таких дипломатических приёмов, которые служили своего рода «руководящими мотивами» в истории дипломатии капиталистического мира и применяются в её нынешней практике.

В том реальном комментарии, который даётся здесь для иллюстрации этих дипломатических приёмов, не приходилось увлекаться обилием фактического материала: иначе эта глава превратилась бы в целую книгу. Читатель трёхтомной «Истории дипломатии» и сам, без особого труда, найдёт немало фактов, которыми можно было бы дополнить приводимые иллюстрации.

Предлагаемая классификация наиболее часто применяемых дипломатических приёмов далеко не полна. Как и в военном деле, в дипломатии капиталистического мира стратегия и тактика необычайно разнообразны и индивидуальны. Если не очень легко определить основные линии даже обширной, рассчитанной на более или менее длительный период дипломатической стратагемы, то подавно трудно проследить порой весьма причудливые извивы и задачи дипломатической тактики, меняющейся не только каждый день, но иногда и в течение нескольких часов.

Ниже характеризуются лишь основные приёмы буржуазной дипломатии, которыми она пользуется для достижения двух своих целей: маскировки истинных своих планов и симуляции намерений, которых на самом деле она не имеет.

Одному из старинных мастеров дипломатического искусства, канцлеру шведского королевства в первой половине XVII столетия Акселю Оксеншерна, приписываются слова, будто истинный дипломат должен всегда иметь в готовности к своим услугам двух послушных рабынь — *симуляцию* и *диссимуляцию*: симулируется то, чего *нет*, а то, что *есть на самом деле*, — диссимулируется, пояснял он при этом, приводя известное латинское определение [1]. Дипломаты не только XVII, но и XVIII, XIX, XX веков в своей деятельности усердно пользовались услугами обеих этих «рабынь»: они утверждали то, чего нет, скрывали то, что есть на самом деле, практикуя, таким образом, как симуляцию, так и диссимуляцию.

Стоит проследить, как в некоторых типичных случаях выглядела эта практика в исторической действительности.

Агрессия, прикрываемая мотивами обороны

Прежде всего следует отметить, что наиболее частым, можно сказать шаблонным приёмом дипломатической маскировки, без которой до самого последнего времени не обходился ни один агрессор, является утверждение, будто данная война вызвана потребностями «самозащиты».

Фридрих II, умнейший и циничнейший немецкий дипломат, обладал одной характерной для германских политиков особенностью. Ею отличался впоследствии также и очень неумный Вильгельм II. Совсем уже в уродливых размерах сказывалась

[1] «Simulantur quae non sunt, quae sunt vero dissimulantur».

она в гитлеровской дипломатической практике. Это — стремление к некоему теоретическому обоснованию своих взглядов на цели и средства внешней политики. Но именно потому, что Фридрих был умён и тонок, он никогда во всеуслышание не провозглашал истинных своих взглядов: он довольствовался черновыми набросками «для себя» и интимными «завещаниями» для своих потомков, отнюдь не предназначая этих своих литературных упражнений для постороннего нескромного взора. Так возникла около 1752 г. любопытная рукопись «Политические грёзы», написанная на французском языке (король, как известно, владел французским языком лучше, чем немецким). До сих пор эта рукопись полностью не опубликована, и кое-какие её части продолжают оставаться неизданными. В этих «Политических грёзах» и в других произведениях, увидевших свет после смерти короля, обнаруживается, что хотя Фридрих одну свою работу и озаглавил «Анти-Макиавелли», но на самом деле он был верным учеником и последователем принципов флорентийского мыслителя. У Фридриха эти принципы отличаются полнейшей ясностью и обнажённостью. Когда вам нравится какая-нибудь страна и у вас есть средства и возможность, занимайте её своими войсками, а когда займёте, сейчас же вы найдёте юристов и историков, которые докажут, что у вас имеются на эту землю неоспоримые права. Эту мысль на все лады и в разной форме выражал Фридрих, и она сделалась аксиомой для последующих правителей Пруссии, а потом Германии. «Истинный Гогенцоллерн никогда не выпустит из рук того, что уже захватил», — говорил Вильгельм I. Этот же тезис, но в ещё более грубом и наглом виде, десятки раз повторяли Геббельс, Дитрих и другие гитлеровцы с 1938 г., когда начались со стороны фашистской Германии систематические захваты чужих территорий.

Классическим образчиком предумышленной лжи с целью оправдать нарушение своих обязательств и измену данному слову якобы вынужденной самозащитой были заверения германской дипломатии по поводу вторжения в Бельгию в августе 1914 г.

Как известно, Пруссия в числе прочих держав торжественно обязалась подписью короля Фридриха-Вильгельма III под гарантийным договором от 19 апреля 1839 г. признавать Бельгию «независимым и нейтральным навеки государством». Мало того, особым договором, заключённым 11 августа 1870 г. с Англией и Бельгией, Вильгельм I принял на себя обязательство в случае вторжения чьих-либо войск в Бельгию или иного нарушения её нейтралитета *содействовать* Англии своими *военными и морскими силами* в деле защиты бельгийского нейтралитета.

Это не помешало германскому правительству без тени каких-либо оснований, в порядке самой отъявленной и сознательной лжи заявить 2 августа 1914 г. в 7 часов вечера бельгийскому министру иностранных дел Давиньону, что так как до Германии дошёл слух о «намерениях» французов вступить в Бельгию, то для немцев «является повелительным долгом самосохранения предупредить атаку врага», а посему и занять Бельгию. Ни намерений таких у французов не имелось, ни слухов таких не было и быть не могло: просто-напросто, согласно выработанному примерно за полтора десятка лет до того плану Шлиффена, быстрый успех внезапного военного нападения на Францию требовал непременного прохода через Бельгию. И на другой же день, 3 августа 1914 г., германская армия вторглась в Бельгию.

Для характеристики германских дипломатических приёмов интересно отметить дальнейшее развитие событий. Зная, что при всей стратегической выгодности вторжения в Бельгию оно может иметь одну, довольно опасную сторону, а именно — толкнуть колебавшуюся Англию на объявление Германии войны, канцлер Бетман-Гольвег на другой же день после этого события решил несколько смягчить убийственное впечатление, которое произвело во всей Европе столь наглое нарушение бельгийского нейтралитета. С трибуны Рейхстага 4 августа канцлер торжественно признал, что по отношению к Бельгии «совершена несправедливость», но ничего не поделаешь, «нужда не знает закона». Германия была «вынуждена» совершить этот беззаконный поступок, потому что её «безопасность» этого требовала. Но прошло всего несколько часов после этой речи, и обнаружилось, что извинение не помогло: вечером того же 4 августа к Бетман-Гольвегу явился английский посол сэр Эдуард Гошен с ультиматумом: или немедленно убрать вон из Бельгии германские войска, или же Англия объявляет Германии войну. Срок для ответа — шесть часов. Германский канцлер растерялся: он утром уже публично ликовал, уверенный в английской пассивности; теперь, под влиянием полной неожиданности удара, он утратил всякое самообладание. Он наговорил много такого, о чём в нормальном состоянии, конечно, и не заикнулся бы. На слова Гошена, что Германия нарушила тот самый договор о вечном нейтралитете Бельгии, под которым имеется и германская подпись, канцлер яростно возразил: «Итак, *из-за клочка бумаги* вы намерены воевать с родственной вам по крови нацией!» В 11 часов ночи с 4 на 5 августа Англия объявила Германии войну.

Но и этим дело ещё не кончилось. Видя, что «честное и искреннее» признание своей вины перед Бельгией ни малейшей пользы не принесло, германская дипломатия (всё при том же Бетман-Гольвеге) круто меняет позицию в вопросе о нарушении

бельгийского нейтралитета. Вдруг выдвигается новая теория. Оказывается, что «военные надобности имеют преимущество перед дипломатическими условностями»; поэтому оккупация Бельгии вполне оправдана, и незачем даже приводить «доказательства», будто бы Бельгия ещё до войны собиралась сговориться с Англией об участии в войне. Такие «доказательства» якобы нашлись в документах, попавших в руки германских оккупационных властей при повальном разграблении брюссельских архивов. Конечно, и тени правды в этих «доказательствах» не было. Никаких аргументов подобного рода не требуется, — провозгласили окончательно в статс-секретариате иностранных дел в Берлине, видя, что и новые «документальные доказательства» не возбуждают ни в ком доверия: если Германия ведёт войну, то она имеет право не стесняться *абсолютно ничем* и делать всё, что нужно для победы. И как только провозглашена была — впервые в истории дипломатии с такой ясностью и откровенностью — новая теория, как сейчас же и случилось то, о чём ещё в середине XVIII столетия писал и говорил прусский король Фридрих II. Наблюдение Фридриха блистательно подтвердилось при его потомках в связи с вопросом о Бельгии. Немедленно же выступил известнейший из профессоров-юристов, Лабанд, считавшийся в Германии светилом. Это светило поторопилось озарить светом истинно германской науки щекотливый и беспокойный вопрос о Бельгии. В книге «Управление Бельгией во время военной оккупации» профессор Лабанд утверждает, что на войне германские военные власти вовсе не должны связывать себя правовыми, т. е. основанными на каком-нибудь праве, «условными соглашениями»; они обязаны следовать исключительно велениям и нуждам момента. На войне вообще не должно быть непреложных законов и нерушимых обязательств; должны быть в силе лишь «военные обычаи», причём эти «военные обычаи» видоизменяются и эволюционируют согласно с волей военного предводителя. Вслед за Лабандом, соревнуясь и перегоняя друг друга, выступил целый ряд других немецких юристов. Так, ординарный профессор Берлинского университета Колер в коллективной работе «Правда о войне» писал по поводу беззакония, учинённого над Бельгией: «Государство имеет абсолютное право ограждать свои индивидуальные интересы, жертвуя во имя их интересами всех других стран, в том числе и нейтральных». Колер писал накануне Марны, когда война казалась немцам уже вполне выигранной; поэтому он обнаружил полную свободу от всяких стеснений и стыдливых недомолвок. «Право должно склониться перед фактом и уступить победителю, — провозглашает он: — факт имеет значение, factum valet» (для пущей «научной» убедительности юрист облёк свой окончательный вывод в латинскую форму).

23 августа 1914 г., т. е. спустя три недели после вторжения в Бельгию, немцы расстреляли в местечке Тамин 400 бельгийцев, спалили 264 дома и сожгли живьём в погребах около 250 человек[1]. Затем со стороны германских дипломатических представителей в нейтральных странах последовало разъяснение, что дальше и не то ещё будет, если бельгийский народ не понимает необходимости «повиноваться германскому закону войны». Обоснованный немецкими юристами «закон» проводился в Бельгии неуклонно все четыре года и три месяца, пока немцы не были изгнаны из залитой кровью и опустошённой ими страны.

Гитлеровская дипломатия внесла нечто своё в область дипломатических обоснований агрессии. Она наперёд провозгласила, что не всегда агрессор должен утруждать себя мотивировкой своего нападения. Бывают случаи, когда можно и пренебречь этой формальностью. Таким случаем явилось нападение на Советский Союз.

Решение вопроса о том, как целесообразнее всего начать войну против Советского Союза, было дано доктором юридических наук и одним из деятельнейших сотрудников официального органа гитлеровцев «National-Sozialistische Monatshefte», Эрнестом-Германом Бокгоффом. В своей работе «Является ли Советский Союз субъектом международного права?» (1936 г.) учёный гитлеровский юрист отвечает отрицательно на этот вопрос. Нет, Советский Союз не есть государство; он лишь сборище кочевников, задающихся революционно-разрушительными целями. В порядке самозащиты против большевистских «варваров» кто угодно и когда угодно имеет право без предупреждения, без предъявления каких-либо претензий, без всяких ультиматумов просто вторгнуться в пределы Советского Союза и занять его территорию: «Относительно Советского Союза не может существовать понятия о неправомерной интервенции, — *всякая* война против Советского Союза, кто бы и почему бы её ни вёл, *вполне законна*». Такими словами столп фашистской юриспруденции формулирует свой окончательный вывод. То было лишь облечением в мнимоюридическую форму требования, которое берлинский главный штаб давно уж предъявил к германской дипломатии: когда война с Советской Россией будет решена, она должна быть начата без потери хотя бы одного часа на ультиматумы и прочие формальности. С Советским Союзом можно справиться лишь внезапным, молниеносным нападением. Таким образом, дипломаты и «юристы» уже наперёд готовили обоснование для требуемой штабом тактики.

---

[1] *Paul Heutte,* Le crime de Guillaume II et la Belgique. Récits d'un témoin oculaire, Paris 1915, p. 132.

Агрессия, прикрываемая «бескорыстными» идейными мотивами

По широкой распространённости и употребительности непосредственно вслед за приёмом маскировки агрессии «самозащитой» идёт прикрытие агрессии благородными мотивами якобы вполне «бескорыстной» поддержки той или иной высшей идеи во имя правды, свободы, человечности и т. п.

Маскировка чисто завоевательных, захватнических целей, ради которых и предпринимаются войны, встречается в истории беспрестанно. Однако новейшая дипломатия в этих случаях уже не проявляет той непосредственности, которую, скажем, выказал в своё время лорд-протектор Английской республики Оливер Кромвель. В 1651 г. он обратился к Нидерландам с предложением, чтобы они объединились с Англией в одно государство с высокой целью более успешно бороться против заблуждений католицизма. Верховное управление этой будущей единой протестантской державой Кромвель великодушно вызывался взять на себя. Когда Нидерланды не соблазнились этой возвышенной идеей, Кромвель начал против них морскую войну.

В конце XVIII века возвышенные «принципиальные» задачи были выдвинуты в 1791 и 1792 гг. Австрией и Пруссией, которые сговаривались напасть на революционную Францию. Начиная с 1792 г. и особенно с 1793 г., этому примеру последовала и Англия. На самом деле для австрийского двора наибольший интерес представляла надежда поживиться за счёт Франции на левом берегу Рейна; прусский король Фридрих-Вильгельм II имел в виду Эльзас и ещё некоторые французские земли; Вильям Питт, первый министр Великобритании, думал о захвате колониальных владений Франции и об уничтожении французской морской торговли. Но все трое в один голос заявляли, что их священный долг — защитить троны и алтари от грядущего из Франции революционного варварства, что необходимо спасти человечество от заразы безбожия, безначалия и т. д. Громче всех остальных звучал в Европе негодующий голос императрицы Екатерины II, которая призывала монархов и всех благомыслящих людей к дружному наступлению на французское революционное чудовище во имя всего, что только свято для людей. Сама Екатерина — умнейший и изворотливейший дипломат своего времени — ни одного солдата не послала воевать с французами. Кричала же она о необходимости «крестового похода» против революции прежде всего затем, чтобы вернее втравить в войну обоих своих соперников по части дележа польской добычи — прусского короля и австрийского императора. Это ей удалось блестяще. И при втором и при третьем разделах Польши (1793—1795 гг.) у австрийцев и пруссаков руки оказались связанными их войной против революционной Франции. А это и требовалось русской

царице. Но, конечно, в её собственной ненависти к революции и желании, чтобы поскорее с революционерами было покончено, ни малейшего сомнения быть не может.

Последним в хронологическом порядке образчиком дипломатического прикрытия чисто завоевательных целей якобы «идейной» борьбой является ряд попыток Германии замаскировать свои поползновения на захват русской территории борьбой «за цивилизацию против разрушительного потока большевизма». Дело началось очень давно, уже в 1919 г., на другой день после окончания мировой войны, даже ещё *до* заключения Версальского мира. Через доверенных лиц в Швейцарии генерал Людендорф обратился к тогдашнему французскому премьеру Клемансо со следующим предложением. Составляется франко-германская соединённая армия; верховным главнокомандующим в ней назначается маршал Фош, а генерал-квартирмейстером при нём — Людендорф. Эта армия входит в Советскую Россию, низвергает советскую власть и восстанавливает монархию. Естественно, что за эту великую заслугу перед цивилизацией Германия получает отпущение своих грехов, т. е. избавление от платежа репараций, и награждается соответственным образом за счёт богатого русского земельного фонда. Франция же снова начинает получать проценты по русским займам и также пользуется всеми плодами победы над Советской Россией. Клемансо отверг все эти предложения. Как говорят, он даже оскорбился тем, что Людендорф явно считает его столь ограниченным человеком: ведь ясно, что Германия непомерно усилилась бы от такого предприятия, если бы оно удалось, и значит стала бы снова опасной для соседей.

План Людендорфа был отвергнут. Но мысль о нападении на Советский Союз с благословения западных держав крепко засела в головах германских империалистов, искавших на Востоке компенсации за тяжкое поражение, понесённое ими на Западе. Вновь, с утроенной энергией, этот замысел стал проводиться с 1933 г. в гитлеровской Германии. Цели были слишком ясны: они формулировались с неимоверной грубостью. Необходима была умышленная слепота, чтобы поверить, что овладевшая властью гитлеровская банда действительно ратует якобы за «спасение» европейской цивилизации от большевистских «варваров».

Использование пацифистской пропаганды в целях дезориентирования противника

К той же группе примеров прикрытия захватнических целей возвышенными принципами примыкают и случаи своекорыстного использования идей разоружения и пацифистской пропаганды в широком смысле слова.

Идея разоружения испокон веков являлась одной из наиболее излюбленных форм дипломатической маскировки истинных мотивов и планов тех правительств, которыми овла-

девало такое внезапное «миролюбие». Явление это весьма понятно. Всякое предложение о сокращении вооружений неизменно могло рассчитывать на широкую популярность и поддержку со стороны общественного мнения. Но, конечно, предлагавший подобную меру всегда должен был предвидеть, что его намерения будут разгаданы партнёрами по дипломатической игре. Уместно привести несколько примеров.

1868 год. Император французов Наполеон III находится в довольно серьёзном замешательстве. Только что Бисмарку удалось очень ловко его обойти: не дав императору никакой компенсации, он одержал победу над Австрией и создал (в 1867 г.) Северо-Германский союз. Рядом с Францией вместо небольшой Пруссии возникло новое большое и сильное государство. Это государство деятельно увеличивает свои вооружения; тем самым оно вынуждает и Францию думать об увеличении армии и больших затратах. А между тем и внутри государства не очень благополучно. Правда, императорская власть ещё стоит непоколебимо, но уже там и сям наблюдаются тревожные симптомы растущего недовольства; оппозиция, так долго подавляемая, начинает понемногу оправляться. Наполеону III нужна передышка: ему необходимо как следует подготовиться к поединку с быстро усиливающейся Пруссией. И вот император неожиданно обращается к английскому министру иностранных дел лорду Стенли: он предлагает, чтобы британское правительство «подало совет» Пруссии принять участие в конференции по сокращению вооружений, если такого рода конференция будет созвана. Лорду Стенли было ясно, в чём тут дело. Наполеон III хотел, чтобы Пруссия задержала свои вооружения; но ему нужно было, чтобы не вышло так, будто именно он, император французов, опасается дальнейшей гонки вооружений. Стенли отказал наотрез, но сохранил в тайне всё это дело. Прошло года полтора. В январе 1870 г. Наполеон III велел только что назначенному первым министром Эмилю Оливье снова обратиться к Англии с тем же секретным предложением взять на себя инициативу в вопросе о сокращении вооружений. Лорд Кларендон, к этому времени сменивший лорда Стенли, навёл справки о причинах такой настойчивости французов. Оказалось, что, с одной стороны, им внушает тревогу Пруссия, так как она ещё более усилилась за последние полтора года; с другой стороны, и французские финансы не в блестящем положении. Новый министр Оливье, не видя ещё страшной опасности со стороны Пруссии, считал, однако, что нужно экономить на армии, особенно если Пруссия согласится на конференцию по разоружению. Но Англия ничего не имела против столкновения двух великих континентальных держав. Хотя Кларендон и не повторил прямого отказа, данного Наполеону III его предшественником, он проделал

очень ловкую дипломатическую манипуляцию: он написал английскому послу в Берлине прочувствованное письмо о том, какой высоко моральной заслугой перед человечеством было бы сокращение именно *прусской* армии, «если граф Бисмарк сочтёт возможным рекомендовать своему королю её сократить». Наполеон III мог быть удовлетворён формальным исполнением своей просьбы, — не мог же император знать уже тогда, что посол лорд Лайонс уведомил Бисмарка, с чьей стороны исходит в данном случае инициатива. Само предложение, в котором говорилось о сокращении не всех армий, а только прусской, могло бы быть принято Бисмарком как издевательство. Но он отлично понял, в чём дело. Бисмарк ответил очень учтивым отказом, а Военное министерство Пруссии удвоило свои усилия. Через полгода вспыхнула война, и немецкая армия вторглась во Францию.

Следующая в хронологическом порядке дипломатическая попытка поднять вопрос о сокращении армий и вооружений сделана была двадцать восемь лет спустя. 24 августа 1898 г., после совещаний с министром финансов Витте и министром иностранных дел Муравьёвым, Николай II подписал циркулярную ноту, приглашавшую все правительства на конференцию по вопросу о сокращении вооружений. В искренность пацифизма царского правительства никто из дипломатов не поверил. Главную причину поступка Николая II усматривали в том, что русскому военному ведомству нужно было спешно позаботиться о полнейшем перевооружении своей артиллерии ввиду огромного усиления германской армии усовершенствованными орудиями; одновременно приходилось срочно усиливать русские войска на китайской границе, где после занятия Порт-Артура возник опасный политический вулкан. Временная приостановка вооружений могла существенно облегчить состояние русских финансов и сделать позицию русских дипломатов более уверенной. В Германии идея конференции натолкнулась на открыто враждебный приём. В союзной с Россией Франции русская инициатива также была принята более чем холодно. В кулуарах палаты и Сената говорилось, что Россия этой «мирной конференцией» хочет увековечить существующее положение вещей: она закрепляет навеки Эльзас-Лотарингию за Германией и вообще хочет уйти от европейских дел, надеясь, что при каких угодно сокращениях вооружений у неё сил для Дальнего Востока найдётся достаточно. Две созванные на основе предложения царя конференции в Гааге — в 1899 и в 1907 гг. — решительно никаких реальных результатов не дали. Любопытно, что эти конференции, в сущности, даже и не приступили к серьёзному обсуждению вопроса о сокращении вооружений. Таким образом, было затруднительно ответить на вопрос, зачем же они собирались. Например, в конце мая 1907 г., как раз перед открытием второй

(и последней) «мирной конференции», канцлер Германской империи князь Бюлов публично заявил, что ни в каких совещаниях, на которых будет затронут вопрос о сокращении вооружений, Германия участвовать не будет. После этого заявления созыв второй конференции явно лишался смысла. Поэтому неприкрытой иронией прозвучали слова английского министра сэра Эдуарда Грея в инструкции, которую он дал баронету Фрею, отправлявшемуся в качестве делегата на эту заведомо бесполезную конференцию: «Положение Германии как военной и морской державы таково, что не может быть серьёзным обсуждение ни одного вопроса, в котором она не будет принимать участия... Но британское правительство считает, что всё же лучше иметь такое обсуждение, нежели вовсе не иметь, если даже оно и не приведёт к удовлетворительному результату». Всем известна полнейшая пустота и ненужность работ этой второй и последней из гаагских «мирных конференций».

Ряд последующих настойчивых попыток британской дипломатии ограничить морские вооружения путём непосредственного соглашения с Германией нельзя уже рассматривать в качестве примеров «маскировки»: тут всё с самого начала было понятно обеим сторонам. С грубой откровенностью об английских мотивах и об упорных германских отказах от всякого соглашения много раз говорилось с германской стороны. Один из вождей германской империалистической прессы, граф Ревентлов, писал в июле 1914 г., не в первый, а может быть в десятый раз повторяя мысль Тирпица: «Давление со стороны Англии основывается на том факте, что для неё становится всё труднее сохранить за собой верховенство на море, труднее и в финансовом и в военном отношении... В этом причина всех английских тревог и домогательств... Но ничто не прекратит постройки германских судов: угрозы, интриги, предложения союза бесполезны».

Ошибка заключалась только в том, что германское правительство считало будущую морскую войну уже наперёд выигранной. Всякое соглашение поэтому казалось немцам излишней и досадной задержкой на пути к лучезарному будущему, тому самому «немецкому будущему, которое лежит на морях», по громогласному и угрожающему заявлению Вильгельма II.

Заключение «дружественных» соглашений с целью усыпить бдительность противника

Пакты о ненападении, декларации о дружбе и т. п. являются в руках дипломатии капиталистических стран «инструментами», принадлежащими к той же категории, что и демонстративные заявления империалистических правительств о миролюбивой политике. Чаще всего они служат лишь своеобразной дымовой завесой, под покровом которой оказывается удобнее и безопаснее всего готовиться к войне или к попытке внезапного насильственного переворота в существующем международном положении.

Когда Наполеон I в декабре 1805 г. и в первые месяцы 1806 г. предлагал Пруссии союз, то он делал это с обдуманной целью усыпить её внимание, задержать её вооружения, поссорить её с Англией и, обессилив и изолировав, довести до военного столкновения и разгрома. Точно так же все договоры Германии с Польшей, заключённые Риббентропом с одной стороны и полковником Беком — с другой, были основаны со стороны гитлеровской дипломатии на использовании жадной надежды польских правителей на успешную оккупацию Советской Украины союзным германо-польским войском при нападении на Советский Союз. Напрасно более проницательные люди из поляков предостерегали тех, кто поддерживал самоубийственную политику полковника Бека. Польше пришлось понести страшную расплату за эти ошибки. Не менее характерны были происки гитлеровской дипломатии в Бразилии, Чили, Уругвае, Парагвае, Мексике, но больше всего в Аргентине в течение 1934—1941 гг. Путём заключения целой серии договоров и соглашений (одно «миролюбивее» другого) она пыталась вовлечь эти страны в орбиту германской политики и объединить государства Южной и Центральной Америки в обширный союз, враждебный Соединённым штатам. Как потом сообщалось из Мексики в Вашингтон, мексиканское правительство прельщали «возвращением» Техаса и Южной Калифорнии, Аргентину и другие южные республики — островными владениями США или всяческими экономическими посулами. Зоркая политика Франклина Рузвельта, проводимая начиная с 1937 г., а особенно с 1939 г., с чрезвычайной энергией и большим успехом отмечена борьбой против этих опасных интриг, грозивших весьма серьёзными осложнениями. В этом плане конференция держав американского континента в 1941 г. явилась блестящей победой рузвельтовской дипломатии.

Гитлеровцам нельзя было отказать в откровенности, когда они писали не для заграницы, а для внутреннего потребления. С бесстыдным цинизмом они сами определили, что́ такое их пацифизм и какую цель преследуют миролюбивые заявления германского фашистского правительства. Полковник Гирл, статс-секретарь ведомства труда, издал в 1935 г. за собственной подписью в официальной пропагандистской серии «Национал-социалистская библиотека» брошюру под заглавием «Основы германской политики вооружений». Вот что, в дословном переводе, можно прочитать в этой брошюре: «Пацифизм является средством борьбы и служит делу подготовки к войне. Усыпляя противника мирными фразами, этот пацифизм стремится заставить его пренебречь своим вооружением. Усыпляющий туман, который наводится перед противником, пригоден также для того, чтобы прикрыть им свои собственные вооружения».

Все выступления Гитлера и прочих коноводов национал-социалистской партии с первых же месяцев после захвата ими власти сопровождались необычайно горячей «пацифистской» проповедью. В октябре 1933 г. Гитлер заявил о выходе Германии из Лиги наций. По поводу этого акта он издал воззвание «К германскому народу», в котором торжественно вещал: «Германское имперское правительство и германский народ едины в своём желании проводить политику мира, примирения и соглашения, которая является основой всех решений и всякого действия. Германское правительство и народ поэтому отвергают насилие как средство к улажению существующих разногласий среди европейских государств». Так было и дальше. Всякий раз, когда гитлеровцы делали новый шаг на пути к своей цели — мировому пожару, фашистская дипломатия немедленно спешила заверить Европу, а в особенности Францию, в глубочайшей своей преданности идее мира и разоружения. Эта безудержная, непрерывная, неустанная ложь повторялась так часто, что в конце концов стала производить своё действие. Не помогало даже и то, что в своей книге «Моя борьба» Гитлер открыто признал *ложь* самым могучим средством политического воздействия на массы. Гитлер требовал лжи и от своей дипломатии, и слова его являлись для неё обязательными директивами. «В больших размерах лжи, — заявлял Гитлер, — всегда заключается известный фактор, возбуждающий доверие... Широкая масса народа в глубочайшей основе своего сердца... при примитивной простоте своего духа легче становится жертвой большой лжи, чем лжи маленькой. Ведь сама эта масса иногда, конечно, лжёт в малом, но она слишком бы устыдилась большой лжи».

Во Франции с самого начала «большая ложь» о горячем желании Гитлера жить в дружбе и добрососедской близости с французами имела неожиданно большой успех. Войны многие во Франции страшились. Они не понимали, что льстивые и лживые речи соседа, если им поддаться, разложат, обессилят, уничтожат всякую волю к необходимой обороне от смертельного врага. Это убаюкивание повлекло за собой успокоение широких кругов мелкой и средней буржуазии. Обывательская масса с облегчением вздыхала при мысли, что наконец-то можно избавиться от постоянной тревоги о войне, о вооружениях. Крупной буржуазии казалось, что «услуга», оказываемая капиталистическому строю свирепой борьбой Гитлера против социализма и коммунизма, тоже располагает к сближению обе соседствующие страны. На этой почве и стала возможной деятельность Пьера Лаваля, Фландена, Деа, Дорио, де Бринона и других платных и бесплатных агентов и пособников гитлеровской дипломатии во Франции. Главное их дело заключалось сначала в саботировании, а затем и в фактическом уни-

чтожении франко-советского пакта. Эта работа была проведена главным образом руками Лаваля. Он потому и принял формальное участие в заключении пакта, чтобы вернее его уничтожить.

Для предпринятого немцами дела морального разоружения и разложения французского народа национал-социалистская дипломатия пустила в ход целый арсенал средств. На первом месте и в хронологическом порядке, и по степени важности, и по размерам достигнутых результатов, конечно, следует поставить тактику миролюбивых заявлений, пропаганду борьбы за мир, приёмы усыпления национальной бдительности.

То было нелёгким делом. Будущим историкам понадобится обширная документация, и с их собственной стороны потребуется немалая аналитическая работа, чтобы установить причины рокового для Франции (и для Европы) успеха гитлеровского «пацифизма». В самом деле, клика, захватившая в январе 1933 г. власть в Германии, с чрезвычайной откровенностью изложила цели германской политики относительно Франции. Это было сделано в официальной коллективной книге немецкого фашизма, вышедшей под фирмой Гитлера и носящей наименование «Моя борьба». Никогда ни одно слово из этой книги не было взято назад: в течение всего периода гитлеровского владычества она переиздавалась в полной неприкосновенности. Что же могли прочесть французские правители и французский народ в этой книге, многократно переведённой на французский язык? «Франция — самый страшный наш враг, — провозглашали гитлеровцы. — Этот народ, всё более и более поддающийся смешению с неграми, в связи с целями еврейского мирового владычества является постоянной опасностью для белой расы в Европе... Борьба с Францией должна стать борьбой на жизнь и на смерть».

Полный разгром Франции, решительное сокрушение политической *воли* французского народа — такова была основная, первейшая задача Германии в той войне, к которой Гитлер призывал в своей книге. Мало того, Гитлер доказывал, что разгром Франции является основной предпосылкой всех будущих внешнеполитических успехов Германии. В полнейшем согласии с фюрером официальный орган германской военной пропаганды «Deutsche Wehr» писал о Франции 13 июня 1935 г., что народы со слабым приростом населения, если против них повести «энергичную и целеустремлённую войну, направленную на разложение и уничтожение их духовной силы, могут от такой войны получить смертельный удар... В такой войне уже не будет победителей и побеждённых, — будут оставшиеся в живых и такие, имя которых будет вычеркнуто из списка народов». Гитлеровец понимает, что его читателям может пока-

заться неосуществимым полное *истребление* французского народа: он спешит их обнадёжить. «То, что ещё за два поколения до нас было невозможно, — заявляет он, — теперь уже возможно: именно, одним ударом перебить в моральном смысле спинной хребет народа, навсегда его растоптать и обратить в прах». Оказывается, это вовсе не так трудно: стоит лишь как следует поставить предварительно пропаганду. В результате — головокружительная картина немецкой победы: «Избранные (тут пускается в ход французское слово élite, ибо имеется в виду прежде всего французский народ. — *Ред.*) лежат отравленные и растоптанные на полях битв. А оставшиеся в живых — толпа, лишённая предводителей, деморализованная куча людей, истерзанных, душевно сломленных неистовыми ужасами и страданиями. Безоружные, безвольные, они отданы как добыча победителю, они — глина в руках горшечника». Всё это писалось и говорилось долгие годы. Так, французскому народу нагло рассказывали, что намерена сделать с Францией гитлеровская банда. И тем не менее германскому Министерству иностранных дел и его официальным и неофициальным представителям удалось добиться своего. Они систематически растлевали общественное мнение Франции. Они запугивали его изображением якобы неодолимой силы гитлеровской Германии. Они возбуждали в широких кругах французской общественности панический страх перед возможностью войны с немцами и судорожное нетерпение избавиться от этого кошмара. Этим пользовалась «пятая колонна» Гитлера во Франции. Лавали, Фландены, де Бриноны, Дорио и прочие пособники и наймиты фюрера усердствовали изо всех сил, подготовляя «мирную» сдачу ему всех французских позиций. Конечно, эти предатели не могли не понимать, какую позорную участь готовят они своей несчастной стране.

Маскировка истинных целей гитлеризма мнимыми демократическими и пацифистскими стремлениями с полной наглядностью выступила в 1934 г. Это связано было с так называемой «саарской проблемой».

В числе гарантий, которые должны были затруднить в будущем германскую военную агрессию против Франции, в Версальский мирный договор была включена особая статья. Она предусматривала, что Саарская область, временно оккупированная французами, должна будет спустя 15 лет высказаться в порядке плебисцита, желает ли она войти в состав Германской республики, или же присоединиться к Франции, или, наконец, образовать независимое государство.

В 1934 г. практически стал на очередь этот вопрос о плебисците. Гитлеровцы развили самую бешеную кампанию за присоединение Саарской области к Германии. Однако там были налицо сильные антифашистские течения. Поэтому гитлеровский

штаб пропаганды счёл необходимым пустить в ход свой обычный арсенал: угрозы, насилия, нападения из-за угла, публичные скандалы. Большим стеснением для них оказывалось присутствие в области французских войск. Тогда гитлеровцы пустили в ход дипломатическую маскировку. Геббельс, сначала было увлёкшийся и произнёсший в Цвейбрюкене, в середине июня 1934 г., резкую антифранцузскую речь, получил указание, что необходимо действовать иначе. Ровно через три дня в Берлине, в Спорт-паласе, он произнёс на митинге новую речь, решительно опровергавшую всё, что он говорил в Цвейбрюкене. «Нам демократическая Франция больше по душе, чем Франция националистическая. Национал-социализм — это не экспортный товар, и на нём лишь немецкий патент», — восклицал Геббельс. Вскоре затем национал-социалист, депутат Рейхстага Шмельцер выступил с аналогичной речью. «После плебисцита, который отдаст Саарскую область Германии, — распинался он, — исчезнет последняя причина, мешающая соглашению между Германией и Францией. Ясно высказавшись в пользу своего отечества и своей расы, саарский народ окажет всему свету гораздо большую услугу, чем все усилия пацифистов». Всё же гитлеровцы явно беспокоились насчёт исхода плебисцита. Внезапно вице-канцлер фон Папен выступил с предложением французскому правительству отказаться от решения вопроса путём плебисцита, а вместо этого решить дело полюбовным соглашением между французским и германским правительствами. Тогда ещё фашизм не оказал окончательно растлевающего влияния в Париже. Предложение фон Папена было отклонено. Для Гитлера это было большим разочарованием. «Печально, — писал «Völkischer Beobachter», — что искренне произнесённое немецкое слово, честный совет о соглашении не находят во французских канцеляриях хорошего приёма, но рассматриваются как маневр или как проявление слабости». Тем не менее гитлеровская пропаганда продолжалась; в конце концов она принесла всё-таки свои плоды. Много помогало Гитлеру, что в том же 1934 г. началась усиленная обработка французских политических деятелей гитлеровскими агентами. С осени 1934 г. во Франции агитация за сближение с гитлеровской Германией приобрела неслыханные до той поры размеры. В результате французским военным властям в Саарской области велено было не вмешиваться ни во что. Гитлеровские агитаторы и погромщики получили желанную свободу. Они открыто угрожали убийством тому, кто будет голосовать за автономию Саарской области, составляли проскрипционные списки тех, кто после плебисцита подвергнется аресту, конфискации имущества, лишению гражданских прав и т. д. В парижских политических кругах беспокоились лишь очень немногие. Большинство начинало уже поддаваться иллюзии, которой суждено

было спустя шесть лет погубить Францию. Говорилось о необходимости итти на уступки национал-социалистам: они истинно народная партия, и нельзя оскорблять их «законный патриотизм».

Цитировались торжественные заявления Гитлера, Геббельса, фон Папена: «Пусть только Саарская область вернётся к Германии, и оба народа обменяются крепким рукопожатием». Когда в Саарской области увидели, что ни малейшей защиты от гитлеровского террора со стороны французских военных властей нет и что всем, кто стоит за автономию области, грозит гибель, — вопрос был решён. Плебисцит отдал страну Гитлеру.

Как только саарское дело было закончено, итальянский министр барон Алоизи по явному наущению со стороны Гитлера торжественно провозгласил: «Разрешение саарской проблемы — хорошее предвестие для спокойствия и мира Европы». В то самое время, когда итальянский фашист говорил это, он уже знал о словах, сказанных председателем немецкой фашистской организации «Германский фронт»: «Присоединение Саарской области будет началом новых завоеваний». Сотрудничество итальянских и германских фашистов начиналось, между прочим, именно с того, что они деятельно помогали друг другу мистифицировать Англию и Францию.

Первая маскировка гитлеровцам удалась вполне. Она оказалась не последней.

Усилия гитлеровской дипломатии усыпить самую элементарную осторожность в широких кругах французской общественности не увенчались бы таким успехом, если бы французские правители, парламентские деятели, значительная часть генералитета не содействовали утрате этой общественностью ясного представления о том, что такое государственная измена. В широких кругах французской буржуазии уже не возникал вопрос, оправдывается ли *любая* форма сотрудничества с гитлеровцами надеждой на будущий их поход против «большевиков». Некоторые примеры могут показать, какие поистине чудовищные факты стали на этой почве возможным и даже обыденным явлением во Франции в 1933—1939 гг.

При прямой поддержке французских властей (правда, стыдливо завуалированной) гитлеровскому посольству в Париже удалось наладить систематическую скупку наилучших орудий, самоновейших танков и пулемётов у грандиозного французского завода «Шнейдер-Крезо» и благополучную доставку всего этого вооружения в Германию. Дипломаты, посылаемые во Францию Риббентропом, хвалились впоследствии, что благодаря их усилиям на германскую армию работали не только предприятия Круппа, но и чешский завод Шкода и второй в Европе (по размерам) после Круппа французский завод «Шнейдер-Крезо». Может возникнуть вопрос: неужели можно было

сохранять тайну в таком деле? Но никто тайны из этой торговли и не делал. На конгрессе правящей радикал-социалистской партии Франции в городе Виши депутат Сенак, глядя в упор на присутствующего тут первого министра (он же и военный министр) Даладье, публично заявил, что фирма «Шнейдер-Крезо» ещё летом 1933 г. продала германскому главному штабу 400 танков; вполне благополучно, только с небольшим объездом, через Голландию, они уже прибыли в Германию. Даладье что-то невразумительно пробормотал. Однако никакого правительственного опровержения *не* последовало. Фирма ограничилась голословным отрицанием, которому никто не поверил. Спустя несколько месяцев после этой отправки связанная с фирмой «Шнейдер-Крезо» оружейная фабрика в городе Аррасе (Северная Франция) была уличена в печати в том, что она отправила целый железнодорожный эшелон запроданных в Германию боеприпасов, новых орудий и пулемётов. Дело было проведено под тем предлогом, будто оружие заказано Латвией и пойдёт туда морем через Роттердам. В действительности Латвия была не при чём: эшелон проследовал через Бельгию в Голландию, но дальше, через пограничный пункт Ольденцааль, — в Германию, потому что оружие было заказано именно гитлеровским правительством. Разоблачения эти с исчерпывающими подробностями были опубликованы не во французской, почти сплошь закупленной гитлеровцами, прессе, а в чешской газете «Вечерне чешское слово» от 1 февраля 1934 г.

Ни малейших последствий ни эти, ни другие разоблачения для виновных не имели, и Франция продолжала снабжать Гитлера наилучшими образцами своего вооружения. Ведь предназначалось оно будто бы против «Москвы». А Риббентроп в конфиденциальных беседах и Гитлер публично не переставали твердить, что «западную свою границу Германия считает окончательной» и что «эльзас-лотарингского вопроса не существует».

Этот односторонний, обращённый только на запад, насквозь фальшивый «пацифизм» гитлеровской дипломатии содействовал сокрушению последних остатков того «восточного фронта», который мог бы ещё помочь Франции в случае нападения на неё Германии. За ликвидацией франко-советского пакта, фактически сведённого к нулю, последовал захват Австрии, выдача Гитлеру Чехословакии, окончательное подчинение дипломатии Бека всем гитлеровским требованиям. «Где были наши глаза, когда мы исполняли покорно *все* желания нашего истинного, нашего единственного врага и своими руками разрушали всё, что могло оказать нам помощь на востоке, что могло помешать врагу в подготовляемом нападении на нас!» Так восклицал с отчаянием в конце 1940 г. в одной английской газете деятельный сотрудник «Petit Parisien» Буа, укрывшийся в Лондоне после разгрома Франции. Будущий историк, в руках

которого окажется достаточная документация, даст, вероятно, точный ответ на этот вопрос...

Но гитлеровцам необходимо было убрать с дороги предварительно одно препятствие. Министр иностранных дел Франции Луи Барту не переставал бить тревогу. В Европе повторяли приписываемые ему слова, что враг Франции не в Москве, а в Берлине. Публицисты, выражавшие его взгляды, писали: «В будущей великой борьбе мы будем со Сталиным против Гитлера». Луи Барту обратился к Москве. Он категорически заявил, что заключит с Москвой пакт о взаимной помощи. Он провозгласил, что «восточный бастион» Франции должен быть ещё усилен соглашениями с Чехословакией и Югославией. У Барту были обширные планы сближения с Венгрией, примирения её со странами Малой Антанты, единения всех их с Францией и Советским Союзом в борьбе за всеобщую безопасность. Король Александр возвестил о своей поездке к президенту Французской республики: предвиделось сближение Югославии и Венгрии при посредничестве Барту. Гитлеровцы решили, что Луи Барту становится слишком опасен.

Осенью 1934 г. в Берлине находилась главная квартира Павелича, хорвата, за которым имелось в судебных учреждениях Югославии «досье», обильно снабжённое справками об его уголовной судимости. Павелич и его окружение (усташи) были в постоянных, открыто впоследствии ими признанных, но тогда секретных, сношениях с германским Министерством иностранных дел, которое их финансировало. Совсем уже явно Павелич и усташи поддерживали связь с Розенбергом, заведывавшим внешнеполитическим отделом президиума национал-социалистской партии. Из Берлина и отбыла во Францию группа усташей, получившая от Павелича нужные инструкции. Вечером 9 октября 1934 г. в Марсель прибыл король Югославии Александр. Когда он и встречавший его Луи Барту ехали в автомобиле от гавани, подстерегавшие усташи несколькими выстрелами убили Александра и смертельно ранили Барту; спустя несколько часов французский министр скончался.

В Берлине ликовали. «Марсельское покушение оборвало все нити игры Барту; со смертью Барту окончательно ликвидированы все его планы», — торжествовали немецкие газеты. Газета «Nachtausgabe» грозила участью Барту тем его преемникам, которые вздумали бы продолжать его политику. Убийство Барту, зловеще заявляла она, — это «грозное предупреждение тем, кто захочет сближения с Советской Россией». Органы, особенно близкие к гитлеровской дипломатии, как «Zwölf Uhr Blatt» и другие, прямо пересчитывали те пункты, по которым преемнику Барту придётся изменить политику, если только он не желает последовать за покойным; главным является «сближение Франции с СССР, которое надлежит ликвидировать».

Всё же, когда некоторые парижские газеты высказали убеждение, что марсельское покушение было организовано в Берлине и что оно было нужно только гитлеровцам и никому другому, «Rheinisch-Westfälische Zeitung» обиделась: неужели немцам нельзя порадоваться событию, если даже им самим не пришлось принять участие в его подготовке и совершении?!

Индивидуальный террор, весьма охотно применяемый гитлеровской дипломатией, редко приносил ей такую выгоду, как марсельское злодеяние. Даже тогда, например, когда Гитлер распорядился убить австрийского канцлера Дольфуса, ликования в берлинском фашистском лагере было меньше.

После убийства Луи Барту, единственного из крупных государственных деятелей Франции, который мог стать помехой злодейским замыслам гитлеровской дипломатии, руководителем французской внешней политики стал Лаваль. При нём работа «пацифистов» из берлинского статс-секретариата иностранных дел стала протекать в такой благодатной обстановке, о которой они до той поры не могли и мечтать.

Франко-советский пакт о взаимопомощи был заключён 2 мая 1935 г.; 16 мая того же года был подписан договор между Францией и Чехословакией. Эти два дипломатических акта были как бы «посмертной» победой политики Барту, который последние годы своей жизни прожил в тяжкой тревоге, наблюдая «безумие доверчивости», обуявшее его соотечественников. Оба пакта Франции — с Советским Союзом и с Чехословакией — должны были создать преграду на пути немецкого агрессора. Гитлеровской Германии нужно было устранить это препятствие во что бы то ни стало. И вот гитлеровская дипломатия прибегает к новому маневру. Оказывается, всякие коллективные договоры о взаимопомощи только мешают делу мира: «Когда германское имперское правительство удостоверяет от имени германского народа, что оно не желает ничего другого, кроме мира, — этого заявления достаточно. Никаких подписей не требуется». Франко-советский пакт — прямая угроза миру: опираясь на него, большевики намеренно вызовут войну против Германии. Гитлеровским агентам во Франции приказано было вести агитацию на такой платформе: пока существует франко-советский пакт, прочный мир немыслим. Но как только Франция от него откажется, прочный мир, а со временем крепкий и дружественный союз между Германией и Францией не только возможны, но и обеспечены. Пользуясь растерянностью Палаты, при полном разброде сбитых с толку политических партий Лаваль фактически сводит франко-советский пакт к нулю, препятствует долгие месяцы его ратификации. Тогда, окончательно осмелев, Риббентроп советует Гитлеру решиться на ввод войск в Рейнскую демилитаризо-

ванную зону. Немецкие войска вступают туда 7 марта 1936 г. Полной уверенности у гитлеровцев нет, генералам велено, в случае если с французской стороны войска тоже войдут в зону, уклониться от боя и отступить. Но нет! «Пацифизм» Гитлера действует без отказа: французы великодушно примиряются с совершившимся фактом.

После этого гитлеровцы ускоренным темпом производят захват за захватом, насилие за насилием. И всякий раз гитлеровская дипломатия торжественно возвещает, что стоит Германии ещё только один раз получить удовлетворение, и прочный мир, *вечный* мир обеспечен. После захвата Чехословакии весной 1939 г. с английской стороны сделано было запоздалое и уже бесполезное заявление Невиля Чемберлена: «Доверие к мистеру Гитлеру нами утрачено». Но французское правительство промолчало и на этот раз. Гитлеровцы сделали из всего этого свой вывод. Маска «миролюбия» сыграла свою роль. Теперь за ненужностью она могла быть отброшена прочь гитлеровскими дипломатами.

Дело было сделано. «Германский народ не должен впадать в ошибку довоенного времени и весь свет делать своим врагом. Но он должен познать самого опасного из своих врагов и ударить на него, сосредоточив все свои силы», — писал Гитлер в книге «Моя борьба». Исчезновение угрозы «восточного фронта» было Гитлером достигнуто. «Умирать за Данциг?» — под таким вопросительным заглавием Марсель Деа выпустил в 1939 г. в Париже брошюру. В ней доказывалось, что французам не стоит держаться за Польшу и что ничего дурного не будет, если Гитлер окончательно овладеет Данцигом. Зато тогда на Западе водворится прочный мир: ведь «сам» фюрер это обещает! Правда, на Востоке возгорится новая война. Но её поведут против большевиков; до них же французам нет никакого дела.

Маскировка агрессивных замыслов пропагандой борьбы против большевизма и СССР

Уничтожение франко-советского пакта или, что то же самое, фактическое низведение его к нулю, облегчалось широкой пропагандой идеи «крестового похода против большевиков». Следует отметить один из важных этапов в истории этой пропаганды. Уже зимой 1934/35 г. Гитлер и его окружение убедились, что хотя и удалось убить Луи Барту, но всё-таки он умер не без наследников: в известных кругах Франции чувство национального самосохранения продолжало противиться такой явно губительной идее, как уничтожение франко-советского пакта. Решено было помочь Лавалю и дать ему в руки аргумент, который покончил бы с колебаниями его соотечественников. В мае 1935 г. чрезвычайным и полномочным послом Германии в Лондоне был назначен Риббентроп. Его основной задачей было привлечение британского правительства к плану

похода на Москву. Едва приехав в Лондон, Риббентроп сам же широко распустил этот слух. Редакторы газет, парламентские деятели, двор, аристократия, Сити — все были заинтересованы. Риббентроп с полнейшей готовностью согласился на беседу с коллективом лондонской прессы: 23 июня 1935 г. он принял у себя журналистов. Перед ними он с полной ясностью определил свою цель. «Я думаю, — заявил он, — что Англия, Франция, Германия и другие европейские государства должны быть объединены в усилиях защитить культуру старого мира». Бешеная антисоветская пропаганда, совершенно открыто шедшая из германского посольства в Лондоне и обильно питаемая специальными фондами, широкой волной разлилась по стране. Одновременно с этой обработкой общественного мнения успешно шла и более скрытая, интимная, чисто дипломатическая агитация, направленная на уловление власть имущих, ответственных политиков. Сторонники «примирения» с Гитлером во Франции поспешили использовать благоприятный момент. Уже к концу 1935 г. Пьер Лаваль, Фланден и другие в «кулуарных» разговорах с членами Палаты депутатов и сенаторами, а их пресса — в статьях и сообщениях, наполненных многозначительными намёками, стали развивать новый, сенсационный аргумент. Они доказывали, что существование франко-советского пакта неизбежно вынудит Англию заключить соглашение с Германией и вместе напасть на Францию. В этом случае Советский Союз на помощь французам не подоспеет, даже если бы и захотел помочь. Значит всякий, кто держится за франко-советский пакт, способствует развязыванию новой мировой войны. Эта упорно повторяемая мысль сыграла серьёзную роль в деле окончательной ликвидации франко-советского пакта. Ближайшая цель гитлеровского «пацифизма» была, таким образом, достигнута.

Пьер Лаваль и его сообщники успешно расчищали путь перед гитлеризмом, стремившимся установить свою гегемонию в Западной Европе. При этом дымовая завеса «борьбы против большевизма» продолжала оказывать гитлеровской дипломатии серьёзные услуги. Пособники Гитлера во Франции доказывали, что Германию следует ублаготворить за счёт Востока: это разом даст два выигрыша Западу. С одной стороны, аппетиты немецкого фашизма будут надолго удовлетворены; с другой — чем дальше продвинется гитлеризм на восток, тем меньше станет «большевистской опасности» для Европы.

Когда-нибудь настанет время для систематического документального анализа сложнейшей цепи ошибок, самообольщений, актов прямого предательства, проявлений растерянности, трусости, низости, словом, всего того, что в 1936—1940 гг. подготовило, а затем и завершило позорнейший крах несчастной Франции. Только тогда раскроется во всей своей полноте мрачная, омерзительная картина работы гитлеровской дип-

ломатии и её пособников во Франции. «К счастью, г. Гитлер думает об Украине!» — с восторгом поздравлял своих читателей 23 декабря 1938 г. официозный орган французского Министерства иностранных дел газета «Temps». Пропаганда идеи о Гитлере, якобы миролюбивом по отношению к Западу и воинственном только по отношению к Востоку, усердно проводилась влиятельнейшими органами французской печати. Нет нужды говорить о так называемой большой французской прессе с её миллионными тиражами: она почти сплошь была закуплена Гитлером. Но было немало и лично честных публицистов, денег из немецкой казны не получавших и всё же ослеплённых «пацифизмом» этих фатальных лет французской истории. «Нельзя проявлять неуступчивость по отношению к Гитлеру. Напротив, следует дать Германии то, на что она имеет право», — писал в 1935 г. публицист Алэн, имея в виду восточные аппетиты гитлеризма. Этот Алэн был типичным представителем ограниченного, буржуазного, обывательского «радикализма» и «пацифизма с поправкой», как было тогда же окрещено такое направление мысли: резня на Востоке, вторжение гитлеровских банд в Советскую Россию — это ведь не война, это «всеобщий мир с необходимыми полицейскими операциями на Востоке, где в самом деле следует кончить с большевистским хаосом». Поучительно привести слова одного из достойных друзей Даладье, французского профессора-историка Эдуарда Дрио, напечатанные *1 июня 1940 г.*, т. е. за полторы недели до вступления немцев в Париж. Он писал в журнале «Revue des études napoléoniennes»: «Моя политическая мечта, это чтобы г. Чемберлен и г. Даладье отдали Россию до Владивостока г. Гитлеру: тогда все будут довольны».

«Каждая немецкая хозяйка почувствует облегчение, когда мы получим Урал, Сибирь и Украину», — воскликнул сам Гитлер на нюрнбергском съезде национал-социалистов в 1936 г. Эта мысль успокаивала не только немецких домашних хозяек, но и многих хозяев западноевропейской дипломатии. Ложным оказалось это самоуспокоение, слишком дорогой ценой пришлось впоследствии оплачивать роковые дипломатические ошибки. Все эти поощрения фашистских держав (в Европе — к походу на Восток, в Азии — к движению «на север от Манчжурии»), все эти великодушные признания, что нужно же войти в положение «перенаселённых» государств, ищущих «свободных» земель между Днестром и Владивостоком, кончились ужасающим образом для тех самых западноевропейских дипломатов, которые так легко относились к планам любого территориального грабежа, лишь бы этот грабёж направлялся против «большевизма».

Приём «борьбы против большевизма» пускался в ход не только в Европе, но и в Азии. Следует заметить, что из всех держав «оси» Япония обладает наиболее обдуманно и рас-

чётливо действующей дипломатией. Приём застращивания противника пускается ею в ход гораздо реже, чем маскировка своих истинных целей всяческими вымышленными мотивами. В конце 60-х годов XIX века, на заре «эры Мутсухито», т. е. в самом начале процесса «европеизации» Японии, в Токио прибывает выписанная из Парижа группа французских военных и технических экспертов и инструкторов. С восточной осторожностью, боясь, что «белые дьяволы» не захотят содействовать созданию сильной японской армии, под рукой пускается слух, что, собственно, Япония вооружается лишь для защиты себя от грозящей ей английской и американской экспансии. Следовательно, его величеству императору Наполеону III можно, не раздумывая, посылать японцам своих инструкторов. Но вот наступает 1870 год, Седан, Гравелотт, Мец... Престиж французской армии падает с головокружительной быстротой. Тогда французские инструкторы с извинениями за беспокойство, с комплиментами, с щедрой выплатой всяких неустоек за нарушение контрактов отсылаются в спешном порядке к себе на родину, а из Берлина выписываются новые, немецкие инструкторы. И тут же пускается в оборот новая версия для успокоения «белых дьяволов», на сей раз уже не парижских, а берлинских: армия нужна Японии для защиты не только от Англии и Америки, но и от Франции. Единственная великая держава, не имеющая притязаний на Тихом и Индийском океанах, — это Германия. Как же Японии не дружить с ней? Но проходят два с половиной десятилетия. Вся политическая обстановка меняется до неузнаваемости. «Белые дьяволы» уже давно превратились в «высокие договаривающиеся стороны», среди которых сын солнца может выбирать себе друзей по вкусу. Но три «высокие стороны» как раз сговорились между собой в 1895 г. и отняли у Японии часть её военной добычи после японской победы над Китаем. С этими тремя державами — Россией, Германией, Францией — японская дипломатия сведёт счёты впоследствии. Две великие державы, не принявшие участия в дипломатическом выступлении против Японии, — Англия и Америка — попали, так сказать, во вторую очередь: с ними Япония вступит в вооружённую борьбу лишь в декабре 1941 г. И если вспомнить, при какой дипломатической обстановке возникали и проводились Японией эти пять войн со всеми пятью великими державами, то можно установить, что за единственным исключением японская дипломатия старалась настойчиво маскировать свои захватнические цели. При этом она прикрывалась теми же мотивами самозащиты, какие проводились ею ещё в отдалённые годы создания европеизированной армии и приглашения инструкторов.

Начало 900-х годов. Маркиз Ито едет в Петербург сговариваться с русскими дипломатами о дележе части китайских

владений. Дело срывается. Тогда подготовляется англо-японский союз, а в 1904 г. японские миноносцы без объявления войны нападают на «Палладу», «Цесаревича» и «Ретвизана». Мотив — вовсе не захват Кореи, Порт-Артура и Манчжурии, но «защита Японии от русских насилий и угроз». Первый этап окончен. Начинается второй. Август 1914 г. Взвесив силы двух враждебных европейских коалиций, токийское правительство останавливает свой выбор на той стороне, которая, как ему кажется, имеет больше шансов на победу. В кабинете канцлера Бетман-Гольвега появляется изящная небольшая фигура посла Японии. Он просит устранить возникшее досадное затруднение: у Круппа, а также из мастерских фирмы «Вулкан» не выдают совсем готовых японских заказов — орудий и брони — на основании немецкого закона, согласно которому такая выдача иностранным правительствам их заказов воспрещается со дня вступления Германии в войну. А ведь Японии нужно получить как можно скорее эти заказы, так как она собирается вступить в войну «*с одной великой державой*», — многозначительно улыбаясь, добавляет посол. Не помня себя от радости, Вильгельм II немедленно приказывает выдать японцам всё, чего они хотят. Сказано — сделано. Заказы отправляются в Японию. В Германии — ликование: ясно, что нападение Японии на Россию не за горами. На улице Унтер-ден-Линден восторженная толпа окружает автомобиль японского посла и кричит: «Банзай!». Советник посольства, сидящий в автомобиле, машет шляпой и отвечает: «Банзай!».

Но вот наступает 15 августа. Японский посол является к Бетман-Гольвегу и делится с ним неприятной новостью: он только что получил из Токио приказ предъявить Германии ультиматум. Германия должна немедленно убраться вон из занятой ею территории в Китае. В случае отказа — война. Тут уже никакой маскировки нет. Напротив, нота отличалась нарочитой грубостью, вовсе не свойственной японскому дипломатическому обиходу. Внимательно вчитываясь в текст японской ноты, статс-секретарь фон Ягов стал припоминать что-то очень знакомое. В конце концов он доложил канцлеру Бетман-Гольвегу о любопытном открытии: оказалось, что эта японская ультимативная нота 1914 г. *в точности*, вплоть до запятых, скопирована с текста той грубой ноты, с которой Германия обратилась в 1895 г. к Японии, требуя от неё отказа от Симоносекского договора. Во французской и американской прессе впоследствии сообщалось, что бешенство Вильгельма II не имело границ, — это чувство разделялось всеми германскими националистами. В берлинском политехникуме, в Шарлоттенбурге, за подписью директора было вывешено характерное объявление, за которым последовали аналогичные анонсы и в других высших учебных заведениях Германии: «Русские, английские и француз-

ские граждане не будут приниматься в студенты в продолжение войны. Японские граждане — *никогда*».

Так мстили Японии германские националисты, возмущённые издевательством японской дипломатии, поймавшей кайзера на приманку войны с Россией. Но сами представители японской дипломатии с пресерьёзным видом отрицали наличие какого-либо обмана с её стороны. Ведь посол говорил только, что Япония собирается воевать *«с одной великой державой»*. А разве Германия не великая держава?

Прошли десятилетия, равные векам; снова всё изменилось и в Европе и в Азии. На месте царской России перед Японией стоял Советский Союз. В 1938 г. японская дипломатия допустила ошибку, в которой немало был повинен тогдашний японский посол в Москве Сигемицу. Принимая надежды за действительность, он недооценил советские вооружённые силы. Его иллюзии разделяли некоторые влиятельные лица в Токио, не внемля предостережениям, исходившим от более трезвых государственных деятелей Японии. Хасан, Халхин-Гол заставили слишком горячих японских милитаристов одуматься и воздержаться на некоторое время от опасных провокаций.

Тогда-то и были выдвинуты две «возвышенные» идеи, которые должны были замаскировать весьма земные и отнюдь не бескорыстные цели Японии: возможно более широкое распространение и закрепление японского владычества во всей восточной части Азии. Первой из этих идей была «борьба против Коминтерна», вторая выражалась в краткой формуле: «Азия — для азиатов». Первый лозунг направлялся против СССР; его авторы могли, как им казалось, рассчитывать на сочувствие великих капиталистических держав Европы и Америки. Второй — «Азия — для азиатов» — был вскоре в самой Японии признан недостаточно политичным. Поэтому его заменили другим: «Объединение народов жёлтой расы». В этом своём виде он направлялся ближайшим образом против Англии. Был момент — при президенте Гувере, — когда в Белом доме, в Вашингтоне, не считали, что объединение народов жёлтой расы сколько-нибудь существенно затрагивает интересы Соединённых штатов. В последний год своей президентуры — в 1931 г. — Гувер не видел причин тревожиться, тем более, что японская экспансия, как ему представлялось, направлялась на север. Но с течением времени обнаружилось, что объединение народов жёлтой расы мыслится в Токио вовсе не в форме союза равноправных государств и не в виде свободной федерации, а как монолитная, строго централизованная держава, управляемая соответствующими учреждениями из Токио. Это открытие было учтено в конце концов и Соединёнными штатами.

Особенно же было принято во внимание то, что юг Китая явно привлекал японцев больше, чем север. Уже с 1933 г. это стало

совершенно очевидным. Тем не менее первый, антикоминтерновский лозунг долгое время служил свою службу японской дипломатии в её азиатской политике. Во времена кабинетов Болдуина и Невиля Чемберлена большинство консервативной печати и консервативной партии в британском Парламенте считало, что державы «оси», заключившие антикоминтерновский пакт, «ограждают Индо-Китай, Сиам (Таи), Бирму и Индию от коммунистических потоков с востока и с севера». Так выразилась однажды в 1937 г. газета «Japan Times», издающаяся в Токио, но очень близкая к английскому посольству.

Только в 1941 г. этот лозунг, сделавший своё дело, был отброшен за ненадобностью, и Япония приступила к сбору давно посеянных и старательно взращённых её дипломатией плодов. С Францией по-настоящему войны у Японии не было. Просто правительство Таи заявило о правах народов жёлтой расы на территорию Азии и с помощью нескольких японских отрядов фактически покончило с французским владычеством в Индо-Китае. С Англией и Соединёнными штатами дело дошло до войны. Когда в декабре 1941 г. эта война началась, то опять в Токио заговорили об освобождении жёлтой расы.

Пропаганда «локализации конфликтов» с прикрытой целью облегчить агрессору последовательный разгром намеченных жертв

Одним из вариантов мнимо пацифистской тактики всегда являлся провозглашаемый якобы во имя гуманности и ограничения кровопролития принцип «локализации конфликтов».

В истории дипломатии этот приём применялся чаще всего с целью замаскировать готовящееся нападение на намеченную жертву и усыпить её бдительность. Агрессор предлагал одному из возможных противников долю в будущей добыче: так он рассчитывал обезвредить его, пока будет происходить намеченное нападение на другого противника.

Когда Бисмарк готовил в 1863—1864 гг. нападение на Данию, он не воспротивился участию Австрии в этой войне; более того, он соглашался наперёд дать ей часть добычи (Гольштейн). Потом, как известно, он обманул австрийцев и не дал им ничего; мало того, он начал войну против самой Австрии. Когда Наполеон I готовился в 1809 г. воевать с Австрией, он привлекал Александра I к нападению на эту державу, обещая отдать ему австрийскую Галицию. Это не помешало ему в 1812 г. начать войну с той же Россией. 29 июля 1914 г., всё ещё не имея возможности взять в толк, будет ли Англия участвовать в войне или не будет, Вильгельм II и Бетман-Гольвег решили внезапно предложить Англии богатое отступное: за нейтралитет они посулили ей в весьма прозрачных выражениях, устно пояснённых Лихновским, полюбовный раздел французских

колоний. Эдуард Грей не согласился. Он даже велел английскому послу в Берлине сэру Эдуарду Гошену заявить (29 июля), что Великобритания сочла бы для себя «вечным позором» участие в подобной сделке.

В практике гитлеровской дипломатии «миролюбие» сплошь и рядом приобретало такой «частичный» характер. Это и называлось требованием «локализации конфликтов». Кстати, этот термин, как и многое другое, был позаимствован гитлеровцами у вильгельмовской Германии. Именно ссылаясь на своё желание «сохранить европейский мир», Бетман-Гольвег и статс-секретарь фон Ягов, начиная с первых же дней австро-сербского конфликта в июле 1914 г., не переставали твердить о необходимости его «локализовать», чтобы Австрия и Сербия начали и окончили единоборством, без вмешательства третьей державы. Гитлеровская дипломатия громогласно и путём доверительных переговоров не переставала упорно проводить идею «локализации конфликтов». Кто истинный миролюбец? Такие ли политики, которые, как покойный Барту, втянули Францию в союз с большевиками? Если в состоянии законной самообороны Гитлер начнёт войну против СССР, французы должны будут в силу пакта немедленно же предпринять войну против Германии. А между тем Гитлер ничего так не желает, как оставаться в мире и согласии с Францией! Истинный миролюбец — это Лаваль, избавивший Францию от «кошмара союза с революционным Востоком»; это Фланден, демонстративно поздравляющий Гитлера по телеграфу с благополучным приобретением судетской части Чехословакии. И Лаваль, и Фланден, и Деа, и все им подобные тоже хотели локализовать будущий германо-советский конфликт, чтобы спасти свою страну от напрасного кровопролития!.. Так они заявляли.

Когда фашистское правительство Италии затеяло войну с целью завоевания Абиссинии, то все усилия Муссолини и его министра иностранных дел Чиано прежде всего направлялись на «локализацию» этого конфликта. Другими словами, требовалось убедить английскую и французскую дипломатию, что возникающая война нисколько их не касается и что вмешательство без нужды поведёт к расширению театра военных действий и к излишнему кровопролитию.

Интересно отметить, что, исподволь готовясь напасть на Абиссинию и стремясь создать все предпосылки для будущей «локализации» этой войны, Муссолини заключил 2 августа 1928 г. дружеский договор с Абиссинией. С тех пор итальянская дипломатия старалась внушить Англии и Франции, с которыми она только и считалась на Красном море и в своих африканских планах, что отныне все абиссинские вопросы — это дела, так сказать, семейные между Абиссинией и Италией.

Английское правительство проводило тогда по отношению к Италии политику уступок. Премьер Болдуин даже высказался как-то, что с точки зрения высших политических интересов Европы и сохранения мира было бы вредно подрывать авторитет Муссолини в глазах итальянского народа, а между тем такой подрыв был бы неизбежен в случае безуспешности его внешней политики. Дуче, конечно, поспешил принять к сведению наличие такого симпатичного умонастроения в Лондоне и, уже уверенный в желанной «локализации», стал действовать не стесняясь. В 1935 г. итальянцы, наконец, открыто и без какого бы то ни было предлога напали на Абиссинию. Оказалось, что все их расчёты оправдались: конфликт был прочно «локализован», и Абиссиния погибла. Очень характерно, что чуть ли не главным глашатаем необходимости политики полного «невмешательства» выступил в тот момент французский министр иностранных дел Пьер Лаваль. Напрасно указывала оппозиция на безусловно вредное для французских национальных интересов значение итальянской агрессии в Абиссинии; тщетно предупреждала она, что полная безнаказанность этого налёта поощряет и других фашистских диктаторов к аналогичным действиям в самой Европе; безуспешно била она тревогу по поводу опасности, грозящей со стороны Италии французским владениям в Восточной Африке. Всё это отводилось Пьером Лавалем на том основании, что Муссолини-де разумно желает «локализовать» кровопролитие, и не следует ему мешать в этих похвальных усилиях. Тот же Лаваль свёл к нулю и сделал смехотворными и все мнимые «репрессалии» Лиги наций против агрессора. Фактически итальянское фашистское правительство закупило с избытком всю нефть, в которой нуждалось для ведения войны с Абиссинией; когда же оно перестало её закупать за ненадобностью, Лаваль объявил, что Франция впредь будет отказывать Муссолини в продаже нефти. (Любопытнее всего, что в это время во Франции уже не было для продажи на сторону ни одной бочки этого товара: всё было продано в Италию.)

Дипломатическое использование агрессором внутренних раздоров в стане противника

Использование внутренних разногласий и раздоров в той стране, на которую готовится нападение, было одной из основ дипломатической премудрости задолго до Макиавелли. Известно, что итальянский мыслитель приписывал этому средству громадное значение и всячески его рекомендовал своим ученикам и последователям.

Чтобы не уходить в глубь веков, достаточно напомнить о наиболее характерных примерах начиная с XVII столетия. Людовик XIV почти тридцать лет подряд, с 1660 г. и вплоть до второй английской революции в конце 1688 г., держал в своих руках все нити английской политики. Это объяснялось

простой причиной: он давал регулярные и очень крупные денежные субсидии обоим последним королям из династии Стюартов — и Карлу II и Иакову II. Тем самым он ослаблял их зависимость от Парламента. Все эти долгие годы английская внешняя политика направлялась согласно указаниям и интересам французской дипломатии; только революция 1688 г., низвергшая Иакова II, избавила Англию от такого положения фактического вассалитета. В XVIII столетии было множество примеров как тайного, так и открытого вмешательства дипломатии во внутренние дела чужой державы с целью овладения той или иной частью её территории. Так действовал Пётр I в отношении Персии в 1721—1723 гг.; так работала в Польше французская и русская дипломатия в 30-х годах XVIII столетия; такова была политика Австрии, Пруссии и России относительно Польши при Екатерине II. Все три раздела Польши были очень искусно подготовлены постоянным лавированием дипломатии трёх соседних великих держав между враждующими польскими партиями и искусным разжиганием их внутренней склоки. Любопытно отметить, что в течение и XVII и XVIII веков дипломатия обыкновенно вовсе не считала нужным прикрывать своё вмешательство во внутренние дела чужих стран какими-либо возвышенными предначертаниями и принципами. Только начиная со времени французской революции это вмешательство стало усердно маскироваться всяческими высокими «принципиальными» целями.

В XIX веке император Николай Павлович, вмешиваясь во внутренние дела Турции с целью расчленения этого государства, любил ссылаться при этом на мотив защиты христианских подданных султана. Он в этом отношении был менее откровенен, чем его отец Павел I. На докладе Растопчина о том, что греки сами охотно *подойдут* под скипетр русского самодержца, Павел Петрович написал: «А можно и *подвести*». В самом конце XIX века английский министр колоний в кабинете лорда Солсбери Джозеф Чемберлен и его пособник Сесиль Родс настойчивым вмешательством во внутренние дела республик Трансвааля и Оранжевой и разжиганием борьбы между коренным бурским населением и иммигрантами (уитлендерами) подготовили завоевательную войну Англии против буров и присоединение обеих бурских республик к Британской империи.

Искусно использовал Бисмарк внутренние противоречия, существовавшие в политической жизни Италии, для достижения трудной и сложной дипломатической цели.

Итальянский король Гумберт I взял на себя инициативу в деле, на которое коварно и последовательно наталкивал Италию князь Бисмарк. Здесь раскрывается любопытный пример

того, как для достижения своих дипломатических целей Бисмарк умел пользоваться представителями итальянской политической и социальной реакции, которую воплощал в своём лице и сам король. Дело в том, что Гумберт и его придворное окружение давно уже хотели отделаться окончательно от антипатичных для них революционных традиций, от воспоминаний о Гарибальди, о народной освободительной борьбе — словом, оборвать всякие связи с недавним прошлым, когда в годы объединения Италии отцу Гумберта королю Виктору-Эммануилу приходилось скрепя сердце принимать услуги «революционеров». Поэтому, когда захват Туниса Францией создал предлог к сближению Италии с Германской империей, Гумберт с большой готовностью пошёл на соблазнительные авансы Бисмарка. Гумберт отлично знал — как и все в Европе, — что как раз тот же Бисмарк и толкнул Францию на завоевание Туниса; однако это не остановило короля. Трудность заключалась в том, что либеральные круги Италии вовсе не хотели рвать традиционные связи с Францией, так много сделавшей для объединения Италии. Они определённо боялись именно того, что так привлекало Гумберта: сближения с реакционным пруссачеством. Сам монарх вёл деятельнейшие, но строго конфиденциальные переговоры с Бисмарком, который внушал королю, что следует сначала сделать дело, а потом поставить народ перед совершившимся фактом. В конце концов Бисмарк достиг того, что Гумберт решил сделать дружественный визит наследственному врагу Италии, австрийскому императору, в Вену. Когда в газетах появились первые слухи о предстоящей поездке Гумберта в Вену, министр иностранных дел Манчини объявил, что это вздор, выдуманный венскими газетами. Итальянский посол в Вене Робилант был в полном недоумении. Он экстренно запросил своего министра, что̀ всё это значит. Как раз в этот самый день сам Манчини тоже послал Робиланту запрос, «что̀ всё это значит?» Обратились к королю. До поры до времени король опровергал этот слух как ложный. А когда всё уже было слажено и Бисмарк дал из Берлина сигнал, Гумберт поехал в Вену. Тотчас же после этого визита стало известно, что Италия примыкает к австро-германскому союзу и что, таким образом, этот союз становится «тройственным союзом».

Таким образом, через посредство короля Гумберта, против воли и интересов подавляющего большинства итальянской нации, даже без ведома ответственного итальянского министерства Бисмарку удалось поставить Италию на службу германскому империализму.

Как и во всех других странах, подпавших под дипломатическое влияние Германии, эта перемена внешней политики тотчас же сказалась заметным усилением реакции внутри государства и обострением агрессивных тенденций во внешней политике.

Использование национальных разногласий и противоречивых интересов в стане врагов

Одним из излюбленнейших приёмов дипломатии, подготовляющей внутреннее разложение в стане противника, всегда являлось разжигание междунациональной розни во враждебной стране. Достаточно напомнить лишь несколько характерных примеров. Готовя захват Шлезвига и Гольштейна в 1863—1864 гг., Бисмарк всеми мерами старался раздуть вовсе не существовавшую вражду немецкого населения этих провинций против датского правительства. Так же точно и болгарское правительство, уже с ранней весны 1913 г. подготовляя внезапное нападение на союзную Сербию и вторжение в сербские округа Македонии, изо всех сил посредством подсылаемых эмиссаров разжигало ненависть между болгарским меньшинством и сербским большинством в этих округах. Так оно продолжало свою всегдашнюю деятельность в этом направлении, начавшуюся ещё во времена турецкого владычества. Следуя по тому же пути, ещё задолго до мировой войны 1914 г., дипломатия Германской империи, начиная уже с канцлерства Бюлова, осторожно, под рукой, поддерживала в Бельгии фламандское движение против валлонов. Следует отметить, что сами «флемминги», невзирая на настойчиво выражаемые в германской печати сожаления о их будто бы горькой участи, и не думали жаловаться на какие-либо притеснения: бельгийская конституция твёрдо обеспечивала им равные права с прочими гражданами королевства. А когда в августе 1914 г. немцы предательским ударом в спину овладели Бельгией, они немедленно же приступили к расчленению страны. При этом немцы громко провозгласили, что намерены спасти «измученное германское племя флеммингов» от «чужеземного» (т. е. бельгийского) владычества. Грабили, впрочем, немецкие оккупационные власти совершенно нелицеприятно и без разбора и тех и других, и валлонов и спасаемых будто бы «флеммингов». Нечего и говорить, что, как только немцы были в 1918 г. выгнаны вон из страны, ни малейшего сепаратистского движения в Бельгии не оказалось. Таким образом, обнаружилась воочию вся искусственность дипломатического подстрекательства и разжигания фламандского партикуляризма.

Но, конечно, всё, что знала новейшая история об использовании внутренних раздоров и неурядиц с целью подготовки захватов и вторжений в облюбованную страну, было превзойдено гитлеровскими дипломатами в 1933—1941 гг.

Как и во многих других случаях, продолжая применять все приёмы и ухватки дипломатии вильгельмовских времён, гитлеровская клика действовала всё же с такой бесцеремонностью, с такой наглостью, с открытым применением таких коварных и жестоких мер, что ничего подобного Европа за последний период своего существования, конечно, не видела. У гитлеровцев

дипломатия и война всегда сливались воедино. Это не только потому, что гитлеровцы нападали без объявления войны, бросались на свою жертву из-за угла, даже не трудясь придумывать предлоги и изобретать претензии. Дипломаты гитлеровской Германии уже задолго до прямого начала военных действий выступали как застрельщики и разведчики германской армии. Руками подосланных террористов туземного или импортного происхождения они убивали наиболее для них вредных (как им казалось) деятелей страны, на которую собирались напасть. Так умертвили они министра Французской республики Барту, короля Югославии Александра, австрийского канцлера Дольфуса. Они взрывали мосты и вокзалы, следуя традициям императорской Германии, как делали ещё в Канаде в 1916 г. агенты и шпионы фон Папена, пребывавшего в то время в Вашингтоне в качестве военного атташе имперского правительства. Фон Папен был тогда ещё «неведомым избранником», простора желанного он ещё не имел; всё же пришлось отозвать его за слишком уж рискованную оперативность и расторопность. Нужно было дождаться водворения гитлеровского режима в Германии, чтобы дать Папену возможность делать то, что он и принялся делать в качестве посла в Австрии, готовя удушение австрийской самостоятельности, или впоследствии будучи германским послом в Турции. Он организовал здесь восстания курдских племён; он наблюдал с безопасной дистанции взрывы таинственных бомб во время своих невинных прогулок по улицам Анкары и подсылал агитаторов-поджигателей в Ирак и Иран, в Сирию и Палестину.

В то время как фон Папен старался «углубить» в Малой Азии национальное самосознание курдов и подстрекнуть их на попытку отнять у турецкого правительства мосульскую нефть, — на западном конце Европы гитлеровская дипломатия чутким ухом уловила неслышное никому до тех пор пробуждение национального чувства... в кельтах, населяющих западные департаменты Франции. Кельты, т. е. бретонцы и отчасти нормандцы, вплоть до того момента, как внешнеполитический отдел национал-социалистской партии в Берлине возымел к ним сострадание, даже и не подозревали, в каком унизительном положении они находятся. В самом деле, французы, это «негроизированное племя», государство «мулатов», по определению Гитлера, осмеливаются держать под своей властью кельтов, чистейших арийцев, сохранивших на берегу Ламанша и Атлантического океана непорочность арийской расы. Уже ранней весной 1934 г. в Мюнхене был основан Союз пробуждающихся кельтов во главе с чиновником гестапо Фридрихом Шмитцем. Союз получил субсидию от внешнеполитического отдела национал-социалистской партии и немедленно открыл в городе Ренн, во французской Бретани, Центральный комитет национальной бретонской пар-

тии. Французские газеты обратили внимание на то, что в Ренн наехало и тотчас же вступило в новоявленную партию очень много немцев. Но гитлеровцы нашли средства успокоить французскую прессу. Газеты примолкли. Зато реннский Центральный комитет обзавёлся своим органом «Бретонская нация», и вот что можно было прочитать в номере этой газеты от 17 июня 1934 г.: «Будем же сражаться вместе, чтобы в ближайшей войне Бретань стала свободной и самостоятельной. Франция стремится к войне. Бретонцы, внимание! Разобьём цепи, которыми нас сковывает Франция!». Всё это творилось открыто, на глазах безмятежно созерцающих французских властей. Но дело этим не ограничилось. Германское посольство в Париже создало и финансировало террористическую секцию национально-бретонской партии «Гвенн-га-ду»; и вот по Бретани в 1935—1939 гг. прокатилась волна железнодорожных крушений, взрывов памятников и отдельных зданий и т. п. Ни малейшего отклика в бретонском народе это «движение», конечно, не вызвало. Но после капитуляции Франции в 1940 г. немцы, при услужливом пособничестве правительства Виши, поспешили посадить в Бретани подходящих квислингов в качестве её «излюбленных людей» и представителей. О подрывной работе гитлеровцев в 1938—1940 гг. в Эльзас-Лотарингии и говорить не приходится. Много работали на Корсике, но уже не только подрывники Гитлера, а также и агенты Муссолини... Движение автономистов на Корсике оказалось таким же искусственным, как в Бретани. Все эти неудачи не помешали германской дипломатии создать в Париже легализированный в 1936 г., но существовавший и раньше Центральный комитет национальных меньшинств Франции. Он должен был объединить всех этих внезапно народившихся автономистов. Но прилежнее и с наибольшим успехом этот комитет занялся организацией еврейских погромов в Алжире и Тунисе. Ещё успешнее велось дело погромов «внешнеполитическим отделом национал-социалистской партии» в английских протекторатах и прежде всего в Палестине и северной Аравии. Особенно любовное внимание и официальная гитлеровская дипломатия (Министерство иностранных дел) и официозная («внешнеполитический отдел национал-социалистской партии») уделяла всегда марокканским делам. В октябре 1934 г. в Берлине с большой помпой открылась «конференция мусульманских общин» под председательством одного из непримиримейших врагов Франции, марокканского вождя Абд-эль-Вахаба. Конференция провозгласила, что свою «свободу» Марокко, Тунис, Алжир получат только при победе Германии над Францией. Во Франции знали обо всём этом. Но когда французским правителям, начиная с Думерга, продолжая Лавалем и кончая Даладье, докладывали об этом невероятном по наглости, небывалом по безнаказан-

ности, открытом походе против Франции, об этой подрывной работе по расчленению государства, министры отвечали на это только усиленными арестами коммунистов как в Париже, так и в Северной Африке, да жалобами на коварство Москвы.

Защита угнетённых меньшинств, восстановление попранных национальных прав, борьба за самоопределение слабых племён — такова была бесстыдная дипломатическая маскировка гитлеровской и муссолиниевской дипломатии, стремившейся содействовать образованию пресловутой «пятой колонны» во враждебных гитлеровщине государствах. Но не только эта лживая и лицемерная «защита» национальных прав людьми, которые топчут сапогом в своей стране все человеческие права вообще, не только эта издевательская «национальная», «автономистская», «сепаратистская» агитация создавали в 1933—1941 гг. «пятую колонну».

Весьма поучительно проследить, как прикрывала итальянская фашистская дипломатия свои чисто империалистические цели начиная с первых лет после захвата фашистами власти в государстве.

Прикрытие захватнических планов демагогическими призывами к борьбе против гегемонии империалистов-победителей

Прежде всего торжественно был выдвинут «благороднейший» и не подлежащий никакому принципиальному оспариванию лозунг: европейское человечество вовсе не обязано вечно подчиняться гегемонии версальских победителей. В частности Центральная и Южная Европа не должна оставаться под опекой Франции. Долой все наложенные на Европу дипломатические оковы! В своей речи в Сенате 5 июня 1928 г., подводя итог дипломатическим достижениям фашизма в первые годы его существования, Муссолини заявил, что не признаёт за Лигой наций никаких чудодейственных свойств по части охраны мира. Муссолини должен был бы выразиться точнее: ведь вся его политика была направлена к планомерному подрыву сил и престижа женевского учреждения. Англичанин Крэсуэлл в своей нашумевшей книге «Об основных принципах фашизма» даёт правильное определение отношению муссолиниевской дипломатии к Лиге наций. Лига наций, по мнению итальянских дипломатов, существует лишь затем, чтобы удержать за Англией и Францией господствующее положение, созданное для них Версальским, Сен-Жерменским, Севрским и прочими мирными трактатами; с другой стороны, Лига наций нужна для маленьких государств, боящихся нападения со стороны сильного соседа, а так как Италия не принадлежит ни к разряду торжествующих победителей, ни к категории малых держав, то для неё Лига наций явно бесполезна. Если бы фашистские дипломаты были более откровенны с англичанином, они должны были бы добавить, что Лига наций была

не только бесполезна, но и вредна для их планов: фашистской Италии было необходимо иметь свободные руки для развязывания новой войны. Для этого в 20-х годах Лига наций ещё казалась — именно только казалась — серьёзной помехой. Волей-неволей приходилось до поры до времени маскироваться. Маскировка была выбрана не без демагогической ловкости. Муссолини приглашал собраться под знаменем Италии всех, кто считает несправедливым установление англо-французской гегемонии в Европе и в Африке, всех желающих такого пересмотра договоров 1919—1920 гг., пересмотра, который должен «вместо фальшивого мира дать мятущемуся человечеству мир истинный, основанный на братстве и солидарности народов». Так начала писать официозная итальянская пресса, как только фашистская узурпация настолько упрочилась внутри страны, что можно было подумать и о провозглашении принципов новой внешней политики. Такие лозунги очень путали карты и выбивали оружие из рук политических противников нового режима. Что мог возразить против таких призывов, например, враг фашизма, бывший итальянский премьер Франческо Нитти, автор известной книги «Европа без мира», в которой также доказывается, что Версальский и другие трактаты настоящего мира человечеству не принесли? Фашистская демагогия ставила его в несколько затруднительное положение. В дальнейшей своей агитации дипломатия Муссолини расчленила задачу. Бороться единовременно против Англии и Франции было признано нецелесообразным. Решили начать с Франции, ибо на первой очереди стояли планы итальянской экспансии в Европе, и здесь ожидалось, что Англия не захочет уж слишком горячо поддерживать французов. А затем можно было поднять проблему и Восточной Африки, где тоже позволительно было надеяться, что в свою очередь Франция не будет расположена слишком страстно поддерживать англичан.

Маскировка оказалась удачной и дала осязательные дипломатические плоды. Когда в ноябре 1927 г. Франция заключила договор о дружбе с Югославией, ровно спустя десять дней Муссолини заключил военный договор о взаимопомощи с Албанией. Дипломатической мотивировкой явилась будто бы спешная необходимость оградить независимость маленького, беззащитного албанского народа от французских и югославских империалистов. На самом деле было совсем другое. Муссолини уже давно облюбовал Албанию как будущую свою добычу. Затем, 5 апреля 1927 г., великодушный дуче, неустанно и бескорыстно оберегающий права и свободу малых народов, заключил союз с Венгрией, «чтобы избавить её от угрозы нападения со стороны французского вассала — Югославии». На самом деле фашистская дипломатия алчно мечтала взять в тиски Югославию и подготовить будущее грабительское нападение на западную часть Балканского полуострова.

Систематически подрывая престиж Франции на Дунае, на Балканском полуострове, в Австрии, в Венгрии, итальянская дипломатия всё время прикрывалась якобы бескорыстным стремлением «заставить победителей удовлетворить всех обездоленных и этим навсегда упрочить спокойствие человечества». Фашистскому чиновнику и казённому публицисту Марио Симонатти была заказана книжка на французском языке под сенсационным заглавием «Готовят преступление — франко-итальянскую войну». В этой книжке, вышедшей в Париже весной 1930 г., официозный «экспонент» политики Муссолини писал, что только преступные люди могут подбивать французов на сопротивление итальянским домогательствам. Французы не считаются с реальностями: «Германия унижена», а потому и недовольна; она начнёт войну, как только сможет; Италия обижена и тоже недовольна; с Советской Россией Франции не удалось завязать хорошие отношения; Испания также недовольна. Что же Франции делать? Поддерживать Италию, больше ничего не остаётся. Не заключать же союз с СССР! Не доверять же Германии, которая остаётся насквозь империалистической и тайно готовит войну! Тут несколько зарапортовавшийся фашист, видимо, спохватился: ведь нужно же было как-нибудь объяснить, почему сам Муссолини изо всех сил стремится привлечь эту «приниженную и мечтающую о реванше» Германию на свою сторону. Объяснение было весьма простым: «Мы видим, что быстрыми шагами приближается итало-германский союз, к которому будут тяготеть и другие народы... Но никто не будет иметь права жаловаться, если Италия, не найдя друзей в Париже, пойдёт искать их в Берлине».

С момента прихода к власти Гитлера и итальянскому фашизму уже нечего стало особенно стесняться. И вот требования Муссолини становятся всё решительнее: или Италии будет воздана «справедливость», или итальянская дипломатия «начнёт искать» её в союзе с Германией. «И найдёт», — добавлялось с угрозой. Эта угроза была тотчас же учтена и использована французскими пособниками фашизма, прежде всего Лавалем. Фронт меняется: остриё агрессивной политики итальянского фашизма временно отклоняется от Европы и направляется против Абиссинии. Теперь уже не Франция, но Англия, владычица Судана и Египта, — главный дипломатический противник фашистской Италии. Сейчас же надевается и нужная дипломатическая маска. Италия уже не защитница обездоленных мирными договорами 1919—1920 гг., чем она только что была и чем завтра же окажется вновь. Теперь, в 1933—1935 гг., подготовляя, проводя и заканчивая захват Абиссинии, итальянский фашизм надевает на себя маску паладина европейской цивилизации: он отнимает шаг за шагом у «африканских дикарей» их землю лишь затем, чтобы приобщить их к высшей мировой культуре. Высо-

копоставленные фашистские ораторы вроде зятя Муссолини министра иностранных дел Чиано прославляют в лице Муссолини прямого продолжателя воинственных героев древнего Рима, которые начиная от пунических войн не переставали победным маршем шествовать по Африке и превращали Средиземное море в «Итальянское море». Сначала в 1930 г., а потом массовым изданием в 1931 г. с благословения Муссолини была издана сенсационная книга капитана военного флота Франческо Бертонелли «Наше море». Автор, восторженно приветствуемый всей итальянской руководящей печатью, утверждал, что Италия, стремясь стать господствующей державой на Средиземном море, этим самым ограждает от английского империализма свободу мореплавания и права слабых держав — Турции и Греции. «То, что сделала Англия в прошлом веке для защиты своего империализма, то должен теперь сделать блок Италии, Греции, Турции для защиты Средиземного моря». Так итальянский фашизм приглашал свои намеченные жертвы к общей «защите», т. е. к *превращению* Средиземного моря в море Итальянское. И такое превращение должно было произойти параллельно с расширением фашистских захватов в Африке.

Сам Муссолини уже давно без ненужной скромности начинал усматривать приятное сходство между своей собственной особой и Юлием Цезарем. А в восторженной фашистской печати без всякого юмора обсуждался вопрос, чем именно превосходит Муссолини великого древнеримского диктатора. Правда, дело это было уже после завоевания Абиссинии, но до того, как это приобретение оказалось столь обременительным и непрочным. Во всяком случае шум, поднятый вокруг цивилизаторской миссии Италии в Африке, был так велик и дал столь плодотворные результаты, что даже в английской печати — по крайней мере в той её части, которая склонна была поддерживать фашизм, — стало всё чаще повторяться утверждение, что мешать итальянцам в деле завоевания Абиссинии значило бы бороться против незыблемого исторического закона, подчиняющего расы варварские расам культурным. При этом английские ответственные деятели недвусмысленно давали понять, что, пожалуй, не следует европейцам слишком яростно между собой ссориться на глазах «цветных рас».

Близилось, впрочем, такое время — оно наступило в 1936 г., с итальянской интервенцией в Испании, — когда в своих планах присвоения всего, что плохо лежит на Балканском полуострове или в Африке, Муссолини уже не прикрывался ни личиной защитника обездоленных европейских народов, ни рыцарской мантией «крестоносца культуры», пекущегося о просвещении коснеющих в невежестве африканских варваров. Уже возникла и всё более крепла пресловутая «ось», и, опьянённые иллюзией своего всемогущества и сознанием полнейшей безнака-

занности, фашистские дипломаты решили, что им уже можно избавить себя от той «дани», уплачиваемой добродетели пороком, каковой, по старинной поговорке, является лицемерие. Немецкий Эрзатц-Наполеон (так называет Гитлера немецкая эмигрантская печать) и итальянский Эрзатц-Цезарь в самые последние годы перед новой мировой войной быстро и легко стали отвыкать от всяких дипломатических стеснений и условностей... Затейливые и многообразные маскировки всё чаще и чаще заменялись открытыми угрозами.

Приём систематических угроз и терроризирования противника

Метод угроз является не таким излюбленным в дипломатии, как приём маскировки, но и он широко распространён и не раз с давних пор с успехом практиковался в истории международных отношений.

В исторически засвидетельствованных случаях применения этого приёма приходится различать две категории: во-первых, дипломаты очень часто пускали в ход запугивание противника, на самом деле вовсе не имея в виду исполнения своих угроз; во-вторых, иногда они и на самом деле были готовы сопроводить свои слова действиями. Некоторые примеры, взятые не из слишком дальних времён, могут иллюстрировать оба указанных приёма.

Александр I, уже твёрдо зная (дело было весной 1812 г.), что нашествие Наполеона на Россию неизбежно и начнётся в ближайшем будущем, решает как можно скорее прекратить войну с Турцией, тянущуюся уже шесть лет, чтобы освободить армию Чичагова и вернуть её в западную Россию. Как всегда то бывало в критических случаях, царь призывает Кутузова, ненавистного ему лично «одноглазого сатира», умницу, дипломата, которому Суворов давно выдал аттестацию: «Умён, умён! Хитёр, хитёр! Его никто не обманет!». Александр поручает Кутузову переговоры с турками и даёт ему широкие полномочия: пусть уступает им во всём, лишь бы поскорее заключить мир и вернуть в Россию Южную армию. Кутузов едет в Бухарест и начинает переговоры. Он имеет дело с великим визирем, который потому и взял на себя эти переговоры, что считал себя весьма проницательным и хитрым политиком. Кутузов, однако, придерживался гораздо менее лестного мнения об умственных способностях великого визиря. Турецкий дипломат знал о грозе, идущей на Россию, и обнаруживал упорство. Кутузов сильно сбивал его с толку своей нарочитой самоуверенностью и спокойствием. Но окончательно выиграл свою партию старый русский генерал в этой дипломатической игре, необычайно смело и удачно пустив в ход совершенно неосуществимую в тот момент угрозу. До Бухареста дошли сведения, что Наполеон послал в Вильно к Александру графа Нарбонна для каких-то переговоров. На самом деле эта посылка была затеяна Наполеоном

лишь для нужного ему выигрыша времени, а также в надежде, что пронырливый и ловкий граф Нарбонн успеет под рукой собрать кое-какие сведения, необходимые французскому штабу. Словом, ни в малейшей степени поездка Нарбонна не знаменовала мирных намерений французского императора. Кутузов это отлично понимал. Но он встретил визиря с сияющим лицом. С Наполеоном мир! Сегодня мир, а завтра — союз! А послезавтра—это уже визирю предоставлялось сообразить без посторонней помощи — оба императора полюбовно разделят Турцию! Перепуганный визирь растерялся: ведь через маршала Себастиани правительству Оттоманской Порты давно и точно было известно, как ещё в 1807 г. в Тильзите Александр и Наполеон говорили о разделе турецких владений. Турки не знали, кому верить: Кутузову или опровержениям, которые, конечно, должны были последовать с французской стороны? Но факт поездки Нарбонна в Вильно был налицо. С другой стороны, Кутузов сумел так умно, учтиво, ласково преподнести свою угрозу, не высказывая её прямыми словами, что великий визирь окончательно испугался. Он пошёл на совсем неожиданные уступки, и Кутузов вывез из Бухареста договор, по которому Россия получала богатую Бессарабию. Наполеон был в ярости, когда узнал, как необычайно ловко «старая русская лиса» обманула турок; ведь Кутузов обеспечил для России турецкий нейтралитет, притом не только ничего за это не заплатив, но ещё получив ни с того, ни с сего от самих турок обильную земельную придачу! Успех Кутузова в Бухаресте может служить классическим примером удачного применения дипломатом этого приёма тонкой угрозы.

В своей дипломатической практике и Бисмарк неоднократно пускал в ход приём застращивания. При этом порой он лишь спекулировал на испуге обманутого противника; но иногда, гораздо реже, он и в самом деле серьёзно намеревался осуществить свою угрозу.

Шёл 1865 год. Пруссия переживала весьма критический момент, а с первых месяцев 1866 г. положение прусской дипломатии стало ещё более трудным. Министру иностранных дел графу Бисмарку (он тогда ещё не был ни князем, ни канцлером) было сообщено о новой опасности, возникающей в деле объединения Германии вокруг Пруссии, о новом и очень неприятном мотиве, который неожиданно начинает звучать в петербургском Зимнем дворце. Неожиданно — потому, что, готовясь напасть на Австрию, Бисмарк рассчитывал на благосклонное отношение со стороны царя, ненавидевшего Габсбургскую державу за её поведение в Крымскую войну. Бисмарк узнал, что царь и А. М. Горчаков недовольны по другой причине. Дело было вовсе не в горячей якобы приверженности царя к «династическому началу», попираемому Бисмарком в лице мелких германских королей и герцогов. Положение было гораздо бо-

лее серьёзным. Горчаков не мог не видеть опасности для всего будущего России в возникновении рядом с ней могущественной объединённой Германии. Пока ещё русская оппозиция прусской политике не выразилась в форме официальных протестов, Бисмарк решил пустить в ход угрозу — тоже, конечно, не в официальной форме, а «под рукой». Так, он не брал на себя прямой ответственности за угрозу, но зато принял все меры к тому, чтобы она дошла до царя. «Пусть они знают, что если они будут мешать нам, то я разнуздаю польский мятеж!» — в таких приблизительно выражениях (вариантов приводилось несколько, но основное содержание было совершенно ясно) угроза действительно дошла до Петербурга. Это запугивание было явно нереальным. В России отлично понимали, почему ещё в 1863 г. Пруссия заняла вполне определённую «руссофильскую» позицию. Она сделала это потому, что освобождение русской Польши угрожало бы отторжением в своё время и от Пруссии её польских провинций. Подавно не мог Бисмарк «разнуздать» мятеж в русской Польше ни в 1865, ни в 1866 г.; он не мог хотеть этого, да и не в состоянии был бы сделать, если бы даже и хотел. Конечно, если бы русская дипломатия и русский двор в самом деле были готовы энергично противодействовать объединению Германии, то едва ли подобные угрозы могли произвести в Петербурге какое-либо впечатление. Но Александр II всё это время колебался между сочувствием своему дяде, прусскому королю Вильгельму I, и неудовольствием по поводу слишком бесцеремонного обращения Бисмарка с мелкими германскими державами. Поэтому эти раздражённые заявления Бисмарка не остались без последствий. Намечавшаяся «оппозиция» прусской политике примолкла в Петербурге. Но не всегда Бисмарку приём угроз удавался так, как в данном случае. Так, например, Александр III на докладе Гирса о некоторых заявлениях Бисмарка лаконически пометил: «Этот обер-скот что-то затевает». Этой презрительной ремаркой Александр III и ограничился.

Не всегда Бисмарк пускал в ход свои угрозы без серьёзного намерения привести их в исполнение. Иногда у него угроза имела достаточно реальный и зловещий смысл. В 1875 г. канцлер не только в целях шантажа поднял газетную шумиху о необходимости начать новую войну против Франции; он и на самом деле желал этого. Неожиданно быстрое возрождение французской армии после поражения 1870—1871 гг., полное восстановление в стране нарушенной войной экономической жизни, прочность французских финансов — всё это очень беспокоило Бисмарка. Поэтому, когда в газете «Post», а затем и в других органах прессы появилась знаменитая анонимная статья «Предвидится ли война?», то вся Европа поняла, что Бисмарк готовит нападение с целью добить Францию, пока ещё не поздно. В худшем случае французы должны были испугаться

и даже без новой войны всецело подчинить свою политику требованиям германской дипломатии. Но на этот раз дело прошло не так гладко, как рассчитывал германский канцлер. Немедленное вмешательство Александра II, письмо королевы Виктории к Вильгельму I — всё это показало Бисмарку, что предприятие, затеянное им, будет поопаснее, чем он полагал. Немедленно же и канцлер ударил отбой по всей линии. Пресса умолкла, а Бисмарк прикинулся просто недоумевающим, на каком основании Горчаков дал понять в своей циркулярной ноте русским представителям при державах, что мир будто бы был в опасности. Канцлер даже выражал удивление, почему его делают ответственным за чьи-то газетные статьи. Впрочем, эти уловки никого тогда не обманули. В 80-х годах, в последнее десятилетие своей деятельности, Бисмарк ещё неоднократно пускал в ход плохо прикрытые угрозы войны. На французские кабинеты это действовало, на русское правительство — гораздо меньше.

Преемники Бисмарка прибегали к приёму угроз настолько охотно и необдуманно, что отчасти притупили это оружие. Бесчисленные возгласы Вильгельма II о «бронированном кулаке», который он готов обрушить на супостатов, к концу его царствования вызывали чаще улыбку, чем испуг. Но когда эти угрозы принимали форму уж очень демонстративную, они производили в той или иной степени свой эффект.

В двух случаях перед мировой войной германская дипломатия пустила в ход угрозу войны и достигла известных результатов. В первый раз это было сделано в 1909 г. против России, по поводу присоединения Боснии и Герцеговины к Австрии; во второй раз тот же приём применён был против Франции, в связи с марокканским вопросом. Оба случая очень характерны, они заслуживают внимания всякого, кто изучает методы европейской дипломатии в новейшие времена.

В 1908 г. международная обстановка в Европе сложилась так, что после заключения в августе 1907 г. англо-русского соглашения и свидания 9—10 июня 1908 г. царя с Эдуардом VII в Ревеле германская дипломатия была полна серьёзного беспокойства. Пресса, в особенности газеты рейнско-вестфальского промышленного района, кричала об окружении Германии, о неслыханном усилении Антанты. В германских руководящих кругах складывалось убеждение в необходимости каким-то энергичным действием показать Антанте, что её не боятся, и этим самым испытать крепость уз, соединяющих три державы, которые в неё вошли. Но как это сделать? У Вильгельма II ответ был готов. Не будучи Александром Македонским, последний германский император склонен был разрубать все гордиевы узлы политики если не мечом, то по крайней мере крепкими словами. К величайшему раздражению канцлера Бюлова Вильгельм произнёс

в Деберице перед офицерами расквартированных там войск крикливую и вызывающую речь. Кайзер говорил о войне, которую будто бы очень скоро намерен вести. Так как на самом деле Вильгельм вовсе не собирался тогда воевать, эта речь могла возыметь весьма вредное для Германии значение. Обозлённый Бюлов не решился сказать Вильгельму, что речь была глупа, но он с большим волнением написал ему (17 июля 1908 г.), что напрасно эту речь напечатали. «Я думаю во всяком случае, — писал канцлер, — что в интересах всех держав (Антанты), чтобы мы казались нервными и неспокойными. Это даёт также и то преимущество нашим врагам, что всякая реальная или видимая угроза с нашей стороны заставляет французов усиливать их восточную границу укреплениями, англичан — строить больше дредноутов, а русских — сосредоточивать больше войск на их западной границе». В широких кругах германской общественности многие тоже были раздражены бестактными ораторскими дебютами Вильгельма. Вскоре в отделе объявлений одной из берлинских газет появилось ускользнувшее от внимания редакции объявление: «Бежал из психиатрической лечебницы доктора Бюлова больной Вильгельм Кайзер, 51 года, страдает болезнью речи». Дальше следовали соответствующие внешние приметы. По справкам, никакой такой лечебницы, ни доктора, ни пациента не оказалось. При дворе всем этим были скандализованы. А когда вскоре, осенью того же 1908 г., разразился в Германии настоящий бурный скандал и в прессе и в Парламенте по поводу знаменитого и нелепейшего интервью Вильгельма, данного корреспонденту «Daily Telegraph», когда дело дошло до гневных запросов в Рейхстаге, до угодливого обещания сильно перетрусившего Вильгельма, что впредь он обязуется помалкивать, — и в самом деле эти словесные угрозы были на время совсем оставлены.

Однако каким-либо серьёзным способом реагировать на вступление России в Антанту всё же казалось канцлеру Бюлову необходимым. И повод для этого вскоре представился.

5 октября 1908 г. австрийское правительство объявило об аннексии Боснии и Герцеговины, и с тех пор в Вене с беспокойством следили за ростом недовольства и раздражения в России по поводу этого акта Австрии. Эренталь, австрийский министр иностранных дел, и сам Франц-Иосиф не переставали всё настойчивее просить Вильгельма и Бюлова о решительном выступлении, которое заставило бы, наконец, Николая II объявить о признании Россией этого свершившегося факта. Только такое признание, по мнению австрийской дипломатии, положило бы предел волнению в Сербии и окончательно закрепило бы за Габсбургской державой эту аннексию. В ноябре и декабре 1908 г. и в начале 1909 г. и Извольский и сам царь говорили неоднократно с германским послом в Петербурге Пурталесом и не скрывали, что резко отрицательно относятся к аннексии Боснии

и Герцеговины. Извольский с ударением и не раз во время этих очень долгих и неприятных бесед указывал Пурталесу, что у России есть союзники: если Германия будет так горячо поддерживать Австрию, то это только заставит Россию самым тесным образом сблизиться с Англией и ещё больше укрепить уже заключённое с англичанами соглашение. Пурталес настаивал, что отказ России признать аннексию создаёт безвыходный тупик; если же Германии грозят окружением, то она этого не боится и сумеет во-время разбить смыкающееся вокруг неё кольцо.

Волнение начинало охватывать Париж и Лондон. Ни Франция, ни Англия, ни сама Россия воевать в тот момент вовсе не собирались, но и итти на признание аннексии Извольский не хотел, утверждая, что Эренталь его обманул и лжёт, когда ссылается на будто бы данное Извольским предварительное согласие. Бюлов решил использовать этот кризис, чтобы нанести удар Антанте. Он надеялся, как он писал германскому послу в Вене Чиршки, что Франция откажет России в поддержке «и этим самым окончательно сломает окружившее нас кольцо».

При столь благоприятных для Германии условиях канцлер Бюлов дал знать Петербургу, что Германия настаивает на скорейшем разрешении вопроса и что она до конца поддержит Австрию в деле Боснии и Герцеговины.

17 марта 1909 г. Николай II созвал экстренное совещание министров с участием начальника штаба и представителей генералитета. Решено было, что даже в случае войны Австрии с Сербией из-за аннексии Россия в войне участия не примет. Это решение было сообщено Австрии через посла Берхтольда и Германии через посла Пурталеса. 21 марта, желая довершить дипломатическую победу, Бюлов приказал Пурталесу предложить Извольскому формально и без оговорок признать аннексию: «Мы ожидаем точного ответа: да или нет». На другой день, 23 марта 1909 г., от имени царя Извольский ответил согласием. Угроза на этот раз подействовала.

Но тот же приём, пущенный в ход германской дипломатией в нескончаемом марокканском конфликте, не привёл к желаемым результатам, хотя кое-что и дал Германии. Этот случай, однако, должен быть отнесён уже к более сложной категории дипломатических примеров, которая должна быть рассмотрена особо.

«Защита» слабых государств как предлог для агрессии

В сложнейших, тончайших узорах дипломатической паутины, в хитросплетениях и видоизменениях тактики борющихся сторон часто не только варьируются, но и комбинированно пускаются в ход различные перечисленные приёмы.

Классическим образцом использования дипломатией комбинированного приёма — 1) маскировки «защитой» слабых государств и 2) откровенной угрозы войны — служит история

со знаменитой телеграммой Вильгельма II президенту Трансваальской республики Крюгеру 3 января 1896 г. Стоит напомнить здесь некоторые подробности этого эпизода.

Германская дипломатия с довольно давних пор поддерживала секретные отношения с бурами Трансвааля и Оранжевой республики. Статс-секретарь иностранных дел Германии барон Маршалль фон Биберштейн старался заинтересовать германский капитал в бурской экономике, в постройке железной дороги от Лоренсо-Маркеса к Претории и т. д. Отношения между Англией и Германией ещё не были так испорчены, как впоследствии; всё же министерству лорда Солсбери и особенно министру колоний Джозефу Чемберлену германская возня в Южной Африке начинала не нравиться. В июле 1895 г. была закончена названная железная дорога. По этому ничтожному поводу Вильгельм II послал два германских броненосца к берегам Южной Африки со специальной целью поздравить президента Крюгера. Английский кабинет насторожился. Как потом обнаружилось со слов одного дипломата, Солсбери и Чемберлен «стали терпеливо ждать». Англичане, впрочем, не только ждали. В октябре 1895 г. английский посол в Берлине сэр Эдуард Мэлет определённо высказал барону Маршаллю неудовольствие по поводу интриг Германии в Трансваале. «Знайте, барон, — заявил посол, — что Трансвааль — это чёрная точка в англо-германских отношениях». Но германский дипломат утвердился на позиции, которая ему казалась и несокрушимой и необыкновенно выгодной морально и политически: ведь речь шла о «защите» буров от явно угрожавшей им со стороны англичан опасности, об «охране независимости» маленького народа от империалистических хищников.

На самом деле, вмешиваясь в англо-бурские дела, германская дипломатия ставила перед собой две точно очерченные цели. Во-первых, ей надобно было понудить Англию примкнуть к Тройственному союзу; во-вторых, если первая цель окажется недостижимой, немцы рассчитывали всячески способствовать расширению и углублению англо-бурского конфликта, усилить на этой почве германское влияние в Южной Африке и со временем теснее связать экономическими узами германскую Юго-Западную Африку с обеими бурскими республиками, что создало бы постоянную угрозу Родезии и Капской колонии.

Вильгельм II, раздражённый или прикинувшийся задетым акцией Мэлета, призвал английского военного атташе в Берлине полковника Суайна и сразу же приступил к угрозам. Он объявил, что если с Германией осмеливаются разговаривать так, как позволил себе Мэлет, то он, германский император, будет действовать против Англии вместе с Россией и Францией. Вообще настало для Англии время решать, присоединяется ли

она к Тройственному союзу или же к врагам Тройственного союза. Полковник Суайн сообщил немедленно в Лондон об этой выходке императора. Солсбери не реагировал на это предложение союза, которое делалось уже не в первый раз. Но Вильгельм не успокаивался. Дело в том, что сам он и Маршалль фон Биберштейн почему-то уверовали в это время в возможность одним энергичным жестом припугнуть английское правительство, находившееся в тот момент в натянутых отношениях с Францией и с Россией, и этим принудить старого консервативного премьера Солсбери ввести Англию в Тройственный союз. Эта мысль оказалась глубоко ошибочной. Солсбери вообще был не робкого десятка; кроме того, он отлично знал, что при тогдашнем состоянии германского флота никогда Вильгельм на войну против Англии не отважится и что Франция в союз с Германией не вступит. Прошло несколько недель. 20 декабря 1895 г. германские послы при великих державах были неожиданно уведомлены доверительно, что император снова запросил Англию, не согласится ли она формальным договором соединиться с Тройственным союзом. Иначе, пояснял Вильгельм, так как английская политика вызывает всеобщее недоверие, англичанам придётся иметь дело с соединённой против неё группой континентальных великих держав. Эта прямая и вторичная угроза снова не произвела ни малейшего впечатления ни на Солсбери, ни даже на Чемберлена, который более был расположен к соглашению с Германией. Мало того, английское посольство в Берлине очень деликатно, но прозрачно дало понять — в приватном порядке — германскому императору, что, по мнению английских дипломатов, с его стороны всё это лишь комедия и что дружественное соединение России и Франции с Тройственным союзом невозможно. Тогда барон Маршалль специально пригласил к себе английского посла. Он стал всячески ему доказывать, что маркиз Солсбери заблуждается, что отношения между Францией и Германией вполне сносные, а главное, что все континентальные великие державы легко могут между собой сговориться именно за английский счёт. И опять испуга со стороны английского дипломата не последовало. Посол невозмутимо выслушал и явно остался при прежнем мнении.

Нетерпение и раздражение в Берлине росло. На этой почве и разыгралось всё дальнейшее. Следует отметить, что настойчивые угрозы немцев, касавшиеся огромной общей проблемы отношений Англии к обеим основным группировкам великих континентальных держав, на самом деле начались с Южной Африки, с англо-бурских разногласий. Чтобы ликвидировать эти разногласия, Сесиль Родс, один из неофициальных, но весьма могущественных руководителей английской империалистической политики, решил действовать. Он рассчитывал «вскрыть транс-

ваальский нарыв» быстро, пока Германия ещё не готова к войне. В самые последние дни декабря агентами Родса был организован известный «набег Джемсона» на Трансвааль. И как раз в тот день, 31 декабря 1895 г., когда, ещё не зная о вторжении Джемсона, Маршалль фон Биберштейн в Берлине безуспешно старался напугать английского посла перспективой объединения против Англии всей континентальной Европы, в Лондон стали поступать первые известия о «набеге Джемсона». Тотчас же со стороны министра колоний Джозефа Чемберлена последовало официальное сообщение, в котором указывалось, что британское правительство решительно ничего о предприятии «добровольческого отряда» Джемсона не знало. Тогда Маршалль фон Биберштейн внезапно решил, что в его дипломатическую игру попал крупнейший козырь: теперь можно будет продолжать разговоры с англичанами о союзе совсем иным тоном, чем до сих пор. Уже на другой день после появления первых известий о «набеге Джемсона», т. е. 1 января 1896 г., почти все руководящие берлинские газеты (кроме «Kölnische Zeitung» и «Kreuzzeitung», которые отложили свои высказывания на 2 января) поместили резкие статьи, прямо направленные против кабинета Солсбери. В невиновность Чемберлена решительно никто не верил. «Vossische Zeitung» писала, что Германская империя не только должна спасать свои экономические интересы на юге Африки, но и защитить от насильников маленький слабый народец буров, связанный с немцами общностью германской крови. Газеты приняли такой воинственный и непримиримый тон, что было ясно, кто за ними стоит и кто и зачем поднимает весь этот неистовый шум.

Вильгельм II, всегда склонный к самым воинственным и вызывающим выступлениям в тех случаях, когда твёрдо знал, что опасности не предвидится, прежде всего ознакомился с опровержением Чемберлена. Английское правительство категорически отклоняло от себя всякую ответственность. Следовательно, можно будет предпринять ряд шагов, якобы направленных против безвестного Джемсона, но на самом деле затрагивающих британское правительство и способных его обеспокоить. Маршалль фон Биберштейн получил разрешение отправить германскому послу в Лондоне Гатцфельду такую телеграмму: «В случае, если ваше превосходительство получите впечатление, что это преступление против международного права было совершено *с разрешения*, ваше превосходительство потребуете свои паспорта». Конечно, и Вильгельм, и Маршалль фон Биберштейн, и Гатцфельд отлично знали, что после заявления Чемберлена подобный запрос не имел смысла. Но это было только началом. Чем меньше реагировал Солсбери на провоцирующие жесты германской дипломатии, тем азартнее становилось настроение Вильгельма. Стоявший за спиной императора и Маршалля

советник статс-секретариата Фритц фон Гольштейн всеми мерами старался внушить своему высокому начальству (которого уже в тот период своей службы не ставил ни в грош и которым уже начинал вертеть, как пешкой), что теперь или никогда можно привлечь Францию и Россию к совместному дипломатическому выступлению против Англии. Когда же оно состоится, Англия, воочию убедившись в опасности своего изолированного положения, перестанет упорствовать и согласится примкнуть к Тройственному союзу. Гольштейн настаивал на усилении угроз. Уже наступал вечер 1 января, когда в Берлин пришли новые телеграммы о том, что отряд Джемсона встретился с бурами и что завязался бой. О результатах боя ещё не сообщалось. Немедленно, утром 2 января, барон Маршалль телеграфировал в Лондон послу Гатцфельду, чтобы тот явился к маркизу Солсбери и заявил формальный протест против всякого покушения на самостоятельность Трансвааля. Маршалль не преминул ввернуть в свою ноту, что не верит английским заверениям. Гатцфельд отвёз эту дерзкую ноту на Даунингстрит, в Министерство иностранных дел. А когда он вернулся в посольство, пришли с юга Африки новые вечерние срочные телеграммы: они сообщали о поражении отряда Джемсона при Крюгерсдорпе и взятии его вместе с отрядом в плен. Дерзкая и угрожающая нота Маршалля оказывалась теперь явно ненужной; события её опередили. Гатцфельд бросился снова на Даунингстрит. Там он узнал, к своей радости, что Солсбери ещё не побывал в Министерстве и что поэтому нота лежит в нераспечатанном конверте. Германский посол поспешил взять её обратно и благополучно увёз домой. Казалось бы, на этом и должна была бы окончиться вся берлинская затея. Но нет! В Берлине всё ещё не хотели приостановить столь шумно начатой дипломатической агрессии.

3 января в императорском дворце было созвано экстренное совещание. На нём, кроме Вильгельма, присутствовали: имперский канцлер Гогенлоэ, старик, никакой роли в этот момент не игравший, барон Маршалль, преисполненный самых воинственных намерений, министр колоний и ещё два второстепенных сановника.

Вильгельм открыл заседание нелепейшим предложением объявить маркизу Солсбери, что Германия формально берёт Трансвааль под свой протекторат и немедленно посылает туда войска, не более и не менее. Гогенлоэ и даже сам Маршалль фон Биберштейн смутились. Маршалль сообразил, что дело заходит слишком уж далеко. Он предупредил, что война с Англией в случае захвата немцами Трансвааля возгорится немедленно: не лучше ли поэтому пустить в ход пока только демонстрацию, но зато внушительную и грозную. По совету министра колоний и барона Маршалля решено было, чтобы Вильгельм

послал президенту Крюгеру телеграмму с поздравлением и чтобы эта телеграмма была явно направлена не против авантюриста Джемсона, а по адресу британского правительства.

На другой день, 4 января 1896 г., весь читающий мир прочёл в газетах телеграмму, посланную накануне президенту Трансвааля Крюгеру и подписанную императором Вильгельмом. В телеграмме изъяснялось, что Вильгельм II радуется победе буров так, как если бы это была немецкая победа; император счастлив, что Крюгеру удалось отстоять самостоятельность своей страны, не прибегая к помощи дружественных держав. Другими словами, Вильгельм грозил Англии, что если она снова прямо или косвенно покусится на самостоятельность Трансвааля, война с Германией будет неизбежна. Эта телеграмма вызвала бурю негодования в английской консервативной печати. Маршалль и Вильгельм некоторое время ещё не отдавали себе отчёта в том, как основательно их вызывающий жест испортил англо-германские отношения. Даже либеральная оппозиция в Англии обнаруживала величайшее раздражение. Само правительство молчало. Солсбери и Чемберлен не сходили с раз занятой позиции: за Джемсона они не отвечают, и им нет дела до нелепой телеграммы Вильгельма. На самом деле Солсбери нашёл способ обнаружить своё неудовольствие. Буря в английской прессе, разжигаемая скрытыми за кулисами официальными лицами, не утихала, но, напротив, разыгрывалась всё пуще. «Daily Telegraph» стал печатать статьи и телеграммы под общим названием «Германские интриги против Англии»; «Standard», «Times», не говоря уже о многотиражной мелкой прессе, перешли в свою очередь к язвительным комментариям и прямым угрозам. Дело дошло до уличных антигерманских демонстраций в восточной части Лондона. Генерал Грентэм при раздаче медалей отличившимся солдатам сказал речь, в которой иронически благодарил Вильгельма за то, что тот во-время предостерёг Англию, указав ей на нового врага, т. е. на Германию, и создал среди англичан полное единодушие.

Вильгельм оробел. Ни он, ни Маршалль не ждали такого эффекта. Из их угрозы не вышло ровно ничего. Император начал бить отбой по всей линии. Спустя некоторое время он стал умильно льстить англичанам, унижаться перед ними и даже съездил без приглашения на поклон к королеве Виктории. А когда в самом деле началась война Англии с бурами, то он, как это выяснилось из его собственного позднейшего признания, сам послал королеве Виктории разработанный стратегический план скорейшего разгрома буров! Так постыдно кончилась великодушная «защита» буров императором Вильгельмом II при помощи повторных грозных запугиваний, ничем реально не поддержанных и неправильно рассчитанных на слабость нервов противника.

Другим примером подобной комбинации приёмов маскировки и угрозы является памятная борьба Германии и Франции из-за Марокко, несколько раз вот-вот сулившая привести Европу к мировой войне.

Демонстративная «забота» о правах угнетённой национальности и о неприкосновенности её достояния послужила для германской дипломатии прекрасной маскировкой в борьбе против Франции из-за Марокко. Курьёзнее всего, что та же самая «забота» о марокканцах была выдвинута в свою очередь и французской дипломатией в процессе длительной борьбы против Германии за Марокканскую империю.

Как известно, англо-французское соглашение 8 апреля 1904 г. делало Марокко «сферой французского влияния». Так началось, с одной стороны, внедрение французских войск в независимую до той поры страну под «безобидным» и невинным лозунгом «мирного проникновения», придуманным французским министром иностранных дел Делькассе. С другой стороны, стало усиливаться тревожное и раздражительное наблюдение германской дипломатии за постепенно расширяющимися французскими захватами в этой стране. Канцлер Бюлов, руководивший в этот момент внешней политикой Германии, но сам руководимый Фритцем фон Гольштейном, решил во что бы то ни стало вмешаться в это дело. Во-первых, нужно было оградить довольно значительные торговые и промышленные интересы Германии в Марокко; во-вторых, соблазнительно было испытать, насколько в самом деле крепка и реальна «Антанта», возникшая 8 апреля 1904 г., и действительно ли Англия готова оказать французам военную помощь в случае угрозы со стороны Германии. Сначала был запрошен начальник генерального штаба Шлиффен, знаменитый творец оперативного плана войны на два фронта. 20 апреля он сообщил Бюлову свой ответ: «Россия воевать сейчас не может, имея уже на руках войну против Японии; если война с Францией необходима, то настоящий момент бесспорно благоприятен». Но всё-таки было признано нужным ещё пообождать, и только весной, после Мукдена, решено было приступить к действиям. Фритц фон Гольштейн не переставал убеждать Бюлова в необходимости угрозой войны принудить французов отказаться от завоевания Марокко. Бюлов приступил с этим к Вильгельму. В конце концов после довольно упорного сопротивления со стороны оробевшего было императора Бюлов заставил его предпринять путешествие в Танжер. Здесь, в самом крупном из городов Марокко, Вильгельму нужно было демонстративно заявить, что он считает марокканского султана совершенно независимым государем. А прессе было поручено распространяться как можно энергичнее на две темы: 1) Германия выступает как защитница независимости слабой страны, угнетаемой чужеземным завоева-

телем, и 2) германское правительство в то же самое время защищает справедливейший принцип равноправия всех национальностей, граждане которых имеют в Марокко те или иные экономические интересы. Платформа для затеянной демонстрации была выработана, таким образом, как будто удачная и неуязвимая. Правда, сам Вильгельм знал очень хорошо, что дело идёт в действительности вовсе не о столь благородных стремлениях, а только о том, чтобы отбить у французов добычу в свою пользу. Понимал кайзер и то, что вся эта затея может окончиться для Германии войной против Франции, Англии и хотя и ослабевшей, но всё же имеющей немало корпусов в Европе Российской империи. Немудрено, что уже по пути в Танжер Вильгельм вдруг совсем смутился и заколебался. С дороги он неожиданно телеграфировал германскому резиденту в Танжер, что, может быть, и не высадится на берег; вообще он, император, «путешествует как простой турист». Бюлов был страшно взволнован этой изменой. Полетели телеграммы к Вильгельму, заклинавшие его не отступать от принятой программы. Ведь уже поздно: пресса полна известий о предстоящем выступлении; в Европе внезапный отказ от этого путешествия припишут страху, и это подорвёт престиж Германии. Рыцарственный защитник слабых наций скрепя сердце решился после этого всё-таки высадиться в Танжере. 31 марта 1905 г. на банкете, данном в его честь германской колонией, Вильгельм произнёс речь, в которой высокопарно распространялся о независимости Марокко, о самостоятельном султане и о своей к нему дружбе.

Демонстрация удалась. После двух с лишним месяцев дипломатической переписки и полемики в прессе, 6 июня 1905 г., министр иностранных дел Французской республики Теофиль Делькассе подал в отставку. Причиной было то, что весь Совет министров и сам президент Лубэ решительно отказались поддерживать его «политику сопротивления», а запрошенная из Парижа Англия сообщила, что в случае войны она может прислать на помощь французам всего полтораста тысяч человек, да и то не сейчас, а погодя.

Но дальше всё дело круто повернулось. Любопытно, что той же маскировкой «охраны» малых и слабых народов воспользовалась уже не Германия против Франции, а Франция против Германии. Вот как произошёл этот курьёзный, хотя и не редкий в дипломатической истории случай. Премьер Рувье, сменивший Делькассе на посту министра иностранных дел, секретно и окольным путём, через посредство германского посла в Риме графа Монтса, предложил германскому правительству уладить все колониальные вопросы и недоразумения и в Африке и в Азии особым двусторонним соглашением, в том числе покончить и с Марокко. Другими словами, ставился вопрос, не угодно ли германской дипломатии и её прессе прекратить разговоры о велико-

душной защите слабых народов и вместо этого полюбовно разделить между Германией и Францией Марокканскую империю? И вот тут-то канцлер Бюлов, по наущению всё того же советника статс-секретариата иностранных дел Фритца фон Гольштейна, совершил крупнейший промах, о котором германская дипломатия потом многократно и горько жалела. Бюлов пожадничал: ему показалось, что лучше заполучить Марокко целиком, чем делиться с французами. Поэтому он решил отказаться от предлагаемого Германии «отступного». И Рувье получил в ответ, что Германия попрежнему считает Марокко независимой державой. А независимую державу разве возможно делить? Официально же канцлер Бюлов требовал, чтобы была созвана общеевропейская конференция: она пусть вынесет постановление, подтверждающее как независимость марокканского государства, так и полное равноправие граждан всех национальностей в экономических сношениях с Марокко. Немцы надеялись, что под флагом охраны Марокко от французов они приберут султана к рукам, а так как экономически Германия сильнее Франции, то по крайней мере в экономическом отношении Марокко полностью и перейдёт в их фактическое обладание. Получив сведения об отказе Германии от полюбовного дележа, Рувье согласился на конференцию.

Как известно, вследствие целого ряда благоприятных для Франции обстоятельств, когда 16 января 1906 г. в испанском городке Алхесирасе собралась эта конференция, большинство её голосов поддержало не немцев, а французов. Таким образом, французскому представителю удалось провести ряд пунктов, дававших французской дипломатии очень удобные лазейки для дальнейшего успешного «мирного проникновения» в Марокко. Конференция окончилась для Германии полным провалом. Когда впоследствии, в 1908 г., Вильгельм II узнал (это было от него *скрыто* Бюловым!), что Рувье предлагал Германии ещё летом 1905 г. полюбовную сделку, а германская дипломатия её отвергла, император потребовал, чтобы ему представили документ, и написал на полях: «Если бы я знал это, я бы моментально согласился, и всё это глупое дело с Алхесирасской конференцией никогда бы не случилось».

Но ошибка была сделана. Как же можно было её поправить? Прежде всего Бюлов, обозлённый за неудачу на своего советника Фритца фон Гольштейна, удалил его в отставку, искусно подготовив Вильгельма II к этому шагу. До тех пор, как говорили в Берлине, не канцлеры прогоняли «Фритца», но «Фритц» прогонял канцлеров. Однако этого было, конечно, недостаточно, чтобы поправить дело.

И вот уже в том же 1906 г., а затем в 1907 и 1908 гг. из Берлина началось, тоже засекреченным и окольным путём, настойчивое зондирование почвы в Париже, нельзя ли было бы

хоть теперь получить то отступное, которое некогда предлагал Рувье. Но времена изменились. Японская война окончилась, руки у России освободились, она явно стала сближаться с Антантой, в которую и вступила в августе 1907 г. Поэтому французские дипломаты делали вид, что не замечают пускаемых из Берлина пробных шаров. Когда же приходилось через третьих лиц давать ответ на предложения о разделе Марокко, то французы не без ехидства отвечали точь в точь как в своё время им отвечали немцы: Марокко — независимая страна, как же можно посягать на её независимость? Так Германии и не удалось ничего получить в Марокко. Когда же в 1911 г. она прибегла к агадирской демонстрации, то даже и таким сложным и опасным способом ей удалось добиться «отступного» лишь в далёкой центральноафриканской глуши. Зато вполне точно, формально, безусловно германская дипломатия согласилась на присоединение Марокканской империи к французским владениям под титулом «протектората». Тогда и Франция окончательно перестала заявлять, что, захватывая Марокко, она великодушно защищает независимость этой страны.

Следует, однако, внимательнее рассмотреть этот заключительный этап франко-германской борьбы из-за Марокко. Он представляет особый интерес как характернейшая иллюстрация специфических приёмов дипломатии империализма.

К 1908 г. выяснилось, что все попытки Германии получить от Франции по крайней мере хотя бы «отступное» не приводят к цели.

Вильгельм и канцлер Бюлов не могли и не хотели на этом успокоиться. Они видели, как французы, пользуясь всяким поводом якобы для защиты интересов французских граждан, всё дальше и бесцеремоннее внедряются в Марокко. Германская империалистическая пресса не переставала насмешками и укоризнами преследовать имперскую дипломатию за то, что она позволяет французам издеваться над Германией и, несмотря на Алхесирасский акт, захватывать постепенно всё Марокко. Эти нападки приобрели особенно ожесточённый характер после того, как французские войска высадились в одном из лучших марокканских портов, в Касабланке. Именно там внезапно и вспыхнул конфликт, по поводу которого европейская пресса снова кричала о надвигающейся опасности «общего пожара», т. е. мировой войны.

Самый предлог для конфликта был незначителен. Несомненно, если бы в Германии не накопилось столько раздражения по поводу марокканских дел, конечно, ни Вильгельм, ни его канцлер не подумали бы сразу же взять боевой тон. В сентябре 1908 г. германский консул в Касабланке припрятал у себя на несколько дней дезертиров германского происхождения, бежавших из расположенного в Северной Африке франц-

ского «иностранного легиона». Когда дезертиры в сопровождении одного из консульских чиновников пробирались на пароход, на них напала французская полиция и арестовала всю группу; чиновника же избили — по показаниям французов, слегка, а по его собственному утверждению, весьма чувствительно. Началась острая дипломатическая переписка; в германском министерстве громко заговорили о вопиющем нарушении неприкосновенности чинов консульства; кстати вспомнили и о том, почему вообще французы хозяйничают в Касабланке, кто дал им право нарушать Алхесирасский договор и т. д.

Германский посол в Париже Радолин несколько раз подряд побывал у первого министра Клемансо, но конфликт никак не улаживался. Клемансо предлагал передать всё дело на рассмотрение Гаагского международного трибунала: если трибунал решит в пользу Германии, то Франция принесёт извинение. Но канцлеру Бюлову хотелось и в Марокко и в вопросе о Боснии и Герцеговине прежде всего испытать, крепка ли Антанта. Поддержат ли Россия и Англия Францию, если ей пригрозить войной? Поэтому Бюлов требовал, чтобы Франция извинилась немедленно, ещё до гаагского разбирательства. Дело не сдвигалось с мёртвой точки. Бюлов рассчитывал на то, что не захотят же Россия и Англия воевать из-за совсем для них постороннего вопроса. Но и Клемансо соображал, что германское правительство едва ли начнёт страшное побоище из-за ареста каких-то дезертиров и обиды консульского чиновника в Касабланке. Наконец, тон германской прессы, явно под влиянием канцлера, стал решительно угрожающим. Тогда посол Радолин явился рано утром к Клемансо за окончательным ответом. Между ними произошёл диалог, который впоследствии изображался во французской и английской печати, быть может, в несколько стилизованном виде. Во всяком случае ни Клемансо, ни Радолин с опровержением не выступили. После новых бесплодных настояний на немедленном извинении Радолин встал и заявил, что ему велено в случае окончательного отказа со стороны Клемансо вечером этого же дня покинуть Париж. «Но, monsieur, ведь вы ещё поспеете в полдень на гораздо лучший курьерский поезд!» — воскликнул Клемансо, вынимая часы и показывая их посетителю. Так или иначе, Радолин не уехал ни с курьерским, в полдень, ни с пассажирским, вечером; войны тоже не произошло; Германия согласилась передать дело в Гаагский трибунал. Позднейшее решение трибунала было «вничью», с обоюдными объяснениями и извинениями.

Итак, на этот раз приём угрозы не привёл к цели. Но этим дело кончиться не могло. Не прошло и трёх лет, как угроза снова была пущена в ход и снова по поводу Марокко. На этот раз дипломатическое выступление Германии было обставлено серьёзнее.

За этот промежуток времени переменились все действующие лица: канцлером был уже не Бюлов, а Бетман-Гольвег, французским премьером — не Клемансо, а Жозеф Кайо, германским послом в Париже — не Радолин, а фон Шён. Но главным действующим лицом в достопамятном конфликте 1911 г. явился германский статс-секретарь иностранных дел Кидерлен-Вехтер.

Это был очень способный и деятельный человек, головой выше канцлера Бетман-Гольвега, который всегда оставался лишь исполнительным чиновником. Кидерлен-Вехтер, как потом оказалось из изданной после его смерти переписки, ни в грош не ставил своих начальников — сначала Бюлова, потом Бетман-Гольвега; столь же дёшево расценивал он и самого императора. Характера он был неуживчивого, и его долго затирали по службе. Только с июня 1910 г. он добился, наконец, назначения на пост статс-секретаря иностранных дел. При сколько-нибудь активном канцлере этот пост не имел особого значения: всей внешней политикой империи руководил канцлер. Но при таком канцлере, как Бетман-Гольвег, такой статс-секретарь, как Кидерлен-Вехтер, неминуемо должен был играть первую роль. О Бетман-Гольвеге его недруги говорили, что он считает себя специалистом по внутренней политике только потому, что ничего не понимает в политике внешней. В частности канцлер хорошо сознавал всю запутанность положения Германии в марокканском вопросе, но, даже понатужившись, он не мог изобрести никакого выхода: разрешить эту задачу он предоставил новому статс-секретарю. Кидерлен-Вехтер видел, что французы совсем уже перестали стесняться в Марокко и что захват всего, ещё остающегося там незатронутым, идёт быстрыми шагами. У германского статс-секретаря давно созрело убеждение, что нужно во что бы то ни стало договориться с французами. Другими словами, надобно сказать им прямо, что можно и прекратить комедию с «защитой независимого султана от мятежников» (под этим предлогом французы, возя с собой султана с места на место, захватывали одну часть страны за другой). Следует просто провозгласить французский протекторат над Марокко. Германия на это согласна, но она настойчиво требует отступного, т. е. какой-нибудь частицы земли, по возможности в самом Марокко. Кидерлен несколько раз заговаривал на эти темы с французским послом в Германии Жюлем Камбоном; тот даже в Париж ездил по этому поводу, но ничего утешительного оттуда для Германии не привёз. Во французском кабинете снова сидел — правда, в качестве морского министра — тот же непримиримый Делькассе, который начал захват Марокко и, как сказано, ушёл в отставку в 1905 г., не желая уступать Германии. Теперь, в 1911 г., он был настроен попрежнему и очень влиял в том же духе на весь кабинет.

Тогда Кидерлен-Вехтер предложил Бетман-Гольвегу пустить в ход угрозу вооружённого вмешательства в марокканские дела. Придравшись к систематически выдвигаемому французами аргументу, будто они принуждены оккупировать города и сёла Марокко для защиты жизни французских граждан, предлагалось заявить, что и немецким гражданам в Марокко тоже грозит опасность, и потому германское правительство со своей стороны вынуждено послать в Марокко вооружённую силу. При этом должно ещё внушить французам, что Алхесирасский договор фактически ими уничтожен и что Германия, пожалуй, может согласиться признать новое, созданное французскими действиями положение, но желает получить компенсацию. Французы на войну из-за Марокко не пойдут, и дело окончится чистым выигрышем для Германии. Когда впоследствии Кидерлен-Вехтера спрашивали, почему же он так твёрдо рассчитывал, что Франция испугается, статс-секретарь не мог ничего привести в своё оправдание; он лишь невнятно ссылался на то, что какой-то знакомый банкир написал ему из Парижа в очень обнадёживающем духе. Во всяком случае осторожный фон Шён — предшественник Кидерлен-Вехтера на посту статс-секретаря и с июня 1910 г. бывший германским послом в Париже — нисколько не был повинен в случившемся. Кидерлен-Вехтер его даже и не запросил ни о чём, настолько он был уверен в успехе. Бетман-Гольвег согласился с планом Кидерлена. Но Вильгельм II некоторое время не решался. Он носился с мыслью, что французы и без такой угрозы пойдут на компромисс и дадут Германии компенсацию, — например согласятся отдать Конго в обмен на менее богатое и менее обширное Немецкое Того.

Но вот 21 мая французские войска заняли уже и столицу Марокко, город Фец. Вскоре после этого, 19 июня, Кидерлен обратился к французскому послу Жюлю Камбону с «конфиденциальным сообщением». Сообщение заключалось в том, что немцы желают получить компенсацию в Конго. После этого Камбон, лично вполне сочувствовавший этому плану, снова пытался испросить согласие кабинета на дальнейшие переговоры. Но ничего определённого из Парижа он не получил. Тогда, наконец, сопротивление императора было сломлено решительным статс-секретарём. Зная хорошо Вильгельма, Кидерлен-Вехтер пустил в ход аргумент из области внутренней политики: как эффектно будет произвести такой внушительный, угрожающий жест накануне выборов в Рейхстаг! И вот решение было принято...

1 июля 1911 г. совершенно неожиданно в бухте Агадир, на западном (Атлантическом) берегу Марокко, появилась и стала на якоре германская канонерская лодка «Пантера». Когда это известие облетело Европу, оно вызвало величайшее волнение

в дипломатических кругах. Европейский политический горизонт сразу покрылся тучами. Что́ могло означать это появление немецкого военного корабля? Нота германского министерства, объяснявшая это мероприятие опасностями, якобы угрожающими немецким гражданам в Марокко, была явно рассчитана на дурачков. Во-первых, ни малейшая опасность никому ни в Агадире, ни поблизости от него не угрожала; во-вторых, если бы и имелась опасность, что́ могла сделать одна канонерская лодка, которая стала на рейде и даже десанта не высадила на берег? Французское правительство молчало. Прошла неделя, началась другая. Камбон виделся с Кидерленом, но о компенсациях не заговаривал. Вильгельм, которому обещано было, что французы немедленно испугаются, был недоволен действиями слишком уж ретивого статс-секретаря. «Какого же чорта теперь нам делать? — писал император на полях доклада канцлера от 10 июля. — Это просто фарс — переговоры и переговоры, и дальше ни с места. А пока мы теряем наше драгоценное время, англичане и русские подкрепляют французов и диктуют им, что́ именно они могут соблаговолить нам дать. Такого рода дипломатия выше моего разумения!»

Слабость позиции Кидерлен-Вехтера заключалась в том, в чём всегда таится опасность для всякого, кто пытается применить политику запугивания без серьёзного намерения осуществить свои угрозы. Хорошо, если противник испугается. Но что делать, если он пренебрежёт угрозами? Между тем волнение в Европе возрастало: германские и французские ценности на мировых биржах летели вниз с головокружительной быстротой. Вильгельм II уехал в свою обычную морскую прогулку в северные воды, категорически воспретив продолжать угрожающие жесты в Агадире и где бы то ни было. Кидерлен-Вехтер решил сам начать конфиденциальный разговор с Камбоном. Не согласится ли Франция за Марокко отдать Германии своё Конго? Камбон, переговорив с Парижем, ответил: нет, не согласится. Кидерлен-Вехтер положительно терял голову, не зная, что предпринять. Вдруг грянул гром с совсем неожиданной стороны.

В Лондоне с первого же момента появления «Пантеры» в Агадире истолковали этот жест как прямую угрозу немцев начать войну с Францией, если французы не отдадут им части Марокко с самим Агадиром. Кабинет Асквита решил противиться этому всеми мерами. Во-первых, англичане вовсе не желали, чтобы немцы обосновались на западном берегу Марокко, на морских путях, связывающих Англию с её африканскими владениями. Во-вторых, сэр Эдуард Грей, английский министр иностранных дел, прекрасно понимал, что одной из целей германского угрожающего жеста является желание доказать французам, что Англия бессильна поддержать их в столь

решающий момент, а поэтому и вся Антанта — бесполезный для французов «дипломатический инструмент». Британское правительство неофициально запросило Меттерниха, германского посла в Лондоне, что́ означает посылка «Пантеры» в Агадир. Но Меттерних и сам толком ничего не знал, поэтому он отделался какими-то пустейшими фразами. Тогда кабинет Асквита решил больше не медлить. Предостеречь Германию мог ещё предатель и купленный шпион Зиберт, старший советник русского посольства в Лондоне. За служебное усердие он награждался русскими орденами и чинами, но одновременно состоял на шпионской службе у германского правительства. Обязанности Зиберта сводились к тому, чтобы не только передавать в Германию из русского посольства копии *всех* входящих и исходящих бумаг, но и подслушивать все разговоры, записывать их и доставлять эти записи в Берлин своим хозяевам. 19 июля Зиберт имел разговор с английским послом в Петербурге Никольсоном. Тот сказал ему, что если Германия в самом деле захватит Агадир, то дело примет очень серьёзный оборот, ибо Англия сочтёт, что её жизненно важные интересы находятся под угрозой. Зиберт аккуратно записал эти слова тотчас после разговора 19 июля, но его информация уже не успела во-время дойти до германского правительства.

21 июля 1911 г. состоялся торжественный банкет у лондонского лорд-мэра в его дворце Меншен-Хаузе. В качестве почётного гостя, представителя правительства, там присутствовал канцлер казначейства Ллойд Джордж. За столом он произнёс свою знаменитую речь, прогремевшую по всей Европе как сигнал тревоги. Не называя Германии, не упоминая имени «Агадир», Ллойд Джордж заявил, что если в вопросе, затрагивающем интересы Англии, кто-нибудь думает действовать так, как если бы Англия не существовала, то такой человек жестоко ошибается. Мир — драгоценная вещь, но есть нечто ещё дороже — это честь и достоинство страны. Таким образом, Ллойд Джордж предупреждал Берлин, что если Германия нападёт на Францию из-за Марокко, англичане немедленно объявят немцам войну. Впечатление от этой речи было потрясающим, и больше всего, конечно, в Германии. В некоторых городах Западной Германии, например в Кёльне, в банках и сберегательных кассах образовались большие очереди вкладчиков, торопившихся на всякий случай получить обратно свои вклады. Переполох на берлинской и парижской биржах поднялся неописуемый. В германской социал-демократической прессе, даже в тех её органах, которые отнюдь не склонны были бороться против империалистической политики, сказывались растерянность и недовольство. Вести на убой миллионы людей из-за какого-то Агадира представлялось слишком чудовищным. Появился плакат, изображавший чорта с рогами и хвостом, куда-то бегущего с картой Марокко

подмышкой; под плакатом было подписано: «Пусть заберёт он Марокко!».

При подобном настроении общества не могло быть и речи о том, чтобы довести дело до войны против Антанты. Приходилось бить отбой. Два дня Кидерлен молчал. Но страшное волнение охватывало Германию с каждым часом всё более и более; необходимо было с этим покончить. Вечером 23 июля, а затем 24 июля статс-секретарь телеграфировал Меттерниху в Лондон, чтобы тот спросил у Грея, зачем было Ллойд Джорджу прибегать к угрозам. Не лучше ли было бы раньше объясниться с германским правительством? Вместе с тем Меттерниху поручалось заверить, что Германия вовсе не намерена претендовать ни на Марокко, ни на часть его, ни даже на какой-либо пункт в Марокко. Грей ответил, что если так, то он удовлетворён, и ничуть не мешает Германии сговориться с Францией о каких-либо других компенсациях.

Кризис миновал. Франко-германские переговоры, начавшиеся в августе, завершились договором 4 ноября 1911 г. В отмену Алхесирасского трактата Франция получила протекторат над Марокканской империей; Германии была отдана одна из центральноафриканских французских земель. Германские империалисты были возмущены. Они утверждали, что уступленная французами земля ничего не стоит и что единственным предметом вывоза оттуда является сонная болезнь. Но предпринять что-либо было уже невозможно.

Агадирская авантюра окончилась провалом. Немецкое застращивание не достигло цели.

Специфические черты последовательно проводимой фашистской дипломатией политики лжи и шантажа

После всего, сказанного выше, нет нужды доказывать, что метод применения комбинированных приёмов маскировки и угроз шире всего был использован в последние годы фашистской дипломатией в борьбе против Англии, Франции, Советского Союза. Маскировка стремлением «спасти Европу» от большевиков сочеталась с угрозой «войны на Западе, если помешают вести войну на Востоке».

Ремилитаризация Рейнской области, внезапная односторонняя отмена важнейших пунктов Версальского договора, авантюра с посылкой войск и самолётов в Испанию на помощь Франко — всё это проводилось неизменно с помощью угрозы войной, хотя в 1935—1936 гг. Гитлер вовсе ещё не был готов воевать по-настоящему.

Когда же наступил роковой 1938 год и на растерзание гитлеровцам была брошена Чехословакия, то успех угрозы войной оказался настолько полным, что с этой поры все дипломатические маскировки были отброшены фашистской Германией за явной их ненадобностью.

Чрезвычайно ярким примером самого откровенного запугивания противника является поведение Гитлера, Геринга, Риббентропа в сентябре 1938 г., когда ставился вопрос об отторжении от Чехословакии Судетской области. Эта большая и богатая территория с населением в 2 750 тысяч человек и с громадной системой укреплений — так называемой чешской линией Мажино — прикрывала Чехословакию от вторжения с севера. Уже из двух первых поспешных полётов английского премьера Чемберлена на поклон к Гитлеру — 15—16 сентября в Берхтесгаден и 22 сентября в Годесберг — гитлеровская клика убедилась, что англичане и французы на защиту Чехословакии не выступят и что затеваемый немцами территориальный грабёж пройдёт поэтому без помех. Во время своей первой поездки (15—16 сентября) Чемберлен после слабых попыток отстоять Чехословакию согласился с требованием Гитлера, чтобы население Судетской области, якобы тяготеющее к немцам, было *без плебисцита* присоединено к Германии; после этого, когда в область будут введены германские войска, можно устроить и плебисцит. Чемберлен согласился и вылетел в Лондон, обещав, что он постарается убедить также и своих коллег по кабинету и французское правительство. Видя, как их боятся, гитлеровские дипломаты решили, что можно продолжать. Начинается поистине бешеная кампания фашистской прессы. Подготовив свой визит таким путём, «фельдмаршал» Геринг является к английскому послу Гендерсону со следующей декларацией: «Если же Англия начнёт войну против Германии, то трудно представить исход войны. Одно только ясно, что до конца войны не много чехов останется в живых и мало что уцелеет от Лондона». Затем Геринг привёл Гендерсону «аккуратнейшие детали» о числе зенитных орудий в Англии и об общей неподготовленности Англии к войне. Он также упомянул, пишет Гендерсон — и это, несомненно, было верно в тот момент, — что «германские воздушные силы численно превосходят соединённые воздушные силы Британии, Франции, Бельгии, Чехословакии». Гендерсон был близок к панике, а его принципал Чемберлен поспешил снова сесть в самолёт и полетел к Гитлеру. На сей раз свидание произошло в Годесберге-на-Рейне 22 сентября.

Чемберлен с радостным лицом сообщил Гитлеру, что всё улажено, все согласны, всё, чего фюрер требовал, сделано. Но, увы! Гитлер чуть-чуть помолчал и заявил: «Очень сожалею, но теперь это нас не устраивает».

По показанию Гендерсона, Чемберлен обнаружил при этом «удивление и негодование». Повидимому, покойный английский премьер не был ещё подготовлен к столь откровенному проявлению бессовестности и издевательства со стороны своего партнёра. Но Гитлер уже твёрдо знал, что ему нечего бояться. На вопрос, чего же он хочет, фюрер отвечал: ему желательно, чтобы

его друзья венгры и поляки тоже получили частицу чешской территории. Кроме того, он настаивал на *немедленном* введении германских войск в спорную область.

Чемберлен, очень раздражённый и встревоженный, улетел обратно в Лондон. Там он демонстративно распорядился о приведении в боевую готовность флота; французское правительство, ещё меньше желавшее воевать, чем английский премьер, призвало полмиллиона резервистов. Всё это никакого впечатления в Германии не произвело. Тогда 26 сентября Чемберлен написал Гитлеру убедительнейшее и ласковое письмо, доказывая, как нехорошо воевать, когда ему ведь и без войны всё дают. Сэр Горас Вильсон, специально посланный от Чемберлена с этим письмом, прибыл к Гитлеру. Но тут возникла новая помеха: «лишь с трудом можно было уговорить г. Гитлера выслушать письмо Чемберлена» [1]. Дело в том, что сэр Горас Вильсон и сопровождавшие его Гендерсон и переводчик британского посольства Киркпатрик видели, что Гитлер, чего доброго, не пожелает сам прочесть письмо. Тогда они упросили Гитлера хоть послушать чтение вслух. Но в середине чтения фюрер вдруг воскликнул: «Нет никакого смысла вести дальнейшие переговоры», и вышел из комнаты. Всех этих неслыханных по наглости выходок показалось мало. На другой день после церемонии чтения письма сэр Горас Вильсон, посланец Чемберлена, снова явился к Гитлеру. Тут уже фюрер распоясался окончательно. Он стал дико вопить и несколько раз провизжал: «Я разгромлю чехов!». Переводчик Шмидт перевёл эту немецкую фразу (Ich werde die Tschechen zerschlagen!) английской фразой, и глагол smash (раздавить, разгромить) произнёс тоже с особым ударением: «smash-sh-sh!» Кстати, не один Гендерсон, но и многие другие дипломаты уловили эту странную манеру: гитлеровские переводчики не говорили ровным голосом, а принимались как-то неестественно визжать, рычать и голосить всякий раз, когда доходили в своём переводе до тех мест, где только что на немецком языке визжал и голосил сам фюрер. Очевидно, это велено было проделывать для пущего впечатления. Гитлер заявил, что если Англии и Франции угодно воевать, то он, Гитлер, готов. «Сегодня вторник, в будущий понедельник мы будем в войне с вами». С тем сэр Горас Вильсон и вернулся в Лондон. Конец известен. Пришлось Чемберлену в третий раз (29 сентября) лететь в Германию, в Мюнхен. На сей раз в визите приняли участие и Даладье и Муссолини. 30 сентября 1938 г., на заседании «четырёх премьеров», Чехословакия была расчленена. Гитлер захватил гораздо больше, чем первоначально предполагал. Его оробевшие контрагенты — как английский, так и французский — ограничились смехотворной фразой, что, мол, отныне Гитлер

---

[1] *N. Henderson*, Failure of a Mission, p. 159.

будет уважать целостность Чехословакии. Не прошло, как известно, и полугода, как Чехословакия была полностью занята гитлеровскими войсками без боя.

Метод запугивания привёл в данном случае к полному успеху. Зная твёрдо, что Чемберлен и Даладье не посмеют пойти на военное соглашение с СССР, гитлеровская клика могла разговаривать с обоими премьерами так, как хотела. И всё же, если бы контрагенты Гитлера не так уж откровенно и беспомощно выражали свою растерянность, быть может, он и пошёл бы на некоторые уступки. «Дело идёт на лад. Только держитесь твёрдо!» — шепнул на ухо Гендерсону один его немецкий знакомый из окружения Гитлера, очевидно, тогда ещё боявшийся войны. Но до смены британского правительства «твёрдо» разговаривать с Гитлером среди английских дипломатов не было принято. Много воды и крови утекло, пока, наконец, грубый дипломатический шантаж перестал удаваться гитлеровской клике, которой он так долго и безотказно служил.

Гитлеровская пресса с величайшим самодовольством отмечала, что Даладье, вернувшегося в конце сентября 1938 г. из Мюнхена, встречают во Франции овациями, восторгаясь тем, что он избавил свою страну от страшной опасности. Действительно, дело дошло до таких неумеренных восторгов, что в честь Даладье решено было *выбить медаль!* И это делалось после постыдной, трусливой и вероломной выдачи Гитлеру несчастной Чехословакии, понадеявшейся на франко-чехословацкий пакт.

Мудрено ли, что фашистские угрозы приобрели в 1938—1939 гг. совсем уж откровенный и наглый характер? Действовала «ось» фашистских держав. Муссолини определённо заявлял: «За свою безопасность Франция должна нам *платить!*». Плата требовалась немалая: Корсика, Ницца, Савойя, Тунис. В ответ со стороны Даладье следовали то как будто твёрдые заявления о неприкосновенности французских владений, то усиленные напоминания, что «двум латинским сёстрам» ссориться не подобает. А пресса Лаваля услужливо добавляла, что в конце концов насчёт Туниса можно бы и сговориться...

Метод угрозы восторжествовал в фашистской дипломатической практике окончательно, и торжество его было безраздельным. Только ещё один раз понадобился фашизму приём маскировки.

Миролюбивые авансы и декларации, и договоры с СССР в 1939 г. оказались не более как дымовой завесой для подготовки разбойничьего удара 22 июня 1941 г. Угрозы «довершить разрушение Лондона» комбинировались с таинственной командировкой Рудольфа Гесса под видом бегства на «Мессершмитте» и с многократными «доверительными» предложениями английскому правительству «локализовать войну на Востоке, прекратив зато войну на Западе».

Представленный здесь обзор наиболее характерных приёмов дипломатии капиталистического мира, конечно, неполон. Однако даже и этот сжатый анализ даёт возможность сделать один вывод, который напрашивается сам собой. Оказывается, что фашистская дипломатия, следуя по стопам своих предшественников, внесла и нечто новое. Новая черта заключалась в необычайной грубости, вызывающей наглости, в неприкрытом применении средств прямого насилия. При этом характерно, что в относительно короткой дипломатической истории фашизма можно явственно различить два периода — до 1938 г. и после 1938 г. В первый период к маскировкам, к «диссимуляции» своих захватнических целей, к «симуляции» якобы возвышенных своих стремлений фашисты прибегают гораздо чаще и охотнее, чем во второй период. Объясняется это тем, что после 1938 г. фашизм в Германии, равно как и в Италии с Японией, уже не считал для себя чего-либо невозможным и полагал излишним стесняться, церемониться и притворяться. Зачем, например, ломать себе голову, выдумывая несуществующие претензии к Советскому Союзу, когда можно просто ворваться в его пределы, не объявляя войны, и в первый же день особым приказом провозгласить всю собственность Советского Союза достоянием Германии?

Лживейший из врагов Советского Союза, начавший 22 июня 1941 г. разбойничье его опустошение, в пору зимних своих поражений 1941—1942 гг., почувствовав необходимость хотя бы задним числом выдумать «причину» войны, не нашёл ничего умнее, как сообщить германскому народу, что Советский Союз «замышлял» завоевать Германию. При всей привычке к самой бесстыдной лжи даже Геббельс ограничился в данном случае лишь перепечаткой речи слишком уже заврашегося фюрера и воздержался от всяких комментариев. А уж он ли не отвык конфузиться!

* * *

Наш очерк, как свидетельствует его наименование, посвящён характеристике приёмов буржуазной дипломатии.

Лениным и Сталиным создана другая, советская дипломатия. Заложив её основы, определив цели её деятельности в капиталистическом окружении, наметив пути, ведущие к разрешению её мирных, освободительных и прогрессивных задач, Ленин и Сталин открыли новую эру в истории международных отношений.

Советская дипломатия в совершенстве владеет всей техникой своего дела. Она с величайшим достоинством представляет интересы своего государства в сношениях с иностранными державами; с непререкаемым авторитетом и безупречным знанием дела ведёт она с ними переговоры и заключает нужные ей соглашения. При этом советская дипломатия умеет сохранять непо-

колебимое самообладание в наиболее острые моменты и строго блюсти государственную тайну. Но коренная особенность её заключается в другом. Советская дипломатия построена на совершенно новых принципиальных основаниях. Это — дипломатия единственного в мире социалистического государства. Она ставит своей задачей обеспечить мир народам Советской страны и создать внешнеполитические условия, необходимые для их созидательной работы. Такая задача совпадает с интересами всего передового человечества. В силу этого советская дипломатия является важнейшим фактором международной борьбы против агрессоров, поджигателей войны и их пособников — борьбы за мир, свободу, прогресс и подлинную демократию. Высокое призвание советской дипломатии облегчается тем, что она владеет оружием, каким не располагает никто из её соперников и контрагентов. Советская дипломатия вооружена научной теорией марксизма-ленинизма. Это учение устанавливает незыблемые законы общественного развития. Вскрывая эти закономерности, оно даёт возможность не только правильно понимать происходящие явления международной жизни, но и предвидеть дальнейшее направление их развития; более того, оно позволяет оказывать на ход событий желаемое воздействие. Таковы величайшие преимущества советской дипломатии. Они создают ей особое положение в международной жизни и объясняют достигаемые ею исключительные успехи.

Ленинско-сталинская дипломатия сумела отстоять свободу и независимость Советского государства в капиталистическом окружении; она мощно укрепила его международный авторитет; она обеспечила народам Советской страны возможность беспрепятственно развивать свою хозяйственную и оборонную мощь в течение двух десятилетий. Поэтому нападение германского фашизма и не застигло Советский Союз врасплох. Красная Армия под водительством Сталина победоносно отразила напор гитлеровских полчищ и нанесла фашистской Германии сокрушительное и полное поражение.

Могучий образ Сталина-стратега неразрывно сочетается с исторической ролью Сталина-дипломата. В годы тягчайших испытаний Великой Отечественной войны гениальная дипломатия Сталина сумела сплотить вокруг Советского Союза свободолюбивые народы. Она создала боевой фронт величайших демократических держав. Она подняла международный авторитет Советской страны на невиданную высоту. Она обеспечила нашей родине почётнейшее место среди государств, сотрудничающих в интересах общей безопасности и мира. Ныне сталинская дипломатия открывает перед Советским Союзом необозримые горизонты и самые величественные перспективы.

ОРГАНИЗАЦИОННЫЕ ФОРМЫ, МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ТЕХНИКА СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

Задачей настоящей главы является краткое ознакомление читателя со структурой государственного аппарата внешних сношений, с международными нормами, правилами и обычаями, которыми руководится дипломатическая деятельность, и, наконец, с теми техническими приёмами и методами, которыми пользуется дипломатия в своей работе.

1. ОРГАНЫ ВНЕШНИХ СНОШЕНИЙ

Внешние сношения издревле являлись одной из важнейших государственных функций, осуществление которых составляло неотъемлемую прерогативу верховных органов государства.

Роль главы государства во внешних сношениях

В современном государстве, в соответствии с общепризнанной доктриной международного права, высшее международное представительство принадлежит главе государства, будь то физическое лицо (монарх, президент республики) или же коллектив (Президиум Верховного Совета СССР, Швейцарский федеральный совет). Это представительство осуществляется в рамках, определённых основными законами каждого государства. Обычно основные законы возлагают на главу государства объявление войны и заключение мира, назначение и приём дипломатических представителей, выдачу полномочий на заключение наиболее важных международных договоров и соглашений, ратификацию и денонсацию международных договоров.

В Союзе ССР Конституция следующим образом определяет компетенцию органов государственной власти и в частности главы государства в области внешних сношений:

Статья 14. «Ведению Союза Советских Социалистических Республик в лице его высших органов власти и органов государственного управления подлежат:

а) представительство Союза в международных сношениях, заключение и ратификация договоров с другими государствами;

б) вопросы войны и мира».

Статья 49. «Президиум Верховного Совета Союза ССР:

к) в период между сессиями Верховного Совета СССР объявляет состояние войны в случае военного нападения на СССР или в случае необходимости выполнения международных договорных обязательств по взаимной обороне от агрессии;

м) ратифицирует международные договоры;

н) назначает и отзывает полномочных представителей Союза ССР в иностранных государствах;

о) принимает верительные и отзывные грамоты аккредитованных при нём дипломатических представителей иностранных государств».

Законом от 1 февраля 1944 г. в Конституцию СССР внесены дополнения, в силу которых прерогативы сношения с иностранными государствами получили и союзные республики.

Конституционные ограничения прав главы государства во внешних сношениях

В ряде конституционных стран капиталистического мира, где законами установлена безответственность главы государства, участие этого лица во внешней политике и его роль в международных сношениях носят главным образом представительский характер. Так, например, объявление войны и заключение мира обыкновенно сводятся для главы конституционного государства к автоматическому утверждению и прокламированию от своего имени уже принятого правительством или Парламентом решения. То же самое относится к назначению и отзыву дипломатических представителей, а также к ратификации и денонсации международных договоров, ибо глава государства лишь оформляет своей подписью или декретом решение правительства. Приём иностранных дипломатических представителей ограничивается более или менее пышной церемонией, во время которой они вручают главе государства свои верительные грамоты. На их речи, если таковые имеют место, глава государства отвечает речью, текст которой заранее заготовлен или одобрен правительством. В ряде государств официальные и даже полуофициальные аудиенции иностранных дипломатических представителей у главы государства происходят обязательно в присутствии главы правительства или министра иностранных дел; таким образом, они несут ответственность за всё сказанное «безответственным» главой государства. Все внешнеполитические выступления, речи и интервью главы государства также подлежат предварительному одобрению правительства. Истории известны случаи, когда глава правительства публично дезавуировал главу государства по поводу несогласованного с ним выступления. Так было с германским канцлером фон Бюловым. Он подал в отставку после интервью Вильгельма II, данного английской газете «Daily Telegraph» 28 октября 1908 г. После того как эта отставка не была принята, канцлер не побоялся сказать в Рейхс-

таге, что кайзер сам сожалел о впечатлении, произведённом интервью, и понял его серьёзность. При этом Бюлов добавил: «Это твёрдое убеждение, составившееся у императора в эти тягостные дни, заставит монарха впредь соблюдать в своих частных беседах ту сдержанность, которая необходима столько же для последовательной политики, сколько и для авторитета императорской власти. Если бы это было иначе, ни я и никто из моих преемников не мог бы вынести тяжести подобной ответственности». Понятно, что в странах абсолютной монархии или в тех государствах, где глава государства является одновременно и главой правительства (США), обычно имеет место иное положение.

И всё же даже в тех конституционных странах Европы, где правительство или традиция поддерживают строгий принцип безответственности главы государства (Англия, Франция и т. д.), этот последний имеет значительное влияние на руководство внешней политикой. Прежде всего наиболее важные заседания правительства, где решаются серьёзнейшие внешнеполитические вопросы, происходят под его председательством. Далее, правительство ставит главу государства в курс всех важнейших вопросов внешней политики либо путём систематических докладов, либо препровождая ему наиболее важные донесения дипломатических представителей, свои указания последним, а также главные ноты иностранных представителей и свои донесения о их демаршах. Хотя конституция и лишает главу государства права навязывать своё решение правительству, всё же его авторитет, а в некоторых случаях и прямое давление угрозой отречения (монарх) или ухода в отставку (президент) и открытия, таким образом, опасного государственного кризиса, заставляют правительство считаться с его мнением.

Особые прерогативы главы государства

Учитывая роль главы государства в международном представительстве, международное право единодушно признаёт за ним ряд важнейших прерогатив в области внешних сношений. Так, например, в случае выезда за границу глава государства помимо права на все присущие его рангу почести пользуется в полном объёме правами экстерриториальности и дипломатического иммунитета, правом на специальную охрану и защиту его жизни, чести, достоинства и т. д.

Роль правительства во внешних сношениях страны

В странах конституционных общее руководство внешними сношениями принадлежит исполнительной власти в лице правительства. Оно намечает основные линии внешней политики, даёт необходимые директивы главе ведомства иностранных дел, следит за осуществлением этих директив, принимает все важнейшие решения в области внешних сношений.

Обычно глава ведомства иностранных дел вносит все важные вопросы внешней политики на обсуждение Совета или Кабинета министров; в иных случаях в соответствии с существующей практикой он согласовывает их с главой правительства. Правительство же принимает решения как о заключении международных договоров, подписываемых от имени главы государства и ратифицируемых затем Парламентом и главой государства, так и их денонсации. Договоры, не требующие ратификации, заключаются непосредственно от имени правительства и с его одобрения.

Иногда главы правительств ведут непосредственно дипломатические переговоры. На Версальской и Генуэзской конференциях главными участниками были главы правительств. То же было и на Мюнхенской конференции 1938 г. На конференции руководителей трёх союзных держав в Тегеране, в 1943 г., принимали участие: глава правительства СССР товарищ Сталин, глава правительства Великобритании г. Черчилль и глава государства США г. Рузвельт.

В Союзе ССР, согласно пункту «г» статьи 68 Конституции, Совнарком СССР «осуществляет общее руководство в области сношений с иностранными государствами».

Роль Парламента

В конституционных странах наиболее важные международные договоры после их подписания вносятся на утверждение Парламента. В некоторых государствах законодательство прямо предусматривает, какие именно соглашения подлежат такому утверждению. Вопрос этот является вопросом не международного, а внутреннего права. Обычно такими договорами являются мирные договоры, договоры об уступке территории, а также договоры и соглашения торгового и финансового порядка, поскольку они имеют отношение к бюджету; как известно, Парламент ревниво оберегает свои прерогативы, касающиеся всех вопросов бюджета. Но в практике зачастую и многие другие договоры вносятся правительствами на утверждение Парламента, даже если об этом нет прямого указания в законодательстве. В частности это имеет место тогда, когда правительство считает нужным ослабить свою ответственность за заключение серьёзного международного соглашения, либо желает придать ему особый вес, либо, наконец, хочет побудить контрагента к такой же парламентской процедуре, дабы сообщить договору бóльшую устойчивость.

История парламентаризма показывает, что парламенты по мере своего укрепления всегда стремились осуществлять известный контроль над внешней политикой правительства. С этой целью, во-первых, широко используется практика интерпелляций; во-вторых, в парламентах существуют комиссии по иностранным делам, которые не только рассматривают и обсу-

ждают международные договоры, внесённые правительством на утверждение Парламента, но и занимаются вопросами внешней политики в целом, требуют от правительства объяснений, сообщения известных документов, высказывают своё мнение по поводу тех или иных правительственных акций и т. д. Однако, поскольку парламентам не принадлежит исполнительная власть, ни комиссии по иностранным делам, ни сами парламенты не могут вмешиваться в оперативную правительственную деятельность в области внешних сношений.

В США особую роль в области внешних сношений играет Сенат, поскольку ему принадлежит право ратификации международных договоров и утверждение назначений должностных лиц, в том числе и дипломатических представителей. Влияние Сената США на внешнюю политику страны определяется также его функциями «административного совета» при президенте.

Ведомство иностранных дел

Повседневное ведение международных сношений лежит в каждом государстве на ведомстве иностранных дел. Это ведомство посылает директивы, указания и поручения своим дипломатическим представительствам и консульствам; следит за их деятельностью и контролирует их; является связующим звеном между дипломатическими представителями и правительством; централизует и обрабатывает поступающую информацию, сообщая её в надлежащих случаях как правительству, так и дипломатическим представителям; подготовляет будущие соглашения, сносится и ведёт переговоры с иностранными представительствами; представляет на усмотрение и разрешение правительства все важные вопросы внешней политики. На ведомстве иностранных дел лежит защита интересов государства и его граждан в иностранных государствах.

В настоящее время в большинстве государств ведомство иностранных дел называется Министерством иностранных дел. В некоторых государствах приняты и иные наименования. В Англии ведомство иностранных дел называется Иностранным бюро (Foreign office), в Германии — Внешним ведомством (Aussenamt). В США ведомство иностранных дел именуется Государственным департаментом, а его глава — государственным секретарём; в Швейцарии ведомством иностранных дел является Политический департамент, возглавляемый директором.

Помощники министра иностранных дел имеют в различных странах разные наименования: помощник статс-секретаря по иностранным делам — в Англии, помощник государственного секретаря — в США. В Англии статс-секретарь по иностранным делам имеет постоянного заместителя и парламентских помощников. В США имеется один заместитель государственного секретаря и несколько помощников.

Структура ведомства иностранных дел

Основной частью ведомства иностранных дел являются оперативные, так называемые политические, отделы или департаменты. Каждый из этих отделов объединяет дела целой группы стран (например, отдел Центральной Европы, отдел англо-романских стран, отдел Ближнего Востока, отдел Дальнего Востока, азиатский департамент и т. п.). Это распределение, понятно, различно в министерствах разных государств. Да и в одном и том же министерстве от времени до времени происходит новое распределение, в результате которого меняются названия отделов и объединяемые ими страны. Во главе таких отделов стоит обычно генеральный или главный директор. В некоторых министерствах иностранных дел (например во французском) политические дела объединены с экономическими под общим управлением главного директора политических и торговых дел. В других министерствах экономические дела выделены в специальные экономические отделы, части или секции. Помимо политических и экономических отделов в ведомствах иностранных дел существуют правовые или юридические отделы; они занимаются международно-правовыми вопросами, а также вопросами внутреннего права, поскольку последние касаются тех или иных внешнеполитических интересов. Далее, имеются отделы прессы, протокольные отделы, ведающие церемониальной частью, вопросами этикета и некоторыми сторонами бытового обслуживания дипломатического корпуса (выдача открытых листов и лицензий на беспошлинный ввоз багажа, выдача дипломатических карточек, регистрация средств транспорта, предоставление дипломатических лож в театрах и т. п.), шифровальные отделы, отделы дипломатической связи, кабинет министра и т. д.

Ведомство иностранных дел в СССР

Ведомством иностранных дел Советского Союза является Народный комиссариат иностранных дел. Во главе его находится народный комиссар, имеющий нескольких заместителей.

К задачам Наркоминдела согласно Положению о Народном комиссариате иностранных дел от 12 ноября 1923 г. относятся:

а) защита внешних политических и экономических интересов Союза ССР, а также находящихся за границей граждан Союза ССР;

б) выполнение постановлений о заключении договоров и соглашений с иностранными государствами;

в) руководство проведением в жизнь заключённых с иностранными государствами договоров и соглашений и содействие соответствующим учреждениям Союза ССР и союзных республик в осуществлении ими прав, установленных этими договорами;

г) наблюдение за выполнением соответствующими органами власти договоров, соглашений и актов, заключённых с иностранными государствами [1].

Десятой сессией Верховного Совета СССР первого созыва принят закон о предоставлении союзным республикам полномочий в области внешних сношений и о преобразовании в связи с этим Народного комиссариата иностранных дел из общесоюзного в союзно-республиканский. Закон этот, изданный 1 февраля 1944 г., гласит:

«В целях расширения международных связей и укрепления сотрудничества СССР с другими государствами и учитывая возросшую потребность союзных республик в установлении непосредственных отношений с иностранными государствами, Верховный Совет СССР постановляет:

1. Установить, что союзные республики могут вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами и заключать с ними соглашения».

Пункт 2 закона вносит соответствующие дополнения в Конституцию СССР и в частности статью 18-а следующего содержания: «Каждая союзная республика имеет право вступать в непосредственные сношения с иностранными государствами, заключать с ними соглашения и обмениваться дипломатическими и консульскими представителями».

Пункт 3 закона говорит о преобразовании Наркоминдела из общесоюзного в союзно-республиканский Народный Комиссариат.

В соответствии с новым законом установление общего порядка во взаимоотношениях союзных республик с иностранными государствами подлежит ведению СССР в лице его высших органов власти и органов государственного управления. Представительство союзной республики в международных сношениях устанавливается её Верховным Советом. Результатом этого закона является создание республиканских наркоматов иностранных дел и дипломатических и консульских представительств союзных республик за границей, равно как и приём аккредитованных при этих республиках иностранных дипломатических и консульских представительств.

Дипломатические кадры

Подбор кадров дипломатических работников производится во всех государствах с особой тщательностью, обеспечивающей комплектование ведомств иностранных дел такими лицами, которые пользуются доверием правительства.

Формально в современном буржуазном государстве каждый, имеющий высшее образование, может стать дипломатом.

[1] «Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР», 1923, № 10.

На деле это далеко не так. Для того чтобы стать буржуазным дипломатом, нужно прежде всего иметь значительные личные денежные средства [1], связи, поддержку влиятельных политических деятелей, финансовых кругов и чиновников. Без наличия денежных средств невозможно получить то образование, ту теоретическую подготовку, которая необходима для поступления в ведомство иностранных дел. В ряде государств существуют особые высшие школы, откуда правительство предпочитает вербовать дипломатические кадры. Обучение в таких школах дороже, чем в университетах, а так как их окончание даёт сравнительно узкий выбор профессий и молодёжь из несостоятельных классов заранее знает, какими рогатками обставлено зачисление на дипломатическую службу, она, понятно, избегает в них поступать. Без связей и покровительства молодому человеку в капиталистических странах почти невозможно пройти через тот фильтр, который называется конкурсом на зачисление в Министерство иностранных дел. Наконец, требуется и хорошая, благонадёжная, с точки зрения правящих классов, репутация будущего дипломата и его семьи. Существующие во всех буржуазных министерствах иностранных дел комиссии, состоящие из проникнутых кастовым духом чиновников и ведающие зачислением и продвижением работников, ревниво следят, чтобы в ведомство не проникли элементы плебейского происхождения.

Обыкновенно лица, посвящающие себя дипломатической карьере, начинают свою работу в ведомстве иностранных дел с молодых лет [2], тотчас же после окончания учебного заведения, и приобретают практический опыт на самой работе. После зачисления на службу (что означает приобщение к корпорации государственных чиновников, пользующихся особыми льготами и привилегиями) будущий дипломат в зависимости от своих способностей и талантов, но главным образом связей, продвигается по лестнице служебной иерархии. Существующие регламенты не позволяют перескакивать через ступени этой лестницы. Но понятно, что в зависимости от связей и положения в обществе срок пребывания на этих ступенях может быть и сокращён. От того же зависит и получение лучших назначений, например в крупные столицы, что значительно облегчает дипломату дальнейшую карьеру. Таким образом создаются в буржуазном государстве так называемые дипломаты карьеры.

---

[1] До 1918 г. в Англии для поступления на дипломатическую службу необходимо было представить доказательства получения личного дохода не менее 400 фунтов стерлингов (около 4 тысяч рублей золотом) в год.

[2] В Англии конкурсный экзамен на поступление в Министерство иностранных дел разрешается держать лицам не моложе 21 и не старше 25 лет.

Лишь министры иностранных дел, их помощники, послы и посланники (а также некоторые специалисты — юристы, экономисты и т. п.) не всегда являются дипломатами карьеры. Очень часто эти должностные лица не имеют до своего назначения на данный пост никакого отношения к деятельности в области внешней политики государства.

Дипломатические представители

Международные сношения ведутся, как правило, не путём непосредственной переписки между ведомствами иностранных дел различных государств, а при посредстве командированных за границу лиц, называемых дипломатическими представителями или дипломатическими агентами. Дипломатический представитель состоит в сношениях с ведомством иностранных дел страны своего пребывания.

Положение дипломатических представителей, их права и обязанности, а также общие условия деятельности этих лиц основываются на международных общепризнанных обычаях.

Эти обычаи соблюдаются в настоящее время всеми государствами мира. Кроме того, многие из таких обычаев зафиксированы в качестве юридических норм во внутреннем законодательстве большинства государств. Наконец, они включены в трактаты и руководства по международному праву.

Ранги дипломатических представителей. Венский регламент

В договорном порядке урегулирован лишь вопрос о рангах (званиях) дипломатических представителей и о их старшинстве. До начала XIX столетия вопрос этот служил нередко причиной споров и конфликтов между государствами. В целях предотвращения дальнейших недоразумений на этой почве на Венском конгрессе в 1815 г. был подписан документ, озаглавленный «Положение о рангах дипломатических представителей» (в международном обиходе этот документ обычно называют Венским регламентом). В нём установлены были следующие ранги дипломатических представителей: 1) послы и папские легаты, или нунции, 2) чрезвычайные и полномочные посланники, 3) поверенные в делах [1].

Аахенский протокол

Протокол, подписанный на конгрессе в Аахене в 1818 г., дополнил Венский регламент, введя в него ранг министра-резидента.

Таким образом, согласно этим документам, старшинство дипломатических представителей по их рангам представляется в следующем порядке: 1) посол и нунций, 2) посланник, 3) министр-резидент, 4) поверенный в делах.

---

[1] Дело идёт о постоянных поверенных в делах. Об их отличии от временных поверенных в делах см. ниже.

Полный титул послов обычно бывает: «чрезвычайный и полномочный посол» (Ambassadeur Extraordinaire et Plénipotentiaire), а посланника — «чрезвычайный посланник и полномочный министр» (Envoyé Extraordinaire et Ministre Plénipotentiaire). Ранее официально правом на титул «превосходительство» (excellence) пользовались лишь послы, но из вежливости сейчас принято титуловать «превосходительством» и посланников.

Ранги советских дипломатических представителей

До недавнего времени все дипломатические представители СССР именовались полномочными представителями. Однако при этом в их верительных грамотах указывался их ранг в соответствии с Венским регламентом.

Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР от 9 мая 1941 г. для советских дипломатических представителей было установлено три ранга. Этот указ гласит следующее:

«В целях установления для дипломатических представителей СССР рангов, общепринятых в международных дипломатических отношениях, и приведения этих рангов в соответствие со значением и объёмом возлагаемых на дипломатических представителей СССР полномочий, Президиум Верховного Совета СССР постановляет:

1. Установить для дипломатических Представителей СССР, аккредитуемых при иностранных правительствах, ранги:

а) Чрезвычайного и Полномочного Посла,

б) Чрезвычайного и Полномочного Посланника,

в) Поверенного в Делах».

Порядок обмена дипломатическими представителями

Дипломатические представители первых трёх рангов аккредитуются (назначаются) главой государства при главе другого государства. Постоянные поверенные в делах аккредитуются главой ведомства иностранных дел при главе дипломатического ведомства другого государства.

На Венском конгрессе 1815 г. было условлено, что послами обмениваются только великие державы (в то время — Австрия, Англия, Пруссия, Россия и Франция). Впоследствии в число государств, обменивающихся послами, вошли США, Испания, Италия, Турция и Япония. В наше время и другие государства обмениваются послами на основании специальных двусторонних соглашений. СССР обменивается послами с Афганистаном, Бельгией, Великобританией, Голландией, Грецией, Ираном, Италией, Канадой, Китаем, Мексикой, Норвегией, Польшей, США, Турцией, Францией, Чехословакией, Югославией и Японией. Англия помимо первоклассных держав обменивается послами с Аргентиной, Бельгией, Бразилией, Китаем

Португалией и рядом других государств. США обмениваются в настоящее время послами почти со всеми латиноамериканскими государствами. Право посылать и принимать послов имеет также и римский папа. Послы его именуются нунциями, или легатами.

Полномочия дипломатических представителей разных рангов

По существу в наше время дипломатические представители всех рангов обладают одинаковыми полномочиями. Согласно традиции принято, однако, считать, что послы представляют не только своё государство, но и персонально главу этого государства. Поэтому послы имеют право вести непосредственные сношения с главой государства, при котором они аккредитованы [1].

Ещё не так давно большинство дипломатических представителей состояли в ранге посланников. Сейчас, наоборот, большинство их состоит в ранге посла. Министров-резидентов назначают и принимают малые страны с ограниченными международными интересами, как, например, Боливия, Либерия, Никарагуа.

Послы со специальной миссией

От постоянных дипломатических представителей следует отличать послов со специальной миссией, отправляемых одним государством к другому в связи с каким-либо особым обстоятельством. Такие послы назначаются для присутствия на крупных национальных торжествах, на коронациях монархов, на свадьбах и похоронах монархов и их наследников. Монархи иногда отправляют таких послов для извещения друг друга о своём вступлении на престол. Все эти послы выполняют, таким образом, только чисто протокольные функции (приносят поздравления, выражают соболезнования и т. п.). Если государство почему-либо не отправляет такого посла и не желает, чтобы это было истолковано как признак неуважения, оно назначает своего дипломатического представителя в данной стране в качестве посла со специальной миссией в этой же стране.

В последнее время известны также так называемые «послы на просторе» (Ambassadors at large). Это послы не аккредитованные при каком-либо иностранном государстве, а имеющие широкие полномочия вести переговоры с разными государствами и присутствовать на разных международных конференциях. Таким послом был, например, недавно скончавшийся американец Норман Дэвис.

---

[1] Следует оговорить, что, поскольку в ряде государств глава их является по конституции лицом «неответственным», такие сношения имеют главным образом целью подчеркнуть важность, придаваемую правительством посла известному вопросу, и побудить главу государства привлечь к данному делу особое внимание своего правительства.

Наблюдатели

Наконец, следует упомянуть и о так называемых наблюдателях. В международный обиход они введены США в послеверсальский период. Им поручается присутствовать на международных конференциях или иных собраниях, в которых данное государство не желает официально участвовать по принципиальным соображениям или из боязни связать себя в каком-либо вопросе. Присутствие наблюдателей показывает, что пославшее их государство интересуется данным вопросом, желает оказать воздействие на решение собрания или получить непосредственную информацию.

Деятельность дипломатического представителя

Трудно представить себе более сложную и многообразную деятельность, чем та, которая связана с ролью дипломатического представителя в настоящее время. Давно миновали те времена, когда от него требовались лишь знатное происхождение, громкий титул, светскость, умение блистать в обществе и, наконец, богатство, позволяющее ему жить на широкую ногу и ослеплять местное общество роскошью своих приёмов. От современного дипломата требуется универсальное образование, широкий политический кругозор, способность приобретать необходимые связи, умение вести внешние сношения. В его обязанности входит углублённое изучение страны пребывания, её экономики, внутренней и внешней политики, происходящих в ней социальных и политических явлений. Обо всём этом дипломатический представитель должен систематически информировать своё правительство, давая анализ положения и вытекающие отсюда оперативные выводы. Дипломату необходимо следить за борьбой партий, парламентской и правительственной работой, хорошо знать политических деятелей, которые играют более или менее заметную роль в жизни страны, наблюдать за деятельностью дипломатических представителей и агентов других государств.

Современному дипломату приходится быть крупным специалистом в самых разнообразных отраслях знания. Он должен безупречно владеть по крайней мере двумя главнейшими европейскими языками, подробно знать дипломатическую историю нового времени, хорошо ориентироваться в вопросах международного права и быть, помимо всего прочего, человеком культурным, обладающим знаниями в области науки, искусства и литературы. Такие качества помогают ему завоевать подобающее его рангу и достоинству уважение правительства страны пребывания, местного общества и дипломатического корпуса и приобрести необходимый для него авторитет.

Этим не ограничиваются требования, которые предъявляются к современному дипломату. Поскольку ему приходится вести ответственнейшие сношения как с правительственными кругами, так и с местной общественностью, он должен про-

являть особый такт, постоянную выдержку, умение соблюдать достоинство, присущее его рангу.

Будучи постоянно в центре внимания людей, следящих за каждым его шагом, дипломатический представитель должен избегать всякой экстравагантности, внушать уважение своим моральным обликом и поведением. Сдержанность и осторожность должны быть присущи не только его выступлениям, становящимся достоянием гласности, но и личным беседам, которые могут быть использованы во вред его собственному положению или в ущерб представляемому им государству.

Помимо огромной служебной деятельности дипломату приходится поддерживать постоянный контакт с местными общественными и дипломатическими кругами, принимать у себя и посещать приёмы, бывать в театрах, на выставках, на официальных церемониях и манифестациях.

Таким образом, деятельность дипломата является сложной, трудной и ответственнейшей работой.

Персонал дипломатического представительства

Дипломатическое представительство, возглавляемое послом, называется посольством. Дипломатические представительства, возглавляемые представителями других рангов, называются миссиями.

Персонал работников посольства и миссии составляют лица четырёх категорий:

1. Штатные работники ведомства иностранных дел, помогающие дипломатическому представителю в его оперативной работе, — советник, первые, вторые, третьи секретари и атташе.

2. Работники других ведомств, состоящие при посольствах и миссиях для изучения специальных вопросов и представляющие свои ведомства перед соответствующими местными учреждениями. Эти лица поддерживают сношения с указанными учреждениями страны пребывания, ведут с ними переговоры по вопросам технического и информационного характера. Такие ведомственные представители называются атташе, с добавлением к этому званию указания на характер их функций. Наиболее часто такими атташе являются военные атташе, морские атташе, авиационные атташе, торговые и финансовые атташе. Они имеют право непосредственно сноситься с соответствующими министерствами. Торговые и финансовые атташе иногда именуются торговыми и финансовыми советниками. В настоящее время при дипломатических представительствах имеются атташе по делам печати, атташе по делам культурной связи, а также атташе по сельскохозяйственным делам.

Наибольшее значение в настоящее время имеют военные, морские и авиационные атташе. Эти сотрудники посольства представляют вооружённые силы своего государства, поддерживают постоянную связь с соответствующими ведомствами

страны пребывания и знакомятся с её вооружёнными силами.

3. Канцелярский персонал и технические работники.

4. Вспомогательный служебный персонал (швейцары, лифтёры, шофёры, прислуга и т. п.).

Лица двух первых категорий составляют дипломатический персонал представительства и пользуются дипломатическим иммунитетом, а также некоторыми другими привилегиями и льготами, присвоенными членам дипломатического корпуса.

Ближайшим помощником дипломатического представителя является советник. Если в представительстве нет такой должности, то ближайшим сотрудником представителя состоит первый секретарь. В случае временного отсутствия посла или посланника советник (или, при отсутствии такового, любой старший сотрудник представительства, по назначению дипломатического представителя) возглавляет представительство и именуется временным поверенным в делах.

Торговые представители СССР

В число работников дипломатического персонала советских посольств и миссий включены также торговые представители СССР (торгпреды) и их заместители. Согласно принятому в советских представительствах протокольному старшинству, торгпреды непосредственно следуют за советником или заменяющим его первым секретарём. При отсутствии дипломатического представителя его заменяет не торгпред, а советник или другой сотрудник посольства. В советских посольствах и миссиях нет должностей торговых или финансовых атташе, так как торгпреды, осуществляя за границей монополию внешней торговли, одновременно получают всю необходимую информацию экономического характера и поддерживают деловые связи с местными хозяйственными учреждениями, банками и торгово-промышленными кругами, т. е. выполняют и функции торговых и финансовых атташе.

Дипломатические ранги

Наименования: посол, посланник, советник, секретарь, атташе в большинстве государств являются не только обозначением занимаемых дипломатическими работниками должностей, но и присвоенными им рангами. Они сохраняются за работником независимо от того, занимает ли он соответствующую должность в дипломатическом представительстве за границей или же работает в центральном аппарате ведомства иностранных дел. В самих дипломатических представительствах нередко бывают случаи, когда посланник имеет ранг посла, секретарь миссии занимает должность секретаря посольства или обратно и т. п. В каждой стране существуют специальные положения о продвижении дипломатических работников не только по лестнице служебной иерархии, но и по ступеням табеля о рангах.

До недавнего времени работники советской дипломатии не имели рангов. Они именовались лишь по занимаемой ими должности. Вернувшийся на работу в центральный аппарат советник посольства не числился более советником. Если в дальнейшем он назначался в другое заграничное представительство секретарём, он так и значился секретарём. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 14 июня 1943 г. этот порядок был изменён. В развитие Указа Верховного Совета СССР от 9 мая 1941 г. «Об установлении рангов для дипломатических представителей СССР за границей» новым Указом для дипломатических работников Наркоминдела, посольств и миссий СССР за границей были установлены нижеследующие ранги:

1) Чрезвычайный и Полномочный Посол, 2) Чрезвычайный и Полномочный Посланник 1-го класса, 3) Чрезвычайный и Полномочный Посланник 2-го класса, 4) Советник 1-го класса, 5) Советник 2-го класса, 6) Первый Секретарь 1-го класса, 7) Первый Секретарь 2-го класса, 8) Второй Секретарь 1-го класса, 9) Второй Секретарь 2-го класса, 10) Третий Секретарь, 11) Атташе.

Ранги чрезвычайного и полномочного посла, а также чрезвычайных и полномочных посланников 1 и 2-го классов присваиваются указами Президиума Верховного Совета СССР. Остальные ранги присваиваются приказами Наркоминдела.

Форменная одежда дипломатических работников

В большинстве государств для дипломатических работников издавна существует присвоенная им отличительная форменная одежда. Чаще всего по своему покрою она напоминает костюмы первой половины прошлого века и представляет заимствование из военной и придворной одежды того времени. Обычно она выделяется ярким цветом и расшита богатым золотым или серебряным шитьём и галунами. При ней полагаются особые плащи, шляпы треугольной и иной старинной формы с плюмажами, лёгкие парадные шпаги. Эту форму дипломаты надевают почти исключительно при торжественных церемониях, приёмах, парадах и т. п. В приглашениях на эти церемонии обычно значится: «форма, ордена». На службе, при обычном посещении министерства, в обществе дипломаты, почти как правило, носят штатскую одежду.

До недавнего времени для советских дипломатических работников не существовало специальной формы одежды. В соответствующих парадных случаях они заменяли её фраком или визиткой. Постановлением СНК СССР от 28 мая 1943 г. была введена для дипломатических работников Наркоминдела, посольств и миссий СССР за границей парадная и повседневная форменная одежда, согласно утверждённым Совнаркомом образцам. Одежда эта современного покроя. Знаками различия в этой одежде служат плечевые погоны из галуна особого

переплетения из серебряной волоки с металлической золочёной эмблемой в виде двух скрещённых пальмовых веток. Знаком различия дипломатических рангов служат вышитые золотом звёзды, а также золотые просветы на погонах секретарей и атташе.

Погоны послов, посланников первого и второго классов, советников первого и второго классов не имеют просветов. На погоне чрезвычайного и полномочного посла вышивается золотом большая звезда размером в 35 миллиметров. На погоне чрезвычайного и полномочного посланника первого класса вышиты золотом четыре звёздочки, чрезвычайного полномочного посланника второго класса — три звёздочки, советника первого класса — две звёздочки, советника второго класса — одна звёздочка. Погоны первых секретарей первого и второго классов и второго секретаря первого класса — два золотых просвета, соответственно с тремя, двумя и одной звёздочкой. На погонах второго секретаря второго класса, третьего секретаря и атташе — один золотой просвет, соответственно с четырьмя, тремя и двумя звёздочками.

Дипломатический корпус

Дипломатический корпус состоит из всех лиц, входящих в состав иностранных дипломатических представительств в данном государстве и принадлежащих к их дипломатическому персоналу. В состав дипломатического корпуса помимо указанных лиц входят их жёны и незамужние дочери старше 16 лет. В узком смысле слова под дипломатическим корпусом понимают иногда только глав дипломатических представительств.

Старшинство дипломатических представителей

Старшинство дипломатических представителей определяется прежде всего их рангом согласно Венскому регламенту. Старшинство представителей, состоящих в одном и том же ранге, определяется либо датой их прибытия в данное государство в качестве таких представителей, либо датой вручения верительных грамот, т. е. датой официального вступления в исполнение служебных обязанностей. В настоящее время старшинство определяется почти исключительно датой вручения верительных грамот. Такой порядок в частности существует и в СССР.

Однако в силу обычая послы Ватикана (т. е. римского папы), в тех странах, где они аккредитованы, считаются самыми старшими из послов, независимо от того, когда прибыл данный нунций или когда он вручил свои верительные грамоты.

Старшинство прочих членов дипломатического корпуса определяется званием данного лица, а при одинаковом звании — сроком занятия в стране пребывания данной должности. При этом одноимённые должности или звания работников посольств считаются более высокими, чем такие же звания работников

миссий. Так, например, первый секретарь посольства будет всегда старше первого секретаря миссии. Старшинство атташе, представляющих вооружённые силы, определяется военными званиями (чинами), а при одинаковых военных званиях — сроком пребывания в данной стране в качестве такого атташе.

Дуайэн дипломатического корпуса

Во главе дипломатического корпуса стоит его старейшина (дуайэн). Старейшиной является самый старший по рангу и по старшинству дипломатический представитель (в государствах, где имеются папские нунции, последние являются и старейшинами дипкорпуса).

Старейшина представляет дипломатический корпус, выступает от его имени, служит, если это необходимо, посредником между дипломатическим корпусом и ведомством иностранных дел, является своего рода арбитром в случаях споров или конфликтов между членами дипломатического корпуса.

Выступление дипломатического корпуса

Коллективные выступления глав дипломатических представительств в данном государстве перед ведомством иностранных дел называются выступлениями дипломатического корпуса.

Возможно такое выступление дипломатического корпуса и перед главой правительства и даже перед главой государства, но такие выступления крайне редки.

Обычно выступления дипломатического корпуса имеют место главным образом по вопросам протокольного (церемониального) характера. Дипломатический корпус приносит поздравления, выражает соболезнование, благодарит за оказанное ему внимание.

Иногда, однако, выступления дипломатического корпуса ставят себе целью оказать воздействие на данное правительство либо по вопросу, касающемуся действительных или мнимых прав иностранных дипломатов, либо по вопросам внешнеполитического характера.

Порядок назначения и отозвания дипломатических представителей и сотрудников дипломатических представительств

Перед оформлением назначения какого-либо лица на пост дипломатического представителя в данном государстве у правительства последнего испрашивается согласие. В международном обиходе согласие обозначается словом «агреман». Агреман запрашивается устно. Иногда этот запрос сопровождается представлением записки без подписи и на бумаге без бланка, с краткими биографическими данными будущего представителя. Ответ на запрос даётся обычно без задержки.

Вопрос о том, обязано ли государство, отклоняющее кандидатуру представителя, сообщить мотивы отклонения, является спорным.

Агреман для временных поверенных в делах не требуется. Эти лица вступают в исполнение своих обязанностей на основании письма дипломатического представителя, уведомляющего главу ведомства иностранных дел о своём отъезде или болезни и о возложении обязанностей временного поверенного в делах на того или иного члена представительства. В исключительных случаях (тяжёлая болезнь дипломатического представителя или его смерть) сам советник (или, при отсутствии такового, следующий за ним дипломатический чин представительства) отправляет указанное письмо за своей подписью.

Агреман не требуется также для работников дипломатического представительства [1]. Исключение составляют военные, морские и авиационные атташе, при назначении которых в международной практике принято предварительно извещать соответствующее правительство.

После получения агремана назначение дипломатического представителя оформляется в виде постановления (указа, декрета), подписанного главой назначающего государства.

Верительные грамоты и их вручение

Лицо, назначенное дипломатическим представителем, получает за подписью главы своего государства письмо на имя главы государства, в котором он аккредитован. Это письмо, составленное по принятой в международных сношениях форме, называется «верительными грамотами».

С правовой точки зрения, верительные грамоты являются документом, бесспорно свидетельствующим о том, что данное лицо является дипломатическим представителем своего государства в стране пребывания. До вручения верительных грамот дипломатический представитель не считается ещё официально приступившим к исполнению своих обязанностей. Поэтому до завершения этой процедуры он воздерживается от каких-либо дипломатических шагов, выступлений и переговоров, а также от предписываемых протоколом визитов как высшим должностным лицам страны пребывания, так и членам дипломатического корпуса. В этот период он сносится главным образом с начальником протокольного отдела по вопросам, касающимся вручения верительных грамот, а иногда имеет полуофициальное свидание с главой ведомства иностранных дел. От этого правила, конечно, существует ряд отступлений в зависимости от характера отношений между обоими государствами, а также от отношения к самой личности представителя.

---

[1] На практике каждое правительство может помешать въезду неугодного ему дипломатического работника из персонала представительства, отказав ему в визе. Но подобные случаи имеют место редко.

Обычно вручение верительных грамот назначается вскоре после прибытия представителя в страну пребывания. Оттяжка без серьёзных причин (отъезд, болезнь главы государства) этой церемонии расценивается как акт недостаточного внимания или малодружелюбного отношения к аккредитовавшему представителя правительству или же к самому представителю.

Верительные грамоты вручаются адресату лично вновь назначенным дипломатическим представителем. Церемония вручения этих грамот обставляется известной торжественностью. Почти во всех странах принято в связи с вручением верительных грамот доставлять посла в резиденцию главы государства и обратно в экипаже, посылаемом от имени главы государства. При этом посла сопровождает специально для того командированное должностное лицо страны пребывания (церемониймейстер, заведующий протокольным отделом ведомства иностранных дел, адъютант главы государства и т. п.), а в некоторых государствах — почётный военный эскорт. Вручение верительных грамот происходит в присутствии главы ведомства иностранных дел и высших чинов, состоящих при главе государства. Дипломатического представителя сопровождает весь дипломатический состав представительства. Приняв верительные грамоты, глава государства имеет частную беседу (так называемая аудиенция) с дипломатическим представителем. Следует оговориться, что в ряде стран (например в США) порядок вручения верительных грамот более прост. Там посол едет к главе государства в своём автомобиле.

В некоторых странах вручение верительных грамот посланником происходит в менее торжественной обстановке, чем принято для послов.

Во многих государствах дипломатический представитель и глава государства обмениваются речами. В таких случаях дипломатический представитель представляет главе ведомства иностранных дел накануне вручения верительных грамот текст той речи, которую он намерен произнести. Текст ответной речи дипломатическому представителю заранее не сообщается.

В Советском Союзе верительные грамоты вручаются председателю Президиума Верховного Совета в одинаковом для послов и посланников порядке, отвечающем международным обычаям. Обмен речами не имеет места.

С момента вручения верительных грамот дипломатический представитель считается официально вступившим в свою должность. Немедленно после этого он рассылает всем членам дипломатического корпуса (за исключением представителей тех стран, с которыми его государство не находится в сношениях) уведомление о вручении им верительных грамот. Одновременно он приступает к нанесению официальных визитов высшим должностным лицам страны пребывания, а также старейшине

и членам дипломатического корпуса. При этом посол делает первый визит лишь послам. Что касается посланников, министров-резидентов и поверенных в делах, то они обычно первыми наносят визит новому послу.

Повторное вручение верительных грамот

В некоторых случаях дипломатический представитель повторно вручает главе государства верительные грамоты. Такое вручение имеет место в следующих случаях: 1) изменение ранга дипломатического представителя (посланник возводится в ранг посла); 2) смерть монарха, в своё время подписавшего верительные грамоты; 3) смерть монарха, при котором аккредитован дипломатический представитель, или его отречение от престола [1]; 4) коренное изменение государственного строя в стране, в своё время назначившей дипломатического представителя; 5) коренное изменение государственного строя в стране, в которой дипломатический представитель исполняет свои функции.

Постоянные поверенные в делах получают не верительные грамоты, а письмо главы ведомства иностранных дел к главе ведомства иностранных дел. Поверенный в делах лично передаёт такое письмо адресату, без какой-либо церемонии. Письма о назначении временных поверенных в делах посылаются в канцелярском порядке.

Прекращение функций дипломатического представителя

Дипломатический представитель прекращает свои функции в данном государстве: 1) вследствие освобождения его от занимаемой должности по инициативе правительства государства, которое он представляет; 2) по инициативе правительства страны пребывания, если последнее считает, что данный представитель стал нежелательным лицом (persona non grata); 3) при разрыве дипломатических отношений или объявлении войны между обоими государствами (в последнем случае принято говорить, что представителю вручены его паспорта); 4) если государство, назначившее или принявшее дипломатического представителя, теряет самостоятельность, прекращает своё существование в качестве субъекта международного права.

Обычным случаем прекращения функций дипломатического представителя является его отозвание назначившим государством вследствие другого назначения или увольнения в отставку. В таких случаях отозвание оформляется в виде письма главы назначившего государства к главе государства, в котором аккредитован дипломатический представитель. Это письмо называется «отзывными грамотами».

[1] При смене президента государства, назначившего представителя, или государства, в котором он аккредитован, повторное вручение верительных грамот не производится.

Отзывные грамоты

Отзывные грамоты вручаются либо самим отъезжающим дипломатическим представителем при прощальном посещении главы государства, либо новым дипломатическим представителем, при вручении им своих верительных грамот. Вручение отзывных грамот обычно не сопровождается специальной церемонией и производится во время частной аудиенции.

Требование отозвания дипломатического представителя

Международная практика знает случаи, когда по настоянию правительства страны пребывания отзывались дипломатические представители, ставшие persona non grata вследствие нетактичности своего поведения, вмешательства во внутренние дела страны или же по иным мотивам.

Обычно вопрос о желательности замены дипломатического представителя другим лицом ставится не формально, и инициатива государства, выступающего с таким предложением, официально не фиксируется.

Однако отозвание дипломатического представителя может последовать и в результате официального требования со стороны правительства государства, в котором он аккредитован. В дипломатической истории известны также, хотя и весьма редкие, случаи высылки иностранных послов и без обращения к их правительству с просьбой об отозвании.

В тех случаях, когда дипломатический представитель покидает свой пост в связи с требованием об его отозвании, он не вручает своих отзывных грамот; они передаются его преемником при вручении им своих верительных грамот.

Ведомство иностранных дел может требовать прекращения функций и отъезда из страны любого работника иностранного дипломатического представительства, если такое лицо стало persona non grata. Такие случаи сравнительно часты в современной международной практике, но не предаются гласности. Мотивами подобных требований являются: нарушение местных законов, разведывательная работа, личные плохие отношения с работниками ведомства иностранных дел, поддержание связей с враждебными местному правительству кругами, бытовое разложение и т. п.

Права дипломатических представителей

Принимая иностранного дипломатического представителя, государство тем самым соглашается на осуществление им на своей территории ряда функций, вытекающих из суверенитета другого государства. Дипломатический представитель не мог бы полноценно выполнять эти функции, а в особенности защищать права и интересы своего государства, если бы он не был ограждён от тех или иных мер воздействия или понуждения со стороны властей страны пребывания. Поэтому

дипломатическим представителям предоставляются особые права — права дипломатического иммунитета.

В международном обиходе совокупность вышеупомянутых прав часто называют «экстерриториальностью».

Дипломатический иммунитет

Дипломатический иммунитет включает личную неприкосновенность, неприкосновенность служебных и личных помещений, служебного и личного имущества, освобождение от прямых налогов, неподсудность местному суду по уголовным делам и (с некоторыми исключениями) по гражданским. Иммунитетом даётся также право сношений со своим правительством и его дипломатическими представителями в третьих странах не только путём обычных средств связи, но и при помощи секретных (шифрованных) телеграмм и специальных курьеров, перевозящих переписку дипломатического представителя и пользующихся неприкосновенностью.

Дипломатические представители наделены и привилегиями чисто почётного характера. Они могут поднимать флаг своего государства над зданием представительства и на средствах транспорта (автомобилях, катерах и т. п.). Военные корабли страны пребывания отдают им при официальной встрече салют, власти оказывают им всяческое содействие при их поездках и т. п.

Личная неприкосновенность дипломатического представителя

Личная неприкосновенность дипломатического представителя исключает возможность его ареста или задержания. Местная власть обязана ограждать жизнь, честь и здоровье дипломатических представителей от всяких посягательств и не допускать никаких угроз или оскорбительных выпадов против этих лиц. История международных отношений знает лишь редкие случаи ареста дипломатических представителей.

Неприкосновенность служебных помещений

Неприкосновенность помещений (служебных и личных) дипломатического представителя исключает возможность доступа в эти помещения представителей местной власти в порядке выполнения ими своих обязанностей, без предварительного согласия на то самого дипломатического представителя. Исключение составляют работники ведомства иностранных дел страны пребывания представителя, являющиеся в посольства и миссии по поручению своего руководства. В указанных помещениях не могут производиться обыски, выемки, арест и другие действия следственного или принудительного порядка, если на то нет специального согласия дипломатического представителя.

Неприкосновенность распространяется также и на средства передвижения дипломатического представителя (автомобиль, катер и т. п.). Однако это не освобождает их водителей от

соблюдения местных правил движения и от ответственности за возможные несчастные случаи.

Согласно преобладающим доктринам международного права неприкосновенность помещений дипломатического представительства не может быть использована для предоставления в них убежища лицам, преследуемым или разыскиваемым местной властью, а также не имеющим права проживания в данной стране или в данном городе. Эти помещения не должны предоставляться организациям или лицам, ведущим борьбу с правительством страны пребывания. Наконец, они не могут служить местом насильственного задержания тех или иных лиц, хотя бы последние и были гражданами государства дипломатического представителя. Однако не все из указанных правил являются общепризнанными. В особенности это касается так называемого «права убежища».

Право убежища

Обратного принципа придерживаются государства американских континентов, придавшие ему характер международно-правовой нормы (разумеется, обязательной лишь для стран — участников соответствующих соглашений). Так, договор по вопросам уголовного права, заключённый в 1889 г. в Монтевидео семью государствами Латинской Америки, признаёт за дипломатическими представителями право предоставлять убежище политическим преступникам, с оговоркой о том, что эти последние должны покинуть страну в возможно срочном порядке. Конвенция, заключённая в Гаванне 20 февраля 1928 г. между республиками Америки, устанавливает, что убежище в посольствах и миссиях не может предоставляться уголовным преступникам и что последние должны быть выдаваемы местным властям. Что касается политических преступников, то они пользуются правом убежища, причём дипломатическое представительство должно доводить до сведения Министерства иностранных дел о каждом случае предоставления убежища и не разрешать укрывшемуся совершать действия, противоречащие «общественной безопасности»[1].

В тех странах, где действует режим капитуляций, в посольствах и миссиях существует право убежища.

Неприкосновенность служебного и личного имущества

Неприкосновенность служебного и личного имущества дипломатического представителя исключает возможность применения к этому имуществу каких-либо принудительных мер (арест имущества, обращение на покрытие претензий и т. п.). Однако это правило не относится к недвижимому имуществу, которое дипломатический представитель

[1] После оккупации гитлеровцами Венгрии в марте 1944 г. турецкое посольство в Будапеште предоставило убежище бывшему венгерскому премьеру Каллаи.

имеет в стране пребывания в целях извлечения прибыли (доходные дома, поместья, фабрики, торговые заведения). Такое имущество подпадает под действие общего законодательства.

Изъятие из-под уголовной и гражданской юрисдикции

Освобождение от уголовной юрисдикции исключает возможность привлечения дипломатического представителя к уголовной ответственности в стране пребывания. Органы прокуратуры этой страны обязаны прекращать любое дело, начатое против иностранных дипломатических представителей. Если дипломатический представитель действительно совершил преступление, правительство страны пребывания может лишь требовать отъезда такого представителя как превратившегося в persona non grata. Действительно, история международных отношений не знает случаев привлечения к уголовной ответственности дипломатов в стране пребывания, хотя некоторые из них и совершили тяжёлые преступления.

Изъятие из-под местной юрисдикции освобождает дипломатического представителя и от обязанности являться в суд, к прокурору или к следователю для дачи показаний в качестве свидетеля. Представитель вправе отклонить просьбу ведомства иностранных дел и о даче таких показаний на дому или в письменной форме.

Со своей стороны дипломатический представитель не может по своей инициативе обращаться к судебным и следственным властям, а также в органы прокуратуры, если сам возбуждает обвинение против какого-либо лица. Такое обвинение он может возбуждать только через ведомство иностранных дел страны пребывания.

Согласно общепризнанной доктрине международного права дипломатический представитель не вправе отказаться от своего иммунитета по уголовным делам (добровольно явиться в суд). Такой отказ может иметь место лишь с согласия правительства, назначившего представителя, если оно считает возможным обращение в данном случае к юрисдикции иностранного суда.

Освобождение от юрисдикции по гражданским делам не даёт возможности привлекать дипломатических представителей к судебной ответственности и по спорам частно-правового характера. Иск, вчинённый в суде к иностранному дипломатическому представителю, не может быть предметом суждения суда.

Однако это правило не применяется, если дипломатический представитель владеет в стране пребывания недвижимостью (в целях извлечения прибыли) или занимается торгово-промышленной деятельностью. По гражданским делам, вытекающим из факта владения этой собственностью, дипломатический представитель отвечает в местном суде. Кроме того, местный суд компетентен рассматривать те дела гражданско-правового характера, по которым дипломатический представитель выра-

зит согласие отвечать в судах страны пребывания или по которым он сам обращается в местный суд.

Во всех других случаях лицо, имеющее частно-правовую претензию к иностранному дипломатическому представителю, в случае отказа последнего её удовлетворить может обращаться лишь в ведомство иностранных дел страны пребывания должника и просить его воздействовать на ответчика.

Налоговый иммунитет

Дипломатический представитель освобождается в стране пребывания от уплаты прямых налогов как общегосударственных, так и местных. Однако, если дипломатический представитель владеет в стране пребывания недвижимостью или занимается торгово-промышленной деятельностью, он должен вносить налоги, падающие на такое имущество или на указанную деятельность.

Косвенные налоги, включённые в стоимость продаваемых товаров, дипломатические представители уплачивают на общих основаниях.

В некоторых государствах, как, например, в США, дипломатические представители освобождаются и от некоторых косвенных налогов, в частности от налогов, начисляемых на сумму счетов в магазинах, ресторанах, гостиницах.

Освобождение от таможенных пошлин

Что касается таможенных пошлин, то дипломатический представитель освобождается от внесения таковых за имущество, ввозимое в страну пребывания при приезде в неё к месту работы. В вопросе освобождения от пошлин предметов, посылаемых дипломатическому представителю или ввозимых им при последующих въездах в эту страну, обычно ему оказывают льготы, основанные не столько на его праве, сколько на требованиях международной вежливости. Государства либо вовсе не взыскивают таможенных пошлин с такого имущества, либо устанавливают на каждый год лимит (предел) таможенных пошлин, снимаемых при ввозе имущества, адресованного представителю.

«Открытый лист»

При каждом переезде границы дипломатическому представителю властями государства, куда он следует, выдаётся особый документ, освобождающий его багаж от оплаты пошлин. Этот документ — «открытый лист», или «laissez-passer» — предъявляется таможне. «Открытый лист» выдаётся на каждую поездку через границу [1]. При получении на своё имя посылок и грузов из-за границы дипломатический представитель сообщает об этом ведомству иностранных дел страны пребывания, которое и даёт распоряжение о сложении пошлин.

---

[1] Наличие «открытого листа» не освобождает дипломатического представителя от таможенного досмотра багажа. На практике такой досмотр обычно не производится.

Корреспонденция дипломатического представителя. Дипломатический курьер

Корреспонденция, адресуемая дипломатическим представителем своему правительству или дипломатическим представителям своего государства в третьих странах, а также та, которую он получает от своего правительства и указанных дипломатических представителей и которая провозится специальным лицом, называемым дипломатическим курьером, именуется дипломатической почтой. Как сам курьер, так и следующая при нём дипломатическая почта пользуются полной неприкосновенностью в стране пребывания дипломатического представителя и в транзитных странах, выдающих дипломатическому курьеру специальный охранный лист. Однако эта почта должна быть оформлена надлежащим образом, а именно: опечатана официальными печатями отправителя и занесена в особый документ — курьерский лист, выдаваемый отправителем почты дипломатическому курьеру.

Местные власти не только не вправе задерживать такую почту или вскрывать её упаковку, но обязаны оказывать дипломатическому курьеру всяческое содействие и обеспечивать её безопасность. Вес дипломатической почты иногда ограничивается по соглашению сторон.

От дипломатической почты следует отличать дипломатический багаж, также следующий при дипломатическом курьере и содержащий корреспонденцию несекретного характера, периодические издания, книги и разные вещи, необходимые для служебных целей, адресованные дипломатическому представителю или его ведомству иностранных дел. Дипломатический багаж также опечатывается официальными печатями, но теоретически он не пользуется той же неприкосновенностью, что и дипломатическая почта. На практике, однако, дипломатический багаж на таможнях обычно не вскрывается.

Как беспрецедентную новеллу в международном праве и практике, вызванную чрезвычайными военными обстоятельствами, следует отметить решение английского правительства, опубликованное 17 апреля 1944 г., об ограничении дипломатической связи между иностранными представительствами в Англии и за границей. В своём сообщении Форейн офис указал, что меры эти носят временный характер и приняты в целях сохранения тайны предстоящих крупных военных операций. Эти меры не распространялись на представительства СССР, США и британских доминионов, за исключением Эйре. Меры заключались в том, что на время их действия дипломатические представители лишались возможности посылать и получать шифрованные депеши и донесения, их дипломатическая почта подвергалась просмотру и цензуре. Кроме того, сами дипломатические представители, их штат и дипломатические курьеры не могли покинуть Англию или въехать в Англию, если они находились вне её

пределов. Это постановление относилось также к военным, морским и авиационным атташе иностранных государств и ко всем другим их представителям и агентам. Одновременно подверглись ограничению и перемещения иностранных дипломатов в самой Англии (запрещение въезда в некоторые зоны). Эти ограничения были отменены через несколько недель после высадки союзных армий в Северной Франции, как только это позволили военные обстоятельства.

Право поднятия флага

Почётное право поднимать свой национальный флаг над зданием представительства или на средствах транспорта осуществляется с соблюдением следующих правил.

Обычно флаг над зданием представительства поднимается в дни национальных праздников государства, назначившего дипломатического представителя, в неприсутственные дни и в дни национальных праздников страны пребывания.

В столицах некоторых государств (обычно в странах Востока) флаг поднимается ежедневно.

Подъём флага в знак приветствия или траура может иметь место и в других соответствующих случаях (коронация главы государства, смерть дипломатического представителя или высшего должностного лица страны пребывания и т. п.).

Обязанности дипломатических представителей

Основными функциями дипломатического представителя являются: а) представительство своего государства; б) ведение переговоров с местным ведомством иностранных дел и с дипломатическими представителями других государств в данной стране; в) информация своего правительства о политическом и экономическом положении страны пребывания; г) защита прав и интересов граждан и юридических лиц назначившего его государства.

Законы каждого государства и инструкции, получаемые дипломатическим представителем от своего ведомства иностранных дел, уточняют круг обязанностей каждого дипломатического представителя, определяют порядок его деятельности, формы и сроки отчётности по отдельным вопросам и т. п.

Дипломатический представитель обязан уважать законы и порядки, существующие в стране его пребывания. Он должен соблюдать полное невмешательство во внутренние дела этой страны и в особенности воздерживаться от любых выступлений против её правительства или государственных деятелей. Такие выступления, а равно вмешательство во внутренние дела не отвечают целям института дипломатического представительства и представляют злоупотребление тем привилегированным положением, которое занимает дипломатический представитель.

В своих взаимоотношениях с капиталистическим миром Советский Союз неизменно придерживается указанного пра-

вила. В руководящих указаниях полпредам СССР за границей (С. З. СССР, 1924, № 16, ст. 223) сказано: «Незачем говорить, что посольства назначаются как с одной, так и с другой стороны для целей, исключающих пропаганду в стране, где они аккредитованы. Советские посольства соблюдают и будут соблюдать этот принцип с безусловной строгостью».

Круг лиц, пользующихся дипломатическими привилегиями

Личная неприкосновенность, неприкосновенность служебных и личных помещений, изъятие из-под уголовной и гражданской юрисдикции, неприкосновенность имущества, освобождение от прямых налогов, а также от таможенных пошлин провозимого с собой багажа и так называемых «предметов первого обзаведения», ввозимых в течение определённого срока с момента прибытия в страну пребывания [1], — предоставляются, помимо самих дипломатических представителей, всем лицам, принадлежащим к дипломатическому составу представительства.

Кроме того, упомянутые привилегии предоставляются министрам и другим высшим должностным лицам государства, следующим за границу с официальным визитом или официальным поручением, а также делегатам на международных конференциях, созванных в дипломатическом порядке.

Наконец, дипломатическим иммунитетом пользуются жёны и несовершеннолетние дети лиц, обладающих таким иммунитетом.

Дипломатические карточки

Во многих государствах (в том числе и в СССР) формальным доказательством дипломатического иммунитета является включение данного лица в список дипломатического корпуса, а также особый документ — дипломатическая карточка, — выдаваемый находящимся в стране дипломатам ведомством иностранных дел. В некоторых государствах, например во Франции, дипломатам выдаётся лишь так называемая «carte de circulation», карточка движения, иначе «coupe-file», за подписью префекта полиции, предназначенная главным образом для свободного прохода через полицейские оцепления.

Дипломатический паспорт

Дипломатический паспорт и дипломатическая на нём виза не служат основанием для предоставления дипломатического иммунитета. Если владелец такого паспорта не принадлежит к кругу лиц, пользующихся этим иммунитетом, то дипломатический паспорт обязывает иностранные власти лишь оказывать особое внимание данному лицу. В случае каких-либо недоразумений с ним эти власти должны немедленно сообщать о том в своё ведомство иностранных дел.

---

[1] Право беспошлинного получения грузов и посылок из-за границы во всякое время принадлежит лишь одному дипломатическому представителю.

Дипломатический иммунитет в странах, не являющихся служебной резиденцией дипломата

Дипломат пользуется иммунитетом лишь в стране своего официального пребывания и в порядке международной вежливости в странах, через которые он проезжает, следуя к месту работы или обратно. В странах же, в которых дипломат находится по своим личным делам, он не может требовать признания за ним указанных прав. Обычно, однако, также в порядке международной вежливости, и в таких случаях местные власти фактически признают за иностранными дипломатами их привилегии.

В качестве особого случая можно привести факт проезда дипломатического представителя через страну, где он не был аккредитован, и находившуюся в состоянии войны с его собственной. Так, в 1917 г., когда США объявили войну Германии, германский посол в Вашингтоне Бернсторф и его штат получили от английского правительства sauf-conduit (пропуск) на проезд через Англию, уже находившуюся в состоянии войны с Германией.

Положение канцелярского и вспомогательного персонала дипломатических представительств

В некоторых государствах канцелярский персонал дипломатических представительств также пользуется дипломатическим иммунитетом, главным образом в порядке вежливости. Буржуазные теоретики международного права высказываются в пользу наделения указанного персонала этими правами, не приводя, впрочем, в подкрепление этого сколько-нибудь убедительных соображений. СССР не признаёт за указанными лицами таких прав. Советское правительство придерживается в этом вопросе мнения, что независимость дипломатического представителя от местной власти, необходимая ему для наиболее полной защиты прав и интересов своего государства, ни в коей мере не затрагивается подчинением местной юрисдикции канцелярских работников представительства.

Вспомогательный персонал посольств и миссий правами дипломатического иммунитета не пользуется. Старинная теория о том, что даже домашние работники дипломатов экстерриториальны, в наше время почти не имеет сторонников.

Обязанности работников дипломатических представительств в отношении страны их пребывания таковы же, как и обязанности дипломатического представителя.

Советское законодательство о дипломатических представителях

Советский Союз признаёт основные институты международного права, относящиеся к вопросам представительства государства за границей и определяющие права и обязанности лиц, выступающих в других странах от имени своего государства.

Законодательство Советского Союза вносит полную ясность в вопрос о содержании и объёме прав дипломатического

иммунитета, точно определяя круг лиц, пользующихся этими правами.

Постановление ЦИК и СНК СССР от 14 янв. 1927 г. (С. З. СССР, 1927, № 5, ст. 47 и 48) установило права иностранных дипломатических представителей в Советском Союзе, подчеркнув, что этими правами пользуются сами дипломатические представители, их советники, секретари и атташе, включая специальных атташе, а также супруги и несовершеннолетние дети всех этих лиц.

Порядок сношения дипломатических представителей с властями страны пребывания

Дипломатические представители ведут сношения только с ведомством иностранных дел страны пребывания и не имеют права непосредственно обращаться с демаршами или запросами в другие учреждения этой страны[1]. Исключения допускаются только на основании специальных соглашений для консульских отделов дипломатических представительств, сносящихся непосредственно с теми властями, которые указаны в таких соглашениях. Военные, морские, авиационные, а также иные специальные атташе сносятся непосредственно с соответствующими ведомствами (военное, морское, авиационное министерства, генеральный штаб, министерства торговли и финансов и т. п.).

Приведённое выше правило не относится к сношениям с организациями и учреждениями (хотя бы и правительственными), специально созданными для обслуживания населения, как то: почта, телеграф, адресные и справочные бюро, кассы средств массового транспорта, банки и т. д. Дипломатические представители вправе обращаться и в органы полиции (милиции), если им необходима немедлённая их помощь.

Сношения с ведомством иностранных дел страны пребывания ведутся устно и письменно. Устные сношения (переговоры) ведёт либо сам дипломатический представитель, либо уполномоченные им на это работники дипломатического состава представительства.

Дипломатическая переписка

Письменные обращения в ведомство иностранных дел оформляются в виде особого документа, составляемого по принятым в международном обиходе образцам. Такими документами являются: личные ноты, называемые также просто письмами, вербальные ноты, меморандумы и памятные записки.

Личная нота — это письмо, подписанное лицом, возглавляющим дипломатическое представительство, и адресованное главе ведомства иностранных дел или его помощнику. Оно пи-

[1] На практике подобные сношения имеют место довольно часто, но с предварительного согласия ведомства иностранных дел страны пребывания.

шется в первом лице, начинается с обращения: «Господин министр» или «Господин товарищ министра», и заканчивается трафаретной фразой вежливости: «Благоволите принять, господин министр, выражения моего глубокого почтения». Общепринятые правила вежливости требуют также, чтобы в таком письме выражения: «я прошу, я надеюсь» заменялись фразами: «я имею честь просить, я позволяю себе надеяться» и т. п. Личная нота является важным документом, показывающим, что вопросу, о котором в ней идёт речь, придаётся особое значение.

Наиболее часто применяемый документ дипломатической переписки — вербальная нота — адресуется от имени дипломатического представительства ведомству иностранных дел страны пребывания. Она пишется на бланке представительства или на листе чистой бумаги и составляется в третьем лице («Посольство имеет честь просить Министерство иностранных дел», «Миссия имеет честь обратиться к Министерству иностранных дел» и т. п.). По большей части в заголовке документа ставится надпись: «Вербальная нота». В вербальную ноту также принято включать (обычно в самом начале) формулу вежливости: «Выражая своё уважение Министерству иностранных дел...» и т. п.

Вербальные ноты обычно не подписываются, но под их текстом проставляются дата и мастичная печать представительства. В большинстве случаев там же, где и печать, или рядом с ней проставляется гриф (начальные буквы имени и фамилии или неполная подпись с росчерком) одного из ответственных дипломатических работников представительства, уполномоченных на то дипломатическим представителем. Гриф служит доказательством, что вербальная нота не послана автоматически канцелярией без утверждения её руководящими работниками представительства.

Меморандум — это записка, подробно излагающая фактическую и юридическую сторону какого-либо вопроса. Меморандумы либо прилагаются к нотам, развивая и обосновывая их содержание, либо посылаются или вручаются в качестве самостоятельного документа. Меморандумы не подписываются. Печать под ними не ставится. Обычно не содержат они и трафаретных формул вежливости.

Памятные записки чаще всего передаются лично дипломатическим представителем или другим ответственным лицом представительства, чтобы оставить след только что сделанного устного сообщения или же позволить министерству легче запомнить его фактическую сторону. Иногда такие записки посылаются, чтобы напомнить о том или ином деле. Памятные записки не подписываются, составляются не на бланке, а на листе чистой бумаги. Печать под ними не ставится.

Обычно ноты и меморандумы посылаются адресату канцелярским путём. Однако иногда они вручаются лично дипломатическим представителем или одним из ответственных дипломатических работников представительства.

Письменные обращения ведомства иностранных дел к дипломатическим представителям или в дипломатические представительства оформляются точно такими же документами. Личные ноты подписывает глава ведомства иностранных дел или его помощник.

В своих нотах и прочей дипломатической переписке дипломатический представитель обычно соблюдает требования такта и вежливости, избегая резких выражений и всяких выпадов, обидных для установлений и учреждений государства, в котором он аккредитован. В противном случае ведомство иностранных дел может отказаться принять вручённую или посланную ему ноту. Эта последняя в таком случае возвращается отправителю с устным или письменным указанием мотивов отказа. Разумеется, такое же право принадлежит в аналогичных случаях и дипломатическому представителю. При наличии хороших отношений между обоими государствами ведомство иностранных дел (или дипломатический представитель) рекомендует при этом отправителю взять свою ноту обратно.

От такого исключительного случая отказа принять ноту из-за её оскорбительного или неуместного содержания следует отличать более частный случай того, что в дипломатической практике называется Fin de non recevoir (отказ принять). Это выражение означает, что адресат отвергает официальную жалобу, не рассматривая её.

В случаях серьёзных нарушений интересов данного государства его дипломатический представитель или ведомство иностранных дел заявляет другой стороне протест, энергичный протест, категорический протест и т. п. Подобные ноты называются нотами протеста. Разумеется, такие ноты ведут порой к серьёзным осложнениям в отношениях между обоими государствами. Иногда ноты содержат и настоящий ультиматум, сообщение о разрыве дипломатических отношений или об объявлении военных действий.

Язык дипломатических сношений

Официальным дипломатическим языком в Европе до XVIII века был латинский. На этом языке составлялись все дипломатические документы. С XVIII столетия место латинского языка занял французский. В XX столетии наряду с французским языком в дипломатических сношениях стал широко применяться и английский, получивший после Версальского мира и создания Лиги наций международное признание за ним равноправия наряду с французским. В настоящее время,

учитывая огромный международный вес СССР, всё большее распространение в качестве дипломатического языка приобретает русский язык, который должен быть признан равноправным в области дипломатии с французским и английским.

Устные переговоры обычно ведутся на языке страны пребывания (если дипломатический представитель хорошо им владеет) или же на том языке, которым хорошо владеют оба собеседника. При отсутствии общего языка переговоры ведутся при помощи переводчика. В странах Востока такие переводчики назывались ранее драгоманами.

Письменные сношения ведутся либо на французском или английском языке, либо на языке или языках, избранных по согласованию с местным ведомством иностранных дел. Дипломатическое представительство может писать и на языке своей страны, но в таком случае оно должно мириться с тем, что в свою очередь будет получать ответы ведомства иностранных дел на местном языке.

Порядок сношений с иностранными учреждениями

Учреждения должны направлять свои запросы иностранным учреждениям обязательно через ведомство иностранных дел своего государства. Это правило воспроизведено в советском законе, в постановлении ЦИК и СНК СССР от 27 августа 1926 г. (С. З. СССР, 1926, № 58, ст. 426). В силу указанного постановления сношения с заграничными учреждениями и должностными лицами иностранных государств, а также с иностранными дипломатическими представительствами в СССР производятся исключительно через Наркоминдел. В случае непосредственного получения запроса от этих учреждений и должностных лиц ответы им даются через Наркоминдел.

Этот порядок сношений не относится к сношениям иностранных дипломатических представительств в СССР с советскими учреждениями и организациями, обслуживающими бытовые и культурные нужды населения (почта, телеграф, таможни, банки, сберкассы и т. п.), а равно к переписке между научными организациями. Специальные атташе (военные, морские, авиационные, торговые) обычно сносятся непосредственно с соответствующим ведомством страны пребывания.

Консулы

Консул представляет назначившее его государство не перед правительством страны своего пребывания, а перед местными властями района своей деятельности в данной стране, называемого консульским округом.

Число консулов одного государства на территории другого определяется по соглашению между обоими правительствами.

Штатные и нештатные консулы

Почти все капиталистические государства назначают и принимают консулов двух категорий: штатных (consules missi) и нештатных, или почётных (consules electi).

Штатный консул состоит на государственной службе назначающего государства, как правило, является его гражданином, получает установленное жалованье, выполняет все консульские функции и пользуется всеми консульскими привилегиями.

Нештатный консул не состоит на государственной службе назначившего его государства; он не получает жалованья, обращает в свою пользу все или часть взыскиваемых им консульских сборов; им выполняются лишь простейшие консульские функции — содействие торговому судоходству, помощь гражданам своего государства; лично он не пользуется консульскими привилегиями. Нештатным консулом может быть гражданин третьего государства или местный гражданин. Обычно нештатными консулами являются постоянно проживающие в данном городе купцы, адвокаты и лица других свободных профессий.

СССР относится отрицательно к институту нештатных консулов, исходя из того, что консульскими представителями должны быть лица, за которых полностью отвечает назначившее их государство. Статьи 9 и 10 Консульского устава СССР (С. З. СССР, 1926, № 10, ст. 78) устанавливают, что советскими консулами могут быть лишь советские граждане, состоящие на государственной службе по Наркоминделу. Советский закон об иностранных консулах (статья 9 Положения о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР. С. З. СССР, 1927, № 5, ст. 48) требует, чтобы иностранные консулы в СССР были гражданами тех государств, которые они, соответственно, представляют.

Консульские ранги

В международной практике приняты следующие, в порядке старшинства, ранги (звания) консулов: 1) генеральный консул, 2) консул, 3) вице-консул, 4) консульский агент.

Определение ранга назначаемого консула зависит от усмотрения назначающего государства. Обычно при этом принимается во внимание объём консульской работы и значение места пребывания консула в политической и экономической жизни страны. Генеральные консулы назначаются в крупнейшие промышленные и торговые центры, а также в важнейшие порты. Наоборот, консульские агенты назначаются в небольшие города и порты, где объём консульской работы невелик.

Консульские учреждения делятся, соответственно рангу их руководителей, на генеральные консульства, консульства, вице-консульства и консульские агентства.

Консульские функции выполняются также и дипломатическими представительствами. В некоторых представительствах имеются специальные консульские отделы. Однако заведующий консульским отделом не может сноситься с местными властями, если такое право ему не предоставлено специальным соглашением между обоими государствами.

Приведённые выше ранги консулов и наименования консульских учреждений приняты и советским законодательством (статья 3 Консульского устава).

Консульский корпус

Консулы, находящиеся в данном городе, образуют консульский корпус. Во главе этого корпуса стоит старейшина (дуайэн) — старший по рангу консульский представитель. Старейшиной из числа равных по рангу является консульский представитель, ранее других приступивший в данном городе к выполнению консульских функций. Старейшина представляет консульский корпус перед местными властями, подобно тому как старейшина дипломатического корпуса представляет его перед центральными властями. Однако ни консульский корпус, ни его старейшина не могут выступать с заявлениями общеполитического характера.

Допуск консула к исполнению служебных обязанностей

Допуск иностранного консула к исполнению служебных обязанностей производится по особому распоряжению правительства страны пребывания консула. Правительство вправе отказать в таком распоряжении, если считает данное лицо персонально нежелательным. Выдача этого распоряжения фактически является выражением согласия на назначение.

Советское законодательство (статья 9 Положения о дипломатических и консульских представителях иностранных государств на территории СССР) устанавливает, что иностранными консулами признаются лица, «принятые в качестве таковых правительством Союза ССР в лице Народного Комиссариата Иностранных Дел». Договоры по вопросам консульской деятельности, заключённые Советским Союзом, требуют признания консулов в этом качестве правительством государства, в которое они назначены.

Консульский патент

Консул получает от назначившего его государства особый документ — консульский патент. В этом документе удостоверяется, что данное лицо назначено консулом своей страны в таком-то ранге, с пребыванием в таком-то пункте такого-то государства и будет осуществлять свои консульские функции в таком-то консульском округе. Власти страны пребывания консула приглашаются оказывать ему всяческое содействие. В большинстве государств консульский патент выдаётся за подписью главы

государства. В СССР консульские патенты выдаются за подписью народного комиссара иностранных дел, от имени советского правительства (статья 12 Консульского устава).

Нештатные консулы получают свои патенты от тех штатных консулов, которым они подчинены.

Экзекватура

По прибытии в страну назначения консул представляет свой патент через дипломатического представителя ведомству иностранных дел. Получив патент, это ведомство оформляет вопрос о допуске консула к исполнению его служебных обязанностей. Постановление об этом допуске называется консульской экзекватурой. Экзекватура оформляется либо в виде особого удостоверения, выдаваемого ведомством иностранных дел иностранному консулу, либо надписью на консульском патенте, либо путём публикации в официальной газете, в зависимости от того, какой порядок принят в данном государстве. В ряде стран экзекватура подписывается главой государства. В СССР экзекватура выдаётся иностранному консулу в виде особого документа за подписью народного комиссара иностранных дел.

При выдаче экзекватуры консульский патент возвращается обратно консулу. Выданная экзекватура может быть отобрана у консула, если он почему-либо стал нежелательным лицом.

Консул прекращает свои функции в случае отозвания его своим правительством, в случае отобрания экзекватуры, в случае закрытия консульства и, наконец, при разрыве отношений между обоими государствами.

Консульский округ

Консульский округ определяется правительством страны, назначающей консула, по соглашению с правительством страны назначения. Последнее может исключать из этих округов административные единицы, где оно вообще не желает допускать иностранную консульскую деятельность. Обычно каждый консульский округ включает одну или несколько территориально-административных единиц данной страны. Однако консульский округ может быть ограничен, например, только тем городом, в котором проживает консул. Консульские функции в отношении административных единиц, не включённых в округа консулов данной страны, выполняет дипломатическое представительство.

Консул сносится с местными (провинциальными) властями страны пребывания. Правом сношения с центральными властями этой страны, включая её ведомство иностранных дел, консул не пользуется.

Обязанности консула

Обязанности консула определяются законодательством государства, назначившего консула. Однако, выполняя эти обязанности, консул должен считаться и с законами страны своего пребывания. Власти её могут не признавать силы за теми действиями

консула, которые запрещены местным законом, если соответствующее изъятие не установлено путём международного договора. Так, например, эти власти могут не признавать законности регистрации консулом браков, если местный закон требует иного их оформления.

Консул выполняет задания торгово-политического характера и представляет своё государство в этой области. Объём вытекающих отсюда функций не поддаётся точному определению.

Основной задачей консула является наблюдение за тем, чтобы местные власти выполняли обязательства договоров, заключённых между его государством и страной пребывания, а также соблюдали в отношении его сограждан международные обычаи и местные законы, определяющие права и обязанности иностранцев. Консул оказывает содействие военным, торговым и воздушным судам своего государства, прибывающим в данный консульский округ. Консул защищает личные и имущественные права и интересы своих соотечественников. При нарушении этих прав и интересов он требует от местных властей прекращения нарушений, соблюдения международных договоров и обычаев и возмещения нанесённого ущерба.

Наряду с этим консул несёт и обязанности административного характера. Так, например, консул ведёт учёт граждан своего государства, находящихся в данном консульском округе, выдаёт своим соотечественникам паспорта и другие документы личного характера, ведёт акты гражданского состояния этих лиц, выдаёт последним, а также иностранцам, визы на въезд в пределы представляемого им государства.

Консул выполняет функции нотариуса, поскольку нотариально оформляемый документ предназначен для представления в государстве, назначившем консула. Кроме того, консул заверяет подписи и печати на документах, выданных властями его консульского округа, если эти документы предназначены для пересылки в страну, назначившую консула; при этом консул удостоверяет, что эти документы составлены по законам страны его пребывания (эта заверка называется консульской легализацией).

Наконец, консул составляет завещания своих соотечественников, а в случае их смерти принимает меры к охране наследственного имущества. При наличии соответствующих международных соглашений или сложившейся практики консул принимает в своё распоряжение наследственное имущество, в той его части, которая в капиталистических странах именуется движимым имуществом. С этой частью наследства консул поступает по законам назначившего его государства.

Привилегии консулов

Консулы не обладают дипломатическим иммунитетом. Однако международные обычаи наделяют консулов некоторыми привилегиями, обеспечивающими этим представителям известную независимость от властей страны пребывания.

Основной привилегией является неприкосновенность консульских архивов. Местные власти не имеют права просматривать служебную переписку иностранных консулов, производить её выемки или опечатывать таковую. Равным образом они не вправе требовать от консула сообщения им сведений о его служебной переписке и её содержании. Из неприкосновенности архива вытекает и неприкосновенность так называемых консульских канцелярий, т. е. служебных помещений, в которых хранится переписка консулов. Однако консульские архивы и переписка должны храниться отдельно от личного имущества и от личной переписки консула и его сотрудников. Несоблюдение этого условия лишает консульский архив его неприкосновенности.

Консулы имеют право сноситься посредством неприкосновенной (дипломатической) почты с дипломатическим представительством их государства в стране пребывания, а часто и со своим ведомством иностранных дел. Кроме того, они имеют право вести шифрованную корреспонденцию как со своим дипломатическим представительством, так и со своим ведомством иностранных дел.

Консул не подсуден местным судам за свои должностные преступления.

Консул не может быть арестован в административном порядке. В порядке меры пресечения консул может быть лишён свободы лишь в случае совершения им особо тяжёлого преступления. Лишение консула свободы на основании судебного приговора не является нарушением международного права; но на практике государства крайне редко прибегают к таким мерам, предпочитая высылать из страны консулов, совершивших преступные действия.

Консулы освобождаются от всех прямых налогов и сборов как общегосударственных, так и местных.

Консульские конвенции

Почти все государства оформляют объём компетенции их консулов и права последних путём особых двусторонних международных договоров — консульских конвенций. Отдельные постановления о функциях консулов включаются и в другие договоры — о торговле и мореплавании, о помощи в гражданских делах и т. д. В странах, где ещё сохранился капитуляционный режим, консулы пользуются правом консульской юрисдикции и рядом других привилегий.

Советское законодательство по консульским вопросам

Организация консульской службы Советского Союза, обязанности советских консулов и порядок выполнения ими своих функций определены Консульским уставом СССР, утверждённым ЦИК и СНК СССР 8 января 1926 г. (С. З. СССР, 1926, № 10, ст. 77 и 78).

Положение о дипломатических и консульских представительствах иностранных государств на территории СССР, утверждённое ЦИК и СНК СССР 14 января 1927 г. (С. З. СССР, 1927, № 5, ст. 47 и 48), содержит постановления, определяющие порядок назначения иностранных консулов и права этих лиц.

2. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ДОГОВОРЫ

Категории международных актов

Международные договоры, часто обозначаемые общим термином «соглашения» (conventions), носят различные наименования: договор (traité), соглашение (convention, accord, arrangement), конгенция (convention), протокол (protocole), обмен нотами (échange de notes), декларация (déclaration), джентльменское соглашение. Когда соглашение носит явно выраженный временный характер из-за невозможности договориться в данный момент о более постоянном положении, его обычно называют modus vivendi, хотя такое обозначение и не фигурирует в самом акте.

На русском языке некоторые важнейшие договоры называются трактатами (например, Туркманчайский трактат 1828 г., Парижский мирный трактат 1856 г., Берлинский трактат 1878 г.).

Договор

Договором именуется важнейший международно-правовой акт, устанавливающий права и обязанности договаривающихся сторон в области политических или экономических отношений. Таковы мирный договор, союзный договор, договор о гарантиях, договор о дружбе, договор о взаимопомощи, договор о нейтралитете и ненападении, договор о торговле и мореплавании и т. д.

В международном обиходе некоторые из договоров, имеющих целью обеспечение общего мира, иногда называют пактами. Так, например, Парижский договор 1928 г. об отказе от войны в качестве орудия национальной политики называют Пактом об отказе от войны. Устав Лиги наций называется Пактом Лиги наций.

Конвенция

Конвенция — это договор по отдельному вопросу права, экономики или администрирования. Таковы конвенция о согласительной процедуре, консульская конвенция, таможенная конвенция, почтовая конвенция, санитарная конвенция и т. п.

Соглашение

Соглашение (когда оно соответствует французскому ограничительному термину accord или arrangement) — это договор по вопросу сравнительно небольшого значения или временного характера, заключаемый на непродолжительный срок. Таковы, например, соглашение о пользовании пограничными водами, временное торговое соглашение, временное соглашение о рыболовстве и т. д.

Протокол

Протокол фиксирует в кратком изложении соглашение, достигнутое по отдельному вопросу, или служит пояснением отдельных постановлений заключённого договора. Таковы, например, протокол по таможенно-тарифным вопросам, протокол о поддержании в порядке пограничных знаков, протокол об изменении железнодорожной конвенции. Соглашение о продлении срока действия договора также оформляется обычно в виде протокола. Иногда протокол является дополнением к договору или соглашению (Дополнительный протокол, Заключительный протокол). В форме протокола фиксируют также обмен ратификационными грамотами.

Обмен нотами

Обмен нотами фиксирует, так же как и протокол, достигнутое соглашение по тому или иному вопросу, но в форме одинаковых по содержанию нот, которыми стороны обмениваются в один и тот же заранее условленный день. Таковы обмен нотами об установлении дипломатических отношений, обмен нотами о порядке исполнения судебных поручений по гражданским делам и т. д. [1]

Декларация

Декларация — сравнительно редкий международный документ, в котором несколько государств торжественно заявляют, что они будут придерживаться одинаковой линии поведения в таком-то вопросе. Таковы, например, Парижская декларация 1856 г. об отмене каперства, Барселонская декларация 1921 г. о признании за государствами, не имеющими морского побережья, права на мореплавание под их флагами, Декларация трёх держав (СССР, Великобритании и США), принятая 1 декабря 1943 г. в Тегеране[2].

Джентльменское соглашение

Джентльменское соглашение — договор, заключённый в устной форме между договаривающимися сторонами. Если даже условия его иногда и излагаются письменно (например, джентльмен-

---

[1] Обмен нотами является переходным актом между международным, подписанным обеими сторонами документом и обычной нотной перепиской. В некоторых странах он позволяет избежать ряд формальностей, требуемых законодательством или установившейся практикой для первого рода международных обязательств.

[2] Международную двустороннюю или многостороннюю декларацию не следует смешивать с односторонним заявлением того или иного правительства, также именуемым иногда декларацией (например, декларация о нейтралитете, декларация о невмешательстве в дела такого-то государства и т. п.).

ское соглашение 1937 г. между Англией и Италией о статуте Средиземного моря), оно всё же не имеет характера официального международного договора. Обычно его обязательства выполняются так же, как и обязательства этого последнего. Но вопрос, насколько джентльменское соглашение связывает государства, а не только министра, заключившего соглашение, является спорным.

Следует, однако, учесть, что приведённое выше различное наименование международных договоров, в зависимости от их содержания, в настоящее время устарело и далеко не всегда проводится на практике. Иногда соглашения по вопросам сравнительно небольшого значения именуются договорами (например, Договор о репатриации между Нидерландами и Швейцарией, заключённый в 1910 г.). Иногда, наоборот, договоры, имеющие весьма важное значение, оформляются в виде соглашений, протоколов и даже обмена нотами: например договор, положивший начало военному союзу между Россией и Францией, был оформлен в виде обмена нотами 1891 г.; союзный договор между Англией и Японией оформлен в виде соглашения 1902 г.; запрещение применять на войне удушливые, ядовитые и другие подобные газы, а также бактериологические средства — в виде протокола 1925 г.; договор о взаимопомощи между СССР и МНР — в виде протокола 1936 г.

Заключение международных договоров

Неограниченное право заключать международные договоры по любым вопросам принадлежит лишь суверенным государствам. Полусуверенное государство может заключать от своего имени международные договоры лишь с согласия его «покровителя». Договоры об установлении протектората или других форм зависимости обычно предусматривают, имеет ли право полунезависимое государство заключать международные договоры, и какие именно. Практика показывает, что таким государствам предоставляется право заключать договоры по административным и правовым вопросам (связь, транспорт, здравоохранение), а иногда и по вопросам экономическим (торговля).

Так, например, Тунис и Марокко участвуют в Всемирной почтовой конвенции 1924 г., Судан — в Международной конвенции по борьбе с наркотиками 1925 г. и т. д.

Вопрос о том, правомочны ли отдельные члены какой-либо федерации заключать международные договоры, зависит от постановлений федеральных конституций. Так, например, статья 9 Швейцарской конституции предоставляет кантонам право заключать договоры с иностранными государствами по вопросам административным, пограничным и экономическим. Наоборот, § 10 статьи 1 Конституции США устанавливает, что

отдельные штаты не вправе заключать договоры с иностранными государствами.

Британские доминионы ещё до первой мировой войны заключали договоры с другими государствами. Сейчас эта практика ещё более расширилась.

Сталинская Конституция относит заключение международных договоров к ведению Союза ССР. Однако в силу закона от 1 февраля 1944 г. и союзные республики получили право заключать соглашения с иностранными государствами.

Международные договоры заключаются либо от имени глав государств, либо от имени правительств. От имени глав государств обычно заключают наиболее важные договоры, подлежащие затем ратификации. Прочие договоры заключаются от имени правительств. Советский Союз заключает международные договоры либо от имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, являющегося коллегиальным президентом, либо от имени правительства СССР — Совета Народных Комиссаров.

Международный договор заключается путём переговоров между лицами, специально на то уполномоченными. При заключении двусторонних договоров (т. е. договоров, заключаемых только между двумя государствами) такими уполномоченными чаще всего являются глава ведомства иностранных дел и иностранный дипломатический представитель. Заключение договора путём переговоров между этими двумя лицами называется «заключением договора в дипломатическом порядке». Обычно та и другая сторона привлекают к участию в переговорах и других лиц: экспертов, советников, секретарей, заведующих соответствующими отделами и, в подлежащих случаях, представителей других ведомств. Однако договор подписывается лишь самими уполномоченными.

Двусторонний договор может быть заключён и путём переговоров между специально для того назначенными лицами. В таких случаях каждая из сторон назначает двух или нескольких уполномоченных, и переговоры происходят на конференции этих лиц.

Полномочия на заключение международного договора

Лицу, которому поручено заключение международного договора, выдаётся особый документ — полномочия. Законодательство каждого государства определяет, в каких случаях и за чьей подписью выдаются полномочия. Практика государств обычно сводится к тому, что полномочия на заключение договоров, подлежащих последующей ратификации, выдаются за подписью главы государства. Когда договор не требует ратификации, полномочия подписывает глава правительства, а в менее важных случаях — министр иностранных дел.

В Советском Союзе полномочия на заключение международных договоров, подлежащих ратификации, выдаются за подписью председателя Президиума Верховного Совета, а полномочия на подписание всех других международных договоров — за подписью Председателя Совнаркома. В обоих случаях полномочия подписывает также и Народный Комиссар Иностранных Дел.

В полномочиях указывается, что такому-то лицу поручается ведение переговоров о заключении такого-то договора и подписание последнего. Если в полномочиях указывается, что данное лицо вправе лишь вести переговоры, для подписания договора требуются новые полномочия.

При начале переговоров уполномоченные предъявляют друг другу свои полномочия и обмениваются ими. Полномочия могут быть предъявлены и позднее, но во всяком случае перед подписанием договора.

Оформление договора

В результате переговоров между уполномоченными составляется окончательный текст договора. Этот текст состоит из трёх частей: 1) вступительной, в которой указывается, между какими государствами и по каким мотивам заключается договор, а также приводятся фамилии уполномоченных и отмечается, что их полномочия были признаны достаточными; 2) основной, в которой излагаются постановления договора; 3) заключительной (так называемые «протокольные статьи»), устанавливающей порядок вступления договора в силу, указывающей, подлежит ли он ратификации, а также место и срок обмена ратификационными грамотами, порядок и срок его действия, порядок его денонсации и язык или языки, на которых договор составлен. Если договор многосторонний, то в той же части указывается и порядок присоединения к нему других государств. Заключающие договор государства обычно именуются в тексте договора «договаривающимися сторонами» или «высокими договаривающимися сторонами».

Договоры составляются либо на французском языке, который считается официальным дипломатическим языком, либо на языке или языках, избранных по соглашению между договаривающимися сторонами. Двусторонние договоры часто составляются на языках обеих сторон, многосторонние — обычно на французском и на английском языках. Если договор составлен на двух языках, то в нём указывается, что оба его текста аутентичны и при толковании договора имеют одинаковую силу.

Окончательный текст двустороннего договора печатается в двух экземплярах на обоих языках каждый (если он составлен на двух языках). В одном экземпляре на первом месте в тексте договора упоминается одно государство, а в другом — другое. Точно так же меняется и порядок текста на одном и другом

языке. Эти два текста, в остальном точно совпадающие, называются «альтернатами» договора. Подписываются оба альтерната, и каждое государство получает тот экземпляр подписанного подлинника, в котором оно упомянуто на первом месте.

Многосторонние договоры

Многосторонние договоры заключаются на международных конференциях. Они подписываются в одном экземпляре. Участвующие в них государства перечисляются в алфавитном порядке, что должно свидетельствовать о равенстве всех стран мира. Подписанный экземпляр передаётся на хранение правительству государства, указанного для того в тексте договора. Обычно это правительство страны, на территории которой договор был подписан.

Сдача договора на хранение называется депонированием договора. Правительство государства, которому депонирован международный договор, выдаёт всем участникам последнего заверенные копии договора.

Подписание договора

При подписании договора каждый уполномоченный ставит рядом со своей подписью свою личную сургучную печать (на которой выгравированы начальные буквы имени и фамилии уполномоченного или его личный герб) [1]. Под печатями проходят концы шнура, которым сшит договор. Эта процедура должна как бы гарантировать, что в дальнейшем в подлинник договора не окажутся вставленными листы с неправильным текстом. При заключении многосторонних договоров со значительным числом участников вышеприведённое правило соблюдается далеко не всегда.

Парафирование договора

Если подписание согласованного текста договора почему-либо откладывается, то иногда стороны прибегают к парафированию договора. Парафирование (от французского слова «parafe», что значит «росчерк») состоит в том, что уполномоченные ставят под текстом договора не свои подписи и печати, а лишь заглавные буквы имени и фамилии каждого из них. Парафирование означает, что согласование и редактирование договора закончены и что уполномоченные одобряют выработанный текст. Парафирование не является обязательным этапом заключения договора; подписание договора может быть отложено, а согласованный текст оставлен без парафирования. Парафирование не заменяет подписания договора. Парафированный договор подписывают после того, как отпадут обстоятельства, вызвавшие отсрочку заключения договора.

---

[1] В некоторых случаях уполномоченные проставляют и печати правительственные, ведомства иностранных дел, дипломатического представительства. Сургучные печати заменяются иногда штемпельными.

Оговорки к договорам

На многосторонних международных конференциях при подписании договоров участники вправе делать оговорки либо по договору в целом, либо по отдельным его постановлениям. Такие оговорки ещё до подписания договора сообщаются всем его участникам, что даёт каждому возможность заявить отвод, если оговорка задевает его интересы. Оговорки включаются в заключительный протокол, прилагаемый к договору. Иногда они проставляются в самом тексте договора, перед подписью делегата, выступающего с оговоркой.

Присоединение к многосторонним договорам

Приглашённые участвовать в договоре государства, не представленные на конференции или почему-либо уклонившиеся от подписания, могут присоединиться к уже подписанному договору путём вручения правительству страны, в которой договор хранится (депонирован), особого документа, декларации о присоединении. Декларация вручается главе ведомства иностранных дел страны, в которой депонирован договор. Почти все многосторонние договоры предусматривают возможность такого к ним присоединения. Присоединяющееся государство вправе делать при этом оговорки, но только такие, которые уже были сделаны при подписании данного договора. Если присоединяющееся государство желает сделать другие оговорки, оно должно предварительно получить на то согласие всех участников данного договора.

Вступление договора в силу

Международные договоры вступают в силу: а) со дня подписания, если в тексте договора нет указания о другом сроке вступления его в силу; б) со дня уведомления сторонами друг друга о состоявшемся утверждении правительствами подписанного договора, если последний ставит применение договора в зависимость от такого утверждения; в) со дня обмена ратификационными грамотами, если договор подлежит ратификации и если в нём не установлен другой срок вступления в силу.

Обычно в договоре указывается, что он вступит в силу по истечении определённого срока со дня подписания, утверждения правительствами или обмена ратификационными грамотами.

Ратификация договоров

Ратификацией договора называется его утверждение главой государства.

Согласно Сталинской Конституции, международные договоры, заключённые Союзом ССР, ратифицируются Президиумом Верховного Совета СССР (статья 49 Конституции).

Закон о порядке ратификации и денонсации международных договоров, принятый Верховным Советом СССР 20 августа 1938 г., определяет, какие именно международные договоры, заключённые Советским Союзом, подлежат обязательной ратификации.

Статья 2 этого закона гласит:

«Ратификации подлежат заключаемые Союзом Советских Социалистических Республик мирные договоры, договоры о взаимной обороне от агрессии, договоры о взаимном ненападении. Равным образом, ратификации подлежат международные договоры, при заключении которых стороны условились о последующей ратификации».

Ратификация договора оформляется особым документом — ратификационной грамотой. Эта грамота состоит из трёх частей: а) вступительной, в которой глава государства объявляет, что он рассмотрел подписанный договор, б) из копии текста самого договора и в) из заключительной части, в которой глава государства заявляет, что договор будет соблюдаться. Под заключительной частью ставится подпись главы государства и государственная печать. Ниже этой подписи ставится вторая подпись — того высшего должностного лица, которое по законам данного государства должно скреплять своей подписью государственные акты. Ратификационные грамоты СССР подписывают председатель Президиума Верховного Совета СССР и народный комиссар иностранных дел. К грамотам прикладывается печать Президиума Верховного Совета СССР.

Ратификационные грамоты двусторонних договоров обмениваются одна на другую договаривающимися сторонами в указанном в договоре месте. Ратификационные грамоты многосторонних договоров не обмениваются, а передаются каждым государством на хранение правительству той страны, которое указано для того в тексте самого договора. Обычно это правительство страны, на территории которой договор был подписан. При обмене или при сдаче ратификационных грамот составляется краткий протокол, который подписывается лицами, произведшими обмен. Обмен или передачу грамот на хранение обычно производит дипломатический представитель. Со стороны второго государства в этой операции участвует глава ведомства иностранных дел или его заместитель. Обмен или передача грамот на хранение могут быть поручены и другим лицам. В таком случае последние должны иметь письменные полномочия на то от соответствующих правительств.

Глава государства или Парламент могут отказать в ратификации подписанного договора. В таком случае договор не вступает в силу.

Иногда государства, не отказываясь формально от ратификации, задерживают её на более или менее долгий срок, тем самым не вводя подписанного договора в действие.

Многосторонний договор, подлежащий ратификации, вступает в силу после того, как он ратифицирован всеми его участниками или, если последнее предусмотрено в самом договоре, известным числом участников. Понятно, что в последнем слу-

чае такой договор становится обязательным только для тех государств, которые его ратифицировали.

Срок действия договоров

В большинстве договоров указываются сроки их действия. Исключение составляют мирные договоры, договоры о принадлежности территории (например, Договор 1920 г. о Шпицбергене), договоры, фиксирующие признание какого-либо института международного права (например, Гаагские конвенции 1907 г. о правилах войны). В таких договорах срок не указывается, они действуют бессрочно.

Большая часть заключаемых договоров предусматривает возможность автоматического продления их на новый срок, если за установленный в договоре период до наступления первоначального срока ни одна из сторон не заявит о своём отказе от договора. В некоторых договорах не устанавливается срок их действия, но предусматривается право каждой из сторон в любое время заявить об отказе от договора; в этом случае договор теряет силу по истечении установленного в нём периода со дня заявления об отказе. Большинство многосторонних договоров воспроизводят это последнее правило.

Если договор заключён на определённый срок и не предусматривает возможности автоматического продления, то государства, желающие продлить такой договор, заключают об этом специальное соглашение, обычно в форме протокола.

Пролонгация договоров

В международном обиходе продление договора обозначается словом «пролонгация». Изменение постановлений договора обычно происходит в связи с истечением срока действия. Однако по соглашению сторон любой договор может быть изменён в любое время.

Денонсация договоров

Заявление участника договора о своём желании прекратить действие договора, сделанное в порядке и в сроки, предусмотренные договором, называется денонсацией договора. Денонсация договора является вполне закономерным актом. Её не следует смешивать с односторонним расторжением договора, не зависящим от срока действия последнего, также иногда обозначаемым словом «денонсация».

Денонсация производится путём ноты, адресованной главе ведомства иностранных дел другой стороны или её дипломатическому представителю. Денонсация многостороннего договора производится путём ноты, адресуемой главе ведомства иностранных дел государства, в котором депонирован подлинник договора.

Денонсация кладёт предел действиям двустороннего договора в срок, указанный в этом договоре. При денонсации одним или несколькими участниками многостороннего договора этот

последний прекращает своё действие лишь в отношении денонсировавших его государств.

Секретные и конфиденциальные договоры

Наряду с открытыми, предаваемыми гласности и распубликовываемыми договорами государства заключают между собой секретные и конфиденциальные договоры.

Вхождение договоров в силу

После вхождения международного договора в силу каждое из заключивших его государств распубликовывает его (если дело не идёт о секретном или конфиденциальном договоре) в своих сборниках законов. После этого договор становится внутренним законом данного государства, обязательным для его властей и граждан.

Нарушение международных договоров

Принцип ненарушимости международных договоров — Pacta sunt servanda (договоры должны соблюдаться) — является одним из основных положений международного права. Однако история международных отношений капиталистических государств показывает, что этот принцип далеко не всегда соблюдается. Так, например, несмотря на гарантии целостности Оттоманской империи, содержавшиеся в Парижском трактате 1856 г. (подтверждённом Берлинским трактатом 1878 г.), Франция захватила находившийся в вассальной зависимости от Порты Тунис, Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, Италия отторгла от Турции Триполи и Додеканез. В позднейшее время — Румыния в 1918 г. отказалась от заключённого в том же году договора с РСФСР об очищении Бессарабии от румынских войск; в агрессивных целях Италия порвала свои договоры с Абиссинией от 1928 г. и с Албанией от 1926 г.; нападением на Китай и захватом Манчжурии в 1931 г. Япония односторонне нарушила договор девяти держав 1922 г., подписанный в Вашингтоне; в 1936 г., вопреки Версальскому и Локарнскому договорам, Германия ремилитаризировала Рейнскую область. Принципиальная трактовка со стороны Германии заключённых ею договоров как «клочков бумаги» вошла в историю. Наиболее гнусным и возмутительным примером нарушения международного договора является вероломное нападение Германии на Советский Союз, вопреки торжественно заключённому и ратифицированному ею договору о ненападении от 23 августа 1939 г.

Некоторые правительства пытаются оправдать свою практику одностороннего расторжения и нарушения международных договоров различными «теориями». Ещё Бисмарк исповедывал одну из них, говоря, что положение «ultra posse nemo obligatur (никто не может быть связан непосильными обязательствами) не может быть отменено никакими параграфами договора» [1].

---

[1] *Бисмарк*, Мысли и воспоминания, т. II, Соцэкгиз, 1940, стр. 223.

Учение о «неизменности обстоятельств»

Буржуазная теория международного права пытается примирить принцип Pacta sunt servanda и случаи произвольных отказов от договорных обязательств учением о «неизменности обстоятельств» (так называемая оговорка о «Rebus sic stantibus»).

Согласно этому учению, договор, заключённый при определённом фактическом положении и в предположении, что оно не изменится, может быть односторонне расторгнут, если положение всё же изменилось. Так, например, если государство А гарантировало государству Б целостность и неприкосновенность его территории от всякого нападения со стороны третьего государства, исходя из того, что Б — небольшая соседняя страна, защита которой от агрессора не представит особых трудностей, а государство Б приобрело затем новые обширные территории (например колонии), то обязательства государства А существенно расширяются. Поэтому А может расторгнуть договор о гарантии, ссылаясь на изменившиеся обстоятельства.

Злоупотребления учением о «неизменности обстоятельств»

Империалистические государства пользуются этой оговоркой для оправдания произвольных расторжений международных договоров, чрезвычайно широко толкуя принцип «неизменности обстоятельств».

Так, 7 марта 1936 г. Германия расторгла Локарнский договор и ремилитаризировала Рейнскую зону, лицемерно обосновав свои действия тем, что Франция заключила 2 мая 1935 г. пакт о взаимопомощи с СССР. Расторгнув перед второй мировой войной договор о ненападении с Польшей от 26 января 1934 г., она обосновала это нарушение международного права тем, что Польша заключила союзный договор с Англией. Под подобными же пустыми предлогами нарушила Германия и свои договоры с Австрией и Чехословакией, для того чтобы овладеть этими государствами. С начала второй мировой войны Германия последовательно и самым грубым образом нарушила свои договоры с рядом европейских государств.

Диктаты

Наконец, следует упомянуть ещё об одной теории нарушимости международных договоров: она делает различие между договорами, заключёнными добровольно и в нормальной обстановке, и так называемыми «диктатами», т. е. подписанными под нажимом грубой силы в результате военного разгрома или под угрозой военных репрессий. При этом считается, что расторжение или нарушение диктата является актом правомерным, в то время как нарушение добровольно подписанного договора является международным деликтом.

В противоположность государствам, считающим договоры «клочками бумаги», СССР неуклонно выполняет свои международные обязательства и решительно осуждает произвольное и одностороннее расторжение заключённых договоров.

3. МЕЖДУНАРОДНЫЕ КОНГРЕССЫ И КОНФЕРЕНЦИИ

С точки зрения международного права нет существенной разницы между конгрессами и конференциями, так как и те и другие представляют собой собрания уполномоченных различных государств для обсуждения и разрешения вопросов, имеющих международное значение.

В настоящее время термин «конгресс» почти не применяется. В прошлом он обозначал международную конференцию нескольких государств, созванную для заключения мира и перераспределения государственных территорий. Впрочем, и в прежнее время конгрессами иногда называли собрания, не отвечающие указанным признакам. Так, например, франко-испанская мирная конференция, созванная в 1659 г. на Фазаньем острове реки Бидассоа, названа была Пиренейским конгрессом, хотя переговоры велись только между представителями Франции и Испании; собрания участников Священного союза, имевшие место в Троппау (1820 г.), Лайбахе (1821 г.) и Вероне (1822 г.), также назывались конгрессами, хотя они и не были посвящены вопросам заключения мира или перераспределения государственной территории.

Всего с середины XVII столетия и до конца XIX столетия было 28 международных собраний, именуемых конгрессами (из них 8 не отвечали этому понятию). Первым из указанных конгрессов — Вестфальским (1648 г.) — закончилась Тридцатилетняя война, последним — Берлинским (1878 г.) — были разрешены вопросы, возникшие в результате русско-турецкой войны 1877—1878 гг.

С этого времени термин «конгресс» не применяется для обозначения международных собраний крупнейшего политического значения. Эти собрания именуются конференциями (например, Парижская мирная конференция 1919 г., Генуэзская конференция 1922 г. и т. д.). В наше время конгрессами принято называть собрания участников Всемирного почтового союза и большие международные научные съезды.

Порядок проведения международных конференций и конгрессов

Порядок организации и проведения международных конгрессов и конференций вкратце сводится к следующему.

Государства назначают делегатов на указанные собрания. Если конференция имеет особо важное значение или если на ней предстоит обсуждение и подписание договора, подлежащего ратифи-

кации, делегаты назначаются главами государств из числа послов, посланников, министров и других высших должностных лиц. На конференции, созываемые для обсуждения других, менее важных вопросов, делегаты назначаются правительствами из числа посланников и ответственных работников ведомства иностранных дел и других государственных учреждений.

Государство, являющееся инициатором созыва данной конференции, обычно сначала выясняет отношение других правительств к его намерению; лишь после этого оно рассылает официальные приглашения, указывающие день и место открытия конференции. Обычно местом конференции является столица приглашающего государства.

Каждое приглашённое государство само определяет число своих представителей (делегатов) на данной конференции. Если государство назначает двух делегатов, то один из них именуется первым (старшим) делегатом, если назначаются три (и больше) делегата, то старший делегат именуется председателем делегации. Вопрос о численности делегаций не может вызывать каких-либо затруднений, так как на международных конференциях каждое государство имеет один голос, независимо от количества его делегатов. Кроме делегатов государства командируют, если это необходимо, специалистов по отдельным вопросам, помогающих делегатам и имеющих право выступать на заседаниях конференции. Такие специалисты называются экспертами.

Открытие конференции

Конференцию открывает председатель делегации государства, на территории которого созвано данное собрание. Если конференция имеет особо важное значение, её открывает лицо, специально уполномоченное на это вышеупомянутым государством, — глава правительства, глава ведомства иностранных дел и т. п.

Открывающий конференцию произносит приветственную речь, в которой излагаются также цели и задачи конференции.

Председательствование

Обычно первое заседание конференции имеет формальный характер. Сначала участники собрания решают вопрос о председательствовании. Как правило, на двусторонних конференциях председательствуют поочерёдно председатели обеих делегаций. На многосторонних конференциях избирается постоянный председатель (глава делегации страны, на территории которой происходит конференция) и несколько вице-председателей (из числа председателей делегаций наиболее крупных или наиболее заинтересованных в вопросе стран).

До последнего времени многосторонние конференции обычно велись на французском и английском языках, по выбору каждого выступающего. Протоколы также составлялись на указанных языках. Любой из выступающих мог пользо-

ваться и другим языком по своему усмотрению. В международной практике периода Великой Отечественной войны равное право с французским и английским языками завоевал русский язык. На двусторонних конференциях стороны пользуются либо каждая своим языком, либо языком, специально избранным для конференции. Протоколы таких конференций составляются на тех же языках, на которых ведутся прения.

На больших международных конференциях значительная часть работы обычно проходит не на пленарных заседаниях, а либо в комиссиях, либо во время неформальных встреч председателей делегаций.

В самом конце конференции её председатель выступает с заключительным словом, подводящим итоги работы и выражающим признательность её участникам. Председателю отвечает один из председателей делегаций, выражая ему от имени собрания благодарность за руководство работами конференции.

БИБЛИОГРАФИЯ

Составлена Сектором истории Фундаментальной библиотеки по общественным наукам Академии наук СССР в составе научных сотрудников: Н. А. Баумштейн, З. Д. Виноград, О. М. Гармсен, Е. Н. Елеонской, С. Н. Каптерева, М. А. Лясс, Е. Н. Малиновской, А. Д. Трескиной, Е. Н. Харламовой и научным сотрудником Института истории Академии наук СССР О. Л. Фроловой.

Редакция К. Р. Симона и Л. А. Телешевой.

I. ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

а) Классики марксизма-ленинизма

Ленин, В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. Соч. Т. XIX, стр. 67—175.

Ленин, В. И. II Конгресс Коммунистического Интернационала 19 июля—6 августа 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 331—341, 352.

Ленин, В. И. К четырёхлетней годовщине Октябрьской революции. Соч. Т. XXVII, стр. 27.

Сталин, И. В. Об основах ленинизма. Лекции, читанные в Свердловском университете в начале апреля 1924 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е. [М.] 1939, стр. 1—77.

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XIV съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма». Изд. 5-е. М.—Л. 1928, стр. 333—359, 400—402.

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XV съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 3—7 декабря 1927 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 6-е. М.—Л. 1929, стр. 431—445.

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 10-е. [М.] 1935, стр. 345—361.

Сталин, И. В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е [М.] 1939, стр. 423—438.

Сталин, И. В. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е. [М.] 1939, стр. 564—575.

Сталин, И. В. Беседа с председателем американского газетного объединения «Скриппс-Говард Ньюспейперс» г-ном Рой Говардом 1 марта 1936 г. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III. [М.] 1936, стр. 660—667.

Сталин, И. В. О Великой Отечественной войне Советского Союза. Изд. 4-е. М. Госполитиздат, 1944. 159 стр.

История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Краткий курс. Под ред. Комиссии ЦК ВКП(б). [М.] 1942, стр. 215—346.

б) Документы официального характера

Всесоюзная коммунистическая партия (большевиков) в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898—1939). Изд. 6-е, доп. Ч. 1—2. [М.] 1941. (Институт Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б). Ч. 1. 1898—1925. VIII, 728 стр.; ч. II. 1925—1935. 834 стр.

Десять лет советской дипломатии. (Акты и документы). М. 1927. 124 стр. (НКИД).

Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. II. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. М. 1926. V, 464 стр. [1914—1919 гг.]. Ч. III. От снятия блокады с Советской России до десятилетия Октябрьской революции. Вып. 1. Акты советской дипломатии. М. 1928. 430 стр. [1920—1927 гг.]. Вып. 2. Акты дипломатии иностранных государств. М. 1929. 367 стр. [1920—1927 гг.].

Сборники действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых [СССР] с иностранными государствами. (НКИД СССР). Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1924 года. М. 1924. 436, IV, IV стр. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. М. 1925. 132 стр. Вып. III. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1925 года и 1 мая 1926 года. М. 1926. 279 стр. Вып. IV. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 мая 1926 года и 1 февраля 1928 года. М. 1928. 252 стр. Вып. V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 февраля 1928 года и 1 июня 1929 года. М. 1930. 215 стр. Вып. VI. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 июня 1929 года и 1 января 1931 г. М. 1931. 202 стр. Вып. VII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1931 года и 1 января 1933 года. [М.] 1933. 228 стр. Вып. VIII. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу после 1 января 1933 г. М. 1935. 356 стр. Вып. IX. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу до 1 января 1937 г. М. 1938. 507 стр.

Сборник торговых договоров, конвенций и соглашений СССР, заключён-

ных с иностранными государствами до 1 января 1941 г. Сост. Ф. Р. Горбов. Под ред. Д. Д. Мишустина. М. 1941. 408 стр. (Народный комиссариат внешней торговли Союза ССР).

Советский Союз в борьбе за мир. Собрание документов [за 1917—1927 гг.] и вступительная статья. М.—Л. 1929. 344 стр.

Съезды Советов РСФСР в постановлениях и резолюциях. Сборник документов...[за 1917—1937 гг.]. Под общ. ред. А. Я. Вышинского. М. 1939. XII, 540 стр. (Академия наук СССР. Институт права).

Съезды Советов СССР в постановлениях и резолюциях. [Сборник документов за 1922—1936 гг.] Под общ. ред. А. Я. Вышинского. М. 1939. 304 стр. (Академия наук СССР. Институт права).

A collection of neutrality laws, regulations and treaties of various countries. Ed. and annot. by F. Deák and P. C. Jessup. Vol. 1—2. Washington 1939 (Publ. of the Carnegie endowment for international peace. Division of international law).

Documents on international affairs 1928—1938. Ed. by J. W. Wheeler-Bennet [and oth.]. London—New York 1929—1943.

Great Britain. Foreign office. Treaty series 1892—1938. London 1893—1939.

Habicht, M. Post-war treaties for the pacific settlement of international disputes. A compilation and analysis of treaties of investigation, conciliation, arbitration and compulsory adjudication, concluded during the first decade following the world war... Cambridge, Mass. 1931. XXVI, 1109 p.

International conciliation. Documents for the year 1918—1939. New York 1918—1939 (American association for international conciliation).

The international conferences of American States 1889—1928. A collection of the conventions, recommendations, resolutions, reports and motions adopted by the first six international conferences of the American states... Ed. with an introd. by J. B. Scott. New York 1931. XLIV, 551 p. (Publ. of the Carnegie endowment for international peace. Division of intern. law). Позднейшее доп. изд. на исп. яз. Conferencias internacionales americanas 1889—1936... Introd. por J. B. Scott. Washington 1938. LVIII, 746 p.

League of Nations. Official Journal. Geneva 1920—1939. Содержит документы Лиги наций. Выходил ежемесячно. Special Supplement... 1—186. Geneva 1920—1939.

League of Nations. Assembly 1—20. Geneva 1920—1939. The records of the... Assembly. Geneva 1921—1939.

League of Nations. Council 1920—1939. Reports to the Assembly on the work of the Council... Geneva 1921—1939.

League of Nations. The covenant of the League of Nations. Including amendments in force, february 1, 1938. (With French text and list of members of the League). London 1939. 26 p. (Foreign office).

League of Nations. Treaty Series. Vol. 1—186. Geneva 1920—1938.

League of Nations. Economic Committee. Reports of the Economic Committee to the Council. 1924—1938. Geneva 1924—1938.

League of Nations. Permanent mandates commission, 1—37 sessions. Geneva

1921—1939. Minutes of the sessions of the Permanent mandates commission. Geneva 1921—1940.

League of Nations. Permanent mandates commission, 1—37 sessions. Geneva 1921—1939. Reports of the sessions of the Permanent mandates commission. Geneva 1921—1940.

Politische Verträge. Eine Sammlung von Urkunden. Hrsg. von V. Bruns. Bd I. Garantiepakte, Bündnisse, Abkommen über politische Zusammenarbeit, Nichtangriffs- und Neutralitätsverträge der Nachkriegszeit [1919—1936]. Berlin 1936. LII, 636 S.

Recueil des principaux traités conclus par la Lettonie avec les pays étrangers. Publ. par le ministère des affaires étrangères sous la direction de G. Albat. T. I, 1918—1930. 2-me éd. rev. et compl. Riga 1930; T. 2. 1930—1938. Riga 1938.

The Soviet Union and peace. The most important of the documents issued by the government of the USSR concerning peace and disarmament from 1917 to 1929. With an introd. by H. Barbusse. New York [1929]. XI, 280 p.

Treaties, conventions, international acts, protocols and agreements between the United States of America and other powers... [1910—1937]. Vol. 3—4. Washington 1923—1938.

United States policy toward China; diplomatic and public documents, 1839—1939. Ed. by P. H. Clyde. Durham 1940. XV, 321 p.

в) Выступления руководящих политических деятелей (речи, статьи и т. п.)

Ворошилов, К. Е. Статьи и речи. [1925—1936 гг.] [М.] 1937. 660, [4] стр.

Вышинский, А. Я. Подрывная работа разведок капиталистических стран и их троцкистско-бухаринской агентуры. М. 1938. 32 стр.

Литвинов, М. М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления 1927—1937 гг. Изд. 2-е, доп. М. 1937. 432 стр.

Потёмкин, В. П. Политика умиротворения агрессоров и борьба Советского Союза за мир. [М.] 1943. 40 стр.

Baldwin, S. This torch of freedom. Speeches and addresses... London 1936. IX, 339 p.

Cecil, R. The way of peace. Essays and addresses. London—New York 1928. 256 p.

Lloyd George, D. Truth about reparations and war-debts. London—New York 1932. 150 p.

Painlevé, P. Paroles et écrits. Publ. par la Société des amis de Paul Painlevé. Paris 1936. XXIX, 627 p.

г) Мемуары, дневники, переписка

Мустафа Кемаль. Пути новой Турции. 1919—1927 годы. Т. 1. Первые шаги национально-освободительного движения. 1919. М. 1929. Т. 2. Подготовка ангорской базы. 1919—1920. М. 1932. Т. 3. Интервенция союзников, греко-турецкая война и консолидация националь-

ного фронта. 1920—1921. М. 1934. Т. 4. Победа новой Турции. 1921—1927. М. 1934.

Benoist, Ch. Souvenirs... T. 3, 1902—1933. Paris 1934.

Cecil, R. A great experiment. An autobiography. London 1941. 390 p.

Chamberlain, A. Down the years... London [1935]. 324 p.

D'Abernon, E. An ambassador of peace; pages from the diary (Berlin 1920—1926)... with historical notes by M. A. Gerotwhohl... Vol. 1—3. London 1929—1930. (Перевод тома 1: *Д'Абернон,* Посол мира. Страницы из дневника лорда д'Абернона (Берлин 1920—1926 годы). Предисл. Б. Ш. Перев. Н. М. Сегаль. Т. I. От Спа (1920) до Рапалло (1922). [М.] 1931. 216 стр.).

д) Исторические исследования и публицистические обзоры

Аварин, В. Империализм в Манчжурии. Т. 1—2. М. 1934. Т. 1. Этапы империалистической борьбы за Манчжурию. 2-е пересм. и доп. изд. Т. 2. Империализм и производительные силы Манчжурии.

Бах, М. Г. Политико-экономические взаимоотношения между СССР и Прибалтикой за десять лет (1917—1927). М. 1928. 167 стр.

Белли, В. А. Борьба за Тихий океан. Политическо-стратегический очерк. С введением и под ред. Б. Жерве. М.—Л. 1929. 208 стр.

Деборин, Г. А. Международные отношения и внешняя политика СССР... Под ред. А. Н. Щербакова. [М.] 1942—1943. (Военно-политическая ордена Ленина Академия Красной Армии имени В. И. Ленина. Кафедра истории международных отношений и внешней политики СССР). [Вып. 1]. 1917—1929 гг. 199 стр. [Вып. 2]. 1929—1941 гг. 250 стр.

Иванов, Л. Н. и *Смирнов, П.* Англо-американское морское соперничество. [Предисл. Е. Варга]. М. 1933. XVI, 319 стр.

Иванов, Л. Н. Англо-французское соперничество 1919—1927 гг. М.—Л. 1928. 164 стр.

Иванов, Л. Н. Лига наций. М. 1929. 181 стр. (Мировая политика).

Иванов, Л. Н. СССР и империалистическое окружение. [М.] 1928. 154, [II] стр. (Комакадемия. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Коровин, Е. А. и *Егорьев, В. В.* «Разоружение». Проблема разоружения в международном праве. Лига наций в фактах и документах (1920—1929). Со вступ. статьёй Б. Е. Штейна. М.—Л. 1930. 432 стр.

Мельник, А. Турция. М. Соцэкгиз, 1937. 217 стр. (Капиталистический мир в очерках).

Нотович, Ф. И. От первой ко второй мировой войне. Краткий очерк международных отношений в 1919—1942 гг. Ташкент 1943. 212 стр. (Институт истории Академии наук СССР).

Нотович, Ф. И. Разоружение империалистов, Лига наций и СССР. М.—Л. 1929. 190 стр. (Мировая политика).

Павлович, М. П. Французский империализм. М.—Л. 1926. См.: Французский империализм в послеверсальский период, стр. 144—260.

Саввин, В. П. Взаимоотношения царской России и СССР с Китаем [1619—1927]. М.—Л. 1930. 152 стр.

Торговые отношения СССР с капиталистическими странами. М. 1938. 350 стр. (Научно-исследовательский институт монополии внешней торговли).

Торговые отношения СССР со странами Востока. М. 1938. 104, [3] стр. (Научно-исследовательский институт монополии внешней торговли).

The aims, methods and activity of the League of Nations. Geneva 1938. 221 p. (League of Nations. Secretariat).

Alexander, F. From Paris to Locarno and after. The League of Nations and the search for security, 1919—1928. London — Toronto 1928. 246 p.

Armaments year-book (General and statistical information regarding armies, navies and air forces). Vol. 1—15. Geneva 1924—1940 (League of Nations publications).

Bailey, Th. A. A diplomatic history of the American people. Rev. ed. New York 1942. 864 p.

Ball, M. Post-war German-Austrian relations. The Anschluss movement. 1918—1936... London 1936. IX, 304 p.

Basdevant, I. La condition internationale de l'Autriche. Préf. de G. Gidel. Paris 1935. VII, 299 p.

Basset, I. S. The League of Nations. A chapter in world politics. New York—London 1928. IX, 415 p.

Bemis, S. F. A diplomatic history of the United States. Rev. ed. New York 1942. 934 p.

Benns, F. L. Europe since 1914. New York 1934. XII, 852 p.

Bentwich, N. M. England in Palestine. London 1932. 358 p.

Berdahl, C. A. The policy of the United States with respect to the League of Nations. Geneva 1932. 129 p.

Bloch, K. German interests and policies in the Far East. New York 1940. XIV, 75 p. (Institute of Pacific relations. Inquiry series).

Brinon, F. France—Allemagne 1918—1934. Paris 1934. V, 279 p.

Bullock, M. Austria. 1918—1938. A study in failure. London 1939. VII, 319 p.

Buell, R. L. Europe; a history of ten years. With the aid of the staff of the Foreign policy association. New York 1928. VII, 428 p.

Carr, E. H. The twenty years'crisis, 1919—1939. An introduction to the study of international relations. London 1941. XV, 316 p.

Causton, E. E. N. Militarism and foreign policy in Japan. London [1936]. 207 p.

Chambers, F. P. [and oth.]. The age of conflict: a contemporary world history 1914—1943. New York 1943. 856 p.

Codresco, F. La Petite Entente. Préf. de L. de Fur. Nouv. éd. T. 1—2. Paris 1932.

The Colonial problem. A report by a study group of members of the Royal institute of international affairs. London... 1937. XII, 448 p.

Crane, I. O. The little Entente. New York 1931. XVII, 222 p.

Cumming, H. H. Franco-British rivalry in the post-war Near East. The decline of French influence... London — New York 1938. 229 p.

Davis, F. The Atlantic system. New York 1941. 363 p.

Desbons, G. La Bulgarie après le traité de Neuilly. Préf. de J. Godart. Paris 1930. XII, 462 p.

Dittrich. Die deutsch-französischen Wirtschaftsverhandlungen der Nachkriegszeit. Berlin 1931. X, 241 S. (Moderne Wirtschaftsgestaltungen. Hft. 14).

Djonker, M. C., Le Bosphore et les Dardanelles. Les conventions des détroits de Lausanne (1923) et Montreux (1936). Thèse... Lausanne 1938. 164 p.

Dix ans de coopération internationale. Préf. par E. Drummond. [Genève] 1930. XX, 628 p. (Société des Nations. Secrétariat).

Driault, E. La paix de la France. La politique internationale de l'après-guerre. 1918—1935. Paris 1936. 565 p.

Driault, E. La question d'Orient 1918—1937. La paix de la Mediterrance. Paris 1938. XVI, 538 p.

Dutt, R. P. World politics 1918—1936. New York [1936]. 389 p.

Essential facts about the League of Nations. 10th ed. (rev.). Geneva 1939. 359 p. (League of Nations. Secretariat).

Fanschawe, M. and *Macartney, C. A.* What the League has done 1920—1936. 9th ed. London 1936. 94 p. (League of Nations union).

Germany's colonial demands. Edited from the reports of the Oxford university British commonwealth group by A.L.C. Bullock. With a concluding chapter by V. Harlow. London 1939. VIII, 274 p.

Great Britain and Egypt. 1914—1936. London 1936. 67 p. (Royal Institute of international affairs. Information department papers, № 19).

Great Britain and Palestine, 1915—1939. The ed. of january 1937 rev. and enlarged. London—New York 1939. X, 142 p. (The Royal institute of international affairs. Information department papers, № 20a).

Hartmann, H. W. Die auswärtige Politik der Türkei 1923—1940. Zürich 1941. 64 S. [Dokumente: S. 51—64].

Hindmarsh, A. E. The basis of Japanese foreign policy. Cambridge, Mass. 1936. X, 265 p.

Howard, E. C. The origin, structure and working of the League of Nations. London 1928. 528 p.

Institute of Pacific relations. Honolulu session, June 30 — July 14, 1925; history, organization, proceedings, discussions and addresses. Honolulu 1925. 210 p.

Первая конференция по тихоокеанским проблемам. Дальнейшие конференции происходили в разных местах. Их работы:

Institute of Pacific relations. Conferences 2d—6th 1927—1936. Problems of the Pacific. Proceedings... Chicago 1928—1937.

Ishii Kikujiro, Diplomatic commentaries. Transl. and ed. by W. R. Langdon. Baltimore 1936. XXIV, 264 p. (Перевод: *Исии Кикудзиро.* Дипломатические комментарии. Перев. с англ. под ред. и с предисл. А. А. Трояновского. М. 1942. XXVIII, 236 стр. (Библиотека внешней политики).

Jackson, J. H. Post-war world: a short political history, 1918—1934. Boston 1935. X, 436 p. (Перевод: *Джексон, Дж.* Послевоенный мир. Перев. с англ. М. 1937. VII, 248 стр.).

Jessen, F. Manuel historique de la question du Slesvig, 1906—1938. Copenhagen 1939. 902 p.

Kabbara, S. Le régime des Détroits avant et depuis le Traité de Lausanne. Lyon 1929. 172 p.

Kelchner, W. H. Inter-American conferences 1826—1933. Chronological and classified lists. Prepared by W. Kelchner. Washington 1933. V, 34 p. (The Department of state. Conference series № 16).

Kennedy, M. D. The problem of Japan. London [1935]. XVI, 287 p.

Knudson, J. I. A history of the League of Nations... Atlanta Ga [1938]. VI, 445 p.

Kulski, L. Le problème de la sécurité depuis le pacte de la Société des Nations (1918—1926). Paris 1927. 312 p.

Lewin, E. The Germans and Africa... London 1939. XI, 372 p.

Mahaney, W. L. The Soviet Union, the League of Nations and disarmament. 1917—1935. Philadelphia 1940. 199, VII p.

Makowski, J. Zobowiązania międzynarodowe Polski, 1919—1929. Repertorjum wydane staraniem kwartalnika «Sprawy obce». Warszawa 1929. 313 s.

Manning, C. A. W. The policies of the British dominions in the League of Nations. London — Geneva 1932. 159 p. (Publ. of the Graduate institute of internat. studies. № 3).

Meyer, G. L'Egypte contemporaine et les capitulations. Paris 1930. 472 p.

Morse, H. B. and *Macnair, H. F.* Far Eastern international relations. Boston 1931. XVI, 846 p.

Moulton, H. G. and *Paswolsky, L.* War debts and world prosperity. New York—London 1932. XX, 498 p. (Inst. of economics, Publication № 46). (Перевод: *Маультон, Г. Г.* и *Пазвольский Л.* Военные долги. [М.] 1933. 306 стр.).

Myers, D. P. Handbook of the League of Nations. A comprehensive account of its structure, operation and activities. Boston—New York 1935. XIII, 411 p.

Newman, E. W. P. Great Britain in Egypt. London 1928. XVI, 304 p.

Newman E. W. P. The Mediterranean and its problems. London [1927]. XV, 330 p.

Peffer, N. Japan and the Pacific... London 1935. 256 p.

Pollard, R. T. China's foreign relations, 1917—1931. New York 1933. 426 p.

Rippy, J. F. Latin America in world politics. An outline survey. 3d ed. New York 1938. 303 p.

Rivière, P. L. L'après-guerre. Paris 1930. 389 p.

Roques, P. Le contrôle militaire interallié en Allemagne. Septembre 1919—janvier 1927. Paris 1927. VIII, 150 p.

Salvemini, G. Mussolini diplomate. Paris 1932. 338 p.

Sanctions. The character of international sanctions and their application. 2nd ed. London 1935. 72 p.

Schacher, G. Mitteleuropa und die westliche Welt. Prag 1936. 254 S.

Sforza, C. Diplomatic Europe since the treaty of Versailles. New Haven —

London 1928. VII, 130 p. (The Institute of politics publications. Williams college, Williamstown, Mass.).
Simonds, F. H. and *Emeny B.* The great powers in world politics. International relations and economic nationalism. New York [1935]. XII, 644 p.
Slovès, H. La France et l'Union Soviétique. Préf. de H. Torrès. Paris 1935. 409 p.
Stewart, R. B. Treaty relations of the British commonwealth of nations... New York 1939. XXI, 503 p.
Survey of international affairs, 1920—1938. By A. J. Toynbee [and oth.]. London — Oxford 1925—1942.
Tabouis, G. They called me Cassandra. New York 1942. XII, 436 p.
Trentin, S. Le fascisme à Genève. Paris 1932. 262 p.
Tirard, P. La France sur le Rhin. Douze années d'occupation rhénane... Paris 1930. V, 520 p.
The Treaty of Versailles and after. By Riddel, C. K. Webster, A. J. Toynbee [and oth.]. London [1935]. 192 p.
The United States and the Soviet Union. A report on the controlling factors in the relations between the United States and the Soviet Union. New York 1933. 279 p. (Committee on Russian-American relations).
Vaucher, P. Post-war France. London [1934]. 256 p.
Vondracek, F. J. The foreign policy of Czechoslovakia 1918—1935. New York 1935. 451 p.
Wache, W. System der Pakte: die politischen Verträge der Nachkriegszeit. Berlin 1938. 425 S.
Williams, B. H. American diplomacy. Policies and practice... New York—London 1936. XII, 517 p.
Wolfers, A. Britain and France between two wars. Conflicting strategies of peace since Versailles... New York 1940. 467 p.
Wou, P. Histoire diplomatique de la Chine depuis 1919. La révision des traités sino-étrangers. Paris 1932. XX, 334 p.
Ziemke, K. Die neue Türkei. Politische Entwicklung 1914—1929. Stuttgart... 1930. 550 S.
Zimmern, A. The League of Nations and the rule of law 1918—1935. London 1936. XI, 527 p.

е) Биографии

Edwards, J. H. David Lloyd George. The man and the statesman. With an introd. by J. J. Davis. Vol. 1—2. London 1931.
Guedalla, Ph. Mr. Churchill. New York 1942. 346 p.
Ronaldshay, L. J. L. D. The life of lord Curzon. Being the auth. biography of George Nathaniel, marquess Curzon of Kedleston. Vol. 1—3. London 1928.
Hamilton, M. A. James Ramsay MacDonald. A biographical sketch. London [1929]. 305 p.
Birkenhead, F. W. Frederick Edwin, earl of Birkenhead. By his son. Fore-

word by D. Lloyd George. Appreciation by A. Chamberlain. Vol. 1—2. London 1933—1935.

Johnson, A. C. Viscount Halifax. New York 1941. 575 p.

Baker, R. S. Woodrow Wilson. Life and letters... Vol. 6. Facing war. 1915—1917. New York 1937.

Chapple, J. M. Life and times of Warren G. Harding our afterwar president. Boston 1924. 386 p.

Bryn-Jones, D. Frank B. Kellog — a biography. New York 1937. VIII, 308 p.

Maine, B. S. Franklin Roosevelt, his life and achievement. London 1938. VII, 286 p.

Aubert, O. Louis Barthou. Préf. de G. Doumergue. Paris 1935. VIII, 211 p.

Bruun, G. Clemenceau. Cambridge, Mass. 1943. 240 p. (Makers of modern Europe).

Samné, G. Raymond Poincaré. Politique et personnel de la III-me République. Lettre-préface de E. Herriot. Paris 1933. 394 p.

Suarez, G. Briand. Sa vie, son oeuvre, avec son journal et de nombreux documents inédits. T. 1—3. Paris 1938—1939 [Изложение доведено до 1916 г.].

Kessler, H. Walter Rathenau. Sein Leben und sein Werk. Berlin 1928. 379 S.

Vallentin, A. Stresemann. Vom Werden einer Staatsidee... Leipzig 1930. 325 S.

Papoušek, J. Eduard Beneš. Prague 1934. 181 p.

Bartel, P. Le maréchal Pilsudski... Paris [1935]. 250 p.

Ikbal Ali Shah. Kemal: maker of modern Turkey... London [1934]. 297 p.

Sharman, L. Sun-Yat Sen. His life and its meaning. A critical biography. New York [1934]. XVIII, 418 p.

Hamada, K. Prince Ito... London 1936. 240 p.

II. ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВАМ I—VIII

а) Классики марксизма-ленинизма

Ленин, В. И. Письмо к рабочим Европы и Америки. Соч. Т. XXIII, стр. 495, 499.

Ленин, В. И. Проект договора с Буллит. Соч. Т. XXIII, стр. 509—510.

Ленин, В. И. Доклад о внешней и внутренней политике Совета народных комиссаров в Петроградском совете 12 марта 1919 г. Краткий газетный отчёт. Соч. Т. XXIV, стр. 34—35.

Ленин, В. И. Речь на митинге в Народном доме в Петрограде 13 марта 1919 г. Газетный отчёт. Соч. Т. XXIV, стр. 47.

Ленин, В. И. Успехи и трудности Советской власти. Соч. Т. XXIV, стр. 59.

Ленин, В. И. VIII съезд Р. К. П. (б.) 18—23 марта 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 118—119, 157, 176—178.

Ленин, В. И. Чрезвычайное заседание пленума Московского совета Р. и Кр. Д. 5 апреля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 208—209, 217—219.

Ленин, В. И. Пленум Всероссийского центрального совета профессиональных союзов 11 апреля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 229—231, 235.

Ленин, В. И. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 16 апреля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 255—257.

Ленин, В. И. Речь о борьбе с Колчаком на конференции фабрично-заводских комитетов и профессиональных союзов Москвы 17 апреля 1919 г. Газетный отчёт. Соч. Т. XXIV, стр. 260.

Ленин, В. И. Три речи на Красной площади 1 мая 1919 г. Хроникёрские записи. Соч. Т. XXIV, стр. 268—269.

Ленин, В. И. I Всероссийский съезд по внешкольному образованию 6—19 мая 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 280—281.

Ленин, В. И. О современном положении и ближайших задачах Советской власти. Доклад на соединённом заседании В. Ц. И. К., Московского совета Р. и Кр. Д., Московского совета профессиональных союзов и представителей фабрично-заводских комитетов Москвы 4 июля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 353—354.

Ленин, В. И. Доклад о внутреннем и внешнем положении республики на Московской конференции Р. К. П. (б.) 12 июля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 380—381.

Ленин, В. И. О задачах III Интернационала. Соч. Т. XXIV, стр. 389.

Ленин, В. И. Речь о внешнем и внутреннем положении на конференции красноармейцев Ходынских лагерей 15 июля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 400—401.

Ленин, В. И. Ответ на вопросы американского журналиста. Соч. Т. XXIV, стр. 402—404.

Ленин, В. И. Речь о продовольственном и военном положении на Московской конференции фабзавкомов, профсоюзов и уполномоченных М.Ц.Р.К. 30 июля 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 412.

Ленин, В. И. В лакейской. Соч. Т. XXIV, стр. 418.

Ленин, В. И. Речь на беспартийной рабоче-красноармейской конференции Басманного, Лефортовского, Алексеевского и Сокольнического районов 3 сентября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 448, 451.

Ленин, В. И. Как буржуазия использует ренегатов. Соч. Т. XXIV, стр. 458.

Ленин, В. И. Американским рабочим. Соч. Т. XXIV, стр. 465—466.

Ленин, В. И. Речь перед слушателями Свердловского университета, отправляющимися на фронт, 24 октября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 495—497.

Ленин, В. И. Два года Советской власти. Соч. Т. XXIV, стр. 520—521.

Ленин, В. И. Два года Советской власти. Речь на соединённом заседании В. Ц. И. К., Московского совета Р. и Кр. Д., В.Ц.С.П.С. и фабрично-заводских комитетов, посвящённом двухлетней годовщине Октябрьской революции, 7 ноября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 523, 527—528.

Ленин, В. И. Речь на I Всероссийском совещании по работе в деревне 18 ноября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 537.

Ленин, В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических

организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 542—551.

Ленин, В. И. Всероссийская конференция Р. К. П. (б.) 2—4 декабря 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 559—563, 566—567, 576.

Ленин, В. И. VII Всероссийский съезд советов 5—9 декабря 1919 г. Соч. Т. XXIV, стр. 592—604, 610—611.

Ленин, В. И. Речь на беспартийной конференции рабочих и красноармейцев Пресненского района 26 января 1920 г. Газетный отчёт. Соч. Т. XXV, стр. 13—16.

Ленин, В. И. Речь на Первой сессии В. Ц. И. К. VII созыва 2 февраля 1920 г. Краткий газетный отчёт. Соч. Т. XXV, стр. 21.

Ленин, В. И. Речь на конференции железнодорожников Московского узла 5 февраля 1920 г. Краткий газетный отчёт. Соч. Т. XXV, стр. 23.

Ленин, В. И. Коль война, так по военному. Соч. Т. XXV, стр. 24—25.

Ленин, В. И. Речь на беспартийной конференции Благуше-Лефортовского района 9 февраля 1920 г. Газетный отчёт. Соч. Т. XXV, стр. 26—28.

Ленин, В. И. Речь на 1 Всероссийском съезде трудовых казаков 1 марта 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 47—62.

Ленин, В. И. Речь на заседании Московского совета рабочих и красноармейских депутатов 6 марта 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 65—66.

Ленин, В. И. IX съезд Р. К. П. (б.) 29 марта — 5 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 93, 97—98, 100—102.

Ленин, В. И. Речь на I Всероссийском учредительном съезде горнорабочих 1 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 132.

Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде рабочих стекло-фарфорового производства 29 апреля 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 251—252.

Ленин, В. И. Речь на соединённом заседании В. Ц. И. К., Московского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, профессиональных союзов и фабрично-заводских комитетов 5 мая 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 257—261.

Ленин, В. И. Письмо к английским рабочим. Соч. Т. XXV, стр. 262—263.

Ленин, В. И. Речь на совещании по работе в деревне 12 июня 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 294—299.

Ленин, В. И. Речь на Всероссийской конференции Р. К. П. (б.) 22 сентября 1920 г. Газетный отчёт. Соч. Т. XXV, стр. 377—380.

Ленин, В. И. Речь на съезде рабочих и служащих кожевенного производства 2 октября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 398—408.

Ленин, В. И. Речь на совещании председателей уездных, волостных и сельских исполнительных комитетов Московской губернии 15 октября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 411—422.

Ленин, В. И. Речь на торжественном заседании пленума Московского совета Р., К. и Кр. Д., М. К. Р. К. П. (б.) и М. Г. С. П. С., посвящённом 3-ей годовщине Октябрьской революции 6 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 474—477.

Ленин, В. И. Речь на Московской губернской партийной конференции 20 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 481—487.

Ленин, В. И. Речь на собрании секретарей ячеек Московской организации Р. К. П. (б.) 26 ноября 1920 г. Соч. Т. XXV, стр. 498—513.

Ленин, В. И. VIII Всероссийский Съезд Советов 22—29 декабря 1920 г. Соч. Т. XXVI, стр. 5—32.

Ленин, В. И. Речь на IV Всероссийском съезде рабочих швейной промышленности 6 февраля 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 151—154.

Ленин, В. И. Речь на заседании пленума Московского совета рабочих и крестьянских депутатов 28 февраля 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 176—181.

Ленин, В. И. X съезд Р. К. П. (б.) 8—16 марта 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 203, 204—205, 211—214, 244, 246, 255, 280—282.

Ленин, В. И. О кронштадтском восстании. Соч. Т. XXVI, стр. 284.

Ленин, В. И. Речь на Всероссийском съезде транспортных рабочих 27 марта 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 288, 292.

Ленин, В. И. Речь о продовольственном налоге на собрании секретарей и ответственных представителей ячеек Р. К. П. (б.) г. Москвы и Московской губернии 9 апреля 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 301.

Ленин, В. И. III Конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня — 12 июля 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 427—428, 450—451.

Ленин, В. И. Обращение к международному пролетариату. Соч. Т. XXVI, стр. 477.

Ленин, В. И. II Всероссийский съезд политпросветов 17—22 октября 1921 г. Соч. Т. XXVII, стр. 43.

Ленин, В. И. Речь на праздновании четвёртой годовщины Октябрьской революции на собрании рабочих Прохоровской мануфактуры 7 ноября 1921 г. Краткий газетный отчёт. Соч. Т. XXVII, стр. 86.

Ленин, В. И. IX Всероссийский съезд советов 23—28 декабря 1921 г. Соч. Т. XXVII, стр. 113—123, 128—129.

Ленин, В. И. О международном и внутреннем положении Советской республики. Доклад на заседании Коммунистической фракции Всероссийского съезда металлистов 6 марта 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 168—176, 179.

Ленин, В. И. XI съезд Р. К. П. (б.) 27 марта — 2 апреля 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 225—227.

Ленин, В. И. Предисловие к брошюре: «Старые статьи на близкие к новым темы». Соч. Т. XXVII, стр. 290.

Ленин, В. И. Интервью корреспонденту «Обсервер» и «Манчестер Гардиан» Фарбману. Соч. Т. XXVII, стр. 311—316.

Ленин, В. И. Речь на IV сессии В. Ц. И. К. IX созыва 31 октября 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 317—318.

Ленин, В. И. Речь на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 362—365.

Ленин, В. И. Заметки по вопросу о задачах нашей делегации в Гааге. Соч. Т. XXVII, стр. 372—375.

Ленин, В. И. Лучше меньше, да лучше. Соч. Т. XXVII, стр. 415—417.

Сталин, И. В. О перспективах революции в Китае. Речь в Китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.» М.—Л., 1928, стр. 425.

Сталин, И. В. О политическом положении республики. (Доклад на краевом совещании коммунистических организаций Дона и Кавказа 27 октября 1920 г. в г. Владикавказе). «Об Октябрьской революции. Сборник статей и речей». М. 1932, стр. 22—23.

Сталин, И. В. Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сентября 1927 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 10-е. [М.] 1935, стр. 176—177, 187.

Сталин, И. В. Два лагеря. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 74—77.

Сталин, И. В. Резервы империализма. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 78—80.

Сталин, И. В. Беседа с товарищем И. В. Сталиным о положении на юго-западном фронте. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 97—101.

Сталин, И. В. Беседа с товарищем Сталиным о положении на польском фронте. «Статьи и речи об Украине. Сборник». [Киев] 1936, стр. 102—105.

Сталин, И. В. К военному положению на юге. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. II. [М.] 1937, стр. 274—275.

Сталин, И. В. Новый поход Антанты на Россию. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. II. [М.] 1937, стр. 279—283.

Сталин, И. В. Три года пролетарской диктатуры. Доклад на торжественном заседании Бакинского совета 7 ноября 1920 года. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. II. [М.] 1937, стр. 326—332.

Сталин, И. В. Телеграмма 25 июня 20 г... Ленину. В кн. *К. Е. Ворошилова* Сталин и Красная Армия. Изд. 2-е. М. 1937, стр. 155.

Сталин, И. В. Телеграмма... Ленину. Копия Наркоминдел Чичерину... 2 июля 20 г. В кн. *К. Е. Ворошилова* Сталин и Красная Армия. Изд. 2-е. М. 1937, стр. 156.

Сталин, И. В. Положение на Кавказе. Беседа с товарищем Сталиным... 30 ноября 1920 года. В кн. *К. Е. Ворошилова* Сталин и Красная Армия. Изд. 2-е. М. 1937, стр. 168—172.

Сталин, И. В. Политика советской власти по национальному вопросу в России (1920 г.) «Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей». [М.] 1939, стр. 78—79.

Сталин, И. В. Об очередных задачах партии в национальном вопросе. Тезисы к X съезду РКП(б), утверждённые ЦК партии (1921 г.) «Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей». [М.] 1939, стр. 87—89.

Сталин, И. В. Очередные задачи партии в национальном вопросе. Доклад на X съезде РКП(б) 10 марта 1921 г. «Марксизм и нацио-

нально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей». [М.] 1939, стр. 99—100.

Сталин, И. В. Об объединении советских республик. Доклад на X Всероссийском съезде советов 26 декабря 1922 г. «Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей». [М.] 1939, стр. 120, 126.

Сталин, И. В. Речь на параде Красной Армии 7 ноября 1941 года на Красной площади в Москве. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Изд. 4-е. М. 1944, стр. 35.

Сталин, И. В. Приказ Народного комиссара обороны 23 февраля 1942 года № 55 г. Москва. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Изд. 4-е. М. 1944, стр. 38—39.

Сталин, И. В. Приказ Верховного главнокомандующего 23 февраля 1943 года № 95 г. Москва. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Изд. 4-е. М. 1944, стр. 81.

б) Документы официального характера

Англичане на севере (1918—1919 гг.) [Предисл. И. И. Минца]. «Красный архив». 1926. Т. 6 (19), стр. 39—52.

Белофинны на службе англо-французских интервентов в 1919 г. [Предисл. Г. Костомарова]. «Красный архив». 1940. Т. 1 (98), стр. 31—67.

Вашингтонская конференция по ограничению вооружений и тихоокеанским и дальневосточным вопросам 1921—1922 годов. Полный перевод актов и документов. М. 1924. 139 стр. (Наркоминдел).

Внешняя политика контрреволюционных «правительств» в начале 1919 г. (Из документов парижского «посольства»). [Предисл. И. И. Минца]. «Красный архив». 1929. Т. 6 (37), стр. 69—101.

Врангелевщина. (Из материалов парижского «посольства» Временного правительства). [Предисл. И. И. Минца]. «Красный архив». 1930. Т. 2 (39), стр. 3—46; т. 3 (40), стр. 3—40.

Временное правительство Автономной Сибири. [Предисл. В. В. Максакова]. «Красный архив». 1928. Т. 4 (29), стр. 86—138; 1929. Т. 4 (35), стр. 37—106; т. 5 (36), стр. 31—60.

Гаагская конференция июнь—июль 1922 г. (Собрание документов). М. 1922. 289 стр. (НКИД).

Генуэзская конференция. (Стенографический отчет). Материалы и документы. Вып. 1. М. Наркоминдел. 1922.

Горская контрреволюция и интервенты. [Предисл. А. Иванова]. «Красный архив». 1935. Т. 1 (68), стр. 125—153.

«Демократическое» правительство Грузии и английское командование. «Красный архив». 1927. Т. 2 (21), стр. 122—173; т. 6 (25), стр. 96—110.

Западно-европейские торговые договоры послевоенной эпохи. Под ред. и с вступ. статьей Б. Е. Штейна. Т. 1. М. 1925. 273 стр. (НКИД).

Из истории внешней политики правительства Врангеля. (Экономические отношения с Францией). «Красный архив». 1929. Т. 1 (32), стр. 125—157.

Из истории гражданской войны на Украине в 1918 г. [Предисл. С. Маркова]. «Красный архив». 1939. Т. 4 (95), стр. 73—102.

Из истории семёновщины в 1919 г. [Предисл. В. Елагина]. «Красный архив». 1934. Т. 6 (67), стр. 131—146.

Из истории французской интервенции в Одессе. [Предисл. А. И. Гуковского]. «Красный архив». 1931. Т. 2 (45), стр. 53—80.

Интервенция и северная контрреволюция. [Предисл. И. И. Минца]. «Красный архив». 1932. Т. 1—2 (50—51), стр. 97—116.

Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. (НКИД). I. Версальский мирный договор. М. 1925. XXXI, 198 стр.; II. Сен-Жерменский мирный договор. М. 1925. XX, 176 стр.; III. Мир в Нейи. М. 1926. XIII, 129 стр.; IV. Трианонский мирный договор. М. 1926. XXVII, 184 стр.; V. Севрский мирный договор и акты, подписанные в Лозанне. М. 1927. LIV, 303 стр.

К истории гражданской войны в Якутии в 1922 г. [Предисл. И. Мартынова]. «Красный архив». 1937. Т. 3 (82), стр. 119—135.

К истории интервенции на Севере. [Предисл. Н. Прокопенко]. «Красный архив». 1940. Т. 1 (98), стр. 125—144.

К истории французской интервенции на юге России. (Декабрь 1918 — апрель 1919 г.). «Красный архив». 1926. Т. 6 (19), стр. 3—38.

Колчак и Финляндия. [Предисл. Н. Нелидова]. «Красный архив». 1929. Т. 2 (33), стр. 82—144.

«Красная книга». Сборник дипломатических документов о русско-польских отношениях 1918—1920. М. 1920. 112 стр. (РСФСР. Наркоминдел).

Крым в 1918—1919 гг. (Материалы осведомительных органов Добровольческой армии и дипломатического представителя Всевеликого Войска Донского). [Предисл. А. И. Гуковского]. «Красный архив». 1928. Т. 3 (28), стр. 142—181; т. 4 (29), стр. 55—85.

Крымское краевое правительство в 1918—1919 гг. [Предисл. А. И. Гуковского]. «Красный архив». 1927. Т. 3 (22), стр. 97—152.

Материалы Генуэзской конференции. (Подготовка, отчёты заседаний, работы комиссий, дипломатическая переписка и пр.). М. 1922. 459, III стр. (НКИД).

Начало врангелевщины. [Предисл. А. И. Гуковского]. «Красный архив». 1927. Т. 2 (21), стр. 174—181.

Об оккупации японскими войсками Северного Сахалина в 1920—1925 гг. «Красный архив». 1937. Т. 3 (82), стр. 90—118.

Партизанское движение в Приморье. «Красный архив». 1937. Т. 3 (82), стр. 40—89.

Польша и южно-русская контрреволюция. (Экономические взаимоотношения Польши с Деникиным и Врангелем). [Предисл. А. И. Гуковского]. «Красный архив». 1931. Т. 4—5 (47—48), стр. 90—111.

Разгром белофинских интервентов в Карелии в 1918—1922 гг. Сборник документов. Сост. А. М. Фёдоров. Под ред. П. Г. Софинова. [Беломорск] 1944. 167 стр. (Отд. гос. архивов НКВД Карело-Финской ССР).

РСФСР. Народный комиссариат по иностранным делам. Отчёт Наркоминдела VII съезду советов (ноябрь 1918 г. — декабрь 1919 г.). М. 1919.

Годовой отчёт НКИД к VIII съезду советов (1919—1920). М. 1921.
Годовой отчёт НКИД к IX съезду советов (1920—1921). М. 1921.
Международная политика РСФСР в 1922 г. Отчёт Народного комиссариата по иностранным делам. М. 1923.

Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых РСФСР с иностранными государствами. (НКИД РСФСР). Вып. I. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу по 1 января 1921 года. П. 1921. VII, 252 стр. Вып. II. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу по 1 декабря 1921 года. М. 1921. 159 стр. Вып. III. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 декабря 1921 г. и 1 июля 1922 г. М. 1922. VII, 339 стр. Вып. IV. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 июля и 1 декабря 1922 г. М. 1923. 50 стр. Вып. V. Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 декабря 1922 г. и 1 июня 1923 г. М. 1923. 32 стр.

Советская Россия и Польша. М. 1921. 121 стр. (Наркоминдел). [Сборник официальных документов за период апрель — сентябрь 1921 г.].

Сучанская долина в годы гражданской войны. «Красный архив». 1938. Т. 6 (91), стр. 16—88.

Японская интервенция 1918—1922 гг. в документах. Подготовил к печати И. И. Минц. М. 1934. 235 стр. (Центрархив).

Actes de la Conférence relative à la non-fortification et à la neutralisation des îles d'Aland, tenue à Genève du 10 au 20 octobre 1921. Genève 1921.

Amtliche Urkunden zum Vertrage zwischen der freien Stadt Danzig und der Republik Polen vom 9. November 1920. Zusammengestellt und hrsg. beim Senat der freien Stadt Danzig. [Danzig] 1921. 249 S.

Barthou, L. Le Traité de Paix. (Rapport général fait au nom de la Commission, élue par la Chambre des Députés en vue d'examiner le projet de loi portant approbation du Traité de Paix). Paris 1919. 249 p.

Brockdorff-Rantzau. U.K.Ch. Dokumente. Berlin 1922. 278 S.

Декларации и заявления представителя германского правительства на Парижской мирной конференции.

Calmette, G. Recueil de documents sur l'histoire de la question des réparations (1919—5 mai 1921). Paris 1924. CVI, 540 p. (Publications de la «Société de l'histoire de la guerre», série 3).

Conférence de Lausanne [«Livre jaune»]. T. 1—2. Paris 1923. (France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques).

Conférence économique internationale de Gênes. 9 avril — 19 mai 1922. Paris 1922. 186 p. (France. Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques).

Conflict polono-lithuanien. Question de Vilna 1918—1924. République de Lithuanie. Ministère des affaires étrangères. Kaunas 1924. XX, 445 p. Documents diplomatiques.

Congrès de la paix, 1919—1920. Paris 1920. I—II. Traités, protocoles, déclarations, conventions et actes divers. III. Protocoles des cinq séances publiques.

Constitution of the free city of Danzig (German text with English and French translation). Geneva 1921 (League of Nations. Official Journal. Special Supplement, № 7).

Convention germano-polonaise relative à la Haute Silésie, faite à Genève le 15 mai 1922. Genève 1922. 310 p.

Documents concerning the dispute between Poland and Lithuania. Geneva 1920. 155 p. (League of Nations. Official Journal. Special Supplement, № 4).

Documents diplomatiques concernant les tentatives de restauration des Habsbourgs sur le trône de Hongrie août 1919 — novembre 1921. Prague 1922. 169 p. (Ministère des affaires étrangères. Recueil de documents diplomatiques, I).

Documents regarding the peace conference. I. Organization of peace conference. a) Delegations and commissions. b) Rules of representation and procedure. II. General sessions. III. The covenant of the League of Nations. IV. Speech delivered by president Wilson before the peace conference, april 28, 1919. New York. 1919. 62 p. (American association for international conciliation. International conciliation. № 139).

Documents relatifs aux négociations concernant les garanties de sécurité contre une agression de l'Allemagne (10 janvier 1919—7 décembre 1923). Paris 1924. 271 p. (France, Ministère des affaires étrangères. Documents diplomatiques). Нем. издание: Urkunden über die Verhandlungen betr. die Sicherheitsbürgschaften gegen einen deutschen Angriff. (Die franz. Dokumente zur Sicherheitsfrage 1919—1923. Amtl. Gelbbuch). Berlin 1924. XII, 308 S.).

Fraser, L. The reparation settlement signed june 7, 1920. With historical and explanatory introduction... Worcester — New York 1929. 193 p. (International conciliation. № 253).

Giannini, A. I documenti diplomatici della pace orientale. Raccolta completa dei testi ufficiali dal trattato di Londra all'armistizio di Mudania. Roma [1922]. 260 p. (Quaderni di «Politica», № 5).

The greek campaign in Asia Minor at 1921. Telegrams of correspondents of the World press. Athens 1921. 52 p. (Greece. Ministry of foreign affairs).

Inter-allied conferences on reparations and interallied debts. Held in London and Paris, december 1922 and january 1923. Reports and secretaries' notes of conversations... London 1923. 219 p. (Great Britain. Foreign office. Miscellaneous № 3 (1923).

Die Kolonialfrage im Frieden von Versailles; Dokumente zu ihrer Behandlung. Hrsg. von dr. H. Poeschel... Berlin 1920. XII, 246 S.

Notes exchanged on the Russian-Polish situation by the United States, France and Poland. New York 1920. 21 p. (International conciliation № 155).

Papers relating to the foreign relations of the United States 1914—1923. Washington 1922—1942 (United States. Department of state).

Réclamations britanniques dans la zone espagnole du Maroc (Accord anglo-espagnol du 29 mai 1923). La Haye 1925. 210 p.

Reply of the French government to the note of the British government of

august 11, 1923 relating to reparations (August 20th, 1923). Paris 1923. 50 p. (France. Ministry of foreign affairs. Diplomatic correspondence).

Traité de Lausanne. Conférence sur les affaires du Proche-Orient (1922—1923). Lettres et accords du 24 juillet 1923. Suppl. Paris 1923.

The treaties of peace 1919—1923. Vol. 1—2. New York 1924 (Carnegie endowment for international peace).

Treaty between Poland and the free city of Danzig concluded at Paris. November 9th, 1920. (Geneva 1921).

The treaty of peace between Finland and the Russian Soviet republic. Helsingfors 1921. 34 p. (Finland. Treaties).

Treaty of peace with Germany. Hearing before the Committee of foreign relations. Washington 1919. 192 p. (66th Congress. 1st session. Senate doc. № 49).

в) Выступления руководящих политических деятелей (речи, статьи и т. п.)

Чичерин, Г. В. Доклад народного комиссара по иностранным делам Г. В. Чичерина на заседании ВЦИК 17 июня 1920 года. (Стенограмма). М. 1920. 18 стр. (Наркоминдел).

Lloyd George, D. Is it peace? London 1923. 303 p. (Переводы: *Ллойд Джордж, Д.* Европейский хаос. Перев. с англ. П. Константинова. Л.—М. 1924. 151 стр.; *Ллойд Джордж, Д.* Мир ли это? Перев. с англ. Ю. Соловьёва. Л.—М. 1924. 246 стр.).

Lloyd George, D. The truth about the peace treaties... Vol. 1—2. London 1938.

Nitti, F. La decadenza dell'Europa: le vie della ricostruzione, Firenze 1922. (Перевод.: *Нитти, Ф.* Вырождение Европы. Перев. с итал. М. Пруссак. Ред., перев. и введ. М. Левидова. Предисл. к русск. изд. Е. Энгеля. М.—Пг. 1923. XXIV, 176 стр.).

Nitti, F. L'Europa senza pace. Firenze 1921. (Перевод: *Нитти, Ф.* Европа без мира. Перев. с итал. с предисл. М. Павловича. Пг. — М. 1923. 222 стр.).

Poincaré, R. La victoire et la paix. Paris 1921. 128 p.

Rathenau, W. Gesammelte Reden. Berlin 1924. 444 S.

Tittoni, T. e *Scialoloja, V.* L'Italia alla conferenza della pace. Discorsi e documenti. Roma 1921.

Wilson, W. War and peace. Presidential messages, addresses and public papers (1917—1924). Ed. by R. S. Baker and W. E. Dodd. Vol. 1—2. New York — London 1927. (The public papers of Woodrow Wilson. Authorized ed.).

г) Мемуары, дневники, переписка

Aldrovandi Marescotti, L. Guerra diplomatica. Ricordi e frammenti di diario (1914—1919). Milano 1938. 477 p. (Перевод: *Альдрованди Марескотти, Л.* Дипломатическая война. Воспоминания и отрывки из дневника (1914—1919). М. 1944. XXVI, 391 стр.).

Bandholtz, H. H. An undiplomatic diary. By the American member of the inter-allied military mission to Hungary, 1919—1920. Ed. by F. K. Krüger. New York 1933. XXXI, 394 p.

Bertie, F. L. The diary of lord Bertie of Thame. Ed. by A. G. Lennox. With a foreword by Grey of Fallodon. Vol. 1—2. London 1924. (Перевод: *Берти, Ф. Л.* За кулисами Антанты. Дневник британского посла в Париже. 1914—1919. Перев. и прим. Е. С. Берловича. М.—Л. 1927. 230 стр.).

Child, R. W. A diplomat looks at Europe. New York 1925. 301 p.

Clemenceau, G. Grandeur et misères d'une victoire. Paris [1930]. IV, 374 p.

Erzberger, M. Erlebnisse im Weltkrieg. Stuttgart — Berlin 1930. 306 S. (Перевод: *Эрцбергер, М.* Германия и Антанта. Мемуары. Перев. с нем. Е. Федотовой. Вводная статья В. Кряжина: Крушение германского империализма. М.—Пг. 1923. 356 стр. (Библиотека современных мемуаров).

Hoffmann, M. Die Aufzeichnungen des Generalmajors Max Hoffmann. Hrsg. von K. F. Novak. Bd 1—2. Berlin 1929. (Перевод: *Гофман, М.* Записки и дневники. 1914—1918. Перев. с нем. Л. 1929. 263 стр.).

House, E. M. The intimate papers of colonel House. Arranged as a narrative by Ch. Seymour. Vol. 1—4. Boston—New York 1926—1928. (Перевод: *Хауз, Э.* Архив полковника Хауза. [Дневники и переписка с президентом Вильсоном и другими политическими деятелями за период 1914—1917 гг.]. Подготовлен к печати Ч. Сеймуром. Перев. с англ. Т. 1—4. М. 1937—1945).

Lansing, R. The peace negotiations; a personal narrative. London 1921. VII, 298 p.

Noulens, J. Mon ambassade en Russie soviétique 1917—1919. T. 1—2. Paris 1933.

Rathenau, W. Politische Briefe. Dresden 1929. 348 p.

Riddel, G. A. R. Intimate diary of the Peace conference and after. 1918—1923. New York 1934. [London 1933]. XII, 435 p.

Sherrill, Ch. H. A year's embassy to Mustafa Kemal. New York 1934. 277 p.

Tardieu, A. La paix. Préf. de G. Clemenceau. Paris 1921. XXVII, 520 p. (Collection de mémoires, études et documents pour servir à l'histoire de la guerre mondiale). (Перевод: *Тардье, А.* Мир. Перев. с франц. под ред. и с вступ. статьёй Б. Е. Штейна. М. 1943. XXIV, 432 стр. (Библиотека внешней политики).

Thompson, Ch. T. The peace conference day by day. A presidential pilgrimage leading to the discovery of Europe. With an introductory letter by E. M. House. New York 1920. 425 p.

Whitlock, B. Letters and journals. Ed. by A. Nevins. Vol. 1—2. New York 1936.

д) Исторические исследования и публицистические обзоры

Гирченко, В. П. Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918—1920 гг.). Улан-Удэ 1940. 110 стр. (Бурят-монгольский государственный научно-исследовательский институт языка, литературы и истории).

Гуковский, А. И. Французская интервенция на юге России. 1918—1919 гг. М.—Л. 1928. 268 стр.

Кареев, Н. И. Европа до и после войны в территориальном отношении. Пг. 1922. 81 стр.

Освобождение Крыма от англо-французских интервентов. 1918—1919. Сборник. Симферополь 1940. 176 стр.

От Вашингтона до Генуи. [Сборник статей]. [М.] 1922. 131 стр.

Павлович, М. П. РСФСР в империалистическом окружении. Вып. 1—4. М. — Пг. 1922—1923. (Центральный Комитет РКП(б). Комиссия по истории Октябрьской революции и РКП(б)).

Павлович, М. «Русский вопрос» в английской внешней политике (1922—1924). М. 1924. 53 стр.

Разгром Врангеля. 1920. Сборник статей. Под ред. А. Гуковского, В. Малаховского, В. Меликова. [М.] 1930. 278 стр. (Комакадемия. Секция по изучению проблемы войны).

Рейхберг, Г. Разгром японской интервенции на Дальнем Востоке (1918—1922 гг.). Под ред. Б. Рубцова. М. 1940. 209, [3] стр.

Штейн, Б. Е. Гаагская конференция. М. 1922. 57 стр.

Штейн, Б. Е. Генуэзская конференция. М. 1922. 127 стр.

Штейн, Б. Е. Торговая политика и торговые договоры Советской России 1917—1922 гг. М. — Пг. 1923. 248 стр.

Albrecht-Carrié, R. Italy at the Paris peace conference. New York 1938. XIV, 575 p.

Almond, N. and *Lutz, R. H.* The treaty of St. Germain. A documentary history of its territorial and political clauses. With a survey of the documents of the supreme council of the Paris peace conference sel. and edit. by N. Almond and R. Lutz. London 1935. XXX, 712 p. (Hoover war library publications. № 5).

Angell, N. The peace treaty and the economic chaos of Europe... London 1920. 143 p. (Перевод: *Энджель, Н.* Версальский мир и экономический хаос в Европе. Перев. с англ. А. И. Ханох. Под ред. А. С. Кагана. Пб. 1922. 112 стр. (Экономика. Вып. 4)).

Baerlein, H. The birth of Yugoslavia... Vol. 1—2. London 1922.

Baker, R. S. What Wilson did at Paris. New York 1919. 113 p.

Baker, R. S. Woodrow Wilson and world settlement. Written from his unpublished and personal material. Vol. 1—3. New York 1923—1927. (Перевод первого тома: *Бекер, С.* Вудро Вильсон. Мировая война. Версальский мир. По документам и запискам председателя Американского комитета печати на Версальской конференции... Перев. А. Н. Карасика. Предисл. М. Павловича. М.—Пг. 1923. 451 стр. (Библиотека современных мемуаров)).

Bardoux, J. De Paris à Spa. La bataille diplomatique pour la paix française (février 1919 — octobre 1920). Paris 1921. VIII, 396 p.

Baruch, B. M. The making of the reparation and economic sections of the treaty. New York — London [1920]. 12, 352 p.

Beer, G. L. African questions at the Paris peace conference. With papers on Egypt, Mesopotamia and the colonial settlements... Ed. with introd.,

annexes and additional notes by L. H. Gray. New York 1923. XLIV, 628 p.

Benedetti, G. La pace di Fiume. Dalla conferenza di Parigi al trattato di Roma. Bologna 1924. 329 p.

Beneš, E. Problémy nové Evropy a zahraniční politika československé. Projevy a úvahy z. r. 1919—1924. Praha 1924. 306.

Berger, M. et *Allard, P.* Les dessous du traité de Versailles (d'après les documents inédits de la censure française). Paris [1933]. 254 p.

Bourgeois, L. Le traité de paix de Versailles. 2me éd., Paris 1919. VI, 328 p.

Bujac, E. Les campagnes de l'armée hellénique 1918—1922. Paris 1930. 348 p.

Caillaux, J. Où va la France? Où va l'Europe? Paris 1922. 293 p.

Chirol, V. The Egyptian problem... London 1921. XII, 331 p.

Churchill, W. S. The world crisis. New York 1931. XII, 866 p. (Перевод: *Черчилль, У.* Мировой кризис. Перев. с англ. с предисл. И. Минца. М.— Л. 1932. XIX, 328 стр.).

Coates, W. P. and *Coates, S. K.* Armed intervention in Russia. 1918—1922. London 1935. 400 p.

The Corfu crisis. The Council of the League of Nations and Corfu. By A. L. Lowell. How the League of Nations met the Corfu crisis. By M. O. Hudson. Documents. Boston [1923]. 46 p. (World peace foundation (Pamphlets), vol. 6, № 3).

Coussange, J. Le Slesvig, le droit des peuples et le traité de Versailles. Paris 1932. 280 p.

Delbrück, H. Vor und nach dem Weltkrieg. Politische und historische Aufsätze, 1902—1925. Berlin 1926. 676 S.

Deutschlands Wirtschaftslage unter den Nachwirkungen des Weltkrieges. Unter Verwendung vom amtlichen Material zusammengestellt im statistischen Reichsamt. Berlin 1923. 60 S.

Dillon, E. J. The inside story of the Peace conference. New York 1920. 512 p.

Driault, E. et *Lhéritier M.* Histoire diplomatique de la Grèce de 1821 à nos jours. T. 5. La Grèce et la grande guerre. De la révolution turque au traité de Lausanne (1908—1923). Paris 1926.

Fabre-Luce, A. La crise des alliances. Paris 1922. 427 p.

Fabre-Luce, A. La victoire. 3me éd. Paris 1924. IX, 439 p. (Les documents bleux, № 11).

Fisk, H. E. The inter-ally debts; an analysis of war and postwar public finance, 1914—1923. New York — Paris 1924. 369 p. (Перевод: *Фиск, Г.* Финансовое положение Европы и Америки после войны. Перев. с англ. Под ред., с предисл. и заключит. статьей Спектатора. М. 1926. XXIV, 424 стр.).

Fleming, D. F. The United States and the League of Nations 1918—1920. New York 1932. IX, 559 p.

Fuad, A. La question des détroits. Ses origines, son évolution, sa solution à la conférence de Lausanne. Paris 1928. 191 p.

Fujisawa, R. The recent aims and political development of Japan.

New Haven 1923. XI, 222 p. (The Institute of politics publications Williams college, Williamstown, Mass.).
Genov, G. P. Bulgaria and the treaty of Neuilly. Sofia 1935. 186 p.
Glasgow, G. Macdonald as diplomatist. The foreign policy of the first labour government in Great Britain... With a foreword by G. P. Gooch. London 1925, 232 p.
Gontaut-Biron, R. Comment la France s'est installée en Syrie (1918—1919). Paris [1922]. III, 354 p.
Gontaut-Biron, R. et *Le Révérend, L.* D'Angora à Lausanne. Les étapes d'une déchéance. Préf. de E. Soulier. Paris [1924]. [4], IX, 230 p.
Gooch, G. P. Germany. With an introd. by H. A. L. Fischer. London 1925. XI, 360 p. (The modern world. A survey of historical forces. Vol. 2).
Graham, M. W. The diplomatic recognition of the border states. P. 1—2. Berkeley 1935—1939 (Publ. of the university of California at Los Angeles in social sciences. Vol. 3, № 2).
Graužinis, C. La question de Vilna. Paris 1927. 206 p.
Graves, P. P. The question of the straits. London [1931]. X, 11—215 p.
Graves, W. S. America's Siberian adventure. 1918—1920. New York 1931. XXIII, 363 p. (Перевод: *Гревс, В. С.* Американская авантюра в Сибири (1918—1920). Перев. с англ. А. Ф. Сперанского и С. С. Соколова, с вступ. статьей И. И. Минца. М. 1932. XLVIII, 248 стр.).
Gumbel, E. I. Verschwörer. Beiträge zur Geschichte und Soziologie der deutschen nationalistischen Geheimbünde seit 1918. Mit einem Vorwort von A. Freymuth. Wien 1924. 224 S.
Hanotaux, G. Le traité de Versailles du 28 juin 1919. L'Allemagne et l'Europe. [4me éd.]. Paris 1919. XX, 368 p.
Haskins, Ch. and *Lord, R. H.* Some problems of the Peace conference. Cambridge, Mass. — London 1922. XII, 307 p.
Hills, R. W. The unliquidated war, from the treaty to the Dawes plan. Washington 1928. 160 p.
Jordan, W. M., Great Britain, France and the German problem 1918—1939. London — New York — Toronto 1943. 235 p. (Перевод: *Джордан, В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема. М. 1945).
Keynes, J. M. The economic consequences of the peace. London 1924. VII, 279 p. (Перевод: *Кейнс, Д. М.* Экономические последствия Версальского мирного договора. Изд. 2. Перев. с англ. М.—Л. 1924. XIV, 136 стр.).
Keynes, J. M. A revision of the treaty being a sequel to the economic consequences of the peace... London 1922. VIII, 223 p. (Перевод: *Кейнс, Д. М.* Пересмотр мирного договора. Продолжение книги «Экономические последствия Версальского мирного договора». Перев. с англ. Изд. 2. М.—Л. 1924, 124 стр.).
Köster, A. Der Kampf um Schleswig... Berlin 1921. 230 S.
Kraus, H. und *Rödiger, G.* Chronik der Friedensverhandlungen, nebst einer Übersicht über die Diplomatie des Weltkrieges. Berlin 1920. X, 157 S. (Vorveröffentlichung aus dem Kommentar zum Friedensvertrage...).
Lansing, R. The big four and others of the Peace conference. Boston 1921. 212 p.

Loder, J. de V. The truth about Mesopotamia, Palestine and Syria... With a foreword by R. Cecil. London [1923]. 221 p.

Luckau, A. The German delegation at the Paris peace conference. New York 1941. XV, 522 p. (The Paris peace conference history and documents. Publ. for the Carnegie endowment for internat. peace. Division of economics and history).

Luquet, J. La politique des mandats dans le Levant. Paris 1923. 284 p.

Maccas, L. La question greco-albanaise. Nancy—Paris 1921. VIII, 242 p.

Maddox, W. P. Foreign relations in British labour politics. A study of the formation of party attitudes on foreign affairs, and the application of political pressure designed to influence government policy 1900—1924. Cambridge, Mass. 1934. XV, 253 p. (Harvard political studies).

Marty, A. La révolte de la mer Noire (1918—1919). Nouv. éd. Paris 1932. 510 p. (Mémoires révolutionnaires, № 5). (Перевод: *Марти, А.* Восстание на Чёрном море. Перев. Э. Шлосберг. Под ред. Б. Лавренёва. М.—Л. 1940. 390 стр.).

Mermeix [pseud.], Le combat des trois. Notes et documents sur la Conférence de la paix. 2-me éd. Paris [1922]. 4, 311 p. (*Mermeix.* Fragments d'histoire 1914—1919... VI).

Mills, J. S. The Genoa conference. London [1922]. 436 p.

Mohr, A. The oil war... With a preface by H. Withers. London 1926. IX, 234 p.

Natkevičius, L. Aspect politique et juridique du différend polono-lithuanien... 6me éd. Paris—Kaunas 1930. IV, 355 p.

Nicolson, H. Curzon. The last phase 1919—1925. A study in postwar diplomacy. Boston—New York 1934. XVI, 416 p.

Nicolson, H. Peacemaking. 1919. London [1937]. VII, 378 p. (Studies in modern diplomacy). (Перевод: *Никольсон, Г.* Как делался мир в 1919 г. Перев. с англ. под ред. и с вступ. статьей И. М. Майского. М. 1945. 298 стр. (Библиотека внешней политики).

Noble, G. B. Policies and opinions at Paris, 1919. Wilsonian diplomacy, the Versailles peace and French public opinion... New York 1935. X, 465 p.

Nowak, K. F. Versailles. Berlin 1927. 345 p. (Перевод: *Новак, К. Ф.* Версаль. Перев. с нем. А. В. Юдиной. Предисл. Б. Е. Штейна. М.—Л. 1930. 205 стр.).

Price, C. The rebirth of Turkey. New York 1923. XII, 234 p.

Reichert, J. Rathenaus Reparationspolitik. Eine kritische Studie... Berlin [1922]. 302 S.

Roberts, S. H. History of French colonial policy 1870—1925. Vol. 1—2. London 1929.

Rothbarth, M. Die grossen Vier am Werk. Beiträge zur Geschichte der Friedenskonferenz... Berlin 1921. 134 S.

Schätzel, W. Die Welt der Pariser Friedensschlüsse. Ein Überblick über das Weltbild nach dem grossen Kriege. Berlin 1921. 128 S. (Перевод: *Шетцель, В.* Политические итоги мирных договоров (1919—1925 гг.). [Дополн.] перев. с нем. В. П. Зелькиной. М.—Л. 1926. VIII, 216 стр.). (Комакадемия. Библиотека международной политики. Под общ. ред. Ф. А. Ротштейна).

Schücking, W. Kommentar zum Friedens-Verträge... Bd 1—5. Berlin 1920—1922.

Selsam, J. P. The attempts to form an Anglo-French alliance 1919—1924, Philadelphia 1936. X, 85 p.

Stickney, E. P. Southern Albania or northern Epirus in European international affairs, 1912—1923. Stanford university, Calif. [1926]. XI, 195 p.

Sullivan, M. The great adventure at Washington. The story of the Conference. London 1922. XI, 290 p.

Tardieu, A. et *Jessen, F.* Le Slesvig et la paix. Janvier 1919—janvier 1920. Paris, Copenhague et Flensborg 1928. XVI, 393 p.

Temperley, H. W. A history of the Peace conference of Paris. Ed. by H. W. Temperley. Vol. 1—6. London 1920—1924.

Toynbee, A. J. The western question in Greece and Turkey. A study in the contact of civilisations. 2d ed. London 1923. XXXIV, 408 p.

Yong Ann-Yuen, Th. Aux origines du conflict Mandchou-Chine-Japon. Paix de Versailles. Préf. de Wellington Koo. Paris 1934. VII, 304 p.

III. ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВАМ IX—XV

а) Классики марксизма-ленинизма

Ленин, В. И. III конгресс Коммунистического Интернационала 22 июня—12 июля 1921 г. Соч. Т. XXVI, стр. 450.

Ленин, В. И. IX Всероссийский съезд советов 23—28 декабря 1921 г. Соч. Т. XXVII, стр. 120.

Ленин, В. И. Речь на пленуме Московского совета 20 ноября 1922 г. Соч. Т. XXVII, стр. 361.

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XIV съезду ВКП(б). «Вопросы ленинизма». Изд. 5-е. М.—Л. 1928, стр. 333—359, 400—402.

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XV съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово. 3—7 декабря 1927 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 6-е. М. — Л. 1929, стр. 431—445.

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 10-е. [М.] 1935, стр. 345—361, 395.

Сталин, И. В. Доклад тов. Сталина об итогах XIII съезда РКП(б) (на курсах секретарей укомов при ЦК РКП(б) 17 июня 1924 г.). «Правда», 1924, 19 июня, № 136, стр. 2.

Сталин, И. В. К вопросу о пролетариате и крестьянстве. (Речь на XIII губконференции Московской организации РКП(б) 27 января 1925 г.). «Крестьянский вопрос. (Статьи и речи)». Изд. 2-е. М.—Л. 1926, стр. 49—50.

Сталин, И. В. Об Англо-Русском комитете единства. Выдержка из речи на Объединённом пленуме ЦК и ЦКК 15 июля 1926 г. «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». М.—Л. 1928, стр. 295—303.

Сталин, И. В. О перспективах революции в Китае. Речь в Китайской комиссии ИККИ 30 ноября 1926 г. «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». М.—Л. 1928, стр. 424—426.

Сталин, И. В. Вопросы китайской революции. Тезисы для пропагандистов, одобренные ЦК ВКП(б). «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». М.—Л. 1928, стр. 551.

Сталин, И. В. Революция в Китае и задачи Коминтерна. Речь на X заседании ИККИ 24 мая 1927 г. «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». М.—Л. 1928, стр. 603.

Сталин, И. В. Заметки на современные темы. «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». М.—Л. 1928, стр. 609—613.

Сталин, И. В. Международное положение и оборона СССР. Речь на заседании объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 1 августа 1927 г. «Об оппозиции. Статьи и речи 1921—1927 гг.». М.—Л. 1928, стр. 670, 673, 674.

Сталин, И. В. Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 9-е доп. [Л.] 1932, стр. 175.

Сталин, И. В. Господин Кэмпбелл привирает. Запись разговора между тов. Сталиным и г-ном Кэмпбеллом. Января 28-го 1929 г. в 1 ч. дня. «Борьба классов». 1933. № 1, стр. 36—38.

Сталин, И. В. К итогам работ XIV конференции РКП(б). Доклад активу московской организации РКП(б) 9 мая 1925 г. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III. [М.] 1936, стр. 10.

Сталин, И. В. О социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад и заключительное слово на XV Всесоюзной конференции ВКП(б) 1—3 ноября 1926 г. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III. [М.] 1936, стр. 88.

Сталин, И. В. Ещё раз о социал-демократическом уклоне в нашей партии. Доклад на VII расширенном пленуме ИККИ 7—13 декабря 1926 г. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III. [М.] 1936, стр. 156—157, 162.

Сталин, И. В. Троцкистская оппозиция прежде и теперь. Речь на заседании объединённого пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) 23 октября 1927 г. «Ленин и Сталин. Сборник произведений к изучению истории ВКП(б)». Т. III. [М.] 1936, стр. 215.

Сталин, И. В. Речь на V Всесоюзной конференции ВЛКСМ. «О комсомоле». [М.] 1937, стр. 76—81.

Сталин, И. В. О политических задачах Университета народов Востока. Речь на Собрании студентов КУТВ 18 мая 1925 г. «Марксизм и национально-колониальный вопрос. Сборник статей и речей». [М.] 1939, стр. 210—211.

Сталин, И. В. О Китае. Из речи на заседании объединённого пленума ЦК и ЦКК 1 августа 1927 г.: Международное положение и оборона СССР. «Марксизм и национально-колониальный вопрос». Сборник статей и речей. [М.] 1939, стр. 224—242.

б) Документы официального характера

Германские репарации и доклад Комитета экспертов. (Собрание документов). С вводными статьями Ф. А. Ротштейна и Е. Варга и с прил. статьи Дж. Кейнса. М.—Л. 1925. 160 стр. (Комакадемия. Кабинет международной политики).

Локарнские соглашения. Перев. с офиц. текста. М. 1925. 39 стр. (НКИД).

Международная политика в... году. Договоры, декларации и дипломатическая переписка... в 1928 году. М. 1929. 278 стр.; ...в 1929 году. М. 1931. 316 стр.; ...в 1930 году. М. 1932. 414 стр.

План Дауэса. Финансовое восстановление Германии. Доклад комиссии Дауэса. Прилож. Протокол Лондонской конференции. Изд. 2-е. М. 1925. 267 стр.

План решения репарационного вопроса. Доклады комиссий экспертов под предс. Дауэса и Мак-Кенна. Со всеми официальн. прил. Перев. А. И. Зака. М. 1925. 170 стр. («Проблемы мирового хозяйства»).

План Юнга и Гаагская конференция 1929—1930 гг. Документы и материалы. Ред. перевода и вводная статья Л. Иванова и А. Ерусалимского. Предисл. Е. Варга. М.—Л. 1931. XXIII, 240 стр.

[*Советская делегация* на подготовительной комиссии по разоружению] СССР в борьбе за разоружение. Советская делегация на IV сессии подготовительной комиссии по разоружению [1927]. Факты и документы. Вступит. статья Б. Е. Штейна. М. 1928. 61 стр. (НКИД). В борьбе за мир. Советская делегация на V сессии Комиссии по разоружению. Речи тов. М. М. Литвинова [и другие документы]. М. 1928. 84 стр. Делегация СССР на VI сессии Комиссии по разоружению 15 апреля — 6 мая 1929 г. [Материалы]. М. 1929. 71 стр. (НКИД). Делегация СССР на последней сессии Комиссии разоружения. (Вторая половина VI сессии). 6 ноября — 9 декабря 1930 г. [Материалы]. М. 1931. 100 стр. (НКИД).

Советско-китайский конфликт 1929 г. Сборник документов. М. 1930. 89 стр. (НКИД).

СССР. Народный комиссариат по иностранным делам. Годовой отчёт за 1923 год ко II съезду советов. М. 1924. Годовой отчёт за 1924 год к III съезду советов СССР. М. 1925. Приложение... М. 1925.

Aktenstücke über den französisch-belgischen Einmarsch in das Ruhrgebiet. 1—4. Berlin 1923. (Reichstag, I. Wahlperiode 1920/23).

Le congrès du Khalifat (le Caire, 13—19 mai 1926) et le congrès du Monde musulman (La Mekke, 7 juin — 5 juillet 1926). Ed. par A. Sékaly. Paris 1926. 219 p. (Collection de la Revue du Monde musulman).

Convention and transitory provision, concerning Memel, signed at Paris May 18th, 1924. (League of Nations. Official Journal № 28).

Danzig vor dem Völkerbund. Verhandlungsberichte und amtliche Schriftstücke betr. Danziger Fragen, die während der 1—53. Tagung des Rats des Völkerbundes (Januar 1920 bis Dezember 1928) erörtet wurden. Zusgest. u. übers. beim Senat der Freien Stadt Danzig. Bd 1—4. Danzig 1929.

Deutschland unter dem Dawesplan. Die Reparationsleistungen... Die Berichte des Generalagenten... nebst Sonderberichten der Komissare und Treuhänder. T. 1—2. Berlin 1925—1930.

Серия отчётов о выполнении репарационных обязательств в 1925—1929 гг. Текст имеется на англ. и франц. яз.

The experts' plan for reparation payment. Publ. by the Reparation commission. Paris [1926]. 397 p.

Final protocol of the Locarno conference, 1925 (and annexes) together with treaties between France and Poland and France and Czechoslovakia. Locarno. October 16, 1925... London 1925. 61 p. (Great Britain. Foreign office. Miscellaneous № 11 (1925).

Final protocol of the Locarno conference, 1925 and treaties between France and Poland and France and Czechoslovakia. New York 1926. 93 p. (International conciliation. № 216).

The final settlement of the reparations problems growing out of the world war. New York 1930. 205 p. (Hague conference, 1929. International conciliation. № 262).

Französisch-britisches Abkommen vom 9. Juli 1924 über die Anwendung des Dawes-Plans. «Archiv der Friedensverträge». Mannheim 1924. Bd 2. S. 539—546. На франц., англ. и нем. яз.

Frontier between Turkey and Iraq. Treaty between Great Britain and Iraq, signed at Bagdad on January 13th 1926. Geneva 1926. 6 p. (League of Nations publications).

Gesetz über die Verträge von Locarno und den Eintritt Deutschlands in den Völkerbund vom 28. November 1925, sowie dem (sic!) Wortlaut des Notenwechsels zwischen der deutschen Regierung und dem Generalsekretär des Völkerbundes vom 14. bis 17. März 1936. Mit einer Einleitung von V. Bruns. Berlin 1936. 77 S.

International conference of American states on conciliation and arbitration. Washington 1928—1929. Proceedings... Washington 1929. X, 738 p. *General* convention of inter-american conciliation, general treaty of inter-american arbitration, protocol of progressive arbitration, final act. Washington 1929. 97 p.

Japan's dream of world empire. The Tanaka memorial. Ed. with introduct. by C. Crow. New York — London 1942. 118 p.

Der Komplott-Prozess von Colmar vom 1.—24. Mai 1928. Gesammelte Verhandlungsberichte. Colmar 1928. 256 S.

League of Nations. Special session of the Assembly. Geneva, March 1926. Admission of Germany to the League of Nations. Letter from the German government. Geneva 1926.

League of Nations. Special session of the Assembly, Geneva, March 1926. Admission of new members to the League of Nations. Germany. Report presented by the First committee to the Assembly. Geneva 1926.

Limburg gegen Stadt-Anzeiger. Bericht über den Prozess des rheinischen Separatismus 18. — 24. Januar 1928 in Köln. 2. Aufl. [Köln] 1928. 124 S.

Locarno. Amtliche Dokumente und öffentliche Zeugnisse zur Geschichte des

Rheinpaktes und der Schiedesverträge. Mit dem Wortlaut der Verträge hrsg. von O. Bauer... Bielefeld—Leipzig 1929. 93 S.

The Locarno conference, October 5—16, 1925. Boston [1926]. 75 p. (World peace foundation. Pamphlets. Vol. 9, № 1, 1926).

Locarno. Dokumentensammlung von F. Berber. Berlin—Hamburg 1936. X, 408 S.

Materialen zum Kriegsachtungspakt. [3. ergänz. Ausg.]. Berlin 1929. 174 S. (Deutschland, Auswärtiges Amt.).

Der Neue Plan. Young-Plan und Haager Vereinbarungen nebst den deutschen Ausführungsvorschriften hrsg. und erläutert von E. Heilfron und P. Nassen. Berlin 1931. VIII, 524 S.

Pacte de sécurité. [I—II]. Paris 1925. (République française. Ministère des affaires étrangères). I. Neuf pièces relat. à la proposition faite le 9 février 1925 par le gouvernement allemand. 31 p. II. Documents signés ou paraphés à Locarno le 16 octobre 1925. 39 p.

Le pacte Kellog. Documents concernant le Traité multilatéral contre la guerre signé à Paris le 27 août 1928, recueillis avec une préf., un tableau synoptique des projets américains et français et une bibliographie par A. Lysen. Leyden 1928. 95 p.

The Pact of Paris. With historical commentary by J. T. Shotwell. Text of treaty and related documents. Worcester—New York 1928. 96 p. (International conciliation. № 243).

Papers relating to the foreign relations of the United States 1928. Vol. 1—3. Washington 1942—1943 (United States. Department of state).

Paris. Convention. 1928, August 27. Treaty for the renunciation of war. Text of the treaty, notes exchanged, instruments of ratification and of adherence and other papers. Washington 1933. VIII, 315 p. (United States department of state).

Recueil des ordonnances, instructions et décisions de la Haute Commission Interalliée des territoires rhénans. Mayence 1923. IV, 640 p.

La réforme agraire en Roumanie et les optants hongrois de Transylvanie devant la Société des Nations. Mémoire du gouvernement royal de Roumanie concernant la proposition du 9 mars, 1928. Paris 1928. 108 p. (Ministère des affaires étrangères).

Report of committees of experts to Reparation commission. Complete official English text with annexes. From Federal reserve bulletin, May, 1924. Washington 1924. III, 67 p. (Reparation commission).

Reparation conference. London. July—August 1924. Proceedings... London 1924. 361 p. (Miscellaneous № 17, 1924).

Die Sachverständigengutachten. Die Berichte der von der Reparationskommission eingesetzten beiden Sachverständigenkomitees vom 9. April 1924 nebst allen Beilagen. Einz. autor. Ausg. im Auftr. d. Auswärt. Amtes. Amtl. Text d. Reparationskomm. in franz. u. engl. Sprache u. amtl. deutsche Übertr. 2. Aufl. Berlin 1924. XIII, 174, 174 S.

The Status of the Memel territory. Geneva 1924. (League of Nations).

Документы, относящиеся к переговорам по поводу статута. Текст статута дан League of nations. Official Journal, 1924, September.

Textes organiques de la zone de Tanger. Édition française officielle. Rabat 1925. 83 p.

The United States and treaties for the avoidance of war... Text of the Briand—Kellog treaty. Signed february 6, 1928. By Ph. C. Jessup. New York 1928. 71 p. (International conciliation. № 239).

Die Verträge über Besetzung und Räumung des Rheinlandes und die Ordonnanzen der Interallierten Rheinlandoberkommission in Coblenz. Textausgabe der Verträge und der Ordonnanzen 1. bis 302. und der Anweisungen 1. bis 26. in französisch und deutsch nebst einer Karte des besetzen Gebiets. Bearb. und mit Erläuterungen versehen von W. Vogels. Berlin 1925. 398 S. (Inter-allied Rhineland high commission).

Zbior dokumentow urzędowych dotyczacych stosunku Wolnego Miasta Gdańska do Rzeczypospolitej Polskiej 1918—1926. Wydane przez Komisarjat Generalny Rzeczypospolitej Polskiej w Gdańsku. Cz. 1—6 Gdańsk 1923—1931.

Zusammenstellung der zwischen der Freien Stadt Danzig und der Republik Polen abgeschlossenen bedeutsamen Verträge. Abkommen und Vereinbarungen 1924—1927. Danzig 1928. 116 S.

в) Выступления руководящих политических деятелей (речи, статьи и т. п.)

Калинин, М. И. Международное и внутреннее положение. М.—Л. 1926. 52 стр.

Beneš, E. Five years of Czechoslovak foreign policy. [Speech of Eduard Beneš in Committee of parliament, february 6, 1924]. Praha 1924. 39 p.

Beneš, E. La situation internationale et la politique étrangère tchécoslovaque. Exposé de... E. Beneš, ministre des affaires étrangères aux commissions des affaires étrangères de la Chambre des députés et du Sénat le 6 Juin 1928. Prague 1928. 25 p. (Sources et documents tchécoslovaques, № 6).

Briand, A. Dans la voie de la paix. Discours du 8 novembre, 1929. Paris 1929. 65 p. (Documents européens publ. sous la dir. de L. Maury).

Briand, A. Frankreich und Deutschland. Mit einer Einleitung von G. Stresemann. Hrsg. von A. Rosenberg. Dresden 1928. 205 p.

Перевод речей Бриана, отобранных редактором книги Артуром Розенбергом.

Briand, A. Paroles de paix. Paris — Bruxelles 1927. 181 p.

Briefwechsel zwischen Poincaré und MacDonald... «Archiv der Friedensverträge». Mannheim 1926. Bd 2. S. 530—538.

На франц. и нем. яз. Впервые опубликовано на франц. яз. в газ. «Le Temps» № 22939 от 30 мая 1924 г.

Cachin, M. La politique du cartel envers la Russie des Soviets (Discours prononcé à la Chambre des députés le 21 janvier, 1925). Paris 1925. 44 p. (Le problème de la paix et les dettes extérieures).

Chamberlain, A. Peace in our time. Addresses on Europe and the Empire... London 1928. X, 308 p.

Cuno, W. Die Bilanz des Ruhreinbruchs. Rede des Reichskanzlers Cuno im Reichstag am 6. März 1923. [Berlin 1923]. 24 S.

Halifax, K. G. Speeches on foreign policy. Ed. by H. H. E. Craster. London 1940. X, 368 p. (Royal institute of international affairs).

Kellogg, F. B. The settlement of international controversies by pacific means. An address by the honorable F. B. Kellogg, secretary of state of the United States, delivered before the World alliance for international friendship at New York city, November 11, 1928. Washington 1928. 12 p.

Poincaré, R. Discussion... sur la politique extérieure du gouvernement. Paris 1924. 44 p.

Stresemann, G. Vermächtnis. Der Nachlass in drei Bänden... Hrsg. von H. Bernhard unter Mitarbeit von W. Goetz und P. Wiegler. Bd 1—3. Berlin [1932] — 1933.

г) Исторические исследования и публицистические обзоры

Варга, Е. План Дауэса и мировой кризис 1924 года. Перев. с рукописи Шуль-Шенталь. [М.] 1925. 127 стр.

Войтинский, Г. КВЖД и политика империалистов в Китае. М. 1930. 72 стр. (Комакадемия. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Материалы по рурскому вопросу. (История французско-бельгийской оккупации германских областей и её последствия). М. 1923. 219 стр.

Новый этап в репарационном вопросе. Коллективная работа Е. Варга, В. Горфинкеля, Т. Лоуф-Бохена, А. Романского, И. Файнгара. М. 1929. 184 стр. (Комакадемия. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

План Юнга. Полный текст плана Юнга и статьи Г. Соловья [и др.]. Предисл. и ред. Ф. А. Ротштейна. М. 1930. 291 стр.

Терентьев, Н. Советский союз, империализм и Китай. Захват КВЖД и разрыв советско-китайских отношений. М.—Л. 1929. 80 стр.

Штейн, Б. Е. Внешняя торговая политика СССР. М.—Л. 1925. 140 стр.

Штейн, Б. Е. и *Рапопорт, А. Ю.* Советско-германский торговый договор 12 октября 1925 года. М. [1926]. 278 стр.

Andréa, La révolte druze et l'insurrection de Damas 1925—1926. Paris 1937. 243 p. (Bibliothèque historique).

Auld, G. P. The Dawes plan and the new economics. With foreword by R. C. Dawes. Garden City. New York 1927. 317 p.

Blondel, G. Le triomphe du germanisme. Paris 1934. 182 p.

Bonn, M. I. Der neue Plan als Grundlage der deutschen Wirtschaftspolitik... München—Leipzig 1930. VIII, 266 S. (Veröffentlichungen des Instit. für Finanzwesen an der Handels-Hochschule. Berlin...).

Bonnamour, G. Le rapprochement franco-allemand. Édition augm. de trente pièces jointes. Comprenant: les paiements allemands, le plan Dawes, les correspondances diplomatiques entre l'Angleterre et la France au sujet des traités signés à Locarno et le texte complet des dits traités. Paris 1927. 386 p.

Cantalupo, R. L'Italia musulmana... Roma 1928. 434 p.
Chang Chung Tao. Les traités inégaux de la Chine et l'attitude des puissances. Paris 1929. 216 p.
Charles, R. Le statut de Tanger, son passé, son avenir. Alger 1927. 193 p.
Dawes, R. C. The Dawes plan in the making... With foreword by F. O. Lowden. Indianapolis [1925]. 525 p.
Deák, F. The Hungarian-Rumanian land dispute; a study of Hungarian property rights in Transylvania, under the treaty of Trianon. With an introd. by G. W. Wickersham... New York 1928. XIV, 272 p.
Dobrin, C. J. Les optants hongrois et la réforme agraire roumaine. Paris 1929. 249 p.
Durand, R. Le problème de Tanger. Préf. de J. Bainville. Paris 1926. 132 p.
Fabre-Luce, A. Locarno sans rêves. Paris 1927. 243 p.
Gaulis, B. G. La question arabe. De l'Arabie du roi Ibn Saoud à l'indépendance syrienne. Paris 1930. 308 p.
Glasgow, G. From Dawes to Locarno; being a critical record of an important achievement in European diplomacy 1924—1925. With a foreword by J. R. MacDonald. London 1925. XVI, 185 p.
Greer, G. The Ruhr-Lorraine industrial problem. A study of the economic inter-dependence of the two regions and their relation to the reparation question. London [1925]. XX, 348 p.
Harris, W. B. France, Spain and the Rif. London 1927. XII, 338 p.
Hernandez Mir, F. Del desastre a la victoria [1921—1926]. El rif por España. Madrid 1927. 244 p.
Hoepli, H. U. England im Nahen Osten. Das Königreich Irak und die Mossulfrage... Erlangen 1931. XI, 168 S. (Erlangen Abhandlungen zur mittleren und neueren Geschichte. Bd 10).
Holcombe, A. N. The Chinese revolution. A phase in the regeneration of a world power... Cambridge, Mass. 1930. XIV, 401 p. (The Bureau of international research of Harvard university and Radcliff college).
Hubert-Jacques. L'aventure riffaine et ses dessous politiques. Paris 1927. 379 p.
Die interallierten Schulden. Ihre Entstehung und ihre Behandlung im Young-Plan. Bearb. im Statistischen Reischsamt. Berlin 1930. 202 S. (Einzelschriften zur Statistik des Deutschen Reichs № 11).
Kelchner, W. H. Latin American relations with the League of Nations... Boston 1930. 207, XIII p. (World peace foundation pamhplets).
Ker, A. Le Comité des forges et l'occupation de la Ruhr. Paris 1923. 32 p.
Lania, L. Der Hitler—Ludendorff Prozess... Berlin 1925. 134 S.
Miller, D. H. The peace pact of Paris. A study of the Briand—Kellogg treaty. New York—London 1928. VII, 287 p.
Moulton, H. G. and *McGuire C. E.* Germany's capacity to pay. A study of the reparation problem. Washington 1923. XIII, 384 p. (Inst. of economics. Investigations in int. economic reconstruction). (Перевод: *Маультон, Г. Г.* и *Мак-Гвайр, К. Е.* Платёжеспособность Германии. Репарационный вопрос. Предисл. Е. Варга. М.—Л. 1925. XII, 268 стр.).
Myers, D. P. Origin and conclusion of the Paris'pact. The renunciation of

war as an instrument of national policy. Boston 1929. VIII, 227 p. (World peace foundation pamphlets. Vol. 12, № 2).
Nikolitch, D. Les différends de frontières de l'Albanie et le traité italo-albanais du 27 novembre 1926. Paris 1927. 231 p.
Nonu, J. M. Le règlement des dettes interalliées et le plan Dawes... Paris 1929. 630 p.
Péri, G. Genève—Locarno. La Société des Nations et le pacte de garantie. Préf. de A. Marty. Paris [1926]. 164 p.
Pinon, R. La bataille de la Ruhr 1923... Paris 1924. 361 p. (Chroniques du ministère Poincaré. 11).
Robinson, J. Kommentar der Konvention über das Memelgebiet vom 8. Mai 1924. Bd 1—2. Kaunas 1934.
Rogge, A. Die Verfassung des Memelgebiets. Ein Kommentar zur Memelkonvention... Berlin 1928. XVI, 494 S. (Handbücher des Ausschusses für Minderheitenrecht. Hrsg. von M. H. Boehm).
Saraïlieff, G. V. Le conflict gréco-bulgaire d'octobre 1925 et son règlement par la Société des Nations. Amsterdam 1927. 165 p.
Schacht, H. Das Ende der Reparationen... Oldenburg i. O. [1931]. 246 S.
Shotwell, J. T. War as an instrument of national policy and its renunciation in the pact of Paris. New York 1929. X, 310 p.
Sirdar Ikbal Ali Shah. The tragedy of Amanullah. London 1933. 288 p.
Strupp, K. Das Werk von Locarno. Eine völkerrechtlich-politische Studie... Berlin—Leipzig 1926. 180 S.
Stuart, G. H. The international city of Tangier... Stanford univ. (California). London 1931. XIII, 323 p.
Survey of American foreign relations. Ed. by Ch. P. Howland. Vol. 1—4. New Haven 1928—1931. (Publications of the Council on foreign relations).
Wheeler-Bennet, J. W. and *Latimer, H.* Informations on the reparation settlement being the background and history of the Young Plan and the Hague agreements 1929—1930... With a foreword by Ch. Addis. London [1930]. 253 p. (Information series. № 6).

IV. ЛИТЕРАТУРА К ГЛАВАМ XVI—XXVI

а) Классики марксизма-ленинизма

Сталин, И. В. Политический отчёт Центрального комитета XVI съезду ВКП(б). Доклад и заключительное слово 27 июня — 2 июля 1930 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 10-е. [М.] 1935, стр. 345—361, 395.
Сталин, И. В. Отчётный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б) 26 января 1934 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е. [М.] 1939, стр. 423—438.
Сталин, И. В. Отчётный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б) 10 марта 1939 г. «Вопросы ленинизма». Изд. 11-е. [М.] 1939, стр. 564—575.
Сталин, И. В. Телеграмма в Мадрид ЦК компартии Испании т. Хозе Диас. «Правда». 1936, 16 октября, № 286, стр. 1.

Сталин, И. В. Выступление по радио 3 июля 1941 года. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Изд. 4-е. М. 1944, стр. 9.

Сталин, И. В. 24-ая годовщина Великой Октябрьской Социалистической революции. Доклад на торжественном заседании Московского Совета депутатов трудящихся с партийными и общественными организациями г. Москвы 6 ноября 1941 года. «О Великой Отечественной войне Советского Союза». Изд. 4-е. М. 1944, стр. 25, 29.

б) Документы официального характера *

Австро-германское соглашение. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1936. № 8, стр. 147—148.

Англо-египетский договор, подписанный в Лондоне 26/VIII 1936 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1936. № 11, стр. 191—199.

Англо-итальянские соглашения, заключённые в Риме 16 апреля 1938 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 5, стр. 160—164.

Англо-польское соглашение о взаимопомощи. (Сообщение ТАСС от 25/VIII—1939 г.). «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 9, стр. 246—247.

Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Документы и материалы. Т. I. 22 июня 1941 г. — 31 декабря 1943 г. М. Госполитиздат. 1944, 699 стр.

Германо-итальянский договор о военно-политическом союзе [от 22 мая 1939 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 6, стр. 166.

Декларация, принятая Брюссельской конференцией 24 ноября 1937 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 1, стр. 188—189.

Договор о ненападении между Германией и Советским Союзом. [23 августа 1939 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 9, стр. 10—11.

Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой [21 августа 1937 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 10—11, стр. 257.

Закон о нейтралитете, принятый конгрессом Соединённых штатов Америки 29 апреля 1937 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 6, стр. 156—161.

[*Интервенция* в Испании. Документы]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1936. № 10, стр. 165—167; № 11, стр. 204—206; № 12, стр. 186—188. 1937. № 1, стр. 171—176; № 2, стр. 150—151, 155—157; № 4, стр. 199—202; № 5, стр. 164—167; № 6, стр. 154; № 9, стр. 136.

[*Итало-абиссинская война.* Документы]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1935. № 6, стр. 140—143; № 9, стр. 154—160; № 10, стр. 188—201, 203; № 11—12, стр. 240—256; 1936. № 1, стр. 231—239; № 4, стр. 143; № 7, стр. 177—178; № 8, стр. 146—147.

Итало-югославский договор, подписанный итальянским министром иностранных дел графом Чиано и югославским премьером и министром

* Впервые напечатаны в газете «Известия».

иностранных дел Стоядиновичем в Белграде 25 марта 1937 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 5, стр. 167—168.

К советско-японским отношениям. [Сообщения ТАСС от 28 апреля, 10 мая и 16 мая 1938 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 6, стр. 175—177.

Калинин, М. И. Ответ тов. Калинина на обращение Рузвельта [от 19 мая 1933 г., разосланное главам 53 государств]. В кн.: Сборники документов по международной политике и международному праву. Вып. 9. Советско-американские отношения. 1919—1933. М. 1934, стр. 75—76.

Калинин, М. И. Телеграмма председателя Президиума Верховного Совета СССР тов. М. И. Калинина президенту Соединённых штатов Америки г-ну Франклину Рузвельту [от 16 апреля 1939 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 5, стр. 156.

Коммюнике Британского министерства иностранных дел о беседе французского премьер-министра Шотана и министра иностранных дел Дельбоса с британским премьер-министром Чемберленом и министром иностранных дел Иденом от 30 ноября 1937 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 1, стр. 189.

Коммюнике об окончании сессии постоянного совета Малой Антанты в Белграде от 2 апреля 1937 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 5, стр. 168—170.

[*Коммюнике* от 6, 10, 14 и 17 декабря 1937 г. о визитах французского министра иностранных дел Дельбоса в Варшаву, Бухарест, Белград и Прагу]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 1, стр. 190—191.

Конференция в Стрезе. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1935. № 5, стр. 139—140.

Международные экономические конференции и соглашения. 1933—1935 гг. Ч. 1. Сборник документов. М. 1936. 265, [5] стр. (НКИД).

Меморандум [посланника Британского правительства в Чехословакии] лорда Ренсимена британскому премьер-министру Чемберлену от 21 сентября 1938 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 11, стр. 120—123.

Накануне войны в Европе (по официальным документам). «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 10, стр. 176—188.

Текст послания Даладье Гитлеру от 26 августа 1939 г. и ответ Гитлера от 27 августа 1939 г. и переписка между Великобританией и Германией (22 августа — 1 сентября 1939 г.).

Нападение Японии на Китай. [Документы]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 10—11, стр. 258—259.

Нионское соглашение. [Документы]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 10—11, стр. 265—266; № 12, стр. 201—203.

Нота итальянского министра иностранных дел британскому послу в Риме от 16 апреля 1938 г. относительно присоединения Италии к Лондонскому морскому договору. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 5, стр. 165.

Нота посла Соединённых штатов Америки Джозефа Грю, вручённая

27 октября 1938 г. японскому премьеру и министру иностранных дел Коноэ. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 12, стр. 113—116.

Обмен нотами о торговых взаимоотношениях между СССР и США. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1935. № 8, стр. 140.

[*Оккупация* германскими войсками Рейнской зоны. Документы]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1936. № 4, стр. 139—143; № 5, стр. 155—160; № 6, стр. 186—190; № 9, стр. 153.

Отзыв представителя СССР из Комитета по невмешательству. Сообщение ТАСС от 4 марта 1939 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 3, стр. 172.

[*Пересмотр* Лозаннской конвенции о проливах. Документы]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1936. № 5, стр. 161—163; № 9, стр. 143—152.

Репарационный вопрос и военные долги. Сборник документов под ред. А. Ерусалимского и Л. Иванова. Предисл. Е. Варга. Вводная статья Л. Иванова. М. 1933. 210, [4] стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии).

Рузвельт, Ф. Послание Рузвельта Гитлеру и Муссолини [15 апреля 1939 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 5, стр. 155—156.

Рузвельт, Ф. Телеграмма Франклина Рузвельта тов. М. И. Калинину. [В ответ на телеграмму от 16 апреля 1939 г.]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 5, стр. 156.

Сборники документов по международной политике и международному праву. (НКИД). Вып. 1. Разоружение. [Документы 1930—1931 гг.] М. 1932. 136 стр. Вып. 2. Европейский союз. Аграрные конференции и региональные соглашения. М. 1932. 157 стр. Вып. 3. Японо-китайский конфликт. План Гувера и репарационная проблема. Деятельность Лиги наций и др. М. 1932. 206 стр. Вып. 4. Лозаннские соглашения. Женевская конференция по разоружению. Признание Маньчжоу-Го и др. М. 1933. 191 стр. Вып. 5. Экономические конференции и соглашения. Международные долги. Разоружение. Доклад комиссии Литтона по манчжурскому вопросу. М. 1933. 181, [2] стр. Вып. 6. Пакт четырёх. Разоружение. Манчжурский конфликт. Выход Германии и Японии из Лиги наций. 1 января 1933 года—1 января 1934 года. М. 1934. 233, [6] стр. Вып. 7. Мировая экономическая конференция и проблема межсоюзнических долгов. М. 1934. 91 стр. Вып. 8. Сборник решений иностранных судов по спорам, касающимся имущественных интересов Союза ССР (1929—1933 гг.) [М.] 1934. 118 стр. Вып. 9. Советско-американские отношения. 1919—1933. М. 1934. 99, [5] стр. Вып. 10. Разоружение. 1933—1936. 1. Четверные переговоры. 2. Конференция по разоружению. 3. Довооружение Германии. М. 1936. 287 стр. Вып. 11. Гарантии безопасности по статуту Лиги наций. М. 1937. 386, [5] стр.

Советско-американские отношения. (Сообщение ТАСС от 8 августа 1937 г.) «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 9, стр. 137—138.

Соглашение, заключённое 29 сентября 1938 г. в Мюнхене между Англией, Францией, Германией и Италией. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 10, стр. 155—156.

Соглашение о добрососедских отношениях между правительством Соединённого королевства, египетским правительством и итальянским правительством от 16 апреля 1938 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 5, стр. 165—166.

Сообщение ТАСС. [Обмен нотами между наркоминделом т. М. М. Литвиновым и германским послом в Москве г. фон дер Шуленбургом]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 4, стр. 187—189.

Сообщение ТАСС от 10 мая 1939 г. [По поводу англо-советских переговоров]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 5, стр. 157.

СССР в борьбе за мир. Речи и документы [1930—1934 гг.]. М. 1935. 147, [3] стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики).

СССР и фашистская агрессия в Испании. Сборник документов. М. 1937. 72 стр. (Мир и война).

Франко-итальянское соглашение от 7 января 1935 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1935. № 3, стр. 135—137.

Японская агрессия в Северном Китае. [Сообщение ТАСС от 17 июля 1937 г.] «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 8, стр. 176.

The agricultural crisis. Vol. 1—2. Geneva 1931 (League of Nations publications).

American neutrality policy... Washington 1937. III, 177 p. (U. S. A. Congress House. Committee on foreign affairs).

Brown book of the Hitler terror and the burning of the Reichstag. With an introd. by lord Marley. New York — London 1933. XII, 348 p. (World committee for the victims of German fascism). (Перевод: «Коричневая книга о поджоге рейхстага и гитлеровском терроре. [Предисл. лорда Марлей]. М. 1933. 368 стр.).

Bulgaria and the Balkan problems. Publ. by the Bulgarian national group for the Balkan conferences. With the assistance of the Carnegie endowment for international peace. Sofia 1934. 72 p.

Collection de documents concernant l'adresse du gouvernement de la ville libre de Dantzig, soumise pour la décision au Haut-Commissaire de la S. d. N. à Dantzig sur la question Dantzig-Gdingen. Dantzig 1930. 224 p. (Suppl. 13 p.).

Conférence de Montreux. 1936. Actes de la Conférence concernant le régime des Détroits, 22 juin — 20 juillet 1936. Compte-rendu des séances plénières et procès-verbal des débats du Comité technique... [Liège 1936]. 310 p.

Conference for the reduction and limitation of armaments. Geneva 1932—1934. Conference documents. Vol. 1—3. Geneva 1932—1935 [League of Nations publications].

Conference for the reduction and limitation of armaments. Geneva 1932—1934. Records of the Conference. Geneva 1932—1936. Series A. Verbatim

records of Plenary meetings. Vol. 1 — February 2nd — July 23rd, 1932. Series B. Minutes of the General commission. Vol. 1—3. [February 9th — June 11th 1934].

Congrès européen. Bâle. 1932. Vienne [1932]. 72 p.

Конгресс сторонников идеи пан-Европы.

Le Conseil et l'Assemblée de la Société des Nations. Septembre 1937. Espagne — Chine—Ethiophie. Genève—Paris [1937]. 26 p. (Dossiers diplomatiques). [Éd. lytogr.].

Convention between His Majesty and the President of the national government of the republic of China for the rendition of Weihaiwei and agreement regarding certain facilities of His Majesty's navy after rendition. Nanking, April 18, 1930. London 1930. 10 p. (Great Britain. Treaties. China, № 2, 1930).

Correspondence respecting Czechoslovakia. September 1938 [«Blue book»]. London 1938. 22 p. (Great Britain. Foreign office. Miscellaneous № 7, 1939).

Further documents respecting Czechoslovakia. Including the agreement concluded at Munich on September 29, 1938 [«Blue Book»]. London 1938. 6 p. (Great Britain. Foreign office. Miscellaneous № 8, 1939).

Correspondence showing the course of certain diplomatic discussion directed towards securing an European settlement, June 1934 to March 1936. London 1936. 88 p. (Great Britain. State office. Miscellaneous № 3, 1936).

The course and phases of the world economic depression. Geneva 1931. (League of Nations publications).

Deutschland—England 1933—1939. Die Dokumente des deutschen Friedenswillen. Hrsg. von F. Berber. [Essen] 1940. 250 S. (Veröffentlichungen des Deutschen Instituts für aussenpolitische Forschung. Hrsg. von F. Berber. Bd 7).

Dispute between Ethiopia and Italy. Coordination of measures under article 16 of the Covenant. Proposals and resolutions of the Coordination committee and the Committee of eighteen and official correspondence and communications relating thereto. Geneva 1936. XXXII, 359 p. (League of Nations. Official journal. Special supplement, № 150).

Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Berlin 1939. XXVII, 488 S. (Auswärtiges Amt. 1939. № 2).

Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Hrsg. vom Auswärtigen Amt der Deutschen Regierung. Basel 1940. XLI, 595 S. (Zweites Weissbuch der Deutschen Regierung. Dokumente über die Entwicklung der deutsch-polnischen Beziehungen und die Ereignisse von 1933 bis zur Gegenwart. Dokumente und Urkunden zum Kriegsausbruch. September 1939. Fasc. 5).

Documents concerning German-Polish relations and the outbreak of hostilities between Great Britain and Germany on September 3, 1939 [«Blue book»]. London 1939. XXVIII, 195 p. (Great Britain. Foreign office. Miscellaneous № 9, 1939).

Documents on American foreign relations. Vol. 1—2. [January 1938—June

1940]. Ed. by S. Sh. Jones and D. P. Myers. Boston 1939—1940 (World peace foundations).

The Embargo on arms to Spain. Statements by H. L. Stimson, M. Conboy, Ph. C. Jessup and Ch. C. Burlingham. Appeal to Germany by eminent Britons. Manifesto on peace and cooperation by eighteen prominent British citizens January 27, 1939. New York 1939. 34 p. (Carnegie endowment for international peace, 1939. International conciliation. № 348).

Erwiederung der Regierung der Freien Stadt Danzig auf die polnische Antwortnote vom 19. Juli 1930. betr. den Danziger Antrag beim Hohen Kommissar des Völkerbundes auf Entscheidung in Sachen Gdingen. Danzig 1930. 68 S.

European federal union. Replies of twenty six governments of Europe to M. Briand's memorandum of May 17, 1930. Worcester—New York 1930. 769 p. (Carnegie endowment for international peace. International conciliation... № 265).

The Far Eastern problem. Official texts and summary of the Lytton report. Worcester—New York 1933. 87 p. (Carnegie endowment for international peace. International conciliation... № 286).

The French yellow book. Diplomatic documents (1938—1939). Papers relative to the events and negotiations which preceded the opening of hostilities between Germany on the one hand, and Poland, Great Britain and France on the other. Publ. by authority of the French government. New York 1940. 419 p. (Ministry of Foreign Affairs).

General convention to improve the means of preventing war (Geneva, September 26th, 1931). Geneva 1932. (League of Nations publications).

Die Haager Protokolle. Die auf der Haager Konferenz [1929] getroffenen politischen und finanziellen Vereinbarungen. Amtlicher Text. Berlin 1929. 43 S.

Haager Vereinbarungen vom Januar 1930. Nebst allen Anlagen. Amtlicher Text. Berlin 1930. 206 S.

Imperial conference. London 1937. Summary of proceedings. London 1937. 71 p.

Imperial economic conference. Ottava 1932. Summary of proceedings and copies of trade agreements... London 1932. 95 p.

Appendices to the summary of proceedings. London 1932. 205 p.

Japanese agression and the Nine Power conference at Brussels. I—II. Brussels [1937].

Die Lateran-Verträge zwischen dem Heiligen Stuhl und Italien vom 11. Februar 1929. Italienischer und deutscher Text. Autorisierte Ausgabe mit einer Einleitung des päpstlichen Nuntius E. Pacelli in Berlin. Freiburg im Breisgau 1929. 80 S.

The Lausanne agreement... New York 1932. 43 p. (Carnegie endowment for international peace. International conciliation. № 282).

League of Nations. Commission of enquiry for European Union. Economic depression. Report on enquiry into course and phases of the present economic depression. Geneva 1931.

League of Nations. Commission of enquiry for European Union. Documents

relating to the organization of a system of European federal union. Geneva 1930.

League of Nations. Commission of enquiry for European Union. Sessions 1—7, 1930—1937. Minutes of the sessions... Geneva 1930—1937.

League of Nations. Commission of enquiry (Lytton). Report... Geneva 1932. Supplementary documents to the Report... of the Commission of enquiry (Lytton). Geneva 1932.

London naval conference, 1930. Documents. London 1930. 565 p.

Memorandum on the organization of a regime of European federal union. Addressed to twenty-six governments of Europe, by Briand, May 17, 1930. Worcester—New York 1930. 33 p. (Carnegie endowment for international peace).

Memoria del governo italiano circa la situazione in Etiopia. Milano [1935]. 207 p. (Instituto per gli studi di politica internazionale).

Monetary and economic conference. London, June 7th—July 27th 1933. Journal of the conference № 1—39; 1 corrigendum. London 1933. (League of Nations).

Monetary and economic conference. London, June 7th—July 27th 1933. Reports approved by the Conference on July 27th 1933 and resolutions adopted by the Bureau and the Executive committee. Geneva 1933. Addendum to the reports. Geneva 1933. (League of Nations).

Peace and war. United States foreign policy 1931—1941. Washington 1943. XXI, 874 p. (Department of State. United States of America).

Polnische Dokumente zur Vorgeschichte des Krieges. Folge 1. Hrsg. vom Auswärtigen Amt der Deutschen Regierung. Basel 1940. 149 S. (Drittes Weissbuch... Dokumente und Urkunden zum Kriegsausbruch. September 1939. Fasc. 10). Др. изд.: *Polnische Dokumente* zur Vorgeschichte des Krieges. Folge 1. Berlin 1940. 124 Bl. (Auswärtiges Amt. 1940. № 3).

Public papers and addresses. With a special introduction and explanatory notes by President Roosevelt. Vol. 1—5 [1928—1936]. Comp. and collated by S. J. Rosenman. New York—Toronto 1938. [Vol. 6—9, 1937—1940]. New York 1941.

Recueil de documents diplomatiques et politiques sur la dénonciation de l'accord de Locarno par l'Allemagne et la réoccupation militaire de la Rhénanie démilitarisée. Paris 1936. 184 p. (Les documents politiques. Directeur R. Mennevée. Année 1936).

Report by the secretary-general [of the League of Nations] on the action taken by the League on the Sino-Japanese dispute. Geneva 1932. (League of Nations publications).

Report by the Stresa conference for the economic restoration of Central and Eastern Europe, submitted to the Commission of enquiry for European Union. Geneva 1932. (League of Nations publications).

Reports of the Committee of enquiry [of the League of Nations] set up at Shanghai under article 15, paragraph I of the Covenant. Geneva 1932. (League of Nations publications).

Request by the Abyssinian government under article 11, paragraph 2, of the Covenant [of the League of Nations]. Geneva 1935. (League of Nations publications).

Result of the plebiscite [Saar territory]. Geneva 1935. (League of Nations publications).

Ripka, H. Münich: before and after. A fully documented Czechoslovak account of the crisis of September 1938 and March 1939 with a detailed analysis of the repercussions of the Münich agreement on the situation of Europe as a whole and of Central Europe in particular, together with an essay on the reconstruction of a free Europe... Transl. from the manuscript by I. Sindelkovà and F. P. Yound. London 1939. 523 p.

Sammlung der Dokumente in der Streitsache zwischen der Freien Stadt Danzig und der Republik Polen betr. Artikel 33 des Danzig-polnischen Vertrages vom 9. November 1920 [Minoritätenschutz]. Veröff. von der Regierung der Freien Stadt Danzig. Danzig 1931. 448 S.

Security and defense. Texts of White paper on defense and of parliamentary debates. Text of German conscription announcement. Texts of British, French and Italian notes of protest. Text of Sir John Simon's statement to the House of commons. New York 1935 [131] p. (International conciliation).

Sino-Japanese conflict. Appeal by the chinese government. Geneva 1937. 59 p. (League of Nations. Official journal. Special suppl. № 177).

The text of a proposed resolution reaffirming and extending the non-intervention agreement... Adopted by the International committee for the application of the agreement regarding non-intervention in Spain at a plenary session held on Tuesday, July 5, 1938... London 1938. 80 p.

Text of British White paper containing British-German correspondence concerning Poland. Outline of the German white book on final phases of German-Polish crisis. Neutrality of the United States. Texts of proclamations and regulations, issued at Washington, September 5, 1939 and the text of president Roosevelt's address to congress, September 21, 1939. New York 1939. [53] p. (International conciliation. № 353).

Text of proposals drawn up by the representatives of Belgium, France, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland and Italy. London. March 19, 1936. London 1936. 7 p.

Urkunden zur letzten Phase der deutsch-polnischen Krise. Berlin 1939. 31 S. (Auswärtiges Amt).

The verdict of the League [of Nations]. China and Japan in Manchuria. The official documents with notes and an introduction by M. O. Hudson. Boston 1933. 102 p.

Wellington Koo. Memoranda. Presented to the Lytton commission. Vol. 1—3. New York 1932—1933.

«*White book*», publ. by the Spanish government and presented to the Council on May 28th, 1937 (Appeal by the Spanish government). Geneva 1937. 140 p. (League of Nations. Official journal. Special suppl. № 165).

Woodman, D. ed. Hitler rearms. An exposure of Germany's war plans. With a foreword by the earl of Listowel. London 1934. XIV, 336 p. Изд. тех же

документов на нем. яз. *Der Faschismus* treibt zum Krieg. Dokumentarische Enthüllungen über Deutschlands Geheimrüstungen. Hrsg. von D. Woodman. Moskau—Leningrad 1935. 424 S. (Перевод: *Вудман, Д.* Германия вооружается. Перев. с англ. под ред. Я. Сегалл. М. 1935. 240 стр.).

в) Выступления руководящих политических деятелей (речи, статьи и т. п.)

Интервью тов. Ворошилова об англо-франко-советских военных переговорах. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1939. № 9, стр. 11—12. Перепечатка из газеты «Правда» от 27 августа 1939 г.

Калинин, М. И. О международном положении. Доклад на собрании агитаторов, пропагандистов и беседчиков Ленинского района г. Москвы 26 апреля 1938 г. [М.] 1938. 32 стр.

Калинин, М. И. Статьи и речи от VII к VIII съезду советов СССР. [М.] 1937. 300 стр. Стр. 133—161. Международное положение СССР. Доклад... 15 февраля 1936 г. Стр. 235—253. Международное положение и задачи обороны СССР. Речь... 7 июля 1936 г.

Литвинов, М. М. В борьбе за мир. [Речи и заявления. 1933—1937 гг.]. [М.] 1938. 195 стр.

Литвинов, М. М. Против агрессии. [Речи и выступления. 1934—март 1938 г.] [М.] 1938. 112 стр.

Литвинов, М. М. Выступление тов. М. М. Литвинова на Брюссельской конференции 3 ноября 1937 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1937. № 12, стр. 207—208.

Литвинов, М. М. Выступление тов. М. М. Литвинова на заседании [100-й сессии] Совета Лиги наций 27 января 1938 г. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 3, стр. 203—204.

Литвинов, М. М. Выступление тов. М. М. Литвинова 12 мая 1938 г. [на 101-й сессии Совета Лиги наций] в прениях по вопросу о положении в Абиссинии. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 6, стр. 177—179.

Литвинов, М. М. К современному международному положению. [Из речи 23 июня 1938 г.] [М.] 1938. 32 стр.

Литвинов, М. М. За мир — против войны. (Речь на пленуме Лиги наций 21 сентября 1938 г.). [М.] 1938. 24 стр.

Литвинов, М. М. Речь на заседании 6-й политической комиссии Лиги наций от 29 сентября 1938 г. [По поводу проекта резолюции, внесённого испанской делегацией]. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 10, стр. 153—155.

Молотов, В. М. В борьбе за социализм. Речи и статьи [1930—1934 гг.]. Изд. 2-е, доп. [М.] 1935. 588 стр.

Молотов, В. М. 21-я годовщина Октябрьской революции. Доклад на торжественном заседании Московского совета 6 ноября 1938 г. [М.] 1938. 24 стр.

Молотов, В. М. О международном положении и внешней политике СССР.

Доклад Председателя Совета народных комиссаров СССР и Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на третьей сессии Верховного совета СССР 31 мая 1939 года. [М.] 1939. 16 стр.

Молотов, В. М. О ратификации советско-германского договора о ненападении. Сообщение председателя Совета народных комиссаров СССР и Народного комиссара иностранных дел тов. В. М. Молотова на заседании Верховного совета СССР 31 августа 1939 г. [М.] 1939. 16 стр.

Молотов, В. М. Статьи и речи. 1935—1936. [М.] 1937. 272 стр.

Beneš, E. Anšlus nebo nová Evropa? Výklad čsl. ministra zahraničnich věci E. Beneše v zahraničnim výboru poslanecké sněmovny a Senàtu dne 23 dubna 1931. Praha 1931. 51 c. (Politické dokumenty ročnik 2, sešit 1).

Beneš, E. Der Kampf um die kollektive Sicherheit in Europa und der italienisch-abessinische Krieg. Exposé des Ministers des auswärtigen Angelegenheiten in den Aussenausschüssen des Abgeordnetenhauses und des Senates am 5. November 1935. Prag 1935. 68 S.

Beneš, E. The problem of Central Europe and the Austrian question. Prague 1934. 65 p. (Czechoslovak sources and documents. 7).

Beneš, E. Probleme der Tschechoslovakischen Republik. Kundgebungen des Präsidenten der Republik E. Beneš in Nordböhmen. Prag 1936. 49 S. (Tschechoslovakische Quellen und Dokumente. № 13).

Blum, L. L'exercice du pouvoir. Discours. Paris 1937. 358 p.

Cachin, M. Le capitalisme en déclin veut se sauver par la guerre contre l'U. R. S. S. Discours prononcé à la séance de la Chambre des députés, le 8 mars 1932. Paris 1932. 20 p. (Publications du parti communiste (SFIC)).

Cachin, M. La préparation méthodique de la guerre contre l'Union Soviétique. Le rôle de l'impérialisme français. Les faits. Les preuves. Discours prononcé à la XI-e session plénière du C. E. de l'I. C. (avril 1931). Paris 1931. 52 p.

Churchill, W. S. Arms and the Covenant. Speeches. London... [1938]. 466 p.

Churchill, W. S. Step by step. 1936—1939. New York [1939]. XII, 323 p.

Eden, A. Foreign affairs... London 1939. XVI, 356 p.

Hoover, H. C. The state papers and other public writings of Herbert Hoover. Collect. and ed. by W. St. Myers. Vol. 1—2 (March 4, 1929 to March 4, 1933). New York 1934.

Krofta, K. La Tchécoslovaquie et la crise de la securité collective. Exposé du ministre des affaires étrangères fait devant les Commissions des affaires étrangères de la Chambre et du Sénat le 22 octobre 1936. Prague 1936. 61 p. (Sources et documents tchécoslovaques. № 36).

Krofta, K. La Tchécoslovaquie en face de la tension internationale. Exposé du ministre des affaires étrangères fait devant les Commissions des affaires étrangères de la Chambre et du Sénat le 11 novembre 1937. Prague 1937. 69 p. (Sources et documents tchécoslovaques. № 41).

Roosevelt, F. D. Addresses and messages of F. D. Roosevelt. Comp. from official sources, intended to present the chronological development of the foreign policy of the United States from the announcement of the good

neighbour policy in 1933, including the war declarations. Development of United States foreign policy. Washington 1942. VI, 150 p. (77th Congress, 2 session. Senate. Document № 188).
Roosevelt, F. D. Looking forward. London [1933]. 279 p.
Roosevelt, F. D. On our way... New York [1934]. XIV, 300 p.
Saito, H. Japan's policies and purposes. Sections from recent addresses and writings. Boston 1935. X, 231 p.
Schacht, H. Weimarer Rede. Reichsbankpräsident und beauftragter Reichswirtschaftsminister H. Schacht über Aussenhandelsfragen. Ausführungen... [Berlin] 1934. 34 S.
Wellington, Koo. The open door policy and world peace. London ... 1939. 24 p. (The eleventh Richard Cobden lecture).

г) Мемуары, дневники, переписка

Davies, J. E. Mission to Moscow. A record of confidential dispatches to the State Department, official and personal correspondence, current diary and journal entries, including notes and comment up to October 1941. New York 1941. XXII, 662 p.
Dawes, Ch. G. Journal as ambassador to Great Britain... Foreword by H. Hoover. New York 1939. IX, 442 p.
Dodd, W. E. Ambassador Dodd's diary, 1933—1938; ed. by W. E. Dodd and M. Dodd; with an introd. by Ch. A. Beard. New York 1941. XVI, 464 p.
Henderson, N. M. Failure of a mission, Berlin 1937—1939. New York — London 1940. XI, 334 p.
Shirer, W. L. Berlin diary. The journal of a foreign correspondent, 1934—1941. New York 1941. VI, 605, XXI p.

д) Исторические исследования и публицистические обзоры

Борисов, А. Японо-германское соглашение (Очаг войны на Востоке). М. 1937. 103 стр.
Борьба за северо-восточную Африку. [Статьи]. Материалы и карты. М. 1936. 88 стр.
Бошкович, Б. Балканы и международный империализм. М. 1936. 151 стр.
Бошкович, Б. Перед новым взрывом на Балканах. М. 1934. 103 стр. (Итало-югославские противоречия).
Варга, Е. Португалия и фашистская интервенция в Испании. [М.] 1937. 32 стр.
Вооружения капиталистических стран. Под ред. Е. Варга. М. 1938. 239 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).
Гельбрас, П. Внешняя и внутренняя политика Франции. (М.) 1939. 176 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).
Дашевский, Г. Фашистская пятая колонна в Испании. М. 1938. 112 стр.

(Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Иванов, Л. Н. Морское соперничество империалистических держав. М.—Л. 1936. 292 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Иванов, Л. Н. Крах конференции по разоружению. (С прил. важнейших документов конференции по разоружению). Харьков 1934. 457, [6] стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии).

К событиям в Чехословакии [Статьи из газет «Правда», «Известия» и журнала «Пропагандист»]. Сталинград 1938. 64 стр.

Коган, А. Национально-освободительная война героического китайского народа. М. 1939. 144 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Лемин, И. Блок агрессоров. [М.] 1938. 96 стр.

Лемин, И. Пропаганда войны в Японии и Германии. М. 1934. 171 стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии).

Лисовский, П. Абиссинская авантюра итальянского фашизма. М.—Л. 1936. 224 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Оккупация Манчжурии и борьба империалистов. Сборник статей [и документов]. М. 1932. 168 стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии. Колониальный сектор Н. И. И. по Китаю).

Оккупация Манчжурии и борьба китайского народа. Под ред. Г. Войтинского. М. 1937. 148 стр. (Академия наук СССР. Институт мирового хозяйства и мировой политики).

Сегалл, Я. Авантюристская политика и идеология германского фашизма. М. 1939. 200 стр.

Терентьев, Н. Очаг войны на Дальнем Востоке. М. 1934. 256 стр.

Трайнин, И. П. Механизм немецко-фашистской диктатуры. Ташкент 1942. 231 стр. (Институт права Академии наук СССР).

Хорватский, В. Пан-Европа и Дунайская федерация. М. 1933. 226 стр.

Ян Чжу-Лай. Японские империалисты в Шанхае. М. 1932. 80 стр. (Институт мирового хозяйства и мировой политики Комакадемии. Колониальный сектор).

Ahlers, J. Japan closing the «open door» in China... Prepared under the auspices of the Council of international affairs. Chungking—Shanghai 1940. VIII, 140 p. (Political and economic studies № 8).

Amery, L. S. The german colonial claim. London—Edinburgh 1939, 199 p.

The background and issues of the war. By H. A. L. Fisher, A. D. Lindsay, G. Murray [and oth.]. Oxford 1940. VI, 141 p.

Bastin, J. L'affaire d'Ethiopie et les diplomates (1934—1937). Bruxelles — Paris 1938. 419 p.

Beer, M. Die auswärtige Politik des dritten Reiches. 3. Aufl. Zürich 1935. 171 S.

Bernhard, G. Die deutsche Tragödie. Der Selbstmord einer Republik. Prag 1933. 342 S.

Bertram, J. Nord China front... London 1939. XVI, 514 p.
Bisson, T. A. American policy in the Far East, 1931—1940. New York 1940. XII, 162 p. (Institute of pacific relations).
Bisson, T. A. Japan in China... New York 1938. 417 p.
Blum, L. Les problèmes de la paix. Paris 1931. 213 p.
Bonnel, A. Th. German control over international economic relations, 1930—1940. Urbana (Illinois) 1940. 167 p. (Illinois studies in social sciences, vol. 26).
Bony, R. Le désarmement naval. La conférence de Londres. Paris 1930. 284 p.
Britain in depression. A record of British industries since 1929. Prepared by a Research committee of the economic science and statistic section of the British association. London 1935. VIII, 473 p.
Bromley, J. and *Coates W. P.* The Ottawa conference and Anglo-Soviet trade... With a pref. by G. Lansbury. London 1932. 47 p.
Buckley, H. Life and death of the Spanish republic... London 1940. 431 p.
Buk, P. La tragédie tchécoslovaque de septembre 1938 à mars 1939. Paris 1939. 207 p.
Cameron, E. R. Prologue to appeasement. Washington 1942. 228 p.
Chandan, K. S. Les nouveaux Balkans. Le pacte balkanique. Le rapprochement Bulgaro-Yugoslave et le roi Boris III. Paris 1934. 270 p.
Chaput, R. A. Disarmament in British foreign policy... London [1935]. 432 p.
Cockburn, C. Britain's Cliveden set. «Current History». 1938. February, p. 31—34. (Перевод: *Кокборн, К.* «Клайвденские круги» Британии. Неофициальная, но мощная германофильская группа образует второе британское министерство иностранных дел. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1938. № 3, стр. 85—91).
Chamberlain, W. H. Japan over Asia. Boston 1937. XII, 395 p. (Atlantic monthly press book).
Churchill, W. S. While England slept. A survey of world affairs, 1932—1938... With a pref. and notes by R. S. Churchill. New York 1938. XII. 404 p.
La Conférence monétaire et économique (Londres, 1933). Exposé des travaux préliminaires, suivi d'un exposé sommaire des principaux travaux antérieurs de l'organisation économique et financière de la Société des Nations. Genève 1933. 105 p. (Société des Nations. Secrétariat).
Coudenhove-Kalergi, R. N. Crusade for Pan-Europe. New York 1943. 318 p.
Coulon, P. La conférence du désarmement. Paris 1934. 238 p.
Dantzig et quelques aspects du problème germano-polonais par H. Strasburger, C. Smogorzewski [etc]. Paris [1932]. VI, 315 p. (Publications de la Conciliation internationale. Bulletins № 1—5 1932).
Dendias, M. L'organisation du Proche-Orient et le mouvement de rapprochement balkanique... Préf. de H. de Jouvenel. Paris 1935. 182 p.
Devoghel, E. La question romaine sous Pie XI et Mussolini... [Paris 1929]. IV, 339 p.
Dutch, O. [Pseud.] Hitler's 12 apostles. New York 1940. 549 p.
Erckner, S. L'Allemagne, champs de manoeuvre. Le fascisme et la guerre. Présenté par P. Langevin, L. Lévy-Bruhl et M. Prenant. Adapté de

l'allemand par L. Limon. Paris. X, 219 p. (Institut pour l'étude du fascisme (INFA)).

Erckner, S. Die grosse Lüge. Hitlers Verschwörung gegen den Frieden. Paris 1936. 250 S.

Etherton, P. T. and *Tillman, H. H.* Japan: mistress of the Pacific? London 1934. 302 p.

Falcon, C. Madrid. Chronique. Trad. de l'espagnol par G. Benichou. Paris 1939. 358 p.

Fleisher, W. Our enemy Japan. Garden City—New York 1943. IX, 236 p.

Franco's rule. [Back to the middle ages]. A survey. London 1936. XIII, 264 p.

Friedman, I. S. British relations with China. 1931—1939... New York 1940. XIX, 255 p. (Institute of Pacific relations. Inquiry series).

Gannes, H. and *Repard, Th.* Spain in revolt. 2d ed. revised. New York 1937. XII, 235 p.

Garmer, J. P. La tragédie de Dantzig. Paris 1935. 276 p.

Germany's colonial demands... With a concluding chapter by V. Harlow. London 1939. XII, 272 p.

Goiffon, P. Les clauses coloniales dans les accords franco-italiens du 7 janvier 1935. Lyon 1936. 210 p.

Heiden, K. Geschichte des Nationalsocialismus. Die Karriere einer Idee. Berlin 1933. 304 S. (Перевод: *Гейден, К.* История германского фашизма. Перев. с немецкого Ф. Капелюша и А. Риша. С предисл. И. Дворкина. М.—Л. 1935. XXXVI, 394 стр.).

Heiden, K. One man against Europe. New York 1939. 279 p.

Henri, E. Hitler over Europe?.. Transl. M. Davidson. London [1934]. VIII, 307 p. (Перевод: Гитлер над Европой. Перев. с англ. Л. Борового. М. 1935. 228 стр.).

Hearnshaw, F. J. C. Prelude to 1937. Being a sketch of the critical years A. D. 1931—1936... London 1937. IX, 180 p.

Highley, A. The first sanctions experiment (A study of League procedures)... [Geneva 1938]. 141 p. (Geneva studies. Vol. 9. № 4, 1938).

Information and opinion concerning the Japanese invasion of Manchuria and Shanghai from sources other than chinese. Ed. by K. N. Lei. Shanghai 1932. XI, 445 p.

Johnstone, W. C. The United States and Japan's new order... Rev. ed. London [1941]. XII, 403 p.

Kerner, R. J. and *Howard, H. N.* The Balkan conferences and the Balkan Entente, 1930—1935. Berkeley 1936. 271 p.

King, W. V. K. Wellington Koo's foreign policy. Shanghai 1931. 141 p.

Klotz, H. Germany's secret armaments. Tr. by H. J. Stenning. London 1934. 190 p. (Об этой книге см.: *Иванов, Л.* Г. Клотц. Тайные вооружения Германии. «Мировое хозяйство и мировая политика». 1935. № 6, стр. 144—147).

Koeves, T. Satan in top hat. The biography of Franz von Papen... New York 1941. X, 359 p.

Lapradelle, A. G. Le conflict italo-éthiopien... Paris 1936. 672 p.

Lippman, W. The United States in world affairs. An account of American foreign relations 1932. New York—London 1933. XVI, 355 p.

Loosli-Usteri, C. Geschichte der Konferenz für die Herabsetzung und die Begrenzung der Rüstungen 1932—1934. Ein politischer Weltspiegel. Zürich 1940. XXII, 867 S.

Lüdecke, K. G. W. I knew Hitler. The story of a nazi who escaped the blood purge. New York 1938. XIV, 814 p.

Machray, R. The struggle for the Danube and the Little Entente 1929—1938... London 1938. 344 p.

Martelli, G. Italy against the world. The first complete and impartial account of Italy's repudiation of the League and her conquest of Abyssinia by an English author writing with an intimate knowledge of the facts. London 1937. XII, 316 p.

Maupas, J. La Sarre et son rattachement à l'Allemagne. Paris 1936. 293 p.

Monchicourt, Ch. Les italiens et l'accord Laval—Mussolini de 1935. Paris 1938. 233 p.

Montesquieu-Fezensac, P. Rapports de la papauté avec le royaume d'Italie depuis 1870. Le traité de Latran (11 février, 1929). Paris 1936. 151 p.

Morrow, I. F. D. The peace settlement in the German-Polish border-lands. A study of conditions to-day in the pre-war Prussian provinces of East and West-Prussia. London 1936. XIV, 558 p.

Myers, W. S. The foreign policies of Herbert Hoover, 1929—1933. New York 1940. 259 p.

The Nazi conspiracy in Spain. By the editor of the Brown book of the Hitler terror. Transl. from the German manuscript by E. Burns. London 1937. 256 p.

Nicolson, H. [and oth]. Germany and the Rhineland. A record of the proceeding of the three meetings held at Chatam house on March 18th, March 25th and April 2nd, 1936... Together with observations by A. V. Alexander and oth. London 1936. 72 p. (Special suppl. to «International affairs»).

Nurenberg contre l'Allemagne. Un congrès contre la liberté et la paix. Paris 1936. 159 p.

O'Conroy, T. The menace of Japan. 3d impr. ed. London [1933]. 294 p. (Перевод: *О'Конрой, К.* Японская угроза. Перев. с англ. М. 1942. 160 стр.).

Padelford, N. J. International law and diplomacy in the Spanish civil strife... New York 1939. XXVII. 710 p. (Bureau of international research. Harvard university and Radcliffe college).

Padelford, N. J. Peace to the Balkans. New York 1935. 218 p.

Pas de blocus contre l'Espagne républicaine! Déclarations de J. Duclos, J. Zyromski, E. Hénaff, G. Branting à leur retour d'Espagne devant la conférence de la presse, le 16 septembre 1936. Paris 1936. 47 p.

Passe, G. Le plébiscite de la Sarre. Paris 1935. 275 p.

Pertinax. Le partage de Rome [11-me éd.] Paris [1929]. 310 p.

Pickens, R. S. Storm clouds over Asia. Our growing Pacific problem. New York—London 1934. X, 251 p.

Rauschning, H. The voice of destruction [Hitler speaks]. New York [1940]. VIII, 295 p.
Reynolds, B. T. The Saar and the Franco-German problem. London 1934. 279 p.
Ridley, F. A. Mussolini over Africa. London 1935. VIII, 144 p.
Ridley, F. A. Next year's war? A study of rival imperialisms... London 1936. 214 p.
Rousseau, Ch. Le conflict italo-éthiopien devant le droit international. Préf. de G. Scelle. Paris 1938. XI, 280 p.
The Saar problem. Issued by the Information department. Royal institute of international affairs. [London] 1934. 40 p. (Information department papers. № 11, 14).
— Suppl.: The Saar plebiscite. 1935.
The Saar plebiscite. Geneva 1935. 41 p. (League of Nations questions. 4).
Schuman, F. L. Europe on the eve. The crisis of diplomacy, 1933—1939. New York—London 1939. XV, 573, XIII p.
Simone, A. [Pseud.] J'accuse! The men who betrayed France. Introduction by C. Beals. New York 1940. 354 p. (Перевод: *Симон, А.* Я обвиняю! Правда о тех, кто предал Францию. Магадан. 1943. 143 стр.).
Spielhagen, F. Spione und Verschwörer in Spanien. Nach offiziellen nationalsozialistischen Dokumenten. Paris 1936. 176 S. (Перевод: *Шпильгаген, Ф.* Шпионы и заговорщики в Испании. По официальным национал-социалистским документам. Перев. с немец. И. Украинского. М. 1937. 174 стр.).
Stimson, H. L. The Far Eastern crisis. Recollections and observations... New York—London [1936]. XII, 293 p. (Перевод: *Стимсон, Г. Л.* Дальневосточный кризис. Воспоминания и наблюдения. Перев. с англ. Предисл. К. Багрецо. М. 1938. XVI, 196 стр.).
Studnicki, W. System polityczny Europy a Polska. Warszawa 1935, 323 p.
Suche, J. Der Meerengenvertrag von Montreux vom 20. Juli 1936 und seine Vorgeschichte (seit 1918)... München—Leipzig 1936. 73 S. (Neue Reihe staatswissenschaftlicher Arbeiter. H. 4).
Tullié, A. R. La Mandchurie et le conflict Sino-Japonais devant la Société des Nations. Paris [1935]. 379 p.
The United States in world affairs. An account of American foreign relations, 1932—1939. By W. H. Shepardson, in collaboration with W. O. Scroggs. New York—London 1933—1939 (Council on foreign relations).
«*Vigilantes*», pseud. Why we are losing the peace; the national government's foreign policy; its causes, consequences and cure. London 1939. 192 p.
Warsamy, G. D. La convention des détroits. Paris 1937. 158 p.
Werth, A. France and Munich before and after the surrender. New York—London 1939. 447 p.
Wheeler-Bennet, J. W. The pipe dream of peace. The story of the collapse of disarmament. New York 1935. XVI, 302 p.
Willoughby, W. W. Japan's case examined, with supplementary chapters on the Far Eastern policies of the United States, and the significance to the world of the conflict in the Far East. New York 1940. X, 237 p.

Willoughby, W. W. The Sino-Japanese controversy and the League of Nations. Baltimore 1935. 733 p.

Wirsing, G. Deutschland in der Weltpolitik. Jena 1933. 204 S.

Wou, P. La vérité sur la Mandchurie. Préf. de M. C. Rousseau. Paris 1936. X, 291 p.

V. ВАЖНЕЙШИЕ ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ, ДАЮЩИЕ МАТЕРИАЛ ПО МЕЖДУНАРОДНЫМ ОТНОШЕНИЯМ И МЕЖДУНАРОДНОМУ ПРАВУ

а) Газеты[1]

СССР

«Правда». Орган Центрального Комитета и МК ВКП(б). Спб. — Москва. 1912—.

«Известия Советов депутатов трудящихся СССР». М. 1917—.

«Труд». Орган Всесоюзного Центрального совета профессиональных союзов. М. 1921—.

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

«Times». London 1785. Влиятельнейший орган великобританской прессы. Умеренно консервативный. Часто служит выразителем взглядов Министерства иностранных дел.

«Manchester Guardian». Manchester 1821. Крупнейший орган либеральной партии.

«News Chronicle». London 1846. Орган либеральной партии. До 1929 г. включительно называлась *«Daily News»*. К этой газете были присоединены: *«Daily Chronicle»* (основ. в 1855 г.), *«Morning Leader»* (основ. в 1892 г.) и *«Westminster Gazette»* (основ. в 1893 г.).

«Daily Telegraph and Morning Post». London 1855. Консервативная газета. До IX 1937 г. выходила под названием *«Daily Telegraph»*; после слияния с газ. *«Morning Post»* (основ. в 1772 г.) получила вышеприведённое название.

«Daily Herald». London 1912. Орган лейбористской партии.

«Daily Worker». London 1930. Орган коммунистической партии Великобритании.

США

«New York Herald Tribune». New York 1841. Примыкает к республиканской партии. Под таким названием выходит с 1924 г.; до этого времени называлась *«New York Tribune»*; в 1924 г. слилась с газетой *«New York Herald»* (основ. в 1835 г.) и получила указанное выше название.

«New York Times». New York 1851. Примыкает к демократической партии.

---

[1] Указанные в описаниях журналов и газет годы обозначают время основания журнала или газеты.

ФРАНЦИЯ

«Le Temps». Paris 1861. Влиятельный орган консервативных кругов и Комите де Форж, часто выражавший взгляды Министерства иностранных дел.

«Journal officiel de la République Française». Paris 1869. Официальный правительственный орган.

«L'Humanité». Paris 1904. Центральный орган Коммунистической партии Франции.

«L'Oeuvre». Paris 1904. Орган радикал-социалистов.

«L'Ère Nouvelle». Paris 1917. Влиятельная радикальная газета.

«Le Populaire». Paris 1918. Орган социалистической партии Франции.

БЕЛЬГИЯ

«Indépendance Belge». Bruxelles 1829. Умеренно-либеральный орган, хорошо осведомлённый в вопросах международной политики.

ШВЕЙЦАРИЯ

«Neue Zürcher Zeitung». Zürich 1779. Ведущий либерально-демократический орган, имеющий большое распространение за пределами Швейцарии.

«Journal de Genève». Genève 1826. Официоз Лиги наций.

Примечание. Характеристика направлений всех указанных ниже газет Германии и Италии дана до насильственной «унификации» их фашистской властью.

ГЕРМАНИЯ

«Vossische Zeitung». Berlin 1704. Демократическая газета.

«Kölnische Zeitung». Köln 1802. Влиятельный орган национал-либералов.

«Frankfurter Zeitung». Frankfurt a. M. 1856—1943. Влиятельная демократическая газета, связанная с химическим концерном Farbenindustrie.

«Berliner Tageblatt». Berlin 1871. Влиятельный орган партии свободомыслящих.

«Vorwärts». Berlin 1884—1933. Центральный орган германской социал-демократической партии.

«Völkischer Beobachter». München 1886. Центральный орган национал-социалистской партии.

«Die Rote Fahne». Berlin 1918—1933. Центральный орган Коммунистической партии Германии.

ИТАЛИЯ

«Il Corriere della Sera». Milano 1883. Умеренно-либеральная газета.

«Il Giornale d'Italia». Roma 1901. Умеренно-либеральная газета.

«Il Popolo d'Italia». Milano 1913. Центральный орган фашистской партии Италии.

АВСТРИЯ

«Neue Freie Presse». Wien 1864. Влиятельная либеральная газета.

ВАТИКАН

«*L'Osservatore Romano*». Città del Vaticano 1861. Официальный орган Ватикана.

б) Журналы

СССР

«*Вестник Народного комиссариата иностранных дел*». М. 1919—1920. [Ежемес.]

«*Бюллетень Народного комиссариата иностранных дел*». М. 1920—1922. [Еженед.]

«*Международная жизнь*». Журнал Народного комиссариата по иностранным делам. М. 1922—1930. [Ежемес.]

«*Красный архив*». Исторический журнал Главного архивного управления НКВД СССР. М. 1922—1941. [Двухмес.]

«*Большевик*». Теоретический и политический журнал ЦК ВКП(б). М. 1924—. [Двухнед.]

«*Историк-марксист*» (Институт истории Академии наук СССР). М. 1926—1941. [Ежемес.] Со второй половины 1941 г. слился с «Историческим журналом».

«*Мировое хозяйство и мировая политика*» (Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР). М. 1926—. [Ежемес.]

«*Исторический журнал*» (Институт истории Академии наук СССР). М. 1933—1945. [Ежемес.]

«*Тихий океан. Политико-социально-экономический журнал*». (Институт мирового хозяйства и мировой политики Академии наук СССР). М. 1934—1938. [Покварт.]

ВЕЛИКОБРИТАНИЯ

«*Observer*». London 1791. [Weekly].

«*Economist*». London 1843. [Weekly].

«*Saturday Review*». London 1855—1938. [Weekly].

«*Fortnightly*». London 1865. Первоначальное название — «*Fortnightly Review*».

«*Contemporary Review*». London 1866. [Monthly].

«*Nineteenth Century and after*». London 1877. [Monthly].

«*National review*». London 1883. [Monthly].

«*English review*». London 1908—1937. [Monthly]. В 1938 г. влился в «*National review*».

«*Round table*». London 1910. [Quarterly].

«*Near East and India*». London 1911—1935. [Weekly].

«*New statesman and Nation*». London 1913. [Weekly]. По 1931 г. носил название «*New statesman*».

«*Bulletin of international news*». London 1924. [Fortnightly].

«*International affairs*» (Royal Inst. of international affairs). London 1927. [Bimonthly].

«*Political quarterly*». London 1930.

США

«World affairs». Washington 1837. [Quarterly].
«Nation». New York 1865. [Weekly].
«Political Science quarterly». Ed. by the Academy of political science of Columbia University. New York 1886.
«American journal of international law». Washington 1907. [Quarterly].
«New masses». New York 1911. [Weekly].
«Current History...» New York 1914. [Monthly].
«New Republic». New York 1914. [Weekly].
«Foreign policy bulletin». Publ. by the Foreign Policy Association. New York 1921. [Weekly].
«Foreign affairs». New York 1922. [Quarterly].
«Pacific affairs». Publ. by the Institute of Pacific relations. New York 1926. [Quarterly].
«Foreign policy reports». Publ. by the Foreign Policy Association. New York 1926. [Fortnightly].
«Chronicle of world affairs». New York 1928. [Monthly].
«Journal of modern history». Chicago 1929. [Quarterly].

ФРАНЦИЯ

«Revue des deux mondes». Paris 1829. [Bimensuelle].
«Revue bleue». Paris 1863. [Bimensuelle].
«Journal du droit international». Paris 1874. [Bimensuelle].
«Nouvelle revue». Paris 1879. [Bimensuelle].
«Revue d'histoire diplomatique», publ. par la Société d'Histoire diplomatique. Paris 1887. [Trimestrielle].
«Revue mondiale». Paris 1890. [Bimensuelle].
«Revue de Paris». Paris 1894. [Bimensuelle].
«Revue générale du droit international public». Paris 1894. [Bimensuelle].
«Revue politique et parlementaire». Paris 1894. [Mensuelle].
«Revue critique du droit international». Paris 1905. [Trimestrielle].
«Correspondance d'Orient». Questions méditerranéennes. Paris 1908. [Mensuelle].
«Europe nouvelle». Revue des questions extérieures... Paris 1918. [Hebdomadaire]. Supplément bimensuel: *«Europe nouvelle documentaire».*
«Revue de France». Paris 1921. [Bimensuelle].
«Revue d'histoire moderne», publ. par la Société d'histoire moderne. Paris 1926. [5 fois par an].
«Affaires étrangères». Revue mensuelle de documentation internationale et diplomatique. Paris 1931.
«Chronologie politique internationale». Paris 1936. [Mensuelle].

НИДЕРЛАНДЫ

«Institut juridique international. Bulletin». La Haye 1919. [Trimestriel].

ГРЕЦИЯ

«Balcans. Revue trimestrielle». (Conférence balcanique). Athènes 1930.

ГЕРМАНИЯ

«Neue Zeit». Wochenschrift der deutschen Sozialdemokratie. Stuttgart 1882—1933.

«Sozialistische Monatshefte». Berlin 1897—1932. [Monatlich].

«Zeitschrift für Politik». Berlin 1907—1931. [Monatlich].

«Weltwirtschaftliches Archiv». Zeitschrift des Instituts für Weltwirtschaft und Seeverkehr der Universität Kiel. 1913. [Dreimonatlich].

«Vierteljahrschrift für Politik und Geschichte». Berlin 1917. До 1929 г. выходил под названием «Archiv für Politik und Geschichte».

«Europäische Gespräche». Hamburger Monatshefte f. auswärtige Politik. Berlin 1922—1933.

«Berliner Monatshefte». Zeitschrift für die neueste Geschichte. Berlin 1923. [Monatlich].

С 1923 г. по 1929 г. выходил под названием: «Kriegschuldfrage, Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung»; с 1929 г. по 1933 г. журнал выходил без первоначального заголовка, а с 1934 г. по 1937 г. под названием: «Berliner Monatshefte. Zeitschrift zur Vorgeschichte des Weltkrieges». Журнал был первоначально посвящён вопросам ответственности за первую мировую войну; впоследствии расширил свою тематику и занимался вопросами международной политики. Публиковал большой документальный материал; однако подбор его весьма тенденциозен, а в текст документов часто вносятся разного рода искажения.

«Europäische Revue». Berlin — Stuttgart 1925. [Monatlich].

«Deutsche diplomatisch-politische Korrespondenz». Berlin 1926. [Zweimalmonatlich].

«Diplomaten-Zeitung». Berlin 1927. [Dreimonatlich].

«Monatshefte für Auswärtige Politik». [Deutsches Institut für Aussenpolitische Forschung]. Essen 1934. [Monatlich].

ИТАЛИЯ

«Politica». Roma 1918.

«Rassegna di politica internazionale». [Istituto per gli studi di politica internationale]. Milano 1934. [Mensile].

«Storia e politica internazionale». Rassegna trimestrale. Milano 1939.

VI. БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ. СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ.

а) Внешние сношения

Annotated bibliography on disarmament and military questions, prepared by the Library of League of Nations. Geneva 1931. 163 p.

Annual register; a review of public events at home and abroad... New series. London — New York 1920. [...for the years 1919 —.]

Bibliographische Vierteljahrshefte der Weltkriegsbücherei. Stuttgart. Hft. 5. Bibliographie zur Geschichte Nachfolgestaaten. 2. erg. Aufl., 1935. 99 S. Hft. 10. Bibliographie zur Geschichte des Britischen Reiches in der Nachkriegszeit. 2. erg. Aufl., 1937. 73 S. Hft. 16. Bibliographie zur Geschichte Frankreichs in der Nachkriegszeit. 1938. 79 S. Hft. 19. Bibliographie zur Geschichte Italiens in der Nachkriegszeit. 2. erg. Aufl., 1939. 72 S. Hft. 23/24/25. Bibliographie zur neusten Geschichte der Vereinigten Staaten. 1940.

Catalogue of printed books in the library of the Foreign office. London 1926. 1587 p.

Langer, W. L. and *Armstrong, H. F.* Foreign affairs bibliography. A selected and annotated list of books on international relations. 1919—1932. New York — London 1933. XVII, 551 p. Продолжением служит библиографический отдел журнала: *«Foreign Affairs»*, см. выше.

List of the serial publications of foreign Governments 1815—1931. Ed. by W. Gregory. New York 1932. [8], 720 p.

Meyer, J. Official publications of European Governments. Paris 1929.

Smogorzewski, C. Abrégé d'une bibliographie relative aux relations germano-polonaises. Paris 1933. 144 p. (Problèmes politiques de la Pologne contemporaine, III (Supplément)).

Strupp, K. Bibliographie du droit des gens et des relations internationales. Lead (Hollande) 1938. XVIII, 521 p.

Sveistrup, H. Die Schuldenlast des Weltkrieges. Quellen- und Literatur-Nachweis zu den Interallierten Kriegschulden, den Reparationen und den Dawes-Plan. 1918—1928. Berlin 1929. X, 277 S.

Sveistrup, H. Bündnis-Schulden und Kriegs-Tribute. Vom Dawesplan zum Youngsplan und Neuen Plan 1928—1930. Literaturnachweis. Berlin 1931. 111 S.

Reismüller, G. und *Hofmann, J.* Zehn Jahre Rheinlandbesetzung. Beschreibendes Verzeichnis des Schrifttums über die Westfragen mit Einschluss des Saargebietes und Eupen-Malmedys. Die selbständig erschienenen Schriften. Breslau 1929. XII, 371 S.

ПАРИЖСКАЯ МИРНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ

Almond, N. and *Lutz, R. H.* An introduction to a bibliography of the Paris Peace Conference. Collections of sources, archive publications and source books. London... 1935. 32 p. (Hoover war library bibliographical series. II).

Rothbarth, M. Bibliographie zum Vertrag von Versailles. Mannheim—Berlin 1925. 36 S. (Vorabdruck aus dem Archiv der Friedensverträge. Bd 2).

ЛИГА НАЦИЙ

Breycha-Vauthier, A. C. La Société des Nations. Centre d'études et source d'informations. Ce que contiennent ses publications. Introduction par T. P. Sevensma. Préf. de J. Avenol. [Éd. française rev. et augm.]. Paris 1937. 104 p.

Carroll, M. J., Key to League of Nations documents placed on public sale 1920—1929. Boston 1930. 340 p. *Supplement* 1—4. 1931—1938.

Publications issued by the League of Nations (Catalogue of publications 1920—1935). Geneva 1935. 213 p. *Supplement* 1—3, 1937—1939.

б) Восток. Колонии. Мандатные территории

Скачков, П. Е. Библиография Китая. Систематический указатель книг и журнальных статей о Китае. На русск. яз., 1730—1930. М.—Л. 1932. XXIII, 843 стр.

Blanquis, Ph. J. Elements d'une bibliographie française de l'après-guerre pour les états sous mandat du Proche-Orient. Beirut 1934. 208 p.

Bibliographia dell'Impero fascista (Colonie e possedimenti). Opere possedute dalla Bibliotheca della Camera fascista. Roma 1937. VIII, 200 p.

Bibliographie d'histoire coloniale (1900—1930), publiée par A. Martineau, Roussier, Tramond. Paris 1932. XVI, 607 p. (Premier Congrès International d'histoire coloniale. Paris 1931).

Haskell, D. C. Ethiopia and the Italo-Ethiopian conflict 1928—1936. A selected list of references. New York 1936. 13 p.

Kerner, R. Northeastern Asia. A selected bibliography. Contributions to the bibliography of the relations of China, Russia and Japan with special reference to Korea, Manchuria, Mongolia and Eastern Siberia in oriental and european languages. Vol. 1—2. Berkeley, Cal. 1930.

List of Works relating to the Mandates system and the territories under mandate, catalogued in the Library of the League of Nations. Geneva 1930. 106 p. *First supplement.* Geneva 1934. 56 p.

List of references on Ethiopia (Abyssinia)... [Washington] 1935, 26 p. [U. S. Library of Congress].

Nachod, O. Bibliographie von Japan. Bd 1—4. Leipzig 1928—1935.

A post war bibliography of the Near Eastern mandates. A preliminary survey of publications on the social sciences. Dealing with Iraq, Palestine and Trans-Jordan and the Syrian States from... 1918 to... 1929 English fasc. Ed. by B. A. Faris. Gen. ed. S. C. Dodd. Beirut, Syria 1932. 248 p. [Publ. of the American university of Beirut. Soc. science, series № 1].

Praesent, H. and *Haenisch, W.* Bibliographie von Japan... Bd 5—6. des von O. Nachod begonnenen Gesamtwerkes. Leipzig 1937—1940.

Savadjian, L. Bibliographie balcanique. Vol. I. Paris 1931.

Select bibliography of recent publications in the Library of the Royal Colonial institute illustrating the relations between europeans and colored races. Comp. by E. Lewin. [London] 1926. 62 p. *Addenda* to bibliography of relations with colored races up to february 28, 1927 [1927].

Subject catalogue of the library of Royal Empire Society... Comp. by E. Lewin. Vol. 1—5. London 1930—1937.

Varley, D. H. A bibliography of Italian colonisation in Africa with a section on Abyssinia. London 1936. 92 p. (Royal Empire Society and Royal Institute of International affairs).

Wilson, A. T. A bibliography of Persia. Oxford 1930. X. 253 p.

Сверх того см.:

Библиографический ежегодник: «*International bibliography of historical sciences*». Ed. by the International committee of historical sciences. Paris, Roma ...1930—. [for the years 1926—1934, 1937—.]

Томы за 1935 и 1936 гг. не включают литературу по истории послевоенного периода.

Библиографический журнал «*Bulletin bibliographique de documentation internationale contemporaine*». Paris 1926—. [Mensuel] и критико-библиографические отделы указанных выше журналов.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЁН

Составила Л. А. Телешева

РЕДАКТОРЫ:

Д. В. ЮДИЦКИЙ и С. М. МАЙОРОВ

Подписано к печати 14 декабря 1945 г.
Объём 56 печ. л. Тираж 500 000 экз. М. 06062. Заказ № 344.

2-я типография «Печатный Двор» им. А. М. Горького треста «Полиграфкнига» ОГИЗа при СНК РСФСР. Ленинград, Гатчинская, 26.

[illegible]

Цена 15 р.